

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929199 1

Cellar

13E7

*QCA

INDEXED

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἔροι δὲ τὴν ἀσχυρὸν, τοῖς ἀτίρως μὴ δύνασθαι περὶ
ἑμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνώσασθαι μήτε ποιῆσαι; Ὁρῶ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλειπμένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. IV, 8, 9.

=

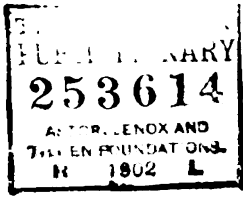
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ТРЕТІЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6 февраля 1849.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

Исправл. Должн. ценсора В. Дашгера.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I.

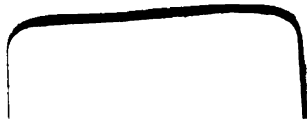
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Люди стравствующіе, люди страждущіе. Повѣсть вторая. <i>М. Ковалевскаго.</i>	1	L
Маіорша. <i>Е. Горева.</i>	62	L
Саровская пустынь.	93	
Воспоминанія Фаддея Булгарина. Часть шестая.	141	
Наука наживать деньги. Отрывокъ. <i>Н. Полеваго.</i>	197	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Гарольдъ, послѣдній саксонскій король въ Англіи. Эдуарда Бульвера. (1847). Книга седьмая и осьмая.	1	L
То же. Книга седьмая и осьмая.	146	L

Cellar

13E7

*QCA

INDEXED

*QJA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐποὶ δὲ τί ἀσχερον, τοῦς ἐτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἑμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνῖναι μήτε ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὅμοιαν καταλιπομένην των
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

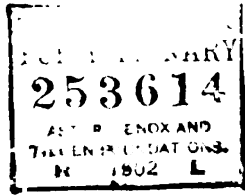
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ТРЕТІЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙД.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6 февраля 1849.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

Исправл. Лоджм. цензора В. Дангеръ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Люди страждующіе, люди страдающіе. Повѣсть вторая. <i>М. Ковалевскаго</i>	1	✓
Маюрша. <i>Е. Горва</i>	62	✓
Саровская пустынь.	93	
Воспоминанія Фаддея Булгарина. Часть шестая.	141	
Наука наживать деньги. Отрывокъ. <i>Н. Полеваго</i>	197	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Гарольдъ, послѣдній саксонскій король въ Англіи. Эдуарда Бульвера. (1847). Книга седьмая и осьмая.	1	✓
То же. Книга седьмая и осьмая.	146	✓

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Жизнь Николая Михайловича Карамзина. Статья вторая. <i>А.</i>	
<i>В. Старчевскаго.</i>	1
Музыкальныя воспомнанія. <i>Б. Дамке.</i>	67
Желѣзныя дороги въ Европѣ и въ Америкѣ въ 1848 году.	88
✓ Жизнь Николая Михайловича Карамзина. Статья третья <i>А.</i>	145
<i>В. Старчевскаго.</i>	103
Скульптура и живопись древнихъ Грековъ	
Записки о Россіи. Статья первая.	197

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ✓

Огородничество Восточной Сибири. <i>Н. Щукина</i>	1
Потребленіе кофе. <i>Г. Н—а.</i>	15
Статистическія изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ. Статья четвертая. <i>Г. Н—а.</i>	49

V.

КРИТИКА.

Новыя стихотворенія <i>В. А. Жуковскаго.</i> Санктпетербургъ, 1849. Два тома. Статья первая. <i>О. И. Сенковскаго.</i>	1
То же. Статья вторая.	57

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Январь, 1849. Новыя книги.	1
— — Разныя извѣстія.	22

Февраль, 1849. Новыя книги. <i>печать!</i>	III 23
— — Разныя извѣстія.	36

VII.

С М Ъ С Ъ.

Я Н В А Р Ъ.

Газеты новаго роду въ западныхъ штатахъ Сѣверной Аме рики.	1
Паровая ѣзда по обыкновеннымъ шоссейнымъ дорогамъ .	1
Китайскій тарифъ духовныхъ заслугъ и прегрѣшеній. . .	2
Бирюзовыя копи въ Персіи. Переправа черезъ Араксъ. Хо- лера при дворѣ персидскаго шаха.	7
Литературныя новости въ Парижѣ. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть третья	12
Музыкальныя извѣстія.	70
Новыя русскія книги.	72
Французскія книги.	78
Новыя музыкальныя сочиненія.	80
Моды.	83

Ф Е В Р А Л Ъ.

Американскіе золотискатели. Воспоминанія Испанца изъ путешествія въ Калифорнію, 1848.	85
Охота за львами въ Абиссиніи.	100
Приключенія вистеръ Джона Коутера, доктора медицины и страстнаго охотника въ Западной Америкѣ и на остро- вахъ Тихаго Океана.	104
Литературныя новости въ Парижѣ. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть четвертая.	124

Музыкальныя новости.	163
Новыя русскія книги.	174
Французскія книги. <i>not used</i>	176
Новыя музыкальныя сочиненія.	179
Моды.	181

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

Л Ю Д И

СТРАНСТВУЮЩЕ, ЛЮДИ СТРАЖДУЩЕ.

=

ПОВѢСТЬ II *.

=

I.

По столбовой дорогѣ, съ далекаго восточнаго края Россіи, тащались какія то полуразвалившіеся пошивны съ рогожаннымъ

* Первая повѣсть была помѣщена въ январской книжкѣ 1848 года, — сложена мимоходомъ съ ошибками, и пропусками. Читатели, конечно, забыли ее, а потому припомнимъ главнѣйшія обстоятельства: Альпинъ, забрѣшавшій случаемъ въ отдаленный городокъ Россіи, отъ нечего дѣлать, занялся судьбою бѣдной дѣвочки, дочери суфлера, одной бродячей труппы, и нравственно развилъ эту дикую, воспріимчивую натуру. Но помѣнявшіеся обстоятельства опять вызвали Альпина на болѣе обширное поле дѣятельности, и онъ съ холодностію покинулъ, оттолкнулъ бѣдную дѣвочку, которая между-тѣмъ привязалась къ нему со всѣмъ пыломъ страсти. Бродячая семья Цыганъ подобрала на распутъ Лялю.

Т. ХСIII. — Отд. I.

1

оборваннымъ навѣсомъ, запряженныя пѣгою клѣтей. Эта утлая посудица, которой, только приличія ради, мы дали названіе пошивней, была завалена всякою дрянью. Въ кучѣ хлама и бѣднаго домашняго скарба возилось существо человѣческой породы, дѣтскаго возраста и терзало какое-то другое существо низшей себя породы. Между дятлей и сидѣвшимъ на облучкѣ старикомъ, безобразнымъ и угрюмымъ, повременамъ завязывался разговоръ, во время котораго оба дѣйствующія лица, повидному, были очень довольны другъ другомъ. Старикъ терпѣливо сносилъ шутки ребенка, иногда дорого достававшіяся ему и вымещалъ ихъ на пѣгой клѣтѣ.

Позади пошивней человѣкъ среднихъ лѣтъ, смуглый, съ открытымъ, выразительнымъ лицомъ, велъ па цѣпъ ученаго медвѣдя и въ свою очередь подшучивалъ надъ нимъ. Впереди шла женщина, также не старая и не дурная собой, дразня кускомъ хлѣба отвратительную дворняшку, а передъ женщиной, далеко опередившая весь этотъ поѣздъ, шла дѣвочка, одна одиноконька. Все это было оборвано, обшарпано, вице, несмотря на стоявшую стужу; все было изнеможено, но ничѣмъ не обнаруживало своихъ страданій, будто ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой горькой драмы не замѣчало своего плачевнаго положенія, и порою даже слышалось мурлыканье веселой пѣсенки и видѣлся прыжки собаки или челоуѣка; только бѣдная дѣвочка шла печальная, задумчивая. Иногда она ускоряла свою походку, но отъ изнеможенія, или поджидая своихъ спутниковъ, останавливалась, и тутъ взоръ ея, обращенный назадъ, наводилъ на нее мысли еще грустнѣйшія; слабая, больная, она пускалась опять безъ оглядки по рыхлому, избитому снѣгу, въ которомъ на каждомъ шагу грузилъ ся ноги.

Въ этой беспорядочной группѣ людей и животныхъ, въ которой читатель, конечно, уже узнали нашъ цыганскій таборъ, каждый имѣлъ у себя покровителя или спутника: молодой Цыганъ былъ душою преданъ своему медвѣдю, и медвѣдь платилъ ему ласками. Жена Цыгана не разставалась съ собакою, оберегавшею ее во время сва отъ злости Цыганенка. Цыганецокъ въ свою очередь имѣлъ себѣ покровителя въ старомъ Цыганѣ, которому, по чувству невольнаго уваженія къ старикку, общему всѣмъ восточнымъ жителямъ, и суевѣрному страху, оказывалъ нѣкоторое повиновеніе весь таборъ, отъ собаки до челоуѣка. Одна дѣвочка была тутъ чужая всѣмъ. Только Цыганка иногда заботилась о ея физическихъ потребностяхъ, но она оберегала ее какъ лужную вещь, какъ существо, которое совреме-

мень пригодится и окупить ее заботы. Тутъ былъ видный расчетъ.

Ляля терпѣливо переносила все, и насмѣшки Цыгача, и злыя укоризны Цыганки, и отвращеніе, которое питалъ къ ней дѣдъ, даже нападки собаки и сосѣдство медвѣдя, которымъ не разъ страшала ее. Одно было ей невыносимо — это безпрерывныя терзанія Цыганенка. Онъ питалъ къ ней инстинктивную, скотскую ненависть; не могъ ее видѣть, чтобъ не злиться на нее, не мучить ее, какъ это было при первомъ ихъ свиданіи; но на этотъ разъ не было никого, кто бы освободилъ ее изъ когтей этого бѣсенка. Ляля сама должна была увертываться отъ него какъ могла, что нерѣдко подавало поводъ къ общей забавѣ всей кочующей семьи.

Дорогой еще было легче бѣдной дѣвочкѣ: она держалась поодаль отъ всѣхъ, избѣгала общихъ нападокъ. На правилахъ, которыя всегда были подъ открытымъ небомъ, она болѣею частію бродила одна, пока не засыпала вся семья, и если сильный холодъ не заставлялъ ее приближаться къ семейному огоньку; но и тутъ, въ первомъ случаѣ, проклятая собака нерѣдко положила всю семью, отъ которой доставалось бѣдной Лялѣ, а въ послѣднемъ, Цыганенокъ, валявшійся въ горячей золѣ, сторожилъ огонь, словно таже собака, и кидался на нее, съ какой бы стороны она не приближалась. Тогда Ляля убѣгала въ лѣсъ. Ею овладѣло бы непремѣнно то нѣмое безчувствіе, тотъ кретинизмъ, который постигаетъ дѣтей, взрослыхъ въ суровой, безчеловѣчной школѣ, и она была бы еще счастлива въ своей апатіи, въ своемъ безсознательномъ положеніи, но у нея былъ свой покровитель, подерживавшій ея нравственное развитіе, недопускавшій организмъ ея упасть до точки замерзанія всѣхъ чувствъ; это природа, среди которой она находилась, которую понимала во всей ея дикости и суровости, которой сочувствовала, повѣряла тайны своего сердца. Какъ чудна была въ глазахъ ея эта ель, заваленная епѣгомъ; она гнула подъ тяжелой ношей, но не ломалась, терпѣливо, неподвижно сдерживала она ее на мощныхъ вѣтвяхъ своихъ и это бремя обращалось ей въ красоту, горѣло отъ яркихъ лучей солнца и матомъ отражалось на мѣсяцѣ. А эти лучистыя искорки на безконечномъ пологѣ снѣговъ, словно млечный путь звѣздъ на небѣ!... а эти алмазные сталактиты, опускающіеся съ повисшихъ деревьевъ, какъ бахрама! Идите дальше въ лѣсъ: словно куполъ изъ снѣга надъ нимъ, такая масса его лежитъ на деревьяхъ, и морозъ тутъ слабѣе и вѣтру не слышно. Природа

позаботилась о той скудной жизненности, которая убѣжала сюда.... Тутъ то искала себѣ пріюта и тепла бѣдная страдалица.

Ляля была и въ самыхъ лишеніяхъ балована своимъ отцемъ; притомъ же, тѣ лишенія не походили на эти. Если настоящую жизнь назвать только страданіемъ, то прежняя, въ кругу актеровъ, сравнительно, была наслажденіемъ, а потому, какъ Ляля ви была отъ природы добра, сердце ея невольно ожесточалось, не противъ этихъ людей, съ которыми она жила, которыхъ она признавала только орудіемъ пытки, но противъ того, кто довелъ ее до такого состоянія. Порою сердце силилось оправдать его. И точно, думала она, виновать ли Альпинъ, что она полюбила его больше всего на свѣтѣ, забыла для него отца и, можетъ быть, довела его до могилы своимъ небреженіемъ. Не виновать!... Пусть даже и не виновать, но развѣ не могъ онъ спасти ее одною каплею участія. Еслибъ только въ немъ было сколько-нибудь чело-вѣколюбія, онъ бы подумалъ о томъ, что станется, что сдѣлалось съ тою, которая услаждала его грустные, одинокіе дни... которая можетъ быть спасла его отъ совершеннаго охлажденія къ жизни, или удержала отъ той участи, которой подвергся Байбашникъ. Но зналъ ли онъ о ея положеніи? неужели онъ зналъ и оставилъ ее на жертву этихъ невыносимыхъ страданій.... Онъ долженъ былъ догадаться; онъ почти положительно зналъ о всемъ случившемся... и отвернулся отъ Ляли.... бросивъ ее среди дороги зимой.... Боже, чего стоило ей это пренебреженіе! Ужасно.... ужасно!... И любовь Ляли невольно обращалась въ ненависть, немощную ненависть, которая, не имѣя исхода, не имѣя силы разразиться, накопала и нарастала болѣе и болѣе въ ея сердцѣ. — О, если бы она наконецъ могла удовлетворить этой всепожирающей ее страсти.

Такъ думала Ляля, и эта мысль незамирала въ слабomъ тѣлѣ, но крѣпла среди суровой природы, ее окружавшей, и какъ-будто съ нею за одно озлобленной.

Дорога была пустынна. Только вереницы ссыльныхъ плелись съ запада на востокъ, побрякивая цѣпями; и ихъ участь была легче участи Ляли: а чѣмъ провинилась она передъ людьми?

Преступники издѣвались надъ жалкимъ цыганскимъ поѣздомъ и осыпали ругательствами кочующую семью, за что? А Богъ ихъ знаетъ! Какъ же русскому чело-вѣку не ругнуть нехристя. Конвойный Башкиръ знатно размахнулся нагайкой надъ головой Ляли, но нагайка была коротка и едва задѣла бѣдняжку. Башкиръ пустилъ ей въ слѣдъ проклятiе по своему.

Таборъ прикочевалъ къ селу и остановился близъ него. Тутъ

Цыганы замѣтили, что пѣганка пошатывается и отказалась отъ клокъ сѣва, который захватили они дорогой изъ стога. Плохо, подумалъ Цыганъ; этакъ пожалуй кобылка околѣетъ. Онъ попробовалъ ей влить чего-то въ горло, распоролъ ухо, пощекотилъ въ ноздрахъ. Ничего не помогло. Пѣганка къ утру протянула ноги. Для жальца о лошади: бѣдная кляча одна не обижала ее. При томъ же, что они станутъ теперь дѣлать, какъ продолжать путь, что будетъ съ нею на продолжительномъ привалѣ?

Между-тѣмъ кочующая семья подумала, погадала, посоветовалась въ кругу своемъ, и рѣшила, что горю нельзя помочь иначе какъ украсть лошадь. Дѣдъ прибавилъ: давно бы надо это сдѣлать, а то гдѣ зимою скоро украдешь. Кто жъ зналъ, что глупая кобыла околѣетъ ни съ того, ни съ чего, да еще такъ не вовремя! отвѣчалъ молодой Цыганъ. Дѣдъ былъ правъ. Зимою лошади рѣдко гдѣ ходятъ въ полѣ. Узнавши же о сосѣдствѣ Цыганъ и бѣдствіи постигшемъ ихъ, крестьяне держали своихъ лошадей крѣпко на заборѣ и ночью не разъ вставали поглядѣть не случилось ли чего въ сараѣ. Но извѣстное уже дѣло, отъ Цыгана не уберешься: онъ высидитъ свое: дайте ему только время, а времени впереди много, вся жизнь Цыгана — праздная и бездомная. Надобно, впрочемъ, отдать справедливость нашему Цыгану, что онъ воровалъ только въ крайнихъ случаяхъ, то есть, когда ему нечего было ѣсть, или когда нужда приковывала его къ одному мѣсту, какъ въ настоящемъ случаѣ, а для Цыгана не кочевать значитъ не жить. Подобно Вѣчному Жиду, онъ все идетъ, идетъ впередъ, самъ не зная куда, самъ не зная зачѣмъ: такимъ образомъ, вѣроятно, Цыганы забрели къ намъ въ Европу, сами не зная куда и откуда, и потому-то происхождение ихъ, какъ выражаются историки, «покрыто мракомъ неизвѣстности» для всѣхъ и даже для нихъ самихъ. И въ самомъ дѣлѣ, что имъ за дѣло откуда они пришли, куда идти? зачѣмъ имъ знать, что будетъ завтра? зачѣмъ помнить, что было вчера? лишь бы прожить сегодня, да они и объ этомъ не заботятся. Нѣтъ радостей въ ихъ жизни, да нѣтъ и горя, а судя по шумному говору и смѣху, и по разудалой пѣснѣ, которая иногда раздастся въ таборѣ, — больше радости, чѣмъ горя. Вольно и беззаботно, какъ птицы поднебесныя живутъ они, и счастливы по своему...

Деревня была не красна, какъ большая часть нашихъ русскихъ деревень. Кругомъ низменность, переходящая мѣстами въ топкія болота, глушь, затишья никакого; на горизонтѣ, который видится далеко, торчатъ обгорѣлыя ели. Избы плотно жмутся одна къ

другой, какъ будто боясь упасть; вмѣсто оконъ, — то вклеенный пузырь, то бумага, пропитанная саломъ, то просто отдушнина, заткнутая тряпьемъ; стекла видѣлись за рѣдкость. Рѣзные штуки, въ видѣ полотенцевъ, спускающихся съ оконечностей крышъ, или вѣтушковъ, стоящихъ на одной ножкѣ, на верхушкѣ, мало украшали клонящіяся на сторону избы. Все было старо, закопчено, и прикрито сводомъ дыма, который коромысломъ выходилъ изъ трубъ. Время стояло утреннее, раннее, но бабы уже возвратились отъ коздуновъ и принимались застряпню. На улицахъ было пусто; Ляля шла, утирая кулаками слезы. Положеніе ея было ужасно. Остановка на неопредѣлительное время была сама по себѣ мучительна при ея раздражительномъ неестественномъ состояніи, понуждавшемъ ее безпрестанно впередъ, устремлявшемъ къ цѣли, которой она не могла ясно предвидѣть. Въ ней было темное желаніе не оставаться на мѣстѣ, но чего ожидала она впереди, Ляля сама хорошенько не знала. При самомъ дѣтскомъ понятіи о вещахъ положительныхъ, она все такъ легко могла понять, что догнать Альпина невозможно, но какая-то отдаленная надежда говорила ей, что если нельзя догнать, то можно отыскать, можно встрѣтиться съ нимъ. Судьба не даромъ навела ее на этого чловѣка, не даромъ слила все ея существо съ мыслию о немъ. Послѣ этого онъ не въ правѣ оставить ее на произволъ страданій; это было бы все-равно что отнять у нея душу, и пустить бродить на землѣ одно лишь тѣло.

Остановка на одномъ мѣстѣ увеличивала и физическія ея страданія. Мы уже сказали, что ей не было житья отъ всей семьи, отъ этого вампира Цыганенка, который жаждалъ ея крови и восхищался, когда видѣлъ эту кровь, текущую по рукамъ или лицу страдалицы, также точно какъ дѣти его возраста восхищаются яркимъ свѣтомъ огня. Ляля рѣшилась во время кочевки своей семьи, идти въ деревню, и поступить въ работницы къ кому-нибудь изъ крестьянъ. Сама Айша желала этого, потому что какъ ни мало давала ей ѣсть, все же не оставляли безъ пищи. Пускай сама себѣ промышляетъ хлѣбъ, говорила Айша, и Ляля была весьма довольна такимъ рѣшеніемъ, но вскорѣ она почувствовала всю горечь его. Никто не хотѣлъ принимать къ себѣ въ домъ Цыганки. Что въ ней толку, говорили бабы, обкрадетъ, соблазнитъ, введетъ печальную силу въ домъ.

Наконецъ Ляля постучалась въ послѣднюю избу, самой жалкой наружности. Тутъ ее по-крайней-мѣрѣ пустили обогрѣться: бѣдная кочевала отъ стужи.

Ляля робко съѣла на краю лавки. Женщина, впустившая ее, помѣстилась на другомъ; опутивши голову на ладонь руки, и другой рукой поддерживая локоть, въ положеніи, столь общемъ русскимъ женщинамъ низшаго класса, съ выраженіемъ страданія въ лицѣ, усталости во всемъ тѣлѣ, — хозяйка молчала.

Только, когда Ляля поотогрѣлась, она поставила передъ нею краюшку хлѣба и соли: правду говорятъ что бѣдный скорѣе богатаго подастъ кусокъ нищему, потому-что по опыту знаетъ какъ горекъ отказъ. Но Ляля не ѣла.

— Что жъ ты брезгаешь нашей хлѣбъ-солью? Али не довольна?

Голодъ мучилъ Лялю, но она не рѣшилась принять милостыни. Гордость превозмогла физическое страданіе.

— Ну, ну, не крушись! Не хочешь, и Богъ съ тобой! А я, глядя на тебя подумала, что ты за тѣмъ и пришла: вѣдь у васъ, въ таборѣ, не больно жирно ѣдятъ.

— Я пришла спросить, вѣтъ ли какой работы?

— Какъ не быть работъ: шестеро дѣтей малъ мала меньше; трое въ горячкѣ; старая свекровь, да мужикъ изъ кабака не выходитъ. Охъ, ой, очиньки!

— Такъ возьми меня въ работницы, хоть пока дѣти больны; я присмотрю за ними, да и другую работу справлю.

— Эхъ, неразумница ты моя! Да чѣмъ тебѣ платить станемъ, коли сами чуть перебиваемся; и то животиковъ нашихъ совѣмъ не стало.

— Миѣ платы не надо. Только бы пробиться какъ-нибудь недѣлку другую, пока семья наша на мѣстѣ.

— Больно правду ль ты говоришь? не воровства ли ради прилипнешь ко мнѣ? Да что у насъ украсть?

Ляля ничего не отвѣчала, но по страдальческому лицу ея, по этому инстинктивному чувству, которое нечуждо и самыхъ грубыхъ натуръ, хозяйка догадалась, что оскорбила свою гостью.

— Ну, не плачься на меня: видно я дура; миѣ жаль тебя, да вишь, бѣда, помочь нечѣмъ. Пошлабъ ты къ Агафонову, или къ Сидоровымъ, — народъ богатѣйшій, знатнѣющій.

— Была у всѣхъ.

— Что же?

— Выгнали.

— Ой — лихо! Да что же тебѣ не живется со своими?...

— Лучше не спрашивай.

Хозяйка задумалась. Дѣло въ томъ, что недовѣрчивость опять

закрадывалась въ сердце ея. — Ужъ коли такіе знающіе люди, какъ Свдоровы, Агафоновы и другіе, выгнали нишю дѣвочку, думала она, то видно тутъ что-нибудь да кроется. Крестьянскій умъ не ищетъ дальнѣйшихъ аргументовъ въ подтвержденіе своей мысли. Однакожъ, желаніе имѣть даровую работницу сильно соблазнило ее.

— Я бы ничего, да свекровь-то у меня такая, что передъ ней ни чин! Бывало сосѣдка занесетъ водичы, такъ залается, хоть со свѣта бѣги. Вишь, говорить, важная какая. А того и звать не хочеть, что одной-то мнѣ совсѣмъ не управиться.

Ляля едва держалась на ногахъ отъ удара, который готовился ей. Она могла его предвидѣть, но все таки съ этой крайней нзбой соединилась ея послѣдняя надежда. — Гдѣ она дѣнется теперь?

-- Ты нетово.... Погоди маленько.... У меня, видишь, у самой есть дочка, да черезъ-чуръ грамотна была, съ барскими дѣтьми обучалась. Вотъ по пятнадцатому годочку уже была, и сбѣжала со скоморохами, вотъ что харн представляютъ. Нелучше вашихъ Цыганъ, также по-жидовски крещены. Только моя-то не въ нихъ; я была уже и плакать по ней перестала, а она, голубка моя, какъ выросла, да поразжилась, да, ровно свѣгъ на голову, и шлетъ за насъ выкупъ господину; такъ таки за всю семью чистаганомъ и прислала. Дай ей Богъ много лѣтъ здравствовать. Вотъ мы и вольные стали; хоть житье-то и плохое; за баринномъ лучше было; да все таки вольные! Гдѣ то она, моя сердечная, теперь? Проѣзжіе коробейники видѣли ее въ Каратабанѣ. Сама, бають, въ нуждѣ, а выкупъ все таки прислала.

— Въ Каратабанѣ!

Ляля припомнила, что Сонючкина точно копгла долго деньги, лишая себя необходимаго, наконецъ отправила ихъ, говоря, что сдѣлала доброе дѣло, и послѣ того смѣялась и радовалась какъ сумасшедшая. Ляля не понимала тогда значенія этой радости. Соображая всѣ обстоятельства, она положительно отвѣчала, что знаетъ ея дочь.

— Мою Фесю?... вскрикнула хозяйка.

Ляля немножко сбилась въ показаніяхъ, но вскорѣ объяснилось, что деревенская Феся Соснива и театральная Амфиза Сонючкина, было одно и тоже лицо. Распросамъ хозяйки не было конца, но радость ея не разъ смущалась, когда Ляля разсказывала, что дѣлаетъ Сонючкина, какія роли представляетъ и про-

чая; бѣдная женщина съ отвращеніемъ отплевывалась отъ таковаго соблазна и крестилась поминая въ молитвѣ ея грѣшную душу.

— Видно уже все такъ на свѣтѣ, заключила она наконецъ, добраго дѣла нельзя сдѣлать, не послуживши хоть пенного бѣсу. А ты, дѣвочка! Оставайся у насъ: живи пока можно. — Пускай лается свекровь, Господь съ нею! Ты только не сказывайся ей, смотри: она не дослышитъ и не довидитъ, такъ можетъ и не догадается, что ты чужая, да еще Цыганка, а не то помеломъ вымететъ. Да смотри же, голубка моя, не напроказъ чего у насъ, какъ оно тамъ дѣлается у васъ, у Цыганъ.

Слова эти сильно извили природную гордость Ляли, но нечего дѣлать, надо было покориться обстоятельствамъ, и она уже въ душѣ своей благославляла судьбу, избавлявшую ее на время отъ сообщества кочевой семьи.

Въ это время раздался за печной дряблѣй голосъ старухи.

— То она и есть, сказала тихо молодая хозяйка, и посяѣшила на голосъ, потому-что изъ-за печки уже выставилось худое, все въ морщинахъ, все въ пятнахъ и угряхъ лицо старухи, до половины закрытое космами длинныхъ сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ ты печку-то не топнѣшь? А воды принесла? а лавки смыла? Да уймешь ли ты своихъ щенятъ? Слышь ты стонуть, ровно кто имъ жилы тянетъ.

— Не домогають, сердечные?

— Не домогають! Ты только объ нихъ да о себѣ думаешь, а меня и знать не хочешь, изъ дому выживаешь... пускай мать на улицѣ обомлѣваетъ.... Такъ нѣтъ же! не будетъ ни вамъ, ни дѣтямъ вашихъ счастья, коли не станете уважать меня! Оно такъ и есть. Ну возись же, корьга негодная, натяни на меня кожу! А гдѣ мужъ? Спнула его, окаяннаго! Гдѣ мой сынокъ? Сгубила его душу.

Въ это время кто-то тяжелыми, неровными шагами, съ бурлацкою пѣснью ввалился въ избу. Молодая хозяйка сбѣжала съ заваленки къ нему на встрѣчу.

— Молчи, ты окаянный! Слышишь, свекровь то и дѣло ворчить.... и то вамъ ни доли ни счастья нѣтъ изъ-за того, что она цѣлый день на насъ лается.

— Молчи, бить буду.... На то я мужъ чтобъ бить.... На то ты жена, чтобъ было кого бить, руки расходятся.... Чужаго побьешь, отдасть вдвое.... На то ты жена....

— Да улягся, забіяка, чтобъ хоть свекровь не увидѣла.

И она уманчивала его на лавѣ: болѣе не было мѣста въ избѣ: полатѣ были закаты дѣтьми, съ печки не сходила свекровь.

Пьяный мужъ оттолкнулъ жену, но она опять вернулась и начала снимать съ него обувь и одежду, о которой впрочемъ она больше заботилась чѣмъ о самомъ мужѣ.

Толчки и пеньки сыпались на нее градомъ; она терпѣла и молчала. Наконецъ удалось уложить его, и она ползла на полатѣ къ дѣтямъ. Тамъ ее встрѣтили стоны и слезы: одна просила ѣсть, другая пить, третій плакалъ, самъ незная чего. Хозяйка безъ дальнихъ вѣжностей, но терпѣливо, удовлетворяла и успокоивала каждого. Только свекровь видимо сокрушала ее.

— А что твой бражникъ улегся, озорникъ этакой? Да скоро ль ты затопишь печь: люди давно уже убрались.

Хозяйка молчала, страдательно исполняя требованія старухи. Ляля съ рѣдкимъ героизмомъ принялась помогать ей. Одинъ просыпался, другая ложилась. Одного накорми, другаго неси на дворъ, третьяго обмывай, или пом, чѣмъ Богъ послалъ, горячимъ, потому-что лихорадка, стужа избы, скудность, принимали его до костей, леденила кровь, окоченяли члены. Только къ ночи маленько все поуспокоилось. Хозяйка и Ляля сѣли за столъ, на которомъ лежали хлѣбъ и соль, и стоялъ жбанъ съ квасомъ.

— Что-жъ ты не покушаешь? спросила Ляля робко хозяйку.

— Ъда на умъ нейдетъ.

— Мужъ сокрушаетъ, сказала Ляля, чтобъ чѣмъ-нибудь развлечь ее и робко поглядывала на лавку, гдѣ улегся хозяинъ.

— Что мужъ? гульнетъ маленько, а лучится, что и добромъ помянетъ, и пожалѣетъ; кое-что самъ сдѣлаетъ, и дровецъ принесетъ, — а вотъ свекровь-то.... Богъ съ нею?

Обѣимъ было не до разговоровъ. Хозяйка заперла все какъ слѣдуетъ и вскорѣ заснула, на чемъ пришлось. Ляля осталась одна, бодрствующею. Лучина, предоставленная собственному произволу, горѣла, то тускло, то вдругъ заискрившись, съ трескомъ, ярко вспыхивала, освѣщая всю гадость избы; тараканы всѣхъ цѣтотъ и видовъ покрывали стѣны и валялись съ потолка; лохмотья висѣли отовсюду, служа покрываломъ или постелью; у оконъ, заклеенныхъ пузырями, стояли лужи, которыя сочились по лавкамъ, гдѣ спали жильцы этой избы. — Ляля, усталая, хотѣла прилечь и не могла найти себѣ мѣста. Она вспомнила о своей тѣсной коморкѣ въ Каратабанѣ, которую Бѣднень всегда держалъ въ порядкѣ и чистотѣ. Подъ открытымъ небомъ, въ своей кочующей семьѣ, она не вспоминала объ удобствахъ преж-

ней жизни; тамъ у нея были другія заботы, и между всѣми одна, которая росла болѣе и болѣе и поглощала ее всю. — Ляля мучилась покоемъ. Какая-то внутренняя сила нудила ее впередъ. Ляля перестала думать о своей прежней жизни и вся предалась безпокойной мечтѣ о томъ, долго ль ей придется оставаться здѣсь.

Наконецъ лучина, догорѣвъ, потухла.

Лялѣ стало страшно. Она присѣла гдѣ стояла; сонъ одолѣлъ ее.

II.

Прошло нѣсколько дней, а Цыгане все еще не могли добыть себѣ лошади. Между тѣмъ къ Лялѣ попривыкли въ деревнѣ. Ее позвали къ Сидоркинымъ шить приданое дочери. Вслѣдъ затѣмъ пришла къ ней Айша.

— Послушай, сказала она, сегодня ночью мы ѣдемъ. Будь готова.

— Хорошо. Схожу сейчасъ домой, попрощаться съ хозяйкою.

— Не надо; оставайся здѣсь. Поздней ночью я приѣду за тобой; будь готова и дождайся меня у калитки. Да чтобъ никто не зналъ о нашемъ отъѣздѣ! Слышишь? нето оставайся здѣсь, какъ знаешь.

Айша ушла. Лялю удивила эта таинственность, но гдѣ ей было угадать, что затѣвали Цыгане. Ляля радовалась скорому отъѣзду и ни о чемъ болѣе не думала.

Въ это время разнеслась по деревнѣ вѣсть о пріѣздѣ управляющаго, жившаго въ отдаленныхъ деревняхъ. Вскорѣ дѣйствительно пріѣхалъ управляющій и ввалился прямо къ Сидоркину, какъ богатѣйшему мужику по всей деревнѣ.

То что я сейчасъ стану рассказывать происходило давно; теперь уже конечно не то.

Управляющій былъ не въ духѣ: въ деревнѣ все было исправно, привязаться было не къ чему; хоть съ тѣмъ и уѣзжай, съ чѣмъ пріѣхалъ. Русскій мужикъ недоумился: между собой вершить дѣла, все шито да крыто, только бѣ до начальства не доходить. Лучше по добру по здорову у себя дома раздѣляйся.

Сидоркинъ, мужекъ съ длинною бородой, рыжій, стоялъ передъ управляющимъ и кланялся, прося откушать хлѣба-соли. Управляющій молчалъ и думалъ. Вдругъ какая-то счастливая мысль озарила чело его: онъ быстро повернулся на мѣстѣ, но вскорѣ, подавъ въ себѣ невольное чувство радости, съ прежнею важною обратился къ хозяину.

— Макарычъ! разбитый мнѣ «бѣленкуевъ», да вели готовить лошадей; надо торопиться въ городъ.

Хозяинъ съ невниманномъ пошелъ исполнить приказаніе и вскорѣ воротился съ пакетомъ мелкихъ ассигнацій. Управляющій посмотрѣлъ на ассигнаціи, пощупалъ ихъ, взглянулъ на Макарыча, сначала съ недоумѣніемъ, потомъ съ ужасомъ, подозвалъ его къ себѣ поближе и многозначительно указалъ на деньги, ударяя по нимъ перстомъ. Хозяинъ стоялъ разинувъ ротъ, не зная въ чемъ дѣло, но смѣкая, что тутъ кроется очень недоброе.

— Мнѣ жаль тебя, Макарычъ, а нечего дѣлать! пронзешь съ состраданіемъ управляющій.

— Чѣмъ же я провинился передъ вами, батюшка Иванъ Ивановичъ? пронзешь Макарычъ, падая въ ноги управляющаго. Замолчите!

— Не передо мною, а передъ правительствомъ! Развѣ не видишь?

И онъ опять указалъ на ассигнаціи.

— Ничего не вижу, отецъ родной!

— Ассигнаціи то все фальшивыя!...

— Фальшивыя!...

И онъ съ отчаяніемъ схватился за голову; первое его чувство было чувство человека, котораго обокрали, но потомъ чувство самосохраненія возвратилось съ мыслями, еще болѣе взволновавшими его.

— Фальшивыя!... да чѣмъ же я виноватъ, родной мой? Самъ такія получилъ.

— Чѣмъ виноватъ! А законъ? мнѣ очень жаль, а надо сейчасъ же отправить тебя при бумагѣ въ городъ. Позови сотскаго. Мужикъ нашъ взвылъ.

— Помилосердай, родимой! Не погуби души моей! чѣмъ хочешь возблагодарю.

— Не надо мнѣ твоей благодарности. Ты знаешь, что я и такъ доволенъ тобой, что я люблю тебя. Однако, мнѣ на душу чужаго грѣха брать не хочется, да и передъ начальствомъ въ отвѣтъ быть непріятно.

Мужикъ еще пуце взмолился.

— Послушай, любезный! благо я не надѣлалъ съ горяча тревоги и не было у насъ свидѣтелей, такъ дѣло еще можно уладить. Признавайся откровенно, много ль у тебя фальшивыхъ ассигнацій?

— Какъ Богъ Святъ, не знаю!

— Верю. Ты всегда веди себя порядочно и честно; зачальство тебе за это жаловало. Неси сюда всё ассигнаціи.

Макарычъ принесъ цілую кучу ассигнацій. Управляющій разсматривалъ по одиночкѣ каждую. Чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ ужасъ его возрасталъ больше и больше. Ова, только вздвигавалъ плечами, да по временамъ произносилъ многозначительное «гмъ!».

— Нѣтъ! вскрикнулъ онъ наконецъ: нѣтъ тебѣ пощады! У тебя, впросто, фабрика фальшивыхъ ассигнацій!

Пошли новыя просьбы и увѣренія.

— Смотри ты самъ: въ двухъ сотъ красныхъ только двѣ настоящихъ; все остальное — фальшь!... Послушай же, Макарычъ, что я тебѣ скажу, но только, чтобъ это осталось между нами. Понимаешь?

— Слушаю, батюшка, разумію.

— Притвори ко двери на щеколдку.

Хозяинъ вошелъ исполнять приказаніе; управляющій изкоса поглядывалъ ему вслѣдъ, торопливо перебирая что-то руками подъ столешъ.

— Чтобъ избавить тебя отъ бѣды и не попасть самому въ нее, коли другой, побойчѣе меня, откроетъ всю эту кучу фальшивыхъ ассигнацій, — такъ погибай они и козцы въ воду, или въ огонь, все-равно! Вездѣ шито и крыто!

И съ этимъ словомъ онъ кинулъ завернутые въ бумагу пачки въ топнющую печь.

Хозяинъ вскрикнулъ. Онъ невольно протянулъ руки къ печи, какъ бы желая еще спасти то, что ему стоило такихъ трудовъ и постоянныхъ лишеній, что составляло его утѣшеніе, гордость... почти все его состояніе, все его счастье. Потомъ старикъ отвернулся, закрылъ рукавомъ глаза, чтобы скрыть совершенное отчаяніе и, безмолвный, удалился изъ избы.

Управляющій приперъ за нимъ двери, и съ лицомъ, сіяющимъ радостью, досталъ изъ-подъ настольницы ассигнаціи, полученные отъ Макарыча, и ловко подмѣненные начкою простой бумаги, сложенной и обернутой также какъ и ассигнаціи.

— Три тысячи сорокъ рублей, провознесъ торжественно управляющій, сосчитавъ деньги и уложивъ ихъ въ свою походную шкатулку. Дѣло улажено гладко, продолжалъ онъ, на очистку, ни уликъ, ни свидѣтельствъ.

Затѣмъ крикнулъ сотскаго и укатилъ.

Но онъ ошибся: свидѣтель былъ. За перегородкой, пританувъ дыханіе, сидѣла Ляля, и въ расщелившіяся доски видѣла все

проходившее въ ночь. Какая-то неистощимая сила держала ее тутъ, у щели, между-тѣмъ какъ страхъ ледовиль ея кровь. Едва увхалъ управляющій, Ляля кинулась къ Макарычу и пересказала ему плутовство его. Отчаяніе старика превратилось въ бѣшенство. Не пощадив себя, онъ кинулся верхомъ на первую попавшуюся лошадь и ускакалъ въ городъ просить суда и расправы. Завязалось дѣло, а его задержали въ городѣ.

Между-тѣмъ смеркалось. Старуха Сидоркина весь день проплакала съ горя, устала, и уснула. Настала темная, беззвѣздная ночь. Все кругомъ спало, или мучилось тяжелымъ кошмаромъ; одна Ляля не смыкала глазъ, осторожно прислушивалась къ малѣйшему шуму свѣжи. Раздался легкій стукъ. Ляля выскочила на заднее крыльцо, которое вело прямо въ сарай, и отперла ворота. Айша и Цыганъ ждали ее; у послѣдней была обротъ въ рукахъ.

— Иди скорѣй, сказала Айша, выталкивая ее за ворота: время дорого!

Для Ляли оно было дѣйствительно дорого; и она торопливо побрела въ потьмахъ къ знакомому ей табору. Вскорѣ услышала за собой конскій топотъ, оглянулась и едва могла различить Цыгана и Айшу, ѣдущихъ верхомъ на доброй лошадеикѣ. Она боялась чтобъ ее не покинули и уже не шла, а бѣжала за ними.

Дѣйствительно, Цыгане только ее и ждали. Сытая лошадь, на которой пріѣхали Цыганъ и Айша, фыркала, заложенная въ помятыхъ. Поѣздъ тронулся.

Старуха Сидоркина слышала шумъ и ржаніе лошади, встала съ постели и стала вздувать лучину, а время шло. Когда она вошла въ сарай, то увидѣла его пустымъ и ворота растворенными. Савраски, за которую мужъ заплатилъ двѣсти рублей наличными деньгами, не было.

Кому не случилось видѣть какъ равнодушно русскій мужичекъ погребаетъ свое дитя, если онъ его еще не вскормилъ, не взростилъ, сильно не потратился на него, и въ какомъ отчаяніи бываетъ вся семья когда гибнетъ корова! Въ первомъ случаѣ отецъ разсуждаетъ такъ въ утѣшеніе себя и жены: — Богъ далъ, Богъ и взялъ. Во второмъ ему не до разсужденій; онъ нажилъ свою корову тяжкими трудами, которыхъ у него не достаетъ уже подъ старость и видитъ себя лишеннымъ послѣдней своей кормилицы.

Сидоркинъ былъ разоренъ окончательно. Женыхъ отказался отъ нящей невѣсты. Старикъ томился въ тюрьмѣ. Безчестіе по-

крыло всю семью, еще недавно пользовавшуюся общими уважениемъ. Старуха умерла съ горя; старика судили за ложный извѣтъ; судъ не обходился даромъ. Сидоркины продали свой домъ и перешли въ избу. Макарычъ былъ дюжъ, не вытерпѣлъ житья въ тюрьмѣ и отправился за женой на тотъ свѣтъ. Сироты его пошли по міру. Тяжела была нога Ляли, переступившая черезъ порогъ дома этой семьи, дотога богатой и счастливой!...

Цыгане, конечно, также были задержаны на дорогѣ, но дѣло ихъ пошло иначе, чѣмъ дѣло Макарыча. Управляющій позвалъ ихъ къ себѣ сначала келейнымъ образомъ: его беспокоили улики Ляли.

— Ты укралъ у Ивана Макарова Сидорки саврасаго мерина, ухо порото? спросилъ онъ грозно молодаго Цыгана.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, отвѣчалъ Цыганъ нахально. О какомъ меринѣ вы это спрашиваете? Я думалъ, что твоя милость призвала насъ по дѣлу объ отобранныхъ у Макарова за-знамо не фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

— О какихъ ассигнаціяхъ? спросилъ въ свою очередь нѣскольکو смутившихся управляющій. Рѣчь идетъ объ меринѣ, а не объ ассигнаціяхъ.

— Да о тѣхъ же самыхъ, что вы положили къ себѣ въ шкапулку, когда Макаровъ вышелъ изъ избы, и вмѣсто ихъ сожгли при немъ пукъ бумаги.

— Ты, любезнѣйшій, пустяки городишь; отвѣчай только на то, о чемъ тебя спрашиваютъ, а это вовсе къ дѣлу не идетъ.

— Да коли къ вашему не идетъ, такъ къ нашему пойдетъ.

— Видво ты не знаешь, что за ложный извѣтъ ссылаютъ вашего брата въ каторгу.

— Какъ не знать! Да вѣдь что я говорю, то и докажу передъ судомъ.

— Чѣмъ ты докажешь? провизнесъ управляющій, быстро поворотившись къ нему. Ну, говори, чѣмъ? А, запнулся, черномазый.

— Зачѣмъ запинаться, докажу какъ водится свидѣтелями.

— Какими?

— А вотъ, хоть бы она!

Цыганъ указалъ на Лялю.

— Малолѣтняя къ свидѣтельству не пріемлются.

— Пусть и такъ! Да я-то не малолѣтній.

— Да ты что?

— Очьи видѣлъ какъ все дѣлала твоя милость.

— Ты лжешь! Въ каталашку его, закричалъ онъ прислугѣ, и энергически прохаживаясь по комнатѣ, продолжалъ:

— А! голубчикъ мой, запрячу я тебя туда, гдѣ вѣдьми чертямъ рога правять. Будешь ты меня знать.

— Да я и то знаю; меня конечно не мудрено запрятать и подалше, да я вѣдь заранѣ распорядился на всякій случай и послалъ отца съ извѣтомъ въ губернской городъ.

Холодный потъ выступилъ на лицѣ управляющаго.

— Ты шутишь, мой милый!

— Какія тутъ шутки! До шутокъ ля, коли посылають туда, гдѣ вѣдьмы чертямъ рога правять; ужъ коли имъ тамъ жутко, такъ чтò жъ нашему брату!

— Ну, полно, полно горячиться, мы оба околесную несемъ. Мы свои, не то что этотъ негодяй Макарычъ, изъ-за коня губить человѣка! какъ-нибудь сочтемся.

И управляющій дружески трепалъ Цыгана по плечу.

Слѣдствіемъ такихъ объясненій было то, что Цыгану исходатайствованъ билетъ на дальнѣйшее путешествіе въ разные города Россійской Имперіи, чего такъ давно и пламенно добивался онъ.

Но извѣстное дѣло, начинъ съ кѣмъ-нибудь тягаться, не скоро перетянешь и долго на одномъ мѣстѣ провозишься. Прежде, чѣмъ дождалась такихъ благопріятныхъ результатовъ, наша кочевая семья зажила давненько на одномъ мѣстѣ. Ляля стосковалась пуще прежняго. Богъ знаетъ, что случилось бы съ ней, совсѣмъ одинокой, оставленной всѣми, если бъ счастливый случай не позаботился о ней. Разъ въ тяжеломъ ожиданіи, когда кончатся ея неизвѣстный путь, сидѣла она, напѣвая какую то унылую пѣсенку, переносившую ее далеко, далеко въ воспоминаніи. Она и не замѣчала, что кто-то стоялъ возлѣ нея и слушалъ ее съ увлеченіемъ, почти съ восторгомъ. Только когда кончила, она почувствовала, что чьи то костлявыя руки сжимають ее и холодные уста прижимаются къ лицу. Ляля испугалась.

— Какъ ты поешь, какъ ты поешь! тебѣ быть артисткой, великой артисткой. Пойдемъ скорѣе за мной, — и онъ силою потащилъ ее за собою.

Только дорѣгой Ляля разсмотрѣла страшнаго незнакомца, къ которому впрочемъ нельзя было не имѣть довѣренности. Онъ былъ старъ, съ лицомъ добрымъ, чрезвычайно добрымъ, съ котораго не сходила кроткая и привѣтливая улыбка; изъ-подъ фуражки, значительно помятой, которой козырекъ очутился подъ

конецъ дороги на затылкѣ, отъ энергическихъ движеній старика, изъ-подъ фуражки спускались въ беспорядкѣ пряди длинныхъ сѣдыхъ волосъ; коричневый, запятанный сертукъ и вся одежда, выказывали совершенное небреженіе о ней. Старикъ шелъ скоро, такъ что Ляля едва успѣвала слѣдовать за нимъ.

Въ среднѣмъ уѣздномъ городкѣ, стоялъ большой домъ, окруженный множествомъ флигелей. Въ одинъ изъ этихъ флигелей, въ низенькую, маленькую, заваленную кучей потной бумаги комнату привелъ старикъ свою спутницу. Не говоря ни слова онъ схватилъ скрипку и началъ играть, заставляя ее пѣть, останавливая на каждой нотѣ, поправляя ее, поощряя движеніемъ головы и голосомъ, удаляя то мѣрно, плавно, то энергически ногою въ тактъ, и, наконецъ, взмучившись, совсѣмъ выбившись изъ силъ, онъ бросилъ скрипку и опять началъ цѣловать бѣдную, измучившуюся неменѣе его дѣвочку.

— Ты будешь артистка, великая артистка, повторялъ онъ, и Кохъ былъ счастливъ, что первый открылъ этотъ зарытый въ землю талантъ.

Такъ кончился для Ляли этотъ первый, вовсе неожиданный урокъ.

Скажемъ однако нѣсколько словъ о Кохѣ: исторія его очень проста. Какіе то бары, принужденные по обстоятельствамъ удалиться въ деревню, какъ водится, весьма недовольные жизнью въ деревнѣ, хотя на словахъ и въ письмахъ къ друзьямъ называютъ ее земнымъ раемъ, написали въ Петербургъ, чтобы они прислали въ числѣ прочаго другаго, учителя музыки для дочери. Прислали Коха, какъ артиста, пользовавшагося уже нѣкоторою извѣстностію; но барская семья пришла въ ужасъ отъ растрепанной фигуры Коха, которая, вообразите, иногда являлась за урокомъ дочери, дѣвочки лѣтъ четырнадцать, безъ галстука!.... безъ галстука! да это просто скандалъ. Коха прогнали, не давъ ему средствъ доѣхать до Петербурга, и онъ кое-какъ дотащился до уѣздного городка. Тутъ чуждый совершенно смысла практической жизни, бѣдный артистъ дошелъ бы до крайности; но судьба хранитъ такихъ людей, хоть для своей забавы. Веселый, беззаботный нравъ Коха, его разсѣянность, легковѣріе ко всему, что говорили ему, причуды, странность приглянулись важной особѣ откупщика. Онъ былъ на ту пору въ хорошемъ состояніи духа (дѣла откупа шли очень хорошо), взялъ Коха къ

себѣ въ шуты и поселилъ въ тѣхъ комнатѣ, куда этотъ привелъ Лялю.

Для Ляли Кохъ былъ счастье! Ея измученная, изнеможенная натура вновь ожила и получила силы подъ благотѣльнымъ вліяніемъ добраго, пылкаго, восторженнаго характера артиста, который привязался къ ней душой. Лялѣ напомнилъ онъ злополучнаго отца ея.

Цыгане между тѣмъ благополучно продолжали свой путь на саврасомъ меривѣ, ухо порото.

И вотъ они идутъ, да идутъ, отсчитывая шагами прожитое время, а временемъ пройденное пространство. И протекъ мимо нихъ мѣсяць, и другой, и много ихъ прошло не промелькнувши передъ ними ни одной блестящей довольства, не только счастья, и что всего хуже, — они не вернутся, чтобъ попытать въ нихъ еще на другой ладъ счастья. И вотъ потянулся передъ ними городъ; другой, темно, безжизненно; тюрьмы высятся изъ-за нихъ смотря грозно на нашихъ путниковъ, которые бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ своихъ преслѣдователей. И однимъ ли имъ, мнимъ бѣднымъ Цыганамъ, предначначенъ такой тяжкій путь въ жизнь!

III.

Наконецъ передъ нашими путниками открылась Москва. Ляля невольно остановилась, пораженная невиданнымъ до той чудомъ, но ударъ сзади заставилъ ее опомниться; Ляля даже не оглянулась, зная откуда этотъ ударъ и машинально побрела впередъ.

Таборъ остановился въ полѣ. Айша пошла одна въ городъ и вернулась уже къ вечеру. Она что-то потолковала со своими и потомъ, взявъ съ собою Лялю, опять отправилась въ Москву: эта женщина, то оставалась въ бездѣйствіи, неподвижности по цѣлымъ суткамъ, то не знала устала ли днемъ ли ночью. Пройдя Москву вдоль и поперекъ, плуталась въ переулкахъ и закоулкахъ, которые казалось, были довольно коротко извѣстны Айшѣ, онѣ наконецъ достигли темнѣйшаго и сырѣйшаго изъ нихъ, и остановились у дома весьма грязной наружности. Безпрепятственно вошли онѣ въ первую комнату, откуда давно уже доходилъ до нихъ крикъ и гамъ, и тутъ, пораженные темнотой, къ которой еще не совсѣмъ привыкли ихъ глаза, остановились. Айша однако скоро присмотрѣлась къ предметамъ и отыскала того, кого ей было нужно: это былъ старикъ, еще дюжій, смуглый, какъ Цыганъ, сказалъ бы я, если бы это не былъ дѣйствительно Цыганъ,

«живою» дикой, вѣчно что-то жующей, подобно волу; онъ былъ неуклюжъ какъ волъ и составлялъ странную противоположность съ окружающими его живыми, веселыми, пляшущими и поющими народомъ, котораго былъ главою и распорядителемъ.

Старый Цыганъ осматрѣлъ Лялю съ ногъ до головы, какъ опытный купецъ осматриваетъ товаръ, спрашивая лаконически Цыганку, которая разсыпалась въ рѣчахъ. Осмотръ былъ вѣроятно благопріятенъ, потому что послѣ нѣсколькихъ вновь возбужденныхъ споровъ, можетъ-быть, относящихся къ цѣнѣ товару, Ляля была оставлена. Странно отдавались въ ушахъ Ляли эти пѣсни, эти звуки: они напоинили ей что-то знакомое, какъ-то чудно шевелили душу, казалось навсегда уснушую, очерствѣлую; навели невольную улыбку на эти поблекшія уста и краску на истомленное блѣдное лицо, въ которомъ только опытный глазъ Цыгана могъ угадать сокрытую красоту; придавалъ особенный звукъ голосу, дрожащему, но гармоническому. Ляля не вполне понимала по-цыгански, потому что съ нею говорили по-русски, а нарѣчіе, которымъ говорила Айша въ своей семьѣ, исковерканное многими иноземными словами, и въ устахъ этихъ ненавидимыхъ ей людей, было какъ то дико въ сравненіи съ тѣмъ плавнымъ пѣвучимъ языкомъ, который она слышала теперь. Она унеслась воспоминаніемъ далеко, далеко; ей представлялась и тихая звѣздометная ночь Востока, и пѣсни давно неслыханныхъ ею птицъ, и роскошь дикой природы, и запахи напоеннаго вѣтромъ воздуха, и ливнемъ ниспадающіе водопады.... Она была въ какомъ-то странномъ очарованіи. Отъ природы воспримчивая душа ея, дрожала.... и вдругъ застыла, когда жесткая рука Айши сурово стиснула ея руку.

— Да ну жъ, произнесла она, ты одурѣла что ли? стоишь какъ вкопанная.... Цѣлуй скорѣе руку его милости, и она поднесла къ ея устами руку стараго Цыгана.

Лялю отвели въ особую горенку и оставили къ ея счастью одну. Значить не все погибло, думала она, значить есть еще надежда.... Не даромъ я строишься все впередъ и впередъ; можетъ-быть я и достигла того чего искала. Не даромъ чувствуется легко на сердцѣ, какъ еще никогда небывало: сердце не обманывается.... Надежда есть! Надежда!.. Но на что?... Какъ-будто я могу ненавидѣть.... да, да! могу!... О, мой тятя, бѣдный тятя! Если бы ты былъ со мною! И слезы руганни полились изъ воспаленныхъ глазъ; рыданія, чувства, одинъ другимъ противопоставляя, то тѣшили ей грудь, то раздражались глубокими вздохомъ.

Старый Цыганъ, начальникъ хора, вскорѣ убѣдился на дѣлѣ, что онъ не ошибся въ оцѣнкѣ и сдѣлалъ выгодное приобретение для хора въ лицѣ Ляли. Она знала музыку, она пѣвала, пере-чувствовала заунывные пѣсни, и ея голосъ свѣжій, юный, полный души, выражалъ ихъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Появленіе ея произвело фуроръ въ Москвѣ: есть люди, которые и теперь не могутъ безъ восторгу вспомнить объ ней. Старый Цыганъ цѣнилъ ее *по вырчку*, значить цѣнилъ дороже, предоставлялъ ей полную свободу дѣлать что она захочетъ, и исполнялъ съ готовностію всѣ ея требованія.

Нуженъ былъ только какой-нибудь блестящій скандалъ или громкій потѣшный анекдотъ, чтобы на всегда упрочить ея славу, и *таковой* не замедлилъ огласиться въ обществѣ.

Многіе добивались счастья завладѣть красотою Ляли, какъ всякой прославившейся чѣмъ-либо женщины: къ тому жъ Ляля была очень хороша; но всѣ усилія ихъ рассыпались передъ ея недоступностію. Знакомый нашъ откупщикъ уѣзднаго городка былъ на ту пору въ Москвѣ, много наслышался о Лялѣ, видѣлъ ее, слышалъ, какъ она поетъ. Ляля нравилась ему, но не будь о ней такой всеобщей молвы, онъ бы и не подумалъ о Цыганкѣ: главное, гордость его, тщеславіе, были задѣты, подстрекуемы этой молвой. Онъ рѣшился добиться успѣху во что бы то ни стало. Деньги, говорилъ онъ; тутъ главное деньги, а я не пожалѣю и сотни тысячъ!... Покажемъ московскимъ барамъ, что такое мы, провинціалы.

Кохъ былъ съ нимъ; тутъ онъ былъ ему нужнѣе чѣмъ въ уѣздномъ городкѣ; тамъ онъ по своему денежному вліянію могъ любого преобразить въ шута, а тутъ его не многіе знали и нужно же время самому смѣлому, чтобы исподоволь, безъ патяжки, низойти до той ступени, на которой Кохъ стоялъ безсознательно, не понимая самъ хорошенько своего положенія. Для умнаго чело-вѣка пужны, если не совѣтливость, то приличіе, наружный видъ. Кохъ съ восторгомъ рассказываетъ о бывшей своей ученицѣ, которая обращалась съ нимъ по прежнему ласково, пріятливо, награждала его своею довѣренностію. Откупщикъ рѣшился воспользоваться ихъ связью. Въ немногихъ словахъ, темно передалъ онъ ему свое порученіе къ Ляли; главное приказывалъ сунуть ей денегъ столько, сколько она потребуетъ, и отправилъ его, не давъ времени опомниться, хорошенько поразспросить или по крайней мѣрѣ поразмыслить о возложенномъ на него порученіи.

— Двочка вѣдь не дура, думалъ про себя откупщикъ: поинтересеть въ чемъ дѣло; а этому гороховому шуту не для чего знать всей подноготной; еще пожалуй заартачится.

Ляля съ ужасомъ слушала Коха. Откупщикъ не ошибся: свѣдѣтельница сцены Конькова съ Сонючкиной, слышавшая не разъ сама страстные наивны своихъ поклонниковъ, она съ перваго раза поняла требованія откупщика, предложенныя со всею цинизмомъ, во всей ихъ наготѣ; но она съ трудомъ могла уразумѣть своего наивнаго друга, какого рода порученію ваялъ онъ на себя и за какую роль онъ принялся. Бѣдный Кохъ былъ въ отчаяніи.

Какъ! вскрикнулъ онъ, и я, я могъ быть орудіемъ такихъ гнусныхъ замысловъ! Да развѣ есть люди, способные на подобныя преступленія!

Ослабленный, ожесточенный можетъ-быть въ первый разъ, Кохъ кинулся со всѣхъ ногъ къ сѣдому патрону.

У откупщика были гости. Кохъ какъ бомба ввалился въ среду ихъ. Въ отрывистыхъ, энергическихъ выраженіяхъ, самъ не помня себя, онъ высказалъ поступокъ откупщика во всей наготѣ его и все презрѣніе, которымъ отвѣчала Ляля на его предложенія, и которое чувствуетъ онъ, самъ Кохъ, къ тому, кто рѣшился дѣлать такое предложеніе, да еще черезъ него, честнаго Шмца, предавшаго Лялѣ, какъ своему другу, какъ дочери.

Не трудно вообразить какой эффектъ произвела его рѣчь среди людей, болѣею частію завидовавшихъ богатствамъ откупщика. Анекдотъ, на тысячу ладовъ и вариаций, быстро разнесся по всему городу. Всѣ были отъ него въ восторгѣ. Слава Ляли упрочилась на незыблемыхъ началахъ. Другой откупщикъ соперникъ нашего, принявъ подъ свое покровительство героя этого анекдота, Коха, придавъ ему при себѣ не столь двусмысленное значеніе. Говорили даже, что не одно чувство мести къ своему сопернику повудило его къ этому поступку, но что онъ въ свою очередь имѣлъ отдаленные виды на Лялю, и наученный опытомъ, собирался предпринять противъ нея любовный походъ, со всеми стратегическими уловками и ухищреніями.

Ляля какъ-будто забылась во время въ этой сферѣ, для нея новой, шумной, исполненной благоуханій славы. Только оставшись одна, въ своей комнаткѣ, она задумывалась, и эти думы иногда были тяжелы, очень тяжелы для нея. Въ одну изъ такихъ минутъ, она почувствовала горячіе поцѣлуи на щекахъ своихъ, и

очнувшись увидѣла себя въ объятіяхъ бывшей некогда ея покровительницы въ бродячей труппѣ актеровъ, Сонючкиной.

— Ляличка, душещипа, какъ я рада, какъ счастлива, что тебя встрѣтила. Боже! что за городъ, что за чудный городъ! Не знаю какъ я осталась по-сю-пору жива отъ изумленія, отъ восторгу.

Читатели припомнятъ, что Сонючкина любила иногда изъясняться съ вышины

— Что за церкви, что за дома, что за магазины! А мужчины! на каждомъ шагѣ красавицы; глазъ бы не отвела. Дружочка! Ляличка, ты счастлива, не правда ли? смотри, какъ ты устроилась здѣсь!...

И Сонючкина горячо обняла Лялю.

— Я давно предвидѣла это, я всегда предсказывала тебѣ успѣхъ.... Мы будемъ играть вмѣстѣ. Неправда ли, Ляличка! Теперь твоя очередь доставить мнѣ протекцію: ты вѣдь мнѣ не откажешь въ этомъ? О, мы будемъ сіять и гремѣть передъ публикой.... И какая публика! это не то, что гдѣ-нибудь въ Чертополохѣ. И что за слава здѣсь должна-быть! И что за ощущенія! новыя, не извѣданныя, неразгаданныя.... Однако скажи мнѣ, Ляля, что за необыкновенный этотъ театръ вашъ, я никакъ не могла понять.... и что за пьесу разыгрывали вы тамъ? Зачѣмъ эти черныя рожи, развѣ театръ представляетъ Арабію?

— Да, Амѣза Дмитріевна, нашъ театръ всегда представляетъ Арабію, потому что дѣйствующія лица — Цыганы.

— Какъ, Цыганы! что это значитъ! Я, видишь ли, дитя мое, здѣсь многого не понимаю.

— Это не театръ, а цыганскій хоръ; я здѣсь не актриса, — а Цыганка!

— Цыганка! И ты могла....

Сонючкина обмерла отъ изумленія. Ляля невольно смутилась; она некогда не думала о томъ, сколько еще предубѣжденія осталось въ людяхъ, и въ ней самой, противъ цыганскаго имени и сколько было справедливо это предубѣжденіе; но вскорѣ врожденная гордость и можетъ-быть голосъ крови заговорилъ въ ней. Она громко засмѣялась.

— Ляля, тебѣ смѣшно, а мнѣ жаль тебя, бѣдняжку.

И она дѣйствительно жалѣла ее, она считала Лялю погибшей душой. Мы уже замѣтили, что Сонючкина, какъ актриса, имѣла свои правила нравственности.

— Цыганка!... такъ значитъ ты оставила нашу вѣру?

— Нѣтъ, добрая Амѣза Дмитріевна, я осталась, какъ была

христианкой, и можетъ-быть стала лучше, чѣмъ была, наученная горькимъ и продолжительнымъ опытомъ.

— Слава Богу, ужъ хоть это... Я никакъ не повѣрила бы, чтобы ты совсѣмъ испортилась!... Цыганка! Все-таки жаль!... Но поговоримъ о другомъ. Я по-сю-пору забыла спросить тебя, какая я право!... И она таинственно подлизавъ голосъ, произнесла: Надѣюсь ты не встрѣешь недостатка въ обожателяхъ.

Ляля невольно потупила глаза и молчала.

— О, я увѣрена въ томъ. Мужчинамъ дѣла нѣтъ до вѣры, лишь бы женщина была хороша; а ты очень, очень похорошѣла....

— Амѣза Дмитріевна, пощадите.

— Да, я душевно радуюсь твоимъ успѣхамъ. Только, знаешь ли, моя милая, не прельщайся суетнымъ блескомъ любви, не играй, не шути страстью, избери себѣ по сердцу одного и будь ему вѣрна, пока можешь.

— Охота же вамъ говорить о такихъ вещахъ.

— Эти вещи составляютъ цѣль нашей жизни, моя сердечная. Ахъ, знаешь ли, Ляля, я перемѣнила своего тирана, и новый избранный моего сердца здѣсь; ты его помнишь?

— Кто такой?

— Коньковъ!

— Такъ вы достигли цѣли своихъ желаній, вы счастливы?

— Счастлива! — И Солючкина тяжело вздохнула. — Мурдасовъ былъ тиранъ, правда, но онъ по-крайней мѣрѣ заботился о моихъ нуждахъ, онъ былъ мой защитникъ и покровитель; а этотъ! вообразил себѣ, онъ часто бьетъ меня за то, что я мало выработала ему денегъ. Я служанка его, а не любовница!...

— Кто же вамъ велитъ таскать его за собою?

— Кто!... а долгъ мой! Я обѣщалась быть ему вѣрной, и сдержу свое слово, поза туго натянутая цѣпь, которую я къ нему прикрѣплена, сама не оборвется.

— Значитъ, васъ поддерживаетъ любовь; она выкупаетъ страданія жизни?

— Любовь!... Не знаю, могла ль я любить его прежде. Но вѣдь надобно же было кѣмъ-нибудь заняться.... А теперь? Возъ можно ль любить его, пьянаго, больнаго, гадкаго! Возможно ль любить его за пытку, за мученія, которыми онъ терзаетъ меня чуть не каждый день.

— И вы все терпите, и вы не покидаете его! Непостижимо!... Кто жъ привуждаетъ васъ къ этому добровольному самопожре-

твованію, если не страсть, не чувство, пересиливающее всякую боль.

Сонючкина торжественно подняла голову.

— А самое самопожертвованіе, а наслажденіе этимъ самопожертвованіемъ безусловнымъ и безграничнымъ, къ которому способна только женщина любящая; развѣ это не высочайшее наслажденіе въ мірѣ, развѣ оно недостаточно чтобъ вознаграждать меня за всѣ муки, за всѣ лишенія и труды жизни!

Сонючкина произнесла эти слова театралью, какъ героиня какой-нибудь раздирательной драмы, но слова высокія и многозначительныя сами по себѣ, не могли не произвести эффекта, особенно на воспримчивую душу Лили. Она кинулась къ Сонючкиной на шею.

— О какъ ты чудесна, неподобна!... Я видѣла твою мать, она говорила о тебѣ, съ благодарностію, со слезами, съ молитвою къ Богу; но теперь, когда ты говоришь о себѣ сама, ты еще выше, еще лучше, и увы! еще непонятнѣй для меня.

Лили почерпнула изъ возвышенной, хотя необработанной души отца своего, изъ неисчерпаемаго источника его любви къ ней, то инстинктивное, неопредѣленное чувство распознаванія нравственнаго начала, которое развила въ ней благодатная природа и отчасти первоначальное образованіе, полученное отъ Альпина. Но всѣ эти чувства бродили въ ней еще не ясно, неопредѣленно. Сонючкина вела себя такъ, какъ указывала ей одна ея грубая природа, которая подъ другимъ вліяніемъ, подъ болѣе теплымъ чувствомъ, можетъ быть, также дала бы благотворные плоды.

— Есть же добрая душа, что поняла меня. Ты первая, Лили, не смѣешься надо мною. Благодарю тебя, мой ангелъ.

И Сонючкина печально опустила голову на плечо Лили. Но вскорѣ вкочила съ мѣста и весело обратилась къ ней, между тѣмъ, какъ слеза еще висѣла на ея рѣсницѣ.

— Развѣ такъ мы должны встрѣтить другъ друга послѣ долгой разлуки, развѣ такими глазами я должна глядѣть на твое счастье, развѣ такъ должна принимать меня моя любимая ученица!

— Въ самомъ дѣлѣ, я и забыла, что уже гораздо за полдень; пора позавтракать.

— Завтракать.... Да, я дѣйствительно голодна, очень голодна. Со вчерашняго дня не ѣла ... Но не могу ѣсть.

— Не можешь! Почему?

— Не обижайся, пожалуйста. Ты тутъ ни сколько невинова-та, а я и того менѣе.

— Развѣ ты дала обѣщаніе поститься.

— Да, я пошусь, только не по обѣщанію, а по неволѣ. Вотъ видишь ли, съ тобою можно быть откровенной. Мой Фриде такъ же другой день ничего не ѣлъ; какъ же я могу ѣсть, когда онъ голодаеть! а у насъ, я знаю, нѣтъ куска съѣдомаго въ домѣ, нѣтъ конѣйки денегъ.

— Такъ мы пошлемъ за нимъ.

— Нѣтъ!... Ты испугаешься его... онъ такой не деликатный! Ты станешь смѣяться надо мной, бѣдной, увидавши Фриде, таковъ онъ теперь! Притомъ же, я хотѣла было отдохнуть съ тобою часочекъ. Онъ такой добрый, даетъ мнѣ полную свободу.... Впрочемъ, это сокрушаетъ меня: онъ вовсе не ревнивъ.

— Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: пошлемъ ему часть кушанья.

— Прекрасно выдуманно: ахъ, какая ты умница! Только, если ужъ ты такая добрая и богатая, то прибавь къ кушанью и бутылку водки.

Ляля позвала горничную и приказала ей уложить все что нужно для сытаго обѣда, не забывъ бутылку водки, и отправить по назначенію. Сонючкина была въ восторгѣ за себя и за своего Фриде, который вѣрно останется въ этотъ день доведенъ ею за роскошный обѣдъ. Она ѣла съ большимъ апетитомъ, пила хоброе вино съ замѣтнымъ удовольствіемъ, смѣялась и говорила безъ умолку, со всѣми подробностями рассказала она какимъ образомъ разсталась съ Мурдасовымъ и его трупомъ, какъ соединилась съ Фриде, и наконецъ какъ очутилась здѣсь; это была простая и трогательная исторія бродячей актрисы.

— Въ городѣ N, говорила она, къ трупѣ нашей присоединилась дѣвица Айлина, не дурная собой, правда, но что за голось, что за манеры, Боже, что за манеры! и вообрази, тиранъ мой влюбился въ нее; онъ оказывалъ ей явное предпочтеніе передо мною, давалъ первыя роли, ревновалъ къ ней и наконецъ назначилъ ей бенефисъ; это окончательно взбѣсило меня. Фриде былъ въ томъ же городѣ, по своимъ дѣламъ; я нашла случай повидаться съ нимъ, упросила его составить заговоръ противъ Айлины, и ее громогласно ошканил, освистал. Можешь вообразить мое торжество и ударъ Мурдасова; но этимъ еще не кончилось; я готовила ему другой. Онъ началъ опять ухаживать за мною, предложилъ первую роль въ новой пьесѣ, подарилъ полнѣй для нея костюмъ; я будто и поддалась... и вдругъ въ одинъ прекрас-

ный день, объявила ему, что оставляю театр, оставляю его невѣрнаго, въ объятіяхъ освищенной Айлины.... Его мольбы, его угрозы были тщетны.... Фриде ожидалъ меня.... Если любовь его была не надежна, то защита вѣрна. При первомъ оскорбленіи, которое внѣсь мнѣ Мурдасовъ, Фриде жестоко избилъ его. Это заставляло меня предаться ему безусловно, и онъ дѣйствительно любилъ меня сначала. Помнишь его свиданіе со мною?

— Помню и признаюсь, оно не предвѣщало ничего хорошаго.

— Ты не понимала еще тогда этихъ вещей; надѣюсь, что теперь лучше поймешь ихъ. Въ началѣ нашей связи съ Фриде все шло хорошо; сцена нашей жизни представляла вѣчный пиръ. Но вскорѣ декорация измѣнилась. Дѣла Фриде разстроились, а онъ не переставалъ кутить. Признаюсь, я и не удерживала его, боясь чтобы въ уединеніи онъ не предался отчаянію. Сначала Фриде знался только съ порядочными людьми, но мало по малу опускался и низошелъ наконецъ, стыдно сказать, до лакеевъ, еще хуже.... Не стало средствъ для поддержанія этихъ связей, не стало денегъ и на хлѣбъ.... Фриде стоялъ на краю бездны, но я удерживала его отъ совершеннаго паденія. Я помнила, что была частію виновю его бѣдствій, что связь со мною уронила его въ мнѣніи общества, заградила ему путь къ службѣ, и сказала себѣ, что сама создамъ ему общество. Я рѣшилась завести свою трупку; средствъ не было, правда, но мы кое-какъ перебивались то кредитомъ, то протекціею добрыхъ людей, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ меня еще помнили; такъ постоянно подвигаясь впередъ, изъ города въ городъ, добрали мы до Нижняго. Тутъ ужъ я не въ состояніи была играть. Я была въ такомъ положеніи.... и то я играла до послѣдней возможности, прикрываясь большимъ платкомъ. Ахъ, что я тогда выстрадала! безъ всякаго пособія, почти безъ пищи, на голомъ полу, одна однихонька.... Если бъ онъ показалъ хоть участіе, только участіе, одну каплю состраданія.... Да, онъ былъ не правъ ко мнѣ, прибавила съ глубокимъ вздохомъ Сонючка. Но точно ли не правъ? продолжала она черезъ нѣсколько времени, онъ, бѣдняжка, въ то время самъ столько терпѣлъ, что ему было не до меня!

— Бѣдная, бѣдная Амазонка Дмитриевна! и ты его еще оправдываешь?... Чтожъ онъ дѣлалъ въ то время, когда ты такъ мучилась? чѣмъ извинишь его злѣе пренебреженіе къ тебѣ?

— Не вини, пожалуйста, моего Фриде. Нѣтъ, онъ право лучше того, что ты объ немъ думаешь. Я можетъ-быть лишнее

сказала. Послушай, что онъ однако придумалъ, желая поправить наши обстоятельства. О, Фриде презобрѣтательный человекъ. У насъ какъ-то уцѣлѣлъ китайскій костюмъ, такой плохенькій, что никто его не бралъ; на немъ-то Фриде основалъ свою будущность. Онъ прикинулся Китайцемъ; одѣлся какъ слѣдуетъ, выбрилъ себѣ голову, отправился къ купцу, что посмышленше былъ въ городѣ и говорить: — Я-де прямо изъ Китая, везъ товары, да продаю; не хотите ли мнѣ дать чаевъ да прочаго такого китайскаго, знаете? а я буду говорить, что все это изъ Пекина, лучшей доброты и дешевѣйшей цѣны, что только у китайскаго царя можно имѣть лучше, досталъ я по случаю и прочее и прочее. Фриде говорить вообще очень хорошо. Купецъ смекнулъ въ мигъ дѣло, и торговля моего Фриде пошла какъ нельзя лучше; всякой хотѣлъ купить товару привезеннаго прямо изъ Китая. Но купецъ испортилъ все дѣло: видитъ, что чай идетъ хорошо, дай, говорить, сбуду и другія залежавшіяся вещицы, авось сойдутъ за китайскія; народъ вѣдь тово.... И насовалъ Фриде и московскихъ ситцевъ и казанскихъ сапоговъ и Богъ знаетъ чего, а народъ-то и смекнулъ. Напрасно Фриде увѣрлялъ, что московскіе ситцы въ Китаѣ дѣлаютъ нынче лучше чѣмъ въ Россіи, что сапоги не казанскіе, а самые лучшіе маюконъ. Бѣднjackу засадили въ полицію и отняли все, что у него было. Уцѣлѣло только у меня на столько, чтобъ кое-какъ дотащиться до Москвы, гдѣ Фриде говорилъ, ему откроется болѣе обширное поле дѣятельности. Но увы! что-то всё-еще не открывается, и мы въ такой крайности, въ какой давно не бывали. Не можешь ли, Ляля, прискаты мнѣ какое мѣстечко, только не у Цыганъ, да такъ чтобъ и Фриде можно было пріютить, а не то, я и одна стану промаривать обонхъ. Теперь твоя очередь быть моею покровительницей; извини, что я такъ дурно выполнила свою обязанность въ отношеніи къ тебѣ.

— Ты сдѣлала, что могла; я тоже постараюсь сдѣлать для тебя, что могу, и надѣюсь, ты останешься довольна мною.

— О, какъ ты добра и мила! Тебѣ вѣдь это легко; у тебя видно есть какой-нибудь обожатель по-лучше бывшаго моего тварана. Ты красивѣешь, опустела глазки; вижу, что ты еще не умѣешь любить. погоди, моя красоточка, я научу тебя любить, какъ слѣдуетъ женщинѣ. Если имѣть обожателя, такъ вѣрно найдется покровитель.

— Мнѣ предлагали поступить на сцену, я отказалась, но попрошу чтобъ приняла тебя.

Сонюшкина кинулась на шею Ляли.

— Но только я должна предупредить тебя, что здѣшній театр не то, что труппа Мурдасова.

— Знаю, знаю.

— И что тебѣ придется разыгрывать вовсе не первыя роли.

— Я выйду до ролей наперсницъ, горничныхъ, хористокъ, статистокъ, только не старухъ....

Пріятельницы толковали между собой до вечера. Къ счастью Ляля Сонюшкина принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которымъ больше говорятъ сами, чѣмъ спрашиваютъ другихъ, и потому несмотря на все участіе ея къ судьбѣ своей подруги, она довольствовалась только тѣмъ, что Ляля сочла нужнымъ открыть ей. Сонюшкина наконецъ простилась съ Лялей, но вдругъ вернулась изъ-за дверей.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула она, я было совсѣмъ забыла... Знаешь-ли черезъ кого можно похлопотать о моемъ мѣстечкѣ? а черезъ него, какъ его... онъ здѣсь также силенъ.... твой бывшій покровитель....

Ляля стояла ни жива, ни мертва.

— Кто такой? спросила она со страхомъ и надеждой.

— Бывшій каратабанскій правитель.... Альпинъ!.... Онъ вернулся съ войны.... Я было сама хотѣла отправиться къ нему, да онъ былъ и прежде такой недоступный, а теперь здѣсь и подавну.... Вотъ тебѣ — другое дѣло.... Попытай у него счастья, дружечекъ, поговори обо мнѣ, да? хорошо?.... Ну, благодарствуй, благодарствуй, прощай, моя милочка!

И она еще разъ обняла Лялю и ушла.

Ляля прислонилась къ стѣнѣ, пока говорила ея подруга, боясь упасть. Ноги едва сдержали ее; она дрожала какъ въ лихорадкѣ... Но это состояніе продолжалось не долго. Ляля на этотъ разъ умѣла совладать собою. Тѣло ея выпрямилось, лицо приняло выраженіе гордой холодности. Воспоминаніе о томъ, что этотъ человѣкъ бросилъ ее на распутьи жизни, на жертву всѣхъ бѣдствій, ее, дитя, надъ которымъ бы сжаллась всякая христіанская душа; ее, для спасенія которой было такъ мало нужно.... Эти воспоминанія пробудили въ ней не прежнія чувства глубокаго, безграничнаго самопожертвованія этому человѣку, но чувство ненависти, презрѣнія. На долго ли? Ляля однако не выдержала продолжительной борьбы съ собою, она кинулась въ постель и горько зарыдала.

— Зачѣмъ же я стремилась сюда, какъ не затѣмъ, что сера-

не мое надѣялось встрѣтить его.... Она, казалось, выплакала всѣ слезы и потомъ произвела съ твердостью: Это послѣднія слезы. Онъ не будетъ больше радоваться, издѣваться, глядя на нихъ. Довольно, довольно принесено ему въ жертву, я была дятлей; надо быть женщиной...

IV.

Сопючкина сказала правду. Альпинъ дѣйствительно возвратился въ Москву. Громкая слава предшествовала ему. Какъ камень кинутый въ воду описываетъ около себя круги все шире и дальше, пока они совсѣмъ не сольются съ гладью воды и исчезнуть въ ней, такъ появленіе его въ обществѣ очерчивало около него таинственные круги, полные очарованія; но эти круги, распространяясь дѣлѣ и дѣлѣ, болѣе и болѣе слабѣли. Время способно все уничтожить. Да и что такое въ самомъ дѣлѣ слава міра сего, о которой такъ многіе хлопочутъ? Правда, это кипятокъ, который бьетъ ключемъ, но плесните въ него горсть холодной воды и пѣна опадетъ; перестаньте раздувать подъ нимъ огонь и кипятокъ остынетъ самъ собою.

Сначала Альпинъ былъ упоенъ этою славой, но вскорѣ робкому его воображенію стало казаться, что воскуриваемый передъ нимъ оміамъ не безъ горечи, что вные посматривали на него съ завистью, другіе съ проницескою улыбкой. Дѣйствительно, гордость его унижала многихъ.

— Что такое въ самомъ дѣлѣ Альпинъ, говорили они втихомолку, кто жъ бы не сдѣлалъ этого?

Альпинъ не слышалъ этихъ толковъ, но когда первый чадъ очарованія прошелъ, онъ невольно призадумался.

— Что жъ, думалъ онъ, если бъ явился другой на моемъ мѣстѣ, сталъ ли бы я торжествовать его успѣхъ, радоваться его счастью? Что мнѣ до него? Можетъ-быть и я досадовалъ бы, что не на мою долю выпала эта слава: въ такомъ же положеніи теперь и другіе ко мнѣ. Зачѣмъ я требую отъ нихъ того, чего самъ не могу имъ дать?

Выводъ былъ весьма логическій. Правда, есть люди, которые рады всему, за всѣхъ. Родится ли у васъ сынъ, произведены ли вы въ чинъ, разсоритесь ли съ женой, они примутъ въ этомъ такое же участіе, какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, разумѣется, если это имъ ничего не стоитъ. Есть другія природы, избранныя, для которыхъ всякій подвижъ, блеснувшій молніей или

лучезарною зарницей на горизонтѣ ихъ роднаго неба, льнетъ къ сердцу, веселитъ ихъ какъ собственный, и они готовы пасть передъ тѣмъ, кто совершилъ его, чуждые всякой эгоистической мысли: во много ли такихъ, отмѣченныхъ печатью безусловнаго самоотверженія!

Альпинъ понималъ, что такіа чувства не въ каждой человѣческой натурѣ; онъ можетъ-быть понималъ это лучше многихъ другихъ и потому не мудро, что очарованіе его скоро прошло.

Еще бы онъ велъ большую игру, или былъ нужный человѣкъ, пожалуй передъ нимъ бы постоянно поклонялись въ свѣтѣ; а то съ тѣмъ вздумалъ подъѣхать? со славой! Экъ невидаль слава! Изъ чужой славы и шапки себѣ не выкроишь. Хоть распинайся ради ея, хоть приобрѣтай ее цѣною жизни и крови, кому какое до того дѣло!...

Уничтоженный и въ этомъ пунктѣ своихъ вѣрованій, Альпинъ искалъ и ни въ чемъ не находилъ утѣшенія. Съ отчаяніемъ онъ кинулся въ оргіа, желая, если не утѣшиться, то по крайней-мѣрѣ забыться, уйти отъ преслѣдовавшей его мысли, уйти отъ самаго себя.

Въ одномъ изъ домовъ, гдѣ искусно было соединено все, что нѣжитъ чувство, увлекаетъ воображеніе, невозмущая его наглѣмъ цинизмомъ, гдѣ звуки италянской аріи сливались съ затѣннымъ поцѣлуемъ, или дикая цыганская пѣснь прерывалась чоканьемъ бокаловъ.... въ одномъ изъ такихъ мѣсть, въ хорѣ цыганскихъ пѣсевичковъ, Альпинъ увидѣлъ лицо, рѣзко отличавшееся отъ другихъ: это была — дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста; что-то чрезвычайно граціозное, можно сказать — цѣлому-дренное проглядывало сквозь складки полу-цыганскаго платья, на ней болѣе пристойнаго чѣмъ на другихъ. Можно бы было подумать, что она нечаянно, изчужа попала въ этотъ хоръ, если бы черты лица не смѣщивали ее съ нимъ.

— Что это такое? спросилъ разсѣянно Альпинъ.

— Это?... А видно ты недавно здѣсь, если не знаешь? Это — чудо! отвѣчалъ одинъ изъ неизбѣжныхъ пріятелей всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ людей, по имени Гроинъ.

— Однако, что жъ это за чудо?

— Чудо, отъ котораго съ ума сходитъ вся Москва! на которое сама Каталани обратила свое вниманіе. Да, она ее слушала, и заслушалась! Каталани ничто передъ нею!

— Вотъ еще! развѣ я тоже не слышу ее?

— Да ты слышишь въ общемъ хорѣ, но ты послушалъ бы одну... Это смѣсь соловья, Каталани, колибри и еще чего-то, не знаю, право, чего именно.

— Чтò за пустяки ты говоришь! Ну, пусть же она поетъ одна!

— Пусть поетъ! пусть поетъ! Нѣтъ, мой милый, этого не легко достягнуть, этого не купить никакими деньгами! Это такая жертва, которую она приносить только богамъ, да своимъ избраннымъ!

— Цыганка, превращенная въ жрицу, во что-то таинственное! Ба! это можетъ случиться только въ Москвѣ.

— Поживи ка здѣсь — запоешь на одинъ ладъ съ Москвою. Я самъ вижу, что это смѣшно. Однако говорю тебѣ не потому, что другіе говорятъ, но по собственному убѣжденію.

— Вѣрю, вѣрю.

Альпинъ вышелъ въ другую комнату, но проходя мимо этого граціознаго лица, не разъ оборачивался къ нему. Ему казалось оно знакомымъ, но такъ темно, такъ неопредѣлительно знакомымъ, что онъ скорѣе готовъ былъ думать, что видѣлъ его во снѣ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Смутныя мысли навела на него эта Цыганка. Объ ней собственно онъ не думалъ, но какъ-то невольно, безотчетно прилепалась къ ней, или правильнѣе, ползла къ ней мысль къ прошедшему, гдѣ также было для него все темно и безотрадно, какъ и въ настоящемъ; прошедшее имѣло еще то преимущество, что оно уже не вернется. Переходя отъ предмета къ предмету, мысли его останавливались то на бесполезности существованія, только-что говорившаго съ нимъ пріятеля, то на скукѣ этой оргіи, то на хорошемъ личикѣ его кузины и, наконецъ, какъ-то странно совпали съ тѣмъ, что онъ по-лю-пору не зналъ сильныхъ привязанностей на свѣтѣ, а можетъ-быть въ нихъ-то и заключается прелесть существованія; онъ невольно улыбнулся такой ребяческой мысли. «Впрочемъ, чтò жъ, думалъ онъ: вѣдь видѣлъ же я, что можно привязаться къ кому-либо такъ сильно какъ гвоздь, вбитый въ дерево. Эхъ! Байбанинъ, напримѣръ, который, Богъ знаетъ, почему вспалъ ему на мысль. Вѣдь рѣдкая собака привязывается такъ къ своему господину, какъ онъ былъ привязанъ ко мнѣ. А чтò случилось съ этимъ Байбанинскимъ? И потому, ни съ того ни съ сего, взоры его невольно обратились въ другую комнату, къ Цыганкѣ, окруженной толпою норманнковъ. Она точно была хороша. Съ какою-то нео-

предвѣительною разсѣяннестію, въ задумчивости, отвѣчала она на вопросы гостей. Въ ней не было той надменной гордости, къ которой такъ склонны женщины, сколько-нибудь прославившіяся. Она, казалось, еще сама не знала себѣ цѣны.

Альпину очень не хотѣлось, въ числѣ другихъ, осаждать вопросы и вниманіемъ Цыганку, но что то неповѣстное подстрекало его любопытство противъ воли; такъ невольно съ высоты глядишь внизъ, въ бездну, хотя голова кружится и рискуешь упасть, если не отведешь глазъ. Альпинъ улучалъ минуту, когда Цыганка оставалась одна, и подошелъ къ ней. Онъ не могъ подавить досады на самого себя за свое дѣтское любопытство, которое подавало поводъ къ торжеству надъ нимъ женщиной, Богъ знаетъ какого разряда; но безъ предубѣжденія обратился онъ къ ней съ вопросомъ:

— Что ты въ васъ напоминаетъ мнѣ прошедшее, знакомое, хотя совсѣмъ въ превратномъ образѣ, сказалъ онъ довольно вежливо.

— И это воспоминавіе тревожитъ васъ? произнесла она съ ироническою улыбкою, между-тѣмъ какъ внутреннее волненіе то сгоняло краску съ лица его, то нагоняло ее, подобно тучамъ на чистое небо.

— Тревожитъ? о, нѣтъ! Но воспоминавіе всегда непріятно: если прошедшее было хорошо, то жаль подумать, что оно уже прошло и не возвратится вновь; если дурно, то тѣмъ съ большимъ упорствомъ отталкиваешь отъ себя мысль о немъ.

— И только!... А если въ этомъ прошедшемъ задолжена ваша совѣсть.... честь....

— Совѣсть.... честь.... что за громкія слова, и стоить ли взывать къ нимъ изъ за такихъ пустяковъ....

— Изъ-за такихъ пустяковъ, какъ праздное любопытство.... право, не стоить терять расположенія публики, которая уже дожидаетъ нашихъ пѣсень.

И она обернулась къ Цыганкѣ съ вопросомъ, что будутъ пѣть.

— А! это опытная кокетка, которая потому уже, что я приблизился къ ней, хочетъ объявить надо мной право своего владѣнія и обращается какъ съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ. Посмотримъ! Я заставлю сказать ее кто она, и отличать себя отъ этой толпы! Но стоить ли она того? подумалъ онъ.

— Чтò, любезный, призадумался? спросилъ его тотъ же неотвязчивый пріятель: не удалось!... Я говорилъ тебѣ, что она не-

доступна, какъ гibraltarская крѣпость!... А вотъ я тебѣ порекомендую другую красоту.... стоить похлопотать, и хлопоты будутъ не напрасны.

Пріятель долго продолжалъ болтать на тотъ же ладъ, но Альпинъ не слушалъ его и радъ былъ уйти изъ этой атмосферы, которая раздражала его нервы. Альпинъ по-крайней-мѣрѣ не зналъ чему другому приписать внутреннее волненіе и безпокойство души.

Вернувшись домой и готовясь переодѣться, онъ, какъ бы нечаянно, подошелъ къ зеркалу и остановился передъ нимъ. Долго съ болѣзненнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на себя, какъ вѣрно ни на кого не глядѣлъ. Онъ видѣлъ морщины на высокому лбу, еще недавно покрытому матовой бѣлизной, а теперь припавшимъ уже желтизну подержаннаго пергамента; онъ видѣлъ сѣдины, пробивавшіяся сквозь рѣдкіе волосы; померкшіе глаза, которые еще недавно были такъ нескромны.... и тяжело, тяжело стало ему!... Не объ увядшей красотѣ жалѣлъ онъ.... О, совѣтъ вѣтъ!... Онъ еще былъ очень хорошъ и не думалъ о томъ; но жалѣлъ о молодости, на которую такъ много, съ такою надеждою, рассчитывалъ. Онъ думалъ, что одной силы ея и энергіи уже достаточно, чтобы совершить громкія дѣла, и увы! Чтò принесла ему эта молодость? одно горькое разочарованіе! А между тѣмъ другіе рады уже и тому, что они молоды; гордятся этимъ, какъ будто они взяли молодость съ бою. Отчего же бѣдный Альпинъ иначе созданъ?...

Судорожно отошелъ онъ отъ зеркала, и не находя ни гдѣ покоя, а всего мѣтѣ въ самомъ себѣ, отправился въ комнаты отца.

Громкій веселый говоръ встрѣтилъ его издали. Старикъ Альпинъ не зналъ печали или лучше сказать не хотѣлъ знать ее. *Sapere diem* былъ девизъ его жизни; и онъ считалъ истинно потерянными тотъ день, когда расстройство желудка или другой недугъ лишалъ его хорошаго аппетита и веселаго расположенія духа. Онъ любилъ сына, но не мѣшался въ его дѣла. Крикъ малютки, заботы о воспитаніи,—старикъ не хотѣлъ ничего знать объ этомъ, предоставивъ дѣтство сына наемнымъ рукамъ, а юношество ему самому. Альпинъ почти не зналъ матери, и вотъ почему этотъ суровый, непрístupный отпечатокъ лежалъ на челѣ его; вотъ, можетъ-быть, отчего образовалась эта нетерпимость характера.

— Только тебя намъ доставало, милый Александръ, для добраго ужина. Теперь кружокъ нашъ чудесно составленъ, а что

насается до ужина, то мой Жоржъ не измѣнитъ! Я вѣрю въ дружбу, вѣрю въ любовь, вѣрю въ добродѣтель, но въ Жоржа, — я вѣрю какъ въ солнце, которое несомнѣнъ пронало съ петербургскаго неба и когда-нибудь вернется къ намъ. Жоржъ никогда не обманывалъ моихъ ожиданій, напротивъ онъ превосходилъ ихъ; сколько разъ я думалъ, вотъ-вотъ геній его истощился, и вдругъ на столѣ являлось блюдо, которое было лучше всего, что до того создавалъ онъ. Въ изобрѣтательности ему позавидовалъ бы самъ безсмертный Ватель. Да, Жоржъ геній, великій, истинный геній! А, ба! Александръ, можно-ли приходить въ общество, съ такимъ угрюмымъ лицомъ; ты будто выпилъ стаканъ кислаго вина, или проглотилъ гнилую устрицу. Однако, что съ тобою въ самомъ дѣлѣ? здоровъ ли ты? — и веселая фюзіонія старика выразила нѣкоторую заботливость.

— О, не безпокойтесь: я здоровъ, но такъ, что-то не весело.

— Ну! я это напередъ зналъ: все таже пѣсня. *Fin, que c'est malvaïs genre.* Отъ чего же невесело? отъ того, что гоняешься за неуловимой мечтой и не пользуешься тѣмъ, что подъ руками. Кто говорить! извѣстность славная вещь; но умѣй же пользоваться ею; всякая вещь добывается съ какою нибудь цѣлью; одинъ скупецъ копить деньги, только для денегъ, только для того, чтобы имѣть ихъ, но это мавія, болѣзнь, родъ помѣшательства. Каждый гражданинъ долженъ отслужить своему отечеству: на твою долю выпали обязанности тяжеле; ты расплатился честно: чего жъ тебѣ еще! Тѣмъ болѣе права имѣешь на веселость, на беззаботливость; совѣсть твоя чиста. Садись же, сложи свой лавровый вѣнокъ къ ногамъ нашихъ прекрасныхъ собесѣдницъ и прими отъ нихъ миртовый: женщины лучшія цѣнительницы нашихъ подвиговъ.

— И только женщины! сказалъ съ печальною улыбкой Альвинъ.

— И только!... прошу покорно! Вотъ нынѣшнее поколѣніе! Неужели мало этого! Да знаешь ли ты, что за обрывокъ женской ленты люди нѣкогда убивали другъ друга.

— Знаю, по преданію.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

— Но положишь и только!... Зачѣмъ же мой милый принимать вещи съ такой серіозной стороны. Сравнительно, даже не съ вѣчностью, а съ тѣмъ, что совершается на нашихъ глазахъ —

и твои подвиги, и другія громкія дѣла, пустяки; они важны собственно для героевъ этихъ педагоговъ, да небольшого кружка, который ихъ обвиняетъ, видѣть вблизи, со всѣхъ сторонъ, и дѣлаетъ имъ. А расширавъ горизонтъ, ставьте на высь, съ которой взоръ вашъ достигнетъ дѣла обыкновеннаго, и вы сами увидите всю мелочность своихъ дѣлъ. Такъ скажи, поналу ли стоитъ ли изъ-за нихъ забывать себя.

— А стоитъ ли и жить для себя, для нашей короткой жизни?

— Громко сказано, но извѣсти, въ твоихъ словахъ нѣтъ логики. Для какихъ же великихъ цѣлей ты предназначаешь себя, и кто указалъ тебѣ ихъ, кто далъ право на нихъ? Неужели ты думаешь, что въ твоихъ дѣлахъ меньше эгоизма, чѣмъ въ моихъ, хотя, повидимому, я живу только для одного себя: *е, сое, самъ нѣтъ!* Если бы было такъ, ты остался бы совершенно доволенъ послѣдствіями своихъ подвиговъ, благотворное вліяніе которыхъ многіе ощутили, но первая твоя мысль была о томъ, какое вліяніе они будутъ имѣть на тебя, какой реванш произведешь ты самъ: это и естественно; я упрещаю тебя все же за это, — мы такъ созданы: мысль, инстинктъ самосохраненія, заботливость о себѣ, развиты одинаково въ животномъ и въ человѣкѣ, а безотчетное самоотверженіе или совершенно невозможно, или возможно только какъ нравственное безобразіе, или какъ чувство, престопающее отъ сильнаго эгоизма. Обращаюсь къ другой части твоего періода: «жизнь коротка, такъ не стоитъ труда быть счастливымъ», а быть мученикомъ, страдальцемъ собственного честолюбія, для этого стоитъ жить?

— Вы не такъ меня понали! Не стоитъ жить для одного настоящего, должно думать о будущемъ....

— А!... произнесъ протяжно старикъ.

— Мысль о томъ, что послѣ меня не останется ничего кромѣ праха, что со мною умретъ все, что нима мое не переживетъ моей плоти.... Эта мысль убиваетъ меня.

— «Живи живой, гдѣ мертвый!» сказалъ поэтъ; волному свое назначеніе. Но зачѣмъ же ты позволяешь себя тревожить мыслью о смерти, о гробѣ?... Это самая дурная привычка, мой милый, и ты ее вѣрно привезъ съ собою изъ какой-нибудь дикой страны, гдѣ сжигаютъ живыхъ людей, сказалъ старикъ.

Но сколько онъ ни старался придать шуточное выраженіе своему лицу и словамъ, въ нихъ замѣтно отражалось безпокойство и внутреннее волненіе. Старикъ боялся смерти; заботливо, съ

суетными отраженьями отгонять от себя едкую мысль о ней, и потому очень обрадовался, когда вешедшій дворецкій прервалъ этотъ разговоръ извѣстїемъ, что ужинъ поданъ.

Ужинъ былъ одушевленъ. Онъ напоминалъ собой маленькіе ужины временъ Регента въ Парижѣ; только развѣ въ немъ было больше приличїя, но никакъ не меньше остроумїя, веселости, откровенности. Таковъ уже былъ этотъ обѣдованный, исключительный кружокъ людей, собиравшихся у Альфина, въ которомъ самъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ, какъ тѣнь искусно положенная на картинѣ.

— Знаешь-ли что, Александръ, сказалъ старикъ Альфинъ, обращаясь къ сыну, попробуй полюбить, и если любовь не разгладитъ морщинъ на твоемъ челѣ и не прояснитъ лица, то развѣ самъ демонъ вмѣшается въ это дѣло и употребитъ какое нибудь неизвестное намъ смертнымъ средство.

— Вы думаете такъ легко мнѣ Александру полюбить, замѣтила кузина его въ третьемъ колѣнѣ, молодая вдова Аврельева.

— Любовь — заблужденіе какъ и всякое другое, а заблуждаться свойственно человѣческой натурѣ: это найдете вы въ каждой христоматїи, такъ нельзя жъ не вѣрить. И, признаюсь, если ужъ позволено заблуждаться въ какомъ-нибудь пунктѣ, то я бы хотѣлъ именно въ этомъ.

— И продолжаете безъ позволенїя сбер once, замѣтила лукаво Аврельева.

— Если бы и желалъ, моя милая, то вы, женщины, постарались бы вывести меня изъ этого заблужденїя.

— Почему же! слава имѣетъ свою привлекательность, какъ и молодость, а вы сами сказали, что женщины лучшіе мужчинъ цѣнить славу.

Старикъ старался подавить вздохъ въ груди.

— Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о де-Линѣ. — Бѣдный де-Линъ! всю жизнь свою онъ добивался имени великаго полководца, и не звалъ того, что будь онъ дѣйствительно такимъ, все же имена болѣе славныя и громкія изгладили бы его изъ памяти людей, — между-тѣмъ какъ онъ приобрѣлъ истинную славу мудреца, и умѣя онъ только совладать съ своею старостью, какъ обращался съ молодостью, — имя де-Линя затмило бы имена Сократа и Эпикюра, потому-что тѣ умѣли только рассуждать о жизни, а де-Линъ умѣлъ жить, наслаждаться жизнью и быть полезнымъ обществу, въ которомъ жилъ. Но онъ и въ осемьде-

слать лѣтъ хотѣлъ жить также, какъ жилъ въ тридцать, жилъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ такъ, какъ жили его современники осьмнадцатаго вѣка. Онъ не умѣлъ найтись въ своей положеніи; жалѣлъ о прошедшемъ, какъ-будто можно жалѣть о томъ, чего возвратитъ нельзя, какъ-будто можно совратить солнце съ предвѣчнаго пути его?... Въ одну изъ несчастныхъ минутъ своего заблужденія, онъ, осьмидесяти лѣтъ!... старикъ, затѣялъ любовную интригу!

— Ахъ, это пренеприятно!

— Одно еще извиняеть его: это было въ такое время, когда люди съ ума сходили отъ радости, что остались живы, свободны, подъ своимъ кровомъ, въ своей семьѣ. Чадъ удовольствій, пиршествъ, радостей, любви, стоялъ несмѣнно надъ угорѣлою Вѣной; казалось только и было заботы, чтобы отыскать новый источникъ наслажденія, совершенно эпикурейскаго и испить его до дна: это происходило во время конгресса 1815 года. Де-Линъ кружился въ этомъ водоворотѣ подобно прочимъ, разсыпая искры своего ума передъ царями, и восхищая женщинъ изящностію своихъ намерѣній осьмнадцатаго вѣка. Ему разумѣется отвѣчали, первые милостивыми словами, покровительствомъ, даже дружбой, послѣдніи вѣжностями, болѣе чувствительными для старика, и то что дѣлалось изъ приличія, онъ принимали за налицую монету.

— Пожалуйста расскажите какъ это было.

— Въ высшемъ кругу Вѣны, славилась красота и умъ Гречавки, которой имя я забылъ; она свела съ ума своею холодностію не одного изъ молодыхъ и старыхъ; но къ де-Линю казалась равнодушной: былъ ли это капризъ сердца или расчетъ кокетки трудно рѣшить; только молодая вдовушка назначила свиданіе своему старому обожателю на городскомъ валу. Ночь была холодная; де-Линъ ждалъ долго, онъ, который въ свое время заставлялъ ожидать себя герцогини. Нетерпѣніе и досада волновали его. Къ утру уже онъ оставилъ свой постъ. Вернувшись домой, онъ почувствовалъ легкій ознобъ. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь увеличилась, еще прошло нѣсколько дней.... и великаго человѣка не стало!...

Такой неожиданный конецъ поразилъ всѣхъ.

— Боже мой, Боже! Неужели такъ легко умереть.... Неужели вѣтренность и кокетство женщины могли стоить жизни человѣку, котораго не могли сразить непріятельскія ядра и сабли. Бѣдный, бѣдный де-Линъ! сказала Аврельева.

— Бѣдный де-Лини! произнесъ съ чувствомъ старикъ, который не смотря на обвиненіе свое всё таки обошамъ его и изволюсь избралъ образцомъ своей жизни. И какъ онъ умеръ! Какимъ героизмъ умеръ этотъ мудрецъ, еще у гроба сѣдѣвшій надъ своею неудачей и кокетливо цѣловашій руку Гречанки, рыдавшей надъ его смертнымъ одромъ!... Такъ вотъ видишь ли, милая племянница, продолжалъ онъ, старался дать другое направленіе разговору, какъ опасно въ наши лѣта волочиться. И такъ направъ свои стрѣлы въ другую сторону, и онъ указалъ на сына, — на того, кто прикрытъ щитомъ молодости и силы.

— Этотъ щитъ не пробиваемъ, произнесла мать Аврельевой, старался скрыть смущеніе дочери.

— По-крайней-мѣрѣ, онъ предохраняеть отъ простуды, отвѣчалъ со смѣхомъ старикъ.

V.

Ужинъ кончился, а общество всё еще сидѣло вокругъ стола; разговоръ кипѣлъ, молодой Альвинъ остался. Онъ щедро разсыпалъ блестящи остроты, увлекала своими разсказами другихъ. Когда встали изъ за стола, Аврельева, до того молчаливая и устремившая на него неподвижный взоръ, какъ бы вышедши изъ подъ мѣлннн его, подошла къ нему.

— Отчего вы не всегда таковы, какъ сегодня? спросила она его, простодушно.

— Умѣйте сдѣлать такъ, чтобъ я былъ всегда таковъ, умѣйте поддержать во мнѣ восторженное состояніе, которое Богъ знаетъ почему нашло на меня сегодня, и я преклонюсь передъ вами, какъ передъ своимъ божествомъ.

Аврельева не могла не замѣтить шутивый и даже насмѣшливый тонъ, съ которымъ были произнесены эти слова, но ей хотѣлось вѣрить въ нихъ.

— Не я, — всё близкіе вамъ заботятся о васъ, окружаютъ своей любовью.... Вотъ наиримѣръ, вашъ папа, какъ онъ былъ встревоженъ, при вашемъ приходѣ, и какъ развеселился теньеръ.

— Батюшка, такъ, но кто же другіе?

— Боже мой, зачѣмъ исчисленіе именъ. Посмотрите на оживленные лица окружающихъ васъ.

— Вы говорите все о другихъ, милая кузина, продолжалъ онъ

ласково взявъ ее за руку, и шутя, кокетничая съ нею.... но въ вѣсть, есть ли хоть капля состраданія ко мнѣ?

— Чтѣ вамъ до меня, продолжала она, загорѣвшись удовольствіемъ; что вамъ въ привязанности женщины! вы смѣетесь надъ женскою любовью и презираете женскую ненависть.

— Какъ это можно! женская ненависть такая страшная вещь, а о любви и говорить нечего: кто ее не знаетъ?

— Послушайте, кузень! Не шутите съ женщиной: вѣсь когда-нибудь накажетъ она,—а не она, такъ Богъ за нее.... И Аврельева надувъ розовыя губки отошла прочь. Альпинъ съ участіемъ глядѣлъ на нее; у него недоставало злости терзать это слабое существо, которое не выдержало бы и первой сердечной пытки. Между-тѣмъ оставленная душа его требовала какой-то странной дѣятельности; внутреннее волненіе кипѣло болѣе и болѣе. Ночь,—пора тайной, полуразгаданной душевной тревоги, пора кипучей сосредоточенной дѣятельности, которая разъединяется дошвыми шумомъ и свѣтомъ. Альпинъ, простиившись послѣдній съ отцомъ, отправился, самъ не зная куда. Это было осенью, ночь была тиха и темна, только нѣсколько звѣзд мерцали съ высоты.—Альпину была по сердцу эта таинственность природы. Долго бродилъ онъ безъ цѣли, и наконецъ спустился въ садъ; что-то бѣлое мелькнуло за деревьями: воображеніе его уже было настроено къ чудесному, и онъ съ любовнымъ восторгомъ пошелъ къ дремавшей передъ нимъ тѣни.

— Боже мой, прозвнѣлъ женскій голосъ, тоскливо: оставишь ли ты меня въ покоѣ, хоть ночью; и зачѣмъ ты не спишь?

— Нельзя; надо присматривать за тобою.

— Но что я тебѣ? зачѣмъ ты выбралъ меня для своихъ терзаній!?

— Кого же еще? Мы вѣдь свои и должны дѣлать все попонимать; кромѣ того у меня есть еще собачонка, паршивка, знаешь: та терпитъ больше твоего.

— О, Боже мой! неужели же я не имѣю столько силы, чтобы освободиться изъ подъ вліянія этого демона....

— Дай рубль и я на сегодня оставлю тебя.

— Но ты знаешь, что меня обраетъ мать, мужъ ея, дѣдъ, и наконецъ ты самъ подъ различными предлогами: гдѣ мнѣ набрать вамъ денегъ?

— Всѣ-равно, отдай свой носовой платокъ: онъ стоитъ больше рубля.

— Но какъ вы не подумаете о томъ, что ваши мученія могутъ меня заставитьъ бѣжать отсюда, бѣжать отъ васъ, или свести въ могилу.... и тогда вы лишитесь всѣхъ своихъ доходовъ.

— Нѣтъ, мы вѣдь сторожимъ за тобой день и ночь; мы знаемъ сказку о курочкѣ и золотомъ яичкѣ, и ни за что не изведемъ тебя.... Что же платокъ? жаль, что ли?

— Возьми, только ради страданій моихъ оставь меня! Это демонъ, это семья демона, которая овладѣла моею душою еще на землѣ, за тяжкій грѣхъ мой, провзнесла съ отчаяннѣмъ женщина.

— Нужна только сила воли или вѣрный другъ, чтобы исторгнуть изъ нея, отвѣчалъ Альпинъ, вышедши изъ-за дерева.

— Кто здѣсь? вскрикнула съ испугомъ Лили, и вскочивъ со скамейки хотѣла поспѣшно удалиться.

— Не бойтесь: это я! Вашъ голосъ убѣдилъ меня еще болѣе, чѣмъ ваше лицо, что мы знакомые; а если вы меня знаете, то вѣрно безъ опасеній вѣрнитесь мнѣ.

— О да, я знаю, я узнаю васъ изъ тысячи во тмѣ, и страшусь васъ больше всего на свѣтѣ.

— Полноте, какое ребячество! Что за мечты разстроеннаго воображенія, и что я могъ сдѣлать вамъ, беззащитной женщинѣ?

И онъ взялъ ее за руку.

— Оставьте, оставьте меня! Ваше прикосновеніе жметъ мою руку.... Что вы сдѣлали?!.. А! даже память того неисчерпаемаго зла, которое вы излили на меня, исчезла! такъ ничтожно, такъ обыкновенно для васъ погубить бѣдную дѣвушку въ этой жизни и будущей.

— Послушайте! я не принадлежу къ числу скитающихся донъ-Жуановъ, гордящихся своими побѣдами надъ молодостью и неопытностью женщинъ и потому упреки ваши вѣрно не ко мнѣ относятся: вы приняли меня за другаго.

— Боже мой, Боже! это ужасно! даже ни малѣйшаго воспоминанія! Такъ вы не считаете зломъ привязать къ себѣ бѣдную дѣвочку, привязать душой и тѣломъ, оторвать ее отъ отца, отъ всего что было для нея святаго, отчуждить отъ свѣта, потому что весь свѣтъ заключался для нея въ васъ однихъ.... и потомъ, ее, осиротѣвшую, бросить одну-однихоньку на большой дорогѣ, въ вьюгу и морозъ, когда она къ вамъ простирала свои умоляющія

руки. Цыганка, сама безпріютная, сжалась надо мной, — а вы не сжалились!...

— Ба! Ляля, моя добренькая, миленькая Ляля, давно бы ты мнѣ такъ сказала, а то мучишь догадками.

И онъ хотѣлъ дружески обнять ее.

— Подите прочь! У меня еще найдется довольно силы, чтобы ненавидѣть васъ.

— Пустое, Ляля! Ты не обманешь ни себя, ни меня: ты меня любишь....

— Да, я любила — когда не знала васъ! когда обманывалась въ васъ; но теперь.... если бы даже сердце, бѣдное сердце забилось при видѣ васъ, то вооружится разсудокъ....

— Что ни дѣлается, все къ лучшему, и ты должна не клясть, а благословлять меня. Только несчастія, глубокія, всесокрушающія несчастія, подвигаютъ къ чудесамъ великую душу.... Своей славой ты обязана своимъ несчастіямъ.

— И тѣмъ несчастіямъ, которыя окружаютъ, преслѣдуютъ, тѣснятъ меня отовсюду; между тѣмъ, какъ одной капли любви, излитой вами на мое истерзанное сердце, достаточно было, чтобы преобразить меня, избавить отъ всѣхъ невыносимыхъ бѣдствій, которыя я перенесла и еще должна претерпѣть, которыя умертвили лучшую часть моихъ способностей, лучшую часть моихъ надеждъ.

— Ты заблуждаешься; ты также воспріимчивая какъ была прежде; опытъ жизни не исправилъ тебя. Вѣрь, моя милая, любовь имѣетъ снотворное дѣйствіе на душу: она погружаетъ ее въ какое-то величественное, воображаемое блаженство созерцанія предмета ея любви, въ восточное бездѣйствіе, своего рода кейфъ, весьма близкій къ апатіи. Забудемъ же прошедшее, или лучше сказать, забудемъ изъ прошедшаго то, что тебѣ кажется такъ странно, и что въ сущности не что иное, какъ обыкновенное теченіе дѣлъ житейскихъ, и только несчастное сплетеніе обстоятельствъ, въ которыхъ виновата одна судьба....

— Если бы я и хотѣла забыть, то незажившія раны сердца напоминать мнѣ его....

— Будемъ вспоминать изъ прошедшаго только о томъ, что утѣшительно намъ обонмъ. Помнишь, вѣдь я первый началъ учить тебя музыкѣ и меня всегда удивляли твои способности, но я боялся твоей восторженности; бывало, ни съ того, ни съ сего, ты повергнешься предо мной на колѣни и глядишь на меня

своими влажными, задумчивыми глазами, полными нежности. Я приписывал все это дѣтской привязанности, благодарности. Я надѣялся, что эта привязанность никогда не остынетъ въ тебѣ... я увѣренъ, что въ душѣ ты осталась все той же доброй, милой, любящей Лялей...

И онъ съ нежностью опять взялъ ее руку и прижалъ къ груди своей. Ляля находилась въ некоторое время какъ бы подъ обаяніемъ этого человѣка и оставила свою руку въ его рукѣ, но потомъ опомнилась.

— Оставьте меня, оставьте, говорю я вамъ. Вы готовите мнѣ какое-нибудь новое бѣдствіе, хотите увлечь въ новую гибель и потомъ бросить беззащитную. Моя слава соблазнила ваше тщеславіе; вамъ хочется похвастаться побѣдой надъ той, которую всѣ считаютъ недоступной. Явилась я нищей Цыганкой, какой я добрела до Москвы, вы съ презрѣніемъ бы взглянули на меня. О, теперь я знаю васъ!...

Такое сближеніе съ какимъ-нибудь хватомъ, добивающимся улыбки актрисы, какъ высшей награды, для того, чтобы потщеславиться ею передъ подобными себѣ,—было очень оскорбительно для честолюбія Альпина. Альпинъ, дѣйствительно, не имѣлъ ничего общаго съ ними; но въ сущности, Ляля была справедлива: она прошла бы незамѣченной мимо его, не только подъ рубищемъ нищей, но и въ обыкновенномъ платьѣ; что жъ привлекало къ ней теперь Альпина?

Онъ былъ свободенъ, душа тосковала и жаждала дѣятельности. Ляля явилась передъ нимъ существомъ необыкновеннымъ. Ея возстаніе противъ него, эта ненависть къ нему, неопредѣленная, смѣшанная, тревожная, наконецъ возбужденный ею общій интересъ, все это занимало его. Ляля сохранила еще къ нему любовь, и Альпинъ не могъ не замѣтить этого; любовь на минуту увлекала ее, заставляла забытья, но она скоро приходила въ себя; тогда разсудокъ указывалъ на Альпина какъ на чудовище, и она съ ужасомъ хотѣла бѣжать отъ него, она ненавидѣла его. Ляля вспомнила, что когда-то дорогой изъ Каратабана умирала отъ холода и голода. Она мечтала объ Альпинѣ, о, если бы онъ прибѣгнулъ къ ней съ любовью, со страстью, той пылкой, всеокрушающей страстью, которую она питала къ нему! Что сдѣлала бы она съ нимъ? предала ли бы его той же пыткой душевной, тѣмъ мученіемъ любви, которой предалъ онъ ее, бѣдную страдальницу, или забыла бы все прошедшее: за-

быть прошедшее, забыть отца, которого она почти поклонилась на смертном одрѣ, оторваться отъ его гроба, чтобы слѣдовать... За призракомъ? нѣтъ, это невозможно. Какъ часто и теперь эти развѣденыя мысли волновали ее, особенно въ эту ночь, когда любовь Альфина казалась ей такъ близка къ осуществленію. Ляля, если можно такъ выразиться, любила сердцемъ и ненавидѣла разсудкомъ. Такая внутренняя борьба придавала ей странную силу, энергію души, и въ этотъ водоворотъ страсти Альфина охотно кидала свое бесполезное, какъ онъ думалъ, существованіе. Чѣмъ кончится для него борьба, куда вынесетъ его этотъ водоворотъ, онъ объ этомъ не думалъ: только бы существованію сво приняло опять жизнь или какой-нибудь отблескъ, хотя чужаго существованія.

VI.

Аврельева принадлежала къ тѣмъ кроткимъ, слабымъ, добрымъ существамъ, которые какъ-будто созданы не для земли, или только для страданій на землѣ. Съ сердцемъ, нѣжнымъ, удобовоспламеняемымъ, любящимъ, онѣ не имѣютъ воли заставить себя полюбить ихъ, не имѣютъ силы покорить своей любви грубую натуру мужчины, которая во всемъ привыкла находить противодѣйствіе, борьбу и сдается только съ бою, вовсе не замѣчая ласки побѣдъ, и пренебрегая побѣдами безъ битвы. Этихъ женщинъ не должно смѣшивать съ женщинами сентиментальными; веревка истинны, но поддѣльны въ своихъ чувствахъ, въ мученіяхъ сердца, которыя обманываютъ себя и свѣтъ, или правильно сказать, обманываются, можетъ-быть, неумышленно увлечась игрою фантазій, настроенной романами или подругами дѣтства. Онѣ сами создаютъ свою любовь, свои мученія, и потому ихъ также легко разрушить какъ онѣ созданы. Изъ этихъ женщинъ выходятъ впоследствии добрыя хозяйки, заботливыя матери обшлагого огромнаго семейства и даже порядочныя жены: сентиментальность смягчаетъ ихъ нравы и рука такой женщины слабе опускается на ланиты страждущаго человечества, которое предстанетъ предъ ними въ видѣ горничныхъ и деревенскихъ старухъ; между-тѣмъ какъ Аврельева остаются вовсе безъ приложенія въ нашемъ положительномъ мірѣ, и потому, можетъ-быть, истребляются все рѣже и рѣже; и когда, Богъ дастъ, мы

научился управлять своими сердцемъ также левле, какъ паровой машиной, тогда подобныхъ женщинъ вовсе не будетъ.

Аврельева не любила своего мужа, но вышла за него потому-что этого хотѣлось ея мачихѣ, женщинѣ тщеславной и холодной. Бѣдная страдалица терпѣла много, но молча, безропотно, облегчая свои муки только молитвою и слезами. Наконецъ мужъ померъ; сердце отлегло отъ мученій, но испытанное ими, не удовлетворенное страстью, раздражаемое ею, оно тѣмъ болѣе жаждало наслажденій, любви, для пріятія которой раскрылось вполне. Аврельева рѣдко посѣщала свѣтъ, но была замѣчена въ немъ; замѣчена, и только. Ея томное, чрезвычайно нѣжное лицо, ея голубые глаза, подернутые влагой, ея тонкія черты лица требовали продолжительнаго изученія, чтобы открыть въ нихъ душу страстную и пылкую. Привыкшая къ семейной тираніи сначала мачихи, потомъ стараго мужа, она была робка, и потому, только коротко знакомые, а такихъ было очень немного, могли оцѣнить ея достоинства. Она осталась бездѣтвой послѣ богатаго мужа и большая часть состоянія его перешла въ другія руки, а ея собственное было разстроено продолжительнымъ управленіемъ опеки, слѣдовательно этотъ привлекательный путь, по которому пробиваются вскатели семейнаго счастья до открытія талантовъ своихъ невѣсть, былъ забытъ, а потому можетъ-быть и сама Аврельева оставалась въ тѣни на второмъ планѣ общества. Такая женщина не могла не полюбить Альпина, съ которымъ родство сближало ее и дѣлало развязтѣй; а наружность, и еще болѣе его странная судьба, могли очаровать женщину и съ мевѣ пламеннымъ воображеніемъ. Равнодушіе Альпина ко всему и собственно къ ней, только растрывало эту любовь; одной его ласки, одного добраго слова, нерѣдко мимоходомъ сказаннаго достаточно было, чтобы питать ее.

Съ нѣкотораго времени однако, любовь Аврельевой стала находить болѣе пищи. Альпинъ сдѣлался какъ-то одушевленнѣе ко всему, добрѣе къ ней. Угодливостью, въ которой было столько нѣжности, столько любви и снисхожденія, она старалась возблагодарить его за это вниманіе. Бѣдная, она вовсе не была кокетка, и не хотѣла понять, что угодливость женщины самое плохое орудіе для завоеванія любви; что, чѣмъ женщина угодливѣе, тѣмъ мужчина дѣлается требовательнѣе, и это кончается иногда очень плохо для первой.

Альпинъ часто говорилъ ей о прекрасной Цыганкѣ; ничего не-

было и удивительного: о ней всё говорили. Было ли возбуждено любопытство Аврельевой, или она хотѣла сдѣлать что-нибудь приятное для Альпина, только она пригласила къ себѣ на дачу хоръ Цыганъ, въ которомъ участвовала и Ляля: одна, она не являлась ни на какія приглашенія, а это было причиной, почему хоръ Цыганъ вошелъ тогда въ такую славу и нерѣдко появлялся въ лучшихъ домахъ Москвы, особенно въ загородныхъ.

Вечеръ. Въ саду бродило нѣсколько группъ разсуждавшихъ объ обѣдахъ, о собакахъ, о вистѣ, между-тѣмъ какъ заходящее солнце обдавало золотымъ отливомъ верхушки деревьевъ, словно садъ былъ подъ золотою кровлею, а сумерки уже наступили въ нѣтъ, небо такъ и манило взоръ, а никто не обращалъ на него и малѣйшаго вниманія. Альпинъ ходилъ съ Аврельевой въ тѣнистой аллеѣ. Онъ говорилъ, она слушала. Глаза, устремленные на него блистали счастьемъ; душа бродила на полураскрытыхъ устахъ и, казалось, готова была упасть къ ногамъ его. Богъ знаетъ о чемъ говорили они, только изъ-за деревьевъ два черныхъ глаза давно слѣдили за ними и, казалось, старались уловить смыслъ разговора по выраженію лицъ, по жестамъ разговаривающихъ. Шелестъ ли вѣтвей, раздвигаемыхъ этимъ тайнымъ соглядатаемъ, вліяніе ль глазъ, съ напряженіемъ устремленныхъ на Альпина, было причиной тому, что онъ не разъ обращалъ судорожно свою голову къ той сторонѣ. Наконецъ раздался хоръ цыганскихъ пѣсенокъ, и онъ некончивъ начатой рѣчи и бросивъ хозяйку, отправился къ Цыганамъ. Слезы навернулись на глазахъ Аврельевой.

— Смотрите, смотрите.... какое выраженіе лица! не самое лицо, но это выраженіе лица поражаетъ меня, говорилъ Альпинъ Аврельевой, которая какъ-то опять очутилась возлѣ него.

— Она страшна.... да, точно, она хороша.

Хоръ умолкъ. Альпинъ поспѣшилъ къ Цыганкѣ.

— Ляля! Будь добра и мила какъ ты была нѣкогда, въ дѣтствѣ, когда всякую мою прозбу исполняла какъ законъ: спой намъ пѣсенку одна, безъ этого дикаго аккомпанимента.

Альпинъ не къ стати напоинилъ ей дѣтство. Она гордо подняла свою голову и взглянувъ съ пренебреженіемъ на Альпина спросила.

— Кто далъ вамъ право обращаться со мною такимъ образомъ, называть меня ты?

— Кто? сказалъ изумленный Альпинъ: наша старая дружба....

Ты... я хотѣлъ сказать вы, прибавилъ онъ, дѣлая удареніе на словѣ вы,... вы забыли ее, не я помню, помню не для того, чтобъ упрекать васъ ею, чтобъ требовать чего-нибудь ея вмѣстѣ, но чтобъ исполнять во имя ея всѣ ваши требованія...

— Въ этомъ дѣлѣ мы еще сочтемся.... да, сочтемся.... будетъ время.

И лицо ея выразило что то зловѣщее.... но его быстрая игра, на которую смотрѣлъ Альпинъ съ любопытствомъ, когда Ляля была дитятей, эта игра, эти стремительные энергическіе переходы отъ ощущенія къ ощущенію, поражали теперь Альпина какими-то необыкновеннымъ для него чувствомъ удивленія, страха, любви.

— Хорошо, не будемъ вспоминать прошедшаго, не будемъ требовать и желать ничего ради этого прошедшаго. Наши старые счеты всѣ покончены временемъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ.... мы еще сочтемся, повторила она.

Альпинъ не обращалъ вниманія на голосъ, на судорожныя движенія, съ которыми были произнесены эти слова.

— Въ настоящемъ будемъ жить для одного настоящаго. Скажите какую жертвою я могу заставить васъ нѣтъ?...

И Альпинъ, нехотѣть-быть, раздраженный противудѣйствию, нехотѣть-быть умокаемый желаніемъ видѣть, какъ выразитъ эта необыкновенная женщина всю силу, всю нѣжность русской нѣсни, и возвысится ли эта дикая душа до высоты значенія нѣсни, пойметъ ли она ее вполне,—Альпинъ, говоримъ мы, востановилъ все болѣе и болѣе. Онъ, кажется, думалъ, что послѣ этого совершенно разочаруется, онъ боялся и желалъ этого, не умѣя самъ постигнуть волненія своихъ чувствъ, и, гордый, страшился самой мысли подчиняться имъ.

— Хорошо, сказала она нѣсколько немедливъ, какъ бы несо-вѣстнъ рѣшалась, я готова принять отъ васъ эту жертву.

— А! подумалъ онъ, вотъ и условія страстующей авантюристки: посмотримъ.

— Эта женщина любитъ васъ, произнесла Ляля, указывая на Аврельеру, и любитъ всюю силою души, вы и понять не можете такой любви... Будьте же съ ней жестоки и холодны, какъ только вы одни умѣете быть.... только на сегодня.

— Хоть на всегда, произнесъ Альпинъ, для котораго впрочемъ подобное предложеніе было вовсе неожданно: я даже договорю

рану мысль: какъ истинный рыцарь, я выберу васъ дороже души моей.

— Я не говорю этого.

— Я угадалъ васъ, сказалъ Альпинъ. О, конечно, если бъ она меня не любила, подумалъ онъ, тогда къ чему ей ревновать къ другой, къ чему эта необыкновенная жертва?

И торжествующій отошелъ отъ нея. Надо сказать, что онъ во весь вечеръ исполнялъ свое обещаніе какъ нельзя точнѣе.

Оскорбленная, униженная Аврельева нѣсколько разъ принуждена была уходить въ свою комнату, чтобъ выплеснуть досаду, которую при всей скромности она едва могла скрывать. Альпинъ не отходилъ отъ Ляли, вовсе не заботясь о томъ, что обращалъ на себя общее вниманіе присутствовавшихъ. Что ему было до другихъ! пускай себѣ Москва говоритъ, что хочетъ! Ляля, иногда задумчивая, слушала со вниманіемъ Альпинна, казалось увлекалась его разговоромъ, но вдругъ останавливала порывы его холодныхъ взоровъ, или однимъ словомъ разрушала всѣ его надежды.

— Любовь! отвѣчала она насмѣшливо на иѣжный его шепотъ, любовь разрушаетъ всѣ надежды, всю будущность человѣка, вѣдь, кажется, вы такъ говорите?

— Что мнѣ до надеждъ, что мнѣ до моей будущности! Въ тебѣ одной моя надежда, моя будущность, говорилъ онъ и, можетъ быть, въ эту минуту, онъ говорилъ отъ души, быстро увлекаемый всякою страстью.

— Пустыя слова!....

— Послушай, ты требовала отъ меня жертвы личностной: требуй доказательствъ моей любви, и каковы бы ни были твои требованія я ихъ исполню.

— Вчера вы это говорили Аврельевой, сегодня говорите мнѣ, завтра будете говорить другой.

— Тебѣ одной!.... О, въ этомъ ты можешь быть увѣрена; я не уступлю до ажи, хотя бы даже для того, чтобъ завладѣть сердцемъ женщины.

— Можетъ быть, потому что до сихъ-поръ вы считали это слишкомъ легкою добычей, для которой не нужно было прибѣгать ни къ какимъ усиліямъ.

— О, не говори мнѣ вы, не говори со мной какъ съ другими, которыхъ вся любовь — пустое тщеславіе, которые оскверняютъ это слово, это чувство, прикидываются влюбленными, какъ при-

кидываются ушными, чтобы казаться интересными. Ляля, ну же-ли ты меня не можешь понять, не можешь отличить от этой толпы.

— Тебя... васъ....

И Ляля громко захохотала. Но въ этомъ смѣхѣ было что-то судорожное, потрясающее.

— Какъ вы смѣшны съ своими пышными словами! Вы говорите, что не унижитесь до жи.... Не вы ль говорили мнѣ совсѣмъ иначе, не вы ль издѣвались надъ любовью вообще, утверждая, что ею какъ домономъ пугаютъ ребятъ, и что она не существуетъ!

— Ляля, полно шутить: мы условлись забыть старое.

— Тогда я васъ не понимала, теперь вполне понимаю.... Свѣтъ пустой, говорите вы.... вы пустѣе его съ своими громкими словами.

— Ляля, я не позволю издѣваться надъ собою, сказалъ су-рово Альпинъ.

— Не горячитесь, не жмите мнѣ такъ больно руки, вамъ не-я теперь не утратить, и я въ свою очередь не позволю вамъ издѣваться надъ чувствами.

— Я заставляю васъ раскаться въ провнесенныхъ словахъ.

— Вы даже незабавны съ своимъ гнѣвомъ. Громнѣе интерес-нѣе васъ...

Она быстро отошла отъ Альпина къ Гроливу, и завязала съ нимъ тайный разговоръ.

Но чего стоило ей это торжество надъ собой и надъ Альпи-нымъ? Что дѣлалось въ ея бѣдномъ, разбитомъ, подавленномъ сердцѣ? Блѣдная, она едва держалась на ногахъ, прислонившись къ дереву; она говорила, она улыбалась, смѣялась; но не пони-мала ничего, что дѣлается вокругъ ея; въ ушахъ ея звенѣло, какъ у утопающаго; кровь была ключемъ къ головѣ и застывала у сердца; какъ камнемъ давило ей грудь, что всегда бываетъ, когда, по простому выраженію народа, поетъ сердце.

Ляля съ радостью схватила руку проходившей мимо матери, и уѣхала съ нею домой.

— Хорошо, моя голубушка, очень хорошо, говорила дорогой старая Цыганка, заманивай его дальше и дальше, запутывай въ свои сѣти крѣпче и крѣпче: только этимъ способомъ и можно высосать изъ мужчины все, что хочешь.

— О, Боже мой, Боже! если и онъ тоже подумалъ обо мнѣ, прошептала Ляля, съ отчаяніемъ упавъ на постель въ своей ком-

нотъ, вѣнчикъ; съ которыми она пыталась свои чувства, замушало ее. Она все еще любила; въ этомъ она не могла сомнѣваться, но не могла знать исполнѣ его чувствъ; она была увѣрена, что онъ не улаживался страстью, что сердце его было холодно, и что онъ хотѣлъ ея погнѣбелъ, одной погнѣбелъ, послѣ которой женщины нѣтъ исхода къ спасенію, ни въ этой ни въ будущей жизни. Но за что же этотъ человѣкъ съ такимъ упорствомъ преслѣдуетъ ее? И неужели у него достанетъ столько жестокости! А прѣжній поступокъ! Но Альпинъ былъ всегда вѣренъ своимъ чувствамъ; кановы бы они не были, онъ не скрывалъ ихъ; онъ не унижится до лжи; Альпинъ сказалъ правду. О, тогда, тѣмъ лучше, пусть онъ меня любить, пусть любить сильнѣе и сильнѣе, я постараюсь подстрекнуть, разжечь любовь, довести его до краю той бездны, у которой я стояла, у которой можетъ быть стою и теперь... И тогда... буду ли я имѣть столько твердости, чтобы столкнуть его туда?... И бѣдная Ляля мучилась ставило же создаваемыми ею мечтами, какъ в существенности; и не кому ей было передать терзаній, какъ своей смоченой слезами подушкѣ. Даже Сонючкиной она давно не видала и потому рѣшилась отыскать ее.

VII.

Альпинъ преслѣдовалъ Лялю повсюду, съ какимъ-то чувствомъ тоски; досады, не удовлетворенной страсти. Его любовь, если только это была любовь, вовсе не походила на обыкновенную любовь; это было какое-то дикое раздраженіе, не разъ доводившее его до самыхъ отчаянныхъ крайностей. Въ городѣ, Богъ знаетъ, какіе слухи ходили объ немъ. Говорили, что онъ дрался съ какимъ-то трактирнымъ герцеземъ, встрѣтившись съ нимъ у Ляли; что онъ не выходитъ отъ Цыганъ; что онъ, подобно Алеко, наконецъ хочетъ оставить свѣтъ и поступить въ цыганскій таборъ, женитая на Ляли; и даже перемѣнять вѣру: Москва хитра на выдумки. Слухи эти и многіе другіе доходили до старика Альпина, который сначала смѣялся надъ ними, хоть и принужденно, потому что сама уже молва; въ которой такъ непрелично фигурировало имя его сына, ослабляла его; потомъ, видя разныя доводы и подтвержденія этимъ слухамъ въ поступкахъ самаго сына, котораго старый Альпинъ съ нѣкотораго времени почти не видалъ, нанъ находилъ въ какомъ-то странномъ, несстественномъ

положеніи, онъ былъ затронуть за живое. Пускай бы дѣло шло о законной дуали, онъ бы пожалѣлъ о сытѣ, но не сокрушался бы объ имени его; пусть были бы интриги съ женщиной, достойной его, отецъ бы даже пожурилъ въ слухъ слегка, хотя бы въ таинствѣ лукаво улыбался, а то съ бродячей Цыганкой (потому что въ сущности Ляля всё-таки не больше какъ Цыганка), — съ Цыганкой, которая публично издѣвается, смѣется надъ нимъ: это просто срамъ. Старикъ обѣдалъ не въ естественномъ расположеніи духа, необходимомъ для сваренія такихъ разнородныхъ элементовъ поглощенной имъ пищи и въ слѣдствіе разстройствъ душевныхъ и желудочныхъ слегъ въ постель. Много ль нужно, чтобы заболѣть старикъ?

Альпинъ былъ знатенъ и почтенъ по Москвѣ. Тѣсны поспѣшителей осаждали его домъ; но старикъ, слѣдуя своей системѣ, принималъ только самыхъ близкихъ друзей, такихъ, для которыхъ его горе было предметомъ душевнаго состраданія, а не злыхъ толковъ. Онъ любилъ въ особенности свою племянницу, Аврельеву. Между чувствами ихъ находилось много точекъ соприкосновенія; хотя Аврельевой и странно казались нѣкоторыя сужденія старика, но она благоговѣя передъ его рыцарскимъ благородствомъ, сокрушалась болѣе его объ увлеченіи молодого Альпина, забывая въ этомъ случаѣ о самой себѣ.

Аврельева перѣдко оставалась въ комнатѣ больного одна, до поздняго вечера. Разъ, въ такую пору, старикъ, освободившись съ усиленіемъ изъ подъ таготившей его дремоты, увидѣлъ Аврельеву, съ глазами, еще влажными отъ слезъ. Отъ опытности Альпина не могли ускользнуть чувства Аврельевой къ его сыну, но онъ никогда не показывалъ виду, что замѣчаетъ ихъ.

— Бѣдное дитя, сказалъ онъ, взявъ съ нѣжностію руку Аврельевой, не горюйте о старикѣ: мнѣ лучше. Посмотрите сами, и онъ приложилъ ея руку къ своей горячей головѣ: чувствуете ли, жаръ унялся; можетъ быть подъ благодатнымъ вліяніемъ вашей ручки, продолжалъ онъ, стараясь, по обыкновенію, придать шуточный тонъ разговору. Богъ дастъ, еще мы проведемъ не одинъ веселый ужинъ вмѣстѣ.

— О, навѣрное! воскликнула поспѣшно Аврельева, зная какъ мысль о смерти страшна его.

— Только мнѣ кажется, что я кого-то изъ друзей не достигаюсь всякій день.... а надо, чтобы собирался всѣ.... я такъ привыкъ видѣть всѣхъ, что отсутствіе кого-либо уже напоминаетъ мнѣ о разлукѣ вѣчной.

— Кого же? скажите? Может-быть кто-нибудь боится безпо-
контъ васъ?

— Скажи мнѣ, пожалуйста, давно ли ты видѣла моего Але-
ксандра?

— Его?... да.... нѣтъ.... съ нѣкотораго времени.

— Не случилось ли съ нимъ еще чего худшаго?..

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. И если вы позволите послать за нимъ....

— Нѣтъ, моя милая! Я не хочу принуждать другихъ, чтобы
любили меня. Я не принесла никакихъ жертвъ сыну, и не тре-
бую ихъ отъ него.... Я люблю его, правда, но если собственные
чувства не влекутъ его къ моему одру, пусть лучше не прихо-
дитъ. Мнѣ тяжело думать, что онъ будетъ на меня роптать
вслухъ или мысленно, что онъ *обязанъ* сидѣть у страдальческа-
го одра, между-тѣмъ какъ могъ провести свое время и лучше и
полезнѣе.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Онъ этого не скажетъ, онъ этого не поду-
маетъ.

— Я готовъ вѣрить; въ немъ течетъ хорошая кровь. Однако
же онъ знаетъ, что я нѣсколько дней уже боленъ, что я всегда
радъ когда его вижу.... Почему жъ онъ по-сю-пору не былъ у
меня?

— Конечно, что-нибудь особенно важное, дѣла.... онъ еще не
подалъ какихъ-то отчетовъ по службѣ....

— Доброе, доброе дѣтя! И какъ было не полюбить тебя....

Аврельева припала къ постели, пала ницъ на простертую ру-
ку и обливала ее долго удерживаемыми слезами. Это нѣмое
искреннее признаніе еще сильнѣе связало узы между двумя су-
ществами, изъ которыхъ одно стояло у гроба, другое едва было
посвящено въ страшныя таинства жизни.

— И твою нѣжную, кроткую, святую любовь промѣнять на
дикую страсть къ какой-нибудь странствующей авантюристкѣ.

— Пусть бы она его любила, пусть бы сдѣлала счастливымъ,
и я бы благословляла ее.

— Она смѣется надъ нимъ, она сдѣлала его смѣшнымъ, въ
цѣломъ городѣ.

— Я приведу его къ вамъ, я укажу на вашъ болѣзненный
одръ; я скажу какъ вы страдаете, не видя его....

— Нѣтъ, нѣтъ! Это унижить его въ собственныхъ глазахъ!
это сдѣлаетъ меня смѣшнымъ, старымъ воркуномъ, параднымъ
отцомъ Мольеровой комедіи. Уваженіе его къ себѣ и ко мнѣ —
еще послѣднее звено, которое привязываетъ его къ свѣту.

— Но кто же скажетъ ему, что онъ стремится къ пропасти?

— Его собственный разумокъ.

— Его разумокъ затемненъ страстью, которая имѣла столько надъ нимъ власти, что оторвала отъ вашей постели.

— Тогда оставимъ его собственному произволу.

Въ это время раздался стукъ экипажа у подъезда. Аврельева поспѣшно простилась со старикомъ и вышла. Альпинъ внимательно слѣдилъ за нею взорами.

Аврельева слышала стукъ шаговъ, поспѣшно поднимавшихся по лѣстницѣ; сердце ея замерло; она на минуту приостановилась у порога, чтобы перевести духъ, и потомъ вошла въ двери; въ то же время въ противоположныя двери входилъ молодой Альпинъ. Онъ разсѣянно поклонился проходя мимо ея и хотѣлъ подвѣяться къ себѣ наверхъ. Аврельева имѣла смѣлость остановить его.

— Вы не спросите меня, сказала она нѣсколько засмѣявшись, объ успѣхѣхъ вашего порученія.

— Порученія! какого?

— Вы даже забыли уже о немъ; а вѣдь, знаете, мнѣ было не легко выполнить, и оно доставило мнѣ довольно хлопотъ.

— Тогда мнѣ остается пожалѣть о томъ, что я васъ утруждалъ, сказалъ онъ съ виднымъ знакомъ нетерпѣнія.

— Мосье Александръ, не такъ благодарятъ за оказанную услугу.

— Но скажите, какого рода это благодареніе, чтобъ я могъ вполне оцѣнить его, и если нужно пасть передъ вашими ногами для изъявленія благодарности, произнесъ онъ своимъ обыкловеннымъ насмѣшливымъ тономъ.

Дѣло было въ томъ, что Аврельева никакъ не знала какъ приступить къ предмету столхъ объясненій и порученіе Альпинна избрала только предлогомъ для удержанія его въ заглѣ.

— Помните, какъ вы убѣдительно просили меня похлопотать о вашей protégée, Союючкиной, кажется.

— Я просилъ о ней дяюшку. Правда, эта просьба удивила его: онъ даже запретилъ мнѣ кому-либо говорить, что подъ моею протекціей состоитъ *подобнаго* рода женщнна, хоть я право не вижу тутъ ничего дурнаго. Какъ бы то ни было, добрый дяюшка поворчалъ, но все таки исполнилъ мою просьбу. Союючкина принята на сцену.

Альпинъ хорошо понималъ, что значила женщнна подобнаго рода, какъ Союючкина; онъ самъ не рѣшился просить о ней, что-

бы не компрометировать себя, и видѣлъ ясно, сколько было недѣлкатнаго въ подобномъ порученіи, но его просила Ляля, и онъ только заботился о томъ, какъ бы исполнить ея просьбу. Альпинъ желалъ сколько-нибудь загладить свой поступокъ передъ Аврельевой и, взявъ ея руку, произнесъ дружески:

— Милая кузина, вы добры какъ ангель!...

И онъ хотѣлъ уйти, но Аврельева, не выпуская руки, удержала его. Ободренная ласковымъ тономъ, она продолжала съ большею смѣлостью:

— Батюшка вашъ.... вы знаете, онъ боленъ....

— Боже мой!... не хуже ли ему? скажите, ради Бога!... произнесите онъ съ видимымъ испугомъ.

— Нѣтъ, ему не хуже, но онъ видимо скучаетъ.

— Я не хотѣлъ его беспокоить.... Я знаю по себѣ, какъ неприятны всѣ посѣщенія для больного.

— Онъ объ васъ часто вспоминаетъ.... Ему было бы очень приятно васъ видѣть. Я думаю, что это облегчило бы его физическія страданія.... тѣмъ болѣе, что до него доходятъ такіе слухи....

— Такіе слухи.... Что же вы не договариваете?

— Вы знаете.... о чемъ я хочу говорить....

— И вы вѣрите этимъ слухамъ?... вы рады имъ вѣрить! продолжалъ Альпинъ, котораго лицо принимало болѣе и болѣе судорожное, гнѣвное выраженіе.

— Какъ могли вы это подумать?

— О, такъ знайте — все правда, что говорятъ; многого даже не знаютъ изъ этой адской исторіи и потому не говорятъ....

— Успокойтесь, ради Бога, успокойтесь!... рука ваша дрожитъ....

— Вы хотите знать эту исторію, кузина? вы за этимъ оставили меня?... хорошо, вы ее узнаете.... Но садитесь: я дѣйствительно взволнованъ....

Аврельевой казался страшнымъ этотъ Альпинъ, но такова сила любви, что и въ этомъ судорожномъ, искривленномъ движеніи лица, въ этомъ дребезжащій голоса, въ этихъ дикихъ движеніяхъ она находить чудную прелесть, какъ возвышенная душа открываетъ ее въ страшной бурѣ стихій. Аврельева сидѣла возлѣ Альпина, не сводя съ него глазъ.

Альпинъ воротился тогда отъ Ляли болѣе чѣмъ когда-либо довольный ею. Странно, по мѣрѣ того какъ вспыхивавшая, такъ казалось ему, по временамъ, любовь Ляли простывала, его любовь

дѣлалась пламениѣ и отчаяннѣе, какъ-будто въ любви, какъ и въ распредѣленіи чувствъ человѣка, всегда одна сторона выигрываетъ насчетъ другой, одна страсть пытается другою, поглощая ее. Тутъ нѣтъ закона равновѣсія. Въ ненависти бываетъ на оборотѣ: какъ-то инстинктивно угадываешь чувства недруга, и сообразно имъ накипаетъ или опадаетъ жажда мщенія въ сердцахъ.

— Вотъ, видите ли, я нѣсколько затрудняюсь объяснить вамъ... не знаю, поймете ли вы меня.

— Да вы не въ первый разъ сомнѣваетесь въ моей понятливости. Однако жъ, попробуйте.

— Не то!... Но у васъ, у женщинъ большаго свѣта, такъ слабы нервы, такъ изящны сердца, что на всякомъ словѣ боишься оскорбить вашу слишкомъ раздражительную чувствительность. Я же, право, не въ томъ положеніи, чтобы выбирать слова.

— Послушайте, кузень, я знаю что вы меня считаете слишкомъ недостойною вашей довѣренности, но для собственнаго успокоенія откройтесь мнѣ какъ другу; вѣрьте, что я буду умѣть цѣнить вашу довѣренность.

— Ахъ, кузина, какъ вы по-сю-пору не можете видѣть этой горячки чувствъ, которая раздражаетъ меня, и хотите усмирить меня обычными фразами....

— Вы больны.... ради Бога, успокойтесь! лягте въ постель — я пошлю за докторомъ.

— Нѣтъ, теперь вы волею или неволею выслушаете, чего мнѣ нужно для успокоенія, какого врача желаетъ душа моя. Сами вы вызвались.

И глаза его сверкали какъ въ горячкѣ.

— Вы любите меня, кузина; не отговаривайтесь; я не слѣпъ, не глухъ, чтобы не замѣтить этого, и жалѣю о васъ. Но ваша мягкая любовь сжимается или таетъ въ слезахъ отъ невниманія, выплечете ее, и кончено. Я тоже люблю.... но любовь моя, неудовлетворенная, растетъ бѣлѣе и болѣе, и грудь моя надрывается отъ нея; не знаю, какъ я по-сю-пору выношу это ужасное нечеловѣческое состояніе.

— Но подумайте въ минуту спокойствія кого вы любите.

— Минуты спокойствія у меня не бываетъ, но въ настоящую минуту я знаю кого люблю: демона, который ненавидитъ меня, который имѣетъ все право ненавидѣть.... меня не столько гнететъ моя любовь, сколько раздражаетъ ненависть, которую она показываетъ, между тѣмъ какъ я знаю, что подъ корою этой ненависти

кроется пламенная любовь ко мнѣ.... Пробей же эта любовь наружу широкою, всепожирающей лавой, и, можетъ-быть, я покинулъ бы ее, потому-что мнѣ нужно покорить ее себѣ, а не любить; любить я не хочу, я не долженъ! произнесъ онъ съ ожесточеніемъ.

— И Богъ караетъ васъ за это!

— Но за всѣмъ тѣмъ, чего бы я не принесъ ей, чего не приношу въ жертву этой Цыганкѣ, какихъ мукъ не терплю! Но пусть же лучше эта мука, пусть лучше эта адская борьба, чѣмъ то апатическое состояніе, на которое обрекаетъ меня ваша любовь.

— Но вы не знаете этой любви: вы не хотите знать ее, вы не испытали радостей ея; вы не вѣрите, что она способна такъ къ жертвамъ.

— А! такъ и вы чѣмъ бы нибудь пожертвовали мнѣ, хоть клочкомъ своего локона, концомъ ленты, этимъ затѣйливымъ элементомъ любви, къ которой такъ чувствительны молодыя женщины.

— О! клянусь вамъ, я пожертвовала бы всѣмъ, если бы могла спасти васъ!

— Зачѣмъ это «если»? въ любви нѣтъ границъ, всѣ вы это говорите; такъ надобно, чтобы кто нибудь такъ дѣйствовалъ кромѣ меня. Что же, вы способны всѣмъ жертвовать для меня?... говорите.... *да или нѣтъ?*... одно изъ двухъ, и положительно....

— О! да, да! произнесла Аврельева трепеща отъ страха и надежды. И кто не тронулся бы, видя ее въ настоящую минуту блѣдную, съ большими голубыми глазами, полными слезъ, прекрасную, на устахъ которой мелькала улыбка мира и готовы были слетѣть увѣренія, клятвы любви. Но Альпинъ не былъ способенъ понимать эту красоту, эту любовь. Въ головѣ его носились другія мысли, можетъ-быть даже желаніе выместить холодность и презрѣніе Ляли на другой.

— Такъ ты моя, моя?... О, зачѣмъ я не зналъ прежде этого! Теперь ты узнаешь, постигнешь муки, которыя я испытываю; я увлеку тебя въ ту же пропасть, куда стремлюсь самъ. Теперь уже поздно, поздно! продолжалъ онъ, сжимая ее въ судорожныхъ своихъ объятіяхъ, изъ которыхъ она, испуганная слегка, силилась освободиться. Теперь никто не вырветъ тебя изъ очаровательнаго круга, въ который ты вступила.... Ты произнесла слово, которое погубитъ твою душу и твое тѣло.

И онъ уже готовъ былъ схватить ее своими мощными руками

и унести въ свою комнату, но въ это время раздался стукъ у дверей, въ которыя вошла Аврельева. Альпинъ выпустилъ изъ рукъ отрадалицу, которая отскочила въ противоположный уголъ комнаты. Въ дверяхъ показалась худая, блѣдая фигура старика Альпина.

— Мнѣ показалось, произнесъ онъ слабымъ голосомъ, что я въ силахъ пройти по комнатѣ, и вотъ, услышавъ ваши голоса, пошелъ на нихъ, но вижу, что я ошибался. Александръ, дай мнѣ руку... помоги дойти до спальни. Прощай, дѣтя мое, продолжалъ онъ, обращаясь къ подошедшей къ нему Аврельевой и, по обыкновенію, цѣлуя ее въ лобъ.

Дошедши до порога своей комнаты, старикъ опустилъ руку сына, и обративши къ нему холодный, неподвижный взоръ, протиснулся съ нимъ однимъ легкимъ наклоненіемъ головы, и заперъ за собою дверь.

Молодой Альпинъ стоялъ неподвижно нѣсколько минутъ у порога. Эта холодность, невнимательный взоръ, этотъ лѣмой укоръ отца нибѣзъ на него тоже дѣйствіе, какъ вода, вылитая на голову пьянаго. Альпинъ образумился. Онъ увидѣлъ куда завлекла его несчастная страсть; и будь въ это время отперта дверь отца, онъ вошелъ бы въ его комнату, онъ сознался бы, что былъ виноватъ, оставивъ его, больнаго, для какой-нибудь пѣвицы, но дверь была заперта. Альпинъ отправился къ себѣ въ комнату. Всю ночь метался онъ на постели, въ которой ему было и холодно, и жарко, и страшно. Наконецъ ветеривніе заставило его вскочить съ постели. До утра проходилъ онъ по своей комнатѣ и потомъ послѣшшо одѣвшись, отправился на назначенное свиданіе съ Лялей.

VIII.

Дома трудно было видѣть Лялю. Сторожимая семьєю и собственною совѣстью, она тутъ была почти недоступна. Альпинъ нашелъ другое мѣсто для свиданій.

Въ нижнемъ этажѣ, правильнѣе въ подвалѣ дома, въ грязной сырой комнатѣ, куда воздухъ и свѣтъ проходили вѣстѣ съ уличной грязью, у стола, еще покрытаго свѣжими объѣдками ранняго завтрака, сидѣли двое собесѣдниковъ, мужчина и женщина. Мужчина съ одутливымъ, но болѣзненнымъ лицомъ, на которомъ выступала краска не ровными пятнами, съ глазами, влажными, умшенными, съ багровымъ носомъ; мужчина самодоволь-

не улыбаясь, невидящая на недоуменной еще отяжелой. Онъ былъ въ венгеркѣ какого-то неопредѣленнаго цвѣта, какъ большая часть венгерокъ на людяхъ подобнаго рода, и въ крайней, спальной шапочкѣ, щегольски надѣтой на бивень, что ясно показывало его претензію на щегольство, хотя вся его особа отзывалась гравію и вѣжливъ. Женщина была одѣта опрятно и даже не по состоянію, судя по предметамъ, окружавшимъ ее. Въ наружности ея было больше порядка, а въ манерахъ и поворѣ платья, дозволено впрочемъ полнѣе и изнеженнѣе, замѣтно было желаніе нравиться, хоть бы даже этому собесѣднику, какъ ни казался онъ безобразенъ для всякаго другаго. У женщинъ бываютъ впрочемъ странные вкусы.

— Видишь ли, тварь, сказалъ онъ шуточно, щелкнувъ въ лобъ свою собесѣдницу, не совѣшь впрочемъ твердою рукой, видишь ли ты, понимаешь ли теперь, что такое умъ человѣческій вообще и мой въ особеннѣе?

— О, ты геній изобрѣтательности, ты, мой милый Фриде, Колумбъ, ты выше его, и если бы была гдѣ-нибудь еще одна часть свѣта, хоть подъ землей, ты открылъ бы ее.

— Да, это по лучше всѣхъ пяти частей свѣта, вмѣстѣ взятыхъ, провнесъ съ разстановкой Фриде, побрякивая полнымъ кошелькомъ; это не то, что твой рубль, который ты приносила мнѣ по вечерамъ, да и то еще не каждый вечеръ и не всегда сполна.

— Большому кораблю, большое и плаваніе. Ты левъ, я муравей противъ тебя!... Однако, голубчикъ, Фриде, ты не сказалъ, откуда у тебя эти деньги?

— А что тебѣ?

— Можетъ быть... какъ-нибудь неловко добытыя... изъ какого-нибудь источника, такого вечнаго.

Понюхай, чѣмъ пахнутъ!... и онъ весьма недликатно сунулъ ей кошелекъ въ лицо!

— Да, я знаю, съ тобой не сговоришь, скорѣе съ Соломономъ столкнешь, чѣмъ съ тобою.

Совючкина была очень довольна веселымъ расположеніемъ своего Фриде; давно онъ не былъ съ нею такъ любезенъ какъ въ этотъ разъ.

— А что я ни разу не видалъ твоей пріятельницы: вѣдь мы старые знакомые, какъ бишь ее? Цаца, что ли?

— Дяля.

— Надобно, чтобъ она пришла сюда.

— Что тебѣ въ ней! отвѣчала нѣсколько смутившись Союч-кина.

— Слышишь, я говорю надобно, чтобы она пришла сюда.

— Помилуй, мой другъ, какъ ей привыкшей къ роскоши и чистотѣ, войти въ наше подполье.

— Ничего, придетъ, такъ слюбится, у меня есть талисманъ.

— Какой же это талисманъ? Скажи мнѣ.

— Не разсуждать тутъ!... Сдѣлай такъ, чтобы она пришла, это твое дѣло, чтобы непременно пришла: намъ за это впередъ заплачено.

— Боже мой, вотъ откуда эти деньги! Бѣдной Лялѣ угрожаетъ опасность!

— Послушай, сказала она, нѣсколько возвысивъ голосъ, я дѣлаю все что ты хочешь.... но продать своего друга.... отдать въ твои руки....

— Не въ мои, закричалъ онъ грозно.... а если бы и въ мои.... что тебѣ за дѣло.... Ты во всемъ мнѣ поперечнишь, но я уйму тебя.... я примусь за тебя; теперь ты мнѣ не нужна, я и безъ тебя найду хлѣбъ и вино: довольно помучила ты меня своею пищей: я тебя не такъ угощаю: видишь!...

— Фриде, не сердись дружокъ, объяснись прежде. Ты вѣдь никогда не скажешь ничего толкомъ, произнесла умоляющимъ голосомъ Соючкина, которую слова его «не для меня» нѣсколько успокоили насчетъ Ляли.

— Ты не стоишь, чтобы съ тобой долго толковать, произнесъ онъ, нѣсколько смягчившись, какъ человѣкъ, которому есть нужда до нея.

— Фриде, вѣдь я подруга, сопутница твоей жизни; съ тобою однимъ дѣлю свои радости и печали.

— Къ несчастію, одинъ печали.

— Что же дѣлать, когда ужъ наша такая участь.... скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ нужна Ляля?

— Изволь, такъ и быть! Только больше никакихъ разспросовъ! Я хочу, чтобы всѣ мои приказанія исполнялись безпрекословно.

— Какъ-будто я тебѣ прекословлю въ чѣмъ.

— То то же. Такъ слушай! Одинъ господинъ.... да ты его знаешь: тотъ самый, у котораго Ляля жила въ этомъ городишкѣ.... Шарабанъ, что ли?

— Каратабанъ.

— Ну все одинъ чортъ! Тотъ самый господинъ не нашелъ во всей Москвѣ мѣста, гдѣ бы свидѣться съ нею, и назначилъ нашъ

погребъ.... Я было сначала и прикрикнулъ...., что я такое въ самомъ дѣлѣ, чтобы у меня въ домѣ назначать свиданія.... да видишь ли, мнѣ нынче крайне нужны деньги, для одного важнаго предпріятія, такъ я и рѣшился.

— А что это за предпріятіе Фриде, спросила хитрая Совючкина, какъ бы мимоходомъ, но Конькова не легко было провести.

— Ишь куда заѣхала!... Много будешь знать, скоро состарѣешься.

— Да я только такъ спросила, я не мѣшаюсь въ твои дѣла! Ахъ, Ляля! Такъ неужели она согласилась на это свиданіе.... а казалась такая робкая.... краснѣеть, потушляетъ глазки, когда только намекаешь ей о чемъ нибудь....

— Всѣ вы таковы!

— Нѣтъ, я съ молоду не была притворщицей: пусть хоть цѣлый свѣтъ знаетъ кого люблю; еще рада была, гордилась, что всѣ знаютъ.

— Ну ладно, ладно, полно болтать чепуху. Убирай свой чертогъ и завтра съ раняго утра убирайся сама изъ него и приходи сюда Лялю, а я и вочевать не буду.

На другой день утромъ Ляля въ сопровожденіи Совючкиной, въ молчаніи подходила къ ея жилищу, между-тѣмъ какъ Совючкина, обрадованная извѣстіемъ о поступленіи своемъ на сцену, болтала и смѣялась безъ умолку.

— О, говорила она, ты всегда можешь располагать мною и моею квартирой. Я знаю, что тебѣ нельзя принимать у себя, и уступаю для тебя райскую комнату. Только помни, Ляля, мое наставленіе.... ты уже дрожишь какъ листъ, а чего бы кажется, не ты, а онъ долженъ дрожать передъ тобой, безпримѣрной красавицей. Вотъ онъ уже и здѣсь, ждетъ тебя. Исправитъ твой рыцарь, впрочемъ всѣ они таковы на первый разъ. Прощай же моя душечка, будь счастлива, а я навѣщу тебя сегодня вечеромъ. О, какъ благодарна я, какъ благодарна за твои хлопоты.

Совючкина ушла. Ляля осталась съ Альпивымъ въ сырой комнатѣ, которой тщетно старалась Совючкина предать сколько нибудь опрятности.

Ляля сама не знала какъ согласилась на это свиданіе, зачѣмъ шла, чего ждала отъ него: увлекало ль ее чувство мести или любви; и не приди за нею Совючкина, не убѣди ее, она вѣроятно и не явилась бы. Хотя въ непрерывной борьбѣ съ самой собою и съ обстоятельствами, окружавшими ее, она окрѣпла, но все-еще не

доверяла себѣ, она чувствовала, что любовь шипѣла въ ней, но смотря на всё убѣжденія разсудка.

На этотъ разъ Альпинъ казался ей такимъ жалкимъ, такимъ измученнымъ, отчаяніе его было такъ непритворно, изъясненіе такъ пламенно, что Ляля какъ бы сжалась и можетъ быть въ первый разъ произнесла слово любви, обѣщала видѣться съ нимъ введишь. Это была единственная счастливая минута въ жизни ихъ обоня, какъ вдругъ стукъ въ двери прервалъ ее.

— Кто тамъ? закричалъ Альпинъ громовымъ голосомъ.

— Это я, отвѣчалъ его сыгъ робкимъ голосомъ.

— Что тебѣ?

— Спѣшите домой: батюшка умираетъ.

— Умираетъ!... И меня вѣтъ тамъ!... И волосы его стали дыбомъ отъ ужаса.

Ляля стояла какъ пораженная громомъ: она вспомнила, какъ умиралъ ее отецъ.

— Умираетъ.... повторилъ машинально Альпинъ, а я еще здѣсь!

И онъ какъ сумасшедшій кинулся въ дверь.

— Стой! закричалъ кто-то снаружи, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ домовый хозяинъ съ своею командой. Напрасно стараетесь спастись бѣгствомъ: теперь ужъ поздно.

— Спаситесь отъ своей совѣсти, отъ самаго себя... дѣйствительно напрасно.

— Что онъ тамъ городить?... Не угодно ли пожаловать съ нами въ полицію, тамъ вы можете говорить сколько угодно.... пожалуйте безъ сопротивленія: вы видите, насъ достаточно чтобы справиться съ вами однимъ.

— Боже мой, что вы хотите дѣлать со мной? вскричалъ онъ въ отчаяніи: у меня умираетъ отецъ, можетъ быть умеръ пока мы здѣсь говоримъ. Отпустите меня теперь, и потомъ дѣлайте что хотите.

— Вишь съ чѣмъ подѣхалъ. Когда тутъ чуть не убѣжалъ изъ-подъ десятка глазъ, да столько же рукъ, а то отпусти его припрятать концы въ воду. Полно же даромъ терять время, отправимтесь.

— Но знаете ли вы кто я такой? И Альпинъ рѣшился наконецъ сказать свое имя, чтобы только скорѣе освободиться.

— Какъ не знать: всё улыбка на лицо.

И онъ обвелъ взоромъ комнату, гдѣ уже шарилъ его спутники, вытаскивая очень подозрительные инструменты.

— Я... Альпинъ!...

— Знаемъ, знаемъ! Ты вѣдь величалъ себя еще и не такими именами, продолжалъ хозяинъ, ставовившійся все не ласковѣй, но мѣрѣ-того какъ вытаскивали изъ-подъ кровати разные препараты. Тебѣ это ни почему: у тебя, вотъ видишь, своя фабрика.... захватили въ распахъ молодца. Ступай же, голубчикъ!

Альпинъ машинально, молча, въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи чувствѣ последовалъ за хозяиномъ.

— А эту красавицу, что стоитъ какъ истуканъ съ вытаращенными глазами, ажно смотрѣть страшно, — взять ее, что ли?

— Нѣтъ, оставьте ее; она на службѣ при театрѣ; надо сообщить начальству.

— Гмъ!....

Альпинъ уже переступилъ порогъ этого подвала, какъ громкій, страшный смѣхъ, дико разразившійся подъ сводами его, неволью заставилъ вздрогнуть и оглянуться назадъ. То смѣялась Ляля, но Боже, какъ смѣялась!

— Да, да, повторяла она: точно такъ, и меня оторвали отъ гроба отца, но не люди, а любовь къ тебѣ и твое безчеловѣчье.

— А, такъ это изъ приключеннѣи мнѣ здѣсь засаду! проманишь онъ, трепеще отецъ мѣня.

И такъ увелъ Альпинъ въ полнию. Ляля въ исчерпительномъ припадкѣ; хосоча и плача, иная безумная, осталась одна въ темной комнатѣ на сыромъ полу.

И. КОВАЛЕВСКІЙ.

МАЮРША.

=

— Маюрша! Вотъ еще что выдумалъ! скажете вы, какъ-будто каждый изъ насъ не знаетъ какой-нибудь маюрши!

— Конечно, не знаетъ! Никто не знаетъ изъ насъ, считающихъ Петербургъ своею колыбелью, своимъ жильемъ, своею неизбежною могилою. Рѣшительно никто!

— Вздоръ какой! А салопница Трофимовна, являющаяся къ намъ передъ каждымъ престольнымъ праздникомъ, также неизбежно какъ рюмка водки передъ обѣдомъ, а сваха Егоровна, она же ворожея и кофейница! Кто не знаетъ ее или кого-нибудь изъ подобныхъ ей, а вѣдь и Трофимовна и Егоровна и tutti quanti называютъ себя маюршами, да еще вдовами маюровъ, убитыхъ на войнѣ, или умершихъ отъ чумы.

— Какія это маюрши! Это дрянь, это пѣна общества, уличная грязь! О нихъ не стоить и говорить. Моя маюрша не такая, о, совсѣмъ не такая! Моя маюршъ немного на свѣтѣ всегда одна, единственная въ своемъ окологдѣ. Двухъ маюршъ вмѣстѣ не бываетъ, а если сойдутся какинь-нибудь чудомъ, то неизбежно быть бѣдѣ, какъ отъ столкновенія двухъ кометъ, если предположить возможнымъ такое столкновеніе.

Разумѣется, маюршъ много, понимая это слово въ обширномъ значеніи, даже очень много, больше чѣмъ нужно ихъ на свѣтѣ; но эти маюрши, въ присутствіи моей геронни ничто иное, какъ

штабши *, это звѣзды передъ солнцемъ, а солнце, какъ вамъ не безъизвѣстно, только одно; вы можете-быть готовы сказать, что нѣтъ ни одного, потому что никогда не видѣли солнца въ Петербургѣ, но мы знаемъ его хорошо, также хорошо какъ нашу маюршу.

Маюршу, въ благородномъ значеніи этого слова, въ высокоблагородномъ, надо искать не въ Петербургѣ, даже не въ губернскомъ городѣ, но гдѣ-нибудь въ отдаленіи, въ какой-нибудь дрянной деревушкѣ, окруженную небольшимъ числомъ офицеровъ, молодыхъ и пожилыхъ, кѣторыхъ она вдолѣ, божество и вполнѣ заслуживаетъ этотъ почетъ. Наша маюрша женщина въ высшей степени добрая, сострадательная, потому-что сама верѣдко терпѣла, и люди окружавшіе ее никогда не отказывали ей въ состраданіи; умная, потому-что умъ ея созрѣлъ въ уединеніи; образованная, потому-что частица образованія, полученная ею въ пансіонѣ, развилась постояннымъ ея обращеніемъ съ мужчинами; она много читала и много разсуждала о томъ, что читала; разсуждала съ людьми, для которыхъ чтеніе составляетъ потребность и единственную отраду въ жизни. Маюрша—безъ всякой претензіи правиться, отличиться: къ чему ей усиліе этого рода? она и безъ того единственная женщина, къ которой обращены вниманіе и желанія всѣхъ. Если иногда въ обществѣ, гдѣ она служитъ центромъ, случались двѣ-три женщины, то онѣ скромно помѣщались въ тѣни ея, придавая ей еще больше значенія своею ничтожностью. Маюрша, перенесенная вѣвъ круга своего дѣйствія, прошла бы незамѣченною, но тамъ, куда ее поставила судьба, она отличена и почтена, она необходима для своего общества. Словомъ, наша маюрша никто иная, какъ жена баталіоннаго командира.

Мужчина можетъ образовать общество, но облагородить его должна непременно женщина. Если маюръ имѣлъ большое вліяніе на служебную сторону своихъ офицеровъ, то маюрша еще больше на нравственную; если мужъ ея сажалъ офицеровъ на гаубвахту, то жена выпрашивала ихъ изъ-подъ ареста; если офицеръ попадался въ большую бѣду, и дѣло доходило до бригады, даже до дивизионнаго командира, то и тутъ маюрша смѣло являлась его заступницею, нисколько не боясь себя скомпрометировать, потому-что была увѣрена въ себѣ; маюршу не толь-

* Жены младшихъ штабъ-офицеровъ въ баталіонахъ, такъ называютъ ихъ солдаты.

ко. знали и любилъ ее офицеры, но и командиры. И какъ было не любить эту рѣдкую хозяйку, эту одиотворенную доброту, эту пригоженькую, веселую, отароженную, пенновою, именно сколько нужно, свободную въ обращеніи, немножко, очень немножко напризую, именно сколько нужно для разнообразія въ общественныхъ сношеніяхъ женщины съ мужчиной; ее, съ которою охотно отводилъ душу генералъ послѣ утомительной работы баталіоннаго ученія или осмотра амуниціи вещей, и у которой обѣдъ, всегда вкусный, казался ему вдвое вкуснѣе послѣ деннаго моціона на плацъ парада.

Такова совершенно была наша маіорша, даже лучше такой, какую мы описали. Общество офицеровъ ея баталіона отличалось добрымъ товариществомъ, и ставилось въ примѣръ другимъ. Быть переведену въ ^{III} полкъ въ баталіонъ Ласькова, считалось особенной честью, которой рѣдко кто удостоивался, потому что ваканціи въ немъ открывались не часто. Баталіонъ сложился какъ одна семья. Солдатки молодцы, народъ видный, бравый. Баталіонъ былъ образцовый; храбрый баталіонъ: это тотъ самый, который до турецкой кампаніи принадлежалъ къ NN полку и отличился при взятіи N. Послѣ этого дѣла онъ получалъ особые значки и далъ своему полку настоящее его названіе. Впрочемъ, старики солдаты иначе объясняютъ происхожденіе этого названія. Подъ N. говорятъ они, нашему баталіону досталось идти въ ровъ и выбить оттуда Янычаръ; дѣло было не шуточное: Янычара и на ровномъ мѣстѣ не сшибешь съ разу, а тутъ спустись въ самую берлогу, да оттуда выбивай его штыкомъ и выкуривай порохомъ: вѣдь не Пошехонцы же какіе эти Янычары, чтобъ вотъ такъ и пустили насъ къ себѣ; на-де, возьми меня; а пардону прошу. Солдатки повѣсили носы, кое-какіе стали было обмываться и надевать бѣлыя рубашки, какъ бы приготовляясь къ смерти; полковой командиръ увидѣлъ: — водоръ! заревѣлъ онъ, успѣете и послѣ дѣла обмыться да приготовиться къ смерти. — Хорошо, если успѣете, шантажись солдатки промежъ себя. — Впередъ, ребята! гаркнулъ онъ капитану. — Мы словно шальные кинулись въ ровъ; сами не знаемъ и не поминимъ какъ туда спустились и выжили Янычаровъ. Послѣ уже увидѣвъ, что во рву словно черти возлились, да битое мясо готовили.

Еще до этого дѣла перебили старшихъ офицеровъ, в баталіонномъ командовалъ капитанъ Кондратій Никаноричъ Ласьковъ, тотъ самый, который теперь состоялъ въ чинѣ мужа при маіоршѣ Олимпіадѣ Николаевнѣ и уже настоящимъ баталіоннымъ

командиром *** баталіона. Разумѣется, съ той поры прошло много лѣтъ. Ласьковъ нахваталъ не мало отличій въ кампаніи, получилъ и чинъ майора, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, такими трудами, усиліями, потерю собственной плоти и крови дослуживался; поплешивѣлъ, желнелъ.

Ласьковъ былъ права нѣсколько жесткаго и въ общественной жизни тяжелъ и самоуправенъ. Впрочемъ, онъ мало обращалъ вниманія на общество. Дѣло мнѣ до вашихъ собраній, до вашихъ сосѣдей, говаривалъ онъ съ презрѣніемъ. Стапу я ухаживать за всякой сволочью. Его вліяніе на офицеровъ ограничивалось службою, виѣ которой Ласьковъ и не замѣчалъ ихъ, хотя они почти каждый вечеръ собирались у него. Но Ласьковъ, которому всѣ условія общества были нв почемъ, который едва обращалъ вниманіе на самаго исправника, и то потому что былъ связанъ съ нимъ кое какими дѣляшками, Ласьковъ былъ если не покореиъ своей женѣ, то ужъ совершенно безъ всякой власти надъ нею. Въ первые годы своего супружества, онъ хотѣлъ было и ее прибрать къ рукамъ, но послѣ двухъ-трехъ семейныхъ сценъ, хорошо извѣстныхъ женатымъ людямъ, онъ опѣшилъ. Твердость женскаго характера вообще и гибкость ума собственно Олимпіады Николаевны восторжествовали надъ упрямымъ нравомъ баталіоннаго начальника. Мужъ не смирился, правда, не прилегъ барашкомъ у побѣдотопчушихъ ногъ жены; онъ отошелъ отъ нея съ досадою оскорбленнаго честолюбія, отошелъ ворча про себя кое-какія не ласковыя слова: Олимпіада Николаевна вздохнула послѣ своей побѣды, вздохнула глубоко, какъ-бы въ этомъ вздохѣ заключались и съ нимъ улетали невозвратно всѣ ея вѣрованія, всѣ надежды. Ласькова была не романческаго, не сентиментальнаго характера: но кто изъ людей, и кто изъ женщинъ особенно не мечтаетъ о супружескомъ эдемѣ, не представляетъ себѣ его свѣтлымъ, радужнымъ, душистымъ, полнымъ счастья, гармоніи, любви, и кто потомъ не вздыхалъ по своему разочарованіи! Потерять свою мечту, какова бы она ни была, горько; а это самая задушевная, самая пламенная мечта всей жизни, мечта, къ которой вѣчно стремится человѣкъ и оставляетъ ее не осуществленную за гробомъ. Вздохнувши тяжело, какъ мы уже заиѣтили, Ласькова, съ самоотверженіемъ, рѣдкимъ въ женщинахъ, покорилаcя своей судьбѣ, безъ ропота, безъ слезъ, безъ упрека

противъ людей, и стала думать какъ-бы удачѣе выйти изъ своего неблагопріятнаго положенія; она избрала лучшую часть его, такую часть, которая хотя не составляла супружескаго счастья, по-крайней-мѣрѣ походила на него съ виду домашнимъ миромъ, а какъ многіе позавидуютъ и такой участи супруговъ!

У Ласковыхъ не было дѣтей, этой нравственной, кровной связи семейства. Высшія узы мало касались ихъ. Каждый занимался своимъ дѣломъ, не перечерчивъ другъ другу въ желаніяхъ, не мѣшалъ въ занятіяхъ. Олимпиада Николаевна была добрая хозяйка, она мало требовала денегъ для домашнихъ нуждъ, за то уже если требовала, то получала безусловно, и ни за что не потерпѣла бы отказа или учета. Супруги сходились рѣдко наединѣ, между ними не было нѣжностей и ласкъ, которыя Ласковъ называлъ въ тихомолку отъ жены заморскими вычурами, прятными сластями, конфектными билетками; за то не было и грубаго слова.

Ласковъ оказывалъ видимое почтеніе и даже предпочтеніе женѣ передъ собственной особой, хотя вслѣдствіи старался скрыть это чувство отъ другихъ. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее обстоятельство: у него былъ деньщикомъ двадцать лѣтъ, Иванъ Лебеда, человекъ вѣрный, преданный своему господину, не пьющій, немощно съ хитрецою, — онъ былъ Малороссіянинъ, — но безъ лукавства. Ласковъ отдалъ его женѣ. Лебеда былъ неизмѣнное копые Олимпиады Николаевны. Отправляя ее куда-нибудь въ гости къ сосѣдямъ, Ласковъ говорилъ старому деньщику:

— Береги барыню въ дорогѣ... чтобъ гдѣ не навалили... да смотри мяѣ, чтобъ каналья Васильевъ не опоплъ горячихъ лошадей. А взялъ овса на дорогу? а гдѣ попоны? — Слушаю, ваше высокоблагородіе, будьте надежны, все есть, говорилъ Лебеда усаживаясь возлѣ канальи Васильева. — Вонъ распусталъ возжи, пъяница; Сокола сдерживай, слышишь, лошадь молодая, тебѣ бы только везла, а ты не подумаешь, что за Сокола пятьсотъ рублей заплачено, и прочее. Этѣ слова относились уже не къ Лебедѣ, а къ Васильеву.

Заботамъ и попеченіямъ о лошадяхъ не было конца, у Ласкова, ни дома, ни въ дорогѣ; но всё же первое его слово было о женѣ; прятчилъ ли ради или по ввухенію собственнаго чувства, какъ узнать! Кто разгадаетъ, что дѣлается внутри человека, да и кому какое до того дѣло!

Лебеда съ геройскимъ терпѣніемъ переносилъ не рѣдкія всышки крутаго права маіора.

— Что я за птица такая, говорилъ онъ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, чтобъ до меня и не дотронулся командиръ. Баталіонъ не одинъ человекъ, а можетъ быть тысяча, и тотъ не выкнетъ передъ нимъ. Переходъ отъ службы маіору, въ службу маіорши совершенно измѣнилъ положеніе стараго денщика. Отъ маіора онъ рѣдко слышалъ ласковое слово; маіорша называла его Трофимовичемъ; въ дорогѣ подносила ему стаканъ чаю, въ болѣзни ухаживала за нимъ съ рѣдкой заботой; за то старый денщикъ предался ей душою и тѣломъ. По слову маіора онъ пошелъ бы на батарею:—что дѣлать, сказалъ бы онъ, командиръ приказываетъ; онъ дастъ отвѣтъ передъ Богомъ: но случись беда съ барыней, онъ кинулся бы за нею безъ разсужденій и приказа въ огонь и въ воду.

Самъ маіоръ значительно понизилъ тонъ въ обращеніи съ Лебедой. Изрѣдка только говаривалъ казначею: — Не знаю, что и дѣлать съ людьми, жена совсѣмъ избаловала ихъ. Лебеда былъ порядочный человекъ, а теперь и тотъ пошаливаетъ; — и всегда заключалъ: а этого пьяницу, Максимова, опять пошлите на ротный дворъ.

Максимовъ былъ другой денщикъ маіора и состоялъ собственно при немъ въ качествѣ камердинера, чѣмъ Максимовъ не мало гордился въ людской и дѣвчичей.

— Что Лебеда, говаривалъ онъ въ отсутствіи его, что онъ? Барская служба, тоже что Машка да Дуняшка. Вотъ мы, совсѣмъ иное дѣло. Около *самого* ходимъ; не за юбками какими смотримъ, а за амуниціей, мундиръ маіорской чистимъ да эполеты охорашиваемъ; самого адъютанта къ нему посылаемъ, а подъ часъ и писарскую должность правимъ, — бумаги въ канцелярію носимъ! Что Лебеда? баба! Онъ думаетъ, что я боюсь его, шипъ взял! не боюсь, вотъ те Богъ не боюсь. Я въ Цинцаріи былъ; въ Норманію ходилъ и подъ Норманіей былъ; такъ чего мнѣ бояться! Самъ полковой разъ спросилъ меня: Максимовъ! ты нюхаешь табакъ? Точно такъ, ваше высокоблагородіе.— Попощуй меня! — Ради стараться, ваше высокоблагородіе! Полковой отвѣдалъ изъ моей тавлинки, да такъ чихнулъ, что мнѣ здорово стало; я не оробѣлъ, да въ отвѣтъ: много лѣтъ здравствовать вашему высокоблагородію. Спасибо, говорить, Максимовъ, спасибо. Славный та.

какъ, забористый.—И на предки прешу покорно ваше высокоблагородіе. Вотъ оно какъ! ей Богу такъ! Чего мнѣ бояться Лебеды! я и маіора.... но тутъ онъ обыкновенно прикусывалъ себя языкъ и кашлялъ такъ сильно, будто муху проглотилъ.—Я подъ бѣлымъ арабомъ былъ; а когда маіоръ боленъ, за него рапорты отъ дежурнаго принималъ; вотъ какъ! Чтожъ, Варя, хочешь быть моею женою? Коли хочешь, прикажи, а не хочешь откажи! Ой люли, ой люли!

За симъ обыкновенно слѣдовали дополнительные объясненія нежатій и объятій, на которыя Варя отвѣчала увѣстнымъ пивкомъ.

— Поди, отстань отъ меня, пьяница ты этакая! говорила она обыкновенно.

— Вотъ ужъ и пьяница! Баринъ говорить, а ты туда же за нимъ болтаешь! сегодня маковой росинки во рту не было. А хоть бы и пьяница, чтожъ за бѣда! Все же лучше тѣмъ чайщикъ какой. Чай бабѣ дѣло, а водна солдатское. Вотъ Филевъ, тоже подчасъ хмѣленъ бывалъ, а выслужился, лучшую дѣвку въ селѣ взял; жена въ гарнитурѣ ходитъ....

Изъ всего вышесказаннаго читателю ясно увидитъ отношенія двухъ девицъ между собою, къ ихъ господамъ и ко всему господскому дому. А вѣрный слуга составляетъ важное звѣно въ цѣпи семейнаго быта, — конечно не того семейства, которое въ вихрѣ большаго свѣта не помнить дѣтей своихъ, не только слугъ, но семейства мирнаго, которому суждено прожить вѣкъ свой въ тишинѣ, въ глуши, въ деревнѣ.

Маіорша, какъ мы уже сказали, не любила наряжаться; лѣтомъ всегда загорѣлая, безъ перчатокъ и воала въ самый зной, большею частію въ одномъ и томъ же платьѣ до износа. А между тѣмъ ее всё-таки пахотили интересной. Непринужденная, живая, всегда веселая, она и не думала скрывать свои недостатки, или выказывать достоинства; чуждая поэтическихъ мечтаній, которыя такъ часто кружатъ головы молоденькимъ женщинамъ, всегда занятая, проводила она незамѣтно однообразные дни. Только порою, оставшись одна-одинохенька, — впрочемъ это было очень рѣдко — она опускала свою отяжелѣвшую голову къ рукѣ и невольно задумывалась: ей чего-то, будто, не доставало.... и чего бы казалось? довольство окружало ее; былъ даже избытокъ: во, простите ей, она была женщина, а женщина всегда чего-то не достаетъ.

Въ *** баталіонѣ былъ переведенъ молодой офицеръ: это было эпохой для всего баталіона: новое лицо! свѣжій человекъ! онъ станетъ говорить иначе, рассказывать про другое чѣмъ то, о чемъ офицеры говорили и слушали всякій день. Но увь! это новое лицо обмануло всеобщіи ожиданія. Долго не показывалось оно нигдѣ, кромѣ ученья и развода, гдѣ баталіонный командиръ не обратилъ на него и вниманія, потому что оно было исправно, а офицерамъ не до него въ это время: командиръ строгъ и не позволяетъ зѣвать на ученьи. Наконецъ новопріѣзжій явился какъ-то вечеромъ по службѣ къ Ласькову; тутъ увидѣла его маюрша и почти силою заставила остаться. Разочарованье было общее.

Соторинъ, такъ звали новопріѣзжаго, — Соторинъ былъ молчаливъ, робокъ, неловокъ. Тщетно маюрша старалась открыть въ немъ какую нибудь хорошую сторону, напасть на предметъ разговора, сколько-нибудь ему знакомый: Соторинъ отвѣчалъ односложнымъ «да съ», или «не знаю съ». Маюрша однако не отчаявалась, только объявила, что молодой человекъ, ни на что не похожъ и надобно непременно преобразовать его; что Соторинъ дѣлаетъ стыдъ всему обществу офицеровъ; не можетъ быть, говорила она, чтобъ подъ этимъ высокимъ лбомъ не было и капли ума, а яркіе глаза блестѣли, подобно гвнлушкамъ, безъ жару и безъ блеску.

Соторинъ по неволѣ долженъ былъ являться каждый вечеръ къ маюршѣ. Тутъ онъ не могъ оставаться незамѣченнымъ, потому что хозяйка всякій разъ выставляла его на сцену, гдѣ онъ дебютировалъ очень неудачно. Офицеры трунили надъ нимъ; Соторинъ не обижался, но это не уменьшало числа шутокъ ежедневно отпускаемыхъ на его долю, только притупило жало ихъ. Шутки были не злы. На него смотрѣли дружелюбно; онъ даже сдѣлался полезенъ обществу, разумѣется отрицательно.

— Ну, начинай Соторинъ, говорили офицеры, когда разговоръ совершенно прерывался. Соторинъ наввно улыбался и разумѣется ничего не говорилъ.

— Послушай, Соторинъ, говорилъ другой, ты всю жизнь свою молчавишь и думаешь: не разрѣшилъ ли ты мудрѣйшаго изъ воиновъ, который не могли разрѣшить глупѣйшіе изъ мудрецовъ; скажи намъ, о Соторинъ, что такое любовь?

— Не знаю съ; объ этомъ ни въ какой наукѣ не писано.

— Конечно такъ, иначе ты могъ бы отвѣчать положительно, потому что тебѣ всѣ науки, какъ свои пять пальцевъ, известны.

— А знаешь ли ты, что такое ты самъ? спрашивалъ другой.

— Вѣрно не знаетъ, потому что объ этомъ также ни въ какой наукѣ не писано.

— Нѣтъ-съ, знаю.

— Ой ли? Шутить!

— Точно такъ-съ: я подпоручикъ Соторницъ!

— Скажи, пожалуй, откуда жъ ты это узналъ?

— Изъ формулярнаго списка.

И соскучившееся общество оживлялось смѣхомъ.

Правда, все это болѣе жалко, чѣмъ смѣшно; комедія вовсе не веселая и не занимательная, но что дѣлать, такая она выпала на долю нашихъ героевъ и, волею неволею, они должны были ее разыгрывать всю свою жизнь.

По какому-то случаю, или ради важнаго праздника, офицеры устроили въ сосѣдней рощѣ пикникъ. Послали впередъ палатки, яства и питія, баталіонныхъ пѣсенниковъ и даже медвѣдя съ Цыганомъ, которые случились на-ту-пору въ деревнѣ. Словомъ, все было придумано къ общему удовольствію общества. Собрались. Маіорша конечно была тутъ же; для нея собственно и устроился праздникъ. Собравшись, пили чай и вино, ѣли варенья и фрукты, гуляли,—а времени все еще оставалось много до ужина: куда дѣвать его? Какъ быть съ временемъ въ обществѣ, гдѣ все изжилось и переговорилось!

Мелкій чиновничій пародъ обыкновенно съ завистью смотритъ на офицера. Видя, какъ онъ въ новенькомъ мундирѣ въ обтяжку, въ блестящихъ эполетахъ, во время ярморки въ городѣ ставитъ послѣдній рубль ребромъ, чиновникъ крутитъ головою, и печально говоритъ собрату: вотъ это житье, не нашему чета!—А посмотрѣлъ бы онъ, какъ живетъ этотъ офицеръ у себя, дома, вдали отъ баталіоннаго штаба, въ грязной деревушкѣ, верѣдкѣ одинъ-одинѣхонекъ. Право, для армейскаго офицера иногда нужно болѣе мужества во время мира, чѣмъ во время войны.

Отъ нечего дѣлать стали пѣть, и надо полагать пѣли собственно для своего удовольствія, а не для другихъ, потому что единственный слушатель этого самодѣльнаго хора, Соторницъ, скорчилъ гримасу, которая вовсе не изъясняла удовольствія, и незамѣтно вышелъ изъ палатки.

Соторинъ шелъ себѣ тропинкой, углублявшейся болѣе и болѣе въ лѣсъ; шелъ куда вела она, или куда глаза глядѣли. Былъ ли онъ въ томъ безсознательномъ положеніи, въ которомъ человѣку все равно, что ни дѣлать: вырѣзывать ли разныя фигуры изъ бумаги, если попадутся въ руки ножницы и бумага; выводить ли узоры и арабески, не виѣющіе никакого значенія, если у него мѣлъ въ рукахъ и столъ подъ руками, — трудно рѣшить, потому что поведеніе Соторина, какъ ни глупъ онъ казался, по временамъ представляло въ себѣ что-то странное, порывистое, несовсѣмъ сообразное съ его апатическимъ состояніемъ. Какъ бы то ни было, но мѣсто, гдѣ онъ бродилъ, способно было пробудить мысль изъ самой глубины души, особенно въ томъ, кто еще не свыкъся съ мѣстностью, а Соторинъ очутился здѣсь въ первый разъ, и вообще не былъ избалованъ роскошью природы, потому что полкъ, гдѣ онъ служилъ, стоялъ въ городѣ, въ одномъ изъ тѣхъ сѣверныхъ городовъ, гдѣ рядъ стриженныхъ березокъ называется садомъ въ англійскомъ вкусѣ.

Вѣковые дубы застилали вѣтвями все небо и составляли какъ бы куполъ обширной храмины, полный таинственной тишины; мелкой поросли вовсе не было подъ вѣчной тѣнью деревъ; даже зелень не пробивалась на гладкой какъ помостъ землѣ. Все было величественно, торжественно. Роща выпускалась буеракомъ къ рѣкѣ, которая разсѣкала ее, какъ стальная полоса, на двѣ части, и тутъ только небо пробивалось сквозь чашу деревъ, и глядѣлось въ рѣку виѣстѣ съ чудворисовавшимися въ ней опрокинутыми деревьями. Соторинъ тоже поглядѣлъ въ воду, потомъ на небо, потомъ на обширный лѣсъ, и остановилъ на немъ свой глазъ... Богъ его знаетъ, что думалъ онъ въ это время! можетъ-быть, просто рассчитывалъ, сколько можно получать съ него годоваго дохода, и позавидовалъ въ душѣ владѣльцу обширнаго лѣса. Соторинъ зачерпнулъ рукой воды, напился и вернулъ назадъ въ палатку. Тутъ его обступили офицеры и отъ нечего дѣлать стали приставать къ нему. Соторинъ жалѣлъ, что не остался въ лѣсу; никогда ему шутки товарищей не были такъ веселы; онъ едва сдерживалъ свой гнѣвъ, посылая въ душѣ ихъ къ чорту.

— Ну, скажи, признайся, куда уходилъ? кого искалъ? Не встрѣтилъ ли сосѣдку? не видалъ ли феи или вѣдьму? и тому подобныя вопросы сыпались градомъ. Соторинъ долженъ былъ наконецъ отвѣчать.

— Господа, я уходилъ потому, что не было возможности слушать васъ.

— Ба! это почему? Неужели слова романа задѣли и васъ за живое?

— Нѣтъ; голоса ваши драли уши!

Общій хохотъ, искренній или принужденный, служилъ отвѣтомъ на слова Соторина.

— Однакожь, скажи пожалуйста, душа-Соторинъ! Почему ты, котораго Богъ надѣлилъ такимъ нѣжнымъ слухомъ, слушаешь по цѣлымъ часамъ нашихъ пѣсенниковъ, и не бѣжишь отъ нихъ ни въ лѣсъ, ни въ поле?

— Они поютъ, что имъ доступно, что они понимаютъ, чему сочувствуютъ, и потому ихъ пѣснь звучитъ иначе, чѣмъ ваша.

— Гмъ! это какъ иначе? Что ты тамъ говоришь! Неужели бурлацкая или солдатская пѣснь тебѣ понятнѣе, доступнѣе твоей душѣ, чѣмъ романсъ, полный чувства, гармонія? спросилъ маіоръ Побѣгунчиковъ.

— О, конечно! Въ русской пѣснѣ изливается русская душа, то несущаяся къ разгулу, къ дикой свободѣ, то ноющая, тоскующая. Вслушайтесь хорошенько въ этотъ переливъ голосовъ: слышите ль... слышите ль, какъ сокрушается русскій человѣкъ, какъ неисчерпаемо глубоко въ душѣ беретъ онъ эти задушевные звуки... и вотъ, махнувъ рукой на удачу, онъ быстро переходитъ отъ горя къ разгулу, который тоже своего рода отчаяніе. Онъ не можетъ оставаться спокоенъ и въ самомъ горѣ. Нѣтъ, чтобъ забыть его, онъ идетъ въ лѣсъ, беретъ за ножъ, онъ мечется во всѣ стороны, душа его требуетъ дѣятельности, широкой, размахистой... Представьте ей въ это время поле, какое хотите... умѣйте направить ее... и она совершитъ чудеса благородства въ своемъ порывѣ, также какъ чудеса злодѣйствъ... она все можетъ, она рвется къ чудесамъ.... И все это въ русской пѣснѣ звучитъ и откликается, и вотъ почему, она, даже посредствомъ спѣтая, увлекаетъ за собой, далеко, далеко.... А ваши вычурныя фразы и чувства стелются, какъ дымъ въ непогоду по землѣ.... ниже землѣ....

Маіорша не сводила съ него глазъ; офицеры глядѣли съ изумленіемъ. Не то, чтобы они не понимали его; въ устахъ другаго эти слова нашли бы отзывъ во всѣхъ, но они слишкомъ были предубѣждены противъ Соторина. Они еще не могли сообразить, дичь ли онъ говоритъ, или умныя вещи, — какъ кто-то произнесъ: онъ пьянъ!

— Странно, онъ гораздо умнѣ пьяный, чѣмъ трезвый, сказалъ ретивостръ Горбуновъ.

— Ну, это еще вопросъ, отвѣчалъ Побѣгунчиковъ: трезвый онъ молчитъ, а пьяный говорить дичь.

— Эта дичь чѣмъ-то отъывается!

— Увѣряю васъ, выведешь, отвѣчалъ докторальнымъ тономъ Побѣгунчиковъ, и съ самодовольствіемъ поглядывалъ на маюршу, сквозь смуглыя щеки которой пробивался яркій румянецъ. Маюрша молчала.

— Ну, Соторинъ, ужь кутить, такъ кутить! Ты объявляешь, что мы деремъ твои уши иѣвемъ, спой братъ самъ, чтобъ мы имѣли право сказать тебѣ тоже.

— Онъ не довольно еще пьянъ для этого; дайте ему вина.

— Вина Соторину, вина, закричало нѣсколько голосовъ.

Соторинъ выпилъ стаканъ вина и началъ пѣть. Сначала голосъ его дѣйствительно дребезжалъ, какъ у пьянаго, къ общей потѣхѣ, но мало по-малу онъ крѣпчалъ, становился гибкимъ, увлекательнымъ, звучнымъ. Соторинъ преобразился весь; его лицо было полно чувства и выраженія. Но въ это время, когда всеобщее вниманіе наиряглось до послѣдней возможности, — онъ вдругъ смолкъ.

— Да, я дѣйствительно пьянъ, произнесъ онъ: очень пьянъ.... И за тѣмъ уже никакія просьбы не заставили его пѣть. Онъ казался дѣйствительно пьянымъ, а между тѣмъ продолжалъ пить на пропалюю, по страсти ль, потому ль, чтобъ возбудить въ себѣ опять восторженное состояніе, какъ замѣтилъ маюръ Побѣгунчиковъ, или просто для того, чтобъ залить задушевную тоску, какъ говорила мѣткая русская пѣсня, которую онъ пѣлъ, пѣсня, знающая душу человѣческую гораздо лучше маюра Побѣгунчикова; какъ знать, что было причиною, — только нашъ герой пилъ много, очень много.

Соторинъ не былъ не чувствителенъ къ покровительству маюрши, но онъ выказывалъ это такъ странно и неловко, что дѣлалъ смѣшными въ глазахъ другихъ, и свои отношенія къ ней и ее самую. Всякая другая отшатнулась бы отъ него, но маюрша не боялась насмѣшекъ: она была выше ихъ, и потому насмѣшки никогда не достигали ее.

Соторинъ былъ ауратешъ и скупъ; тутъ всякое посягательство на его бережливость было ему чувствительно, доходило до сердца; это была слабая его сторона и офицеры рады были, что

открыли ее. Разъ, какъ-то, въ отсуствіе его, они ворвались къ нему въ квартиру; отыскали свѣчи, зажгли сколько ихъ было, и подняли все вверхъ дномъ. Демьшикъ бросился къ барину: Соторинъ пришелъ въ ужасъ отъ всего, что увидѣлъ. Въ отчаяніи, онъ побѣжалъ жаловаться маіоршѣ. Голосъ его дрожалъ; онъ чуть не плакалъ; по краямъ блѣдныхъ тонкихъ губъ образовались складки, которыми не свидѣтельствовали доброты его сердца.

— Бѣдвенькій, бѣдвенькій, говорила съ состраданіемъ маіорша: у него только и защиты, что я, и какъ онъ безусловно вѣруеть въ эту защиту! онъ считаетъ меня всецѣльною надъ этими сорванцами. Господа, продолжала она серьезно, обращаясь къ офицерамъ: это уже черезъ чуръ; можно допускать себѣ невинныя шутки, но эти перешли границы пристойности; если это повторится, я не шутя буду ссориться съ вами.

Кто-то хотѣлъ возражать, но маіорша не привыкла къ возраженіямъ въ обществѣ, также какъ маіоръ не терпѣлъ ихъ по службѣ.

— Слабость, продолжала она, должна была найти въ васъ опору, а не преслѣдованіе. Чѣмъ сильнѣе вы будете противъ него возставать, тѣмъ болѣе я буду его защищать. Оставьте его одного противъ всѣхъ васъ, было бы... безбожно.

— О, вы можете быть увѣрены, сказалъ кто-то изъ молодыхъ офицеровъ: что мы не подадимъ повода впередъ къ упрекамъ, которые слишкомъ чувствительны для всѣхъ насъ. Мы оставляемъ въ покоѣ господина Соторина, который одинъ умѣлъ поссорить наше общество, до того ничѣмъ невозмутимое.

— Не онъ, а вы господа накликаете эту ссору.

— Да! точно мы виноваты! Онъ чистъ, какъ голубица, вылетѣвшая изъ Ноева ковчега.

— Не знаю, похожъ ли онъ на голубицу, но ужъ ни какъ непохожъ на коршуна.

Нѣсколько колкостей было отпущено съ той и другой стороны. Пожилые офицеры поспѣшили прекратить эту ссору. Черезъ часъ они просили прощенія у Маіорши и все было забыто. Но былъ забытъ и оставленъ всѣми и Соторинъ. Съ-этихъ-поръ ни шутка ни доброе слово не обращалось къ нему. Офицеры не могли простить ему того, что онъ чуть не поссорилъ ихъ съ маіоршей, съ маіоршей, которую они любили какъ родную сестру и готовы были защищать ее со шпагой въ рукѣ, противъ клеветы всего свѣта.

Маюрша одна не покинула Соторина. Часто по вечерамъ, одинъ изъ офицеровъ читалъ вслухъ. Она заставила читать Соторина: онъ читалъ правильно, но безъ выраженія, шопотомъ; вдругъ онъ заикнулся, остановился, покраснѣлъ до ушей и не могъ продолжать далѣе.

Маюрша посмотрѣла въ книгу и расхохоталась. Бѣднаго Соторина привело въ краску и замѣшательство какое-то двусмысленное выраженіе, отъ котораго нынче уже не краснѣютъ дѣвушки.

— Видите ль, господа, сказала смѣясь маюрша, я вамъ говорила, что у Соторина есть свои достоинства, стоило только хорошенько поискать ихъ. Какъ вамъ кажется эта дѣтская стыдливость? Не обличаетъ ли это всю чистоту души, не испорченной. Право, четырнадцатилѣтняя дѣвушка покажется кавалеристомъ передъ нимъ.

Офицеры молчали. Ни одной улыбкой не отвѣчали они на шутку. Олимпиада Николаевна надула свои розовыя губки. Такъ вотъ же, на переکورъ всѣмъ имъ рѣшилась она покровительствовать Соторину и переобразованнаго показать потомъ обществу, какъ свое твореніе. Тогда пристыдить она всѣхъ ихъ и докажетъ, что женщина изъ тюлена можетъ сдѣлать человѣка, стоитъ только заняться имъ, а не покинуть на произволъ судьбы и насмѣшекъ, какъ дѣлали эти люди, жестокіе люди, доводившіе бѣдняка до отчаянія, и за что? что онъ имъ сдѣлалъ, тихій и кроткій, терпѣливо переносившій даже насмѣшки, только бы онѣ не касались его завѣтныхъ вѣрованій. Странное свойство этихъ людей! по природѣ кажется добрые, они съ истиннымъ животнаго всегда готовы оскорбить, а не защитить слабого.

Въ потокъ своего сочувствія и расположенія къ Соторину, маюрша какъ то заговорила съ нимъ объ его отцѣ и матери, хотѣла возбудить въ немъ чувство соболѣзнованія, которое женщина съ такимъ участіемъ, съ такою готовностію принимаетъ на свое доброе сердце, но Соторинъ былъ безотвѣтенъ на призывъ сердца; эти струны издавали въ немъ такіе же глухіе, непонятные звуки, какъ и прочія.

— Лишиться родителей въ такіе молодые года, не звать, для кого живешь на свѣтѣ, кого радуешь своими успѣхами, кого огорчаешь своимъ горемъ, о, это потеря ужасная! произнесла растроганная маюрша, увлеченная собственнымъ воспоминаніемъ.

— Нѣтъ съ, отвѣчалъ холодно Соторинъ, понимая слово потеря чисто въ матеріальномъ значеніи, къ которому была доступна

голова его, никакъ нѣтъ-съ! Я и при жизни родителей ничего не получала изъ дому; я всегда жилъ однимъ жалованьемъ.

Маюрша покрасѣла до ушей. По тонкому чувству женщины, которая, какъ бы умна ни была, всё-таки живетъ больше сердцемъ чѣмъ головой (кромѣ натуръ совсѣмъ особенно организованныхъ), она поняла всю пошлость, всю низость отвѣта, и тогда же готова была оставить своего воспитанника на произволъ его собственныхъ наклонностей, но невольнo обращенный ею взоръ на бывшихъ тутъ офицеровъ открылъ ей такія вещи, которыя жестоко ущемилъ ея же самое тщеславіе. На этотъ разъ она увидѣла не равнодушныя, безответныя лица, но гримасу презрѣнія, отразившуюся на всѣхъ этихъ лицахъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей замѣтилъ, хотя довольно тихо, но такъ что маюрша услышала его слова:

— Посмотри, сказалъ онъ другому, какъ быстро идетъ преобразование Соторина, онъ уже умѣетъ дѣлать оцѣнку своихъ родителей не хуже промотавшагося купеческаго сына. Охота же ей возиться съ этимъ грязнымъ существомъ. Право, она бы хорошо сдѣлала, еслибъ послѣдовала нашему примѣру и оставила Соторина въ покоѣ. Лучше взять собаку для образованія, чѣмъ держать его при себѣ.

Это была сердечная обида для маюрши, оскорбленіе, къ которому она считала себя недоступною. Она твердо вѣрила, что ей имени не можетъ коснуться никакой упрекъ, никакое замѣчаніе. Теперь она слышала своими ушами доказательство противнаго, можетъ быть убѣждалась въ справедливости замѣчанія, но все-таки считала его преступленіемъ со стороны тѣхъ, которые прежде обращались съ нею какъ съ сестрой, и говорили ей прямо въ глаза, что у нихъ было на сердцѣ, и не злословили ее другъ передъ другомъ. Пускай бы въ послѣдствіи они сказали ей то же самое, но со всею добротой и откровенностью, она вѣрно созвалась бы въ своемъ дѣтскомъ упрямствѣ и смѣялась бы надъ нимъ; но обращаться съ нею такъ холодно, съ такимъ оскорбительнымъ невниманіемъ. Фи! какъ гадко, какъ эгоистически! не имѣть никакого снисхожденія къ женщинѣ, которая столько оказывала его къ ихъ слабостямъ и недостаткамъ!

— И чтобъ я уступила имъ, когда они силою требуютъ отъ меня этого, — ни за что, ни за что! Они думаютъ, что я безъ нихъ жить не могу; посмотримъ! Я съумѣю создать для себя общество изъ Соторина, даже безъ него, изъ себя самой! Увидимъ какъ они обойдутся безъ меня.

Так думала маюрша, так думали и ея офицеры, только въ обратномъ смыслѣ. Они говорили: пускай бы она напризничала, обругала насъ, — это была бы минутная вснышка, изъ которой мы привыкли, которую всегда извиняли, но оказывать постоянное предпочтеніе передъ нами, которые только и думали о томъ чтобъ угодить ей, предпочтеніе кому? — Холодному, бездушному созданию, и для чего? — чтобы бѣсить насъ, чтобъ дѣйствовать на перекоръ нашимъ убѣжденіямъ! За тѣ? — Они не знали за собой никакой вины, и потому чувствовали обиду не меньше сильно какъ и сама маюрша.

Объ стороны тавли досаду въ глубинѣ сердца, и тѣмъ мучительнѣй она была для нихъ; ни та ни другая сторона не хотѣла высказать ее, объявиться, считая унижительнымъ для себя сдѣлать первый приступъ, потому что обѣ считали себя правыми.

Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что общество мало по малу разпадалось во внутреннеи своемъ составѣ. Но наружности оно оставалось тоже; потому что каждый боялся огласки, каждый дорожилъ репутаціей цѣлаго общества. Но преждему собирались по вечерамъ у маюрши, но на вечерѣ являлось то того, то другаго изъ офицеровъ. Въ прежнее время маюрша сейчасъ бы замѣтила этотъ недочетъ, осведомилась бы объ отсутствующемъ и въ случаѣ его болѣзни, послала бы ему разныхъ домашнихъ сладостей, а если болѣзнь серіозная, тяжкая, маюрша явилась бы къ больному какъ ангелъ-хранитель, оставляя за собою если не выздоровленіе, то утѣшеніе. Теперь же ~~дѣла~~ Николаевна и не замѣчала отсутствующихъ, а они случались чаще и чаще, такъ что на вечерѣ къ ней шли, какъ бы на дежурство, по очереди.

Только Соторня былъ невзмѣненъ, и, вѣрная своему упрямому чувству, маюрша занималась имъ исключительно.

Въ каждомъ полку есть то, что называется закъаской его; это десятокъ другой старыхъ испытанныхъ солдатъ, которымъ начальники и рядовые равно оказываютъ уваженіе, и нѣсколько офицеровъ, пользующихся особенной репутаціей. Въ *** полку, ротный командиръ баталіона Ласькова, капитанъ Горбылевъ былъ извѣстенъ каждому солдату и офицеру. Двадцать лѣтъ служилъ онъ въ этомъ баталіонѣ и не слышалъ ни отъ кого худаго слова; а ужъ чего не переживало въ это время на его глазахъ, какихъ командировъ не пережилъ онъ! Самъ Ласьковъ оказывалъ ему явное уваженіе; при свиданіи съ нимъ подавалъ ему руку, чего не дѣлалъ даже съ младшимъ баталіон-

нымъ штабсъ-офицеромъ майоромъ Побѣгунчиковымъ; не рѣдко посѣщалъ его, съ женою, хотя Горбылевъ былъ холостъ.

Капитанъ былъ человекъ тихій, солидный, чуждый всякихъ интригъ. Онъ только что не мѣшался въ ссору офицеровъ съ майоршею, но не могъ не замѣтить ее, тѣмъ болѣе, что офицеры, по-часту собиравшіеся у него и особенно теперь, когда бывали рѣже у майорши, толковали между собою объ этомъ происшествіи, невольно занимавшемъ каждого.

Горбылевъ рѣшился было уже ввязаться въ исторію, только бы помирить обѣ стороны, но было поздно; майорша чуждалась уже своихъ офицеровъ не по чувству противорѣчія, а потому что ей не нравилось быть съ ними: каждый видѣлъ это очень ясно.

Младшій штабсъ-офицеръ Побѣгунчиковъ, въ кругу двухъ трехъ пріятелей иногда кричалъ, что это просто соблазвъ.

Надобно сказать, что этотъ Побѣгунчиковъ, котораго Ласковъ называлъ фертникомъ, выскочкой, хотя онъ былъ уже лѣтъ осемнадцать офицеромъ, Побѣгунчиковъ нѣкогда былъ поклонникомъ красоты майорши, какъ и каждый почти изъ офицеровъ въ свою очередь, и если неболѣе пламеннымъ какъ каждый изъ нихъ, то болѣе извѣстнымъ, потому-что Побѣгунчиковъ былъ права легкаго, хотя впрочемъ совершенно безвреднаго; онъ былъ именно тѣмъ, что называется въ кругу товарищей, добрый малый. Само собою разумѣется, что майорша не обращала вниманія на его поклоненіе; порою даже трунила ни сколько несердась и обращалась съ нимъ какъ съ другими, умѣя во всякое время укротить пылъ своего поклонника, если бы онъ когда нибудъ увлекся за предѣлы приличія. Побѣгунчиковъ въ то время не обижался; это была участь не его одного, а онъ вовсе не былъ такъ тщеславенъ, чтобъ ожидать для себя исключенія, напротивъ, онъ совершенно удовольствовался ролью безмолвнаго обожателя, какъ говорилъ онъ. Но когда майорша такъ явно стала выказывать предпочтеніе другому, и кому же?... О, тогда нашъ Побѣгунчиковъ пріосанился, и только товарищи смирили его гнѣвъ, боясь какой-нибудь скандальной исторіи. Майоръ далъ себѣ слово дѣйствовать рѣшительно и сталъ дѣйствовать вопреки всеобщимъ убѣжденіямъ.

Были сумерки. Олимпиада Николаевна сидѣла упершись локоткомъ о подоковницу и опутивъ голову на ладонь руки; пристально, но безотчетно глядѣла она на улицу, гдѣ происходили сцены самой будничной сельской природы, занимательныя на картинѣ Теньера и вовсе не интересныя на дѣлѣ. Мелкій дож-

дикъ бусилъ и наводилъ темный колоритъ на всю картину. Оборванный, грязный мальчишка плескался въ лужѣ. Собака, присѣвъ на заднихъ лапахъ и вытянувъ морду, жалобно выла, предвѣщая кому-то бѣду. Пѣтухъ приподнялъ ножку, кричалъ благинь-матомъ, вѣроятво къ дождю, потому-что тучи заволокли полъ-неба, остальное полъ-неба сливалось съ сизымъ низменнымъ горизонтомъ.

Лебеда вошелъ въ комнату, маюрша не слыхала его прихода; деньщикъ поправилъ стулъ, стукнулъ, кашлянулъ, — маюрша не замѣтила его.

— Барыня, Олимпиада Николаевна, скоро офицеры станутъ собираться, не прикажете ль свѣчи подавать.

— Что? а!... это ты Трофимычъ!... Ну, хорошо; ступай!...

Лебеда почесалъ въ затылкѣ. Ясно было, что маюрша сама не знала, что отвѣчала.

Деньщикъ повторилъ вопросъ.

— Не надо свѣчей! такъ лучше.

— А какъ же гости!

— Не надо гостей!

Лебеда нѣсколько помолчалъ и потомъ опять началъ:

— Почему жъ не надо гостей?... Маленько бы и вы, Олимпиада Николаевна, разгулялись съ ними, а то вотъ сидите, какъ на смерть приговоренные.

Лебедѣ повсѣзлосъ и не такія вещи говорить.

— При гостяхъ мнѣ будетъ еще скучнѣе: они все такіе!...

— Вотъ уже и такіе. Да они вась словомъ не обидятъ, глазомъ не укорятъ.

— Да, знаешь ты ихъ!

— Какъ же мнѣ ихъ, сударыня, не знать: двадцать пять лѣтъ дослуживаю въ полку. Кто теперь маюромъ, — при мнѣ прапорщикомъ былъ. Какъ мнѣ не знать ихъ! Вотъ, давиче, иду мимо дома его благородія Ивана Петровича (Горбылева). Онъ и говоритъ, куда идешь, братецъ? Туда и туда! — А что барыня? — Барыня? ничего!...

И Лебеда многозначительно пожалъ плечами, передавая нетолько слова, но и самыя движенія сопровождавшія слова, хорошо зная, что въ нихъ-то и кроется весь смыслъ рѣчи.

— Такъ все таки по прежнему? говорить онъ.

— Все по прежнему, говорю я. Иванъ Петровичъ головой покачали, да и говорятъ мнѣ: худо братъ, Лебеда, худо.

— Ужъ вотъ какъ худо, говорю имъ. Тамъ послѣ этого ска-
зываютъ вы, что они не любятъ васъ.

— Богъ съ ними, и съ ихъ любовью! Не наде мнѣ ничего.

Несмотря на всю положительность отвѣта маіорши и на явно
выказанное желаніе остаться одной, старшій денщикъ стоялъ
тутъ, прислонясь къ косяку дверей. Послѣ нѣкотораго молчанія
онъ опять спросилъ:

— Такъ прикажите принимать оенцеровъ, когда прїѣдутъ?

— Вѣдь я же тебѣ сказала, что нѣтъ! произнесла съ досадою
Олимпиада Николаевна.... Я больна....

— Такъ никого?

— Никого.... Нѣтъ, постой, пускай войдетъ ко мнѣ на минуту
Соторинъ.... мнѣ надо ему кое-что поручить.... купить въ го-
родѣ....

Лебеда вышелъ. Въ такъ называемую диванную внесли свѣ-
чи. Въ залѣ и гостиной было темно. Маіоръ еще спалъ по-
слѣ обѣденнымъ крѣпкимъ сномъ, который у него нерѣдко длил-
ся до глубокой ночи и сливался съ нею. Пришелъ и Соторинъ.

— Мнѣ скучно, сказала она обращаясь къ нему и тщательно ста-
раясь придать себѣ прежній безпечный видъ. Соторинъ, не мо-
жете ли вы разсѣять меня!

Соторинъ машинально взялъ книгу и хотѣлъ читать.

— Ахъ! какъ вы несносны съ вашимъ чтеніемъ, все книги и
книги. Онѣ безъ того надоѣли мнѣ, неужели нѣтъ другаго сред-
ства разогнать скуку.

— Не знаю съ!

— Да что же дѣлаете вы, когда вамъ бываетъ скучно?

— Хожу по комнатамъ, думаю о суетѣ мірской.

— И вамъ станетъ веселѣй?

— Точно такъ съ.

— Значитъ вы не испытали настоящей скуки?

— Можетъ-быть.

— Или вы никогда не бываете дома одинъ?

— Всегда одинъ!

— Но васъ по-крайней-мѣрѣ тревожитъ то, что никто не раз-
дѣляетъ вашего одиночества, что вы.... какъ будто оставлены
всѣми.

— Я радъ этому, лучше быть одному, чѣмъ съ друзьями.

И въ лицѣ его, всегда холодномъ, безъ всякаго выраженія,
какъ-будто промелькнула недобрая улыбка, судорожно подернув-
шая концы блѣдныхъ губъ его.

Маюрша ничего не замѣтила. Она была занята какою-то тревожною мыслію и въ замѣтательствѣ терзала концы пояса.

— Несносный человѣкъ! произнесла она, послѣ нѣкотораго молчанія. Однакожъ, послушайте, продолжала она, вѣдь это показывается что васъ никто не любитъ.... а очень больно быть нѣмъ не любиму.

Ей стѣсняло большихъ усилій произнести эти слова. Отъ природы добрая и сострадательная, она хорошо понимала сколько въ нихъ оскорбительнаго и горькаго, но хотѣла довести до крайности разговоръ, хотя въ сущности сама не понимала чего именно хотѣла, какихъ результатовъ добивалась. Она была въ какомъ то раздражительномъ, переходномъ состояніи, *époque de transition* если можно такъ выразиться.

— Напротивъ, отвѣчалъ Сотиринъ, нисколько не измѣняя ни голоса ни выраженія, меня любить одна добрая душа и съ меня довольно этого.

— Кто жъ это, спросила съ удивленіемъ, и какъ-бы тайнымъ предчувствіемъ маюрша.

— Какъ, кто! Вы!

— Я! съ чего вы это взяли?.. сказала она нахмуривъ брови. Она хотѣла сильнѣе выразить свой гнѣвъ, свою досаду, но невозможная, не могла найти словъ для выраженія всего этого.

— Какъ съ чего! развѣ это неправда, развѣ вы не любите меня? Скажите, за что жъ вамъ не любить меня!

Слова эти были такъ просты, произнесены такимъ наивнымъ тономъ, что могли бы успокоить самую робкую натуру. Олимпиада Николаевна, какъ мы уже замѣтили, была довольно свободна въ обращеніи, не изъ кокетства, о! далеко нѣтъ, но отъ привычки быть постоянно въ обществѣ мужчинъ, по влеченію характера, не терпящаго никакого насилія, открытаго, благороднаго, наконецъ по слишкомъ большой увѣренности въ себя. На этомъ пунктѣ маюрша ошибалась, какъ ошиблась бы каждая женщина, не бывшая въ школѣ свѣта. Женщинѣ всего менѣе должно разчитывать на себя, на свою твердость, на силу непоколебимаго характера. И затѣмъ подвергать ихъ напрасному искушенію или слишкомъ ненадежному торжеству!

— Хорошо, положимъ что я васъ люблю..... ну, а вы...что жъ вы?

— Я съ? Ничего съ!

Маюрша опять разочаровалась.

— Вы ничего-съ! сказала она иронически; прекрасно! Вы ничего-съ! продолжала она, стараясь подавить чувство досады. Вы не чувствуете даже благодарности за любовь, если она впрочемъ существуетъ, не умѣете понять, не можете или не хотите раздѣлить ее: такъ къ чему жъ вамъ эта любовь?

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! О благодарности нечего и говорить, это такая вещь, что ее высказать какъ то неловко, совѣстно, а слушать объ ней не зсякій можетъ; благодарность вещь мудреная; Богъ знаетъ, что она такое; а вотъ любовь, совсѣмъ иное. Ее каждый пойметъ и безъ словъ. Вѣдь я же догадался, что вы меня любите, хоть вы мнѣ и буквы не говорили о любви.

— Ну, это еще вопросъ!

— Смѣю васъ увѣрить, что вопросъ рѣшенный, окончательно и положительно рѣшенный.

— Вотъ это очень мило! Если однако вы рѣшили вопросъ такъ положительно и окончательно съ одной стороны, то нельзя ли его разобрать и съ другой, болѣе темной для меня.

— Съ какой это?

Маіорша ожидала, что онъ опять уклонится отъ отвѣта или будетъ отвѣчать какою нибудь глупостью. Отъ этого отвѣта зависѣло многое, потому что мѣра терпѣнія ея уже истощалась.

— Со стороны вашихъ чувствъ, сказала съ нѣкоторою боязнью маіорша.

— Конечно я люблю васъ гораздо больше, чѣмъ вы меня.

— Почему же гораздо больше? произнесла она взволнованнымъ голосомъ. Глаза ея блестѣли, яркій румянецъ пробился на загорѣлыя щеки.

— Во первыхъ, потому что вы женщина; во вторыхъ, потому что вы любите не одного меня, а я люблю только васъ, слѣдовательно вся моя любовь въ васъ однихъ.

— Вы хотите сказать, что я люблю всѣхъ, и это правда.... Совѣтую вамъ дѣлать тоже.

— Простите: я не могу слѣдовать вашему совѣту и даже попрошу васъ, если вы уже дѣйствительно любите всѣхъ, то сдѣлайте исключеніе для меня и не любите меня одного, совсѣмъ не любите. Я не хочу быть въ числѣ всѣхъ для васъ.

— О, да какой вы эгоистъ! Я не ожидала этого.

Разговоръ становился болѣе и болѣе значительнымъ. Онъ нерѣдко касался предметовъ очень щекотливыхъ, далеко схороненныхъ чувствъ въ сердцахъ, вопросовъ деликатныхъ, темныхъ, и,

странно, всё они разрешались весьма удовлетворительно съ обѣихъ сторонъ.

Маюрша находила этотъ разговоръ необыкновенно занимательнымъ. Время текло очень скоро къ обоюдному прискорбію разговаривающихъ. Олимпиада Николаевна наконецъ убѣдилась, что Соторинъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ о немъ думаютъ, что онъ даже вовсе не глупъ, что способъ его выраженія, наивный, простой, показался страннымъ для всѣхъ, по своей новосте, но въ немъ было такъ много истины и перѣдко увлеченія, что она удивлялась, какъ могла такъ долго не замѣтить этого, не отличить его отъ другихъ, не предпочесть бесѣду съ нимъ съ повседневымъ разговоромъ окружавшихъ ее людей.

Маюрша, какъ бы желая вознаграждать потерянное время, минуты, добровольно отнятыя у сердца и пожертвованныя Богъ знаетъ кому и чему, неудержимо предалась исключительному обществу Соторина, котораго все болѣе и болѣе находила занимательнымъ. Иногда Соторинъ, какъ бы въ забывчивости, бралъ руку маюрши, цѣловалъ эту руку, но все это было такъ просто, такъ естественно, въ порывѣ увлеченія или въ разсѣянности, такъ невинно, что маюрша не могла сердиться на него.

Съ этого времени общество офицеровъ было ею совсѣмъ забыто. Смотръ генерала, событіе столь важное для всего баталіона, протекло мимо ея почти незамѣченное. Между офицерами не было уже и рѣчи о маюршѣ: предметъ этотъ былъ слишкомъ щекотливъ для всѣхъ, чтобы касаться его. Только Побѣгунчиковъ не переставалъ слѣдить за всѣми дѣйствіями Соторина со времени появленія его такъ рельефно въ картинѣ ихъ общественной жизни, и съ терпѣніемъ, несвойственнымъ ему, собиралъ свѣдѣнія о прежней жизни молодого поручика, которая казалась загадочною не для одного Побѣгунчикова.

Однажды торопливо вошелъ онъ къ своимъ товарищамъ и подавая имъ два письма торжественно произнесъ: вотъ онъ мой голубчикъ! А, господинъ Соторинъ, попался вы намъ на удочку: теперь мы васъ вытащимъ на чистую воду; покажемъ, что мы не такъ глупы, какъ вы объ васъ думаете; сбросимъ съ васъ личину глупости которою, вы прикрывались, потому что она все такъ благообразнѣйшей вашей настоящей личности. Сюда господа, ко мнѣ! извольте послушать.

И вслѣдъ за тѣмъ маюръ началъ читать письма. Первое было отъ его близкаго пріятеля и заключалось въ слѣдующихъ многозначительныхъ словахъ:

«Фофаны вы, фофаны, мои любезные друзья, настоящіе англійскіе фофаны, и первый изъ фофановъ ты, душа моя Побѣтуевичевъ! во истину такъ! а потому и не серансь, пожалуйста, за мою откровенность. Ты знаешь, я вѣдь рублю съ плеча, по кавалерійски. Вы называете дуракомъ Соторина: какъ же назвать послѣ этого васъ, спрашиваю, и особенно тебя, дружницѣ? Китайскимъ мандариномъ? Мало! Японской кунлой? и то мало! Развѣ евнухомъ, право евнухомъ. Соторинъ глухъ! Да онъ у насъ, въ кавалеріи, такіе дѣлалъ штуки, что наконецъ пришлось его выжить отъ сюда. А право жаль! Негодай былъ, слова нѣтъ! Страшный негодай! За то все сдѣлаетъ, что захочетъ. Ему законъ не писанъ. У Султана отбилъ бы одалиску, еслибъ захотѣлъ; у Отелло укралъ бы жену, еслибъ понадобилась: истинно такъ! Воображаю какъ онъ проказитъ у васъ, что дѣлаетъ съ вашей братіей, пѣхтурой. Дуракомъ прикинулся: Экая бестія!.....Ты не повѣришь, душа моя, какъ мы смѣлялись, читая одиссею Соторина къ одному изъ старыхъ его товарищей. Посылаю тебѣ это письмо въ подлинникъ. Хоть оно для васъ покажется и не такъ смѣшнымъ, за то вполне удовлетворитъ ваше любопытство и особенно твое. Ты что-то шибко хлопчешь о своей маіоршѣ. Чѣмъ ссориться тебѣ съ Соторинимъ, лучше бы поучиться у него, какъ дѣйствовать въ любовныхъ дѣлахъ, а онъ за деньги все сдѣлаетъ: такая каналья. За снѣмъ прощай!

«Твой другъ *Коломазевъ.*»

Другое письмо было отъ Соторина къ одному изъ его прежнихъ товарищей. Вотъ оно:

«Нѣсколько времени жилъ я въ такой глуши, что даже солнечный лучъ не всегда пробивался ко мнѣ сквозь узкое окно малороссійской избы. Съ стѣсненнымъ сердцемъ признаюсь тебѣ, что я принужденъ былъ къ тому одною необходимостью. Мысль, что меня могутъ выгнать изъ службы, эта мысль ужаснула меня. Что я буду тогда дѣлать? Надѣну венгерку и стану промышлять собою на разные лады, какъ это дѣлаютъ тысячи людей въ подобныхъ положеніяхъ: нѣтъ, я слишкомъ гордъ для этого. И такъ я рѣшился поправить свою репутацію. Горькая необходимость! Лучше родиться уроломъ, безъ руки, безъ глаза, безъ ноги, только не бѣднякомъ. Чтобы не мѣшаться въ общество, я не знакомился ни съ кѣмъ изъ офицеровъ, и отвѣчалъ на безконечные распросы односложнымъ, да или нѣтъ. Я прослылъ между ними дуракомъ, что меня ни сколько не огорчало, напротивъ, извѣщеніе отъ посѣщенія давало возможность сберечь лишнюю ко-

нѣтъ ни дро черныи день, который въ моемъ быту всегда стоить за плечами. Да если правду сказать, изъ-за чего мы хлопотали и бились прежде! Какъ посмотрю отсюда на прошедшее, какъ пошлы были всѣ наши удовольствія и радости! Теперь я стою крайней-мѣрѣ покоенъ духомъ и тѣломъ. Принялся за книги, не потому, чтобы думалъ изъ нихъ чему-либо даучиться, нѣтъ! Это заблужденіе прошло вмѣстѣ съ временами пылкаго студенчества, но чтобы убить время, чтобы придать себѣ въ послѣдствіи нѣсколько лоску, столь обманчиваго въ глазахъ свѣта. На это можно что-нибудь себѣ добыть, вотъ мой расчетъ. Послѣ этого, казалось, кому бы могъ я мѣшать! Я былъ безвреднѣе мухи; по службѣ исправецъ какъ фельдфебель; въ обществѣ — глупъ какъ сапожникъ; я не могъ возмутить ни чьего тщеславія, не оскорбить ни чьего мелкаго самолюбія. — Чтѣ жъ ты думаешь? Потому именно, что считали меня неспособнымъ вредить другимъ, вредили мнѣ въ увѣренности на безнаказанность своихъ поступковъ. Даже то, что я былъ дуракъ, употребили въ дѣло. Ужъ какъ пойдетъ на несчастье! Маюрша вздумала преобразовать меня. Видно нѣтъ такого нравственнаго безобразія, которое бы не пришлось по вкусу хоть одной женщинѣ. Можешь вообразить, чѣмъ кончилось это преобразование? Надо было быть рыбой, чтобы остаться холоднымъ къ ея вѣжностямъ. Впрочемъ, увѣряю тебя, я долго крѣпился, и если бы не остережили меня господа офицеры, можетъ-быть я оставилъ бы въ покоѣ и ихъ и ее. Мнѣ не столько хотѣлось овладѣть прелестями маюрши, уже довольно полинялыми, сколько оставитъ въ дуракахъ ея поклонниковъ, которые вздыхали по ней въ почтительномъ отдаленіи. Признаюсь, съ моей стороны даже нѣтъ славы побѣды: такъ легко досталась она. Теперь я стою у развязки, конецъ которой легко предвидѣть. Вернуться поздно. Что жъ! развѣ я виноватъ! зачѣмъ же меня вызвали опять на тревожное поле дѣятельности....

За сѣмъ слѣдовало заключеніе, которое не стоитъ перечитывать.

Общее молчаніе послѣдовало за чтеніемъ этихъ писемъ, какъ будто каждый хотѣлъ узнать мнѣніе другихъ, прежде чѣмъ высказать свое. Какъ будто у каждаго на душѣ зашевелилось какое-то чувство, болѣе глубокое чѣмъ оскорбленное тщеславіе.

— Что жъ, сказалъ наконецъ капитанъ Горбылевъ, не исправись, вотъ и все!

— Какъ все? мы, старые офицеры, потеряемъ обиду отъ это-

го молокососа, вскрикнулъ съ запальчивостію маіоръ Побѣгунчиковъ.

— Позвольте васъ спросить, о какой обидѣ вы говорите?

— А эти письма?

— Эти письма! Откуда вы ихъ достали?... зачѣмъ?... Кто вамъ далъ право ихъ читать?... Если тутъ есть обиженный, то это Соторинъ, и если кто имѣетъ право требовать удовлетворенія, то это онъ. Не станемъ же говорить больше объ оскорбленіи и постараемся забыть то, что вы насъ заставили выслушать.

— Положимъ, что мы забудемъ все, что относится до насъ, но.... маіорша!...

— У нея есть мужъ. Я, впрочемъ, надѣюсь, что вы не покажете этихъ писемъ мужу?

— Ему — вѣтъ! но ей, я ихъ покажу!

— Маіоршъ?

— Знаю, что это имѣетъ гадкій видъ, знаю, какую роль беру съ я играть въ глазахъ тѣхъ, которые судятъ по наружности; но здѣсь есть вещи посерьознѣе, и для нихъ можно пожертвовать приличіемъ. Здѣсь рѣчь идетъ о цѣлой судьбѣ женщины, которая, зачѣмъ скрывать, скорѣе ввѣрилась охранѣ нашей, чѣмъ своего мужа. Слѣдовательно, надобно прежде всего позаботиться о ней.

Можетъ быть каждый думалъ то же, но никто не рѣшился бы поступить такъ, какъ предполагалъ маіоръ. Быть чѣмъ-то въ родѣ доносчика, человѣку, который носитъ мундиръ и шпагу, утрашило всякаго, и если маіоръ говорилъ и собирался дѣйствовать иначе, то это скорѣе по легкости характера, который не заботится о послѣдствіяхъ, чѣмъ по глубокому убѣжденію въ правотѣ дѣла и увѣренности въ себя.

— Маіоръ, вы забыли еще объ одномъ маленькомъ условіи. Что скажете свѣтъ обо всей этой исторіи, которая необходимо огласится, если извѣстность о письмахъ перейдетъ черезъ порогъ этой избы.

— Вы забываете, что здѣсь весь свѣтъ сосредоточивается для нея — въ насъ, для насъ — въ ней. Слѣдовательно, мнѣніе свѣта напередъ извѣстно. Притомъ же, этотъ свѣтъ не будетъ хуже думать, какъ онъ думаетъ теперь. Всякая прѣмѣна — къ лучшему, и какой-нибудь негодяй не станетъ долѣе пасмѣхаться надъ довѣренностію женщины, можетъ быть надъ чѣмъ-нибудь подороже самой довѣренности, хотя бы ему пришлось перестрѣлять всѣхъ насъ, потому-что, говорятъ, Соторинъ попадаетъ въ ла-

сточку на лету и мѣтить также твердо и равнодушно въ сердце человѣка какъ и въ темное пятно ласточки.

— Посмотримъ, что изъ всего этого будетъ, сказала съ обыкновенною легкою капитанъ Горбылевъ, ожидавшій всегда переменъ къ лучшему отъ времени и отъ обстоятельствъ.

— Посмотримъ, отвѣчалъ маюръ.

Офицеры разошлись, по видимому, не соглашаясь съ намѣреніями маюра, но въ душѣ своей рѣшившіеся поддерживать и защищать его въ случаѣ ответственности, какъ стараго товарища.

Черезъ нѣсколько дней маюрша, путями довольно странными и ей неизвѣстными, получила эти письма. Она вспыхнула въ негодованіи, но не на Соторина, совсѣмъ нѣтъ: довѣріе любящей женщины не легко поколебать.

— Боже мой! вскрикнула она невольно, сколько злости въ этихъ людяхъ: они рѣшились оклеветать его, подбросить мнѣ подложныя письма; и они думали, что я такъ легко повѣрю всему!... Хорошо же, господа! Я не боюсь явиться на очную ставку съ вами, съ этими грязными уликми въ рукахъ противъ вашей чести.

Она рѣшилась переговорить съ Соторинимъ. Олимпиада Николаевна не боялась преждевременной вспышки съ его стороны. Соторинъ повиновался ей, по-видимому, безусловно, и маюрша гордилась тѣмъ, что онъ въ ней, какъ сильнѣйшей, искалъ защиты и покровительства. Они словно обмѣнялись тѣми ролями, которыя природа предназначила имъ по рожденію и новость предмета столько же какъ собственное тщеславіе утѣшало Олимпиаду Николаевну въ этой противуестественной перемѣнѣ.

Вечеромъ, по обыкновенію, пришелъ Соторинъ. Они остались вдвоемъ.

— Посмотрите, сказала маюрша, указывая на письмо: не можете ли угадать, чей это почеркъ?

— Это?... мой, конечно.

— Да, очень похожъ на вашъ; но всмотритесь хорошенько и еще лучше, прочтите самое письмо, и тогда отвѣчайте на мой вопросъ.

Соторинъ пробѣжалъ письмо.

— Да, это отъ меня. Не понимаю только, какъ оно могло попасть къ вамъ въ руки.

— Отъ васъ?! едва могла выговорить маюрша. Лихорадочное состояніе овладѣло ею; губы посинѣли, глаза горѣли.... Но она все еще надѣялась, что это была шутка, или, что Соторинъ, по

благородству своего характера, не хотѣлъ изобличить того, кто поддавался подъ его почеркъ. Маіорша не могла постигнуть; чтобъ онъ, такой простодушный, такой откровенный, выразившійся такъ непритворно, могъ написать такое письмо. — Нѣтъ; говорила она себѣ въ утѣшеніе: тутъ видѣтъ совсѣмъ другой чело-вѣкъ. У Соторина не достанетъ даже ума, чтобы такъ писать, если бы и достало злости.

— Отъ васъ? повторила маіорша: вы клеветаете на себя; такими вещами не шутятъ.

Соторинъ и не думалъ отговариваться. Онъ считалъ маіоршу опытною кокеткой, съ которой легко сладить и примириться; онъ даже полагалъ, что это письмо скорѣе сблизитъ ихъ къ цѣ-ли, чѣмъ всякое сердечное объясненіе.

— Да, это письмо отъ меня: его внушила мнѣ любовь, рев-ность, нетерпѣвіе, безпрестанно подстрекаемое ожиданіемъ, жгу-чій желаніа раздражаемыя вашею суровостію. Теперь вы пони-маете мои чувства и ради ихъ простите нѣкоторыя нескром-ныя выраженія: я былъ взволнованъ, мое честолюбіе страдало; моя любовь требовала простора, жаждала взаимности безграничной и безусловной, а вы удерживали ея порывы, и если ужъ это письмо сняло съ меня маску, то должно снять всѣ условныя цѣпи съ нашей любви и мы свободнѣе предадимся ей, хоть бы цѣлый свѣтъ возсталъ противъ васъ.

Соторинъ съ дерзостію опытнаго волокиты взялъ одною ру-кою ея руку, другую обвѣлъ вѣкругъ ея талии и притянувъ къ груди своей покрывалъ поцѣлуями. Маіорша нѣсколько времени не могла опомниться. Она не понимала, что дѣлается съ нею и вѣкругъ ея. Мысли ея носились въ вихрѣ, голова горѣла, серд-це то сильно билось, то судорожно сжималось.

Наковецъ изъ его движеній она выразумѣла то, чего не по-няла изъ словъ. Она вырвалась изъ объятій и трепещущая, въ гнѣвѣ и негодованіи, стала передъ нимъ.

— Какъ! и вы могли думать, могли надѣяться, ожидать, чтобъ я.... она не могла, не умѣла окончить.

— Хорошо, не договаривайте, я понимаю васъ, отвѣчалъ съ иронической улыбкою Соторинъ. Но скажите на милость, чего же хотѣли вы отъ меня? какъ мнѣ было понять васъ иначе? Не вы ли увлекли меня надеждой, не вы ли исторгли изъ от-раднаго, апатическаго состоянія, чтобъ привлечь къ себѣ. А! на этотъ разъ я надѣялся по-крайней-мѣрѣ, что не стануъ меня называть злодѣемъ, измѣнникомъ и прочее, надѣялся, что я въ

этотъ дѣлъ лицо совершенно страдательное, я тутъ обманулся. Но всё-равно; я прощаю вамъ гнѣвъ, принужденный или не принужденный, всё-равно. Я мирюсь съ вами; не станемъ же продолжать спонтъ, для обоихъ васъ тягостныхъ. Если вамъ нужно довести меня своею жестокостію до отчаянія, то положимъ, что вы уже достигли этого, и перейдемъ ко второй части романа, которая, право, гораздо интереснѣй и заманчивѣй, до того заманчивѣй, что при быстромъ развитіи нѣтъшняго образованія и при возрастающемъ ветеранѣн жить и наслаждаться жизнью, я увѣренъ, что не далѣе, какъ въ будущемъ десятилѣтіи, женщины будутъ начинать свой сердечный романъ прямо со второй части. А мы уже такъ давно ведемъ нить любви, такъ перепутали, что намъ по всѣмъ правиламъ хорошаго романа, позволено перейти ко второй части.

— О, это ужасно, это ужасно! столько коварства, столько злости подъ личиною добродушія и кротости!

— Чтò жъ тутъ ужаснаго! Если вы даже искренны въ своемъ гнѣвѣ, если вы правы въ своемъ негодованіи, то вѣдь это только мгновенное движеніе оскорбленнаго чувства, фальшивая тревога, которую я возбудилъ слишкомъ быстрымъ стремленіемъ, потому-что интрига начинала мнѣ надобдаться. Судя по лѣтамъ, я считалъ васъ опытиѣе: это была моя ошибка; но такъ ли, иначе ли, вѣдь мы бы достигли той же цѣли. Благо что мы стоимъ уже у ней, такъ обойдемся безъ дальнихъ проволочекъ, которыя въ сущности ни къ чему не ведутъ и только охлаждають остатокъ энергіи лишнимъ притворствомъ. Плачете! А, это добрый знакъ: женщина страдаетъ для того чтобъ найти соучастіе къ себѣ, плачетъ, чтобъ кто-нибудь осушилъ ея слезы, — и онъ хотѣлъ поцѣлуями стерѣть слезы страдальцы.

— Прочь, подите прочь, едва могла она выговорить сквозь частыя всхлипыванія: вы гадки, вы для меня отвратительны, и она отшатнулась отъ его объятій, какъ отъ прикосновенія гадины.

— Послушайте, а здѣсь болѣе часу трачу понапрасну время. Я уйду, и это тѣмъ необходимѣе, что слышу голосъ вашего мужа; встрѣча его здѣсь, и при такихъ обстоятельствахъ, была бы не пріятна намъ обоимъ. Но знайте, что если вы не воспользуетесь ничемъ моею глупостію, то уже никогда не воспользуетесь моимъ умомъ. Впередъ я не буду такъ глупъ. — И Соторнятъ хладнокровно взялъ фуражку и вышелъ изъ комнаты.

Маюрна кинулась въ постель, терзаемая невыразимыми, неис-

вытаныли и дологъ неизвѣстныхъ ей мученій. Судорожна, истерическія рыданія закрывали ей дыханіе. Грудь ея надрывалась отъ внутреннихъ терзаній. Въ жару, въ бреду металась она всю ночь въ постели. На утро у ней обнаружилась вся картина нервической горячки.

Черезъ нѣсколько дней капитанъ Горбылевъ вошелъ въ комнату Соторина.

— Послушайте, сказалъ онъ, обращаясь къ поручику. Вамъ нельзя болѣе оставаться въ нашемъ баталіонѣ.

— Это почему? спросилъ Соторинъ съ запальчивостію, и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, какъ бы соображая послѣдствія отказа, если бы онъ на него рѣшился. Заключение вѣроятно было не въ пользу его, потому-что онъ обратился къ Горбылеву, значительно понизивъ голосъ.

— Но вы забыли, что я еще недавно въ здѣшаемъ баталіонѣ и что начальство не рѣшится на мой переводъ.

— Генералъ уже предупрежденъ. Онъ соглашается принять ваше прошеніе о переводѣ, въ уваженіе тѣхъ причинъ....

— А эти причины? спросилъ Соторинъ весь вспыхнувъ.

— Какія-то очень уважительныя.... совмѣстное служеніе съ родственниками, которымъ вы замѣняете мѣсто отца.... или что-то подобное.

— Вы слишкомъ предубѣдительны, замѣтилъ поручику, вздохнувъ свободнѣй и съ ироническою улыбкою: я соображу ваше предложеніе.... Я подумаю о переводѣ.—Соторинъ хотѣлъ придать хотя видъ собственнаго произвола, а не принужденія въ этомъ дѣлѣ.

— Зачѣмъ же вамъ заботиться. Писарь здѣсь, все готово. Вамъ нужно только подписать прошеніе, сказалъ неумолимый капитанъ такимъ тономъ, который не терпѣлъ возраженія. Баталіонный командиръ ожидаетъ этого прошенія; не заставьте его долго ожидать. За тѣмъ Горбылевъ холодно поклонившись, вышелъ.

Соторинъ кусалъ себѣ губы, лицо его посинѣло, глаза сверкали. Гадко было глядѣть на это лицо, обыкновенно покойное, кроткое.

— О, проклятая нищета! говорилъ онъ, ломая себѣ руки, до чего ты доводишь людей! Я долженъ терпѣть оскорбленіе, не выносимое оскорбленіе въ виду всего общества своихъ товарищей, оскорбленіе отъ всѣхъ ихъ.... Изъ-за чего? Будто у меня недостатка смѣлости, стать лицомъ противъ уставленнаго дула пистолета,

Буде не доставает силъ накусать, чтобы снять обиду крепко
любавъ нѣхъ нѣтъ... О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Я должна
терпѣть, рабски исполнять первое требованіе, снести нѣтъ
ослабленія только ради того, чтобы меня не выгнали нѣтъ
службы, чтобы не остаться безъ куса хлѣба. А сколько надо
двѣтъ сорокъ тысячамъ, поумая за нѣтъ себя стады и шесторѣ...
Гдѣ жъ тутъ правда? Развѣ я не отказываю себя во всемъ, развѣ
не питаюсъ чуть не однимъ хлѣбомъ, чтобы сконить деньгу нѣтъ
жалованья? Но когда достигнешъ этого!... Укажите мнѣ средства,
тягчайшія всѣхъ этихъ лишеній, и я преодолѣю ихъ; укажите
мнѣ пути непроходимые къ этой цѣли.... и я пройду по нимъ,
хотя бы пришлось оставить на нихъ куски собственного тѣла и
покрыть ихъ собственной кровью.... О, я достигну этой цѣли!
вскрикнулъ онъ рѣшительно, какъ бы вдохновенный свыше.... Я
достигну ее!

Дѣйствительно, съ такимъ характеромъ, можно достигнуть
многого, но едва ли чего-либо хорошаго. Читатели убѣдятся въ
томъ, если мы когда либо рѣшимся разсказать дальнѣйшую исто-
рію Соторина.

Баталіонъ, какъ одна семья заботился о выздоровленіи маіор-
ши. Баталіонный лекаръ не отходилъ отъ ея постели; оѣнцеры
дежурили по очереди въ сосѣдней комнатѣ. Едва ей сдѣлалось
легче, какъ возлѣ нея образовалось общество; читали, смѣшили,
старались развлечь ее разсказами.

Наконецъ Олимпіада Николаевна выздоровѣла и явилась въ
обществѣ, но увы! это уже была не та маіорша, которую мы
знали. Загорѣлыя щеки покрылись болѣзненной близною; глаза,
прежде всегда влажные, полные игры и выраженія, были тусклы,
какъ-то странно сухи и неподвижны. Бойкія движенія замѣнились
медленною походкой. Во всемъ существѣ ея выражалась какая-то
нерѣшительность. Ко всему равнодушная, холодная, въ обще-
ствѣ нетерпѣливая, раздражительная съ мужемъ, она была въ
тягость себѣ и другимъ. Оѣнцеры, которые такъ веселили ее сво-
ими невинными шутками и незатѣйливыми остротами, которые
занимали ее своими надеждами и ожиданіями, теперь наводили
на нее тоску: что ей было до нихъ!... видъ мужа приводилъ въ
отчаяніе.... Онъ напоминалъ непрерывно то счастье, котораго,
увы! не могъ доставить ей....

Бѣдная женщина! Затѣмъ она узнала, что такое любовь, что
такое счастье въ мірѣ. Въ своей неопытности, въ своемъ невѣде-
ніи, она врожла бы покойно и безъ него, принявъ обманчивыя

приврагалъ воображенія за самое счастье, за цѣль жизни. Что теперь станеть она дѣлать съ жизнью? Бѣдная, бѣдная маіорна! И откуда взялся этотъ Сотерникъ ни гибель ей? И что за злая судьба преслѣдующая и самыхъ безвредныхъ людей! Точно буря, влетитъ Богъ знаетъ откуда, сомнетъ и уничтожитъ бѣдное деревцо, которое росло и разрасталось такъ прямо и красиво.... Бѣдная, бѣдная маіорна!

Е. ГОРЕВЪ.

=

САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ.

Густой лѣсъ, начинаясь отъ предѣловъ тамбовской губернии, представлялся все болѣе и болѣе дремучимъ, по мѣрѣ приближенія къ Саровской пустыни. Узкая дорога поворотила круто въ лѣво, отъ большого темниковскаго пути, въ самую чащу бора, и тамъ еще три версты пролежала, между вѣковыхъ деревъ, по глубокому пѣску. Должно было ожидать чего-либо необычнаго въ такой дикой глуши, созданной для жилища отшельниковъ, и оно внезапно открылось сквозь рѣдющія вѣтви. Съ первымъ нечаяннымъ звукомъ колокола, призывавшаго къ вечерни, столь же нечаянно прорѣзалась, между двухъ исполинскихъ сосенъ, величавая колокольня, и вся бѣлая обитель явилась изумленнымъ взорамъ, посреди зеленой поляны, при устьѣ двухъ малыхъ рѣчекъ, омывающихъ подножіе ея пустыннаго холма. Зрѣлище было чудно; ярко облиты были всѣ предметы вечерними лучами солнца. Я ждалъ убогой пустыни, и вотъ мнѣ предстала великолѣпная лавра, на подобіе Сергіевой, но лавра только по наружности, со всѣмъ внутреннимъ убожествомъ общежительной пустыни, хотя и съ благолѣпными храмами. Первый взглядъ на нее уже удовлетворялъ сердце: потому-ли, что давно жаждало оно насладиться уединенною святынею, отколѣ истекло столько великихъ свѣтильниковъ по всей землѣ русской, или просто, по тайному безотчетному чувству, которое невольно распо-

лагають насъ къ одному предмету скорѣе и ближе, чѣмъ къ другимъ?

Я перешелъ длинный мостъ, чрезъ быструю Сарову, и, какъ бы по зову колокола, поднялся на живописный холмикъ ко вратамъ обители. — „Не васъ ли мы ожидаемъ?“ привѣтливо спросилъ меня повстрѣчавшійся со мною монахъ, и повелъ въ прекрасную гостинницу у самой ограды; отсюда открылась мнѣ очаровательная картина на всю поляну и на теченіе обѣихъ соединяющихся рѣкъ, въ объемѣ мрачной дубравы. Я забылъ усталость труднаго пути изъ Нижняго и поспѣшилъ въ главный соборъ къ малой вечерни. Новое изумленіе ожидало меня, при видѣ стóль великолѣпнаго храма, въ такомъ дикомъ уединеніи. Не многіе города могутъ похвалиться подобными зданіями, и однако первымъ краеугольнымъ камнемъ послужила ему пустынная молитва забытаго отшельника, въ непроходимой тогда дебри! Невольное удивленіе рождается въ душѣ, при такомъ воспоминаніи начального убожества и нынѣшняго величія. Истинны слова черноризца печерскаго о тѣхъ обителяхъ, которыя воздвигаются не златомъ и серебромъ, но молитвеннымъ потокомъ пустынножителей; начиная отъ лавры Печерской, по всей Россіи, исполняется его незабвенное слово, въ теченіи многихъ вѣковъ, и еще конечно исполняться будетъ, доколѣ будетъ цвѣсти благочестіе и стоять на семъ твердомъ основаніи святая Русь!

Какая же обитель возникла внезапно, въ дремучихъ лѣсахъ тешиковскихъ, и что тутъ было прежде? Тутъ былъ татарскій городъ Сараклы, одного изъ подвластныхъ князей Золотой орды; послѣдній владѣтель Беканъ жилъ тутъ во дни великаго князя Донскаго, обладая многими окрестными городами и селеніями, но и онъ принужденъ былъ удалиться за рѣку Мокшу въ село Конгушъ, отъ безпрестанныхъ нападений на столь дикое мѣсто: родъ князей Кугушевыхъ ведетъ отъ него свое начало. На старомъ же городищѣ остались земляной валъ и глубокіе рвы съ четырьмя городцами на вершинѣ холма, укрѣпленнаго самою природою, при сліяніи двухъ рѣкъ. Кто же вступилъ во владѣніе брошенной твердыни князя ордынскаго? — пустынножители, безвѣстные міру, но знаемые Богу, которыхъ жизнь, по глубокому выраженію апостола Павла, сокрыта была со Христомъ въ Богѣ

(Колосс. III, 3). Не видѣвъ они жили, но едаль другому передавали молитвенное свое уединеніе; имя перваго — **Теодосій**, сладостное въ міръ иноческомъ и какъ бы необходимое для положенія начала всякому общежитію, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ предѣлахъ нашего отечества. Герасимъ, достойный соименникъ **Иорданскаго**, наследовалъ **Теодосію** и освятилъ своимъ добродѣтелямъ мѣсто, котораго будущая слава открыта была ему въ свѣтлыхъ видѣніяхъ. **Иларіонъ**, юный годами, былъ преемникомъ **Герасиму** и напомнилъ собою лице перваго пещерника кievскаго, потому что и онъ сталъ рыть себѣ подземную келлію въ ребрахъ холма татарскаго, какъ иъкогда тотъ не убоился продолжать варяжскія пещеры: быть можетъ и здѣсь какіе либо темныя склены ордынцевъ навели на первую мысль о пещерахъ, которыя обратились въ послѣдствіи въ келліи иноковъ. Достоинно вниманія, что и сей древній **Иларіонъ**, бывший митрополитомъ **Кіевскимъ**, явился, въ сонномъ видѣніи, юному труженику и благословилъ его на подвигъ.

Хотя отшельники сіи не оставались до исхода дней своихъ въ избранномъ ими жилищѣ, но трудности жительства посреди столь дикихъ лѣсовъ, — однако они передавали другъ другу таинственное преданіе о будущей славіи этого мѣста: она имъ представлялась, въ видѣніи свѣта неzemнаго, на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ сооружены храмы; она имъ слышалась въ тайномъ звукѣ невидимаго колокола, вѣстника грядущаго благовѣста; такъ почти всегда таинственно прорекались имѣющіи возникнуть обители, со временъ самыхъ отдаленныхъ и до нынѣшнихъ. Нечаянное обрѣтеніе мѣднаго креста однимъ поселяниномъ, въ разрытыхъ иыѣкопкахъ, назнаменовало мѣсто сіе для будущихъ святилищъ. Насталъ завѣтный часъ прочнаго основанія пустыни и явился мужъ, на то предназначенный, котораго уже не устрашили страхованія ночныя и коварныхъ челоувѣкъ озлобленія; онъ принялъ благословеніе **Иларіона**, сдѣлавшись ученикомъ его, и безвыходно поселился въ его келліи, вѣруя, что уже подобаетъ проелавиться этому мѣсту, потому-что и его самага посѣщали откровенія свыше. И въ какое время помыслилъ онъ совершить это предпріятіе? когда упразднились многія вѣковыя обители, какъ бы уже отжившія свои годы, и самое монашество, казалось, умалось.

Тогда суждено было, вопреки поминанію челоуѣческииъ, предлбнуть этому новому оубиенію ииочества, глубоко пустить свои корни въ почву русскую и воарости въ великое древо, посреди дремучей дубравы; ииочемни, ииочед ииичи изъ подъ ея стѣни, должны были обновиться ииогія упрелдненица обители и освѣжиться поблекниа пустыни, такъ что дремучій боръ Саровскій сдѣлался рассадникомъ ииочковъ по всей Русе.

Іоанномъ звался въ мѣрѣ и въ схимѣ этотъ первоначальникъ саровскій, Исаакіемъ въ постриженіи ииоческомъ, и происхождение его было самое убогое: онъ былъ сынъ причетника села Краснаго подъ Арзамасомъ, но уже съ пннадцатилѣтняго возраста посвятилъ себя на служеніе Богу, въ Владимскомъ монастырѣ своего родоваго города. Это было въ 1689 году; отецъ его постригся также въ монашество, подъ ииенемъ Θεодана. Три года спустя, при послѣднемъ патриархѣ Адрианѣ, рукоположенъ былъ Исаакій, митрополитомъ сарскимъ и подонокимъ, Евангелиемъ, въ іеромонаха тешиковскаго Санакарскаго монастыря; но душа его стремилась къ безмолвію пустынному. Онъ удался въ дремучіе лѣса саровскіе къ отшельнику Иларіюму, получить отъ него пустынное наследство его пенчеръ.

Не легко было принять на себя такой подвигъ, который не перенесли ииогіе прежде него любители сего дикаго уединенія; ибо, какъ говорить прамонѣрещъ о искушеніяхъ духовныхъ, наипаче страшныхъ въ одиночествѣ: „страхи снднаго иионрени се угалии пустынными“ (Псал. 119). Но бодрый воишъ Христовъ не сдзавель, съ прежде бывшима отшельниками сего мѣста: „улы мнѣ, яко принаешихю мое продолжися!“ и хотя иѣсколько разъ оставлялъ оное, чтобы подкрѣпляться общеніемъ челоуѣческииъ въ окрестныхъ обителяхъ, однако опять и опять возвращался на избранное мѣл, цоприиде, твердо полелживъ въ души своей: или одержать на намъ совершенную побѣду надъ вражескими иикушеніями, или умереть на мѣстѣ своего подвига; онъ зналъ, по словамъ Апостольскимъ „что брань его была не съ кровію и плотию, но съ міропрелителами тьмы вѣва сего, съ духами злобы поднебесными“ (Ефес. VII. 12.). Замѣчательно сказаніе сего подвижника о тѣхъ страхахъ ииочныхъ и томленіяхъ духовныхъ, котормъ онъ подвергался въ своей

такой борьбѣ; но чрезвычайное его широкое не позволяло ему назвать самаго себя, и онъ приписалъ все съ нѣмъ бывшее другому подвижнику Маріону, котораго называетъ инымъ монахомъ; нѣтъ сомнѣнія однако, что этотъ юный монахъ былъ самъ Исаакій. Еще замѣчательно чрезвычайное сходство всѣхъ сихъ пустынныхъ бореній Саровскаго отшельника съ тѣми, какія испыталъ, за двѣнадцать до него столѣтій, иной пустышникъ Подестинскій, блаженный Иеронимъ, хотя конечно Исаакій не имѣлъ случая прочесть его краснорѣчивыхъ писемъ къ вельможамъ Римскимъ. Такое сходство покушеній и чрезвычайная трудность въ ихъ преодолѣніи показываетъ, какъ много должно испытывать себя иноку и усовершенствоваться въ братской обители, умиротворившись вполне съ людьми и самимъ собою, прежде нежели выступить на состязаніе духовное съ иными болѣе опасными врагами, потому что тогда, при утонченіи плотскихъ нашихъ ощущеній, изъ невидимыхъ они дѣлаются видимыми, а сочувствіе иного міра не всякому бываетъ по силамъ!

Иногда представлялось ему цѣлое полчище непріязненныхъ, съ воплями хотящихъ изгнать его изъ дебри, будто бы имъ принадлежащей; иногда казалось, что его мать и ближайшіе родственники съ плачемъ приступаютъ къ нему, умоляя оставить неудобосполнимый помыслъ и возвратиться на жительство въ обитель, гдѣ и они могли бы пользоваться его бесѣдою. Но еще тошительнѣе была внутренняя буря сердца, которое будто сжималось въ груди отъ невыносимой тоски и убійственнаго унынія, поражающаго душу и тѣло какии-то мертвеннымъ оцѣпенѣніемъ, и самая молитва не всегда въ силахъ была разогнать тоску сію: тогда наипаче представлялось опять воображенію все красное міра и все облегчительное жизни общественной; келлія пустынная дѣлалась ненавистною, какъ смрадная темница, и даже чувствительный страдъ наполнялъ ее внезапно, такъ что отшельникъ принужденъ былъ бѣжать изъ нее на свѣжій воздухъ; а если возвращался черезъ силу, всякое рукодѣліе и чтеніе дѣлались совсемъ невозможными отъ глубокаго унынія. Напрасно иногда чахлъ онъ Бога спасающаго, по словамъ псалма, отъ мандуши и отъ бури, когда удалялся бѣгая и водворялся въ пустыни; бывали однако и такіа минуты, въ которыя

взбуждавшаяся душа преодолевала искушения пламенкою молитвою, но надобно было строго блюсти за собою, чтобы не поддаваться малодушію внутреннему и страхованіямъ внѣшнимъ.

Однажды такъ сильно было волненіе духа юнаго отшельника, что вся его пустынная келлія, казалось, какъ бы колебалась вокругъ него и самъ онъ весь, отъ головы до ногъ, будто объятъ былъ пламенемъ и пораженъ лютою болѣзнію. Въ ужасъ, схвативъ икону Пречистой Дѣвы, устремился онъ въ другую пустынную келлію, далеко отъ него отстоящую, на дѣсномъ городищѣ, гдѣ обиталъ иной отшельникъ, по имени Герасимъ, и тотъ, оградивъ его знаменіемъ крестнымъ, успокоилъ мало-по-малу его душевное смятеніе. — Кто же былъ сей Герасимъ? — вотъ опять разительный примѣръ, какъ слаба природа наша, безъ всемогущей благодати Божіей, и какъ посему недостаточно одного произволенія для высшаго состоянія иноческаго; по съ другой стороны примѣръ этого Герасима научаетъ насъ и не осуждать ближнихъ нашихъ, если не успѣваютъ они въ своемъ благомъ намѣреніи, когда оно имъ не по силамъ. Отшельникъ сей, котораго не должно смѣшивать съ первымъ того же имени, съ молодыхъ лѣтъ пожелалъ безмолвія, не побѣдивъ своихъ страстей въ общезитіи. Онъ испросилъ у настоятеля обители, гдѣ пребывалъ, дозволенія заключиться въ затворъ, потому что почиталъ уже себя совершеннымъ старцемъ, но бѣжалъ въ первую ночь заключенія по страху привидѣній, и стыдяся принести искреннее сознаніе въ своемъ малодушіи, сталъ скитаться по окрестнымъ монастырямъ, доколѣ опять прежнее самонадѣянное желаніе не повлекло его въ пустыню. Онъ устроилъ себѣ келлію въ дѣсахъ Саровскихъ на городищѣ и тамъ нѣкоторое время ревностно подвизался; но и на него напала тоска одиночества со всѣми ея ужасами, и не въ силахъ будучи перенести стрѣлы сильнаго, изошряемаго углями пустынными, онъ искалъ развлеченія иногда въ окрестныхъ обителяхъ, иногда въ ближайшихъ селеніяхъ; тамъ совершенно возобладали нѣтъ страсти. Однако прежнее доброе начало опять извлекало его изъ состоянія чувственности; онъ на краткое время опять бѣжалъ въ пустыню и ревностно принимался за молитвенные подвиги; но

уже не кнѣя мира съ самимъ собою, не имѣлъ его и съ ближними. Завидя совершенствамъ духовнымъ Исаакія и пришедшаго поселиться съ нимъ другаго инока Палладія, онъ наносилъ имъ много оскорбленій, которыя оба съ благодушіемъ терпѣли, помня завѣщаніе псаломное „съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ“. Непріязнь его особенно была для нихъ чувствительна, когда внезапный пожаръ истребилъ собственную ихъ келлію и они принуждены были на время помѣститься вмѣстѣ съ Герасимомъ; но уже не въ силахъ будучи переносить его притязательнаго нрава, поселились въ оставленной пещерѣ Иларіоновой и распространили ее собственными трудами. Наконецъ Герасимъ удался совершенно изъ ихъ пустыни и безъ вѣсти исчезъ въ мірской суетѣ. Отшельники же продолжали свой подвигъ, и когда Палладій перешелъ на жительство въ обитель, Исаакій одинъ подвизался въ пустынѣ, побѣдивъ совершенно постомъ и молитвою всякія искушенія, потому что надъ нимъ исполнилось благодатное слово Евангельское, о побѣдѣ надъ демономъ: „сей же родъ ничимъ же можетъ изыти токмо молитвою и постомъ“ (Марка IX. 29.).

Семь полныхъ лѣтъ провелъ въ уединеніи Исаакій, назидая словомъ и дѣломъ приходящихъ къ нему и обращая иногда изъ раскола самыхъ законсѣлыхъ. Такимъ образомъ одинъ, приведенный имъ на путь истинный, поселянинъ, былъ имъ постриженъ подъ именемъ Иринея, и ему оставилъ онъ свое пустынное наслѣдіе, когда братство Введенской обители въ Арзамасѣ, гдѣ самъ вначалѣ постригся, убѣдило его принять надъ ними настоятельство. Но будучи игуменомъ, не престававъ Исаакій радѣть о своихъ духовныхъ чадахъ пустыни, потому что къ ревностному Иринею стали мало-по-малу собираться иноки, а по смерти его, другой ученикъ Аѣногенъ, со старцами Паисіемъ и Юасафомъ и нѣкоторыми послушниками, продолжали образовывать изъ себя пустынное семейство Саровское. Тогда Исаакій возымѣлъ мысль устроить для нихъ церковь и обитель, хотя самъ, богатый только нищетою Евангельскою, не располагалъ ни малѣйшими для того средствами. Можетъ-быть ему и не пришла бы на мысль возможность предпринять столь великое дѣло, если бы самая необходимость къ тому не побудила: ибо тогда вышелъ строгій указъ, что-

бы все монашествующіе жили въ монастыряхъ; живущихъ же въ лѣсахъ, тамъ, гдѣ нѣтъ церквей и ограды, вѣдѣно было признавать за раскольниковъ. Такимъ образомъ то, что, по видимому, должно было подсесть до самаго корня зараждавшееся братство, послужило къ его утвержденію.

Весьма трудно было приобрести землю для новой обители и согласить окрестныхъ помѣщиковъ уступить подъ нее свои участки, на которые многіе имѣли притязаніе безъ всякаго права. Исаакій вызвалъ изъ пустыни ученика своего Афиногена и поручивъ ему Введенскую обитель, самъ пошелъ умолять большихъ и малыхъ владѣтелей, отступить отъ своего лѣснаго владѣнія въ пользу церкви. Онъ началъ съ князей Кугушевыхъ, которымъ, по преданію, принадлежало пустое городище. и по счастію нашелъ въ нихъ себѣ покровителей. Тогда поспѣшилъ въ Москву, чтобы тамъ испросить благословенную грамоту отъ мѣстоблюстителя патриаршаго престола митрополита Стефана, и безъ труда получилъ оную на сооруженіе храма Живоноснаго источника. Ему такъ пришлось на мысль, по близости источника къ пещерѣ Иларіоновой, и потому что хотѣлъ посвятить пустынь свою Матери Божіей. Но не такъ легко было привести въ исполненіе благочестивое желаніе, ибо безъ указа царскаго, объ отводѣ ему земли подъ церковь, нельзя было приступить къ строенію, а чтобы получить указъ надобно было предварительно засвидѣтельствовать въ арзамасскомъ судѣ добровольную уступку всѣхъ помѣщиковъ; но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ все побѣдило ревностное стараніе старца.

Успѣшное обращеніе Заволжскихъ раскольниковъ, которые пожелали имѣть Исаакія своимъ пастыремъ, отвлекло его на время отъ устройства новой обители, потому — что онъ, по чувству христіанскаго долга, не хотѣлъ оставить безъ руководства новообращенныхъ; но Богъ послалъ ему, на пути въ Москву, опытнаго для нихъ наставника, въ строителѣ монастыря Переяславльскаго Питиримѣ, который взялся быть ихъ руководителемъ. Сей Питиримѣ, сдѣлавшись въ послѣдствіи епископомъ Нижегородскимъ, написалъ Пращицу духовную и прославился обращеніемъ большей части раскольниковъ своей епархіи къ свѣту православія. Между-тѣмъ Исаакій могъ заняться исполненіемъ давняго, многолѣтняго своего желанія,

и приступитъ къ сооруженію церкви Близъ того мѣста, гдѣ прежде устроена была нѣтъ саинтъ часовни, въ предначинаннойе грядущей обители. Въ іюль 1706 года шель онъ наконецъ утшевіе видѣть храмъ Божій на давно забытомъ городищѣ, посреди глухой дебри.

Замѣчательно было быстрое сооруженіе сей первой церкви; собственными его трудами и всего братства—въ нятъдѣсятъ дней она уже была готова къ освященію, и какъ—сноро разнеслась о томъ вѣсть по окрестности, отовсюду обратилсь многія тысячи боголюбивыхъ людей, которые принесли съ собою всю нужную утварь для храма, даже колокола, и самую пицу для столь многлюдного собранія. До такой степени пламенно усердіе въ сердцѣ народа русскаго, и стоитъ только возбудитъ въ немъ благочестивую искру, чтобы просіяло сіе духовное пламя. Страшный пожаръ, опустошившій вокругъ необъятные лѣса Саровскіе, проникнулъ и въ зачинавшуюся обитель, и къ чрезвычайному оторченію братія истребилъ келліи и ограду, исключая одной только церкви Живописнаго Источника. Не упалъ однако духомъ бодрствовавшій настоятель, онъ немедленно приступилъ съ тою же ревностью къ обновленію утраченнаго и, руками иноковъ, воздвиглись опять изъ пепла прежнія зданія. Въ 1711 году довершилъ онъ начатыя еще отшельникомъ Иларіономъ пещеры въ холмѣ Саровскомъ, съ церковію во имя преподобныхъ Печерскихъ Антонія и Θεодосія, и съ помощію двухъ царственныхъ благодѣтельницъ, великихъ княженъ Маріи и Θεодосіи Алексѣевъ, освятилъ подземный храмъ. Окрестные жители съ неудовольствіемъ смотрѣли на возникавшее братство среди лѣсовъ, гдѣ дотолѣ безпрестанно занимались звѣриною ловлею и пчеловодствомъ, истребляя вѣковые лѣса, и самый пожаръ, прикоснувшійся обители, едва ли не былъ дѣломъ зависти. Однако все упряметь кротость и терпѣніе, и прежніе враги сдѣлались усердными помощниками старца.

Тогда сталъ онъ помышлять о духовномъ устройствѣ обители на будущія времена, утвержденіемъ въ ней общежительнаго устава, и просилъ мѣстоблюстителя патриаршаго благословить его намѣреніе. Проникнутый самъ любовію къ иночеству, Стефанъ укрѣпилъ, рукою власною, строгій

уставъ Саровскій и въ грамотѣ своей изъяснилъ, столько же для новаго братства, сколько и для міра, уже начинавшаго чуждаться жизни иноческой, въ чемъ состоятъ истинные ея обыты.

„Угодять Богу Всемогущему, пишетъ онъ, благоразумные Христіане старались различными образами, испытывая по глаголу Павлову, что есть воля Божія, дабы исполнять ее во всякомъ состояніи и званіи, по мѣрѣ силъ своихъ. Сего ради, дабы открыть удобный путь къ горней жизни, нѣкоторые, горящіе духомъ люди Господни, избрали себѣ житіе цѣломудренное: одни въ дѣвственномъ состояніи, другіе, послѣ честнаго брака, удалялись въ монастыри, оставивъ семейства и имущества, и уединялись въ мѣста пустынные, далеко отъ суеты мірской, дабы приближаться къ Богу въ непрестанной молитвѣ, въ постѣ и воздержаніи. Какъ бывало сіе въ древніе годы, такъ и въ нынѣшнее лѣто устроилась новая обитель старцемъ Исаакіемъ, въ предѣлахъ Арзамазскихъ, на старомъ городищѣ Сатиса и Сарова. Съ нашего благословенія и по указу благовѣрнаго Государя, соорудилъ онъ тамъ церковь, во имя Пресвятыя Богородицы, и собравшіеся къ нему братія, ради любви Божіей, поста и молитвѣ, восхотѣли уставить между собою житіе общее, дабы ничего не имѣть имъ въ келліяхъ своихъ, кромѣ необходимой одежды; никто не можетъ назвать что-либо своимъ, но все у нихъ должно быть общественное, начиная отъ трапезы. Лобызая пустынное безмолвіе, они должны быть въ совершенномъ послушаніи настоятеля, и безъ его благословенія не выходить за ограду, даже для свиданія съ родственниками; пѣніе церковное и правило келейное исправлять имъ вмѣстѣ, во всякомъ благочиніи, и никакого вклада и ни единой вещи не принимать на свое лице, но все отдавать въ казну монастырскую, дабы не было распри или превозношенія; ибо всѣ они должны быть равны между собою. Посему и азъ смиренный Стефанъ далъ имъ сію утвердительную грамоту, да работаютъ Господу въ страхъ и радуются ему съ трепетомъ, содѣлывая свое спасеніе по слову псаломскому и апостольскому, и какъ святые отцы въ Церкви святой утвердили, дабы чрезъ то сподобиться имъ вѣчной жизни во Христѣ Исусѣ“.

Положивъ такимъ образомъ прочное духовное основаніе своей пустыни, озаботился старецъ Исаакій и о томъ, чтобы дать ей средства къ существованію на будущія времена. Ласковымъ обращеніемъ и любовію приобрѣлъ онъ, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, многочисленныя вклады въ обитель, не столько деньгами и вещами, сколько землями, лѣсами и рыбными ловлями; потому что всѣ были проникнуты благоговѣніемъ къ подвижнической жизни настоятеля и братіи, и многимъ послужила она назидательнымъ примѣромъ ко спасенію души; слава о томъ распространилась по всей Россіи. Указомъ Императрицы Анны Іоанновны всѣ эти земли утверждены были вѣчно за обителью въ 1740 году, такъ какъ она не имѣла никакихъ другихъ средствъ къ своему пропитанію, и этотъ богатый участокъ лѣса доселѣ сохранился монастырю, а чрезъ то сохранился и самый лѣсъ, потому что не смѣла коснуться его рука окрестныхъ жителей, истребившихъ свои лѣса.

Исаакій положилъ при себѣ основаніе каменной соборной церкви, во имя Усненія Богоматери, и чувствуя изнеможеніе силъ своихъ, избралъ въ настоятели вѣрнаго своего сподвижника Дородея, который раздѣлялъ съ нимъ дикое его уединеніе; самъ онъ пожелалъ провести остатокъ дней въ безмолвной молитвѣ. Прежнее имя Іоанна возвратилось ему съ воспріятіемъ скимы. Это было въ 1730 году; казалось, онъ сдѣлалъ все, что только могъ, для пустыни Саровской, упрочивъ не только настоящее, но и будущее ея благосостояніе, и могъ въ мирѣ закрыть глаза свои посреди благоговѣвшей къ нему братіи; но промыслъ Божій судилъ о немъ иначе и послѣ семилѣтняго отдыха, осьмидесятилѣтнему старцу предстояло послѣднее искушеніе, лишившее его любимой имъ пустыни, а пустынь, драгоцѣннаго праха своего первоначальника. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, пришелъ въ пустынь Саровскую одинъ изъ придворныхъ служителей въ послушники, и принесъ съ собою, безъ всякаго умысла, въ числѣ своихъ бумагъ, копію съ манифеста Петра Великаго о престолонаслѣдіи, по которому должна была законно наслѣдовать Императрица Елисавета, что вскорѣ и совершилось. Неосторожный послушникъ промолвилъ о томъ нѣкоторымъ изъ братій и въ числѣ ихъ старцу

Ефрему, одному из сподвижников строителя тайны. Оба они присоветовали новому пришельцу, не держать у себя столь опасной грамоты; но послушник, по своей преданности къ будущей Императрицѣ, не хотѣлъ истребить акта, и упросилъ простодушныхъ старцевъ, позволить ему укрыть грамоту сію гдѣ-либо въ церкви подъ великою тайной; однако тайна не укрылась отъ одного изъ недоброжелателей строителя, и когда дряхлый старецъ думалъ только о мирной кончивѣ, внезапно противъ всякаго чаянія, онъ былъ вытребованъ, вмѣстѣ съ Ефремомъ, въ северную столицу. Пораженный столь тяжкимъ измѣненіемъ духовнаго своего міра, схимникъ Іоаннъ скончался вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, 4 іюля 1737 года, и тамъ безвѣстно былъ погребенъ при церкви Преображенія, что на Колтовской. Испуганная братія его пустыни не озаботилась въ первые годы испросить себѣ тѣло своего первоначальника; въ послѣдствіи же напрасно искали его могилу, въ числѣ другихъ безыменныхъ около церкви.

Горькая участь постигла и вѣрнаго ученика Іоаннова, Ефрема, который былъ лучшимъ его помощникомъ по устройенію пустыни и назиданъ братію благимъ примѣромъ, удѣляя свободное время отъ богослуженія на переписку церковныхъ книгъ, доселѣ употребляемыхъ въ обители. Его лишили священства и сослали на жительство въ городъ Оренбургъ, гдѣ онъ провѣлъ 16 лѣтъ въ тяжкомъ заточеніи, пономаремъ при крѣпостной церкви, безропотно перенося судьбу свою, хотя, съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы, одна его просьба могла бы возвратить ему утраченное. Но праведный мужъ, во глубинѣ своего смиренія, находилъ болѣе для себя духовной пользы, въ безусловной покорности промислу Божию, и на его волю предоставлялъ будущую участь. Въ свое время просіяла его добродѣтель необычайнымъ образомъ. Однажды случилось убогому пономарю Ефрему, копая землю, открыть богатый кладъ, и онъ принесъ его военному начальству, не изъявляя ни малѣйшаго желанія получить себѣ какую либо часть изъ приобрѣтеннаго сокровища. Такое безкорыстіе простараго пономаря изумило начальство и неволью обратило на него вниманіе. Узнали, кто былъ Ефремъ, и, поднявъ бывшее о немъ дѣло, открыли совершенную его не-

вниность, какъ бы тотъ взездъ, который сдѣлать ему поначинно открытая, для общаго правды. Указомъ Святейшаго Синода освобожденъ былъ страдалецъ Еврежь изъ дальняго заточенія, и сѣтъ свидѣнства, на его виновности, признавъ въ нечѣ потеряннымъ, а четыре года спустя, единодушное желаніе всего братства Саровскаго повело его на стѣнень цѣстодѣтеля, которую она сохранилъ до глубокой старости.

Но до тѣхъ поръ нѣсколько строителей, изъ ближайшихъ учениковъ первоначальника, свѣдѣлись одинъ за другимъ въ его пустыни, по краткомъ управленіи, какъ бы въ ожиданіи вѣстодѣльства сего мужа, немыслимаго покаянствъ огнемъ искушенія Доросей, избранный санникъ Іоаннъ, управлялъ всѣхъ дѣлъ, 17 лѣтъ, и довершился начатомъ имъ строеніе соборнаго храма Успенія и каменную колокольню съ церковью Архангеловъ и болыничныя кельи, съ домоваю при нихъ церковью Соловецкихъ чудотворцевъ. Совершивъ такимъ образомъ, и упрочивъ вся предположенія любимаго своего наставника, и она подражалъ его примѣру, облекшись въ ехиму вошь инокъ Димитрій, уже въ 70-ти лѣтнемъ возрастѣ. Схитивъ избралъ на свое мѣсто скряжнаго Филарета, родомъ изъ дворянъ околѣвскихъ, человека опытнаго, который успѣлъ, въ короткое время своего управленія, отразить не правильныя притязанія сосѣднихъ помѣщиковъ, когда она начали строить видюурни за верету отъ обители, на землѣ за нею утвержденной указомъ Царскимъ. Тогда были опредѣлены и размежеваны ея дѣсныя участки, и уже съ тѣхъ поръ не подвергалась она подобной опасности, отъ неблагоустроенныхъ людей. Памятью Филарета осталась каменная теплая церковь, во имя Живоноснаго Источника, на мѣстѣ первой деревянной. Преемникъ его Маркодь, имъ санникъ избранный, и другой строитель. Премоній, не оставался долго на мѣстахъ своихъ, переводивше властію архіерейскою къ явны обители, болѣе почетныя по сану архіандрита, хотя и вѣнче любезныя ихъ сердцу; но и они успѣли соорудить двѣ церкви, Святителя Николая, надъ святыми вратами, и Іоанна Предтечи, у входа въ пещеры Иларіоновы, надъ источникомъ. Тогда вступилъ, въ давно предназначенное ему правленіе обители, благочестивый старецъ Еврежь, въ 1768 году.

Никто лучше Ефрема не могъ управлять обителію, ибо онъ почти присутствовалъ при ея началѣ, опытнымъ взоромъ проникалъ въ духовныя ея нужды, и будучи самъ искусенъ страданіями, могъ и искушаемымъ помогать, во словамъ Апостола. Частая перемѣна настоятелей, переводимыхъ по волѣ мѣстныхъ архіереевъ на архимандріи въ нынѣшніи обители, была опасна для недавноучрежденнаго обществія; не чувствуя себя упроченными въ пустыни, они не могли столь ревностно о ней заботиться, потому-что смотрѣли на свою степень строительства какъ на переходное состояніе. Ефремъ, возвращенный опять своей духовной родиной, посвятилъ себя исключительно устройству Саровскаго братства, полагая основаніемъ собственный благой призывъ. „Любить Бога не половинно, а всѣмъ сердцемъ, терпѣть на одномъ мѣстѣ, куда призваны Богомъ, послушаніе проходить усердно и со смиреніемъ, любить нищету и нестяжаніе, какъ многоцѣнное сокровище, прилѣжать неослабно къ молитвѣ, въ келліи упражняться чтеніемъ книгъ отеческихъ, быть молчаливу съ братією, но совѣсть имѣть откровенну къ духовному отцу и настоятелю, и блюсти крѣпко чистоту душевную и тѣлесную“: — таковы были опыты назиданія сего Ефрема, духомъ молитвы и умиленія напоминавшаго лице Сирскаго своего соименника.

Любовь къ нищимъ восходила въ сердцѣ его до высшей степени, потому-что онъ всегда памятовалъ, какъ самъ былъ убогимъ и пресельникомъ въ дальней странѣ. Во время жестокаго голода, опустошавшаго Россію въ 1775 году, когда народъ питался желудями и древесною корою, старецъ велѣлъ открыть всѣ монастырскіе запасы нуждающимся и, въ теченіи семи мѣсяцевъ, обитель прокармливала ежедневно отъ пятисотъ до тысячи человѣкъ; они стекались со всѣхъ сторонъ въ сію сокровищницу христіанскаго милосердія, гдѣ вмѣстѣ съ насущнымъ хлѣбомъ преподавался и духовный. Услышавъ ропотъ нѣкоторыхъ изъ числа братіи, о чрезмѣрномъ оскудѣніи обители, настоятель созвалъ старѣйшихъ, спросилъ о мнѣніи каждаго и потомъ, съ глубокимъ вздохомъ, сказалъ: „Не знаю, какъ вы, но я расположился, доколѣ Богу угодно будетъ, за грѣхи наши, продолжить голодъ, лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить его

гибнуть отъ голода. Какая намъ польза пережить подобныхъ намъ людей? а изъ нихъ, быть можетъ, нѣкоторые, до сего бѣдственнаго времени, и сами насъ питали своими даяніями“.

Всѣ прослезились, внимая столь трогательному слову, и положили единодушно, устоять въ своемъ нищелюбивомъ подвигѣ. Въ томъ же году, по минованіи голода, старецъ чувствуя истощеніе силъ своихъ, собралъ опять братію и приказалъ избрать на свое мѣсто настоятеля, потому-что самъ хотѣлъ уже препроводить въ безмолвіи остатки дней, подобно блаженному отцу своему, первоначальному Іоанну. Братія желала имѣть строителемъ благочестиваго старца Іосифа, который уже три года помогалъ Ефрему въ управленіи обителию и провелъ 48 лѣтъ въ различныхъ послушаніяхъ; но Господь судилъ иначе, ибо тяжкая болѣзнь внезапно посѣтила избираемаго, дабы не измѣняющъ былъ подвигъ его послушанія. Тогда съ общаго согласія поставленъ былъ настоятелемъ мужъ крѣпкій и благоговѣйный, Пахомій, уже многіе годы подвизавшійся въ пустыни Саровской, и онъ дѣйствительно оправдалъ строгою жизнію доброе о немъ мнѣніе; при немъ пустынь достигла высшей степени своего развитія и сдѣлалась для другихъ разсадникомъ иночества. Годъ спустя, послѣ избранія Пахомія, старецъ Ефремъ достигнувъ 86 лѣтъ, въ глубокомъ мирѣ предалъ Господу свою праведную душу.

Пахомій имѣлъ утѣшеніе довершить начатое Ефремомъ строеніе новаго собора Успенскаго, гораздо въ большихъ размѣрахъ, по подобію Печерской лавры; ибо умножающееся число братіи и богомольцевъ требовало помѣщенія особенно въ храмовые праздники. Нищелюбивый обычай кормить безмездно, безъ различія, всѣхъ приходящихъ, не только не раззорялъ обители, но привлекалъ къ ней болѣе усердія со стороны окрестныхъ жителей и давалъ средства настоятелямъ соорудать тѣ величественныя зданія, которыми теперь она красуется. „Сѣяя скудно, скудостію и пожнетъ“, говорилъ блаженный отецъ Пахомій: и еще „царствіе небесное силою берется и усильные искатели достаютъ оное“. (Матѣ. XI, 12). И дѣйствительно, въ его время, явились такіе подвижники въ пустынь Саровской, которыхъ и другія пустыни обязаны

своихъ благоустройствъ: Дорофеева Южская, въ предѣлахъ Ярославскихъ, и Коренная-Знаменская, близъ Курска, и наипаче древній Валаамъ. Старецъ Назарій, одинъ изъ величайшихъ свѣтильниковъ Сарова, вызванъ былъ митрополитомъ петербургскимъ Гаврииломъ, для возстановленія сей упавшей обители.

Настоятель и самъ мѣстный епископъ Теофилъ старались удержать у себя знаменитаго одшельника и представили о немъ владыкѣ, какъ о человекѣ малоумномъ, но опытный въ духовной жизни Гавриилъ проникъ тайну смиренія Назаріева. „У меня много своихъ умниковъ, отвѣчалъ митрополитъ, приидите мнѣ вашего глупца,“ и невольный приходецъ возсоздалъ духовно сію забытую на сѣверѣ пустынь; когда же упрочилъ ея благосостояніе, пожелалъ опять уединиться въ мѣсто прежняго своего жителства, и скончался въ пустынѣ. Не такъ удачно было вторичное требованіе того же владыки, для назначенія начальника духовной миссіи въ сѣверную Америку. Послушникъ его Теофанъ, въ послѣдствіи знаменитый настоятель Новоозерскій, бывшій самъ въ Саровѣ, указалъ Гавриилу еще на одного подвижника сей пустыни Іоакима; но испуганный зовомъ архіерейскимъ, онъ нѣсколько лѣтъ юродствовалъ, чтобы только избавиться отъ высшей почести. Таковы были великіе дѣятели во дни Пахомія, которымъ не уступалъ онъ въ подвигахъ до глубокой старости. Епископъ Владимірскій Теофилъ, извѣстясь о его предсмертной бодѣзни, писалъ къ нему трогательное посланіе, какъ некогда писали къ великому Амвросію Медиоланскому, убеждая его, повременить своимъ исходомъ, для душевной пользы братіи, и молить о нихъ Господа въ иной лучшей жизни, если уже суждено ему оставить сей временный міръ“.

Пахомій, подражая предшественнику своему Ефрему въ заботахъ о вѣрeriorной ему паствѣ, избралъ уже на смертномъ одрѣ себя преемникомъ благочестиваго Исаію, въ 1794 году; выборъ его падъ на достойнаго мужа, ибо въ теченіе 12-лѣтняго управленія онъ поддержалъ славу обители, слѣдуя во всемъ по стопамъ блаженныхъ своихъ предшественниковъ. Не удивительно, что при такомъ постоянномъ рядѣ опытныхъ настоятелей и такихъ подвижниковъ, каковы были Назарій и прочіе, процвѣтавшіе въ дремучихъ лѣсахъ

Саровскихъ, пустынь сія могла подняться на ту высокую степень духовнаго совершенства, на которой еще стоитъ донныѣ, строгостію своего устава и жизнью братіи. Назначеніе преемниковъ, еще при жизни настоятелей, много послужило къ утверженію братства, потому-что измѣненіе было только въ имени строителя, духомъ же всѣ они дѣйствовали воедино, не отклоняясь отъ спасительной черты, проложенной для нихъ первоначальникомъ Іоанномъ. Такъ и Исаія, за годъ до своей кончины, назначилъ по себѣ настоятелемъ строгаго старца Нифонта, который управлялъ 35 лѣтъ обителью и облекъ ее внѣшнимъ благолѣпіемъ, какъ бы нѣкую древнюю лавру, Сергіеву или Печерскую. Всѣ каменные зданія были окончены при немъ и сооружены новыя церкви: Іоанна Предтечи надъ родникомъ, куда исходятъ на Іордань, и всѣхъ Святыхъ за оградю, надъ усыпальницею братіи; прежніе храмы просіяли новою красотою; всѣ мѣстныя ихъ иконы обложены были позлащенными окладами съ драгоценными камнями. Но внѣшнему благолѣпію пустыни вполнѣ соответствовало и внутреннее, ибо время правленія Нифонта было цвѣтущимъ временемъ самыхъ знаменитыхъ пустынниковъ Саровскихъ, Марка, Серафима, Дороея, Иларіона и Александра, подвизавшихся въ дремучемъ лѣсу около обители; имя ихъ прославилось во всей Россіи. — Кто не слышалъ о Маркѣ и Серафимѣ? — Старецъ Нифонтъ, умирая въ глубокой старости, не успѣлъ назначить по себѣ преемника, но выборъ братіи удачно палъ на казначея Исаію, который былъ келейникомъ при первомъ настоятелѣ сего имени и усердно исполнялъ всѣ должности монастырскія, въ долгое управленіе Нифонта.

Этотъ второй Исаія, десятый по списку настоятелей саровскихъ отъ первоначальника пустыни, благоговѣнно стоялъ на своемъ мѣстѣ, когда я взошелъ въ соборъ во время малой вечерни. Убожество его деревянной каедры, на которой, вѣроятно, становились всѣ первые строители, невольно бросалось въ глаза, посреди великолѣпія храма, горящаго золотомъ своихъ иконъ и украшеній. Я не смѣлъ приблизиться къ игумену и нарушить его благоговѣнной молитвы, въ которой подаетъ онъ примѣръ всей братіи, являясь всегда первымъ на

службу Божию и уходя послѣднимъ. Прежде однако нежели познакомился я съ живымъ братствомъ пустыни, мнѣ хотѣлось поклониться тѣмъ изъ усопшихъ членовъ семейства саровскаго, съ которыми былъ уже знакомъ по славѣ о ихъ добродѣтели, далеко распространившейся. Я просилъ указать мнѣ гробницы пустынниковъ Марка и Серафима, и игумена Назарія, извѣстнаго мнѣ еще по Валааму, который досель исполненъ его памятью. Немного спустя окончилась служба и благодушный игуменъ Исаія привѣтствовалъ меня, съ нѣкоторыми изъ старшей братіи, въ гостинной келліи: отраденъ былъ ласковый пріемъ простодушныхъ иноковъ.

„Теперь вамъ предстоитъ еще трудный подвигъ правила пустыннаго и всенощной, сказалъ мнѣ игуменъ; а вы еще утомлены отъ дороги, и такъ отложите до завтра осмотръ обители, если есть у насъ что-либо для васъ занимательное, въ дремучихъ лѣсахъ нашихъ“; но, по краткости моего посѣщенія, я не имѣлъ времени для отдыха. Тогда настоятель предложилъ мнѣ взглянуть покаместъ на ихъ библіотеку, составленную изъ духовныхъ книгъ, которая хранилась въ нижнемъ ярусѣ колокольни. Потомъ взшелъ я въ келліи самаго настоятеля, весьма убогія по отношенію къ сану начальствующаго столь великолѣпною обителію: прихожая, гостинная и спальня, вотъ все помѣщеніе игумена саровскаго. Онъ замѣтилъ мое безмолвное удивленіе и сказалъ: „здѣсь жилъ въ продолженіе тридцати-пяти-лѣтняго своего настоятельства, предѣстникъ мой отецъ Нифонтъ, и всѣ прежде его бывшіе строители; не подобаетъ и мнѣ имѣть другаго жилища, да и этого слишкомъ довольно для моего недостойнства; не по силамъ мнѣ тяжкое бремя начальства“.

Однако, не смотря на его скромное о себѣ мнѣніе, съ пользою проходитъ онъ свое званіе; опытность монашеская есть какъ-бы природная добродѣтель въ его семействѣ, потому что два его брата столь же полезно для церкви занимаютъ мѣста настоятельскія: Моисей въ многолюдной пустыни Оптиной, въ предѣлахъ калужскихъ, и Макарій въ монастырѣ Малоярославскомъ. Родомъ они изъ купечества московскаго, и должно отдать справедливость этому почтенному сословію, что изъ него выходятъ многіе добрые иноки и настоятели обителей; даже большая часть монашествующихъ, по всей Рос-

оги, едва ли не из званія купческаго, потому что оно отличается своимъ усердіемъ къ святынѣ предъ всеми, да и Господь благословляетъ оное земными благами, ради этой пламенной любви къ святой Церкви.

Изъ своей келліи игумень пригласилъ меня, посѣтить одного молодого еще затворника, котораго я знавалъ въ лаврѣ Троицкой и который, отъ чрезвычайнаго подвига въ постѣ и молитвѣ, впалъ въ изнеможеніе силъ. Я изумился произшедшей въ немъ перемѣнѣ; смертная блѣдность уже покрывала лице его, тяжкая одышка препятствовала говорить; онъ сидѣлъ за книгою священнаго писанія и, по оскуднѣнію возможности бесѣдовать съ людьми, мысленно бесѣдовалъ съ Богомъ, разумѣющимъ пламенное его стремленіе къ лучшей жизни. Мы сказали другъ другу нѣсколько краткихъ словъ, вспомнивъ прежнее знакомство, и расстались конечно навсегда въ здѣшнемъ мѣрѣ, до свиданія въ вѣчности. При нынѣшнемъ оскуднѣніи монашества разительнѣ такой примѣръ ревности, жереносащій мысленно въ давно забытыя столѣтія.

Я просилъ настоятеля показать мнѣ самаго старшаго изъ всей братіи саровской, и онъ привелъ меня въ келлію отца Израїля, достигшаго крайняго предѣла человеческой жизни. Почти столѣтній старецъ уже не выходилъ изъ своей келліи и не любилъ чтобы нарушали его безмолвіе; говорить, что въ его усѣченыхъ рѣчахъ заится иногда духъ прозорливости. Мнѣ хотѣлось только принять его благословеніе, и старецъ осыпалъ меня знаменіемъ креста, при желаніи духовныхъ благъ. Такимъ образомъ я видѣлъ, одного за другимъ, юношу и старца, обоимъ довершающими свое житійское поприще въ молитвенномъ подвигѣ; на разстояніи столькихъ лѣтъ юноша достигъ старца, на крыльяхъ духа, и едва ли не опередилъ его на шагъ вѣчности. Назидательно для души такое зрѣлище, и гдѣ обрѣсти его если не въ обители?

Между-тѣмъ стали ударять къ вечернему правилу, которое въ иныхъ обителяхъ каждый янокъ можетъ совершать у себя келейно, но здѣсь, по строгости саровскаго устава, вся братія обязана исполнять его вкупѣ, для болѣе точнаго соблюденія. Оно состоитъ изъ обычныхъ каноновъ Спасителя, Божіей Матери, Ангелу хранителю, и молитвъ на сонъ

грядущимъ, съ многочисленными поклонами; болѣе двухъ-сотъ кладуть въ промежуткѣ такъ-называемой умной или безмолвной молитвы; но на сей разъ, какъ это былъ вечеръ субботній, поклоны земные замѣнены были поясными: для непривыкшаго не малое облегченіе. Вся братія собралась въ теплой, пространной церкви Живоноснаго источника, гдѣ сіяетъ въ богатой ризѣ храмовая икона Богоматери, принесенная еще при первоначальникѣ, въ основаніе его пустыни, и теперь лучшее ея сокровище. Всѣ монашествующіе были облечены въ короткія мантии, для удобства земныхъ поклоновъ. Игуменъ пригласилъ меня на праздное мѣсто одного изъ отсутствовавшихъ братій, и въ сумракъ вечера началось тихое чтеніе каноновъ. Умилительна была для сердца сія вечерняя молитвенная тишина, прерываемая частымъ возгласомъ „Господи помилуй“, сорокъ разъ повторяемымъ сряду, но не спѣшно и съ поклонами, такъ что дѣйствительно это былъ искренній вопль души къ своему Искупителю: „изъ глубины воззвахъ къ тебѣ, Господи“.

Здѣсь только вполнѣ можно было оцѣнить все достоинство сей высокой молитвы, искажаемой въ церквахъ приходскихъ, безотчетнымъ скорымъ повтореніемъ, которое сливаетъ слова въ непонятный гулъ. Дѣйствительно, это было чистое воздѣвіе рукъ, какъ-бы возношеніе ениміама кадильнаго, во время вечерней жертвы. Грѣшникъ взываетъ о помилованіи къ своему Господу: Господи помилуй! — Что можетъ быть выразительнѣе сихъ двухъ много-значительныхъ словъ? Еще болѣе торжественнымъ представлялось глубокое молчаніе, слѣдовавшее за ними: всякой братъ творилъ въ умѣ своемъ безмолвную молитву, и собиралъ въ душѣ своей мысли, дабы не разсѣивались онѣ даже и молитвенными звуками. Какъ глубоко постигали отцы святые душевное состояніе человѣка, которому давали они свои духовныя врачевства, благимъ опытомъ примѣненными сперва къ язвамъ собственной души! и какъ легко судятъ иногда о сихъ великихъ благодѣтеляхъ рода человеческого, не разумя всей благодатной силы ихъ цѣлебнаго подвига! Если только проникнешься духомъ ихъ молитвы, невольно почувствуешь себя лучшимъ, хотя на краткое время, и, при нашей постоянной немощи, это уже есть великое бла-

го для души, когда она хотя немного погрузится внутрь себя, отвлекая себя от мира и приближая къ Богу.

Я вышелъ изъ церкви, утомленный тѣломъ, но бодрый духомъ, и могъ еще выстоять воскресную всенощную, въ соборѣ Успенія, которая продолжалась тихо и благоговѣйно до глубокой полночи. Особенное впечатлѣніе производятъ на сердце монастырскія ночныя службы, отзываются первыми вѣками христіанства, когда вѣрные собирались на усыпальницу мучениковъ, въ тиши ночной, чтобы укрыться отъ своихъ гонителей, потому что наступавшій день для многихъ также готовилъ вѣнецъ мученическій! Въ слѣдующее воскресное утро, соборное служеніе совершалъ настоятель въ храмѣ Успенія, съ двумя старцами іеромонахами, которые едва передвигали ноги на выходахъ изъ алтаря, но бодро предстояли престолу, какъ-бы обновленные юностію орлей. Умилительно было видѣть ихъ благоговѣйное служеніе, проникнутое духомъ искренней молитвы, и слушать назидательную проповѣдь одного изъ старшихъ братій, возбуждавшую къ покаянію, Жадно придвинулся къ амвону народъ, какъ только поставили нагой, и это свидѣтельствуетъ, какая жажда слова Божія таится въ сердцахъ этихъ простыхъ рабовъ Божіихъ, часто обличающихъ усердіемъ своимъ наше невниманіе къ проповѣди. Немного было богомольцевъ, по обширности храма, однако въ другой меньшей церкви, ихъ показалось бы довольно.

По окончаніи литургіи я взшелъ въ ризницу и любовался благолѣпіемъ ея утвари. Вся она заключается въ бывшемъ алтарѣ, котораго иконостасъ сохранился на горнемъ мѣстѣ, въ замѣнъ вѣншей восточной стѣны, а самая церковь, то есть, та, что была сооружена при второмъ настоятелѣ Димитріѣ, обратилась въ алтарь и къ ней пристроена новая; до такой степени обширны ея размѣры.

„Не по нашему духовному убожеству великолѣпенъ храмъ сей, сказалъ мнѣ взшедшій для разоблаченія игуменъ Исаія, и намъ, быть можетъ, слѣдовало бы болѣе простоты. Знаете ли, что когда строитель Ефремъ вознимѣлъ желаніе соорудить обширный соборъ сей и обозначилъ его будущее пространство кольями, то старшіе изъ братій съ негодованіемъ раскидали всѣ колья, говоря: „не подобаетъ пустынь такое

великолѣпіе“. Однако Богъ помогъ строителю Пахомію исполнить мысль старца Ефрема и не ко вреду душевному братіи. Напротивъ того, она вся трудилась при созиданіи храма, и зодчиии его были два инока саровскіе, Питиримъ, который по своему усердію и многимъ трудамъ получилъ званіе ктитора, и Іоакимъ, составившій планъ церкви; какъ бы второй Веселенъ, который устроилъ скинію при Моисеѣ, и онъ былъ вдохновенъ Богомъ на всякое художество. Оба ктитора положены рядомъ близъ собора, по смренному завѣщанію отца Питирима“.

Тогда игуменъ пригласилъ меня идти вслѣдъ за братією въ трапезу, гдѣ всѣ расположились кругообразно вдоль стѣны, потому—что трапеза была круглая; одинъ только столъ настоятеля, съ старшею братією, поставленъ былъ особо во главѣ всѣхъ противъ входа. Насыщеніе Спасителемъ пяти тысящъ прилично изображено на сводахъ трапезы; густой лѣсъ представлялся изъ околнъ, окраиною малыхъ огородовъ, прилегавшихъ къ монастырской стѣнѣ; все напоминало о совершенномъ отлученіи отъ міра, и внятно было каждое слово читавшаго инока, посреди глубокаго молчанія всей братіи. Весьма проста была трапеза, хотя и воскресная, достаточная для поддержанія силъ, но безъ роскоши, какъ подобаетъ въ пустынь и обители, и даже безъ рыбы, по причинѣ Успенскаго поста. Самымъ лакомымъ блюдомъ нашелъ я липовый медъ, бѣлый и прозрачный, которымъ особенно славится пустынь Саровская; ея привольные лѣса служатъ роскошнымъ пристанищемъ для пчелъ; Соломонъ, въ книгѣ Премудрости, посылаетъ насъ учиться трудолюбію къ журавлю и къ пчелѣ, и я съ удовольствіемъ отвѣдалъ отъ пчелъ сотъ, памятуя о той пищѣ, какую вкусилъ воскресшій Господь, для убѣжденія Апостоловъ въ дѣйствительности своего воскресенія; утѣлительно было созерцать и этотъ благословенный рой духовныхъ пчелъ, молитвенно собравшійся въ пустынные улья саровскіе.

Когда исполнился такимъ образомъ предо мною весь служебный порядокъ пустыни, начиная отъ малой вечерни, правило, всенощная и обѣдня, съ послѣдовавшею за нею трапезою братскою, я просилъ настоятеля, дать мнѣ воспользоваться свободнымъ временемъ для осмотра обители. Хотя это

былъ полдень, время, опредѣленное для отдыха послѣ долгаго бдѣнія, однако онъ самъ радушно вызвался показать мнѣ все достойное вниманія внутри ограды. „Пустынь наша новая, говорилъ онъ, любопытнаго въ ней мало: оба храма вы видѣли, когда молились съ нами; что же мнѣ остается показать вамъ? — развѣ гробы отцовъ нашихъ, если вы уже знакомы съ ними по имени“, и онъ повелъ меня къ преддверію Успенскаго собора.

„Горькая и невозвратная для насъ потеря, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ“: отсутствіе изъ среды нашей гроба нашего первоначальника; сперва не порадовали о томъ, а теперь плачемъ, но уже поздно, потому-что никакъ не могли отыскать его могилу въ столицѣ. Вотъ отдѣльно стоитъ, посреди монастырскаго двора, гдѣ было мѣсто прежней деревянной церкви Живоноснаго источника, надгробный памятникъ втораго настоятеля, схимника Димитрія; а здѣсь, предъ нами, у самаго преддверія собора, гробницы блаженнаго старца Ефрема и моего предѣстника Нифонта. Оба много потрудились для обители, и старецъ Ефремъ велѣлъ тутъ положить себя при входѣ, какъ бы на стражѣ. Пахомій и Исаія, у котораго я жилъ келейникомъ, положены съ сѣверной стороны собора, а старецъ Назарій, о которомъ конечно вы много слышали въ столицѣ, по его долговому настоятельству въ обители Вадаамской, погребенъ у алтаря теплой церкви, и вы видите его памятникъ отсюда. Если хотите поклониться могиламъ нашихъ отшельниковъ, Марка и Серафима, то они здѣсь отдыхаютъ, съ южной стороны собора. Можетъ быть для васъ утѣшительно будетъ, продолжалъ Исаія, взглянуть и на портреты всѣхъ бывшихъ настоятелей нашихъ, чтобы такимъ образомъ хотя заочно познакомиться съ ними!“ и онъ ввелъ меня въ келліи архіерейскія, свѣтлыя и просторныя, гдѣ обыкновенно останавливаются тамбовскіе архіереи.

При самомъ входѣ встрѣтилъ насъ сонмъ подвижниковъ настоятелей, начертанный довольно искусною кистью, исключая двухъ первыхъ, которыхъ изображенія менѣ хороши: но не смотря на грубость живописи, чрезвычайно замѣчательно постынное, строгое лицо первоначальника, схимника Юанна; дѣльные черты за-живе изсохшаго облика выражаютъ всю пустынную дѣловисъ его труженнической жизни, проведенной

въ дѣсахъ и пещерахъ, и внушаютъ невольное благоговѣніе; обличительнымъ взоромъ смотритъ онъ, какъ бы изъ другаго міра, на суету здѣшняго.

Съ особенною любовью указалъ мнѣ игумень на портретъ многострадальнаго старца Ефрема, и дѣйствительно нѣчто особенно-благодатное сіяло въ свѣтломъ лицѣ его. Онъ казался согбеннымъ отъ дряхлости, но сквозь глубокія морщины проявлялась его духовная, обновленная юность, и свѣтлый взоръ соотвѣтствовалъ снисходительной улыбкѣ устъ, готовыхъ открыться для привѣтливаго слова. Не напрасно начертана была надпись на портретѣ:

Ефремъ не Сирийъ ты, но Русскій ты Ефремъ,
Саровской пустыни броя еси и шлемъ.

Много радушія и старческой красоты видно также на лицѣ строителя Исаи, и настоящій его соименникъ могъ засвидѣтельствовать вѣрность портрета, равно какъ и предѣстника своего Нифонта. Но черты Нифонта, какъ и черты Пахомія, носятъ выраженіе строгости, и таковыми дѣйствительно они были оба по своему характеру. Долго смотрѣлъ я на эти портреты и какъ бы повторялъ житіе каждаго по чертамъ лица его. Назидателенъ обычай сохранять изображенія духовныхъ предковъ, въ основанныхъ ими обителяхъ, какъ сохранялись въ древнихъ замкахъ лики ихъ могущественныхъ владѣльцевъ. Здѣсь нѣтъ чувства какой-либо суетной кичливости, но простое благочестивое желаніе мысленно жить съ отжившими.

Тотъ же дѣсистый пустынный видъ, какъ изъ трапезы, открылся мнѣ и изъ оконъ архіерейскаго дома, располагая душу къ созерцанію молитвенному. „Теперь пойдемъ за ограду, сказалъ мнѣ игумень, къ первоначальной пещерной келліи отцевъ нашихъ, и въ церковь Предтечи, что надъ источникомъ.“

Мы спустились, широкими каменными ступенями, на тѣсную площадку, близъ которой бьетъ изъ-подъ земли роскошный ключъ живой воды, проведенной трубами во всѣ зданія пустыни. Новая каменная церковь возвышается надъ источникомъ, благодѣшно украшенная внутри и снаружи; весьма прилично посвящена она Крестителю, надъ водами, на конхѣ

совершается освященіе іорданское, какъ бы въ память палестинской пещеры вопіявшаго въ пустынь о покаяніи; устье подземелій саровскихъ находится прямо противъ южныхъ дверей его церкви. Съ благоговѣніемъ погрузился я, вслѣдъ за игуменомъ, въ эти тайныя жилища первыхъ отшельниковъ, которыхъ келліи еще видны по сторонамъ, какъ таинственные затворы въ пещерахъ кіевскихъ; память ихъ основателей Антонія и Θεодосія, съ памятью всѣхъ преподобныхъ пещерскихъ, обновилась также во мракѣ этого вертепа, пещернымъ храмомъ, ископаннымъ и освященнымъ во имя сихъ начальниковъ жизни иноческой въ нашемъ отечествѣ.

„Вы все видѣли, что составляетъ собственно обитель Саровскую, сказала мнѣ добродушный настоятель; но если вамъ угодно еще побывать въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ, чтобы видѣть тамъ мѣста, ознаменованныя жилищемъ нашихъ отшельниковъ, то я поручу одному изъ братій удовлетворить благочестивому любопытству вашему“.

На верху каменныхъ ступеней, по которымъ мы сошли къ пещерамъ, меня ожидала монастырская одноколка, и тотъ же привѣтливый инокъ С*, заботившійся о моемъ успокоеніи въ гостинницѣ, сопутствовалъ мнѣ по лѣсамъ; всѣ тропинки ихъ были ему знакомы, по давнему пребыванію въ пустынь. Мы въѣхали въ густой лѣсъ, окружающій обитель, такую узкою песчаною дорогою, что едва могла пробираться по ней сильная и привычная лошадь, промежду огромныхъ деревьевъ, или обгорѣвшихъ пней, при частыхъ подъемахъ и спускахъ въ малые овраги, покрытые вѣковою тѣнью глухаго бора.

„Вотъ достойное жилище отшельниковъ“, сказалъ я своему спутнику, и онъ отвѣчалъ: „гнѣзда остались, но отлетѣли райскія наши птицы; вы увидите сломанные ихъ келліи, гдѣ уже никто болѣе не живетъ. По грѣхамъ нашимъ, Господь лишилъ насъ сихъ великихъ подвижниковъ, къ которымъ стекались отовсюду за духовнымъ совѣтомъ.“

„Кто-же былъ послѣдній пустынный?“ спросилъ я. „Іеродіаконъ Александръ, скончавшійся весьма недавно, сказалъ мнѣ въ отвѣтъ С*, и послѣ него уже никто не получалъ благословенія на пустынное житіе, хотя были желающіе. Вотъ и тотъ ходникъ, гдѣ стояла его келлія, которой нѣтъ теперь и слѣда.“ — „Гдѣ же были келліи

Марко и Серафима?“ спросилъ я опять инока. — „Марко не имѣлъ нигдѣ постоянной келліи, отвѣчалъ онъ, памятуя слова Господни: лисы язвины имуть и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подкопнати. (Мате. VIII. 20.). Онъ скитался до глубокой старости по всему лѣсу, безпрестанно измѣняя свое жилище, доколѣ отъ дряхлости не укрылся въ обитель; а у отца Серафима были двѣ келліи въ разныхъ мѣстахъ, одна за пять верстъ, другая за двѣ отъ пустыни, потому что онъ два раза уединялся, на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Я укажу вамъ только мѣсто послѣдней надъ источникомъ, потому что самую келлію взяли къ себѣ, изъ уваженія къ памяти старца, сестры Дивеевской общины, основанной съ его благословенія. Вы конечно читали житіе обоихъ старцевъ, составленное въ лаврѣ Троицкой, однимъ изъ приближенныхъ учениковъ отца Серафима; а о другихъ отшельникахъ нашихъ тамъ же написалъ другой выходецъ Саровскій, въ своей духовной лѣствицѣ.“

Дѣйствительно Марко и Серафимъ привлекли къ себѣ въ послѣднее время вниманіе цѣлой Россіи, своими пустынными подвигами; прочіе замѣчательные подвижники Саровскіе какъ-будто остались въ тѣни предъ ихъ славою, хотя и они достойны удивленія. Сколько глубокой вѣры и самоотверженія въ этомъ отшельникѣ, Маркѣ, напомнившемъ собою первые вѣка христіанства! Онъ принялъ имя сіе въ память великаго отшельника Марка Эраческаго, который совершенно умеръ міру и забытъ былъ современниками на пустынной горѣ въ Египтѣ. Когда нечаянно обрѣлъ его иной отшельникъ, уже другаго поколѣнія человѣческаго, Марко спросилъ его: сохранилась ли еще во вселенной та вѣра, которою нѣкогда передвигались горы, если только скажешь имъ евангельское слово: „движенія и вергнися въ море?“ (Марк. XI. 23). И что-же?—столько силы было въ словѣ отшельника, что отъ одного нечаяннаго повторенія евангельскаго глагола, уже начала колебаться предъ нимъ гора, готовая двинуться къ ужасу пришедца. Но Марко усноковалъ его и самую гору, другимъ повелительнымъ словомъ: „что съ тобою гора? не тебѣ говорю.“ Сему Эраческому Марку хотѣлъ подражать, въ любви своей къ одиночеству, Саров-

скій, и часто терялся въ лѣсахъ на многіе мѣсяцы; безмятежнѣе ночи было его любимымъ часомъ молитвы, ибо съвозвѣстивъ тишинѣ творенія прислушивался онъ ко гласу Творца, и такъ провелъ около 16 лѣтъ, испросивъ на то благословеніе строителя Пахомія; но прежде, еще при старцѣ Ефремѣ, прошелъ усердно всѣ должности монастырскія, и отслуживъ братіи, посвятилъ себя исключительно Богу. Онъ принялъ юродство, Христа ради, и наложилъ на себя постоянное молчаніе, весьма изрѣдка имъ прерываемое, и то для нѣкоторыхъ; но въ большіе праздники возвращался для приобщенія св. таинъ, и будучи схимникомъ, никогда не дерзалъ принять священства. Однажды послушникъ, принесшій ему скудную пищу въ его лѣсную келлію, засталъ его сидящимъ въ глубокой думѣ, лицомъ къ востоку. Долго не смѣлъ ее нарушить иннокъ, и спросивъ наконецъ отшельника, услышалъ его назидательный отвѣтъ: „размышляю о изгнаніи Адама изъ рая сладости, какъ онъ сидя прямо рая, лицомъ къ востоку, плакалъ и взывалъ къ Господу: милостиве, помилуй мя падшаго!“ Марію скончался въ обители почти 80 лѣтъ, въ исходѣ 1817 года, будучи приведенъ братією изъ своей пустыни, уже въ совершенномъ разслабленіи, для напутствія къ вѣчной жизни.

Иное поприще проходилъ блаженный старецъ Серафимъ, схимникъ также, но въ санѣ пресвитера, болѣе общительный, нежели строгій отшельникъ Маріо, и назидавшій многихъ своимъ поучительнымъ словомъ. Имлагда коснулась его благодать Божія и назнаменовала своимъ избранникомъ: сынъ богатыхъ родителей, званія купеческаго въ Курскѣ, онъ еще въ семилѣтнемъ возрастѣ чудно сохранился, увавъ съ вершины церкви, которую строилъ его отецъ, и будучи десяти лѣтъ отрокъ, въ тяжкой болѣзни, получилъ исцеленіе отъ иконы Знаменской, когда ее проносили чрезъ родительскій дворъ. Это побудило его посвятить себя на служеніе Богу, и онъ удался въ пустынь Саровскую, при строителѣ Пахоміѣ, гдѣ послѣ 16-лѣтняго строгаго послушанія, уже въ санѣ іеромонаха, испросилъ себѣ позволеніе удалиться въ пустыню: Тамъ пламенная его молитва, при чтеніи св. отца, была слышна упражненіемъ тѣлеснымъ, ибо онъ воздвигалъ малый орудіе, который доставлялъ ему единственному пищу; наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней; отшель-

никъ приходилъ для литургіи въ обитель на всюнощную и потомъ приобщившись св. таинъ, возвращался опять въ свою пустынь, съ запасомъ сухаго хлѣба, какъ это дѣлывали первые отшельники въ Египтѣ и Палестинѣ. Стараясь во всемъ подражать имъ, онъ не утратилъ и великаго подвига св. Симеона столпника, который стоялъ на столпѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, и назидалъ окрестъ себя всѣ народы къ нему стекавшіеся. Въсто столпа отецъ Серафимъ избралъ себѣ два камня; одинъ находился внутри его келліи, на которомъ стоялъ онъ обыкновенно отъ утра до вечера, повторяя мытареву молитву: "Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному!" — Онъ сходилъ съ сего камня только для принятія пищи, дабы не замѣтили его подвига приходящіе къ нему изъ обители; а на другомъ камнѣ внѣ келліи стоялъ всю ночь, съ воздѣтыми къ небу руками, доколѣ немощъ тѣлесная не одолевала его духовной бодрости, потому что мало давалъ себѣ отдыха; такъ простоялъ тысячу дней и столько же ночей. — Въ первую эпоху своей подвижнической жизни старецъ Серафимъ старался по возможности соблюдать безмолвіе, чтобы болѣе углубляться въ самаго себя; иногда падалъ онъ ницъ и лежалъ какъ жертвы предъ посѣтителеми, доколѣ, не удалялись отъ него; но зная всю тяжесть житія пустыннаго, не совѣтовалъ легко рѣшаться на сей подвигъ, ибо тогда брань наша бываетъ, по слову Апостольскому, уже не съ плотію и кровію, но съ духами злобы. (Ефес. VI. 13).

Однако и насилію отъ челоуѣковъ подвергся онъ въ своей пустынной келліи. Однажды, въ десятый годъ его уединенія, напали на него разбойники, подозрѣвавшіе, что у него хранится много денегъ отъ посѣтителей. Они связали его и избивъ почти до смерти, оставили бездыханнымъ, полагая что уже мертвъ, однако страдалецъ отдохнувъ отъ ударовъ, снялъ съ себя узы и весь окровавленный привлекся въ обитель; тамъ оставался нѣкоторое время для излеченія отъ нанесенныхъ ему ранъ. Между тѣмъ открыты были разбойники, но онъ умолилъ оставить ихъ безъ наказанія и пожелалъ опять поселиться въ пустынномъ пріютѣ; напрасно уговаривалъ его строитель Исаія остаться въ обители, старецъ хотѣлъ возвратиться на свой подвигъ, и еще шесть лѣтъ продолжалъ жестокое житіе свое въ лѣсу, доколѣ наконецъ

стали избѣгать ему тѣлесныя силы, такъ что уже не могъ болѣе приходиться на праздники въ церковь. Тогда только, съ благословенія игумена Нифонта, переселился въ обитель. Но первые пять лѣтъ проведенныя имъ въ совершенномъ затворѣ и молчаніи, были ни сколько не легче житія пустыннаго для его изможденной плоти. Св. тайны приносили ему въ келлію въ воскресные дни. Послѣ двѣнадцатилѣтняго уединенія и пятилѣтняго затвора, онъ почувствовалъ побужденіе отворить свою дверь приходящимъ для духовной бесѣды, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, то есть до 1833 года, когда постигла его блаженная кончина, былъ истиннымъ свѣтильникомъ Саровской пустыни для всѣхъ окрестныхъ странъ; отовсюду стекались послушать прозорливаго старца и принять отъ него благословеніе съ назидательнымъ словомъ, часто пророческимъ. Самая пустынь во многомъ обязана ему своею послѣднею знаменитостію, ибо приходившіе къ старцу осыпали ее своими благодѣянiami и созидали въ ней храмы.

Но допуская къ себѣ посѣтителей, старецъ не оставлялъ однако своего затвора, еще въ теченіе одиннадцати лѣтъ, доколѣ совершенное изнеможеніе силъ, отъ недостатка воздуха, не принудило его послушать совѣта врачей и выдти изъ келліи. Тогда опять погрузился онъ въ любимыя свои лѣса, но уже не поселился въ нихъ, а только ежедневно, кромѣ праздниковъ, удалялся до вечера въ другую келлію, которую устроилъ себѣ не въ далекѣ отъ обители, близъ источника, на берегу рѣчки Саровы: тамъ занялся по прежнему воздѣлываніемъ земли въ потъ лица, памятуя слова, сказанныя Адаму, и уже совершенно согбенный подъ бременемъ лѣтъ, носилъ еще, кромѣ постоянныхъ веригъ, когда ходилъ по лѣсу, мѣшокъ съ камнями: „томлю томящаго меня,“ то есть плоть свою, отвѣчалъ онъ, словами святаго Ефрема Сирина, вопрошавшимъ его о такой ношѣ; но во время пути непрестанно пѣлъ антифоны; любимую духовную пѣсню его была сія: „пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, ибо они внѣ суетнаго міра,“ и еще другая: „воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славить.“ До послѣдней минуты сохранилъ онъ бодрость ду-

ха и свѣжесть ума, и какъ прежде, во время добровольнаго своего безмолвія, недоступенъ былъ каждому, такъ напротивъ, со дня разрѣшенія сего тяжкаго искуса, всякая докучливая бесѣда его не утомляла, не смотря на безчисленное множество притекавшихъ къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ. Особеннымъ свойствомъ его бесѣдъ были любовь и смиренномудріе: кто бы ни былъ приходившій къ нему, какими бы ни былъ обремененъ грѣхами, всѣхъ онъ ласкалъ съ любовью, всѣмъ кланялся до земли, и благословляя самъ, цѣловалъ у многихъ неосвященныхъ людей руки; никого не поражалъ жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ же несъ крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Для всѣхъ доставало живой воды, текшей изъ устъ смиреннаго и убогаго старца. За годъ до кончины изможденный подвигами, рѣже сталъ ходить, въ лѣсную келлію свою, и за нѣсколько дней, уже предчувствуя близость послѣдняго часа, самъ избралъ и вымѣрилъ для себя мѣсто, съ южной стороны соборнаго алтаря противъ своей монастырской келліи. Въ первый день 1833 года приобщился онъ святыхъ таинъ въ церкви, а на другое утро предалъ Господу праведную душу, стоя на коленяхъ и сложивъ крестообразно руки. Приведшій къ нему келейникъ Іоаннъ, видя его въ такомъ преклоненномъ положеніи предъ святыми иконами, не смѣлъ сперва нарушить его богомыслія, но потомъ приблизившись къ нему молящемуся, осязалъ мертвый холодъ:—Серафимъ воспарилъ къ Богу на крыліяхъ серафимскихъ.

Между-тѣмъ мы спустились на берегъ рѣчки, или лучше сказать лѣснаго источника, гдѣ нѣкогда стояла келлія Серафима. Надъ родникомъ поставленъ навѣсъ, куда приходятъ черпать воду благочестивые почитатели его памяти, но уже не видать и слѣдовъ пустынной хижины и воздѣлываемаго имъ огорода: такъ все по немногу стирается съ земли съ собственнымъ слѣдомъ человѣческимъ!

„Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я отца Серафима, сказалъ мнѣ мой спутникъ, когда пришелъ на послушаніе въ обитель; онъ взялъ меня за голову и поцѣловалъ, потому-что былъ чрезвычайно ласковъ къ каждому приходящему, и сказалъ только: спасайся, будешь монахъ. Такая ангельская

доброта была въ его взглядѣ и рѣчи, что невольно привлекалось къ нему сердце, и никакъ нельзя было бы подумать, что самъ онъ до такой степени строгъ къ себѣ, видя его снисхожденіе къ другимъ, вовсе ему неизвѣстнымъ.“

Покаместъ мы стояли у источника, подошли еще нѣсколько богомольцевъ, предводимыхъ монахомъ въ бѣлой одеждѣ и низкой камлавкѣ, по тому подобію какъ носили ихъ пустынники саровскіе и самъ отецъ Серафимъ: пріятно было такое напоминаніе о блаженномъ старцѣ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ спасался. „Если вы ѣдете къ камню отца нашего, то подождите насъ тамъ, сказалъ пришелецъ; мы туда же придемъ кратчайшею стезею;“ и дѣйствительно, едва только мы помолились на мѣстѣ ночной молитвы Серафима, какъ уже показались въ чащѣ лѣса идущіе къ намъ. Увидя камень, на которомъ столько ночей провелъ, истинно въ серафимской молитвѣ, подвижникъ, я изумился и едва вѣрилъ взору и слуху. „Также изумлялись и самые очевидцы, сказалъ мнѣ мой спутникъ, и спрашивали старца, какъ могъ онъ совершать такой трудный подвигъ?“ — „Съ помощію укрѣпляющей благодати Божіей, отвѣчалъ старецъ, иначе не стало бы силъ человѣческихъ, и помолчавъ присоветовалъ: когда умиленіе есть, то съ нами Богъ.“

На обратномъ пути въ обитель, я уже не хотѣлъ отдѣлиться отъ прѣихъ моихъ спутниковъ и пошелъ съ ними вмѣстѣ, другою узкою тропкою, къ бывшей келліи Наварія, игумена Балаамскаго и его ученика Иларіона, гдѣ временно обиталъ и Марко. Бесѣда наша текла о прежнихъ подвижникахъ саровскихъ и о совершенномъ оскудѣніи пустынножительства, ради боязни бывшей у настоятеля Нифонта; по нѣкоторымъ случаямъ укрывательства бѣглыхъ въ лѣсу, онъ велѣлъ сломать всѣ пустынные келліи, гдѣ нѣкогда обитали отшельники, и неохотно позволялъ уединяться новымъ подвижникамъ, хотя самъ, по духу и жизни, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣлателей вертограда Божія. Особенно тотъ, кто сонутствовалъ мнѣ въ одеждѣ бывшихъ пустынножителей, скорбѣлъ о такой житейской предосторожности въ дѣлѣ, выходящемъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ житейскаго. Онъ жаждалъ уединиться на Аѳонскую гору, чтобы тамъ вначалѣ утолить душу любимымъ уединеніемъ, и спрашивалъ

меня о путяхъ на Востокъ и о подвигахъ тамошнихъ старцевъ.

Отраднa была такая пустынная бесѣда, въ глуши дремучаго бора, подѣ торжественный шумъ вѣковыхъ деревьевъ, свѣдѣтелей многихъ вздоховъ и пѣснопѣній отшельниковъ. Истинны слова великаго отца иночествующихъ, Василия, который любилъ повторять и отшельникъ игуменъ Назарій: „о уединенное житіе, домъ небеснаго ученія и божественнаго разумѣнія; училище, въ немъ же Богъ есть вся, чему учился! Пустыня—рай сладости, гдѣ благоуханные цвѣты любви, то пламенѣютъ огненнымъ цвѣтомъ, то блистаютъ снѣговидною чистотою, съ ними же миръ и тишина, живя въ низменныхъ, пребываютъ недвижимы отъ вѣтра: тамъ еміямъ совершеннаго умерщвленія не только плоти, но что славнѣе, и самой воли, и кадило всегдашней молитвы непрестанно разгарается въ немъ божественною любовію!“

Долго обновлялъ въ обители память своего блаженнаго учителя Иларіонъ, бывший и его преемникомъ въ пустыни и потомъ общимъ духовникомъ всей братіи; не болѣе семи лѣтъ, какъ перешелъ онъ отъ времени въ вѣчность, исполненный дней и дѣяній, и доселѣ незабвенный тѣмъ, которыхъ наставлялъ на путь спасенія. Это былъ также одинъ изъ великихъ подвижниковъ пустыни, убогій Саровичъ, какъ онъ самъ себя называлъ; но мнѣ и его не суждено было застать въ живыхъ, не только пламеннаго Серафима, который столькокъ открывалъ къ молитвѣ. Утѣшительно однако, и послѣ ихъ исхода, видѣть до какой степени память великихъ отцевъ уважается братією, которая по слову Апостольскому, поминая наставниковъ своихъ, и взирая на кончину ихъ жизни, подражаетъ вѣрѣ ихъ. (Евр. XIII. 7). Нигдѣ, какъ въ Саровѣ, не слыхалъ я такъ часто изреченія отцевъ въ устахъ учениковъ, какъ то бывало въ древнихъ пустыняхъ Египта и Палестины; тамъ новонаначальному иноку, никогда не предлагали, никакого отъ себя поученія, знаменитые старцы, а только говорили: авва Антоній сказалъ то, авва Паисій училъ сему, Памва и Пахомій рассказывали такой-то случай, великому Макарію было такое видѣніе и прочая. Въ обители Саровской соблюдается священное сіе преданіе, и это есть твердѣйшая основа для обители, поче-

му и лежить особенный отпечатокъ не только на всей бра-тин, но даже на выходцахъ Сарова: — всѣ они проникнуты духомъ пустыннолюбія.

Мы возвратились въ обитель, по берегу рѣчки Саровы, мимо шумныхъ ключей, бьющихъ изъ-подъ навѣса древнихъ сосенъ въ этомъ лѣсномъ оазисѣ, какъ бы нарочно созданномъ для пустынножительства. Добрый настоятель ожидалъ меня въ своей келліи, и мы продолжали съ нимъ бесѣду о подвижникахъ саровскихъ, которые были такъ близки его сердцу. „Справедлива ли молва, спросилъ я, будто отецъ игумень Нифонтъ не любилъ отца Серафима и не позволялъ ему ни жить въ пустынь, ни принимать посѣтителей? Какъ объяснить такое странное чувство къ мужу праведному, каковъ былъ Серафимъ, въ душѣ благочестиваго Нифонта?“ — „Кто усумнится въ праведности обоихъ? простодушно отвѣчалъ Исаія. Мнѣ, бывшему свидѣтелюмъ благой жизни и всего, что сдѣлалъ для святой обители покойный отецъ настоятель, можно ли не восхвалять его добродѣтели? а слава о добродѣтели отца Серафима ходитъ по всей Россіи; но бывають иногда, по тайному поущенію Божію, нѣкоторыя недоумѣнія и между людьми самыми святыми, какъ о томъ читаемъ въ ихъ житіяхъ. И тутъ однако не безъ причины было неудовольствіе отца игумена. Строгий соблюдетель древняго чина Саровскаго, положеннаго первоначальникомъ нашимъ, онъ не могъ равнодушно видѣть, какъ иногда нарушался этотъ уставъ, стеченіемъ людей обоого пола, хотя и благочестивыхъ, въ келлію затворника, когда уставъ строго запрещалъ такія посѣщенія. Съ другой стороны старецъ Серафимъ, испытанный долгимъ затворомъ и пустынножительствомъ, конечно не безъ особаго откровенія, ему лишь вѣдомаго, открылъ двери своей келліи приходящимъ для духовнаго назиданія, и хотя онъ казался нарушителемъ заповѣди монастырской, былъ однако, съ крайнимъ для себя истощеніемъ, исполнителемъ заповѣди Христовой о любви; а я знаю, что предѣстникъ мой былъ исполненъ къ нему искренняго глубокаго уваженія.“

„Прежде нежели оставить святую обитель, сказалъ я настоятелю, мнѣ, знавшему только по слуху, о великихъ от-

цахъ вашихъ, и уже опоздавшему видѣть ихъ, по моему недостойнству, хотѣлось бы войти хотя въ молитвенное общеніе съ ними; прошу васъ велѣть для меня отпѣть панихиду въ соборѣ, о душахъ, первоначальника Іоанна, Ефрема, Назарія, знакомаго мнѣ по Валааму, предѣстника вашего Нифонта и пустынниковъ Марка и Серафима.“ — „Желаніе ваше будетъ исполнено, отвѣчалъ игумень, и я пойду помолиться вмѣстѣ съ вами, надъ гробами блаженныхъ отцевъ нашихъ, да вспомнать и они поминающихъ ихъ усердно, въ своихъ молитвахъ.“

Мы взошли опять въ соборъ; тихая панихида совершена была о усопшихъ, съ литією надъ гробами Марка и Серафима; такъ я мысленно ознакомился и простился съ ними. Уже время было оставить ихъ обитель; въ святыхъ вратахъ настоятель предложилъ мнѣ взойти еще въ малую церковь святителя Николая, что надъ вратами подъ колокольнею, и на самый верхъ ея, дабы оттолѣ окинуть взорами окрестность. Я изумился пустынному зрѣлищу: мнѣ открылось гѣсное море, въ полномъ смыслѣ сего слова, потому что ничего, кромя зеленыхъ вершинъ, волнующихъ шумнымъ вѣтромъ, на подобіе волнъ морскихъ, не представлялось съ уединеннаго столпа колокольни, хотя и превосходила она высоту вѣковыхъ сосенъ; кое-гдѣ, изъ сей гѣсистой пучины, подымалось тонкой струею облако дыма, какъ бы отъ пустыннаго кадила, обличая жиле человеческое въ дремучей чашѣ, или быть можетъ нечаянное и нежеланное пламя, тамъ гдѣ чернѣе и шире становилось это облако. Дикая и повидимому однообразная картина имѣла свою поэтическую красоту, и гласъ шумящей дубравы напомнилъ мнѣ псаломный гласъ Господа, сокрушающаго кедръ Ливанскіе и сотрясающаго пустыню Каддійскую (псал. XXVIII). Въ безмолвіи человѣческомъ многоглагольна природа!

Когда мы сошли съ колокольни, уже все было готово къ моему отъѣзду; настоятель съ старшею братією, исполненные гостеприимнаго радушія и любви по истинѣ христіанской, хотѣли проводить меня хотя нѣсколько шаговъ за ограду, потому что уже наступало время вечерни; они спустились со мною съ крутаго холма на мостъ. „Увидимся ли еще съ вами въ сей жизни? говорилъ мнѣ смиренный Исаія: пустынь

ваша нѣ обыкновенныхъ путей человеческихъ!“ и въ эту минуту ударилъ вечерній колоколь. „Онъ зоветъ насъ обратно, сказалъ старецъ; ровно сутки провели вы въ нашей мирной обители, отъ одного вечерняго благовѣста до другаго; Господь да направитъ стопы ваши, а мы вспоманемъ о васъ въ своихъ молитвахъ.“ Такъ мы разстались; игумень съ братією тихо поднялись въ свое мирное пристанище, а я, переѣхавъ мостъ, погрузился опять въ дремучій боръ. Нѣсколько шаговъ по рыхлому песку, посреди лѣса, — и скрылась отъ взоровъ обитель: такую непроницаемою оградю отдѣлена она отъ міра. Я остановился и взглянулъ назадъ, чтобы еще разъ съ нею проститься взоромъ, но кроиъ густой чащи ничего невидѣлъ позади и окрестъ себя. Казалось, все что я видѣлъ, въ теченіе цѣлаго дня, было одною минутною мечтою воображенія, и можно было бы повѣрить, что это мечта, еслибъ отъ времени до времени, удаляющійся звукъ колокола, не обличалъ мнѣ дѣйствительнаго существованія пустыни.

При посѣщеніи столь знаменитой и назидательной обители, оставляющей благодѣтельное впечатлѣніе въ сердцахъ, невольно приходитъ на мысль: какъ часто и несправедливо налагаютъ общее осужденіе, на все монашество, люди, большею частію неопытные, которыхъ возмущилъ какой-либо печальный случай неблагочинія, совершившійся предъ ихъ глазами. Не стану оправдывать тѣхъ, которые подають поводъ къ нареканію на все свое братство; гораздо тягчайшее осужденіе, нежели человеческое, готовится имъ за то, что по выраженію Апостола „ихъ ради имя Божіе хулится во языцѣхъ:“ но признавая ихъ истинно виновными и предъ Богомъ и предъ людьми, можно ли однако быть равнодушнымъ къ несправедливо распространяемому нареканію на все ихъ священное братство, достойное лучшей участи? — Надобно замѣтить и то, что въ числѣ осуждающихъ наиболѣе люди, рѣдко бывающіе въ монастыряхъ, подобно какъ обыкновенно случается, что и жалуются на продолжительность божественной службы тѣ, которые рѣже другихъ ходятъ въ церковь; напротивъ, часто посѣщающіе храмы Божіи не утомляются долгою молитвою, и въ нихъ болѣе снисхожденія къ монашествующимъ, потому что посвятивъ себя жизни духовной, они глубже про-

опикуты чувствомъ собственной немощи и любви къ ближнему.

„Что есть монахъ?“ спрашиваетъ глубоко постигшій житіе иноческое святой Ефремъ Сиринъ, и блаженный авва Савъ себя отвѣчаетъ: „Монахъ подобенъ человѣку, который падаетъ съ высоты и нашедши вервь, висящую высоко надъ землею, хватается за нее, виситъ на ней и непрестанно вопіетъ къ Господу о помощи, зная что если ослабѣетъ и выпуститъ вервь изъ рукъ, то упадетъ и умретъ.“

По сему изреченію святаго, монашество не есть какое-либо высшее состояніе совершенства человѣческаго, а состояніе покаянія, переходъ отъ зла къ добру, стремленіе къ совершенству, хотя бы и недалеко еще было достиженіе онаго; только чрезвычайная добродѣтель первыхъ подвижниковъ, изумивъ міръ, усвоила названіе ангельскаго сему образу спасенія. Мы видимъ въ книгѣ блаженнаго аввы Синайскаго Іоанна, называемой духовною лѣствицею, цѣлыя обители иноковъ, которыя исполнены людьми горько кающагося въ своихъ преступленіяхъ, но неотвергнутыми отъ общенія съ братією; видимъ и примѣры недостойныхъ скитальцевъ или Саравантовъ, съ одною только личною иноческою, и не смотря на то, не падало тогда общее нареканіе на достойныхъ; потому что во всякое время и во всякомъ звѣдѣніи были люди добрые и злые, и уже самъ Апостолъ Павелъ жаловался первымъ Христіанамъ, что онъ терпѣлъ отъ лжебратіи. (II. Коринѣ. XI. 26).

Слѣдственно и мы не должны быть слишкомъ възыскательны къ иночествующимъ нашего времени, и какъ бы подавлять ихъ слабое житіе, тяжестію примѣра отшельниковъ первыхъ вѣковъ, которые казались исполнителями духа и въ свое время. Если же мы хотимъ быть справедливыми, то поставимъ и себя въ ту же раму, и сравнимъ собственный нашъ образъ жизни съ жизнію мірскихъ Христіанъ того времени; тогда только картина будетъ написана вѣрными красками и освѣщена настоящимъ свѣтомъ, а мы невольны сдѣлаемсянисходительнѣе къ братіи нашей, если бы даже нѣкоторыя изъ насъ лица оказались лжебратією. Это не должно однако подавать, слабымъ инокамъ, повода упорствовать въ своей слабости; но напротивъ того, какъ я уже сказалъ, должно воз-

буждать ихъ, страхомъ ответственности за общее нареканіе, къ собственному частному исправленію. Вникнемъ безпристрастно: въ чемъ состоитъ разность между нами мирянами и иноками? потому что надобно сказать правду: мы кажется забыли, до какой степени сходны наши взаимныя отношенія и обязанности, и едва ли, по словамъ Спасителя, не возлагаемъ мы, фарисейски, бремена неудобноносимыя на ихъ плечи, подъ предлогомъ ихъ отреченія отъ міра, когда сами не ходимъ двигнуть сего бремени и перстомъ. (Матѣ. XXIII. 4).

И такъ въ чемъ состоитъ существенная разность? — оныя отреклись отъ міра! а мы развѣ не отреклись также, при святомъ крещеніи, отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангель его и всего служенія его? — и развѣ намъ не заповѣдуетъ также Апостоль „не любить міра и яже въ немъ.“ (1. Іоан. 11. 15.) — Развѣ слово возглашаемое постригаемому иноку, не относится и къ намъ: „нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержателемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ; сего ради пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лють и вся содѣявши стати.“ (Ефес. VI 12, 13.) „Ибо все, что въ мірѣ, говоритъ Евангелистъ Іоаннъ, есть похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская.“ (1. гл. II. 16). Неужели мы приведемъ себѣ въ оправданіе малодушное извиненіе, что инокъ, отрекающійся отъ міра, произноситъ свой обѣтъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда мы младенцами выходимъ изъ купели, и другіе за насъ произносятъ сіи обѣты? — Но развѣ мы сами, уже въ возрастѣ, не воспринимаемъ другихъ, и не произносимъ за нихъ, какъ нѣкогда произносили за насъ, торжественный обѣтъ сей: „отрекаемся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангель его и всего служенія его и всей гордыни его!“ Или это только одна форма, одни праздныя слова устарѣвшей присяги? Ей нѣтъ! „страшно впасть въ руки Бога живаго!“ восклицаетъ Апостоль Павелъ. (Евр. X. 31).

По совѣсти говоря, невелико различіе въ обязанностяхъ православнаго Христіанина и монаха. Если инокъ обязанъ безбрачіемъ, то и мирянинъ, въ бракѣ ли онъ находится или внѣ брака, долженъ вести жизнь въ своей степени цѣломудренную, свято соблюдая таинство супружества или дѣвствен-

ность. Если постоянный постъ лежитъ на инокъ, то и ширянинъ не въ правѣ разрѣшать себѣ несоблюденіе правила церковнаго о постахъ, и вся разность состоитъ въ томъ, что монашествующіе не вкушаютъ никогда мяса. Иноку надлежитъ ежедневно присутствовать на всѣхъ службахъ церковныхъ; полезно и ширянину учащать по возможности хожденіе въ храмъ Божій, и необходимый для него долгъ не опускать ни одного праздничнаго богослуженія, какъ утреннаго, то есть литургіи, такъ и вечернаго или всенощной. Что еще сказать о нестяжаніи и послушаніи, которыя одинаково заповѣдалъ изрекшій намъ: „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день самъ о себѣ заботится; довлеетъ каждому дню своя забота; ищите же во первыхъ царствія Божія и правды его, и все сіе приложится вамъ;“ (Матѣ. VI. 33, 34.) или „повинуйтесь наставникамъ вашимъ, которые проповѣдывали вамъ слово истины, и взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ.“ (Евр. XIII. 7).

Будемъ ли за то строго нападать на монашествующихъ, что они, предпринявъ болѣе трудный нашего путь, текутъ по немъ столь же слабо, какъ и мы по своему пути? — узки врата для каждаго въ царствіе небесное, и если мы полагаемъ, что все имъ запрещено, а все намъ позволено, то горько ошибаемся, ибо широкій путь не ведетъ къ спасенію. Вотъ почему, повторяю опять, тѣ которые болѣе занимаются предметами духовными, снисходительнѣе смотрятъ, по собственному опыту, на слабости человѣческія. — Но зачѣмъ богатство въ монастыряхъ, говоритъ нѣкоторые, для чего оно людямъ, давшимъ обѣтъ добровольной нищеты? — Дѣйствительно, если иноки, какъ частныя лица, собираютъ себѣ сокровища на землѣ, то они не въ Бога богатыютъ, по притчѣ Евангельской; не напрасно читаемъ мы въ писаніи Святыхъ Отецъ, какъ однажды настоятель обители, обрѣвши у погребяемаго имъ инока, деньги подъ возглавіемъ, велѣлъ удалить его тѣло изъ братскаго кладбища. Но совсѣмъ иное богатый инокъ, иное бегитая обитель, которая какъ общество и общество полезное, должна имѣть средство къ своему содержанію и прощанію страняныхъ и убогихъ, и къ благолюбіиному украшенію своихъ храмовъ.

Не скажутъ ли еще: для чего украшать храмы и иконы? —

лучше употребить деньги сія на добрыя дѣла. Какъ иногда опрометчивы такія сужденія! Часто приходятъ мнѣ на память слова Госнода бывшему ученику своему, о напрасной, во его мнѣнію, тратѣ драгоценнаго муро, женою помазавшею ноги божественнаго Учителя. Приведу подлинныя слова Евангелиста Юанна: (XII. 5, 8). „Чесо ради муро сіе не продано бысть на трехстахъ пенязъ и дано нищимъ? Сія же рече, яко о нищихъ печашеся, но яко татъ бѣ и ковчежець итѣяще и вмѣтаемая носяще. Рече же Иисусъ: „не дѣйте ея, да въ дежъ погребенія моего соблюдетъ ѳ, нищія бо всегда имате съ собою, мене же не всегда имате“. Если столь драгоценное муро не отвергнуто самимъ Господомъ, для честныхъ ногъ своихъ, то мы ли дерзнемъ осудить украшающихъ драгоценныя сосуды, въ коихъ преподается намъ или соблюдается все его пречистое тѣло и честная кровь? или алтари, на коихъ приносится безкровная за насъ жертва, или святое евангеліе, заключающее въ себя словеса Божіи, или животворящій крестъ въ память распятаго, и священные лики Господа, пречистой его Матери и святыхъ его угодниковъ, однимъ словомъ, весь храмъ, въ коемъ воспоминается тайна нашего спасенія? — Говорю сіе для вѣрующихъ, ибо для невѣрующихъ все сіе тщетно и чуждо. Такое сужденіе особенно страшно, когда мы взглянемъ на роскошь собственныхъ нашихъ жилищъ и на драгоценныя украшенія близкихъ намъ по сердцу, что едва ли не болѣе прилично святости. Что же касается до снабденія нищихъ, то конечно, люди усердныя, жертвующіе святилицу Христа ради, не забываютъ и нищій братіи Христовой; но поелику они творятъ это влѣкнѣ отъ міра, то и не можетъ быть омо столь видимо, какъ явное для всѣхъ украшеніе ими святилицъ.

Слышу еще громкой голось: монашествующіе праздны, гулядцы, и даромъ живутъ на свѣтъ! — Это мнѣ напоминаетъ воля Египтянъ о народѣ Божіемъ: „праздни, праздни есте, сего ради глаголете, да идемъ пожремъ Богу нашему; имнѣ убо шедше дѣлайте!“ (Исход. V. 17). — Какъ будто можно назвать празднымъ дѣломъ самое упражненіе молитвенное! Хорошо, если бы наша праздность всегда протекла въ молитвѣ, хотя бы мы ничего иного не дѣлали! Лики Ангельскіе на небесахъ непрестанно хвалятъ Бога. — Положимъ

опять руку на сердце и скажемъ мы, осуждающіе праздность иноковъ: каковы собственные наши труды и подвиги, и многіе ли изъ насъ оставляютъ по себѣ слѣдъ жизненный и благую память? Не протекаетъ ли вся наша жизнь, большею частію, въ праздныхъ увеселеніяхъ и суетныхъ бесѣдахъ, гдѣ даже нѣтъ мѣста для молитвы? — Люди истинно дѣятельные меньше осуждаютъ, ибо не имѣютъ на это времени. Случалось мнѣ еще слышать отъ нѣкоторыхъ: „по крайней мѣрѣ мы воздали долгъ природѣ, оставивъ по себѣ потомство;“ — но воспитали ли они дѣтей своихъ въ страхъ Божиимъ и приготовили ли въ нихъ истинныхъ сыновъ Церкви и отечеству? — это еще вопросъ; а безъ сей единственной цѣли, и данная ими преемственно жизнь, едва ли принесетъ пользу обществу и будетъ спасительна какъ для собственной ихъ души, такъ и для рожденныхъ ими.

Да и почему обвиняютъ въ такой чрезвычайной бездѣятельности монашествующихъ? Не говоря уже о томъ, что всякой монастырь, какъ общество, имѣетъ свои необходимыя занятія и должности, которыя исправляются нарочно для того приставленными иноками, но самая служба церковная занимаетъ уже много времени. Въ городскихъ или подгородныхъ монастыряхъ, гдѣ братія должна соображаться съ немощами и недостаткомъ времени или усердія гражданъ, — служба сокращается по мѣрѣ возможности, но и тутъ никогда утренняя не бываетъ менѣе двухъ или трехъ часовъ; столько же продолжаются двѣ литургіи, ранняя и поздняя, одна за другой, а иногда бывають три и четыре, и даже до семи, какъ въ нѣкоторыхъ лаврахъ; на это все нужны особые люди; вечерня съ правиломъ занимаетъ также около двухъ часовъ и болѣе. Такимъ образомъ все въ сложности составляетъ отъ семи до осьми часовъ, не считая молебновъ и панихидъ, которыхъ можетъ быть безчисленное множество. Если можетъ-быть нѣкоторые скажутъ, что это все бесполезно, то однако такъ не мыслятъ тѣ, которые съ живымъ усердіемъ приходятъ участвовать на сихъ общественныхъ службахъ и просятъ себѣ еще исключительно молитвъ. Слѣдственно монашествующіе служатъ обществу, столько же сколько и приходское духовенство, и поелику служба ихъ

совершается съ большимъ вниманіемъ, то и гораздо охотнѣе идти въ монастырь нежели въ приходскую церковь.

Разумѣется желательно, чтобы монашествующіе совѣстливо употребляли все остальное время, для душеспасительныхъ занятій себѣ и другимъ, исключая необходимаго отдыха, и отнюдь бы не предавались праздности. Не въ оправданіе праздныхъ, замѣчу однако, что многіе изъ насъ, употребивъ до семи часовъ на службу, почитаютъ себя въ полномъ правѣ быть праздными все остальное время дня, хотя сами и жестоко осуждаютъ иноковъ, а время кажется должно быть дорого для всякаго. При томъ разочтѣмъ, сколько еще надобно употребить онаго въ монастырѣ, на ежедневное приготовленіе къ службамъ, на приемъ и бесѣду посѣтителей, потому—что это одна изъ обязанностей всякой обители, назидать не только благолѣпнымъ служеніемъ, но и ласковымъ обращеніемъ. Въ отдаленныхъ же пустыняхъ, гдѣ меньше бываетъ развлеченія, самая служба занимаетъ до 12 часовъ въ сутки, кромѣ общественныхъ обязанностей и рукодѣля. Много ли же времени останется на праздность? и если нѣкоторые, недостойные своего званія монахи, употребляютъ свободные отъ Богослуженія часы на чуждое ихъ сану разсѣяніе: то сколько другихъ посвящаютъ остатокъ дня богосмыслию, чтенію, писанію, иконной живописи или рѣзному издѣлію, для благословенія приходящихъ, и можно ли распространять на всѣхъ частныя отступленія отъ строгихъ правилъ иночества? — Господь, по ходатайству Авраама, объщалъ ему помиловать цѣлый городъ, если въ немъ обрѣтется хотя десять праведныхъ. (Бытія. XVIII.) Мы—ли на оборотъ, за нѣсколько дурныхъ иноковъ, осудимъ цѣлую обитель и даже все монашество, хотя бы и на половину было оно не въ духѣ своего званія, тогда когда быть можетъ нѣсколько невѣдомыхъ намъ подвижниковъ, въ тиши келейной, отклоняютъ гнѣвъ Божій, не только отъ своего недостойнаго братства, но и отъ насъ, дерзновенно ихъ осуждающихъ, среди бездны собственныхъ грѣховъ нашихъ!

Если послѣ всего что сказано выше, снисходительнѣе будутъ смотрѣть на иночество вообще, не излишнимъ почтатю представить и о той дѣйствительной пользѣ, какую всегда приносили и доселѣ приносятъ у насъ монастыри.

Такимъ образомъ, да огниется отъ нихъ мрачное облако нареканія, которое скрываетъ внутренній благодѣтельный свѣтъ ихъ, отъ нежелающихъ его видѣть. Я же не думаю сказать что либо лишнее или преувеличенное, если выражу такъ: что, при недостаткѣ у насъ катихизическаго ученія въ приходсахъ, обители наши служатъ огласительнымъ училищемъ вѣры, и безъ нихъ можетъ быть пространное отечество наше возвратилось бы, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ своихъ предѣлахъ, къ прежнему духовному мраку неважества. По истинѣ, обители разбѣяныя въ сердца и во всѣхъ концахъ Россіи, суть какъ бы спасительная катихизическая сѣть, охватившая собою все православное царство; ее можно сравнить съ тою Апостольскою mreжю, которая, по указанію самаго Господа, извлекала столь обильную тoню на морѣ Галилейскомъ, ибо до-сель совершается обильная таинственная ловля душъ человеческихъ, въ мѣстахъ освещенныхъ, призваніемъ имени Божія.

Не покажется ли страннымъ мое сравненіе? — Я оправдаю его опытомъ: почти въ каждой епархіи, есть заветное какое либо святилице, куда искони привыкли стекаться на богомолье всѣ окрестные жители; старые и малые, всѣ туда ходятъ по большимъ праздникамъ, и необходимо возвращаются съ запасомъ духовнымъ, который не могли они, или весьма рѣдко могли, пріобрѣсти дома, въ приходской церкви. Давнее предаіе и самый трудъ хожденія, уже невольно расподлагаютъ къ благоговѣнію богомольцевъ; они остаются въ обители нѣсколько дней, ходятъ ко всѣмъ службамъ, утреннимъ и вечернимъ, просятъ молебновъ яредъ чудотворными иконами и мощами прославленныхъ угодниковъ Божіихъ, которыхъ житіе имъ знакомо, и не рѣдко получаютъ исцѣленія въ болячкахъ, по ихъ живой вѣрѣ къ силѣ безсмертныхъ благодѣтелей своей родины. Сверхъ того, они слушаютъ, съ жаждою, поученія на литургіи, посѣщаютъ нѣкоторыхъ изъ замѣнитыхъ по благочестію старцевъ, каковы были: Марко и Серафимъ и яроче святильники Сарова, и съ ихъ благословеніемъ, приносятъ домой иреты и иконы, а иногда домашнюю псеуду, выработанную руками отшельниковъ. Можно ли, чтобы все это не произвело благодатнаго впечатлѣнія на душу? Святый Іоаннъ Златоустъ не напрасно

но говорить: что тотъ, кто только нобылъ въ храмѣхъ, гдѣ варится пиво, невольно выйдетъ изъ нее облагодухашенный.

На такого рода людей, простыхъ и смиренныхъ, не производятъ неприятнаго впечатлѣнія, какой либо грустный прищъръ нетрезвости или небрежности нерадиваго изъ братіи. „Богъ съ нами, говорятъ они, мы пришли сюда помылиться, въдь и съ нами грѣхъ случается“. Не только на людей простыхъ, необразованныхъ, но даже и на высшій кругъ богомольцевъ производятъ тоже впечатлѣніе обители, если только съ истиннымъ благочестіемъ ихъ посѣщаютъ, хотя конечно болѣе утонченное чувство легче можетъ оскорбиться какими либо неблагоочиніемъ; но за то, общій взглядъ на монашество и на ту пользу, которую оно принесло отечеству, принирять такого рода посѣтителей съ недостатками иноковъ, и потому, весьма несправедлива мысль, будто бы все сіе полезно для одного народа; нѣтъ, по словамъ Апостола: „благочестіе на все полезно“. (I Тимоѳ. IV. 8).

Люди образованные, въ смыслѣ свѣтскомъ, имѣютъ еще много средствъ, для своего духовнаго образованія, кромѣ обителей; гдѣ же могутъ, въ другомъ мѣстѣ, почерпнуть свое убогіе дѣти природы, которые научаются догматамъ вѣры изъ того только, что они видятъ и слышатъ, потому что не знаютъ грамоты и не имѣютъ у себя духовныхъ наставниковъ, въ селеніяхъ, иногда далеко отстоящихъ отъ приходовъ. Сосѣдніе монастыри восполняютъ сей духовный недостатокъ, ибо тамъ служба Божія совершается безъ ошущенія, и самое благозвѣпіе обрядовъ объясняютъ для внимательныхъ внутренній смыслъ ихъ; а иногда какое нибудь слово благоговѣйнаго старца западаетъ глубоко въ душу и преводитъ спасительное измѣненіе цѣлей жизни. Посему, какъ больно слушать поверхностное и непріяженное сужденіе о монашествѣ, людей, вовсе незнакомахъ съ жизнью духовною и видящихъ одну только худую сторону обителей, когда надретивъ того, многія тысячи народа строятся въ сн убившица полтавы и обрѣтаютъ въ нихъ душевную для себя пользу!

Я говорилъ вообще о пользѣ всѣхъ обителей безразлично, малыхъ и великихъ, славныхъ и незвѣстныхъ, разбѣянныхъ по лицу благословенной земли нашей. Что же если упомя-

нута о знаменитѣйшихъ, каковы: святая лавра Сергіева и Печерская, или Соловецкая, къ которымъ искони стекается вся Россія, изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ, какъ нѣкогда сходилса весь Израиль, въ урочные дни торжествъ ветхозавѣтныхъ, въ единственный тогда храмъ Іеговы, предъ лице Бога Іаковля. Это всенародное ежегодное собраніе было залогомъ единодушія и братства въ народѣ Божиємъ, напоминающая ему, о единствѣ его происхожденія и вѣры. Тоже можно сказать и о благочестивомъ странствованіи единоплеменнаго народа русскаго, разсѣяннаго по необъятному отечеству нашему, который встрѣчается однажды въ годъ, въ лицѣ своихъ богомольцевъ, у какой либо родной святыни, и передаетъ другъ другу взаимныя мысли и чувства; даже нѣкоторое образованіе пріостекаетъ отъ сего благочестиваго странствованія; потому что каждый поклонникъ, возвращается съ запасомъ новыхъ свѣдѣній о Россіи.

Скажу для примѣра: что весь сѣверъ, то есть губерніи Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская и Вятская, почитаютъ священною обязанностию, хотя однажды въ жизнь, посѣтить дальнюю обитель Соловецкую, на морѣ-океанѣ, какъ простодушно говорятъ богомольцы, которые даже не дерзаютъ вступать въ бракъ, прежде нежели поклонятся Савватію, Герману и Зосимѣ, Соловецкимъ чудотворцамъ. Какъ похвально такое чувство усердія, основанное на другомъ, не менѣе похвальномъ чувствѣ благодарности къ симъ великимъ заступникамъ: ибо даже, и не читая лѣтописи, по одному давнему устному преданію, отъ отца къ сыну, весь нашъ сѣверъ еще помнитъ, что онъ обязанъ своимъ образованіемъ и даже населеніемъ обители Соловецкой.

Тогда только, пустынные мѣста сіи, какъ бы забытыя людьми въ полуночи, просіяли віру, когда безвѣстные отшельники, Савватій и Германъ, и за ними Зосима, вздумали тамъ уединиться, и тайною своею молитвою оплодотворили пустыню, по весьма правильному изреченію церковныхъ пѣснопѣій, во славу отшельниковъ: „слезъ твоихъ теченьми, пустыни неплодное въздѣлалъ еси, и еже изъ глубины въздыханьми, во сто трудовъ оплодотворилъ еси, и былъ еси свѣтильникъ вселеннѣй, сія чудеса, отче нашъ, моли Христа Бога, спастиса душамъ нашимъ.“ — Такъ дѣйствена и доселѣ эта

молитва, и можетъ ли быть, чтобы стекающіеся изъ сѣверныхъ предѣловъ, въ обитель Соловецкую, не приносили съ собою хотя нѣсколько просвѣщенія духовнаго въ свои семейства? Не лишнее быть можетъ, для равнодушныхъ къ священной старинѣ, напомнить еще, что лавра Соловецкая, какъ она называлась въ тѣ дни, отразила въ грустную годину Самозванцевъ, неоднократныя нападенія Шведовъ и черезъ то удержала весь сѣверъ Руси въ повиновеніи законному Царю; точно также, какъ и лавра Сергіева, въ сердцѣ нашего отечества, была единственнымъ его оплотомъ. Сперва населеніе и просвѣщеніе всего Сѣвера, потомъ защита его отъ враговъ, и доселѣ постоянное возбужденіе въ немъ чувства вѣры, — еще ли сего недовольно?

Подобие какъ Соловецкая обитель, на своемъ морскомъ отокѣ, служить мѣстомъ соединенія для сѣверныхъ предѣловъ Россіи: такъ въ средней ея полосѣ лавра Сергіева. Не только всѣ окрестныя мѣста, но изъ дальнихъ притекають безчисленные поклонники къ великому заступнику своей родины, преподобному Сергію. Они виѣсть съ тѣмъ обрѣтають въ его гостепріимной обители и ежедневную трапезу для нищихъ, и больницу для болящихъ, и богадѣльню для увѣчныхъ, и училище для сиротъ. Чего еще болѣе требовать отъ дома молитвы? такъ ли гостепріимны мірскія общественныя заведенія?

Говорить ли о Воронежѣ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ перебывала, можно сказать, вся Россія, для поклоненія мощамъ новаго чудотворца, и новыни его чудесами утвердилась въ старой своей вѣрѣ! — А Кіевъ и его чудная Печерская лавра, эта мать всѣхъ обителей Русскихъ, какъ и самый Кіевъ былъ матерію всѣхъ городовъ нашихъ! Сколько святыхъ заключается въ этой единственной сокровищницѣ молитвы! Сколько нищихъ питается тамъ милостынею всей земли русской, и сколько богомольцевъ, отъ сѣвера и юга, запада и востока, находятъ себѣ духовное утѣшеніе въ пещерахъ лавры, прославленныхъ нетлѣніемъ первыхъ отшельниковъ! Отнимите у насъ этотъ природный нашъ Іерусалимъ, и какая пустота останется въ сердцѣ Руси, не восполняемая никакимъ инымъ сокровищемъ! — Чтобы судить о томъ, какъ дорого что-либо нашему сердцу, надобно познать-

ся съ тѣмъ, что мы любимъ; иначе нельзя понять нашихъ чувствъ. Мы часто слышимъ и довольно равнодушно, о утра-тѣ людей намъ чуждыхъ, но живо трогаетъ насъ только участь нашихъ присныхъ. Тоже скажу о иночествѣ и мона-стыряхъ: одни тѣ могутъ судить о нихъ, которые сами глу-боко проникнуты ихъ духовною необходимостію и любятъ посѣщать ихъ для молитвы. Чуждымъ они чужды, хотя тѣсно съ ними связана судьба всего православія.

Мірскіе священники, обязанные узами семейными, едва бы-ваютъ въ силахъ удовлетворять необходимымъ требаніямъ, ког-да напротивъ того иноки, болѣе свободные духомъ, потому что не лежатъ на нихъ узы брака, могутъ исключительно посвятить себя служенію Церкви, въ болѣе полномъ значе-ніи этого слова. Немошь человѣческая не позволяетъ каждо-му духовному лицу сдѣлаться инокомъ, потому и насиль-ственно состояніе духовенства латинскаго, надъ которымъ тяготѣетъ законъ безбрачія, вопреки постановленіямъ собор-нымъ; но Церковь Православная, соединяя, какъ сказано въ правилѣ шестаго вселенскаго собора, строгость церковную съ снисхожденіемъ апостольскимъ, благоразумно постанови-ла, чтобы архипастыри, управляющіе церквами, были исклю-чительно посвящены Богу, не связываясь узами житейскими, и разрѣшила подчиненнымъ ихъ сослужителямъ, вступать въ благословенный бракъ, немощи ради человѣческой. Для тѣхъ же, которые исключительно хотятъ работать Господу, откры-ты обители, дабы въ свою чреду изъ среды ихъ избирались предстоятели церкви и ихъ ближайшіе помощники, необхо-димые для управленія. Что же было бы, если бы только од-ни безпомощные старцы заключались въ стѣнахъ монастыр-скихъ? — Не говоря уже о невозможности благолѣпнаго служе-нія, кто бы восходилъ на каѳедры епископія; кто бы со-дѣйствовалъ епископамъ въ облегченіи пастырскаго ихъ бре-мени? — Поистинѣ, когда слышишь иногда у насъ ропотъ о бесполезности и множествѣ монастырей и монашествующихъ, подумаешь будто говорится о Римѣ или о прежней Испаніи, гдѣ дѣйствительно десятый человѣкъ былъ инокомъ или кли-рикомъ, а не о благословенномъ отечествѣ нашемъ, гдѣ все соразмѣрено, мѣриломъ православія, ко благу церкви и госу-дарства. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній можно достаточно убѣ-

дѣться, по числу иноковъ и обителей, какъ мало знаютъ настоящаго положеніе дѣлъ церковныхъ тѣхъ, которые наиболее вопіють, и странно слышать такіа строгія осужденія, при столь маломъ желаніи познать истину.

Не изумятся ли они сами, узнавъ, что во всей Россіи находится только 409 обителей мужескихъ и 118 женскихъ, въ стѣнахъ которыхъ заключено не болѣе 5,150 постриженныхъ иноковъ, въ томъ числѣ и старцевъ, и 2,250 постриженныхъ инокинь. Присоедините къ этому еще 3,970 послушниковъ и 7,400 послушницъ, не постриженныхъ и слѣдственно свободныхъ во всякое время оставить обитель, но трудящихся въ ней, какъ трудился бы и во всякомъ другомъ мірскомъ обществѣ; и того всѣхъ, всякаго возраста, званія и пола, посвятившихъ себя на служеніе Богу 15,540, а постриженныхъ между ними только 7,340 лицъ обоюга пола. Неужели это число велико при 46 милліонахъ одного православнаго населенія въ Россіи? Вотъ какъ то, что намъ кажется огромнымъ издали, теряетъ свои исполинскіе размѣры по мѣрѣ приближенія и становится весьма обыкновеннымъ, если только смотрѣть безпристрастными глазами!

Блаженны мы, имѣющіе еще духовное утѣшеніе, видѣть святыхъ обители наши процвѣтающими, подъ сѣнію Церкви православной, а не расхищенными и сокрушенными, нестойкимъ духомъ враговъ Христовыхъ, какъ на Западѣ, гдѣ свѣжія развалины стоятъ обличительными остовами минувшей славы нынѣшнему безславію. У насъ же древнія наши лавры и обители служатъ предметами любви народной; потому что теплое, святое чувство православія привлекаетъ къ нимъ доселѣ, и если не прогнѣваемъ Бога, и впредь привлекать будетъ безчисленныхъ богомольцевъ, проникнутыхъ искреннею вѣрою и привязанностію къ родной святынѣ. Возблагодаримъ же Бога отцевъ нашихъ, дающаго намъ созерцать ихъ нетлѣнные тѣlesa, а не поклоняться однимъ лишь упраздненнымъ ихъ ракамъ, какъ на печальномъ Востокѣ, гдѣ варвары расхитили древнюю святыню.

Великіе пустынножители земли русской! истинные отцы не только иночествующихъ, но и мірскихъ вашихъ чадъ! Антоній и Θεодосій, Сергій и Никонъ, Зосима и Савватій, и оба Кирилла и два Нила, Саввы, Діонисій, Александры и

прочіе, имена которыхъ неизвѣстны, и весь сонмъ Святителейъ, изшедшихъ изъ ихъ смиренныхъ рядовъ на высокія каеедры, чтобы свѣтить міру! — продолжайте сънять отчизну вашу, столько рязъ спасаемую вами, кровомъ криль нынѣшней невещественной вашей славы, какъ новые Архистратиги небесныхъ силъ, образъ которыхъ носили вы на землѣ! Въ святыхъ обителяхъ вашихъ, созданныхъ, по словамъ преподобнаго Нестора, потомиъ вашимиъ и слезами, да обитаетъ миръ, и да подражаютъ собранныя вами духовныя чада, вашему благому примѣру, оставленному вами для насъ и для нихъ. Да дастся и намъ, не только въ уста, но и въ сердце, эта смиренная молитва великаго подвижника аввы Ефрема, и не на одно лишь теченіе великаго поста, но на все продолженіе нашей жизни:

„Ей, Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь“.

=

ВОСПОМИНАНІЯ

САДДЕЯ ВУДГАРЧЕА.

==

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

==

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите, исправишиа Бога для, а не кланите!»

(Послѣсловіе въ древней лѣтописи.)

I.

Если бѣ жизнь моя протекла, какъ тихій ручей или даже какъ протекаетъ искусственный водопадъ по разбѣреннѣмъ ступенямъ, тогда бы я не вздумалъ печатать *отрывковъ* изъ моихъ *Воспоминаній*. Много испыталъ я въ жизни горя, но чтобъ, по словамъ Крылова, «гусей не раздразнить», умалчиваю о многомъ, и представляю только то, что характеризуетъ эпоху, въ отношеніи нравовъ и обычаевъ. Въ сорокъ лѣтъ Россія совершенно измѣнилась — и все сказанное мною перешло въ древнюю исторію.

Едва ли былъ городъ въ цѣломъ мірѣ скучнѣе и бѣднѣе тогдашняго Кронштадта! Ни одинъ городъ въ Европѣ не оставилъ во мнѣ такихъ сильныхъ впечатлѣній, какъ тогдашній Кронштадтъ. Для меня все въ Кронштадтѣ было ошутительнѣе, чѣмъ для другаго, потому-что я, какъ аэролитъ упалъ изъ высшей атмосферы общества въ этотъ новый міръ. Въ Кронштадтѣ сосредоточивалась, какъ въ призмѣ, и отража-

лась полуобразованность чужеземныхъ моряковъ, въ ихъ свободной жизни.

Въ Кронштадтѣ было только нѣсколько каменныхъ казенныхъ зданій: казармы, штурманское училище, таможня, дома комендантскій и главнаго командира и нѣсколько частныхъ домовъ близъ купеческой гавани. Деревянныхъ красивыхъ домовъ было также мало. Даже соборъ и гостиный дворъ были деревянные, ветхія, некрасивые. Половина города состояла изъ лачугъ, а часть города, называемую Кронштадтскою (примыкающую къ Водянымъ Воротамъ), нельзя было назвать даже деревнею. Близъ этой части находился деревянный каторжный дворъ, гдѣ содержались уголовные преступники, осужденные на вѣчную каторжную работу. На улицахъ было тихо, и каждое утро и вечеръ тишина прерывалась звукомъ цѣпей каторжниковъ, шедшихъ на работу и съ работы, въ военной гавани. Морозъ, благодѣтель Россіи, позволялъ безпрепятственно прогуливаться по улицамъ Кронштадта зимою, но весною и осенью грязь въ Кронштадтской части и во всѣхъ немощеныхъ улицахъ была по колѣна. Видъ замерзшаго моря наводилъ уныніе, а когда поднималась мятель, то и городской валъ не могъ защитить прохожихъ отъ порывовъ морскаго вѣтра и облаковъ снѣга. Въ Кронштадтѣ не было не только книжной лавки или бібліотеки для чтенія, но даже во всемъ городѣ нельзя было достать хорошей писчей бумаги. Въ гостиномъ дворѣ продавали только вещи, нужныя для оснастки или починки кораблей, и зимою почти всѣ лавки были заперты. Магазиновъ, съ предметами роскоши, было, кажется два, но въ нихъ продавали товары гостинодворскіе, втораго разбора. Все доставлялось изъ Петербурга, даже съѣстные припасы хорошаго качества. Городъ былъ бѣденъ до крайности. Купцы, торговавшіе съ чужими краями, никогда не жили въ Кронштадтѣ, а высылали на дѣто въ Кронштадтъ своихъ прикащиковъ. Кронштадтъ населенъ былъ чиновниками морскаго вѣдомства и таможенными, офицерами флота, двухъ морскихъ полковъ и гарнизона, отставными морскими чиновниками, отставными женатыми матросами, мѣщанами, производившими мелочную торговлю, и тому подобными. Между отставными чиновниками первое мѣсто занимали, по гостепріимству, баронъ Лауницъ и Аванасьевъ (не помню въ какихъ чинахъ). У обоихъ были въ семействѣ молодые сыновья, офицеры, и дочери дѣвицы, а потому въ этихъ до-

махъ были собранія и танцы. Былъ и клубъ, въ которомъ танцовали въ извѣстные дни. Бахусъ имѣлъ въ Кронштадтѣ усердныхъ и многочисленныхъ поклонниковъ! Пили много и самыя крѣпкіе напитки: пуншъ, водку (во всякое время); мадера и портвейнъ уже принадлежали къ разряду высшей роскоши. Послѣ Кронштадта никогда и нигдѣ не видалъ я, чтобъ люди, изъ такъ называемаго порядочнаго круга, поглощали столько спиртныхъ напитковъ! Страшно было не только знакомиться, но даже заговорить съ кѣмъ-нибудь, потому-что при встрѣчѣ, бесѣдѣ и прощаньи надлежало пить или повѣтъ другихъ! Разумѣется, что были исключенія, какъ вездѣ и во всемъ. Пили тогда много и въ Петербургѣ, но передъ Кронштадтомъ это было ничто, капля въ морѣ. Удивительно, что при этомъ не бывало ссоръ, и что въ Кронштадтѣ вовсе не знали дуэлей, когда онѣ были тогда въ модѣ и въ гвардіи и въ арміи. Впрочемъ, настоящимъ питухамъ, осушающимъ *штурмовую чашу* (какъ называли въ Кронштадтѣ попойку), некогда было ссориться! Бѣдныги работали — до упада!

Оставшіеся въ живыхъ изъ нашего литературнаго круга двадцатилѣтъ годовъ, помнятъ мои миролюбивые и веселые споры съ однимъ литераторомъ-морякомъ (уже не существующимъ), бывшимъ въ свое время кронштадскимъ Донъ-Жуаномъ, споры о кронштадтской жизни, и особенно о обычаяхъ прекраснаго поля въ Кронштадтѣ. Хотя въ началѣ двадцатыхъ годовъ (то есть лѣтъ за двадцать пять предъ симъ) многое уже измѣнилось въ Кронштадтѣ, но все же пріятель мой, литераторъ-морякъ, преувеличивалъ свои похвалы, утверждая, что въ кронштадтскомъ высшемъ обществѣ былъ тотъ же свѣтскій тонъ и тѣ же свѣтскіе приемы и обычаи, какъ и въ петербургскомъ высшемъ кругѣ. Тона высшаго круга не возможно перенять — надобно родиться и воспитываться въ немъ. Сущность этого тона: непринужденность и прivity. Во всемъ наблюдается середина: ни слова болѣе, ни слова менѣе; ни какихъ порывовъ, ни какихъ восторговъ, ни какихъ театральныхъ жестовъ, ни какихъ гримасъ, ни какого удивленія. Наружность—ледъ, блестящій на солнцѣ. Фамиліярность и излишняя почтительность равно не уместны. Подражатели высшаго круга всегда впадаютъ въ крайности — и съ перваго слова, съ перваго движенія можно узнать человека, который играетъ несвойственную ему роль. Особенно замѣтно это въ женщинахъ. Воспитаніе въ выс-

никъ учебныхъ заведеній не можетъ сообщать двѣдцѣ прекрасное образованіе, но не тонъ и не манеру, потому что только въ домашней жизни и въ кругу своего знакомства приобретаетъ то, что Французы называютъ *la contenance*, *les manières*, *le bon ton*, и что заключается въ Русскомъ словѣ *свѣтскость*. Наглядное подражаніе порождаетъ жеманство и неловкую принужденность (*affectation*). Въ цѣломъ мірѣ только Француженки, особенно Парижанки, романдонныя и воспитанныя въ кругу швей и служанокъ, одарены отъ природы высочайшею способностью перенимать тонъ и манеры высшаго общества, и только между Француженками есть прекрасныя актрисы для ролей свѣтскихъ барынь, и для дѣвицъ высшаго общества. Встарину, наннѣ моряки, принужденные зимовать въ портахъ, къ которымъ не было ни какого общества, не слишкомъ были разборчивы въ женитьбѣ, и хотя ихъ дочери воспитывались въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, знали французскій языкъ, музыку и танцы, но возвратясь въ родительскій домъ, подчинялись окружающему ихъ, сохраняя память школьныхъ наставленій *tenez-vous droite et parlez français* (то есть держитесь прямо и говорите по-французски). Следовательно, въ Кронштадтѣ тонъ высшаго круга былъ тогда въ полномъ смыслѣ провинціальный, съ нѣкоторыми особыми отбѣнками, — а гдѣ принужденность и жеманство, тамъ смертная скука.

Вторую половину кронштадтскаго женскаго общества, лѣвую или либеральную сторону (принимая это слово вовсе не въ политическомъ, а въ шуточномъ смыслѣ) составляли жены гарнизонныхъ офицеровъ, констапельши, шкиперши, штурманши и корабельныя комиссарши, съ ихъ дочками, сестрами, невѣстками, племянницами и тому подобнымъ. Это было нѣчто въ родѣ женскаго народонаселенія острововъ Дружества, преимущественно Отаити, при посѣщеніи его капитаномъ Кукомъ. Въ этомъ обществѣ было множество красавицъ, нѣкихъ я не видалъ даже въ Петербургѣ. Не знаю, какъ теперь, но тогда городъ Архангельскъ славился красотой женскаго пола, и по всей справедливости: почтенные водители нашихъ кораблей, штурмана и шкипера, и хранители морской корабельной провизіи, комиссары выбирали для себя женъ въ этой русской Цитерѣ. Но вся красота заключалась въ чертахъ лица, и особенно въ его цвѣтѣ (*complexion*) и въ

• Въ то время офицеры морской артиллеріи были въ тонъ же разрядѣ, что комиссары и шкипера, и почитались ниже флотскихъ офицеровъ.

глазяхъ. Красота ножекъ и рукъ — *cosa rara*, величайшая рѣдкость во всей Россіи, и даже въ остзейскихъ провинціяхъ, но не скажу на всея Сѣверѣ, потому что Стокгольмскія красавицы обладаютъ этимъ преимуществомъ. Въ родѣ человѣческомъ есть странная отличія породъ. Прелестная нога и рука — это принадлежности Франціи, Испаніи, Польши и Швеціи.

Тонъ и обращеніе второстепеннаго кронштадтскаго общества были мѣщанскіе или, пожалуй, русскаго инороднаго купечества, проникнутаго столичною роскошью и не раздражающаго дворянству. Собранія въ этой половинѣ кронштадтскаго общества, называвшіяся *вечеринками*, были чрезвычайно оригинальны, забавны и даже смѣшны, но нравились молодымъ волокитамъ. Красавицы, разряженныя фантастически (то есть съ собственными усовершеніями моды), въ атласъ и тафту, садились обыкновенно полукругомъ, грызли, жеманно, каленые и кедровые орѣхи, кушали миндаль и изюмъ, запивая ликеромъ или наливкою, непремѣнно морщась при поднесеніи рюмки къ губамъ. Молодежь увивалась вокругъ красавиць, которыя съ лукавымъ взглядомъ бросали иногда орѣховую шелуху въ лицо своихъ любимцевъ, въ знакъ фамилярности, или легкимъ наклоненіемъ головы давали имъ знать, что пьютъ за ихъ здоровье. Ни одна вечеринка не обошлась безъ того, чтобъ дамы не пѣли хорошъ русскихъ пѣсень и не плясали по-русски, или подъ веселый напѣвъ, или подъ звуки инструмента, называемаго клавикордами, прототипа фортепіанъ и рояля. Иногда даже танцовали англійскій кадрили, но никогда не вальсировали, если не было ни одной Нѣмки на вечеринкѣ. Старухи и пожилыя дамы садились отдѣльно, и занимались своими, то есть *чужими* дѣлами, по-просту сказать, сплетнями. Въ ихъ кружку можно было навѣрное узнать, кто въ какую влюбленъ, которая измѣнила кому, кто добръ, то есть щедръ, а кто *пустячный* человѣкъ, то есть скупъ или бѣденъ, и тому подобное. Почтенные отцы семейства, и, какъ сказалъ И. И. Дмитріевъ, « мужья подъ сѣдиною » — бесѣдовали обыкновенно въ другой комнатѣ, курили табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубокъ, пили пуншъ или грогъ, и играли въ горку, въ три листика, а иногда и въ бостонъ. Вечеринки эти давались всегда насчетъ обожателя хозяйки дома или ея сестрицы. За двадцать-пять рублей ассигнаціями можно было дать прекрасную вечеринку, которую

всѣ были довольны. Въ этомъ обществѣ сосредоточивались отгѣнки нравовъ и обычаевъ всѣхъ заштатныхъ городовъ Россіи. Сколько тутъ было богатыхъ матеріаловъ для народнаго водевиля и юмористическаго романа! Вотъ въ какой міръ брошенъ я былъ судьбою, въ первой юности! Надлежало или прилично скучать въ одной половинѣ общества, или неприлично веселиться въ другой половинѣ, чтобъ не попасть въ жрецы Бахуса, потому что отъ юноши невозможно требовать совершеннаго *удиненія*.

Первые изъ молодыхъ людей, съ которыми я познакомился въ Кроиштадтѣ, были мичманъ Селивановъ (помнится Александръ Семеновичъ) и другъ его лейтенантъ Семичевскій, добрые и, какъ говорится, лихіе ребята. Селивановъ жилъ открыто, по своему состоянію, и часто приглашалъ друзей на солдатскія щи и кашу. У него познакомился я съ *дикимъ Французомъ*, какъ называетъ его знаменитый адмиралъ И. О. Крузенштернъ (въ своемъ Путешествіи вокругъ свѣта въ 1803—1806 годахъ, въ первой части), Жозефомъ Кабри. Этотъ *дикій Французъ* говорилъ ломанымъ русско-французскимъ языкомъ, примѣшивая слова дикарей, между которыми жилъ долгое время, и объясняя знаками, чего не могъ выразить словами. Однако жъ основаніе его языка было французское, и онъ былъ весьма радъ, когда находилъ человѣка, съ которымъ могъ говорить по-французски, и потому онъ искалъ моего знакомства. Въ этомъ 1809 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ Путешествія вокругъ свѣта Крузенштерна, и въ этой книгѣ знаменитый путешественникъ весьма невыгодно отзывается о характерѣ Кабри. Но любознательство превозмогло предубѣжденіе насчетъ его, и я познакомился съ нимъ покороче, чтобъ слушать его рассказы о его пребываніи между дикарями.

Кабри былъ юнгомъ на французскомъ кораблѣ, приставшемъ къ острову Нукагивѣ, который до того времени едва нѣсколько разъ былъ посѣщаемъ Европейцами. Островъ Нукагива одинъ изъ незначительныхъ въ Тихомъ Океанѣ, населенъ жестокими, прожорливыми и сладострастными людьми. Крузенштернъ нашелъ на островѣ двухъ Европейцевъ, Англичанина Робертса и Француза Кабри; они были непримиримые враги между собою. Англичанинъ сказалъ Крузенштерну, что онъ высаженъ на островъ матросами, взбунто-

* Крузенштернъ въ своемъ Путешествіи неправильно называетъ его Кабриъ или Декабриъ. Одиначный Французъ назывался Кабри.

взвѣсившись противу своего капитана, не желая пристать къ ихъ сторонѣ, и что Кабри добровольно остался на островѣ, бывъ часто наказываемъ капитаномъ корабля за свои проказы. По словамъ Крузенштерна, Англичанинъ былъ гораздо умнѣе Француза, и пользовался большимъ уваженіемъ между дикими, хотя Кабри почитался лучшимъ и искуснѣйшимъ воиномъ между дикарями, даже по сознанію врага его, Робертса, и превосходилъ всѣхъ въ нукагивской добродѣтели — въ воровствѣ! Оставшись въ весьма молодыхъ лѣтахъ между дикарями, Кабри совершенно одичалъ, принялъ всѣ ихъ обычаи, поклонялся ихъ божеству, почиталъ первымъ наслажденіемъ убить непріятеля, хотя и утверждалъ явно, что не ѣлъ человѣческаго мяса, но промѣнивалъ тѣла убитыхъ непріятелей на свинину. Крузенштернъ говоритъ, что онъ нечаянно или принужденно взялъ съ собою Кабри, который находился на кораблѣ Надеждѣ въ то время, когда внезапный шквалъ угрожалъ кораблю разбитіемъ о камни, и когда надлежало отрубить поспѣшно кабельтовъ и выйти въ море (въ маѣ 1804 года). Но Кабри не вѣрилъ этому, и утверждалъ, что Крузенштернъ сдѣлалъ это по просьбѣ врага его, Англичанина Робертса. Кабри ненавидѣлъ европейскіе обычаи и образованность, и просилъ Крузенштерна высадить его на какой-нибудь изъ ближнихъ острововъ, обитаемыхъ дикими. Онъ хотѣлъ остаться на островѣ Овейги, но не понявъ языка жителей острова, по разности произношенія съ нукагивскимъ языкомъ (хотя оба языка одного корня), Кабри упросилъ Крузенштерна везти его далѣе, на что нашъ знаменитый морякъ согласился, единственно изъ состраданія, не любя дикаго Француза. Такимъ образомъ Кабри привезенъ былъ въ Камчатку, гдѣ и остался вмѣстѣ съ графомъ Федоромъ Ивановичемъ Толстымъ и съ нимъ пріѣхалъ сухимъ путемъ въ Петербургъ.

Кабри былъ небольшого роста, сухощавый, смуглый, неправильнаго очерка лица, изуродованнаго наколотыми узорами (tatoué) темно-синяго цвѣта. Взглядъ его выражалъ врожденную свирѣпость, и онъ имѣлъ всѣ кошачьи ухватки. Когда онъ улыбался, то казалось, что хочетъ укусить человѣка. Умъ его былъ во всѣхъ отношеніяхъ ограниченный, и онъ могъ говорить порядочно только о своемъ любезномъ островѣ Нукагивѣ. Впрочемъ, весь остальной міръ казался ему недостойнымъ вниманія. Удивительнѣе всего, что этотъ одичалый уродъ имѣлъ прелестную жену, Француженку, изъ одного пе-

тербургскаго моднаго магазина! Не знаю, кто доставилъ ему мѣсто учителя плаванія въ штурманскомъ училищѣ, но кажется и въ этомъ дѣлѣ помогалъ ему графъ Толстой. Хотя госпожа Кабри была со мною довольно откровенна насчетъ своего мужа, но она не признавалась мнѣ въ томъ, что заставило ее избрать въ мужья дикаря. Она всегда отвѣчала мнѣ: «C'est fait une idée! c'est comme ça!» (то есть: Такъ! не знаю, какъ это случилось! Пришла идея!)

Я почти ежедневно навѣщалъ Кабри, и проводилъ у него вечера. Не знаю, что привлекало меня болѣе въ этотъ домъ: оригинальность ли мужа, или прелестные глаза жены! Столько наслушался я о жизни и обычаяхъ Нукагивцевъ, что мнѣ не нужно было читать описаній Кука, Ванкувера и Крузенштерна! Прочитавъ, однако жъ, въ Крузенштернѣ, что Кабри слылъ лучшимъ воиномъ на островѣ, я усомнился, судя по слабому его тѣлосложенію, и спросилъ его однажды, какимъ образомъ онъ могъ побѣждать островитянъ, одаренныхъ геркулесовою силою, не имѣя огнестрѣльнаго оружія. «Я бралъ не силою, но ловкостью, отвѣчалъ Кабри: я умѣю ползать на брюхѣ, и прыгать лучше тигра и выдры. Подкравшись, въ травѣ, къ непріятелю, я всрыгивалъ внезапно на него и, сваливъ на землю ударомъ моего каменнаго топора по головѣ, перекусывалъ горло. На бѣгу ни одинъ Нукагивецъ не могъ догнать меня. Даже, бросившись въ толпу непріятелей, я увертывался отъ нихъ какъ угорь, и имѣя по ножу въ обѣихъ рукахъ, поролъ имъ брюхо. Всѣ знали меня и боялись.... Придетъ весна, я покажу вамъ мое искусство!» При имени Крузенштерна, Кабри скрежеталъ страшно зубами, негодуя на то, что онъ, повѣривъ врагу его, Англичанину, увезъ съ блаженнаго острова, и представилъ въ дурномъ видѣ въ своемъ сочиненіи, увѣряя притомъ, что обвиненіе его въ томъ, будто онъ хотѣлъ взбунтовать островитянъ противу Русскихъ, вовсе несправедливо, и что король Нукагивы свалилъ на него вину, по внушенію Англичанина, чтобъ самому оправдаться предъ Крузенштерномъ. Кабри ничего не могъ рассказать ни о вѣрѣ, ни о законахъ Нукагивцевъ, утверждая, что кромѣ вѣрованія въ Создателя и въ Злаго Духа, Нукагивцы не знаютъ никакихъ догматовъ, и въ распряхъ своихъ руководствуются старши-

* Иезуиты, бывшіе тогда въ Петербургѣ, обучали Кабри забытой имъ Христіанской Вѣрѣ, но Кабри ничего не поналъ, и сознался мнѣ, что остался при прежнемъ мнѣніи.

ищи обычаями, повинулся одной фанатической силѣ или предостру. Это предвѣщало нравилось Кабри. У него остались да Нукагивѣ жена и дѣти, но онъ вспоминалъ объ нихъ безъ всякаго сердечнаго чувства. Хотя между нукагивскими нравами господствовалъ величайшій развратъ, въ отношеніяхъ между двумя полками, но мужъ тамъ полновластный господинъ жены; онъ можетъ торговать ею, но если она нарушитъ, безъ его позволенія, супружескую вѣрность, то мужъ имѣетъ право убить жену и съжечь ее. Этотъ обычай восхищалъ Кабри, и онъ, будучи ревнивецъ всѣкъ Турокъ имѣетъ, приходилъ въ восторгъ, когда рассказывалъ объ этомъ нукагивскомъ обычаѣ, поглядывая притомъ съ улыбкою на свою жену. Можно себѣ представить, какъ это нравилось милостивой Французенкѣ!

Въ Кронштадтѣ комендантомъ и шефомъ гарнизоннаго полка былъ генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ фонъ-Клугенъ, старикъ, лѣтъ полъ семьдесятъ, воинъ временъ Румянцевскихъ, Потемкинскихъ и Суворовскихъ. Генералъ фонъ-Клугенъ былъ холостъ, казался холоднымъ, проводилъ время въ уединеніи, и почитался вообще человѣкомъ страннымъ, несозданнымъ для общества. Онъ ѣздилъ въ гости только на офиціальныя обѣды, и никогда не приглашалъ къ себѣ гостей. Судьба свела меня съ нимъ. Когда я явился къ нему въ первый разъ, онъ, послѣ офиціального приема, спросилъ меня:

— Не родня ли вамъ Михаилъ Булгаринъ, бывшій посломъ на Сеймѣ 1773 года?

— Это дядя моего отца, отвѣчалъ я.

— А какъ зовутъ по-имени вашего отца?

— Венедиктъ.

— Онъ былъ гражданско-военнымъ комиссаромъ (komisarzemъ ciwilno-woyskowymъ) въ новогрудскомъ воеводствѣ, въ Костюшковскую войну?

— Точно такъ!

— Живы ли они оба?

— Дѣдъ мой живъ, а отецъ скончался.

— Я зналъ ихъ обоихъ, а съ вашимъ Gross-Onckelъ былъ даже друженъ, сказалъ генералъ. Я стоялъ съ полкомъ въ Варшавѣ въ 1773 и 1774 годахъ, и былъ свидѣтелемъ благороднаго поступка вашего дѣда и товарищей его Рейтана, Богумшевскаго и нѣсколькихъ другихъ.... Съ-тѣхъ-поръ прошло тридцать-шесть лѣтъ; я состарѣлся.... мнѣ уже за шесть-

десять лѣтъ; но все же не забудьте того, что меня тронуло до глубины души, въ моей молодости, и привязало къ вашему лѣду. Мы видались съ нимъ послѣ въ Гроднѣ, и я даже гостилъ у него въ его имѣніи Рудаукѣ. Если будете писать къ нему, напишите, что я помню его, и не пересталъ любить и уважать. Отецъ вашъ былъ также добрый и благородный человѣкъ — но горячка и немного упрямъ.... Кажется, что яблоко не далеко упало отъ яблони, примолвилъ генералъ ласково, съ улыбкою. Вы и лицомъ похожи на отца, только поменьше ростомъ. Прошло не болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ мы видѣлись съ нимъ въ Несвижѣ, но съ-тѣхъ-поръ много воды утекло?» Генералъ замолчалъ, и сталъ закуривать трубку, которую онъ дома никогда не выпускалъ изъ рукъ. Генералъ оставилъ меня у себя къ обѣду. За столомъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, спрашивалъ меня о Финляндской Войнѣ, сказавъ, что и онъ воевалъ въ Финляндіи, при Императрицѣ Екатеринѣ; рассказалъ намъ нѣсколько анекдотовъ о Суворовѣ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ въ Польшѣ, и былъ на штурмѣ Праги. Послѣ обѣда онъ пошелъ отдыхать, сказавъ мнѣ, что домъ его долженъ быть для меня то же, что домъ друга его, моего лѣда.

Благодарю моего Создателя, что онъ, хотя и не освободилъ меня отъ многихъ слабостей, свойственныхъ природѣ человѣческой, но не далъ мнѣ двухъ несноснѣйшихъ пороковъ: *чванства* и *фанфаронства*, которыми я гнушаюсь. Жалко и больно смотрѣть на человѣка, когда онъ все, что для него ни дѣлаютъ другіе, приписываетъ своимъ достоинствамъ и принимаетъ, какъ должную дань! Скажу разъ навсегда, что пока я не вступилъ на тернистое литературное поприще, я былъ чрезвычайно счастливъ въ людяхъ, и безъ всякой съ моей стороны заслуги, не будучи въ состояніи отплатить добромъ за добро, находилъ въ людяхъ, и любовь и дружбу, и утѣшеніе, и состраданіе, и помощь. Безбожно глугуть тѣ которые изображаютъ родъ человѣческій въ дурномъ видѣ, на каждомъ шагу находятъ злодѣевъ и обманщиковъ, и водворяютъ въ простодушныхъ людяхъ недоувѣрчивость и холодность къ своимъ собратіямъ. Утверждаютъ ученые и философы, что старость, влекущая за собою опытность, должна непременно породить въ человѣкѣ эгоизмъ. Испыталъ я много и весьма много въ жизни, но благодаря Бога, не дожилъ до эгоизма, страшась его болѣе, чѣмъ чумы! Есть злые и ко-

варные люди — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но они составляютъ меньшее число (*la minorité*). Зло, кажется, больше нежели добра, оттого что зло, какъ громовой ударъ, сильно раздается и имѣеть продолжительное эхо, а коварство дѣйствуетъ какъ ядъ, когда, напротивъ, добро во всѣхъ видахъ своихъ не обращаетъ на себя вниманія, какъ благотѣльные лучи солнца, какъ прохладный вѣтерокъ. Зло сильнѣе, это правда! Десять человѣкъ злыхъ могутъ погубить десять-тысячъ людей добродушныхъ, и одинъ коварный клеветникъ отравить счастье многихъ семействъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ злыхъ людей было больше, нежели добрыхъ. Немыслимыхъ болѣе, нежели мыслимыхъ, и безхарактерныхъ болѣе, нежели людей съ характеромъ — въ этомъ я совершенно согласенъ. Оттого-то и всѣ бѣды на свѣтѣ!

Жизнь моя протекала тихо между литературными занятіями и нѣсколькими пріятными знакомствами. Доброга И. И. фонъ-Клугена я посѣщалъ почти ежедневно, и полюбилъ его искренно. Вечера проводилъ я часто у Кабри, потому-что бесѣда съ его миловидною, веселою и остроумною женою мнѣ чрезвычайно нравилась. Даже невѣжество ея забавляло меня! Кабри привязался ко мнѣ, и вопреки своему нраву, не оказывалъ никакой ревности.

II.

Однажды, ночью, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда уже ледъ начинало ломать въ заливѣ, едва только я заснулъ, стукъ у дверей моей комнаты разбудилъ меня. Въ моей трактирной квартирѣ не было передней. Мой крѣпостной мальчикъ спалъ въ хозяйской людской.

— Кто тамъ?

— *Au nom de Dieu ouvrez, ouvrez vite!* (то есть: ради Бога отворите скорѣе).

Я узналъ голосъ госпожи Кабри. Можно себѣ представить мое удивленіе. Накинувъ на себя халатъ, я зажегъ свѣчи, и поспѣшилъ отпереть дверь. Госпожа Кабри опрометью вбѣжала въ комнату, и сказала торопливо:

Fermez vite, fermez bien! (то есть: закройте скорѣе, закройте покрѣпче); и бросившись на стулъ воскликнула:

— *Oh, mon Dieu, mon Dieu!* (Боже мой, Боже мой), и залилась слезами.

Я стоялъ передъ нею въ ожиданіи развязки.

— Онъ едва же убилъ меня! сказала госпожа Кабри.

— Жта такой?

Кто же другой можетъ покуситься на это, какъ не дикій Кабри!

— По какому случаю?

— Изъ ревности!

— Не думаю, чтобъ вы подали къ тому случай....

— Развѣ я могу отиѣчать за воступки мужичицъ? Вы знаете, что уже нѣсколько мѣсяцевъ NN (это былъ молодой и красивый офицеръкъ первого морскаго флота) волочитсѣ за мной (*me fait la cour*) противу моей воли и желанія; я вамъ жаловалась на это, и просила васъ препратить это волокитство всѣмъ зависящими отъ васъ средствами. Сегодня, когда я была на вечерѣ у капитанши Тесницкой, этотъ проклятый NN принесъ въ нашъ домъ письмо, разумеется любовное объясненіе, и отдалъ его вашей глупой кухаркѣ для отдачи мнѣ, а она отдала письмо Кабри. Не знаю, кто прочелъ письмо, но онъ съ отчаянья напалъ на мѣнь, и когда я возвратилась домой, бросился на меня, какъ бѣшеный, держа въ одной рукѣ топоръ, а въ другой письмо. По счастью, я не потеряла присутствія духа, вырвала у него письмо, и толкнула его изо всѣхъ силъ; онъ упалъ, а я заперла дверь на ключъ, снаружи, выбѣжала изъ дому.... и окольною дорогою пришла къ вамъ!...

— Чрезвычайно непріятное происшествіе и весьма затруднительное положеніе, сказалъ я, стараясь принять хладнокровный видъ,

— Вы должны спасти и покровительствовать меня, сказала настоятельно госпожа Кабри: потому-что вы другъ мой и что мнѣ не къ кому прибѣгнуть, кромѣ васъ. *Un lâche seulement peut abandonner une femme dans la détresse, quand elle se confie a lui!* (то есть: только подлець можетъ оставить безпомощную женщину, прибѣгающую къ нему съ довѣренностью, въ востигшемъ ея бѣдствіи).

— Подобно вамъ, я презираю подлецовъ и трусовъ, сказалъ я: но здѣсь дѣло не въ подлости и не въ трусости, а въ томъ, какимъ образомъ я могу вмѣшаться въ домашнее дѣло между мужемъ и женою, и какъ могу защищать васъ? Сабли и пистолетовъ здѣсь недостаточно! Тутъ вмѣшаются законы — и что еще страшнѣе, общее мнѣніе....

Госпожа Кабри не дала мнѣ кончить.

— Что бы тутъ ни вмѣшалось, все-равно: вы должны быть

моица зацѣпиться, потому что я подобрал вѣсъ! Если утлѣю, можете убить меня, но я не выйду отсюда....

Удивительныя созданія Французкини! Страсти у нихъ скользятъ по душѣ, какъ облака по небу. Трагическая сцена нечеловѣчески превратилась въ комическую, и госпожа Кабри, слѣдую веселому своему характеру, представила мнѣ въ самомъ смѣшномъ видѣ то самое, что испугало ее до смерти. Однако жѣ, страшъ лежать на днѣ ея сердца, и госпожа Кабри ни за что не хотѣла воротиться домой. Мы провели время въ совѣщаніяхъ и разговорахъ, до пяти часовъ утра, и наконецъ надлежало на что-нибудь рѣшиться.

— *Il faut rougirant auver les arragenses*, сказалъ я. Поищу в упрощу мою добрую хозяйку, чтобъ она приняла вѣсъ къ себѣ.

— Это было бы превосходно! отвѣчала госпожа Кабри.

Я разбудилъ хозяина, старшаго Деланерту*, и упрощилъ его убѣдить жену свою принять къ себѣ госпожу Кабри, разсчитавъ все дѣло. Добрая моя хозяйка согласилась и мы разстались съ очаровательною Французкою. Я бросился въ постель, и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Проснулся я въ десять часовъ утра. Мальчикъ мой, ожидавшій моего пробужденія на лѣстницѣ у дверей, сказалъ мнѣ, что Кабри былъ уже два раза и обѣщалъ воротиться. Едва я усѣлся за чай, онъ явился ко мнѣ. На лицѣ его, искаженномъ узоромъ и рубинами, нельзя было замѣтить ни блѣдности, ни краски, но въ глазахъ его пылало пламя, и онъ улыбался, какъ тигръ на добычу.

Я сѣлъ за чайнымъ столикомъ. Онъ сѣлъ напротивъ меня; ерошилъ волосы на своей головѣ, вертѣлся на стулѣ, то улыбался, то бросалъ страшные взгляды, и наконецъ сказалъ:

— Я почитаю тебя честнымъ человѣкомъ, и потому требую, чтобъ ты сказалъ мнѣ откровенно: нравится ли тебѣ жена моя!

— Послушай Кабри, сказалъ я, съ притворнымъ хладнокровіемъ: ты никогда не долженъ предлагать вопросовъ, на которые нельзя отвѣчать. Что значить нравится? Жена твоя молода, не дурна собою, такъ разумѣется, что она не мо-

* Въ Кронштадтѣ былъ тогда только одинъ порядочный трактиръ, который содержали два брата, Италіянцы, Деланерта. Кроме того, они торговали разными мелочными товарами. Старшій братъ былъ женатъ. Это были люди добрые и услужливые.

жегъ возбуждать къ себѣ отвращенія въ молодомъ человѣкѣ! Но это не ведетъ ни къ какимъ послѣдствіямъ!...

— Полно! воскликнулъ Кабри. Спрашиваю; нравится или не нравится тебѣ жена моя?...

— Она очень милая особа, но она жена твоя, принадлежитъ тебѣ, и я не имѣлъ и не имѣю ни какихъ видовъ на нее....

— Не въ томъ дѣло! воскликнулъ Кабри. Если жена моя нравится тебѣ, такъ я — подарю ее тебѣ, если ты поможешь мнѣ въ одномъ дѣлѣ!...

— Ты не имѣешь права подарить жены, сказалъ я.

— Подарю, отдамъ, уступлю, все что тебѣ угодно, только помоги мнѣ! сказалъ Кабри.

— Въ чемъ же помочь тебѣ?

— Помоги мнѣ убить NN! (то есть: офицера, возбуждающаго ревность въ Кабри).

— Убить!... Ты сошелъ съ ума, Кабри! Вѣдь мы здѣсь не на островѣ Нукагивѣ. За убійство тебя накажутъ, какъ убійцу — а ты знаешь, какъ у насъ наказываютъ смертоубійцу.... Ты видѣлъ каторжный дворъ....

— Но можно сдѣлать такъ, что никто не узнаетъ.... для этого-то я и требую твоей помощи....

— Ты говоришь: никто не узнаетъ! Узнаетъ Богъ — и накажетъ и въ здѣшней и въ будущей жизни!...

— На Нукагивѣ Богъ позволяетъ убивать враговъ!... сказалъ Кабри.

— На Нукагивѣ не знаютъ истиннаго Бога....

Кабри сталъ возражать, и я видя, что всѣ мои усилія къ отвлеченію его отъ злаго умысла будутъ напрасны, пока бѣшенство его не утихнетъ, вознамѣрился обходиться съ нимъ уклончиво, и обѣщая мою помощь, промедлить исполненіе его замысла, пока не удастся вовсе отклонить его.

— Изъ первыхъ словъ твоихъ догадываюсь, что ты подозреваешь жену свою въ связи съ NN, сказалъ я. Убѣдился ли ты въ этомъ?

— Онъ написалъ къ ней любовное письмо, совѣтовалъ бросить меня, обѣщалъ развестъ меня съ нею и жениться на ней....

— Но это писалъ онъ, а не она, такъ чѣмъ же она виновата?

— Какъ бы онъ смѣлъ писать къ ней это, если бъ не былъ обнадеженъ? сказалъ мнѣ Кабри.

— Ты мелешь вздоръ! Молодой человѣкъ можетъ Богъ вѣсть что написать къ женщинѣ, и это означаетъ только его самолюбіе, эгоизмъ и дерзость, а не преступленіе женщины.... Тебѣ кто-нибудь натолковалъ вздоръ.... кому ты показывалъ письмо?...

— NNN, отвѣчалъ Кабри.

— Онъ самъ приволакивался за твоею женою, и гнѣвается за то, что она осмѣяла его.

— Но все же NN. виноватъ, и я долженъ убить его! сказалъ Кабри.

— Это дѣло мы обдумаемъ съ тобою спокойно, на досугѣ, а теперь скажи, что случилось съ женою твоею.

— Она бѣжала изъ дому. У NN ее нѣтъ; можетъ-быть онъ гдѣ-нибудь спряталъ ее. Отыщи ее и возьми себѣ, сказалъ Кабри, прехладнокровно. Не ручаюсь за себя, и могу убить ее, въ припадкѣ гнѣва.

— Жена твоя здѣсь!

Кабри вскочилъ со стула.

— У тебя? спросилъ онъ быстро.

— Какъ можно, чтобъ она была у меня! Но вѣдь здѣсь трактиръ, а ты знаешь, что въ трактирѣ двери для каждаго открыты. Жена твоя у хозяйки, которая сжалилась надъ нею и призрѣла ее.

Кабри заложилъ ногу на ногу, согнулся, подперъ голову руками и задумался. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Пожалуйста, возьми себѣ эту женщину! Ты избавишь меня отъ большихъ хлопотъ!

— Это невозможно, возразилъ я. Какъ я могу взять къ себѣ чужую жену! Это у насъ не позволено и не водится, и я подвергнусь нареканію товарищей и начальника. Да и захочетъ ли жена твоя перейти отъ тебя ко мнѣ? Силою нельзя ее къ тому принудить; да и что скажетъ твой другъ и покровитель графъ Толстой....

Кабри сталъ бранить и графа и жену.

— Напрасно ты гнѣваешься на жену, любезный Кабри, сказалъ я: она ни въ чемъ не виновата, а виноватъ одинъ NN. Помиришь съ женою, попроси у нея прощенія въ томъ, что ты обидѣлъ ее, а съ NN мы послѣ справимся.

Тутъ я началъ льстить Кабри, припоминая ему, что онъ не Нукагивецъ, но Французъ, что женщины въ его отечествѣ, Франціи, пользуются уваженіемъ и снисходительностью муж-

челю, и что только трусы и подлые обвиняютъ обиды, безпомощнытъ, слабытъ женщины. Наговорилъ я ему много; даже притомъ чувствовалъ, что я готовъ помогать въ отпущеніи NN, за нанесенную обиду, и, наконецъ, мнѣ удалось успокоить дикаря, склонить его къ примиренію съ женою, и даже возбудить къ ней сожалѣніе и прежнюю привязанность.

— Быть такъ! сказалъ Кабри. Послушаюсь тебя; ты умнѣ меня и лучше знаешь, что здѣсь должно дѣлать. Пойдемъ къ женѣ!

— Зачѣмъ намъ свидѣтели! я приведу жену сюда, сказалъ я.

— И это правда! возразилъ Кабри. Вѣжу, что безъ тебя я надѣлалъ бы много глупостей, и не сдѣлалъ бы главнаго. Ступай за женою!

Госпожа Кабри знала, что мужъ ея у меня, и со страхомъ ожидала развязки этого свиданія. Разумѣется, что мы условились съ госпожею Кабри не говорить мужу, что она заходила ко мнѣ въ комнату, и она пошла со мною, взявъ съ меня слово защищать ее отъ мужа! Лишь-только госпожа Кабри переступила черезъ порогъ, дикій Французъ бросился на колѣни, и простиралъ къ ней руки, возопилъ «pardou (прости)!» Они примирились. Я велѣлъ подать завтракъ, угощать супруговъ, и заставивъ Кабри поклясться, что онъ примирился искренно и не обидитъ жены, отпустилъ ихъ домой.

Кабри, какъ я уже говорилъ, не признавался передъ Иваномъ Федоровичемъ Крузенштерномъ и передъ офицерами корабля *Надежды*, что онъ ѣлъ на островѣ Нукагивѣ человѣческое мясо, но графу И. О. Толстому и мнѣ онъ сказалъ, подъ секретомъ, что онъ участвовалъ въ пиршествахъ людоедовъ, и даже увѣрялъ, что человѣческое мясо чрезвычайно вкусно и походитъ на бужанину. Послѣ трагическаго происшествія съ женою, Кабри сталъ мнѣ часто выхвалять человѣческое мясо и приглашалъ съѣсть вмѣстѣ съ нимъ NN, котораго онъ непременно хотѣлъ убить. Положеніе мое было весьма затруднительное! Видя, что дѣло идетъ не на шутку, и что мнѣ невозможно отклонить Кабри отъ его намѣренія; я рассказалъ все доброму генералу фонъ-Кругену, прося его уладить дѣло тихо. Генералъ рѣшилъ, что одного изъ двухъ соперниковъ надлежало выслать изъ Кронштадта. Кабри былъ нуженъ для обученія плаванию воспитанниковъ штур-

манскаго училища и для отпирания подводныхъ шлюзовъ, а безъ одного подпоручика легко можно было обойтись. Я полагаю, что если вздумаютъ страшать Кабри, то этимъ еще болѣе раздражатъ его, и генералъ согласился съ моимъ мнѣніемъ. Онъ поѣхалъ къ инспектору морскихъ полковъ, генералу Ширкову, рассказалъ ему все дѣло, и генералъ Ширковъ чрезъ нѣсколько дней выслалъ NN въ Вологду, на смѣну офицера, находившагося тамъ при командѣ для приема рекрутъ и обученія ихъ на походѣ военнымъ приемамъ и эволюціямъ. Такимъ образомъ кончилось это дѣло, которое могло имѣть весьма дурныя послѣдствія.

Море вскрылось. Флотъ выступилъ на рейдъ, морскіе полки вышли въ лагерь, и въ Кронштадтъ прибыли для разѣзда казакъ и два эскадрона уланскаго Его Высочества полка. Въ числѣ уланскихъ офицеровъ былъ искренній другъ мой Жеребцовъ и нѣсколько добрыхъ пріятелей. Въ Кронштадтѣ подворилось веселіе. Генералъ Ширковъ, хлѣбосолъ въ высшей степени, давалъ обѣды и балы, на которые съѣзжались гости и дамы изъ Петербурга. Его Высочество удостоивалъ иногда своимъ посѣщеніемъ балы Ширкова. Многие богатые люди останавливались въ единственномъ кронштадтскомъ трактирѣ братьевъ Делапортовъ, въ которомъ я жилъ, и чтобъ не стѣснять его, я нанялъ квартиру по близости комендантскаго дома, хотя и въ другой улицѣ, въ домѣ мѣщанина Голяшкина.

Этотъ мѣщанинъ Голяшкинъ былъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ людей, какихъ мнѣ удалось встрѣтить въ жизни. Онъ остался навсегда въ моей памяти. Голяшкинъ былъ лѣтъ пятидесяти отъ рожденія, сухощавъ, хромъ, пилъ хлѣбное вино, и распѣвалъ пѣсни съ утра до ночи, всегда былъ веселъ, беспрестанно балагурилъ то съ домашними, то съ прохожими. Если бъ напечатать всѣ пѣсни, сказки, присказки, поговорки и поговорки, которыя Голяшкинъ зналъ наизусть, то вышло бы, навѣрное, двѣнадцать томовъ. Кроме-того, онъ зналъ множество текствъ изъ Священнаго Писанія, и часто вмѣшивалъ ихъ въ свои рѣчи. Нѣкоторые тексты, поговорки, поговорки и пѣсни онъ повторялъ всегда при извѣстныхъ случаяхъ. Такъ на примѣръ, раскупоривая, съ восхожденіемъ солнца, свой любезный полуштофикъ съ виномъ, Голяшкинъ всегда приговаривалъ: «Не упивайтесь виномъ, бо въ немъ есть блудъ». Потомъ ставилъ чайникъ; и подошедъ

къ моему окну, затягивалъ всегда одну и ту же пѣсню, начинающуюся словами:

Сонъ пріятенъ безъ досады,
На утренней на зорѣ!
На солнечномъ восходѣ и прочес.

Разбудивъ меня, онъ вносилъ чай и начиналъ балагурить. Но если я поздно ложился спать, то онъ не будилъ меня съ зарею. Часу въ девятомъ, а много въ десятомъ, Голяшкинъ ѣлъ каждый день яичницу, и всегда приносилъ мнѣ половину на тарелкѣ, съ поклонами, ужимками, съ пригѣвами и поговорками, начиная всегда священнымъ изрѣченіемъ:

«Спаси Господи люди твоя, и благослови достояніе твое!»

Голяшкинъ полюбилъ меня и даже привязался ко мнѣ, и я, видя доброе его сердце и притомъ находя развлеченіе въ его веселости, позволялъ ему балагурить. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей, дебелыхъ дѣвъ, совершенно въ купеческомъ вкусѣ, то есть, толстыхъ, жирныхъ, бѣлыхъ и румяныхъ. Онѣ жили въ вышкѣ, а мы съ Голяшкинымъ занимали весь нижній этажъ его небольшого, но красиваго домика, при которомъ былъ садикъ и огородъ. Не многіе изъ моихъ читателей знаютъ, что значитъ кокетство въ мѣщанскомъ званіи, особенно такое, какое тогда было въ Кронштадтѣ. Это были нравы временъ Петра Великаго, когда онъ быстро и внезапно отперъ двери въ теремахъ, въ которыхъ Русскія женщины были заключены, какъ древнія Гречанки въ своихъ гинекеяхъ. Разница съ прошлымъ временемъ была та, что жеманство и притворство заступили мѣсто прежней искренней стыдливости и цѣломудрія. Сердце измѣнилось, наружныя формы остались. Дочери Голяшкина, встрѣчаясь со мною, никогда не платили мнѣ поклономъ за поклонъ, но потупляли глаза, отворачивались или закрывались платкомъ, и отвѣчали на всѣ мои вопросы только: *да-съ* или *нѣтъ-съ*, а отвѣжавъ нѣсколько шаговъ, останавливались, лукаво посматривали и смѣялись вполголоса, подъ платкомъ. Когда я былъ дома, особенно когда у меня были въ гостяхъ товарищи, дебелыя лѣвы, сидя подъ окномъ въ своей свѣтелкѣ, распѣвали нѣжныя пѣсни громкимъ и пронзительнымъ дискантомъ. Иногда старикъ водилъ меня въ ихъ комнаты, и тогда они *старали* отъ стыда, склоняли голову, закрываясь своею работою (онѣ непрерывно шили для себя платье и *приданое*), и казалось, готовы были про-

валиться отъ робости сквозь землю. Двѣ комнаты ихъ были содержаны весьма чисто; полъ усыпанъ листьями зори или другой пахучей травы; передъ образами всегда теплилась лампада, и постели ихъ, со множествомъ подушекъ и пуховиковъ, доходили почти до потолка. Но всѣ эти кронштадтскія тигрицы были дики только до-тѣхъ-поръ, пока ловець бѣгалъ отъ нихъ! Голяшкинъ вовсе не заботился о томъ, что дѣлаютъ его дочери, и былъ счастливъ тѣмъ, что онѣ жирны и веселы. Онъ самъ ходилъ на рынокъ закупать съѣстные припасы, самъ пекся съ кухаркою и работникомъ о стряпнѣ и чистотѣ въ домѣ, о всемъ хозяйствѣ, предоставляя дочерямъ толстѣть, наряжаться и распѣвать пѣсни.

Голяшкинъ не рассказывалъ мнѣ исторіи своей жизни, въ послѣдовательномъ порядкѣ, но изъ его отрывчатыхъ разсказовъ узналъ я, что онъ родомъ Олончанинъ, пришелъ въ Кронштадтъ мальчикомъ-сиротою; былъ сперва золотаремъ, потомъ дрягилемъ (носильщикомъ), грузильщикомъ судовъ, переводчикомъ, потомъ сталъ торговцемъ корабельныхъ снастей, и, наконецъ, какъ онъ говорилъ, вышелъ въ отставку отъ всѣхъ дѣлъ, и сталъ жить припѣваючи (это было буквально правда), доходами съ небольшого своего капитала. Изъ разсказа его я догадался, что онъ будучи лодочникомъ или переводникомъ, занимался контрабандою, какъ почти всѣ тогдашніе кронштадтскіе жители. Теперь, только для забавы онъ имѣлъ свою собственную англійскую гичку, на которой прогуливался въ хорошую погоду, и часто возилъ меня на рейдъ или въ конецъ кронштадтской косы.

Говоря о высшемъ кронштадтскомъ обществѣ, я не сказалъ, какимъ образомъ я имѣлъ случай узнать его. Главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта былъ вице-адмиралъ Иванъ Михайловичъ Колокольцевъ, котораго жена Варвара Александровна (урожденная графиня Апраксина) была душевною пріятельницею сестры моей Искрицкой, какъ я уже говорилъ объ этомъ. И. М. Колокольцевъ и въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ жилъ чрезвычайно скромно и уединенно, и Варвара Александровна, добрая и умная женщина (смотри часть V, стр. 261 моихъ Воспоминаній) не любила принимать у себя гостей. Это дѣлала она не изъ скупости, но по характеру. Въ Кронштадтѣ, однако жъ, И. М. Колокольцевъ, по званію своему долженъ былъ давать обѣды и вечера, хотя весьма рѣдко. Добрая Варвара Александровна, которая славилась своею откровенностью и простотою обра-

щенія, говорила правду въ глаза и начальникамъ и подчиненнымъ, и старымъ и молодымъ, обходилась со мною, какъ съ сыномъ. Я заходилъ къ Варварѣ Александровнѣ иногда по утрамъ, но она принудила меня быть у ней на нѣсколькихъ вечерахъ, въ кругу кронштадтской аристократіи. Я уже сказалъ причину, почему мнѣ было скучно въ этомъ кругу. Кто привыкъ къ крѣпкимъ напиткамъ, тотъ, при ихъ недостаткѣ, предпочтетъ чистую свиху подмѣшанному виноградному вину (*vin frêlaté*). Мнѣ казалось лучше *de m'encanailler* чѣмъ томиться скукою и быть послѣднимъ въ жеманномъ обществѣ.

Однажды подѣхала къ дому Голяшкина коляска главнаго командира и лакей Варвары Александровны вызвалъ меня къ ней.

— Сестра твоя очень больна, сказала мнѣ она: я сама намѣрена навѣстить ее, а между-тѣмъ нельзя ли тебѣ отпроситься въ Петербургъ, чтобъ повидаться съ больною? Ко мнѣ пишетъ Александръ Михайловичъ, зять твой, что докторъ Гассе отчаявается въ ея жизни...

Варвара Александровна уѣхала, а я стоялъ на улицѣ, какъ громомъ пораженный. Искренно и душевно привязанъ я былъ къ сестрѣ моей Антонинѣ, съ которою почти не разлучался отъ самаго дѣтства, и рѣшился во что бы ни стало, навѣстить ее. Я сказался больнымъ.

Пароходы были еще въ головѣ Фультона. Ни промышленная и умная Англія, ни гениальный Наполеонъ не поняли Фультона. Наполеону казалось невѣроятнымъ, чтобъ можно было плавать по морямъ противу теченія и вѣтровъ, безъ парусовъ и веселъ, и опыты Фультона на рѣкѣ Сентѣ, впрочемъ не весьма блистательные, не могли убѣдить французскихъ механиковъ въ важности изобрѣтенія. Идея, возникшая въ головѣ Фультона, была гениальная, но для исполненія ея надобно было снаровки и опыта въ большомъ размѣрѣ. За это не принялись въ Европѣ, и вся слава изобрѣтенія пароходовъ принадлежитъ Сѣверо-Американцамъ. Нью-Йоркскій гражданинъ Броунъ построилъ первый пароходъ, въ 1807 году, и разрѣшилъ задачу Фультона. Покойный Павелъ Петровичъ Свиньинъ (основатель журнала Отечественныя Записки, оправдывавшаго подъ его редакціею свое заглавіе), возвратясь изъ Сѣверной Америки, въ

* Выраженіе непереводимое, почти то же, что *опростонародиться*.

1813 году, куда онъ, въ званіи чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, посыланъ былъ съ депешами къ генералу Моро, привезъ чертежъ и рисунокъ Броунова парохода, а Англичанинъ Бердъ построилъ первый пароходъ въ Петербургѣ. Никакая заслуга не должна быть забываема соотечественниками, и П. П. Свиньинъ, кромѣ полезныхъ своихъ литературныхъ трудовъ, приобрѣлъ право на благодарность потомства за привезеніе чертежа парохода и за внушеніе предприимчивому Берду мысли къ заведенію въ Россіи пароходства. До того времени сообщеніе Петербурга съ Кронштадтомъ происходило на парусныхъ большихъ ботахъ и на двадцати-четырехъ-весельныхъ катерахъ. Чтобъ получить мѣсто на нихъ, надлежало подвергнуться многимъ формальностямъ, но я рѣшилъ дѣло иначе.

— Послушай, Голяшкинъ, сказалъ я моему эксцентрическому хозяину: еще еси мужъ доблій*, свези меня въ Петербургъ на своей гичкѣ.

— Благо есть! отвѣчалъ онъ.

— И такъ ѣдемъ завтра!

— Ёдемъ! примолвилъ Голяшкинъ: и это будетъ первая моя поѣздка въ Петербургъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, сказалъ онъ.

Въ пять часовъ утра мы выѣхали изъ Кронштадта. Изъ гавани мы вышли на веслахъ, а когда обогнули Кронштадтъ, то поставили парусъ. Я сидѣлъ на рулѣ, а Голяшкинъ подъ парусомъ. Солнце сильно припекало и на горизонтѣ мелькали черныя пятна, которыя непрерывно сливались въ одну массу. Югозападный вѣтеръ благопріятствовалъ намъ; это былъ, по морскому выраженію, бейдевиндъ, то есть боковой. Голяшкинъ распѣвалъ пѣсенки, и каждую изъ нихъ запивалъ виномъ. Кажется, однакожь, что въ морѣ забылъ онъ свое правило: «душа мѣру знаетъ», а можетъ-быть и ранній морской воздухъ подѣйствовалъ на него, но я замѣтилъ, что языкъ его началъ путаться, и что онъ смѣшивалъ и слова и голоса разныхъ пѣсень. Между-тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ, и дулъ порывами. Волненіе становилось сильнѣе, и я увидѣлъ явленія, которыхъ прежде не видывалъ. Половина неба покрылась черными облаками, а другая половина была свѣтлая, и радуга красовалась не на небѣ, а въ морѣ. Внезапные порывы вѣтра быстро громоздили ог-

* Ни что такъ не нравилось Голяшкину, какъ церковный языкъ — нѣсколькокии фразами славянскими, можно было побудить его ко всему.

ромные валы, и вихрь разносилъ брызги длинными поло-сами, которыя свѣтились, какъ алмазы. Настала буря, а между-тѣмъ Голяшкинъ — опьянѣлъ совершенно. Онъ, однако жъ, имѣлъ столько силы и присутствія духа, что успѣлъ снять парусъ, по сильному моему настоянію. Страшнѣе всего для меня было то, что Голяшкинъ не сидѣлъ смирно, на своемъ мѣстѣ, вскакивалъ, перегибался чрезъ бортъ, и могъ опрокинуть гичку, которая быстро перепрыгивала съ вала на валъ. Слушая рассказы моряковъ о буряхъ и морскихъ опасностяхъ, я запомнилъ, что въ бурю надобно убирать паруса и плыть поперегъ валовъ, и теперь воспользовался урокомъ. Помнилъ я также хорошо *Всемирнаго Путешественника*, аббата Шрево, мою любимую книгу, и зналъ, что когда нѣтъ надежды выдержать штурмъ въ открытомъ морѣ, то лучше разбиться у песчаного берега. Рулемъ я умѣлъ править, то есть, зналъ, какъ поворачивать судно, а потому, вмѣсто того, чтобъ править прямо, я плылъ косою линіею, къ правому (отъ Кронштадта) берегу. Въ это время дождь полился ливнемъ, и стало такъ темно, что едва можно было видѣть за нѣсколько шаговъ. Только по ужасному шуму волнъ, разбивающихся о камни и о берегъ, догадывался я, что земля близко. Страхъ и сырость выгнали половину виновныхъ паровъ изъ головы Голяшкина. Онъ смотрѣлъ на меня осовѣлыми глазами, ворчалъ что-то про себя, но уже сидѣлъ смирно. Вдругъ раздался трескъ, и гичка наша, сброшенная съ вершины вала на огромный камень, — разбилась.... Мы упали въ море....

Я уже говорилъ, что не выучился плавать. Но, по счастью, это случилось въ виду берега, на мели. Вода была по грудь. Поднявшись на ноги, я сталъ искать глазами Голяшкина.... Онъ стоялъ возлѣ камня, держась за острый его уголь, и подаль мнѣ одинъ конецъ весла, которое онъ машинально схватилъ въ руки, когда наша гичка разбилась. Оба мы, упавъ въ море нечаянно, хлѣбнули порядочно воды, и это произвело операцію, которая совершенно отрезвила Голяшкина. — Мы стояли за камнемъ, на подвѣтренной его сторонѣ, и волны переливались чрезъ насъ. Голяшкинъ сказалъ мнѣ, чтобъ я пособилъ ему взобраться на камень, чтѣ я и исполнилъ. Онъ раздѣлся донага, связалъ свое платье въ узелъ, и спрыгнулъ въ море. Бояться ему было нечего, потому-что онъ плавалъ какъ утка. Испытывая глубину весломъ, Голяшкинъ пошелъ впередъ къ

берегу, и приказалъ мнѣ держаться за кушакъ, привязанный однимъ концемъ къ его рукѣ, и несть его платье, сказавъ, что если случится глубокое мѣсто, то онъ переплыветъ и перенесетъ меня на себѣ. Не знаю, сдержалъ ли бы онъ свое обѣщаніе, но по счастью въ этомъ не было нужды, и мы дошли, хотя съ величайшимъ трудомъ, до берега. Почти безъ силъ бросились мы на землю. — Мы прошли въ водѣ по грудь и по шею, можетъ-быть съ версту, но еслибъ еще пришлось итти столько, я бы не выдержалъ. Я былъ въ одеждѣ и въ сапогахъ.... Шинель я сбросилъ и тащилъ за собою въ водѣ. Отдохнувъ нѣсколько, я снялъ съ себя сапоги, раздѣлся, и только прикрытый мокрою шинелью, пошелъ искать убѣжища. Голяшкинъ тоже пошелъ нагой, прикрывшись кафтаномъ.

Теперь фizioномія всего берега отъ Петербурга до Ораніенбаума совершенно измѣнилась. Тогда не было столько дачъ; вняны деревни стояли на другихъ мѣстахъ, а много чухонскихъ семействъ жили, по своему древнему обычаю, отдѣльно. Мы прибрели въ одну чухонскую деревушку, всего въ три двора, находившуюся по близости моря, на такъ-называемой *нижней дорогѣ*. Разумѣется, что насъ приняли радушно, затопили тотчасъ печь, чтобъ высушить наше платье и обогрѣть насъ самихъ, уложили на свѣжей соломѣ, и покрыли хорошими новыми тулупами. Первый вопросъ Голяшкина былъ: есть ли по близости кабакъ? Къ досадѣ Голяшкина, кабака не было вблизи, и онъ отправилъ парня за виномъ въ двуколесной таратайкѣ. Я далъ денегъ на пѣлое ведро вина и на полсотни калачей, чтобъ угостить всѣхъ жителей этой деревушки, и заснулъ отъ изнеможенія. Голяшкинъ послѣдовалъ моему примѣру.

Голяшкинъ разбудилъ меня часу въ седьмомъ по полудни. Онъ былъ уже одѣтъ и на-веселѣ. Мое платье также высохло. Пока я спалъ, Голяшкинъ успѣлъ, отъ моего имени, угостить всю деревню, всего человѣкъ пятнадцать и съ бабами, и самъ порядкомъ подгулялъ.

— Куда теперѣ ѣхать, въ Кронштадтъ или въ Петербургъ? спросилъ Голяшкинъ.

— Разумѣется, въ Петербургъ, отвѣчалъ я.

— А мнѣ зачѣмъ туда! возразилъ Голяшкинъ: гичка моя пропала, а вы доѣдете и безъ меня, сухимъ путемъ. Я ворочусь въ Кронштадтъ чрезъ Рамбовъ (то есть, Ораніенбаумъ).

— Дѣлай какъ хочешь и какъ знаешь, сказалъ я.

Я нанялъ лошадь съ таратайкой до Петербурга, и простился съ Голяшкинымъ, приказавъ ему никому не говорить о нашемъ приключеніи, и если спросятъ обо мнѣ, отвѣчать всѣмъ, что я поѣхалъ на рейдъ или на косу, къ доктору. Мы разстались.

По счастью, верстахъ въ трехъ отъ деревушки, на большой дорогѣ я нашелъ у харчевни извозничью карету, возвращавшуюся въ Петербургъ безъ сѣдковъ, и доѣхалъ спокойно въ городъ.

Въ Петербургѣ я пробылъ только сутки, не выходя изъ дома моего зятя. Болѣзнь сестры моей, благодаря Бога, приняла благопріятный оборотъ. У нея былъ нарывъ въ горлѣ, который прорвался наканунѣ. Но докторъ, для избѣжанія всякаго волненія, запретилъ мнѣ видѣться съ сестрою. Я только взглянулъ на нее изъ дверей, во время ея сна, и отправился въ обратный путь, на галіотѣ съ пенькою.

III.

На другое утро явился я къ моему доброму генералу И. И. фонъ Клугену. Онъ рѣдко улыбался и всегда казался угрюмымъ и серьезнымъ, и надобно было знать его коротко, чтобъ постигнуть всю мягкость и все благородство его души.

— Чѣмъ вы были больны? спросилъ онъ меня.

— Я страдалъ головою болью, отвѣчалъ я.

— Изъ всего я замѣчаю, что вы подвержены частымъ *головокруженіямъ*, и я совѣтую вамъ серьезно лечиться, потому-что это можетъ довести васъ до большаго несчастія, возразилъ генералъ, отвернувшись, чтобъ скрыть отъ меня улыбку.

Я молчалъ, понявъ намекъ.

— Что-жъ вы дѣлали во время вашей болѣзни? спросилъ генералъ, шуточнымъ тономъ.

— Спалъ, отвѣчалъ я.

— А что вамъ снилось? примолвилъ онъ.

— Мнѣ снилось, будто сестра моя была при смерти больна, будто я отправился въ Петербургъ на яликѣ, будто яликъ разбился во время бури, и я едва не утонулъ.

Я рассказалъ генералу мое приключеніе во всей подробности, какъ будто все это было во снѣ.

— Любезный другъ, сказалъ генералъ: кто наяву дѣлаетъ

глупости, тому снятся страшные сны. Надѣюсь, однако жъ, что этотъ сонъ, о поѣздкѣ въ Петербургъ, будетъ послѣдній....

Нѣжнѣе и благороднѣе нельзя было поступить, и я далъ слово, что этихъ сновъ больше не будетъ, и сдержалъ мое обѣщаніе.

Съ одной стороны судьба тяготила меня, а съ другой нѣжила. Отецъ родной не могъ бы нѣжнѣе обходиться со мною, какъ обходился мой добрый генералъ Иванъ Ивановичъ фонъ Клугенъ!

Внезапно онъ заболѣлъ, отъ простуды, послѣ бала у генерала Ширкова. На старости, каждая болѣзнь сопряжена съ опасностью жизни. Я помѣстился у него и не отходилъ отъ его постели. По счастью, камердинеръ его былъ мнѣ преданъ и позволилъ это. Въ первые дни у генерала были припадки горячки, при совершенномъ упадкѣ силъ. Онъ часто забывался и даже бредилъ. Я самъ давалъ ему лекарство, сидѣлъ при немъ ночи напролетъ, подавалъ питье, и наблюдалъ, чтобъ онъ не раскрывался. Докторъ предписалъ тренія, и я самъ натиралъ его по всему тѣлу. Дней черезъ десять опасность прошла, но я такъ утомился непрерывнымъ бдѣніемъ, и такъ разстроился внутреннимъ потрясеніемъ, что самъ долженъ былъ прибѣгнуть къ совѣтамъ врача. Генералъ чувствовалъ мое самоотверженіе и привязанность, но не сказалъ мнѣ ни одной обычной благодарственной фразы. Когда онъ впервые всталъ съ постели, въ присутствіи врача и нѣсколькихъ изъ своихъ любимыхъ офицеровъ, онъ не хотѣлъ ни чьей помощи, и оперся на меня, пожавъ при этомъ крѣпко мою руку.

— Я не обманулся въ *тебѣ*, прошепталъ онъ.

Съ этихъ поръ онъ началъ называть меня *ты*, а до-тѣхъ-поръ всегда употреблялъ *вы*.

Во время выздоравливанія (*convalescence*), генералъ часто проводилъ вечера въ разговорахъ со мною. Какъ всѣ старые воины, онъ любилъ вспоминать о походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ самъ участвовалъ. Да и можетъ ли быть иначе! Ничего нѣтъ пріятнѣе и сладостнѣе, какъ воспоминаніе минувшихъ трудовъ и опасностей. Кто не терпѣлъ нужды, не рисковалъ жизнью, не бѣдствовалъ, тотъ не можетъ имѣть понятія о счастіи.

Генералъ мой, Иванъ Ивановичъ фонъ-Клугенъ, не получилъ основательнаго школьнаго образованія, потому что, по

тогдашнему обычаю, вступилъ въ весьма молодыхъ лѣтахъ въ военную службу. Но онъ надѣленъ былъ отъ природы здравымъ разсудкомъ, котораго нельзя приобрѣсть ни въ какой школѣ, и находясь при нѣсколькихъ штабахъ, во время своей службы, какъ говорится *понатерся*, возлѣ людей вышшаго образованія. Онъ даже былъ въ пріязни съ знаменитымъ германскимъ писателемъ и единственнымъ практическимъ философомъ, Зейме. Тогда я вовсе не зналъ этого писателя, и слушалъ хладнокровно рассказы генерала объ этомъ необыкновенномъ чловѣкѣ, бывшемъ сперва воспитателемъ дѣтей у генерала графа Игельстрома, потомъ исполнявшемъ должность его секретаря, въ званіи подпоручика русской службы. Генераль говорилъ мнѣ о великомъ Суворовѣ такія вещи, какихъ я не нашелъ ни въ одной книгѣ, и вѣроятно это мнѣніе сообщено И. И. фонъ Клаугену знаменитымъ Зейме.

«Теперь еще рано судить о Суворовѣ,» сказалъ мнѣ однажды генераль. (Это было говорено только девять лѣтъ спустя послѣ смерти героя, скончавшагося 12 мая 1800 года). Всѣ ставятъ Наполеона выше Суворова, и весьма многіе не только изъ чужеземцевъ, но и изъ своихъ, даже не признаютъ въ Суворовѣ великихъ качествъ полководца, и называютъ его *храбрымъ гренадеромъ*, который побѣждалъ быстрымъ натискомъ и рѣшительностью, не сберегая жизни своихъ храбрыхъ солдатъ. Говорятъ, изъ всѣхъ кампаній Суворова нельзя извлечь ни одного правила для тактики и стратегіи, и что все его искусство ограничивалось: «ура, впередъ, въ штыки!» Въ обвиненіяхъ можетъ быть нѣсколько истины, но обвинители не изслѣдовали причинъ, которыя заставляли Суворова дѣйствовать такъ, а не иначе. Суворовъ только одного Кутузова (Михаила Илларионовича, въ послѣдствіи фельдмаршала и свѣтлѣйшаго князя) почиталъ генераломъ способнымъ къ высокимъ стратегическимъ соображеніямъ. Всѣмъ другимъ генераламъ онъ не довѣрялъ. Любимцевъ своихъ князя Багратіона и генерала Милорадовича, молодыхъ, * храбрыхъ, пылкихъ воиновъ, Суворовъ называлъ своими *орлами*, *штыковыми* генералами — но боялся основывать успѣхи на ихъ соображеніяхъ. Онъ уважалъ генераловъ Дерфельдена, Буксгевдена и нѣкоторыхъ другихъ,

* Въ италіанскую кампанію 1799 года, князю Багратіону было тридцатьчетыре года отъ рожденія (родъ въ 1765 году), а Милорадовичу двадцатьдевять лѣтъ (родъ въ 1770 году).

но довѣрялъ вполнѣ только русской храбрости и побуждалъ ея, умѣвъ возбудить въ солдатахъ неограниченную къ себѣ довѣренность. — «*Богъ намъ генералъ!*» повторялъ часто Суворовъ. Но тѣ, которые близко знали Суворова, и съ которыми онъ говорилъ серьезно (а такихъ было весьма немного), утверждаютъ, что Суворовъ не уступалъ ни одному полководцу въ военномъ искусствѣ, съ тою разницею, что онъ не любилъ раздроблять войско на отдѣльные отряды, но дѣйствовалъ совокупными силами. Хотя Римскій-Корсаковъ и не виноватъ былъ въ претерпѣнномъ пораженіи подъ Цирихомъ, потому-что, вопреки общему плану, оставленъ былъ Австрійцами, но Суворовъ подкрѣплялъ этимъ несчастнымъ событіемъ свою недовѣрчивость къ отдѣльнымъ корпусамъ. — «Германа съѣли въ Голландіи, а Корсакова не доѣли въ Швейцаріи,» сказалъ однажды Суворовъ генералу Дерфельдену, отъ котораго я слышалъ это: а будь онъ при мнѣ съ своимъ корпусомъ — мы бы, чрезъ четыре мѣсяца, воспѣвали вмѣстѣ въ Парижѣ: «Тебе Бога хвалимъ!» — Суворовъ былъ великій мужъ въ полномъ смыслѣ слова, но онъ хотѣлъ дѣйствовать вездѣ *одинъ*, съ своими солдатами, и всѣ свои побѣды приписывалъ Богу и солдатамъ!»

Это сужденіе о Суворовѣ осталось навсегда въ моей памяти, и когда въ послѣдствіи я сталъ изучать кампаніи этого великаго полководца, то вполнѣ удостовѣрился въ справедливости сказаннаго генераломъ фонъ-Клугеномъ. Суворовъ точно не любилъ дѣлиться съ другими славою побѣдъ, и дѣйствовалъ болѣе солдатскою храбростію — натискомъ и быстротою, чѣмъ маневрами. Жаль, что Суворову не пришлось сражаться противу Наполеона! Я убѣжденъ, что Суворовъ противу маневрированія Наполеона изобрѣлъ бы противодѣйствіе.

Разсказывая о Финляндской войнѣ, я упомянулъ о происшествіи въ Вазѣ, искаженномъ и преувеличенномъ въ иностранныхъ газетахъ. — «Это царапина въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ въ моей жизни!» сказалъ генералъ. «Императоръ Александръ заслужилъ на вѣчную славу и на благословеніе потомства за уничтоженіе стариннаго варварства и введеніе челоуѣколюбія въ войнахъ. Встарину, каждый городъ, взятый штурмомъ, былъ отдаваемъ солдатамъ на ихъ про-

* Это доказано теперь собственноручными письмами Суворова къ разнымъ лицамъ, отчасти напечатанными, и свидѣтельствомъ Фукса въ его анекдотахъ о Суворовѣ.

изволь, въ награду за ихъ мужество. Таковъ былъ обычай! А чего можно ожидать отъ разъяреннаго, взбѣшеннаго солдатства! Грабежъ, насилие, убійства оканчивали всегда побѣду. Ты помнишь слова, въ тактикѣ Суворова: «Взялъ городъ, взялъ лагерь — все *твое!*» Признаюсь тебѣ, что я самъ тогда не постигалъ, чтобъ могло быть иначе! Въ жизни моей я былъ два раза въ аду — на штурмѣ Измаила и на штурмѣ Праги.... Страшно вспомнить!...»

По моей просьбѣ, генералъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности о штурмѣ Праги и предшествовавшихъ событіяхъ въ Варшавѣ. Сообщая воспоминанія очевидца, я считаю необходимымъ присовокупить нѣкоторыя предварительныя извѣстія о тогдашнихъ польскихъ дѣлахъ, почерпнутыя мною не изъ книгъ, а изъ разсказовъ другихъ наочныхъ свидѣтелей.

Въ политикѣ не имѣютъ мѣста поэзія и чувствительность. Когда идетъ дѣло о пользѣ, покоившіи, благоденствіи отечества, — хоть плачь, а дѣлай, что нужно. Чудовищное устройство прежней Польши, посреди трехъ самодержавныхъ государствъ, Россіи, Австріи и Пруссіи, не могло существовать безъ возбужденія въ сосѣдяхъ безпокойства и крайней осторожности. Польское королевство называлось *Речью Посполитою*. Это была эпитафия на республику и на королевство. Король не имѣлъ въ королевствѣ никакой власти, а польскаго народа вовсе не существовало въ республикѣ, потому-что средняго сословія изъ туземцевъ вовсе не было, а поселяне были въ угнетеніи и въ рабствѣ. Въ городахъ Нѣмцы и Жиды занимались ремеслами и торговлею, съ весьма малыми исключеніями. Мнимую республику составляло шляхетство, то есть дворянство, присвоившее себѣ всю власть, и между шляхетствомъ богатство замѣняло всѣ достоинства. Бѣдное дворянство было подвержено такому же угнетенію, какъ мѣщане и поселяне. Религіозный фанатизмъ, возбужденный Іезуитами, погасившими истинное просвѣщеніе въ Польшѣ, возжегъ взаимную ненависть и раздоры въ дворянскомъ сословіи, которое и явно и тайно вредило общему дѣлу, желая погубить личныхъ враговъ своихъ. Всѣ чувствовали недостатки государственнаго устройства, но никто не могъ предпринять улучшеній, потому-что дворянство не хотѣло уступить правъ своихъ, и сеймы не соглашались на увеличеніе податей. Какое же можно предпринять улучшеніе безъ денегъ, безъ войска, безъ повнomo-

всѣмъ властямъ? Знаменитый польскій писатель Нарушевичъ, въ своихъ безсмертныхъ сатирахъ вѣрно изобразилъ нравы польскаго шляхетства въ осемнадцатомъ вѣкѣ.

Всѣ польскіе писатели, даже эмигранты, писавшіе по внушенію страстей о дѣлахъ Польши, единогласно признаются, что въ осемнадцатомъ вѣкѣ развратъ (corruption) политическій и правительственный (административный) былъ въ Польшѣ на высочайшей степени! Жаловались и жалуется на безнравственность иностранныхъ державъ въ дѣла тогдашней Польши, а кто же приглашалъ къ этому чужеземныя державы, если не самъ король польскій и не польскіе паны! Значительнѣйшіе вельможи, изъ корыстныхъ видовъ, предлагали свои услуги иностраннымъ державамъ, противу выгоды собственнаго отечества; другіе дѣйствовали въ цѣли сверженія съ престола короля Станислава Августа и пріобрѣтенія для себя королевскаго достоинства. Вся Польша была раздѣлена на партіи, безъ единства власти и воли. Обвинять некого — сами Поляки во всемъ виноваты! Не стану повторять уже извѣстнаго и возобновлять упреки, руководствуясь правиломъ умнаго Капюга (Capéfigue): «le respect du malheur est un des plus nobles instincts de la nature humaine.»

Само по себѣ разумѣется, что и въ тогдашней Польшѣ, какъ и въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, были люди умные, честные и благомыслящіе; но они вездѣ, хотя бы даже составляли большинство, не могутъ противостоятъ буйнымъ порывамъ страстей, возмущаемыхъ въ массѣ народа интригантами, вродохами, корыстолюбцами и эгоистами.

Къ стыду человѣчества, благородный Андрей Замоискій, предложившій на Сеймѣ 1790 года уничтоженіе Швергин вето (pierozwolat) и подтвержденіе правъ для средняго и сельскаго сословія, былъ объявленъ *измѣнникомъ отечества!* И гдѣ же? въ Польшѣ, называвшейся республикою! Французская революція 1789 года вскружила умы воспламенительныхъ Поляковъ, и въ Польшѣ составлялась сильная партія, подъ вліяніемъ аббата Гугона Коллонтая, для преобразованія всѣхъ государственныхъ учрежденій. Но за дѣло принялись не такъ какъ слѣдовало, и вмѣсто учрежденія сильныхъ монархическихъ началъ, могшихъ успокоить сѣднія государства, принялись распространять якобинскія правила, и учредили политическую пропаганду, которая угрожала сосѣднимъ государствамъ. Свобода книгопечатанія, не зная

никакихъ предѣловъ приличія, оскорбляла личность всѣхъ, и даже сосѣднихъ государей, угрожая всѣмъ престоломъ. Такое положеніе государства не могло быть терпимо тремя сильными сосѣдями, и рѣшено было, по плану, составленному прежде Фридрихомъ-Великимъ, уничтожить гнѣздо раздора и пропаганды въ восточной Европѣ.

Не стану описывать народнаго возстанія, избравшаго въ начальники Костюшку. Добродѣтельный, благородный, но мягкій и добродушный Костюшко былъ не способенъ къ управленію народомъ въ это время. Всю власть присвоили себѣ якобинцы, вопреки общему мнѣнію, предоставляя Костюшкѣ борьбу съ иноземными войсками въ открытомъ полѣ. Боясь лишиться любви народной и его довѣренности (*popularité*), Костюшко, хотя неохотно, утверждалъ всѣ дѣйствія временнаго революціоннаго правленія, которое пострадало рабски французскому Национальному Конвенту. Недостижимо, какъ умные и серьезные люди въ Польшѣ могли подписывать, безъ смѣха, публичные акты, съ заголовками: *вольность, равенство, независимость* (въ подражаніе французскимъ: *liberté, égalité, fraternité*), и какъ порядочные люди могли читать это безъ негодованія! Стоило только оглянуться кругомъ, или вспомнить о польскихъ селахъ и городишкахъ или мѣстечкахъ, чтобъ убѣдиться, что все это вздоръ и одна болтовня!

Двоюродный дядя мой Станиславъ Булгаринъ, Староста Яловскій, человекъ умный и положительный, отличившійся въ зрѣлыхъ лѣтахъ искреннею преданностью къ русскому правленію, и поставившій даже въ обязанность четыремъ своимъ племянникамъ (дѣтямъ двухъ своихъ сестеръ) графу Михаилу Тиману и тремъ Гоувальтамъ (Северину, Жоржу и Христофору) служить въ русской военной службѣ, подъ опасеніемъ лишенія наслѣдства, — рассказывая мнѣ многое о послѣднемъ возстаніи, подѣ начальствомъ Костюшки, сообщалъ между прочимъ слѣдующій анекдотъ: «Не могу вспомнить безъ жалости и безъ смѣха, сказалъ мнѣ дядя, до какой степени мы, молодые люди тогдашняго времени, были глупы и заблуждены! Я служилъ волонтеромъ въ войскѣ, и находился въ свѣтѣ Костюшки, при его особѣ. Однажды когда у Костюшки, стоявшаго лагеремъ возлѣ Воли (близъ Варшавы), было много гостей, за обѣдомъ полученъ пукъ парижскихъ газетъ, провезенныхъ тайно черезъ Германию. Костюшко вскрылъ пакетъ и, заглянувъ въ газе-

ты, бросилъ ихъ на полъ, воскликнувъ : «Робеспьеръ погибъ!» Мы вѣрили тогда въ величіе и филантропію этого кровожаднаго эгоиста, и надѣялись, что онъ, сдѣлавшись диктаторомъ Франціи, вышлетъ намъ на помощь войско! Глупѣе и несбыточнѣе этого ничего не могло быть на свѣтѣ, но мы вѣрили, потому что тогдашніе правители Польши увѣряли насъ въ этомъ! Смерть Робеспьера, котораго я растерзалъ бы теперь собственными руками, до такой степени поразила меня, что я вышелъ изъ-за стола, удалился въ садикъ, примыкавшій къ квартирѣ Костюшки, и заплакалъ навзрыдъ! Самъ по себѣ я былъ ничто, но я выражалъ мнѣніе высшаго круга....» Спрашивается, послѣ этого, какими глазами должны были смотрѣть Россія, Австрія и Пруссія на Польшу, ожидавшую спасенія отъ Робеспьера?

Французская революція до такой степени ослѣпила тогдашнихъ польскихъ политиковъ, что они вообразили, будто Польша можетъ, подобно Франціи, бороться съ тремя державами! Въ подражаніи Франціи недоставало въ Польшѣ только самоуправства черни и кровопролитія — и это сочинили польскіе якобинцы въ Варшавѣ!

Въ Варшавѣ было около осьми-тысячъ русскихъ войскъ, введенныхъ по желанію короля и партіи пановъ, искавшихъ русскаго покровительства. Русское войско было подъ начальствомъ генерала барона Игельстрема, который въ то же время былъ русскимъ посломъ при королѣ Станиславѣ Августѣ.

Двуличіе, нерѣшительность и слабодушіе короля не могли возбудить къ нему уваженія русскихъ сановниковъ, находившихся при немъ въ разное время въ званіи пословъ. Князь Рѣнинъ, графъ Штакельбергъ и баронъ Игельстремъ обходились съ королемъ не только безъ обиняковъ, но часто весьма круто, не соблюдая ни въ бумагахъ, ни въ словахъ, ни въ поступкахъ, извѣстныхъ дипломатическихъ формъ, отличающихся утонченностью и вѣжливостью, даже въ самыхъ непріятныхъ отношеніяхъ между дворами. Польское общество основано было въ то время на интригахъ, и почти каждый польскій дворянинъ, участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ, по выборамъ или по королевскому назначенію, помышлялъ болѣе о себѣ чѣмъ объ отечествѣ, стремясь единственно къ приобрѣтенію старости или доходныхъ мѣстъ. Баронъ Игельстремъ, находясь въ тѣсной связи съ одною изъ первыхъ красавицъ того времени, графинею Залусскою

(урожденною Пиотровичевою), на которой впоследствии женился, увлеченъ былъ въ борьбу партій и вмѣшивался въ частныя и въ административныя дѣла Польши, не имѣвшія ни какого отношенія къ политикѣ, дѣйствуя самовластно, то есть, заставляя короля поступать по желанію графини Залусской. Она господствовала въ Польшѣ, раздавала мѣста, староства, ордена и денежныя награды. Возстала противу этой власти сильная партія, и началась явная борьба.

Европейскіе писатели истоцились въ изображеніи характеровъ, и наконецъ должны были прибѣгнуть къ уродливымъ вымысламъ; но есть еще нѣкоторые характеры, ускользнувшіе отъ пронипательности авторовъ. Самый любопытный характеръ — это характеръ *дѣловой Польки*. Первый польскій поэтъ Мшцкевичъ, въ литовской балладѣ *Три Будриса* (Trzech Budrysow), воспѣвая любезность Полекъ, сравнилъ ихъ съ *молодыми кошечками*. Я принимаю это сравненіе въ полномъ и настоящемъ его смыслѣ. Всѣ звѣри кошачьей породы, отъ кошки до тигра и леонарда, чрезвычайно красивы и ловки во всѣхъ движеніяхъ—но это самая коварная порода изъ всѣхъ хищныхъ породъ. Кошка укрощена человѣкомъ, и сдѣлалась домашнимъ животнымъ, но она сохранила много инстинктовъ своей породы, особенно коварство; она бьется человѣка равнодушнаго къ ней, и царапаетъ только тѣхъ, которые ее любятъ, ласкаютъ и играютъ съ нею. Каждый Самсонъ, пришедшій въ Польшу, нашелъ свою Ленгу, каждый Геркулесъ имѣлъ свою Дяниру.

Среди интригъ, возбуждаемыхъ корыстью и самолюбіемъ, образовался заговоръ ко всеобщему возстанію въ Польшѣ и къ избавленію ея отъ всякаго чужеземнаго вліянія, то есть предпринято дѣло и нравственно и физически *невозможное*. Заговорщики вознамѣрились подать примѣръ истребленіемъ русскихъ войскъ, находившихся въ Варшавѣ. Гугонъ Колонтай, душа заговора, почитается человѣкомъ умнымъ, но гдѣ былъ умъ его, когда онъ выдумалъ это! Ужели онъ и его сообщники не предвидѣли, какія послѣдствія повлечетъ за собою поступокъ, который ни чѣмъ не могъ быть оправданъ! Заговорщики должны были предвидѣть, что честь Россіи потребуетъ примѣрнаго отмщенія за измѣнительское избіеніе воинновъ, безъ предувѣдомленія о началіи военныхъ дѣйствій, и что слабая Польша должна погибнуть.... Удивительное ослѣпленіе!

Основаніе этого заговора казалось генералу Игельстрему такъ глупо, что онъ сперва вовсе не вѣрилъ предостереженіямъ графини Залусской, полагая, что ее страшатъ, чтобы заставить его удалиться съ войскомъ изъ Варшавы. Въ этомъ мѣнѣи онъ еще болѣе укрѣпился, когда король посовѣтовалъ ему выступить изъ Варшавы, для предупрежденія кровопролитія. Однако жъ баронъ Игельстремъ приказалъ войску быть осторожнымъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удвоилъ караулы, далъ имъ пушки, и наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ польскихъ пановъ, приверженцевъ Россіи, рѣшился взять подъ стражу самыя подозрительныя лица. Это должно было быть $\frac{6}{18}$ апрѣля (1794 года).

Бунтъ въ Варшавѣ вспыхнулъ наканунѣ, $\frac{5}{17}$ апрѣля, въ три часа утра. Польскія регулярныя войска, вмѣстѣ съ возбужденными гражданами напали внезапно на русскіе караулы, овладѣли арсеналомъ и пороховымъ магазиномъ, раздали оружіе и боевые патроны народу, и сраженіе сдѣлалось общимъ. Генералъ Игельстремъ не предвидѣлъ такой скорой развязки. Русское войско было раздроблено на малые отряды, между которыми пресѣчено было всякое сообщеніе. Это именно способствовало успѣху возстанія. Домъ, который занималъ генералъ Игельстремъ, былъ атакованъ и защищаемъ съ величайшимъ съ обѣихъ сторонъ упорствомъ, и наконецъ взятъ бунтовщиками. Генерала Игельстрема спасла графиня Залуская и нереодѣтаго вывезла изъ Варшавы. Русскіе, пробиваясь штыками чрезъ толпы мятежниковъ, должны были выступить изъ Варшавы. По отступающимъ Русскимъ стрѣляли изъ оконъ и съ крышъ домовъ, бросали на нихъ бревна и все, что можетъ причинить вредъ, и изъ 8000 Русскихъ погибло 2,200 человекъ, а въ плѣнъ взято 260, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ дамъ и дипломатическихкихъ чиновниковъ. Нѣсколькими днями позже, то же самое повторилось въ Вильнѣ, гдѣ было Русскихъ до 3,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Арсеньева, который былъ убитъ во время мятежа.

Поляки, бывшіе въ Варшавѣ во время бунта, говорятъ, что если бъ русскій отрядъ былъ сосредоточенъ, имѣлъ при себѣ всю свою артиллерію, и если бъ арсеналъ и пороховой магазинъ были во власти Русскихъ, что было весьма легко, то возстаніе было бы усмирено при самомъ его началѣ.

Революціонеры не довольствовались событіями $\frac{5}{17}$ и $\frac{6}{18}$ апрѣля; имъ надобно было повторить парижскія сцены *арс-*

люди ужата (temps de la terreur) во всей ихъ красѣ — и это было, ¹⁶/₂₀ іюня. Вобунтованная клубистами варшавская чернь потребовала наказанія польскихъ пановъ, взятыхъ подъ стражу ⁵/₁₇ и ⁶/₁₈ апрѣля, по подозрѣнію въ преданности русскому правительству и въ слѣдствіе сношеній съ русскимъ посольствомъ, что обнаружилось по осмотрѣ бумагъ, найденныхъ въ домѣ генерала Игельстрема. Когда революціонное правленіе отказалось наказывать безъ слѣдствія и суда, чернь, предводительствуемая клубистами, ворвалась въ тюрьму и повѣсила, всенародно, до двѣнадцати польскихъ пановъ. Въ Вильнѣ повторилось то же. Тамъ не пощадили даже епископа, изъ значительной литовской фамиліи. Едва ли не первый примѣръ въ католическомъ государствѣ, что епископъ преданъ былъ всенародно позорной казни.

Къ чести Костюшки должно сказать, что онъ не только не одобрялъ этого звѣрскаго самоуправства революціонеровъ, но даже приказалъ повѣсить въ Варшавѣ семерыхъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, и обезоружить варшавскихъ гражданъ, а тайнымъ предписаніемъ временному правленію велѣлъ составить отрядъ національной гвардіи изъ самыхъ отчаянныхъ забіякъ и помѣстить на опаснѣйшемъ мѣстѣ на пражскихъ укрѣпленіяхъ. Въ прокламаціяхъ къ народу Костюшко изобразилъ рѣзко всю гнусность поступка черни и ея поджигателей, и угрожалъ беспощаднымъ наказаніемъ за всякое самоуправство, равно какъ и за оскорбленіе плѣнныхъ.

Но три сосѣднія державы уже рѣшили участь Польши. Костюшко разбитый сперва подъ Щекотинами, Пруссакими, а потомъ подъ Мацѣвицами, генераломъ барономъ (потомъ графомъ) Ферзенемъ, взятъ въ плѣнъ. Краковъ находился уже во власти Пруссаковъ, а Суворову поручено было кончить дѣло, разъ навсегда.

Разбивъ отдѣльные отряды въ Литвѣ, Суворовъ быстро подступилъ къ Прагѣ, гдѣ собрано было лучшее польское войско и находились всѣ самые пламенные патриоты, рѣшившіеся побѣдить или умереть. Начальникомъ народа, вмѣсто Костюшки, былъ избранъ Тома (Thomas) Вавржецкій, также Литовець родомъ.

У Суворова было отъ 22,000 до 25,000 всего войска и 80 орудій. Защитники Праги ни какъ не полагали, чтобъ съ этими силами Суворовъ рѣшился на приступъ укрѣпленій, защищаемыхъ 200 пушками и до 30,000 храбрыхъ вонновъ

и охотниковъ. Душали, что Суворовъ ограничится осадой или блокадой Праги — и не унывали, надѣясь, что всеобщее возстаніе народа и дипломатическое вмѣшательство Франціи дастъ другой оборотъ дѣлу. И вдругъ (²²/₃ октября) русское войско неожиданно появилось подъ стѣнами Праги, и стало лагеремъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленій.

Теперь приведу рассказъ очевидца, генерала фонъ Клугена, въ такомъ видѣ, какъ это повѣствованіе осталось въ моей памяти.

«Когда мы остановились въ виду укрѣпленій, Поляки выстрѣлили въ насъ залпомъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Это былъ сигналъ, чтобъ всѣ варшавскіе охотники и народная гвардія собрались въ Прагѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ показать намъ свою силу. На земляномъ валѣ чернѣлись толпы народа, блестѣло оружіе, и раздавались громкіе клики. Нѣсколько сотъ наѣздниковъ выѣхали изъ Праги, и стали фланжировать съ нашими казаками и легкоконцами. Тѣмъ дѣло и кончилось въ тотъ день. Въ сумерки отданъ былъ приказъ готовиться къ штурму и вязать фашины. Всю ночь провели мы не смыкая глазъ. Все наше войско раздѣлено было на семь батальоновъ, или, какъ теперь говорятъ, колоннъ. Наша артиллерія выстроилась впереди. Въ пять часовъ утра, когда было еще темно, въ воздухѣ взвилась сигнальная ракета и войско двинулось впередъ. Передъ каждымъ батальономъ шла рота отличныхъ застрѣльщиковъ и двѣ роты несли лѣстницы и фашины. На разстояніи картечнаго выстрѣла наша артиллерія дала залпъ и потомъ начала стрѣлять черезъ пушку. Съ укрѣпленій также отвѣчали ядрами. Когда мракъ прояснился, мы увидѣли, что прагскія укрѣпленія во многихъ мѣстахъ разсыпались отъ нашихъ ядеръ. Вокругъ Праги грунтъ песчаный, и не смотря на то, что укрѣпленія обложены были дерномъ и фашинами, они были не прочны.

Вдругъ въ средней колоннѣ раздался крикъ: впередъ! ура! Все войско повторило это восклицаніе, и бросилось въ ровъ и на укрѣпленія. Ружейный огонь запылалъ на всей линіи, и свистъ пуль слился въ одинъ вой. Мы пробирались по тѣламъ убитыхъ и не останавливаясь ни на минуту вообразились на окопы. Тутъ началась рѣзня. Дрались штыками, прикладами, саблями, кинжалами, ножами — даже грызлись! Лишь только мы влѣзли на окопы бывшіе противу насъ Поляки, давъ залпъ изъ ружей, бросились въ наши ряды. Одинъ польскій дюжій монахъ, весь облитый кровью, схватилъ въ

охапку капитана моего батальона, и вырвалъ у него зубами часть щеки. Я успѣлъ въ пору свалить монаха, вонзивъ ему въ бокъ шпагу, по эфесъ. Человѣкъ двадцать охотниковъ бросились на насъ съ топорами, и пока ихъ подняли на штыки, они изрубали много нашихъ. Мало сказать, что дрались съ ожесточеніемъ, нѣтъ — дрались съ остервенѣніемъ и безъ всякой пощады. Намъ невозможно было сохранить порядокъ, и мы держались плотными толпами. Въ нѣкоторыхъ бастионахъ Поляки заперлись, окруживъ себя пушками. Мнѣ велѣно было атаковать одинъ изъ этихъ бастионовъ. Выдержавъ картечный огонь изъ четырехъ орудій, мой батальонъ бросился въ штыки на пушки и на засѣвшихъ въ бастионѣ Поляковъ. Горестное зрѣлище поразило меня при первомъ шагѣ! Польскій генералъ Ясинскій, храбрый и умный, поэтъ и мечтатель, котораго я встрѣчалъ въ варшавскихъ обществахъ и любилъ, — лежалъ окровавленный на пушкѣ. Онъ не хотѣлъ просить пощады, и выстрѣлилъ изъ пистолета въ моихъ гренадеръ, которымъ я велѣлъ поднять его.... Его закололи на пушкѣ. Ни одна живая душа не осталась въ бастионѣ — всѣхъ Поляковъ перекололи....

«Та же участь постигла всѣхъ, оставшихся въ укрѣпленіяхъ, и мы, построившись, пошли за бѣгущими на главную площадь. Въ насъ стрѣляли изъ оконъ домовъ и съ крышъ, и наши солдаты, врываясь въ дома, умерщвляли всѣхъ, кто имъ ни попадался.... Ожесточеніе и жажда мести дошли до высочайшей степени.... офицеры были уже не въ силахъ прекратить кровопролитіе.... Жители Праги, старики, женщины, дѣти бѣжали толпами передъ нами къ мосту, куда стремились также и спасшіеся отъ нашихъ штыковъ защитники укрѣпленій — и вдругъ раздались страшные вопли въ бѣгущихъ толпахъ, потомъ взвился дымъ и показалось пламя... Одинъ изъ нашихъ отрядовъ, посланный по берегу Вислы, ворвался въ окопы, зажегъ мостъ на Вислѣ, и отрѣзалъ бѣгущимъ отступленіе... Въ ту же самую минуту раздался ужасный трескъ, земля поколебалась, и дневный свѣтъ померкъ отъ дыма и пыли.... пороховой магазинъ взлетѣлъ на воздухъ.... Прагу подожгли съ четырехъ концовъ, и пламя быстро разлилось по деревяннымъ строеніямъ. Вокругъ насъ была трупы, кровь и огонь....

«У моста настала снова рѣзня. Наши солдаты стрѣляли въ толпы, не разбирая никого — и пронзительный крикъ женщинъ, вопли дѣтей наводили ужась на душу. Справедливо

говорятъ, что пролитая человѣческая кровь возбуждаетъ родъ опьяненія. Ожесточенные наши солдаты въ каждомъ живомъ существѣ видѣли губителя нашихъ, во время возстанія въ Варшавѣ. «Нѣтъ никому пардона!» кричали наши солдаты — и умерщвляли всѣхъ, не различая ни лѣтъ ни пола....

«Нѣсколько сотъ Поляковъ успѣли спастись по мосту. Тысячи двѣ утонуло, бросившись въ Вислу, чтобъ переплыть. Взято въ плѣнъ до полуторы тысячи человѣкъ, между которыми было множество офицеровъ, нѣсколько генераловъ и полковниковъ. Большаго труда стоило русскимъ офицерамъ спасти этихъ несчастныхъ отъ мщенія нашихъ солдатъ.

«Въ пять часовъ утра мы пошли на штурмъ, а въ девять часовъ уже не было ни польскаго войска, защищавшаго Прагу, ни самой Праги, ни ея жителей.... Въ четыре часа времени совершилась ужасная месть за избіеніе нашихъ въ Варшавѣ!

«Мы тогда не знали ни своей, ни непріятельской потери. Послѣ уже прочли мы въ донесеніяхъ главнокомандующаго, что въ Прагѣ погибло болѣе тринадцати-тысячъ Поляковъ, и что у насъ убито восемь офицеровъ и шестьсотъ рядовыхъ; ранено двадцать-три офицера и до тысячи человѣкъ. Двѣсти пушекъ, гаубиць, мортирь, бывшихъ на укрѣпленіяхъ и множество знаменъ составляли нашу военную добычу. Такого пораженія и такой потери Польша никогда еще не испытала.... Это былъ послѣдній ударъ, кончившій ея политическое существованіе....»

Добрый генералъ, рассказывая мнѣ о прагскомъ штурмѣ, былъ въ сильномъ волненіи, и даже нѣсколько разъ утиралъ слезы. — Адъ, суцій адъ! повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Вы, любезные мои читатели, безъ сомнѣнія, не разъ слышали шуточную поговорку: «Русскому здорово, Нѣмцу смерть!» Генералъ фонтъ-Клугенъ увѣрялъ меня, что эта поговорка родилась на прагскомъ штурмѣ. Наши солдаты, разбивъ аптеку, уже объятую пламенемъ, вынесли на улицу бутылъ, попробовали, что въ ней находится, и стали распивать, похваливая: славное, славное вино! Въ это время проходилъ мимо коноваль нашей артиллеріи, родомъ изъ Нѣмцевъ. Думая, что солдаты пьютъ обыкновенную водку, коноваль взявъ чарку, выпилъ душкомъ — и тутъ же свалился, а чрезъ нѣсколько времени и умеръ. Это былъ спиртъ!

Когда Суворову донесли объ этомъ происшествіи, онъ ска-

залъ: «Вольно же Нѣмцу тягаться съ Русскими! Русскому здорово, а Нѣмцу смерть!» Эти слова составили поговорку.

Повторилъ ли Суворовъ старое и забытое, или изобрѣлъ новую поговорку, за это не ручаюсь; но говорю что слышалъ.

IV.

Совершенною противоположною съ тихостью, скромностью и уединеніемъ генерала фонъ-Клугена составлялъ характеръ инспектора первыхъ трехъ морскихъ полковъ и шефа перваго морскаго полка генералъ-маіора Павла Семеновича Ширкова. Генералъ Ширковъ былъ образецъ (типъ) русскихъ генераловъ и полковыхъ командировъ прошлаго столѣтія. Ныѣшнее поколѣніе не можетъ имѣть понятія о томъ, что значила стоянка полка въ провинціальномъ городѣ и его окрестностяхъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины-Второй. Полки, особенно кавалерійскіе и артиллерія приносили большіе доходы полковникамъ и генераламъ — а каждый русскій дворянинъ почиталъ своею обязанностью проживать всѣ свои доходы. Исключенія изъ этого правила были чрезвычайно рѣдки, и относились болѣе къ Нѣмцамъ. Гдѣ стоялъ полкъ, тамъ непрерывно бывали балы, обѣды, вечеринки, продолжавшіяся ночи напролетъ. Музыка и пѣсенники ежедневно забавляли городскихъ жителей или помѣщиковъ. На пирахъ было разливное море! Такъ жилъ и генералъ Ширковъ въ Кронштадтѣ. По странному случаю я сблизился съ нимъ. Замысливъ дать пиръ, съ баломъ, фейерверкомъ и всѣми возможными сюрпризами одному важному лицу, Ширкову понадобилась стихи. Ему сказали, что я *сочинитель!* Въ уланскомъ полку прослылъ я поэтомъ за пустые стишки, которые писалъ иногда для забавы нашего офицерскаго общества. Это были большею частію посланія къ друзьямъ. Эти стихи не могли бы выдержать печати — по пріятелямъ моимъ они нравились, а что всего удивительнѣе, многіе изъ товарищей моихъ удержали въ памяти до своей старости нѣкоторые изъ моихъ стиховъ, и при встрѣчѣ припоминаютъ ихъ мнѣ! Къ этому разряду стиховъ принадлежитъ посланіе, начинающееся стихомъ:

«Трепещеть Стрѣльна вся» и прочее.

Ширковъ пригласилъ меня къ себѣ, принялъ чрезвычайно

ласково, и объявилъ о своемъ желаніи. На другой же день я принесъ ему пѣсню, которая немедленно положена была на музыку и разучена пѣсенниками. Пѣсня * имѣла большой успѣхъ, и нѣсколько разъ была повторена предъ знаменитымъ гостемъ. Я не былъ на этомъ пиршествѣ, хотя и былъ приглашенъ генераломъ Ширковымъ, но на третій день явился къ нему къ обѣду, по приглашенію. Генераль Ширковъ разцѣловалъ, расхвалилъ меня, предложилъ даже тостъ за мое здоровье, а послѣ обѣда повелъ въ свой кабинетъ, и обѣщаль мнѣ свое ходатайство и покровительство, что и исполнилъ. Искренно сожалѣлъ я объ немъ, когда въ послѣдствіи узналъ о постигнувшемъ его несчастіи, слѣдствіи непреоборимой его страсти къ гостепримству, увлекшей его за предѣлы долга. Онъ кончилъ жизнь въ уединеніи, у своихъ родственниковъ. Ширковъ истратилъ казенныя суммы, въ надеждѣ пополнить ихъ изъ наслѣдства, которое приходилось ему послѣ престарѣлаго родственника. Но родственникъ отказалъ выжитыя имъ деньги другому — и Ширковъ попалъ въ бѣду. Всѣ сожалѣли о Ширковѣ, но помочь было ему невозможно. Законы выше всѣхъ частныхъ — и чѣмъ выше человекъ поставленъ въ свѣтѣ, тѣмъ примѣръ снисхожденія пагубнѣе.

Мнѣ, наконецъ, наскучило жить у Голяшкина, и я переѣхалъ къ земляку моему, таможенному чиновнику. Онъ занималъ весьма порядочный домъ, и уступилъ мнѣ двѣ комнаты. За квартиру, съ мебелью, съ кушаньемъ, и притомъ отличнымъ, съ мытьемъ моего бѣлья, я платилъ въ мѣсяцъ *пятьдесятъ* рублевъ ассигнаціями. И это въ то время считалось не дешево! Никогда я не жилъ такъ покойно и даже такъ роскошно, какъ въ это время, у земляка моего Матушевича. Родственница его, польская хозяйка, въ полномъ смы-

* Я удержалъ въ памяти нѣсколько куплетовъ, и не изъ авторскаго самолюбія, но чтобъ показать духъ тогдашняго времени, сообщаю здѣсь начало пѣсни:

Спльный вѣрой и присягой,
Добрый Русскій нашъ народъ,
Кровь свою прольешь съ отвагой
За священный Царскій родъ.

Жизнь солдата въ Царской волѣ,
Всѣ упреть мы за Царя!
Рады драться въ чистомъ полѣ,
И не страшны намъ моря! и прочее.

елѣ слова, Марія Петровна Бржезвнская *, вдова, всю славу свою поставляла въ приготовленіи вкусныхъ блюдъ, и столъ ея былъ истинно превосходный. Скажу мимоходомъ, что въ двадцатыхъ годахъ, я встрѣтилъ въ Петербургѣ свою кронштатскую хозяйку, которая по смерти своего родственника содержала столъ для чиновниковъ за весьма умѣренную цѣну, и по смерти была оплакана своими пенсионерами. Во время пребыванія моего въ Кронштадтѣ, у Маріи Петровны была дочь, красавица, которая жила тогда въ Петербургѣ, и пріѣзжала довольно часто въ гости къ матери. Эта дочь вышла потомъ замужъ за артиллерійскаго полковника Ч—ва. Упомяну объ этомъ, чтобъ сказать, что дочь Маріи Петровны была *образцовая полька*, ловкая, милая, веселая. Безъ всякаго школьнаго воспитанія, она могла занять умнаго человѣка и быть душею общества. Можно сказать, что я изучалъ природу польской женщины надъ характерами этихъ двухъ Поекъ, пожилой женщины и молодой дѣвушки. Женщины высшаго сословія во всей Европѣ, особенно въ восточной ея части, приняли всѣ манеры Француженокъ, и польскія политическія дамы, о которыхъ я говорилъ выше, по наружности были тѣ же Француженки. Но истинный природный характеръ польской женщины сохранился только между небольшою шляхтою. Первою обязанностью своею, отъ которой ни одна Польша не позволяла себѣ уклониться, почитали онѣ стараніе нравиться *всѣмъ* окружающимъ ихъ, а второю обязанностью — умѣть занять cadaго и каждую, съ которыми должно было водиться, примѣняясь къ каждому возрасту, къ каждому характеру, къ каждому вкусу. Я никакъ не постигаю, какимъ образомъ я находилъ удовольствіе, бесѣдуя, по нѣскольку часовъ сряду, съ дочерью Марьи Петровны о ея канарейкахъ, парядахъ и тому подобномъ. Ловкая Польша, зная какъ пріятно воину вспоминать о сраженіяхъ, заставляла меня рассказывать про битвы и ужасы войны, и казалась не только внимательною къ моему повѣтствованію, но даже трюшюю.... Разумѣется, что это льстило моему самолюбію, и я восхищался умомъ и чувствомъ моей слушательницы,

* Замѣчательно, что Марія Петровна была нѣсколько лѣтъ дооправительницею или хозяйкою у Ивана Андреевича Крылова, до его всемірной извѣстности и знаменитости, то есть, до того времени, какъ онъ началъ писать басни. Марія Петровна даже не подозрѣвала, что Крыловъ человѣкъ гениальный и называла его просто *чиновникомъ* и *созннителемъ*. Когда я въ наше знакомство съ Крыловымъ, вспоминалъ о Марьи Петровнѣ, онъ сказалъ: «Славная женщина! она раскормила меня!»

Есть много примѣровъ, что бѣдныя польскія шляхтянки, не получивъ вовсе свѣтскаго воспитанія, вошлиъ чрезъ замужество въ высшій кругъ общества, истиннокто мъ своимъ постигли всѣ его тайныя пружины, и заняли въ немъ блистательное мѣсто, исполнивъ необходимое и непреложное условіе, то есть: выучившись говорить по-французски. Въ это время дочь Маріи Петровны училась по-французски, зная уже хорошо русскій языкъ. Если бъ ей суждено было занять мѣсто въ высшемъ кругѣ, она, безъ всякаго сомнѣнія, обратила бы на себя общее вниманіе.

Школа моя была — свѣтъ, и большую часть того, что я знаю, я изучилъ на практикѣ, прежде чѣмъ прикоснулся къ теоріи. Въ каждомъ кругу, въ который судьба бросала меня, я наблюдалъ, изучалъ, спрашивалъ, и потомъ искалъ въ книгахъ основанія и правилъ. Живя у таможенного чиновника, я часто бесѣдовалъ съ нимъ и съ его товарищами о тогдашнемъ состояніи торговли. Всѣ жаловались на ея упадокъ, а таможенные чиновники жили припѣваючи! Когда трава выгоритъ отъ засухи и овцы ищутъ корма врозь—волкамъ привольное житье!

Наполеонъ, убѣдившись, что нѣтъ никакихъ средствъ принудить Англію къ заключенію мира съ Франціею, на основаніи его системы, рѣшился употребить крайнія мѣры и уничтожить ея торговлю. Для этого онъ выдумалъ континентальную систему и завелъ дружескія связи съ Персіею, чтобъ оттуда напасть на англійскія остъ-индскія владѣнія. По Тильзитскому миру Россія пристала къ континентальной системѣ, заключавшейся въ томъ, чтобъ прекратить всѣ торговыя сношенія твердой земли (continent) съ Англіею, запретить гавани не только для ея кораблей, но даже не дозволить ввоза англійскихъ товаровъ и произведеній англійскихъ колоній на корабляхъ дружескихъ державъ. Эти мѣры были отяготительны для всей Европы, а болѣе всего ошутельны были для Россіи. Въ то время русская фабричная и мануфактурная промышленность была въ самомъ плохомъ состояніи, такъ сказать въ колыбели. Въ Россіи изготовлялись только издѣлія для употребленія простаго народа. Помѣстное дворянство, чиновники и достаточные купцы употребляли товары англійскіе и отчасти французскіе. Ни одинъ порядочный человекъ не носилъ платья изъ русскаго сукна, и ни одна женщина изъ образованнаго сословія не могла, хотя бы и желала, употребить русскія издѣлія для своихъ

народовъ. Русское издѣліе и дурное издѣліе были синонимы, и притомъ по всей справедливости. Всѣ издѣлія англійскихъ фабрикъ и мануфактуръ были чрезвычайно дешевы, гораздо дешевле и лучше даже нынѣшнихъ русскихъ издѣлій, которыя мы хвалимъ теперь, отчасти потому что нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій точно хороши, а болѣе восхваляемъ изъ патріотизма. Главный недостатокъ русской фабричной промышленности былъ, есть и будетъ тотъ, что фабрики наши, по мелочному расчету, пускаютъ въ продажу бракъ, вмѣстѣ съ хорошимъ товаромъ, когда, напротивъ, въ Англій всѣ произведенія одной фабрики равнаго достоинства. Правило, что фабричная и мануфактурная промышленность обогащаютъ народъ, можетъ быть примѣнена только къ малоземельному государству, изобилующему народонаселеніемъ, прилегающему къ морю и имѣющему собственныя колоніи близъ экватора, т. е. страны, производящія, такъ называемые, колоніальныя товары. Англія создана самою природою для фабричной промышленности и заморской торговли. Для Россіи это правило вовсе не примѣнимо, ложно и даже вредно. Никогда не было въ Россіи столько общаго довольства, какъ до континентальной системы, то есть до тѣхъ поръ, пока у насъ не вздумали выдѣлывать всѣ издѣлія, которыя мы получали прежде изъ чужихъ краевъ, въ обмѣнъ за нашъ хлѣбъ и за нашъ сырой русскій товаръ, то есть сало, пеньку, льняное сѣмя, поташъ, лѣсъ, деготь, смолу, и тому подобное. — Теперь деньги сосредоточиваются въ коммерческомъ сословіи, а тогда разливались по сословію многочисленному, то есть земледѣльческому. Англія тогда вовсе не помышляла о томъ, чтобъ продовольствоваться своимъ хлѣбомъ. Земледѣліе Англіи было въ пренебреженіи, и она довольствовалась хлѣбомъ изъ Балтійскихъ портовъ, въ которые возила свои фабричныя и мануфактурныя издѣлія. Англійское усовершенствованное земледѣліе возникло со времени континентальной системы, и теперь, когда Англія только въ случаѣ неурожаевъ должна прибѣгать къ помощи земледѣльческихъ государствъ, она отдаетъ всегда преимущество Сѣверной Америкѣ, съ которою состоитъ въ прямыхъ коммерческихъ отношеніяхъ. Съ упадкомъ русской хлѣбной торговли, наше земледѣльческое сословіе потеряло весьма много! Одесса, возникшая съ тѣхъ поръ, процвѣтаетъ хлѣбною торговлею,

Для этого въ русскомъ торговомъ языкѣ существуетъ особое названіе: *кустарныя произведенія*. Это тоже, что *дюжинная работа*.

не имѣть свои счастливые торговые годы, по мѣрѣ урожаевъ или неурожаевъ въ Западной Европѣ. Вѣрнѣе ничего нѣтъ! Постоянная русская хлѣбная торговля, обогащавшая непрерывно балтійскіе и черноморскіе порты,—исчезла невозвратно.

До принятія континентальной системы Россією, въ Ригу и Петербургъ иностранные корабли приходили тысячами. Въ 1807 году изъ портовъ Балтійскаго Моря вывезено товаровъ на 43,027,294 рубля ассигнаціями, ввезено въ балтійскіе порты товаровъ на 27,394,978 рублей ассигнаціями. Въ 1808 году въ Кронштадтъ пришло кораблей всего шестьдесятъ пять, въ Петербургъ восемь, а вышло изъ обоихъ портовъ девяносто шесть кораблей. Въ Ригу пришло всего двѣсти тридцать два корабля, вышло двѣсти тридцать четыре. Въ 1809 году всѣхъ товаровъ вывезено изъ Петербурга на 15,055,465 рублей ассигнаціями; ввезено на 2,236,023 рубля ассигнаціями. Въ 1810 году вывезено изъ Петербурга на 23,055,465 рублей ассигнаціями; ввезено на 8,040,107 рублей ассигнаціями *. Но изъ этихъ обнародованныхъ чиселъ вѣрны были только числа приходившихъ и отходившихъ кораблей. Привезено было товаровъ, по-крайней-мѣрѣ, вчетверо болѣе. Англичане крейсировали не только въ Балтійскомъ Морѣ, но заходили даже въ Финскій Заливъ, приближались къ Красной Горкѣ и къ Толбухину маяку, забирали русскіе и иностранные купеческіе корабли, принадлежавшіе странамъ, состоявшимъ подъ властью или вліяніемъ Франціи, и русскіе транспорты и ластовыя суда, отправляемыя изъ Кронштадта въ Финляндію. Флотъ нашъ стоялъ на рейдѣ, и даже выходилъ въ море и дрался съ Англичанами, но это ни сколько не помогало торговлѣ, которая производилась только скрыто, контрабандою. По правиламъ континентальной системы, нѣкоторымъ кораблямъ можно было давать позволеніе (franchise) на ввозъ аптекарскихъ матеріаловъ. Подъ этимъ предлогомъ привозили дорогія англійскія фабричныя и мануфактурныя издѣлія, которыя быстро расходились въ Петербургѣ. Кромѣ того, Англичане, находясь въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми коммерческими домами въ Петербургѣ, отправляли къ нимъ корабли ганзеатическихъ породовъ съ англійскими товарами, и англійскій флотъ пропускалъ ихъ, а на выгрузку товаровъ у насъ смотрѣли сквозь

* Цифры взяты изъ современныхъ официальныхъ извѣстій.

пальцы. Потребности высшаго сословія были удовлетворяемы, хотя и по высокой цѣнѣ; но отъ этой торговли обогащались только нѣкоторыя частныя лица. Снисходительное правительство, уступая необходимости, не предпринимало строгихъ мѣръ для прекращенія торговли англійскими товарами, безъ которыхъ тогда весьма трудно было обойтись, но въ случаѣ явнаго протеста со стороны таможни долженствовало принять рѣшительныя мѣры, и потому торгующее съ Англіею купечество было обязано имѣть на своей сторонѣ таможни. Возникли колоссальныя имущества въ купеческомъ и чиновничьемъ сословіи. Купцы дѣлали свое дѣло, пользовались счастливыми обстоятельствами, не нарушая воли высшаго правительства, слѣдовательно они не могутъ подвергаться ни какому порицанію; напротивъ, заслуживаютъ похвалу за искусное и ловкое веденіе своего дѣла для общей пользы. Къ числу самыхъ рѣдкихъ случаевъ тогдашняго быстрого обогащенія принадлежатъ торговыя дома Таля и Классена, которыхъ основатели, лифляндскіе уроженцы, изъ бѣднаго сословія, умѣли, въ это трудное время, умомъ и дѣятельностью нажить милліоны. Покойному барону Штиглицу также посчастливилось тогда нѣкоторыя торговыя спекуляціи. О чиновникахъ, пріобрѣтавшихъ въ то время большія суммы, не могу отозваться съ похвалою, а потому и долженъ умолчать объ нихъ, хотя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ и множество любопытныхъ и забавныхъ объ нихъ анекдотовъ напечатано на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, въ сочиненіяхъ о тогдашнемъ состояніи Россіи. Объ одномъ изъ такихъ чиновниковъ я упомянулъ (безъ имени) въ 3 томѣ, на стр. 326 моихъ Воспоминаній. Иностранные писатели, писавшіе со словъ петербургскихъ купцевъ, обнародовали рѣдкій примѣръ неслыханной роскоши тогдашнихъ чиновниковъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ торговли. Я уже говорилъ въ прежнихъ частяхъ о чиновникѣ, который послалъ любимой имъ женщинѣ (*à la dame de ses pensées*) полныя столовый и чайный сервизы, въ нѣсколько дюжинъ, обернувъ посуду въ сторублевыя ассигнаціи!!! Подобныхъ примѣровъ было тогда много, хотя въ разныхъ видахъ. Эта безвкусная роскошь, оскорбляющая высокое чувство и приличія, роскошь, пахнущая татарщиной, была тогда въ модѣ, между чиновниками и купцами?

Второстепенные чиновники, къ числу которыхъ принадлежалъ мой хозяинъ, разумѣется не имѣли такихъ большихъ

выгодъ, какъ чиновники высшіе, но жили хорошо, даже роскошно, а благоразумные изъ нихъ могли даже отложить копѣйку на черный день. Если бъ я былъ охотникъ до рома и крѣпкихъ винъ, то могъ бы не только купаться въ нихъ, но плавать! Такъ называемый *красный товаръ* можно было также получать гораздо дешевле, чѣмъ въ лавкахъ; и кто могъ и хотѣлъ, тотъ пользовался случаемъ.

Я уже познакомилъ моихъ читателей съ *любюю стороною* кронштадтскаго женскаго общества. Для него отплытіе флота и даже выступленіе на рейдъ было почти то же, что вакаціи для школьнико́въ. Въ то время, когда почтенные мужья занимались исправнымъ веденіемъ корабельнаго журнала или расчетливымъ распредѣленіемъ съѣстныхъ припасовъ на корабль, — нѣжныя *сууружмицы* веселились на прощальную, съ сострадательными людьми, принявшими на себя хотя пріятную, но довольно скользкую обязанность утѣшать этихъ Пенелопъ. На нихъ красовались лучшіе товары контрабанды. Къ числу забавъ принадлежали поѣздки въ Ораниенбаумъ и въ Петергофъ. Это были пикники, составляемые *угодниками* * красавицъ. Эти поѣздки на катерахъ, съ пѣсенниками, а иногда съ музыкою, въ кругу весельчаковъ и ласковыхъ красавицъ, начинавшіяся на берегу уединенными прогулками и кончавшіяся пиршествами, могли бы соблазнить даже и степеннаго человѣка! Громко, дружно, весело молодые люди распѣвали пѣсню, которая начиналась двумя куплетами И. И. Дмитріева, и оканчивалась двумя куплетами кронштадтскаго барда Кропотова:

Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ.

..

Младость дважды не бываетъ,
Счастливъ тотъ, который въ ней
Путь пѣвцами усыпаетъ,
Не предвидя грозныхъ дней! **

Куплетовъ Кропотова не привожу; они хотя не черные, но *сыреніе*! Оригинальный человѣкъ былъ этотъ Кропотовъ (Андрей Фроловичъ)! Не долго служилъ онъ во флотѣ, и вы-

* То же, что въ Италіи: *cavaliere servente*.

** Изъ ставровъ къ Н. М. Карамзину.

шелъ въ отставку, посвятилъ себя служебно Бахусу и десертѣ, безъимянной музѣ. Это былъ предточа нынѣшней, такъ-называемой, *натуральной школы*, съ тою разницею, что у Кропотова въ миллионъ разъ было болѣе таланта, чѣмъ у всѣхъ нынѣшнихъ писакъ. Стихи Кропотова къ бывшему главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта, адмиралу Ханькову, чрезвычайно остроумны. Жаль, что не могу помѣстить ихъ здѣсь! Кропотову не доставало науки и изящнаго вкуса, именно того, чего нѣтъ также и у писателей, такъ-называемой, *натуральной школы*, снискавшихъ громкую извѣстность въ Россіи, разумѣется, у людей, которымъ грубая карриатура понятнѣе, слѣдовательно, болѣе нравится, нежели тонкая, остроумная иронія. Кропотовъ пробовалъ издавать журналъ въ 1815 году, подъ заглавіемъ: *Демокритъ*, который однако жъ упалъ, отчасти по неточности самого издателя. Я видывалъ Кропотова въ Кронштадтѣ, куда онъ прѣзжалъ въ гости къ прежнимъ товарищамъ и пріятелямъ, но не былъ съ нимъ коротко знакомъ. Излишняя, отчасти циническая его фамилярность и грубые приемы пугали меня и я держался въ сторонѣ; но иногда я отъ души смѣялся его рассказамъ о самомъ себѣ? Образъ его жизни, характеръ и поэзія изображены достаточно въ трехъ слѣдующихъ его стихахъ:

«О, фортуна!... Но ни слова!...

Съ черлака *ново* (то есть, моего) *пустова* (то есть, пустаго)

Фигу я тебѣ кажу!...

Тогда только смѣялись надъ этими стихами, а въ нынѣшнее время восхваляютъ въ журналахъ гораздо худшіе стихи, настоящую грязь! Но довольно объ этомъ.

Въ Кронштадтѣ было тогда учрежденіе страшное, но любопытное для философа, для наблюдателя челоуѣчества—это каторжный дворъ **. Тогда не было арестантскихъ ротъ, и преступниковъ ссылали или на сибирскіе казенные заводы и въ рудники, или на каторжные дворы, находившіеся въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ Имперіи, особенно приморскихъ, для употребленія въ тяжелыхъ работахъ въ

* А. Ф. Кропотовъ скончался въ 1817 году.

** Любопытно было бы и слѣдовать, съ котораго времени слово «каторга» вошло въ русскій языкъ. Въ новогреческомъ языкѣ *катергонъ* означаетъ *галеру*. На древнемъ греческомъ языкѣ «ката» значитъ предлогъ *въ, по* (*σε-ιον, suivant*, а *Эргонъ* означаетъ трудъ. По-турецки *кадрга* означаетъ галеру. Отъ Турковъ или Грековъ заимствовали мы это?

гаваняхъ или при крѣпостныхъ постройкахъ. Кронштадтскій каторжный дворъ, какъ я уже сказалъ, былъ деревянный. Это было обширнее четверугольное зданіе въ одно жилье, окнами на дворъ, съ галереей вокругъ, на которую выходили двери, въ такъ-называемыя палаты. Для входа и выхода были одни только ворота. Въ оконечности зданія, при воротахъ была караульня, двѣ комнаты для караульнаго офицера и небольшая комнатка для писаря. Караулъ содержалъ кронштадтскій гарнизонный полкъ и высылалъ ежедневно полъ-роты. У воротъ и кругомъ по галереѣ, равно какъ и снаружи, по угламъ зданія разставлены были часовые, а кромѣ того часть караула отряжалась въ конвой, для сопровожденія заключенныхъ на работу въ гавань и для наблюденія за ними во время работы. Всѣ заключенные, высылаемые на работу, были закованы въ кандалахъ, не по два вмѣстѣ, какъ во Франціи, но по одиночкѣ. Нѣкоторые старики и отличившіеся хорошимъ поведеніемъ были безъ кандаловъ, но тѣ уже не выходили за предѣлы каторжнаго двора. Служба караульнаго и дежурнаго офицеровъ была тяжелая, безпкойная и чрезвычайно отвѣтственная. Надлежало, по требованію, высылать заключенныхъ на работу, осматривать ихъ, повѣрять, потомъ принимать возвращавшихся съ работы, наблюдать за порядкомъ, тишиною и занятіями арестантовъ. Для внутренняго управленія былъ особый комиссаръ, съ помощниками и канцеляріей. Вообще на каторжномъ дворѣ господствовали примѣрный порядокъ и строгая субординація, и съ заключенными обходились человѣколюбиво. Милосердіе и сострадательность — главныя и блистательныя черты русскаго характера. Народная поговорка: «лежачаго не бьютъ», глубоко начертана въ русскомъ сердцѣ. Въ Сибири ссыльныхъ не называютъ иначе, какъ *несчастные*, и самое это наименованіе уже вызываетъ изъ сердца состраданіе. Въ Кронштадтѣ заключенныхъ также называли *несчастными*, и ихъ охотно снабжали подаваніемъ, когда они проходили по улицамъ на работу. Въ то время, когда въ гавани не имѣли нужды въ большомъ числѣ рабочихъ, позволялось частнымъ людямъ брать съ каторжнаго двора работниковъ. Ихъ употребляли обыкновенно для очистки домовъ, для передвижанія тяжестей при постройкахъ и для воздѣлыванія земли въ огородахъ. Цѣна за работу назначается была комиссаремъ, а деньги поступали въ артель. Заключенные получали хорошую пищу, русскія щи и кашу, цѣли хорошия

квась, в одѣты были сообразно климату и временамъ года. Едва ли въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ много пишутъ и толкуютъ о филантропiи, заключенные содержатся лучше какъ содержались въ Кронштадтѣ. Впослѣдствiи я имѣлъ случай видѣть каторжные дворы (bagnes) во Францiи, но они гораздо хуже бывшаго кронштадтскаго каторжнаго двора.

Однако жъ, заключенные въ Кронштадтѣ были не овечки! У дежурнаго офицера былъ одинъ формулярный списокъ заключенныхъ, съ краткимъ указанiемъ за что каждый наказанъ и заключенъ, а у комиссара былъ другой пространный формулярный списокъ, съ подробнымъ объясненiемъ преступленiй каждаго, то есть, перечнемъ изъ приговора уголовного суда. Страшно было заглянуть въ этотъ второй формулярный списокъ! Все же въ ряду этихъ преступленiй не было такихъ, которыя обнаруживаютъ крайнюю степень душевнаго разврата, утонченность злодѣянiя, словомъ, преступленiй, какiя представляютъ намъ уголовные процессы во Францiи и подражающiе имъ модные романы. Въ русскихъ преступникахъ сильно отражалась скотская сторона человѣчества, грубая, дикая натура, свирѣпость и звѣрство, не смягченныя ни вѣрою, ни образованностью; но эти несчастные чужды были утонченности (g raffinement), расчетливости порока и злобы. На кронштадскомъ каторжномъ дворѣ не было ни одного преступника, получившаго какое-нибудь школьное образованiе. Почти всѣ они были изъ чернаго, грубаго народа. Замѣтилъ я, сверхъ-того, что большая часть преступниковъ, почти всѣ, были или круглыя сироты, или дѣти бѣдныхъ мѣщанъ (вѣроятно, развратныхъ). Изъ двухъ-сотъ пятидесяти человѣкъ едва десять человѣкъ знали грамоту!

Начитавшись романовъ госпожи Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, и тому подобныхъ, я чрезвычайно любопытно смотрѣлъ видѣть собственными глазами разбойниковъ, думая найти между ними Рожера (въ романѣ Дюкре-Дюмениля: Викторъ, или дитя въ лѣсу), Ринальдо Ринальдини (въ романѣ подъ этимъ заглавiемъ) и даже Карла Моора (въ Разбойникахъ Шиллера). Нарочно для этого познакомился я съ комиссаромъ, и какъ въ то время дозволялось навѣщать караульныхъ офицеровъ, то я всегда пользовался случаемъ, когда знакомый мнѣ офицеръ былъ въ караулѣ на каторжномъ дворѣ. Заключенные были смиренны, молчаливы и боязливы, когда съ ними

обходились серьезно; но когда отъ нихъ требовали разговорчивости и отвѣтъ на вопросы, когда ободряли рюмкой водки и общали денежное награжденіе за откровенность, тогда она охотно выказывала свою прежнюю удаль. Стаканъ водки возбуждалъ звѣрскіе инстинкты. Лице, обезображенное отъбитіемъ палача, въ знакъ исключенія злодѣя изъ человѣческаго общества, принимало страшное выраженіе, при воспоминаніи о прежней вольной жизни. Въ разказахъ этихъ несчастныхъ вырывались слова и выраженія, приводившія въ содроганіе слушателя!

Теперь вы можете проѣхать безопасно всю Россію вдоль и поперекъ. Бываютъ, хотя весьма рѣдко, отдѣльные случаи, грабежи, производимые бѣглецами, — но этого даже нельзя поставить въ счетъ. Но встарину были цѣлыя разбойничьи шайки, имѣвшія свои сношенія съ поселянами и даже жителями городовъ. Войска тогда было немного, и оно, по большей части, было или на границахъ Имперіи, или за границею. Внутреннее управленіе не имѣло ни той силы, ни той быстроты, какъ теперь, и злодѣи могли укрываться въ лѣсахъ и степяхъ. Теперь разбойники существуютъ только въ романахъ и повѣстяхъ. Но я видѣлъ еще съ *натурь* настоящихъ русскихъ разбойниковъ и Пугачевскихъ сподвижниковъ!!! И вспомнить страшно! Чтô за фигуры, чтô за хватки, чтô за языкъ! Самый ужасный между этими злодѣями былъ одинъ высокій, сильный мужикъ, который долженъ былъ быть красивымъ прежде, чѣмъ клещи палача и печать безчестія прикоснулись къ его лицу. Онъ былъ *эсауломъ*, то есть, помощникомъ атамана разбойничьей шайки, на волжскихъ берегахъ, и разбойничалъ лѣтъ десять, до поимки и уничтоженія всего скопища. Званіе его въ шайкахъ обратилось ему въ прозваніе, и всѣ не называли его иначе, какъ *эсауломъ*. Эсаулъ свистѣлъ такъ громко и такъ пронзительно, что сердце замирало! Воображаю, какой эффектъ производилъ этотъ свистъ на путешественника! Никакой свистокъ не произведетъ такихъ сильныхъ и страшныхъ звуковъ, какіе исходили изъ-подъ языка этого разбойника. При свистѣ было еще *гарканье*, для наведенія ужаса на несчастную жертву. Ревъ дикаго звѣря и шипѣнье или свистъ тропической змѣи не такъ страшны — да и никакой звѣрь такъ не золь и не опасенъ, какъ человѣкъ, отвергнувшій челоуѣчество. — «Ты что за человѣкъ?» спросилъ я, когда впервые увидѣлъ *эсаула*. — Мастеровой, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, походив-

шею на облизываніе тигра, когда онъ смотритъ на добычу, которую не можетъ схватить. — «Какое же твое ремесло?» — Не цѣховое, сударь! отвѣчалъ разбойникъ. — «Что же ты дѣлалъ?» — Шапки съ волосами сдиралъ, на большихъ дорогахъ!.... примолвилъ онъ, бросая вокругъ самодовольные взгляды. — «А ты что за человѣкъ?» спросилъ я другаго заключеннаго. — Рыбакъ, сударь. По чужимъ клѣткамъ сѣти закидывалъ и *багрить* * хозяевъ!» отвѣчалъ разбойникъ. Очевидно, что въ душу этихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ не проникло раскаянье. Циническія ихъ шуточки насчетъ прежняго ремесла, явно доказывали ихъ загрубѣлость въ порокахъ и злодѣяніяхъ.

На кронштадтскомъ каторжномъ двурѣ было нѣсколько человѣкъ изъ шайки Пугачева, людей уже состарѣвшихся и, можно сказать, покаявшихся. Съ нихъ сняты были оковы, и они не высылались на работу. Между ними былъ человѣкъ замѣчательный, племянникъ казака Шелудякова, у котораго, какъ писано было въ то время, Пугачевъ, пришедъ на Уралъ, былъ работникомъ на хуторѣ. Этотъ племянникъ одного изъ первыхъ заговорщиковъ и зачинщиковъ бунта обучался, въ первой своей юности, грамотѣ у приходскаго священника, а во время мятежа находился въ канцеляріи Пугачева, часто его видалъ, и пользовался его особенною милостію. Въ это время (въ 1800 году) племяннику Шелудякова было лѣтъ шестьдесятъ отъ рожденія; онъ былъ сдѣдъ какъ лунь, но здоровъ и бодръ. Съ утра до ночи онъ занимался чтеніемъ священныхъ книгъ и молитвою передъ образомъ Спасителя, въ своей каморкѣ, въ которой онъ помѣщался одинъ, въ удаленіи отъ всякаго сообщества съ каторжными.

Бывшій секретарь Пугачевской канцеляріи не пилъ водки, не курилъ и не нюхалъ табаку, слѣдовательно его трудно было соблазнить: Иногда я давалъ ему деньги на свѣчи, потому подарилъ нѣсколько священныхъ книгъ, оставался иногда по часу въ его коморкѣ, слушая его толкованія Ветхаго Завѣта, и наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣлъ его довѣренность. Мало-по-малу я сталъ заводить съ нимъ разговоръ о Пугачевскомъ бунтѣ, и онъ, какъ мнѣ кажется, говорилъ со мною откровенно.

* *Багрить* рыбу, значить на Уралѣ бить подъ льдомъ баграми, чрезъ проруби.

Не могу умолчать о комическомъ и послѣднемъ моемъ столкновеніи съ полудикимъ Кабри. Онъ вызванъ былъ начальствомъ Морскаго Кадетскаго Корпуса въ Петербургъ, на нѣкоторое время. Утромъ, часовъ въ восемь, Кабри прислалъ ко мнѣ свою служанку, съ просьбою притти къ нему по весьма важному дѣлу. Я немедленно отправился. Когда я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ въ одномъ углу софы, въ задумчивости, сложивъ руки крестомъ, на груди, а въ другомъ углу сидѣла жена его. «Я сейчасъ ѣду въ Петербургъ, и хочу дать тебѣ доказательство моей дружбы, сказалъ Кабри, вставъ съ мѣста и взявъ меня за руку: по обычаю моего любезнаго острова Нукагивы, мужъ, отправляясь въ дальній путь и оставляя жену дома, поручаетъ ее другу, передавая ему всѣ свои права, даже власть надъ ея жизнью и смертию. Я передаю тебѣ всѣ мои права!» Сказавъ это, Кабри поспѣшно обнялъ меня, потомъ жену, и не давъ намъ опомниться, схватилъ свой узелокъ, хлопнулъ дверью и побѣжалъ опретью къ пристани.

Я стоялъ передъ госпожею Кабри, смотря на нее съ улыбкою и не говоря ни слова. Она также молчала нѣкоторое время и смотрѣла на меня, но весьма серьезно — и вдругъ захохотала изъ всѣхъ силъ и бросилась на софу. Я также расхохотался, и наша веселость продолжалась съ полчаса, такъ, что мы никакъ не могли остановить нашего хохота!... «Видѣли ли вы когда-либо подобное сумасшествіе!» сказала наконецъ госпожа Кабри. — «Напротивъ, я нахожу, что это вовсе не глупо», возразилъ я, иронически — и мы опять принялись хохотать. Наконецъ, когда мы успокоились и переговорили о положеніи госпожи Кабри, оказалось, что вѣжнѣйшій мужъ оставилъ ей только одинъ рубль серебромъ на житье! Разумѣется, чтобъ оправдать довѣренность мужа, я долженъ былъ изъ небольшой моей казны удѣлить несчастной Аріяндѣ на содержаніе дома.

Наконецъ я оставилъ Кронштадтъ, въ которомъ прожилъ не безъ пользы около полутора года. Во-первыхъ я узналъ поближе человѣчество, въ разныхъ его видахъ, присмотрѣлся къ практическому ходу дѣлъ, что было для меня до-тѣхъ-поръ чуждо; а во-вторыхъ, я прочелъ весьма много, и имѣлъ время обдумать прочитанное. Но приобрѣтеніе нѣкоторой опытности и распространеніе области мышленія все же не

вишло сильнаго вліянія на зміненіе моего характера. При сангвиническомъ темпераментѣ и нагубной воссламенительности, мудрою юношѣ, на двадцать второмъ году отъ рожденія, какъ-бы онъ уменъ ни былъ, управлять собою. Что шагъ, то искушеніе; на каждомъ крутомъ поворотѣ — пронасть! Другаго такого руководителя, какъ генералъ фонъ Клугенъ, я уже не нашель, и безпомощный устремился по скользкому пути жизни.... Съ нимъ однимъ простилися я со слезами!

Генералъ фонъ Клугенъ самъ былъ тронуть. Добрый старикъ разставался со мною, какъ съ сыномъ, и подарилъ мнѣ на память свои пистолеты, бывшіе съ нимъ во всѣхъ его походахъ, и золотую печать, съ гербомъ польскаго генерала Ясинскаго, убитаго въ Прагѣ. Эту печать генералъ фонъ Клугенъ купилъ вмѣстѣ съ часами, за два червонца, у гравлера, получившаго ихъ въ добычу.

Собраніе красавицъ сравниваютъ обыкновенно съ цвѣтникомъ. Не знаю, понималъ ли тотъ, кто первый выдумалъ это сравненіе, что онъ, вмѣсто мадригала, состряпалъ жестокую эниграмму! Цвѣты прельщаютъ взоръ, но вѣдь цвѣтокъ, при всей своей красотѣ, растение холодное и скоропреходящее. Только бездушную кокетку можно сравнивать съ пышнымъ, красивымъ цвѣткомъ. То, что привязываетъ душу благороднаго человѣка къ женщинѣ — не выразимо человѣческимъ языкомъ! Нѣжность чувствованій (*délicatesse*), высокіе помыслы, раждающіеся, такъ сказать, безотчетно въ головѣ женщины, и наконецъ душевная доброта и скромность, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ одно качество, которому нѣтъ имени! Женщину, обладающую этимъ качествомъ, мы обыкновенно называемъ высшимъ существомъ: земнымъ ангеломъ. — Не касаюсь высшаго кронштадтскаго круга общества, но въ томъ женскомъ кругѣ, который я назвалъ, въ шутку, *либеральнымъ*, — были прелестныя цвѣты, хотя не было ни одного земнаго ангела. Изъ всѣхъ моихъ прекрасныхъ знакомокъ я простился только съ Г-жею Кабри, такъ сказать, по обязанности. Это было послѣднее прощаніе и послѣднее свиданіе. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Кронштадта, Кабри отправился съ женою во Францію, надѣясь найти какое-либо мѣсто въ отечествѣ. Но во Франціи и безъ него довольно было искусныхъ пловцевъ, нырковъ и всякихъ фокусниковъ, и Кабри, не получивъ никакого казеннаго мѣста, доведенъ былъ до крайности, и какъ

я послѣ узналъ, показывалъ себя за деньги, въ балаганѣ, на ярмаркахъ, подъ названіемъ дикаго Камчадала. Онъ умеръ до моего приѣзда во Францію, а жена его поступила въ буфетчицы или конторщицы (*dame du comptoir*) къ содержателю кофейнаго дома, въ Миланѣ.

Почти годъ прожилъ я въ Лифляндіи и Эстляндіи. Кто зналъ эти губерніи за сорокъ лѣтъ предъ симъ, тотъ согласится со мною, что они теперь чрезвычайно переизмѣнились. нравы, обычаи, образъ жизни, сельское хозяйство, торговля, промышленность, все приняло другой видъ и другія формы. Многое преобразовалось къ лучшему, и въ этомъ разрядѣ первое мѣсто занимаетъ земледѣліе; а иное измѣнилось къ худшему. Известно, что Остзейскія губерніи пользуются особенными правами и управляются своими собственными законами, или смѣсю привилегій, данныхъ дворянству и городамъ епископами, гермейстерами, польскимъ королемъ Сигизмундомъ Вторымъ и шведскими королями. На основаніи этихъ привилегій, исключая исполнительнѣйшей и политической части, все внутреннее управленіе края предоставлено дворянству, а городовъ — бургомистрамъ и выборнымъ членамъ магистрата. Здѣсь не мѣсто ни хвалить, ни критиковать различныя обветшалыя учрежденія, принадлежащія къ феодальнымъ временамъ и сокрушившіяся отъ древности во всей Европѣ. Но какъ распределеніе земскихъ повинностей и всѣ распоряженія относительно внутренняго управленія края подлежатъ ландтагамъ или дворянскимъ собраніямъ, то много полезнаго или вреднаго зависитъ отъ этихъ ландтаговъ, на которыхъ всѣ дворяне, даже безпомѣтные, но вписанные въ матрикулъ или дворянскій списокъ губерніи, имѣютъ голосъ, могутъ предлагать и отвергать разныя мѣры. Въ старину, и въ то время, когда я былъ въ первый разъ въ Лифляндіи, дѣла общественныя зависѣли отъ мнѣнія людей почетныхъ, всѣми уважаемыхъ, пожилыхъ, опытныхъ, давшихъ неоспоримыя доказательства своего разума, познаній и безпристрастія. Тогда въ Лифляндіи жили многіе старики, занимавшіе важныя должности въ Государствѣ, ~~и~~ возмужавшіе при блистательномъ Дворѣ Императрицы Екатерины Второй, отличившіеся усердіемъ и познаніемъ дѣла въ службѣ военной и гражданской. Были и почтенные старики, проведшіе жизнь на службѣ по дворянскимъ выборамъ, облеченные общемою довѣренностью и уваженіемъ. Почти всѣ они

образовались въ Германскихъ университетахъ, пользовавшихся въ то время заслуженною славою. Такъ называемой юной Германіи тогда не существовало, а была Германія честная, трудолюбивая, богобоязненная, покорная властямъ и законамъ. Изъ этой Германіи пересаживались благое просвѣщеніе и полезныя примѣры въ Остзейскія губерніи. Этотъ почтенный ареопагъ, то есть ландтаги, предводимые практическими мудрецами, составили вышѣшее положеніе о крестьянскомъ сословіи, предположили основать Дерптскій университетъ, на счетъ дворянства (который потомъ поступилъ на иждивеніе казны), основали разныя ученыя общества, для пользы края, и ввели раціональное германское хозяйство. Все, что есть добраго и полезнаго въ краѣ, учреждено и обдумано людьми той эпохи, о которой я теперь говорю. Молодые люди не выѣзжали тогда въ чужіе края праздноватая изъ города въ городъ, изъ трактира въ трактиръ; не дерзали составлять партій на ландтагахъ в дворянскихъ выборахъ, противу людей заслуженныхъ, почтенныхъ и опытныхъ, не хвастались приверженностью къ чужеземному, не оскорбляли старшихъ себя своимъ высокомѣріемъ, но были послушны умнымъ старикамъ, правдивымъ коноводамъ дворянства, и уважали общее мѣніе. Остзейское дворянство во всѣхъ отношеніяхъ было примѣрное, имѣя достойныхъ представителей въ государственной службѣ, предъ лицомъ Монарха.—Гостепримство въ Остзейскихъ губерніяхъ не было такого рода, какое укоренено въ нашемъ Славянскомъ племени. Остзейскіе Нѣмцы не заимствовали ни отъ Поляковъ ихъ народной пословицы: «Гость въ домѣ, Богъ въ домѣ (gosé w domu, Bóg w domu)», ни отъ Русскихъ извѣстныхъ поговорокъ: «Что въ печи, все на столѣ мечи,» и: «Не красна изба углами, красна пирогами,» и тому подобныхъ. Но все же въ то время въ Лифляндіи и въ Эстляндіи были старинныя фамиліи, которыя зимою проживали въ городахъ и принимали гостей. Тонъ въ этихъ обществахъ былъ столичный, водворенный почтенными мужами и дамами, проведенными молодая лѣта при дворѣ Императрицы Екатерины Второй. Музыка, танцы, пріятная бѣсѣда одушевляли эти собранія, и молодые люди приобрѣтали въ нихъ ту полировку, которая отличаетъ благовоспитаннаго человѣка отъ грубой народной массы. Не взирая на упадокъ торговли, по причинѣ войны съ Англіей, въ Остзейскихъ губерніяхъ было тогда много денегъ, и недвижимыя имѣнія приносили большіе

доходы. По всему берегу производилась сильная контрабандная торговля хлѣбными виномъ, которое перевозили въ Финляндію и Швецію, а оттуда доставляли соль и сельди. Положеніе крестьянъ не было однако жъ такъ хорошо, какъ теперь, при полномъ развитіи благодѣтельнаго положенія о крестьянахъ, дарованнаго Императоромъ Александромъ-Первымъ, Теперь въ Остзейскихъ городахъ тихо, какъ въ монастыряхъ, а въ то время въ Ригѣ и Ревелѣ жили шумно и весело. Тутъ была публичная жизнь, какъ въ иностранныхъ городахъ. Съ пріятностью вспоминаю о проведенномъ мною времени зимою, 1810 года, въ Ревелѣ. Еще есть товарищъ моихъ юношескихъ наслажденій въ Ревелѣ, Александръ Карловичъ Гирсъ (нынѣ полковникъ въ пограничной стражѣ), бывшій тогда подпоручикомъ въ финляндскомъ драгунскомъ полку. Мы жили вмѣстѣ съ нимъ на петербургскомъ форштадтѣ, въ трактирѣ Энгеля, и по утрамъ составляли планы, какъ провести пріятно день и вечеръ. Въ клубахъ ежедневно бывали публичные обѣды, а вечеромъ въ клубѣ, называемомъ *! inigheit* (Согласіе) метали банкъ, потому-что публичные азартныя игры тогда не были запрещены. Въ театрѣ каждую недѣлю бывали маскарады. Русскихъ офицеровъ, особенно морскихъ, было множество въ Ревелѣ, и въ танцовщикахъ не было недостатка. Карточная игра разсыпала деньги по рукамъ, но какъ водится, молодые люди не считали проигрыша, а выигрышъ почитали обязанностью прожить съ пріятелями, и отъ этого всѣ веселились, не чувствуя недостатка въ деньгахъ. Жизнь быстро летѣла по ясному горизонту — и вдругъ, безъ бури, меня поразилъ громъ!... Судьба моя совершенно измѣнилась, жизнь приняла другой оборотъ и другое направленіе. Я долженъ былъ оставить военную службу.

Оправдывая себя, надобно невольно обвинить кого-нибудь. Этого я не могу сдѣлать, а если бъ и могъ, то не сдѣлалъ бы, потому, что человекъ, на котораго я имѣлъ право жаловаться, чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того сознался въ томъ, что онъ былъ не правъ. Я отъ души простилъ ему, прижалъ его къ сердцу, слѣдовательно все козчено! Этотъ человекъ кончилъ жизнь свою самымъ печальнымъ и ужаснымъ образомъ! Насъ посорила *страсть*, а страсти ослѣпляютъ и мудрецовъ. Мои лѣта (двадцать-одинъ годъ) предпочтены были сорока пяти тяжелымъ годамъ, и я долженъ былъ заплатить дорого за мое безразсудство. Многіе изъ товарищей

моихъ живы, и ни одинъ изъ нихъ не скажетъ, чтобъ я имѣлъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, чести и обязанностямъ офицерскаго званія, или чтобъ занятымъ, хотя бы сомнительнымъ воступкомъ, достославный русскій военный мундиръ. Кроме авангардныхъ и ардіегардныхъ отрядовъ и драгунскихъ перестрѣлокъ, я былъ, въ теченіе моей службы, въ шестнадцати сраженіяхъ, удостоился знака отличія между храбрыми товарищами, и могу сказать, былъ любимъ ими, можетъ-быть болѣе, нежели того заслуживалъ. Смѣло смотрю я въ глаза каждому старому товарищу и сослуживцу, и радостно встрѣчаю ихъ, въ убѣжденіи, что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлаетъ мнѣ никакого упрека. Но какъ твердитъ русская пословица: «грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ!» Глупцемъ не могу назваться, и умишкомъ моимъ не чванюсь. Однако жъ, гораздо было бы для меня полезнѣе, еслибъ природа дала мнѣ менѣе ума и болѣе хладнокровія! Терпѣнію выучился я уже въ послѣдствіи!... Впрочемъ, въ упованіи на Бога и Святой Его Промыслъ, я вѣрю, что все на свѣтѣ къ лучшему, и что несчастье также нужно для укрѣпленія души, какъ иная болѣзнь для возобновленія силъ тѣлесныхъ.

Пусть враги мои говорятъ что угодно. Клевета можетъ дѣйствовать только при жизни—а я пишу для дѣтей моихъ, и смѣло скажу: оставляю имъ безукоризненное имя!

Изъ Вендена отправился я въ Ригу, и проживъ уединенно недѣли двѣ въ этомъ городѣ, отправился къ моей матери, въ Маковици (Минской губерніи, Бобруйскаго уѣзда), чрезъ Мптаву, на Вильно и Минскъ. На пути я былъ свидѣтелемъ и невольнымъ участникомъ комико-трагическаго происшествія.

О. ВУЛГАРИИЪ.

=

НАУКА НАЖИВАТЬ ДЕНЬГИ.

=

ОТРЫВОКЪ.

=

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Предложилъ я вамъ, мои почтенные читатели, повѣсть о непо-
стижимомъ явленіи, видѣніи, событіи, или назовите какъ угодно,
которое явилось мнѣ, видѣлось мнѣ, или сбылось со мною, напи-
сано мною въ *былкахъ* и *небылицахъ*. Чортъ знаетъ, приходилъ ли
ко мнѣ чортъ въ самомъ дѣлѣ, или померещилось мнѣ послѣ чте-
нія чертовскихъ романовъ, будто онъ приходилъ! Вы читали, и
рѣшите сами...

Но, о сердца человѣческаго глубина неизгладима! О суетный
человѣкъ, смѣсь Ключкина съ Ньютономъ, земли съ небомъ, и
чего-то еще съ чѣмъ-то! Известно вамъ, милостивые государи,
изъ разсказа моего, что я порядкомъ испугалъ, и *вычиталъ* мо-
его гостя плохими стихами, которыхъ онъ боится хуже всякаго
куренья. Разныя мысли полѣзли мнѣ послѣ того въ голову —
одна другой страннѣе, несбыточнѣе и безсвязнѣе — вотъ такіа
всезабытыя мысли, что мнѣ, напримѣръ, думалось въ одно время
о царѣ Горохѣ и о Наполеонѣ, о чортѣ и о человѣкѣ, о деньгахъ
и о славѣ, объ устрицахъ и объ облакахъ.... Сущая путаница!

Отправился я совѣтоваться съ Энрикомъ Феодановичемъ Фе-
иннымъ, и получилъ отъ него много полезныхъ и благоразум-
ныхъ совѣтовъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Я. Такъ, что же вы думаете, Эирсъ Теофановичъ?

Онъ. Чтò я думаю?

Я. Да, чтò вы думаете?

Онъ. Видите, я думаю, чтò если оно, въ самомъ дѣлѣ....

Я. Такъ чтò же?

Онъ. То конечно — однако жъ, и то сказать....

Я. Чтò сказать?

Онъ. То есть, или напришѣрь, оно не такъ....

Я. Такъ, чтò же?

Онъ. Тогда, вотъ изволите.... (Онъ понюхалъ табуку.) Я вамъ докажу что....

Я. Чтò такое?

Онъ. Принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства.... (Онъ чихнулъ).

Я. Желаю здравствовать!

Онъ. Покорнѣйше благодарю!

Я. Вы начали было....

Онъ. Да, обстоятельства, вами изложенныя — можете-быть увѣрены въ желаніи вамъ добра....

Я. Совершенно!

Онъ. Въ томъ, что всегда уваженіе мое къ вамъ....

Я. Помилуйте.

Онъ. Вотъ, я вамъ и доложу, мой почтеннѣйшій, что если съ другой стороны.... (Онъ началъ сморкаться).

Я. Продолжайте, прошу васъ....

Онъ. Правда, безспорная правда, но съ другой стороны странное недоумѣніе.... Который часъ?

Я. Двѣнадцать.

Онъ. Скажите — какъ время-то летитъ! кажется, давно ли девять было!

Я. Сдѣлайте одолженіе....

Онъ. Охотно, да и могу ли вамъ отказать? Кажется, я имѣлъ случай на дѣлѣ показать вамъ, мой почтеннѣйшій, что мое усердіе.... (Онъ плюнулъ).

Такимъ образомъ продолжалась наша бесѣда часа съ два, и я ушелъ отъ Эирса Теофановича съ полнымъ убѣжденіемъ въ правдоности его ко мнѣ и благоразуміи, но ужъ болѣе ничего и не рѣшилъ мнѣ Эирсъ Теофановичъ.

Я совѣтую всѣмъ вообще убѣдиться въ той великой истинѣ, что людскіе совѣты и всегда почти на эту стать! Не вѣрьте Ла-рошфуко, будто «самый добрый человекъ, слыша о чужой бѣдѣ,

возможно радуется, что беда не съ нимъ случилась — Не вѣр-
те, потому что самый злой человѣкъ всегда изъяснить вамъ
искреннее сожалѣніе о вашей бѣдѣ. Но что же далѣе?

Пришла бѣда — надобенъ совѣтъ людской — начинается:

1. Бѣда состоитъ въ томъ-то.

2. Если я поступлю такъ-то, будетъ то то.

3. А если поступлю вотъ такъ, будетъ вотъ то.

вопросъ. Какъ же мнѣ поступить?

отвѣтъ. *Вотъ видите, если, однако жъ, положимъ, допу-*
стимъ, то и слѣдуетъ, что какъ нибудь, да надобно поступить.

Можете снять шляпу и поблагодарить за полезный совѣтъ. А
сверхъ того можете имѣть много пользы изъ людскихъ совѣтовъ
и потому даже, что они всегда предлагаются такъ:

1. Я совѣтую вамъ дѣлать такъ.

2. Я совѣтую вамъ не дѣлать.

3. Я думаю, что всего лучше если все сообразить.

4. Мнѣ кажется я поступилъ бы вотъ этакъ.

5. Да, согласенъ.

Очень хорошо выражается это математически:

$$0 + 0 : 0 - 0 + 0 + 0 = 0$$

И также весьма прилично сюда русское присловье, что если
вздоръ вздоромъ помножить, всегда выидеть сущая чепуха.

По крайней мѣрѣ, мнѣ отъ чужихъ совѣтовъ было велегчѣ. По-
добно индѣйскому факиру сидѣлъ я и глядѣлъ на кончикъ моего
носа, какъ озлобленный, ходилъ я задумавшись, и спотыкался о
каменья мостовой; какъ поэтъ, забывшій идею превосходной по-
эмы, бѣсился я... но... но... сказать ли?

Въ глубинѣ сердца моего затаилась одна мысль: чего ты испу-
гался? зачѣмъ прогналъ ты такъ неучтиво своего гостя? что
еслибы онъ подарилъ тебѣ то, что обѣщалъ? Развѣ не правъ
былъ онъ?

Ну, еслибы онъ потребовалъ знаете чего? — велика бѣда! ког-
да то еще потребовалъ бы онъ? И какъ-будто нельзя было его
какъ-нибудь, знаете — провести, проманить, перехитрить? Развѣ
не обманулъ его Твардовскій? не надулъ его Громобой? Выслу-
шайте сказочку.

Жилъ былъ въ Римѣ какой-то аббатъ, и вздумалъ осла своего
учить говорить. Объявилъ о желаніи аббата: учитель сыскал-
ся, заговорился выучить осла за двадцать тысячъ червонцевъ, въ
десять лѣтъ, и десять тысячъ червонцевъ взялъ въ задатокъ.

Пріятель! учился бранить и называли его дуракомъ. «Вы сами дураки! отвѣчалъ онъ». Десять тысячъ червонцевъ не шутка, ни десять лѣтъ не бездѣлица! Десять тысячъ червонцевъ у меня ни карнашкѣ, а пока десять лѣтъ ташутся, либо аббатъ, либо есегъ, либо я — кто-нибудь изъ насъ умреть!»

Мы часто теряемъ отъ того, что у страха глаза велики — съ горяча не обдумаемъ — глупость бросить камень въ воду, а тамъ ужъ вынимаемъ его какъ угодно!

Что, почтенные читатели, вамъ не нравится моя исповѣдь? Вижу какъ вы подымаете вашъ красивый носикъ, сударыня, и какъ шевелится отъ негодованія вашъ почтенный носикъ, сударь, но будьте откровенны: позвольте мнѣ прорѣзать маленькое окошечко въ ваше сердце, и заглянуть туда!—Не позволите? А отъ чего бы такъ?

Сердце наше кладязь ирачный;
Такъ приманчивъ сверху видъ,
Но спустился на дно — ужасный
Крокодилъ на немъ лежитъ!

То есть, не въ вашемъ сердцѣ, мой почтенный читатель, а въ чужомъ, въ сердцѣ вашего ближняго: ваше сердечко такое чистое, что крокодилы въ немъ не заведутся.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось мое думанье и раздумыванье. Еслибы я, какъ Фаустъ, могъ вызывать духовъ — какъ вы думаете вызвалъ бы я опять къ себѣ моего гостя? А вы не вызвали бы его?

О, милостивые государи, не совѣтую вамъ лазить на высокія башни — не ручайтесь, что головы у васъ не закружатся!

Не совѣтую вамъ доврять сердцу жевцовны, преданности управителя, честности подъячаго, исправности пьяницы, совѣсти игрока, безпристрастію рецензента, состраданію богача, весенней погоды, осеннему асному утру, зимней оттепели — бойтесь ошибиться.

Не совѣтую заглядывать въ сердце человѣческое — смотрите, чтобы у васъ сердце не сжало судорогами, чтобы оно не лопнуло отъ прилива крови, не зачахло отъ ея отлива!.. Браните меня, какъ угодно — я рѣшился *вызвать* его!...

II.

КОЛДУНЬЯ.

Какъ вы узнаете о его?

А! какъ любопытно знать!

Но что же хотите вы знать? Гдѣ вы не станете слышать его? Притомъ, если бы я и хотѣла вамъ рассказать, какъ мнѣ рассказывать нечего.

— Вы скрываете вамъ тайну?

— Разумѣется — кто открываетъ тайну безъ махрама! Поторгунтесъ — а съ васъ не дорого возьму!

— А что вы возьмете?

— Ваше обѣщаніе: прочесть меня до послѣдней странички, до благодатнаго: *Finis!* Согласны? — По рукамъ! — И такъ я иду.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ оныхъ болотахъ, на берегу Варяжскаго моря, стоитъ градъ Петрополь, и въ томъ градѣ Петропольѣ есть особая частица, именуемая *Козья Болото*. На томъ Козьмѣ Болотѣ, въ переулкѣ, не далеко отъ береговъ рѣки Пракки, есть нѣкій домъ, и въ томъ домѣ живетъ нѣкоторая Ѳедосья Матвѣевна, известная въ Большой и Малой Коломнѣ, и даже за Каликинымъ мостомъ, и почти до Харламова моста. И знаетъ та Ѳедосья Матвѣевна все что дѣлается у всѣхъ ея сосѣдей, знакомыхъ и незнакомыхъ, живущихъ близко и далеко, низко и высоко. Громко, сильно, шумно, безпрерывно говоритъ Ѳедосья Матвѣевна, рассказываетъ, пересказываетъ, прибавляетъ, переиhrываетъ, совѣтуетъ, отсвѣтываетъ, женить, разжениваетъ, опредѣляетъ, сгоняетъ. Что не вѣдомо Ѳедосьѣ Матвѣевнѣ? Она знаетъ, сколько крадетъ сахару кухарка у Петра Авонасьевича; сколько занялъ Григорій Ѳомичъ у Ѳетивны Петровны, и что положилъ въ закладъ; что обѣщано Лукѣ Лукичу за рѣшеніе дѣльца въ палатѣ, сколько разъ вчера бранилась Прасковья Ивановна съ супругомъ, и сколько оплеухъ дала служанкѣ своей Акулькѣ. Во всѣхъ нужныхъ случаяхъ вся Коломна прибѣгаетъ къ Ѳедосьѣ Матвѣевнѣ, и я прибѣгъ къ ней въ своемъ горѣ.

Скрывая тайну свою, сказалъ я Ѳедосьѣ Матвѣевнѣ, что мнѣ нужно посоветоваться съ колдуньей о весьма важномъ дѣлѣ. Если колдунья должна быть тощая, сухая, высокая, морщиноватая, сгорбленная, съ носомъ, который крючкомъ изгибается къ под-

бородку, ласково приветствующему нежданнаго товарища, то и самую Федосью Матвѣевну можно почестъ колдуньскою. Но сколько мнѣ извѣстно, Федосья Матвѣевна съ чортомъ знакомства не ведетъ, и онъ къ ней не жалуется, потому что не зачѣмъ; и безъ него Федосья Матвѣевна тихонько плетется туда, гдѣ ей готовятъ тепленькое мѣстечко.

Я не ошиба въ расчетѣ. Незнакомая лично съ чортомъ, Федосья Матвѣевна отрекомендовала мнѣ одну его знакомую, и я пустился отыскивать ее...

Что за городъ Петербургъ! Кто прїѣзжалъ въ него, жилъ у Демута, гуляя только по Невскому Проспекту, и уѣхалъ потомъ — тотъ не знаетъ его?

Кто живетъ на Морской, развѣзжаетъ въ каретѣ, славно объѣдетъ и хорошо отдыхаетъ послѣ объѣда — тотъ не знаетъ Петербурга!

Нѣтъ, нѣтъ! Прїѣзжайте въ Петербургъ безъ денегъ, съ дѣломъ, искать мѣстечка, безъ покровительства, поживите въ Петербургѣ гдѣ нибудь подалѣе Проспекта и Морской, попробуйте занять, снискать покровительство, походить пѣшкомъ, заглянуть въ отдаленные уголки его, побывать въ чердакахъ и подпольяхъ огромныхъ домовъ его, въ полуразвалившихся домикахъ на Петербургской Сторонѣ и въ Московской Ямской, въ гнѣздахъ, которыми облѣплены его переулки, гдѣ живутъ не птицы небесныя, но люди, которые однако жъ не жнутъ, ни сѣютъ, и питаются подобно небеснымъ птицамъ; тогда вы узнаете Петербургъ, особливо, если вы можете заглянуть и въ приказныя камеры его, и въ казенныя квартиры, и въ будоары, и салоны, не тогда какъ въ нихъ толпятся гости, а когда неутомимыя страсти и заботы посѣщаютъ хозяевъ...

Тогда вы узнаете Петербургъ, и согласитесь, что бѣсу легко снискать въ немъ прїютъ и квартиру, и ужъ нечего и говорить, что знакомымъ бѣса есть гдѣ въ немъ прїютиться.

Гдѣ отвѣскалъ я, по указанію Федосьи Матвѣевны квартиру бѣсовой знакомки — угадайте? На высотѣ ли какихъ-нибудь палатъ, испещренныхъ вывѣсками, гдѣ томится горькая нужда, или назадъ безобразной кучи лачужекъ, гдѣ работаетъ запачканное безденежье.

— Я, батюшка, ждала тебя, сказала мнѣ колдунья.

— Ждала меня, бабушка? Кто же предувѣдомилъ тебя о моемъ приходѣ, Федосья Матвѣевна?

— Ну, и без Фодосы Матвѣевны есть меня кому предувѣдомить. Я знаю даже зачѣмъ ты пришелъ!

— Знаешь, бабушка?

— Знаю, дитятко. Тебѣ хочется повидаться съ гостемъ, который недавно посѣщалъ тебя.

— Ахъ! бабушка!

— Тò-то, дитятко, всѣ мы за умъ хватаемся, когда ужъ дѣлу поособить нельзя! Но я тебѣ поособлю.

— Бабушка! ты разодолжишь меня....

— Не стоитъ благодарности, дитятко; вѣдь тебѣ собственно къ чортѣ то нужды нѣтъ? вѣдь тебѣ хочется достать у него тайну той великой науки, о которой онъ тебѣ говорилъ?

— Да, бабушка, но видишь — боюсь, какъ онъ предложитъ такую цѣну....

— Ужъ не души ли твоей онъ требовалъ?

— Да, бабушка!

— Ахъ! онъ мошенникъ, да стоитъ ли за такую дрянную душу ему отдать? Да, вѣдь это теперь ужъ такая избитая наука, что люди ему укажутъ въ ней! Нѣтъ, разбойникъ — выдай онъ что-нибудь поновѣе — видишь, съ чѣмъ выѣхалъ! Наука наживать деньги, проживать деньги, жить безъ денегъ! Кто жъ этой науки теперь не знаетъ?

— И ты ее знаешь, бабушка?

— Вѣстимо, дитятко....

— Но, бабушка....

Тутъ колдунья захохотала, такъ что стѣны затрещали! Черный котъ ея вспрыгнулъ съ печки, и пошелъ ходить кругами.

— Понимаю, сказала она, ты мнѣ не вѣришь: какъ дескать, ты думаешь, если эта старуха можетъ нажить деньги, почему же она не наживетъ ихъ, и гвѣздится въ такой лачужкѣ? Хе, хе, хе! У всякаго барона своя фантазія. Почему я наукою своею не пользуюсь — мое дѣло, а ты въ чужія дѣла мѣшаться не при- утайся — думай о своемъ! Тò-то и бѣда на свѣтѣ, что всякій изъ васъ не въ свои сани садится, и о другихъ думаетъ — иной съ дуру, иной съ зависти, иной отъ бездѣлья....

— Но бабушка, что ты съ меня возьмешь за выучку?

— Что я возьму? Хе, хе, хе!

Она поднялась съ своего мѣста, выпрямилась, протянула ко- стлявыя руки, и улыбнулась, кажется — хоть ея улыбка была страшнѣе улыбки мертвеца, описанной извѣстнымъ дѣдушкою Иринею....

III.

ДОГОВОРЪ СЪ КОЛДУНЬЕЙ.

— Я съ тебя ничего не возьму, дитятко; сказала мнѣ колдунья, да, ничего! И не думай, чтобы и въ тебя влюбилась, либо тебе добра желаю — куда мнѣ, старухѣ, влюбиться, а если бы и захотѣла, токъ выбрала бы пожирѣй, да покраснѣй тебѣ.... А добра желать другому мнѣ можно приучиться.... Нѣтъ!

Она щелкнула зубами.

— Нѣтъ! мнѣ хочется взбѣсить чорта, и показать ему, что онъ дуракъ!

— Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, выѣхалъ: дай ему душу, за то, что онъ научитъ деньги считать! этакъ невидаль!

— А когда я взбѣшу его, такъ мнѣ надобно съ нимъ поторговаться кое о чемъ, чикъ, о омонхъ дѣлахъ....

— За то, что я открою тебѣ всѣ тайны *деньгоматики*, ты давай мнѣ слово—все, что я скажу тебѣ, написать, напечатать и пустить въ народъ....

— А самъ я ужъ навѣрное деньги наживу?

— Отъ тебя будетъ зависть!

— За что же я открою тайну другимъ?

— За то же, за что тебѣ откроютъ — ни за что!

— И всякій тогда можетъ наживать?

— Если угодно.

— Бабушка! ты будешь благодѣтельницею рода человѣческаго!

— Да, ты думаешь, что тогда роду человѣческому окажешь большое благодѣяніе?

Она опять улыбулась *улыбкой мертвеца*.

— Хорошо, будемъ благодѣтелями рода человѣческаго! Сядишь и слушай. А прежде — постой немого — маленькое приготовленіе....

Она начала ходить кругомъ, прыскала на стѣны изъ какого-то куштина, и бормотала слова, изъ которыхъ понялъ я только известную формулу: *абракадабра*. Если не вѣсьмъ читателейъ она известна, я представлю имъ эту знаменитую формулу какъ она пишется въ колдовскихъ книгахъ:

а б р а к а д а б р а
 в б р а к а д а б р а
 г в р а к а д а б р а
 д г в а к а д а б р а
 е д г в е к а д а б р а
 ж е д г в е а д а б р а
 з ж е д г в е д а б р а
 ч з ж е д г в а б р а
 ц ч з ж е д г в б р а
 д ц ч з ж е д г в е р а
 д г в ч з ж е д г в а

Что еще бормотала колдунья, я не могъ разслушать, пока она не произнесла, знаменитыхъ не менѣе абракадабры:

с а т о р
 а р е п о
 т е ш е т
 о п е р а
 р о т а с

Я оглянулся, и—самъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: вмѣсто вѣтхой лачужки и темной норы, я увидѣлъ себя въ прекрасной комнатѣ, въ мягкихъ креслахъ, съ сигаркой въ зубахъ, съ ковромъ подъ ногами. Каминъ горѣлъ передо мною. На пульпитрѣ, который ловко подвертывался подъ мою руку, лежало нѣсколько листочковъ велевовой бумаги, и въ рукѣ моей было *самопишущее* стальное перо. Теплый бархатный шлаэрокъ облакалъ меня, и ноги мои нѣжились въ индѣйскихъ туфляхъ.

— Ловко ли тебѣ, дитятко? говорила колдунья, придвигаясь ко мнѣ на гомбовскомъ табуретѣ.

— Ахъ! бабушка! вскричалъ я, какъ же не благодѣяніе людямъ окажемъ мы, изъясняя тайны деньгоматики! вѣдь все это покупается за деньги....

— Правда. Принимайся же и пиши. Я началъ.

IV.

ВСЕОБЩІЯ ПРАВИЛА НАУКИ НАЖИВАТЬ ДЕНЬГИ.

I. Желающій наживать деньги, да содѣлаетъ деньги предметомъ всѣхъ мыслей своихъ, всѣхъ помышлений, всѣхъ думъ; да
 Т. ХСIII.— Отд. I.

отречется отъ всего въ мірѣ , отъ отца и матери , отъ рода и племени, прошедшаго, настоящаго, будущаго; да будутъ онѣ его идоломъ, честью, похвалою, наградою.

II. Желаящій наживать деньги , да забудеть , что у него есть сердце , душа и умъ ; да видитъ онъ въ душѣ, сердцѣ и умѣ только средства наживать деньги , приобретать деньги , *дѣлать деньги*.

III. Желаящій наживать деньги , да презритъ всѣ старинныя предубѣжденія, какими опутываютъ людскую совѣсть, и прочее, и прочее. Онъ долженъ увѣриться, что все зависить отъ точки зрѣнія, съ которой мы глядимъ на предметы.

IV. Желаящій наживать деньги , долженъ думать только о томъ, чтобы люди не открыли его великой тайны, и для того долженъ онъ свято хранить всѣ приличія, условія, договоры, или что принято между людьми для взаимнаго охраненія кармановъ, но въ то же время:

V. Желаящій наживать деньги, долженъ устремлять всѣ свои способности, дарованія, умъ и разумъ для овладѣнія карманомъ ближняго, и въ такомъ случаѣ онъ не долженъ щадить ни себя, ни другихъ, когда овладѣть имъ можетъ....

— Бабушка! вскричалъ я, помилуй! чему ты меня учишь?

НИКОЛАЙ ПОЛЕВОЙ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,

=

ГАРОЛЬДЪ,

ПОСЛѢДНІЙ САКСОНСКІЙ КОРОЛЬ ВЪ АНГЛІИ.

=

РОМАНЪ ЭДУАРДА КИЛЬВЕРА (1847).

=

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Домъ Годвиновъ.

I.

Все шло по желанію герцога Вильгельма Норманскаго. Одною рукою онъ укрощалъ строптивыхъ вассаловъ и отражалъ жестокихъ враговъ; а другою велъ къ вѣнцу Матильду, Фландрскую красну-дѣвицу. Все случилось, какъ предсказывалъ Лафранкъ. Самый жестокій врагъ Вильгельма, король французскій, пересталъ строить ковы противъ своего новаго родственника, а всѣ сосѣдніе государи сказали: — незаконный сынъ сталъ нашимъ братомъ, съ тѣхъ поръ какъ посадилъ съ собою на престолъ внуку Карла-Великаго. — Англія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе принимала норманскіе нравы; а Эдуардъ съ каждымъ днемъ становился слабѣе. Казалось, норманскому герцогу не было болѣе никакой преграды къ англійскому престолу, какъ вдругъ повѣялъ вѣтеръ, и надулъ паруса Гарольда.

Суда его явились въ устьяхъ Северна. Жители Сомерсета и Давона, народъ слабый, и по большей части кельтическаго племени, нелюбя Саксонцевъ, вышли противъ него; но Гарольдъ обратилъ ихъ въ бѣгство, и перебилъ болѣе тридцати храбрыхъ теговъ.

Между тѣмъ, Годвинъ и сыновья его, Свейнъ, Тостигъ и Гуртъ нашли убѣжище въ той самой Фландріи, откуда Вильгельмъ взялъ супругу (Тостигъ еще прежде женился на сестрѣ Матильды, и следовательно былъ графу Балдуину такимъ же зятемъ какъ и Вильгельмъ); они не просили помощи у Балдуина, но сами собрали дружину, и стояли въ Бригге, готовые соединиться съ Гарольдомъ. Эдуардъ, узнавъ объ этомъ отъ норманскаго герцога, не спускавшаго глазъ съ изгнанниковъ, приказалъ сварядить сорокъ кораблей, и отдалъ ихъ подъ начальство Рольфа, графа Гирфордскаго. Корабли стояли въ Сандвичѣ, и стерегли Годвина; но старый графъ успѣлъ ускользнуть и безопасно высадился на южномъ берегу. Войско, занимавшее Гастингскую крѣпость, съ радостными кликами отворило ему ворота.

Всѣ судовщики, моряки, изъ ближнихъ и дальнихъ странъ, толпами сбѣгались къ нему, съ парусами и щитами, мечами и веслами. Весь Кентъ, первый разсадникъ Саксонцевъ, воскликнулъ единодушно: — На жизнь и на смерть за графа Годвина! — Вдоль и поперегъ, по всей странѣ, скакали графскіе гопцы и всадники; и отсюду въ одинъ голосъ откликались ратники на зовъ дѣтей Горзы: — На жизнь и на смерть за графа Годвина! — Суда Эдуарда, смятенныя, обратились назадъ, и поплыли на всѣхъ парусахъ къ Лондону, а флотъ Гарольдовъ свободно продолжалъ свой путь. Такъ старый графъ снова увидѣлся съ сыномъ на палубѣ корабля, на которомъ красовался прежде датскій воронъ.

Умножаясь и увеличиваясь на пути, медленно подвигая флотъ по Темзѣ; по обонимъ берегамъ шли въ беспорядкѣ безчисленныя толпы вооруженнаго народу. Эдуардъ послалъ за свѣжею помощью, но она явилась не скоро. Флотъ графа доплылъ почти до Юльскаго башни, въ Лондонъ, и ставъ на якорѣ противъ Сутварка, ждалъ прилива. Едва успѣлъ построить войска, какъ наступилъ часъ прилива.

II.

Эдуардъ сидѣлъ, не на тронѣ, но въ королевскихъ креслахъ, въ пріемной палатѣ Вестминстерскаго дворца. На головѣ его бы-

ла корона съ трѣмя необдѣланными камнями въ видѣ тройныхъ трилиственниковъ, въ правой рукѣ — скипетръ. Королевская мантия, застегнутая плотно вокругъ шеи, шпрокою золотою застежкой, роскошно виспадала на ноги. Въ палатѣ собрались тегны, правители королевства и другія лица. То было не собраніе народныхъ вѣтановъ, а военный совѣтъ, составленный по-крайней-мѣрѣ цѣлою третью изъ Нормановъ, высокородныхъ графовъ, рыцарей, и такъ далѣе.

Эдуардъ смотрѣлъ настоящимъ королемъ. Обычная кротость исчезла съ его лица, и тяжелая корона бросала тѣнь на его брови, которые какъ-будто были нахмурены. Духъ его, казалось, сбросилъ съ себя бремя, наслѣдованное отъ отца, Этельреда Медлительнаго, и возвратился къ болѣе чистому и свѣжму источнику своихъ воинственныхъ прадѣдовъ. Въ это время онъ могъ хвалиться своею породою и держать скипетръ Этельстана и Альфреда.

Эдуардъ произнесъ:

— Достойные и любезные эльдермены, графы, и тегны Англии; и благородные, любезные друзья и гости, графы и рыцари Нормандіи, отчизны моей матери—внемлите словамъ вашимъ, милостью Всевышняго Бога, Эдуарда короля англійскаго. Мятежники вступили въ нашу рѣку; отворите окно, и вы увидите сіяніе ихъ щитовъ на судахъ, услышите говоръ ихъ войскъ. Доселѣ не пушено ни одной стрѣлы изъ лука, не обнажены мечи; а между-тѣмъ по той сторонѣ рѣки есть нашъ флотъ, состоящій изъ сорока судовъ; и вдоль берега, между дворцомъ и Лондонскими воротами, выстроены наши полки. Мы удерживались до-сихъ-поръ, потому что измѣнникъ Годвинъ проситъ мира; посланный его ждетъ у входа. Угодно ли вамъ чтобы мы выслушали его? или же намъ отпустить посланнаго, не выслушавъ его предложеній, и немедленно приняться за оружіе?

Король умолялъ; лѣвою рукою крѣпко ухватился за львиную голову, изваянную на ручкѣ его кресла, а правая, не дрогнувъ, держала скипетръ.

Глухой ропотъ прошелъ по рядамъ чужеземныхъ рыцарей, но какъ ни надменны были пришельцы, никто изъ нихъ не смѣлъ возвысить голосу прежде Англичанъ, когда дѣло шло объ опасности Англии.

Медленно всталъ Альредъ Винчестерскій, достойнѣйшій изъ сановниковъ всего королевства.

— Король, сказалъ онъ; грѣшно проливать кровь своихъ ед-

вородныхъ братьевъ; и это извиняется только въ случаѣ крайней необходимости; а мы этой необходимости еще не видимъ. Печально пронесется по всей Англіи вѣсть, что королевскій совѣтъ предалъ, можетъ-быть, огню и мечу весь Лондонъ, когда одного слова, сказаннаго во время, достаточно было бы для обезоруженія непріятельскихъ войскъ, и грознаго мятежника, который теперь угрожаетъ тебѣ, обратить въ вѣрныя подданные. Мое шпія — выслушать посланнаго.

- Едва Альредъ сѣлъ на мѣсто, вскочилъ Норманъ Робертъ Канторберійскій, человекъ съ высшимъ образованіемъ, какъ говорили о немъ современники, и сказалъ:

— Выслушать посланнаго значитъ одобрить мятежъ. Умоляю тебя король слѣдовать движенію своего сердца и голосу чести. Подумай, съ каждою минутою проволоочки растутъ силы врага, укрѣпляется мятежъ; непріятель пользуется каждою минутой, чтобы переманить на свою сторону ослѣпленныхъ гражданъ. Отлагательство доказываетъ нашу слабость; королевское имя непреодолимая крѣпость, сильная только властью короля. Прикажи выступить, не на бой, я этого не называю боемъ, а на казнь и расправу.

— Какъ говорилъ мой братъ Канторберійскій, такъ думаю и я, сказалъ Вильгельмъ Лондонскій, также Норманъ.

Но въ это мгновеніе всталъ человекъ, передъ которымъ затихло все: сѣдой богатырь, будто памятникъ прошедшихъ лѣтъ, возвысился надъ всѣми Сивардъ, сынъ Беорноу, доблестный графъ Нортomberскій.

— Нечего намъ толковать съ Норманами. Будь они на рѣкѣ, а въ этой палатѣ одни наши соотечественники, Датчане и Саксонцы, выборъ короля былъ бы одобренъ единодушно, и тотъ предатель, кто бы заговорилъ о мирѣ; но когда Норманъ совѣтуетъ жителямъ Англіи идти и убивать своихъ братьевъ, не обмаху я меча по его приказанію. А кто скажетъ, чтобы Сивардъ Крѣпкая Мышца, внукъ Берсеркера, когда либо отступалъ передъ врагомъ? Врагъ, сынъ Этельредовъ, врагъ засѣдаетъ въ твоихъ палатахъ; за тебя стою я, когда не хочу повиноваться Норману! Ратные братья, родные по крови и по языку, Датчане и Саксонцы, вы давно уже сроднившіеся, равно гордящіеся Канутомъ доблестнымъ и Альфредомъ мудрымъ, выслушайте посланнаго отъ Годвина, нашего земляка; онъ по крайней мѣрѣ будетъ говорить нашимъ языкомъ, онъ знаетъ наши законы. Если требованіе его справедливо, такое, что король долженъ его уважить,

а нашъ витанъ — выслушать, горе тому, кто откажетъ; если же оно несправедливо, да будетъ стыдно тому, кто согласится. Витязь посылаетъ посла къ витязю, землякъ къ земляку; выслушаемъ какъ земляки, будемъ судить какъ витязи. Я кончилъ.

Шумъ и волненіе послѣдовали за рѣчью Сиварда; единодушное одобреніе со стороны Саксонцевъ, даже тѣхъ, которые въ мирное время наиболѣе подчинялись норманскому вліянію; но нѣтъ словъ, чтобы изобразить гнѣвъ и негодованіе Нормановъ. Они шумно заговорили всѣ вмѣстѣ; и совѣщаніе продолжалось среди ужаснаго безпорядка. Большинство было на сторонѣ Англичанъ, и перевѣсъ несомнѣнный. Эдуардъ съ рѣдкою твердостью и присутствіемъ духа, рѣшился прекратить споры; онъ протянулъ свистръ, и велѣлъ ввести посланнаго.

Послѣ запальчивой досады Нормановъ послѣдовало уныніе и страхъ; они очень хорошо понимали, что необходимымъ слѣдствіемъ, если даже не условіемъ переговоровъ, будетъ ихъ паденіе и изгнаніе.

Отворилась дверь въ концѣ палаты, и явился посланный. Это былъ здоровый, широкоплечій мужчина, среднихъ лѣтъ, въ длинномъ, широкомъ кафтанѣ, бывшемъ прежде народнымъ одѣяніемъ Саксонцевъ, но въ это время выходившемъ изъ употребленія; съ густой бородою, и сѣрыми, спокойными глазами; онъ былъ однимъ изъ вождей Кентской области, гдѣ предубѣжденія его соплеменниковъ достигли высшей степени, и которой поселяне считали своимъ наслѣдственнымъ правомъ стоять въ сраженіяхъ всегда въ первомъ ряду.

Войдя въ палату, онъ съ благородною почтительностью поклонился совѣту; потомъ на дорогѣ отъ дверей къ трону, преклонилъ колѣна; онъ не считалъ этого униженіемъ, потому что король, передъ которымъ онъ преклонялъ колѣна, былъ потомокъ Водеповъ, и преемникъ Генгиста. По зѣваку и приглашенію короля, Вебба, не вставая, сказалъ:

— Эдуарду, сыну Этельредову, милостивому нашему королю и господину, Годвинъ, сынъ Вольвотовъ, шлеть вѣрноподданническій и смиренный поклонъ, черезъ Веббу, изъ роду тегиновъ. Онъ умоляетъ короля милостиво выслушать его, и судить милосердо. Не на короля идетъ онъ съ судами и оружіемъ; а на тѣхъ, которые стали между сердцемъ короля и его подданныхъ; на тѣхъ, которые поселили раздоръ между родными, вооружили отца противъ сына, разлучили мужа съ женою...

При послѣднихъ словахъ, скиптръ задрожалъ въ рукѣ Эдуарда, и лицо его приняло суровое выраженіе.

— Король же Годвинъ смиренно и усердно умоляетъ снять съ его родныхъ несправедливый приговоръ, осуждающій ихъ на изгнаніе; возвратитъ ему и сыновьямъ принадлежащія имъ отчины, и заслуженныя ими почести; болѣе же всего возвратитъ то, чего они всегда старались удостоиться усердною службою, милость законнаго государя; и поставитъ ихъ снова во главѣ хранителей англійскихъ законовъ и преимуществъ. Если эта просьба будетъ уважена, суда возвратятся въ свои гавани; тегиъ вернется въ свою отчину, а сеорли къ своей сохѣ; потому что у Годвина нѣтъ чужеземцевъ; сила его заключается въ одной любви народа.

— Это все? спросилъ король.

— Все.

— Удались, и ожидай нашего отвѣта.

Кентскій тегиъ вышелъ въ прихожую, гдѣ стояло нѣсколько Нормановъ, одѣтыхъ съ погъ до головы въ кольчуги, которымъ молодость или званіе не позволяли входить въ залу совѣта, но которые тѣмъ не менѣе должны были принимать сильное участіе въ результатѣ совѣщанія, потому что они уже успѣли захватить не одинъ добрый клочекъ земли изъ имущества изгнанныхъ; всѣ они жаждали битвы, и съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія. Въ числѣ ихъ былъ Маллѣ де-Гравиль.

Этотъ молодой рыцарь, какъ мы уже видѣли, соединялъ съ Юрманскою удалю и норманскую смѣтливость; послѣ отъѣзда Вильгельма, онъ не пренебрегъ изученіемъ языка страны, въ которой надѣялся промѣнять свою заложную башню на берегу Сены, на богатое баронство на Гомберѣ или на Темзѣ.

Между тѣмъ какъ надменные соотечественники его съ безмолвнымъ презрѣніемъ сторонились отъ посланнаго, Маллѣ вѣжливо подошелъ къ нему, и сказалъ по саксонски:

— Позволь мнѣ спросить о результатѣ твоего посольства отъ мятеж... виноватъ, отъ доблестнаго графа?

— Я самъ жду его, отвѣчалъ Вебба отрывисто:

— Тебя выслушали, однако же, до конца?

— До конца.

— Милостивый государь, сказалъ Гравиль, стараясь смягчить обычный свой вропическій тонъ, полученный имъ можетъ быть въ наслѣдство отъ своихъ прадѣдовъ по матери, Франковъ. Любезный миротворецъ, не слишкомъ ли я буду нескромнъ, если

спрошу тебя, не требуетъ ли Годвинъ, между прочими весьма благоразумными условіями, головы твоего покорнѣйшаго слуги, — не называя его, разумѣется, по имени, потому что имя мое еще не дошло до него, а какъ принадлежащаго къ несчастному классу, называемому Норманами.

— Еслибы графъ Годвинъ, отвѣчалъ посланный, ставляя мѣсть условіемъ мира, онъ бы выбралъ въ переговорщики не меня, а кого другаго. Графъ требуетъ только своей собственности; а твоя голова, я полагаю, не принадлежитъ ни къ движимому, ни къ недвижимому его имуществу.

— Это по-крайней-мѣрѣ довольно утѣшительно, сказалъ Маммѣ очень тебя благодаренъ, по истинѣ, почтенный Саксонецъ.... Да знаешь что; ты, его чести, говорилъ какъ бравый и честный малый. Если придется намъ умереть подъ мечами, какъ надобно предполагать, я сочту особеннымъ счастьемъ попасть подъ твою руку. Послѣ вѣрнаго друга, ничею я такъ не люблю, какъ храбраго врага.

Вебба улынулся; нравъ молодого рыцаря, его беззаботная рѣчь и наружность нравились грубоватому уму Веббы, но смотря на его предубѣжденіе противъ чужеземцевъ.

Ободренныи улыбкою, Маммѣ сѣлъ къ углу длиннаго стола, и привѣтливо пригласилъ Веббу послѣдовать его примѣру; потомъ взглянувъ на него съ серьезнымъ видомъ, продолжалъ:

— Ты такъ откровененъ и привѣтливъ, почтенный посолъ, что я намѣренъ побеспокоить тебя еще парю любопытныхъ вопросовъ.

— Говори, Норманъ.

— Скажи мнѣ, за что вы, Англичане, такъ любите этого графа Годвина? — мало того; зачѣмъ еще вы хотите, во что бы ни стало, чтобы Эдуардъ такъ же любилъ его? Это вопросъ, который я уже дѣлалъ нѣсколько разъ, и на который мнѣ, въ этихъ палатахъ, едва ли дождался удовлетворительнаго отвѣта. Сколько мнѣ извѣстна ваша смутная исторія, графъ Годвинъ уже нѣсколько разъ переходилъ отъ одной партіи къ другой; сначала стоялъ противъ Саксонцевъ, потомъ противъ Канута.—Кануть умеръ, и онъ опять поднимаетъ оружіе на Саксонцевъ; уступаетъ совѣту вашего втана и беретъ сторону Гардиканута и Гарольда, Датчанъ; — и въ то же время юные саксонскіе принцы, Эдуардъ и Альфредъ, получаютъ письмо будто бы отъ матери своей, Эммы, въ которомъ ихъ приглашаютъ въ Англію, обѣщая имъ содѣйствіе.—Эдуардъ, видно по какому-то сверхъестественному внушенію,

остается въ Нормандіи; Альфредъ же переправляется въ Англию. Годвинъ, говорятъ, — можетъ быть и врутъ — встрѣчаетъ его, присягаетъ ему, какъ королю.... Постой, слушай далѣе.... Потому этотъ Годвинъ, котораго вы такъ любите, ведетъ Альфреда въ Индфордскую усадьбу — кажется такъ она у васъ называется; хорошее мѣсто! — И вотъ въ глухую ночь врываются клеветы короля Гарольда, хватаютъ принца и его свиту, всего шестьсотъ словѣкъ; а на другой день ихъ всѣхъ, кромѣ десятаго, пытаются и казнятъ. Самого Альфреда везутъ въ Лондонъ, потому выкалываютъ ему глаза на Илайскомъ островку, и онъ умираетъ съ тоски! — Что вы, не смотря на все это, любите Годвина, — оно странно, но все-таки возможно. Но возможно ли, любезный посолъ, королю, любить человѣка, который выдалъ его брата на убой?

— Все это норманскія сказки, отвѣчалъ тебѣ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ; Годвинъ уже очистился отъ участія въ гнусномъ убійствѣ Альфреда.

— Очищеніе, слыхалъ я, сказалъ рыцарь сухо, подкрѣплено подаркомъ Гардиканута, который по смерти Гарольда хотѣлъ было отмстить за это гнусное убійство; подарокъ, заключавшійся, будто бы, въ высеребренномъ кораблѣ съ двумя сороками ратниковъ съ мечами о золотыхъ рукояткахъ, и въ вызолоченныхъ. — Но оставимъ это....

— И подлинно, оставимъ, повторилъ Вебба, вздохнувъ; ужасныя то были времена, и мрачны ихъ тайны.

— Но все таки, отвѣчай мнѣ, за что вы любите Годвина? Сколько разъ онъ переходилъ отъ партіи къ партіи, и при каждой перемѣнѣ выгадывалъ новыя почести и помѣстья. Онъ честолюбивъ и жаденъ, въ этомъ вы сознаетесь сами; въ пѣсняхъ, которыя поются у васъ на улицахъ, его уподобляютъ терновнику и репейнику, на которыхъ овца оставляетъ шерсть; онъ гордъ и высокомеренъ. Скажи же мнѣ, мой откровенной Саксонецъ, за что вы любите Годвина? Желалъ бы я это знать: потому что, видишь ли, если будетъ на то ваше и вашего графа согласіе — я думаю жить и умереть въ веселой Англии; и потому не мѣшало бы мнѣ знать, чѣмъ дѣлать, чтобъ быть похожимъ на Годвина и, подобно ему, списать любовь Англичанъ.

Простодушный Вебба казался въ ужасномъ недоумѣніи; поглядивъ задумчиво бороду, онъ отвѣчалъ:

— Хотя я изъ Кента, слѣдовательно изъ его графства, однако жъ я вовсе не изъ числа самыхъ упорныхъ приверженцевъ

Годвина; по этому-то онъ меня и выбралъ въ переговорщики. Тѣ, которые находятся при немъ, любить его, вѣроятно, за щедрость въ наградахъ, и за покровительство. Къ старости великаго вождя льнетъ благодарность, какъ мохъ къ дубу. Но что до меня, и моей братьи, мирно живущей въ своихъ селахъ, убѣгающей двора и не мѣшающей въ распри, Годвинъ дорогъ намъ не какъ *человѣкъ*, а какъ *вещь*.

— Какъ я ни стараюсь понять твой языкъ, сказалъ рыцарь, но ты употребляешь выраженія, надъ которыми задумался бы самъ мудрый царь Соломонъ. Что разумѣешь ты подъ Годвиномъ, какъ *вещью*?

— Да то, чего Годвинъ представляется намъ выраженіемъ. Мы любимъ справедливость; а какія бы ни были его преступленія, Годвинъ изгнанъ несправедливо. Мы любимъ свои законы; Годвинъ навлекъ на себя невзгоду тѣмъ, что поддерживалъ ихъ. Мы любимъ Англію, и насъ разоряютъ чужеземцы; въ Годвинѣ обижена вся Англія, и.... извини, чужеземецъ, если я не докончу своей рѣчи.

Потомъ, посмотрѣвъ на молодаго Нормана съ выраженіемъ искренняго состраданія, онъ положилъ свою широкую руку на плечо молодаго рыцаря, и шепнулъ:

— Послушай моего совѣта.... бѣги.

— Бѣжать! воскликнулъ де-Гравиль, покраснѣвъ. Затѣмъ и развѣ надѣлъ доспѣхи и опоясалъ мечъ, чтобы бѣжать?

— Не поможетъ, не поможетъ! Свирѣпа оса; но весь рой долженъ погибнуть, когда подожена солома. Говорю тебѣ — бѣги, пока еще не поздно, и ты спасенъ; потому что если только король послушается безразсуднаго совѣта, и рѣшится раздѣлаться съ этою толпою оружіемъ, то не пройдетъ дня, какъ уже не будетъ ни одного Нормана на десять миль вокругъ города. Помни мои слова, молодой человѣкъ.... У тебя, можетъ-быть, есть мать.... не заставь ее оплакивать сына.

Норманъ не успѣлъ еще прибрать саксонскихъ словъ, чтобы вѣжливо высказать свое негодованіе на подобный совѣтъ, и какимъ оскорбленіемъ считалъ онъ неперемонное обращеніе съ его плечомъ и предположеніе, что онъ могъ послушаться совѣта изъ состраданія къ матери; но въ это время посланный былъ опять призванъ въ присутствіе. Онъ уже не выходилъ въ прихожую; а получивъ кроткій отвѣтъ совѣта, прошелъ прямо на главаую лѣстницу дворца, сѣлъ въ свою лодку, и немедленно отправился на корабль, гдѣ находились графъ и его сыновья.

Между-тѣмъ Годвинъ измѣнилъ положеніе своихъ силъ. Сначала флотъ его, пройдя Лондонскій мостъ, сталъ на-время у берегу Южнаго Предмѣстья, названнаго впоследствии Саутваркомъ; королевскій же флотъ выстроился вдоль сѣвернаго берегу. Но, постоявъ вѣсколько, графскіе корабли величественно поворотили назадъ и стали противъ самаго вестминстерскаго дворца, и склонялись немного къ сѣверу, какъ-будто хотѣли запереть королевскій флотъ. Въ то же время сухопутныя силы его придвинулись къ рѣкѣ и стали почти на выстрѣлъ отъ королевскихъ войскъ. Такимъ образомъ Вебба видѣлъ передъ собою, на рѣкѣ, оба флота, а на берегу оба войска на такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что ихъ едва можно было различить.

Надъ всѣми прочими судами возвышался величественный корабль, на которомъ приплылъ Гарольдъ съ ирландскихъ береговъ. Корабль этотъ былъ построенъ по образцу старинныхъ эскъ морскихъ королей, и дѣйствительно принадлежалъ пѣкогда одному изъ этихъ грозныхъ витязей. Длинный выпуклый носъ высоко поднимался надъ волнами, будто голова морскаго змѣя, и какъ змѣя извивался по волнамъ, и блисталъ на солнцѣ.

Лодка подплыла къ высокому борту корабля; съ него опустился трапъ, и посланный взбѣжалъ на палубу. На противоположномъ концѣ корабля, въ почтительномъ разстояніи отъ графа и его сыновей стояла группа матросовъ.

Самъ Годвинъ былъ почти невооруженъ, безъ шлема, и имѣлъ при себѣ одно только позолоченое датское копье, оружіе, служившее столько же для наряду, какъ и для войны; но широкая грудь рыцаря была одѣта въ крѣпкую кольчугу. Ростомъ онъ былъ меньше всѣхъ своихъ сыновей, и вообще наружность его не показывала болѣе физической силы, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у человѣка крѣпкаго сложенія, который сохранилъ до старости всю силу мужества. Сама народная молва не приписывала ему тѣхъ чудесныхъ тѣлесныхъ качествъ и тѣхъ подвиговъ богатырства, которыми отличался его соперникъ Сивардъ. Онъ былъ храбръ, но храбръ какъ полководецъ; дарованія, которыми онъ отличался передъ всѣми своими современниками, соответствовали понятіямъ болѣе просвѣщенныхъ вѣковъ, чѣмъ условіямъ славы встарину. Англія была въ то время едва ли не единственною странною въ свѣтѣ, которая могла представить достойное поприще его способностямъ. Онъ обладалъ въ высшей степени всѣми условіями, необходимыми для главы партіи: умѣлъ управлять народными массами и сроднять ихъ мысли и желанія

съ собственными своими видами; наконецъ, имѣлъ даръ слова, мощнаго слова, увлекающаго умы и сердца. Прошло много вѣковъ послѣ норманскаго завоеванія, прежде чѣмъ слово опять стало властью въ Англіи.

Но какъ всѣ люди, прославившіеся краснорѣчіемъ, онъ увлекался духомъ своего вѣка, олицетворялъ въ себѣ его страсти и предубѣжденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ истинникъ своей пользы, который всегда составляетъ отличительную черту толпы. Онъ былъ высшимъ выраженіемъ стремленія и потребностей своего народа. И какія бы ни были ошибки, пожалуй преступленія его счастливаго и блестящаго поприща, среди самыхъ мрачныхъ и ужасныхъ обстоятельствъ, онъ всегда являлся народу благотворнымъ свѣтомъ среди грозныхъ тучъ; никто никогда не обвинялъ его въ жестокости или несправедливости къ народу. Англичане смотрѣли на него какъ на истиннаго Англичанина, не смотря на то, что онъ въ молодости привялъ сторону Канута, и ему былъ обязанъ своимъ богатствомъ и счастіемъ; потому что Датчане и Саксонцы такъ слились въ Англіи, что когда одна половина королевства признала Канута, другая половина съ воосторгомъ подтверждала выборъ; строгости же верныхъ лѣтъ его царствованія были выкуплены мудростью и кротостью послѣдующихъ лѣтъ, и рѣдкою привѣтливостью его къ приближеннымъ; притомъ въ это время всѣ неудовольствія были уже забыты, и въ памяти подданныхъ сохранилась только слава его царствованія и его доблести; народъ съ гордостью и съ любовью поминалъ его имя, и тѣмъ болѣе уважалъ Годвина, что онъ былъ любимымъ совѣтникомъ мудраго государя. Извѣстно также, что по смерти Канута, Годвинъ желалъ возстановить на престолѣ саксонскій домъ, и если покорился рѣшенію Витана, то единственно изъ уваженія къ волѣ народа. Одно только подозрѣніе пятнало его имя, и этого не могли совершенно смыть ни очистительная клятва, ни оправданіе народнаго судилища; — подозрѣніе въ гнусной выдачѣ Альфреда, умерщвленнаго брата Эдуардова.

Но много уже прошло времени по совершеніи этого мрачнаго злодѣяства, а во всемъ народѣ было тайное предчувствіе, что съ домомъ Годвина слита судьба англійскаго народа. Паружность его говорила въ его пользу: широкій лобъ, осязанный спокойною, кроткою душою; большіе темноглубые глаза, ясные и привѣтливые, не смотря на то, что самый провинцательный взоръ не прочелъ бы въ нихъ глубоко затаенной мысли; рѣдкое благородство осан-

ки и пріемовъ, но безъ всякой чопорности и жеманства; общее мнѣніе приписывало ему чрезвычайную гордость и высокомеріе, но только въ дѣяніяхъ; обращеніе же его было со всѣми просто, пріятливо и дружелюбно. Сердце его казалось всегда открыто къ пользѣ своихъ соотечественниковъ, какъ домъ всегда былъ отворенъ для нуждавшихся.

За нимъ стояли его сыновья, семейство впиталъ, какими не могъ еще, можетъ быть, похвалиться ни одинъ отецъ. Они рѣзко отличались другъ отъ друга фзіономіею, но красота и богатыйскій складъ тѣла были ихъ общимъ удѣломъ.

Свейнъ, старшій сынъ, наследовалъ смуглость своей матери, Датчанки; въ крупныхъ, правильныхъ чертахъ его, нѣсколько помраченныхъ печалью, или страстями, было какое-то дикое и грустное величіе; черные, лоснящіеся волосы его падали въ безпорядкѣ, и почти закрывали впалые глаза, горѣвшіе какимъ то тревожнымъ огнемъ. На плечѣ его лежала тяжелая сѣквир. Не смотря на сухошавость, онъ былъ крѣпкаго, сильнаго сложенія, одѣтъ въ бровю, и опирался на огромный, острый датскій щитъ. У ногъ его сидѣлъ юный сынъ его Гаконъ, съ несвойственнымъ его дѣтскимъ лѣтамъ выраженіемъ задумчивости въ лицѣ.

Подлѣ Свейна стоялъ, сложивъ руки на груди, самый грозный и свирѣпый изъ сыновей Годвиновыхъ, — тотъ, которому суждено было быть у Саксонцевъ тѣмъ, чѣмъ былъ Юліанъ у Готовъ. Прекрасное лицо Тостига напоминало греческій типъ во всемъ, кромѣ лба, низкаго и пологато. Свѣтлорусые волосы его были гладко и тщательно зачесаны, оружіе оправлено въ серебро и чернъ, потому что онъ любилъ ратную роскошь и великолѣвіе.

Вольнотъ, любимецъ матери, казался еще въ первомъ цвѣтѣ молодости; въ немъ одномъ изъ всего семейства, видна была и въ фзіономіи и въ пріемахъ какая то вѣрительность и нѣжность; онъ былъ высокаго росту, но, очевидно, не достигъ еще полнаго развитія тѣла и силъ; тяжесть кольчуги казалась непривычною для него, и онъ обѣими руками опирался на древко своего дротика. Подлѣ Вольнота стоялъ Леофайнъ, и составлялъ съ нимъ разительную противоположность; свѣтлые кудри свободно вились вокругъ яснаго, безпечнаго лица, и шелковистые лсы дрожали надъ лукавыми устами, съ которыхъ не сходила улыбка даже въ этотъ тревожный часъ.

По правую руку Годвина, поодаль, стояли наконецъ Гуртъ и Гарольдъ. Гуртъ обвинялъ рукою плечи Гарольда, и не обращая

вниманія на переговорщика, даващаго отчетъ въ результатъ своего посольства, наблюдалъ только дѣйствіе, которое слова его производили на Гарольда, потому что Гуртъ любилъ Гарольда, какъ Иоваевъ любилъ Давида. Гарольдъ одинъ былъ совершенно безоруженъ, а если спросить стараго ратника, кто изъ всего семейства рождевъ начальствовалъ надъ войсками, онъ вѣроятно указалъ бы на него, безоружнаго.

— Что же говорить король? спросилъ Годвинъ.

— Онъ не соглашается возратить тебѣ и твоимъ сыновьямъ отчины и званіе, и даже не хочетъ выслушать тебя, пока ты не распустишь войска, не удалишь судовъ, и не согласишься оправдать себя и свой домъ передъ Витанагемотомъ.

Тостигъ злобно захохоталъ; паясурное лицо Свейна стало еще мрачнѣе; Леовайфъ крѣпко сжалъ правую руку свой атаганъ; Вольнотъ выпрямился; Гуртъ не спускалъ глазъ съ Гарольда, котораго лицо оставалось неизменно.

— Король принялъ тебя въ своемъ военномъ совѣтѣ, сказалъ Годвинъ, гдѣ, вѣрно, участвовали Норманы. Кто былъ въ немъ изъ знатнѣйшихъ Англичанъ?

— Сивардъ Нортонберскій, твой врагъ.

— Дѣти, сказалъ графъ, обращаясь къ сыновьямъ, и сильно вздохнувъ, какъ будто камень свалился съ его сердца: не будетъ сегодня нужды въ мечахъ и доспѣхахъ. Гарольдъ одинъ рассудилъ справедливо.

И онъ указалъ на полотняную рубаху сына.

— Чтѣ ты подъ этимъ разумѣешь, отецъ? сказалъ Тостигъ гнѣвно. Хочешь ли ты...

— Молчи, сызъ, молчи! отвѣчалъ Годвинъ твердымъ, повелительнымъ голосомъ, но безъ суровости. Иди назадъ, храбрый, честный пріятель, продолжалъ онъ, обращаясь къ Веббѣ, отъищи графа Сиварда, и скажи ему, что я, Годвинъ, старый его соперникъ и врагъ, отдаю въ его руки свою честь и жизнь, и что какъ онъ посовѣтуетъ, такъ я и поступлю. Иди.

Вебба кивнулъ головою, и опять спустился въ шлюбку. Гарольдъ выступилъ впередъ, и сказалъ:

— Отецъ, вотъ стоятъ полки Эдуардовы, доселѣ безъ вождей, потому что вожди должны быть еще въ королевскихъ палатахъ. Какой-нибудь запальчивый Норманъ можетъ, пожалуй, возбудить стычку, и Лондонъ будетъ взятъ не такъ какъ намъ слѣдуетъ брать его, если хоть одна капля англійской крови обagrить англійскій мечъ. По этому, если ты позволишь, я сяду въ лодку и

выйду на берегъ. Если я въ изгнаніи не научился узнавать сердце моихъ соотечественниковъ, то, при первомъ возгласѣ нашихъ ратниковъ, которымъ они будутъ привѣтствовать съ возвращеніемъ на родину Гарольда, сына Годвинова, половина неприятельскихъ рядовъ перейдетъ на нашу сторону.

— А если нѣтъ, мой самонадѣянный братецъ? подхватилъ Тостигъ, кусая отъ зависти губы.

— А если нѣтъ, я одинъ поѣду въ ряды ихъ, и спрошу, какой Англичанинъ рѣшится пустить стрѣлу или направить конь въ эту грудь, никогда не надѣвавшую брони противъ Англии?

Годвинъ положилъ руку на голову Гарольда, и слезы выступили на его холодные глаза.

— Ты угадываешь по внушенію неба то, чему я научился опытомъ и искусствомъ. Иди, и Богъ да пошлетъ тебѣ усѣхъ. Пусть будетъ какъ ты хочешь.

— Онъ заступаетъ твое мѣсто, Свейнъ, ты старшій, сказалъ Тостигъ пасмурному Свейну, стоявшему подлѣ него.

— На моей душѣ лежитъ грѣхъ, и тоска точитъ мое сердце! отвѣчалъ Свейнъ печально. Если Исавъ потерялъ свое право первенства, ужели Канву сохранить его?

Съ этими словами онъ отошелъ и, прислонившись къ кормѣ корабля, склонилъ лицо на край своего щита.

Гарольдъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ глубокаго состраданія, поспѣшно приблизился къ нему, дружески пожалъ руку, и шепнулъ:

— Братъ, не буди памяти прошедшаго!

Юный Гаконъ, тихонько послѣдовавшій за отцомъ, поднялъ на Гарольда свои задумчивые, грустные глаза; когда же Гарольдъ отошелъ, онъ сказалъ Свейну робкимъ голосомъ:

— Онъ одинъ, по крайней-мѣрѣ, всегда добръ и сострадательнъ къ тебѣ и ко мнѣ.

— А ты, когда меня не будетъ, привяжись къ нему и люби его какъ твой отецъ, Гаконъ, отвѣчалъ Свейнъ, съ любовью приглаживая назадъ темные кудри ребенка.

Мальчикъ вздрогнулъ и, наклонивъ голову, прошепталъ про себя:

— Когда тебя не будетъ!... Не будетъ!... Развѣ Вала и тебѣ прзекла гибель? И отцу и сыну, обонимъ?...

Между-тѣмъ Гарольдъ сошелъ въ лодку, спущенную для него съ борту корабля; Гуртъ взглянулъ съ умоляющимъ видомъ на отца, послѣдовалъ за братомъ, и сѣлъ подлѣ него.

Годвинъ задумчиво слѣдилъ за шлюбною глазами.

— Нѣтъ надобности, сказалъ онъ вслухъ, хотя говорилъ про себя, вѣрить прорицателямъ, или мудрой Гильдѣ, когда она предсказывала, еще до нашего изгнанія, что Гарольдъ....

Онъ тутъ остановился; гнѣвный голосъ Тостига прервалъ его думу.

— Отецъ! у меня кровь восходитъ до самыхъ ушей и кипитъ въ сердцѣ, когда ты напоминаешь предсказанія Гильды насчетъ твоего любимца. Довольно уже они посѣяли несогласія и раздору въ нашемъ домѣ. Если мои распри съ Гарольдомъ навели преждевременную сѣдину на твою голову, — вина въ томъ себя самого; вспомни, какъ, увлекаясь пустыми предрѣчевіями твоему любимцу, Гарольду, ты сказалъ намъ при первой нашей ребяческой ссорѣ: «Не состязайтесь съ Гарольдомъ, потому что братья его будутъ ему повиноваться.»

— Докажи, что предсказаніе ложно, отвѣчалъ Годвинъ спокойно: умные люди всегда сами создаютъ себѣ будущность, сами опредѣляютъ себѣ жребій. Благоразуміе, терпѣніе, трудъ, мужество — вотъ звѣзды, управляющія судьбами смертныхъ.

Тостигъ ничего не отвѣчалъ, потому что вблизи раздался плескъ веселъ, и два корабля, принадлежавшіе двумъ знатнѣйшимъ вождямъ, привявшимъ сторону Годвина, подплыли къ борту рунической эски, узнать результатъ посолства къ королю. Тостигъ бросился къ борту корабля, и закричалъ:

— Король, увлекаясь внушеніями своихъ безразсудныхъ советниковъ, не хочетъ насъ выслушать. Оружіе должно рѣшить наше дѣло!

— Молчи, злобный, безразсудный юноша! вскричалъ Годвинъ, скрежеща зубами, когда крикъ негодованія и свирѣпой радости поднялся на многолюдныхъ судахъ, получившихъ этотъ отвѣтъ.

— Да будетъ проклятъ во вѣки вѣковъ, кто первый прольетъ родную кровь! Слушай, кровожадный коршунъ, тщеславный павлинъ, гордящійся своими пестрыми перьями! Слушай, Тостигъ, и трепещи. Если ты еще однимъ словомъ разширишь пропасть, раздѣляющую меня съ королемъ: изгнанникомъ вступишь ты въ Англію, и изгнанникомъ выйдешь изъ нея; помѣняешь графство и помѣстья на горькій хлѣбъ чужбины и на волчью виру *!

* Впрямъ называлась не только денежная пеня за убіиство, но и вознагражденіе за выдачу оцѣненной головы, или даже за убіеніе преданаго животнаго.

Гордый молодой Саксонецъ смутился при грозномъ голосѣ отца, потупилъ голову, и угрюмо удалился. Годвинъ перешелъ на на- лубу ближайшаго корабля, и силится могуществомъ своего краснорѣчія смирить страсти, возбужденныя безразсуднымъ словомъ Тостига.

Въ то самое время, какъ онъ уговаривалъ негодовавшихъ вождей и ратниковъ, въ рядахъ войскъ, стоявшихъ на берегу, раздался восторженный кликъ: — Гарольдъ! нашъ графъ Гарольдъ! Годвинъ обратилъ взоры къ королевскимъ полкамъ; они колебались, переговаривались, и вдругъ, будто повняуясь одной непреодолимой волѣ, тысячи голосовъ произнесли единодушно: — Гарольдъ, нашъ Гарольдъ!... да здравствуетъ нашъ добрый графъ!

Между-тѣмъ какъ это происходило на улицѣ, — во дворцѣ Эдуардъ вышелъ изъ совѣта, и заперся съ Стигандомъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на короля, потому-что, хотя онъ былъ Саксонецъ, во почитался доброжелателемъ Нормановъ, и однажды даже пострадалъ за слишкомъ явную приверженность къ Норманкѣ Эмвѣ, матери короля. Никогда еще не бывалъ Эдуардъ такъ твердъ и упоренъ, какъ въ этомъ случаѣ. Тутъ дѣло шло болѣе тѣмъ объ одномъ царствѣ; ему грозилъ въ его семейномъ счастьи и дружбѣ; онъ предвидѣлъ, что по возвращеніи сильнаго тестя, онъ принужденъ будетъ возвратитъ супругу и отказаться отъ прелестей своего цѣломудреннаго удивленія; что его норманскіе любимцы будутъ изгнаны, и его окружатъ ненавистныя саксонскія лица. Всѣ убѣжденія Стиганда разбивались объ упрямство Эдуарда, когда вошелъ въ королевскіе покои старикъ Сивардъ.

— Господи въ и король, сказалъ сынъ Беорновъ, я уступилъ въ совѣтъ твоей королевской волѣ, не слушать требованій Годвина, пока онъ не распустилъ своихъ ратей, и не покорится суду Витана. Графъ прислалъ сказать, что онъ отдаетъ въ мои руки свою честь и жизнь, и поступитъ по моему совѣту. Я отвѣчалъ ему, какъ слѣдовало человѣку, который никогда не согласится обманывать врага, или употребить во зло его довѣріе.

— Какъ же ты отвѣчалъ? спросилъ король.

— Я отвѣчалъ: чтобы онъ подчинился законамъ Англіи, какъ Датчане и Саксонцы клялись подчиняться имъ, при королѣ Канутѣ; чтобы онъ и сыновья его не требовали ни земель, ни власти, а покорились рѣшенію витана.

— Хорошо, сказалъ король: а витанъ осудитъ его, какъ осудилъ бы, если бы онъ отказался покориться ихъ суду?

— Витанъ, отвѣчалъ старикъ торжественно, будетъ судить его, по правдѣ и законамъ.

— А между тѣмъ войска....

— Будутъ ждать съ той и другой стороны; и если разсудокъ и убѣжденіи не рѣшатъ дѣла, то пусть рѣшаетъ оружіе, отвѣчалъ Сивардъ.

— Этого я не позволю, вскричалъ Эдуардъ; но въ ту же минуту тяжелые шаги раздались въ коридорѣ; дверь отворилась и нѣсколько королевскихъ вождей, Нормановъ и Саксонцевъ, вошли въ комнату, въ безпорядкѣ, гнѣвъ и негодованіи.

— Войска замѣняютъ; половина ратниковъ бросила оружіе при одномъ имени Гарольда! вскричалъ графъ Гирфордскій. — Проклятіе предателей!

— Лондонская городская дружина, подхватилъ одинъ саксонскій тогивъ, вся на его сторонѣ, и уже выходитъ изъ городскихъ воротъ.

— Помедли еще, шепнулъ Стигандъ, и невзвѣстаю, кто будетъ завтра сидѣть на престолѣ Альфредовомъ, Эдуардъ или Годвинъ?

Тронутый бѣдственнымъ положеніемъ короля, и почти столько же этою необыкновенною твердостью Эдуарда, гордый Сивардъ подошелъ къ королю, преклонилъ колѣно, и схватилъ за руку.

— Сивардъ не посоветуетъ королю унижительнаго поступка; падать кровь подданныхъ не можетъ-быть безчестіемъ для короля. Уступи ты милосердію, — а Годвинъ покорится закону.

Мнѣ остается удалиться изъ свѣта, воскликнулъ король, ломая руки. — О родная Нормандія, за чѣмъ я покинулъ тебя!

Онъ взялъ съ груди талисманъ, устремилъ на него тоскливый взоръ, и лицо его стало опять спокойно, какъ всегда.

— Идите, сказалъ онъ, бросаясь въ кресла, въ томъ изнеможеніи, которое обыкновенно слѣдуетъ за опьяненнымъ порывомъ страсти; — идите Сивардъ и Стигандъ, управляйте дѣлами государства, какъ хотите.

Стигандъ, довольный этимъ, противъ воли даннымъ согласіемъ, схватилъ Сиварда за руку, и вышелъ съ нимъ изъ королевскаго покоя. Вожди оставались еще нѣкоторое время; Саксонцы безмолвно смотрѣли на короля; Норманы перешептывались между собою, въ недоумѣніи и смущеніи, и бросали горькіе и прозвительные взгляды на своего слабого покровителя. Потомъ они

вышли всё вместе, по коридору, въ сѣни, гдѣ собрались всё ихъ земляки, и вскричали: — На коней! во весь опоръ, сломи голову! Все пропало, спасайте только жизнь! Спасенія — хорошо; а штъ — петля или ножъ!

Какъ при пожарной тревогѣ, или при первомъ трескѣ землетрясенія, расторгаются всё узы, и всё силы души сосредоточиваются въ одномъ чувствѣ самосохраненія, такъ и тутъ; все собраніе, въ безпорядкѣ, толкаясь, ругаясь, бросилось въ ворота; счастливъ, кому попалась лошадь, — ратная или ломовая, или лошакъ. Кто вправо, кто влево, бѣжали надменные Норманы, бароны, и прочіе — кто одинъ; кто вдвоемъ, вдесятеромъ, и больше; но благоразумно избѣгая сообщества тѣхъ вождей, около которыхъ они прежде увиивались, и которые теперь должны были сдѣлаться первымъ предметомъ народной мести. Только двое, даже въ этотъ часъ общаго страху и эгонзма, успѣли собрать вокругъ себя самыхъ неустрашимыхъ своихъ земляковъ; это были лондонскій и канторберійскій правители. Вооруженные съ ногъ до головы, они бѣжали во главѣ своей дружины; много услугъ оказалъ имъ въ этотъ день Маллѣ-де Гравиль, какъ проводникъ, и какъ защитникъ. Онъ провелъ ихъ кругомъ, въ тылу обонхъ войскъ; но встрѣтивъ новый отрядъ, шедшій на помощь Годвину съ гирфордскихъ луговъ, принужденъ былъ рѣшиться на отчаянный подвигъ войти въ городъ. Ворота были отворены; для того ли, чтобы впустить саксонскихъ графовъ, или, чтобы выпускать ихъ союзниковъ, лондонскихъ жителей. Бѣглецы бросились въ ворота, и помчались по трѣ въ рядъ по узкимъ улицамъ, оправдывая даже въ бѣгствѣ свою громкую славу, рубя и испровергая все, что ни попадалось на пути. На каждомъ перекресткѣ встрѣчали ихъ отряды Саксонцевъ съ криками: — Вонъ! гони, руби заморцевъ! — Пиками и мечами пробивали они себѣ путь; пика лондонскаго правителя была обогрета кровью; въ могучей рукѣ канторберійскаго — торчала переломанная сабля. Такъ пробилась она сквозь весь городъ, къ Восточнымъ воротамъ, и выѣхали, потерявъ изъ своей дружины только двухъ чловѣкъ.

Выѣхавъ въ открытое поле, они, для большей безопасности раздѣлились. Тѣ которые сколько-нибудь знали по-саксонски бросили кольчуги, и стали пробираться лѣсами и пустошами къ морскому берегу; прочіе остались на коняхъ и въ доспѣхахъ, но также удалялись отъ большихъ дорогъ. Въ числѣ послѣднихъ были оба правителя, они безопасно достигли Несса, въ

Эссекскомъ графствѣ, сѣли въ открытую, грязную, рыбацкую лодку, отдались на произволъ волнамъ и вѣтрамъ, подвергаясь опасности погибнуть въ морѣ или умереть съ голоду, пока наконецъ не пристали къ французскому берегу. Остальные члены этого чужеземнаго двора, частью нашедъ убѣжище въ крѣпостяхъ, остававшихся еще въ рукахъ ихъ земляковъ; частью скрывались въ ущельяхъ и пещерахъ, пока не удалось имъ нанять или украсть лодки. Такъ совершилось, въ лѣто тысяча пятьдесятъ второе, достопамятное разсѣяніе и безславное бѣгство графовъ и вассаловъ великаго Вильгельма, герцога Норманскаго.

III.

Собрался Витанагемотъ во всемъ своемъ величїи и великолѣпїи, въ большой Вестминстерской палатѣ.

Тутъ король сѣдѣлъ уже на тронѣ, и держалъ въ правой рукѣ мечъ. Вокругъ трона, частью стояли, частью сѣдѣли, нѣсколько пониже, придворные чины британскаго базилейса*. Тутъ были его камерарїи и писерна (постельничїи и кравчїи), дискъ-тегнъ и горсъ тегнъ (стольникъ-тегнъ и конюшїи-тегнъ), и множество другихъ титуловъ заимствованныхъ, можетъ-быть, отъ византїйскаго двора; это тѣмъ вѣроятнѣе, что встарину, англїйскїи король Эдуардъ величался Константиновымъ наслѣдникомъ. За ними сѣдѣли другїе сановники, имѣвшіе гораздо большее значеніе, чѣмъ можно бы полагать по ихъ скромному названію; они завѣдывали государственною печатью, и захватили въ свои руки власть, прежде неизвѣстную, но въ это время сдѣлавшуюся ненавистною Саксонцамъ. Изъ нихъ-то впоследствии возникло могучее и грозное судилище, королевская канцелярїя (Chancery court).

Ниже писцовъ оставалось порожнее пространство, а за нимъ сѣдѣли начальники Витана. Изъ нихъ въ первомъ ряду сѣдѣли сановники, замѣчательные по своему сану и по обширности своихъ владѣній; мѣста лондонскаго и канторберїйскаго правителей остались пусты; впрочемъ и безъ нихъ величественъ былъ рядъ саксонскихъ сановниковъ; болѣе всѣхъ между ними поражало свирѣбое, жадное, но умное лицо жирнаго и корыстолюбиваго Стиганда, и кроткія, но мужественныя черты

* Англїйскїе короли сохраняли греческїи титулъ базилейсовъ до времени Іоанна (1199 — 1216), который еще величался: Totus insulae Britannicae basileus.

Аларда, истиннаго сына отечества, достойнѣйшаго изъ всѣхъ государственныхъ сановниковъ. Вокругъ каждаго сановника, какъ звѣзды вокругъ солнца, помѣщался его дворъ. Далѣе сидѣли вторые гражданскіе чины и короли вассалы верховнаго сузерена. Стулъ шотландскаго короля оставался порожнимъ, потому-что просьба Сиварда не была исполнена; Макбетъ сидѣлъ еще въ своихъ крѣпостяхъ, или вопрошалъ нечестныхъ сестеръ въ глухомъ лѣсу, а Малькомъ скитался какъ бѣглець въ палатахъ Нортomberскаго графа. Не занятъ былъ также стулъ героя Грента, сына Левелинова, грозы Маркъ, владѣльца Гвайнедскаго, покорителя всего Книврскаго края. Но тутъ были не столь важныя валлискіе короли-наиѣстники, вѣрные своимъ незапамятнымъ междуусобіямъ, истребившимъ Амвросіево королевство и погубившимъ плодъ славныхъ подвиговъ Артура. Они сидѣли съ золотыми обручами на головахъ, съ остриженными вокругъ лба и ушей волосами, и смотрѣли на преходившее.

Въ одномъ ряду съ этими королями-наиѣстниками, отличаясь отъ нихъ какъ высокимъ ростомъ и спокойною фizioномією, такъ и своими почетными шапками и подбитыми мѣхомъ кафтанамъ, — сидѣли обыкновенно опоры сильныхъ престоловъ того времени и гроза слабыхъ, графы, владѣвшіе шайрами и графствами, какъ тегны низшихъ разрядовъ владѣли сорочинами и волостями. Но на этотъ разъ ихъ было только трое, и всѣ трое враги Годвина: Сивардъ, графъ Нортomberскій; Леофрикъ Мерційскій, тотъ самый, котораго жена Годива еще и теперь воспѣвается въ народныхъ балладахъ и пѣсняхъ; и Рольфъ, графъ Гирфордскій и Ворсестрскій, который, какъ родственникъ короля, не считалъ необходимымъ оставить двора вмѣстѣ съ своими норманскими друзьями. Въ томъ же ряду, но шемпого въ сторонѣ, сидѣли второстепенные графы, и высшій разрядъ тегновъ, называвшійся королевскими тегнами.

Далѣе сидѣли выборные граждане отъ вольнаго города Лондона, имѣвшіе такой вѣсъ въ собраніи, что иногда давали направление его рѣшеніямъ; это друзья графа и его дома. Въ томъ же отдѣлѣ палаты находилась главная масса собранія и самый народный его элементъ, не какъ представители народа, а потому-что тутъ сосредоточивалось то, что народъ наиболѣе цѣнитъ, — мужество и богатство: землевладѣльцы изъ тегновъ, называвшіеся въ старыхъ лѣтописяхъ министрами, различные по происхожденію, богатству и по отношеніямъ къ королю, графамъ и сеорлямъ; потому-что званіе это давалось различно въ

разныхъ частяхъ древней гестархив. Въ Восточной Англии, на-
примѣръ, оно было гораздо важнѣе, чѣмъ въ Вессексѣ; въ од-
номъ графствѣ считалось богатствомъ то, что въ другомъ бѣд-
ностью. Тутъ былъ беркшайрскій или дорсетскій саксонскій
тегнъ, счастливый своими пятью сороковыми землями, и норфольк-
скій или вайскій датскій тегнъ, съ котораго мало было своихъ
сорока. Нѣкоторые засѣдали по праву мелкихъ должностей на
королевской службѣ; были и купцы и купеческія дѣти, если они
три раза переплывали море на своемъ собственномъ вѣдженіи;
одни хвалялись кровью Оффы и Эгберта, другіе были внуки па-
стуховъ или хлѣбопашцевъ; одни были Датчане, другіе Сак-
сонцы; были даже нѣкоторые изъ западныхъ графствъ, бретон-
скаго происхожденія, которые едва сами это помнили. Далѣе, въ
самомъ концѣ залы, въ отворенныхъ дверяхъ, даже за дверьми,
толпились одни сеорли, многочисленная и довольно сильная часть
этихъ собраній (отличныхъ отъ шайрскихъ или мѣстныхъ со-
браній). — Сеорли не имѣли права ни подзывать голосу, ни го-
ворить, ни постановлять рѣшенія, ни даже подписывать его, а
только могли кричать: — Да, да! — когда прочіе члены объявляли
свое рѣшеніе. Но не смотря на то, эта часть собранія имѣла до-
вольно силы; она была тѣмъ для Витана, что общественное
мнѣніе для преемника Витана, парламента; она составляла *мнѣ-
ніе*. Не разъ высокое собраніе базилейса, королей вассаловъ и мо-
гучихъ графовъ, при совѣщаніи и положеніи приговоровъ долж-
но было руководиться ея членомъ и мнѣніемъ, высказывавшимся
въ ропотѣ.

По исполненіи всѣхъ обрядовъ при открытіи засѣданія, король
произнесъ рѣчь, безъ сомнѣнія увѣщаніе къ миру и милосердію;
но голосъ его въ этотъ день былъ такъ слабъ, что слова не до-
стигали далѣе круга придворныхъ чиновъ; глухой говоръ про-
шелъ по всему собранію, когда графъ Годвинъ вышелъ на оста-
вленное для него пространство, а за нимъ шесть его сыновей;
когда же онъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить, все такъ
притихло, что можно было разслушать жужжаніе комара, при-
стававшаго къ полнымъ щекамъ Рольфа, и шорохъ паука, спле-
тавшаго подъ сводомъ свою паутину.

— Если, началъ Годвинъ, съ скромнымъ видомъ и потуплен-
нымъ взоромъ опытнаго вѣти, — если сердце мое радуется, что
еще разъ пришлось мнѣ дышать воздухомъ Англии, на службу
которой, на полѣ битвы и въ совѣтѣ, посвятилъ я столько лѣтъ
своей жизни, — иногда преступной, можетъ-быть, по дѣваніямъ,

но всегда чистой по помысламъ; если сердце мое радуется, что мнѣ остается теперь только выбрать тотъ уголокъ родной земли, гдѣ должны лечь мои кости, если будетъ на то, государь, и вы, савовники и министры, ваше соизволеніе; если сердце мое радуется, что пришлось мнѣ еще разъ стоять въ этомъ собраніи, которое столько разъ внимало моимъ словамъ, когда грозила опасность нашему общему отечеству — кто осудитъ эту радость? кто изъ моихъ враговъ, если у меня есть еще враги, не почтитъ радости старика? кто изъ васъ, графы и тегны, не будетъ жалѣть въ душѣ, если суровый долгъ принудитъ васъ сказать сѣдому изгнаннику: не дышать тебѣ роднымъ воздухомъ при послѣднемъ твоёмъ вздохѣ, — не имѣть тебѣ могилы на родной англійской землѣ! — Кто изъ васъ скажетъ это безъ прискорбія? — (Тутъ онъ вдругъ поднялъ голову и устремилъ глаза на собраніе). — Кому изъ васъ станетъ силы и духу сказать это! Да, радуется сердце мое, что мнѣ пришлось наконецъ предстать передъ собраніемъ, имѣющее право судить мои дѣла, и могущее провозгласить мою невинность. Какимъ преступленіемъ заслужилъ я изгнаніе? За какое преступленіе меня, съ шестью сыновьями, которыхъ я далъ отечеству, присудили къ волчьему наказанію, отдали на травлю подобно дикимъ звѣрямъ? Выслушайте меня, и отвѣчайте:

«Евстафій, графъ Булонскій, возвращаясь домой отъ нашего короля, къ которому пріѣзжалъ погостить, вступилъ въ доспѣхахъ и на ратномъ конѣ въ городъ Доверъ; дружина его послѣдовала его примѣру. Не зная нашихъ законовъ и обычаевъ (я хочу пролить свѣтъ на всѣ прежнія обиды, и никого не хочу подозрѣвать въ зломъ умыслѣ), чужеземцы силою заняли дома гражданъ, и поселились въ нихъ. Вы всѣ знаете, что это было нарушеніе саксонскихъ правъ, потому что какъ вамъ извѣстно, у каждаго сеоря поговорка на устахъ: «каждый человекъ кровокъ въ своемъ дому». Одинъ горожанинъ, руководствуясь этимъ понятіемъ, — по моему совершенно справедливымъ, — согналъ съ своего порога одного изъ служителей французскаго графа. Чужеземецъ обнажилъ мечъ и ранилъ его; произошелъ бой, и прищелецъ палъ отъ руки, которую самъ вынудилъ взяться за оружіе. Доходитъ вѣсть о томъ до графа Евстафія, онъ скачетъ на мѣсто съ своими родичами, и убиваютъ Англичанина у собственнаго очага.»

Тутъ, сдавленный, гнѣвный стоиъ вырвался изъ груди сеорлей,

толпившихся въ концѣ залы. Годвинъ поднялъ руку, требуя, чтобы его не прерывали, и продолжалъ:

«Совершивъ это злодѣйство, пришлецы стали разѣзжать по городскимъ улицамъ съ обнаженными мечами, рѣзать всѣхъ, кто ни попадался имъ на пути, и давить даже дѣтей подъ ногами лошадей. Граждане схватились за оружіе. Благодарю Бога, давшего мнѣ въ соотечественники этихъ храбрыхъ гражданъ! Они бились, какъ мы, Англичане, всегда бьемся; убили девятнадцать или двадцать человѣкъ, дерзкихъ пришлецовъ, а остальныхъ выгнали изъ города. Графъ Евстафій бѣжалъ. Онъ, какъ вамъ известно, человѣкъ умный и смѣтливый; онъ не сходилъ почти съ лошади, не бралъ куска въ ротъ, пока не остановилъ коня у воротъ города Глостера, гдѣ нашъ король творилъ въ то время судъ и расправу. Онъ жаловался королю, который выслушавъ одного вѣста, очень разгнѣвался на оскорбленіе, нанесенное знатному его гостю и родственнику, и послалъ за мною, потому что Доверъ находился въ моемъ управленіи, и приказалъ мнѣ нарядить военный судъ и наказать по военнымъ законамъ тѣхъ, которые осмѣлились поднять руку на иностраннаго графа. Обращаюсь къ вамъ доблестные графы, здѣсь заседающіе, — къ тебѣ знаменитый Леофрикъ, — къ тебѣ, славный Сивордъ! за что вамъ графства, если у васъ не станетъ смѣлости, или силы блюсти права ихъ жителей.

«Какой же образъ дѣйствія предложилъ я? Въмѣсто военного суда, который бы распространилъ свой приговоръ на цѣлый городъ, я предложу вызвать передъ короля городского главу и старшинъ, для объясненія ихъ поступка. Король, потому ли, что я имѣлъ несчастіе навлечь на себя его гнѣвъ, или же по внушевію чужеземцевъ, отвергъ этотъ образъ дѣйствія, предписываемый нашими законами, данными Эдгардомъ и Канутомъ. И такъ какъ я не хотѣлъ, и объявляю въ присутствіи всѣхъ — потому что я, Годвинъ, сынъ Вольнотовъ, не смѣлъ, если бы и хотѣлъ, вступить въ вольный городъ Доверъ въ досѣхакъ и на ратномъ конѣ, съ палачемъ по правую руку, — эти пришлецы убѣдили короля приказать мнѣ явиться лично, какъ подсудимому, въ совѣтъ Витана, собранный въ Глостерѣ, и наполненный чужеземцами; не затѣмъ, какъ я смиренно предлагалъ, чтобы дать расправу мнѣ и моимъ доверскимъ подчиненнымъ, а чтобы одобрить послѣдствія графа Булонскаго на льготы англійскаго народа, и позволить ему безнаказанно ругаться надъ арміею Англичанъ.

«Я колебался; мнѣ стали грозить изгнаніемъ; я поднялъ оружіе на защиту себя и англійскихъ законовъ; поднялъ оружіе, чтобы не дать чужеземцу рѣзать нашихъ братьевъ у собственныхъ ихъ очаговъ, и давить нашихъ дѣтей подъ копытами своихъ ратныхъ коней. Король собралъ полки вокругъ своей хоругви. Благородные графы Сивардъ и Леофриктъ, не зная причинъ побудившихъ меня къ вооруженію, стали подъ знамя короля, какъ ихъ обязывалъ долгъ къ британскому базилейсу. Когда они узнали дѣло и увидѣли, что весь народъ идетъ со мною на заморскихъ пришлецовъ, они вызвались быть посредниками. Заключено перемиріе; я согласился представить все дѣло на рѣшеніе Витана, который долженъ былъ собраться на этомъ же мѣстѣ. Я распустилъ свои полки; однако чужеземцы убѣдили короля не только удержать свое войско, но даже воззвать къ оружію ближнія и дальнія области, и призвать союзниковъ нѣ-за моря. Я явился въ Лондонъ, чтобы предстать передъ мирный Витанъ, и что же нашелъ? — самое грозное ополченіе, какое когда-либо собиралось въ нашей странѣ; вождями этого ополченія были норманскіе рыцари. Въ такомъ ли собраніи могъ я ожидать расправы себѣ и своимъ? Несмотря на то, я вызвался явиться съ сыновьями передъ Витаномъ, если вамъ дадутъ опасныя грамоты, въ чемъ законы наши отказываютъ однимъ только разбойникамъ. Два раза повторялъ я это предложеніе, и оба раза мнѣ отказали; такимъ образомъ я, и мои сыновья, были осуждены на изгнаніе. Мы оставили было отечество — но теперь воротились!

— Съ оружіемъ въ рукахъ! злобно подхватилъ графъ Рольфъ, пасынокъ графа Евстафія Булонскаго, котораго насилія были вѣрно разсказаны Годвиномъ.

— Съ оружіемъ въ рукахъ, повторилъ Годвинъ: правда, мы подняли оружіе на чужеземцевъ, отравлявшихъ слухъ нашего милостиваго короля; — съ оружіемъ въ рукахъ, графъ Рольфъ; и при первомъ звукѣ этого оружія бѣжали Франки и чужеземцы. Теперь оружіе бесполезно. Мы среди своихъ соотечественниковъ, и Фравцузъ не стоитъ болѣе между нами и кроткимъ, чадолубивымъ сердцемъ нашего короля.

«Сановники и рыцари, вожди этого Витана, величайшаго какой мы вспомнимъ, вамъ рѣшить: я ли съ своими приверженцами, или заморскіе бѣглецы посѣяли раздоръ въ нашемъ отечествѣ? заслужили ли мы изгнаніе? и возвратясь назадъ, употребили ли мы во зло принадлежащую намъ власть? Министры, которыхъ мечи не обагрены кровью! Каково бы ни было ваше рѣшеніе, мы

отдаемъ свою судьбу въ ваши руки, и покоряемся своимъ законамъ единокровнымъ братьямъ. Я готовъ принести очистительную клятву отъ всякаго измѣнническаго дѣйствія или помысла. Между равными мнѣ королевскими тегнами найдутся такіе, которые могутъ ручаться за меня и подтвердить представленныя мною обстоятельства, если они еще не довольно гласны. Что касается моихъ сыновей, въ чемъ можно винить ихъ, кромѣ того, что въ ихъ жилахъ течетъ таже кровь, что и въ моихъ? а эту кровь, я научилъ ихъ проливать на защиту той возлюбленной страны, въ которую они умоляютъ позволить мнѣ возвратиться.»

Графъ замолокъ, и удалился за своихъ сыновей; искусно удерживаясь отъ того бурнаго краснорѣчія, въ которомъ обвиняли его, какъ въ хитрой уловкѣ; онъ тѣмъ самымъ произвелъ неотразимое впечатлѣніе на собраніе, уже напередъ готовое оправдать его.

Но когда выступилъ впередъ старшій сынъ его, Свейнъ, не твердою ногою, и съ блуждающими взорами, какъ-будто вздрогнула большая половина собранія, и со всѣхъ сторонъ послышался ропотъ ненависти и омерзѣнія.

Молодой графъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное его появленіемъ и смутился. Дыханіе его стало прерываться, онъ поднялъ руку, хотѣлъ говорить.... но голосъ замеръ на его устахъ; глаза его дико озирались кругомъ, не съ гордостью правоты, а съ мольбою преступной совѣсти. Альфредъ Лондонскій всталъ съ своего мѣста и сказалъ дрожащимъ, но кроткимъ и явственнымъ голосомъ:

— Зачѣмъ выступаетъ Свейнъ, сынъ Годвиновъ? зачѣмъ ли, чтобы доказать, что онъ неповиненъ въ измѣнѣ противъ короля? Если для этого, то бесполезно; потому что если Витанъ оправдаетъ Годвина, то это оправданіе распространится на весь его домъ. Но, во имя всего собранія спрашиваю, дерзаетъ ли Свейнъ сказать и подтвердить свои слова клятвою, что онъ не повиненъ въ измѣнѣ противъ Одина? не повиненъ въ святотатствѣ, которое уста мои страшатся произнести? Увы, зачѣмъ выпалъ мнѣ этотъ тяжкій жребій?... я вѣкогда любилъ тебя, и донинѣ люблю твоихъ родственниковъ. Но я служитель закона, и обязанностямъ своего сана долженъ жертвовать всѣми остальными...

Альфредъ остановился, собралъ силы и продолжалъ твердымъ голосомъ:

— Обвиню тебя, Свейна изгнанника, въ присутствіи вѣтана,

въ томъ, что ты, движимый внушеніями демона, похитилъ изъ храма боговъ и осквернилъ дѣву Альгиву, леонистрескую жрицу!

— А я, сказалъ Сивардъ, вытянувшись во весь ростъ передъ собраніемъ гордащихся именемъ воиновъ, обвиняю тебя, Свейна, сына Годвинова, въ томъ, что ты, не въ открытомъ полѣ и не равнымъ оружіемъ, а хитростью и предательствомъ, злодѣйски умертвилъ своего двоюроднаго брата, графа Беорна.

Какъ громомъ поразило все собраніе это двойное обвиненіе, со стороны двухъ лицъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Враги Годвина устремили сверкающіе гнѣвомъ и презрѣніемъ взоры на изможденное, но благородное еще лицо старшаго его сына; даже самыя ревностные приверженцы графскаго дому не могли скрыть своего недоброжелательства къ его наслѣднику. Одни потупили головы въ смущеніи и съ присмирѣніемъ, другіе смотрѣли на обвиненнаго холоднымъ, безжалостнымъ взоромъ. Только между сеорлами, въ концѣ залы, нашлось можетъ-быть нѣсколько сострадающихъ, безпокойныхъ лицъ; потому-что до того времени, какъ огласились эти преступленія, ни одинъ изъ Годвиновыхъ сыновей не былъ такого добраго сердца и такъ смѣлъ духомъ, ни одинъ не пользовался такимъ почтеніемъ и такою любовью, какъ преступникъ Свейнъ. Мрачно, какъ смерть было молчаніе, послѣдовавшее за обвиненіемъ. Годвинъ закрылъ лицо плащомъ, и только стоявшіе подлѣ него могли видѣть, какъ вздымалась его грудь и дрожали всѣ члены. Братья отступили отъ обвиненнаго изгнанника, осужденнаго даже въ своемъ родѣ,— всѣ кромѣ Гарольда; могучій своею безукоризненною славою и любовью народа, онъ выступилъ впередъ, и сталъ подлѣ брата, устремивъ гордые, повелительные взоры на собравшихся судей, но не говоря имъ ни слова.

Ободренный заступленіемъ одного снисходительнаго, любящаго сердца, среди непріязненнаго собранія, графъ Свейнъ сказалъ:

— Я могъ бы отвѣчать, что эти обвиненія въ дѣлахъ, совершенныхъ уже за осемь лѣтъ, смыты королевскимъ помилованіемъ, снятіемъ съ меня изгнанія и восстановленіемъ моихъ правъ, и что витаны, въ которыхъ я самъ предсѣдательствовалъ какъ графъ, никогда не судили человѣка дважды за одно и тоже преступленіе. Таково кажется мнѣ положеніе законовъ, для большихъ совѣтовъ, какъ и для малыхъ.

— Такъ, такъ! воскликнулъ Годвинъ, забывая, въ порывѣ

отеческой любви, осторожность и приличіе. — Онѣрается на законъ, сынъ мой!

— Но я не хочу опираться на этотъ законъ, продолжалъ молодой графъ, бросая презрительный взглядъ на смущенныя лица, обманувшіяся въ своей надеждѣ; — потому-что мой законъ здѣсь — и онъ ударилъ себя въ сердце; онъ осуждаетъ меня не одинъ разъ, а вѣчно! Альредъ, почтенный старецъ, у ногъ котораго я однажды сознался во всѣхъ своихъ проступкахъ, не виню я тебя за то, что ты первый въ витанѣ возвысилъ голосъ противъ меня, хотя ты знаешь, что я любилъ ее съ самой юности; и сердце ея принадлежало мнѣ; но въ послѣдній годъ царствованія Гардиканута, въ то время, какъ закономъ была еще сила, ее противъ воли отдали въ жрицы. Я увидѣлъ ее опять, когда сердце мое было упоено славою моихъ побѣдъ надъ Валлонами, въ рукахъ была власть, а страсть кипѣла въ жилахъ. Велико мое преступленіе. — Но чего же я требовалъ? снятія вынужденнаго обѣта; и чтобы избранная моего юношескаго сердца, стала моею супругою въ мужествѣ. Прости меня, если я не зналъ еще въ то время, какъ нерасторжимы узы, которыми связываются всѣ, давшіе обѣтъ чистоты и непорочности.

Онъ остановился; уста его злобно улыбулись; въ глазахъ за сверкала дикій огонь. Въ это мгновеніе въ немъ забилась кровь матери; и онъ мыслилъ какъ датскій язычникъ. Но только на одно мгновеніе; огонь немедленно угасъ, и онъ пробормоталъ, смиренно, ударяя себя въ грудь: — не искушай меня, демонъ! — Да, велико мое преступленіе и на меня одного оно обрушится! Альгиа опозорена, но душа ея осталась чиста; она бѣжала, и... умерла!

«Король былъ разгнѣванъ; первый возсталъ противъ меня и противъ моего прошенія — мой братъ Гарольдъ, тотъ самый, который теперь, въ часъ покаянія, одинъ не оставляетъ меня. Онъ дѣйствовалъ противъ меня благородно, открыто, и я не винилъ его; но двоюродный братъ Беорнъ желалъ получить мое графство, и дѣйствовалъ противъ меня тайно и лицемерно; — льстилъ мнѣ въ глаза, и чернилъ меня за глаза. Я открылъ лицемеріе, и хотѣлъ только удержать его, а не умертвить. Онъ лежалъ связанный на моемъ кораблѣ; оскорблялъ меня и издѣвался надо мною, когда горе и отчаяніе терзали мнѣ сердце и кровь морскихъ королей огнемъ текла по моимъ жиламъ. Я въ гнѣвъ поднялъ сѣкиру... мои ратники послѣдовали моему примѣру, и... Повторяю, велико мое преступленіе.

«Не думайте, чтобы я теперь хотѣлъ сгладить вину, какъ старался въ то время, когда жизнь казалась мнѣ еще долга и власть сладка. Съ тѣхъ поръ узналъ я земныя страданія и земныя блага, — бурю жизни и ея сіяніе; я рыскалъ по морямъ морскими королямъ; бился съ Датчанникомъ въ его родной землѣ; едва не схватилъ въ руки вѣнецъ своего родича Канута, о которомъ нѣкогда мечталъ въ сновидѣніяхъ; потомъ скитался бѣглецомъ и изгнанникомъ; тамъ опять возвратился въ отечество и былъ графомъ всѣхъ земель отъ Ниса до Вая. Но въ почестяхъ и въ нищетѣ, въ войнѣ и въ мирѣ, вездѣ являлось мнѣ блѣдное лицо опозоренной дѣвы, вездѣ преслѣдовали меня кровавыя раны умерщвленнаго брата. Поэтому я пришелъ не оправдываться, не просить прошенія, которое меня не порадуетъ, а передъ лицомъ закона отдѣлать дѣянія и судьбу своихъ родичей отъ моихъ собственныхъ дѣяній, которыя одни позорятъ ихъ; — пришелъ объявить, что не нужно мнѣ вашего прошенія; не страшень вашъ судъ, и что я самъ произношу надъ собою приговоръ. Отнынѣ навѣки кладу я шапку тегна и мечъ витязя; босоногій, одинъ, иду я къ могилѣ Альгивы смыть преступленіе съ своей души, и вымолить себѣ у боговъ прошеніе, котораго не властны дать мнѣ люди! Гарольдъ, заступи мѣсто своего старшаго брата Свейна. А вы, сановники и мужи совѣта, произносите судъ надъ живыми. Тотъ, кто оставляетъ васъ, отнынѣ мертвъ для васъ и для всей Англіи!

Онъ собралъ свою мантию на груди и не оглядываясь, прошелъ медленнымъ шагомъ всю палату; толпа разступалась передъ нимъ съ невольнымъ почтеніемъ и страхомъ. Всему собранію казалось, будто разсѣялась мгновенно туча, застилавшая свѣтъ дневной.

Годвинъ стоялъ неподвижно, закрывъ лицо плащемъ.

Гарольдъ печально смотрѣлъ въ глаза членамъ собранія, и не видѣлъ въ нихъ пошады.

Гуртъ жался къ Гарольду.

Веселый Леофвайнъ былъ печаленъ и мраченъ.

Молодой Вольнотъ поблѣднѣлъ и дрожалъ.

Свирѣбный Тостигъ игралъ своею золотою цѣпью.

И изъ одной только груди вырвался едва слышимый стонъ; изъ груди Альреда, смиреннаго обвинителя, истиннаго, кроткаго служителя боговъ.

IV.

Этотъ достопамятный судъ кончился, какъ читатель вѣроятно уже догадывается, возобновленіемъ приговора надъ Свейномъ, и возвращеніемъ Годвину и его сыновьямъ земель и прежнихъ почестей; вся вина въ распряхъ и беспорядковъ приписана чужеземнымъ любимцамъ, и они приговорены къ изгнанію изъ королевства, за исключеніемъ, будто въ горькую насмѣшку, вѣсколькихъ оруженосцевъ низкаго сословія, напримѣръ Гуморея Пятущья-нога, и Ричарда сына Скробова.

Возвращеніе этого даровитаго и сильнаго дому немедленно имѣло благотворное вліяніе на ослабевшій въ его отсутствіи бразды правленія. Макбетъ услышавъ объ этомъ затрепеталъ въ своихъ болотахъ; Гриффитъ Валлескій зажегъ вѣстовые огни по горамъ и скаламъ. Графъ Рольфъ былъ изгнанъ, но только для виду, въ угожденіе общественному мнѣнію; какъ родственникъ Эдуарда, онъ вскорѣ не только получилъ позволеніе возвратиться въ Англію, но даже снова былъ назначенъ правителемъ Маркь, и отправился туда съ огромными силами противъ Валлоновъ, которые не переставали дѣлать набѣги на границы, и почти уже завоевали ихъ. Саксонскіе рыцари заступили мѣста бѣжавшихъ Нормановъ; всѣ были довольны переворотомъ, кромѣ короля, который лишился своихъ норманскихъ друзей, и принужденъ былъ возвратить свою супругу Англичанку.

По обычаю того времени, Годвинъ долженъ былъ дать заложниковъ, въ обезпеченіе своей вѣрности. Они были избраны изъ его семейства; выборъ палъ на сына его Вольнота, и на Гакопа, сына Свейнова. Но какъ вся Англія, можно сказать, снова перешла въ руки Годвина, то залогъ не достигъ бы предполагаемой цѣли, оставаясь въ храненіи Эдуарда; поэтому, послѣ вѣкоторыхъ переговоровъ, положено держать заложниковъ при дворѣ Норманскаго герцога до тѣхъ поръ, пока король, увѣрившись въ вѣрности и преданности ихъ дому, не позволитъ имъ возвратиться. — Роковой залогъ! и роковой хранитель и врагъ!

Спустя нѣсколько дней послѣ этого переворота, когда спокойствіе и порядокъ были возстановлены въ городѣ и во всей странѣ, въ деревняхъ и лѣсахъ, Гильда, на закатѣ солнца, стояла одна у каменнаго жертвенника Тора.

Багряный, тусклый шаръ солнца опускался подъ горизонтъ, среди оборванныхъ, красныхъ и золотистыхъ облаковъ, и кру-

гомъ не видно было ни одного человѣческаго образа, кромѣ высокой, величественной валы у руинческаго жертвенника и друидческаго кремля. Она опиралась обѣими руками на свой волшебный посохъ, и наклонилась нѣсколько впередъ, будто къ чему то прислушивалась или чего-то ожидая. Никто еще не показывался на дорогѣ, а она, повидимому, уже слышала приближающіеся шаги; образъ жизни, вѣроятно, значительно изострилъ ея чувства. Она улыбулась, и прошептала: — еще не зашло солнце! — Потомъ, перемѣнивъ свое положеніе, оперлась локтемъ на жертвенникъ и склонила голову на руку.

Наконецъ на дорогѣ показались два человѣка; они приближались къ холму; увидѣвъ Гильду, они медленно вошли на пригорокъ. Одинъ былъ въ пилигримской одеждѣ; откинутое назадъ покрывало позволяло видѣть его лицо, сохранившее слѣды рѣдкой красоты и могучей души, истомленныхъ страстями. Тотъ, на чью руку опирался пилигримъ, былъ одѣтъ чрезвычайно просто, безъ запонки, которую обыкновенно носили тегны высшего разряда; но осанка его была величественна, а въ кроткихъ взорахъ видна была привычка повелѣвать. Нельзя вообразить большей противоположности, чѣмъ между этими двумя спутниками, не смотря на то, что въ чертахъ ихъ замѣтно было какое-то родовое сходство. Лицо послѣдняго въ эту минуту было грустно, да и всегда въ немъ была нѣкоторая задумчивость; но оно болѣе всего поражало спокойствіемъ и кротостью. Пожирающія страсти не повлекли тучею его чела, не оставили на немъ своихъ глубокихъ бороздъ; но сознательная твердость мужа придавала свое величіе нѣжности юноши. Длинные и густые свѣтло-русые волосы, на которые заходящее солнце разливало легкій золотистый отливъ, были раздѣлены надъ висками и виспали роскошными волнами почти до плечъ. Брови, темнѣе волосъ, очерченыя тонкою дугою; прямые черты, столь же мужественныя какъ норманскія, но не такъ рѣзкія; на щекахъ, загорѣлыхъ отъ воздуху и труда, играли еще сквозь смуглоту загара остатки юношескаго румянца; высокий, но не исполинскій ростъ, сила, прорастекавшая не столько изъ широкаго и массивнаго сложенія, сколько изъ его соразмѣрности и изъ воинственнаго воспитанія; — все въ немъ представляло типъ саксонской красоты во всей его чистотѣ и совершенствѣ. Но онъ наиболѣе отличался тѣмъ особеннымъ величіемъ, полнымъ простоты и степенности, котораго, кажется, не ослѣпнѣтъ никакое великолѣпіе, не смутитъ никакая опасность; которое прорастекаетъ, можетъ-быть, изъ яснаго

сознанія собственной силы и собственного достоинства; — черта весьма обыкновенная у Индѣйца и Аравитянина, и почти невозможная въ томъ состояніи общества, гдѣ каждый человекъ не есть власть самъ по себѣ. Хорошо изобразилъ это величіе латинскій поэтъ въ прекрасныхъ стихахъ.

Rex est qui metuit nihil
Et hoc regnum sibi quisque det.

(Тотъ царь, кто ничего не боится; это царство можетъ дать себѣ каждый.)

Такъ стояли передъ мнимую прорицательницу родные братья, Свейнъ, изгнанникъ, и графъ Гарольдъ. Гильда устремила на нихъ пристальный взоръ, который мало по малу смягчился до вѣжливости, остановившись на пилигримѣ.

— Въ такомъ ли видѣ, сказала она наконецъ, пришлось мнѣ видѣть старшаго сына счастливаго Годвина, того, для кого я столько разъ вопрошала громъ и сторожила заходящее солнце? для кого я чертила руны на зеленой корѣ, и вызывала Снигдену въ блѣдномъ ея сіяніи, изъ могилъ мертвыхъ *?

— Гильда, сказалъ Свейнъ: не стану я теперь укорять тебя съменемъ, которое ты послѣла: жатва собрана, и коса переломилась. Откажись отъ своей врачюи Гальдры **, и обратись, подобно мнѣ, къ единственному свѣту въ будущемъ.

Прорицательница склонила голову и отвѣчала:

— Вѣтра навѣваетъ подобно вѣтру. Не можетъ дерево сказать вѣтру: остановись на моихъ вѣтвяхъ! и не можетъ человекъ сказать вѣру: сложи свои крылья на моемъ сердцѣ! — Иди туда, гдѣ душа твоя найдетъ себѣ успокоеніе, потому что жизнь твоя уже отцвѣла для земныхъ цѣлей. Когда я пытаюсь читать твой жребій, руны дѣлаются одними бессмысленными знаками, и волна не колышется въ источникѣ. Иди, куда ведетъ тебя Фюльгия ***, которую Альфадеръ даетъ каждому человеку, съ самаго его рожденія. Ты желалъ любви, а любовь казалась воспрещенною

* S. in-laesa значитъ сіяющій трупъ; вызваніе мертвыхъ было очень употребительно у скандинавскихъ гадателей.

** Гальдра — магія.

*** Фюльгия — ангелъ-хранитель Скандинавовъ. Фюльгия была божество женскаго полу, кроткая, любящая, преданная, какъ женщина, пока ее почитали, истинная, когда ее покидали. Въ скандинавской поэзіи много легендъ объ Фюльгис; это едва ли не самое поэтическое созданіе сѣверной мифологіи.

тебѣ, и я предсказывала, что любовь твоя воспринметъ изъ гробу, въ который вѣра, вытѣсняющая вѣру нашихъ отцовъ, заковываетъ жизнь въ самомъ ея цвѣтѣ. Ты жаждалъ славы ярлей и викинговъ, и я благословила мечъ въ твоей рукѣ, и согнала паруса для твоихъ судовъ. Пока человекъ знаетъ желаніе, Гильда властна надъ его судьбою. Но когда сердце его обратится въ пещель, на зовъ мой возстанетъ одинъ трупъ, и какъ скоро замолкнутъ слова чаровъ, опять упадетъ въ свою могилу. Однако же, подойди ко мнѣ ближе, Свейнъ, ты, котораго я убаюкивала въ колыбели своими пѣснями.

Изгнанникъ отвернулъ лицо и повиновался.

Она со вздохомъ взяла руку, которую онъ отдалъ ей безсознательно, и стала разсматривать черты на ладони. Потомъ, въ невольномъ порывѣ пѣвности и состраданія, отодвинула назадъ его покрывало, и поцѣловала въ лобъ.

— Размотана твоя нить; ты блаженнѣе всѣхъ, презирающихъ тебя, и немногихъ сострадающихъ къ тебѣ; ты обрѣтешь то, что они теряютъ. Сталь не коснется тебя, буря пройдетъ мимо тебя, стоны твои достигнутъ убѣжища, котораго ты жаждешь. Ночь освѣщаетъ развалины... миръ развалинамъ вѣязя!

Изгнанникъ слушалъ равнодушно. Но когда онъ обратился къ Гарольду, который закрылъ лицо рукою, и не могъ удержать слезъ, пробивавшихся сквозь его сжатые пальцы, слезы выступили на его дикіе, сверкающіе глаза, и онъ сказалъ:

— Теперь, братъ, прощай; даже ты не долженъ идти за мною ни на шагъ.

Гарольдъ вздрогнулъ, протянулъ руки, и изгнанникъ упалъ ему на грудь.

Одинъ только глухой стонъ нарушилъ мрачное безмолвіе; и груди братьевъ были такъ крѣпко сжаты, что невозможно было различить, изъ чьей груди вылетѣлъ этотъ стонъ. Наконецъ изгнанникъ вырвался изъ объятій брата, и сказалъ тихимъ, печальнымъ голосомъ:

— А Гаконъ.... сынъ мой!... ни отца, ни матерп.... заложникомъ въ чужой странѣ! Ты не забудешь его, будешь его защитникомъ; будешь ему отпывъ отцомъ и матерью! да охранять тебя богъ!

Съ этими словами онъ поспѣшно спустился съ холма.

Гарольдъ пошелъ за нимъ; но Свейнъ остановился, и сказалъ съ прискорбіемъ:

— А твое обѣщаніе? неужели я такъ отверженъ всѣми, что даже родной братъ не держитъ даннаго мнѣ слова?

При этомъ трогательномъ упрекѣ, Гарольдъ остановился, и изгнанникъ продолжалъ путь одинъ. Когда онъ совершенно скрылся за поворотомъ дороги, откуда втораго мая выѣхали рядомъ нормандскій герцогъ и саксонскій король, вечерняя темнота мгновенно разсѣялась, и изъ за далекаго дѣсу показалась луна.

Гарольдъ стоялъ какъ вкопанный, устремивъ глаза вдале, пока вала не положила руки ему на плечо.

— Смотри: какъ луна восходитъ изъ туманныхъ сумерекъ, такъ возникаетъ слава Гарольда, когда человѣческая тѣнь, являвшаяся здѣсь между свѣтомъ и тьмою, скрывается во мракѣ ночи. Ты теперь старшій сынъ того дому, съ которымъ соединяется надежда Саксонца и счастье Датчанина.

— Можешь ли ты думать, возразилъ Гарольдъ, съ неудовольствіемъ, что я буду радоваться бѣдствіямъ брата, и торжествовать его изгнаніе?

— Еще рано; ты еще не слышишь голосу своего истиннаго призванія; но зной солнца рождаетъ грозу, а слава и счастье возбуждаютъ душевную бурю.

— Тетка, сказалъ Гарольдъ, съ улыбкою невѣрія: ты знаешь, что для меня твои предсказанія были тоже, что шестая вѣтру по воздуху; безъ страху, но и безъ вѣры смотрѣлъ я на твои заклинанія и чары; смѣшны мнѣ гаданія Саги. Не просилъ я тебя благословить мое оружіе, не просилъ ткать для меня паруса. Нѣтъ руническихъ стиховъ на клинкѣ Гарольдовомъ. Я предоставляю свой жребій собственному своему разуму и силѣ руки. Вала, между мною и тобою нѣтъ никакой таинственной нити.

Прорипцательница гордо улыбнулась.

— Какой же жребій, думаешь ты, самонадѣянный, готовить тебѣ твой разумъ и сила руки?

— Жребій, котораго я уже достигъ; далѣе я не стремлюсь. Жребій челоуѣка, попявшагося защищать отечество, любить правду, и всегда дѣйствовать по совѣсти.

Въ это время взошедшая луна разливала обильный свѣтъ на молодаго витязя; и въ лицѣ его не видно было ни одного движенія, несогласнаго съ его благородною рѣчью. Однако же прорипцательница, устремивъ на него испытующій взоръ, шепнула ему голосомъ, отъ котораго кровь застыла во всѣхъ жилахъ молодаго

Саксонца, не смотря на скептицизмъ, удивительный для его вѣка и воспитанія:

— Подъ спокойствіемъ этихъ глазъ, сказала вала, таятся душа твоего отца; подъ этимъ гордымъ, чистымъ челомъ обитаетъ гений, давшій сѣверныхъ королей въ предки твоей матери Датчанкѣ.

— Молчи, вскричалъ Гарольдъ, почти гнѣвно; потомъ, будто стыдясь своей мгновенной вспыльчивости, продолжалъ съ улыбкою: — не говори объ этомъ, когда сердце мое грустно, и далеко отъ мірскихъ помысловъ, когда оно порывается за коня братьемъ, одиногимъ изгнанникомъ.... Уже наступила ночь, а дороги еще не безопасны, потому что въ распущенныхъ королевскихъ войскахъ было много такихъ людей, которые въ мирное время живутъ разбоемъ. Я одинъ, безъ оружія, — кромѣ своего ятагана — и потому попрошу тебя позволить мнѣ провести ночь подъ твоимъ кровомъ, и.... Тутъ онъ замаялся, и щеки его покрылись легкимъ румянцемъ: — я желалъ бы посмотреть, такъ ли еще хороша твоя внука, какъ въ то время, когда я въ послѣдній разъ смотрѣлъ въ ея голубые очи, какъ они плакали объ отправлявшемся въ изгнаніе Гарольдѣ.

— Она не властна надъ своими слезами, какъ не властна надъ улыбкою, отвѣчала вала торжественно: слезы ея текутъ изъ родника твоей скорби, а улыбка ея — лучъ твоей радости. Знай, Гарольдъ, Эдвоэ твоя земля Фюльгия; твоя судьба неразрывна съ ея судьбою, и не отторгнется душа отъ души, къ судьбѣ которой Скульда приковала ея судьбу, какъ не отторгнется чело-вѣкъ отъ своей тѣни.

Гарольдъ не отвѣчалъ; но поступь его, обыкновенно медленная, стала быстрѣе и легче, и онъ на этотъ разъ готовъ былъ согласиться съ предсказаніемъ вала.

V.

Когда Гильда вошла въ свой дворецъ, многочисленные прихлебатели, привыкшіе жить ея хлѣбосольствомъ, собирались, кто по своимъ домамъ, въ сосѣдствѣ, а кто по опочивальнямъ древней римской виллы.

Саксонскіе дворяне не имѣли, какъ норманскіе дворяне, обыкновенія извлекать пользу изъ своего хлѣбосольства, и смотрѣть на гостей, какъ на подчиненныхъ, какъ на почетную дружину. Гостепріимные, какъ Бриты, они были готовы каждого безъ раз-

бару напорить досыта и дать ему кричать подъ своимъ кровлемъ; дома тѣхъ, которые были побогаче и любили жить на большую ногу, были отворены съ утра до ночи.

Когда Гарольдъ проходилъ съ заломъ черезъ обширный атриумъ, толпа гостей узнала его и встрѣтила народнаго любинца радостными вѣсками. Этого восторга не раздѣляли только три жреца изъ соседняго храма, смотрѣвшіе сиквозъ пальцы на гаданія Мертвирты, изъ любви къ ея пиву и меду, и изъ благодарности къ богатымъ дарамъ, которыми она надѣляла ихъ храмъ.

— Одинъ изъ того нечестиваго дому, шепнулъ жрецъ.

— Да, нечестивцы и безбожанки, Годанъ и его невѣрующіе сыновья, отычаль другой.

И всѣ три вздохнули и провожали хозяйку и ея статнаго гостя злобымиъ взглядомъ, до-тѣхъ поръ, пока дверь не заперлась за ними.

Дѣтъ большія, довольно красивыя лавизды освѣщали комнату, въ которой читатель въ первый разъ видѣлъ Гильду. Дѣвушки по прежнему сидѣли за тою же работою, и живо сповалась бѣлая ткань подъ ихъ пальцами. Гильда остановилась и съ нахмуренными бровями взглянула на работу.

— Еще приготолено не болѣе трехъ четвертой? сказала она: работайте живѣе, и тикте плотво.

Гарольдъ, не обращая вниманія на работающихъ дѣвушекъ, съ беззаботнымъ смотрѣлъ вокругъ пелоя, пока изъ амбразуры окна не выскочила Эднъ съ радостнымъ крикомъ, и съ румянцемъ восторгу въ лицѣ; она, извасясь, хотѣла броситься въ объятія брата; но шагахъ въ двухъ отъ знатнаго гостя вдругъ остановилась, и потупила глаза.

Гарольдъ не переводилъ духу отъ восхищенія. Дѣвочка, которую онъ любилъ съ самой колыбели, стояла передъ нимъ уже женщиною. Даже съ того времени, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, то есть въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ весны до осени, новостъ дѣвушки созрѣла, какъ плоды земли подъ лѣтними солнцами; щеки ея были покрыты тѣмъ небеснымъ румянцемъ стыдливости, всѣ ея формы дышали тою невыразимую прелестью, которые показываютъ, что дѣтство миновалось.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку; но въ первый разъ въ жизни, встрѣясь она не помѣшалась обычнымъ поцѣлуемъ.

— Ты уже не ребенокъ, Эднъ, сказалъ Гарольдъ невольно: по прошу тебя, сохрани еще остатокъ своей дѣтской любви ко мнѣ.

Нѣжная улыбка освѣтила прелестные уста Эднъ; она подняла

на него глаза, въ которыхъ сквозь слезы радости сіяла невинная любовь.

Немного успѣли они наговорить другъ другу въ короткій промежутокъ отъ прибытія Гарольда до отправления его въ приготовленную наскоро комнату. Гильда сама повела его къ крутой лѣстницѣ, ведущей къ свѣтлицѣ, очевидно надстроенной надъ римскими палатами какимъ-нибудь саксонскимъ рыцаремъ. Самая лѣстница доказывала предусмотрительность людей, привыкшихъ спать среди опасностей; въ комнатѣ былъ устроенъ подъемъ, съ помощью котораго лѣстницу можно было вставить наверхъ, оставляя такимъ образомъ темный, глубокій провалъ, доходившій до самаго основанія дома. Комната была впрочемъ отбѣлана со всею роскошью того времени; кровать была изъ дорогого дерева, и покрыта богатою рѣзбою; по стѣнамъ развѣшано весьма старое, но тщательно вычищенное оружіе: небольшой круглый щитъ и дротикъ древнихъ Саксонцевъ, шлемъ безъ забрала и кривой ножъ или секъ, отъ котораго, по мнѣнію археологовъ, Саксонцы получили свое славное имя.

Эднѣ послѣдовала за бабушкою, и подала гостю, на золотомъ подносѣ, закуску и настоенное пряностями вино; между-тѣмъ Гильда, безмолвно и украдкою, провела надъ постелью своимъ волшебнымъ посохомъ, и положила на подушку свою блѣдную руку.

— Любезная сестрица, сказалъ Гарольдъ, улыбаясь; это, кажется, не саксонскій обычай, а скорѣе перенятый изъ франкскихъ обыкновеній двора короля Эдуарда.

— Нѣтъ, Гарольдъ, отвѣчала Гильда, живо обернувшись къ нему; такъ всегда честили саксонскаго короля, когда онъ почевалъ въ домѣ подданнаго, въ то время, когда наши земляки Датчане не ввели еще тѣхъ непримичныхъ для королей шровъ, послѣ которыхъ подданный не въ состояніи подать, а король выпить кубка, когда отходить отъ стола ко сну.

— Ты, Гильда, слишкомъ горько караешь гордость Годвиннова дому, принимая его недостойнаго сына съ царскими почестями. Но съ такою пруслугою, прекрасная Эднѣ, нечего мнѣ завидовать королямъ.

Онъ взялъ кубокъ, поднесъ его къ губамъ, и когда поставилъ его подлѣ себя на столыкъ, ни Гильды, ни Эднѣ уже не было въ комнатѣ; онъ остался одинъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ неподвижно, погружившись въ размышленія.

— Зачѣмъ, думалъ онъ, сказала вага, что судьба Эднѣ связа-

на съ моею судьбою? Зачѣмъ я повѣрилъ вагъ, и благословилъ ее, когда она это говорила? Развѣ Эднѣ можетъ когда-нибудь быть моею женою? Король прочтѣ ее въ жрицы.... Горе мнѣ!... Свейнгъ, Свейнгъ, твой примѣръ долженъ служить мнѣ предостереженіемъ!... А если я и возстану, и скажу: отдавайте въ храмы боговъ старость и горестъ; юность же и счастье оставьте для супружескаго очага? — что же мнѣ отвѣтять жрецы? — Эднѣ не можетъ-быть тебѣ женою, сынъ Годвиновъ; потому что какъ ни отдаленно ваше кровное родство, оно однако же въ степеняхъ запрещенныхъ.... Эднѣ можетъ-быть женою другому, если ты хочешь; дѣвственною невѣстою Одинна, или матерью дѣтей, которые не назовутъ Гарольда отцомъ. Вотъ что они скажутъ мнѣ, чтобы разлучить два любящія сердца!

Кроткое, спокойное лицо его нахмурилось и стало свирѣно, какъ лицо норманскаго герцога въ минуту гнѣва; кто бы увидѣлъ его въ это время, узналъ бы въ немъ роднаго брата Свейнова. Однако же, какъ человѣкъ, привыкшій владѣть собою, онъ мощнымъ усиліемъ оторвался отъ тяжелой думы, подошелъ къ окну, отдернулъ рѣшетку и сталъ смотрѣть.

Луна сіла во всемъ своемъ блескѣ. Длинные тѣни безмолвнаго лѣсу ложились черными зубцами по открытымъ лугамъ и просѣкамъ. Какъ привидѣніе стояли передъ нимъ на холму сѣрыя колонны друидческаго капища, и подлѣ него мрачно и неопредѣленно являлся кровавый жертвенникъ бога войны. Глаза его останавливались на этой картинѣ; потому-что тѣмъ неопредѣленнѣе в туманнѣ видѣ, тѣмъ сильнѣе приковываетъ онъ воображеніе. Между тѣмъ какъ Гарольдъ смотрѣлъ, ему показалось, будто на могильномъ курганѣ подлѣ тевтонскаго жертвенника виднѣлся блѣдный фосфорическій свѣтъ; ему показалось, потому-что онъ самъ не былъ увѣренъ, не обманъ ли это его фантазіи. Гарольдъ сталъ смотрѣть пристальнѣе, и среди свѣту ему мгновенно явился человѣческій образъ, но не человѣческаго росту. Онъ казался витяземъ, былъ вооруженъ такимъ точно оружіемъ, какое висѣло по стѣнамъ комнаты, и опирался на огромный дротикъ, котораго конецъ былъ скрытъ вершиною кромеля. Свѣтъ, сіявшій вокругъ него, освѣтилъ его лицо; оно казалось огромно, какъ у древнихъ саксонскихъ боговъ, и на немъ была написана невыразимая, но величественная скорбь. Гарольдъ отступилъ на шагъ, протеръ рукою глаза, и опять взглянулъ. Исчезъ и свѣтъ и образъ; остались однѣ сѣрыя колонны и мрачный жертвенникъ. Молодой графъ презрительно улыбнулся собственной своей сла-

бось. Онъ задернулъ рѣшетку, радѣлся, погосылъ лампаду и легъ въ постель.

Луна, освобожденная отъ состязанія лампы, разлила своей бѣлой, чистой свѣтъ по всей комнатѣ, осеребрила старинные доски, и направивъ свои лучи на подушку, надъ которою она совершила свои чары, осветила лицо Гарольда. Гарольдъ спалъ, и спалъ долго; лицо его было спокойно; дыханіе ровно. Но не успѣла луна закатиться, и не успѣла проглотить зарю, какъ спокойныя черты его помрачались и зубы стиснулись.

АНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЯЗЫЧЕСКІЙ ЖЕРТВЕННИКЪ И САКСОВСКІЙ ХРАМЪ.

I.

Между тѣмъ какъ Гарольдъ спитъ, мы оставимъ его и бросимъ бѣглый взглядъ на великія судьбы дому, котораго онъ остался наслѣдникомъ по изгнаніи Свейна. Судьба Годвина была недоступная человѣку, не обладающему глубокимъ знаніемъ человѣческой души. Хотя преданіе, принятое и повторенное нѣсколькими новѣйшими историками, заслужившими всеобщее довѣріе, будто онъ въ юности пасъ коровъ, ни на чемъ не основано, и онъ безъ сомнѣнія принадлежалъ, по рожденію, къ знатному и могучему дому; однако же онъ тѣмъ не менѣе былъ самъ творцемъ своего величія. Не то удивительно, что онъ еще въ юныхъ лѣтахъ достигъ такого высокаго положенія въ государствѣ, а то, что онъ успѣлъ такъ долго сохранить свою власть и свой высокій санъ.

Но, какъ мы уже прежде намекали, Годвинъ болѣе отличался дарованіями государственнаго правителя, чѣмъ воина и военачальника; и это едва ли не главная причина того участія, которое мы принимаемъ въ немъ; онъ увлекаетъ насъ, какъ всѣ великіе умы, связывающіе наши новѣйшія понятія съ старинною; насъ поражаютъ въ туманномъ мірѣ до-норманскаго потоку свойства, отличающія обыкновенно мирнаго человѣка болѣе образованнаго вѣка.

Отецъ его, Вольнотъ, былъ чайльдомъ у южныхъ Саксонцевъ или Суссекскимъ тегномъ, и племянникомъ Эдрика Строна, гра-

за Мерцинъ, даровитаго, но вѣроломнаго Этельредова министра, который выдалъ своего государя Канута, и былъ справедливо, но не совсѣмъ законно, казненъ за измѣну своимъ новымъ государемъ.

— Я обещаю, сказалъ датскій король, вознести твою голову выше всѣхъ сконхъ подданныхъ, и держу слово. — Отрубленная голова Вольнота была поставлена надъ лондонскими воротами.

Вольнотъ былъ въ ссорѣ съ своимъ дядею Брайтрикомъ, братомъ Эдрика, и передъ прибытіемъ Канута сдѣлался атаманомъ морскихъ разбойниковъ; переманилъ двадцать королевскихъ судовъ, грабилъ южные берега, смегъ королевскій флотъ, и потому имя его исчезаетъ изъ хроникъ; но вскорѣ затѣмъ сильное датское войско, известное подъ именемъ Туркелевой дружины завладѣло берегомъ, и стало на Темзѣ. Его побѣдоносное оружіе вскорѣ покорило почти всю страну. Измѣнникъ Эдрикъ присталъ къ нему съ десятию тысячами ратниковъ; и довольно вѣроятно, что Вольнотовы суда еще дотога добровольно присоединились къ датскому флоту. Если принять это правдоподобное предположеніе, то очевидно, что Годвинъ, бывшій еще юношею, началъ свое поприще въ службѣ Канута; а какъ онъ былъ сынъ сильнаго вождя, и племянникъ Эдрика, который, несмотря на свою измѣну, вѣроятно имѣлъ много приверженцевъ въ своей странѣ, то и не удивительно, что онъ пользовался милостью Канута, потому что датскій завоеватель очень хорошо понималъ, какъ полезно было для утвержденія его владычества, оказывать уваженіе своимъ саксонскимъ приверженцамъ, въ особенности, когда они были люди съ истиннымъ дарованіемъ, какъ Годвинъ.

Сынъ Вольнотовъ участвовалъ въ Канутовомъ походѣ на Скандинавскій полуостровъ, и одержалъ важную побѣду съ одною своею саксонскою дружиною безъ помощи Датчанъ. Эта побѣда, доказывавшая его военачальнческія способности, оставшаяся лучшимъ военнымъ подвигомъ его жизни, упрочила его славу и раждающееся величіе.

Эдрикъ, хотя и говорятъ, что онъ былъ низкаго происхожденія, былъ женатъ на сестрѣ короля Этельредѣ; а когда слава Годвина возвела его на первую степень въ королевствѣ, самъ Канутъ не считалъ униженіемъ отдать свою сестру за краснорѣчиваго любимца, которому онъ былъ обязанъ покорностью не малой части саксонскаго народонаселенія. По смерти первой жены, отъ которой онъ имѣлъ одного сына, умершаго отъ несчастнаго случая, онъ женился на другой изъ того же королевскаго де-

му; мать шести сыновей его и двух дочерей, была племянница короля, и сестра Свейна, вступившаго впоследствии на датскій престолъ. По смерти Канута въ первый разъ ясно высказалось пристрастіе саксонскаго вельможи къ саксонскому роду; но по убѣжденію ли или изъ политическихъ видовъ, онъ представлялъ выборъ собранію витана, какъ представителю народной воли; и когда витанъ предпочелъ Этельредовымъ наследникамъ Гарольда, сына Канутова, онъ безропотно покорился его рѣшенію. Этотъ выборъ служитъ явнымъ доказательствомъ власти Датчанъ и совершеннаго сліявія ихъ племени съ саксонскимъ; потому что не только Леофрикъ, графъ Мерціи, Саксонецъ, вмѣстѣ съ графомъ Нортумберскимъ и всѣми тегнами по сѣверную сторону Темзы, но даже сами лондонскіе граждане единогласно приняли сторону Датчанина Гарольда; мѣтвіе же Годвина раздѣляя почти одни его вассекскіе подчиненные.

Съ этого, однако же, времени, Годвинъ сталъ представителемъ англійской партіи; и многіе изъ тѣхъ, которые были убѣждены въ участіи его въ убійствѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ выдачѣ Эдуардова брата Альфреда, старались извинить этотъ поступокъ ненавистью къ чужеземной дружинѣ, которую Альфредъ привелъ съ собою, какъ-будто желая охотнѣе быть обязаннымъ англійскимъ престоломъ норманскому оружію, чѣмъ любви Англичанъ.

Преемникъ Гарольда, Гардикануть до того ненавидѣлъ память своего предшественника, что велѣлъ вырыть его тѣло и бросить въ болото. Гардикануть возведенъ на престолъ единодушнымъ избраніемъ датскихъ и саксонскихъ тегновъ; и несмотря на то, что сначала онъ сильно преслѣдовалъ Годвина, какъ убійцу Альфреда, однако же графъ во все его царствованіе удержалъ ту же власть, какою пользовался при двухъ предъидущихъ короляхъ. Гардикануть умеръ скоропостижно на свадебномъ пиру, и Годвинъ возвелъ на престолъ Эдуарда. Чиста должна быть совѣсть графа, или сильно его убѣжденіе въ своей безответственности и своемъ могуществѣ, если онъ могъ сказать Эдуарду, брату убитаго Альфреда, когда этотъ, предвидя предстоящія ему затрудненія, на колѣняхъ умолялъ Годвина содѣйствовать ему въ отреченіи отъ престола и возвращеніи въ Нормандію:

— Ты сынъ Этельреда и ввукъ Эдгара. Царствуй, это твой долгъ; лучше жить въ славѣ, чѣмъ умирать въ изгнаніи. Ты зрѣлъ лѣтами, и, испытавъ на себѣ горе и нужду, лучше будешь сочувствовать своему народу. Положись на меня, и ты не

встрѣтись пугающихъ тебя затрудненій. Кто любъ Годвину, любъ всей Англїи.

Черезъ нѣсколько времени, Годвинъ, влїаніемъ своимъ на народное собраніе, доставилъ Эдуарду престолъ. Могучій словомъ, искусный въ управленіи умовъ, онъ склонилъ однихъ убѣжденіями, другихъ золотомъ. Въ самомъ дѣлѣ Годвинъ достигъ бы такого же высокаго положенія и нѣсколько вѣковъ позже.

Такимъ образомъ Эдуардъ сдѣлался англійскимъ королемъ, и говорятъ согласно заключенному между ними условію, женился на дочери того, кто доставилъ ему престолъ. Прекрасна была королева Эднелъ и лицомъ и душою, но Эдуардъ, повидимому, не любилъ ее; она жила въ его дворцѣ, но только по имени была его сунругою.

Тостигъ, какъ мы видѣли, женился на дочери Балдуина, графа Фландрскаго, сестрѣ Матильды, супруги Норманскаго герцога; такимъ образомъ домъ Годвина породнился съ тремя царственными родами: датскимъ, саксонскимъ и фламандскимъ. Тостигъ могъ сказать, что мысленно говорилъ Вильгельмъ Норманскій:— Дѣти мои будутъ потомками Карла Великаго и Альфреда.

Годвинъ, по своему высокому положенію, былъ слишкомъ занятъ государственными дѣлами и политическими планами, и потому не могъ заняться воспитаніемъ сыновей и дать направленіе ихъ гордымъ душамъ. Жена же его, Датчанка, Гита, женщина возвышенной, но надменной души, не образованная, наслѣдовавшая кипучую, неукротимую кровь своихъ языческихъ предковъ, морскихъ королей, скорѣе могла расшевелить ихъ честолюбіе и воспламенить ихъ мечты, чѣмъ укротить ихъ непокорный духъ и дать направленіе сердцамъ.

Мы уже видѣли судьбу Свейна; но Свейвъ былъ еще ангелъ свѣта въ сравненіи съ братомъ своимъ Тостигомъ. Кто можетъ покаяться, у того есть еще врожденная возвышенность души; Тостигъ же былъ свирѣпъ и вѣроломъ какъ тигръ, и какъ тигръ не зналъ раскаявія; не имѣлъ высокихъ умственныхъ способностей братьевъ, но былъ честолюбивѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Какое-то женское тщеславіе, весьма обыкновенное въ смѣлыхъ, предпримчивыхъ сердцахъ (самыя воинственные племена и самые храбрые воины болѣе всѣхъ подвержены этой слабости: желаніе блистать также очевидно въ гостиномъ щеголѣ, какъ и въ героѣ) — возбуждало въ немъ ненасытную жажду власти и славы. — Жить мнѣ вѣчно въ устахъ людей, — это было самое пламенное его желаніе. Подобно своимъ предкамъ по матери,

Датчанамъ, онъ завивалъ свои длинные волосы, и женшкою ходилъ на пиръ ворововъ.

Только двое въ домѣ Годвина занимались науками, которыми въ то время уже не пренебрегали европейскіе короли; то были: сестра, старшая въ семействѣ, — вѣжливый пѣтокъ, быстро удавшій въ суровомъ домѣ не любящаго супруга, и Гарольдъ.

Но умъ Гарольда, въ которомъ здравый смыслъ былъ доведенъ до гениальности, умъ практичешій и пытливый какъ умъ его отца, чуждался вообще всей поэзіи язычества, которая вознесла женскую душу сестры надъ ея земными скорбями.

Самъ Годвинъ не любилъ жрецовъ; онъ слишкомъ хорошо видѣлъ злоупотребленія ихъ, чтобы внушать дѣтямъ то почтеніе къ нимъ, которое существовало въ другихъ странахъ. Тотъ же образъ мыслей, который онъ печерналъ изъ опыта, въ Гарольдѣ былъ результатомъ ученія и размышленія. Писатели классической древности открыли юному Саксонцу понятія объ обязанностяхъ и отвѣтственности человѣка вовсе не похожія на то, чему учили невѣжественные друнды. Онъ улыбался съ презрѣніемъ, когда какой-нибудь Датчанинъ, проводившій жизнь въ пьянствѣ и кровопролитіи, думалъ отворить себѣ врата Валгаллы, завѣщая жрецамъ земли, завоеванныя разбойничьимъ мечемъ. И, если бы жрецы вздумали осуждать его дѣйствію, онъ бы съ презрѣніемъ и съ удивленіемъ отвѣчалъ имъ, что не людямъ, законѣлымъ въ невѣжествѣ, судить людей образованныхъ. Какъ бы то ни было, онъ отвергалъ грубыя суевѣрія своего вѣка, и въ языческихъ писателяхъ искалъ ученія объ обязанностяхъ гражданина и человѣка. Любовь къ отечеству, чувство справедливости, твердость въ несчастіи и смиреніе въ счастіи, сдѣлались главными его качествами. Герольдъ не принималъ, подобно отцу, личныя тѣхъ свойствъ, которыя стяжали ему любовь народа; онъ былъ кротокъ и привѣтливъ, прямъ и справедливъ, не потому что это предписывала здравая политика, а потому что это было въ его природѣ.

Впрочемъ, какъ ни прекрасна и ни возвышенна была въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ душа Гарольда, она имѣла свою большую долю человѣческаго несовершенства: эта доля заключалась въ самонадѣянности, плодъ его умственныхъ способностей и гордости. Онъ вѣровалъ въ Бога, но не упускалъ изъ виду тѣ дивныя звѣнья, которыя тайно связываютъ Бога съ сердцемъ человѣка, звѣнья, которыя равно сплетаются изъ простодушія ребенка и мудрости поэта. Умъ его, если употребить сравненіе одво-

го величайшаго писателя, былъ огромный куволь, освѣщенный свѣзу.

Хотя въ случаѣ нужды Гарольдъ былъ храбръ и неустрашимъ, какъ любой морской король, однакожь храбрость не составила отличительной черты его характера. Онъ презиралъ звѣрскую храбрость Тостига; его храбрость была храбрость твердаго разумнаго мужа, — храбрость Гектора, а не Ахиллеса. Чуждаясь въ душѣ кровопролитія, онъ могъ казаться робкимъ, когда смѣлость удѣлывала одному пустому тщеславію, или имѣла самолюбивую цѣль. Но когда долгъ предписывалъ ему смѣлость, никакая опасность не могла утратить его, никакія хитрости не могли опутать его; тогда онъ казался дерзкимъ и даже свирѣпымъ. Что онъ считалъ долгомъ, отъ того не могла отвлечь его никакая сила.

Необходимымъ также слѣдствіемъ особеннаго, истинно англійскаго характера Гарольда было то, что въ дѣйствіи онъ болѣе отличался терпѣніемъ и упорствомъ, чѣмъ быстротою и смѣлливостію. Въ такихъ опасностяхъ, съ которыми онъ успѣлъ уже освоиться, ничто не могло превзойти его твердости и ловкости; но когда онъ былъ захваченъ въ располкъ, и не успѣвалъ осмотрѣться и призвать на помощь разсудокъ, его не трудно было вовлечь въ ошибку. Обширный умъ рѣдко отличается быстротою, если только необходимость быть всегда на сторожѣ и подозрительность не развили въ немъ несвойственной ему бдительности. Нельзя было себѣ представить сердца болѣе чуждаго подозрительности, болѣе откровеннаго, довѣрливаго и прямаго, чѣмъ у молодого графа. Сообразивъ всѣ эти свойства, мы получимъ ключъ къ характеру Гарольда и къ его образу дѣйствій въ позднѣйшихъ обстоятельствахъ его бурной и трагической жизни.

Но не должно думать, чтобъ съ этою мужественною душою, Гарольдъ, откинувъ суевѣрія одного сословія, былъ на столько выше своего вѣка, что могъ откинуть и остальные. Какой искатель славы и счастья, какой человѣкъ, вступающій въ борьбу со свѣтомъ, можетъ откинуть всякое вѣрованіе въ невидимую силу? Цезарь могъ смѣяться надъ мистическими обрядами римскаго многобожія, и презирать ихъ; но онъ всё-таки вѣровалъ въ свою судьбу, какъ въ Божество. Гарольдъ тѣмъ менѣе стыдился покоряться нѣкоторымъ вѣрованіямъ своихъ предковъ, Саксонцевъ; изучая классиковъ, онъ видѣлъ, что самые независимые и смѣлые умы древности не могли освободиться отъ подобныхъ вѣрованій. Хотя онъ доселѣ отвергалъ силу гаданій и волшебной власти Гильды, однако же въ душѣ мужа еще звучали ея таин-

отвѣсныя предсказанія, слышанныя въ дѣтствѣ. Вѣра въ примѣты, знаменья, легкіе и тяжелые дни, вліяніе созвѣздіи, была распространена во всѣхъ сословіяхъ саксонскаго племени. У Гарольда былъ также свой счастливый день, четырнадцатое октября, день его рожденія; всѣ предпріятія, къ которымъ онъ приступалъ въ этотъ день, удавались ему до селѣ, и онъ вѣрилъ въ силу этого дня, какъ Кромвель въ силу третьяго сентября. Впрочемъ мы описали Гарольда, какъ онъ былъ на той ступени своего поприща, на которой представленъ доселѣ въ нашемъ разсказѣ. Какія перемѣны произвели въ немъ судьба и обстоятельства, увидимъ далѣе. Но въ это время къ свойственному юности и дарованію, стремленію стяжать свою долю славы и могущества, не присоединялось еще никакого эгонистическаго честолюбія. Его любовь къ отечеству, воспитанная на примѣрахъ греческихъ и римскихъ героевъ, была непритворна, чиста и пламенна; онъ былъ способенъ обречь себя на вѣрную смерть въ ущельи, какъ Леонидъ, или броситься въ бездну какъ Курцій.

II.

На зарѣ, Гарольдъ проснулся изъ тревожнаго, прерывистаго сна, и взорамъ его представилось лицо Гильды, большое, блѣдное и спокойное какъ лицо египетскаго Сфинкса.

— Не зловѣщіе ли ты видѣлъ сны сынъ Годвиновъ? спросила она.

— Сохрани меня Водень! отвѣчалъ Гарольдъ, съ необыкновеннымъ смиреніемъ.

— Разскажи ихъ мнѣ, я попытаюсь разгадать ихъ значеніе; тайный смыслъ кроется въ голосахъ ночи.

Гарольдъ задумался, и помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

— Мнѣ кажется, Гильда, я самъ могу объяснить себѣ какимъ образомъ мои сны посѣтили меня.

И приподнявшись на локтѣ, онъ продолжалъ, устремивъ свѣтлый провидцательный взоръ на хозяйку:

— Скажи мнѣ откровенно, Гильда, не ты ли велѣла засвѣтить свѣтъ на томъ холму, подлѣ кургана и могильнаго камня, внутри храма друндовъ?

Но если Гарольдъ подозрѣвалъ сначала, что его хотѣли обмануть, то это подозрѣніе тотъ-часъ разсѣялось, когда онъ увидѣлъ

выраженіе неспротивнаго любовныяства и таинственнаго страха, внезапно явившихся на лицѣ Гильды.

— Такъ ты видѣлъ свѣтъ, сынъ Годвиновъ, близъ жертвенника Тора, надъ могильнымъ курганомъ умершаго богатыря?... легкій сивеватый свѣтъ, какъ лучи луны, играющіе на снѣгу?

— Да, такимъ мнѣ показался свѣтъ.

— Никогда человѣческая рука не зажигала этого пламени, возбуждающаго присутствіе мертвыхъ, сказала Гильда, дрожащимъ голосомъ; хотя рѣдко является привидѣніе глазамъ живыхъ людей само собою, не будучи вызвано волшебнымъ посохомъ и рунами.

— Какой образъ, или какую тѣнь принимаетъ привидѣніе?

— Оно встаетъ среди пламени, блѣдное какъ туманъ на горѣ, и огромное, какъ богатыря былаго времени, съ сексомъ, дротикомъ, и щитомъ сыновъ Воденовыхъ. Ты видѣлъ Снѣг-Леку, продолжала Гильда, смотря прямо въ лицо молодому графу.

— Если ты меня не обманываешь.... сказалъ Гарольдъ, съ сомнѣніемъ.

— Обманывать тебя! нѣтъ, не дерзну я шутить могуществомъ мертвыхъ, хотя бы дѣло шло о спасеніи саксонскаго престола. Развѣ не знаешь ты — или, можетъ быть твое безполезное знаніе вытѣснило изъ твоего ума знанія твоихъ отцовъ — развѣ не знаешь ты, что гдѣ похоронены витязь старыхъ временъ, тамъ же въ его могилѣ лежатъ его сокровища? что надъ могилею является иногда по ночамъ свѣтъ, который ты видѣлъ, и мертвый встаетъ въ своемъ воздушномъ образѣ? Часто являлось привидѣніе въ прежнее время, когда мертвыхъ и живыхъ соединяло одно вѣрованіе, когда они составляли одно племя; теперь же оно является рѣдко, и только какъ знаменье, какъ вѣстникъ опредѣленія рока:—слава или горе тому, кто увидитъ его! На этомъ холму, подлѣ жертвенника Тора, подлѣ зеленымъ курганомъ и подлѣ сѣдымъ камнемъ покоится Эскъ, старшій сынъ Сердика, родоначальника саксонскихъ королей. Онъ поражалъ Бритовъ въ ихъ храмѣ, и палъ въ бою; его похоронили въ доспѣхахъ, и въ могилу положили сокровища, которыя завоевала его рука. Гибель грозитъ дому Сердикову или Саксонскому царству, если Воденъ вызвалъ изъ могилы прахъ своего сына.

Встревоженная Гильда склонила лицо надъ сложенными руками, и, качая головою, прошептала нѣсколько таинственныхъ рунъ, которыхъ Гарольдъ не могъ разслушать. Потомъ она обратилась къ нему, и сказала повелительнымъ голосомъ:

— Носай этого, нѣтъ сомнѣнiя, что они твои предвѣщанiя будущаго.... вѣрнѣ всѣхъ предсказанiй, какиа могла живая вага воззвать своихъ волшебнымъ жезломъ и рунами: открой ихъ мнѣ.

Гарольдъ отвѣчалъ:

— Мнѣ снилось, будто я стоялъ въ полдень, на широкой, гладкой равнинѣ, все было свѣтло въ моихъ глазахъ, и легко на сердцѣ. Я былъ одинъ и весело шелъ своей дорогой. Вдругъ земля разорвалась подо мною, и я упалъ въ глубокую, неизмѣримо-глубокую бездну; — будто въ ту крайнюю область вселенной, которую наши предки называли Нисольгеймонъ, областью тумана, въ адъ мертвыхъ, погибшихъ безъ славы. Оглушенный надеждою, а долго лежать, во снѣ, будто скованный. Открывъ глаза, я увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ костями мертвыхъ, которыя дангалою вокругъ меня, волновались какъ сухiе листья, шлепаясь подъ земными вѣтрами. Посреди ихъ на меня смотрѣла мертвая голова безъ туловища, на черепѣ которой была надѣта нитра и изъ раскрытыхъ челюстей мнѣ послышался голосъ, будто слышь змѣи:—Гарольдъ, невѣрующей, ты нашъ! — Потомъ будто среди говору цѣлой рати, я услышала безчисленное множество голосовъ: — Ты нашъ! — Я хотѣлъ встать, но члены мои были связаны, нитки тонкими и хрупкими какъ нити паутины; онѣ казались мнѣ тисмы и вѣрши, какъ желѣзные оковы. Невыразимая тоска, ужасъ и стыдъ овладѣли моею душою; силы оставил меня, и я былъ слабъ какъ новорожденный младенецъ. Потомъ вдругъ подулъ холодный вихрь, будто отъ елѣднѣлаго воздуха, и кости вдругъ стали опять неподвижны; говоръ ихъ умолкъ, но черепъ въ нитрѣ, попрежнему, скакалъ на меня свои зубы, и изъ шпанди гдѣ были прежде глаза показывались зѣнныя языки. Въ то же время нѣтъ предеталъ, — я и теперь будто вижу его, — образъ того же привидѣнiя, которое возстало на холму... въ сексонѣ, дретнионѣ и шитонѣ... и лицо его, хотя блѣдное какъ лицо мертвеца, было мрачно и сурово, какъ лицо вождя передъ ратью; онъ протянулъ руку, я ударилъ сексонъ по шлту, который падалъ глухой звукъ; при этомъ звукѣ оковы мои распались, я вскочилъ на ноги, и безстрашно сталъ подлѣ привидѣнiя. Тогда нитра вдругъ обратилась въ шлемъ, а вмѣсто скалющейся головы явился точно образъ воюющей войны; онъ былъ огромнѣе всѣхъ дровныхъ исполиновъ, гребень шлема казался звѣздъ, а тѣло затѣвало солнце и день. Земля обратилась въ океанъ крови, и океанъ этотъ казался глубже сѣверныхъ морей, въ которыхъ играютъ киты: несмотря на то, волны его

не доходили до колѣнъ неволныя. Вѣтры олетались вокругъ всего со всѣхъ концовъ свѣта, и коршуны, съ неперывными глазами и тоскливымъ крикомъ. Всѣ кости немытѣшія прежде ни жизни ни образа, воспріяли полныя жизни, въ образѣхъ жрецовъ и ратниковъ и подняли хохотъ, шумъ, свистъ и звукъ оружія. Изъ среди кроваваго моря возстало огромное знамя, блѣдная рука протянулась изъ черныхъ тучъ, и начертала на немъ: «Гарольдъ, проклять!» Тогда мрачный образъ, стоявшій подлѣ меня, сказалъ: — Гарольдъ, страшны тебѣ кости мертвыхъ? — и голосъ его звучалъ, какъ труба, вливающая мужество даже въ труса. Я отвѣчалъ: — Подлѣ былъ бы Гарольдъ, если бы болелъ костей мертвыхъ!

Когда я говорилъ, весь адъ, казалось, воспріянулъ, и отовсюду послышались насильственныя, презрительныя голоса, потомъ все вдругъ изчезло, и остался одинъ кровавый океанъ. Медленно прилетала съ сѣвера птица, точно огромный воронъ, но кровавою дѣла, какъ море; а съ югу плылъ ко мнѣ левъ. Я взглянулъ на пришедшія: вѣнчанная гордость исчезла съ его лица, и на немъ выражалась такая тоска, что мнѣ стало больно; а забылъ и верона и льва, и заплакалъ. Тогда пришедшія сжали меня въ свѣтъ обширныхъ объятій, и дыханіе его оледенило кровь въ моихъ жилахъ; оно поцѣловало меня въ лобъ и уста, и сказало мнѣ, такъ вѣжно, и съ такою любовью, какъ говорила мнѣ мать въ моихъ дѣтскихъ недупахъ: — Любезный Гарольдъ, не тужи; тебѣ дано все, о чемъ мечтали сыны Воденовы въ своихъ снахъ о Валгаллѣ! — Сказавъ это, пришедшія удалились, медленно, медленно, и не спуская съ меня взоровъ, полныя грусти и тоски. Я протянулъ руку, чтобы удержать его, но въ рукѣ моей очутился только неослаемый скиптръ. Въ то же время, будто изъ подъ земли, явились вокругъ меня тѣсны и вѣжды въ досѣдкахъ; явился накрытый столъ, и вокругъ меня былъ пиръ и веселье. Мнѣ стало веселѣе и легче на сердцѣ; въ рукѣ моей все еще находился таинственный скиптръ. Долго и весело пировали мы; но надъ широмъ порхалъ кровавый воронъ, а по кровавому морю плылъ ко мнѣ, все ближе и ближе, левъ. На небѣ были двѣ звѣзды: одна тусклая и неподвижная, другая яркая и быстро стремившаяся впередъ; таинственная рука изъ-за тучи указала на тусклую звѣзду, и голосъ сказалъ: — Вотъ, Гарольдъ, звѣзда, озарившая твое рожденіе. — Другая рука указала на яркую звѣзду и другой голосъ сказалъ: — Вотъ звѣзда, озарившая рожденіе побѣдителя. — Потомъ яркая звѣзда сдѣлалась больше; катась по

небу съ громкимъ свѣхомъ, подобнымъ шуму раскаленнаго жѣла въ водѣ, перекатилась черезъ блѣдную и печальную звѣзду, и все небо будто озарилось пожаромъ. Затѣмъ сонъ мой сталъ исчезать, и въ то же время мнѣ послышалось торжественное пѣніе, будто божественный гимнъ; пѣніе, какое я слышалъ только разъ въ жизни, когда я стоялъ въ дружинѣ Эдуарда, въ Винчестерскихъ палатахъ, въ то время какъ его вѣнчали на царство.

Гарольдъ умолкъ. Гильда медленно подняла голову съ груди, и долго смотрѣла на него, не говоря ни слова; взоръ ея былъ мраченъ и безмысленъ.

— Затѣмъ ты такъ смотришь на меня, и не говоришь? спросилъ графъ.

— Туманъ покрылъ взоръ, камень лежитъ на моей душѣ; я не могу разгадать сна, прошептала вала. Десница, разгоняющая привидѣнія, и пробуждающая жизнь дѣйствія, погружаетъ въ сонъ жизнь мысли. Какъ блѣднѣютъ звѣзды при восхожденіи солнца, такъ блѣднѣетъ свѣтъ души, когда роса оживляетъ цвѣты и пѣсь жаворонка встрѣчаетъ зарю. Въ этомъ свѣ кроется тайна твоей будущей судьбы, какъ въ коконѣ превращающагося червя кроются крылья мотылька. Но въ счастье ли или на горе прорвешь ты плотную ткань, и расправишь свои крылья на вольномъ воздухѣ? Этого я сама не знаю. Дождись часу, когда Скульда сойдетъ въ душу своей рабы, и тайна [твоей] судьбы сольется съ монхъ устъ, какъ потокъ воды льется изъ вѣдръ скалы.

— Я готовъ тебя выслушать, сказалъ Гарольдъ съ обычною своею спокойною и гордою улыбкой; но не обѣщаю повѣрить твоему откровенію или повиноваться твоимъ знаменьямъ, когда разумъ мой совершенно просветится изъ чаду воображенія и ночныхъ видѣній.

Вала тяжело вздохнула, и не отвѣчала.

III.

Гита, супруга Годвина, сидѣла въ своемъ терему, и печаль терзала ей сердце. Тутъ же былъ одинъ изъ сыновей, ея любимецъ Вольнотъ. Она любила его болѣе прочихъ сыновей, потому что всѣ они были крѣпки и здоровы, и въ дѣтствѣ ихъ она не знала материнскаго страха и трепету; Вольнотъ же родился до срока, и жестоки были страданія матери при рожденіи его; младенецъ долго боролся между жизнью и смертью. Дрожащимъ колѣномъ качала она колыбель его, и не разъ орошала его изго-

ловье горячими слезами. Все его дѣтство прошло въ недугахъ, и требовало неусытпаго попеченія; теперь же, когда онъ стоялъ передъ нею, цвѣтущимъ, крѣпкимъ юношею, мать чувствовала, что она дважды дала ему жизнь. По этому-то онъ былъ ей дороже всѣхъ своихъ братьевъ; и по этому, когда она смотрѣла теперь на него, прекраснаго, улыбающагося, полнаго надежды, она болѣе горевала о немъ, чѣмъ о Свейнѣ, изгнанномъ преступникѣ, отправаившемся на скорбное скитальчество. Вольнотъ, избранный залогомъ вѣрности своему дому, долженъ былъ отправиться ко двору Вильгельма Норманскаго. Юноша съ радостною улыбкою выбиралъ нарядъ, сванчи, оправленные въ золото ятаганы, чтобы блестящимъ, храбрымъ рыцаремъ, явиться въ палаты богатырей и красоты, — школу перваго рыцарства во всемъ Западѣ. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ и беспеченъ, чтобы раздѣлять разумную ненависть старшихъ братьевъ къ нравамъ и обычаямъ чужеземцевъ; ихъ веселость и роскошь, столь противоположныя скукѣ саксонскаго двора, и мрачному, грубому характеру Саксонцевъ, ослѣпила его юношеское воображеніе и полюморанившійся умъ. Съ радостью и гордостью собирался онъ вѣхать залогомъ вѣрности и представителемъ могущества своихъ сильныхъ родичей; и вступить въ мужество въ глазахъ руанскихъ красавицъ.

Подлѣ Вольнота стояла меньшая сестра, Тайра, бывшая еще ребенкомъ; радость ея при видѣ удовольствія брата, растревала горестъ Гиты.

— Сынъ мой, говорила бѣдная мать; зачѣмъ тебя именно избрали изъ всѣхъ моихъ дѣтей? Гарольдъ одаренъ разумомъ противъ опасностей; Тостягъ неустрашимъ противъ враговъ; Гуртъ такъ кротокъ и любезенъ, что самое суровое сердце не въ силахъ ненавидѣть его, а отъ веселости безпечнаго Леофайна горе отскочитъ, какъ стрѣла отъ гладкаго щита. Но ты, ты... мой любезный!... да будетъ проклятъ король, избравшій тебя!... жестокъ былъ отецъ, забывшій, что ты свѣтъ очей твоей матери!

— Не горюй, добрая матушка, сказалъ Вольнотъ, положивъ богатый шелковый нарядъ, шитый павлиньими очками, которымъ онъ любовался. Это былъ подарокъ его сестры королевы и работа собственныхъ ея бѣлыхъ ручекъ; потому-что, не смотря на свою ученость, супруга благочестиваго короля была мастерица на всякія рукодѣля, какъ почти всѣ женщины, проводящія жизнь въ скукѣ и тоскѣ. — Молчи, птенецъ долженъ вылетѣть изъ род-

ваго глѣздышка, когда оперятся его крылышки. Гарольд орелъ, Тостигъ коршунъ, Гуртъ голубокъ, Лео-вайнъ скворецъ. Смотри, мои крылья всѣхъ богаче, матушка; и ярко свѣтитъ солнце, подъ которыми я расправлю свои блестящiе перья.

Потомъ, замѣтивъ, что мать не улыбалась его веселости и шуткамъ, онъ подошелъ къ ней, и сказалъ серьезно :

— Разсуди сама, матушка. Другаго wyboru не оставалось отцу и королю. У Гарольда, у Тостига, у Лео-вайна есть свои графства и должности; ихъ положенiе определено, они столпы нашего дому. Гуртъ такъ молодъ, и притомъ онъ такой Саксонецъ, и такъ слѣдуетъ во всемъ примѣру Гарольда, что ненависть его къ Норманамъ вошла уже въ пословицу между нашими юношествомъ; потому-что ненависть еще болѣе бросается въ глаза въ любящемъ сердцѣ, какъ эта свияя опушка кажется почти черпою на бѣлой ткани. Я же, совсѣмъ другое дѣло; добрый король знаетъ, что мнѣ всѣ будутъ рады, потому-что норманскiе рыцари любятъ Вольнота; я по столько часовъ проводилъ у ногъ Монтгомери и Гранменнля, слушая ихъ рассказы о подвигахъ Роллы, и играя ихъ золотыми рыцарскими цѣпями. Самъ грозный графъ пожалуетъ меня въ рыцари; и я возвращусь въ золотыхъ шпорахъ, какiя носили твои предки, храбрые короли норвежскiе и датскiе, когда еще не знали рыцарства. Обвини меня, матушка, и пойдѣмъ посмотрѣть на славныхъ соколовъ, что прислалъ мнѣ Гарольдъ;... настоящiе валлискiе соколы.

Гита склонила лицо на плечо сына, и залилась слезами. Въ это время дверь тихо отворилась, и вошелъ Гарольдъ, ведя за руку блѣднаго, черноволосаго мальчика, Гакона, сына Свейнова.

Но Гита, занятая своею горестью о любимцѣ Вольнотѣ, почти не замѣтила внука, взрослоаго вдали отъ нея, и поспѣшила къ Гарольду. Ей было легче и спокойнѣе въ его присутствiи; Вольнотъ поклонялся на ея сердцѣ, а оно жалось къ сердцу Гарольда.

— Сынъ, говорила она, ты, сильнѣйшiй рукою, вѣрнѣйшiй сердцемъ, и мудрѣйшiй умомъ, во всемъ домѣ Годвина, увѣрь меня, что твой юный братъ не подвергается никакой опасности тамъ, въ норманскихъ палатахъ.

— Онъ будетъ такъ же безопасенъ, какъ здѣсь, отвѣчалъ Гарольдъ, утѣшая мать, и успокоивая ее голосомъ и улыбкою. — Свирѣпъ и безпощаденъ, говорятъ, герцогъ Вильгельмъ къ врагамъ, съ оружиемъ въ рукахъ, но кротокъ и милостивъ къ кроткимъ, вѣрный хозяинъ и милосердый государь. Притомъ у Нор-

мановъ есть свой законъ, который сильнѣе всякихъ нравственныхъ правилъ, и ненарушимѣе даже ихъ фанатической вѣры. Ты знаешь этотъ законъ, матушка, потому что онъ заимствованъ отъ твоего сѣвернаго племянн; по этому закону чести, какъ они его называютъ, голова Вольнота для нихъ священна. Потребуй только, братъ, когда представишь передъ Норманскаго герцога, поцѣлуя мира, и съ этимъ поцѣлуемъ на челѣ, ты можешь спать спокойно, чѣмъ еслибы надъ твоею постелью развѣвались всѣ знамена Англій.

— Но долго ли будетъ продолжаться это изгнаніе? спросила Гита.

Гарольдъ нахмурилъ брови, и потушилъ глаза.

— Матушка, сказалъ онъ, не хочу я тебя обманывать, для того даже, чтобы тебя успокоить. Срокъ зависитъ отъ короля и отъ герцога. Пока король не откинетъ ложной болѣзни на счетъ минимыхъ замысловъ Годвинова дому, а герцогъ — своей лицемѣрной заботливости о норманскихъ жрецахъ и рыцаряхъ, которые, не будучи при дворѣ, не были высланы изъ королевства, а спокойно остались въ своихъ помѣстьяхъ или храмахъ, до-тѣхъ поръ Вольнотъ и Гаконъ должны оставаться гостями въ норманскихъ палатахъ.

— Гита ломала руки съ отчаянія.

— Но успокойся, матушка; Вольнотъ молодъ, глазъ его пронацательнъ, умъ быстръ и смѣливъ. Онъ будетъ наблюдать за норманскими вождями, подмѣтитъ ихъ слабыя стороны, узнаетъ ихъ образъ войны, и когда воротится, не будетъ какъ король Эдуардъ, любителемъ всего чужеземнаго, а будетъ въ состояніи оградить насъ отъ замысловъ этого воинственнаго двора, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе угрожаетъ всеобщему миру. Онъ найдетъ тамъ званія и обычаи, которые мы можемъ перенять; не покрой платья, не складки говны, а средства къ устройству государства и образованію народовъ. Герцогъ Вильгельмъ мѣдръ и щедръ; купцы рассказываютъ, какъ разширяются промыслы подъ управленіемъ его желѣзной руки; а воины говорятъ, какъ хитро построены его крѣпости, и что онъ исчисляеть планы своихъ сраженій, какъ зодчій исчисляеть своды и ихъ ключи, соразмѣряя напоръ сопротивленію, и удесятеряя силу рукъ искусствомъ и расчетомъ. Такимъ образомъ юноша воротится вполне образованнымъ мужемъ, и станетъ учителемъ стариковъ, и мудрѣйшимъ въ своемъ родѣ, способнымъ къ управленію и достойнымъ власти, славы и своего оте-

чества. Не печалась же, дочь датскихъ королей, что любимому сыну твоему дана лучшая школа и обширѣйшее поприще, чѣмъ его братьямъ.

Эта рѣчь тронула гордую душу племянницы Кавута Великаго, и честолюбивая надежда почти вытѣснила скорбь изъ ея сердца.

Она отерла слезы, улыбнулась Вольпоту, и материнская гордость уже представляла его такимъ мудрымъ правителемъ, какъ Годвинъ, такимъ же доблестнымъ военачальникомъ, какъ Гарольдъ. И самъ полупорма въ Вольпотъ, хотя поналъ косвенный упрекъ, но не могъ быть нечувствителенъ къ возвышенному и разумному патриотизму брата. Онъ подошелъ къ графу, который обнялъ одною рукою мать, и сказалъ съ откровенностью, рѣдко встрѣчающаюся въ нѣсколько легкомысленной и верѣшительной душѣ.

— Гарольдъ, рѣчи твои могли бы обратить камни въ людей, и изъ этихъ людей сдѣлать пламенныхъ Саксонцевъ. Братъ твой Вольпотъ не повѣситъ головы со стыда, когда воротится въ свое отечество съ остриженными волосами и въ золотыхъ шпорахъ. Если ты по наружности его усомнишься въ его вѣрности своему племени, ты положишь только правую руку ему на сердце, и услышишь, что оно бьется любовью къ Англіи.

— Благородно и разумно сказано, вскричалъ графъ, и положилъ руку на голову юноши, будто благословляя его.

Какимъ все это время стоялъ въ сторонѣ, разговаривая съ малюткою Тайрою, которую его мрачное, печальное лицо пугало, и въ тоже время тронуло; она прижалась къ нему, и положила свою крошечную рученку въ его руку. Слова Гарольда подѣйствовали на него столько же, какъ на его дядю; онъ гордо подошелъ къ Вольпоту, сталъ подлѣ него, и сказалъ:

— И я также Англичанинъ, и долженъ оправдать свое названіе.

Прежде чѣмъ Гарольдъ успѣлъ отвѣчать, Гита воскликнула:

— Оставь правую руку на головѣ моего сына, и скажи просто:—По истинѣ и чести, если герцогъ удержитъ Вольнота, сына Гиты, противъ справедливости, и вопреки разрѣшенію короля ему возвратиться, если не помогутъ письма и посольства, я Гарольдъ, самъ переправлюсь за море, чтобы возвратить матери сына.

Гарольдъ колебался.

Упрекъ неволью сорвался съ устъ Гиты, и проникъ въ сердце Гарольда.

— Холодный эгоистъ, такъ ты посылаешь его подвергаться опасности, передъ которою самъ отступаешь?

— По истинѣ и чести, сказалъ графъ, если по истеченіи срока, и водвореніи мира въ Англіи, герцогъ Вильгельмъ Норманскій, безъ справедливой причины, и противъ согласія моего короля, не захочетъ отпустить заложниковъ, твоего сына, и этого малютку, который мнѣ долженъ быть вдвое дороже и священнѣе, по несчастной судьбѣ его отца, я самъ отправлюсь за море, чтобы возвратить матери сына, и сироту отечеству. Да поможетъ мнѣ въ этомъ Воденъ.

IV.

Мы уже видѣли, что въ числѣ богатыхъ владѣній Гарольда было помѣстье въ окрестности старой римской виллы, гдѣ жила Гилда. Въ этомъ помѣстьи жилъ онъ преимущественно по возвращеніи въ Англію. Предлогомъ къ избранію этого мѣсто-пробыванія служило, то, что оно стало ему дорого, послѣ доказательства любви, даннаго его сеорлями, которые купили помѣстье и обрабатывали земли въ его отсутствіи; въ особенности же близость его къ новому, Вестминстерскому дворцу; потому-что по именному желанію Эдуарда, прочіе братья возвратились въ свои управленія, а Гарольдъ остался при особѣ короля. По выраженію великаго норвежскаго лѣтописца, Гарольдъ былъ всегда при дворѣ, и во всѣхъ случаяхъ ближе всѣхъ къ королю, который очень любилъ его, и держалъ какъ сына, потому что самъ не имѣлъ дѣтей. Эта близость къ королю усилилась еще по возвращеніи дому Годвина; потому-что Гарольдъ, кроткій и сговорчивый, былъ, подобно Альреду, великимъ миротворцемъ, и Эдуардъ никогда не имѣлъ поводу на него жаловаться, какъ на претихъ членовъ этого властолюбиваго дому. Но въ самомъ дѣлѣ Гарольда влекло къ этому грубому деревянному строснію, котораго ворота были весь день отворены его подчписаннымъ, когда ему удавалось къ величайшей своей радости вырваться изъ Вестминистра,—сообщество прекрасной Эднор. Въ любви его къ молодой дѣвушкѣ было что-то похожее на силу рока. Гарольдъ любилъ ее, когда еще не развились ея дивная женская красота; и занимаясь съ юности важными дѣлами, онъ не успѣлъ извурить душевныхъ силъ преходящею любовью праздныхъ людей. Теперь же, въ этотъ періодъ спокойствія своей бурной жизни, онъ, разу-

иѣется, тѣмъ сильнѣе предавался вліанію этого очарованія, превосходившаго въ могуществѣ всѣ чары Гильды.

Осеннее солнце свѣтило сквозь просѣки лѣсу, когда Эднѳъ сидѣла одна на холму, близъ дороги, устремивъ взоры въ даль.

Весело пѣли птички; но не къ нхъ пѣнію прислушивалась Эднѳъ: векша прыгала съ вѣтки на вѣтку и съ дерева на дерево въ ближайшей рощѣ; но не любоваться ея игрою пришла Эднѳъ къ могилѣ теотонскаго витязя. Вскорѣ послышался лай, и огромная валлійская борзая собака выбѣжала изъ перелѣска. Сильно забилося тогда сердце Эднѳъ, глаза ея загорѣлись, и вотъ, съ копьемъ въ одной рукѣ, и съ соколомъ на другой, вышелъ, изъ-за пожелтѣвшихъ кустовъ, графъ Гарольдъ.

Вы можете себѣ представить, что сердце его забилося такъ же сильно, и глаза заблестали такъ же ярко, какъ сердце и глаза Эднѳъ, когда онъ увидѣлъ, кто поджидалъ его у могильнаго кургана. Любовь забывала присутствіе смерти; такъ было всегда, и всегда будетъ. Онъ удвоилъ шаги, и взомель на пригорокъ; собаки съ радостнымъ лаемъ окружили Эднѳъ. Гарольдъ смахнулъ рокола съ руки, и онъ слетѣлъ на каменный жертвенникъ Тора.

— Долго я тебя ждала, Гарольдъ, любезный братъ, сказала Эднѳъ, потупивъ глаза, и глядя собакъ.

— Не называй меня братомъ, сказалъ Гарольдъ, отступая; и лицо его сдѣлалось мрачно.

— Почему же, Гарольдъ?

— Почему, Эднѳъ? прошепталъ Гарольдъ; и мысленно прибавилъ: — она не знаетъ, простодушная дѣвушка, что это отдаленное родство можетъ послужить предлогомъ къ разлученію нашихъ сердецъ.

Онъ отвернулся, и сурово оттолкнулъ собакъ, которыя радостно скакали вокругъ прекрасной своей пріятельницы.

Собаки легли къ ногамъ Эднѳъ, которая съ удивленіемъ и недоумѣніемъ взглянула на озабоченное лицо графа.

— Твой взоръ, Эднѳъ, лучше смиряетъ меня, чѣмъ мои слова смиряютъ этихъ собакъ, сказалъ Гарольдъ, кротко. — Но въ жилахъ моихъ течетъ горячая кровь; и только спокойный духъ можетъ подавить минутную досаду. Спокойно было на душѣ моей, милая Эднѳъ, въ то время, когда ты будучи ребенкомъ сиживала у меня на колѣняхъ, и когда я, свивая своими грубыми руками, цѣпь изъ цвѣтовъ для твоей лебединой шеи, говорилъ: цвѣты завянутъ, но неразрывна цѣпь, сплетенная любовью.

Эднѣ опять наклонилась къ лежащимъ у ногъ собакамъ. Гарольдъ смотрѣлъ на нее съ задумчивою вѣжностью; а птички пѣли по прежнему, и по прежнему векша скакала съ вѣтки на вѣтку. Эднѣ первая возобновила разговоръ.

— Твоя сестра присылала за мною, Гарольдъ; я завтра должна ѣхать ко двору. Будешь ты тамъ?

— Какъ же, буду, отвѣчалъ Гарольдъ, встревоженнымъ голосомъ. Такъ моя сестра присылала за тобою: знаешь ты зачѣмъ!

Эднѣ поблѣднѣла, и голосъ ея задрожалъ, когда она отвѣчала: — Да, знаю.

— Такъ это то, чего я боялся! вскричалъ Гарольдъ, въ сильномъ волненіи. Сестра моя, увлеченная совѣтами своихъ друзей, присоединяется къ королю, въ войнѣ противъ челоувѣческаго сердца! О, продолжалъ графъ, въ порывѣ энтузіазма, что рѣдко случалось съ его холоднымъ и ровнымъ характеромъ, но теперь было вынуждено силою угнетенной любви: когда я сравниваю нынѣшнихъ Саксонцевъ съ ихъ предками, когда я вижу Саксонцевъ рабами своихъ жрецовъ, я съ трепетомъ спрашиваю, когда они освободятся отъ ихъ напѣя.

Онъ остановился, съ трудомъ перевелъ духъ, и схвативъ дрожащую руку Эднѣ, сказалъ ей сквозь стиснутые зубы: — Такъ они хотятъ тебя сдѣлать жрицею? А ты не хочешь.... ты не должна быть жрицею.... или сердце твое преступитъ обѣтъ.

— Ахъ, Гарольдъ, сказала Эднѣ, забывъ свою дѣвическую робость при страшной мысли объ уединенной жизни, и отвѣчая съ любовью женщины и простодушіемъ ребенка: лучше, во сто разъ лучше зарыть въ могилу мое тѣло, чѣмъ похоронить сердце. Въ могилѣ я могу еще жить для тѣхъ, кого люблю; а за храмовою рѣшеткою должна умереть даже любовь.... Тебѣ жаль меня, Гарольдъ.... твоя сестра, королева, добра и милостива; я брошусь къ ея ногамъ, и скажу: Юность живетъ для любви, міръ половъ отрадъ; позволь пожить моею юности, и благословить Водена въ мірѣ, который онъ создалъ на счастье.

— Милая, дорогая Эднѣ, воскликнулъ Гарольдъ въ восторгѣ. Скажи это, будь тверда; никто не посмѣетъ неволить тебя; законъ не можетъ вырвать тебя изъ объятій твоей бабушки Гильды; а гдѣ говорить законъ, тамъ по-крайней-мѣрѣ слышь Гарольдъ, и тамъ родство наше, мое несчастіе, будетъ благодѣяніемъ.

— Почему говоришь ты, Гарольдъ, что наше родство — несчастіе? Мнѣ такъ сладко говорить про себя:—Гарольдъ тебѣ

съ родни, хотя далекой; и ты должна гордиться его славой, и радоваться его присутствію! Отчего же то, что мнѣ утѣшеніе, — тебѣ горе?

— Потому, отвѣчалъ Гарольдъ, опустивъ ея руку, и печально сложивъ руки на груди, — потому, что если бы не оно, я сказалъ бы тебѣ: — Эднѣ, я люблю тебя болѣе чѣмъ брата; Эднѣ, будь женою Гарольду! Если же я теперь скажу это, и ты станешь моею женою, жрецы всплеснутъ руками отъ ужаса, и проклянутъ нашъ бракъ; весь мой домъ рухнетъ въ самомъ основаніи; отецъ мой, братья, всѣ тегвы и выборные, саяовники и рыцари, которыхъ сила составляетъ нашу силу, пристанутъ ко мнѣ съ просьбами и угрозами, чтобы я отвергъ тебя. Какъ я могучъ теперь, такъ былъ вѣкогда могучъ братъ мой Свейнъ; и какъ Свейнъ теперь всѣмъ отверженъ, такъ будетъ отверженъ Гарольдъ; а по изгнаніи Гарольда, чья грудь будетъ довольно сильна, чтобы замѣнить его на защиту Англіи. Возстанутъ всѣ буйныя страсти, которыя я смиряю, какъ всадникъ коня; и я, сильный своимъ правомъ, дитя природы, пойду съ хоругвью и въ доспѣхахъ, на жрецовъ, на родныхъ, на отчизну; и потокомъ польется кровь моихъ земляковъ. Вотъ почему Гарольдъ, покоряясь какъ рабъ власти жрецовъ, которую онъ презираетъ, не смѣетъ сказать своей возлюбленной: — Дай мнѣ правую руку, и будь моею невестой.

Съ отчаяніемъ слушала Эднѣ эти слова и устремила глаза въ лицо Гарольда, а ея лицо стало мрачно и неподвижно, будто окаменѣло. Но когда Гарольдъ умолкъ, и отошедши на нѣсколько шаговъ, отвернулся отъ нея, чтобы она не видѣла жестокой борьбы его души, въ ней пробудилась, во всей своей возвышенности, женская душа, постигающая даже въ самой низкой долѣ все благородное и высокое; подавивъ любовь и горестъ, она подошла къ Гарольду, положила свою нѣжную руку на его плечо, и сказала съ выраженіемъ состраданія и благоговѣнія:

— Никогда еще, Гарольдъ, я не гордилась такъ тобою, какъ теперь, потому что Эднѣ не могла бы любить тебя, какъ любить и будетъ любить до могилы, если бы ты не любилъ Англіи болѣе Эднѣ. Гарольдъ, до этой минуты была я ребенкомъ, и не знала хорошо своего сердца; теперь же я читаю въ немъ и вижу, что я стала женщиною. Теперь, Гарольдъ, не страшусь я заключенія: оно не убиваетъ жизни, — напротивъ, оно расширяетъ ее, сосредоточивая въ одномъ желаніи быть достойною приносить за тебя жертвы нашимъ богамъ.

— Эднъ, Эднъ! вскричалъ Гарольдъ въ искугъ, и поблѣдивъ какъ смерть: не говори, что тебѣ не страшно заключеніе! Умоляю тебя, приказываю тебѣ — не воздвигать между нами этой страшной, вѣчной преграды. Пока ты свободна — еще остается надежда, можетъ-быть, одинъ призракъ, но все-таки надежда.

— Что тебѣ угодно, будетъ угодно и мнѣ, отвѣчала Эднъ поворно: распорай мою судьбою по желанію твоего сердца.

Потомъ, не смѣя долѣе полагаться на силу своей души, и чувствуя, что рыданія тѣснили ей грудь, она поспѣшно отвернулась и ушла, оставивъ Гарольда одного у каменнаго жертвенника и кургана.

V.

На слѣдующій день, входя въ Вестминстерскій дворецъ, съ тѣмъ, чтобы объявиться съ супругою короля, Гарольдъ встрѣтилъ въ сѣняхъ отца, который взялъ его торжественно за руку, и сказалъ:

— Сынъ, у меня есть многое на душѣ, касающееся тебя и нашего дому. Пойдемъ со мною.

— Позволь, батюшка, возразилъ Гарольдъ, отложить эту бесѣду до другаго времени, потому-что я желалъ бы повидаться съ сестрою, прежде чѣмъ другіе займутъ ея досуги.

— Нѣтъ, Гарольдъ! отвѣчалъ Годвинъ отрывисто. Дочь теперь въ своей молельнѣ, и мы еще успѣемъ поговорить о нашихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ ей можно будетъ принять тебя, и рассказывать послѣдній сонъ короля, который былъ бы великимъ и безошибочнымъ человѣкомъ, если бы на яву былъ также дѣятель и неутомимъ какъ во снѣ. Пойдемъ.

Гарольдъ, съ совершеннымъ сыновнимъ послушаніемъ, не пытался болѣе отговариваться, а со вздохомъ послѣдовалъ за Годвиномъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ.

— Гарольдъ, сказалъ Годвинъ, бережно притворивъ дверь: ты не долженъ терпѣть долѣе, чтобы король держалъ тебя въ бездѣйствіи и праздности: пора тебѣ смѣшить въ свое графство. Ты знаешь, что эти восточные Англи, какъ мы ихъ называемъ, а на самомъ дѣлѣ по большей части Датчане и Скандинавы, — племя строптивое, воинственное, любящее независимость, и притомъ болѣе среднее съ Норманами, чѣмъ съ Саксонцами. Все мое могущество въ Англии зиждется на моей единоплеменности съ свободными жителями Вессекскаго графства, такими же Сак-

сонцами как и я, и потому готовыми подчиниться Саксонцу, — и на влияніи, которое я всегда старался приобрести оружіемъ и хитростью на датское населеніе государства. Говорю тебѣ это, Гарольдъ, какъ прямому преемнику моего величія, что кто не сумѣетъ удержать власти надъ гордыми душами Англовъ и Датчанъ, тотъ никогда не будетъ въ состояніи утвердить родъ Годвина въ томъ высококомъ положеніи, которое онъ стяжалъ во главѣ саксонской Англіи.

— Я это знаю, батюшка, отвѣчалъ Гарольдъ, и съ радостью вижу, что, между-тѣмъ какъ эти внуки витязей и свирѣпой волиницы, неразрывно сливаются съ болѣе кроткимъ саксонскимъ племенемъ, ихъ болѣе развитые законы и мужественные нравы постепенно замѣняютъ, или преобразуютъ наши законы.

Годвинъ улыбнулся въ знакъ одобренія; потомъ брови его опять нахмурились, темные зрачки голубыхъ глазъ расширились, и онъ продолжалъ:

— Хорошо, сынъ мой; но думалъ ли ты о томъ, что, тогда какъ ты праздно шатаешься въ этихъ палатахъ, Сивардъ затмѣваетъ нашъ родъ своею славою, и что весь сѣверный берегъ Гомбера оглашается его именемъ? Думалъ ли ты о томъ, что вся Мерція въ рукахъ нашего соперника Леофрика, и что сынъ его, Альгаръ, управлявшій въ мое отсутствіе Вессексомъ, оставилъ такую память своею славою и милосердіемъ, что, если бы я пробылъ въ изгнаніи еще годъ, толпа, всегда непостоянная и забывчивая, провозгласила бы, можетъ-быть, не Годвина, а Альгара? Помогн же мнѣ, Гарольдъ; душа моя полна смущенія, и я не въ силахъ дѣйствовать одинъ; хотя я никому не говорю о томъ, но смертельный ударъ поразилъ мое сердце, и вся жизнь его истекла кровавыми слезами на чело моего старшаго сына, Свейна!

Старикъ остановился и губы его дрожали.

— Ты одинъ, продолжалъ онъ, ты одинъ, великодушный Гарольдъ, не оставилъ его въ собраніи Витава; одинъ сталъ подлѣ него, и я въ это мгновеніе благословилъ тебя изъ всѣхъ твоихъ братьевъ..... Но довольно..... возвратимся къ земному. Помогн мнѣ, Гарольдъ. Я открою тебѣ весь свой замыселъ; доверши мое начинаніе, когда охладѣетъ моя рука. Когда молодое дерево стоитъ одно на равнинѣ, зима безъ труда сразитъ его; когда же оно окружено лѣсомъ, юность его окрѣпнетъ подъ защитою братьевъ. Такъ и новооснованный родъ долженъ подкрѣплять свои силы, окружая свой юный стволъ союзниками.

Что бы былъ Годвинъ, сынъ Вольнотовъ, если бы не вступилъ въ союзъ съ царственнымъ родомъ Канута? Только этотъ союзъ даетъ теперь моему сыну право на любовь и вѣрность Датчанъ. Престолъ перешелъ изъ роду Канута въ родъ саксонскихъ королей; и я, подобно Евоаю отдалъ свою дочь, прекрасную Эвю, саксонскому королю. Если бы изъ этого брака родились дѣти, ввукъ Годвиновъ, преемникъ королевской крови датской и саксонской, былъ бы на англійскомъ престолѣ. Но судьба рѣшила иначе, и паукъ долженъ ткать новую паутину. Братъ твой Тотигъ придалъ нашему роду болѣе пустаго блеску, чѣмъ силы, своимъ бракомъ съ дочерью графа Балдуина; плохую помощьюъ будетъ намъ въ Англии чужеземецъ. Ты, Гарольдъ, долженъ привить новую отрасль къ нашему дому. Я охотнѣе желалъ бы, чтобы ты женился на дочери одного изъ нашихъ могущественныхъ соперниковъ, чѣмъ на дочери Цезаря или заморскаго короля. У Сиварда всѣ дочери замужемъ; но у Альгара, сына Леофрикова, есть дочь, необыкновенная красавица; возьми ее, и Альгаръ не будетъ намъ врагомъ. Этотъ союзъ доставитъ намъ, на дѣлѣ, владычество надъ Мерціею; потому что власть сильнѣйшаго должна поглотить власть слабѣйшаго. Мало того: самъ Альгаръ породнился съ валлійскимъ королевскимъ домомъ; ты соединишь на свою сторону и это непокорное племя. Съ его помощьюъ ты покоришь марки, въ которыхъ едва держится Норманъ Рольфъ; въ случаѣ же временнаго неуспѣха, или сильной опасности, горы ихъ дадутъ вѣрныи пріютъ отъ всѣхъ враговъ. Сегодня я встрѣтился съ Альгаромъ; онъ говорилъ мнѣ, что думаетъ отдать дочь за Гриффита, мятежнаго короля вассала Сѣвернаго Валлиса. Слѣдовательно, продолжалъ старикъ съ улыбкою: ты долженъ рѣшиться, не теряя времени, и за одинъ пріемъ овладѣть сердцемъ дочери, и просить ея руку у отца. Это не трудная задача, кажется, Гарольдъ, съ твоимъ золотымъ языкомъ.

— Отецъ, возразилъ молодой графъ, который почти съ начала этой длинной рѣчи, угадалъ ея заключеніе, и успѣлъ приготовить, чтобы скрыть свое волненіе: съ сыновнею покорностью благодарю тебя за заботу о моей будущей судьбѣ, и надѣюсь воспользоваться твоими наставленіями. Я выпрошу у короля дозволеніе возвратиться къ своимъ Восточнымъ Англамъ, обьѣду тамъ народное собраніе, буду творить судъ и расправу, и тегны и сюрли останутся довольны своимъ графомъ, Гарольдомъ. Но тщет-

но ждать миру въ царствѣ, когда будетъ раздоръ въ дочѣ; Альцита, дочь Альгарова, не можетъ быть мнѣ супругою.

— Почему? спросилъ Годвинъ спокойно, и устремивъ на сына свѣтлый, но перлопицаемый взоръ.

— Потому-что, какъ она ни хороша, она мнѣ не по сердцу, и не согрѣетъ моего очага. Потому-что, какъ ты самъ знаешь, я всегда былъ противникомъ Альгара, и въ совѣтахъ и въ полѣ битвы; я могу подавить вражду въ своей душѣ, но не могу продавать своей любви. Гарольду не надобно невѣсты для того, чтобы въ случаѣ нужды, собрать вокругъ себя дружину; свои же владѣнія онъ будетъ оборонять оружіемъ мужа, а не бабьимъ веретеномъ.

— Рѣчь твоя ошибочна, и сказана сгоряча, возразилъ Годвинъ спокойно: тебѣ не трудно простить Альгару прежнія обиды, и сжать его руку, какъ руку тестя, если бы ты ощущалъ къ его дочери то, что высокіе родомъ и могуществомъ должны считать одною глупостью.

— Такъ любовь глупость, батюшка?

— Конечно глупость, отвѣчалъ графъ съ нѣкоторою досадою; разумѣется глупость, для того, кто знаетъ, что жизнь дана намъ на дѣятельность и заботы, и измѣряется дѣльными годами, а не минутными радостями.... Разумѣется, глупость.... не думаешь ли ты, что я любилъ первую свою жену, гордую сестру Канута? или что твоя сестра Эднѣ любила Эдуарда, когда онъ возложилъ вѣнецъ на ея голову?

— Отецъ, довольно уже того, что родъ нашъ принесъ мою сестру Эднѣ въ жертву своему эгоистическому могуществу.

— Въ жертву эгоистическому могуществу, я согласенъ, отвѣчалъ краснорѣчивый старикъ: но довольно ли сдѣлано для безопасности Англій? Послушай, Гарольдъ: твои лѣта, твоя слава, и санъ, освобождаютъ тебя отъ власти отца; но до тѣхъ-поръ, пока не уснешь ты на вѣки въ могилѣ, ты не можешь освободиться отъ власти другаго отца — отечества! Размысли это въ умѣ своемъ, который нынѣ уже мудрѣе ума, говорящаго тебѣ изъ подъ сѣдыхъ волосъ. Размысли, не необходимо ли твое могущество для блага Англій, когда меня не будетъ? и можешь ли ты самъ придумать что либо, что могло бы усилить это могущество, и доставило бы тебѣ въ самомъ сердцѣ государства такой полкъ друзей, какъ Мерціане? Можешь ли ты встрѣтить большую преграду къ своему величію, болѣе острый теръ сво-

ему счастью, чѣмъ вражда или зависть Альгара, сына Леофрикова?

При этихъ словахъ, свѣтлое и спокойное лицо Гарольда по-мрачилось; онъ понималъ силу рѣчей отца, когда онъ обращался къ его разсудку, а не къ сердцу. Старикъ замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣнiе, и благоразумно рѣшился боги не настаивать. Онъ всталъ, завернулся въ длинный кафтанъ, опущенный дорожникъ шѣкомъ, и дошедши до двери, остановился на порогѣ, и прибавилъ только:

— Старикъ видитъ далеко; онъ стоитъ на высотѣ опыта, какъ сторожъ на вышкѣ башни. Говорю тебѣ, Гарольдъ: если ты упустишь это золотое время, пройдетъ много и много лѣтъ — и ты вѣчно будешь жалѣть о потерянномъ. Ты высоко будешь стоять, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, но, если ты не успеешь упрочить свое могущество вѣкорностью Мерцинъ, центра государства, — будешь стоять на краю пропасти. Если же, какъ я подозреваю, ты любишь другую, и эта любовь, которая теперь ослѣпляетъ твой разумъ, будетъ препятствiемъ твоему честолюбию, ты сведешь свою возлюбленную въ могилу измѣною, или же позднее раскаянiе истерзаетъ твое сердце. Потому что любовь умираетъ въ обладанiи, — честолюбіе же не даетъ плода, и потому не умираетъ.

— Мое честолюбіе не таково, отецъ, отвѣчалъ Гарольдъ твердо: я не вижу твоего властолюбiя, какъ оно ни славно въ тебѣ, даже въ своей крайности.... не вижу тво....

— Твоихъ семьдесятъ лѣтъ! перебилъ старикъ, доканчивая рѣчь. Въ семьдесятъ лѣтъ, каждый человѣкъ, вкусявшій величiя, будетъ говорить какъ я, а вѣрно каждый испыталъ любовь. Ты не честолюбивъ, Гарольдъ!.... то есть, ты еще не знаешь самого себя, или не знаешь, что такое честолюбіе.... Я вижу вдали необходимую награду, которая ждетъ тебя.... но не смѣю, не могу назвать ее.... Когда время поставитъ эту награду на конецъ твоего меча, тогда скажи: — Я не честолюбивъ. Подумай и рѣшайся.

Гарольдъ долго думалъ, долго размышлялъ, по рѣшился не такъ какъ желалъ Годвинъ. Онъ не смѣлъ еще семьдесятъ лѣтъ отца, а награда была еще сокрыта въ нѣдрахъ горъ; хотя гномы ковали уже золотой вѣнецъ на своихъ подземныхъ наковальняхъ.

VI.

Между тѣмъ, какъ Гарольдъ размышлялъ надъ словами отца, Эднѣ сидѣла на низкой скамейкѣ подлѣ англійской государыни * и съ почтительнымъ вниманіемъ, но съ тоскою въ сердцѣ, слушала ея увѣщанія.

Изъ кабинета королевы, также какъ изъ кабинета короля, былъ съ одной стороны ходъ въ моленную, а съ другой въ обширную прихожую; нижняя часть стѣнъ была обита обоями; въ стѣнѣ находилась ниша для богини Фригги. У двери моленной стояла небольшая купель съ водой; въ обѣихъ комнатахъ были богатые ларчики съ талисманами. Пурпуровый свѣтъ, входившій сквозь цвѣтные стекла высокаго и узкаго окна, въ видѣ саксонской арки, окружалъ лучами наклоненную голову королевы, и разливалъ на ея блѣдныя щеки румянецъ дѣвушки. Въ эту минуту она бы могла служить прекраснымъ образцомъ какому нибудь художнику, потому что Эднѣ была еще молода и по невыразимо кроткому лицу ея была разлита глубокая скорбь и покорность.

Королева говорила своей любимицѣ:

— Чтò же ты колеблешься и отворачиваешься? или ты думаешь, въ своемъ незнаніи жизни, что въ свѣтѣ можетъ быть счастливѣе, чѣмъ въ тишинѣ храма? Ты еще молода, но подумай: все истинное счастье, какое ты знала въ жизни, не ограничивалось ли одною надеждою? Пока есть надежда, ты счастлива.

Эднѣ тяжело вздохнула и склонила прекрасную головку въ знакъ согласія.

— А чтò же жизнь жрицы, какъ не надежда? Въ этой надеждѣ она не знаетъ настоящаго, а живетъ въ одномъ будущемъ; она вѣчно слышать пѣніе невидимыхъ духовъ, какое слышалъ Дунстанъ при рожденіи Эдгара. Эта надежда раскрываетъ ей будущую жизнь; тѣло ея на землѣ, но душа въ обители Водена.

— А сердце ея, государыня? вскричала Эднѣ, съ тоскою.

Королева вѣскольکو помолчала, и съ нѣжностью положила блѣдную руку на грудь дѣвушки.

— Не бѣтся, дитя мое, твое сердце, суетными помыслами и мірскими желаніями; оно спокойно, какъ и мое. Въ нашей волѣ,

* Супруги первыхъ англійскихъ королей не носили титула королевы, а назывались Ladies of England, то есть, *госпожами*; супругу Эдуарда нельзя было въ свое время величать иначе, какъ Edith the lady.

продолжала королева, послѣ долгаго размышленія: въ нашей во-
лѣ заключить всю нашу внутреннюю жизнь въ душѣ; такъ-что
мы не чувствуемъ сердца; тогда горе и радость для насъ не су-
ществуютъ; мы равнодушно смотримъ на земныя бури, какъ это
изображеніе Фригиды, изъ своей безмолвной ниши. Послушай, моя
любезная Эднѣ. — Я сама испытала величіе и униженіе. Про-
снулась въ этихъ чертогахъ англійскою королевою, а не успѣло
закатиться солнце, какъ король сослалъ меня; безъ всякаго
знака почета, безъ одного слова утѣшенія, въ вервельскій храмъ;
отецъ мой, мать и братья, всѣ были изгнаны; и изъ глазъ
моихъ лилась горячія слезы, но не на грудь супруга.

— Тогда, благородная Эднѣ, подхватила дѣвушка, краснѣя
отъ гнѣва при мысли объ оскорбленіи, нанесенномъ ей королемъ:
тогда вѣрно ты услышала свое сердце.

— Да, услышала, сказала королева, поднимая глаза и сжимая
руки дѣвушки: но душа смирила его. Душа сказала:— Счастливы
страждущіе;— и я обрадовалась этому новому испытанію, кото-
рое еще болѣе сблизило меня съ Водепомъ, который посылаетъ
испытанія тѣмъ, кого любитъ.

— Но твои изгнанные родственники, храбрые, мудрые вѣта-
зи, которые возвели короля на престолъ?

— Не утѣшеніе ли было, отвѣчала королева простодушно, по-
мышлять, что моленія мои за нихъ будутъ угодно Водену, ко-
гда будутъ возсылаться изъ его храма, чѣмъ изъ царскихъ чер-
тоговъ? Да, дѣтя мое, я знала почести и униженія, и научила
сердце смиряться въ тѣхъ и другихъ.

— Ахъ, тебѣ дана не человѣческая сила, королева, воскликну-
ла Эднѣ: я слыхала, что какова ты теперь, такую ты была съ
самыхъ юныхъ лѣтъ; всегда кротка, смиренна, всегда болѣе оби-
тала въ небесахъ чѣмъ на землѣ.

Королева невольно подняла глаза на прекрасную Эднѣ. Въ эту
минуту въ глазахъ ея было что-то такое, что давало ей сходство
съ отцомъ, хотя чертами она нисколько не была похожа на него;
но въ огромныхъ зрачкахъ ея была непроницаемая глубина, при-
знакъ души скрытнѣйшей и привыкшей владѣть собою. И болѣе
опытный наблюдатель чѣмъ Эднѣ долго задумался бы надъ
этимъ взглядомъ, стараясь разгадать, не скрывалась ли подъ этимъ
неземнымъ спокойствіемъ, тайна человѣческихъ страстей.

— Эднѣ, сказала королева съ едва примѣтною улыбкою, и
привлекая дѣвушку къ себѣ: есть мгновенія, когда все, что ды-
шетъ жизнью, чувствуетъ или чувствовало одинаково. Въ моей

суетной молодости я читала, мечтала и размышляла только о зинахъ. И то, что люди считали добродѣтелью, было можетъ быть однимъ безмолвнѣмъ мысли. Нынѣ же я бросила все эти ребяческія мечты и призраки, и если вспоминаю ихъ иногда (тутъ улыбка ея стала лютвеннѣе), то развѣ для того только, чтобы озадачить бѣднаго школьника хитросоветеніями и загадками нѣтъ ливаго грамстѣйства. Но не затѣмъ послала я за тобою., чтобы говорить о себѣ. Эднѣ, еще разъ торжественно и искренно умоляю тебя, повиноваться желанію нашего господина и короля. Пока ты еще въ полномъ цвѣтѣ мысли и юности, пока въ памяти твоей одно дѣтство, вступи въ жрицы.

— Не могу.... не смѣю.... не могу.... Ахъ, не требуй отъ меня.... сказала Эднѣ, закрывъ лицо руками.

Королева вѣжно отвела руки ея; и устремивъ неподвижныи взоръ на измѣнившееся и отворачивавшееся отъ нея лицо, сказала печально:

— Такъ ты не хочешь, моя мизая?... сердце твое привязано къ суетнымъ земнымъ благамъ?... къ мечтамъ о любви мужа?

— Не то, сказала Эднѣ, избѣгая прямого отвѣта: но я обѣщала не быть жрицей.

— Обѣщала Гильдѣ?

— Гильда, подхватила Эднѣ съ живостью, никогда не согласится. Ты знаешь ея непреклонный нравъ и ненависть къ....

— Къ законамъ нашей вѣры?... знаю; и поэтому-то именно я присоединила свои старанія къ стараніямъ короля, чтобы оградить тебя отъ ея вліянія. Но не Гильдѣ ты это обѣщала?

Эднѣ потупила глаза.

— Женщинѣ или мужчинѣ?

Прежде чѣмъ Эднѣ успѣла отвѣчать, дверь прихожей открылась, тихо, но безъ обычнаго доклада вошелъ Гарольдъ. Быстрымъ, спокойнымъ взглядомъ окинулъ онъ обѣихъ женщинъ, и юное сердце Эднѣ забилось; она вскочила со скамейки и радостно пошла къ нему на встрѣчу, будто къ своему избавителю.

— Добрый день, сестра, сказалъ графъ, подходя къ королевѣ: извини, что я незванный пришелъ воспользоваться твоимъ досугомъ; нищія и друнды мало оставляютъ тебѣ досужнаго времени, чтобы бесѣдовать съ братомъ.

— Это упрекъ, Гарольдъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани! отвѣчалъ графъ дружески, и посмотрѣвъ на сестру съ состраданіемъ и съ благоговѣніемъ: ты одна крепка и чистосердечна изъ всей толпы лицемѣровъ, находя-

ниже при этомъ дворѣ, тебѣ угодно служить Водену по-своему, какъ и я служу ему по моему.

— По-твоему, Гарольдъ? возразила королева, качая головою; и въ выраженіи некоторой человѣческой гордости и вѣжливости.

— По моему; какъ я научился отъ тебя, Эднѣ, когда былъ твоимъ ученикомъ; когда ты впервые сманила меня отъ удовольствій и охоты къ наукамъ, которыми занималась прежде меня.... Отъ тебя научился я благоговѣть передъ дѣянiями Грековъ и Римлянъ, и говорить: Они жили и умирали какъ люди. Я тоже желалъ бы жить и умереть какъ они.

— Правда.... правда! сказала королева съ глубокимъ вздохомъ: ницвата я, что совратила душу, которая можетъ-быть нашла бы себѣ болѣе мудрые образцы; не улыбайся такъ надменно, братъ; повѣрь мнѣ,—да, повѣрь,—что болѣе истиннаго мужества въ житiи безропотнаго нищаго, чѣмъ во всѣхъ побѣдахъ Цезаря, и даже въ поражении Брута.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Гарольдъ: но изъ одного дубу вытачивается дротикъ и костыль, и недостойные держать одно, могутъ владѣть другимъ. Каждому назначенъ свой путь въ жизни, и я избралъ свой.

Потомъ, змінивъ голосъ, и быстро переходя къ другому предмету, онъ сказалъ:

— Но о чемъ говорила ты своей любимицѣ прекрасной Эднѣ, что она такъ блѣдна, и что такъ тяжелы кажутся ея вѣки? Эднѣ, Эднѣ! берегись, сестра, чтобы сдѣлавъ ее жрицею, не отнять у нея душевнаго спокойствiя! Если бы жрицу Альгиву отдали за нашего брата Свейна, онъ не скитался бы теперь, босоногій и всѣмъ отверженный; не несъ бы остатковъ постылой жизни въ дальніе края.

— Гарольдъ, Гарольдъ! вскричала королева, пораженная его словами.

— Но, продолжалъ графъ, и въ голосъ его, привыкшемъ повелѣвать и увлекать, звучало краснорѣчіе глубоко взволнованной души: мы не рвемъ зеленыхъ листьевъ для евоихъ очаговъ, а собираемъ сухіе и завядшіе. Оставьте юность на вѣткѣ, пускай она слушаетъ пѣсни птичекъ, и вольно играетъ въ поднебесьи. Паръ идетъ отъ полносочной вѣтки, срѣзанной съ дерева и брошенной въ огонь; сожалѣніе носится надъ сердцемъ, отрѣзанномъ отъ міру, когда міръ для него еще въ полномъ цвѣтѣ.

Королева медленно, но въ явномъ волненiи ходила по комна-

тѣ, и руки ея судорожно сжимали талисманъ, востѣвшій на ея шеѣ; послѣ нѣкотораго размышленія она указала Эдней дверь моленной, и сказала съ принужденнымъ спокойствіемъ:

— Пойди туда, и стань на колѣна; спроси свое сердце, и моли Волею, чтобъ оны просвѣтилъ твой разумъ, и послалъ спокойствіе твоей душѣ. Иди, я хочу поговорить на-единѣ съ Гарольдомъ.

Эдней покорно сложила руки на груди, и вошла въ моленную. Королева нѣсколько минутъ съ нѣжностью смотрѣла на дѣвушку, смѣренно склонявшую свою головку передъ изображеніемъ Тора. Потомъ она бережно притворила дверь, быстрыми шагами приблизилась къ Гарольду, и сказала ему тихимъ, но яснымъ голосомъ:

— Ты любишь эту дѣвушку?

— Сестра, отвѣчалъ графъ печально: я люблю ее, какъ мужъ долженъ любить женщину: люблю больше жизни, но меньше цѣлей, для которыхъ дана намъ жизнь.

— О свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ! вскричала королева въ сильномъ негодованіи: даже своимъ собственнымъ посланъ не можешь ты оставаться вѣрны.... О свѣтъ, свѣтъ! ты жаждешь счастья на землѣ, и на каждомъ шагу, при первомъ словѣ своего тщеславія, попираешь счастье ногами!... Да, они говорили мнѣ: Ради нашего величія и могущества, должна ты быть супругою короля Эдуарда! и вотъ я живу глазъ на глазъ съ человѣкомъ, который ненавидитъ меня!... и.... и.... Тутъ королева, будто почувствовавъ упрекъ совѣсти, остановилась въ ужасѣ, поцѣловала привѣску, и продолжала съ тихимъ снокойствіемъ, что казалось, будто въ ней соединялись два совершенно противоположныя существа:—я получила свою награду, но не отъ міра! Такъ и ты, Гарольдъ, сынъ Годвина, любишь эту дѣвушку, и она тебя любитъ; и вы могли бы быть счастливы, если счастье возможно на землѣ; но хотя она и высокаго роду, и богата земными благами,—однако же недовольно обширныя помѣстья дастъ она тебѣ за собою въ вѣно, и недовольно многочисленную родню для пополненія твоихъ дружинъ; она не можетъ быть ступенью къ тому, куда стремится твое честолюбіе.... и потому ты любишь ее, какъ мужъ любить женщину — менѣе цѣлей, для которыхъ дана ему жизнь!

— Сестра, сказалъ Гарольдъ: ты говоришь языкомъ, который я люблю слышать изъ твоихъ устъ,—какъ говорила моя свѣтло-окая, прекрасная сестра въ старыя годы; какъ женщина съ теп-

лымъ сердцемъ, а не какъ мертвая кукла въ власницѣ жрецы. Если ты будешь поддерживать меня, дашь мнѣ силу, я женюсь на твоей любимицѣ и огражу ее отъ грубыхъ суетири Гильды, и отъ могилы ненавистнаго храма.

— Но отецъ.... отецъ! вскричала королева: кто переломить его желѣзную волю?

— Отца я не боюсь; боюсь только тебя и твоихъ друновъ. Ты развѣ забыла, что Эднѣ и я состоимъ въ отдаленномъ родствѣ, между которыми бракъ запрещается законами нашего вѣрованія.

— Правда, сказала королева почти въ ужасѣ: я забыла. Прочь самая мысль.... заклинаю тебя, вытѣсни самую мысль изъ сердца.... бѣдный братъ!... И она нѣжно поцѣловала его въ лобъ.

— Вотъ опять встезла женщина, и заговорила бездушная жрица, сказалъ Гарольдъ съ досадою. Нечего дѣлать, я покорюсь своей несчастной судьбѣ. Но наступить можетъ быть время, когда англійскій престолъ не будетъ раболѣпствовать передъ друдами; тогда, въ награду за мои услуги, я упрошу короля, у котораго будетъ живое сердце въ груди, испросить мнѣ разрѣшеніе на этотъ союзъ. Оставь мнѣ хоть эту надежду, сестра, и не отдавай навѣки своей любимой Эднѣ отъ предѣловъ живаго міра.

Королева не отвѣчала, а Гарольдъ, понимая ея злобщее молчаніе, пошелъ къ молельнѣ и отворилъ дверь. Онъ невольно остановился въ безмолвномъ благоговѣніи передъ представившимся ему изображеніемъ, передъ невинною дѣвушкою, стоявшею еще на колѣнахъ, устремивъ на Тора умоляющіе глаза, изъ которыхъ свободно струилась слезы. Только когда она встала, могъ онъ сказать ей:

— Сестра не будетъ болѣе настаивать, Эднѣ.

— Я этого не говорила, подхватила королева.

— А если будетъ, то помни, что ты дала мнѣ слово подъ широкимъ сводомъ неба, въ самомъ древнежъ, и можетъ-быть, самомъ священномъ храмѣ нашего общаго Отца!

Съ этими словами, онъ вышелъ изъ комнаты.

VII.

Гарольдъ вышелъ въ прихожую королевы. Ожидавшее тутъ собраніе было малочисленно и отборно въ сравненіи толпы, которую мы скоро увидимъ въ прихожей короля, потому что сюда ходили по большей части одни достойныя особы, привлеченныя

образованностию самой королевы; число же ихъ было очень не велико въ это время, едвали не самое невѣжественное въ Англии, со временъ Альфреда. Сюда не ходили толпы обманщиковъ, стекавшихся оспользоваться дѣтскимъ простодушіемъ и расточительностию Эдуарда. Пять, шесть друзей, печальная вдова и бѣдный сирота, смиренное дарованіе и беззащитное горе, вотъ все, что являлось къ скромному выходу кроткой, несчастной королевы.

Всѣ взоры съ любопытствомъ устремились на графа, когда онъ вышелъ изъ этой комнаты, изъ которой такъ рѣдко выходили лица неутѣшныя; всѣ дивились его разгорѣвшимся щекамъ и нахмуреннымъ бровямъ. Но всѣмъ приходившимъ къ королевѣ былъ дорогъ графъ Гарольдъ; просвѣщенные особы, несмотря на мнимое пренебреженіе молодого графа къ нѣкоторымъ добродѣтелямъ, уважали его умъ и ученость, а печальная вдова и беззащитный сирота знали его, какъ непримиримаго врага всякой неправды, и утѣшителя бѣдныхъ.

Среди этого мирнаго собранія, въ Гарольдѣ пробудилась врожденная доброта его сердца; онъ остановился, чтобы сказать ласковое или утѣшительное слово каждому изъ присутствующихъ. И когда онъ вышелъ, всѣмъ стало легче на сердцѣ; молчаніе, встрѣтившее его при выходѣ отъ сестры, смѣнилось общими похвалами доброму графу.

Сойдя по наружной лѣстницѣ, — даже въ королевскихъ дворцахъ всѣ главныя лѣстницы дѣлались въ то время снаружи, — Гарольдъ вошелъ на обширный дворъ, гдѣ ходило во всѣхъ направлеиныхъ множество тѣлохранителей и слугъ. Онъ вошелъ опять во дворецъ, и пошелъ прямо къ особымъ покоямъ короля, которые помѣщались вокругъ залы, называемой нынче «Расписанною Палатою», и служившей Эдуарду опочивальнею въ торжественныхъ случаяхъ.

Толпа народу наполняла прихожую короля. Во всѣхъ углахъ сидѣли жрецы и пилигримы. Не считая нужнымъ останавливаться, чтобы приласкать этихъ неважныхъ ему людей, графъ прошелъ прямо сквозь толпу, подозвалъ служителя, стоявшаго въ противоположномъ концѣ, шепнулъ ему нѣсколько словъ, и былъ впущенъ къ королю. Жрецы проводили его злобынымъ взглядомъ до дверей, и когда онъ скрылся, стали говорить между собою:

— Норманскіе любимцы короля по крайней-мѣрѣ чтли нашихъ боговъ.

— Правда, отвѣчалъ одинъ друидъ: и если бы не два обстоятельства, я предпочелъ бы Нормановъ Саксонцамъ.

— Какія два обстоятельства? спросилъ молодой честолюбивый друидъ.

— *Во-первыхъ*, отвѣчалъ друидъ, они не умѣютъ говорить на понятномъ языкѣ, и я думаю, что склонны къ одному свѣтскому ученію.

Тутъ послышался вздохъ прискорбія.

— Другая причина, почему я не люблю Нормановъ, продолжалъ друидъ, мигнувъ лукаво, то, что они люди скрытные и не любятъ кубка; а прошу покорно, держать въ рукахъ челоуѣка, когда онъ не раскроетъ своего сердца и не расскажетъ своихъ грѣшковъ?

— Точно! сказалъ жирный друидъ, съ раздутымъ, лоснящимся носомъ.

— Какъ, продолжалъ друидъ съ торжествующимъ видомъ, преступный челоуѣкъ раскроетъ свое тяжелое сердце, если не дать ему чѣмъ его облегчить? Много и много скорбныхъ душъ утѣшилъ я и успокоилъ духомъ за фляжкою добраго элю! и не одно пожертвованіе досталось храму за пріятельскою пврушкою смѣтливаго друида съ добродушною его паствою! А это что у тебя? сказалъ друидъ, обращаясь къ челоуѣку въ платьѣ лондонскаго гражданина, только-что вошедшему въ прихожую, и за которымъ мальчикъ несъ что-то похожее на сундучекъ, накрытый тонкимъ полотномъ.

— Отецъ, сказалъ мірянинъ, отирая лобъ: это такое сокровище, что, я думаю, Гюголайнъ, королевскій казначей, цѣлый годъ будетъ коситься на меня; не любить онъ, злодѣй, выпускать изъ рукъ королевское золото!

При этомъ нескромномъ замѣчаніи, друиды и прочіе присутствующіе злобно взглянули изъ подлобья на пришлеца, потому что у каждаго изъ нихъ были свои замыслы противъ Гюголайна, и не по душѣ имъ было, что незнакомецъ тоже имѣлъ на него виды.

— *Во-первыхъ*, вскричалъ друидъ, не думаешь ли ты, сынъ Маммоновъ, что нашъ добрый король очень дорожитъ твоими побрякушками, уборами, и подобными суетами? Отправляйся съ своимъ товаромъ къ графу Балдуну Фландрскому, или къ шеголю Тостигу, сыну Годвина.

— Какъ бы не такъ! сказалъ торговецъ съ лукавою усмѣшкою: много дастъ за мое сокровище невѣрующій Балдунъ, или

тищеславный Гостигъ! Да не смотрите на меня так сурово, отцы мои; а лучше постарайтесь перебить другъ у друга это сокровище для своего храма. Сказать вамъ, что это такое? — это самое древнѣйшее изображеніе Водена; одинъ почтенный пріятель купилъ его для меня въ Висби, и заплатилъ три тысячи фунтовъ серебра; я прошу за него, сверхъ своей цѣны, только пятьсотъ фунтовъ за трудъ и вознагражденіе.

— Гмъ! сказалъ друидъ.

— Гмъ! повторилъ молодой жрецъ; прочіе съ завистью окружили накрытый полотномъ сундучекъ.

Въ то же время раздалось восклицаніе гнѣва и негодованія; всѣ обернулись и увидѣли рослаго, свирѣпаго тегна, который протерся въ толпу жрецовъ, какъ соколъ въ стаю воронъ.

— Не думаешь ли ты, мошенникъ, вскричалъ тегнъ на шарѣчинъ, изблещавшемъ его датское происхожденіе: не думаешь ли ты, что король будетъ тратить деньги на боговъ, когда крѣпость, построенная Капутомъ при устьѣ Гомбера, почти совсѣмъ развалилась, и нѣтъ въ ней ни одного стального латника, чтобы наблюдать за военными судами Шведовъ и Норвежцевъ?

— Почтенный министръ, возразилъ торговецъ съ легкою проныею: эти честные отцы объясняютъ тебѣ, что изображеніе Водена лучше защититъ отъ Шведовъ и Норвежцевъ, чѣмъ каменные крѣпости и стальные латы; впрочемъ, если тебѣ нужны стальные латы, я могу услужить тебѣ: дешево продамъ; латы послѣдняго покроя, и шлемъ съ длиннымъ опускающимъ носомъ, какъ носятъ Норманы.

— Лучше защититъ устье Гомбера, вскричалъ Датчанинъ, не слушая послѣднихъ словъ, чѣмъ крѣпкія стѣны и войска?

— Разумѣется, неразумный сынъ, сказалъ друидъ, заступаясь за торговца. Ты развѣ не помнишь, что на достопамятномъ соборѣ, тысяча четырнадцатаго года, повелѣно было положить оружіе противъ твоихъ соотечественниковъ, и положиться на защиту Водена? Потерпятъ ли мощный сѣверный богъ, чтобы изображеніе его перешло въ руки невѣрныхъ? Никогда! Стыдись, ты недостойнъ быть вождемъ королевскихъ полковъ! Стыдись, и покайся, сынъ мой, или король узнаетъ объ этомъ!

— Волкъ въ овечьей шкурѣ! бормоталъ Датчанинъ, отходя назадъ. Отплатилъ бы я тебѣ, если бы только твой храмъ былъ за Гомберомъ!

Торговецъ услышалъ угрозу и улыбнулся. Но между-тѣмъ,

какъ это происходитъ въ прихожей, послѣдуемъ за Гарольдомъ въ комнату короля.

Войдя въ королевскій покой, онъ увидѣлъ человека еще цвѣтущей молодости, богато одѣтаго, въ шитой гонимѣ, и съ богато вызолоченнымъ атаганомъ; но широкое и длинное платье, длинные усы, и проколотые на кожѣ знаки и слова, показывали, что онъ былъ изъ числа ревнителей саксонской старины. Глаза Гарольда засверкали, потому что въ этомъ посѣтителѣ онъ узналъ отца Альдиты, графа Альгара, сына Леофрикова. Два вождя холодно раскланялись, и злобно смотрѣли другъ на друга.

Разительна была противоположность между ними. Датское племя было вообще рослѣе и болѣе сильнаго сложенія, чѣмъ Саксонское; Гарольдъ, хотя во всемъ остальномъ былъ чистый Саксонецъ, наследовалъ, какъ и всѣ его братья, ростъ и желѣзное сложеніе предковъ своей матери, древнихъ морскихъ королей. Альгаръ же былъ ниже средняго росту, и тѣлесушенъ въ сравненіи съ Гарольдомъ. Его сила происходила отъ нервовъ, а не отъ мускуловъ,—сила людей живаго и безпокойнаго нраву. Свѣтло-голубые глаза его были удивительно живы и блестящи; зубы всегда въ движеніи; жилы раздувались при каждомъ сильномъ волненіи на его бѣлыхъ вискахъ; длинные свѣтло-блѣкнущіе волосы ложились какъ золото, и непокорныя кудри ихъ не принимали гладкой прически, бывшей тогда въ модѣ; его быстрыя движенія, нѣсколько рѣзкій голосъ и торопливая рѣчь, словомъ все въ немъ было противоположностью Гарольду, его спокойному, но пропитательному взгляду, кроткой и величественной осанкѣ, пышнымъ волосамъ, раздѣленнымъ на царственномъ челѣ, и опускавшимся по плечамъ огромнымъ локономъ. Въ обоихъ видахъ были умъ и сила воли, но умъ одного былъ быстръ и остръ, а другаго глубокъ и упоренъ; у одного воля мелькала молніею, у другаго она была спокойна, какъ лѣтнее солнце въ полдень.

— Добро пожаловать, Гарольдъ, сказалъ король, съ меньшею сонливостью, чѣмъ обыкновенно, и взглянувъ на графа будто на избавителя. Добрый нашъ Альгаръ пришелъ къ намъ съ просьбою, заслуживающею размышленія, хотя онъ объяснилъ слишкомъ горяча, и съ слишкомъ явнымъ стремленіемъ къ земнымъ благамъ; въ чемъ онъ вовсе не похожъ на почтеннаго своего отца любезнаго нашего Леофрика, который употребляетъ все свое имѣніе на пожертвованія въ пользу храмовъ Водена, и на бѣдныхъ; за что ему будетъ отплачено сторицею въ Валгаллѣ.

— Лихва порядочная, конечно государь мой и король, подхватилъ Альгаръ, но наследники изъ нея ничего не получаютъ; о нихъ тѣмъ нужнѣе позаботиться, если отецъ, котораго я за то не виню, раздаеть все свое добро жрецамъ, чтобы сыну его было съ чѣмъ слѣдовать его примѣру. А не то, король, я боюсь, что Альгару, сыну Леофрикову, нечего будетъ жертвовать. Однимъ словомъ, Гарольдъ, продолжалъ Альгаръ, обращаясь къ молодому графу, — вотъ въ чемъ дѣло. Когда нашъ милостивый король согласился править Англію, изъ всѣхъ вождей наиболѣе содѣйствовали восшествію его на престолъ твой отецъ и мой; бывъ издавна врагами, они забыли распри и соперничество, и соединились для блага саксонскаго дому. Съ того времени, твой отецъ прибавлялъ графство къ графству, какъ приплетають звѣно къ звѣну въ кольчугѣ; и нынѣ, кромѣ Нортумбріи и Мерціи, почти вся Англія въ рукахъ его и сыновей; мой же отецъ остался, чѣмъ былъ, и у сына его почти нѣтъ ни земель, ни денегъ. Въ твое отечествіе король вручилъ мнѣ управленіе графствомъ твоего отца; и всѣ говорятъ, что я правилъ хорошо. Твой отецъ возвратился, и хотя я могъ бы (тутъ глаза Альгара заблестали, и рука его ухватилась за ятаганъ) удержать графство силою оружія, я отдалъ его безъ сопротивленія, по просьбѣ отца, и по желанію короля. Я пришелъ къ моему государю, и спросилъ его: — Какія земли и какія намѣстничества можешь ты удѣлять въ обширной Англіи Альгару, бывшему графу Вессекскому, сыну того Леофрика, котораго рука очистила тебѣ путь къ престолу? Король, въ отвѣтъ, изволилъ мнѣ прочесть назидательное поученіе о суетѣ мірскихъ благъ; ты не презираешь этихъ благъ, графъ восточныхъ Англовъ, что скажешь ты о просьбѣ сына Леофрикова?

— Что твоя просьба совершенно справедлива, отвѣчалъ Гарольдъ спокойно, но изъявлена не довольно почтительно.

Графъ Альгаръ вскочился, какъ олень, испуганный стрѣлою.

— Не ты ли, подкрѣплявшій свои требованія военными судами и оружіемъ, станешь говорить о почтительности, и учить тѣхъ, чьи отцы правили графствами, когда твои еще были сеорлями и пахали землю? Еслибъ не Эдрикъ Стреонъ, измѣнникъ, чѣмъ былъ бы твой дѣдъ Вольнотъ?

Кровь бросилась въ лицо Гарольду при этомъ оскорбительномъ отвѣтѣ, въ присутствіи короля, которому, сколько ни любилъ онъ Гарольда, однако же, какъ всѣмъ слабымъ людямъ, пріятно бы-

ло, когда тегны его обращали свои силы другъ на друга. Гарольдъ не смотря на жестокость обиды, отвѣчалъ спокойно.

— Сынъ Леофрика, мы живемъ въ такой странѣ, гдѣ рожденіе хотя и уважается, однако же не даетъ само по себѣ никакой власти ни въ совѣтахъ, ни на полѣ битвы. Въ нашей странѣ люди цѣнятся по собственному своему достоинству, а не по тому, что были ихъ умершіе предки. Такъ водится съ незапамятныхъ временъ въ саксонской Англіи, гдѣ предки мои по отцу, Годвину, были можетъ быть сеорляии, какъ ты говоришь; также водится, я слыхалъ, въ странѣ воинственныхъ Датчанъ, гдѣ предки мои по матери, Гитѣ, сидѣли на королевскомъ престолѣ.

— Да, не мѣшаетъ тебѣ, сказалъ Альгаръ, кусая губы, искать опоры со стороны веретена; намъ же, чистымъ Саксонцамъ, дѣла вѣтъ до вашихъ сѣверныхъ королей, морскихъ разбойниковъ, невѣрныхъ и коноѣдовъ; впрочемъ, ты правъ себѣ своимъ удѣломъ, дай только Альгару, что онъ заслужилъ.

— Одинъ король, а не его слуга, можетъ отвѣчать на просьбу Альгара, сказалъ Гарольдъ, отходя въ конецъ комнаты.

Альгаръ слѣдовалъ за нимъ взоромъ, и замѣтивъ, что король быстро погружался въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ сонливой задумчивости, въ которыхъ онъ искалъ вдохновенія въ трудныхъ случаяхъ, быстро подошелъ къ Гарольду, и положивъ руку ему на плечо, шепнулъ:

— Глупо мы дѣлаемъ, что ссоримся между собою; каюсъ въ своихъ горячихъ словахъ, извини меня. Отецъ твой, человѣкъ умный, и желаетъ видѣть насъ друзьями. Я не прочь. Послушай: дочь моя Альдита считается не послѣднею изъ красавицъ Англіи; я отдамъ ея за тебя, а ты убѣди короля отдать мнѣ въ свадебный подарокъ графство, упразднившееся изгнаніемъ твоего брата Свейна, и раздѣлившееся между множествомъ мелкихъ тегновъ, съ которыми справиться будетъ не трудно.... Что же, ты колеблешься?

— Нѣтъ, не колеблюсь, отвѣчалъ Гарольдъ, задѣтый за живое. Хотя бы ты далъ мнѣ всю Мерцію въ приданое за Альдитю, я не женюсь на дочери Альгара, и не преклоню колѣна, какъ зять передъ тестемъ, передъ человѣкомъ, который презираетъ мой родъ, и въ то же время подольщается къ моей власти.

Лицо Альгара стало дергаться судорогами отъ ярости; не говоря ни слова графу, онъ подошелъ къ Эдуарду, который оторвалъ бессмысленный взоръ отъ своей мантіи, и сказалъ королю:

— Государь мой и король, я высказалъ свое желаніе такъ,

какъ, мнѣ кажется, долженъ говорить челоѣкъ, знающій оправедливость своихъ требованій, и вѣрящій благодарности королей. Три дня буду я ждать въ Лондонѣ твоего милостиваго отвѣта, а четвертый уѣду. Да хранить боги твой престолъ, и да соберутъ вокругъ него лучшихъ его защитниковъ, благородныхъ тегновъ, которыхъ отцы сражались подъ знаменами Альфреда и Этельстана. Все шло хорошо въ счастливой Англїи, пока ноги Датскихъ королей не покрыли ея почву, и не стали расти грибы на мѣстѣ падшихъ дубовъ.

Когда сынъ Леофрика вышелъ, король лѣниво всталъ съ престола и сказалъ на норманско-франкскомъ языкѣ, который онъ всегда употреблялъ съ тѣмъ, кто могъ или хотѣлъ говорить имъ.

— Возлюбленный братъ и другъ, за какими пустяками долженъ король проводить всю свою жизнь! А между-тѣмъ важныя и безотлагательныя дѣла требуютъ моего попеченія. Тамъ въ прихожей ждетъ купецъ Эдмеръ; онъ принесъ мнѣ изображеніе Водена! Какое блаженство! а этотъ грубый забіяка, пристааетъ ко мнѣ съ своимъ шакальнимъ голосомъ и рысьими глазами, за удѣломъ!.... о безуміе!.... Не хорошо, не хорошо.... очень не хорошо!

— Государь мой и король, возразилъ Гарольдъ: не слѣдуетъ мнѣ противорѣчить твоимъ желаніямъ; но это изображеніе ужасно дорого; а берега наши слабо защищены, и въ такое время, когда Датчане объявляютъ притязанія на твое королевство. Три тысячи фунтовъ серебра слишкомъ потребуется на исправленіе одной старой лондонской и саутвартской стѣны.

— Три тысячи фунтовъ! вскричалъ король: помилуй, Гарольдъ, ты съ ума сошелъ! У меня всего едва наберется въ казнѣ шесть тысячъ фунтовъ; а кромѣ изображенія Водена, мнѣ обѣщали еще зубъ Френ!

Гарольдъ вздохнулъ.— Не безпокойся, государь; я позабочусь объ оборонѣ Лондона. Благодаря твоимъ щедротамъ, доходы мои велики, а потребности ограничены. Теперь же я пришелъ просить тебя позволить мнѣ ѣхать въ свой удѣлъ. Подчиненные мои уже ропшутъ на мое отсутствіе; во время моего изгнанія возникло много сильныхъ злоупотребленій, которыя надо исправить.

Король устремилъ на графа испуганный взоръ; онъ въ эту минуту былъ точно ребенокъ, которому грозятъ оставить въ темной комнатѣ.

— Штъ, нѣтъ, я не могу отпустить тебя, любезный братъ. Ты однакъ смиряешь всѣхъ этихъ строптивыхъ тегновъ, и позво-

лень мнѣ свободно возжигать жертвы богамъ; къ тому же отецъ твой.... отецъ.... я не хочу оставаться съ твоимъ отцомъ!.... я не люблю его.

— Отецъ мой, возразилъ Гарольдъ печально, также уѣдетъ въ свое графство; и изъ всего нашего дому будетъ при тебѣ одна кроткая твоя супруга.

Губы короля невольно искривились при этихъ словахъ, которыя можно было принять за косвенный упрекъ, и за утѣшеніе.

— Королева Эднъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, кротка и добра; она никогда не противорѣчила моимъ желаніямъ, и избрала себѣ въ образецъ цѣломудренную Бреду, какъ я недостойный, съ молодости старался идти по стопамъ Нигвара. Но, продолжалъ король голосомъ, въ которомъ въ первый разъ проявилось нѣчто похожее на человеческое чувство, можешь ли ты, Гарольдъ, человѣкъ ратный, представить себѣ, что такое значить безпрестанно видѣть передъ собою смертельнаго своего врага, того, противъ кого обратилась въ одно воспоминаніе, полное ненависти и желчи, цѣлая жизнь борьбы и страданія.

— Моя сестра, воскликнулъ Гарольдъ въ негодованіи; моя сестра тебѣ самый смертельный врагъ? Она, которая никогда не роняла на равнодушіе и презрѣніе, которой юность прошла въ однихъ жертвоприношеніяхъ за тебя и за твое царство?.... моя сестра! О, государь, не во снѣ ли я это слышу?

— Нѣтъ, не во снѣ, плотскій человѣкъ, отвѣчалъ король съ досадою. Сны даръ Эльфовъ, и не посѣщаютъ подобныхъ тебѣ. Когда въ самомъ цвѣтѣ моего мужества, заставили меня безпрестанно видѣть передъ собою юность и красоту, и человеческіе законы и голосъ человечества твердили мнѣ: Они принадлежать тебѣ, тебѣ одному!.... развѣ могъ я не почувствовать тогда, что борьба была внесена въ мое жилище, что ложе мое опутано обольщеніемъ, что врагъ человечества сторожилъ мою душу? По истинѣ говорю тебѣ, вождь, ты не знаешь той ужасной борьбы, которую я испыталъ; ты не одерживалъ побѣдъ, какую одержалъ я. И ницѣ, когда борода моя посѣдѣла, и близость смерти задушила во мнѣ стараго, грѣшнаго сына Водена, могу ли я безъ горечи и стыда смотрѣть на живое воспоминаніе прошедшей борьбы и искушенія тѣхъ дней, проведенныхъ въ воздержаніи моемъ отъ пищи, и почей, проведенныхъ въ жертвоприношеніяхъ? тѣхъ дней, когда въ лицѣ женщины я видѣлъ навожденіе Сатаны?

При этой исповѣди, щеки Эдуарда разгорѣлись; голосъ его дрожалъ, и отзывался ненавистью. Гарольдъ молча смотрѣлъ на него; онъ попалъ, что уловилъ наконецъ тайну, которая столько разъ сбивала его съ толку; что онъ силясь стать выше человѣческой любви, обратилъ самую любовь въ ненависть, — въ воспоминаніе стыда и пытки.

Спустя нѣсколько минутъ король опомнился, и сказалъ съ нѣкоторымъ величіемъ: — Но Торъ и Эльфы одни должны бы знать тайны семейной жизни; что я тебѣ сказалъ, невольно вырвалось изъ моей души; скорони это въ твоемъ сердцѣ. — Если ужъ иначе нельзя, такъ поѣзжай, Гарольдъ; приведи свое графство въ порядокъ, не забывай храмовъ и бѣдныхъ, и возвратись поскорѣе ко мнѣ. — Ну, а что ты скажешь на просьбу Альгара?

— Я боюсь, отвѣчалъ великодушный Гарольдъ, въ которомъ справедливость всегда торжествовала надъ враждою, — что если не уважить его просьбы, онъ пожалуй прибѣгнетъ къ отчаянной мѣрѣ. Онъ вспыльчивъ и надмененъ, но храбръ въ сраженіи, и любимъ своими сеорлями, которымъ всего болѣе нравится правъ открытый и горячій. Поэтому благоразумно было бы удѣлить ему нѣсколько власти и владѣній, не отнимая у другихъ; тѣмъ болѣе, что онъ этого вполне заслуживаетъ; отецъ его хорошо служилъ тебѣ.

— И болѣе пожертвовалъ въ пользу храмовъ нашихъ боговъ, чѣмъ кто либо изъ моихъ графовъ. Но Альгаръ не Леофрикъ. Мы впрочемъ подумаемъ о твоемъ совѣтѣ, и не забудемъ его. — А между тѣмъ прощай, любезный братъ, и пришли мнѣ торговца... Древнѣйшее изображеніе Водена! какой подарокъ моему новому храму.

КНИГА ПЯТАЯ.

СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ.

I.

Гарольдъ, не повидавшись болѣе съ Эднью, и не простившись даже съ отцомъ, отправился въ Дунвичче, столицу своего графства. Въ отсутствіи его король забылъ Альгара съ его просьбою; а единственный, остававшійся свободнымъ удѣлъ, алчный Стигандъ, безъ труда выпросилъ себѣ. Обиженный Альгаръ, на

четвертый день, собравъ всѣхъ вольныхъ ратниковъ, бродившихъ вокругъ столицы, отправился съ многочисленною, нестройною ратью въ Валлисъ; онъ взялъ съ собою юную дочь, Альдиту, которую вѣнецъ Валлисскаго короля утѣшалъ можетъ быть въ утратѣ прекраснаго графа; хотя носилась молва, будто она давно уже отдала сердце врагу своего отца.

Эднѣ, выслушавъ назидательное увѣщаніе отъ короля, возвратилась къ Гильдѣ; королева не возобновляла болѣе разговора о вступленіи въ ярицы. Только, при прощаніи, она сказала: — Даже въ самой юности можетъ порваться серебряная струна, и разбиться золотой сосудъ; и въ юности еще скорѣе можетъ быть, чѣмъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда почерствѣетъ сердце, вспомнишь ты съ сожалѣніемъ мои совѣты.

Годвинъ отправился въ Валлисъ; всѣ сыновья его были по своимъ удѣламъ; Эдуардъ остался одинъ съ своими жрецами. Такъ прошло вѣсколько мѣсяцевъ.

Старинные англійскіе короли имѣли обыкновеніе три раза въ годъ назначать большой сѣздъ, на который они являлись въ коронѣ; это было 25 декабря въ началѣ весны и среди лѣта; все ихъ дворянство сѣзжалось со всѣхъ концовъ королевства, и торжество сопровождалось великолѣпными праздниками и пирами.

Такъ и на весну въ тысяча пятьдесятъ третьемъ году, Эдуардъ принималъ своихъ вассаловъ въ Виндзорѣ, и Годвинъ, его сыновья и множество другихъ знатныхъ тегновъ оставили свои удѣлы и помѣстья, и явились поздравить своего государя. Годвинъ пріѣхалъ сначала въ свой лондонскій домъ, гдѣ должны были собраться графъ Гарольдъ, Тостигъ, Гуртъ и Леофвайнъ, чтобы оттуда идти ко двору короля Эдуарда со всѣми подвластными имъ тегнами, и ихъ оруженосцами и тѣлохранителями, соколами и собаками, какъ прилично было ихъ высокому сану.

Годвинъ сидѣлъ съ своею женою, Гитою, въ одной изъ комнатъ своего дворца, выходившей окнами на Темзу, и поджидалъ Гарольда, который долженъ былъ пріѣхать подъ-ночь. Гуртъ поѣхалъ встрѣчать брата, а Леофвайнъ и Тостигъ отправились въ Саутваркъ, испытать своихъ собакъ, спустивъ ихъ на большаго медвѣдя, приведеннаго за вѣсколько дней съ сѣверу, и о которомъ рассказывали, что онъ заѣлъ уже до смерти много добрыхъ собакъ; большая часть ихъ тегновъ и тѣлохранителей ушли съ ними на травлю, такъ что графъ и его супруга Датчанка остались совершенно одни. Мрачная туча повлекла широкій лобъ графа; онъ сидѣлъ передъ огнемъ, грѣя руки, и задумчиво

смотрѣлъ какъ пламя мелькало сквозь дымя, вырывавшейся въ дымовникъ, то есть отверстіе, прорубленное въ потолокъ. Въ огромномъ графскомъ домѣ было цѣлыхъ три дымовника, три комнаты, въ которыхъ можно было разводить огонь посреди полу; и всѣ балки въ потолокъ были закопчены дымомъ; за то въ это счастливое время, когда трубы были еще неизвѣстны, или по крайней-мѣрѣ очень малоупотребительны, люди не знали ни насморковъ, ни кашлю, ни ревматизмовъ; дымъ предохранялъ ихъ отъ многихъ болѣзней. У ногъ графа Годвина лежала его любимая собака старая, какъ онъ самъ; ей повидному что-то спилось, потому-что она безпрестанно вздрагивала, и глухо лаяла сквозь зубы. На спинкѣ кресла сидѣлъ старый соколъ, на которомъ перья отъ старости порѣдѣли и ошетинились. Полъ былъ устланъ мелкою осокою, и душистыми травами, первинками весны. Гита сидѣла на стулѣ и подперши гордое лицо маленькою ручкою, свидѣтельствомъ своего датскаго происхожденія, качалась съ боку на бокъ, размышляя о сынѣ своемъ Вольно-тѣ, заложникѣ при норманскомъ дворѣ.

Гита, сказалъ наконецъ графъ, ты была мнѣ доброю, вѣрною женой, и родила крѣпкихъ и удалыхъ сыновей, изъ которыхъ одни были намъ на скорбь, другіе на радость; но скорбь и радость еще болѣе сблизили насъ съ тобою; не смотря на то, что когда насъ вѣнчали, ты была еще въ цвѣтѣ молодости, а я уже пережилъ лучшую ея часть; и что ты была Датчанка, и племянница, а нынче сестра короля, а я Саксонецъ, и считалъ только два поколѣнія теговъ въ своемъ родѣ.

Тронутая и изумленная этимъ порывомъ чувствительности, весьма рѣдкой въ спокойномъ графѣ, Гита пробудилась изъ своей грустной думы, и сказала съ безпокойствомъ:

— Боюсь я что супругъ мой не совѣмъ здоровъ, когда такъ говорить съ Гитою.

Графъ едва замѣтно улыбнулся.

— Ты права, жена, въ своей догадливости. Уже нѣсколько недѣль, хотя я ни слова не говорилъ о томъ, чтобы не испугать тебя, у меня какъ-то странно шуметь въ ушахъ, и я чувствую по временамъ точно приливъ крови къ вискамъ.

— О, Годвинъ, мнѣйй супругъ, вскричала Гита съ вѣжностью: а я, слѣпая, и не угадывала причины, а дивилась только твоей внезапной переменѣ въ обращеніи! Но я завтра же схожу къ Гильдѣ; она заговариваетъ всякіе недуги.

— Оставь Гильду въ покоѣ; пускай она врачуетъ своими заго-

ворами молодыхъ; а противъ старости те помогутъ ни знакарѣ, ни волшебницы. Выслушай меня. Я чувствую, что спотыкаюсь нитью моей жизни, и, какъ сказала бы Гильда, моя Фюльгя предвѣщаетъ мнѣ, что скоро придется намъ разстаться. И такъ молчи, и слушай. — Много великихъ дѣлъ совершилъ я въ своей жизни; ставилъ королей, воздвигалъ престолы, и стоялъ въ Англіи выше, чѣмъ когда либо стоялъ графъ или тегиу. Не хотѣлось бы мнѣ, Гита, чтобы дерево моего дому, посаженное среди бури, и орошаемое кровью, усохло послѣ моей смерти.

Графъ остановился, и Гита сказала ему съ величественною гордостью:

— Не бойся, что имя твое будетъ сферто съ землѣ, или что родъ твой утратить могущество. Руни твои завоевали славу, а Богъ далъ сыновей твоимъ обѣщаніямъ; вѣтви посаженнаго тобой дерева, будутъ еще прасоваться въ лучахъ солнца, когда мы, корни ея, будемъ уже поконтыся въ землѣ.

— Гита, возразилъ графъ, ты говоришь какъ дочь королей и вѣтъ витазей; но слушай меня, потому что тяжелая тоска давитъ мнѣ душу. Изъ сыновей нашихъ, старшій... увь!... скитаецъ и изгнанникъ.... нѣкогда прекрасный и храбрый Свейнъ.... а твой любимецъ, Вольвотъ—заложникомъ при дворѣ нашего норманскаго врага. Изъ остальныхъ, Гуртъ очень кротокъ и тихъ, и я охѣло преденазываю, что онъ будетъ замечательнымъ вождемъ; потому что кто всѣхъ сироннѣе дома, всегда всѣхъ смѣлѣе на полѣ брани; но Гуртъ не получилъ глубокаго ума, необходимаго въ эти смутныя времена; Леофайнъ слишкомъ легкомысленъ, а Тостигъ слишкомъ свирѣпъ. И такъ, жена, изъ шести сыновей, одинъ Гарольдъ, твердый какъ Тостигъ, кроткій какъ Гуртъ, наследовалъ силу ума и способность соображенія отца. Если король останется также не расположенъ, какъ былъ доселѣ, къ своему родственнику Эдуарду Этолвигу, кто.... Тутъ графъ остановился, и осмотрѣлся кругомъ,—кто будетъ ближе къ престолу, когда меня уже не станетъ, какъ не Гарольдъ, радость сеорлей и гордость тегиновъ? Гарольдъ, котораго языкъ никогда не робѣлъ въ битавѣ, и котораго оружіе не знаю пораженія на полѣ битвы?

Сердце Гиты забилось гордостью, и румянецъ удовольствія покрылъ ея щеки.

— Но я больше всего страшусь, продолжалъ графъ, не вѣтшихъ враговъ, а зависти родетвенниковъ. Подлѣ Гарольда стоитъ Тостигъ, алчный къ приобрѣтеніямъ, но неспособный удержать захваченное; умѣющей только разрушать, а не хранить.

— Нѣтъ, Годвинъ, ты обижаешь нашего удалого сына....

— Жена, вскричалъ графъ топнувъ ногою, слушай меня и повинуйся; не много словъ успѣю я еще сказать на землѣ, а когда ты мнѣ противорѣчишь, кровь бросается въ голову, и туманъ повлекаетъ мнѣ глаза.

— Прости меня, суругъ, сказала Гита съ покорностью.

— Сколько разъ уже я упрекалъ себя въ томъ, что въ дѣтствѣ ихъ не удѣлилъ нѣсколько времени отъ своего мірскаго честолюбія на, то чтобы смотрѣть за образованіемъ сердецъ моихъ сыновей; ты же слишкомъ гордилась наружнымъ блескомъ, чтобы наблюдать за внутреннимъ развитіемъ, а что тогда было мягко для прикосновенія; теперь стало твердо для молота. Въ битвѣ жизни, стрѣлы, которыхъ мы не поднимаемъ изъ небрежности, судьба, наша противница, собираетъ въ свой колчанъ; мы сами вооружали ее стрѣлами, тѣмъ необходимѣе заслоняться отъ нея щитомъ. Поэтому, если ты переживешь меня, и если, какъ я боюсь, завяжется распря между Гарольдомъ и Тостигомъ, заклинаю тебя памятью нашей любви и твоимъ уваженіемъ къ моей могилѣ, считать правымъ и разумнымъ все, что Гарольдъ сочтетъ правымъ и разумнымъ; потому что когда не будетъ Годвина, въ одномъ Гарольдѣ будетъ жить слава его дому. Запомни то, что я говорю теперь, и никогда не забывай моихъ словъ. Теперь же, пока еще не смерклось, я пройдуся по торговымъ рядамъ и дворамъ, поговорю съ городскими выборными, польщу ихъ женамъ, и буду до послѣдняго мгновенія пріятельнымъ и умнымъ Годвиномъ.

Съ этими словами Годвинъ всталъ, и вышелъ твердою поступью; его старая собака вскочила, расправила уши, и пошла по его слѣдамъ; слѣпой соколъ обратилъ ухо къ хлопнувшей двери, но не тронулся со спинки кресель.

Гита опять повѣсила голову на руку, и опять стала качаться съ боку на бокъ, устремивъ задумчивые взоры на красное пламя, которое мгновенно вспыхивало сквозь голубой дымъ, и размышляла о словахъ мужа.

Прошло болѣе четверти часа послѣ выходу Годвина, когда дверь отворилась, и Гита поспѣшно подняла голову, думая, что идетъ кто-нибудь изъ ея сыновей; но вмѣсто того увидѣла Гильду, которая должна была нагнуть голову, проходя въ круглую дверь; за нею двѣ дѣвушки несли небольшой ящикъ. Вала дала знакъ служанкамъ поставить носу къ ногамъ Гиты, послѣ чего онѣ съ почтительнымъ поклономъ вышли изъ комнаты.

Въ Гитѣ смѣлы еще были суевѣрія ея предковъ, Датчанъ; страхъ обнялъ ея душу, когда она увидѣла передъ собою величественную валу, и когда красный огонь заигралъ на ея холодномъ, спокойномъ лицѣ, составляя рѣзкую противоположность съ ея черною одеждою. Однакожь не смотря на свою суевѣрную боязнь, Гита, не получившая воспитанія своей дочери Эдионъ, имѣла мало средствъ усладить свою одинокую жизнь, и, потому любила посѣщенія своей таинственной родственницы. Она любила переживать снова свою юность въ бесѣдахъ о дикихъ нравахъ и мрачныхъ обрядахъ Датчанъ; самый даже страхъ имѣлъ для нея ту прелесть, какую имѣютъ для дѣтей сказки о привидѣнiяхъ: вѣдь необразованные люди остаются дѣтьми до могилы. Оправившись отъ перваго страха и удивленiя, она встала, чтобы привѣтствовать валу, и сказала ей:

— Привѣтствую тебя, Гильда, трижды привѣтствую тебя! Зноень былъ день, и дологъ твой путь; прежде чѣмъ поднесу нищу и вино, позволь мнѣ приготовить тебѣ ванну, освѣжить твое тѣло, или по-крайней-мѣрѣ омыть ноги; потому-что сонъ для молодыхъ то же, что купанiе для стариковъ.

Гильда отрицательно потрясла головою.

— Я сама дарю сонъ, и готовлю купанья въ чертогахъ Валгаллы. Не предлагай валѣ ванны, которою смертные освѣжаютъ свои усталые члены; не подноси ей нищи и вина, годныхъ только для человѣческихъ гостей. Садись, внука датскихъ королей, и благодари своихъ новыхъ боговъ за прошедшее, которое принадлежало тебѣ. Настоящее намъ не принадлежитъ, а будущее даже не дается во свѣтъ; прошедшее же наше, и цѣлая вѣчность не можетъ отмѣнить ни одной радости, которую дало прошедшее мгновенiе.

Потомъ вала сѣла въ большое кресло Годвина, оперлась на свой волшебный посохъ, и нѣсколько минутъ молчала, будто погруженная въ глубокiя размышленiя.

— Гита, сказала она наконецъ, гдѣ твой супругъ? Я пришла позать его руку и взглянуть въ его глаза.

— Онъ ушелъ въ торговые ряды, а сыновей моихъ нѣтъ дома; Гарольдъ долженъ прiѣхать изъ своего удѣла къ ночи.

Едва приметная улыбка торжества мелькнула на губахъ валы, но тотчасъ же смѣнилась выраженiемъ глубокой грусти.

— Гита, сказала она, говоря съ разстановками, ты вѣрно поминишь Бельсту, страшную дѣву ада? вѣрно видала ее, или по-крайней-мѣрѣ слыхала о ней въ молодости.

— Какъ же, отвѣчала Гита, содрогаясь; я видѣла ее однажды, когда она, во время бури, гнала передъ собою свои мрачныя, сѣрыя стада.... А отецъ мой видѣлъ ее передъ смертью; она летала по воздуху верхомъ на волкѣ, взнуздавъ его змѣею.... Зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Не странно ли, продолжала Гильда, избѣгая прямого отвѣта, что древнія Бельста, Гейдра и Гулла, волчьи наѣздницы, пожирательницы людей, успѣли пропикнуть въ самыя заветныя тайны волшебства, хотя употребляли ихъ на самыя злобныя замыслы противъ людей; я же, старалась только провикнуть будущее, вопрошала Норъ, не для того, чтобы вредить врагамъ, а только, чтобы узнать удѣлъ тѣхъ, кого я любила, — и чтѣ же? всѣ мои предвѣщанія сбывались; но какъ часто, увы, только на горе и на гибель!

— Какъ такъ, сестра? спросила Гита со страхомъ, и вмѣстѣ съ невольнымъ восхищеніемъ, придвигая стулъ къ печальной прощательницѣ. Развѣ ты не предсказала нашего побѣдоносного возвращенія изъ несправедливаго изгнанія? и предсказаніе твое сбылось!... потомъ не предсказывала ли ты также (тутъ лицо Гиты засіяло гордостью), что мой Гарольдъ будетъ носить королевскій вѣнецъ?...

— Точно, первое предсказаніе сбылось, сказала Гильда; но... она остановилась, и глаза ея устремились на ларчикъ; потомъ она продолжала, не обращаясь уже къ Гитѣ, а будто говоря про себя: — А Гарольдовъ сонъ? что онъ предвѣщаетъ? руны не повинуются мнѣ, мертвые мнѣ не отвѣчаютъ.... Вижу только мрачный день, когда его возлюбленная сожметъ его въ объятіяхъ невѣсты.... а далѣе ничего не вижу.... одинъ мракъ.... непроницаемый мракъ. Не говори, Гита; бремя тяжелѣе надгробнаго камня давить мое изнуренное сердце!

Затѣмъ послѣдовало мертвое молчаніе. Наконецъ вала, указавъ своимъ посохомъ на пламя, сказала:

— Смотри на борьбу огня и дыму!... дымъ взвивается на воздухъ сѣрыми клубами, и вырывается на волю, чтобы слиться съ блуждающими обрывками тучъ. Мы можемъ прослѣдить его съ рожденія до паденія, съ вѣдръ пламени до испаденія его съ дождемъ.... То же и съ человѣческимъ разумомъ, который не пламя, а одинъ дымъ; онъ стремится помрачить наши взоры, и возносится затѣмъ только, чтобы пропасть въ паракъ и росѣ. Смотри же напротивъ: пламя горитъ на очагѣ, пока не истощится топливо; а потомъ исчезаетъ, никто не знаетъ куда. Хотя мы его

и не видитъ, но оно живетъ въ воздухѣ, скрывается въ камнѣ, и ждетъ только удару стали, наертывается на сухія листья или стебли, и одно прикосновеніе зажигаетъ его, играетъ на болотахъ, собирается на небѣ, наводитъ на насъ ужасъ молніею.... согреваетъ воздухъ; оно жизнь нашей жизни, — стихія всѣхъ стихій. О Гита, огонь свѣтъ нашей души, вѣчная стихія; онъ живъ, когда взоры наши не могутъ уловить его; горитъ въ образахъ, въ которые переходитъ; исчезаетъ... но никогда не угасаетъ.

Ваза замолкла, и опять обѣ женщины молча устремили взоры на горѣвшее передъ ними пламя, которое вспыхивало и играло на крупныхъ чертахъ и глубокихъ морщинахъ Гиты, и на спокойномъ, гладкомъ, величественномъ лицѣ задумчивой вазы.

II.

Между-тѣмъ какъ эти бесѣды происходили въ домѣ Годвина, Гарольдъ, на пути въ Лондонъ, отправилъ свою дружину впередъ, къ отцу, а самъ, своротивъ въ сторону, одинъ поскакалъ къ древнему римскому жилищу Гильды. Уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не видалъ Эдион и не имѣлъ о ней извѣстій. Всякій знаетъ, что извѣстія въ то время приходили рѣдко и съ трудомъ, и ограничивались общественными событіями; они приносились нарочными гонцами, или прохожимъ путникомъ, или переходили изъ устъ въ уста по разсѣянной толпѣ. Но даже среди своихъ многосложныхъ и трудныхъ занятій, Гарольдъ тщетно старался вытѣснить изъ сердца образъ дѣвушки, которой жизнь, — онъ это зналъ безъ всякихъ предсказаній, — была неразрывно связана съ его жизнью. Препятствія, которыя онъ считалъ несправедливыми и притѣснительными, хотя и покорялся имъ, — которыя терпѣлъ его разсудокъ и тайное честолюбіе, но которыхъ не признавала совѣсть — только раздували пламя единственной страсти его жизни, страсти, которая, съ самаго дѣтства Эдион, нерѣдко, безъ вѣдома его, вдохновляла его стремленіе къ славѣ, и сливалась со всѣми мечтами его о могуществѣ. И какъ ни отдаленна, какъ ни темная была въ немъ надежда, однако же она не угасала. Законнымъ наследникомъ Эдуарда Исповѣдника былъ его родственникъ, жившій при дворѣ императора, славившійся своею добротою и челоуѣкъ женатый; слабое же здоровье Эдуарда, повидимому, не обѣщало долгой жизни царствовавшему королю. Поэтому Гарольдъ надѣялся, черезъ преемника Эдуарда, который, разумѣется, долженъ былъ смотрѣть на сына Годвинова какъ на самую сильную опору своего престола,

выпросить у жрецовъ разрѣшеніе, о которомъ Эдуардъ не хотѣлъ бы и слышать, и которое, если давалось когда-либо подданному, то не иначе какъ по ревностному ходатайству самого государя.

Съ этою надеждою, и въ то же время съ страхомъ, чтобы Эднелъ не уничтожила ея вступленіемъ въ жрицы и вѣчнымъ обѣтомъ, съ сердцемъ, бывшимся то радостью, то боязнію, вѣхалъ онъ черезъ поля и просѣки къ старой римской виллѣ.

Наконецъ онъ выѣхалъ къ задней части дворца, въ то время какъ солнце, быстро склоняясь къ западу, ярко освѣщало грубые столбы друидическаго капища; у жертвенника, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде, когда онъ въ первый разъ говорилъ о своей любви и ея препятствіяхъ, увидѣлъ онъ Эднелъ.

Онъ соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю щипать траву, а самъ взомель на холмъ. Гарольдъ безъ шума подобрался къ дѣвухкѣ сзади, и запнулся ногою о могильный камень древняго саксонскаго богатыря. Но привидѣніе, дѣйствительно ли являвшееся ему или созданное его воображеніемъ, и слѣдовавшій за тѣмъ сонъ, давно изгладились изъ памяти, и въ сердцѣ его не было никакого суевѣрнаго чувства, когда оно, послѣ столькихъ мѣсяцевъ разлуки, излилось въ одномъ словѣ: «Эднелъ!»

Дѣвушка вздрогнула, обернулась и упала ему на грудь.

Нѣсколько минутъ оставалась она въ этомъ положеніи; потомъ, опомнившись, тихо освободилась изъ его объятій и чтобы не упасть прислонилась къ тевтонскому жертвеннику.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Гарольдъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она чрезвычайно перемѣнилась: щеки ея поблѣдѣли и опали, и вся она примѣтно похудѣла; сердце Гарольда сжалось при этомъ видѣ.

— Ты тосковала; страдала, сказалъ онъ печально: а я, который готовъ бы пролить послѣднюю каплю крови, чтобы выкупить каждое твое горе, или прибавить тебѣ счастья и радости былъ далеко и не могъ утѣшить тебя. Я... можетъ-быть... виновникъ твоей горести.

— Нѣтъ, Гарольдъ, отвѣчала Эднелъ слабымъ голосомъ: ты никогда не былъ мнѣ причиною горести; ты даже въ отсутствіи былъ мнѣ утѣшеніемъ. Я была больна... очень больна... Гильда напрасно истощала всѣ свои руны и чары. Но теперь мнѣ лучше, съ-тѣхъ-поръ какъ возвратилась наконецъ запоздалая весна, я могу смотрѣть на свѣжіе цвѣты и слушать пѣніе птицъ.

Но между-тѣмъ, какъ она говорила, голосъ ея дрожалъ и рыданія спирались въ груди.

— Не терзали ли они тебя опять своими увѣщаніями сдѣлаться жрицей?

— Они?... нѣтъ, Гарольдъ; но меня терзала душа. О! Гарольдъ, возврати мнѣ мое слово! уже наступило время, о которомъ предвѣщала мнѣ твоя сестра; порвалась серебряная струна и разбилась золотой кубокъ; я желала бы улетѣть на крыльяхъ горлицы и найти покой души.

— Такъ ли, Эдвѣ? Можетъ ли быть покой твоей душѣ тамъ, гдѣ мысль о Гарольдѣ будетъ грѣхомъ?

— Она тамъ не будетъ грѣхомъ, Гарольдъ. Развѣ сестра твоя не радовалась, когда могла приносить жертвы за тѣхъ кого любила?

— Не говори мнѣ о сестрѣ, сказалъ Гарольдъ, стиснувъ зубы. Не насмѣшка ли говорить о жертвахъ за того, чье сердце ты сама растерзаешь?... Гдѣ Гильда? я желалъ бы видѣться съ нею.

— Она пошла съ подаркомъ къ твоему отцу; я затѣмъ и вышла на холмъ, чтобы ждать ея возвращенія.

Графъ приблизился къ дѣвушкамъ, взялъ ея руку, сѣлъ подле нея, и они долго разговаривали. Но Гарольдъ съ горестью замѣтилъ, что мысль объ уединенной жизни глубоко запала въ сердце Эдвѣ, и что даже въ его присутствіи, и несмотря на его утѣшенія, уныніе и тоска сжали ея душу. Казалось, молодость и жизнь оставили ее, и наступилъ день, когда она сказала: «Нѣтъ радости на землѣ!»

Никогда не видалъ онъ ее въ такомъ настроеніи духа: грустно и больно было ему смотрѣть на нее. Онъ всталъ, чтобы удалиться; при прощаніи, рука ея холодно лежала въ его рукѣ, и легкая дрожь прѣбѣжала по всему ея тѣлу.

— Прощай, Эдвѣ; когда я возвращусь изъ Виндзора, я буду жить здѣсь, въ своемъ старомъ домѣ, и мы опять будемъ видѣться.

Уста Эдвѣ прошептали какія-то неумовимыя слова, и глаза ея потупились въ землю.

Гарольдъ сѣлъ на лошадь, и медленно поѣхалъ въ городъ. Удаляясь отъ пригорка, онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ и махалъ рукою. Но Эдвѣ сидѣла неподвижно, потупивъ глаза въ землю. Онъ не видалъ жгучихъ слезъ, которыя быстро лились изъ ея глазъ, и не слышалъ тихаго голоса, который стоналъ среди языческихъ развалинъ: Воденъ, Воденъ! защити меня отъ моего сердца!

Солнце уже давно закатилось, когда Гарольдъ пришелъ къ об-

широкому дому отца. Вокругъ были разбѣяны дома и шалаши торговцевъ и мастеровъ графа; потому-что даже его золотыхъ дѣлъ мастеръ былъ отпущенный на волю сеорль. Самый графскій домъ тянулся на огромное разстояніе отъ берегу Темзы; къ нему принадлежало множество низкихъ деревянныхъ строеній, грубыхъ и безобразныхъ, но въ которыхъ помѣшалось множество храбрыхъ ратниковъ и вѣрныхъ служителей, главное богатство тогдашнихъ дворянскихъ палатъ.

Гарольдъ сошелъ съ лошади среди радостныхъ кляковъ нѣсколькихъ сотенъ людей, изъ которыхъ каждый оспаривалъ честь поддержать ему стремя; прошелъ сѣни, въ которыхъ также толпился народъ, и вошелъ въ комнату, гдѣ засталъ Гильду, Гиту и Годвина, только-что за нѣсколько минутъ передъ нимъ воротившагося изъ своего обхода.

Почтеніе сына къ отцу, было одною изъ прекраснѣйшихъ чертъ саксонскаго характера, какъ напротивъ того, неуваженіе къ родителямъ было самымъ непамятнымъ порокомъ Нормановъ. Могучій Гарольдъ съ покорностью преклонилъ колѣно передъ старымъ графомъ, который положилъ ему руку на голову и благоволилъ его, а потомъ поцѣловалъ въ щеку и въ лобъ.

— Поцѣлуй и ты меня, любезная матушка, сказалъ Гарольдъ.

Поцѣлуй Гиты былъ можетъ быть дружественнѣе, но не могъ быть вѣжливѣе Годвинова.

— Поклонись Гильдѣ, сынъ, сказалъ Годвинъ; она принесла мнѣ подарокъ, и дождалась нарочно, чтобъ отдать его въ твое особое попеченіе. Ты одинъ долженъ хранить этотъ кладъ, и открыть сундукъ. Но когда и гдѣ, сестра?

— На шестой день по прибытіи твоемъ въ королевскія палаты, сказала Гильда, не отвѣчая на улыбку съ которою говорилъ Годвинъ — на шестой день, Гарольдъ, долженъ ты открыть ларчикъ, и вынуть изъ него одежду, сотканную въ домѣ Гильды для графа Годвина. Между тѣмъ, Годвинъ, я пожала твою руку, взглянула тебѣ въ глаза, мое порученіе исполнено, и пора мнѣ отправляться домой.

— Нѣтъ, это невозможно, Гильда, возразилъ гостепріимный графъ; самый смиренный путникъ имѣетъ право провести въ моемъ домѣ день и ночь, и требовать себѣ пищи и постели; неужели же ты оскорбишь насъ и переступишь за порогъ, не переломивъ хлѣба, и не помявъ ложа. Мы съ тобою старые друзья, вмѣстѣ были молоды, и твое лицо всегда радуешь меня, какъ воспоминаніе давно прошедшихъ лѣтъ.

Гильда покачала головою, и выраженіе дружеской нѣжности, тѣмъ болѣе трогательное въ ней, что оно было чрезвычайно рѣдко, и казалось почти недоступнымъ спокойному и строгому характеру ея лица, смягчило ея взоръ и рѣзкое очертаніе ея губъ.

— Сынъ Вольнотовъ, сказала она, ласково, — не подь твоимъ кровомъ долженъ обитать вѣщій воронъ. Со вчерашняго вечера не переламывала я хлѣба, и сонъ не сомкнетъ моихъ глазъ въ эту ночь. Не бойся, люди мои крѣпко и хорошо вооружены, и притомъ не родился еще человекъ, котораго рука могла бы побѣдить могущество Гильды.

Сказавъ это, она взяла Гарольда за руку, отвела его въ сторону, и шепнула ему на ухо: — Я желала бы поговорить немного съ тобою, прежде чѣмъ мы разстанемся. — Потомъ, дойдя до порога, она три раза обмахнула полъ своимъ посохомъ, приговаривая грубые датскіе стихи, которые можно перевести такъ:

Безъ задержекъ безъ узловъ,
Пить съ клубка мотайся!
Пошли отдыхъ отъ трудовъ
Миръ послѣ пезалп.

— Погребальная пѣсня! сказала Гита, и губы ея посинѣли; но слова эти были сказаны такъ тихо, что ни мужъ, ни сынъ не слышали ихъ.

Гильда и Гарольдъ безмолвно прошли сѣни, гдѣ служители вала, съ оружіемъ и съ факелами, вскочили съ своихъ лавекъ, и пошли впередъ на наружный дворъ, гдѣ черный конь ея фыркалъ съ нетерпѣнія и билъ копытомъ землю.

Остановившись на среднѣ двора, она сказала Гарольду тихимъ голосомъ:

— На закатъ разстаемся мы, и на закатъ же увидимся опять. Смотри, по закатъ всходятъ звѣзды, и тогда по закатъ взойдетъ звѣзда еще крупнѣе и ярче! Когда рука твоя вынетъ изъ ларца одежды, вспомни Гильду, и знай, что она въ это время будетъ стоять на могилѣ саксонскаго витязя, и что изъ могилы взойдетъ заря будущаго. Прощай!

Гарольду хотѣлось поговорить съ нею объ Эдионъ; но таинственный страхъ обнялъ его сердце и сковалъ его уста; онъ стоялъ безмолвно у широкихъ деревянныхъ воротъ грубо построеннаго дому. Вокругъ него горѣли факела, и разливали мрачный свѣтъ на лицо Гильды. Давно уже исчезли и свѣточы и сеорли,

а онъ еще стоялъ въ раздумьи веротъ, пока Гуртъ не пробудилъ его изъ размышленія, соскочивъ съ завыхавшейся лошади; онъ обнялъ Гарольда, и сказалъ:

— Какъ это я развѣхался съ тобою, братъ? зачѣмъ ты уснулъ свои дружины впередъ?

— Все разекажу тебѣ послѣ, Гуртъ. Скажи мнѣ, не былъ ли отецъ боленъ? У него замѣтно что-то въ лицѣ, что сильно безпокоитъ меня.

— Онъ не жаловался ни на какую боль, отвѣчалъ Гуртъ, пораженный; но, какъ ты это сказалъ, я припоминаю, что действительно отецъ въ послѣднее время очень измѣнился въ обхожденіи; онъ сталъ часто ходить гулять одинъ, или бралъ съ собою только развѣ свою старую собаку и стараго сокола.

Гарольдъ пошелъ назадъ; на сердцѣ его будто лежалъ камень. Когда онъ пришелъ домой, отецъ сидѣлъ въ приемной палатѣ, въ своихъ торжественныхъ креслахъ; по правую руку сидѣла Гита, а нѣсколько ниже Тостигъ и Леофвайнъ, которые только-что воротились съ медвѣжьей травли, и шумно и весело разговаривали. Вокругъ сидѣла тегва и оруженосцы. Былъ большой пиръ. Но Гарольдъ не спускалъ глазъ съ отца, и замѣтилъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на гостей и на пиръ, а склонилъ голову надъ своимъ старымъ соколомъ, сидѣвшимъ у него на рукѣ.

III.

Съ тѣхъ-поръ какъ родъ Сердииковъ былъ на престолѣ, ни одинъ англійскій подданный не являлся на дворъ Виндзорскаго дворца съ такою многочисленною дружиною и такою пышною свитою какъ Годвинъ. Всѣ истинные Англичане изъ тегвовъ пристали къ его свитѣ, радуясь случаю, первому послѣ его возвращенія, отдать почтеніе человѣку, съ именемъ котораго они славя дѣло Англій противъ чужеземцевъ. Саксонцы или Датчане, веѣ любившіе родную землю и родные законы, стекались съ сѣвера и съ юга подъ мирную хорурговъ стараго графа. Но большая часть изъ нихъ принадлежала къ старому поколѣнію, потому-что молодое поколѣніе было еще ослаблено великолѣвіемъ Нормановъ; англійскіе обычаи и уваженіе къ подданнымъ соотечественниковъ исчезли вмѣстѣ съ длинными волосами и бородами. Не было между ними также и друждовъ, потому-что слава норманскаго благочестія уже склонила всѣхъ ихъ на сто-

рову пришлецовъ, и они иногда раздѣляли недовѣсть своего короля къ вѣроваціямъ Годвина, который не отромилъ капищъ, и не надѣвалъ талисмановъ на шею, когда отправлялся въ походъ. Но друзья Годвина были люди твердые, прямые, независимые, опора и хранители англійской народности; противники же его — люди слѣпые и безхарактерные.

Дворецъ короля былъ не тотъ дивный замокъ, въ которомъ обитають нынѣшніе короли, и который принадлежитъ позднѣйшему племени; онъ стоялъ на другомъ мѣстѣ, въ двухъ миляхъ отъ перваго, у кофѣна рѣки, отчего и получилъ свое названіе. Это было зданіе, грубо сложенное изъ бревенъ и римскаго кирпича, примыкавшее къ огромному храму и окруженное деревушкою.

Графъ и четыре сына вѣхали рядомъ на дворъ виндзорскаго дворца. Король Эдуардъ сядѣлъ въ особыхъ покояхъ съ друзьями и радовался приобрѣтенію новыхъ изображеній сѣверныхъ боговъ. Услышавъ конскій топотъ и гдворъ народа, онъ спросилъ:

— Какая рать вступаетъ въ ворота нашего дворца въ этотъ день общаго мира?

Всталъ одинъ жрецъ, и посмотрѣвъ въ узкое окно, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Справедливо называешь ты это ратью, король! ее ведутъ враги наши и твои.

— *Во первыхъ*, подхватилъ почтенный старецъ, я полагаю, что ты говоришь о графѣ и его сыновьяхъ.

Король взмѣнился въ лицѣ.

— Къ чему ведутъ они съ собою такую многочисленную дружину? Это болѣе похоже на кичливость противника, чѣмъ на почтительную преданность вассала: не хорошо... очень не хорошо.

— Увы, вскричалъ одинъ изъ членовъ собранія; я боюсь, что сыны Вааловы идутъ съ злобыми умысломъ противъ насъ; они могутъ, а...

— Не бойтесь, сказалъ Эдуардъ съ величавою кротостью, замѣтивъ, что всѣ гости поблѣднѣли: потому что какъ мы уже говорили, хотя онъ былъ душою слабъ, иногда до ребячества, нецостоянненъ и перѣшительчъ, однако же королевская и рыцарская кровь не допускала въ немъ боязни. Не бойтесь, отцы мои; какъ я не смиренъ, однако же я твердъ упованіемъ на защиту Водена.

Гости съ досадою переглянулись между собою, но молчали; не за короля собственно боялись они.

Тогда всталъ кроткій Альфредъ, достойный сановникъ и мнротворецъ, послѣдняя и единственная опора быстро разрушавшагося язычества, и сказалъ:

— Грѣшно вамъ, братья, искажать правду и чернить добрыя намѣренія тѣхъ, которые идутъ только изъяснить королю свою преданность; а въ наше смутное время всѣхъ угоднѣе долженъ быть нашему королю тотъ изъ его намѣстниковъ, кто наиболѣе приведетъ въ его палаты твердыхъ и вѣрныхъ сердецъ.

— Съ твоего позволенія, братъ Альфредъ, возразилъ Стигапдъ, который хотя изъ своихъ корыстныхъ видовъ убѣждалъ короля не подвергать опасности престола вооруженнымъ сопротивленіемъ Годвину, однако же слишкомъ пользовался злоупотребленіями жрецовъ, чтобы искренно жаловать строгаго графа: съ твоего позволенія, братъ Альфредъ; съ каждымъ вѣрнымъ сердцемъ, прибываетъ ненасытная пасть; а королевская казна и такъ уже почти истощилась на угощеніе этихъ голодныхъ и незваныхъ гостей. Если бы я смѣлъ дать своему государю совѣтъ, я умолялъ бы его, именемъ благоразумной политики, обмануть расчеты хитраго и надменнаго графа. Ему хочется, чтобы король далъ торжественный, всенародный пиръ; потому что это доставило бы ему случай настрашать короля числомъ своихъ друзей и приверженцевъ.

— Повнимаю, почтенный отецъ, сказалъ Эдуардъ, съ необыкновенною живостью, и съ выраженіемъ смѣливой, но не злобной хитрости необразованныхъ умовъ: повнимаю: это будетъ очень полезно и благоразумною мѣрою. Я не позволю надменному графу торжествовать, и едва возвратившись изъ изгнанія, издѣваться надъ своимъ королемъ, нечестивымъ позоримъ своего могущества. Состояніе нашего здоровья послужитъ намъ извиненіемъ, чтобы не являться на пиршество; притомъ, правду сказать, мы не понимаемъ съ чего выбрали этотъ день на пиръ и веселіе. И такъ, Гюголайвъ, предупреди графа, что намъ угодно нынче удержаться отъ пищи до заката солнца, послѣ чего мы подкрѣпимъ свои силы скромною трапезою, яйцами, хлѣбомъ и рыбою. Проси его съ сыновьями, раздѣлить ее съ нами; они будутъ единственными нашими гостями.

При этихъ словахъ изъ горла Эдуарда вылетѣлъ какой то продолжительный, тихій и не ровный звукъ, чтò то въ родѣ смѣху или тѣни смѣху, потому что на этого короля находила повременамъ невинная охота пошутить и посмѣяться, что не упустилъ изъ виду вѣрный его біографъ; и онъ откинулся назадъ въ свои кресла.

Гости сочли обязанностью послѣдовать королевскому примѣру, и держали бока со смѣху, когда Гюголайнь вышелъ исполнить приказаніе; очень довольные, замѣтимъ стороною, тѣмъ, что сами не удостоились приглашенія на скромную трапезу, состоявшую изъ яицъ, хлѣба и рыбы.

Альфредъ вздохнулъ и сказалъ:

— Это будетъ большою честью графу и его сыновьямъ; но прочіе графы и тегны будутъ очень недовольны, если не увидятъ за прпомъ того, кого они думали почтить своимъ присутствіемъ, и....

— Довольно; какъ я приказалъ, такъ и будетъ! прервалъ Эдуардъ сухо, и съ видомъ неудовольствія и утомленія.

— И это собьетъ немножко смѣся молодымъ графамъ, замѣтилъ другой сановникъ; потому что они не будутъ сидѣть за однимъ столомъ съ королемъ и съ отцомъ, какъ было бы на большомъ пиру, а должны будутъ подавать вино и прислуживать съ салфеткою въ рукахъ.

— *Во первыхъ*, подхватилъ одинъ друидъ, это будетъ прелюбопытная вещь; желалъ бы я посмотрѣть со стороны. Но этотъ Годвинъ, человекъ коварный, предатель; ты, государь, долженъ бы остерегаться, помня участь твоего брата, Альфреда.

Король вздрогнулъ и закрылъ лицо руками.

— Какъ смѣешь ты, вскричалъ Альфредъ въ негодованіи: какъ смѣешь ты напоминать горестное событіе, которому нельзя помочъ, и обвинять человека, противъ котораго нѣтъ доказательствъ?

— Нѣтъ доказательствъ? подхватилъ Эдуардъ, глухимъ голосомъ. Кто могъ рѣшиться на убійство, могъ рѣшиться и на клятвопреступленіе!.... Нѣтъ доказательствъ передъ людьми: но подвергался ли онъ суду Божию?.... ходилъ ли по лезвію сохи?.... бралъ ли въ руку раскаленное желѣзо?.... По истинѣ, ты напрасно напоминалъ мнѣ моего брата Альфреда! Теперь мнѣ во весь объѣдъ будутъ видѣться его выколотые и истекающіе кровью глаза.

Король всталъ въ чрезвычайномъ разстройствѣ; нѣсколько минутъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не обращая вниманія на молчаніе и смущенные взоры гостей, и, наконецъ, махнулъ рукою, чтобы они вышли. Всѣ немедленно повиновались, кромѣ Альфреда; онъ остался, и подошедши къ королю величественною пѣстухой, и съ состраданіемъ въ глазахъ, сказалъ:

— Государь мой и король, изгони изъ своего сердца мысли,

непримиримыя твоему королевскому милосердію. Все, что могъ узнать человекъ о невинности или преступности Годвина, — подозрѣніе толпы, оправданіе суда, — все это было извѣстно тебѣ еще прежде, чѣмъ ты искалъ помощи его для вступленія на престолъ, и взялъ дочь его себѣ въ супруги. Теперь уже прздно подозрѣвать, предоставь свои сомнѣнія на тотъ торжественный день, который уже близокъ престарѣлому отцу твоей супруги!

— Да! отвѣчалъ король, не появявъ или умышленно перетолковавъ слова Альфреда: да, предоставитъ его суду Божию; — я такъ и сдѣлаю!

Онъ отвернулся съ нетерпѣніемъ, и Альфредъ долженъ былъ выйти изъ комнаты.

IV.

Тостигъ жестоко разгнѣвался при полученіи королевскаго приказанія; когда же Гарольдъ сталъ его уговаривать, ярость Тостига дошла до того, что только строгое приказаніе отца могло его смирить; потому-что отецъ имѣлъ надъ нимъ ту власть, которая дается только тому, чей гнѣвъ спокоепъ, и не раздражается безразсуднымъ бѣшенствомъ, и суровый нравъ сына невольно покорялся ему. Но оскорбительныя рѣчи, которыми Тостигъ отвѣчалъ на увѣщанія Гарольда, сильно беспокоили стараго графа; лицо его было еще встревожено заботами о будущемъ, когда онъ вступилъ въ королевскіе покои. Его ввели къ королю передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ Гюголайнъ пришелъ вести ихъ въ трапезную; поэтому взаимныя привѣтствія короля и графа были коротки и не церемонны.

Подъ королевскимъ балдахинномъ стояло только два стула, для короля и его тестя; сыновья же графа, Гарольдъ, Тостигъ, Леофвайнъ и Гуртъ стояли позади. Таковъ былъ издревле обычай старыхъ тевтонскихъ королей; феодальныя норманскіе государи только возобновили съ большимъ великолѣпіемъ и большею строгостью, патриархальный обычай, чтобы юность прислуживала старости, а министры государства тому, кого они избрали въ главные вожди въ совѣтѣ и походахъ.

Графъ, уже озабоченный несогласіемъ сыновей, былъ еще болѣе огорченъ холоднымъ пріемомъ короля; потому-что, какіе бы честолюбивые виды ни руководили человекомъ, онъ не можетъ не любить того, кому оказалъ услугу; а Годвинъ доставилъ Эдуарду королевскій вѣнецъ; и, не смотря на возвращеніе Годвина

съ вооруженною рукою, ни одинъ Норманъ, пересчитывая преступленія престарѣлаго графа, не могъ сказать, чтобы онъ хоть разъ былъ не почитателемъ къ особѣ короля. Какъ ни велика была, дѣйствительно, для подданнаго, его власть, ни какой историкъ не скажетъ теперь, что не хорошо было бы для блага саксонской Англіи, если бы король болѣе жаловалъ Годвина, чѣмъ своихъ друндовъ и норманскихъ любимцевъ.

Глубоко было уязвлено сердце престарѣлаго графа; его спокойныя, непроницаемыя глаза печально смотрѣли на холодное какъ ледъ лицо Эдуарда.

Гарольдъ же, въ которомъ сильно было чувство семейныхъ отношеній, и который въ особенности любилъ своего великаго отца, не спускалъ съ него глазъ, и съ безпокойствомъ замѣтилъ, какъ лицо старика наливалось кровью. Но какъ опытный царедворецъ, не терялъ присутствія духа, смѣялся и шутилъ.

Король не отвѣчалъ на шутки, отвернулся, и велѣлъ подать вина. Гарольдъ поспѣшилъ подать кубокъ, и въ поспѣшности споткнулся одною ногою, но удержался на другой; Тостигъ съ презрѣніемъ захохоталъ надъ неловкостью брата.

Старый графъ замѣтилъ, какъ Гарольдъ споткнулся и насмѣшку его брата; и пользуясь этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать косвенный выговоръ сыну, сказалъ съ улыбкою: видишь, Гарольдъ, какъ лѣвая нога поддерживаетъ правую; точно, также братъ помогаетъ брату!

Король вдругъ поднялъ голову, и пристально взглянулъ на графа.

— Точно такъ же, Годвинъ, и братъ мой Альфредъ помогалъ бы мнѣ, если бы ты это позволилъ.

Жестоко уязвленный старикъ устремилъ упрекающій взоръ на короля; щеки его стали совершенно багровыми, глаза налились кровью.

— О, Эдуардъ! вскричалъ онъ, ты жестоко, язвительно говоришь мнѣ о своемъ братѣ Альфредѣ, и не разъ уже намекалъ мнѣ, будто я былъ виновникомъ его смерти.

Король не отвѣчалъ.

— Пусть я подавлюсь этимъ кускомъ хлѣба, продолжалъ графъ въ сильномъ волненіи, если я виновенъ въ смерти твоего брата!

Но едва хлѣбъ коснулся губъ графа, какъ глаза его стали неподвижны, и давно готовившійся недугъ разразился. Онъ мгновенно и тяжело упалъ на полъ, подъ столъ, пораженный параличемъ.

Гарольдъ и Гуртъ бросились поднимать отца. Гарольдъ поло-

жилъ его темно-красное лицо, съ багровыми пятнами, на свою грудь, и, стоя на колѣняхъ, съ отчаяніемъ звалъ отца; но старикъ ничего не слышалъ.

Тогда король всталъ изъ-за стола, и сказалъ:

— Судъ Божій! вынесите его, и съ торжествомъ выйдите изъ трапезной.

V.

Пять сутокъ лежалъ Годвинъ безъ слова и безъ памяти. Гарольдъ сидѣлъ около него день и ночь. Лекаря не хотѣли пустить ему крови, потому-что время было неблагоприятное, на возрастѣ луны и въ половецкѣ; а только смачивали ему виски пшеничною мукою, варенною въ молокѣ; это средство приснилось одному больному; прикладывали также къ груди священическую доску, на которой было начертано какое-то руническое изображеніе. Много еще другихъ врачевныхъ средствъ употребляли лекаря, но напрасно; пять дней и пять ночей лежалъ Годвинъ безъ памяти; тогда всѣ начали уже опасаться, что ему не поможетъ никакое человѣческое искусство.

Ни какими словами нельзя выразить впечатлѣнія, которое произвела при дворѣ вѣсть, не о смертномъ недугѣ, поразившемъ графа, а о томъ, что предшествовало этому несчастію. Въ старыхъ сподвижникахъ Годвина она возбудила только искреннюю горестъ; всѣ же тѣ, которые находились подъ вліяніемъ двора, смотрѣли на это происшествіе, какъ на несомнѣнную небесную кару. Последняя его бесѣда съ королемъ, переданная Эдуардомъ жрецамъ, переходила изъ устъ въ уста, и пополнялась на пути разными украшеніями и прибавленіями. Это суевѣрное убѣжденіе было тѣмъ естественнѣе, и тѣмъ сильнѣе, что испытаніе посредствомъ хлѣба считалось однимъ изъ самыхъ употребительныхъ видовъ суда Божія; обвиненному давали кусокъ хлѣба, который онъ долженъ былъ съѣсть, произнеся тѣ же почти слова, которыя говорилъ Годвинъ; если онъ проглатывалъ хлѣбъ свободно, то почитался невиновнымъ; если же хлѣбъ останавливался въ горлѣ, или обвиненный имъ давился, или только дрожалъ и блѣднѣлъ, его считали виновнымъ. Последнія слова Годвина будто вызывали судъ Божій; Богъ услышалъ вызовъ и казнилъ клятвопреступника.

Эти усилія очернить память умирающаго Годвина, къ-счастію, не достигали до Гарольда, который не отходилъ отъ постели

отца. Когда сѣрая зоря стала смѣнять натую ночь, Гарольду показалось, будто Годвинъ пошевелился; сынъ отдернулъ завѣсъ, и наклонился къ больному. Глаза старика были совершенно открыты, багровая краска исчезла съ его лица, и смѣнилась смертною блѣдностію.

— Какъ ты себя чувствуешь, отецъ? спросилъ Гарольдъ.

Годвинъ улыбнулся съ любовью, и хотѣлъ отвѣчать; но голосъ его замеръ въ судорожномъ хрипѣ. Приподнявшись однакоже съ усміемъ, онъ нѣжно сжалъ державшую его руку, склонилъ голову на грудь Гарольда, и.... испустилъ духъ.

Когда Гарольдъ убѣдился, что послѣдняя борьба смерти съ жизнью кончилась, онъ бережно положилъ сѣдую голову покойника на подушку, закрылъ ему глаза, поцѣловалъ его въ уста, сталъ на колѣни, и прошепталъ нѣсколько словъ. Потомъ онъ сѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи, и закрылъ лицо плащемъ.

Въ это время Гуртъ, одинъ помогавшій Гарольду, и смѣнявшій его у постели больного отца,—потому-что Тостигъ, предвидя кончину стараго графа, хлопоталъ у графовъ и тегновъ, стараясь уговорить ихъ поддержать его притязанія на упраздненнае графство, а Леофвайнъ наканунѣ отправился въ Лондонъ за Гнтою, которую ждалъ съ часу на часъ,—Гуртъ вошелъ въ комнату на цыпочкахъ, и увидѣвъ положеніе брата, угадалъ, что все было кончено. Онъ подошелъ къ столу, взялъ лампаду, и долго смотрѣлъ на лицо отца. Спокойныя уста умершаго уже осѣнились странною улыбкою смерти, общею и невинному и преступнику; и начиналось уже то не менѣе странное превращеніе изъ старости въ юность, когда морщины исчезаютъ, и черты чисто и рѣзко выходятъ изъ рытвинъ заботъ и лѣтъ. Старикъ будто спалъ, въ цвѣтѣ мужества.

Гуртъ, также какъ Гарольдъ, приложился къ покойнику, и потомъ сѣлъ у ногъ брата, и положилъ голову на его колѣна. Долго молчалъ онъ, пока его не стало безпоковтъ молчаніе Гарольда; онъ тихо отдернулъ плащъ съ лица, и увидѣлъ крупныя слезы, катившіяся по лицу брата.

— Утѣшься, братъ! сказалъ Гуртъ; отецъ стяжалъ въ жизни славу; старость его была счастлива, и онъ многими годами пережилъ предѣлъ, положенный человѣческой жизни. Взгляни на его лицо, Гарольдъ; пусть его безмятежность будетъ тебѣ утѣшеніемъ.

Гарольдъ пошелъ какъ ребенокъ, куда его вела рука брата; между-тѣмъ какъ онъ шелъ къ постели, взоръ его случайно упалъ

на ларчикъ, подаренный Гильдою графу Годвину, и морозъ пробѣжалъ по всѣмъ его жилищамъ.

— Гуртъ, сказалъ онъ, кажется наступило утро шестого дня, послѣ того, какъ мы явились ко двору короля.

— Да, нынче шестой день.

Гарольдъ взялъ ключъ, данный ему Гильдою, и открылъ ларчикъ; въ немъ лежалъ бѣлый сванъ, и свертокъ. Гарольдъ взялъ свертокъ, и наклонившись прочелъ при двойномъ свѣтѣ лампы и занимавшейся заре:

— Привѣтъ Гарольду, наследнику великаго Годвина, и Гитѣ, внукѣ королей! Ты повиновался Гильдѣ, и знаешь теперь, что глаза ея читаютъ будущее, и что уста ея изрекаютъ тѣмныя слова истины. Склони гордое сердце передъ валою, и не доверяй мудрости, которая постигаетъ вещи только при дневномъ свѣтѣ. Что храбрость витязя, что пѣсня скальда, то и знаніе пророчательницы. Оно не отъ тѣла, оно душа души; оно правитъ событіями и людьми какъ храбрость, даетъ существо и образъ воздуху какъ пѣсня. Склони свое сердце передъ валою. Цвѣты растутъ на могилѣ мертвыхъ. И молодое дерево возносится въ поднебесьѣ, когда не станетъ царя лѣсовъ!

VI.

Взошло солнце, и всѣ лѣстницы и наружныя сѣни наполнились толпою народа, стекавшагося узнать о здоровьѣ графа. Всѣ двери стояли настежъ; Гуртъ вводилъ посѣтителей проститься съ героемъ битвъ и совѣта, который своею мощною рукою и умомъ возстановилъ на саксонскомъ престолѣ родъ Сердиковъ. Гарольдъ стоялъ безмолвно у изголовья постели. Много слезъ было пролито, много рыданій раздавалось вокругъ умершаго. Не одинъ тегль, изъ тѣхъ, которые при жизни Годвина были почти убѣждены въ участіи его въ убійствѣ Альфреда, шепталъ прерывистымъ голосомъ сосѣду:

— Не лежитъ вина за убійство на головѣ того, кто такъ улыбается въ смерти своимъ старымъ сподвижникамъ!

Всѣхъ долге оставался у покойника Леофрикъ, великій графъ Мерцинъ; когда всѣ вышли, онъ взялъ его холодную руку, тяжело лежавшую на покровѣ, и сказалъ:

— Старый соперникъ, не разъ стояли мы другъ противъ друга въ битвахъ и на полѣ битвы; но не многихъ изъ своихъ дру-

зей будетъ Леофрикъ оплакивать какъ тебя! Миръ твоему праху! Какія бы ни были твои прегрѣшенія, милосердо должна тебя судить Англія, потому что сердце твое было всегда для блага ея, и въ твоемъ величїи было ея величіе.

Гарольдъ обошелъ вокругъ постели, бросился на шею Леофрику, и крѣпко сжалъ его въ объятїяхъ. Это тронуло добраго старика; онъ положилъ дрожащія руки на русые кудри Гарольда, и благословилъ его.

— Гарольдъ, сказалъ онъ, ты наследуешь могущество отца: пусть враги твоего отца будутъ тебѣ друзьями. Воспрянь изъ своей горести; тебя зоветъ отчизна, честь твоего дому, и память почившаго. Многіе уже строятъ ковы противъ тебя и твоего роду. Ступай къ королю, и проси отцовскаго графства, какъ своего законнаго наследія, а Леофрикъ подкрѣпитъ твое притязаніе въ битанѣ.

Гарольдъ сжалъ руку Леофрика, и приложивъ ее къ губамъ, сказалъ:

— Да пребудутъ наши роды въ мирѣ и любви отнынѣ на вѣки вѣковъ!

Самонадѣянный Тостигъ ошибался, полагая, будто нѣкоторая часть Годвиновой партїи готова поддержать его притязанія противъ любимца народа, Гарольда; не менѣе ошиблись и жрецы, вообразивъ, будто со смертью Годвина падетъ могущество его дому.

За Гарольда было нѣчто даже болѣе единодушнаго рѣшенія всѣхъ вождей витана; за него было общее, безмолвное убѣжденіе всей Англіи, датской и саксонской, что Гарольдъ былъ единственною опорою королевства, а за кого стоитъ это убѣжденіе, того никто не побѣдитъ. И самъ Эдуардъ былъ хорошо расположенъ къ Гарольду, который, какъ мы уже говорили, одинъ изъ цѣлаго дома, пользовался его уваженіемъ и любовью.

Гарольдъ былъ единодушно провозглашенъ графомъ вессекскимъ; отказавшись отъ своего прежняго графства, онъ ни минуты не колебался въ выборѣ преемника, котораго долженъ былъ предложить на свое мѣсто. Подавивъ память своего прежняго соперничества и нелюбови, онъ соединилъ всѣ силы своей партїи въ пользу сына Леофрикова, который и былъ избранъ. И дѣйствительно, не смотря на горячность и проступки Альгара, никто не думалъ болѣе его права на эту честь, и по собственнымъ его способностямъ, и по заслугамъ отца. Это избраніе вѣ-

решительно спасло государство от великой опасности, которою грозил ему справедливая досада и обманутое честолюбие вспылчиваго вождя, и союзъ его съ самымъ храбрымъ и сильнымъ изъ враговъ Англіи, Графитомъ, королемъ Сѣвернаго Валлиса.

Вслѣдствіе этого избранія, домъ Леофрика, соединивъ въ рукахъ отца и сына два сильнѣйшіе удѣла въ Англіи, Мерцинъ и Восточныхъ-Англовъ, сдѣлался, повидимому, сильнѣе дому Годвинова, потому что въ послѣднемъ домѣ только Гарольдъ владѣлъ однимъ изъ большихъ графствъ; Тостигъ же и прочіе братья ничего не получили, кромѣ незначительныхъ удѣловъ, которыми владѣли прежде. Но если бы Гарольдъ даже вовсе не имѣлъ удѣла, онъ все-таки остался бы самымъ могущественнымъ изъ тегновъ Англіи; такъ велико было всеобщее довѣріе къ его мужеству и мудрости. Онъ былъ такъ высокъ самъ по себѣ, что не нуждался ни въ какомъ подножій.

Преемникъ перваго основателя великаго дому, наследуетъ болѣе могущества своего предшественника, если только умѣетъ имъ управлять и поддерживать его; потому что кто когда-либо пролагалъ себѣ путь къ величію, не воздвигая на каждомъ шагу враговъ? и кто когда-либо достигалъ верховной власти, не подавъ сильнаго повода къ осужденію? Гарольдъ же былъ свободенъ отъ враговъ, возбужденныхъ его отцомъ, и чистъ отъ пятенъ, которыми молва или клевета клеймилъ имя Годвина. Вчерашнее солнце сіяло сквозь тучи; нынѣшнее — взошло на чистомъ небѣ. Самъ даже Тостигъ чувствовалъ превосходство брата; и послѣ продолжительной борьбы между безсильною яростью и алчнымъ честолюбіемъ, покорился ему, какъ отцу. Онъ повѣялъ, что весь домъ Годвиновъ опирался на одномъ Гарольдѣ, и что, несмотря на его собственную предприимчивую храбрость, и на родство съ домомъ Карла-Великаго и Алфреда, черезъ сестру Матильды, герцогини норманской, — одинъ братъ могъ удовлетворить его жажду власти.

— Отправляйся въ свой удѣлъ, братъ, сказалъ Гарольдъ Тостигу, и не сѣтуй на то, что Альгаръ былъ предпочтенъ тебѣ. Не говоря даже о справедливости его требованія, и о его правахъ, не прилично было бы намъ забирать въ свои руки всѣ владѣнія въ Англіи. Управляй мудро своимъ удѣломъ, и старайся снискать любовь своихъ подчиненныхъ. Великія права даетъ тебѣ имя отца, и только умѣренность теперь подкрѣпитъ тебя въ будущемъ. Положись немножко на меня, а болѣе на себя самаго; тебѣ стоитъ только присоединить умѣренность и благоразуміе къ своему му-

жеству и дѣятельности, чтобы быть достойнымъ соперникомъ перваго графа въ Англіи. Надъ трупомъ отца я объялъ его врага. Неужели братья не будутъ хравить между собою любви, какъ за вѣщанія умершаго отца?

— Не будетъ нарушена братская любовь по моей винѣ, отвѣчалъ Гостигъ покорно, несмотря на нѣкоторую досаду. Онъ собралъ свою дружину, и отправился въ удѣлъ.

VII.

Ясно, прекрасно, спокойно опускалось солнце за западныя горы, а Гильда стояла на курганѣ, и неробѣющимъ глазомъ смотрѣла на заходящее свѣтило. Подлѣ нея сидѣла на травѣ Эдионъ, и рука ея лѣниво чертила какіе то знаки въ воздухѣ. Дѣвушка стала еще блѣднѣе съ того дня, какъ Гарольдъ разстался съ нею на этомъ же мѣстѣ; и та же равнодушная, унылая апатія выражалась на ея устахъ, чуждыхъ улыбки, и въ потупленномъ взорѣ.

— Смотри, дочь моего сердца, сказала Гильда, обращаясь къ Эдионъ, и не спуская глазъ съ заходящаго солнца: смотри, солнце опускается въ далекія бездны, гдѣ царствуетъ Рана и Эгиръ * надъ морскими мірами; но утромъ оно опять взоидеть изъ чертоговъ Азовъ, чрезъ золотые ворота востока, ведя за собою радость.... А ты, печальная дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтства, воображаешь, что солнце жизни, разъ зашедши, никогда уже не возвращается! Но въ то самое время, какъ мы говоримъ, твоя заря приближается, и темныя облака оцвѣчаютъ румянцемъ розы.

Эдионъ перестала чертить знаки въ воздухѣ, и рука ея упала на колѣна; дѣвушка взвела на Гильду безпокойный, тревожный взглядъ, и нѣсколько мгновеній задумчиво смотрѣла на нее; потомъ щеки Эдионъ зардѣлись, и она сказала съ выраженіемъ легкаго неудовольствія:

— Ты жестока, Гильда.

— Какъ судьба, отвѣчала вала. Но люди не называютъ судьбу жестокою, когда она улыбается ихъ желаніямъ; зачѣмъ же ты упрекаешь Гильду въ жестокости, когда она читаетъ въ заходящемъ солнцѣ руны твоей настоящей радости?

* *Эгиръ*, скандинавскій богъ океана, не изъ роду Азовъ, а изъ всполновъ. *Ранъ* или *Рана*, его жена, злобная богиня, виновница бурь, во в, сля которыхъ она ловила стѣью встхъ падавшихъ въ море. Плодомъ ихъ брака были девять дочерей, Волны, Теченія и Бури.

— Нѣтъ для меня радости, возразила Эднѣ жалобно. На сердцѣ у меня, продолжала она, измѣнивъ голосъ, и почти съ упрекомъ: лежитъ что-то, что я рѣшусь наконецъ высказать. Я виню тебя, Гильда, въ томъ, что ты разрушила все счастье моей жизни; ты обманывала меня снами, и бросила меня въ бездну отчаянія.

— Продолжай, сказала Гильда спокойно, какъ нянька разгнѣванному ребенку.

— Не твердила ли ты мнѣ, съ самой зарей моего изумленнаго разсудка, что жизнь моя и участь связаны съ.... Да, надо выговорить, какъ ни безрасудно.... съ судьбою Гарольда, избраннаго изъ людей? Если бы не это предвѣщаніе, которое мой дѣтскій разумъ принималъ съ твоихъ устъ какъ законъ, никогда бы не была я такъ самонадѣянна и безрасудна; не слѣдила бы за каждымъ движеніемъ его лица, не ловила бы cadaго слова съ его устъ; не сдѣлала бы своей жизни частью его жизни,—своей души одною тѣнью его солнца. Если бы не то, я радовалась бы одинокой жизни, и безмятежно дождала бы до могилы. А теперь... теперь, Гильда....

Эднѣ остановилась; но въ молчаніи ея было столько краснорѣчія, какъ не могло быть ни въ какихъ словахъ. Потому она продолжала съ живостью:

— И ты знала, что эти надежды одни мечты... что законъ вѣчно разлучалъ насъ.... что любить его было преступленіемъ.

— Я знала законъ, отвѣчала Гильда; но законъ безумцевъ для мудраго то же, что паутина, растянутая на кустарникѣ, для крыльевъ птицы. Вы точно братъ и сестра, но отдѣленные множествомъ колѣвъ; и вотъ старый жрецъ объявляетъ, что вы не можете вступить въ бракъ. Не преступленіе тебѣ любить Гарольда; и ни жрецы ни законы не воспрепятствуютъ вашему союзу, когда наступитъ *день*, опредѣленный для него.

— Гильда, Гильда, не своди меня съ ума радостью, вскричала Эднѣ, вскочивъ въ восторгѣ. Юное лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ, и въ ожившей красотѣ было что то небесное, такъ что сама Гильда была поражена благоговѣніемъ, какъ-будто предстала ей сама Фреія, сѣверная Венера, вызванная чарами изъ чертоговъ Асгарда.

— Но этотъ день еще далекъ, сказала вала.

— Какое дѣло, что далекъ! вскричала чистая дочь природы; только была бы надежда. Довольно, о довольно, если совершится нашъ союзъ хоть на краю метлы.

— Если такъ, сказала Гильда, то смотри; вотъ опять заннмается заря солнца твоей жизни!

Говоря это, вала протянула руку, и между столбами языческаго храма, Эднѣ увидѣла огромную человѣческую тѣнь, ставшую по гладкой травѣ. Въ то же мгновеніе явился на полянѣся возлюбленный, Гарольдъ. Онъ былъ блѣденъ, и на лицѣ его выражалась недавняя горестъ; но величественнѣе и возвышеннѣе тѣмъ когда либо была его поступь и взглядъ; онъ вполнѣ сознавалъ, что на немъ одномъ покоилась сила саксонской Англіи; а какія королевскія украшенія придадутъ болѣе царственнаго величія, тѣмъ сознавіе своего могущества и своего великаго назначенія въ благородной душѣ?

— Ты пришелъ въ предсказанный мною часъ, сказала Гильда, на закатѣ солнца и восходѣ звѣздъ.

— Вала, возразилъ Гарольдъ, сурово; я не стану опровергать твоихъ предсказаній разсудкомъ; потому что какъ судить о могуществѣ, котораго начала намъ не извѣстны? и какъ презирать чудеса, которыхъ лживости мы не можемъ доказать? Но прошу тебя, позволь мнѣ ходить подъ вольвымъ свѣтомъ дня. Руки мои созданы осязать вещи осязаемыя, а глаза измѣрять предметы, стоящіе на моемъ пути. Въ юности я съ отчаяніемъ или съ презрѣніемъ отворачивался отъ тонкостей школяровъ, которыми Ломбардцы и Франки дробятъ свои мозги мельче волоса; не запутывай меня въ моемъ дѣятельномъ и тревожномъ мужествѣ въ нити, которыя смущаютъ мой разумъ, и бодрствующую мысль обращаютъ въ страшный сонъ. Я желаю прямого пути безъ всякихъ хитростей!

Вала смотрѣла на него задумчивымъ взглядомъ, въ которомъ было и благоговѣніе, и еще болѣе скорби; но не отвѣчала. Гарольдъ продолжалъ:

— Оставь мертвыхъ въ покоѣ, Гильда, великія и славныя имена на землѣ, тѣни, не постижимыя нашему разумѣнію, и подвластныя одному небесному милосердію. Широкою бездну перешли мои стопы, съ тѣхъ поръ какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ, Гильда, и милая Эднѣ; широкою бездну, и одну узкую могилу.— Тутъ голосъ его прервался; послѣ нѣкотораго молчанія онъ продолжалъ: — Ты плачешь, Эднѣ? о, твои слезы лучшее для меня утѣшеніе!... Гильда, выслушай меня: я люблю твою внучку, любилъ ее по неодолимому влеченію съ того дня, какъ ея голубые глаза въ первый разъ улыбнулись мнѣ; — любилъ ее, когда она была еще ребенкомъ, люблю ее въ юности, — когда цвѣтокъ

только что началъ пробиваться, и когда онъ пышно разцвѣлъ. И вѣчка твоя любить меня. Законы наши запрещаютъ нашъ бракъ и потому мы разлучились.... но я чувствую, и Эднѣ чувствуетъ также, что любовь сохраняетъ всю силу въ разлукѣ: не будетъ никто другой ея супругомъ, и не будетъ другая моею женою. Поэтому теперь, когда скорбь смягчила мое сердце, по смерти отца, и когда я остался одинъ распорядителемъ своей судьбы, я возвратился, и говорю тебѣ въ ея присутствіи: — Позволь намъ еще надѣяться. Можетъ наступить день, когда на престолѣ англійскомъ будетъ король, не столь раболѣпствующій жрецамъ какъ Эдуардъ, и мы выпросимъ разрѣшеніе ихъ на нашъ союзъ.... Далекъ еще, можетъ быть, этотъ день; но мы еще молоды, а любовь тверда и терпѣлива; мы можемъ ждать.

— Да, Гарольдъ, вскричала Эднѣ, мы будемъ ждать.

— Не говорила я тебѣ, сынъ Годвиновъ, сказала вала торжественно, что судьба Эднѣ связана съ твоею судьбою? Неужели ты думаешь, что чары мои не извѣдали судьбы послѣдней изъ моего роду?... Знай же, судьбою опредѣлено, что вы соединитесь, чтобы потомъ уже не разлучаться.... Знай, что наступитъ день, хотя я не могу видѣть его заката, и онъ является мнѣ въ туманной дали, который будетъ самымъ счастливымъ днемъ твоей жизни; когда Эднѣ и слава будутъ принадлежать тебѣ... день твоего рожденія, въ который доселѣ успѣвали всѣ твои начинанія. Напрасно жрецы встаютъ противъ звѣздъ; чему быть, то будетъ. Поэтому надѣйтесь и радуйтесь, дѣти времени! И какъ я соединяю ваши руки, такъ да соединятся ваши души!

Радость чистая и непорочная, радость рожденная изъ глубокой и чистой любви, засіяла въ глазахъ Гарольда, когда онъ сжалъ руку своей невѣсты. Но невольная, таинственная дрожь прошла по тѣлу Эднѣ, и она плотно, плотно прижалась къ груди Гарольда. Тогда будто видѣніе, ясно предстали ея памяти, суровая бровь, могучій и страшный образъ того, кого, говорила вѣщая бабушка, ей еще одинъ только разъ суждено было увидѣть въ жизни. Но видѣніе немедленно исчезло въ горячихъ объятіяхъ ея защитника Гарольда. Она взглянула Гарольду въ лицо, и спокойный, чистый восторгъ, сіявшій въ его глазахъ, перелился въ ея душу.

Затѣмъ Гильда, держа одну руку надъ ихъ головами, а другую воздвѣвъ къ небу, блиставшему восходящими звѣздами, сказала своимъ полнымъ, потрясающимъ голосомъ:

— Будьте свидѣтелями союза этихъ юныхъ сердецъ, вы силы,

влекущія существо къ существу чарамъ, которыхъ не изслѣдуетъ никакая наука, и не создавшія во всѣхъ тайнахъ природы ни одного таинства совершеннѣе любви!... будьте свидѣтелями, древній храмъ и жертвенникъ!... будьте свидѣтелями, солнце и воздухъ! Разлучены ихъ образы, но пусть души ихъ будутъ слиты,... горестъ съ горестью, радость съ радостью. А когда, наконецъ, соединятся женихъ и невѣста,... о звѣзды, да уничтожится бремя лежащей на васъ заботы!... да не обрушится надъ ними никакая опасность, и не коснется ихъ никакая злоба,... а сіяйте ясно и спокойно надъ ихъ брачнымъ ложемъ, о звѣзды!

Взошла луна. Весенній соловей вызывалъ свою подругу изъ чащи кустовъ, на которыхъ не колыхался ни одинъ листокъ. И въ это время Эднѣ и Гарольдъ были обручены на могилѣ сына Сердикова. А изъ роду Сердикова вышли всѣ саксонскіе короли, которые со временъ Этельберта, царствовали мечемъ и скиптромъ надъ саксонскою Англіею.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЧЕСТОЛЮБИЕ.

I.

Велика была радость по всей Англіи. Король Эдуардъ согласился послать Альреда ко двору Нѣмецкаго императора, за своимъ родственникомъ и одноименникомъ, Эдуардомъ Этелигомъ, сыномъ великаго Эдмунда-железныя-ребра. Еще въ дѣтствѣ отдалъ его Кануть, вмѣстѣ съ братомъ его Эдмундомъ, на попеченіе своему вассалу, шведскому королю; и утверждаютъ, хотя безъ достаточныхъ доказательствъ, будто Кануть желалъ, чтобъ они были тайно умерщвлены. Однакоже шведскій король препроводилъ дѣтей къ венгерскому двору, гдѣ она приняты съ большимъ почетомъ и получили приличное воспитаніе. Эдмундъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, и бездѣтевъ. Эдуардъ женился на дочери нѣмецкаго императора, и во все продолженіе смутъ Англіи, и царствованіе Гарольда-Косолапа, Гардиканута и Эдуарда-Исповѣдника, былъ забытъ въ своемъ изгнаніи, пока Эдуардъ не призвалъ его наконецъ въ Англію, какъ законнаго своего наследника. Онъ прибылъ съ своею супругою Агатою, младенцемъ сыномъ Эдгаромъ и двумя дочерьми, Маргаритою и Христиною.

Велика была радость повсюду. Еще бродила по улицамъ толпа

народу, слѣдовавшая за шествіемъ высокихъ гостей къ старому лондонскому дворцу, гдѣ были приготовлены для нихъ покои, когда два тегна, которые сопровождали Этелинга изъ самаго Довера, и только что простились съ нимъ, вышли изъ дворца, и съ трудомъ проталкивались сквозь кишасія народомъ улицы.

Одинъ изъ нихъ, причесанный и одѣтый по норманскому обычаю, былъ нашъ старый пріятель Годритъ, тотъ самый, который, если читатель помнитъ, дѣлалъ выговоръ Тайльферу, заступаясь за друга своего Малё-де-Гравилля; другой, въ простой саксонской, полотнянной рубахѣ, въ кафтанѣ, который носился въ торжественныхъ случаяхъ, и съ которымъ онъ очевидно не свикся, съ тяжелыми золотыми запястьями на рукахъ, съ длинными волосами и бородою, былъ Вебба, кентскій тегнь, бывшій посломъ отъ Годвина къ Эдуарду.

— По истинѣ, сказалъ Вебба, отирая потъ съ лица, пройти сквозь эту толпу съ непривычки, все равно, что окунуться въ воду. Не хотѣлъ бы я жить въ Лондонѣ ни за всё чудеса, что въ лавкахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ни даже за всё сокровища королевской казны. Языкъ у меня высохъ какъ скошенное сѣно въ травень-мѣсяцъ *... Вотъ кажется отворенная харчевня; зайдемъ, и выпьемъ по рогу элю, чтобы освѣжиться.

— Нѣтъ, пріятель, сказалъ Годритъ, съ презрительною усмѣшкою; такія заведенія не для нашего брата. Потерпи немножко, пока дойдемъ до мосту; тамъ на набережной будутъ дома, гдѣ мы найдемъ и порядочное общество, и вкусный столъ.

— Хорошо, хорошо, я полагаюсь на тебя, Годритъ, отвѣчалъ Вебба, вздохнувъ; жена и сыновья вѣрно станутъ разспрашивать меня, что я видалъ; такъ ужъ ты мнѣ покажешь всё хитрости и всё извороты вашего города, въ которомъ безъ проводника нугу сломншь.

Годритъ, который былъ знатокомъ всѣхъ обычаевъ и модъ царствованія короля Эдуарда, благосклонно улыбнулся, и оба продолжали путь въ молчаніи, нарушаемомъ только восклицаніями досады добраго Кентійца, когда его слишкомъ сильно толкали, или удивленія и радости, когда онъ замѣчалъ среди толпы потѣшника, съ медвѣдемъ или съ обезьяною, показывавшаго искусство свое или своихъ звѣрей. Наконецъ они пришли къ длинному ряду низкихъ балагановъ, расположенному вѣво по сю сторону лондонскаго мосту, и гдѣ помѣщались знаменитѣйшіе повара и

рестораторы, которые еще были въ почетѣ и въ славѣ во время Фидстивна.

Между балаганами и берегомъ была обширная площадка, покрытая нѣкогда дерномъ; но дернъ давно почернѣлъ и истерся отъ ногъ посѣтителей; тутъ росло нѣсколько подстриженныхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградными лозами, которыя образовали между ними аркады; подъ этимъ навѣсомъ стояли накрытые столы и стулья. Народу была тьма, и наши путники едва-ли добились бы себѣ мѣстечка, еслибы Годритъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ слугъ. Въ одно мгновеніе былъ вынесенъ еще столъ, поставленъ на самомъ берегу, и уставился стопами гипокрасу, пигменту, элю, гасконскихъ и англійскихъ винъ; множествомъ разнаго роду пирожковъ, которыми очень славилась въ то время Англія; и мальчики принесли на вертелехъ разныя мяса, какихъ богатый Кентіецъ нетолько никогда не отвѣдывалъ, но даже не видывалъ.

— Это что за птица? спросилъ онъ, ворчливо.

— О счастливый смертный, которому пришлось въ первый разъ вкусить фригійскаго тетерева; а когда ты отдохнешь отъ этого наслажденія, рекомендую тебѣ маврскій соусъ, изъ яицъ и карповыхъ почекъ; карпы изъ саутварискихъ теплыхъ садковъ, и поваръ чудесно готовятъ это кушанье.

— Маврскій? вскричалъ Вебба, набивъ ротъ фригійскимъ тетеревомъ; какимъ образомъ зашло что-нибудь маврское на Бри-танскіе острова?

Годритъ захохоталъ.

— Очень просто; здѣшній поваръ Мавръ; лучшіе повара въ Лондонѣ все Мавры. Да посмотри вонъ тамъ; видишь этихъ степенныхъ красавцевъ, Сарацыновъ?

— Ну, ужъ красавцы, вѣчего сказать! черные, будто обгорѣлые шесты! проворчалъ Вебба; ну, а кто же они?

— Богатые купцы; благодаря имъ, цѣна на нашихъ хорошихъ дѣвухекъ сильно поднялась на рынкѣ.

— И вамъ не стыдно этому радоваться? вскричалъ кентскій тегиъ; позоръ для саксонскаго имени эта продажа англійскихъ юношей и дѣвухекъ чужеземцамъ.

— Такъ говорятъ Гарольдъ, проповѣдуютъ и жрецы. возра-зилъ Годритъ. Но тебѣ, пріятель, такому ревностному почта-телю всего, что дѣлали наши отцы, и столько разъ посѣ-вавшемуся надъ мовиъ норманскимъ нарядомъ и короткими во-

лосами, не слѣдовало бы возставать на обычай, который водился у нашихъ отцовъ, со времяъ самого Сердика.

— Гмъ! сказалъ Вебба, нѣсколько смѣшавшись: конечно, старыя нравы всегда разумнѣе; и вѣрно есть причина этому обычаю, которой я, по простотѣ своей, не заботясь о томъ, что дѣлается вокругъ меня, никогда не замѣчалъ.

— Хорошо, Вебба, сказалъ Годритъ; — ну, а какъ тебѣ кажется Этелингъ? вѣдь онъ изъ стараго племени.

Тегнъ опять смѣшался, и прибѣгнувъ къ элю, который онъ предпочиталъ всѣмъ болѣе утонченнымъ напиткамъ; потомъ отвѣчалъ:

— Только онъ говоритъ по-англійски хуже самого короля Эдуарда; а сынишка его, Эдгаръ, кажется совсѣмъ не говоритъ. Всѣ ихъ оруженосцы и тѣлохранители Нѣмцы!... Зналъ бы я напередъ, что это за народъ, не сталъ бы тратиться на то, чтобы ѣхать изъ своей усадьбы встрѣчать ихъ. Но мнѣ говорили, будто Гарольдъ уговорилъ короля послать за ними; а когда графъ сдѣлаетъ чтѣ-нибудь, такъ уже вѣрно разумно, и ко благу родной Англiи.

— Правда, сказалъ Годритъ торжественно, и искренно; потому-что не смотря на страсть перенимать все норманское, онъ былъ въ душѣ чистый Англичанинъ, и изъ самыхъ усердныхъ приверженцевъ Гарольда, бывшаго столько же образцомъ и гордостью молодыхъ дворянъ, какъ и любимцемъ высшихъ сословiй. Правда; Гарольдъ явилъ благородную англійскую душу, когда, во вредъ себѣ, убѣдилъ короля вызвать Этелинга.

Во все время этого разговора два человѣка сидѣли за другимъ столомъ, за сиюю Годрита, который потому и не замѣтилъ ихъ; они были богато одѣты, но надвинули свои шапки на самыя глаза, и завернулись въ свои кафтаны, такъ-что нельзя было ихъ разглядѣть. Какъ скоро рѣчь коснулась Гарольда, они поставили свои кубки, и стали внимательно прислушиваться къ дальнѣйшему разговору.

— Отъ чего же ко вреду Гарольда? спросилъ Вебба.

— Да такъже, недогадливая башка, отвѣчалъ Годритъ; ну представь себѣ, что Эдуардъ не согласился бы признать Этелинга своимъ наследникомъ, и Этелингъ остался бы при нѣмецкомъ дворѣ, а вдругъ умеръ бы нашъ добрый король.... — кто же, ты думаешь, могъ бы сѣсть на англійскiй престолъ?

— Кто?... признаться, мнѣ никогда не приходило въ голову подумать объ этомъ, отвѣчалъ тегнъ, почесывая затылокъ.

— И не тебѣ одному; вообще англійскій народъ не помышлялъ еще объ этомъ; а кого же избрать, какъ не Гарольда?

Одинъ изъ слушателей вскинулъ голову, пораженный этими словами; но товарищъ приложилъ палецъ къ губамъ, чтобы онъ молчалъ. Кентскій тегнъ вскричалъ:

— А что? вѣдь оно пожалуй что такъ! Но мы никогда еще не избирали королей, — кромѣ Датчанъ, — не изъ Сердикова роду. Это опять новыя хитрости, которыя еще пожалуй не обойдутся безъ крови. А за тѣмъ, чего добраго, ставемъ избирать Нѣмца, потомъ Сарацыновъ, наконецъ Нормановъ!..

— Что жъ за бѣда, что не изъ Сердикова роду? Чудаки! вѣдь Сердиковъ родъ вымеръ, съ вѣтвями и съ корнемъ; остается одинъ Этелвингъ, а онъ болѣе похожъ на Нѣмца, чѣмъ на Англичанина. По этому я и говорю, не будь Этелвинга, кого избрать, какъ не Гарольда? Онъ же шурина королю, и по матери, Гитѣ, происходитъ отъ сѣверныхъ королей; водилъ всѣхъ королевскихъ полковъ, никогда не выходившій ихъ сраженія безъ побѣды, а между тѣмъ всегда предпочитавшій миръ побѣдѣ, — первый совѣтникъ въ витанѣ, — первый человекъ во всемъ государствѣ. — Кого же какъ не Гарольда? Отвѣчай мнѣ, Вебба; что жъ ты выпучилъ глаза?

— Не могу я такъ скоро взять въ толкъ твои слова, отвѣчалъ тегнъ, покачивая головою; а впрочемъ, какое дѣло, кто ни будетъ королемъ, лишь бы былъ хорошій король. Да теперь смѣкаю, что графъ поступилъ по совѣсти, и великодушно, убѣдивъ короля вызвать Этелвинга. Выпьемъ! да здравствуютъ они оба!

— Выпьемъ! сказалъ Годритъ, отвѣчая гипокразомъ, на болѣе крѣпкій эль Вебба. — Да здравствуютъ оба! да будетъ Эдуардъ Этелвингъ королемъ, но да правитъ Гарольдъ! Тогда-то намъ можно будетъ уснуть спокойно, не боясь бѣшенаго Альгара, и свирѣпаго Гриффита Валлона, которые, правда, благодаря Гарольду, укрощены на время, но только какъ гладкія воды въ Гвайведѣ, на нѣсколько сажень надъ паденіемъ.

— Я такъ мало слышу вѣстей, сказалъ Вебба, наша Кентская область такъ ограждена отъ смутъ другихъ областей, — потому что у насъ правитъ Гарольдъ, а гдѣ орелъ советъ свое гнѣздо, туда не залетаютъ сокола, — я скажу тебѣ спасибо, если ты расскажешь мнѣ что-нибудь о безпокойномъ Альгарѣ, который цѣлый годъ былъ нашимъ графомъ, и о валлисскомъ королѣ Гриффитѣ. Надо же мнѣ воротиться домой поумнѣе чѣмъ я уѣхалъ.

— По-крайней-мѣрѣ знаешь, что Альфредъ и Гарольдъ были всегда противниками въ вѣтанѣ? самъ ты, кажется, слышалъ между ними крупныя рѣчи?

— Какъ же, самъ слышалъ; но скажу по совѣсти, что Альгару также не по силамъ бороться съ Гарольдомъ на языкахъ какъ и на мечяхъ.

Тутъ опять одинъ изъ слушателей готовъ былъ вскочить, — но не тотъ, что прежде, — и проворчалъ что-то съ неудовольствиемъ.

— А всё таки онъ беспокойный врагъ, сказалъ Годритъ, не замѣтившій дѣйствія, произведеннаго словами Веббы; — и терпѣ въ боку графа и Англии; прискорбно и для Англии и для графа, что онъ не женился на Альдитѣ, какъ говорятъ, желалъ и совѣтовалъ ему покойный отецъ, мудрый Годвинъ.

— Вотъ какъ!... но у насъ пѣсенники и бандуристы, — я самъ слышалъ, — поютъ славныя пѣсни про любовь Гарольда къ прекрасной Эдвен... Такая, говорятъ, красавица, что чудо!

— Правда; и изъ любви, онъ далъ промахъ въ честолюбіи.

— Люблю его за это, сказалъ простодушный тегнъ: но что жъ онъ не женится на ней? У нея огромныя помѣстья... тянутся отъ суссекскаго берега, до самаго Кента.

— Да она ему родня въ шестомъ колѣнѣ, а у насъ такихъ браковъ не дозволяютъ; впрочемъ, Гарольдъ только и живетъ для своей Эдвен; они даже помѣнялись узломъ вѣрности, и поговариваютъ, будто Гарольдъ надѣется, что когда Этеллингъ будетъ королемъ, онъ выхлопочетъ ему разрѣшеніе жениться. Но возвратимся къ Альгару. Въ недобрый часъ отдалъ онъ свою дочь за Гриффита, самаго беспокойнаго изъ королей-вассаловъ, когда-либо бывавшихъ въ нашей землѣ, который, говорятъ, до-тѣхъ-поръ не успокоится, пока не завоюетъ всего Валлиса, безъ дани и безъ повинностей, да еще Марки въ придачу. Открылась случайно переписка его съ графомъ Альгаромъ, которому Гарольдъ передалъ графство восточныхъ Англовъ; Альгара потребовали въ Винчестръ, гдѣ собрался тогда вѣтанъ, — это впрочемъ, ты и самъ, вѣроятно, знаешь, потому что ты засѣдалъ въ этомъ вѣтанѣ; — вѣтанъ и осудилъ Альгара, какъ измѣнника, на изгнаніе.

— Знаю, это уже старыя вѣсти; потомъ слышалъ я отъ одного жреца, что Альгаръ добылъ себѣ у Ирландцевъ нѣсколько судовъ, высадивъ въ сѣверномъ Валлисѣ и разбилъ норманскаго графа Рольфа, при Гирфордѣ. Все это знаю и слышалъ, продолжалъ Вебба, смѣясь, — и даже обрадовался, когда услышалъ, что

мой старый графъ Альгаръ, удалой и добрый Саксонецъ, разбилъ труса Нормана!... не стыдно ли королю поручать храненіе маркъ Норману?

— Прискорбно было это поражение королю и несчастно для Англіи, сказалъ Годритъ торжественно. Большой Гирфордскій храмъ, построенный королемъ Этельстаномъ былъ разграбленъ и сожженъ Валлизицами; и самому престолу угрожала опасность, если бы Гарольдъ не подоспѣлъ съ фёрдскою ратью. Нельзя описать всего, что перенесли Англичане: какъ они измучились отъ походовъ, трудовъ и недостатка пищи; сколько истреблено и ранено людей и лошадей, до прибытія Гарольда. Тутъ же пришелъ доблестный старикъ Леофрикъ и Альфредъ миротворецъ. Такимъ образомъ война была окончена, и Гринфитъ далъ клятву въ вѣрности королю Эдуарду, а Альгаръ былъ прощенъ, и возвратился въ свой удѣлъ; и вотъ донинѣ дѣло остается въ этомъ положеніи. Но я знаю, что Гринфитъ не можетъ долго оставаться вѣренъ Англіи, и что одна мощная рука Гарольда можетъ укрощать строптивый духъ Альгара; потому-то желалъ бы, чтобы Гарольдъ былъ королемъ.

— Какъ бы то ни было, сказалъ Вебба, я всё таки надѣюсь, что Альгаръ перебится и остепенится, и оставитъ Валлоновъ однихъ плести себѣ петли на шею; потому-что, хотя ему далеко до Гарольда, однако же онъ всё-таки истый Саксонецъ, и мы очень любили его, когда онъ правилъ нами. Ну, а какъ Тостигъ братъ нашего графа, ладитъ съ Нортмберцами? не легко должно быть угодить тѣмъ, у кого былъ прежде графомъ могучій и доблестный Сивардъ.

— Чтò жъ? ничего; сначала, когда по смерти Сиварда, въ походѣ за юнаго Малькома, Гарольдъ доставилъ Тостигу Нортмберское графство, онъ слушался повѣстовъ брата, правилъ хорошо, и его даже любили. Въ послѣднее только время я слышалъ будто Нортмберцы начинаютъ роптать. Тостигъ въ самомъ дѣлѣ человекъ тяжелый и высокомерный.

Номѣннвъ еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ о событіяхъ дня, Вебба всталъ и сказалъ:

— Благодарю за пріятную бесѣду; теперь пора мнѣ поплестись во свояси. Я оставилъ своихъ сеорлей съ лошадьми за рѣкою, надо мнѣ поспѣшить къ нимъ. Кстати, извини меня, я человекъ простой; знаю, что вамъ, молодымъ даредворцамъ, нужно много денегъ, и что когда подобный мнѣ степникъ пріѣзжаетъ посмотреть на столицу, справедливость требуетъ, чтобы онъ

же и платилъ; поэтому,—тутъ онъ вытаскивалъ изъ-за пояса огромный кожаный кошель, — поэтому, такъ-какъ эти заморскія птицы и бусурманскіе пудинги должны стоить не дешево...

— Какъ! вскричалъ Годритъ, покраснѣвъ: неужели ты считаешь насъ, нидальсекскихъ тегновъ, такую голью, что мы не можемъ даже скромно угостить добраго пріятеля, пріѣхавшаго издалека? Знаю я, что вы, кентскіе тегны, всё богачи. Однако же побереги свои деньги, пріятель, на гостинцы для жены.

Вебба, замѣтивъ, что товарищъ обидѣлся его предложеніемъ, не вставалъ, сунулъ кошель назадъ за поясъ, и позволилъ Годриту разсчитаться съ хозяиномъ. Потомъ, пожимая ему на прощаньи руку, сказалъ:

— Хотѣлось мнѣ сказать пару ласковыхъ словъ графу Гарольду; но я не посмѣлъ подойти къ нему, тамъ въ старомъ дворцѣ, потому что онъ мнѣ показался слишкомъ занятъ и слишкомъ важенъ. Я думаю, не вернуться ли мнѣ теперь, и не зайти ли къ нему на домъ?

— Ты его не застанешь, отвѣчалъ Годритъ; я знаю, что какъ-скоро кончится его бесѣда съ Этеллингомъ, онъ выѣдетъ за городъ; я самъ долженъ ѣхать къ нему на закатъ, на любимую его дачу, что за рѣкою, за приказаніями насчетъ исправленія крѣпостей и окоповъ въ маркахъ. Ты лучше подожди и пріѣзжай къ намъ туда; вѣдь ты знаешь его старую усадьбу на пу-стошахъ?

— Нѣтъ, мнѣ надо отправиться, чтобы къ ночи быть дома; гдѣ нѣтъ хозяина, тамъ все идетъ криво и косо.... А впрочемъ.... жена выбраннытъ меня порядкомъ, за то, что я не пожалъ руки прекрасному графу.

Добрый Годритъ былъ восхищенъ преданностью тегна Гарольду; сверхъ-того, онъ зналъ какой вѣсъ Вебба, не смотря на грубую наружность, имѣлъ въ своей странѣ, и желалъ, чтобы графъ приласкалъ этого необтесаннаго пріятеля.

— Какъ же можно, сказалъ онъ ему шуточно, ѣхать съ увѣренностью, что тебя ждетъ такое наказаніе? Не испорти себѣ поцѣлуй жены. А вотъ, послушай; какъ ты поѣдешь къ себѣ, на пути увидишь огромный старый докъ, съ развалившимися колоннами въ тылу.

— Знаю, отвѣчалъ тегтъ; я замѣтилъ это строеніе, когда проѣзжалъ мимо; и тутъ же не далеко на пригоркѣ гряда какихъ-то мудреныхъ камней, которую, говорятъ, сложили вѣдьмы или Бриты.

— Именно. Когда Гарольдъ уѣзжаетъ изъ города, то ужъ навѣрно къ тому дому; потому-что тамъ живетъ его бывшая лебѣдушка Эднъ, съ своею страшною бабкою, чародѣйкою. Если поѣдешь туда подъ-вечеръ, можешь быть увѣренъ, что встрѣтишь Гарольда.

— Благодарю тебя душевно, пріятель Годритъ, сказалъ Вебба, прощаясь; и прости мою степную грубость, если я смѣлся надъ твоєю остриженной головою; я вижу теперь, что ты такой же добрый Саксонецъ, какъ любой кентскій свободный хлѣбопашецъ. И такъ, да хранить тебя боги подъ своимъ покровомъ.

Вебба пошелъ скорымъ шагомъ черезъ мостъ; а Годритъ, разгоряченный виномъ, весело повернулся на каблукъ, и сталъ высматривать, не найдется ли за однимъ изъ столовъ какого-нибудь пріятеля, съ которымъ можно бы убить часъ-другой за азартною игрою, бывшею въ то время въ большомъ ходу.

Какъ скоро онъ отвернулся, оба слушателя, которые передъ тѣмъ, разсчитавшись съ хозяиномъ, удалились подъ тѣнь одной изъ аркадъ, сѣли въ лодку, причалившую къ берегу по условному знаку, и поѣхали черезъ рѣку. Они хранили задумчивое, мрачное молчаніе до-тѣхъ-поръ, пока не вышли на противоположный берегъ; тогда одинъ изъ нихъ отодвинулъ назадъ свою шапку, и открылъ рѣзкія, гордые черты Альгара.

— Что, другъ Грнѣнта? сказалъ онъ съ горькою усмѣшкою: ты слышалъ, какъ мало Гарольдъ полагается на клятву твоего короля, когда заботится объ укрѣпленіи марокъ; ты слышалъ также, что только жизнь одного человѣка, жизнь хрупкая, какъ тростникъ, который ты давишь подъ ногами, отдѣляетъ отъ англійскаго престола единственнаго Англичанина, который когда-либо могъ принудить моего зятя дать клятву на подданство Эдуарду.

— Вѣчный позоръ этому часу! вскричалъ другой, въ которомъ, по золотому ожерелью на шеѣ и по особенной стрижкѣ волосъ, не трудно было узнать Валлиzca. Не думалъ я никогда, чтобы сынъ Алевелина, котораго наши барды ставили выше Родерика-Великаго, когданибудь призналъ владычество Саксонца надъ Кимрскими холмами.

— Ну, хорошо, Мирдидъ, отвѣчалъ Альгаръ; ты знаешь, что никогда никакой Кимръ не поставитъ себя въ безчестье нарушить клятву, данную Саксонцу; придетъ опять время, когда Грнѣнтовы львы будутъ рѣзать стада Гирфордскихъ барановъ.

— Дай то Богъ, сказалъ Мирдидъ свирѣно. И Гарольдъ отдастъ

своему Этелингу саксонскую землю, по-крайней мѣрѣ безъ Кимр-скаго королевства.

— Мирдидъ, сказалъ Альгаръ съ нѣкоторою торжественностью; не будетъ Этелингъ царствовать въ Англіи. Ты знаешь, что я изъ первыхъ обрадовался вѣсти о его пріѣздѣ, и поспѣшилъ въ Доверъ, встрѣчать его. Когда я его увидѣлъ, мнѣ показалось, будто на лицѣ его я видѣлъ признаки близкой смерти, и я деньгами и подарками уломалъ Нѣмца, лекаря, который пользуется его, отвѣчать на мои вопросы; Этелингъ этого не знаетъ, но въ немъ кроется зародышъ смертельной болѣзни. Ты знаешь, нѣбюли я причины ненавидѣть графа Гарольда; и хотя бы мнѣ пришлось одному противиться его возшествію на престолъ, онъ не взойдетъ на него иначе, какъ по моему трупу. Но когда говорилъ его клеветы Гюдритъ, я почувствовалъ, что онъ говорилъ правду; и что когда умереть Этелингъ, ни на чью голову не можетъ пасть вѣнецъ, кромѣ Гарольдовой.

— Какъ? вскричалъ кимрскій вождь сурово; и ты такъ думаешь?

— Не думаю, а знаю. Вотъ почему, Мирдидъ; мы не должны ждать, чтобы онъ обратилъ противъ насъ всѣ силы Англійскаго королевства. Теперь, пока живъ Эдуардъ, есть еще надежда. Потому что король любитъ расточать деньги на разные изображенія боговъ и на жрецовъ; но онъ очень тугъ, когда надо давать деньги разнымъ людямъ. Притомъ онъ не такъ недоволенъ моими возмущеніями, какъ подаетъ видъ; онъ воображаетъ, бѣднѣйка, что когда будетъ травить графовъ графами же, то самъ будетъ сильнѣе. Пока Эдуардъ живъ, у Гарольда руки связаны. По этому, Мирдидъ, поѣзжай какъ можно скорѣе назадъ къ королю Гриффиту, и скажи ему все, что я тебѣ говорилъ. Скажи ему, что лучшимъ временемъ для вооруженія и возобновленія войны, будетъ время смутъ и безпокойствъ, которыя возбудитъ смерть Этелинга. Скажи ему, что если мы только успѣемъ заманить самого Гарольда въ валльскія ущелья, не можетъ-быть, чтобы не нашлось стрѣлы или кинжала, которые поразили бы сердце врага. А когда Гарольдъ будетъ убитъ, кому тогда быть англійскимъ королемъ? Родъ Сердиновъ вымретъ; домъ Годвиновъ кончится въ Гарольдѣ; потому что Тостига ненавидятъ въ собственныхъ его владѣніяхъ, Гуртъ же слишкомъ кротокъ и тихъ, а Леофвайвъ слишкомъ легкомысленъ для такихъ честолюбивыхъ замысловъ. Кому же быть тогда англійскимъ королемъ, какъ не Аль-

гару, променяли великаго Леоприда? А какъ скоро я буду королемъ англійскимъ, я освобожу всю кимрскую землю, и возвратю Гринченту королевству Гиреорданское и Ворстерское графства. Поймай же скорѣе, Миррадъ, и не забудь того, что я тебѣ сказалъ.

— Общались ли, клянешся ли ты, что когда ты будешь королемъ Англии, Кимры будутъ вольны, свободны отъ всякихъ повинностей.

— Вольны какъ воздухъ, вольны какъ Артуръ и Утуръ: клянуся въ томъ. И пойми, какъ Геролдъ обреченъ къ кимрскимъ вождямъ, когда принималъ присягу Гринчента на подданство.

— Помню, помню, вопрекалъ Миррадъ, и лицо его засверкало гнѣвомъ и жаждою мести. Надменный Саксеонецъ сказалъ:

— Помните, вожди кимрскіе, и ты, король Гринчентъ, что если вы еще разъ, грабаете и разореніемъ, нарушеніемъ клятвы и убійствомъ, принудите англійскаго короля вступить въ ваши предѣлы, мы принуждены будемъ исполнить свой долгъ: дай Богъ, чтобы вашъ кимрскій лень не тревожилъ нашего покоя; не то изъ челоуѣколюбія должны мы будемъ подрѣзать ему ноги и выдернуть когти.

— Геролдъ, какъ рѣчь спомойшью и краткіе люди, всегда высказываетъ меньше, чѣмъ думаетъ, сказалъ Альгартъ; и если онъ будетъ королемъ, те исполнится первымъ предложемъ, чтобы подрѣзать ноги и выдернуть когти.

— Хорошо, отвѣчалъ Миррадъ съ зѣвскимъ улыбкою. Я зайду теперь только къ своей дружкѣ, которая стоитъ на постоломъ дворѣ; лучше, если тебя будутъ меньше видать со мною.

— Правда! и такъ, да храни тебѣ Веленъ; не забудь ни полъ-слова посланія къ моему зятю Гринченту.

— Не забуду, отвѣчалъ Миррадъ, махая рукою, и поворачивая къ постолому двору, гдѣ, на томъ основаніи, что содержатель былъ землѣкъ, оставалась все Валланцы, когда пріѣзжали въ столицу; чѣмъ не причиняли интригъ и междуусобій, раздражившихъ къ несчастную отчизну, случалось въ то время очень часто.

Дружина вождя состояла изъ десяти челоуѣкъ, знатнаго рода; они не пили въ гостинницѣ, — вообще воздержные Валланцы были очень невыгодные гости хозяину, — а лежали на травѣ подъ деревьями, въ саду, находившемся за постоломъ дворомъ, совершенно равнодушные къ радости и увеселеніямъ саутварскихъ и лондонскихъ жителей, и слушали дикую пѣсню о дѣлахъ былаго

Богатырскаго вѣку, которую нѣлъ одинъ изъ ихъ товарищей; по-
 кругъ же ихъ насѣлъ малорослый, косматый лошади, на кото-
 рыхъ они совершили свое путешествие. Мирдадъ подошелъ къ дру-
 жинѣ, осмотрѣлся кругомъ, и убѣдившись, что не было ни кого
 чужаго, махнулъ рукою вѣвцу, который немедленно умолкъ. То-
 гда Мирдадъ началъ что-то говорить своимъ соотечественникамъ
 на книрскомъ языкѣ; рѣчь его была коротка; но сверкающіе гла-
 за и неистовыя тѣлодвиженія доказывали, что сильная страсть
 обуревала говорящаго. Эта страсть заразилъ всѣхъ слушателей;
 они вскочили на ноги, съ тихимъ, но свирѣтымъ восклицаніемъ,
 и въ нѣсколько мгновеній словили и осѣдали своихъ крошеч-
 ныхъ коней; между-тѣмъ одинъ, по назначенію Мирдада, вы-
 шелъ изъ саду и пошелъ вѣшкомъ къ мосту. Не долго онъ тамъ
 оставался; увидѣвъ всадника, котораго толпа, всегда стекавшая
 въ этомъ мѣстѣ, радостно привѣтствовала именемъ Гарольда,
 онъ повернулся назадъ, и многоъ возвратился къ своимъ товари-
 щамъ.

Между-тѣмъ, Гарольдъ, отвѣчая привѣтливою улыбкою на при-
 вѣтствія народа, проѣхалъ мостъ, предвѣстья, и выѣхалъ на пу-
 стоши, таявшіеся по кентской дорогѣ. Онъ ѣхалъ медленно, и
 невидному, въ раздумьѣ. Не успѣлъ онъ проѣхать половины пу-
 ти къ дому Гильды, какъ услышалъ за собою частый, drobный
 тонотъ, будто небольшихъ и неподкованныхъ коней; онъ обер-
 нулся, и увидѣлъ саженьяхъ въ пятидесяти отрядъ Валлизцевъ.
 Но въ это время проѣхало по дорогѣ нѣсколько человекъ, ош-
 ившихъ на лондонскія празднества. Это, повидному, смутило нѣ-
 которыхъ Валлизцевъ, находившихся въ тылу; они пошептавшись
 между собою, оставили большую дорогу, и вѣхали въ лѣсъ.
 По дорогѣ продолжали проходить отъ времени до времени болѣе
 или менѣе многочисленныя толпы народу. Не смотря на то, Га-
 рольдъ безпрестанно замѣчалъ сквозь чащу деревьевъ, валлизскихъ
 всадниковъ, то ближе, то дальше. Иногда онъ слышалъ даже выр-
 канье ихъ малорослыхъ лошадей, и видѣлъ свирѣные глаза,
 сверкавшіе сквозь кусты; но какъ скоро показывались по дорогѣ
 прохожіе, или только слышались приближающіеся шаги, всадни-
 ки поворачивали, и углублялись въ лѣсъ.

Это наконецъ возбудило подозрѣніе графа; потому-что, хотя
 онъ не воображалъ, чтобы у него были личные враги, и хотя,
 вълѣдствіе строгости законовъ о разбойникахъ, большія дороги въ
 послѣдніе годы царствованія саксонскихъ королей, были гораздо
 безопаснѣе, чѣмъ нѣсколько столѣтій подъ управленіемъ слѣдую-

щей дивастиі, когда саксонскіе тогны стали сами атакованы разбойничьей, однакоже разными возмущеніи, бывшія при Эдуардѣ, разбросали по дорогамъ довольно много распушеченныхъ наемниковъ.

Гарольдъ не имѣлъ при себѣ оружія, кромѣ дротника, съ которыми саксонскіе дворяне почти никогда не разлучались, и атакована за полсомъ; по этому, замѣтивъ, что дорога стала цуетьтъ, онъ далъ шворы коню, и былъ уже въ виду друндическаго храма, какъ вдругъ сулица пролетѣла мимо самой его груди, а другая поразила коня, который уналъ, ткнувшись головою въ землю.

Граеъ вскоцилъ на ноги со всевозможною поспѣшностью; но уже десять мечей сверкали вокругъ него. Валлизы свѣшались лишь только упала лошадь Гарольда. Къ счастью его, только двое изъ нихъ имѣли съ собою сулицы, которыми Валлизы дѣйствовали съ рѣдкимъ искусствомъ, и, пустивъ обѣ, они валили за свои короткіе мечи, вѣроятно заимствованные у Римлянъ, и все вышѣтъ бросились на него.

Гарольдъ былъ мастеръ владѣть всеми употребительными въ его время родами оружія; правою рукою онъ старался дротникомъ напоръ удерживать; лѣвою же, отражать удары атакованъ. Онъ убилъ того, который наступалъ ближе всѣхъ, тяжело ранилъ другаго; но платье на немъ самомъ было обагрено кровью, теишемъ изъ трехъ ранъ, и единственною надеждою спасенія было воспользоваться послѣдними силами, чтобы прорваться сквозь вражескій кругъ. Бросивъ дротникъ, и схвативъ атаганъ въ правую руку, а лѣвую обвернувъ въ свой кастанъ въ видѣ щита, онъ мужественно бросился на сверкающіе мечи. Палъ одинъ изъ враговъ, пораженный въ самое сердце, — повалился на землю другой, — изъ рукъ третьяго Гарольдъ, бросивъ атаганъ, вырвалъ мечъ. Громко звалъ онъ на помощь, и быстро бѣжалъ къ холму, обращившись по временамъ назадъ, чтобы отражать нападающихъ; и опять палъ одинъ врагъ, и опять свѣжая кровь обагрила собственную его одежду. Въ это мгновеніе, на зовъ его откликнулся такой рѣзкій, такой пронзительный крикъ, что наступающіе задрогнули, и остановились; прежде чѣмъ они успѣли возобновить неровный бой, передъ ними очутилась женщина; — неустрашная женщина стояла между граемъ и его врагами.

— Прочь, Эднъ! о, Боже мой, прочь, прочь! кричалъ граеъ, которому страхъ, первый страхъ, какой доселѣ познало его богатырское сердце, возвратилъ все его силы; и отдернувъ Эднъ

могучею рукою восторону, онъ опять сталъ противъ нападающихъ.

— Умри! кричалъ, на кимронскомъ языкѣ, самый свирѣпый изъ его противниковъ, котораго мечъ уже два раза проливалъ кровь графа; умри, да будутъ Кимры свободны!

Наскочилъ мирдида, а за нимъ всё, оставшіеся еще въ живыхъ изъ его отряда; но въ это мгновеніе, Эднѣ вдругъ бросилась на грудь Гарольду, и не стѣсняя его правой руки, прикрыла его своимъ тѣломъ.

При этомъ видѣ все мечи остановились неподвижно на воздухѣ. Эти Кимры, не колебавшіеся умертвить человѣка, котораго смерть казалась имъ дикою любавъ къ отечеству, жертвою его свободы, были однако потомки витязей, дѣти могучей пѣсни, и мечи ихъ не поднимались на женщину. Та же мысль, которая спасла отъ смерти Гарольда, спасла и Мирдида; поднявъ мечъ, онъ открылъ свою грудь; но Гарольдъ не смотря на свой гнѣвъ и на боязнь за Эднѣ, тронутый его поступкомъ, самъ также остановилъ ударъ.

— Зачѣмъ хотите вы моей жизни? спросилъ онъ. Кого, въ обширной Англии, обидѣлъ Гарольдъ?

Слова эти уничтожили старованіе, и оживили жажду мщениа. Мирдида мгновенно поднялъ мечъ, и опустилъ его на голову противника, которая не была защищена объятіями Эднѣ. Мечъ скользнулъ по шлему, которымъ былъ отраженъ ударъ, вслѣдъ за тѣмъ, клинокъ воцѣпился въ сердце Мирдида, и онъ палъ на землю, изъ собственннй крови. Въ это самое мгновеніе подоспѣла помощь. Соорни древней римской виаллы услышали шумъ, и спустились съ холма, вооруженные тѣмъ, что имъ попало. Но въ то же время, раздались громкіе оклики изъ сосѣдняго лѣсу, и вслѣдъ за тѣмъ прискакали сквозь кусты и мелкій лѣсъ отрядъ всадниковъ подъ предводительствомъ Веббы. Валлизы, не одобряемые уже своимъ свирѣпымъ вождемъ, немедленно обратились назадъ, и бѣжали съ тою удивительною быстротою, которою отличается ихъ племя; на бѣгу призывали они своихъ клеперовъ, которые съ громкимъ фыркомъ, и дѣлались, прибѣгали на зовъ. Бѣглецы хватались за первую попавшуюся подъ руку лошадь, и садились на нее; тѣ же лошади, которыя остались безъ наѣздивковъ, останавливались у труповъ убитыхъ хозяевъ, жалобно ржали, и мотали длинными гривами; потомъ покружившись около прискакавшихъ всадниковъ, съ дикимъ ржаніемъ, бросились они стрѣлами за товарищами, и скрылись въ лѣсу. Нѣсколько человѣкъ изъ дружи-

ны Веббы пуетались въ ногу за бѣглецами, но напрасно; потому-что самая мѣткость благопріятствовала бѣгству. Вебба съ остальными, и съ присоединившимся къ нимъ челядциами Гиты, поснакали къ мѣсту, гдѣ Гарольдъ истекал кровью, стоялъ еще на ногахъ, и забывъ собственныя раны, радостно удостоившись, что Эдмундъ остался невредима. Вебба сошелъ съ лошади, и узнавъ графа, воскричалъ:

— Впору ли мы присѣли?... Ты истекаешь кровью.... едва стоишь на ногахъ!... Говори, графъ Гарольдъ: какъ ты себя чувствуешь?

— Еще довольно осталось крови въ моихъ жилахъ на службу Англій! отвѣчалъ Гарольдъ, улыбаясь.

Но едва онъ успѣлъ произнести эти слова, голова его упала на грудь, и его отнесли безъ чувствъ въ домъ Гильды.

II.

Вала встрѣтила ихъ на порогѣ, и такъ мало изъявила удивленія, увидѣвъ Гарольда, опроваженнаго и безъ чувствъ, что Вебба, до котораго доходили слухи о тайныхъ зачатіяхъ Гильды, готовъ былъ подозрѣвать, что страшные враги графа, на крошечныхъ, косматыхъ лошадкахъ были ни что иное, какъ духи, вызванные ею и подосланные для того чтобы, наказать возлюбленнаго ея внука, и можетъ-быть слишкомъ счастливаго возлюбленнаго. Эти подозрѣнія еще усилились, когда раненаго внесли по крутой лѣстницѣ въ ту самую сѣтянцу, гдѣ онъ видѣлъ страшный сонъ; Гильда велѣла всѣмъ выйти, и оставить Гарольда на ея попомощіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вебба съ твердостью. Жизнь графа слишкомъ дорога, чтобы оставлять его на рукахъ женщины, или чародѣйки. Я поѣду въ столицу, за его собственнымъ докторомъ. И прошу тебя помнить, между-тѣмъ, что сколько ни есть людей въ домѣ, всѣ будутъ отвѣчать головою за жизнь Гарольда.

Гордая вала, внука королей, не привыкла къ такому языку. Она быстро обернулась, и взглянула такъ грозно и повелительно, что даже смѣлый кентскій тегиъ смутился. Она указала ему на дверь лѣтницы, и сказала отрывисто:

— Иди вонъ. Жизнь графа Гарольда уже спасена, и спасена женщиною. Иди вонъ.

— Иди, и не бойся за графа, добрый, вѣрный другъ въ бѣдѣ! сказала Эдмундъ, поднявъ глаза съ блѣдныхъ устъ Гарольда, и те-

кинь кроткииъ голосомъ, что Вебба былъ тронуть; онъ отвернулся и вышелъ, благословляя прекрасную дѣвушку.

Затѣмъ Гильда, ловкою и искусною рукою стала осматривать раны граа. Она открыла его одежду и смыла кровь съ четырехъ большихъ ранъ на груди и на плечахъ. Между-тѣмъ Эднѳ тихо вскрикнула, и упавъ на колѣни, наклонила голову надъ рукою раненаго, и крѣпко прижала ее къ губамъ. Сердце ея сильно билось, но болѣе всего можетъ-быть, благодарностью и восторгомъ; потому-что на сердцѣ Гарольда, по саксонскому обычаю, былъ проколотъ талисманъ, узелъ обрученія, а посреди его было начерчено слово: Эднѳ.

III.

Вслѣдствіе ли таинственныхъ рукъ Гильды, или однихъ человѣческихъ врачеваній, которыми они сопровождался, но Гарольдъ скоро поправился; оставалась только чрезвычайная слабость отъ сильной потери крови. Но онъ, можетъ-быть, благословлялъ предлогъ, позволявшій ему оставаться долѣе въ домѣ Гильды, и на глазахъ Эднѳ.

Онъ отослалъ лекаря, котораго прислалъ ему Вебба, и не безъ достаточной причины вѣрнулся искусству Гильды. Какъ счастливо шло время подъ древнимъ римскимъ кровомъ!

Не безъ суевѣрнаго волненія, въ которомъ однакоже было болѣе вѣжности чѣмъ страху, узналъ Гарольдъ, что тайное предчувствіе опасности, угрожавшей возлюбленному Эднѳ, смущало ея сердце, и что она въ тотъ день все утро просидѣла на курганѣ, ожидая его пріѣзда. Не этимъ ли добрая его Фюльгія спасла ему жизнь?

Дѣйствительно, было что-то странное, но удивительно похожее на истину въ утверженіи Гильды, что его духъ хранитель обиталъ и хранилъ его въ образѣ невѣсты; потому что вѣреть былъ каждый его шагъ, свѣтлы были всѣ дни его, съ тѣхъ-поръ какъ сердца ихъ поклялись въ любви. Мало-по-малу суевѣрное чувство слилось съ человѣческою страстью, очистило и освятило ее. Въ любви Гарольда была глубина и чистота, которая довольно часто встрѣчается въ женщинахъ, но въ мужчинахъ почти никогда.

Другими словами, Гарольдъ привыкъ смотрѣть на Эднѳ, какъ на своего добраго генія, и, укрощая свое сильное, мужественное сердце въ часъ искушенія, считалъ бы святотатствомъ все,

отъ чего могъ бы потускнѣть образъ чистѣйшей его любви. Съ благородными великими терпѣніемъ, къ которому, можетъ-быть, былъ способенъ только онъ одинъ, эта чисто англійская душа, смотрѣлъ онъ какъ текли мѣсяцы и годы, и довольствовался одною надеждою; — надеждою, единственною радостью людей!

Понятія вѣка всегда имѣютъ вліяніе даже на тѣхъ, которые явно презираютъ ихъ; по этому не мудрено, что эту святую и самоотверженную любовь поддерживало и хранило фанатическое уваженіе къ цѣломудрію, составляющее отличительную черту послѣднихъ временъ Англо-Саксовъ, когда, среди общаго разврата, противоположныя качества, какъ обыкновенно бываетъ въ такіа эпохи, въ нѣкоторыхъ избранныхъ душахъ, доходили до героическаго фанатизма. И какъ золото, украшеніе міра, добывается изъ нечистыхъ вѣдръ земли, такъ цѣломудріе, образъ золота, выходило, чистое и свѣтлое, изъ грязи человѣческихъ страстей.

Сама Эднѣ, хотя въ полномъ цвѣтѣ юности, подъ вліяніемъ этой всеосвящающей, неземной любви, развилась во всемъ совершенствѣ женской души. Она такъ привыкла жить жизнью Гарольда, что безъ ученія, а по нѣптію пріобрѣтала глубокія понятія, не принадлежавшія ни ея полу, ни вѣку, — и эти новыя понятія падали на ея душу, какъ лучи солнца на цвѣтокъ, раскрывая его лепестки, и придавая новый блескъ его роскошнымъ краскамъ.

Выросши подъ сѣнью мрачныхъ вѣрованій Гильды, Эднѣ, какъ мы видѣли, почти вовсе не была знакома съ ученіемъ друидовъ, и не была проникнута глубокимъ убѣжденіемъ въ его истинѣ. Но душа Гарольда вознесла и ея душу изъ долины тѣни на горніе предѣлы неба. Любовь ихъ имѣла такой характеръ; обстоятельства, въ которыя она была поставлена, надежда и самоотверженіе такъ возвысили ее надъ предѣлами чувственности, что безъ вѣры она завала бы и погибла. Ей необходима была пища молитвы, и покорное терпѣніе, пронтекающее изъ сознанія безсмертія души; она не устояла бы противъ искушеній земли, еслибы не заимствовала силы и крѣпости отъ неба. Такимъ образомъ можно было сказать, что Эднѣ получила даже свою душу отъ Гарольда. А съ душою, и черезъ нее, пробудился и разумъ изъ тумана дѣтства.

Въ стремленіи своемъ сдѣлаться достойною любви перваго человѣка въ ея отечествѣ, быть подругою его ума, какъ была

возлюбленного его сердца, она приобрѣла, сама не зная откуда и откуда, удивительный запасъ мыслей, понятий, и чистоты, протѣкой мудрости. Когда Гарольдъ повѣрилъ ей свои высшіе мысли и цѣли, какъ часто, самъ того не думая, онъ повѣрилъ ихъ для того, чтобы просвѣтитъ ихъ мыслями; — и какъ часто, она нечувствительно сообщала свой откликъ его размышленіямъ, давала направленіе его помысламъ. Что было возвышеннѣе и чище, то Эднэе всегда, будто по инстинкту, признавала благоразумнѣйшимъ. Она стала его второю совѣстью. Каждый изъ нихъ, такимъ образомъ, отражалъ достоинства другаго, какъ одна планета освѣщаетъ другую планету.

По этому-то, эти годы испытанія, которые могли бы придать нѣкоторую горечь любви, не столь чистой, и утомить любовь мѣнѣе сильную, только болѣе и тѣснѣе сроднили ихъ души. Сколько было счастья въ этомъ чистомъ союзѣ! сколько блаженства въ одномъ взглядѣ, словѣ, въ воздержной, невинной ласкѣ братской любви, — блаженства, превышающаго всѣ восторги, какіе можетъ доставить одна земная любовь.

IV.

Былъ ясный, тихій лѣтній день. Гарольдъ сидѣлъ съ Эднэею среди колоннъ друидческаго храма, въ тѣни, которую бросали на траву эти громадные, печальные памятники отжившаго вѣрованія. Давно уже они сидѣли тутъ, разговаривая о прошедшемъ, и строя планы на будущее, когда пришла Гильда, и вступивъ въ кругъ развалинъ, оперлась рукою на жертвенникъ воинственнаго тевтонскаго бога. Съ покойнымъ торжествомъ посмотрѣла она на Гарольда, и сказала:

— Не улыбалась я, сынъ Годвинновъ, когда ты съ своею близорукою мудростью, надѣялся обезпечить благоденствіе своего отечества и удовлетворить свою любовь, убѣдивъ короля послать за море за Этелингомъ? Не говорила я тебѣ: — ты поступаешь благоразумно, потому что, повинаясь своему разуму, служишь только орудіемъ судьбѣ; прибытіе Этелинга приблизитъ тебя къ цѣли твоей жизни, но не отъ Этелинга получишь ты награду своей любви, и не Этелингъ займетъ престолъ Этельстановъ?

Гарольдъ вскопчилъ въ сильномъ волненіи. — Какое же несчастье постигло благороднаго Этелинга? Онъ казался большимъ и слабымъ, когда я расстался съ нимъ; но радость великій врачъ, и воздухъ родной земли скоро возвращаетъ здоровье изгнаннику.

— Слушай, сказала Гильда, это нѣшіе друиды за душу сына Эдмунда-Желтзныи-ребра.

И въ самомъ дѣлѣ, одна она это сказала, изъ отдаленнаго мѣста послышался ушальный звукъ, медленно разнесшійся по воздуху. Эдмонъ, по обычаю того времени, преклонила молитву, потомъ, подневъ глаза на Гарольда, она сложила руки, и сказала:

— Не унывай, Гарольдъ; не теряй еще надежды!

— Надѣйся, подхватила Гильда, выпрямивъ свой величественный станъ. — Надѣйся! Не вѣрешь твоей слухъ, Гарольдъ, если ты въ этомъ погребальномъ нѣшии, не слышишь радостнаго привѣтствія будущему королю!

Грѣзъ надругнулъ; огонь сверкнулъ въ его глазахъ; грудь его стала сильно вздыматься.

— Оставь насъ, Эдмонъ, сказала Гильда, вполголоса. Когда внучка неохотно и медленно сошла съ холма, она обратилась къ Гарольду, и подневъ его къ надгробному камню саксонскаго богатыря, сказала:

— Помнишь ты привидѣніе, которое предстало тебѣ на этомъ курганѣ? — Помнишь слѣдовавшій за тѣмъ сонъ?

— Привидѣніе, или обманъ моихъ глазъ я помню, отвѣчала грѣзъ. — Но сна не помню.... или если и помню, то только не лсные, не стройныя отрывки.

— Я говорила тебѣ тогда, что не могу разобрать тайны твоего сна, пока Скульда не просвѣтитъ моего разума, и говорила тебѣ также, что снѣшіе сномъ смерти подъ этимъ камнемъ являются людямъ за тѣмъ только, чтобы возвѣстить опредѣленіе рока Сердикову дому. И вотъ оно исполнилось; не стало преемника Сердикова. А кому же явился великій Синъ-лека, какъ не тому, кто возведетъ новый родъ королей на саксонскій престолъ!

Дыханіе Гарольда прерывалось; яркая краска покрыла его щеки и лобъ.

— Я не могу отрицать твоихъ словъ, вала. Развѣ только, чего нельзя ожидать, боги пощадятъ жизнь Эдуарда до-тѣхъ перъ, пока сынъ Этелннга не достигнетъ такихъ лѣтъ, когда старики могутъ признать его своимъ вождемъ! — Въ противномъ случаѣ я тщетно осматриваюсь кругомъ по всей Англіи, и ищу будущаго короля; вся Англія отражаетъ мнѣ только собственныи мой образъ.

При этихъ словахъ, онъ поднялъ и выпрямилъ голову, и царское величіе осыпало его чело, какъ-будто на немъ былъ уже вѣнецъ Базилейскъ.

— Если это сбудется, продолжалъ онъ: я признаю это призваніе, и Англія возвеличится въ моемъ величіи!

— Плана приблизилось наконецъ изъ тлѣющаго угла, вскричала вала; наступилъ часъ, который я такъ давно предвѣщала тебѣ!

Гарольдъ не отвѣчалъ, потому что новыя, сильныя ощущенія не позволяли ему слышать ничего, кромѣ голоса честолюбія и пробудившейся радости великаго сердца.

— Тогда, Эднъ, жизнь, которую ты спасла, будетъ дѣйствительно принадлежать тебѣ!

Онъ остановился и помолчалъ нѣсколько, продолжалъ:

— Однако этотъ сонъ, который такъ долго былъ зарытъ, но не забытъ, въ моей памяти; этотъ сонъ, изъ котораго я смутно припоминаю только опасности и борьбу, печаль и торжество... можешь ты разгадать этотъ сонъ, вала?... истолковать его какъ знаменье успѣха?

Этотъ вопросъ былъ гранью, откуда началась постепенная перемѣна, которую давно уже приготовляло въ столѣ самонадѣлимомъ и независимомъ сердцѣ честолюбіе, доселѣ подавленное, но теперь бурно устремившееся по законно открывшемуся передъ нимъ пути.

— Гарольдъ, отвѣчала Гильда: ты слышалъ въ заключеніи своего сна пѣсню, которая поется при вѣчаніи королей, — и самъ будешь вѣщеноснымъ королемъ; но страшные враги окружаютъ тебя, — ихъ-то означаютъ левъ и воронъ, которые съ угрозою шлыли къ тебѣ по кровавому морю. Двѣ звѣзды на небѣ знаменуютъ, что день твоего рожденія былъ также днемъ рожденія врага, котораго звѣзда будетъ пагубна твоей звѣздѣ; онъ предостерегаютъ тебя противъ сраженія, даннаго въ такой день, когда сойдутся эти двѣ звѣзды. Далѣе мое знаніе не можетъ разобрать твоего сна. Не хочешь ли самъ узнать его значеніе изъ устъ привидѣнія, пославшаго сонъ? Стань подлѣ меня, на могилѣ саксонскаго витязя, а я вызову Снѣ-леку, научить живаго; потому что, чего мертвый не откроетъ валь, то, можетъ быть, душа витязя откроетъ витязю!

Гарольдъ слушалъ съ задумчивымъ вниманіемъ, котораго доселѣ, его гордость или разсудокъ никогда не удостоивалъ предсказанія Гильды. Но разсудокъ его еще не былъ очарованъ голосомъ прорицательницы, и онъ отвѣчалъ съ своею обычною улыбкою, кроткою, но гордою.

— Рука, протянута къ царскому вѣнцу, должна быть вооружена для отраженія врага; а глазъ, желающій охранять живыхъ,

не долженъ быть помраченъ туманомъ, окружающимъ мертвыхъ.

V.

Но съ этого дня легкія, но видимыя, и важныя перемены стали постепенно происходить въ поведеніи и въ нравѣ Гарольда.

Доселѣ онъ подвигался на своемъ поприщѣ безъ расчета; прихода и обстоятельства, а не соображенія ума вознесли его на такую высоту. Но съ этого дня онъ началъ сознательно класть основаніе своему дому, и расширять поприще, чтобы дать большую силу отросткамъ. Политика примѣшалась къ чувству справедливости, доставлявшему ему общее уваженіе, и къ великодушію, стяжавшему ему любовь народа. Прежде, не смотря на свое миролюбіе, онъ по чувству правды не заботился о враждахъ, которыя могъ возбудить упорствомъ неотступать отъ того, что повелѣвала ему совѣсть; теперь же онъ началъ заботиться о томъ, чтобы тушить старыя вражды и соперничества, и обращать враговъ въ друзей. Онъ вступилъ въ постоянныя, дружественныя сношенія съ своимъ дядею Свейномъ, королемъ датскимъ; искусно пользовался вліяніемъ надъ Англо-Датчанами, которое давало ему датское происхожденіе матери. Онъ сталъ также благоразумно стараться загладить недоброжелательства, которое друнды питали всегда къ Годвинову дому; скрывалъ свое презрѣніе къ жрецамъ и напротивъ, являлся покровителемъ и благодѣтелемъ ихъ; богато дарилъ храмы, и въ особенности Вальтамскій храмъ, впавшій въ нищету. Но если въ этомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ не совсѣмъ согласно съ своимъ образомъ мыслей, то и тутъ политика не могла побудить его къ тому, что онъ считалъ противнымъ совѣсти и справедливости. Храмы, пользовавшіеся его расположеніемъ и щедротами были тѣ, которые наиболѣе славилась чистою нравственностью жрецовъ, милосердіемъ къ бѣднымъ, и сильнымъ оглашеніемъ злоупотребленій и пороковъ знатныхъ людей. Онъ не задумывалъ, какъ Вильгельмъ Норманскій, образовывать изъ друндовъ школу учености и искусствъ; такія попятія были невозможны въ грубой, невѣжественной Англіи. Притомъ Гарольдъ какъ человѣкъ довольно ученый для своего вѣка и отечества, нѣмъ въ виду образовывать друндовъ, которые могли бы сочувствовать необразованному народу. Чтобы служить образцами въ Вальтамскомъ храмѣ, онъ избралъ двухъ братьевъ низкаго происхожденія, Осгуда и Эйльреда. Первый

былъ извѣстенъ мужествомъ, съ какииъ онъ ходилъ по всей Англии, проповѣдуя жрецамъ и тегнамъ, что освобожденіе теодовъ самое богоугодное дѣло; другой принадлежалъ сначала къ свѣтскому сословію, по обыкновенію саксонскихъ жрецовъ, былъ женатъ, краснорѣчиво защищалъ этотъ обычай противъ Нормановъ и даже отказался отъ предложенныхъ ему богатствъ и званій тегна, потому что не хотѣлъ бросить жены, какъ отъ него требовали. Но по смерти жены, онъ, защищая по прежнему законность брака между жрецами, прославился въ особенности своими жестокими нападеніями на тѣхъ, которые оскверняли свое священное званіе и нарушали обѣты, открыто держа наложницъ.

На этихъ двухъ достойныхъ служителей Водена, Гарольдъ возложилъ порученіе избрать новыхъ братьевъ. Вальтанскіе жрецы считались во всѣхъ опружныхъ областяхъ, и ставились въ примѣръ всѣмъ другимъ.

Но хотя новыя политическія условія Гарольда, сами по себѣ были довольно невинны, однако же онъ все-таки былъ уловивъ и испортивъ врожденную простоту его души. Онъ въ первый разъ почувствовалъ честолюбіе, выходявшее изъ предѣловъ службы отечеству; цѣлью его помысловъ стало не просто служить отечеству, но служить ему, какъ его правитель. Расчеты и хитрости начали помрачать передъ его совѣстью прежнюю прелесть правды. И съ этого времени, онъ, прежде столь сильный своимъ здравымъ смысломъ, сталъ постепенно подчиняться такому же вліянію Гильды, какое она имѣла на брата его, Свейна. Будущее стало для него ослабительною тайною, въ которую все болѣе и болѣе сталъ погружаться его думы. Онъ еще не становился въ руническій кругъ, и не вызывалъ мертвыхъ; но сердце его было опутано чарами, и въ душѣ взросъ демонъ наушникъ.

Эднѣ одна царствовала, если не въ его мысляхъ, то въ сердцѣ; и можетъ-быть надежда устранивъ всѣ препятствія къ браку, была главною причиною, побуждавшею его ласкать жрецовъ, отъ которыхъ зависѣло достиженіе этой цѣли; а эта надежда придавала еще двойной блескъ королевскому вѣнцу. Но кто даетъ честолюбіе въ спутники своей любви, даетъ ей спутника-исполнителя, который непременно обговаривать ее.

Нарушность Гарольда утратила свое крѣпкое спокойствіе. Онъ одѣлся задумчивъ и разсѣянъ; рѣже совѣтовался съ Эднѣю, и чаще съ Гильдою; Эднѣ уже казалась не довольно разумною, чтобы дать совѣтъ. [Улыбка его Фюльгивъ, какъ лучъ луны на

струяхъ рѣки, освѣщала поверхность, но не могла проникнуть до дна.

Между-тѣмъ политика Гарольда увѣчалась успѣхомъ. Онъ уже достигъ той высоты, гдѣ малѣйшее усиліе сдѣлать свою власть удобною народу, удваиваетъ ее объемъ. Мало-по-малу всею голою славилось въ одинъ похвальный херъ въ честь его, мало-по-малу люди свывались съ вопросомъ: Если Эдуардъ умретъ прежде, чѣмъ Эдуардъ, вѣкъ Эдмунда-Желтеныя-ребра, достигнетъ соперничества, гдѣ вѣкъ нехата другого такого короля какъ Гарольдъ?

На этомъ спокойномъ и свѣтломъ полудни его судьбы, вдругъ разразилась буря, которая, казалось, должна была или захватить его дѣнь или разнести до послѣдняго облачка на небѣ. Альгаръ былъ единственнымъ возможнымъ соперникомъ его могуществу, и единственнымъ врагомъ, котораго не могли смягчить никакія ласки; онъ былъ сильный врагъ, потому-что послѣдствіемъ ния доставляло ему привязанность всего саксонскаго народонаселенія, а отецъ оставилъ ему въ наслѣдство любовь къ саксонскимъ обычаямъ; наконецъ его воинственный и безпощадный духъ сдѣлалъ его кумиромъ воинственныхъ Датчанъ Восточной Англіи (графства, переданнаго ему Гарольдомъ). Сдѣлавшись по смерти отца графомъ Мерцин, Альгеръ воспользовался этимъ преимуществомъ, чтобы опять поднять знамя мятежа. Опять былъ онъ осужденъ на изгнаніе, и опять вступилъ въ союзъ съ будущимъ Грешитомъ. Всею Валлис возсталъ, непріатели заняли Марин и существовали ихъ. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ умеръ Рольфъ, слабый графъ Гирфордскій; а бывшіе подъ его начальствомъ Норманы и наемники, выступились противъ новыхъ вождей; плоть норвежскихъ викинговъ сталъ грабить западные берега, вступилъ въ устье Мена, и присоединился къ судамъ Грешита. Англо Саксонское царство казалось на краю гибели; но Эдуардъ объявилъ всеобщее ополченіе, и Гарольдъ вылетушилъ съ королевскими полками на враговъ.

Страшны и гибельны были валлисскія ущелья; и здѣсь то цербиты и перерѣзаны рати Рольфа Нормана; сколько могли припомнить старики, никогда еще саксонскіе поля не одерживали побѣды въ имперскомъ нагорьи; никогда еще саксонскія суда не побѣждали грозныхъ норвежскихъ викинговъ. Одна неудача; Гарольдъ, и прощай королевскій вѣнецъ!.... Успѣхъ, и ты стяжалъ высшее, неопровержимое право королей — любовь ратей, которыми ты предводительствуешь!

VI.

Въ одинъ изъ самыхъ знойныхъ лѣтнихъ дней два воадина медленно ѣхали по живописной странѣ, составлявшей заднискія марки, и разговаривали очень дружески, не смотря на очевидное различіе званія и народности. Одинъ, но моложе, былъ по видимому Норманъ; небольшая бархатная шапочка едва прикрывала наковку головы; затылокъ отъ темени до шеи былъ гладко выбритъ; спереди же, коротко выстриженные, густые и курчавые волосы осыпали надменный, но умный лобъ. Одежда сдѣла на немъ чрезвычайно гладко. Онъ былъ совсѣмъ безоруженъ; но въ нѣкоторомъ разстояніи за нимъ и за товарищемъ, одинъ норманскій конюхъ, на крѣпкой норманской лошади, велъ подъ удцы его ратнаго коня, въ полномъ убранствѣ; и шесть саксонскихъ теововъ или пѣшкомъ и вели трехъ муловъ, довольно тяжело навьюченныхъ, не только доспѣхами и оружіемъ норманскаго рыцаря, но также чемодами съ богатыми нарядами, винами и провіантомъ. Еще далѣе позади, шелъ легко вооруженный отрядъ, съ щитами на плечахъ, и луками въ рукахъ.

Товарищъ рыцаря былъ Саксонецъ, также несомнѣнно какъ самъ рыцарь былъ Норманъ. Квадратныя короткія очертанія скрывались вполоніи подъ густою бородою и огромными усами, и представляли разительную противоположность продолговатому лицу и орлиному прощью гладко выбритаго товарища. На немъ была кожаная рубаха, стянутая поясомъ, и вольно висѣвшая до колѣнъ; а сверху огромный плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ большою круглою запонкою, разлетѣлся спереди и сзади, оставляя руки совершенно на свободѣ. Шапка его также отличалась отъ шапки Нормана; она была круглая, вздута по краямъ, и нѣсколько походила на чалму. Открытая, смуглая шея его была наколота разными знаками.

Въ лицѣ его не было гордаго, величаваго выраженія его товарища; онъ не имѣлъ его остраго, прощительнаго взгляда; но у него была своя гордость и свой умъ, гордость нѣсколько угрюмая, и тяжеловатый, медленный умъ.

— Любезный Сексвольфъ, сказалъ Норманъ довольно сносившимъ саксонскимъ языкомъ: сдѣлай милость, не унижай насъ такъ. Если разсудить хорошенько, вѣдь мы, Норманы, одного съ вами племени; наши отцы говорили тѣмъ же языкомъ, какъ и вы.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Саксонецъ грубовато: Датчане такъ-

не говорили единымъ языкомъ, съ небольшимъ различіемъ, а это не мѣшало имъ рѣзать насъ и жечь наши дома.

— Старый дѣла! возразилъ рыцарь; впрочемъ благодарю за сравненіе съ Датчанами; потому-что, ты самъ видишь, Датчане поселились среди васъ, и теперь вѣрные подданные и смиренныя люди; а пройдетъ еще вѣскольکو поколѣвій, тогда не отличишь, кто происходитъ отъ Саксонцевъ и кто отъ Датчанъ.

— Но мы только пересыпаемъ изъ пустаго въ порожнее, разсуждая объ этихъ вещахъ, сказалъ Саксонецъ, чувствуя, что ему не по силамъ спорить съ образованнымъ Норманомъ, и смелая своимъ грубымъ смысломъ, что не даромъ товарищъ говорилъ такъ насмѣнно, хотя не могъ онъ придумать, къ чему могла клониться рѣчь. — Миѣ не вѣрится, мастеръ Маллѣ, или Гравель, извини, что я въ точности не знаю какъ величать тебя, не вѣрится, чтобы Норманы могли ужиться съ Саксонцами, или Саксонцы съ Норманами; и такъ лучше оставимъ этотъ разговоръ... Вотъ жилище жрецовъ, въ которомъ ты, можетъ-быть, не откажешься отдохнуть, и подкрѣпиться пищею.

Саксонецъ указалъ на низкое, безобразное деревянное строеніе, запущенное и полуразвалившееся, стоявшее на краю болота, надъ которымъ рожлись миллионы комаровъ и всякихъ гадкихъ насекомыхъ.

Маллѣ де-Гравиль, — это былъ онъ, — пожалъ плечами и сказалъ съ видомъ презрѣнія:

— Желалъ бы я, пріятель Сексвольфъ, чтобы ты только посмотрѣлъ, какъ храмы нашихъ боговъ и жилища друновъ у насъ въ Нормандіи строятся; все великолѣпныя, каменные зданія, въ самыхъ прекрасныхъ мѣстахъ. Наша графиня Матильда любитъ зодчество; а наши каменщики не уступаютъ ломбардскимъ, которые проникли всѣ хитрости искусства.

— Сдѣлай милость, Дано-Норманъ, вскричалъ Сексвольфъ, не вбивай такихъ мыслей въ слабую голову короля Эдуарда. Довольно уже и такъ плѣтннъ мы на храмы, хотя они строятся деревянные; что жъ бы было, если бы стали строить каменные?

Норманъ обнаружилъ душевное неудовольствіе и сказалъ:

— Такъ ты не жалуешь нашей матери Фриггъ, достойный Сексвольфъ? спросилъ онъ.

— Меня съ дѣтства учили трудиться въ потѣ лица, отвѣчалъ Саксонецъ; и я не люблю праздныхъ тунеядцевъ, которые пожираютъ мое добро, говоря, что Эльфы дали имъ его. Знаешь ли,

восторг Малле, что, не-срабисъ-и-и-и, одна треть войнъ землемъ Англіи принадлежать друидамъ?

— Гмъ! сказалъ смѣтливый Норманъ, который, не смотря на свою преданность богачу, не задумывался лаять мирскую пользу изъ каждого слова своего товарища. Стало-быть и въ своей Англіи находишь ты злоупотребленія и поводы къ неудоульствію?

— Конечно, отвѣчалъ Саксонецъ, котораго вѣра и въ то время уже отличалось брюзгливымъ, ворчливымъ нравомъ: но все-таки между нами съ тобою, по моему, большое различіе; именно, что когда я чѣмъ недоволенъ, я могу это прямо сказать; а тебѣ плохо бы пришлось, чего добраго, простился бы съ жизнью, если бы вздумалъ слишкомъ рассуждать въ суровой страсти своего чертова.

— Ну, полно хвастать! вскричалъ Норманъ презрительно, и глаза его засверкали подъ надмуренными бровями. Строгий судья, и великій вождь Вильгельмъ Норманскій, а повѣрь мнѣ, что бароны и рыцари не склоняють передъ нимъ головы, и что у нихъ на душѣ, то и на языкѣ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Саксонецъ: но это только тегвы; а ищане? а сеорли? чтѣ скажешь о нихъ? посмѣють ли они сказать слово? жаловаться на тегна или на вождя?

— Конечно итъ! хотѣлъ-было отвѣчать съ презрѣніемъ сиръ Малле де-Гравиль, но благоразумно удержалъ языкъ за зубами, а потомъ сказалъ ласковымъ, маслянымъ голосомъ: въ каждомъ храмѣ свой уставъ, любезный Сексвольфъ; и будь Норманъ англійскимъ королемъ, онъ оставитъ Англію ея старыя законы, и сеорлямъ будетъ также подъ управленіемъ Вильгельма, какъ и Эдуарда.

— Норманъ на англійскомъ престолѣ! вскричалъ Саксонецъ, покраснѣвъ по самые края своихъ огромныхъ ушей: вотъ еще съ чѣмъ подѣхалъ! Норману... на англійскомъ престолѣ!... это-му не бывать!

— Я говорю это только такъ, для примѣру. Чтѣ если бы это случилось? отвѣчалъ рыцарь, удерживая свой гнѣвъ. Да чтѣ же ты находишь такого обиднаго въ этомъ предположеніи? У вадего короля дѣтей итъ; Вильгельмъ же ему ближайшій родственникъ, и Эдуардъ любитъ его какъ роднаго брата. Ну, если оувъ ему завѣщаетъ престолъ?...

— Престола не завѣщаютъ чужеземцу! проревѣлъ Саксонецъ. Или ты думаешь, что англійскій народъ все-равно что стадо барановъ? или теовы? или вещь какая, чтобы его можно переда-

вать по духовному завѣщанію кому вздумается? Воля короля, конечно, имѣетъ свою силу, но и витанъ имѣетъ право согласиться или отвергнуть ее; а витанъ и выборные никогда не задумаются.... Твоему *чертогу* быть королемъ англійскимъ? Ха, ха, ха!

— Скотина! пробормоталъ рыцарь про себя; потомъ сказалъ вслухъ ироническимъ тономъ своей молодости, который въ это время уже былъ умѣренъ лѣтами и осторожностью: отчего ты такъ заступаешься за сеорлей? ты, вождь, и чуть не тегнъ?

— Я самъ родился сеорлемъ и отецъ мой былъ сеорлемъ, отъ началъ Сексвольфъ: по этому я люблю сословіе, къ которому самъ принадлежалъ, хотя ввукъ мой, можетъ-быть, будетъ на равнѣ съ тегнами и, чего добраго, даже съ графами.

Сиръ де-Гравиль невольно удалился отъ Саксонца, будто замѣтивъ вдругъ какъ онъ унизілся, вступивъ въ такую дружескую бесѣду съ сеорлемъ и сеорльскимъ сыномъ, и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ пренебреженіемъ и смотрѣть на него болѣе съ высока, чѣмъ прежде.

— Какъ же это, пріятель? былъ сеорлемъ, а теперь ведешь на войну ратниковъ графа Гарольда? Я этого не понимаю....

— Гдѣ тебѣ поппяать, бѣдному Норману! отвѣчалъ Сексвольфъ съ презрѣніемъ: а дѣло очень просто. Вотъ я тебѣ объясню: когда Гарольдъ, нашъ графъ, былъ изгнанъ, и владѣнія его отобрали, мы, его сеорли, сложились и помогли его же шестисотенному Клепе выкупить графское помѣстье подъ Лондономъ, и домъ, въ которомъ ты нашелъ меня, изъ рукъ одного чужеземца, твоего земляка, которому они были незаконно отдавы. Мы обработывали графскія земли, пасли его стада и присматривали за его домомъ до самаго возвращенія графа.

— Стало-быть у васъ водились деньги? свои деньги, у сеорлей! подхватилъ Норманъ съ жадностью.

— А чѣмъ же бы намъ иначе вынупиться? Каждому сеорлю дано нѣсколько часовъ, чтобы работать на себя, и что онъ работаетъ—принадлежитъ ему. Что мы сберегли, то отдали для графа, и когда графъ возвратился, онъ далъ шестисотенному столько земли, сколько ему было нужно, чтобы сдѣлаться тегномъ; сеорлей же, которые помогли Клепе, отпустилъ на волю и далъ имъ большіе участки въ своихъ земляхъ въ потомственное владѣніе; теперь большая часть изъ нихъ обработываютъ собственныя земли и держатъ свои стада. Но я былъ человекъ холостой, любилъ графа лучше свиней и полей, и просилъ его позволить

мѣ служить ему оружіемъ. Такимъ образомъ я вышелъ въ люди, какъ могутъ у насъ выходить въ сеорлн.

— Повнимаю, сказалъ Маллѣ де-Гравиль задумчиво и съ нѣкоторымъ еще недоумѣніемъ: но теовы, какъ кабальные, никогда не выходятъ въ люди! Имъ, должно-быть, все-равно: бритый ли Норманъ, или бородачъ-Саксонецъ сидитъ на престолѣ!

— Въ этомъ ты правъ, отвѣчалъ Саксонецъ: имъ до этого также мало горя, какъ разбойникамъ или ворами, потому что многіе изъ нихъ сами преступники, или дѣти преступниковъ; прочіе же, говорятъ, не Саксонцы, а дикари, которыхъ покорили Саксонцы. Они — несчастныя твари, почти нелюди! какое имъ дѣло до земли? Впрочемъ, и они не безъ надежды, потому что друнды заботятся о нихъ, и признаются, вотъ это такъ дѣло достойное жрецовъ! Каждый изъ нихъ обязанъ отпустить на волю трехъ теововъ въ своихъ владѣніяхъ; и почти каждый, у кого только есть теовы, передъ смертью отпускаетъ нѣсколько изъ нихъ по завѣщанію; такимъ образомъ сыновья теововъ могутъ сдѣлаться тегнами, и есть нынче между тегнами много теовскихъ дѣтей.

— Непостижимо! вскричалъ Норманъ: но, вѣрно, они заклеямены своимъ низкимъ происхожденіемъ, и прочіе тегны гнушаются ими?

— Нисколько, — да и за что? всякая земля — земля, всѣ деньги — деньги. Что намъ за неволя знать, кто былъ отецъ, когда у сына свои десять или пожалуй болѣе сорочинъ земли въ потомственномъ владѣніи.

— Вы цѣните землю и деньги, сказалъ Норманъ; мы тоже цѣнимъ ихъ, но еще болѣе цѣнимъ имя и происхожденіе.

— Вы, Норманы, еще ходите на помочахъ, возразилъ Саксевецъ, развеселясь въ своемъ презрѣніи. У насъ водится старинная поговорка, — и премудрая поговорка: всѣ мы дѣти одного отца, кромѣ Фильки пахаря; но будутъ у Фильки деньги, всѣ станутъ бить челомъ любезному брату Филькѣ.

— Съ такими низкими понятіями, сказалъ сиръ де-Гравиль, потерявъ терпѣніе, не удивительно, что нашимъ отцамъ, Норвежцамъ и Датчанамъ не трудно было бить васъ. Любовь къ обычаямъ старины, — вѣрѣ, роду и имени, устоитъ противъ врага, лучше всякой стали.

За тѣмъ, не дожидаясь возраженія Сексвольфа, онъ далъ шпоры кошу, и вѣхалъ во дворъ храма.

Одинъ друндъ болѣе всѣхъ пользовавшійся тогда общими

уваженіемъ, ввелъ благороднаго посѣтителя къ отцу Гильому, который, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ и восторгомъ, обнялъ его и поцѣловалъ въ лобъ и щеку.

— Ахъ, любезный братъ, вскричалъ Гильомъ по-нормански, вотъ радость, за которую готовъ я принести жертву Водену. Ты не можешь себѣ представить какое счастье увидѣть лицо земляка въ этой отвратительной странѣ скверныхъ обѣдовъ и изгнанія.

— Ну, любезный отецъ, жертвъ мнѣ не нужно, сказала де-Гравилъ, распуская туго затянутый поясъ, который давалъ ему видъ шмеля, — уже въ это время тонкія тальи были мечтою воиственныхъ шеголей Франкской земли, — разрѣшай только на дружескую трапезу. Я на лошади съ разсвѣту, и проголодался и усталъ какъ нельзя болѣе.

— Увы, увy, жалобно вскричалъ жрецъ, не знаешь ты, сынъ мой, на какія испытанія мы осуждены въ этой дикой странѣ, какъ скудны наши кладовыя, и какъ жалокъ нашъ столъ! сменная свинина...

— Къ чорту свинину, вскричалъ Маллѣ въ ужасѣ. Но утѣшься, у меня есть провіаантъ на моихъ вьючныхъ мулахъ, пулярки, рыба, и другіе припасы, и нѣсколько флажекъ вина; и вина, слава Богу, не изъ здѣшняго винограда. Такъ остается тебѣ только научить своихъ поваровъ, какъ приготовить обѣдъ.

— Нѣтъ у меня ни одного повара, на котораго можно бы положиться, возразилъ Гильомъ; здѣсь въ поваренномъ искусствѣ смыслятъ столько же какъ въ латыни; впрочемъ, пойду, и сдѣлаю, что успѣю. А между тѣмъ ты можешь отдохнуть и сходить въ баню. Саксонцы, народъ чистоплотный, и перевяли бани у Датчанъ.

— Это я уже замѣтилъ, отвѣчалъ рыцарь; потому что въ какомъ бы скверномъ домишкѣ я ни останавливался на пути въ Лондонъ, вездѣ хозяинъ предлагалъ мнѣ приготовить баню, а хозяйка тонкое, надушеное бѣлье; — сказать правду, бѣдный народъ здѣсь привѣтливъ и гостепривѣтенъ, не смотря на свою невѣжественную ненависть къ чужеземцамъ; и столъ ихъ не совсѣмъ дуренъ, обиленъ и соченъ; жаль только, какъ ты самъ замѣчаешь, что они не знаютъ искусства готовить кушанья. И такъ, я воспользуюсь твоимъ приглашеніемъ, и выкупаюсь, пока будутъ жариться пулярки и вариться рыба. Потомъ мы поговоримъ съ тобою, потому что мнѣ надо многое узнать отъ тебя.

Жрецъ повелъ сира де-Гравилъ въ почетную келью, назначенную для гостей, и велѣлъ приготовить ванну, самъ наблюдая за

тѣмъ, чтобы она имѣла надлежащую степень теплоты, потому что и Норманы и Саксонцы, какъ они ни неизмѣненны кажутся намъ, такъ боялись холодной воды, что холодныя ванны иногда предписывались въ наказаніе, также какъ жесткая постель. Потомъ добрый отецъ отправился свидѣтельствовать пошу вычтанныхъ муловъ, и увѣщать несчастнаго мірянина, служившаго здѣсь поваромъ и который, не говоря по-нормански, едва понималъ одно слово изъ десяти въ краснорѣчивомъ увѣщаніи жреца.

Ковюхъ Малле де-Гравиль пошелъ къ своему господину съ платьемъ, и ящичками съ разнымъ мыломъ, прятраніями и духами, потому что благородный Норманъ очень привыкъ заниматься своею наружностью; прошло болѣе часу, прежде чѣмъ сиръ де Гравиль, выбритый, раздушенный, разодртый, въ длинномъ халатѣ, возвратился въ келью, раскланывался, и наконецъ приступилъ къ поданному обѣду.

Не смотря на здоровый аметитъ путника, и хозяинъ и гость ѣли съ разстановкою, и истинно норманскою степенью; они молча снимали съ вертѣловъ подаваемые имъ кушанья, осматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, и почти только отвѣдывали, съ видомъ сожалѣнія. Пили они также умѣренно и также мѣрно. Потомъ умыли пальцы розовою водою, съ удивительною тщательностью, ловко помахали ими по воздуху, чтобы дать имъ немножко высохнуть, и наконецъ вытерли ихъ салфеткою. Затѣмъ они грустно взглянули другъ на друга, и вздохнули, будто вспоминая утонченныя обычаи Нормандіи, которые они сохраняли еще въ этомъ печальномъ изгнаніи. Когда они окончили свою скромную трапезу, блюда, вина, прислуга исчезли, и они стали разговаривать.

— Какимъ образомъ попалъ ты въ Англію? спросилъ Гильомъ.

— Не въ обиду будь сказано, отвѣчалъ де-Гравиль, меня привели сюда замысль довольно похожіе на тѣ, которые привели тебя. Когда по смерти гордаго и суроваго Годвина, король Эдуардъ убѣдилъ Гарольда позволить ему призвать обратно нѣкоторыхъ изъ своихъ норманскихъ любимцевъ, ты, недовольный престою пищею и строгимъ уставомъ Бекскаго храма, просилъ Вильгельма, отпустить тебя съ тѣми Норманами, которымъ Гарольдъ, тронутый просьбами бѣднаго короля, позволилъ пріѣхать въ Лондонъ. Тебя отпустили. Словомъ, тебя пригласило въ Англію честолюбіе; оно же привело и меня.

— Гмъ! Какимъ же образомъ? Желаю тебѣ усидѣть получше меня въ этомъ хлѣву!

— Ты помнишь, отвѣчалъ де-Гравиль, что Лавранку угодно было принять участіе въ моей судьбѣ, въ то время очень незавидной, и что по возвращеніи, съ разрѣшеніемъ на бракъ Вильгельма съ его двоюродною сестрою, онъ сдѣлался первымъ совѣтникомъ герцога. Вильгельму и Лавранку хотѣлось представить примѣръ учености нашему безграмотному дворянству, и они обратили милостивое вниманіе на мою особу. Словомъ, съ-тѣхъ-поръ мнѣ повезло, и я вышелъ въ люди. У меня славныя помѣстья на берегу Сены, незаложенныя ни у Жидовъ, ни у купцовъ. Я построилъ храмъ, и убилъ нѣсколько сотенъ бретонскихъ разбойниковъ. Послѣ того, самъ ты поймешь, въ какой я долженъ быть милости. Случилось, что одинъ мой родственникъ, Гуго-де-Маньявилъ, удалой рубака, и лихой наѣздникъ, убилъ нечаянно въ ссорѣ своего роднаго брата; такъ-какъ совѣсть у него довольно щекотлива, то, терзаемый раскаяніемъ, онъ отдалъ свои земли Одо Байёскому, а самъ отправился въ дальнія страны. На возвратномъ пути его постигло несчастіе. Онъ попался въ рабство, вздумалъ влюбить въ себя одну изъ женъ своего господина, и избѣжалъ смерти тѣмъ только, что сжегъ его съ домомъ и съ тюрьмою. Наконецъ, съ помощью боговъ, онъ воротился въ Руанъ, и держитъ теперь вѣрнія свои земли леномъ отъ Одо, какъ рыцарь. Проходя, на возвратномъ пути, черезъ Францію случилось ему подружиться съ другимъ палgrimомъ, который подобно ему возвращался изъ отдаленныхъ странствій, но не имѣвшаго того же счастья, освободить свою душу отъ бремени совѣсти. Бѣдный палgrimъ, изнывая съ горя, лежалъ при смерти въ шалашѣ одного отшельника, у котораго Гуго искалъ пристанища; узнавъ, что Гуго шелъ въ Нормандію, больной открылъ ему, что онъ Свейнъ, славный и гордый графъ Англіи, старшій сынъ покойнаго Годвина, и отецъ того Гакона, который находится еще заложникомъ у нашего графа. Онъ умолялъ Гуго просить графа о немедленномъ возвращеніи Гакона, какъ скоро позволитъ король Эдуардъ; и сверхъ того поручилъ моему родственнику переслать письмо къ Гарольду, что Гуго обѣщалъ исполнить. Къ счастью, въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Гуго послѣ того, ему удалось сохранить на шеѣ свицовый талисманъ; чужеземцы нашли, что не стоило отнимать этой привѣски, не воображая, какую цѣну имѣлъ этотъ простой металлъ. Къ этой привѣскѣ онъ прикрѣпилъ письмо, и такимъ образомъ принесъ его, хотя нѣсколько попорченными и

жестасканнымъ, въ Руанъ. — Зная благосклонность ко мнѣ нашего графа, и не желая самъ явиться къ Вильгельму, который очень строгъ къ братоубійству, Гуго поручилъ мнѣ передать его посланіе, и просить позволенія переслать въ Англію письмо.

— Долга твоя повѣсть, сказалъ жрецъ.

— Потери, святой отецъ, она сейчасъ кончится. Ничто не могло мнѣ быть болѣе вѣстатъ. Надо тебѣ сказать, что Вильгельма давно уже тревожили англійскія дѣла. Изъ тайныхъ донесеній лондонскаго правителя видно, что любовь Эдуарда къ Вильгельму очень охладѣла, въ особенности, съ-тѣхъ-поръ, какъ у графа есть дѣти, потому что, какъ тебѣ извѣстно, Вильгельмъ и Эдуардъ оба дали въ юности обѣтъ дѣвственности; но Вильгельмъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе отъ этого обѣта, Эдуардъ же свято сохранялъ его. Незадолго передъ возвращеніемъ Гуго, дошла до Вильгельма вѣсть, что Эдуардъ призналъ своего родственника законнымъ наследникомъ. Огорченный и встревоженный этимъ, онъ говорилъ мнѣ: «Желалъ бы я, чтобы между этими жедѣльными болванами, была одна разумная голова съ ловкимъ языкомъ, которой бы я могъ поручить попеченіе о моихъ замыслахъ въ Англіи! и хотѣлось бы мнѣ придумать предлогъ, чтобы отправить посла къ Гарольду!» Я много размышлялъ объ этихъ словахъ, и можешь посудить съ какимъ восторгомъ отправился Малле де Гравилъ, съ письмомъ Свейва, въ рукѣ, къ Лавфранку. — Отецъ и покровитель, сказалъ я: ты знаешь, что я едва ли не одинъ изъ норманскихъ рыцарей изучилъ саксонскій языкъ; если герцогу нуженъ посолъ и предлогъ, посолъ передъ тобою, а въ рукахъ его и предлогъ.—За тѣмъ я рассказалъ ему все дѣло; Лавфранкъ тотчасъ же пошелъ къ Вильгельму. Въ это время пришло извѣстіе о смерти Этелянга, и надежды моего государя снова прояснились. Герцогъ Вильгельмъ немедленно призвалъ меня, и далъ наставленія. Такимъ образомъ поѣхалъ я за море, съ однимъ только слугою. Прибылъ въ Лондонъ, гдѣ мнѣ объявили, что король съ своимъ дворомъ въ Винчестрѣ, а графъ Гарольдъ пошелъ съ войскомъ въ Валлисъ, на короля Грнфита. Графъ прислалъ поспѣшно за избраннымъ отрядомъ собственной его дружины, находившейся въ его помѣстьяхъ подъ Лондопомъ. Къ королю в двору мнѣ было вѣхать незачѣмъ; я присталъ къ отряду; и услышавъ имя твое въ глостерскомъ храмѣ, остановился здѣсь, провѣдать тебя, и дать тебѣ вѣсточку о себѣ.

— Любезный братъ, сказалъ Гильомъ, смотря съ завистью на

рыцаря: какъ прискорбно мнѣ, что я не предпочелъ, подобно тебѣ, оружіе жреческому сословію. Однаково было прежде наше положеніе: оба мы знатнаго роду и безъ гроша за душою. А теперь?... Ты, что лебедь на водѣ, а я — устрица на скалѣ.

— Однако же, возразилъ рыцарь: хотя, правда, наши законы запрещаютъ жрецамъ убивать людей, кромѣ случая самосожженія, но ты знаешь, что даже въ Нормандіи это запрещеніе въ практикѣ считается слишкомъ строгимъ, и что тебѣ, слѣдовательно, не запрещено, въ случаѣ нужды, искать разалеченія съ мечемъ или палицею въ рукѣ. Призваться даже, помня твои прежніе годы, я никакъ не надѣялся застать тебя, какъ улику въ кельѣ; я думалъ, что ты облачился въ доспѣхи, и помогалъ Гарольду кроить лбы безпокойнымъ Валлонцамъ.

— Увы, улы! не для меня такое счастье! вздохнулъ воиственный друидъ. Не смотря на свое прежнее пребываніе въ Лондонѣ, кромѣ языка мало ты знаешь этихъ невѣждъ Саксонцевъ. Рѣдко выѣзжаетъ здѣсь друидъ въ походъ; и еслибы не одинъ датокій жрецъ, укрывшійся здѣсь отъ увѣчья за разбой, рука моя давно бы отучилась отъ оружія; съ нимъ однимъ могу я иногда поиграть на мечахъ.

— Не унывай, старый пріятель, сказалъ рыцарь съ участіемъ; — авось придутъ лучшія времена. А между тѣмъ, поговоримъ о дѣлахъ; потому что все, что я слышалъ доселѣ, подкрѣпляетъ извѣстія, доходившія до Вильгельма, что графъ Гарольдъ рѣшительно первое лицо въ Англіи.

— Такъ, тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Онъ женатъ, или холостъ? Это вопросъ, на который его приближенные будто избѣгаютъ прямого отвѣта.

— Всѣ кочующіе пѣвцы поютъ пѣсни, какъ мнѣ толковали люди, понимающіе этотъ варварскій языкъ, въ которыхъ славится красота *Eðithae pulchrae*, съ которою будто графъ обрученъ, а можетъ быть и хуже. Можно только утвердительно сказать, что онъ не женатъ, потому что красавица ему съ родни, и въ степенн, въ которой бракъ не допускается нашими законами.

— Гмъ! не женатъ! это хорошо. Ну, а этотъ Альгаръ или Эльгаръ, уже не съ Валлизами, какъ я слышалъ?

— Нѣтъ; лежитъ больной отъ ранъ, въ Честерѣ, и ужасно бѣсится; потому что у него довольно здраваго смысла, чтобы понять, въ какомъ состояніи его дѣло. Норвежскій флотъ разсѣянъ по морю графскими судами, какъ птицы бурей. Мятешные Саксонцы, присоединившіеся къ Гриффиту подъ начальствомъ Альгара

такъ разбиты, что оставшіеся въ живыхъ бросили вожда; а самъ Гриффитъ запертъ въ послѣднихъ своихъ ущельяхъ, и не долго будетъ держаться противъ своего противника, который истинно великій полководецъ. А какъ скоро будетъ побѣжденъ Гриффитъ, то Альгара будетъ раздавленъ во время отступленія, какъ надутый паукъ въ своей паутигѣ, и тогда Англія будетъ спокойна; если только, какъ ты намекалъ, нашъ государь не навяжетъ ей новыхъ хлопотъ.

Норманскій рыцарь задумался, и потомъ сказалъ:

— Стало-быть во всей странѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы состязаться съ Гарольдомъ; — ужъ вѣрно не братъ его Тостигъ?

— Конечно не Тостигъ, потому-что онъ держится въ своемъ графствѣ, только славою Гарольдова имени. Впрочемъ онъ храбръ и искусенъ въ веденіи войны, и въ послѣднее время вынулъ глубокое почтеніе своимъ Нортумберцамъ, хотя не могъ приобрести ихъ любви. Онъ много содѣйствовалъ графу въ валлисскомъ походѣ, и на морѣ и на сухомъ пути. Всѣ-таки Тостигъ сіяетъ только свѣтомъ брата; одинъ развѣ Гуртъ могъ бы быть соперникомъ Гарольду, еслибъ былъ честолюбивѣе.

Сиръ де-Гравиль, очень довольный свѣдѣніями, полученными отъ друида, который, не смотря на незнаніе саксонскаго языка, былъ любознатеlemъ и провицателемъ какъ всѣ его соотечественники, всталъ и хотѣлъ идти. Друидъ удерживалъ его, и посмотрѣвъ на него пристально, спросилъ почти шопотомъ.

— А какъ, ты думаешь, есть ли надежда графу Вильгельму быть на англійскомъ престолѣ!

— Надежда сильная, если мы прибѣгнемъ къ хитрости, — успѣхъ несомнѣнный, если удастся склонить на свою сторону Гарольда.

— Однако же, повѣрь мнѣ, Англичане не любятъ Нормановъ, и будутъ сражаться отчаянно.

— Вѣрю. Но война ограничится однимъ сраженіемъ, потому-что у нихъ нѣтъ ни крѣпостей, ни горъ, которыя позволяли бы долго обороняться. При томъ скажу тебѣ, пріятель, здѣсь все гнило. Королевскій родъ вымретъ съ Эдуардомъ и останется одинъ только ребенокъ, на котораго, сколько я слышалъ, никто не смотритъ какъ на наследника престола; старое дворянство также перевелось, и исчезло уваженіе къ стариннымъ фамиліямъ; воинственный духъ Саксонцевъ почти убитъ подчиненіемъ жрецамъ не храбымъ и ученымъ, какъ наши, а боязливымъ и не-

вѣжественнымъ; жажда къ деньгамъ уничтожила всякое мужество, владычество Датчанъ приучило народъ къ чужеземнымъ королямъ, и Вильгельму стоитъ только обѣщать хранить древнѣе законы и льготы, чтобы стать также твердо, какъ Кануть. Англо-Датчине могли бы его нѣсколько потревожить; но мятежъ сдѣлается оружіемъ въ рукахъ такого провинциальнаго полканика, какъ Вильгельмъ. Онъ усѣетъ всю страну замками и крѣпостями, и будетъ держать ее какъ лагерь. Любезный другъ, авось еще придется намъ поздравить другъ-друга, — тебя правителемъ какой-нибудь богатой англійской области, а меня барономъ обшврвыхъ англійскихъ помѣстій.

— Пожалуй, что ты правъ, сказалъ Гильомъ весело, когда придетъ этотъ день, мнѣ по крайней мѣрѣ можно будетъ подраться за герцога. — Да, ты правъ, продолжалъ онъ, оглядываясь кругомъ на развалившіяся стѣны келья;—все здѣсь дряхло и гнило, и спасти царство, можетъ только Норманъ-Вильгельмъ, или....

— Или кто?

— Или Саксонецъ Гарольдъ. Но ты ѣдешь къ нему, — самъ будешь имѣть случай посудить объ немъ.

— Постараюсь посудить о немъ, и осторожно, отвѣчалъ сиръ де-Гравиль. Затѣмъ онъ обнялъ друга и опять отправился въ путь.

VII.

Мессиръ Малле-де-Гравиль обладалъ въ высшей степени хитрою провырливостью, которою отличались Норманы и вообще воинственныя племена береговъ Балтики, и которая вѣрно сохранилась у внуковъ Датчанъ, рослыхъ жителей Эбора или Юркского графства; не одному Англичанину, вѣроятно, пришлось узнать на этотъ счетъ умъ древнихъ Датчанъ; въ особенности если случалось ему торговать тѣми животными, которыхъ дѣды употребляли въ пищу, и отъ которыхъ внуки жирѣютъ донынѣ только другимъ образомъ.

Но какъ ни старался хитрый рыцарь, на пути своемъ изъ Лондона въ Валлисъ, вывѣдать отъ Сексвольфа все подробности о Гарольдѣ и его братьяхъ, какія были ему нужны, все же не могъ совладать съ упрямствомъ или догадливою осторожностью Саксонца. Сексвольфъ, во всемъ томъ, что касалось бывшаго его господина, имѣлъ чутье собаки, онъ догадывался, хотя не могъ объяснить себѣ причину, что Норманъ имѣлъ какіе-нибудь виды на

Гарольда, и чего-нибудь добивался этими простодушными по видимому распросами. Его упрямое молчаніе, или грубыя отвѣты, какъ скоро рѣчь касалась Гарольда, представляли рѣзкую противоположность его откровенности, пока бесѣда ограничивалась современными происшествіями, или особенностями саксонскихъ нравовъ.

Наконецъ рыцарь, отбитый со всѣхъ сторонъ, отступилъ; видя, что не извлечь ему болѣе пользы изъ Саксонца, переѣхалъ свою принужденную вѣжливость на норманскую слѣсь къ низкому спутнику. Онъ выѣхалъ вѣскольکو впередъ, и ѣхалъ одинъ, замѣчая глазомъ опытнаго воина характеръ мѣстности, дивясь и радуясь въ то же время ничтожности укрѣпленій, которыми даже въ Маркахъ охранялась Англія отъ враждебныхъ Кимровъ. Въ такихъ непріязненныхъ посѣщаемой имъ странѣ размышленіяхъ, очутился Норманъ, на третій день послѣ разговора съ жрецомъ, въ дикихъ ущельяхъ Сѣвернаго Валлиса.

Остановившись въ тѣсномъ проходѣ, надъ которымъ съ обѣихъ сторонъ нависли дикія, голыя скалы, рыцарь позвалъ свою прислугу, одѣлся въ кольчугу и сѣлъ на своего ратнаго коня.

— Ты напрасно утомляешь себя, Норманъ, сказалъ Сексвольфъ: тяжелое оружіе здѣсь ни кѣму не служить. Я уже бывалъ въ этой странѣ, даже придется тебѣ скоро бросить коня и идти пѣшкомъ.

— Знай, пріятель, отвѣчалъ рыцарь, что я не затѣмъ пришелъ сюда, чтобы учиться военному искусству съ азбуки; и знай также, что благородный норманскій рыцарь скорѣе простится съ жизнью, чѣмъ бросить добраго коня.

— Вы, заморцы Французы, сказалъ Сексвольфъ, выставляя цѣлый рядъ зубовъ среди лѣсу своей бороды, охотники похващать и пускать громкія слова: предупреждаю тебя, что ты можешь наговорить ихъ еще съ три короба, потому-что мы идемъ по пятамъ Гарольда, а Гарольдъ не оставитъ врага за спиною. Ты здѣсь также безопасенъ, какъ въ храмѣ Водена.

— О вѣжливыхъ твоихъ шуткахъ — ни слова, сказалъ Норманъ: но прошу тебя не называть меня Французомъ. Я приписываю это не желанію твоему обидѣть меня, а только твоему незнавію приличій и воинской вѣжливости. Хотя мать моя была Француженка, знай, что Норманъ презираетъ Франка почти столько же какъ Жида.

— Прощу великодушнаго прощенія, сказалъ Саксонецъ: но я

полагалъ, что всѣ заморцы родня между-собою, одной крови и одного племени.

— Авось придетъ время, когда ты это узнаешь лучше. Иди же впередъ, Сексвольфъ.

Тѣсный проходъ, расширяясь мало-по-малу, вывелъ на просторную, дикую площадку, на которой не было даже ни травки; Сексвольфъ, поравнявшись съ рыцаремъ, указалъ ему камень, на которомъ было написано: — *Hic victor fuit Haroldus*. Здѣсь побѣдилъ Гарольдъ.

— Никакой Валлонъ не посмѣетъ показаться въ виду этого камня, сказалъ Саксонецъ.

— Простой, классическій памятникъ, а много говорить, замѣтилъ Норманъ съ удовольствіемъ. Миѣ пріятно видѣть, что твой графъ знаетъ по-латыни.

— Кто тебѣ сказать, что онъ знаетъ по-латыни? возразилъ осторожный Саксонецъ, боясь, что свѣдѣніе, радовавшее сколько нибудь Нормана, не могло быть благопріятно Гарольду. Поѣзжай съ Богомъ на своемъ конѣ, пока дорога позволяетъ.

На границахъ Карнарвонской области отрядъ остановился въ деревушкѣ, обведенной недавно вырытымъ окопомъ и рогаткою. Внутри рогатки было множество ратниковъ, изъ которыхъ одни отдыхали на травѣ, другіе играли въ кости или пили; по одеждѣ ихъ, изъ выправленныхъ кожъ, и по знаменіи, развѣшавшемуся на возвышеніи среди огорода, съ изображеніемъ тигровыхъ головъ, герба Гарольда, очевидно было, что это Саксонцы.

— Здѣсь мы узнаемъ, сказалъ Сексвольфъ, что намѣренъ дѣлать графъ; здѣсь покажѣте, конецъ моего похода.

— Стало быть это главная квартира графа? ни замка, хоть бы деревяннаго, ни стѣнъ, — только ровъ и рогатки? спросилъ Малле де-Гравиль, съ удивленіемъ, похожимъ на презрѣніе.

— Норманъ, отвѣчалъ Сексвольфъ: здѣсь есть и крѣпкій замокъ, хотя ты его не видишь, и стѣны. Замокъ этотъ — ния Гарольда, на которое не отважится ни одинъ Валлонъ, а стѣны — груды тѣлъ, лежащія по всѣмъ окрестнымъ долинамъ.

Сказавъ это, Саксонецъ протрубилъ въ свой рогъ, на который ему отвѣчали изъ стану, и потомъ повелъ отрядъ къ доскѣ, перекинутой черезъ ровъ.

— Ни даже подъемнаго моста! пробормоталъ рыцарь.

Сексвольфъ поговорилъ не много съ тѣмъ, который былъ по-видимому, начальникъ гарнизона; потомъ возвратился къ Норману, и сказалъ:

— Графъ ушелъ съ своею дружиною въ горныя ущелья Сноудона; туда, говорятъ, загналъ теперь кровожадный Грисентъ, и доведенъ тамъ до послѣдней крайности. Герольдъ приказалъ, чтобъ я, давъ короткій розыскъ своей дружинѣ, шелъ съ нею немедленно къ нему въ шкомъ; онъ оставилъ для того и провожу вика. Теперь можетъ предостать опасность; потому-что, хотя Грисентъ запертъ на своихъ вершинахъ, однако же у него могутъ быть приверженцы, которые какъ разъ выколютъ изъ ущелій и разбѣлнѣ. Верхомъ проходу нѣтъ; поэтому, почтенный Норманъ, такъ-какъ тебѣ нѣтъ дѣла до нашей войны, и графъ вашъ тебѣ не начальникъ, то я совѣтую оставаться здѣсь въ покоѣ и въ безопасности, съ большими и плѣнными.

— Очень пріятное общество, нечего сказать, возразилъ Норманъ; но люди странствуютъ для того, чтобы учиться, и я охотно посмотрѣлъ бы какъ ты перевѣдываешься съ этими непокорными горами; но прежде всего, какъ провиантъ мой, кажется, порядкомъ истощился, я попрошу тебя накормить и напоить меня. А потомъ ты увидишь, когда мы будемъ лицомъ къ лицу съ неприятелемъ, нужны ли Норману громкія слова для прикрытія малыхъ дѣлъ.

— Вотъ что называется, говорить витяземъ; я этого и не ожидалъ, сказалъ Сексвольфъ, въ восторгѣ.

Между тѣмъ какъ де-Гравиль сошелъ съ лошади, и рыскалъ по деревушкѣ, отрядъ обмѣнялся привѣтствіями съ своими земляками. Грустное зрѣлище представлялъ станъ, даже для глазъ война. Здѣсь и тамъ, груды пещу и развалинъ, обгорѣлые, изрубленные дома, среди которыхъ, нетронутое войною, печально и уныло стояло бѣдное капище; вокругъ, стада овецъ щинали траву на огромныхъ, свѣжихъ курганахъ, насыпанныхъ надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отцовскихъ жилищъ.

Воздухъ былъ напитавъ крѣпкимъ ароматомъ болотнаго мирту; деревушка находилась среди бѣдной и дикой, но прекрасной въ своей суровости природы, и Норманъ, поэтъ по племени, и классикъ по воспитанію, не могъ не сочувствовать ея величію. Сѣвъ на дикій камень, поодаль отъ шумной толпы ратниковъ, онъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на туманныя широко раскинувшіяся вершины горъ, и на ручей, который текъ внизъ, перерѣзывая деревню, и теряясь въ купахъ горныхъ ясеней. Долго бы онъ еще сидѣлъ въ раздумьи, еслибы Сексвольфъ не пробудилъ его; съ необычайною въ немъ привѣтливостію привелъ онъ къ рыцарю нѣсколько теововъ, съ обѣдомъ, состоявшимъ изъ сыру,

нѣсколькихъ кусочковъ вареннаго козленка, и огромнаго рога очень незавиднаго меду.

— Графъ посадилъ свою дружину на валлонскую пищу, сказалъ онъ, въ видѣ извиненія; потому-что въ этомъ трудномъ походѣ, ничего другаго не добудешь.

Рыцарь съ любопытствомъ осмотрѣлъ сыръ, и наклонился надъ козлятиною.

— Довольно и этого, добрый Сексвольфъ, сказалъ онъ, стараюсь подавить невольный вздохъ. Только вмѣсто этого меду, который пригодите пчеламъ чѣмъ людямъ, дай мнѣ лучше свѣжей воды; одна вода безопасное питье передъ боемъ.

— Ты видно никогда не пивалъ элю! сказалъ Саксонецъ; впрочемъ пусть будетъ по твоему; мы не станемъ насловать твоего заморскаго вкусу.

Немного спустя пополудни, затрубили рога, и отрядъ приготовился выступить снова въ походъ. Норманъ замѣтилъ, что Саксонцы оставляли лошадей; и конюхъ пришелъ доложить ему, что Сексвольфъ строго запретилъ брать съ собою рыцарева коня.

— Слыхаво ли когда, вскричалъ сыръ Маллѣ-де-Гравиня, чтобы норманскій рыцарь ходилъ пѣшій, и еще противъ врага! Позови сюда мужика.... того-бшъ.... вождя.

Но Сексвольфъ явился самъ, безъ зову, и де Гравиня повторилъ ему свою жалобу. Саксонецъ былъ непреклоненъ, и на всѣ доводы отвѣчалъ: Такъ приказалъ графъ!— Наконецъ выведенный изъ терпѣнiя, онъ сказалъ на отрѣзъ: Хочешь идти, такъ иди; а пѣтъ, такъ оставайся; сиди здѣсь съ своею лошадыю, или иди съ нами пѣшкомъ.

— Мой конь благороднаго происхожденiя, отвѣчалъ рыцарь, и потому былъ бы самымъ приличнымъ мнѣ товарищемъ. Но я уступаю силѣ, — прошу замѣтить, что я иду только по принужденiю; да не посмѣетъ никто сказать о Вильгельмѣ Маллѣ де Гравиня, что онъ добровольно пошелъ пѣшій на сраженiе.

За тѣмъ онъ поправилъ свой тяжелый бердышъ, и не снявъ кольчуги, сидѣвшей на немъ гладко какъ сорочка, пошелъ съ отрядомъ. Проводникомъ служилъ туземецъ, подданный одного изъ мелкихъ царьковъ, покорныхъ Англіи, въ которомъ, какъ во многихъ другихъ его собратахъ, ненависть и жажда мести противъ враждебнаго племени Гривоита была несравненно сильнѣе даже общей ихъ ненависти къ Саксонцамъ.

Путь отряда извивался нѣкоторое время по берегу рѣки Консея; впереди видѣлась вершина Пеннаемъ Мавра. Ни души не

встрѣчалось имъ; и не видно было ни козы на далекнхъ гребняхъ, ни овцы на лугахъ. Тяжелое впечатлѣніе производило это опустѣніе, подъ жгучимъ августовскимъ солнцемъ. Попадались по дорогѣ дома, — если можно назвать домою, грубое каменное строеніе, заключающее одну комнату; — но жителей въ нихъ не было. Вездѣ являлись слѣды опустошенія, потому что отрядъ шелъ по стопамъ Гарольда побѣдителя. Наконецъ прошелъ онъ древній Коновиумъ, нынѣ Казръ-хенъ, стоявшій на низкомъ берегу рѣки. Въ то время были еще тамъ, и не въ томъ видѣ, какъ теперь, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ опустошенія, — дивные остатки римскаго зодчества, длинныя, растрескавшіяся стѣны, полуразвалившаяся башня, остатки огромныхъ бань; наконецъ близъ нынѣшняго Таль-и Кафискаго перевозу, гордо возвышалась почти нетронутая крѣпость Кастель-у-Бригъ. На крѣпости развѣвалась Гарольдова хоругвь. У берегу было прикрѣплено множество плоскодонныхъ лодокъ, и вся крѣпость щетивилась дротиками и копьями.

Видъ крѣпости чрезвычайно обрадовалъ Маллѣ-де Гравиля; онъ надѣялся, что тутъ увидитъ наконецъ Гарольда; и хотя онъ не ропталъ, и скорѣе погибъ бы мученикомъ въ своей кольчугѣ, чѣмъ разстался бы съ нею, однакоже онъ почти уже выбился изъ силъ подъ тяжестью желѣзныхъ доспѣховъ. Онъ съ принужденною живостью выскочилъ впередъ, и очутился среди кружка, въ которомъ съ перваго взгляду узналъ своего стариннаго знакомаго Годрита. Спявъ свой тяжелый шлемъ, онъ схватилъ руку тегна, и вскричалъ:

— Вотъ пріятная встрѣча, *ventre de Guillaume!* здорово, добрый Годри! Помнишь Маллѣ-де Гравиля? Вотъ онъ, несчастный, самъ передъ тобою, въ этомъ непрличномъ нарядѣ, пѣшій, среди толпы мужичья, испеченный подъ зорами плебея Феба!

— Пріятная встрѣча, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Годритъ, нѣсколько смѣшавшись; но какъ попалъ ты сюда, и къ кому?

— Къ графу Гарольду, любезный; надѣюсь, что онъ здѣсь.

— Нѣтъ; впрочемъ недалеко отсюда, въ крѣпости, что при устьѣ рѣки Казръ-Джиффина *. Сядись въ лодку, и можешь туда поспѣть еще до заката солнца.

— Не будетъ ли скоро сраженія? Тотъ плутъ надулъ меня; обѣщавъ опасности, а доселѣ мы не встрѣтили ни души.

— Гарольдова метла мететь такъ чисто, что послѣ нея уже ничего не подметешь, отвѣчалъ Годритъ, улыбаясь. — Но ты

* Гдѣ теперь городъ и крѣпость Конвей.

еще пожалуй поспѣешь къ смерти валлисскаго льва. Мы затравили его наконецъ до послѣдней крайности; остается ему только отдаться въ наши руки, или околотъ съ голоду. Посмотри, продолжалъ Годритъ, указывая на вершину Пенмаэвъ Мавра. — Даже отсюда можно различить что-то сѣрое и неопредѣленное на чистомъ небѣ.

— Или ты думаешь, что я еще такъ неопытенъ въ осадахъ, что глазъ мой не разглядитъ башенъ. Высоки и массивны они, хотя кажутся отсюда тоньше мачтъ и ниже столбовъ, стоящихъ по дорогѣ.

— На этомъ утесѣ, и въ этихъ укрѣпленіяхъ сидитъ Грнфитъ, король валлисскій, съ послѣдними своими силами. Онъ не уйдетъ отъ насъ; суда наши паблюдаютъ всѣ берега; войска наши занимаютъ всѣ проходы. Лазутчики не дремлютъ ни днемъ, ни ночью. По вѣстовымъ холмамъ разставлены наши караулы. Если бы королю вздумалось сойти, вѣстовые огни загорятся по всѣмъ постамъ, и окружатъ его огненнымъ поясомъ. Изъ страны въ страну, съ холма на холмъ, шли мы по пятамъ его, черезъ лѣса и ущелья, черезъ скалы и болота, отъ Гирфорда къ Карлеону, отъ Карлеона къ Мильфорду, отъ Мильфорда къ Своудову, и изъ Своудона загнали его въ эту твердыню, построенную, говорятъ, чертями или великанами. Сраженія и стычки довольно уже пролили лучшей его крови; ты вѣроятно самъ видишь слѣды ея, тамъ, гдѣ стоитъ камень, возвѣщающій побѣду Гарольда.

— Храбрый витязь, и истинный король, этотъ Грнфитъ, скаль Норманъ, съ благоговѣніемъ; но, — продолжалъ онъ съ меньшимъ жаромъ, — признаюсь, что касается до меня, то я сострадаю къ побѣжденному витязю, и чту побѣдителя; и хотя я еще не много успѣлъ осмотрѣть эту дикую страну, однакоже изъ видѣннаго, могу судить, что только вождь, одаренный неутонченнымъ терпѣніемъ, и въ высшей степени обладающій ратнымъ искусствомъ, могъ покорить страну, гдѣ каждый утесъ — почти непреступная крѣпость.

Это, кажется, испыталъ твой землякъ Рольфъ, отвѣчалъ Годритъ; Валлисцы разбили его на голову, и по очень простой причинѣ. Онъ непремѣнно хотѣлъ употреблять лошадей тамъ, гдѣ никакая лошадь не взберется, и одѣвать людей въ тяжелые доспѣхи, чтобы сражаться съ людьми легкими и увертливыми какъ косатки, которые, то шмыгаютъ по землѣ, то взнесутся за облака. Гарольдъ былъ догадливѣе; онъ обратилъ нашихъ Саксон-

цевъ въ Валлицевъ, научилъ ихъ налетать, ползти и взбираться, какъ ихъ противники; это была настоящая птичья война. И вотъ остается одинъ орелъ, въ своемъ послѣднемъ уединенномъ гнѣздѣ.

— Походы, кажется, придали тебѣ краснорѣчія, месьиръ Годри, сказалъ Норманъ, съ видомъ покровительственнаго одобренія. — Однакоже мнѣ кажется, что нѣсколько легкой конницы....

— Взобралось бы на этотъ утесъ? перебилъ Годритъ смѣясь, и показывая на вершину Пенмаэнтъ-Мавра!

Норманъ взглянулъ и замолчалъ; но подумалъ про себя: — Пожалуй, что этотъ Сексвольфъ не такой болванъ какъ я полагалъ прежде.

=

ГАРОЛЬДЪ, ПОСЛѢДНІЙ САКСОНСКІЙ КОРОЛЬ ВЪ АНГЛІИ.

РОМАНЪ ЭДУАРДА ВУЛЬВЕРА (1847).

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ВАЛЛИССКІЙ КОРОЛЬ.

I.

Солнце только что разлило послѣдніе лучи свои по широкой равнинѣ водъ, куда изливаются свои струи излучистый Коввей, или вѣрнѣе Кинъ вай, то есть, великая рѣка. Въ то время не существовалъ еще дивный замокъ, служащій нынѣ памятникомъ Эдуарда Плавтагенета и составляющій красу Валлиса. Впрочемъ, не говоря о природной красотѣ мѣста, оно имѣло право на вниманіе по остаткамъ древняго искусства. На берегу Джифива возвышалась грубая но сильная крѣпость, построенная изъ остатковъ болѣе обширной римской твердыни; а вокругъ были обширныя развалины древнѣйшаго города. Напротивъ же крѣпости, на дикомъ и извилистомъ Гогартскомъ мысу видѣлись еще сѣрые, заглохшіе остатки римскаго города, погибшаго за много вѣковъ, отъ молніи.

Глубокій, торжественный смыслъ имѣли эти остатки могущества и великолѣпія, которыя Римъ напрасно завѣщалъ Бритамъ, для того, кто смотрѣлъ бы на нихъ съ мыслью, что тамъ, на неприступной скалѣ, храбрый ввукъ цѣлаго рода героевъ, вос-

содвигшаго за нѣсколько вѣковъ, ко всѣмъ царскимъ родамъ Сѣвера, ждалъ своего послѣдняго часу среди разваливъ человѣческихъ сооружений, на твердыхъ, которыя давала ему еще природа.

Но не такъ размышлялъ воинственный и наблюдательный Норманъ, въ жилахъ котораго текла свѣжая кровь новаго племени завоевателей.

— Въ этой странѣ, думалъ онъ, еще болѣе разваливъ старшины чѣмъ въ Саксонской землѣ, а если настоящее не можетъ ни хранить, ни поддерживать прошедшаго, то въ будущемъ предстоитъ одно рабство и отчаяніе.

Согласно ученію саксонскаго военнаго искусства, полагавшаго, очевидно, главную силу укрѣпленія въ окнахъ, потому можетъ быть, что оно скорѣе всѣхъ вѣншихъ укрѣпленій можетъ быть остроено съ наименьшими издержками, вокругъ крѣпости проведена была новая окопъ, съ двухъ сторонъ, примыкавшій съ двухъ остальныхъ сторонъ, къ рѣкамъ Конвею и Джонну. Но лодка пристала къ самой стѣнѣ, и Норманъ, вышедъ на берегъ, былъ немедленно представленъ графу.

Гарольдъ сѣлъ передъ простымъ столомъ, наклонившись надъ грубо начерченной картою большой горы Пенмазъ; подлѣ карты стояла желѣзная лампада, хотя еще было довольно свѣтло.

Графъ всталъ, увидѣвъ Гравиля, который вошелъ съ величавою ловкостью своихъ соотечественниковъ, и сказалъ, употребляя все свое умѣнье въ саксонскомъ языкѣ.

— Вильгельмъ Маллѣ де-Гравиль, Норманъ, привѣтствуетъ графа, Гарольда! и приноситъ ему вѣсти пѣзъ-за моря.

Въ комнатѣ былъ только одинъ стулъ, съ котораго всталъ графъ Гарольдъ. Онъ вѣжливо подаль его посѣтителю, а самъ оперся на столъ, и сказалъ на норманскомъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ совершенно свободно.

— Не мало обязанъ я спру де-Гравиллю за то, что онъ предпринялъ для меня такое дальное путешествіе; но прежде чѣмъ я выслушаю извѣстія, не угодно ли ему будетъ отдохнуть и водкрѣпиться пищею?

— Отъ отдыха я не откажусь; пища также была бы не лишнею, если не оградитесь козымъ сыромъ и козленкомъ, къ которымъ я еще не успѣлъ привыкнуть. Но прежде чѣмъ воспользуюсь приглашеніемъ, я долженъ извиниться передъ благороднымъ Гарольдомъ въ нарушеніи закона, которымъ мы, чужеземцы, изгнаны пѣзъ Англійскаго королевства, и отдать спра-

вѣдливость, гостепріимству, которое, несмотря на то, оказывали имъ все твои соотечественники.

— Сиръ де-Гравиль, отвѣчалъ Гарольдъ, извини насъ, если мы, изъ ревности къ своимъ законамъ, могли показаться не гостепріимными къ тѣмъ, которые хотѣли въ насъ вѣстаться. Но Сассонцы всегда рады чужеземцу, когда онъ навѣщаетъ ихъ только въ качествѣ пріятеля. Тѣ, которые поселяются у насъ для торговли, находятъ покровительство и льготы; тѣмъ же немногимъ, которые подобно тебѣ, Норманъ, пересылаютъ море за тѣмъ, чтобъ служить намъ, подаемъ мы радужное угостеніе и дружескую руку.

Обрадованный и удивленный этимъ милостивымъ пріемомъ съ стороны Годвинова сына, Норманъ пожалъ протянутую ему руку; потомъ подавъ шкатулку, и подробно, и съ чувствомъ разсказалъ встрѣчу своего родственника съ Свейномъ, и Свейново звѣщаніе.

Графъ слушалъ потупивъ глаза и отворотивъ лицо отъ лаванды; когда же Малле окончилъ разсказъ, Гарольдъ сказалъ, тщетно стараясь подавить свое волненіе:

— Благодарю тебя отъ всего сердца, добрый Норманъ, за твое участіе и услугу! Я.... я.... Тутъ голосъ его прервался. Свейтъ былъ имъ очень дорогъ въ своихъ страданіяхъ. Мы слышали то онъ умеръ въ Ликин, и долго овлакивали его. И такъ когда онъ сказалъ это твоему родственнику, онъ.... онъ.... Увы, Свейтъ, братъ мой....

— Умеръ, отвѣчалъ Норманъ съ участіемъ; но умеръ спокойно, безмятежно и съ надеждою, говоритъ мой родственникъ.

Гарольдъ склонилъ голову и ворочалъ шкатулку во все стороны, не смѣя ее открыть. Самъ рыцарь, тронутый этою простотою, мужественною горестію, всталъ по тому тонкому инстинкту, который принадлежитъ одному непритворному участію, и вышелъ за дверь, за которою ожидалъ его служитель, приведшій его.

Гарольдъ не думалъ удерживать его, но вышелъ за нимъ за верою, и приказалъ служителю, угождать гостю какъ бы ему самому. Потомъ обращаясь къ Норману, сказалъ:

— Завтра утромъ, сиръ де-Гравиль, мы опять увидимся, я вижу, что ты изъ тѣхъ, передъ кѣмъ не нужно извиненій въ человѣческой чувствительности.

— Благородная наружность! пробормоталъ рыцарь сходя съ лѣстницы; — за то въ немъ есть норманская, или по крайней-

нѣрѣ скандинавская кровь не потерѣ. — Пріятель, продолжалъ онъ, обращаясь къ служителю; всякое кушанье будетъ хорошо, только бы не козлатина, и всякое питье, кромѣ меда!

— Не бойся, знатный гость, отвѣчалъ служитель; у графа Тостига стоятъ два корабля въ заливѣ, и онъ прислалъ намъ такіе припасы, что самъ Вильгельмъ Лондонскій остался бы ими доволенъ. Графъ Тостигъ человекъ разборчивый.

— Такъ засвидѣтельствуй мое почтеніе графу Тостигу, сказалъ рыцарь; вотъ графъ, какихъ я люблю.

II.

Возвратясь въ комнату, Гарольдъ заперъ дверь на крѣпкій замокъ, открылъ шкатулку, и вынулъ изъ нея иссачкаанный и полустертый свертокъ:

— Когда ты получишь это письмо, Гарольдъ, братъ твоего дѣтства уже уснетъ во плоть, а духъ его освободится отъ людскаго суда и отъ земныхъ горестей. Говорятъ мнѣ, что я уже выкупилъ въ свои грѣхи; что тяжелая вира уже заплачена, что я могу воротиться въ среду людей, съ душою свободою отъ бремени преступленія, съ именемъ очищеннымъ отъ пятна. Вѣрь этому, братъ; скажи отцу — если онъ еще живъ, незабвенный старикъ, — скажи Гвѣ, чтобы она вѣрила; научи сына моего Гакона вѣрить этому какъ святой истинѣ, Гарольдъ, еще разъ поручаю тебѣ сына; будь ему отцомъ! Смерть моя вѣроятно освободитъ его изъ залога. Не допусти, чтобы онъ взросъ при дверяхъ чужеземца, въ странѣ нашего врага. Пусть ноги его еще въ юности топчуть зеленые луга Англій; пусть глаза его, прежде чѣмъ потускнѣютъ въ проступкахъ, упьются лазурью ея неба! Когда ты получишь это посланіе, ты въ своей спокойной, безуспѣшной мощи, будешь еще больше самого отца нашего, Годвина. Онъ стяжалъ власть трудомъ и домогательствомъ, какъ награду ума и силы; тебѣ же власть дана отъ рожденія, какъ сила сильному. Она осѣняетъ тебя въ каждомъ твоёмъ движеніи. Тебѣ не нужно домогаться величія, оно твое естественное назначеніе. Возьми моего сына подъ сѣнь твоего могущества; выведи его своею яввою десницею изъ земли изгнанія. Не требую я для него ни графства ни удѣловъ, какъ достоянія его отца; не хочу ставить его тебѣ въ соперники; прошу для него только свободы, и воздуху родной Англій. Уповаю на тебя, Гарольдъ, отворачиваю лицо къ стѣнѣ, и смиряю свое беспокойное сердце.

Свертокъ вынулъ изъ рукъ Гарольда.

— Такъ, сказалъ онъ печально, кончилась жизнь, болѣе похожая на сонъ, чѣмъ на жизнь! А кѣмъ, въ нашемъ дѣтствѣ, Годвинъ такъ гордился, какъ Свейномъ? кто былъ кротче въ мирѣ, ужаснѣе въ гнѣвѣ? Мать учила его пѣснямъ Балтики; Гильда водила его по стенамъ и лѣсамъ, рассказывая дѣвнн витезей и скальдовъ. Онъ одинъ въ нашемъ домѣ наследовалъ даръ Датчавина, даръ бурной пѣсни; бездушныя вещи дышали для него жизнью. Величественное дерево, съ котораго птицы небесныя возсылали свои хвалы, на которомъ гнѣздились соколъ и порхала иволга съ звонкою пѣснью, — засохло ты, завянн и листья и сердцевина; молння разбила тебя, и источилъ тебя червь!

Онъ умолкъ, и долго закрывалъ глаза рукою, хотя кромѣ его никого не было въ комнатѣ.

— Теперь, подумалъ онъ, вставъ и медленно ходя по комнатѣ; — теперь позаботимся объ оставшемся на землѣ, — о сынѣ. Много разъ умоляла меня мать вспомнить о бѣдныхъ заложникахъ; много разъ посылалъ я вытребовать ихъ. Уклончивые, ложные предлога были отвѣтомъ на мое требованн, и даже на представленн самого Эдуарда. Но теперь, когда Вильгельмъ позволялъ этому Норману привезти мнѣ письмо, можно надѣяться, что онъ согласится на то, чего не можетъ отказать безъ несправедливости и оскорбленн; и Гаконъ возвратится въ отцовскую землю, а Вольвотъ въ объятн матерн.

III.

Мессиръ Малле-де-Гравиль, какъ слѣдуетъ челоѣку воспитанному для военнаго поприща, и у котораго сонъ всегда готовъ, только былъ бы случай предаться этому блаженству, едва положилъ голову на приготовленную ему подушку, какъ глаза его уже смежались, и онъ заснулъ такъ крѣпко, что даже сновидѣнн не могли пробить себѣ пути къ его чувствамъ. Но около полудни онъ былъ пробужденъ такимъ шумомъ, который разбудилъ бы не только его, но и семерыхъ спящихъ витезей; клики, крики, трескъ, звонъ роговъ, топотъ ногъ, и вдали ревъ несущейся толпы. Онъ вскочилъ съ постели, вся комната была освѣщена какимъ-то мрачнымъ, кровавымъ свѣтомъ. Первою мыслью было, что крѣпость горѣла; но когда онъ вскочилъ на лавку, которую была обнесена вся стѣна, и взглянулъ въ отверстн башни, ему

показалось, что не только яркость, но и вся свирепости страсти слилась въ одно пламя, и около эту огненную атмосферу увидѣлъ онъ, что земля, вблизи и вдали, роняло людей. Сотни людей переплывали черезъ рѣку, перелезали черезъ валы окова, бросались на дротинки юсаждоннаго, прорывали ихъ ряды и ружья, бросались во внутрь окоповъ; одни полувоскресенные, въ шлемакъ и нагрудникакъ, другіе въ полотышкакъ рубашкакъ, третьи почти нагіе. Грохотъ, рѣзкіе шумы: квалъ 'Водену слышался съ криками: Выходи, выходи за вѣту отцовъ поимать! Онъ тотчасъ догадался, что Валлизы штурмовали саксонскій станъ. Немного потребовалось времени дѣятельному Норману, чтобы шдѣть кольчугу; схватилъ мечъ, онъ бросился въ дверь, съ лѣстницы, и вышелъ въ сѣни, наполненныя людьми, которые неспѣшно хватался за оружіе.

— Гдѣ Гарольдъ? спросилъ онъ.

— Уже на окопакъ, отвѣчалъ Сексвольфъ, застѣгнувъ кожанный нагрудникъ. — Валлизовіе черти выползли изъ своего аду.

— А это ихъ вѣстовые огни? Стало бытъ вслѣдствіе идти на насъ?

— Полно болтать вздоръ, отвѣчалъ Сексвольфъ; всѣ эти холмы заняты Гарольдовыми караулами; наши лазутчики извѣстили ихъ, и вѣстовые огни предупредили насъ прежде, чѣмъ неприятель успѣлъ показаться въ виду; еслибы не то, мы все давно лежали бы здѣсь безъ головъ или искошенныя въ куски. Эй, ребята, стронься и выступай!

— Постой, постой! вскричалъ рыцарь, развѣ нѣтъ здѣсь жреца, который благословилъ бы насъ на бой?

Ужасное зрѣлище представилось имъ, какъ скоро они вышли на открытое мѣсто. Хотя недавно начался бой, однакоже рѣзня уже шла невыразимая. Ободренные превосходствомъ числа, гора храбростью, похожею на бѣшенство сумасшедшихъ или голодныхъ волковъ, толпы Бритовъ перешли окопы, переплыли рѣку, хватили руками противопоставляемыя имъ дротинки, скакали черезъ трупы убитыхъ товарищей, и съ криками дикой радости бросались на сжатые ряды, выстроившіеся передъ крѣпостью. Рѣзка, безъ преувеличенія, текла кровью; пораженные сулицами и стрѣлами, трупы всплывали и исчезали, между тѣмъ какъ съ противнаго берегу, толпы бросались въ воду, не страшась рѣзни. Какъ бѣлые медвѣди окружаютъ корабль морскаго короля при свѣтѣ сѣвернаго сіянія или полуднаго солнца сѣвера, такъ стекались свирѣпыя ратники сквозь огненную атмосферу.

Среди всѣхъ отличався два человѣка: одинъ, высокій и статный, стоялъ у окна, за хоругвью, которая то обвивалась древко, то широко развивалась по воздуху, вздуваемая быстрымъ движеніемъ людей, потому что ночь была совершенно тихая. Съ тяжелою датскою стѣкурою въ обѣихъ рукахъ стоялъ онъ одинъ противъ сотенъ, и съ каждымъ ударомъ, быстрымъ какъ молнія, валился новый врагъ. Вокругъ него была стѣна изъ вражескихъ труповъ.

Но въ самомъ центрѣ поля битвы, впереди свѣжаго отряда Валлизовъ, прорвавшихъ себѣ путь съ другой стороны, являлся человѣкъ, котораго, казалось, какая то волшебная сила хранила отъ стрѣлъ и мечей. Оборонительное оружіе этого вождя было такъ легко, какъ будто назначалось для одного украшенія: небольшая золотая нагрудникъ накрывала только средину его груди; на шеѣ его было золотое ожерелье изъ свитыхъ проволокъ, и золотое запястье украшало его обнаженную руку, покрытую отъ кисти до локтя кровью, но не его собственною. Онъ былъ небольшого росту, даже меньше обыкновеннаго росту, и вѣснаго сложенія; но вдохновеніе войны, повидимому, дѣлало его великаномъ. На головѣ его не было шлема, а только золотой обручъ; и ярко рыжіе волоса, длиннѣе чѣмъ ихъ обыкновенно носили Валлизы, мотались по плечамъ какъ львиная грива, и развивались при каждомъ его движеніи. Глаза его горѣли какъ глаза тигра ночью, и какъ тигръ бросался онъ однимъ прыжкомъ на дикъ. Одно мгновеніе исчезъ онъ среди вражескихъ рядовъ, и его можно было узнать только по частому сверканію короткаго копья; но онъ вскорѣ пробѣжалъ дорогу себѣ и своему отряду, и вышелъ изъ рядовъ невредимъ; между тѣмъ сподвижники его окружили прорванную имъ лѣнію, сомкнулись вокругъ нея, рубили, напирали, убивали и падали сами.

— По истинѣ, вотъ битва, въ которой можно потѣшиться, сказалъ рыцарь. Ну, почтенный Сексвольфъ, увидишь ты теперь, такой ли хвастунъ Норманъ, какимъ ты его считаешь. Съ нами Воденъ! Иди врагу въ тылъ.

Но, обернувшись, онъ увидѣлъ, что Сексвольфъ уже велъ свой отрядъ къ знамени, у котораго стоялъ графъ, почти одинъ среди опасности. Оставшись такимъ образомъ одинъ, рыцарь не долго думалъ: въ одно мгновеніе онъ очутился среди валонскаго отряда, надъ которымъ начальствовалъ вождь, съ золотымъ обручемъ на головѣ. Защищенный кобыткою отъ ударовъ легкаго оружія Валонцевъ, Норманъ донесъ своимъ бердышемъ какъ мосою смер-

ти. Онъ разилъ вправо и влѣво по толпѣ, на которую напиралъ съ боку, и почти уже пробился къ малочисленному саксонскому отряду, твердо стоявшему въ срединѣ, когда ревъ и стоны на пути его обратили сверкающій взоръ кимрскаго вождя на этого новаго врага. И валлисскай левъ сталъ противъ рыцаря съ своею полуоткрытою грудью противъ кольчуги, и короткимъ римскимъ копьемъ противъ длиннаго норманскаго бердыша.

Несмотря на видное неравенство этого боя, такъ быстры были скачки Брита, такъ ловка его рука, и такъ часты удары его копья, что добрый рыцарь, считавшійся, болѣе по искусству и по храбрости чѣмъ по физической силѣ, однимъ изъ лучшихъ рубакъ Вильгельмовой дружины, лучше желалъ бы видѣть передъ собою Фицосборна или Монтгомери, закованныхъ въ сталь и вооруженныхъ палицею и бердышемъ, чѣмъ отражать эти ослѣпительные удары и выдерживать бурный напоръ гнѣвнаго, безшеломаго короля. Уже въ двухъ мѣстахъ была прорублена его кольчуга и кровь быстро струилась изъ подъ нея, а тяжелый бердышъ его только махалъ по воздуху, стараясь попасть въ неуловимаго противника; когда саксонскій отрядъ, воспользовавшись промежуткомъ, который это обстоятельство оставило въ окружавшемъ ихъ отрядѣ, и узнавъ съ свирѣпымъ гнѣвомъ золотой обручъ и нагрудникъ валлисскаго короля, сдѣлалъ отчаянное усиліе. Тутъ на нѣсколько минутъ завязалась безпорядочная, слѣпая рѣзня; удары сыпались на пропалую куда ни попало: люди валились, и никто не могъ сказать откуда и какъ постигла ихъ смерть; но дисциплина и упорный порядокъ, который Саксонцы хранили по привычкѣ, среди самой суматохи, наконецъ восторжествовали. Дружный напоръ пробилъ путь, и Саксонцы, обѣднѣвшіе числомъ и перераненные, вышли изъ круга и прикнули къ главнымъ силамъ, выстроившимся передъ крѣпостью, опираясь тыломъ на ея стѣну.

Между-тѣмъ Гарольдъ, съ помощью Сексвольфа отряда, успѣлъ наконецъ отбить свѣжія валлонскія подкрѣпленія отъ самаго слабого пункта окоповъ. Окинувъ все поле опытнымъ глазомъ полководца, онъ приказалъ нѣкоторымъ отрядамъ возвратиться въ крѣпость и открыть со стѣнъ и изъ всѣхъ бойницъ, баттарей каменье и сулицъ, составлявшія главную часть крѣпостной артиллеріи у неопытныхъ въ осадномъ искусствѣ Саксонцевъ. Потомъ поставилъ Сексвольфа, съ большею частью его отряда, охранять окопы и, заслонивъ глаза рукою и взглянувъ на луку, блѣдную и тусклую отъ свѣта вѣстовыхъ огней, онъ сказалъ спокойно:

— Терривіе сражается теперь за насъ. Не усѣеть луна взойти на вершину того холма, какъ войска, стоящія въ Аберѣ и Каэръ-хейѣ, будутъ на пеннаэскихъ склонахъ и отрѣжутъ Валлонамъ путь къ отступленію. Несите мою хоругвь въ самое жаркое мѣсто.

Но между-тѣмъ какъ графъ, положивъ сѣкиру на плечо, шель съ хоругвью и десятками двумя или тремя ратниковъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь сосредоточивался преимущественно бой, на самой срединѣ между крѣпостью и окопами, Гриффитъ увидѣлъ его и оставилъ мѣсто боя въ то самое время, какъ побѣда наиболѣе клонилась на его сторону, потому что, если бы не Норманъ, который, несмотря на раны и на непривычку сражаться пѣшимъ, стоялъ твердо вперед, Саксонцы, задавленные числомъ и падая одинъ за другимъ подъ мѣткими сулицами, бѣжали бы въ крѣпость и тогда сами рѣшили бы свою судьбу, потому что Валлизы вошли бы по ихъ пятамъ.

Но несчастіемъ валлискихъ героевъ было то, что они никогда не понимали, что война есть искусство; и теперь, вмѣсто того, чтобы направить всѣ свои силы на ослабленный уже пунктъ, валлискій король потерялъ изъ виду все поле, какъ только завидѣлъ вдали хоругвь Гарольда.

Графъ увидѣлъ налетающаго врага, который кружился около него какъ соколъ надъ цаплею. Онъ остановился, построилъ свой небольшой отрядъ полукругомъ, велѣвъ ему сомкнуть огромные щиты стѣною и выставить дротики рогаткою; впередъ всѣхъ стоялъ грозный Гарольдъ съ своею сѣкирою. Въ одно мгновеніе онъ былъ окруженъ, и сквозь лившійся на него дождь сулицъ визгнуло и сверкнуло копье Гриффита. Но Гарольдъ лучше сира де-Гравилля зналъ военные пріемы Валлицевъ; притомъ, кромѣ щема, сдѣланнаго по норманскому образцу, онъ не былъ обремененъ оборонительнымъ оружіемъ; на немъ былъ только легкій кожаный панцырь. Онъ противопоставилъ быстроту быстротѣ и, бросивъ сѣкиру, вскочилъ на своего противника, обхватилъ его лѣвою рукою, а правою сжалъ ему горло:

— Сдайся.... если дорожишь жизнью! сдайся, сынъ Ллевелина.

Крѣпко было объятіе Гарольда и какъ смерть вѣднлся онъ въ горло; однако же какъ змѣя изъ руки дровиша, какъ привидѣніе изъ объятій духовидца вырвался Кимръ изъ рукъ Гарольда, оставивъ въ нихъ только свой изломанный золотой обручъ.

Въ это мгновеніе Валлизы, находившіеся подъ крѣпостью, пустили ужасный крикъ отчаянія; камни и сулицы сыпались на

нихъ градомъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, а среди дхъ грозный Норманъ махалъ своимъ кровавымъ бердышемъ; но не камни, не сулицы и не норманскій бердышъ давели такой ужасъ на Валленцевъ. Съ другой стороны окоповъ шли на нихъ одноплеменики, враждебныя имъ колѣна, помогавшія иноплеменику разорать нѣтъ землю, и въ то же время вправо показались вдали Саксонцы, шедшіе изъ Абера, а лѣво слышались клочки Годритова отряда, шедшаго изъ Кааръ хема; и тѣ, которые хотѣли захватить леопарда въ его берлогѣ, сами повалились добычею въ стѣнъ. Саксонцы, ободренные приближеніемъ свѣжихъ силъ, услали напоръ; беспорядокъ, бѣгство, рѣзня безъ разбору объяли все поле. Валлоны бросились къ рѣкѣ и къ окнамъ, удалая въ своемъ стремленіи и крикъ Гринонта, какъ потокъ увлечаетъ быка. Но онъ даже въ бѣгствѣ безпрестанно оборачивался къ преслѣдующимъ, то уверялъ, то утѣшалъ своихъ, то бросался одинъ впередъ на преслѣдующихъ и удерживалъ ихъ напоръ; но несмотря на все это, онъ достигъ берегу, не получивъ даже ранъ, оставовиная, громко засмѣялся и бросился въ воду. Сотни сулицъ, вишна, нади въ кровавыя струи.

— Стой! закричалъ графъ Гарольдъ, поднявъ руку: трусливая сулица не должна поражать витязя!

IV.

Бриты, — едва одна десятая доля числа первоначально пошедшаго въ атаку, — бѣжали съ тою же истиною пароявскою быстротою, которою отличалось и ихъ нападеніе; и съ удивительною ловкостью избѣжавъ и неприятели Валлоновъ, и Саксонцевъ, хотя первые пустились за ними въ погоню, достигли ступеней Пенмазна.

Послѣ этого происшествія въ стѣнахъ крѣпости въ эту ночь уже было не до сна. Между тѣмъ какъ перевязывали раненыхъ и убрали съ поля тѣла убитыхъ, Гарольдъ, съ тремя вождями и Малле де-Гравилемъ, котораго, послѣ его подвиговъ, не прилично было бы не пригласить на совѣтъ, разсуждали о средствахъ окончить войну на слѣдующій день. Двое изъ тегиновъ, разгоряченные сраженіемъ и жаждою мести, совѣтовали взобраться на гору со всѣми силами, умноженными приходомъ подкрѣпленій, и предать мечу все что ни понадется.

Третій, благоразумный старикъ, привыкшій къ валлійскому образу веденія войны, думалъ иначе:

— Никто изъ насъ, сказыль онъ, не знаетъ настоящей силы мѣста, которое вы предлагаете взять приступомъ. Мы не нашли даже ни одного Валлійца, который бы самъ бывалъ на вершинѣ горы и осматривалъ замки, который, говорятъ, стоитъ на ней.

— Говорятъ! подкачалъ до Гравиль, лежащій на полу на мѣхонѣхъ мара, безъ досѣдокъ, и съ перелазенными ранами: говорить! развѣ собственные наши глаза не видятъ, что онъ дѣйствительное существовать?

Старый тегиъ покачалъ головою.

— Въ значительномъ разстояніи и сквозь туманъ, нами приняють громадные размѣры, и самые гребни горъ принимаютъ странные образы. Это можетъ быть замокъ, можетъ быть и утесъ и, наконецъ, драшій, безкровельный храмъ валтесскихъ иѣловъ. Повторяю, и прошу въ другой разъ не перебивать моей рѣчи, — никто изъ насъ не знаетъ, какія тамъ иѣются средства обороны, произведеніе человеческихъ рукъ, или природы. Сами твои валлонскіе лазутчики, сынъ Годвинновъ, не достигали до этихъ высотъ. На среднѣхъ находятся караулы валтескаго короля, а тѣ, что на вершинѣ, увидятъ даже какъ пролетитъ птица или вскарабкается дикая коза. И въ самомъ дѣлѣ, не многіе возвращались живые изъ твоихъ лазутчиковъ; головы ихъ находили у подошвы холма, съ запискою въ губахъ: «*Dic ad inferos, quid in superis novisti!*» (Скажи мертвымъ внизу, что узналъ наверху!)

— Такъ Валлоны знаютъ по-латыни? замѣтилъ рыцарь: я ихъ за это очень уважаю.

Престарѣлый тегиъ нахмурился, занкнулся, и продолжалъ:

— Одно, по-крайней-мѣрѣ, не подаетъ сомнѣнію: что эта скала почти не приступна тому, кто не знаетъ тропинокъ; что день и ночь враги содержатъ караулы, которые перекрываютъ даже валлійскихъ лазутчиковъ; что на вершинѣ ждутъ насъ отличные, свѣрѣные люди; и что собственно наши войска напуганы валлонскимъ повѣріемъ, будто это мѣсто населено духами, и будто башни эти сооружены чертами. Одно пораженіе разрушить результатъ двухъ дѣтъ побѣдъ. Гривоѣтъ пожалуй вырастетъ изъ своего гнѣзда, возвратитъ себѣ все что утратилъ, переманитъ на свою сторону нашихъ ненадежныхъ и непостоянныхъ союзниковъ. Мое мнѣніе: продолжай какъ началъ. Займи всѣ окружныя мѣста; отрубъ подвозы съ припасами; пусть врагъ умараетъ съ голоду, или тратитъ, какъ вышѣшнеею ночью, свои силы въ бесполезныхъ набѣгахъ и высадкахъ.

— Твой совѣтъ благоразуменъ, сказыль Гарольдъ; но къ нему

надо еще прибавить нѣчто, что можетъ сократить борьбу, и привести насъ къ цѣли съ гораздо меньшимъ кровопролитіемъ. Валлійцы вѣроятно упали духомъ послѣ вышшняго пораженія ; надо воспользоваться минутою унынія и отчаянія. По этому я предлагаю послать имъ переговорщика къ вышнимъ укрѣпленіямъ, съ слѣдующими словами : Жизнь и прошеніе каждому, кто положитъ оружіе и сдастся.

— Какъ, послѣ такой рѣзни и такого кровопролитія? встрѣчалъ одинъ изъ тегновъ.

— Они защищаютъ свою родную землю, отвѣчалъ графъ протодушно: не то ли бы мы сдѣлали сами?

— Мятужникъ Гривентъ? спросилъ старый тегвъ ; неужели ты опять признаешь его вѣнценоснымъ королемъ, наиѣстникомъ Эдуарда?

— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ ; я предлагаю исключить изъ общаго прошенія одного Гривента; съ обѣщаніемъ, однако же, жизни, если онъ сдастся военнопленнымъ и, безъ всякихъ другихъ условий, положится на милосердіе короля.

За этимъ послѣдовало продолжительное молчаніе. Никто не возражалъ противъ предложенія графа, хотя оно было очень не по сердцу двумъ молодымъ тегнамъ. Наконецъ старшій изъ нихъ сказалъ :

— Но подумалъ ли ты, кого ты пошлешь съ этимъ порученіемъ? Эти собачьи дѣти свирѣпы и кровожадны ; и кто пойдетъ въ ихъ ковуру, долженъ заранѣе написать завѣщаніе.

— Я готовъ ручаться за безопасность своего посла, отвѣчалъ Гарольдъ ; потому что Гривентъ гордъ какъ король ; и хотя онъ не щадитъ ни мужей, ни дѣтей въ бою или въ набѣгѣ, однако же я увѣренъ, что тотъ, кого предки его выучились у Римлянъ уважать и считать неприкосновеннымъ, — посолъ отъ вождя къ вождю, будетъ для него также священъ и неприкосновенъ.

— Выбирай, кого хочешь, Гарольдъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ тегновъ, смѣясь : но пощади своихъ друзей ; и кого бы ты ни выбралъ, заплати виру его вдовѣ.

— Почтенные вожди, сказалъ тогда де-Гравиль, если вы полагаете, что я, чужеземецъ, могу быть вашимъ посломъ, мнѣ весьма пріятно было бы взять на себя это порученіе. Во первыхъ, потому что, находя любопытнымъ все касающееся крѣпостей и замковъ, я очень желалъ бы убѣдиться, не обманули ли меня глаза, показавъ мнѣ тѣ башни такую грозною твердынею. Во вторыхъ, потому что у этого дикаго kota долженъ быть прелю-

обытнѣй дворъ. Единственная причина, удерживающая меня отъ настоянїя на своемъ вызовѣ, заключается въ томъ, что хотя у меня есть въ запасѣ на великій случай нѣсколько словъ бретовскаго нарѣчія, однако же я не имѣю притязанїя быть Туллиемъ на валлійскомъ языкѣ; впрочемъ, если, какъ кажется, найдется между ними хоть одинъ человѣкъ, разумѣющій полатыни, то я надѣюсь какъ-нибудь объяснить свое посланіе.

— Что до этого, сиръ де-Гравиль, отвѣчалъ Гарольдъ, очень довольный, повидному, вызовомъ норманскаго рыцаря, это не можетъ быть пренятетвїемъ, по причинѣ, которую я тебѣ объясню; также, несмотря на все слышанное тобою, жизнь твоя не подвергнется ни какой опасности: Грѣнѣтъ не тронетъ одного волоска на твоей головѣ. Но, любезный сиръ де-Гравиль, позволять ли тебѣ раны предпринять путешествіе не дальшее, но трудное, по крутымъ тѣсннамъ, въ которыхъ нѣтъ проходу иначе, какъ пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ! вскричалъ рыцарь съ неудовольствїемъ. Признаться откровенно, я этого не имѣлъ въ виду.

— Будетъ, сказалъ Гарольдъ, отворачиваясь съ очевиднымъ неудовольствїемъ; не стоитъ объ этомъ болѣе и говорить.

— Нѣтъ, съ твоего позволенїя, что я разъ сказалъ, того уже держусь, возразилъ рыцарь: хотя разлучить Нормана съ конемъ все равно, что разсѣчь пополамъ одного изъ тѣхъ почтенныхъ Кентавровъ, о которыхъ мы читывали въ юности, но я сейчасъ отправляюсь въ свою комнату, и наряжусь какъ слѣдуетъ; не забывая, на всякій случай, надѣть подъ платье кольчугу. Позволь мнѣ только отыскать оружейника, чтобы сковать кольца, которыя процарапала лапа этого короля, такъ хорошо названнаго Грѣнѣтомъ.

— Я охотно принимаю твое предложенїе, сказалъ Гарольдъ; все будетъ готово къ твоему отправленїю, какъ скоро ты самъ возвратишься сюда.

Рыцарь всталъ, и не смотря на то, что раны еще причиняли ему сильную боль, и не оставили полной свободы движенїя, вышелъ изъ комнаты легкою поступью, отыскавъ своего оружейника и конюха, и возвратился къ Гарольду разодѣтый со всѣмъ тщанїемъ и со всею роскошью своихъ земляковъ, съ золотою цѣпью на шеѣ, и въ камзолѣ, топырившемся отъ жесткаго шитья. Графъ былъ вдвнѣ, и пошелъ ему на встрѣчу съ самымъ дружескимъ лицомъ.

— Я тебѣ болѣе благодаренъ, храбрый Норманъ, сказалъ Га-

рожда, чѣмъ могъ спасти въ присутствіи своихъ товарищъ; потому-что, скажу тебѣ откровенно, желаніе мое, и цѣль посольства, спасти жизнь этому мужественному королю; а самъ ты можешь повѣять, что у нашихъ Саксонцовъ слишкомъ разгорается кровь продолжительною борьбою, и глаза ослѣплены народною враждою. Ты одинъ, какъ чужоземца, видишь въ немъ доблестнаго витязя и несчастнаго государя, и по этому можемъ ощущать къ нему состраданіе благороднаго противника.

— Это правда, сказалъ нѣсколько наумленный де-Гравиль; хотя мы, Норманы, также неслетовы какъ твои Саксонцы, когда разъ вкусить крови; и признаюсь, ничего бы я такъ не желалъ, какъ одѣть этого дикаго kota въ доспѣхи, сунуть ему бердышъ въ лапы, в коны между ногъ, и заглядить настоящимъ боемъ позоръ быть такъ испаранаву и избиту его когтями. И какъ я ни уважаю храбраго рыцаря въ бѣдствіи, не могу однако же распространять своего состраданія на существо, которое дерется противъ всѣхъ правилъ, воинскихъ и королевскихъ.

Графъ улыбнулся.

— Это тотъ же образъ войны, которому слѣдовали его отцы, когда бросался на мечи Цезаря. Извини его.

— Извиняю, ради твоего великодушнаго заступленія, отвѣчалъ рыцарь, величественно и гордо махнувъ рукою. Продолжай.

— Ты пойдешь съ валлійскимъ жрецомъ, который, хотя не принадлежитъ къ партіи Гриффита, однако же пользуется въ Валлясѣ всеобщимъ уваженіемъ. Вы придете съ нимъ къ жерлу ужаснаго ущелья, огибающаго рѣку; друидъ подыметъ жезлъ въ знакъ мира. У входа этого ущелья васъ вѣроятно остановятъ. Онъ будетъ вести рѣчь, и потребуетъ отъ Гриффита опасной граматы, для того, чтобы сообщить ему мое посланіе; онъ будетъ также снабженъ нѣкоторыми залогамъ, которые навѣрное откроютъ вамъ путь. Когда васъ впустятъ къ Гриффиту, друидъ объяснитъ ему дѣло; не спускай глазъ съ него, и наблюдай всѣ его движенія, потому-что ты не поймешь его валлійскаго нарѣчія. Когда же онъ подыметъ жезлъ, ты между тѣмъ приблизившись ловко къ Гриффиту, сунешь ему въ руку этотъ перстень и шепнешь по-саксонски, онъ очень хорошо повиннаетъ этотъ языкъ: Повинуйся, ради этого залога; ты знаешь, что Гарольдъ вѣрнѣе своему слову; а голова твоя продана собственными твоими людьми. — Если онъ станетъ требовать точнѣйшаго объясненія, откачай, что ты ничего не знаешь.

— Доселѣ, все какъ слѣдуетъ отъ вождя къ вождю, сказалъ

трогнутый Норманъ: такъ бы поступилъ Фрицсборнъ съ своимъ противникомъ. Благодарю тебя за порученіе, и тѣмъ болѣе, что ты не требуешь отъ меня, чтобы я подмѣтилъ силу укрѣпленій, и число людей, потребное на ихъ оборону.

Гарольдъ опять улыбнулся.

— Не благодарю меня, благородный Норманъ: мы, Саксонцы, не понимаемъ вашихъ тонкостей. Если васъ поведутъ на вершину горы, въ чемъ я сомнѣваюсь, глаза жреца все подмѣтятъ, а языкъ его расскажетъ. Тебѣ же я открою вотъ что: мнѣ уже извѣстно, что крѣпость Грѣффента не въ стѣнахъ и башняхъ его, а въ суевѣрія нашихъ, и въ отчаяніи его ратниковъ. Я могъ бы овладѣть этими высотами, какъ овладѣлъ такими же заоблачными высотами Сноудона; но это было бы сопряжено съ потерю многихъ нашихъ, и гибелью всѣхъ враговъ. А мнѣ бы хотѣлось, если можно, пощадить тѣхъ и другихъ.

— Кажется, однако же, ты не щадишь такъ жизни людей въ тѣхъ пустыняхъ, черезъ которыя я проходилъ, смѣло возразилъ рыцарь.

Гарольдъ поблѣднѣлъ, но отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Сиръ де-Гравиль, тяжелая вещь долгъ, и неутомимъ его голось. Эти Валлоны, если ихъ не запереть въ ихъ горахъ, будутъ подтачивать силы Англіи, какъ вода подмываетъ берегъ. Они были безпощадны въ своихъ набѣгахъ на наши границы; и жестока, безпощадна была справедливо постигшая ихъ месть. Но поражать сильнаго и свирѣпаго врага, совсѣмъ не то, что добывать его, когда онъ утратилъ уже свою силу, и не можетъ обороняться. И когда я вижу этого несчастнаго внука великаго рода королей, и эту послѣднюю дружину обреченныхъ на гибель витязей, слишкомъ слабую и малочисленную, чтобы противустоять моему оружію, когда вся страна въ моихъ рукахъ, и мой мечъ обращается въ топоръ палача, тогда, любезный Норманъ, долгъ выпускаетъ изъ рукъ свое желѣзное орудіе, и человѣкъ дѣлается опять человѣкомъ.

— Иду, сказалъ Норманъ, склонивъ голову также почтительно, какъ бы передъ своимъ великимъ герцогомъ, и пошелъ къ дверямъ; но тутъ опять остановился, и взглянувъ на перстень, надѣтый на его палецъ, сказалъ: Еще одно слово, если это не нескромность! отвѣтъ твой, можетъ быть, прѣдастъ большую силу моимъ убѣжденіямъ, если они окажутся пущыми. Какая тайна кроется подъ этимъ залогомъ?

Гарольдъ покраснѣлъ, подумалъ, и отвѣчалъ:

— Дѣло очень просто. Когда мы взяли приступомъ Радлау, что въ томъ концѣ острова, Гриффитова жена Альдита, родомъ Саксонка, была тамъ, и попалась въ плѣнъ. Мы не съ женщинами ведемъ войну; я побоялся буйства своихъ ратниковъ, и отправилъ ее къ Гриффиту. Прощаясь, Альдита дала мнѣ этотъ перстень; и я велѣлъ ей сказать Гриффиту, что когда, въ часъ его крайней нужды и неминуемой гибели, я возвращу ему перстень, онъ можетъ смотрѣть на него, какъ на залогъ своей жизни.

— И ты думаешь, что Альдита въ этой же крѣпости, съ мужемъ?

— Не увѣренъ, но боюсь, что здѣсь, отвѣчалъ Гарольдъ.

— Еще слово: если Гриффитъ, несмотря на всѣ убѣжденія и предостереженія, откажетъ.....

Гарольдъ потупилъ глаза.

— Умреть; но не отъ саксонскаго меча. Итакъ, поспѣши, и да хранить тебя Водевъ!

V.

На высотѣ, называемой Пенъ-у Динасъ, то есть Главою города, и образующей одну изъ вершинъ Пенмаэвъ-Мавра, внутри той мнимой крѣпости, которой не видалъ ни одинъ глазъ во всемъ саксонскомъ станѣ, отдыхалъ загнанный король Гриффитъ. Не удивительно, что въ то время было столько споровъ о родѣ и силѣ этой твердыни, когда и въ новѣйшее время между самыми учеными археологами встрѣчаемъ такія рѣзкія протнворчія, не только въ теоретическихъ мнѣніяхъ, но и въ дѣлахъ простаго опыта, въ числахъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что въ то время это мѣсто не было, какъ нынѣ, однимъ основаніемъ какого-то громаднаго несуществующаго сооруженія, представляющимъ полное раздолье предположеніямъ; однако же это уже былъ будто остатокъ Титанскаго поколѣпія, котораго начало и цѣль терялись въ самой глубокой древности.

Центръ, гдѣ находился самъ король, — образовала продолговатая площадка, или курганъ, сложенный изъ несвязанныхъ между собою камней; такъ ли они были положены съ самаго начала, или же это были остатки изчезшаго зданія, того не могъ сказать ни бардъ, ни знахарь. Эта площадка была обведена четырьмя крѣпкими стѣнами, также изъ несвязанныхъ камней, на разстояніи одна отъ другой около осьмидесяти сажень; самыя стѣны

видѣн около осици футовъ толщины; высота же ихъ была различна, по количеству камня, обваливагося отъ времени и бурь. Вдоль этихъ стѣнъ возвышалось почти безчисленное множество круглыхъ сооружений, которыя можно бы принять за башни, хотя только немногія изъ нихъ и недавно были накрыты кое-какъ кровлями. Къ этой площадкѣ, окруженной четырьмя стѣнами, вели только одни узкія ворота, которыя, будто изъ насильяку осаждающимъ, были отворены; и одна тропинка, тянувшаяся со множествомъ изворотовъ по крутому склону горы, вела къ этимъ единственнымъ воротамъ. Далѣе по уступамъ горы, были и другія стѣны; вся поверхность ея, почти до половины ея высоты, была устлана кучами несвязанныхъ камней, будто костями умершаго города. За внутреннюю же оградою этой крѣпости или святилища — ученые спорятъ о его назначеніи, — возвышалось множество другихъ остатковъ британскихъ памятниковъ: множество крошечковъ или жертвенниковъ, развалившихся и безобразныхъ; остатки каменныхъ домовъ; и наконецъ надъ всѣмъ прочимъ, высокіе, громадные костры янтарию, подобные тому, что въ Стоунгенгѣ, и воздвигнутые, если не ошибаются наши ученые археологи, въ честь Ваалу или Балъ-Хуану, идолу солнца. Словомъ, все показывало, что это мѣсто не даромъ называлось главою города; что здѣсь нѣкогда были жилища Кельтовъ, и мѣсто поклоненія друидическимъ богамъ. Среди этихъ остововъ прошедшаго, лежалъ въ глубокой думѣ, постигнутый враждебнымъ рокомъ, впускъ Пентагона.

Подлѣ него было сложено изъ камней нѣчто въ родѣ трона, съ истертымъ и полинялымъ бархатнымъ балдахиномъ. На этомъ тронѣ сидѣла королева Альдита. Царственную чету окружала какая-то пародія двора, отъ которой надменный и тщеславный кельтскій король не могъ отказаться даже среди ужасовъ войны и голода. Бдѣльная часть сановниковъ, которыхъ придворныя должности удерживали при особѣ короля и королевы Книровъ, — первоначально ихъ было двадцать четыре, — питался уже вороньимъ мясомъ и червями. Но по прежнему, въ нѣкоторомъ разстояніи стоялъ, пенгебогидъ, то есть, великій сокольникій, съ худымъ соколомъ на рукѣ; по прежнему, съ бородою по поясъ, съ железомъ въ рукѣ, опирался на выдавшійся камень стѣны, безмолвный госдегаръ, котораго обязанностью было водворять молчаніе въ королевской палатѣ; по прежнему пенбардъ склонялся надъ разбитою арфою, которой звуки оглашали нѣког-

да высокіе своды Каэрлеона и Радлана, воздавая хвалу богамъ, королю и почившимъ вѣтязямъ. Передъ королемъ на голомъ камнѣ стояли золотое блюдо и золотые кубки; но на золотомъ блюдѣ лежалъ послѣдній кусокъ чернаго хлѣба, а въ кубкахъ была чистая, свѣтлая вода изъ ключа, что съ покоиъ вѣку билъ между костей погибшаго города.

За этой внутренней площадкой, вокругъ каменнаго бассейна, черезъ который протекала ручей, будто изъ искусственнаго водопровода, лежали раненные и больные, и поочередно припадали устами къ бассейну, счастливые тѣмъ, что жажда лихорадки избавляла ихъ отъ мученій голоду. Изтомленный, изхудалый, какъ привидѣніе, человѣческій образъ безъ шума ходилъ взадъ и впередъ среди этихъ группъ больныхъ, увѣчныхъ и умирающихъ. Эта тѣнь, въ счастливѣйшія времена исправляла должность придворнаго врача, и занимала двѣнадцатое мѣсто въ разрядахъ придворныхъ чиновъ. Богатое вознагражденіе получалъ онъ тогда за изцѣленіе трехъ смертныхъ ранъ, пролома черепа, раскрытія внутренностей и перелома челюви; эти три раны стояли въ тогдашней медицинѣ на одной ступени. Теперь же онъ бродилъ даромъ отъ больнаго къ больному, съ своею красною мазью и таинственнымъ нашептываніемъ; иногда покачивалъ онъ надъ ними блѣднымъ лицомъ и всклокоченными волосами; и слабая улыбка мелькала на устахъ счастливецевъ, которымъ это было несомнѣннымъ предвѣстіемъ близкой смерти. Между стѣпами лежали въ безмолвномъ уныніи, или бродили съ отчаяніемъ, измороженные остатки грозной рати. Овца, лошадь и собака, вотъ все, что оставалось имъ раздѣлить между себѣи на этотъ день. Трескучій хворостъ горѣлъ яркимъ огнемъ въ углубленіи, образованномъ несвязанными камнями; но животныя еще не были зарѣзаны на обѣдъ, и собака приползши къ огню, моргала на него мрачными глазами.

За первую стѣною, прислонившись къ обвалившейся ея части, стояли три человѣка; черезъ проломъ стѣны они могли видѣть этотъ смѣшной и печальный дворъ; глаза ихъ были устремлены на Гринфита, сверкая свирѣпымъ огнемъ.

Это были три потомка древяго царскаго рода; какъ Гринфитъ, возводили они свое славное, баснословное происхожденіе къ Ху-Гадарну и Придайнну, и каждый изъ нихъ считалъ себя позоромъ подчиняться Гринфиту. У cadaго былъ вѣкогда свой престолъ и свой дворъ; у cadaго были свои *бѣлыя палаты*, изъ явовыхъ врутьевъ; — такими жалкими строеніями замѣнились дворцы и

твердыни, защитанные отцамъ этихъ королей зодчествомъ Римлянъ. И всѣ трое были покорены сыномъ Ллевелиновымъ, когда, въ дни своего могущества, онъ соединилъ подъ своею державною рукою всѣ разнообразныя княжества Валлисской земли, и возстановилъ, на одно мгновеніе, престолъ Родерика Великаго.

— Ему ли, сказалъ Овейнъ, глухимъ шопотомъ: ему ли, оставленному небомъ, не умѣвшему защитить свой вѣнецъ отъ руки Саксонца, требовать, чтобы мы умирали за него на этихъ скалахъ, глотая мясо съ своихъ костей? Какъ вы думаете, не пробилъ ли часъ?

— Пробыетъ часъ, когда овца, лошадь и собака будутъ съдены, возразилъ Модредъ: и когда все войско, въ одинъ голосъ, скажетъ Гриффиту: «Что же, король? дай намъ хлѣба».

— Хорошо, сказалъ третій, старикъ, опиравшійся на посохъ изъ цѣльнаго серебра, между тѣмъ, какъ вѣтеръ, продувая сквозь проломы и щели стѣны, игралъ изношеннымъ его платьемъ: хорошо, что высадка вышедшей ночи, затѣянная скорѣе отъ голоду, тѣмъ изъ какихъ-нибудь военныхъ видовъ, не доставила даже провіанту и фуражу. Если бы боги помогли Гриффиту, кто посмѣлъ бы держать слово, данное Саксонцу Тостигу?

Овейнъ захохоталъ глухимъ, вѣроломнымъ хохотомъ.

— Ты Кимръ, и можешь толковать о вѣрности слову, данному Саксонцу? О вѣрности хищнику и кровопійцу? Нѣтъ, Кимръ вѣрнѣе только мести; валиться трупъ Гриффита безъ вѣнца и безъ головы, хотя бы Тостигъ никогда и не думалъ обѣщать намъ въ награду живъя и пишу.... Но, тише.... Гриффитъ пробуждается изъ черной думы; глаза сверкаютъ изъ-подъ его густыхъ волосъ.

Дѣйствительно, въ это мгновеніе король приподнялся на локтѣ, и осмотрѣлся кругомъ; свирѣпое, безумное отчаяніе горѣло въ его быстрыхъ глазахъ.

— Сыграй намъ, бардъ; спой намъ пѣсню о подвигахъ старины!

Бардъ печально взялъ арфу, хотѣлъ на ней играть; но арфа была разбита, и издавала нестройные, дикіе звуки, какъ стонъ скорбящаго духа.

— Король, сказалъ бардъ: музыка покинула арфу.

— Какъ надежда землю, простоналъ Гриффитъ. Бардъ, отвѣчай сыну Ллевелинову. Много разъ воспѣвалъ ты въ мовхъ палатахъ хвалу витязямъ минувшихъ лѣтъ. Въ чертогахъ будущаго поклѣнія, будутъ ли нерожденные еще барды воспѣвать подъ звуки

аръ подвиги твоего короля? Будутъ ли они славить битву вѣдъ, при Ли-Афангѣ, гдѣ князья Поулскіе бѣжали передъ его мечемъ, какъ тучи передъ вихремъ? Будутъ ли они за круговую чашею воспѣвать его морскихъ коней, въ виду которыхъ не смѣлъ показаться никакой флагъ между мрачнымъ островомъ Друндовъ и зелеными пастбищами Гуардана? Будутъ ли рассказывать сколько городовъ онъ жегъ на саксонской землѣ, когда Рольфъ съ своими Норманами бѣжалъ отъ его мечей и пикъ? Скажи, дитя правды... Или о твоёмъ королѣ Гриффитѣ будутъ рассказывать только его бѣдствія и позоръ?

Бардъ провелъ рукою по глазамъ, и отвѣчалъ:

— Нерожденные еще барды будутъ воспѣвать Гриффита, сына Ллевелинова. Но не величіе его славы будетъ воспѣвать ихъ пѣснь, когда двадцать даниковъ королей падали въ прахъ передъ его престоломъ, и вѣстовые огни его горѣли въ твердыняхъ Нормановъ и Саксонцевъ. Барды будутъ воспѣвать витязя, который во главѣ своей рати бился за каждый вершокъ утеса или болота, — и на высотахъ Пенмознъ мавра слава опять освѣтитъ твой вѣнецъ!

— Въ такомъ случаѣ я жилъ, какъ жили моя предки, и по смерти буду жить ихъ славою! сказалъ Гриффитъ: благодарю тебя, бардъ; ты разсѣялъ тучу съ моей души.

За тѣмъ король обернулся, опираясь по прежнему на локоть; устремилъ гордый взглядъ на Альдиту, и сказалъ задумчиво: жена, блѣдно и пасмурно твое лице: о престолѣ ли ты скорбишь, или о человекѣ?

Альдита взглянула на мужа взглядомъ, въ которомъ выражался скорѣе страхъ, чѣмъ состраданіе — взглядомъ, въ которомъ не было ни вѣжливой скорби, ни трогательной любви, и отвѣчала:

— Зачѣмъ тебѣ знать предметъ моихъ мыслей, или причину моей скорби? Умереть отъ меча или съ голоду, — вотъ удѣлъ, который ты избралъ. Повинуясь пустымъ словамъ своего барда, или столь же бессмысленному, собственному тщеславію, ты отказался отъ жизни, и за себя и за меня: будь по твоему; умремъ.

Какое-то странное вліаніе любви и гнѣва стерло выраженіе гордости съ лица Гриффита, суроваго и полудикаго, но въ то же время благороднаго и полнаго царственного величія.

— Чтò же страшнаго въ смерти, если ты меня любишь? сказалъ онъ.

Альдита вздрогнула и отвернулась. Несчастный король при-

стально и сурово посмотрѣлъ на это лицо, сохранившее, не смотря на душевныя страданія и на дѣйствіе вѣтра и открытаго воздуха, которымъ оно было подвержено въ послѣднее время, всю красоту, которою такъ славилась саксонскія жены; но въ красотѣ этой недоставало теплоты сердца; она была, что прекраснѣйшій видъ, лишенный солнечнаго свѣту. И между тѣмъ какъ онъ смотрѣлъ на нее, румянецъ то вспыхивалъ, то пропадалъ на его смуглыхъ щекахъ, которыхъ цвѣтъ такъ противорѣчилъ лазури его глазъ, и темноокрасному золоту его густыхъ волосъ.

— Тебѣ хочется, сказалъ онъ наконецъ, чтобы я отправилъ тебя обратно къ единоплеменнику твоему Гарольду; ты хочешь, чтобы я, — я, законный владыка всей Британіи, просилъ помилованія.... вымаливалъ себѣ жизнь. Предательница, дочь хищниковъ, прекрасна ты, какъ Ровена.... но я не Вортимеръ! Ты съ ненавистью отворачиваешься отъ супруга, который далъ тебѣ вѣнецъ въ брачный подарокъ; и изреди облаковъ кровопролитія является тебѣ милый образъ твоего Саксонца Гарольда.

Голосъ Кмира задрожалъ, мрачныя глаза его засверкали ревностью, — свирѣпою, неистовою ревностью человѣка, у котораго любовь граничитъ съ ненавистью; потому что щеки Альдиты зардѣлись, какъ розы; но она гордо сложила руки на груди, и не отвѣчала.

— Нѣтъ, вскричалъ Гриффитъ, стиснувъ зубы, бѣлые и крѣпкіе, какъ у щенка. Нѣтъ, Гарольдъ напрасно прислалъ мнѣ коробку; жемчужины въ ней уже не было. Напрасно возвратился ко мнѣ твой образъ; душа твоя осталась съ побѣдителемъ: и не для того ты хочешь, чтобы я ползъ у ногъ своего врага какъ битая собака, чтобы спасти мнѣ жизнь, — если бы я былъ доволно подлъ, чтобы заботиться о спасеніи ея, — а для того только, чтобы еще разъ увидѣть лицо того, кому принадлежала бы твоя холодная рука, въ которой ни одно биеіе не отвѣчаетъ биеію моей руки, — если бы только родные твои спросились сердца дочери!... О стыдъ, стыдъ, стыдъ! о вѣроломнѣйшее изъ вѣроломствъ!... острѣе, во сто разъ острѣе саксонскаго меча, и жала змѣи....

Слезы брызнули изъ глазъ гордаго короля, и онъ не могъ говорить; у него не стало голоса.

Альдита встала съ холодною гордостью:

— Убей меня если хочешь, сказала она, вс не оскорбляй. Я тебѣ уже говорила — умремъ.

И не удостоивъ мужа взглядомъ, она медленно пошла къ

самой обширной изъ башенъ или келій, въ которой была только одна грубо отдѣланная комната, приготовленная для нея.

Гриффитъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ, и взоръ его смягчался по-мѣрѣ ея удаленія, пока она не скрылась совершенно изъ виду. Тогда то особенное чувство семейной любви, которое въ неразвитыхъ душахъ вѣрѣдко переживаетъ и довѣріе и уваженіе, снова забило въ его сердца, разбѣжало его, какъ можетъ только женщина разбѣжить сердце сильнаго, превращающаго смерть.

Онъ сдѣлалъ знакъ барду, который во время перемолвки между мужемъ и женою отошелъ въ сторону, и сказалъ ему, силясь улыбнуться:

— Какъ ты думаешь, правду ли говоритъ легенда, будто Геневеръ измѣнила королю Артуру?

— Нѣтъ, отвѣчалъ бардъ, угадывая мысль своего государя;— потому-что Геневеръ не пережила короля, и они были похоронены рядомъ въ Аваллонской долинѣ.

— Ты свидущъ въ сердечныхъ тайнахъ; любовь была предметомъ твоего изученія съ юности до сѣдыхъ волосъ. Скажи, любовь ли то, или ненависть, когда мы лучше желаемъ смерти возлюбленной, чѣмъ можемъ примириться съ мыслью, что жизнь ея будетъ принадлежать другому.

Нѣжное состраданіе мелькнуло на лицѣ барда, но тотчасъ же смѣнилось почтеніемъ; онъ склонилъ голову и отвѣчалъ:

— О король, кто скажетъ, какой звукъ вѣтеръ извлечетъ изъ арфы, и какое чувство любовь пробудитъ въ душѣ, то нѣжное, то суровое? Но, продолжалъ онъ, выпрямившись, и съ страшнымъ спокойствіемъ въ лицѣ; любовь короля не терпитъ мысли о безчестьи; и та которой голова поклонилась на его груди, должна покоиться въ его могилѣ.

— Ты переживешь меня, сказалъ Гриффитъ отрывисто; на этомъ утѣсѣ будетъ моя могила.

— А если такъ, отвѣчалъ бардъ, ты уснешь не одинъ. На этомъ утѣсѣ, въ этой могилѣ будетъ похоронено съ тобою рядомъ, то что ты любишь болѣе всего; бардъ воспѣетъ пѣсню надъ твоею могилою, и въ разныхъ разстояніяхъ будутъ разставлены вышуклые шиты, какъ возвышается и опускается звукъ пѣсни. Надъ могилою двохъ возвысится новый курганъ, и курганъ этотъ будетъ рассказывать повѣсть твою будущимъ вѣкамъ. Но далеко еще то время, когда уснетъ витязь! и голосъ твоего барда можетъ еще воспѣть, какъ левъ вырвется изъ сѣтей и прорветъ путь сквозь мечи. Надѣйся еще!

Гриффитъ въ отвѣтъ прижался къ плечу барда, и молча указалъ на море, которое вдали казалось озеромъ, все покрытое саксонскими судами. Потомъ онъ обернулся въ другую сторону, и рука его протянулась къ тѣмъ человѣческимъ образамъ, которые какъ тѣни, со впалыми глазами, бродили между стѣнъ, или безмолвно ждали смерти, прильнувъ устами къ краямъ бассейна. Рука его опустилась въ уныніи, и оперлась на рукоятъ меча.

Въ это время произошло нѣкоторое движеніе у вѣшняго входа стѣны; толпа стала тѣсниться къ одному мѣсту, и послышался громкій говоръ голосовъ. Черезъ нѣсколько мгновеній вошелъ одинъ изъ валлискихъ часовыхъ, и вожди царственныхъ родовъ последовали за нимъ къ кургану, на которомъ стоялъ король.

— Съ какою вѣстью? спросилъ Гриффитъ, принявъ въ одно мгновеніе свой царственно величественный видъ.

— Къ входу въ ущелье, отвѣчалъ часовой, преклонивъ колѣно, пришелъ друидъ и вождь безъ оружія. Друидъ этотъ Ивенъ, Кимръ изъ Гвентленца; вождь, судя по голосу, долженъ быть не Саксонецъ. Друидъ приказалъ мнѣ отдать тебѣ эти заложники,—тутъ онъ подалъ изломанный вѣнецъ, который король оставилъ въ рукахъ Гарольда, и живаго сокола, съ гремушками и въ клубчкѣ; — и приказалъ мнѣ сказать королю:—Графъ Гарольдъ шлетъ поклонъ, Гриффиту, сыну Ллевелинову, и въ знакъ своей дружбы посылаетъ богатѣйшій трофей, взятый имъ у противника; и съ Лавдудскихъ утесовъ, — сокола, котораго дарить равный равному и вождь вождю. Онъ проситъ Гриффита, сына Ллевелинова, выслушать его посланнаго для блага своего царства и народа.

Живой шопоть раздался въ рядахъ вождей, шопоть удивленія и радости во всѣхъ, кромѣ трехъ заговорщиковъ, которые съ безпокойствомъ и свирѣпо переглянулись между собою. Гриффитъ уже схватилъ, съ радостнымъ восклицаніемъ, золотой обручъ, котораго утрата была ему еще чувствительнѣе, можетъ быть, утраты престола, всего Валлиса. И душа его, великая и благородная при всѣхъ своихъ полудикихъ страстяхъ, была тронута рѣчью и подарками, заложками уваженія къ побѣжденному, какъ къ противнику и къ королю. Однако же въ лицѣ его еще видна была борьба разума съ гордостью и непокорностью души; послѣ нѣ котораго размышленія, онъ обратился къ вождямъ, и сказалъ:

— Что вы мнѣ совѣтуете, вы, сильные въ битвѣ, и мудрые въ совѣтѣ?

— Выслушай жреца, король, воскликнули въ одинъ голосъ всѣ, кромѣ трехъ недовольныхъ.

— Не отсвѣтовать ли намъ? шепнул Модредъ старому вождю, своему соумышленнику.

— Нѣтъ; этимъ мы всёхъ оскорбимъ; а намъ надо всёхъ имѣть за себя.

Тутъ бардъ вышелъ впередъ. Весь кругъ притихъ, потому что мудръ всегда совѣтъ того, кто почерпаетъ мудрость изъ книги человѣческаго сердца.

— Выслушайте Саксонцевъ, сказалъ онъ коротко, и повелительнымъ голосомъ, который рѣзко отличался отъ почтительности, полной любви, съ которою онъ повторилъ тѣ же слова, обращаясь къ королю:

— Выслушайте Саксонцевъ, но не въ этихъ стѣнахъ. Не долженъ ни одинъ врагъ видѣть нашу силу или нашу слабость. Мы еще могучи и недоступны, пока твердыня наша въ царствѣ неизвѣстнаго. Пусть король съ своими совѣтниками и вождями сойдеть въ ущелье. А за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, пусть ставутъ его ратники по уступамъ утеса, образуя желѣзную лѣстницу: такимъ образомъ число ихъ покажется вдвое больше.

— Благоразуменъ твой совѣтъ, сказалъ король.

Между-тѣмъ друндъ и рыцарь ждали внизу у входа въ грозное ущелье; оно тянулось между рѣкою и горою, и громадные утесы нависли надъ нимъ, грозилъ каждую минуту обрушиться и задавить несчастнаго, который бы случился въ это время въ ущельѣ. Рыцарь съ ужасомъ смотрѣлъ вверхъ, говоря про себя:

— Бросать сверху эти камни и осколки утесовъ на приступающую армію, и твердыня выдержитъ какой угодно приступъ; сотня человѣкъ дастъ отпоръ нѣсколькимъ тысячамъ внизу.

Потомъ онъ обратился къ валлонскимъ часовымъ поставленнымъ на этомъ передовомъ постѣ, и заговорилъ съ ними съ тою норманскою и франкскою пріятливостію, которой слава уже прошла по самымъ отдаленнымъ странамъ. Этотъ постъ состоялъ изъ отборныхъ людей, самыхъ сильныхъ и откормленныхъ изъ войска, и хорошо вооруженныхъ. Но они только качали головами и не отвѣчали; а скакали на незнакомца свои бѣлые зубы, какъ собаки на медвѣдя, пока не спущены со своры.

— Не понимаютъ меня, бѣдые безъязычные дикари! сказалъ Малле де-Гравиль, обращаясь къ жрецу, который стоялъ подлѣ него поднимая вверхъ руку. Поговори съ ними на собственномъ ихъ тарабарскомъ нарѣчій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ друндъ, который, хотя принадлежалъ къ

другому, враждебному племени изъ южнаго Валлиса, и находился въ службѣ Гарольда, однако же пользовался во всей странѣ общими уваженіемъ за свою кротость и ученость. — Они не открываютъ рта пока не получаютъ отъ короля приказанія принять насъ или отослать, не выслушавъ.

— Отослать не выслушавъ, вскричалъ обидчивый Норманъ. Нѣтъ, сколько ни варваръ этотъ бѣдный король, однако не можетъ же онъ быть до того чуждъ всякихъ образованныхъ понятій и приличій, чтобы нанести такое оскорбленіе Вильгельму Малле-де-Гравиллю. Но, продолжалъ рыцарь покраснѣвъ, я и забылъ, что онъ не знаетъ ни моего имени ни отечества; и сказать правду, если ты долженъ вести рѣчь, не понимаю къ чему Гарольдъ послалъ меня, съ опасностью подвергнуть норманскаго рыцаря такому унижительному оскорбленію.

— Можетъ-быть, возразилъ Ивенъ, тебѣ поручено что нибудь шепнуть королю на ухо; потому что на тебя какъ воинъ и чужеземца, никто за это не поморщится, между-тѣмъ какъ я, жрецъ и единоплеменникъ, этимъ необходимо возбуждаль бы недовѣріе и подозрѣніе окружающихъ.

— Понимаю, сказалъ де-Гравиль. Но смотри, мечи и дротики засверкали по всей дорогѣ.... а вотъ кажется, идетъ въ плащѣ, и въ золотомъ вѣнцѣ, самъ котъ-король, что такъ кололся и царапался въ схваткѣ прошлой ночи.

— Держи азыкъ за зубами, сказалъ Ивенъ, испугавшись: шутки не у мѣста съ вождемъ витязей.

— Пріятно пошутить у мѣста, но не подъ когтями этакого кота.

Съ этими словами рыцарь вытянулъ свою тошую, во величавую фигуру, в ловко и съ достоинствомъ поправивъ на себѣ одежду, приготовился встрѣчать короля.

По ущелью опускались поодиночкѣ, сначала вожди, которые во знатности рода имѣли право сопровождать короля; и каждый изъ нихъ, вышедши изъ ущелья, становился къ верхней сторонѣ, между камней и неровностей горы. Потомъ ратникъ вынесъ изодравленную и истертую хоругвь, съ изображеніемъ льва, которымъ валлисскіе государи заимѣли въ своемъ гербѣ древняго народнаго дракона, присвоеннаго Вессекскими Саксонцами; за тѣмъ явился самъ король, и за нимъ его бардъ, сокольникій, и прочіе члены его скуднаго двора. Король остановился въ проходѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ норманскаго рыцаря. Малле-де-Гравиль уже привыкъ къ величественнымъ выходамъ герцога Вильгельма, и къ пышному этикету франкскаго и фландрскаго двора; не

смотря на то, онъ почувствовалъ невольное благоговѣніе передъ величественнымъ обращеніемъ этого великаго сына природы на отцовской землѣ.

Онъ былъ небольшого росту и на видъ тѣлеснаго сложенія; царское платье было истерто, и въ лохмотьяхъ; но въ гордой осанкѣ и въ смѣломъ взглядѣ кимрскаго героя, было нѣчто, обличавшее сознаніе своей власти, и неодолимую силу воли; съ истинно царскимъ величіемъ махнулъ онъ рукою рыцарю. Притомъ въ храбромъ и несчастномъ королѣ были нѣкоторыя искры умственнаго образованія, которыя, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, развились бы въ свѣтлое пламя. Хотя просвѣщеніе, нѣкогда существовавшее въ Валлисѣ, послѣднее завѣщаніе Римлянъ, давно заглохло въ войнахъ и кровопролитіи, юноши не толпились болѣе въ Каарлеонскія училища, однакоже Гриффитъ, сынъ мудраго и доблестнаго короля, получилъ воспитаніе, какое не давалось саксонскимъ королямъ. Но умъ его не склонился къ римской литературѣ, и онъ скоро предпочелъ ей легенды, пѣсни и хроникки своей родной земли; если можно признать образованнымъ того, кто лучше всѣхъ знаетъ свой родной языкъ и его богатства, то Гриффитъ былъ безспорно самымъ образованнымъ государемъ своего вѣка. Природа одарила его огромными способностями, въ особенности къ военному дѣлу; и чтобы судить о немъ справедливо, надо принять въ соображеніе обстоятельства, въ которыя онъ былъ поставленъ: съ пустою казною, съ горстью людей, выпрошенной имъ у своихъ строптивыхъ подданныхъ, окруженный непримиримыми врагами въ лицѣ завистливыхъ вождей своего варода, и вѣдя противъ себя сравнительно хорошо вышколенное войско образованныхъ Саксонцевъ. Въ сравненіи съ прочими валлисскими государями, и въ образѣ войны ему знакомомъ, въ которомъ выгоды и невыгоды были равны съ обѣихъ сторонъ, несчастный сынъ Ллевеллина былъ безспорно славнѣйшимъ полководцемъ Кимрскаго края со временъ великаго Родерика.

Онъ стоялъ у входа ущелья; вокругъ него, по неровностямъ склона изнуренные голодомъ его сподвижники; выше, по уступамъ и на гребняхъ горы сверкали искусно расположенныя пики; а нѣсколько позади, не спуская съ него своихъ змѣнныхъ глазъ, стояли три предателя.

— Говори, отецъ, или ты, вятизь, сказалъ король на своемъ родномъ нарѣчій: чего желаетъ графъ Гарольдъ отъ короля Гриффита?

Друидъ отвѣчалъ:

— Да здравствуютъ Гриффитъ, сынъ Ллевелиновъ, его вожди и народъ! говорить Гарольдъ, тегиъ короля Эдуарда: — На сухомъ пути всѣ проходы заняты; на морѣ всѣ волны наши. Мечи наши покоятся въ ножнахъ; но голодъ идетъ съ каждымъ часомъ, грызетъ и убиваетъ. Вмѣсто вѣрной смерти отъ голоду, прими жизнь отъ противника. Безусловное прощеніе всѣмъ, вождямъ и народу, и свобода возвратиться по домамъ, — всѣмъ кромѣ одного Гриффита. Пусть онъ выйдетъ, не какъ жертва и изгнанникъ, не съ склоненною головою и сложенными руками, а какъ вождь выходитъ къ вождю, со всѣми своими придворными чинами. Гарольдъ встрѣтитъ его съ почестію у воротъ своей крѣпости. Пусть Гриффитъ покорится королю Эдуарду, и ѣдетъ съ Гарольдомъ ко двору базилейса. Гарольдъ обѣщаетъ ему жизнь, и будетъ ходатайствовать ему прощеніе. И хотя миръ царства, и судьба войны не позволяютъ Гарольду сказать: — ты опять будешь королемъ! — однако же престолъ твой, сынъ Ллевелиновъ, будетъ утвержденъ за родомъ твоихъ отцовъ, и родъ Кадволладеровъ будетъ по прежнему царствовать въ Кимрской землѣ.

Друндъ остановился; надежда и радость засіяли въ лицахъ изнуренныхъ голодомъ вождей; двое изъ предателей ушли, и поспѣшили объявить о предложеніи толпамъ ратниковъ, оставшимся на верху. Третій, заговорщикъ, Модредъ, сжалъ рукою рукоять меча, и подкрался ближе, чтобы наблюдать лицо короля; — лицо Гриффита было мрачно и гнѣвно, какъ бурная полночь.

Ивенъ поднялъ руку, и продолжалъ:

— А я, хотя изъ Гвентлендскаго племени, котораго земля была опустошена оружіемъ Гриффита, и котораго король палъ на собственномъ своемъ очагѣ отъ меча Гриффита — я, какъ служитель Водена, братъ вашъ и сынъ земли, оплакивающей смерть послѣднихъ своихъ защитниковъ, заклинаю тебя, король, выслушать вѣстниковъ мира, и сбросить свирѣзную земную гордость. Заклинаю тебя, отрекшись отъ преходящаго вѣнца, возложить свое упованіе на боговъ; потому что много будетъ отпущено тебѣ въ твоихъ дняхъ величія и побѣдъ, если ты теперь спасешь отъ гибели и смерти послѣднія жизни, находящіяся еще въ твоихъ рукахъ.

Во время этого торжественнаго воззванія, рыцарь, по условленному знаку приблизился къ Гриффиту, вложилъ ему въ руку перстень и шепнулъ:

— Повинуйся этому залогу. Ты знаешь, что Гарольдъ вѣрнѣе своему слову, а голова твоя продана твоимъ народомъ.

Король бросилъ дикій взглядъ на рыцаря, а потомъ на перстень, который рука его схватила съ судорожною силою. Въ это роковое мгновеніе человекъ сталъ преобладать надъ государемъ; онъ забылъ и народъ и друида, и сердце его понеслось, на крыльяхъ бурн, къ холодной женѣ, которой онъ не довѣрялъ; залогъ, посланный для того, чтобы увѣрить его въ неприкосновенности его жизни, показался ему залогомъ любви посланнымъ въ посмѣяніе надъ падшимъ. Среди рева пробудившихся страстей, всего громче былъ звѣнный свистъ ревности.

Слова друида произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Когда онъ замолкъ, глубокое молчаніе водворилось во всемъ собраніи; но скоро смѣнилось общимъ ропотомъ понужденія.

Тутъ пробудилась гордость въ подкрѣпленіе гнѣву ревнивца. Багровый румянецъ покрылъ его смуглыя щеки; онъ страхнулъ со лба встрепанные волосы.

Грнѣянтъ сдѣлалъ шагъ къ друиду и сказалъ сжатымъ, громкимъ, протяжнымъ голосомъ, далеко раздававшимся по утесамъ:

— Друидъ, ты сказалъ свою рѣчь; теперь выслушай отвѣтъ сына Ллевеллинова, истиннаго наслѣдника Родерика Великаго, видѣвшаго съ высотъ Эррири всѣ области кимрскія покоющіяся подъ скипетромъ утерскаго дракона. Королемъ я родился, и умру королемъ. Не поѣду я рядомъ съ Саксонцемъ къ ногамъ Эдуарда, сына хищника. Не хочу я, для того чтобы куштить позорную жизнь, отречься отъ права, суетнаго въ глазахъ людей и вѣка, но священнаго передъ Воденомъ и потомствомъ, права своего рода и своего народа. Вся Британія принадлежитъ намъ, — весь островъ Сосенъ. Дѣти же Генгиста измѣнники и мятежники, а не преемники Амвросія и Утера. Скажи Гарольду Саксонцу: — Вы оставили намъ только могилу друидовъ и утесы орла; но намъ осталась независимость и царство въ жизни и по смерти; вы не имѣете права требовать ихъ, а мы не имѣемъ права ихъ выдавать. Не бойтесь, мои вожди; не сильные числомъ, но недостигаемые въ славу и правду; не бойтесь погибнуть голодомъ, какъ вамъ предсказываютъ, на этихъ вершинахъ, съ которыхъ видимъ мы плоды своихъ полей! Нѣтъ, мы можемъ погибнуть; но не погибнемъ безмолвно и безъ мести. Иди назадъ, шепчущій рыцарь; иди назадъ, невѣрный сынъ Кимрской земли; — скажите Гарольду, чтобы онъ не дремалъ въ своихъ стѣнахъ и окопахъ. Мы заплатимъ ему великодушіемъ за великодушіе, — не нападемъ на него втихомолку, или подъ защитою ночнаго мрака. При

блескъ своихъ мечей, при званіи щитовъ сойдемъ мы съ своихъ утѣсовъ; онъ считаетъ насъ изнуренными голодомъ, — мы дадимъ пиръ въ его стѣнахъ, на который сноудонскіе коршуны захопаютъ съ радости крыльями!

— Безразсудный, несчастный король, вскричалъ жрецъ; какое проклятіе накликаешь ты на свою голову! Или ты хочешь быть убійцею своихъ подданныхъ въ бесполезной, безразсудной битвѣ? Небо призоветъ тебя къ отчету въ крови, которая будетъ пролита по твоей вѣнѣ?

— Молчи! перестань каркать, лживый воронъ! закричалъ Гривитъ, сверкая глазами. — Было время, жрецы шли передъ нами, чтобы ободрять насъ на бой, а не устрашать; храмы учили насъ восклицать за Одди! въ тотъ день какъ Саксонцы, безчисленные и свирѣпые какъ полки Гарольдовы, напали на Мать-Гарменскія поля. На голову завоевателя падеть проклятіе, а не на голову тѣхъ, которые защищаютъ свои дома и жертвенники. Да, какъ пѣсня барда, кипятъ проклятіе въ моихъ жилахъ, и рвется на мои уста. Именемъ страны, ими разоренной, и пролитой ими крови; — именемъ этихъ утѣсовъ, нашего послѣдняго убѣжища, именемъ кургана на той вершинѣ, изъ подъ котораго внимаютъ мнѣ мертвые, — призываю проклятіе угнетенныхъ и поправныхъ на дѣтей Генгистовыхъ! Узнаютъ они въ свою очередь сталь чужеземца; разобьется въ дребезги царство ихъ, какъ стекло, и рыцари ихъ станутъ рабами на родной землѣ! Родъ Генгиста и Сердика будетъ стертъ со скрижалей власти, и отоштенныя тѣни нашихъ отцовъ будутъ носиться по могиламъ ихъ племени. Мы же, — мы слабы тѣломъ, но крѣпокъ будетъ нашъ духъ до послѣдняго мгновенія! Соха пройдетъ по нашимъ городамъ, но только наша нога будетъ поспирать нашу почву, и дѣла наши сохранять нашу рѣчь въ пѣсняхъ бардовъ. Въ великій день суда Оддина, никакое другое племя кромѣ Кимрскаго, не возстанетъ изъ могилъ этого края, чтобы дать отвѣтъ въ прегрѣшеніяхъ витязей!

Между тѣмъ какъ король говорилъ, голосъ его былъ такъ оглушительнъ, такъ величественно его чело, такъ повелительно каждое его движеніе, что не только жрецъ былъ пораженъ благоговѣніемъ, но и Норманъ, хотя не понималъ его словъ, склонилъ голову какъ ребенокъ, когда сверкнетъ изъ за тучъ молнія, которой онъ боится по инстинкту; — даже угрюмое неудовольствіе, тайно тлившееся въ сердцахъ почти всѣхъ вождей, угастро на мгновеніе. Не то происходило между ратниками и въ толпѣ,

оставшихся наверху; до нихъ не долетала рѣчь короля; обрадованные вѣстью мира, издуревшие пораженими и страхомъ голода, они съ жадностью слушали коварныя рѣчи двухъ хитрыхъ заговорщиковъ; мало по-малу стали роптать и волноваться, и наконецъ медленно спускаться внизъ, къ королю.

Оправившись отъ изумленія, Норманъ опять приближлся къ Грисоуту, и повторилъ свое мирное увѣщаніе. Но вождь сурово махнулъ ему рукою, и сказалъ вслухъ по саксонски:

— Не можетъ быть тайнъ между Гарольдомъ и мною. Вотъ все что я тебѣ скажу, и что ты долженъ передать въ отвѣтъ. — Благодарю графа за себя, за королеву и за свой народъ. Онъ поступилъ благородно, какъ противникъ; и какъ противникъ, я благодарю его, — но какъ король, отказываю. Вѣнецъ, который онъ возвратилъ мнѣ, увидитъ онъ опять еще до заката солнца. Вѣстники, вы получили отвѣтъ; идите назадъ, и спѣшите, чтобы мы не обогнали васъ на пути.

Друндъ вздохнулъ, и бросилъ взглядъ состраданія на окружающихъ: возрадовалось его сердце, когда онъ увидѣлъ, что король одинъ упорствовалъ въ своей безразсудной гордости. Онъ опять отвернулся, и пошелъ назадъ съ Норманомъ.

Какъ скоро вѣстники удалились, всѣ вожди приступили къ королю съ горькими упреками: три предателя разсудили, что пришло время заговорить и имъ, и приступить къ дѣлу. Яростная строптивая толпа бросилась съ неистовствомъ съ утесовъ; барды, сокольничій и еще нѣсколько вѣрныхъ слугъ окружили короля.

Друндъ и рыцарь, сходя съ горы, услышали яростный говоръ множества голосовъ, и остановились, чтобы посмотреть назадъ. Они видѣли, какъ толпа стремилась съ высшихъ уступовъ, но на томъ мѣстѣ, которое они оставили, по неровности мѣстности они могли видѣть только концы пикъ, подпятаые мечи, и быстрое движеніе головъ съ густыми кудрями.

— Чтò значитъ это волненіе? спросилъ рыцарь, приложивъ руку къ рукоятки меча.

— Ты! отвѣчалъ друндъ блѣдный какъ юла, опираясь на жезлъ.

Вдругъ надъ невнятнымъ говоромъ, раздался голосъ короля, грозный и гнѣвный, но ясный и звучный; затѣмъ минута молчанія, потомъ звукъ оружія, крикъ, ревъ, шумъ, котораго не опишутъ никакія слова.

И вдругъ опять раздался голосъ; казалось голосъ короля, но уже не ясный и не внятный. Смѣхъ ли то былъ?... или стоны?

И все опять умолкло; жрецъ стоялъ на колѣняхъ и молился; обнаженный бердышъ дрожалъ въ рукѣ рыцаря. Была мертвая тишина; концы пикъ стояли неподвижно на воздухѣ; и вдругъ опять крикъ, такого же множества голосомъ, но не такой дѣкій, какъ прежде. Валловы быстро спускались съ уступовъ утеса и по ущелью.

Рыцарь прислонился спиною къ пикю. Имъ приказано насъ умертвить, пробормоталъ онъ; но горе первому, кто подойдетъ ко мнѣ на разстояніе моего бердыша.

Валлійцы неслись внистъ... все ближе и ближе; и среди ихъ три вожда, — три предателя. Старикъ держалъ въ рукѣ длинный шестъ, или дротикъ, и на концѣ ея была воткнута втекавшая кровью, отрубленная голова Гриффита.

— Вотъ, сказалъ онъ подошедъ къ вѣстникамъ, вотъ отвѣтъ Гарольду. Мы идемъ съ вами.

— Хлѣба, хлѣба! кричала толпа.

А три вожда, — одинъ несъ на пикѣ голову, а другіе двое шли по обѣ его стороны, шептавъ; — мы отмщены.

КНИГА ОСЬМАЯ.

ГОДЪ.

1.

Нѣсколько дней спустя послѣ трагическаго событія, которымъ мы заключили послѣднюю главу, саксонскія суда стояли на якорѣ въ широкомъ устьѣ Коввелъ; на небольшой передней палубѣ самаго стройнаго и красиваго корабля эскадры стоялъ Гарольдъ, съ непокрытою головою, передъ овдовѣвшею королевою Альдитою. Великолѣпное кресло, съ высокою спинкою и балдахномъ было приготовлено для дочери Альгара, а за нимъ стояла толпа валлиссскихъ дѣвъ, на-скоро избранныхъ для прислуги ей.

Но Альдита не садилась; стоя подлѣ великаго побѣдителя своего покойнаго супруга, она говорила:

— На горе пробилъ тотъ день и часъ, когда Альдита покинула палаты своихъ отцовъ и свою роднуюземлю! Изъ тервіа сплетень былъ вѣнецъ, освѣнявшій ея голову, и воздухъ, которымъ она дышала, клубился кровью. Иду отсюда безпріютною, одинокою вдовою; но ноги мои опять коснутся почвы моихъ дѣдовъ, и уста мои опять будутъ вдыхать воздухъ, который такъ чисто и сладко благоухалъ моему дѣтству. И ты Гарольдъ, стоишь

передо мною, какъ образъ собственной моей юности, и при звукахъ твоего голоса пробуждаются мечты минувшихъ дней. Да хранишь тебя Водень, благородная душа, вѣрное саксонское сердце! Дважды спасъ ты дочь своего врага, — въ первый разъ отъ позору, потомъ отъ голодной смерти. Ты хотѣлъ бы спасти и суроваго моего супруга отъ открытой силы и отъ тайнаго убійства; но разгнѣваны были небеса... пролитая его рукою кровь моихъ соотечественниковъ взывала о мести... разоренные и выжженные имъ храмы наши изрекали приговоръ ему съ своихъ опустѣлыхъ жертвенниковъ. Миръ праху мертвыхъ, и миръ душамъ живыхъ! Я возвращусь къ отцу и къ братьямъ; если имъ дорога честь и жизнь дочери и сестры, то никогда болѣе мечи ихъ не обнажатся противъ Гарольда. Дай мнѣ сжать твою руку и да хранишь тебя Водень!

Гарольдъ взялъ протянутую ему руку королевы и приложилъ ее къ устамъ. Въ эту минуту; казалось, въ Альдитѣ воскресла красота ея юности; гордость и скорбь придали ей очарованіе волшебія, котораго не дано ей было почерпнуть въ любви.

— И сохранить тебѣ жизнь и здоровье, благородная жена, отвѣчалъ графъ. Скажи отъ моего имени своимъ родичамъ, что ради тебя и твоего дѣда, я готовъ быть имъ братомъ и другомъ; будь они за одно со мною, Англія былабы нынѣ ограждена отъ всѣхъ враговъ и отъ всѣхъ опасностей. Дочь твоя уже ждетъ тебя въ маркарскихъ палатахъ; когда же время заживить раны прошедшаго, да раздѣлится снова тебѣ радость въ лицѣ твоей дочери. Прощай, благородная Альдита.

Онъ опустилъ руку, которую держалъ во все это время, медленно отвернулся къ борту корабля, и сошелъ въ свою шлюбку. Между тѣмъ какъ онъ плылъ къ берегу, рогъ затрубилъ къ снятію съ якоря, корабль выпрямился и величаво выплылъ изъреди флотиліи. Но Альдита стояла неподвижно, и глаза ея слѣдили за шлюбкою, которая уносила предметъ тайной любви ея юности.

Когда Гарольдъ вышелъ на берегъ, Тостигъ и норманскій рыцарь, дружески бесѣдовавшіе на берегу, шли къ нему на встрѣчу.

— Братъ, сказалъ Тостигъ, улыбаясь, не много труда стоило бы тебѣ утѣшить прекрасную вдовушку, и присоединить къ нашему дому всѣ силы Восточной Англіи и Мерціи.

Лицо Гарольда подернулось легкимъ неудовольствіемъ, но онъ не отвѣчалъ.

— Вотъ ужъ подлинно красавица, подхватилъ Норманъ, не смотря что щеки ея немножко ввали и загорѣли. Я не двяюсь

что кончатій король такъ крѣпко держалъ ее, въ своихъ когтяхъ.

— Любезный Норманъ, сказалъ графъ, сѣша перевести разговоръ на другой предметъ, — война кончена и теперь Валлисъ на долго оставитъ наши марки въ покоѣ. Я намѣренъ нынче же вечеромъ отправиться въ Лондонъ; мы побѣдуемъ съ тобой дорогою.

— Какъ, такъ скоро? вскричалъ изумленный рыцарь. Не принявъ мѣръ для окончательнаго покоренія этого беззаконнаго племени? не раздавъ земель его своимъ тегвамъ въ видѣ военныхъ деновъ? не построивъ крѣпостей и башенъ на горахъ и при устьяхъ рѣкъ? — гдѣ, на примѣръ, найти мѣста удобнѣе этого для крѣпкаго замка и для военной стѣны? Однимъ словомъ, неужели вы, Саксонцы, дѣласте только набѣгъ на страну, и не заботитесь о средствахъ удержать за собою то, что завоюете?

— Мы ведемъ войну только для собственной обороны, и не гонимся за завоеваніями, отвѣчалъ Гарольдъ. Мы не знаемъ искусства строить замки и крѣпости; в прошу тебя не ввухать своимъ тегвамъ желанія дѣлать между собою области, какъ разбойники дѣлать добычу. Грѣшнѣе умеръ, пусть братья его наследуютъ его престолъ. Англія отстояла свои земли и наказала хищниковъ; чего ей болѣе? Мы не то, что наши дикіе праотцы, которые вырѣзали себѣ новыя жилища лезвеемъ своихъ сексовъ. Волна послѣ разлитія возвращается въ свое русло, а племена успокаиваются послѣ беззаконнаго броженія.

Тостигъ презрительно улыбулся рыцарю, который призадумался надъ этими словами, странными для его понятій, и потомъ медленно послѣдовалъ за графомъ въ крѣпость.

Гарольдъ, возвратившись въ свою квартиру, нашелъ тутъ гонца, только что прискакавшаго изъ Честера съ вѣстью о смерти Альгара, единственнаго его врага и соперника его власти. Лихорадка, слѣдствіе запущенныхъ ранъ, положила его на одръ болѣзни, а неукротимый пылъ страстей усиливъ ходъ недуга, — и кончилось его беспокойное и бесполезное поприще.

Первое чувство, которое возбудила въ Гарольдѣ эта неожиданная вѣсть; было чувство состраданія и печали. Смѣлая душа невольно сочувствуетъ другой смѣлой душѣ; и благородное сердце всегда питаетъ нѣкоторую дружбу къ могущественному противнику. Но когда это первое впечатлѣніе изгладилось, Гарольдъ не могъ не разсудить, что Англія была освобождена отъ самаго

грознаго своего подданнаго, а онъ самъ, отъ единственнаго видимаго препятствія къ совершенію его великаго назначенія.

— Теперь скорѣе въ Лондонъ! шепталъ ему голосъ честолюбія. Не остается уже ни одного врага, чтобы возмущать миръ этого царства, которому твои победы, Гарольдъ, дали безопасность и прочность, какими никогда еще не пользовалось царство саксонскихъ королей. Путь твой черезъ страну, которую ты отъпихнулъ оградилъ отъ огня и меча буйныхъ горцевъ, будетъ торжественнымъ шествіемъ, подобно шествію древнихъ римскихъ полководцевъ; голосъ всего народа будетъ отголоскомъ сердецъ твоихъ полковъ, а ихъ сердца принадлежать тебѣ неизмѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, Гильда вѣщая прорицательница; и когда Эдуардъ успокоится съ богами, какое англійское сердце не возгласитъ: Да здравствуетъ долгія лѣта Гарольдъ, нашъ король?

II.

Норманъ поѣхалъ рядомъ съ Гарольдомъ въ тылу побѣдоноснаго войска. Суда поплыли обратно въ свои гавани, а Тостигъ отправился въ свое сѣверное графство.

— Теперь, сказалъ Гарольдъ, я могу на свободѣ поблагодарить тебя, храбрый Норманъ, за нѣчто большее, чѣмъ помощь твоя въ совѣтѣ и въ битвѣ; могу на свободѣ обратиться къ послѣдней просьбѣ Свейна, и вспомнить частыя слезы Гиты моей матери, объ изгнаникѣ Вольноутѣ. Ты самъ видишь, что графу не можетъ уже быть ни поводу, ни предлогу долге удерживать заложниковъ. Изъ устъ самого Эдуарда услышишь ты, что онъ болѣе не требуетъ обезпеченія въ вѣрности Годвиннова дому; и я не думаю, чтобы герцогъ Вильгельмъ позволялъ тебѣ ѣхать для того, чтобы передать мнѣ вѣсть объ умершемъ, если бы онъ не былъ расположенъ удовлетворить справедливое желаніе живыхъ.

— Слова твои, графъ вессекскій, близки къ истинѣ. Но, говоря прямо и откровенно, мнѣ кажется, что мой государь, графъ Вильгельмъ, желалъ бы видѣть лично такого славнаго вождя, какъ Гарольдъ, и вѣроятно держитъ заложниковъ затѣмъ, чтобы ты самъ пріѣхалъ просить ихъ освобожденія. При этихъ словахъ, рыцарь весело и привѣтливо улыбулся; но въ быстромъ взглядѣ его свѣтлыхъ, карихъ глазъ мелькнуло лукавство хитраго норманскаго племени.

— Такое желаніе очень лестно моему самолюбію, если ты только не говоришь этого изъ лести, сказалъ Гарольдъ: я и самъ, — теперь какъ миръ водворенъ въ государствѣ, и присутствіе мое болѣе не необходимо, — я и самъ охотно посѣтилъ бы его славный дворъ. Много я слышалъ отъ людей торговыхъ и отъ странниковъ о мудромъ попеченіи графа Вильгельма о торговлѣ и ремеслахъ; и многое узнаю на севскихъ пристаняхъ такого, что можетъ принести пользу нашимъ темскимъ рынкамъ. Слышалъ я также о ревности графа Вильгельма къ возрожденію аллиской учености, съ помощью ломбарда Ланфранка; о великолѣпіи его сооруженій и пышности его двора. Охотно переплыву я океанъ, чтобы посмотрѣть на все это; но это только усилитъ скорбь моего сердца, если мнѣ придется возвратиться безъ Гакона и Вольнота.

— Не смѣю дать тебѣ слово за герцога, возразилъ Норманъ: онъ былъ мастеръ обмануть уклончивыми рѣчами, но не рѣшался принять на свою совѣсть прямую ложь. Знаю только, продолжалъ онъ, что мало сокровищъ въ его граствѣ, которыхъ государь мой не дастъ за удовольствіе пожать руку Гарольду и за увѣренность въ дружбѣ.

Ни одинъ Англичанинъ, кромѣ одного короля Эдуарда, не угадывалъ тайныхъ видовъ и замысловъ Вильгельма на англійскій престолъ; Гарольдъ же, несмотря на свой умъ и проицательность, былъ вовсе не подозрителенъ; онъ отвѣчалъ престоудушно:

— Хорошо бы, въ самомъ дѣлѣ, и для Нормандіи и для Англій, какъ въ случаѣ войны, такъ и для пользы торговли, если бы эти два государства жили во взаимномъ согласіи и въ дружбѣ. Я еще подумаю о томъ, что ты сказалъ, сиръ де Гравиль; и не моя вина, если не забудутся старые раздоры и если тѣ, которые находятся теперь при дворѣ твоего государя, не будутъ послѣдними заложниками у Нормановъ въ вѣрности Саксонцевъ.

Затѣмъ онъ обратилъ разговоръ на другіе предметы; хитрый и вкрадчивый посланникъ, одушевленный надеждою успѣха въ возложенномъ на него порученіи, оживлялъ путь своими замѣчаніями, то шутивыми, то рѣзкими, и вырывалъ ими графа изъ задумчивости, которая съ вѣкотораго времени овладѣла его нѣкогда открытою и свѣтлою какъ день душою.

Гарольдъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ насчетъ энтузіазма, который должны были возбудить его побѣды. Повсему пути графа, жители городовъ и селеній выходили къ нему на встрѣчу,

посмотрѣть на доблестнаго вождя и привѣтствовать его; когда же онъ прибылъ въ столицу, возвращеніе его привѣтствовали такими же торжествами, и такою же всеобщею радостью, какъ при вступленіи на престолъ Эдуарда привѣтствовали возстановленіе Сердикова роду.

Согласно варварскому обычаю вѣка, голова несчастнаго короля-наместника и носъ его королевскаго ратнаго корабля были посланы Эдуарду, въ видѣ военныхъ трофеевъ; но милосердіе Гарольда пощадилъ живыхъ. Родъ Гриффитовъ былъ возстановленъ на престолѣ павшаго героя, въ лицѣ его братьевъ Блетгента и Ригветля; они цѣловали жезлъ, говорятъ старыи летописецъ, и дали заложниковъ королю и графу въ томъ, что будутъ имъ во всемъ вѣрны и покорны, и вездѣ будутъ готовы помогать имъ оружіемъ, на морѣ и на сушѣ, и нести имъ такую дань съ своей земли, какую получали съ нея всѣ прежніе короли.

Вскорѣ послѣ того Малле де Гравиль отправился обратно въ Нормандію, съ богатыми дарами Вильгельму отъ короля Эдуарда и съ настоятельною просьбою какъ самого короля, такъ и графа о возвращеніи заложниковъ. Но провинцальный Малле очень хорошо понялъ, что сердце Эдуарда было уже чуждо Вильгельму. Очевидно было, что нравъ короля Эдуарда былъ оскорбленъ бракомъ герцога, въ особенности, когда отъ этого счастливаго союза родились дѣти; вѣтъ болѣе, что съ того времени какъ Годвинъ покоился въ могилѣ, а Тостигъ жилъ въ своемъ удѣлѣ, нелюбовь Эдуарда къ этому дому, котораго главою оставался Гарольдъ, совершенно изгладилась. Впрочемъ, такъ какъ еще не бывало примѣру, чтобы на саксонскій престолъ избирался кто-либо не изъ Сердикова роду, то норманскому рыцарю и въ голову не приходило, чтобы Гарольдъ былъ истиннымъ соперникомъ Вильгельму въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Эдуардъ Этеллингъ, прадеда, умеръ; но сынъ его Эдгаръ, прямой наследникъ престола, былъ живъ; Норманъ же, котораго государь вступилъ на престолъ осьми лѣтъ, не зналъ неизмѣннаго обычая Англо-Саксовъ, устранявшаго какъ отъ престола, такъ и отъ удѣловъ всѣхъ послѣдниковъ, которые по малолѣтству своему были не способны къ управленію. Но провинцальности его доставало на то, чтобы угадать какъ малолѣтство Этеллинга будетъ благопріятно видамъ норманскаго герцога, потому что ребенокъ будетъ плохимъ защитникомъ царства; притомъ онъ замѣтилъ, что юный наследникъ оштрафованнаго изгнанника не пользовался любовью народа; и Эдуардъ никогда не признавалъ его своимъ

преимудромъ. Всѣ эти обстоятельства Малле толковалъ въ пользу Вильгельма. Тѣмъ не менѣе не могъ онъ не замѣтить, что норманское вліаніе было очень слабо и не въ почетѣ, какъ при дворѣ, такъ и въ народѣ; и что одинъ только человекъ могъ воскресить его и осуществить зарѣзавшія мечты честолюбиваго герцога. Этотъ человекъ былъ — Гарольдъ.

III.

Надѣясь, что на этотъ разъ настоятельное требованіе Эдуарда и его собственная просьба объ освобожденіи его брата и племянника увѣнчаются успѣхомъ, Гарольдъ долго оставался при дворѣ, для приведенія въ порядокъ старыхъ дѣлъ, накопившихся во время его похода въ безпечныхъ рукахъ короля отшельника. Но онъ находилъ много досуговъ, чтобы бывать въ старой римской виллѣ, и эти посѣщенія не столько, можетъ быть, улаждали его любовь, какъ другую, болѣе суровую и необузданную страсть, которая дѣлала съ любовью владычество его сердцемъ.

Чѣмъ болѣе онъ приближался къ ослѣпительной цѣли, къ достиженію которой сама судьба, казалось, указывала ему путь, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ обаяніе тѣхъ таинственныхъ вліаній, которыя прежде презиралъ его холодный разсудокъ. Кого честолюбіе влечетъ къ далекой, невѣрной цѣли, тотъ немедленно переносится въ поэтическую сѣру фантазій; желать и мысленно осуществлять свое желаніе, — два нераздѣльные и одновременные акты человѣческой души.

Въ юности и въ первые годы своего спокойнаго мужества, когда Гарольдъ ограничивалъ свою дѣятельность предѣлами долга, когда онъ жилъ одною любовью къ отечеству, все было передъ нимъ свѣтло, какъ солнечный день; но когда предѣлы разошлись, и горизонтъ расширился, взоры его покинули сѣру положительнаго и устремились на гадательное. По мѣрѣ того какъ эгоизмъ, хотя еще затаенный до половины въ глубинахъ его совѣсти, сталъ заступать мѣсто любви къ отечеству, началось въ ней владычество обмана; прежде чувство долга поборало судьбу, теперь же онъ началъ во всѣхъ событіяхъ искать указанія судьбы, и Гильда являлась ему голосомъ, отвѣчавшимъ на вопросы его безпокойной души. Ему нужно было ободреніе изъ невидимаго міра, которое освѣщало бы его желанія, и оправды-

вало его стремленіе. Но Эднъ, восхищенная громкою славой своего возлюбленнаго, и довольная скромнымъ счастьемъ видѣть его, поклонилась въ божественномъ упованіи часу блаженства; она не замѣчала, что когда Гарольдъ приходилъ, взоръ его прежде всего искалъ суроваго лица валь, и не дивилась, когда они бесѣдовали шопотомъ или стояли вдвоемъ при свѣтѣ луны на рунической могилѣ. Она чувствовала, что ее одну любилъ Гарольдъ изъ всѣхъ женщинъ; знала, что любовь эта устояла противъ времени, разлуки, перемѣны положенія и отдаленности надежды, — но не знала, что любовь всего болѣе должна опасаться въ сердцѣ честолюбца не соперничества лицъ, а вещей, и не вещей, а ихъ символы.

Такъ текли недѣли и мѣсяцы, а отъ герцога Вильгельма не было отвѣта на просьбы объ отпущеніи заложниковъ. Совѣсти укоряла Гарольда въ пренебреженіи послѣднюю мольбою Свейна, и слезами матери.

По смерти мужа Гита жила въ уединеніи, вдали отъ городовъ; и не мало Гарольдъ былъ удивленъ неожиданнымъ прибытіемъ ея въ большой деревянный домъ, въ Лондонъ, перешедшій въ его руки по смерти отца. Когда она поспѣшно вошла въ комнату, гдѣ онъ сидѣлъ, онъ вскочилъ и пошелъ къ ней на встрѣчу, чтобы обнять ее; но она остановила его, торжественно и грустно махнувъ ему рукою, и, преклонивъ предъ нимъ колѣно, сказала:

— Смотри, мать умоляетъ сына о сынѣ. Нѣтъ, Гарольдъ, вѣтъ.... не встану, пока ты не выслушаешь меня. Много лѣтъ, долгихъ и тяжелыхъ лѣтъ, ждала я и грустила въ одиночествѣ! Неужели сынъ мой не увидитъ болѣе матери? Ты говорилъ мнѣ: — Подожди до возвращенія гонца. — Я ждала. Потомъ ты сказалъ мнѣ: — Теперь графъ уже не можетъ не исполнить желанія короля. — Я склонила голову и покорилась тебѣ, какъ покорялась прежде волѣ своего супруга, Годвина. До сихъ поръ я не напоминала тебѣ о твоей клятвѣ, я понимала, что отечество, король и слава пмѣютъ на тебя болѣе правъ, чѣмъ желаніе матери. Но я не могу, ждать долѣе.... не хочу довольствоваться бесплодными надеждами и обманчивыми обѣщаніями. Теперь время твое принадлежитъ тебѣ одному, — ты воленъ ѣхать куда хочешь, и возвращаться когда хочешь. Гарольдъ, я прибѣгаю къ твоему слову.... касаюсь твоей правой руки, Гарольдъ.... и напоминаю тебѣ данное слово и клятву, ѣхать самому за море, и возвратитъ матери сына.

— Встань, встань! вскричалъ Гарольдъ въ сильномъ волненіи. Ты долго терпѣла, матушка, но я не заставляю тебя долѣе томиться ожиданіемъ.... не буду слушать ничьего голоса, кромѣ твоего. Сегодня же увижусь съ королемъ, и испрошу у него позволеніе ѣхать за море, къ герцогу Вильгельму.

Гита вскочила и со слезами бросилась на грудь графу.

IV.

Между-тѣмъ какъ происходило это свиданіе Гиты съ Гарольдомъ, Гуртъ, охотясь на пустошахъ, окружавшихъ жилище Гильды, своротилъ въ сторону, чтобы навѣстить свою датскую родственницу. Прорицательницы не было дома, но ему сказали, что Эднѳъ была въ своихъ покояхъ; а Гуртъ, который самъ долженъ былъ скоро сочетаться навѣки съ юною дѣвою, давно уже владѣвшею его сердцемъ, питалъ братскую любовь къ возлюбленной своего брата. Онъ вошелъ въ женскій теремъ; какъ въ первый разъ, когда мы вступали въ эти покои, такъ и теперь тутъ сидѣли дѣвушки за работою; но работа была блестяще и пріятнѣе для глазъ чѣмъ тогда, и руки ихъ суетились живѣе и охотнѣе. Онѣ вышивали на тканъ изъ чистѣйшаго золота изображеніе разящаго всадника; Гильда назначала его на хоругвь для графа Гарольда. Отсутствіе хозяйки, наводившей на нихъ невольный трепетъ, развязало дѣвушкамъ языки, и веселая бесѣда и пѣсни сопровождали ихъ работу. Среди пѣсенъ и смѣху вошелъ въ комнату молодой Саксопецъ, болтовня и смѣхъ тотчасъ умолкли, и всѣ глаза смиренно опустили на работу. Эднѳъ съ ними не было; и на вопросъ посѣтителя, старшая изъ дѣвшекъ указала ему на перисталь, окружавшій домъ.

Ласковый и пріятливый тегнъ постоялъ немножко, посмотрѣлъ на тканъ и похвалилъ работу; потомъ вышелъ по указанному пути.

У ключа, вольною и чистою струею бившаго изъ римскаго фонтана, сидѣла Эднѳъ, въ глубокой думѣ и въ мрачномъ уныніи. Когда Гуртъ приблизился къ ней, она вздрогнула, вскочила, побѣжала къ нему на встрѣчу и вскричала:

— О Гуртъ, само небо посылаетъ тебя ко мнѣ; я это знаю, хотя не могу сказать тебѣ почему; и даже самой себѣ не могу этого объяснить; но знаю, по тайному предчувствію души, что какая нибудь грозная опасность въ это мгновеніе окружаетъ тво-

его брата Гарольда. Прощу тебя.... заклинаю тебя, иди къ нему немедленно; и пусть твой свѣтлый разумъ и твое теплое сердце хранить его.

— Иду немедленно, сказалъ Гуртъ, нѣсколько встревоженный. Но умоляю тебя, добрая сестра, не давай овладѣть твоею чистомъ душою суетнѣю, которое стелется по этимъ мѣстамъ, какъ туманъ по болоту. Въ ранней юности я подчинился вліянію Гильды; но возмужалъ и сбросилъ съ себя эти пута. Сильно огорчаетъ меня втайнѣ, что даже твердое сердце Гарольда въ послѣднее время подверглось очарованію датской науки твоей бабки, и гдѣ онъ прежде ссылался на одинъ долгъ, теперь онъ уже говоритъ о судьбѣ.

— Увы! отвѣчала Эднѣ, ломая руки: когда птичка спрячетъ голову въ траву, не скроетъ она этимъ своего слѣда отъ собаки; обмануть ли намъ судьбу тѣмъ, что будемъ презирать ея угрозы? Но мы теряемъ драгоценное время. Иди Гуртъ.... милый Гуртъ.... между-тѣмъ какъ мы здѣсь разсуждаемъ, туча все тяжелѣе и мрачнѣе копится въ моемъ сердцѣ.

Гуртъ болѣе не возражалъ, но поспѣшно вскочилъ на лошадь. Эднѣ осталась одна у римскаго фонтана, неподвижная и печальная, будто нимфа древняго язычества, наблюдавшая какъ скудбющій ключъ пробивался сквозь разбитый камень, зная, что жизнь нимфы была измѣрена скудбніемъ ключа.

Гуртъ прибылъ въ Лондонъ въ то самое время, какъ Гарольдъ садился въ лодку, чтобы ѣхать въ Вестминстерскій дворецъ, къ королю; объявъ съ поспѣшностью мать, онъ отправился съ Гарольдомъ во дворецъ, и дорогою узналъ цѣль его посѣщенія. Пока Гарольдъ говорилъ, Гурту не предвидѣлось чтобы дружеская поѣздка къ норманскому двору могла быть сопряжена съ какою либо опасностью; а между Гарольдовымъ сообщеніемъ и входомъ ихъ въ королевскіе покои прошло сляшкомъ мало времени для того, чтобы внимательно и здорово размыслить о предпріятіи.

Эдуардъ, на которомъ лѣта и недуги оставили въ послѣднее время сильныя слѣды, выслушалъ просьбу Гарольда съ важностью и со вниманіемъ, которыми онъ рѣдко удостоивалъ мірскія дѣла. И долго онъ еще молчалъ, послѣ того какъ Гарольдъ кончилъ; — такъ долго, что графъ сначала подумалъ, не одинъ ли это изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ самозабвенія и тайнаго отрѣшенія отъ тѣла, которыми Эдуардъ подвергался съ давнихъ лѣтъ, и которые становились чаще и сильнѣе по мѣрѣ приближенія

его къ вратамъ невидимаго шира. Но всмотрѣвшись пристальнѣе, и онъ и Гуртъ были поражены очевиднымъ смущеніемъ, выразившимся на лицѣ короля, между тѣмъ какъ спокойный свѣтъ, сіявшій въ его холодныхъ глазахъ, доказывалъ, что умъ его бодрствовалъ въ человѣческомъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ очень вѣроятно, что Эдуардъ въ это мгновеніе приписывалъ неосторожныя намеки, если не обѣщанія, сдѣланныя имъ во время своего изгнанія алчному норманскому брату. Теперь жъ, зная слабость своего здоровья и малолѣтство Эдгара, онъ помышлялъ, можетъ-быть, о грозномъ претендентѣ на англійскій престолъ, притязаніемъ котораго его юношеская неосторожность придала двойную силу. Но о чемъ бы онъ ни думалъ, мрачны и тревожны были его размышленія, и онъ началъ наконецъ протяжнымъ голосомъ:

— Тамъ ты точно далъ клятву матери, и она требуетъ исполненія клятвы?

— Точно, государь, отвѣчалъ Гарольдъ отрывисто.

— Въ такомъ случаѣ я не могу удерживать тебя. Ты же, Гарольдъ, человѣкъ обладающій мірскою мудростью; ты здѣсь настоящій вождь; скажешь ли: — Приходите ко мнѣ; идите туда! — и люди идутъ во твоёму слову. Но этому ты самъ можешь судить о разумности своихъ дѣлъ. Я не могу тебѣ противорѣчить, не хочу удерживать человѣка отъ исполненія обѣта. Но не думай, — продолжалъ король еще съ большою торжественностью и съ возрастающимъ волненіемъ, — не думай, чтобы я взялъ на свою душу отвѣтственность за совѣтъ или за ободреніе тебя въ твоёмъ предпріятіи. Продолжу, что поѣздка твоя навлечетъ великія бѣдствія на Англію, и будетъ тебѣ только источникомъ скорби и утратъ.

— Это отчего, любезный государь и король? спросилъ Гарольдъ, встревоженный необычайнымъ волненіемъ Эдуарда, хотя приписывалъ его обманчивымъ видѣніямъ, которымъ былъ подверженъ этотъ король. Это отчего? братъ твой Вильгельмъ всегда слылъ безошаднымъ въ войнѣ, но милостивымъ и неизмѣннымъ къ друзьямъ. А какой позоръ былъ бы его имени, если бы онъ могъ замыслить измѣну противъ человѣка, вѣрившагося его чести, и пришедшаго подъ его кровъ.

— Гарольдъ, Гарольдъ, сказалъ Эдуардъ нетерпѣливо, даво уже знаю я Вильгельма: не такъ простъ онъ умомъ, чтобы сдѣлать что-либо въ угожденіе тебѣ, или даже мнѣ, если не увидитъ

въ этомъ собственной своей выгоды. Болѣе не скажу ничего. Ты предостереженъ; остальное предоставляю на волю неба.

Бѣда людей, которымъ молва не приписываетъ мудрости въ мірскихъ дѣлахъ, то, что, хотя бы даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ самое отрѣшеніе ихъ отъ людскихъ стремленій и страстей давало имъ провинцательности способность предвидѣть, никогда не могутъ они влиять своего убѣжденія въ душу другихъ; они могутъ угадывать, но не могутъ доказывать своихъ догадокъ послѣдовательнымъ разсужденіемъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Безотчетное опасеніе, основанное на неясномъ угадываніи характера герцога, было недостаточно для того, чтобы отклонить Гарольда отъ его намѣренія. Но Гуртъ, слушаясь болѣе голоса своей безкорыстной любви къ брату, чѣмъ голоса разсудка, почувствовалъ невольный страхъ, и, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Полагаешь ли ты, милостивый король, что если Гуртъ отправится за море вмѣсто Гарольда, для вытребованія заложниковъ, онъ подвергнется той же опасности?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эдуардъ съ поспѣшностью; и я бы совѣтовалъ такъ поступить. Вильгельму не можетъ быть тѣхъ же выгодъ и побужденій опутать тебя своими мірскими хитростями. Да, я думаю, что это будетъ самымъ благоразумнымъ дѣйствіемъ.

— И самымъ постыднымъ для Гарольда, возразилъ старшій братъ съ негодованіемъ. Какъ бы то ни было, благодарю тебя отъ искренняго сердца, любезный король, за твою милостивую заботливость обо мнѣ, и за твое предостереженіе. Между-тѣмъ да хранить тебя наши боги.

Простившись съ королемъ, братья долго еще разсуждали. Доводы Гурта были сильнѣе Гарольдовыхъ, и графъ скоро принужденъ былъ опираться свое упорство на одну клятву, данную Гитѣ. Когда же они пришли домой, у него былъ отнятъ и этотъ предлогъ; потому что какъ скоро Гуртъ открылъ матери опасенія и предостереженія Эдуарда, Гита, помня особенную любовь Годвина къ Гарольду, и его предсмертное завѣщаніе, немедленно возвратила сыну данное слово, и даже сама умоляла его послать къ норманскому двору вмѣсто себя, Гурта.

— Выслушай хладнокровно, сказалъ Гуртъ: будь увѣренъ, что Эдуардъ не безъ причины опасается.... что онъ имѣетъ на то причины болѣе разумныя чѣмъ тѣ, которыя онъ приводитъ. Онъ знаетъ Вильгельма съ юныхъ лѣтъ, и слишкомъ любялъ его, чтобы безъ достаточнаго основанія внушать сомнѣвія въ его

добросовѣстности. Развѣ не можетъ быть причинъ, почему тебѣ въ особенности угрожаетъ опасность отъ Вильгельма? Въ то время, какъ дворъ былъ наполненъ Норманами, ходили слухи о притязаніяхъ герцога на англійскій престолъ, говорили даже, что дружба короля подкрѣпляла эти виды. Разумѣется, что при теперешнемъ, измѣнившемся положеніи Англіи, такіе замыслы были бы безразсудствомъ, безуміемъ; и что ихъ не можетъ питать человѣкъ съ Вильгельмовымъ умомъ. Но довольно вѣроятно, что онъ ищетъ средства возстановить прежнее вліяніе Нормановъ въ нашей землѣ. Ты самъ знаешь, что въ тебѣ онъ будетъ имѣть въ рукахъ самаго могущественнаго человѣка Англіи; что захвативъ тебя, онъ возмутитъ государство съ одного конца до другаго, а это пожалуй дастъ ему средство вынудить отъ Эдуарда какія либо постыдныя для насъ вѣсѣхъ мѣры. Что же касается до меня, онъ не можетъ имѣть противъ меня ни какаго злаго умыслу, потому что задержаніе меня ни къ чему его не поведетъ. Скажу болѣе, пока Гарольдъ безопасенъ въ Англіи, Гурту нечего бояться въ Дуанѣ; твое присутствіе здѣсь, во главѣ нашихъ войскъ, охраняетъ меня отъ всякаго посягательства. Положимъ напротивъ, что Гуртъ остается въ Англіи: что отвѣчаетъ за твою безопасность въ Руанѣ? Я, простой ратникъ и ничтожный тегиъ, безъ вліянія на Эдуарда, безъ значенія въ королевствѣ, не владѣющій словомъ въ бурномъ витанѣ, что могу я сдѣлать? я довольно великъ, чтобы Вильгельмъ не смѣлъ посягнуть на мою безопасность, но не довольно великъ для того даже, чтобы ему имѣть причину желать мнѣ зла.

— Если онъ удерживаетъ нашего брата и нашего племянника, почему не удержать и тебя? сказалъ Гарольдъ.

— Потому что Вольнотъ и Гаконъ отданы какъ заложники; это можетъ служить ему предлогомъ; я же поѣду гостемъ и посломъ. Нѣтъ, мнѣ не можетъ угрожать ни какаго опасность. Послушайся разумнаго совѣта, любезный Гарольдъ.

— Послушайся совѣта, сынъ, вскричала Гита, обвиняя колѣна графа. Не дай мнѣ увидѣть во тьмѣ ночной грозную тѣнь Годвина, и услышать его грозный голосъ: — Жена, гдѣ Гарольдъ?

Здравый умъ графа не могъ не признать основательности этихъ доводовъ; къ тому же надо сказать, что мрачныя предостереженія Эдуарда тревожили его болѣе, чѣмъ онъ сознавался. Но съ другой стороны были сильныя побужденія, не позволявшія ему согласиться на предложеніе Гурта. Первыми и сильнѣй-

ининъ изъ нихъ былъ его врожденное мужество и благородная гордость. Ему, въ первый разъ въ жизни отступать впередъ опаснее, чѣмъ исполненіи своего долга, и еще впередъ одною мѣткою, гадательною опасностью? потерять, чтобы Гуртъ принялъ на себя исполненіе шихъ данной клятвы? Положимъ даже, что Гуртъ не подвергался опасности, угрожавшей ему лично, могъ ли онъ согласиться на такую подлиму? И будутъ ли убѣжденія Гурта имѣть тотъ же вѣсъ, какъ его собственныя, для исходатайствованія свободы заложникамъ?

Были и другія побужденія, которыхъ онъ не смѣлъ открыть. Очищая себѣ путь къ английскому престолу, онъ не разъ помышлялъ, какъ драгоценны могутъ ему быть дружба Норманскаго герцога, и согласіе сосѣдняго государства на его притязанія; какъ полезно могло быть устраненіе непріязни къ его дому, которая была еще свѣжа въ умахъ Нормановъ. Потому что они еще съ негодованіемъ вспоминали участь своихъ соотечественниковъ, сопровождавшихъ въ Англію несчастнаго Альфреда; когда девять человекъ изъ десяти были злодѣйски перебиты, съ согласіемъ, какъ полагали, если даже не по приказанію Годвина; съ горечью припоминали они также недавнее свое изгнаніе отъ английскаго двора, послѣдовавшее за возвращеніемъ Годвина и его сыновей.

Хотя Гарольдъ ни какъ не могъ предполагать, чтобы Вильгельмъ, не имѣя въ Англіи приверженцевъ, могъ помышлять объ английскомъ престолѣ, однако же онъ разсуждалъ, что по смерти Эдуарда легко могли явиться претенденты, и что Норманы безъ труда могли придумать предлогъ, чтобы поддерживать ихъ оружіемъ. Съ одной стороны юный Этеллингъ; съ другой норвежскій король, мужественный Гардрада могъ возобновить притязанія своего предшественника Магнуса на престолъ Канутовъ. Здравая полптка совѣтовала Гарольду не пренебрегать дружбою такого близкаго и овлыаго сосѣда, какъ Норманскій графъ; а Гуртъ, съ своею необузданною ненавистью ко всему, что отзывалось норманщиною, былъ конечно не тотъ посолъ, который могъ бы отвѣтствовать его видамъ. Прибавимъ еще къ этому, что не смотря на свое временное примиреніе, Гарольдъ не могъ рассчитывать на продолжительную дружбу Тостига; а родство Тостига съ Вильгельмомъ черезъ родство обоихъ съ домомъ Балдуина, угрожало новою опасностью новому престолу; потому что Тостигъ, по вѣрнымъ вѣроятіямъ, долженъ былъ сдѣлаться самымъ

бессокровиши изъ его подданныхъ. Могъ ли Гарольдъ по желанію противодѣйствовать этой родоветной силан?

Не могъ также Гарольдъ, рвуну о благѣ своего отечества, какъ сынъ его и правитель, и сознавая необходимость преобразования и обновленія въ истлѣвшемъ зданіи государства, добровольно упустить случай осмотрѣть самъ все, что сдѣлалъ Вильгельмъ для того, чтобы возвести такъ высоко въ просвѣщеніи, въ военной славѣ и въ благоденствіи свое ничтожное герцогство, и поставить его на одну степенъ съ королевствами Тевтоновъ и Франковъ. Вильгельмъ выпросилъ у жрецовъ разрѣшеніе на бракъ съ Матильдою; не могло ли его дружеское ходатайство подкрѣпить просьбу, съ которою Гарольдъ самъ надѣялся со временемъ обратиться къ служителямъ Воденз, и доставить ему столь желаемое разрѣшеніе, безъ котораго почести утрачивали для него все свое очарованіе, и даже престолъ лишался своего блеску.

Всѣ эти соображенія побуждали Гарольда упорствовать въ своемъ намѣреніи; но вѣщій голосъ сердца сильнѣе всѣхъ убѣждений подкрѣплялъ просьбы Гиты и доводы Гурта. Пользуясь этимъ минутнымъ колебаніемъ, Гуртъ сказалъ:

— Вспомни, Гарольдъ, что если бы эта опасность угрожала тебѣ одному, ты имѣлъ бы право, принадлежащее каждому мужественному человѣку, протняться нашимъ убѣжденіямъ; но, король говорилъ положительно о великихъ бѣдствіяхъ, угрожавшихъ, въ случаѣ твоего упорства, всей Англіи; а какое право имѣешь ты навлекать бѣдствія на Англію?

— Милая матушка, и благородный Гуртъ, сказали Гарольдъ обнявъ мать и брата: вы почти восторжествовали надъ моею рѣшимостью. Дайте мнѣ только два дня на размышленіе, и будьте увѣрены, что я въ рѣшеніи своемъ не буду увлекаться необдуманными внушеніями перазлучной отваги.

Болѣе не могли они ничего добиться отъ графа, однако же Гуртъ съ удовольствіемъ увидѣлъ вскорѣ послѣ этого разговора, что братъ его поѣхалъ къ Эднел, которой опасенія, онъ полагалъ, изъ какого бы источника они ни происходили, должны были подкрѣпить увѣщанія его и матерн.

Но не Эднелъ была главнымъ предметомъ мыслей Гарольда, когда онъ ѣхалъ одинъ къ великолѣпной вѣкогда виллѣ римскаго вельможи, и вступалъ, подъ вечеръ, въ темный боръ; къ валѣ увосился онъ мысленно, съ которою честолюбіе все болѣе и болѣе сродняло его душу. Томимый сомнѣніемъ, оставленный во мракѣ погасающими лучамн человеческого разума, никогда не

спѣшилъ онъ такъ неволью къ руководителю, могшему объяснить ему будущее, и направить его дѣйствія.

И будто сама судьба спѣшила дать отвѣтъ на зовъ его сердца, вдругъ предстала ему Гильда, собиравшая въ бору лишмовые и ясеневые листья.

Онъ соскочилъ съ лошади и приблизился къ ней.

— Гильда, сказалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ: ты не разъ говорила мнѣ, что мертвые могутъ научать живыхъ. Вызови Синь леку древняго витязя, вызови тѣнь, которая являлась однажды моимъ глазамъ, или моему воображенію, огромная и безмолвная, у могильнаго кургана; я буду стоять подлѣ тебя. Я желалъ бы удостовѣриться, не обманывала ли ты меня и себя самое; или же небо точно посылаетъ живымъ совѣтъ и знаніе будущаго изъ устъ тѣхъ, которые перешли на таинственный берегъ вѣчности.

— Мертвые, отвѣчала Гильда, являются глазамъ непосвященнаго только по собственной волѣ, а не по вызову чаръ и заклинаній. Мнѣ образъ ихъ является ясно сквозь воздушное пламя, потому что я приготовлена чарами, очищающими глаза души, и разрѣшающими стѣну плоти. Не могу ручаться, что то, что я увижу въ отрѣшеніи и вдохновеніи своего духа, ты увидишь также; я сама, когда пройдетъ видѣніе моихъ глазъ, и умолкнетъ голосъ въ моемъ слухѣ, сохраняю одно неясное, туманное воспоминаніе видѣннаго и слышаннаго, для руководства въ бодрствующей, обыкновенной жизни. Однако же ты стой подлѣ меня, пока я буду вопрошать тѣнь, прислушивайся къ словамъ, которыя будутъ вырываться съ моихъ устъ, и старайся ихъ объяснить; наблюдай руны, которыя получаютъ смыслъ и значеніе отъ вскрѣ очарованнаго огня. Я знала еще до твоего приходу, по тоскѣ и смущенію, объявшимъ душу Эднелъ, что на твою душу пала тѣнь ясеня — дерева жизни.

Тутъ Гарольдъ разсказалъ все происшедшее, и представилъ Гильдѣ смущавшія его сомнѣнія.

Прорицательница слушала съ глубокимъ вниманіемъ. Но умъ валы, когда не былъ подъ вліяніемъ ея мистическихъ вѣрованій, увлекался ея врожденною неустрашимостью и честолюбіемъ; по этому ее тотчасъ поразила польза, которую могла привести Гарольду поѣздка къ норманскому двору, въ достиженіи предназначеннаго ему престола; сверхъ того, она имѣла слишкомъ невыгодное мнѣніе и о мірской мудрости и о гаданіяхъ короля-эт

мельника, чтобы придать какую либо важность его предостереженіямъ.

По этому можно угадывать, что краткій отвѣтъ Гильды не могъ отклонить Гарольда отъ его предпріятія. Впрочемъ она совѣтовала отложить окончательное рѣшеніе до слѣдующей ночи, и испросить наставленія болѣе непогрѣшающей мудрости, чѣмъ ея собственная.

Съ радостною мыслью, что наконецъ онъ лично удостовѣрится въ дѣйствительности тѣхъ сверхъестественныхъ силъ и вліаній, которыя въ послѣднее время управляли его дѣйствіями и смущали его сердце, Гарольдъ простился съ валюю, опять безсознательно принявшемуся за прежнее занятіе. Графъ же, взявъ лошадь подъ уздцы, медленно и задумчиво продолжалъ путь къ зеленому холму и язычковымъ развалинамъ. Но не успѣлъ онъ дойти до пригорка, между-тѣмъ какъ глаза его были потушены въ землю, какая-то рука вѣжно схватила его руку.... онъ обернулся.... передъ нимъ стояла Эднѣ, съ неописаннымъ выраженіемъ любви и безпокойства.

Къ этому выраженію любви было примѣшано столько пылкости, столько болзни, что Гарольдъ вскричалъ:

— Душа души моей, чтѣ съ тобою? что такъ тревожить тебя?

— Не постигла ли тебя какая опасность? спросила Эднѣ запынаясь, и устремивъ на него вопрошающій, пылкій взоръ.

— Опасность! вѣтъ, я не подвергался ни какой опасности, моя пугливая горлица, отвѣчалъ Гарольдъ, избѣгая ея взгляду.

Эднѣ опустила взоры, и прижавшись къ его рукѣ, въ молчаніи повела его по перелѣскамъ. Она остановилась только, когда прихотливые сучья столбтиныхъ деревъ скрыли изъ виду древнія развалины; осмотрѣлась кругомъ, и не видя болѣе этихъ исполинскихъ стѣныхъ плитъ, которыхъ, казалось, не могла сложить ни какая смертная рука, свободнѣе перевела духъ.

— Отвѣчай мнѣ, сказалъ Гарольдъ, склонивъ лицо надъ ея головою; зачѣмъ ты не скажешь слова?

— Ахъ, Гарольдъ, отвѣчала дѣвушка; ты знаешь, что съ тѣхъ поръ какъ мы любимъ другъ друга, жизнь моя была всегда только тѣвью твоей жизни; по какому-то волшебному, таинственному сочувствію, которое Гильда толкуетъ вліаніемъ созвѣздіи или предопредѣленіемъ судьбы, неразрывно связавшей мою душу съ твоею, я угадываю, по веселію или тревожности своего духа, что счастье или несчастіе должно постигнуть тебя. Сколько разъ

во время твоего похода, внезапная радость оживляла мое сердце; и по этой радости будто из улыбки духа хранителя я узнавала, что ты вышел из невидимъ изъ опасности, или восторжествовалъ надъ врагомъ!.... Теперь же, когда ты спрашиваешь меня, о чемъ я такъ печалюсь, я могу тебѣ отвѣчать только, что эту печаль порождаетъ въ моей душѣ какая-нибудь страшная гибель, несущаяся надъ твоей головою.

Идя къ Эднѣ, Гарольдъ хотѣлъ увѣдомить ее о предпринимаемомъ путешествіи; но видя ея тоску и уныніе, онъ не смѣлъ говорить объ этомъ; онъ прижалъ ее къ груди, и дружески пожурилъ за пустой, ребяческій страхъ. Однако же ни что не могло успокоить ея; казалось, будто что то давило ей сердце и рвалось на уста; ничто, кромѣ симпатическаго предчувствія. Наконецъ, убѣжденная просьбами Гарольда, она собралась съ духомъ и сказала:

— Не смѣйся надо мною. Могу ли я утѣять отъ тебя что бы то ни было? призракъ ли моей неразумной мысли, или знаменье року? Весь нынѣшній день я тщетно старалась преодолѣть тоску мрачнаго предчувствія. И какъ обрадовалась я, когда пріѣхалъ твой братъ Гуртъ! Я упростила его уѣхать немедленно къ тебѣ. Видѣлъ ты его?

— Видѣлъ, отвѣчалъ Гарольдъ. Но ты хотѣла рассказать мнѣ другую, болѣе важную причину твоего унынія....

— Слушай же, продолжала Эднѣ: когда Гуртъ простился со мною, я пошла по невольному влеченію къ холму, на которомъ такъ часто видалась съ тобою. Я сѣла на траву подлѣ древней могилы, и сонъ не сонъ, а какая-то странная тяжесть смежала мнѣ глаза и заволокла разумъ. Я старалась пересплнить эту дремоту, какъ будто предъугадывала страшное видѣніе; и между тѣмъ какъ я боролась съ нею, я не спала, Гарольдъ.... увѣрена, что не спала; вдругъ изъ саксонской могилы возсталъ блѣдный, мерцающій образъ!... Я видѣла его совершенно ясно.... даже теперь онъ будто передо мной.... мертво-блѣдный лобъ, тусклые, неподвижные глаза....

— Образъ витязя? спросилъ Гарольдъ, вздрогнувъ.

— Образъ витязя, въ старинномъ вооруженіи, точно тотъ витязь, что дѣвушки Гильды шьютъ на твоей хоругви. Я видѣла его совершенно ясно: въ одной рукѣ держалъ онъ длинный дротикъ, въ другой — вѣнецъ.

— Вѣнецъ!... продолжай, продолжай!

— Потому онъ вдругъ исчезъ, и въ глазахъ моихъ стало тем-

но; сонъ обхватилъ меня, несмотря на мои усилія, сонъ тяжелый и тревожный, въ которомъ быстро носились и сивилились передо мною неясные, пестройные образы. Мало по малу однако же призракъ сталъ свѣтлѣть и приходить въ порядокъ, и я увидѣла слѣдующій сонъ. Мнѣ снилось будто на голой скалѣ стоялъ свѣтлый, сіяющій какъ звѣзды образъ, повидному неземнаго духа, но съ твоими чертами; бурный потокъ отдѣлялъ скалу отъ твердой земли. Волны начинали заливать скалу, и свѣтлый духъ расправилъ крылья, чтобы улетѣть. Но въ это мгновеніе множество отвратительныхъ гадовъ выползло изъ плу на скалу, и спустилось съ мрачныхъ тучъ, застилавшихъ небо, вѣщались въ крылья духа, и лишили ихъ движенія.

Въ ухахъ моихъ раздался таинственный голосъ: — Не видишь ты на этой губельной скалѣ душу храбраго вптязя Гарольда? не видишь ты, что волны поглотятъ его, если крылья его не полетятъ? Встань, истина, ты которой сила — непорочность, и образъ — женщина; встань и укрѣпи душу храбраго! — Я хотѣла броситься къ тебѣ, но я не имѣла силы двинуться съ мѣста, и подлѣ меня сквозь сонъ, будто сквозь завѣсу, явился камень развалившагося храма, въ которомъ я спала.... Мнѣ показалось, будто Гильда сидѣла одна у саксонскаго кургана, и вливала изъ хрустальнаго сосуда черныя капли въ человѣческое сердце, которое было у нея въ рукѣ; и изъ этого сердца выросъ младенецъ, и младенецъ сталъ юношею, съ мрачною, тосливою мыслью на лбу. Юноша стоялъ подлѣ тебя, и что-то тебѣ шепталъ; изъ устъ его билъ клубъ кроваваго дыму, и крылья твои высохли въ этомъ дыму, будто нѣжное растеніе отъ холоднаго вихрю. Тотъ же голосъ сказалъ: — Гильда, ты убила добраго генія, и взлѣтѣла изъ отравленнаго сердца гнуснаго искуссителя! — Я громко вскрикнула, но уже было поздно, волны поглотили тебя, а на волнахъ носился одинъ желѣзный шлемъ; на шлемѣ былъ вѣнецъ, тотъ самый, который я видѣла въ рукѣ привидѣнія!

— Это не зловѣщій сонъ, милая Эднѣ, сказалъ Гарольдъ весело.

Эднѣ, не слушая его, продолжала:

— Тутъ я проснулась. Солнце было еще высоко, воздухъ не колыхался. Едва я очулась, между камнями, по склону холма скользнуло, среди дневнаго свѣту, отвратительное существо, подобное тому образу, который, слыхала я отъ нашихъ дѣвушекъ,

принимаетъ иногда вѣдма, когда является среди глухаго лѣсу; ово казасоль пи мужина пи женщина. Ово обратилось однажды ко мнѣ лицомъ, и на этомъ безобразномъ лицѣ блистали радость и ненависть торжествующаго врага людей. О Гарольдъ, что предвѣщаетъ это видѣнiе?

— Зачѣмъ не спросишь ты у своей бабки, гадательницы снова?

— Я спрашивала Гильду, она только шепнула про себя, какъ ты: саксонскiй вѣнецъ! Но если должно вѣрить этимъ неосязаемымъ дѣтямъ ночи, то это видѣнiе безъ сомнѣнiя возвѣщаетъ гибель не жизни, а душѣ; изъ словъ, которыя я слышала, видно, что крылья означали твое мужество, и что утраченная тобою Фюльгiя была.... нѣтъ, это невозможно!..

— Что моя Фюльгiя была истина; и что утративъ ее, я былъ бы потерянь для тебя.... Ты совершенно права, сказалъ Гарольдъ торжественно, когда причисляешь это къ живымъ призракамъ воображенiя. Все можетъ оставить меня, но никогда не оставитъ меня свобода души. Въ юности моей Гильда упрекала меня въ самонадѣянности и непокорности; и допывъ, куда бы ни бросила меня судьба, истина, любовь и мужество сердца, дадутъ мнѣ силу бороться и съ людьми и съ дьяволомъ.

Эдною нѣсколько мгновенiй смотрѣла съ гордостью и любовью на неустрашимаго своего возлюбленнаго, и ближе и крѣпче прижалась къ его груди, утѣшенная и успокоенная.

V.

Не смотря на увѣренность Гильды въ своей способности угадывать будущее, мы видѣли, что она никогда не вопрошала своихъ прорицалищъ о судьбѣ Гарольда безъ мрачнаго и горькаго сознаниа неопредѣленности получаемыхъ отвѣтовъ. Судьба эта, съ которою связывалась судьба цѣлаго великаго племени, и въ совершенiи которой участвовали событiя, происходившiя въ самыя отдаленныя времена и въ самыхъ далекихъ странахъ, всегда скрывалась отъ ея провидцательности среди самыхъ противорѣчивыхъ знаменiй, самыхъ необъяснимыхъ сочетанiй свѣту и миру, среди самыхъ запутанныхъ сплетенiй обстоятельствъ. Съ одной стороны ея нѣжное сердце, изъ любви къ Эдному, привязалось къ графу со всюю силою материнской любви; съ другой, ея

гордое честолюбіе упорно стремилось къ одной цѣли: возвести послѣднюю внуку своего царскаго роду на престолъ, который представлялся ей, во всѣхъ, даже самыхъ мрачныхъ, ея прозрѣніяхъ, непремѣннымъ удѣломъ того, съ чьею судьбою была связана судьба Эдиов. Эти два чувства всегда побуждали ее давать самое благопріятное толкованіе всему, что съ перваго взгляду казалось зловѣщимъ или сомнительнымъ. Но по ученію той особой формы чародѣйства, которою занималась Гильда, все что подходило къ человѣческой любви, помрачало способность чтенія таинственныхъ символовъ. Это было чародѣйство, совершенно отличное отъ злобнаго колдовства, которому болѣе или менѣе вѣрять всѣ народы въ наше время, и которое водилось равно у германскихъ и у скандинавскихъ язычниковъ.

Чародѣйство Гильды проистекало скорѣе изъ тайной науки древнихъ кимврскихъ алироузъ, или прорицательницъ; какъ у нихъ оно требовало *жрицы*, то есть женщины, чуждыхъ всякихъ человѣческихъ связей и чувствъ, духа свѣтлаго какъ зеркало, на которомъ могли бы ясно и безмятежно отражаться великіе образы судьбы.

Какъ ни были превращены этииъ экстагическими и живыми размышленіями природныя дарованія и свойства души Гильды, однакоже въ самыхъ слабостяхъ ея было свое величіе и своя поэзія. Одинокая и окруженная ледяною стѣною, стояла она на избранной ею высотѣ, между землею и небомъ; и въ громадныхъ образахъ ужаса и угрозы являлись всѣ сомнѣнія, осаждавшія ея одинокую и смѣлую душу! Исполномъ возвышалась она на предѣлѣ могучаго язычества, быстро тонувшаго во мракѣ времени, — тѣнь среди тѣней; и вокругъ нея тѣснились послѣдніе демоны кроваваго вѣрованія, вызывая на бой своего лучезарнаго противника, и громоздя около своей смертной жрицы развалины своего суроваго владычества надъ искушеннымъ міромъ.

Всю ночь, послѣдовавшую за послѣднимъ, краткимъ ея обмѣномъ съ Герольдомъ, вала скиталась по дикимъ пустошамъ и лѣсамъ, отыскивая сокровенныя убѣжища, и собирая травы, посвященныя ея лживому, но возгнческому искусству. Послѣднія звѣзды уже пропадали въ холодномъ, сѣромъ небѣ, когда, возвращаясь домой, она увидѣла въ кругу друндскаго капища, что неподвижное, растянувшееся на землѣ подлѣ могилы тевтонскаго витязя; она приблизилась, и могла разглядѣть тѣло, которое, по его неподвижности и видимой оковѣлости, по смертной блѣдности лица и по выпученымъ глазамъ, безсмысленно устрем-

леннымъ на небо, можно было принять за трупъ: страшно было смотрѣть на это лицо; высохшая, пепельнаго цвѣту кожа и глубокия морщины изобличали чрезвычайную старость; но на лицѣ была написана безгравичная злоба, предполагавшая жизненную силу, которую рѣдко можетъ сохранить такая глубокая старость. Одежда покроемъ своимъ также напоминала старинное время; отъ ветхости она обрѣгилась въ грязное отвратительное лохмотье. Ни по лицу ни по одеждѣ нельзя было опредѣлить полу этого мнимого трупа. Но по особому, странному запаху, который издавало тѣло, и по лоску лица и сложенныхъ на груди, высохшихъ рукъ, Гильда узнала, что это была одна изъ тѣхъ колдуній, самыхъ опасныхъ и ненавистныхъ изъ ея сверстницъ, которыя, по мнѣнію народа, умѣли съ помощію извѣстныхъ притравивъ, отрѣзать душу отъ тѣла; такимъ образомъ душа, оставивъ тѣло за мертво, могла посѣщать страшныя пированія шабаша. Онѣ очень часто избирали для такого отрѣшенія языческіе храмы и древнія могилы. Гильда сѣла подлѣ колдуньи, чтобы дожидаться ея пробужденія. Три раза пропѣлъ пѣтухъ, густой туманъ началъ подниматься по просѣкамъ, обхватывая узловатые корни деревьевъ, когда на безобразномъ лицѣ, которое спокойно наблюдала Гильда, начали показываться признаки возвращенія къ жизни. Жестокая судорога скорчила неопредѣленный образъ, подъ его беспорядочнымъ покровомъ; глаза открылись, снова закрылись и опять открылись; и чрезъ нѣсколько мигновеній, тѣло, казавшееся прежде мертвымъ, привстало, сѣло, и стало осматриваться вокругъ себя.

— Вика, сказала датская прорвцательница, съ выраженіемъ, составлявшимъ средину между презрѣніемъ и любопытствомъ, — на какое злое дѣло противъ людей или животныхъ летала ты по ночному воздуху тихимъ путемъ сновъ?

Вика устремила свои тусклые, но злобные глаза на вопросительницу, и отвѣчала протяжнымъ голосомъ:

— Привѣтствую Гильду Мортвирту! зачѣмъ ты не съ нашими? зачѣмъ не ходишь на наши пированія? Потѣшились мы эту ночь съ Фауломъ и Зевуломъ^{*)}; но еще лучше будетъ намъ потѣха на пиру въ Сенлакскихъ палатахъ, когда твоя внука взойдетъ при свѣтѣ факеловъ на брачное ложе своего супруга. Дивная невѣста твоя внука, прекрасная Эднелъ; прекрасна была она вчера,

* Фаулъ, — злой духъ, котораго очень боялись Саксонцы; Зевулъ, кажется, тоже, что Дьяволъ.

въ своемъ полуденномъ снѣ, когда я сидѣла подлѣ нея, дышала ей въ лицо и нашептывала стихъ, что навѣваетъ мрачные сны; но еще прекраснѣе будетъ, когда уснетъ подлѣ супруга. Ха, ха, ха! Уу! и мы тамъ будемъ, съ Фауломъ и Зевуломъ... будемъ, будемъ!

— Какъ! вскричала Гильда, пораженная тѣмъ, что заѣтное желаніе ея души было извѣстно этой презрѣнной сестрѣ по ремеслу. — Неужели ты смѣешь помышлять о томъ, чтобы читать эту тайну будущаго, скрытую и облеченную въ туманъ даже отъ меня? Неужели ты можешь сказать когда и гдѣ внука скандинавскихъ королей уснетъ на груди своего супруга?

Въ отвѣтъ на вопросъ валы раздалось пѣчто въ родѣ хохоту, но въ этомъ хохотѣ отражалась такая неземная, злобная радость; что казалось невозможнымъ, чтобы онъ сорвался съ человѣческихъ устъ. Когда хохотъ замолкъ, колдунья встала и сказала:

— Ступай вопрошать своихъ мертвыхъ, мортвирта! Ты считаешь себя мудрѣ нашей сестры, мудрѣ жалкой колдуньи, къ которой ходить за совѣтомъ глупый сеорль, когда парша пристанетъ къ его скоту, и деревенская дѣвушка, когда невѣрный любовникъ покинетъ ее; мудрѣ презрѣнной вѣдьмы, у которой вѣтъ извѣстнаго людямъ жилья, а которую въ случаѣ нужды надо сторожить въ лѣсной трущобѣ, въ заглохшей пещерѣ, или близъ смраднаго, вязкаго омута, гдѣ преступная мать утопила своего младенца! Тебѣ ли, вѣщей Гильдѣ, богатой и ученой, пользоваться совѣтомъ и знаніемъ гнусной дочери Фаула?

— Нѣтъ, отвѣчала вага, съ гордостью; тебѣ и подобнымъ тебѣ не откроютъ великія Норны тайнъ будущаго. Гдѣ тебѣ знать древнія, таинственныя руны, которыя шепталъ могучему Одину мертвый черепъ? руны, дающія власть надъ стихіями, и вызывающія свѣтящуюся тѣнь изъ могилы? Не станутъ бесѣдовать съ тобою свѣтила небесныя: сны, которые ты насылаешь, полны сквернъ и безстыднаго разврату, а не знаменья свыше, грядущихъ событій! Одному двилась я, увидѣвъ тебя на могилѣ саксонскаго витязя: какое удовольствіе можешь ты находить въ той высшей, неземной жизни, къ которой стремится душа истинной валы?

— Удовольствіе, возразила колдунья, проистекающее изъ мудрости и власти, какихъ не достигаеете вы своими руническими чарами и изученіемъ созвѣздій. Ярость вливаетъ отраву въ слюну бѣшеной собаки; злоба навѣваетъ смерть въ проклятія колдуньи. Когда дойдешь ты до мудрости колдуньи, которую теперь прези-

раешь? когда разсыются облака, затмѣвающія твою провинительность? — Когда всѣ твои надежды будутъ разбиты; когда усвуть навѣки твои страсти; когда поникнетъ твоя гордость; когда ты станешь одною развалиною, подобно плитамъ этого капища, пропускающимъ слабыя лучи звѣздъ: тогда только душа твоя будетъ ясно и безошибочно постигать смыслъ рупъ; и тогда мы увидимся съ тобою на краю чернаго, безбрежнаго моря!

Гордая провинительница, не смотря на свое надменное презрѣнiе, была такъ поражена этими словами, что долго еще стояла неподвижна, вперивъ глаза въ пустоту, послѣ того, какъ страшная колдунья исчезла въ воздухъ, и съ звонкою пѣсней вспорхнулъ жаворонокъ изъ травы, оскверненной нечистыми стопами изчадыа ада.

Но когда солнце разогнало туманъ по лѣсамъ и полянамъ, Гильда уже была спокойна какъ всегда, и запершись въ своей тайной комнатѣ, готовила сандъ и руны для заклинанья мертваго.

VI.

Видя разстройство своей невѣсты, Гарольдъ разсудилъ, что лучше не говорить ей заранѣе о предполагаемомъ путешествiи, а въ случаѣ если отвѣтъ пророчища будетъ въ пользу его отъѣзда, поручить Гурту извѣстить ее о томъ. Поэтому онъ протѣлся съ Эднью, не сказавъ ей ни слова о своемъ намѣренiи. Онъ провелъ весь слѣдующій день въ приготовленiяхъ къ отъѣзду и въ распоряженiяхъ на время своего отсутствiя, обѣщавъ Гурту дать на слѣдующее утро рѣшительный отвѣтъ; поѣдетъ ли онъ самъ, или пошлетъ его. Впрочемъ доводы брата, собственныя размысленiя, а можетъ быть и влiянiе предчувствiй Эдню, — потому что душа его, прежде такъ твердая и неустрашимая, сдѣлалась чрезвычайно падка къ такимъ фантастическимъ влiянiямъ, — сильно поколебали его намѣренiе, и онъ почти рѣшился уже согласиться на предложенiе Гурта, когда пошелъ на условное свиданiе съ Мортвиртою. Ночь была туманная, но не темная; луны не было; звѣзды, частыя, но блѣдныя, свѣтились тускло, будто въ самой неизмѣримой дали неба; сѣрыя, рыхлыя облака медленно ходили по темному своду, то закрывая, то открывая печальныя свѣтила.

Мортвирта стояла въ своемъ черномъ облаченiи, среди круга

кашей. Она уже развела огонь у подножья кургана и онъ разливалъ красноватый свѣтъ на сѣрыя плиты, играя сквозь ихъ неправильныя разсѣлины на темной глади травы. Подлѣ нея стоялъ сосудъ, наполненный повидному чистою водою, почерпнутою изъ древняго римскаго фонтана; пламя окрашивало ея свѣтлую поверхность въ кровавый цвѣтъ. Огонь и вода были обведены кругомъ, составленнымъ изъ небольшихъ кусочковъ древесной коры, вырѣзанныхъ въ видѣ острія стрѣлы, съ талистерными на нихъ знаками; этихъ кусочковъ было девять, и на каждомъ были вырѣзаны руны. Въ правой рукѣ Мортвирта держала волшебный посохъ; ноги ея были босы, а станъ опоясывалъ гунскій поясъ съ священными буквами; къ нему былъ привѣшенъ мѣшокъ или карманъ изъ медвѣжьей шкуры, съ серебряными накладками.

Когда Гарольдъ вошелъ въ кругъ каппша, на лицѣ прорицательницы не было обычнаго спокойствія; въ немъ видѣлось какое-то дикое, мрачное выраженіе. Она повидному не замѣчала присутствія Гарольда; глаза ея были неподвижны и суровы, какъ-будто душа ея отрѣшилась отъ тѣла. Медленно, будто побуждаемая не собственною волею, а постороннею властью, начала она ходить мѣрнымъ шагомъ вокругъ очарованнаго круга; наконецъ тихимъ, глухимъ, гортаннымъ голосомъ зацѣла дикую пѣснь, о которой переводъ нашъ дастъ одно слабое понятіе:

При светломъ ключѣ Урды
 Дѣвы Норны сплать,
 И водой изъ истока
 Ясень жизни кропать.*

* Многъ великаго Ясень-дерева жизни подалъ поволь ко множеству толковъ и споровъ о его происхожденіи и символическомъ значеніи. Мы не станемъ обременять ими читателя, а расскажемъ только вкратцѣ самый мифъ. Ясень-дерево (Yggdrasill) имѣетъ три корня; два корня идутъ изъ адскихъ областей, то есть жилища ледяныхъ великановъ, и изъ Нифельгейма, то есть области чаду или ада; третій изъ небеснаго обитающаго Азовъ. Вѣтви его, по словамъ Эдды, раскинуты надъ всюю вселенною, а стволъ поддерживаетъ землю. Подъ тѣмъ корнемъ, который проникаетъ въ Нифельгеймъ, и который безпрестанно грызетъ царь-змѣй, находится ключъ, изъ котораго текутъ адскія рѣки. Подъ другимъ корнемъ, проникающимъ въ область великановъ находится источникъ Мимпра въ которой хранится всякая мудрость. Подъ третьимъ же, въ жилищѣ боговъ, находится источникъ Урды, одной изъ Норнъ; тутъ возсѣдаютъ боги, и

Лань листочки срывасть,
И змѣй корень грызеть;
Но орелъ остроокій
Древа плодъ стережетъ.

Изъ ключа того капля
На твой гробъ я кроплю;
Тебя рунами княчу,
Огнемъ жизнь отдаю.
Грозный дѣды челоуѣковъ
Изъ могилы пошли
Голосъ истины вагъ,
Путь вождю освети.

Между тѣмъ Мортвирта окропила курганъ водою изъ стояшаго передъ него сосуда, и бросила въ огонь, одинъ за другимъ, кусочки коры съ таинственными рунами. Тогда, было ли примѣшано къ водѣ какое-нибудь клейкое, или другое химическое вещество, или нѣтъ, но изъ окрошеннаго ею могильнаго камня показалось блѣдное мерцаніе, и вся могила озарилась свѣтомъ блуждающаго пламени. Изъ этого свѣта возникло легкое облако или дымъ, в мало по-малу приняло, хотя неопредѣленно, очеркъ челоуѣческаго образа, исполнискаго росту. Но очеркъ этотъ былъ такъ неопредѣленъ, что Гарольдъ, впервые въ него глаза и съ усиленіемъ удерживая біеніе сердца, не зналъ, было ли передъ нимъ привидѣніе, или одинъ паръ.

Вала остановилась; опершись на своей посохъ, она съ тайнымъ страхомъ смотрѣла на горящій камень, между-тѣмъ какъ графъ стоялъ неподвиженъ и безмолвенъ, сложивъ руки на груди. Пророчательница запѣла опять:

— О могучій усопшій,
Кому саваномъ свѣтъ
Яркихъ подвиговъ служить,
Не отринь мой привѣтъ!

дастъ судъ Близъ этого ключа великолѣпный чертогъ, изъ котораго выходятъ три дѣвы: Урда, Верланди, и Скульда (прошедшее, настоящее и будущее). Овѣ каждый день поливаютъ ясень-дерево водою изъ ключа Урды, чтобы вѣтви его не сохли. Четыре лани безпрестанно гложутъ почки и вѣтки ясень-дерева. На сучьяхъ его сидитъ много-мудрый орелъ; а между глазъ его — соколъ. Векша бѣгаетъ безпрестанно вверхъ и внизъ по дереву, поѣвая раздоръ между орломъ и змѣею.

Какъ Олень, въ дни былые,
 У добычи могилъ,
 У Минирова черепа *
 Наставленья просилъ;
 Такъ потомокъ *Одина*
 Уповаеть найти,
 Въ привидѣннѣ, — руку
 Вождя на пути.

Когда Мортвирта умолкла, въ огнѣ раздался громкѣй трескъ,
 и пламя выбросило къ ногамъ прорицательницы {одниъ изъ ку-
 сочковъ коры; руническіе знаки, вырѣзанные на немъ, обозна-
 чались яркими искрами.

Прорицательница пустила такой потрясающій крикъ гнѣва и
 страху, что не смотря на мужество и неизмѣнное присутствіе
 духа Гарольда, ужасъ проникъ его до самаго сердца. Съ трепе-
 томъ смотря на горящія буквы, вала заплѣла судорожнымъ голо-
 сомъ:

— Ты не витязь усопшій,
 И твой домъ не гробъ;
 Предъ тобой трещу я,
 Грозный Аза судьбы.

Ты уста оковалъ мнѣ,
 Чарамъ далъ ты конецъ;
 Свѣтлый сынъ великана,
 Мрачный ада отецъ! **

Всѣ члены Мортвирты затряслись; ихъ стали корчить судоро-
 ги, будто въ припадкѣ падучей болѣзни; пѣна забила вокругъ

* Миниръ, славнѣйшій изъ великановъ. Ванерь, которому онъ былъ
 отданъ въ заложники, отрубилъ ему голову. Одниъ бальзамировалъ ее сво-
 имъ *сендомъ*, то есть чародѣйствомъ, произнесъ надъ нею мистическіе
 руны, и потомъ обращался къ ней за советомъ, во всѣхъ важныхъ слу-
 чаяхъ.

** Аза-Локъ (отличный отъ Утгаръ-Лока, духа ада) потомокъ испол-
 новъ, причисленный къ небеснымъ божествамъ; злобное, коварное боже-
 ство, любящее строить козни и дѣлать зло; сходное съ нашимъ Люцифе-
 ромъ. Въ числѣ дочерей его была Гела, царица Ада.

рта, и пронзительнымъ, потрясающимъ голосомъ Мортвирта продолжала свою пѣснь:

— Порожденъ колдуны
Кляжишь въ Ямвидѣ ты;
Великанъ-кровопійца,
Магагарнъ, ткачь бѣды.

На мель или набѣгасть;
И изъ твѣи подреть
Стадо лщеровъ, змѣевъ,
Все назадѣ водъ.

Дитѣ своимъ гдѣ являлся,
Ты стоишь, — на скалѣ:
О душа, раскинь крылья,
Иль прильнешь ты къ землѣ.

Страшенъ злой искуситель
И могущественъ онъ;
Но пусть духъ твой не дрогнетъ:
Будетъ врагъ побѣжденъ!

Вала умолкла. Не смотря на то, что она очевидно, въ своемъ пророческомъ изступленіи, не замѣчала еще присутствія Гарольда, и являлась только невольнымъ, страдательнымъ голосомъ какой-то посторонней дѣйствительной или мнимой власти, которой она не имѣла силы противиться, гордый вождь подошелъ къ ней, и сказалъ:

— Не дрогнетъ душа моя; объ опасностяхъ, осаждающихъ ее, не стану я вопрошать ни мертвыхъ, ни живыхъ. Если человѣческій разумъ можетъ извлечь положительный отвѣтъ изъ этихъ воздушныхъ призраковъ и таинственныхъ чаръ, отвѣчай мнѣ, толковательница судьбы; заклинаю тебя, отвѣчай на мои вопросы. Если я отправлюсь къ норманскому двору, возвращусь ли и невредимъ?

Между тѣмъ, какъ Гарольдъ говорилъ, вала выпрямилась и стояла неподвижна, какъ каменная статуя; и голосъ ея былъ

* Въ Ямвидѣ, то есть Желѣзномъ-бору, живетъ колдунья, мать многихъ символь великановъ, имѣющихъ образъ волковъ; изъ нихъ всѣхъ ужаснѣе одинъ, по имени Магагарнъ. Онъ наполнится кровью людей, приближающихся къ концу, проглотитъ луну и ороситъ кровью небо и землю.

такъ тихъ, и звучалъ такъ странно, какъ будто таинственная сила вынуждала слова изъ ея едва-шевельнущихся устъ :

— Возвратись ли невредимъ.

— Будутъ-ли отпущены заложники, данные мной отцомъ, Годвинномъ?

— Будутъ отпущены заложники Годвина, отвѣчалъ тотъ же голосъ; будетъ удержанъ заложникъ отъ Гарольда.

— Къ чему отъ меня заложникъ?

— Въ залогъ союза съ Норманомъ.

— Стало-быть, Норманъ дастъ клятву на вѣрность братства Гарольду?

— Да! отвѣчала вала, но при этомъ словѣ дрожь ужаса прошла по всему величественному образу прорицательницы.

— Еще два вопроса, и кончено. Союзъ мой съ Вильгельмомъ Норманскимъ поможетъ ли мнѣ получить руку моей невѣсты?

— Онъ доставитъ тебѣ руку невѣсты, которой никогда бы не быть твоею супругою безъ союза твоего съ Вильгельмомъ Норманскимъ. — Не вопрошай меня болѣе; довольно! продолжалъ голосъ, дрожа, будто въ борьбѣ съ непреодолимымъ ужасомъ, — демонъ вынуждаетъ мои отвѣты, и всѣ слова мои сожигаютъ мою душу.

— Еще одинъ вопросъ; суждено ли мнѣ надѣть англійскую корону? и если суждено, когда буду я королею?

При этихъ словахъ лицо прорицательницы просіяло; огонь передъ нею загорѣлъ свѣтлѣе и сталъ выше возсылать свое пламя; и опять яркія искры зажгли руны на кусочкахъ коры, вылетающихъ изъ пламени. Мертвирта наклонила надъ ними голову; потомъ, поднявъ ее, она опять зашла; но на этотъ разъ пѣснь ея была полна радости и торжества.

— Волчій мѣсяцъ * лишь свѣтами
Холмы, доли убѣлить,
Воздухъ мертвенный лучами
Солнца хладнаго провѣять,
И блистательными льдами
Зелень лѣса замѣнить;
Мѣра рока совершится
И сомкнется полный кругъ;
Племя Тора прекратится,

* Волчій-мѣсяцъ, — январь.

Свидеть въ гробъ Сердиновъ вникъ;
И Воденова корона
Осѣнить чело Саксона.

Пусть коварство козни строить
Пусть мощь вражяя грозить! —
Духъ ужель въ тебѣ завоетъ?
Но пусть онъ и задрожитъ,
Тронъ судьба тебѣ хранить.
Пусть ли хитрость твоя закроетъ, —
Хитрость хитрость побѣдитъ;
И съ челою твою корону
Сила вѣкъ не разлучитъ.

Доколь мертвыхъ мечь закону
Смерти вѣчной не измѣнитъ,
И могилъ сложивъ оковы,
На живыхъ войной не встанетъ!
Когда солнца лучъ багровый,
Въ часъ вечерней мглы, прольется,
Трепеща, на бой неровный
Двухъ враждующихъ свѣтилъ:
Мертвыхъ мечь тогда проснется,
И поправъ завѣтъ могилъ
На живыхъ войной воспринетъ!

Родъ твой будетъ на престолѣ;
И твой скипетръ не пройдетъ
Въ руки чуждыя, доколь
Имя Саксовъ проживетъ
Въ сторонѣ тобой хранимой!
И какъ ясени снопой
Нѣжный листъ и крѣпкій стволъ,
Имя Саксовъ и престолъ
Неразрывные сrustутся,
И цвѣтами уберутся,
Какъ зеленый, злачный лугъ
У обильнаго потока:
Такъ свершится мѣра рока,
И сожмется полный кругъ.

Что жъ, отважный вопрошатель,
Получилъ ли ты отвѣтъ?

Поспѣшай. плыви, искатель,
 Не страшись отъ моря бѣды.
 Каждый валъ къ желанной цѣли
 Увлекастъ твой челнокъ;
 Силы вышнія велѣли
 Чтобъ къ престолу онъ притекъ.

Врлчій мѣсяць лишь снѣгами
 Холмы, доли убѣлить,
 Скиптръ твой ясными лучами
 Воздухъ хладный озарить!
 Лишь блистательными льдами
 Уберется лѣсъ вѣмой,
 Бриллиантовъ, жемчугами
 Вспыхнетъ лобъ высокій твой!

Восторгъ, почти не человѣческій, звучалъ въ этихъ вдохновенныхъ предсказаніяхъ, такъ странно противорѣчившихъ съ бо-
 лѣе неопредѣленными и грозными знаменьями, которыми нача-
 лось страшное гаданіе. Мортвирта стояла гордо и величественно,
 не спуская глазъ съ блѣдно синеватаго пламени, горѣвшаго
 на могильномъ камнѣ, пока оно, постепенно блѣднѣя и рѣдѣя,
 не угасло послѣ мгновенной вспышки, оставивъ передъ прорица-
 тельницею одну сѣрую могилу, мрачную и источенную време-
 немъ. Въ то же мгновеніе вихрь поднялся съ сѣвера и просто-
 налъ между безкровельныхъ столбовъ. И какъ скоро огонь угасъ
 на могилѣ, Гильда глубоко вздохнула, и упала безъ чувствъ на
 землю.

Гарольдъ поднялъ глаза къ небу, и прошепталъ:

— Если грѣхъ, какъ утверждаютъ жрецы, проникать сквозь
 темныя завѣсы, окружающія насъ на землѣ, и читать въ туманѣ
 другаго міра тайну будущаго; — зачѣмъ, о небо, дало ты
 намъ разумъ, успокоивающійся въ одномъ питаніи? зачѣмъ
 вылъ ты въ наше сердце таинственный законъ желанія, стремя-
 щагося всегда къ тому, что скрывается отъ разума въ недося-
 гаемой вышней или въ непроницаемой дали?

Небо не дало отвѣта пылливой душѣ. Тучи продолжали бро-
 дить по небу, вѣтеръ продолжалъ стонать въ разсѣливыхъ кам-
 ней; тлѣющее уголье напрасно вскидывало искры къ недоступ-
 нымъ звѣздамъ. Не могла ты, безпокойная душа, протечь от-

вѣтъ неба въ блуждающихъ облакахъ, въ стонущемъ вѣтрѣ, и въ тлѣющемъ угольѣ?

На слѣдующій день, ѣхалъ графъ Гарольдъ, окруженный великолѣпною, храброю дружиною; на рукѣ его сидѣлъ соколъ; красивая борзая собака играла и прыгала передъ его статнымъ конемъ. Легко было на душѣ Гарольда, сердце его билось надеждою. Онъ отправлялся въ путь къ норманскому двору.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЖИЗНЬ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

ГЛАВА IV.

Осенью 1790 года Карамзинъ возвратился въ Россію, обогащенный разнообразными свѣдѣніями, знакомый съ жизнью образованнѣйшихъ государствъ Европы. Но, намъ скажутъ: Карамзинъ пробылъ за границую не болѣе полутора года, безпрестанно переѣзжая изъ одного мѣста въ другое и, слѣдовательно, не могъ близко ознакомиться съ европейскимъ обществомъ для своего окончательнаго образованія. Замѣчаніе отчасти справедливое, но развѣ Карамзинъ, уѣзжая за границу, намѣревался поселиться въ какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, окружить себя полками пыльныхъ фоліантовъ и, съ педантскою важностью ученаго, исчерпывать до дна одну какую-нибудь науку? Нѣтъ, онъ отправлялся за границу какъ образованный свѣтскій человекъ, чтобы взглянуть на Европу, имѣть понятіе о жизни и нравахъ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, насладиться красотами природы въ Швейцаріи, посѣтить Провансъ, поплакать съ Петраркой •

Лауръ, наконецъ выкнутъ въ современные вопросы образованнаго европейскаго общества, и, давъ себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, составилъ вѣрный взглядъ на вещи, возвратился въ Россію, устроитъ свою дальнѣйшую судьбу, и «жить въ мирѣ съ людьми и природою», занимаясь, между прочимъ, и литературой. Правда, взглядъ Карамзина на цѣль и результаты путешествія, былъ совершенно въ духѣ того времени, когда всѣ думали только объ элегическомъ наслажденіи, когда дочь одного англійскаго лорда рѣшилась оставить лучшее общество, отправилась въ Швейцарію и тамъ нѣсколько лѣтъ была пастушкой, очаровала швейцарскихъ пастушковъ, вполне насладились природою и пр. Все это конечно очень нѣжно! Но можно ли въ этомъ винить кого-нибудь? Таково было направленіе вкуса того вѣка...

Однако пребываніе Карамзина за границею, какъ ни было оно коротко, все-таки очень много содѣйствовало его развитію. Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Карамзинъ, при всей своей молодости, былъ образованнѣе всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, московскихъ и петербургскихъ. Знаніе иностранныхъ языковъ, французскаго этикета, увлекательное обращеніе и благородство души, весьма рѣзко отличали Карамзина отъ прочихъ нашихъ писателей. Онъ и самъ понималъ свое превосходство, и потому былъ разборчивъ въ выборѣ знакомствъ, остороженъ въ сближеніи съ людьми полубразованными и, какъ водится, весьма самолюбивыми. Это было главною причиною, что нѣкоторые тогдашніе московскіе литераторы смотрѣли на Карамзина съ завистью, считали его гордымъ, старались выводить наружу его слабости и проч.

Въ альманахѣ «Вчера и сегодня», изданномъ графомъ Соллогубомъ, находимъ письма одного современника Карамзина, Каменева, къ своему другу, въ которыхъ онъ обвиняетъ Карамзина особенно въ томъ, что послѣдній употреблялъ въ русскомъ разговорѣ французскія слова и цѣлыя фразы. Но Карамзинъ дѣлалъ это потому, что въ то время такъ говорили люди высшаго круга. Что за бѣда, если Карамзинъ, принадлежавшій къ лучшему кругу московскаго общества, разговаривая съ провинціаломъ прибѣгалъ иногда ко всѣмъ приличнымъ французскимъ словамъ, не обращая, быть можетъ, на то вниманія. Но во всѣхъ сочиненіяхъ Карамзина, писанныхъ имъ по пріѣздѣ изъ за границы, нигдѣ не замѣчаемъ попытки вводить въ русскій языкъ иностранныя слова

Правда, встрѣчаются два, три слова въ его «Письмахъ русскаго путешественника», но это по необходимости, потому-что ихъ нельзя было замѣнить словами чисто русскими. Сюда мы не можемъ отнести такихъ словъ, какъ напримѣръ: *натура*, вмѣсто *природа*, и многихъ другихъ, которыя употреблялись и до Карамзина, точно также, какъ употребляются и въ наше время, хотя и въ другомъ значеніи.

Но за что долженъ былъ приняться Карамзинъ по возвращеніи изъ за границы? Къ военной службѣ у него не было особеннаго расположенія; къ гражданской тоже. Не будучи однакожъ человѣкомъ достаточнымъ, Карамзинъ долженъ же былъ добывать себѣ чѣмъ-нибудь средства для приличнаго существованія. Онъ вспомнилъ прежній успѣхъ «Дѣтскаго чтенія», и рѣшился заняться литературою. Карамзину предстояла жизнь совершенно свободная, но съ другой стороны жизнь, поставлявшая его въ зависимость отъ случая, потому-что литературныя занятія не могли совершенно обезпечить его. Однако Карамзинъ положился на свои способности и предпочелъ этотъ невѣрный образъ жизни всякому другому.

Избирая литературное поприще, Карамзинъ смотрѣлъ на него, какъ на самый пріятный родъ занятій, и при томъ какъ на самый благородный способъ доставать средства для существованія. Прежде всего ему предстояло рѣшить вопросы: какую именно отрасль литературы онъ долженъ заняться исключительно? для какого именно класса общества онъ долженъ писать? и какой родъ литературныхъ занятій прібыльнѣе? Бывъ уже пять лѣтъ редакторомъ періодическаго изданія, Карамзинъ безъ труда рѣшилъ всѣ эти вопросы и выбралъ карьеру журналиста. Онъ хорошо понималъ наше общество, зналъ съ какою публикою будетъ имѣть дѣло, и прежде всего счелъ необходимымъ возбудить всеобщую охоту къ чтенію.

Карамзинъ приступилъ къ изданію чисто литературнаго журнала, подъ заглавіемъ «Московскій журналъ». Но прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію содержанія и оцѣнкѣ этого журнала, бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ русской журналистики до Карамзина.

Въ началѣ XVIII ст. (1701—1705 г.) въ Москвѣ явились: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти». Это была первая русская газета! Спустя 20 лѣтъ появились: «Санктпетербургскія вѣдомости». — Съ 1727 года начался первый русскій журналъ «Историческія, генеало-

гическія и географическія примѣчанія къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ». На Бокенштейна и Гросса возложена была редакція издававшихся при академіи «Санктпетербургскихъ вѣдомостей», выходившихъ по два раза въ недѣлю. Молодой Герардъ Фридрихъ Миллеръ взялъ на себя эту редакцію и знакомый съ иностранными журналами, вздумалъ издавать русскій журналъ. Онъ началъ «Прибавленіями», по два листа въ мѣсяцъ. Публикѣ понравилось это предпріятіе, и въ 1729 г. явились Миллеровы «Примѣчанія», подъ сказаннымъ заглавіемъ, по полулисту всякую недѣлю. Въ 1730 г. онъ оставилъ это изданіе и поѣхалъ путешествовать. Послѣ Миллера «Прибавленія» продолжались еще десять лѣтъ, и кончились въ 1741 году. Съ тѣхъ поръ они издавались разными образами. Между-тѣмъ Миллеръ объѣхалъ Европу, десять лѣтъ путешествовалъ по Сибири и возвратился въ Петербургъ только въ 1754 г., гдѣ получивъ мѣсто секретаря академіи, принялся за свое старинное предпріятіе и представилъ академіи планъ новаго журнала. Въ 1755 году началъ первый русскій журналъ подъ заглавіемъ: «Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія.»

Въ 1755 году въ Москвѣ основанъ университетъ, а въ слѣдующемъ году начаты университетскою типографіей «Московскія вѣдомости», по образцу С. Петербургскихъ академическихкихъ, но шли плохо. Спустя 25 лѣтъ, въ 1780 годахъ ихъ расходилось не болѣе 600 экземпляровъ. Между-тѣмъ, Миллеръ приучилъ публику къ журналу, и въ 1758 году сдѣлалъ его еще разнообразнѣе, назвавъ: «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія», помѣщалъ въ нихъ статьи изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ, писалъ много самъ, печаталъ стихи Сумарокова, Хераскова и другихъ тогдашнихъ поэтовъ. Миллеръ показалъ даже первый опытъ критики и библиографіи. Нѣсколько сотъ экземпляровъ журнала раскупались у него постоянно. Отъ этого можетъ-быть поднялась на Миллера зависть, брань и наконецъ всеобщее соревнованіе перебить часть барышей.

Первый Сумароковъ не сталъ давать ему стиховъ, думая, что его стихи утверждаютъ судьбу журнала, видя, что публика болѣе занимается статейками журнала Миллера, *служащими къ удовольствію*, и менѣе читаетъ *служащія къ пользѣ*. Онъ началъ издавать еженедѣльникъ: «Трудолюбивая пчела», сатирическое и поэтическое изданіе, въ родѣ сочиненій Рабенера и Аддисона. Сумароковъ въ одинъ годъ перебранилъ

всеи бросилъ свою «Пчелу». Въ томъ же году явились «Полезное съ пріятнымъ» и «Праздное время въ пользу употребленнаго». Имена редакторовъ неизвѣстны. Послѣдній изъ этихъ журналовъ продолжался два года.

Въ это время оживилась и Москва. Херасковъ, Булгаковъ, Ип. Богдановичъ, князь Трубецкой, Ржевскій, Приклонскій, Веревкинъ, Хрущовъ, Домашневъ, Нарышкинъ, Шишкинъ, и другіе литераторы начали издавать «Полезное увеселеніе», продолжавшееся три года. Въ 1763 году редакторы раздѣлились; Херасковъ издавалъ: «Часы свободы», а Богдановичъ: «Певниное упражненіе». Оба журнала продолжались не болѣе года, хотя первый былъ поддерживаемъ Каринимъ, а второй княгинею Дашковой. Въ 1764 году въ Москвѣ выходилъ только одинъ журналъ: «Доброе намѣреніе». Издателемъ его былъ Сенковскій (переводчикъ трехъ пѣсней Энеиды), вмѣстѣ съ П. фонъ Визинимъ.

Во все это время въ Петербургѣ не было еще ни одного журнала, кромѣ издаваемого Миллеромъ, и названнаго въ 1764 г.: «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Миллеръ выкинулъ рѣшительно все, что могло кого-нибудь задѣть; но гоненія не переставали, такъ-что въ 1765 году Императрица Екатерина для прекращенія всѣхъ браней и ссоръ между литераторами, назначила Миллера главнымъ надзирателемъ московскаго воспитательнаго дома. Съ прекращеніемъ Миллерова журнала прекратились всѣ другіе, и четыре года никто не принимался за журналъ.

Въ 1769 году явился на журнальной аренѣ Новиковъ, человѣкъ необыкновенный, желавшій добра отечеству и умѣвшій хорошо располагать предпріятіями. Жаль только, что въ послѣдствіи онъ увлекся обольщеніемъ другихъ людей. Въ 1769 году, живя въ Петербургѣ, онъ началъ издавать журналъ, такого же содержанія какъ «Пчела», Сумарокова, назвавъ его для противоположности «Трутень». Сатира, рѣзкая и сильная, обрадовала публику, и вдругъ множество литераторовъ принялись за журналы: Башиловъ издавалъ: «И то и сѣ»; Рубанъ, острякъ своего времени, издавалъ на перекоръ Башилову: «Ни то, ни сѣ»; Козицкій, человѣкъ остроумный, прежшій сотрудникъ Сумарокова въ «Пчелѣ», рѣшился издавать «Всякую всячину съ барышкомъ»; Федоръ Эмиръ, писавшій почти обо всемъ, не отсталъ отъ другихъ и началъ «Адскую почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ». Какой-то В. Тузовъ издавалъ здѣсь журналъ,

«Подешница»; неизвестно кто издавалъ еще журналъ, подъ заглавіемъ «Сѣбсь». Всѣ эти журналы жили по одному году. Напротивъ того, въ 1770 году, Новиковъ явился съ большимъ блескомъ въ журналъ «Живописецъ», который такъ хорошо былъ принятъ публикою, что до 1773 года его было пять изданій. Говорятъ, что Новиковъ же издавалъ тогда «Парнаскаго щепетильника». Неизвѣстный издавалъ въ томъ же году «Пустомелю». Въ 1771 году Новиковъ принялся за новый журналъ: «Кошелекъ»; Рубанъ, несмотря на неудачу, явился снова съ «Трудолюбивымъ муравьемъ.» Въ 1772 году Новиковъ издавалъ: «Вечера», которые въ 1788 году были вновь перепечатаны, хотя успѣхъ ихъ не сравнялся съ «Живописцемъ». Рубанъ не успѣвшій два раза, испыталъ еще счастье въ изданіи «Старины и новины». Въ 1773 году кто-то издавалъ въ Санктпетербургѣ же «Мѣщанина»; въ 1775 и 1776 годахъ здѣсь же издавалось «Собраніе новостей». Всѣ эти изданія жили не болѣе года.

Между-тѣмъ Новиковъ переселился въ Москву, гдѣ завелъ обширныя связи; началъ дѣйствовать усиленнымъ образомъ, ободрялъ юношей и поддерживалъ извѣстныхъ литераторовъ. Въ 1773 году Новиковъ, вмѣстѣ съ Миллеромъ, бывшимъ тогда начальникомъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, издавалъ «Древнюю российскую вивліюэику», расположенную въ первомъ изданіи въ видѣ журнала археографіи и палеографіи; второе изданіе этой книги явилось въ 1783 году.

Въ Санктпетербургѣ, по отъѣздѣ Новикова, кончилось все. Въ 1777 году при академіи очень не долго издавались «Ученныя санктпетербургскія вѣдомости». Въ 1778 году явился здѣсь журналъ, возобновившій для публики «Ежемѣсячныя сочиненія» Миллера; недоставало только ученыхъ статей. Это былъ «Санктпетербургскій вѣстникъ». Онъ замѣчательнъ еще и тѣмъ, что въ первый разъ явилось въ немъ названіе «вѣстника», надолго оставшееся въ Россіи. Тутъ помѣщались и распоряженія правительства, тутъ явился въ первый разъ на поприщѣ литературы Державинъ и показаны послѣ Миллера первые опыты критики и библіографіи. Журналъ этотъ продолжался полтора года.

Въ Москвѣ Новиковъ, распространяя кругъ своихъ дѣйствій, снялъ на откупъ университетскую типографію. Онъ уже окончилъ въ это время «Періодическое изданіе или бѣсѣды съ Богомъ»: собраніе переводныхъ назидательныхъ

статей, переводимыхъ для него Дмитревскингъ, Карамзинимъ и Петровымъ, другомъ послѣдняго. Не знаемъ, когда издавался этотъ журналъ, продолжавшійся только одинъ годъ. Въ 1779 году Новиковъ издавалъ уже: «Утренній свѣтъ», журналъ литературнаго содержанія. Сотрудниками его были тоже мододые литераторы. Въ 1780 г. въ Москвѣ издавался журналъ: «Что-нибудь отъ бездѣля на досугъ»; не извѣстно, былъ-ли онъ также печатаемъ Новиковымъ. Тоже слѣдуетъ сказать о журналѣ «Сельскій житель», на 1780 годъ. Въ слѣдующемъ году Новиковъ опять издавалъ: «Московское изданіе», включающее въ себѣ собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся правоученія, политической и ученой исторіи. Желая еще болѣе приохотить публику къ чтенію, онъ сначала даромъ раздавалъ, при «Московскихъ вѣдомостяхъ»: «Дѣтское чтеніе», всякую недѣлю, по листу (надъ нимъ трудились Карамзинъ и Петровъ). Въ 1782 году явилось продолженіе «Утренняго свѣта», подъ названіемъ: «Вечерняя заря», а въ 1784 году «Покоющійся трудолюбець». Этимъ, кажется, прекратилась дѣятельность Новикова по журналистикѣ. Онъ довелъ «Московскія вѣдомости» до 4,000 подписчиковъ. Основавъ послѣ типографскую компанію, занимался болѣе изданіемъ книгъ. Въ 1789 году явилось «Модное ежемѣсячное изданіе», въ Москвѣ; редакторомъ былъ Майковъ (авторъ «Елисея») — это первый журналъ парижскихъ модъ, появившійся въ Россіи. — «Академическія извѣстія» издавалъ по сентябрь 1781 года, въ Санктпетербургѣ, при академіи наукъ, П. Богдановичъ, который вмѣстѣ съ Туманскимъ издавалъ (1785 года, въ Санктпетербургѣ): «Зеркало свѣта». — Главное правленіе училищъ издавало въ это же время одинъ годъ: «Растущій виноградъ», собраніе сочиненій и переводовъ молодыхъ студентовъ.

Въ 1786 году П. Богдановичъ возобновилъ: «Санктпетербургскій вѣстникъ», прибавивъ къ нему прилагательное «новый», но изданіе прекратилось послѣ третьей книжки. Въ 1787 году Туманскій издавалъ: «Лекарство отъ скуки и заботъ», продолжавшееся одинъ-годъ; Рахманиновъ издавалъ въ Санктпетербургѣ «Утренніе часы». Спустя два года М. Антонскій издавалъ въ Москвѣ одинъ годъ журналъ: «Бесѣдующій гражданинъ», а почтенный Крыловъ издавалъ тогда сатирической журналъ: «Почта духовъ», и кончилъ однимъ годомъ: второе изданіе этаго журнала вышло въ 1782 году. Въ 1790 году явился такого же содержанія журналъ,

подъ редакцію Н. Стрхова: «Сатирическій вѣстникъ, способствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, двушень, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей». Журналъ этотъ издавался въ Москвѣ цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ этомъ же году начатъ отъ университета, профессоромъ Сахацкимъ «Политическій журналъ», продолжавшійся постоянно до 1828 года, въ теченіе 37 лѣтъ. Въ 1800 году редакція его перешла къ профессору Гаврилову, издававшему его 28 лѣтъ; только одинъ годъ (1813) онъ издавался подъ редакцію М. Невзорова. До 1807 года журналъ этотъ состоялъ въ переводахъ изъ нѣмецкаго Ширахова «Политическаго журнала» и Архенгольцовой «Минервы». Съ 1807 году онъ названъ: «Историческій, статистическій и географическій журналъ». Полное его изданіе весьма любопытно, потому что составляетъ огромное собраніе историческихъ фактовъ, во время французской революціи.

Въ это же время (1786 и 1790 годахъ) появились журналы и въ провинціи. Первый изъ провинціальныхъ журналовъ, былъ: «Уединенный Пошехонецъ», въ Ярославлѣ, продолжался цѣлый годъ. Имя редактора неизвѣстно. — Второй былъ еще замѣчательнѣе. П. Сумароковъ, находившійся тогда, по несчастнымъ обстоятельствамъ въ Сибири, издавалъ два года (1790 и 1791) въ Тобольскѣ журналъ: «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену».

Таковъ ходъ русской журналистики до Карамзина.

1791 годъ представляетъ новое явленіе, какого не бывало въ русской литературѣ со временъ Миллера. Карамзинъ объявилъ объ изданіи «Московского журнала».

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, съ какими мыслями приступилъ Карамзинъ къ изданію, сообщаемъ его предисловіе къ первой книгѣ: «Вотъ начало», пишетъ онъ: «издатель употребилъ всѣ свои силы, чтобы продолженіе было лучше и лучше. Журналъ выдавать не шутка, я знаю — однакожь чего не дѣлаетъ охота и *прилежность*. Множество иностранныхъ журналовъ лежатъ у меня передъ глазами, ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться, и читатель увидитъ въ сей первой книжкѣ творенія тѣхъ поэтовъ, о которыхъ говорилъ я въ объявленіи; и впредь будетъ ихъ видѣть. — Путешественникъ, пріятель мой, сообщаетъ свои *записки*, въ письмахъ къ семейству друзей своихъ.»

Карамзинъ очень хорошо понималъ, какъ трудно издавать журналъ, и пригласилъ нѣсколько нашихъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, въ особенности поэтовъ, содѣйствовать ему своими провѣденіями, а впрочемъ, не слишкомъ полагаясь на обѣщанія, одинъ заготовлялъ матеріалъ для цѣлаго номера. Не имѣя дѣльныхъ сотрудниковъ, онъ долженъ былъ самъ переводить всѣ лучшія статьи изъ иностранныхъ журналовъ, а иногда дѣлать извлеченія и сокращенія изъ новыхъ иностранныхъ книгъ. Выборъ статей и общій колоритъ во всѣхъ книжкахъ «Московского журнала» показываетъ, что Карамзинъ владѣлъ вѣрнымъ вкусомъ; впрочемъ, долженъ былъ, иногда, помѣщать въ своемъ журналѣ статьи въ духѣ устарѣвшихъ литературныхъ собратій и читателей, не осмѣливаясь явно идти противъ общественнаго мнѣнія и ложныхъ, такъ глубоко вкоренившихся, понятій вѣка о классицизмѣ писателей Ломоносовской школы. Это доказывается тѣмъ, что онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ статьи Хераскова, а при разборѣ книгъ, писанныхъ русско-славянскимъ, напыщеннымъ языкомъ Ломоносова, онъ приводилъ въ образецъ красотъ слога выписки изъ его сочиненій, зная, что читатели будутъ отъ нихъ въ восторгѣ. Но, въ душѣ, Карамзинъ не одобрялъ ни этого языка, ни этихъ красотъ. Карамзинъ не хотѣлъ, чтобъ литературные кумиры его вѣка падали отъ его руки, не хотѣлъ посягать на славу людей, которыхъ память была освящена временемъ и народною любовью. Онъ благоговѣлъ предъ Ломоносовымъ, но, по внутреннему убѣжденію, не слѣдовалъ его правиламъ, не подчинялся его авторитету; видѣлъ въ его произведеніяхъ присутствіе таланта, но въ то же время замѣчалъ и недостатокъ эстетическаго чувства, и потому Ломоносовъ не могъ служить для него образцомъ.

Кромѣ переводовъ, Карамзинъ помѣщалъ въ журналѣ свои путевыя записки по Европѣ, въ видѣ писемъ къ друзьямъ, писалъ рассказы или небольшія повѣсти, разборы пьесъ, представляемыхъ тогда на московскомъ театрѣ, и новыхъ русскихъ книгъ, а иногда помѣщалъ и свои стихи. Все это должно было приготовить къ сроку, и слѣдовательно статьи не могли явиться въ томъ dokonченномъ изящномъ видѣ, въ какомъ бы желалъ редакторъ представить ихъ читателямъ.

Планъ Московскаго Журнала былъ слѣдующій. Первое мѣсто занимали произведенія поэзіи; за ними слѣдовали небольшіе рассказы, анекдоты, «Письма русскаго путеше-

«стевашка», жизнеописанія знаменитыхъ современниковъ, иностранныхъ ученыхъ и литераторовъ.

Третій отдѣлъ былъ посвященъ театру. Здѣсь мы находимъ разборъ пьесъ, игравшихъ тогда на московской сценѣ, и также извѣстія о драматическихъ новостяхъ парижскихъ театровъ, переведенныя изъ французскихъ журналовъ. Книга оканчивалась отдѣломъ библіографіи и критики. Сюда входили разборы русскихъ книгъ, и извѣстія о содержаніи вновь вышедшихъ иностранныхъ сочиненій, заимствованныя изъ иностранныхъ журналовъ. Весь номеръ журнала состоялъ, обыкновенно, изъ десяти и менѣе печатныхъ листовъ, въ 12-ю долю. Въ первомъ отдѣлѣ Московскаго Журнала встрѣчаются статьи писателей, которыхъ имена остались на страницахъ исторіи русской литературы: Державина, Дмитріева, Хемницера, Меледвискаго - Мелецкаго и самого Карамзина.

Всѣ стихотворенія Державина, стоявшаго тогда на вершинѣ своей славы, помѣщенные здѣсь, весьма посредственны, иногда даже, просто, плохи. Кто скажетъ, что стихотворенія «Новый годъ», «Пѣснь дому любящему науки», напечатанныя во второй книгѣ Московскаго Журнала, принадлежать пѣвцу *Фелицы?*

Изъ всѣхъ поэтовъ, участвовавшихъ въ «Московскомъ Журналѣ» только Дмитріевъ помѣщалъ легкія стихотворенія, которыя еще и теперь можно прочесть не безъ удовольствія. Стихи самого издателя тоже безцвѣтны и слишкомъ сентиментальны. Заготовленіемъ матеріаловъ для втораго отдѣла занимался самъ Карамзинъ, за исключеніемъ весьма не многихъ статей, переводимыхъ В. Подшиваловымъ и двумя не извѣстными лицами.

Важнѣйшее произведеніе Карамзина, помѣщенное въ Московскомъ Журналѣ—«Письма рус. путешевъ.», которыми Карамзинъ положилъ основаніе своей славы и открылъ нашему обществу новый міръ. Они были помѣщаемы въ каждомъ номерѣ. Никакое русское литературное произведеніе прошедшаго столѣтія не принесло читателямъ столько удовольствія и пользы, какъ эти путевыя записки. Онѣ познакомили Русскихъ съ Западомъ, если не вполне, то, по крайней мѣрѣ, увлекательно сообщили много занимательнаго о современныхъ литературныхъ знаменитостяхъ Европы. Записки эти, чрезвычайно замѣчательны, необыкновенною легкостью и общепонятностью разсказа. Это самый лучшій матеріалъ для био-

графин Карамзина — это искренняя исповѣдь его души, зеркало его помысловъ, надеждъ и вѣрованій. Безъ этихъ Записокъ мы не знали бы, въ какой мѣрѣ путешествіе имѣло вліяніе на усовершенствованіе Карамзина; съ какимъ увлеченіемъ онъ сочувствовалъ всему прекрасному. Карамзинъ первый изъ Русскихъ описалъ живыми красками Англію, Францію, Швейцарію и Германію, ихъ образованность, нравы жителей, успѣхи наукъ и искусствъ; возбудилъ въ насъ вниманіе къ главнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогдашніе умы, и все это у него непринужденно, легко, живо, увлекательно. Важнѣйшимъ результатомъ «Писемъ русскаго путешественника» было возбужденіе любви къ иностраннымъ литературамъ въ молодомъ поколѣніи, къ которому принадлежали Жуковский, Тургеневъ, Батюшковъ и другіе. Въ то время, какъ книжный русскій языкъ, тяжелый, вялый, утомительный, отталкивалъ cadaго отъ чтенія и рѣзко противорѣчилъ цвѣтистому, изящному, гармоническому французскому языку, на которомъ говорило высшее общество, Карамзинъ предложилъ себѣ вопросъ: не могли ли Русскіе точно также плавно и легко выражаться на своемъ родномъ языкѣ? и рѣшился указать другимъ дорогу своимъ собственнымъ примѣромъ. Послушный единственно своему внутреннему голосу, Карамзинъ положился, въ этомъ случаѣ, на свой слухъ и вкусъ, инстинктивно постигъ красоты русскаго языка и началъ энергически дѣйствовать въ пользу его развитія.

Съ осьмнадцатаго вѣка, когда къ намъ проникли европейскія понятія, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ на Руси, наша чистая рѣчь должна была сбросить съ себя свою прежнюю народную одежду, и надѣть костюмъ, сшитый по нѣмецкому покрою. Такъ — какъ въ началѣ этого вѣка всѣ государственныя должности были замѣщены или иностранцами или Малороссами, то во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ языкъ былъ искаженъ до невѣроятности; — каждый писалъ на свой ладъ. Нѣмцы вводили свои слова и обороты; Малороссы тоже, частью свое собственное, частью церковное, частью польское. Такимъ образомъ составилъ языкъ дѣловыхъ бумагъ, или языкъ *форменный*, на которомъ, разумѣется, изъяснялись тогда и въ домашнемъ быту, государственные савонники, чиновники, и другія лица. Этотъ формальный языкъ мало-по-малу сдѣлался тоже языкомъ высшаго круга, и слѣдовательно — образцовымъ; къ нему начали привыкать всѣ, и считали особеннымъ образованіемъ и благовоспитаніемъ

выражаться въ родѣ Тредьяковскаго. Это продолжалось до самаго конца царствованія Елисаветы. Тутъ Русскіе стали приходить въ себя и одумываться, какимъ языкомъ они говорятъ. Уже Ломоносовъ и Сумароковъ чувствовали необходимость — выбросить многое изъ искаженнаго русскаго языка, но реформа ихъ была незначительна, и до Карамзина все еще встрѣчалось много страннаго, уродливаго и смѣшнаго. Карамзинъ, владѣя отъ природы эстетическимъ чувствомъ, началъ выражаться въ разговорѣ и письмѣ, какъ можно проще, короче, не употребляя ни церковно-славянскихъ словъ, ни нѣмецкихъ оборотовъ. Но молодой литераторъ не могъ вдругъ обратить вниманіе на всѣ оттѣнки языка; по этому и у него встрѣчаются архаизмы, которыхъ въ началѣ онъ не могъ еще избѣгнуть. Такъ напримѣръ, онъ не рѣшался разстаться съ выраженіемъ: *что принадлежитъ* и замѣнить его другими словами; писалъ всѣ имена прилагательныя съ *ой*, что не свойственно не только русскому языку, но и всѣмъ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ; писалъ родительный падежъ единственнаго числа нѣкоторыхъ мѣстоименій на *ова* вмѣсто *аго*; употреблялъ слова *удобенъ* вмѣсто *способенъ*; напримѣръ: *я къ этому не удобенъ*; писалъ *рѣшитъ, кончитъ*, вмѣсто *рѣшаетъ, кончаетъ*; но никогда не писалъ *почитай* вмѣсто *почти, токмо, нарочито* и такъ далѣе, — словъ, безъ которыхъ не могли обойтись его современники. Стройный, легкій и мягкій слогъ Карамзина облагороживался и обрабатывался день ото дня, такъ-что филологическія неправильности, встрѣчаемыя въ первыхъ его произведеніяхъ, не попадаютъ уже въ «Исторіи Государства Русскаго». Изъ всего этого видно, что «Московскій Журналь» могъ служить, въ свое время, образцомъ языка и вкуса въ полномъ смыслѣ. Реформа Карамзина увѣнчалась успѣхомъ. Молодые поколѣнія приняло сторону молодаго журналиста; всѣ стали подражать его языку, его слогу, его выраженіямъ и даже, если угодно, его чувствамъ и взгляду на вещи. Но это подражаніе было безсознательное; многіе вышли изъ границъ и до того наводнили русскую литературу сентиментальными произведеніями, что противники Карамзина чуть-было не восторжествовали. Они осмѣивали идиллическую чувствительность литераторовъ-подражателей и обвиняли въ этомъ Карамзина.

Разбирая это дѣло безпристрастно, мы видимъ, что упреки противниковъ Карамзина не основательны и несправедливы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Карамзинъ былъ человѣкъ

чрезвычайно чувствительный, но онъ никогда не поддавался подъ (сентиментальность). Видя на каждомъ шагу слѣдствія жестокости и грубости нравовъ своихъ соотечественни-ковъ, онъ хотѣлъ смягчить ихъ трогательными картинками — но, въ то же время, зналъ, въ какой мѣрѣ можно употреблять средство, — и если, иногда, въ произведеніяхъ Карамзина, чувствительность переступаетъ за предѣлъ возможнаго, то ошибка эта была прямымъ слѣдствіемъ вліянія тогдашнихъ иностранныхъ писателей:—Мармонтеля, Геснера, Геллерта, Виланда.— Всѣ поклаивались имъ безусловно; имъ приносили дань и Карамзинъ, какъ современникъ. Дѣйствовать иначе, значило бы — идти противъ понятій и требованій вѣка: при-томъ же Карамзинъ былъ поклонникомъ западной образо-ванности со всеми ея недостатками, которыхъ онъ могъ и не сознавать, какъ не сознавала ихъ и вся Европа.

Кромѣ «Писемъ русскаго путешественника», мы находимъ въ Московскомъ Журналѣ, еще другія оригинальныя произ-ведения Карамзина, именно нѣсколько небольшихъ повѣстей: «Бѣдная Лиза», «Прекрасная царевна и счастливый карла», «Наталія, боярская дочь», и другія вовсе не замѣчатель-ныя.

Прежде чѣмъ приступимъ къ оцѣнкѣ этихъ произведеній Карамзина, рѣшимъ вопросъ: могъ ли онъ написать хорошую повѣсть въ то время, когда издавался Московскій Журналъ? Сущность повѣсти состоитъ въ идеѣ, выразившейся въ ка-комъ либо обществѣ, при извѣстномъ его направленіи, влія-ніи на него духа вѣка, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и характерахъ. Слѣдовательно, отъ автора повѣсти требуется знаніе того общества, изъ котораго заимствованъ сюжетъ; основательное наблюденіе надъ природой человѣка въ раз-личныхъ обстоятельствахъ его жизни, и наконецъ знаніе жизни, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной ея стороны. Всего этого нельзя требовать отъ двадцатипятилѣтняго Ка-рамзина, который, по образу воспитанія, зналъ только одну свѣтлую, отрадную сторону жизни. Изъ какого же об-щества онъ могъ заимствовать сюжетъ для повѣсти? Загра-ничное общество было ему извѣстно только изъ книгъ; правда, Карамзинъ путешествовалъ по Германіи и Франціи, видѣлъ тамошнюю жизнь; но могъ ли онъ изучить ее въ какіе нибудь полтора года? Ему оставалось обратиться къ русскому быту. Но могло ли, въ то время, наше общество служить Карамзину матеріаломъ для повѣсти? Уже одинъ замкнутый

характеръ нашей семейной жизни, непреступной для обла- ки, представляеть собою камень преткновенія изученію раз- ныхъ личностей и типовъ; а къ чему могутъ повести одни факты, если подробно неизвѣстны ихъ причины? Карамзинъ хорошо понялъ все это, и, не находя сюжета въ современ- номъ живомъ обществѣ, бросился сначала въ безпрудную область фантазіи, потомъ перешелъ къ повѣсти исторической, за которую впрочемъ можетъ взятыя только писатель опы- тный. Онъ одинъ, судя по событіямъ и цѣлому ряду случаевъ жизни извѣстнаго историческаго лица, можетъ дать ему приличный характеръ. Къ тому же историческая повѣсть изъ русскаго быта возможна только при богатствѣ истори- ческихъ матеріаловъ, которые и до-сихъ-поръ еще не раз- работаны у насъ вполнѣ. Слѣдовательно Карамзинъ и здѣсь встрѣтилъ непреодолимая препятствія для своей дѣятельно- сти. Первая повѣсть, написанная Карамзинымъ, была «Бѣд- ная Лиза», — небольшою рассказъ, слѣдующаго содержанія: Молодой московскій баричъ влюбляется въ бѣдную, хоро- шенькую крестьянку, Лизу, обольщаетъ ее и — оставляетъ. Лиза, чувствительная дѣвушка, не можетъ пережить обмана, и бросается въ прудъ. Вотъ и все. Исторія слишкомъ обыкновенная для нашего времени. Выбравъ такой сюжетъ, автору нечего было заботиться о характерахъ: читатели довольствовались и дѣйствующими лицами.

Въ пользу «Бѣдной Лизы» можно сказать, что эта повѣсть написана легкимъ и пріятнымъ языкомъ, что, однакожъ, не мѣшаетъ старушкѣ-крестьянкѣ рассуждать о красотахъ при- роды и говорить языкомъ Бонне и Лафатера.

Успѣхъ «Бѣдной Лизы» былъ необычайный. И могли ль не восхищаться «Бѣдною Лизой» въ то блаженное время, когда мужчины мечтали о нѣжныхъ, милыхъ пастушкахъ, а дамы, въ пудрѣ и фижмахъ, помѣшались на любви къ буколическимъ Дафнисамъ и Тирсисамъ. Лиза, бѣдная крестьянка, была если не пастушкой, то, по крайней мѣрѣ, цвѣточницею, что, по понятіямъ аркадской академіи, по- чти одно и то же. Нѣжныя и мягкія сердца сострадали къ несчастной Лизѣ, оплакивали ея обманутую любовь, про- клинали жестокаго соблазнителя и проч. Впрочемъ, «Бѣд- ная Лиза» до-сихъ-поръ пользуется успѣхомъ у губерни- скихъ барышень, отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ, включительно; еще и теперь слезы участія не разъ падаютъ на ея страницы.

Безусловно покорился влиянію французской литературы, Карамзинъ помышлялъ о созданіи самобытной русской поэзіи. Читая Мармонтеля, онъ въ то же время искалъ общіе сюжеты въ русскомъ быту. «Бѣдная Лиза» была первою его попыткой.

Сравнивая это произведеміе съ современными произведеніями тогдашней французской литературы въ этомъ родѣ, написанными съ тою же цѣлью, мы видимъ, что оно ни въ чемъ имъ не уступаетъ. Современники хорошо это знали, и вотъ причина, отчего они такъ высоко цѣнили талантъ Карамзина за его «Бѣдную Лизу».

Сюжетъ для этой повѣсти доставило Карамзину слѣдующее обстоятельство. Живя въ Парижѣ, русскій путешественникъ любилъ посѣщать его окрестности. Однажды, вышедъ изъ города, онъ долго бродилъ безъ цѣли, и наконецъ попалъ въ Булонскій Лѣсъ, гдѣ находится готическій замокъ «Мадриятъ», построенный въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Въ этомъ замкѣ Францискъ-Первый предавался удовольствіямъ любви и роскоши. Солнце склонялось къ западу; Карамзинъ пошелъ осмотрѣть замокъ; прошелъ нѣсколько пустыхъ и мрачныхъ залъ, и въ одной изъ нихъ, четвертой, украшенной рѣзьбою и живописью, онъ услышалъ тяжелый вздохъ, взглянулъ кругомъ себя, и въ углу огромной залы увидѣлъ возлѣ каминна, сидѣвшую въ креслахъ, блѣдную, худощавую старушку, лѣтъ шестидесяти, въ изношенномъ платьѣ. Она взглянула на посѣтителя, кивнула головой и тихо сказала: «добрый вечеръ!»

Карамзинъ подошелъ къ старушкѣ, вступилъ въ разговоръ съ нею, и узналъ, что она собираетъ милостыню въ Парижѣ и его окрестностяхъ, и уже два года какъ живетъ въ покинутомъ замкѣ. — «Никто не тревожитъ тебя здѣсь?» спросилъ Карамзинъ. — «Нѣтъ», отвѣчала старушка: одинъ разъ пришелъ сюда смотритель и увидѣлъ меня лежащею на соломѣ въ передней. Я рассказала ему свое житье-бытье, приключенія моей дочери: онъ заплакалъ, далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, потому что въ ней цѣлы окончины и не дуетъ вѣтеръ. Добрый человекъ!» — «Есть у тебя дочь?» спросилъ Карамзинъ. — «Была, отвѣчала старушка, была; теперь она тамъ, выше Мадрита. А ъ! мы жили съ нею какъ въ раю; жили въ низенькой комнатѣ, спокойно и счастливо. Тогда и свѣтъ былъ лучше, тогда и люди были добѣе. Она любила пѣть, сидя подь окномъ, или ходя въ

рощу за дѣтями; всѣ оставались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда замолавцы насъ не мучили. Луиза попросить, и всякій готовъ ждать. Луиза умерла и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы».

Воображеніе Карамзина дополнило эту картину: нашло Эраста, причину смерти Луизы, перенесло происшествіе на Русь, въ окрестности Москвы и явилась «Бѣдная Лиза». Написавъ сказку въ часы досуга, онъ обратилъ всю столицу къ окрестностямъ Симонова Монастыря. Всѣ тогдашніе свѣтскіе люди стали искать Лизиной могилы, какъ нѣкогда Франгузы, Нѣмцы и Англичане толпились около Вевер-Кларанса, и, не слушая признаній самого Руссо, искали лѣдовъ Юліи.

Послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзинъ не искалъ болѣе сюжета для повѣсти въ современномъ русскомъ быту, этомъ богатомъ источникѣ народной литературы. Думая, однакожъ, о повѣсти чистой русской, онъ обратился къ другому источнику; принялся искать матеріалы для русской повѣсти въ нашихъ народныхъ преданіяхъ, или сказкахъ, — и написалъ повѣсть «Прекрасная царевна и счастливый карла». Но эта попытка была тоже не совсѣмъ удачна.

Содержаніе сказки состоитъ въ томъ, что прекрасная и единственная дочь царя «добраго челоуька» влюбляется въ чрезвычайно уродливаго карлу и отдаетъ ему свою руку, за которою карликъ получаетъ и самую корону.

Чтобы оправдать въ глазахъ народа необыкновенное влеченіе царевны къ карлѣ, Карамзинъ доказываетъ, что этотъ карла былъ умнѣйшій изъ уродовъ и самый искусный музыкантъ. Избравъ такой сюжетъ, Карамзинъ не могъ, какъ говорятъ, развернуться; по этому, вы напрасно станете искать здѣсь характеровъ, дѣйствій, картинъ и т. д. Сказка очень проста, не затѣлива, и начинается; какъ всѣ русскія народныя сказки: «Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ царь добрый челоуькъ», и т. д. Многимъ покажется странно, какъ царь согласился выдать свою дочь за карлу; но по этому-то онъ и названъ добрымъ челоуькомъ; при томъ же, онъ согласился на этотъ бракъ тогда только, когда всѣ его подданные рѣшили, что царевнѣ можно выйти за карлу, если она ей нравится. Слогъ повѣсти соответствуетъ предмету, но встрѣчаются и мѣста, нѣсколько натянутыя. Въ началѣ повѣсти попадаютъ

двѣ, три свѣтскія фразы, которыя можно назвать литературною *предиюй*.

По нашему мнѣнію, эта сказка ниже «Бѣдной Лизы», и теперь, когда искусство такъ быстро шагнуло впередъ, «Прекрасная Царевна» можетъ имѣть для насъ только историческое значеніе.

Карамзинъ, какъ писатель съ большимъ вкусомъ, вскорѣ и самъ убѣдился, что русскія народныя преданія и сказки могутъ получить занимательность, только съ помощью необыкновенныхъ усилій. Онъ оставилъ народныя преданія въ покоѣ, и обратился къ другому роду повѣствованія, именно къ повѣсти исторической.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія наша историческая литература была чрезвычайно бѣдна. Всѣ памятники отечественной исторіи хранились въ архивахъ и были доступны только очень немногимъ. Но Карамзину предстояло еще большее затрудненіе: ему нужны были тѣ историческіе памятники, изъ которыхъ онъ могъ бы изучить семейный бытъ нашихъ предковъ, а такихъ памятниковъ вообще весьма не много. Да и можно ли, притомъ, когда-нибудь возстановить въ яркой картинѣ семейный бытъ нашихъ предковъ? Древняя частная жизнь русскаго народа разбита въ дребезги; только нѣкоторые осколки ея сохранились въ преданіяхъ и народныхъ пѣсняхъ. Впрочемъ, судя по нашей древней общественной жизни, мы можемъ сдѣлать вѣрное заключеніе и о тогдашнемъ семейномъ бытѣ. Конечно однообразие, отсутствіе духовной энергіи, дѣятельности, застой въ понятіяхъ, недостатокъ эстетическаго вкуса служатъ характерическими чертами допетровской Руси.

Образившись къ исторіи, Карамзинъ нашелъ нѣсколько фактовъ полныхъ жизни, которые и положилъ въ основаніе своей первой русской исторической повѣсти. Фантазія автора оживила эти факты картинными увлекательными, но безотчетными. Однакожъ вскорѣ Карамзинъ поставилъ всю бѣдность новооткрытаго источника. Здѣсь не только не доставало вводныхъ дѣйствующихъ лицъ, но и всей обстановки прошестій. Случайно попасть на извѣстіе о второмъ бракѣ Царя Алексѣя Михайловича съ Натальею Кириловной Нарышкиной, воспитанницей Боярина Матвѣева, Карамзинъ былъ восхищенъ этимъ открытіемъ. Но какъ употребить его въ дѣло? Главное дѣйствующее лицо былъ самъ царь. Не-

чего дѣлать, Карамзинъ далъ другой оборотъ дѣлу и историческая истина была нѣсколько измѣнена.

Бояринъ Матвѣевъ, любимецъ Царя, сдѣланъ бояриномъ Матвѣемъ Андреевичемъ, Наталья Кириловна названа единственною его дочерью, необыкновенною красавицей, скромною, по старинному обычаю. Но скромность и затворническая жизнь не мѣшали ей влюбиться въ перваго красиваго мушкетера, котораго она увидѣла въ церкви. Сначала, этотъ молодой человекъ извѣстенъ подъ именемъ какого-то непостижимаго Алексѣя, потомъ, авторъ дѣлаетъ его Алексѣемъ Любославскимъ, сыномъ извѣстнаго боярина Любославскаго, несправедливо оклеветаннаго предъ Царемъ и принужденнаго искать спасенія въ бѣгствѣ. Алексѣй также долженъ былъ скрываться и прїѣзжалъ въ Москву тайкомъ. Здѣсь онъ увидѣлъ прекрасную Наталью, влюбился и рѣшился, во что бы ни стало, увезти ее, и, какъ нельзя лучше, успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Алексѣй увезъ Наталью, обвинялся съ нею подъ Москвою и отправился въ мѣсто своего убѣжища, находившееся среди непроходимыхъ и дремучихъ лѣсовъ. Но такъ какъ подобная жизнь не могла продолжаться всегда, и рано или поздно, онъ могъ быть открытъ и подвергнутъ наказанію, то Алексѣй сталъ искать случая оправдать отца и себя передъ Царемъ, получить прощеніе и возвращеніе отцовскихъ имѣній, взятыхъ въ казну. Случай вскорѣ представился: Литовцы объявили Москвѣ войну. Узнавъ объ этомъ, Алексѣй говоритъ женѣ, что онъ намѣренъ отпустить ее къ отцу, по которомъ она очень грустила, а самъ отправится защищать отечество отъ враговъ. Наталья, сначала сопротивлялась такому намѣренію мужа, а потомъ объявила, что она не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ и, переодѣвшись въ мужское платье, сама отправится раздѣлать съ нимъ опасности войны. Сказано—сдѣлано. Алексѣй и Наталья отличились на войнѣ и оказали услугу отечеству. Послѣ побѣды, одержанной надъ непріателемъ, Царь пожелалъ видѣть юношей, которые болѣе всего содѣйствовали ея успѣху, и узналъ, что первый изъ нихъ Алексѣй Любославскій, а второй — Наталья, дочь боярина Матвѣя Андреевича, жена Любославскаго. Алексѣй получилъ прощеніе и царскую милость.

Повѣсть эта весьма нравилась современникамъ, но, по нашему мнѣнію, она очень мало имѣетъ литературныхъ достоинствъ; дѣйствующія лица въ ней — безъ характеровъ:

о бояринѣ говорится, что онъ добрый человѣкъ, но на дѣлѣ и этого не видно. Только портретъ старушки, няни, простодушной до глупости, нарисованъ очень вѣрно. Прослуживъ у боярина слишкомъ двадцать лѣтъ, она рѣшается доставить неизвѣстному молодому человѣку свиданіе съ своей боярышней, въ теремѣ и ночью. Она даже содѣйствуетъ побѣгу Наталіи; и все это дѣлаетъ женщина, которая отъ всей души предана своему господину и считаетъ его добрѣе всѣхъ.

Встрѣтивъ столько препятствій при сочиненіи исторической повѣсти, Карамзинъ оставилъ свое любимое намѣреніе писать повѣсти въ народномъ духѣ. При всемъ томъ въ «Лизѣ» и «Наталіи, боярской дочери» въ этихъ игрушкахъ молодой фантазіи, Русскіе увидѣли у себя первые опыты романическаго слога.

«Бѣдная Лиза» и «Наталія боярская дочь» были переведены на нѣмецкій языкъ. Французскій литераторъ Коафье перевелъ ихъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, и повѣсти Карамзина явились въ журналѣ, издаваемомъ тогда г-жею Жанлисъ. Коафье отозвался о нихъ съ похвалою, хотя должно замѣтить, что нѣкоторыя мѣста переведены довольно плохо, и не мудрено: сначала эти повѣсти переодѣли въ нѣмецкое платье, а потомъ съ нѣмецкаго во французское. Но всего забавнѣе, что Коафье находитъ въ «Наталіѣ» *мармонтелевскій* *разказъ*, и что онъ счелъ описаніе добрыхъ дѣлъ Фрола Сишна, тоже *за повѣсть* (conte), замѣтивъ, впрочемъ, что повѣсть эта не имѣетъ такого достоинства, какъ «Наталія»!

Карамзинъ занимался въ это время и переводами. Изъ переводовъ его, помѣщенныхъ имъ въ Московскомъ Журналѣ укажемъ только на Мармонтелевы повѣсти.

Не углубляясь въ содержаніе, и не оцѣнивая достоинства повѣстей Мармонтеля, которыя такъ нравились въ то время, скажемъ только о достоинствѣ переводовъ его вообще. Переводы Карамзина съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго отличаются въ особенности тѣмъ, что онъ тщательно придерживался подлинника, углубляясь въ идиотизмы и стараясь передать ихъ какъ можно вѣрнѣе, сохраняя ихъ силу на рускомъ языкѣ. Поэтому языкъ переводныхъ пьесъ Карамзина нѣсколько отличается отъ языка оригинальныхъ его произведеній. Онъ уже не такъ легокъ, не такъ плавно и свободно: сейчасъ видно, что переводчикъ блыстѣнень чуждыми формами. Иногда Карамзинъ дѣлается

даже высокопарнымъ и неестественнымъ, на примѣръ въ переводѣ Макферсонова Оссіана, гдѣ главную роль должна играть патриархальная простота.

Но этими статьями еще не ограничивалась дѣятельность Карамзина по журналу. Не надобно забывать, что онъ издавалъ «Московский Журналъ» одинъ; ему помогали весьма не многіе сотрудники. Онъ долженъ былъ писать обзорѣнія пьесъ, игранныхъ на московскомъ театрѣ и разбирать явившіяся новыя книги. Карамзинъ первый внесъ въ журналъ эти два важные отдѣла, придавшіе его изданію особенный интересъ.

ГЛАВА V.

Карамзинъ въ особенности отличался даромъ разсказа; достаточно было дать ему только фактъ, и онъ развивалъ его какъ нельзя лучше.

Чтобъ оцѣнить его разборъ театральныхъ пьесъ, надобно прежде узнать, какое понятіе имѣлъ Карамзинъ о драмѣ и драматическомъ искусствѣ вообще. Что Карамзинъ изучалъ и глубоко постигалъ произведенія Шекспира и французскихъ драматическихъ писателей, что онъ понималъ преимуществва англійской школы предъ французскою; доказательства тому мы находимъ въ его «Письмахъ Русскаго Путешественника». Карамзинъ понималъ, что драматическій писатель долженъ глубоко знать человѣка, что драма состоитъ въ дѣйствіи, и т. д. Онъ, съ удивительною легкостію, разсказываетъ содержаніе пьесъ, видѣнныхъ имъ на театрѣ; дѣлаетъ замѣчанія на игру актеровъ, рассуждаетъ о томъ, понимаютъ ли они свои роли, чувствуютъ ли силу и красоты пьесы.

Взглядъ Карамзина на драматическую поэзію и на выполненіе драматическихъ пьесъ, лучше всего видѣнъ изъ его разсказа о представленіи драмы Коцебу на берлинскомъ театрѣ, помѣщеннаго въ «Путевыхъ Запискахъ».

«Давно уже, пишетъ Карамзинъ, не была я такъ пріятно растрогана, какъ бывъ въ театрѣ. Представляли драму «Menschenhass und Reue» (Ненависть къ человечеству и раскаяніе), сочиненную г. Коцебу, ревельскимъ жителемъ. Карамзинъ разсказываетъ содержаніе драмы: «Баронъ Мейнау, человѣкъ лѣтъ тридцати, женится на пятнадцатилѣтней Эйлалиа. Нѣсколько лѣтъ живутъ они счастливо. Эй-

лалія почитаетъ въ своемъ супругѣ опытнаго и благоразумнаго человѣка; а супругъ старается всѣмъ утѣшать ее. Но вдругъ, по нѣкоторому несчастному случаю, лишается онъ половины своего имѣнія. Надлежало ограничить расходы; а такая новая экономія не могла быть пріятна молодой Эйлали. Въ сіе время одинъ молодой человѣкъ, обязанній Барону всѣмъ своимъ счастіемъ, вкрадывается мало по малу къ ней въ сердце, и чѣмъ же? Не красотою, не разумомъ, не добродѣтелью; но угождая всѣмъ женскимъ прихотямъ, угадывая желанія ея при самомъ ихъ зарожденіи, льстя ей, забавляя ее. Нѣтъ умѣренности въ склонностяхъ юнаго женскаго сердца. Любовь къ сему молодому человѣку уменьшаетъ въ Эйлали любовь къ супругу, и наконецъ такъ ослабляетъ ее, что она забывъ добродѣтель, а съ нею забывъ супруга и дѣтей своихъ — уходитъ съ своимъ развратителемъ. Сей ударъ былъ совсѣмъ нечаянный для Мейнау. Изъ отчаянія оставляетъ онъ свой домъ, клянетъ людей, бѣжить отъ нихъ и безъ всякаго намѣренія странствуетъ изъ земли въ землю. Между тѣмъ вѣтренный молодой человѣкъ удовлетворивъ страсти своей, оставляетъ Эйлалию. Тутъ открываются глаза ея — она чувствуетъ всю ужасность своего состоянія, весь стыдъ и несчастье порочной женщины. Наконецъ, подъ именемъ г-жи Миллеръ, идетъ въ управительницы въ домъ къ графинѣ Винтерзее, и живетъ у нее въ деревнѣ, во всегдашнемъ уединеніи и горести. Едва осмѣливается она искать нѣкотораго утѣшенія въ тайныхъ благодѣяніяхъ. Случай приводитъ барона Мейнау въ сію деревню. Онъ остается тутъ на нѣкоторое время, живетъ въ маленькомъ домикѣ въ концѣ звѣринца, ходитъ по лѣсамъ, читаетъ Циммерманову книгу *объ уединеніи*, и клянетъ природу человѣческую. Отсюда начинается драма. — Графъ и графиня Винтерзее пріѣзжаютъ въ деревню. Баронъ фонъ-деръ-Горстъ, братъ графининъ, влюбляется въ Г-жу Миллеръ, и открывается въ томъ сестрѣ своей. Графиня любитъ свою управительницу, и будучи увѣрена, что она не подлаго (низкаго) рода, не противится намѣренію брата своего жениться на ней, и сама еще беретъ на себя говорить о томъ съ нею. Тутъ Эйлалиа рѣшается, въ собственное свое наказаніе, рассказать графинѣ свою исторію. Величайшая жертва, говоритъ она, какую истинное раскаяніе принести можетъ, состоитъ въ томъ, чтобы добровольно отказаться отъ почтенія любимыхъ людей». Но графиня обнимаетъ ее

и увѣряетъ въ своей дружбѣ. Между тѣмъ Мейнау имѣлъ случай оказать графу услугу. Сей послѣдній упалъ съ мосту въ рѣку, и конечно бы утонулъ, если бы Мейнау не бросился и не вытащилъ его. Графъ посылаетъ своего шурина звать его къ себѣ въ гости. Баронъ фонъ-деръ-Горстъ находитъ въ путешественникѣ стариннаго друга своего, принуждаетъ его рассказать свою исторію со времени ихъ разлуки, и, не смотря на отговорки, беретъ съ него слово придти къ графу. Мейнау приходитъ, видитъ Эйлалію, и въ тотъ же мигъ бросается назадъ въ двери. Эйлалія падаетъ въ обморокъ, и тѣмъ кончается четвертое дѣйствіе. Баронъ фонъ-деръ Горстъ, узнавъ что Эйлалія жена друга его, почитаетъ за долгъ стараться о ихъ соединеніи. Эйлалія поручаетъ ему просить супруга своего, чтобы онъ позволилъ ей притти къ нему и видѣть дѣтей своихъ. Мейнау не хочетъ сперва и слышать о томъ, чтобы опять жить съ нею вмѣстѣ. «Женщина, говоритъ онъ, которая одинъ разъ могла измѣнить мужу, можетъ измѣнить и въ другой разъ. И что скажутъ обо мнѣ въ свѣтѣ, когда покажусь я съ моею бѣглою женою? Не станутъ ли указывать на меня пальцами?» Наконецъ рѣшается онъ въ послѣдній разъ видѣть Эйлалію, а потомъ хочетъ съ дѣтьми своими (которыхъ посылаетъ привести изъ города) удалиться въ такое мѣсто, гдѣ бы никогда уже не могъ встрѣтиться съ своею не вѣрною, но все еще любезною ему супругою. Эйлалія приходитъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе и трогательнѣе сей сцены. Мейнау размягчается. «Ты развратилъ ангела» говоритъ онъ, представляя себѣ въ мысляхъ соблазнителя своей супруги. Эйлалія не проситъ у него прощенія; она почитаетъ себя недостойною такого супруга, и въ ту минуту, какъ они хотятъ сказать другъ другу: *прости на вѣки!* вбѣгаютъ дѣти, бросаются цѣловать своихъ родителей, и Мейнау, тронутый до глубины сердца, прощаетъ Эйлалію; съ рыданіемъ бросается она въ объятія своего супруга, и зававѣсь закрывается.—Ни какая драма не оставяла во мнѣ такихъ сладкихъ впечатлѣній, какъ сія. Не скажу, чтобы въ ней нельзя было ничего критиковать, однако жъ, въ ней такъ много трогательнаго и прекраснаго, что зритель забываетъ критику.» Какой легкой, и увлекательный рассказъ! Говоря потомъ объ игрѣ актеровъ, Карамзинъ замѣчаетъ: «Я думаю, что у Нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гёте,

Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостию представляютъ въ драмахъ своихъ чело-вѣка, каковъ онъ есть, изображая, такъ сказать, всѣ отгѣнки его натуры.»

Разсказывая содержаніе трагедіи Шенье «Карлъ IX», которую Карамзинъ видѣлъ на лѳонскомъ театрѣ, онъ прибавляетъ: «Дѣйствіе ужасно; но не всякій ужасъ можетъ быть душою драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ чело-вѣческаго сердца, пребываетъ тайною для французскихъ поэтовъ.» Изъ этого одного мѣста мы не только видимъ, что Карамзинъ понималъ Шекспира *, но замѣтимъ, что онъ зналъ и его недостатки, чему мы имѣемъ доказательства.

Въ началѣ своего пребыванія въ Парижѣ, Карамзинъ почти ежедневно посѣщалъ театры и высказалъ въ «Путевыхъ Запискахъ» свое мнѣніе о французской драмѣ.

«Я и теперь, пишетъ онъ, не переѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда не многихъ) Нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ, и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изображенія, жара, и глубокаго чувства натуры, простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! Онѣ должны уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*; вездѣ Греки и Римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать **. Коротко

* Онъ зналъ его почти наизусть, какъ самъ говоритъ въ «П. Р. П.» (Изд. 1801-го. Ч. VI, стр. 161).

** Я прошу знатоковъ французскаго театра, говорить Карамзинъ, най-ти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расиѣ что нибудь подобное — напримѣръ самъ шекспировый стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе — сжитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

Blow winds... rage blow!
You sulph'rous and thought-executing fires,

сказать, творенія Французской Мельпомемы славны, и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или улаждать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій, и д'Аламбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.»

Теперь приведемъ мнѣніе Карамзина о Французской комедіи. «Талія британская и талія германская, говоритъ онъ, должна уступить преимущество Французской. Англійскія комедіи по большей части или скучны или грубы, не благопрістойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ недостойны вниманія».

Говоря объ англійской литературѣ, Карамзинъ не пропустилъ и драматической поэзіи. «Въ драматической поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ Шекспиръ, и Англичане богаты! Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеромъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ. Кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчишекъ.»

«Всякій авторъ, продолжаетъ Карамзинъ, ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось

Avant-couriers of oak-cleaving thunder-bolts!
Singe my white head! And thou allshaking thunder,
Strike flat the thick rotundity of th' world!
Crack nature's mould, all germins spill at once,
That make ingrateful man!...
I take not you elements, with unkindness;
I never gave you kingdom, call'd you children;
. Then let fall
Your horrible pleasure!.. here I stand, your slave,
A poor, infirm, weak and despis'd old man!

«Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Стрные, быстрые огни. предтечи разрушительныхъ ударовъ! Лейте пламя на бѣлую главу мою!.. Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагогодарнаго человѣка!.. Не жалуйтесь на вашу свирѣпость разъяренныхъ стихій! Я не отглавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ ильми дѣтьми дошии! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! Разните—и я, рабъ вашъ, бѣдный, извуршиный старецъ, отверженный отъ человечества!»

* П. Р. П. — Парижъ, Апрель 29-го 1790 г.

тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній *не можетъ взять мѣру своимъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творить и для вѣчности; временныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровенія* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ.»

«Еще повторяю, пишетъ Карамзинъ: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть шекспировскій *бомбастъ*, а нѣтъ шекспировскаго генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлы истины и природы, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзня и погребеніе, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ лондонскомъ партерѣ. Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и карикатурами, въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а *хохочетъ*» *.

Этихъ выписокъ очень достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ Карамзина на драматическое искусство и о глубокомъ его изученіи всѣхъ произведеній Шекспира, котораго Карамзинъ постигалъ вполне.

Обратимся теперь къ разборамъ пьесъ, игранныхъ на московскомъ театрѣ. Первый такой разборъ Карамзина — разборъ Лессинговой трагедіи «Эмилія Галотти».

Послушайте, какъ увлекательно Карамзинъ рассказываетъ содержаніе этой трагедіи: «Главное дѣйствіе ея возмутительно, но не менѣе того естественно. Римская исторія представляетъ намъ примѣръ такого ужаснаго дѣла. Олоардо былъ въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и несчастный Римлянинъ; имѣлъ такой же великій духъ, гордую чувстви-

* П. Р. П., изд. 1801 г. Ч. VI, стр. 279 — 2

тельность и высокое понятие о чести. Разсмотримъ только по ближе его положеніе, чувства и мысли, которая занимали душу его передъ свершеніемъ убійства:

«Умертвили жениха его дочери, столько любезнаго ему и ей—умертвили для того, что принцу угодно было избрать невѣсту въ предметъ сладострастныхъ своихъ желаній; обманомъ привели дочь его къ принцу, и не хотѣли отдать отцу подъ предлогомъ, будто бы надлежало ее допросить въ судѣ, не знаетъ ли она убійцы жениха своего. Сей вымыселъ, достойный ада и камергера Маринелли — вымыселъ, который былъ еще злобнѣе вымысла римскаго децемвира — долженъ былъ привести въ бѣшенство пламеннаго Одоардо. Въ первомъ движеніи праведнаго гнѣва своего, хотѣлъ было онъ заколоть и сладострастнаго принца и злобнаго помощника его; но мысль: мнѣ ли убивать, какъ бандиты убиваютъ? остановила его руку. Надлежало на что нибудь рѣшиться, и на что нибудь великое, достойное такого мужа, каковымъ представленъ намъ Одоардо. Не ужели онъ такъ покорится обстоятельствамъ, такъ вдругъ унизится въ чувствахъ, чтобы отдать Эмилию въ наложницы принцу—тотъ, кто почиталъ себя выше всѣхъ обстоятельствъ, кто страхъ почиталъ за низость? Одоарду быть отцемъ обезчещенной женщины! Одоарду снести, чтобы на него указывали пальцами, и говорили съ злобною усмѣшкою: «Вотъ тотъ кто никогда не хотѣлъ унижаться предъ нашимъ принцомъ, кто почиталъ себя выше всѣхъ обидъ со стороны его, но кто съ низкимъ поклономъ отдалъ ему дочь свою, и принесъ покорнѣйшую благодарность за то, что ему, или его помощнику, угодно было отправить на тотъ свѣтъ жениха нѣжной Эмили!» Какія же средства оставались ему спасти ее? къ законамъ ли прибѣгнуть, тамъ гдѣ законы говорили устами того, на кого бы ему просить надлежало? Увезти ли ее силою оттуда, гдѣ гвардія хранила входъ и выходъ? Обратимъ теперь глаза на Одоарда.»

«Онъ утихаеть и задумывается. Наконецъ, какъ отъ сна пробудившись, говоритъ: «Хорошо! Дайте мнѣ только видѣться, одинъ разъ видѣться съ моею дочерью! Тутъ, будучи оставленъ самому себѣ, борется онъ съ ужасною для него мыслию: Если она сама съ нимъ согласилась! Если она не достойна того, что я для нее сдѣлать хочу? И такъ онъ уже рѣшился; но на что, зритель еще не знаетъ. — «Что же хочу я для нее сдѣлать? продолжаетъ Одоардо. Осмѣ-

люсь ли сказать самому себѣ? Ужасная мысль.» — Здѣсь зритель готовъ къ чему-нибудь страшному. — «Нѣтъ, нѣтъ! не буду ее дожидаться! (Смотря на небо) Кто безвинно свергнулъ ее въ эту бездну, пусть тотъ и спасаетъ ее! На что ему рука моя?» — *«Вотъ черта, говоритъ Карамзинъ, которая показываетъ, сколь хорошо знаетъ авторъ сердце человѣческое! Когда человѣкъ въ крайности рѣшится на что-нибудь ужасное, рѣшеніе его, пока еще не приступилъ онъ къ исполненію, бываетъ всегда, такъ сказать, не полное. Все еще ищетъ онъ кратчайшихъ средствъ—не находитъ, но все ищетъ, какъ будто бы не вѣря глазамъ или разуму своему. Обратимся къ Одоарду. Въ самую ту минуту, какъ онъ воображаетъ себѣ весь ужасъ своего намѣренія и содрогается, предстаетъ душѣ его мысль о Провидѣніи, которому онъ вѣрилъ въ жизни своей. «Какъ! не ужели оно попуститъ торжествовать пороку? Не ужели оно не спасетъ невинности? Почему знать, какими средствами?» Съ сею мыслию хочетъ онъ идти: но тутъ является Эмилиа. Поздно! восклицаетъ онъ — и мысль, что Провидѣніе посылаетъ къ нему дочь его, съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ судьбу ея, какъ молнія проникаетъ его душу. Такія скорыя перемѣны въ намѣреніяхъ мечущейся души весьма естественны. Она бываетъ внимательна къ самому вѣтерку, и слушаетъ, не шепчетъ ли какой гласъ съ неба. Эмилиа представляется глазамъ его въ самое то время, какъ онъ хочетъ отъ нее удалиться — это значило для него: не удаляйся».*

«Теперь остается ему только увѣриться въ добродѣтели своей Эмилии—и увѣряется—и находитъ въ дочери своей героиню, которая языкомъ Катона говоритъ о свободѣ души. — «Гдѣ тотъ человѣкъ, восклицаетъ она, который другаго человѣка къ чему нибудь приневолить можетъ? Я боюсь не принужденія, а соблазна; я женщина». Тутъ въ душѣ Одоардовой должны были возбудиться всѣ прежнія ужасныя для него мысли о дочери обезчещенной. Тутъ Эмилиа требуетъ кинжала, почитая въ фанатизмъ своемъ такое самоубійство за дѣло святое». — «Для избѣжанія соблазна, говоритъ она, тысячи бросались въ воду и становились святыми». Одоардо, желая увѣриться въ ея рѣшимости, даетъ ей кинжалъ: она хочетъ заколоться, но онъ вырываетъ его говоря: — «Это не для твоей руки». При сихъ словахъ онъ долженъ былъ думать: — «У тебя есть отецъ; такъ или иначе, но ему надлежитъ спасти тебя.» Эмилиа, срывая у себя съ го-

ловы розу, хочеть его еще болѣе тронуть. — «Ты не должна украшать волосы такой женщины, какою отецъ мой хочеть меня видѣть!» Одоардо только отвѣчаетъ повтореніемъ ея имени — произносилъ ли онъ его когда нибудь въ жизни своей такимъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ! Душа его обнаружилась предъ проникательною Эмилиею». О! если угадываю ваши мысли! говоритъ она, пристально смотря ему въ глаза. Но нѣтъ, вы и этого не хотите. Для чего же бы медлить? (*Печальнымъ голосомъ, разрывая розу*). Нѣкогда былъ такой отецъ, который, избавляя дочь свою отъ стыда, пронзилъ кинжаломъ грудь ея, и — вторично даровалъ ей жизнь! Нѣтъ уже такихъ отцовъ!» Мнѣ кажется, что я въ сію минуту вижу всю душу Одоардову. «И такъ дочь моя думаетъ сама, что я могу умертвить ее—что я не имѣю иного способа избавить ее отъ безчестія, и потому долженъ умертвить ее? И такъ былъ примѣръ дочеубійства? Былъ дочеубійца, которому удивляется потомство? Кажется, что я уже слышу тирана, идущаго похитить у меня дочь мою. Нѣтъ, нѣтъ! онъ не похитить—не обезчестить ее! Есть еще другой Виргиній въ свѣтъ, дочь моя, есть! —И хладное жельзо пронзаеть Эмилину грудь, и Эмилія издыхаетъ въ объятіяхъ убійцы, отца своего, и зритель чувствуетъ, что Одоардо могъ заколоть Эмилію, какъ Виргиній закололъ Виргинію, и Эмилія Галотти пребудеть вѣнцемъ Лессинговыхъ драматическихъ твореній.»

«И сколь естественно было Одоарду заколоть дочь свою, столь же естественно было ему и раскаяться въ первый мигъ по совершеніи дѣла, и, видя падающую Эмилію, воскликнуть: «Боже! что я сдѣлалъ!» Онъ почувствовалъ себя отцемъ, убившимъ дочь свою. — Все, что несчастный говоритъ потомъ принцу, раздираетъ душу чувствительнаго зрителя. Онъ не хочеть убить себя. — «Вотъ окровавленный знакъ моего преступленія! говоритъ онъ, бросая кинжалъ: я самъ пойду въ темницу». Гордость замерла въ сердцѣ его; чувство *своего дѣла* заглушаеть въ немъ всѣ инія чувства».

Разсказавъ содержаніе пьесы, Карамзинъ дѣлаетъ замѣчанія о характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Замѣчанія его хотя и кратки, но довольно интересны.

«Что принадлежитъ до характеровъ, говоритъ онъ, то не знаю, въ какомъ наиболѣе удивляться искусству автора. Гордый, благородный Одоардо; чувствительная, пылкая Эмилія; сладострастный, слабый, но притомъ добродуш-

мый принцъ, могущій согласиться на великое злодѣяніе, когда то способствуетъ удовлетворенію его страсти, но всегда достойный нашего сожалѣнія; Маринелли, злодѣй по воспитанію и привычкѣ; Орсина, отъ ревности съ ума сошедшая, но умная въ самомъ своемъ сумасшествіи; Клавдія слабая женщина; но нѣжная мать; графъ Аппіани, котораго зритель любитъ еще прежде нежели онъ на сцену выходитъ, и который обнаруживаетъ въ себѣ столько чувствительности и любви въ разговорѣ съ Эмилиєю, и столько благородства въ ссорѣ съ Маринелли; совѣтникъ Камилло Рота, который сказавъ только нѣсколько словъ, заставляетъ насъ почитать въ себѣ мужа рѣдкой добродѣтели; ученый живописецъ съ своею пластическою натурою и съ Рафаэлемъ безъ рукъ; честный разбойникъ и убійца, и наконецъ всякій слуга, который выходитъ на сцену — все, все показываетъ, что авторъ наблюдалъ человѣчество не два дни, и наблюдалъ такъ, какъ не многіе наблюдать способны; что натура дала ему живое чувство истины, которое и автора и человѣка дѣлаетъ великимъ». За тѣмъ, Карамзинъ дѣлаетъ замѣчанія объ игрѣ каждаго актера, говоритъ понялъ ли онъ свою роль, какъ выполнилъ ее, и т. д.; но болѣе всего восхищается игрою Померанцова и называетъ его вторымъ Гаррикомъ.

Трудно вѣрить, что эти разборы писаны авторомъ «Бѣдной Лизы» и «Наташи боярской дѣчери». Если бы Карамзинъ не оставилъ по себѣ ни чего кромѣ своихъ театральнхъ статей, то ихъ однихъ уже довольно для доказательства его литературнаго таланта.

Разбирая комедію «Оптимистъ»*, Карамзинъ между прочимъ замѣчаетъ: «Драма должна быть вѣрнымъ представленіемъ *общезитія* (по нашему общества); надобно, чтобы въ ней люди не только поступали, но и назывались такъ же, какъ они въ *общезитіи* называются; но называются ли у насъ мужчины *Зланетами*, *Буремыслами*, *Милоумами* а женщины *Изаьдами*, *Премилами* и проч.? Одно такое имя напоминаетъ зрителю, что онъ въ театрѣ, и что все видѣнное имъ есть небылица; а надобно, чтобы онъ забывался. Сперва, можетъ быть, иному смѣшно бы показалось, когда бы театральные герои стали другъ друга называть по именамъ и по отчествамъ; но наконецъ мы бы къ этому привыкли».

* М. Ж. Кн. 2.

Въ этомъ отрывкѣ разбора уже обнаруживается первое предчувствіе народной драмы, предчувствіе юнаго таланта, которому не суждено было уяснить его.

Благодѣтельный и совершенно неожиданный случай навелъ насъ на исходный пунктъ знаменитой исторіи судьбы *сею* и *онаго*, которые потерпѣли такое страшное пораженіе въ послѣднее время. Уже Карамзинъ чувствовалъ отвращеніе къ этимъ двумъ близнецамъ, и высказалъ его въ разборѣ комедіи «Графъ Ольсбахъ». «Переводъ достоинъ похвалы, замѣчаетъ Карамзинъ, только жаль, что г. переводчикъ упогребляетъ *сей* и *оний*, что на театрѣ бываетъ всегда противно слуху. Употребляемъ ли мы *си* слова въ разговорахъ? Если нѣтъ, то и въ комедіи, которая есть представленіе общезнѣтнѣ, употреблять ихъ не должно. Чѣмъ слогъ театральной пьесы простѣе, тѣмъ лучше *». И критикъ былъ правъ, вооружившись противъ *сею* и *онаго*; жаль только, что онъ ратовалъ одинъ, что его не поняли, и что не сочувствовали его благородному вкусу, до самаго новѣйшаго времени, когда, наконецъ, *сей* и *оний* окончательно изгнаны, со стыдомъ и срамомъ, изъ общественнаго литературнаго языка, имѣющаго хотя сколько нибудь притязанія на грамотность.

Въ разборѣ трагедіи «Сидъ» Карамзинъ опять высказываетъ свое мнѣніе о драматическомъ искусствѣ. — Излагая содержаніе каждой пьесы и приключенія дѣйствующихъ лицъ, онъ замѣчаетъ, «что есть приключенія, которыя хороши для историка, а не для драматическаго поэта. Историкъ долженъ описывать все, какъ было, не думая о впечатлѣніи, которое сдѣлаетъ въ читателѣ описываемое имъ происшествіе; но драматическій поэтъ долженъ имѣть въ виду извѣстное дѣйствіе, т. е. онъ долженъ производить въ зрителѣ или радость, или горестъ. Иногда, въ теченіи драмы, можетъ онъ манить его радостными видами, для того, чтобы наконецъ заставить его тѣмъ сильнѣе чувствовать горестъ....»

«Иногда поэтъ представляетъ героевъ своихъ на краю гибели, т. е. производить въ насъ печальныя чувства для того, чтобы послѣ, спасши ихъ, заставить насъ тѣмъ больше радоваться. Такъ напр. въ Расиновой Ифигеніи до послѣдней сцены все печально; но наконецъ Ифигенія спасена, и зритель вдругъ развеселяется въ душѣ своей. Коротко

* М. Ж. Изд. 2-е. Ч. 1. Стр. 361.

сказать, развязка драмы непременно должна быть или печальна или радостна для зрителя и оставлять въ немъ чистыя не смѣшанныя чувства». — Далѣе Карамзинъ говоритъ объ ужасѣ въ трагедіи. «Сей ужасъ, сію жалость, которые д'Аламбертъ весьма справедливо называетъ душею трагедіи, найдемъ мы въ Шекспирѣ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ драматическихъ сочиненіяхъ. Шекспировы произведенія уподобляю я произведеніямъ природы, которыя прельщаютъ насъ въ самой своей нерегулярности, которыя съ неописанною силою дѣйствуютъ на душу, и оставляютъ въ ней неизгладимое впечатлѣніе».

Переводя лучшія иностранныя критики театральныхъ пьесъ, Карамзинъ учился, какъ надобно смотрѣть на драму, и, подкрѣпляемый правилами Блера, первый у насъ сталъ обрабатывать эту отрасль литературы. Въ разборахъ Карамзина, сквозь вліяніе иностранныхъ началъ, проблескиваютъ и его собственныя понятія. Не споримъ, что критическіе разборы Карамзина иногда поверхностны, но это былъ общій недостатокъ всѣхъ литераторовъ XVIII столѣтія, и мы не станемъ упрекать Карамзина въ томъ, что онъ смотрѣлъ на искусство глазами своего времени.

Подобно театральной критикѣ, и библиографія въ первый разъ явилась въ русской литературѣ въ «Московскомъ Журналѣ» Карамзина; мы говоримъ, въ первый разъ, потому-что всѣ статьи по этому предмету, помѣщенные въ Миллеровыхъ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» не заслуживаютъ названія библиографіи.

Почти въ каждой книжкѣ Московскаго Журнала редакторъ помѣщалъ рецензіи новыхъ русскихъ, и переводныя разборы замѣчательныхъ иностранныхъ книгъ. Карамзинъ выступилъ на поприще критики разборомъ «Кадма и Гармонія».

«Почтенный авторъ, пишетъ онъ, въ предисловіи своемъ говоритъ, что его Кадмъ есть не поэма, а простая повѣсть; но когда повѣсть есть не исторія, а вымыселъ, то она, кажется, есть поэма—эпическая или нѣтъ, но все поэма—стихами или прозою писанная, но все поэма. Такимъ образомъ комедія, романъ, есть поэма.» Потомъ, изложивъ содержаніе книги, онъ замѣчаетъ: «Въ семъ сочиненіи найдете читатель, кромѣ разсужденій, прекрасныя піитическія описанія,

любопытныя завязки, интересныя положенія, чувства возвышенныя; слогъ же всегда пріятенъ и высокопаренъ безъ надутости». И въ подкрѣпленіе своихъ словъ выписываетъ нѣкоторыя мѣста изъ самаго сочиненія.

До-сихъ-поръ замѣчанія Карамзина могли быть отголоскомъ Блера. Посмотримъ, какъ подчиняется онъ авторитету такъ называемыхъ русскихъ писателей, почитавшихся въ его время классическими.

Намъ не понятно, какъ человѣкъ, постигавшій вполнѣ въ чемъ состоитъ достоинство произведеній изящной словесности, могъ считать красотою такія мѣста «Кадма и Гармоніи», которыя, кромѣ напыщенности, не представляютъ ничего замѣчательнаго вѣрному вкусу. Карамзинъ приводитъ эти мѣста, восхищается ими и наконецъ восклицаетъ: «Прекрасная картина! истинная поэзія!», между тѣмъ, какъ эти выписки не лучше самой посредственной прозы.

Такой благоприятный для автора отзывъ объясняется развѣ только тѣмъ, что содержаніе «Кадма и Гармоніи» взято изъ древняго греческаго міра, такъ пріятно, обаятельно дѣйствовавшаго на воображеніе Карамзина. Встрѣтивъ въ разбираемой повѣсти нѣсколько древнихъ именъ, онъ перенесся мыслью въ поэтическую Элладу, забылся, и не давъ себѣ отчета въ своемъ увлеченіи, съ благодарностью приписалъ причину увлеченія дѣйствию велерѣчивыхъ страницъ «Кадма». «Какія сильныя черты! восклицаетъ снисходительный критикъ: — Я вижу предъ собою угрюмыхъ Медіамлянъ и дикихъ, свирѣпыхъ Мамелюковъ—вижу, зажимаю глаза и хвалю описателя», и оканчиваетъ разборъ словами: «Довольно. Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что Кадмъ есть твореніе, достойное всего вниманія читателей».

Надобно замѣтить, что критикъ чувствовалъ всѣ несовершенства и недостатки такъ — называемыхъ нашихъ классиковъ; но какъ было ему возставать на нихъ? Онъ понималъ, что вооружиться противъ этихъ кумировъ тогдашней литературы значило-бы уронить себя въ общемъ мнѣніи и испортить все дѣло при самомъ началѣ. Кромѣ того, при всемъ своемъ душевномъ отрѣшеніи отъ стараго, Карамзинъ по привычкѣ уважалъ предметы, къ которымъ почтеніе было внушено ему съ самаго дѣтства. Въ высокопарныхъ фразахъ, славянскихъ словахъ и формахъ рѣчи, онъ видѣлъ величіе, краснорѣчіе; однако жъ, когда подобная роскошь выходила изъ предѣловъ, Карамзинъ явно, но чрез-

вытайно осторожно вооружался противъ ложнаго направленія корифеевъ тогдашней литературы. Такъ напримѣръ и въ настоящемъ случаѣ, не желая возставать противъ Хераскова, писателя-ветерана, пользовавшагося уваженіемъ публики и любившаго Карамзина, критикъ сначала хвалитъ его и приводитъ мнимыя красоты для того только, чтобы въ послѣдствіи имѣть полное право дѣлать ему упреки. При всемъ томъ упреки эти весьма осторожны. «Но говорить, пишетъ Карамзинъ, что нѣтъ сочиненія во всемъ совершеннаго. Если такъ, то и въ Кадмѣ должны быть несовершенства, или ошибки, или неисправности. Рецензентъ, читая Кадму, при многихъ мѣстахъ, думалъ: *это слишкомъ отзывается новизною; это противно духу тѣхъ временъ, изъ которыхъ взята басня.* Однако жъ, вообразивъ себѣ всю трудность писать нынѣ такъ, какъ писывали древніе, согласился онъ не считать сихъ знаменъ новизны за несовершенство сочиненія, пишущаго цѣль моральную». Послѣ этого Карамзинъ нападаетъ на выраженія и слова. «Выраженіе, *начертывать мостовыя*, останавливаетъ читателя. Найдешь еще вѣскольکو словъ, къ которымъ наше ухо не привыкло; напр. *умоклоченія*, вмѣсто мыслей и разсужденій, *понуриность*, вмѣсто ската или свѣса, и нѣкоторыя слова во множественномъ, которыхъ мы обыкновенно употребляемъ только въ единственномъ, какъ-то: *поведенія, роскоши*, и проч. Но не будемъ искать бездѣльныхъ ошибокъ, если это и подлинно ошибки, въ такомъ сочиненіи, которое наполнено красотами разнаго рода....»

«Кадмъ, оканчиваетъ Карамзинъ, будетъ жить съ Россією и Владиміромъ». И критикъ не ошибся: всѣ эти три произведенія не пережили другъ друга, и давно уже забыты.

Такова первая рецензія Карамзина, конечно, очень поверхностная, но развѣ мы въ правѣ требовать отъ Карамзина, чтобы онъ смотрѣлъ на литературныя произведенія съ той точки зрѣнія, до которой дошла новѣйшая критика путемъ долголѣтняго опыта.

Во всѣхъ своихъ рецензіяхъ, Карамзинъ вооружался, въ особенности, противъ тогдашняго книжнаго языка, иногда прямо, иногда же намеками и весьма осторожно, смотря по тому, кто былъ авторъ или переводчикъ разбираемой книги; говоримъ переводчикъ, потому-что, въ теченіе двухъ лѣтъ,

Карамзину не пришлось разобрать ни одного оригинального русскаго сочиненія.

Вотъ слова Карамзина о переводѣ «Генріады». Генріада, пишетъ онъ, есть одна изъ тѣхъ поэмъ, которыхъ главное достоинство состоитъ не въ великихъ новыхъ мысляхъ, — не въ живыхъ, съ самой натуры взятыхъ образахъ, — но въ красотѣ стиховъ. Тѣмъ труднѣе переводить ее. Здѣсь надобно не только выразить мысли поэта, но и выразить ихъ съ такою же точностію, и съ такою же чистотою, и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія встрѣтятся переводчику! Кромѣ нѣкоторой негибкости нашего языка, мѣра и рима составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Русскаго, преодолѣть могъ. Однимъ словомъ, легче (по моему мнѣнію) сочинить на русскомъ языкѣ эпическую поэму въ двадцать пѣсней, нежели перевести хорошо десять пѣсней Генріады». Карамзинъ судилъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно вѣрно.

Вообще, помѣщая въ своемъ журналѣ разборы выходившихъ вновь русскихъ и иностранныхъ книгъ, Карамзинъ знакомилъ своихъ читателей не только съ ихъ собственною, но и съ иностранными литературами, о которыхъ до него Русскіе не имѣли основательныхъ понятій. Переводя изъ иностранныхъ журналовъ рецензіи лучшихъ иностранныхъ сочиненій, писанныя европейскими литераторами, онъ самъ учился смотрѣть на вещи и не всегда полагался на вкусъ Блера, бывшаго прежде его оракуломъ.

Такимъ образомъ иностранная литература, въ лицѣ Блера, имѣла вліяніе на Карамзина, представителя нашей возрождавшейся литературы. Русскіе учились, изъ «Московскаго Журнала» какъ оцѣнять литературныя произведенія, находить въ нихъ достоинства и недостатки, хвалить и осуждать.

Московскій Журналъ, издаваемый Карамзинымъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1791 и 1792 г.), положилъ начало новѣйшей русской литературѣ, распространяя полезныя свѣденія, ратуя за чистоту роднаго слова, и представляя самъ собою образецъ чистаго и легкаго русскаго языка, не извѣстнаго до-тѣхъ-поръ на Руси. Посредствомъ своего журнала, Карамзинъ вводилъ въ наше общество образованный вкусъ, и

сзоимъ пріятнымъ слогомъ .пріохотилъ къ чтенію даже прекраснѣйшій полъ. Всѣ съ удовольствіемъ читали прозу Карамзина, а молодые писатели—съ восторгомъ; только приверженцы старины — съ досадою. Если сравнимъ Московскій Журналъ со всѣми періодическими изданіями, выходившими въ первой четверти XVIII ст., то, по справедливости, должны будемъ отдать преимущество первому.—Прочіе русскіе журналы, издававшіеся въ одно время съ «Московскимъ Журналомъ» были: 1) «Магазинъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ модъ», съ картинками: издавался въ Москвѣ (1791) и выходилъ одинъ годъ. 2) «Зритель», подражаніе «Живописцу», Новикова, издавался И. А. Крыловымъ въ Спб. (1792). 3) «Россійскій Магазинъ», издаваемый В. Туманскимъ въ Спб. — Весьма неудачное подражаніе Миллеру. 4) «Дѣло отъ бездѣлья, или пріятная забава, раждающая улыбку на челѣ угрюмыхъ», изданіе типографшика Рѣшетникова, гдѣ помѣщались труды университетскихъ студентовъ (въ Москвѣ). 5) «Еженедѣльникъ или собраніе разныхъ философическихъ, историческихъ, физическихъ и правоучительныхъ разсужденій». Изданіе, пачатое въ Москвѣ, не продолжавшееся и году.

Всѣ эти періодическія изданія какъ по языку, такъ по вкусу и выбору статей и проч. ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы съ «Московскимъ Журналомъ» Карамзина.

Другъ Карамзина Петровъ жилъ въ то время въ С. Петербургѣ, и получалъ Московскій Журналъ. Вотъ письмо его, въ которомъ есть кое-что о нѣкоторыхъ статьяхъ этого журнала.

«Благодарю тебя, любезный другъ, за письмо твое отъ 2-го Іюля, и за присылку послѣдняго мѣсяца журнала. Я получилъ и письмо и книжку почти въ одно время.

«И такъ Іоганнъ Іакобъ Ленцъ отошелъ уже въ землю отцевъ нашихъ. Миръ праху его на кладбищѣ, а душѣ его въ странахъ высшихъ! Мутенъ здѣсь былъ потокъ его жизни, но добрался наконецъ до общей цѣли всего текущаго.

«А мы, оставшіеся здѣсь съ наслѣдіемъ покойнаго, съ исторіею торговли, примемся каждый за свой томъ, будемъ читать, твердить, дѣлать выписки, пока и мы не отправимся туда, гдѣ русскіе купцы не торгуютъ, и гдѣ указы, касающіеся до коммерціи, не нужны.

«Ты намѣренъ ѣхать въ деревню, и, какъ я надѣюсь, те—

перь живешь уже въ деревнѣ. Удѣли и мнѣ частицу своего блаженства; увѣдомь, во всемъ ли тебѣ тамъ живетъ, какъ ты думалъ.

«Бѣдная Лиза твоя, для меня прекрасна, а какъ нравится другимъ, ни отъ кого не удалось еще слышать.—Сказываютъ, N. N. превесьма доволенъ твоими примѣчаніями на его стихи. Кстати! не можешь ли ты увѣдомить меня, въ какихъ нынѣ обстоятельствахъ сочинитель «Гимна ходящему на крыльяхъ», напечатаннаго у тебя въ Іюнѣ? Мнѣ очень хочется знать о его участи.—Письма, твое къ Боннету, и Боннетово къ тебѣ, я почитаю за предъявленія объ изданіи русскаго перевода «Созерцанія Природы». Скоро ли намѣренъ ты сдѣлать это доброе и общепольное дѣло?

«Людоръ твой не похожъ на другихъ романическихъ героевъ; по крайней мѣрѣ безсонницею не страждетъ, кинувшись на постелю. Онъ спитъ сномъ болѣе нежели богатырскимъ. Не пора ли разбудить его? Также не сыщется ль у тебя какого-нибудь добродушнаго помощника для перевода послѣдней Мармонтелевой сказочки, когда самъ ты по сію пору перевести ее не можешь?

«Коцебу скоро будетъ въ Петербургъ: онъ переводитъ сочиненія Гаврила Ром. *; но кто будетъ жить у Гавр. Ром. въ домѣ? этого я не слыхалъ; напротивъ того, я слышалъ, что П.-А.-З. беретъ его къ себѣ въ секретари.—Онъ сочинилъ книгу: «О преимуществахъ дворянства», о которой не могу еще сказать болѣе ничего, какъ только то, что она напечатана прекрасно, съ фронтисписомъ и виньетами.

«Надпись: Покойся милый прахъ, до радостнаго утра! нравится мнѣ, какъ въ сравненіи съ прочими, такъ и сама по себѣ. Я поцѣловалъ бы за нее сочинителя, хотя весьма не весьма охотникъ цѣловаться. Она проста, нѣжна, коротка и учтива къ прохожему, потому-что не допускаетъ его до труда—думать, чтобы сказать, узнавши, кто погребенъ подъ монументомъ. И. И. Д.—ву нравится она также больше прочихъ. Однако жъ, мнѣ кажется, критическаго мнѣнія даромъ сказывать не можно: и потому ты необходимо долженъ сообщить намъ подробное и обстоятельное описаніе монумента, къ которому она сдѣлана.

«Я сплю безъ просыпу, и во снѣ снится мнѣ, будто играю ролю челоуѣка что-то дѣлающаго; а зрители, смотря на меня

* Де-Жавьеръ.

зѣваютъ. Можетъ быть, это покажется тебѣ вздоромъ; но справедливыѣ ничего сказать не могу».

Однако жъ срочная работа наскутила Карамзину, тѣмъ болѣе, что онъ издавалъ свой журналъ почти безъ сотрудниковъ. На второмъ году онъ рѣшился прекратить это изданіе, такъ лестно принятое публикою. Вотъ собственные слова Карамзина о причинѣ прекращенія «Московского Журнала». — «Сею книжкою, говорить онъ въ послѣднемъ номерѣ втораго года, Московскій Журналъ заключается Теперь обязательство мое кончилось — я свободенъ. Но сія свобода не будетъ и не должна быть праздностію. Въ тишинѣ уединенія я стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны, какъ новыя; буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ я думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей» *.

«Между тѣмъ у меня будутъ свободные часы, чаеы отдохновенія; можетъ быть вздумается мнѣ написать какую-нибудь бездѣлку; можетъ быть пріятели мои также что-нибудь напишутъ; сіи отрывки или цѣлыя піесы намѣренъ я издавать въ маленькихъ тетрадкахъ, подъ именемъ напри- мѣръ *Аглаи*, одной изъ любезныхъ Грацій. Ни времени, ни числа листовъ не назначаю; не вхожу въ обязательство и не хочу подписки; выдетъ книжка, публикуется въ газетахъ, и кому угодно, тотъ купитъ ее».

«Такимъ образомъ *Аглая* заступитъ мѣсто Московскаго Журнала. Впрочемъ она должна отличаться отъ сего послѣдняго строжайшимъ выборомъ піесъ и вообще чистѣйшимъ, т. е. болѣе *выработаннымъ* слогомъ; ибо я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ».

Карамзинъ надѣялся издать первую книжку *Аглаи* въ началѣ слѣдующаго года (1793) и сверхъ того объявилъ, что *Письма Русскаго Путешественника*, исправленные въ слогъ будутъ изданы отдѣльно, въ двухъ частяхъ; изъ которыхъ первая будетъ оканчиваться отъѣздомъ изъ Женевы, а вторая возвращеніемъ въ Россію.

* Значитъ Карамзинъ и тогда уже помышлялъ о важномъ предпріятіи, не желая оставаться только подражателемъ иностранныхъ писателей и дробить свои способности на мелкія журнальныя статьи.

«Драма кончилась, и занавѣсъ опускается» говорить онъ въ концѣ своего *заключенія*.

Лучшимъ доказательствомъ достоинства Московскаго Журнала можетъ служить слѣдующее: въ 1794 г. Карамзинъ извлекъ изъ него всѣ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ и издалъ отдѣльно въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*, которыя были перепечатаны и въ другой разъ (въ 1797 г.). * Мармонтелевы повѣсти, помѣщенные въ Московскомъ Журналѣ, были также изданы отдѣльно съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ повѣстей того же писателя (напеч. въ 2-хъ частяхъ) подъ заглавіемъ: *Мармонтелевы новыя повѣсти*. ** Не смотря на то, что даже и *Блудная Лиза* была издана отдѣльно въ 1797 г., и что «Письма Русскаго Путешественника» напечатаны два раза ***, Московскій Журналъ былъ весь перепечатанъ съ 1801—1803 г. въ Москвѣ.

Вотъ очеркъ двухъ-лѣтней дѣятельности Карамзина. Редакторъ никогда не воображалъ, что издаваемый имъ журналъ по мѣрѣ своего появленія въ свѣтъ поспѣшно и быстро содѣйствовалъ къ совершенной реформѣ русскаго слова. Преобразование это совершилось почти не замѣтно, безъ насилія — не замѣтно, ни для самаго преобразователя ни для его читателей. — Такая перемѣна тѣмъ существеннѣе, что проникла прямо въ душу русскаго общества, слилась съ нею, и останется въ русскомъ челоуѣкъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ говорить тою звучною и благородною рѣчью, которою первый заговорилъ въ нашемъ отечествѣ Карамзинъ — двадцати-шести-лѣтній юноша!

ГЛАВА VI.

Хотя Карамзинъ и обѣщалъ выдать первую книжку «Аглаи» въ началѣ слѣдующаго (1793) года, но какъ почти вся она состоитъ изъ статей самого издателя, то и вышла въ свѣтъ не прежде 1794 года. Можно предполагать, что въ теченіе всего 1793 года Карамзинъ приготовлялъ матеріалы для «Аглаи».

* Эти «Бездѣлки» подали поводъ къ другимъ бездѣлкамъ подъ заглавіемъ: «И мои бездѣлки.» Дмитриева (1795).

** Часть первая въ 1794 г., а вторая въ 1798 г.

*** Первый разъ въ 1797 г. съ продолженіемъ ихъ до возвращенія въ Россію, въ 5-ти частяхъ. Второй разъ въ 1801 году, въ 6-ти частяхъ.

Онъ объявилъ, что «Аглая» будетъ продолженіемъ Московскаго Журнала; но, по нашему мнѣнію, она ничто иное, какъ альманахъ или литературный сборникъ, составленный безъ всякаго плана.

Въ «Аглаѣ» напечатаны стихотворенія и литературныя статьи, между прочимъ, продолженіе «Писемъ Русскаго Путешественника», помѣщенное въ обѣихъ книжкахъ. Въ первой книжкѣ «Аглаи» двѣ статьи—«Островъ Борнгольмъ», отрывокъ изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ Карамзинымъ во время плаванія изъ Лондона въ Кронштадтъ, и «Прїѣздъ его въ Лондонъ». Во второй — отрывокъ изъ «Писемъ Русскаго Путешественника» о первомъ времени его пребыванія въ Парижѣ. Всѣ стихотворенія, обѣихъ частей Аглаи (кромѣ двухъ, трехъ) принадлежатъ исключительно Карамзину. Впрочемъ это — опыты не представляющіе ничего особенно замѣчательнаго. Лучшимъ изъ его стихотвореній мы считаемъ «Посланіе къ Дмитріеву». Вотъ оно:

ПОСЛАНИЕ КЪ Д***

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО СТВХП, ВЪ КОТОРЫХЪ ОНЪ ЖАЛУЕТСЯ НА СКОРОТЕЧНОСТЬ СЧАСТЛИВОЙ МОЛОДОСТИ.

Конечно такъ—ты правъ, мой другъ!
 Цвѣтъ счастья скоро увядаетъ,
 И юность наша есть тотъ лугъ,
 Гдѣ сей красавецъ разцвѣтаетъ.
 Тогда въ эфиръ мы живемъ,
 И нектаръ сладостный пьемъ
 Изъ полной олимпійской чаши.
 Но жизни алая весна
 Есть мигъ—увы! пройдетъ она,
 И съ нею мысли, чувства наши
 Липатся свѣжести своей.
 Что прежде душу веселило,
 Къ себѣ съ улыбкою манило,
 Не мило, скучно будетъ ей.
 Надежды и мечты златыя
 Какъ птички быстро улетятъ,
 И тѣни хладныя, густыя
 Надъ нами солнце затемнятъ.
 Тогда подобно Иксиону,
 Не милую свою Юнону,
 Но дымъ увидимъ предъ собой!
 И я, о другъ мой! наслаждался
 Своею красною весной;
 И я мечтами обольщался
 Любилъ съ горячностью людей,
 Какъ вѣжныхъ братій и друзей;

Жалалъ добра нмъ всей душою;
 Готовъ былъ кровію моею
 Пожертвовать для счастья ихъ,
 И въ самыхъ горестяхъ своихъ
 Надеждой сладкой веселился
 Не бесполезно жить для нихъ—
 Мой духъ сей мыслию гордился!
 Источникъ радостей и благъ
 Отрыть въ чудствительныхъ душахъ;
 Пльнить ихъ истинной святою,
 Ея нетлѣвной красотою;
 Орудіемъ небеснымъ быть,
 И въ памяти потомства жить,
 Казалось мнѣ всего славнѣе,
 Всего прекраснѣе, мнѣе!
 Я жребій свой благословлялъ,
 Любуясь предестью награды—
 И тихій свѣтъ моей лампы
 Съ звѣздою утра угасалъ.
 Златое, дневное свѣтило
 Примѣромъ, образцомъ мнѣ было....
 Почто, почто, мой другъ не вѣкъ
 Обманомъ счастливъ человекъ!

Но время, опытъ, разрушаютъ
 Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
 Красы волшебства исчезаютъ....
 Теперь иной я вижу свѣтъ,—
 И вижу ясно, что съ Платономъ
 Республикъ намъ не учредить,—
 Съ Пинтакомъ, Фалесомъ, Зенономъ
 Сердце жестокихъ не смягчить.
 Ахъ! ало подъ солнцемъ безконечно,
 И люди будутъ—люди вѣчно.
 Когда несчастныхъ Данаидъ
 Сосудъ наполнится водою,
 Тогда, чудесною судьбою,
 Нашъ шаръ приметъ лучшій видъ;
 Сатурнъ на землю возвратится,
 И тигра съ агнцемъ помирить;
 Богатый съ бѣднымъ подружится,
 И вѣгу презреть сибарить.
 До толъ истина опасна,
 Однимъ скучна, другимъ ужасна;
 Никто не хочетъ ей внимать —
 И часто ядъ тому награда,
 Кто гласомъ мудраго Сократа
 Дерзаетъ буйству угрожать.
 Гордецъ не любитъ наставленья.
 Глупецъ не терпитъ просвѣщенья—
 И такъ лампаду угасимъ,
 Желая доброй ночи нмъ!

Но что же намъ, о другъ любезный!
 Осталось дѣлать въ жизни сей,
 Когда не можемъ быть полезны,
 Не можемъ премѣнить людей?
 Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
 И мрачный свѣтъ предать на волю

Судьбы и рока: пусть они,
 Смиь міромъ права ископи,
 И впрелд творятъ что имъ угодно!
 А мы любя дышать свободно
 Себѣ построимъ тихій кровъ,
 За мрачной сѣнію лѣсовъ,
 Куда бы злые и невѣжды
 Войти дороги не нашли,
 И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
 Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
 Гнушаться издали порокомъ,
 И яснымъ терпѣливымъ окомъ
 Взирать на тучи, вихрь суеть,
 Отъ грома бури укрываясь,
 И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
 Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
 Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
 Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
 У насъ на лицахъ, на устахъ,
 И юный огонь погасъ въ глазахъ;
 Хотя красавицы престоли
 Меня любезнымъ называть—
 (Зефиръ съ нами отыграли!)
 Но мы не должны увѣять,
 Живя по общему закону.
 Отелло въ старости своей
 Пѣнилъ младую Деадемону,
 И вкрался тихо въ сердце къ ней
 Пріятнымъ аонидскимъ даромъ *.
 Онъ съ нѣжнымъ тротательнымъ жаромъ
 Въ картинахъ ей изображалъ,
 Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
 Какъ онъ за дальними морями,
 Не обозримыми степями,
 Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
 Среди лѣсовъ, густыхъ, дремучихъ,
 Несковъ горячихъ и сыпучихъ,
 Гдѣ люди не бывали вѣкъ,
 Безстрашно въ юности скитался,
 Со львами, тиграми сражался,
 Терпѣлъ палящій зной и хладъ,
 Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.
 Она внимала, удивлялась;
 Брала участіе во всемъ;
 Въ опасность вѣсть съ нимъ вдалась,
 И въ вѣжномъ пламени своемъ,
 Съ блестящею въ очахъ слезою,
 Сказала: *я люблю тебя!*
 И мы, любезный другъ, съ тобою
 Найдемъ подругу для себя,
 Подругу съ милою душою.
 Она пріятностью своею
 Упраситъ замять нашихъ дней
 Бесѣда опытныхъ людей,
 Ихъ басни, повѣсти и были
 (Нашъ лѣтъ сказкамъ научили!)

* Т. е. краспорѣчїемъ.

Ея вниманіе займутъ,
 Ея любовь приобрѣтутъ.
 Любовь и дружба—вотъ чѣмъ можно
 Себя подъ солнцемъ утѣшать.
 Искать блаженства намъ не должно,
 Но должно—менѣе страдать;
 И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
 Былъ другомъ нѣжнымъ, свято чтимымъ,
 Тотъ въ мирѣ семъ не даромъ жилъ,
 Не даромъ землю бременилъ.
 Пусть громы небо потрясаютъ,
 Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
 Безумцы хвалятъ разумъ свой!
 Мой другъ! не мы тому виной.
 Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
 И всѣмъ ума, добра желали;
 У насъ не черныя сердца!
 И такъ безъ трепета и страха
 Намъ можно ожидать конца
 И лечь во гробъ, жилище праха.
 Завѣса вѣчности страшна
 Убийцамъ, кровью обограннымъ,
 Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
 Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
 Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
 Златую Февову стрѣлу,
 И ангелъ мира освѣщаетъ
 Предъ нимъ густую смерти мглу.
 Тамъ—тамъ—за синимъ океаномъ,
 Вдали, въ мерцаніи багрянотъ,
 Онъ зреть.... Но мы еще не зримъ.

Стихотвореніе это, какъ поэтическое произведеніе, не представляетъ ничего характеристическаго, но оно потому для насъ важно, что заключаетъ въ себѣ всю философію Карамзина, и есть не подложное доказательство его разочарованія, и обманутыхъ надеждъ. Однимъ словомъ, оно показываетъ, что Карамзинъ наконецъ прозрѣлъ, и постигъ истинное значеніе свѣта. Мысли, заключающіяся въ этомъ посланіи, довольно обыкновенны, но не менѣе важны какъ психологическій матеріалъ.

Вообще на обѣ книжки «Аглая» надобно смотрѣть, какъ на матеріалъ для опредѣленія постепеннаго развитія литературнаго таланта Карамзина.

Въ первой книгѣ, въ статьѣ «Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона», онъ оплакиваетъ смерть своего нѣжнаго друга Петрова, съ которымъ онъ посѣщалъ московскій университетъ, вмѣстѣ росъ, думалъ, мечталъ, радовался и грустилъ. Карамзинъ имѣлъ истинныхъ друзей, потому-что умѣлъ ихъ цѣнить. Судя по панегирику, Петровъ былъ юноша съ твердымъ характеромъ, здравымъ умомъ и вѣрнымъ вкусомъ.

Все что писалъ Карамзинъ подвергалось прежде разсмотрѣнію Петрова, а потомъ уже пускалось въ свѣтъ. Самъ Петровъ писалъ очень мало, и то осталось для насъ неизвѣстнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ переводовъ, напечатанныхъ частью въ «Дѣтскомъ Читеніи», частью въ «Московскомъ Журналѣ». Такимъ образомъ Карамзинъ жилъ съ Петровымъ до самаго 1793 года, когда долженъ былъ съ нимъ разстаться; вскорѣ послѣ разлуки Петровъ заболѣлъ и умеръ. Потерявъ друга, Карамзинъ долго его оплакивалъ.

«Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей, пишетъ онъ о Петровѣ, мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатовѣ (такъ онъ называетъ Петрова) мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями челоуѣчества (!), котораго сердце образовано было нѣжною рукою музъ и грацій.... Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія—челоуѣка, которому могъ я открывать всѣ милья свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія, который могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; и время нашего знакомства, нашего дружества будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ моей жизни».

«Если когда-нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертать *исторію* моихъ *мыслей*, тогда опишу можетъ быть и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранить ихъ въ груди моей.

«Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ приобрѣлъ я и нѣкоторое *эстетическое чувство*, нужное для любителей литературы. Вѣрный вкусъ друга моего былъ для меня свѣтильникомъ въ искусствѣ и поэзіи».

Вторая не большая статья подъ заглавіемъ «Что нужно автору» тоже весьма для насъ важна, потому-что изъ нея мы видимъ чего требовалъ Карамзинъ отъ самаго себя, какъ писателя. «Говорятъ, пишетъ онъ, что автору нужны талантъ и знанія: острый, пронзательный разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо, но этого не довольно. Ему надобно имѣть и доброе сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ.—Творецъ всегда изображается въ твореніи и часто противъ воли своей. Од-

нимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ» *.

Такъ думалъ Карамзинъ во всю свою жизнь и дѣйствовалъ сообразно этой идѣѣ.

Но гораздо важнѣе статья Карамзина, подъ заглавіемъ: «*Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи*». Это возраженіе на сочиненіе Руссо: «*Discours sur la question, proposée par l'académie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs?*» Статья эта свидѣтельствуетъ, что Карамзинъ почувствовалъ свои силы и считалъ возможнымъ вооружиться противъ авторитета знаменитаго Руссо. Карамзинъ начинаетъ свое возраженіе такъ: «Былъ человѣкъ, и человѣкъ великій, незабвенный въ лѣтописяхъ философія, въ исторіи людей—былъ человѣкъ, который со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе вредно, и что науки несомѣстны съ добродѣтелью». Карамзинъ уважалъ Руссо, но не смотря на то, мечты его признавалъ мечтами, парадоксы—парадоксами.— «Вообще, говоритъ Карамзинъ, разсужденіе его о наукахъ есть такъ сказать логическій хаосъ, въ которомъ видѣнъ только обманчивый порядокъ, или призракъ порядка; въ которомъ сіяетъ только *ложное* солнце.... Оно есть собраніе противорѣчій и софизмовъ, изложенныхъ — въ чемъ надобно отдать справедливость автору — съ довольнымъ искусствомъ».

Сказавъ это, Карамзинъ предлагаетъ нѣкоторыя свои замѣчанія и мысли объ этомъ важномъ предметѣ. Мнѣніе его весьма оригинально и есть плодъ глубокаго размышленія и изученія сочиненій Руссо.

Карамзинъ начинаетъ свое возраженіе тѣмъ, что Ж. Ж. Руссо писалъ о вредѣ наукъ и искусствъ, не опредѣливъ прежде, что онъ понималъ подъ тѣми и другими. «Правда, вышетъ онъ, если бы Руссо опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи трактата его поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дыму, какъ пустые фантомы, а Жанъ-Жаку непременно хотѣлось бранить ученыя и просвѣщеніе».

Послѣ этого Карамзинъ старается доказать пользу и необходимость наукъ и просвѣщенія. Онъ начинаетъ съ опредѣленія наукъ и искусствъ; опредѣляя поэзію, онъ ме-

* Аглая. Кн. 1, стр. 27—31.

жду-прочимъ говорить: «Я думаю, что первое поэтическое твореніе было ни что иное, какъ изліяніе томногрустнаго сердца, то есть, что первая поэзія была *элегическая*. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. Напротивъ того горестный другъ, горестный любовникъ, потерявъ милую половину души своей, любитъ думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избираетъ всю природу въ повѣренныя грусти своей; состояніе души его есть уже, такъ сказать, поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его—слезами и пѣснью.—Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человѣкъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.»

Карамзинъ былъ такого мнѣнія, что если бъ какой-нибудь духъ тьмы могъ теперь въ минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то наши потомки снова нашли бы потерянное, и опять возродилась бы искусства и науки. «Драгоценное собраніе знаній, говоритъ онъ, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего не знали ни Греки, ни Римляне».

Защитца всѣми силами пользу наукъ и искусствъ. Карамзинъ однако жъ говорить: «Если искусства и науки въ самомъ дѣлѣ зло, то онѣ *необходимое* зло,—зло, истекающее изъ самой природы нашей; зло, для котораго природа сотворила насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благодію природы, съ благодію Творца нашего? Могъ-ли Всевышній произвести человѣка съ любовитною и разумною душою, когда плоды сего любовитства и сего разума должны были быть пагубны для его сможивствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю твоей системѣ».

Потомъ продолжаетъ: «Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна человѣкамъ; ты умеръ, но духъ твой живетъ въ Эмилѣ, но сердце твое живетъ въ Элоизѣ, и ты возставалъ противъ наукъ и словесности! и ты проповѣдывалъ счастье невѣжества, славилъ безмысліе, блаженство звѣрской жизни!»

Однако жъ, что бы ни писали противъ Руссо, мы должны сказать, что, доказывая вредъ просвѣщенія, онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ правъ. Испорченная нравственность

французскаго общества и ложное направленіе умовъ были неоспоримыми фактами вреда просвѣщенія; но Руссо недостаточно вникнулъ въ причины этихъ фактовъ. Онъ не повѣялъ, что вредъ происходитъ не отъ самаго просвѣщенія, но отъ ложнаго направленія, которое дано ему. — Во всякомъ случаѣ, вооруженіе Карамзина противъ такого авторитета, какимъ пользовался Руссо въ концѣ прошедшаго вѣка, показываетъ уже, что Карамзинъ сознавалъ свои силы.

Изъ статей, помѣщенныхъ во второй книгѣ «Аглаи», замѣчательнѣе другихъ «Афинская жизнь». Прекращая изданіе Московскаго Журнала, Карамзинъ обѣщалъ заняться изученіемъ древней словесности. Но, увлеченный духомъ эпохи, началъ изученіе классическаго міра — чтеніемъ «Анахарсиса», романа, передъ которымъ, какъ передъ свѣтиломъ, преклонялись почитатели классицизма.

Восхищенный художественными картинами греческаго міра, Карамзинъ старался передать, въ небольшомъ очеркѣ, аттическую жизнь со всѣми ея оттѣнками; однакожь объемъ статьи не позволилъ ему представить нашей публикѣ полный отчетъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него чтеніемъ Анахарсиса. Говоря объ играхъ Грековъ и въ особенности о пляскахъ, Карамзинъ восклицаетъ: «О чудо! Я вижу суроваго Діогена, вертящагося съ рѣзвою Дафною, и важнаго Ликоса, энтузіаста строгихъ Ликурговыхъ законовъ, вижу у ногъ смѣющейся Феаны!» Наши дѣды и отцы могли восхищаться такими картинами и вѣрить словамъ автора, но мы, сыны девятнадцатаго столѣтія никакъ не можемъ себя представить Діогена, вальсирующаго съ Дафною, и не видимъ здѣсь ничего классическаго.

Нельзя также умолчать о богатырской сказкѣ «Илья Муромецъ», написанной на ладъ нашихъ древнихъ народныхъ стихотвореній. Стихотвореніе это весьма удачная попытка Карамзина, * Вотъ все помѣщенное въ двухъ книжкахъ «Аглаи», напечатанныхъ въ 1793 и 1794 годахъ; и все это

* «Илья Муромецъ» имѣлъ своихъ подражателей. Одинъ современный провинціальный (казанскій) литераторъ *Камневъ* написалъ развѣромъ «Ильи Муромца» повѣсть «*Графъ Гейденъ*», которой содержаніе влито кажется, изъ Коцебу; и мы находимъ, что эта повѣсть лучше «Ильи Муромца», судя по началу, напечатанному въ сборникѣ «Вчера и сегодня» (стр. 39).

принадлежить Карамзину за исключеніемъ стихотворенія Дмитріева, и двухъ стихотвореній М. Хераскова.

Въ это же время Карамзинъ издалъ «Мои бездѣлки», «Мармонтелевы повѣсти», помѣщенныя въ Московскомъ Журналѣ, прибавивъ къ нимъ нѣсколько новыхъ, и написалъ (1794) повѣсть «Юлію», которой сюжетъ заимствованъ изъ современнаго общества *. Содержаніе этой повѣсти слѣдующее: Юлія, какъ водится въ идеальныхъ повѣстяхъ, — чудо красоты. За величественною звѣздой слѣдуетъ безконечная вереница нѣкоторыхъ спутниковъ: но увы! гордая планета проходитъ надъ ними холодно, окруженная своимъ обожаемымъ сіяніемъ.... Между тѣмъ, облака, или если угодно, годы, начинаютъ набрасывать полупрозрачное покрывало на недоступное свѣтило.... Юлія очень благоразумно разочла, что стрѣлы ея красоты могутъ заржавѣть въ колчанѣ гордаго равнодушія, и бросила благосклонные взоры на скромнаго Ариса.... Но въ то время, какъ робкій новичекъ въ дѣлахъ любви ищетъ словъ, чтобы отвѣтить на вниманіе красавицы, въ салонѣ является смѣлый, опытный, неотразимый соперникъ, окруженный блескомъ своего дѣдовскаго герба, является князь N.... Юлія забываетъ робкаго Ариса и — простите женскому непостоянству — влюбляется въ Князя. Его Сіятельство отвѣчаетъ за любовь любовью, — не любовью Ариса, но мимолетною любовью Донъ-Жуана. Князь дѣлаетъ приступъ къ добродѣтели Юліи; красавица ускользаетъ отъ сѣтей, раскинутыхъ ловкою рукою доморощеннаго Эпикурейца, и князь со стыдомъ отступаетъ.... Юлія въ отчаяніи, — и чтобы разсѣяться, обращается снова къ своему робкому почитателю Арису.

Такъ было искони, съ тѣхъ поръ какъ непостоянное человечество любило, страдало отъ невѣрности, плакало надъ прахомъ разбитыхъ надеждъ, и снова, послѣ клятвы и отрѣченій, старалось куда нибудь пріютить сердце....

Арисъ ищетъ руки Юліи и получаетъ ее только съ условіемъ, тотчасъ удалиться отъ шумнаго свѣта. Вскорѣ послѣ свадьбы Арисъ увозитъ Юлію въ деревню. Первые шесть недѣль

*) Повѣсть «Юлія» вошла въ полное собраніе сочиненій Карамзина, слѣдовательно мы имѣемъ полное право думать, что она оригинальное его произведеніе. Странно однакожь, что въ каталогѣ Смирдина мы встрѣчаемъ: «Юлія», перев. съ фран. Николай Карамзинъ. М. въ Унив. Тип. 1796 г. т.—16.

супружеской жизни проходить, какъ извѣстно, въ неизяснимомъ счастіи, но, подъ осень, Арисъ замѣчаетъ, что Юлія начинаетъ скучать. Онъ ей предлагаетъ ѣхать въ городъ: Юлія не прочь. Въ городѣ жизнь ихъ была самая разсѣянная: каждую недѣлю у нихъ бывали вечера, на которыхъ не замедлилъ явиться и князь N. Сначала Юлія была къ нему равнодушна; потомъ, вспомнивъ о прежней любви, рѣшилась ее возобновить. Однажды Арисъ, возвратившись вечеромъ домой, отправился въ садъ, въ свою любимую аялею и засталъ князя съ Юліей. Увидѣвъ ихъ, онъ бѣжитъ, оставляетъ домъ, отдавъ женѣ все свое имѣніе и пропадаетъ безъ вѣсти. Юлія тронутая такимъ поступкомъ мужа, бросаетъ свѣтъ и тоже удаляется въ деревню; тамъ она родитъ сына и живетъ какъ самая добродѣтельная жена. Арисъ узнаетъ о томъ отъ своего друга, слѣдившаго за всѣми поступками Юліи, возвращается въ деревню и прощаетъ жену, которая не успѣла еще сдѣлаться невѣрною. Послѣ этого супруги рѣшаются жить въ дали отъ свѣта. Авторъ хотѣлъ этою повѣстью доказать, что женское сердце, какъ бы внутрене оно ни было, все же можетъ быть наведено на путь добродѣтели.

Повѣсть «Юлія» написана гораздо лучшимъ языкомъ нежели прежнія повѣсти Карамзина. Странно только, что онъ прежде такъ усердно возставалъ противъ употребленія вымышленныхъ именъ, а теперь самъ назвалъ своихъ героевъ *Арисами, Легкоумами, Храбронами и Пустословами*. Какъ трудно даже необыкновенному уму, совершенно отрѣшиться отъ причудливыхъ понятій своего вѣка!

Послѣ изданія *Аглай*, Карамзинъ хотѣлъ испытать свои силы въ разныхъ родахъ поэзіи. Мы видѣли первые его поэтическіе опыты еще въ «Дѣтскомъ Читеніи», потомъ въ Московскомъ Журналѣ и наконецъ въ *Аглаи*; однакожь всѣ они показываютъ, что Карамзинъ не былъ рожденъ поэтомъ. Его же «Аонииды» т. е. собраніе разныхъ стихотвореній, которыя онъ издавалъ съ 1796—1800 годъ, при содѣйствіи Державина и Дмитріева, производившаго въ тоже время одинакую почти перемену въ нашей поэзіи, и стремившагося къ простотѣ и естественности, составляющимъ главную заслугу Карамзина рѣшительно подтверждаютъ это мнѣніе.

Всѣ стихотворенія Карамзина — большею частію разсужденія о разныхъ предметахъ, облеченныя въ мѣрные и рифмованные стихи. Удивительно то, что человекъ, ко-

терый же притворно восхищался Гомеромъ, Шекспиромъ, Гете и Шиллеромъ, могъ въ тоже время говорить, что поэзія, есть «цѣлительное чувствительное сердце»

Кто можетъ вымыслить пріятно,
Стихами, прозой — въ добрый часъ!
Лишь только бѣ было вѣрнѣе.

Несмотря на то, стихотворенія Карамзина могли имѣть значеніе въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда у насъ было такъ мало дарованій. Еще и теперь въ альбомѣ любой провинціальной барышни вы найдете:

Законы осуждаютъ предметъ моей любви

или

«Ручей два древа раздѣляетъ».
Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ, и т. д.

И теперь еще провинціальный Адонисъ споетъ вамъ:

«Доволенъ я судьбою
И милою богатъ» и т. д.

Къ лучшимъ стихотвореніямъ Карамзина, напечатаннымъ въ «Аонидахъ» принадлежать:

«Опытная Соломонова мудрость или мысли, выбранныя изъ Эклезіаста; переводъ изъ Иліады «Гекторъ и Андромаха» и «Къ невѣрной». Первое замѣчательно болѣе потому, что изъ него видно разочарованіе Карамзина и вліяніе на него опыта. Переводъ изъ Иліады, хотя плавеиъ и легокъ, но безъ всякой энергіи. Стихотвореніе: «Къ невѣрной», замѣчательно болѣе, какъ живая страница изъ жизни самого автора. Вотъ краткая исторія сердца поэта, рассказанная имъ самимъ:

«Ахъ! было время мнѣ мечтать и забываться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ аэфирами летаю. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестившихъ цирцей;
Армиды Тассовы, Лясы нашихъ дней
Улыбкою любви меня къ себѣ маняли,
И сердце юноши быть вѣтреннымъ учили;
И я влюблялся не любя..»

Читая стихотворенія Карамзина, вы совершенно по-

койны, и не ощущаете никакого восторга точно также, какъ его не ощущалъ и самъ авторъ, когда писалъ ихъ. Карамзину чуждо было то именно, что мы называемъ вдохновеніемъ, оттого и самый языкъ его не имѣтъ энергій. При чтеніи вы чувствуете недостатокъ гармоніи и глубокаго чувства. Лиризмъ его самый блѣдный: коснется ли онъ природы, все дѣло оканчивается цвѣтистыми дугами, соловьемъ и малиновкой. Карамзинъ понималъ высокія красоты классическихкихъ и романическихкихъ поэтовъ, владѣлъ превосходно языкомъ, и не смотря на то, не могъ написать ни одного истинно поэтическаго стихотворенія. Не даромъ древніе говорили «Poetae nascuntur».

Замѣчательно, какъ Карамзинъ рѣшился жертвовать своимъ драгоценнымъ временемъ занятіямъ *по части поэзіи*?.... Это можно оправдать только духомъ эпохи, которая считала гениемъ только однихъ стихотворцевъ. Испытавъ съ успѣхомъ свои силы въ прозѣ, Карамзинъ обратился къ поэзіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ, какъ человѣкъ умный и самъ понималъ свою слабую сторону, но, ободряемый людьми безъ вкуса, и думая, что упражняясь со временемъ, онъ достигнетъ своей цѣли, — рѣшился писать и стихи.

Съ прекращеніемъ *Аонидъ*, Карамзинъ не оставилъ еще поэзіи совершенно. Въ 1801 году онъ написалъ *Оду на восшествіе на престолъ Александра I*, потомъ — *оду на его Коронаваніе*, и хотя въ послѣдней поэтъ и сказалъ:

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ трономъ
 Дерзнулъ я съ лирою предстать;
 Мнѣ сердце было Аполлономъ:
 Люблю хвалить, но не ласкать;
 Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
 Другіе славные пѣвцы
 Отъ музъ примутъ въ даръ вѣнцы,
 Тебя безъ лести прославляя:
 Я въ храмъ исторіи иду,
 И тамъ дѣла твои найду.

Но въ 1802 и 1803 году, онъ написалъ еще нѣсколько весьма посредственныхъ стихотвореній; потомъ, въ 1806 году явилась въ свѣтъ его *Письма воиновъ* и наконецъ, когда (въ 1814 году) Императоръ Александръ возвратился побѣдителемъ, Карамзинъ привѣтствовалъ его Одою «*Освобожденіе Европы и слава Александра I.*», посвятивъ ее жителямъ Москвы. Въ свое время, ода эта произвела эф-

фектъ, благодаря ея заглавію. Вотъ начало этого стихотворенія :

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
 Наверглась адская держава:
 Сражень, сражень, Наполеонъ!
 Народы и цари! ликуйте:
 Воскресъ порядокъ и законъ.
 Свободу міра торжествуйте!
 Есть правда, Богъ: тирана нѣтъ!
 Преходятъ тьма, во вѣченъ свѣтъ.
 и т. д.

Въ заключеніе, приведемъ слова современниковъ о поэтическихъ произведеніяхъ Карамзина. Иванчикъ-Писаревъ въ своемъ «Похвальномъ словѣ Карамзину» говоритъ: «Многія его стихотворенія дышатъ глубокимъ чувствомъ; всѣ могутъ служить образцами вкуса (!): и если бы не писалъ въ одно время съ нимъ почтенный другъ его, пѣвецъ *Витязю дельми, Воли и Ермака*, пѣвецъ покорившей нашъ языкъ и нѣжнымъ отзывамъ Тибулла и свободному разсказу Лафонтена, то и сія плоды вдохновенія могли бы назваться единственными.» Гораздо безпристрастнѣе Н. Гречъ: онъ говоритъ: «Стихотворенія Карамзина суть выраженіе мысли умнаго человѣка, облеченное въ форму поэзіи» (то есть въ стихи).

Прекративъ изданіе «Аглаи», Карамзинъ не предавался поэзіи исключительно; вовсе нѣтъ; ей приносилъ онъ въ жертву только минуты мнимаго вдохновенія, все же остальное время употреблялъ на переводы статей различнаго содержанія изъ сочиненій образцовыхъ писателей древнихъ и новыхъ; такъ - что въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1795 — 1797 годъ), успѣлъ приготовить цѣлыхъ три тома, и издалъ въ 1798 году подъ заглавіемъ: *Пантеонъ иностранной словесности*. Этотъ трудъ Карамзина имѣетъ неоспоримое значеніе въ исторіи нашей литературы. Пантеонъ есть собраніе самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Здѣсь найдете выписки изъ древнихъ классиковъ и лучшихъ тогдашнихъ иностранныхъ писателей; встрѣчаются извѣстія о литературныхъ знаменитостяхъ того времени, историческіе и географическіе отрывки, и т. д.; словомъ, это легкіе оттиски тогдашней иностранной литературы. Надобно замѣтить, что, въ то время, эти труды Карамзина довольно значительно содѣйствовали развитію образованности средняго класса,

внося въ него современныя понятія: Подтвержденіемъ нашихъ словъ служить между-прочимъ и то, что «Пантеонъ иностранной словесности» былъ въскалко разъ перепечатываемъ.*

Но еще до появленія «Пантеона», Карамзинъ издавъ (въ 1797 г.) свой опытъ въ философическихъ разговорахъ (которые были тогда въ большой модѣ) — «Разговоръ о счастья». Здѣсь онъ старается доказать, по методу Сократа, возможность счастья, но, разумѣется, условнаго. Дѣйствующія лица въ «Разговорѣ» Филалетъ и Мелодоръ. Мелодоръ сомнѣвается въ существованіи счастья и постоянно возражаетъ. Филалетъ философствуетъ, доказываетъ, что счастье и возможно и нѣтъ, смотря по тому, какъ его понимаютъ, и наконецъ послѣ долгихъ умствованій и споровъ говоритъ: «Вотъ мое заключеніе: возможное земное счастье состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разуму, въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу, въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувствованія новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть счастливымъ есть.... быть добрымъ*».

Въ этихъ немногихъ словахъ рѣзко выразился XVIII вѣкъ и самъ Карамзинъ, въ лицѣ Филалета. Въ наше время, уже болѣе не думаютъ рѣшать вопросъ: возможно ли счастье въ сей юдоли плача, и въ чемъ именно оно состоитъ? Теперь счастье поступило на разсмотрѣніе философовъ, какъ главная цѣль ихъ ученій.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, что въ царствованіе Императора Павла, Карамзинъ занимался исключительно переводами, между-тѣмъ мужалъ, созрѣвалъ, думалъ, болѣе занимаясь, вѣроятно, чтеніемъ, и какъ только вступилъ на престолъ Императоръ Александръ, Карамзинъ тотчасъ возвратился къ своей прежней дѣятельности съ новыми силами, съ новымъ усердіемъ къ общему дѣлу.

Сохранились письма Карамзина къ брату В. М., изъ ко-

* Первое изданіе было 1798 въ 3-хъ частяхъ; второе въ 1818 году.

горныхъ видѣтъ какъ онъ проводилъ время въ царствованіе Павла Петровича.

Въ началѣ 1796 г. онъ пишетъ къ брату изъ Москвы: «О себѣ скажу вамъ, что я живу по прежнему, ѣзжу изъ дома въ домъ, играю въ бостонъ и пр. Ни въ какую зиму не бывало въ Москвѣ такого множества баловъ, какъ нынѣ; всѣ жалуются на недостатокъ въ деньгахъ, но между тѣмъ вездѣ видна роскошь». (9 янв. 1796 г.)

По возшествіи на престолъ Императора Павла, Карамзинъ пишетъ къ брату: «поздравляю васъ съ Императоромъ Павломъ I. Императрица Екатерина скончалась 6-го числа Тверь будутъ многія переменны въ чиновникахъ. Императоръ взялъ къ себѣ въ адъютанты Ростовщина и Шувалова; мѣсто оберъ-гофмаршала Барятинскаго заступилъ Графъ Н. П. Шереметевъ. Кн. А. Б. Куракинъ будетъ важнымъ человекомъ.—Императоръ любитъ очень фельдмаршала Румянцова и Князя Рѣпина. Говорятъ, что Зубовъ боленъ и что его бумаги запечатаны. Нынѣшній день мы всѣ присягали.—Народъ кричитъ отъ добраго сердца: да здравствуетъ Императоръ! Дай Богъ ему счастья и славы!» (12 ноября 1796 г.)

Послѣ этого Карамзинъ цѣлый почти мѣсяцъ не писалъ къ брату. Василій Михайловичъ первый прервалъ молчаніе и писалъ на брата, что онъ не извѣщаетъ ихъ о новостяхъ. Николай Михайловичъ отвѣчаетъ: «Вы мнѣ пеняете, что не пишу къ вамъ объ новостяхъ; но, читая русскія газеты, знаете все. Новости наши состоятъ въ пожалованныхъ, о которыхъ всегда пишутъ въ вѣдомостяхъ; о другихъ же, невѣрныхъ, писать по слуху не ловко; давно говорятъ въ Петербургѣ о Москвѣ, что она жива. Вѣрно то, что Государь хочетъ царствовать съ правдою и милосердіемъ, и общаетъ подданнымъ своимъ благополучіе; намѣренъ удалиться отъ войны и соблюдать нейтралитетъ въ разсужденіи воюющихъ державъ. Грубецкіе, И. В. Лопухинъ, Новиковъ, награждены за претерпѣніе; первые пожалованы сенаторами, Лопухинъ сдѣланъ секретаремъ при Императорѣ, а Новиковъ, какъ слышно, будетъ университетскимъ директоромъ. Вѣроятно И. П. Тургеневъ будетъ также предметомъ Государевой милости, когда пріѣдетъ въ Петербургъ». (17 дек.)

Въ началѣ 1797 Карамзинъ писалъ: «Читая ваше письмо, я мысленно представилъ себѣ заволженіе вьюги и метели. Хотя

темно, однакожъ помню тамошнія мѣста; помню, какъ мы съ вами возвращались оттуда въ началѣ зимы. Старыя воспоминанія бывають пріятнѣе! Новостей у насъ не много. Съ мѣсяцъ говорили все о банкѣ, а теперь говорятъ о запрещеніи фраковъ. Лѣтомъ по улицѣ надобно будетъ ходить во французскомъ кафтанѣ и въ кошелькѣ, или въ мундирѣ со шпагою». (28 янв.)

Въ мартѣ слѣдующаго года, по прїѣздѣ Императора въ Москву, Карамзинъ пишетъ къ В. М.: «Императоръ уже три дни въ Москвѣ, и живетъ за городомъ въ Петровскомъ дворцѣ; всякій день раза по три бываетъ въ городѣ, но не прежде какъ черезъ три недѣли торжественно вѣдетъ въ Москву. Экзерцицію здѣшнихъ полковъ былъ онъ не очень доволенъ и сбѣлалъ, какъ сказываютъ, сильный выговоръ Кн. Долгорукову, Московскому военному начальнику. Народъ не можетъ нарадоваться Государемъ». (17 марта 1797 г.)

По выходѣ въ свѣтъ второй книжки Аонидъ, Карамзинъ послалъ ее къ брату и писалъ: «Желаю, чтобы въ ней многое вамъ полюбилось. Мнѣ очень пріятно будетъ знать, какія піесы найдете вы лучше другихъ». (29 іюля.)

1797 г. Ноября 17. Москва.—Нѣсколько изъ новѣйшихъ книгъ я послалъ къ вамъ, и еще пошлю. Мало выходитъ хорошаго.

Изъ 1798 года сохранилось только одно письмо, въ которомъ онъ пишетъ: «Я очень радъ, что почта учреждена теперь прямо въ Сибирскъ, и что мы скорѣе можемъ получать другъ отъ друга письма». (7 апр.)

Въ маѣ 1800 г. Н. М. писалъ: «Съ того времени какъ стало у насъ ясно и тепло, живу я въ шести верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Москвы рѣки и вижу такія прекрасныя мѣста, какихъ не много въ Россіи». (22 мая, Кунцово.)

=

ГЛАВА VII.

Занимаясь литературою цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, Карамзинъ все болѣе и болѣе вырабатывалъ свой языкъ и дошелъ до весьма важныхъ соображеній. Переступивъ за предѣлы тридцатилѣтняго возраста, онъ началъ думать о произведеніи чего нибудь замѣчательнаго и оригинальнаго. Онъ почувствовалъ потребность обратиться исключительно къ какому-нибудь роду литературы, чтобы вполне выказать въ немъ свои силы. До сихъ поръ, Карамзинъ занимался всѣми родами словесности, желая испытать гибкость своего таланта; писалъ повѣсти, оды, пѣсни, мадригалы и т. д.; но вступивъ въ сферу совершеннаго духовнаго развитія, и, нѣсколько остынувъ, понялъ, что и талантъ не можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ пробовать себя во всемъ, а избираетъ одну какую-нибудь дорогу. Желая дать оригинальность отечественнымъ литературнымъ произведеніямъ, Карамзинъ подражалъ Французамъ на русскій ладъ. Читая французскія повѣсти, онъ мечталъ о русской современной повѣсти, обращался къ обществу и не нашедъ въ немъ данныхъ, по самому характеру нашей замкнутой семейной жизни, отказался разрабатывать этотъ рудникъ. Потомъ Карамзинъ обратился и къ народнымъ преданіямъ и къ русской исторической повѣсти. Испытавъ свои силы въ русской народной повѣсти, онъ не обращался болѣе къ этому роду литературы, и отказался отъ чести — быть русскимъ Мармонтелемъ. Карамзина обольщала также поэзія; онъ хотѣлъ и въ ней попробовать свой талантъ и не переставалъ писать стиховъ до самаго зрѣлаго возраста. Помышляя о самобытности въ литературѣ, Карамзинъ дѣлался опытниѣе, и образовалъ свой вкусъ многочисленными переводами изъ иностранныхъ писателей. Карамзинъ самъ чувствовалъ красоту своего слова, хорошо понималъ свои нравственныя силы; онъ замѣтилъ, что остался еще одинъ родъ литературы, котораго онъ не коснулся — именно исторія. Выикнувъ въ требованія своихъ соотечественниковъ, онъ

увидѣлъ, что обработка этой науки совершенно необходима и Карамзинъ обратился къ ней.

Съ этихъ поръ мы будемъ изучать *генетическимъ* развитіе познаній Карамзина въ русской исторіи.

Приступая къ этому совершенно новому для него предмету, Карамзинъ понималъ, что ему предстоитъ учиться многому. Онъ началъ свое учение и вмѣстѣ съ тѣмъ, по временамъ, писалъ историческіе *опыты*.

Чрезвычайно замѣчательно то, что Карамзинъ весьма смѣло приступилъ къ обработкѣ отечественной исторіи и началъ прямо съ современной исторіи, съ великаго царствованія Екатерины. И такъ, первымъ его трудомъ на этомъ новомъ поприщѣ была исторія царствованія этой великой Государыни, облеченная въ форму похвальнаго слова: лучшей формы авторъ не могъ и выбрать для современной исторіи. Это сочиненіе весьма замѣчательно. Карамзинъ уже вполне созрѣлъ, когда взялся за историческое перо; здѣсь онъ является, какъ человѣкъ опытный, одушевленный своимъ предметомъ и постигающій его важность. Намъ спросить: отчего жъ Карамзинъ предпочелъ облечь исторію царствованія Екатерины въ форму *похвальнаго слова*? — Этому были многія причины. Карамзинъ, какъ писатель съ талантомъ, не могъ оставаться равнодушнымъ къ произведеніямъ нѣкоторыхъ современныхъ западныхъ ораторовъ, хотя въ душѣ не всегда одобрялъ ихъ начала, и удивлялся краснорѣчію, которое изливалось изъ устъ оратора, предъ собраніемъ народа и его представителей. Карамзину тоже хотѣлось говорить рѣчи. И къ счастью его у насъ тоже нашелся предметъ, который могъ послужить ему содержаніемъ, возвысить душу, и найти сочувствіе въ слушателяхъ. Предметъ этотъ — царствованіе Екатерины Великой. Тѣ самыя слова, за которыя Французы столько пролили крови, чтобы произносить ихъ свободно въ собраніи народа, за которыя они пожертвовали всѣмъ священнымъ и не щадили своей жизни, — тѣ самыя слова отцы наши слышали изъ устъ Карамзина. Въ «Похвальномъ словѣ» онъ истолковалъ Русскимъ истинное ихъ призваніе и цѣлыми страницами доказалъ своимъ соотечественникамъ, что все, стоявшее другимъ народамъ величайшихъ жертвъ, приобрѣтенное только въ слѣдствіе сильныхъ преобразованій и переворотовъ, у насъ мирно истекаетъ отъ Верховной Власти. Онъ доказалъ, что равенство и свобода Французовъ, купленная потоками крови, дарованы Русскимъ

ихъ мудрою Императрицей, которая сама говорила своему народу, что она старается единственно о томъ, чтобы дѣйствія его были свободны, сколько позволяютъ это условия существованія общества, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, Она, какъ мать, изъясняетъ своимъ дѣтямъ, въ чемъ именно состоитъ разумная свобода.

Вторая причина, побудившая Карамзина облечь исторію царствованія Екатерины въ форму похвального слова была слѣдующая. При восшествіи на престолъ Императора Александра, всеобщее желаніе Русскаго народа было — чтобы юный Монархъ царствовалъ въ духъ своей *Бабки*. Карамзинъ былъ представитель современности, а слѣдовательно провозвѣденіе его служило вѣрнымъ отголоскомъ современныхъ желаній и надеждъ. Онъ рѣшился высказать передъ трономъ это всеобщее желаніе, представляя систему великаго царствованія Екатерины, «выказывая благодѣтельное его вліяніе на государство. Отдавая Монарху безусловную похвалу, онъ возбуждалъ въ юномъ Монархѣ желаніе быть столько же любимымъ своими подданными, какъ была любима Екатерина II. Своимъ похвальнымъ словомъ Карамзинъ хотѣлъ сказать: «Государь! царствуй такъ, какъ царствовала Великая Екатерина, и сердца и уста Русскаго народа не престанутъ тебя благословлять». Но Александръ еще прежде достигъ желанія своего народа. Вступая на престолъ онъ далъ Россіи обѣтъ — царствовать въ духъ Екатерины, и сдержалъ свое царское слово: доказательствомъ тому — все двадцатипятилѣтнее царствованіе Александра.

Въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ» Карамзинъ показалъ, что изъ него могъ выйти превосходный популярный историкъ, который всего болѣе дѣйствуетъ во имя просвѣщенія

* «Монархия, пишетъ Карамзинъ, сказавъ, что самодержавіе не есть врагъ свободы въ гражданскомъ обществѣ, опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Она есть не что иное, какъ спокойствіе духа, происходящее отъ безопасности, и право дѣлать все дозволенное законами (Наказъ статья 38—39); а законы не должны запрещать ничего, кромѣ вреднаго для общества; они должны быть столь ясны, столь явны, чтобы всякой могъ чувствовать ихъ необходимость для всѣхъ гражданъ и въ сѣнь то единственно состоитъ возможное равенство гражданское (34 !). Законодатель сообразуется съ духомъ народа; мы всего лучше дѣлаемъ то, что дѣлаемъ свободно и слѣдуя природной нашей склонности. Когда уми для лучшихъ законовъ не готовы, то приготовьте ихъ; когда же надобно для счастья народа переимѣнить его обычаи, то дѣйствуйте однимъ привѣтромъ. Одно необходимо наказаніе не есть тиранство, и законъъ подлежитъ только явное зло» (Наказъ стат. 57—63).

народа и въ пользу его литературы. Самое названіе его труда говорить, что это не только историческое произведеніе, но и литературное. Это самый недѣльный панегирикъ Екатерины, почерпнутый изъ глубины признательнаго русскаго сердца. Да и сама критико-философская исторія царствованія этой Императрицы всегда осланется колоссальнымъ похвальнымъ словомъ. Истинно великіе люди никогда не могутъ имѣть другихъ исторій и жизнеописаній кромѣ панегириковъ.

Какъ историкъ, Карамзинъ пользовался при сочиненіи своего «Похвальнаго слова» всѣми оффиціальными актами; онъ только скидывалъ съ нихъ форменное платье и надѣвалъ торжественную одежду. Здѣсь нѣтъ мелочныхъ изслѣдованій причинъ каждаго оффиціального акта; Карамзинъ чувствовалъ необходимость показать причины великихъ дѣлъ Екатерины; однакожь, онъ не идетъ за ними въ архивъ прошедшаго и не ищетъ приказной бумаги: это совершенно излишнее, когда ему была открыта великая душа этой Государыни; когда онъ искалъ причинъ въ однихъ лишь движеніяхъ и порывахъ ея великодушія, любви къ славѣ, и мысли о счастьи своего народа. Въ свое время, произведеніе Карамзина было необъяснимымъ явленіемъ въ русской литературѣ. Современники не читали еще ничего подобнаго. Ни одинъ изъ русскихъ историческихъ писателей, до Карамзина, не разсказывалъ отечественной исторіи такимъ плавнымъ, яснымъ и благороднымъ языкомъ. Похвальнымъ словомъ Карамзинъ бросилъ тѣнь на славу всѣхъ прежнихъ русскихъ писателей и историковъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, даже вниманіе самого Монарха, который не могъ быть равнодушенъ къ такому прекрасному дарованію и къ такому благородному историку своей Бабки. Государь замѣтилъ много красотъ въ этомъ трудѣ Карамзина, и почувствовалъ, что этотъ писатель будетъ украшеніемъ его царствованія. Если Карамзинъ могъ такъ искусно развить свитокъ современнаго царствованія, думалъ Императоръ, — то нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ состояніи начертать и полную русскую исторію, въ которой тогда нуждались всѣ классы нашего общества; тѣмъ болѣе, что, въ концѣ прошедшаго вѣка, когда въ нашей литературѣ стала развиваться *Карамзинская школа*, уже никто не могъ читать ни Татищева ни Щербатова. Въ послѣдствіи Карамзинъ самымъ блистательнымъ образомъ оправдалъ ожиданія Царя! «Похвальное слово

Екатерины» тѣмъ вышше для насъ, что оно написано современникомъ. Это самый вѣрный отпечатокъ современнаго восторга, любви и преданности къ Монархинѣ. Карамзинъ, какъ и всѣ Русскіе, видѣли въ царствованіи Екатерины—продолженіе царствованія Петра.

«Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа, говоритъ Карамзинъ, и въ дѣйствительной мудрости правленія была непосредственною преемницей Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные оставляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастья народа Россійскаго. Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, ученаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы предвуготовить славу, кроткой, чело-вѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ».

Карамзинъ писалъ свое «Слово», вовсе не заботясь о системѣ. Онъ желалъ только сдѣлать его общепонятнымъ и доступнымъ для каждаго Русскаго, и читателю увлеченному разказомъ, не приходило въ голову искать въ этомъ произведеніи какой-то системы.

Сочиненіе это раздѣляется на три части: въ первой, послѣ вступленія, авторъ изображаетъ побѣды, одержанныя Русскими въ царствованіе Екатерины; во второй, законы ея и духъ правленія вообще; въ третьей благодѣтельныя ея учрежденія. Заключение составляютъ мысли о характерѣ Государыни*.

Въ «Похвальномъ словѣ», встрѣчаемъ мѣста, по которымъ можемъ судить о взглядѣ Карамзина на вещи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, и его понятіе объ идеѣ исторіи и т. д. Вотъ его мнѣніе о явленіи великихъ людей: «Сія любимцы неба, говоритъ Карамзинъ, разсѣянные въ пространствахъ времени, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшаютъ судьбу челоѣчества, опредѣляютъ путь его; не изъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой удобной Провидѣнію цѣли, творятъ и разрушаютъ царства, образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ-сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подають руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть исторія народовъ.». Въ другомъ мѣстѣ: «Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшаетъ судьбу

* «Похвальное слово» было въ первый разъ издано въ 1801 году послѣ возшествія на престолъ Императора Александра.

государствъ, а неразумная или безразсудная система правленія: тотъ по-крайней-мѣрѣ не долженъ писать исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! «омононъ» Монархиди, которой всѣ войны были завоеваніями, и всѣ уставы счастіемъ Имперіи, выясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Изъ этихъ немногихъ словъ видно, что Карамзинъ не былъ фаталистомъ.

Мы могли бы сказать еще многое въ пользу «Похвальнаго слова» Карамзина, но не въ этомъ главная цѣль нашего труда.

Второе историческое сочиненіе Карамзина было — «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ». Изданіе это, предпринятое въ 1801 году, Карамзинымъ вмѣстѣ съ Бекетовымъ, остановилось на первой части. Бекетовъ заботился о портретахъ русскихъ писателей, а Карамзинъ составлялъ къ нимъ не большія біографіи, которыя чрезвычайно замѣчательны: онѣ показываютъ, что Карамзинъ изучалъ отечественную литературу, и старался въ краткихъ очеркахъ представлять самыя характеристическія черты описываемаго лица.

Въ первой части «Пантеона», помѣщены біографіи: Баяна, Нестора, Никона, Артамона Сергѣевича Матвѣева, царевны Софіи Алексѣевны, Симеона Петровскаго-Ситіановича-Полоцкаго, Димитрія Туптала, Феодана Прокоповича, кн. Андрея Яковлевича Хилкова, кн. Антиоха Димитріевича Кантемира, Василія Никитича Татищева, Семена Климовскаго, Петра Буслаева, Тредіаковскаго, Кулябки, Крашенинникова, Баркова, Гедсона, Димитрія Сѣченова, Ломоносова, Сумарокова, Эмина, Майкова, Пошовскаго и Попова.

Для ближайшаго знакомства съ этими неподражаемыми біографіями, приведемъ изъ нихъ отрывки.

Въ началѣ біографіи Кантемира находимъ мысль Карамзина о раздѣленіи русскаго языка на эпохи. «Кантемиръ нашъ Ювеналъ, пишетъ Карамзинъ. Сатиры его были первымъ опытомъ русскаго остроумія и слога. Онъ писалъ довольно чистымъ языкомъ, и могъ по справедливости служить образцомъ для современниковъ, такъ, что, раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, *первую* должно начать съ Кантемира, *вторую* съ Ломоносова, *третію* съ переводовъ Славяно-русскихъ г-на Елагина и его многочисленныхъ подражаній, а *четвертую* съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога.»

* Здѣсь Карамзинъ разумѣлъ уже свою школу.

Вотъ біографія незабвеннаго Василія Карилевича (Тредіаковскаго), которая въ нѣсколькихъ словахъ даетъ самое полное объ немъ понятіе.

«Еслибъ охота и прилежаніе могли замѣнить дарованіе, кого бъ не превосшелъ Тредіаковскій въ стихотвореніи и краснорѣчій? — Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Роллена, зналъ древніе и новыя языки, читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, и написалъ множество томовъ въ доказательство что онъ... не имѣлъ способности писать. — Однакожъ труды его были не совсѣмъ бесполезны. Онъ первый изъяснилъ на русскошъ языкѣ мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю исторію, которую по сіе время читаютъ наши провинціальныя дворяне. — Имя Тредіаковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почтимъ въ немъ... трудолюбіе науки и несчастіе природы».

Спрашиваемъ, заслуживаетъ ли Тредіаковскій пространнѣйшей біографіи?

Эминъ, знаменитый своими похождениями, также прекрасно оцѣненъ Карамзинимъ. «Самый любопытный изъ романовъ г. Эмина, есть собственная жизнь его, какъ онъ рассказывалъ ее своимъ пріятелиамъ, а самый неудачный — Россійская его исторія. Онъ родился въ Польшѣ, былъ воспитанъ езуитомъ, странствовалъ съ нимъ по Европѣ и Азій, неосторожно заглянулъ въ гаремъ турецкій, для спасенія жизни своей принялъ магометанскую вѣру, служилъ янычаромъ, тихонько уѣхалъ изъ Константинополя въ Лондонъ, явился тамъ къ нашему Министру, снова крестился, пріѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался русскимъ авторомъ. — Вотъ богатая матерія для шести или семи томовъ! Сочинивъ *Мирамонда*, *Ожеистокла*, *Эрнеста* и *Доравку*, *Описаніе Турецкой Имперіи*, *Путь ко спасенію*, онъ издавалъ журналъ, подъ именемъ *Адской Почты*, и наконецъ увѣнчалъ свои творенія *Россійскою Исторіею*, въ которой ссылается на *Полбіевы извѣстія о Славянахъ*, на *Ксеофоттову Скиѣскую Исторію* и множество другихъ книгъ, никому въ мірѣ неизвѣстныхъ. Ученый и славный Шлѣцеръ всего болѣе удивляется тому, что Академія напечатала ее въ своей типографіи. — Впрочемъ г. Эминъ неоспоримо имѣлъ остроуміе и плодovitое воображеніе; зналъ, по его увѣренію, болѣе десяти языковъ; хотя выучился по-русски уже въ среднихъ лѣтахъ, однакожъ въ слогѣ его рѣдко примѣтенъ иностранецъ».

При всей своей краткости, эти биографіи, привнесли пользу нашей литературѣ, послуживъ между прочимъ, матеріаломъ Митрополиту Евгенію и Н. И. Гречу при составленіи ихъ историко-литературныхъ трудовъ.

Это были послѣдніе литературные труды Н. М. Карамзина въ концѣ прошедшаго столѣтія. Весьма интересно было бы знать отношеніе Карамзина въ это время ко всей прочей литературной братии, но къ сожаленію весьма мало сохранилось свидѣній объ этомъ. Мы знаемъ только, что Карамзинъ находился въ связяхъ съ М. М. Херасковымъ, у котораго бывали тогда литературныя собранія, въ которыхъ участвовалъ и Карамзинъ, но кто изъ нашихъ тогдашнихъ литераторовъ посѣщалъ Хераскова? Вѣроятно здѣсь Карамзинъ познакомился съ Державиннымъ и другими. Карамзинъ былъ принятъ также у В. И. Лопухина, жившаго тогда въ Москвѣ.

Къ счастью сохранились нѣкоторыя извѣстія въ перепискѣ современниковъ Карамзина, относящіяся именно къ двумъ послѣднимъ годамъ прошедшаго столѣтія. И такъ мы, хотя отчасти, можемъ составить себѣ понятіе, какъ о частной жизни Карамзина, такъ и о тогдашнемъ значеніи его въ обществѣ. Извѣстія эти находятся въ письмахъ одного провинціального литератора Каменева, о которомъ уже было говорено выше. Каменевъ любилъ литературу, пытался даже сдѣлаться писателемъ, но не успѣлъ въ этомъ. Приѣзжая въ Москву, по дѣламъ торговли (онъ былъ купецъ), онъ искалъ случаевъ сблизиться съ нашими тогдашними литературными знаменитостями, а какъ въ концѣ прошедшаго столѣтія къ *таковымъ* принадлежалъ уже и Карамзинъ, то Каменевъ познакомился и съ нимъ чрезъ Тургенева, къ которому введенъ былъ извѣстнымъ въ то время своею образованностію, Иваномъ Владиміровичемъ Лопухиннымъ.

Вотъ нѣсколько писемъ Каменева въ Казань, къ его другу С. А. Москотильникову, тоже занимавшемуся литературою, въ которыхъ находимъ самыя живыя, самыя любопытныя извѣстія о Карамзинѣ. Изъ письма отъ 25 сентября 1799 года, узнаемъ только, что ветерана-литератора Хераскова звали старостой російской литературы, а Карамзина «Десятникомъ», разумѣется литературы же, и что Тургеневъ (Иванъ Петровичъ) препоручилъ старшему своему сыну, познакомить Каменева съ Карамзинымъ, который въ то время былъ болѣнъ и викауда не выѣзжалъ.

Третьяго октября, Каменевъ собрался къ Карамзину: «Сию минуту, пишетъ онъ къ своему другу, пришелъ я отъ г. Карамзина. Онъ и Дмитріевъ, который былъ у него, приняли меня очень хорошо. Подробности сообщу послѣ». А вотъ и онъ изъ слѣдующаго письма (отъ 10 октября).

«Въ половинѣ 12-го часа, съ старшимъ сыномъ г. Тургенева поѣхали мы на Никольскую улицу и вошли въ нижній этажъ зелененькаго домика, гдѣ г. Карамзинъ занимаетъ квартиру. Мы застали его, съ Дмитріевымъ, читающаго 5-ю и 6-ю части его путешествія, которыя теперь въ петербургской ценсурѣ, и скоро, вмѣстѣ съ Московскимъ журналомъ, будутъ напечатаны. Увидѣвши насъ, Карамзинъ всталъ изъ вольтеровскихъ кресель, обитыхъ алымъ сафьяномъ, подошелъ ко мнѣ, взявъ за руку и сказалъ, что Иванъ Владиміровичъ давно ему обо мнѣ говорить, что онъ любить знакомиться съ молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ: не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и печатанъ ли онъ? Я отвѣчалъ и на то и на другое, какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ и оба сочинителя спрашивали меня на перерывъ: какіе языки мнѣ извѣстны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ что перевелъ оду изъ Клейста.... Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли онъ переписку Юнга съ Фонтенеллемъ изъ «философіи природы», и начали говорить о сей книгѣ, которой сочинителя онъ не любитъ. Вотъ слова его: «Этотъ авторъ можетъ только нравиться тому, кто имѣетъ *темную* любовь къ литературѣ. Опровергая мнѣнія другихъ, самъ не говоритъ ничего сноснаго, ожидаешь много, приготовишься — и выйдетъ вздоръ. Нѣтъ плавности въ стилѣ, нѣтъ *зернис* «ыль» мыслей; многое слабо, иное плоско, и онъ ни чѣмъ не *брильируетъ*». Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много; въ десяти русскихъ, есть одно французское. *Imagination, sentimens, tourment, énergie, épithète, expression, exeller*, и прочее, повторяетъ очень часто. Стихи съ римами называетъ *поблужденною трудностію*; стихи бѣлые ему нравятся. По его мнѣнію, русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи, а особливо съ римами; что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессию. Перебирая людей, имѣющихъ въ Казани свои библіотеки, о васъ упомянулъ я, и

сказалъ, что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли? спросилъ Дмитріевъ. Я отвѣчалъ, что прозою, съ перевода Лебрюнова, — и Карамзинъ призналъ этотъ переводъ за самый лучший. Дмитріевъ хвалилъ Фонъ-Визина, Богдановича но Карамзинъ былъ противнаго мѣнія, и когда первый читалъ нѣсколько стиховъ изъ поэмы «На разрушеніе Лиссабона», переведенныхъ, какъ онъ говоритъ, Богдановичемъ, то онъ критиковалъ стихи, называя ихъ слабыми и пр. Онъ росту болѣе нежели средняго, черноглазъ, носъ довольно великъ, румянецъ перовный и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ и перебираетъ всѣхъ строго. Сожалѣеть, что не умѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненій. Дмитріевъ росту высокаго, волосовъ на головѣ мало, косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно и обращаются просто, хотя одинъ поручикъ, а другой генераль-поручикъ. Прощаясь со мной, просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ.

Навѣстивъ Карамзина во второй разъ, Каменевъ пишетъ: «Я сдѣлалъ второй визитъ г. Карамзину, и принять мнѣ столь же хорошо, какъ и въ первый. Сѣвши въ вольтеревскія свои кресла, просилъ онъ меня, чтобы я сѣлъ на диванъ, возвышенный не болѣе шести вершковъ отъ полу, гдѣ, какъ к рю передъ гигантомъ, въ уничижительнѣйшемъ положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ. Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабильѣ: бѣлый байковый сюртукъ, на-распанку, и мелвѣжьи большіе сапоги — составляли его одежду. Говоря о новыхъ французскихъ авторахъ (которыхъ я очень мало знаю), совѣтовалъ мнѣ читать ихъ, утверждая, что ничѣмъ не можно столь себя усовершенствовать въ истинѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ. Совѣтовалъ мнѣ сочинять что-нибудь въ нынѣшнемъ вкусѣ, и признавался, что, до изданія Московскаго Журнала много бумаги имъ перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно. Журналъ его скоро выйдетъ новымъ тисненіемъ. — Комнаты его очень хорошо убраны и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и итальянскихъ писателей; между ними замѣтилъ я Тасса, Метастазія, Франклина, Буфлера, Дюпати и другихъ беллетристовъ. Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ, но имѣетъ многихъ невріятелей, которые

* Вчера и сегодня. Кн. 1. стр. 48—50.

нѣмъ завистя ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую глупую эпиграмму:

«Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ,
«Спѣсью сталъ выше, разумомъ ниже.»

А на «Бездѣлки» его также кто-то сдѣлалъ стихи:

Собралъ свои творенья не къ,
Французъ, назъ Русскихъ, подписалъ: «*Чонъ бездѣлки*»,
А умъ, прочтя сказалъ:
Не много дща,
Лишь надпись справедлива.

Г. Дмитриевъ, почитатель и другъ Карамзина, думая, что послѣдніе стихи сочинены Шатровымъ, отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ Шатрова,
Насъ, Боже ушаси, отъ разума такого *.

Наконецъ Каменевъ сообщаетъ еще слѣдующее любопытное извѣстіе о Карамзинѣ: «На вопросъ мой г. Карамзину, гдѣ и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ Россійскомъ языкѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Родившись въ деревнѣ, воспитывался я въ Симбирскѣ, ходилъ въ паціонъ и читалъ много книгъ русскихъ. Пріѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена нѣмецкому и французскому языкамъ. Началъ переводить, сочинять, и, къ счастью, познакомился съ Петровымъ (молодымъ человекомъ, котораго подъ именемъ Агатона оплакивалъ). Онъ имѣлъ вкусъ моего свѣжбе и чище; поправлялъ мои маранья, показывалъ красоты авторовъ и я началъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣряясь выйти на сцену, я не могъ сискать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій, варварскій*, вовсе несвойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ мѣхъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ «Письмахъ» Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня скопированныхъ, но ему простительно, онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ «Монхъ бездѣлокъ» **.

* Вчера и сегодня». Кн. 1. стр. 51—52.

** Вчера и сегодня». Кн. 1. стр. 57—58.

Что можетъ быть живѣе и замѣчательнѣе этихъ извѣстій для каждаго, кто желаетъ изучить Карамзина, такъ, чтобы проникнуть въ самыя сокровенныя тайны его сердца. Письма Каменева совершенно подтверждаютъ все до-сихъ-поръ сказанное нами о Карамзинѣ. Для подкрѣпленія ихъ достоверности приведемъ мнѣніе издателя ихъ Графа Соллогуба: «Письма Г. П. Каменева, говоритъ онъ, чистая непритворная исповѣдь сердца; онъ писалъ ихъ къ своему другу, въ той увѣренности, что кромѣ людей, ему близкихъ, они никѣмъ не будутъ читаны и, вѣрно, далеку былъ отъ мысли, что они когда-либо напечатаются. Въ нихъ выразился онъ весь, каковъ былъ — со всѣми свойствами, дурными и хорошими, и поэтому можете оцѣнить его прямо, по достоинству. Не смотря на наивность ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вы увидите изъ нихъ чловѣка съ умомъ наблюдательнымъ, взглядомъ на вещи свѣтлымъ и безпристрастнымъ, душою нѣжною, любящею» *.

* Вчера и Сегодня. Кн. 1, стр. 39.

А. СТАРЧЕВСКІЙ.

=

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

=

I.

Генрихъ Маршнеръ.

Будучи ребенкомъ, я уже бралъ уроки на скрипкѣ. Мой учитель, старый полуслѣпой «лейтштъ», вообразилъ, будто во мнѣ скрывается огромнѣйшій талантъ для этого инструмента, и ревностно принялся развивать предполагаемое дарованіе. Метода его преподаванія, самая употребительная въ то время, состояла изъ послѣдовательнаго разыгрыванія новѣйшихъ маршей, любимѣйшихъ танцевъ, и по временамъ увертюръ, аранжированныхъ для двухъ скрипокъ. Къ сожалѣнію наши занятія остались безъ особенныхъ послѣдствій. Я никакъ не могъ добиться до надлежащей твердости смычка. Что же касается до интонаціи, то она отличалась тѣмъ особеннымъ свойствомъ, что собака моя, обыкновенно внимавшая, съ видимымъ удовольствіемъ, моему игръ на «эртепiano, всякій разъ кидалась съ страшнымъ воемъ вонъ изъ комнаты, какъ скоро замѣчала, что я устроиваюсь въ третью позицію. Притомъ всѣ піесы, разыгрываемыя мною на скрипкѣ, нисколько не интересовали меня, разумѣется, къ величайшему удивленію моего учителя. Для сонаты Бетговена и «уги Баха, я бросалъ прелестнѣйшій гопсеръ (Hörser) и новѣйшій экосеръ. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ мой учитель частенько сталъ покачивать головою, и что родители мои, которыхъ я тиранилъ самымъ беспощаднымъ и притомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потеряли наконецъ всякое терпѣніе

и объявили меня, о, радость! совершенно не способнымъ быть вторымъ Паганини.

Впрочемъ этотъ несчастный скрипичный курсъ не остался для меня безъ пользы. Нѣсколько лѣтъ спустя, для одного музыкальнаго общества, въ которомъ и я принималъ участіе, понадобилась альтистъ. Я рѣшился пополнить собою случившійся недостатокъ, и вполне усилъ въ томъ, что еще такъ недавно казалось для меня совершенно невозможнымъ: смычекъ мой сдѣлался тверже, нитонація перестала губительно дѣйствовать на нервы, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я могъ съ пользою участвовать въ квартетахъ и другихъ пьесахъ, которыя исполняло наше общество. Учитель мой, узнавши о внезапныхъ успѣхахъ своего ученика, увѣрялъ всѣхъ, что я всегда дѣйствовалъ не дурию на нижнихъ струнахъ, и что мнѣ не случилось только на одной струнѣ с. Такъ объяснялъ онъ мою удачу на альтѣ.

Не могу утверждать, дѣйствительно ли квинта была для меня камнемъ преткновенія, но знаю только то, что одною изъ главныхъ причинъ моего усердія было желаніе добыть посредствомъ альты мѣсто въ театральномъ оркестрѣ. Слышать всѣ оперы, изучать ихъ, участвовать въ ихъ исполненіи, быть знакому съ пѣвцами и музыкантами, однимъ словомъ, вести жизнь артиста, все это казалось мнѣ величайшимъ блаженствомъ, и, наконецъ, когда исполнилось мое душевное желаніе, и я попалъ съ своимъ альтомъ въ театральнй оркестръ, я былъ на верху счастья. Въ этотъ день въ цѣломъ Гаповерѣ не было смертнаго довольнѣе меня.

Гаповерскимъ оркестромъ управлялъ тогда (въ 1833 году) также какъ и теперь Генрихъ Маршнеръ, замѣчательный композиторъ оперъ и одинъ изъ превосходнѣйшихъ дирижеровъ въ Германіи. Какъ композиторъ, Маршнеръ не принадлежитъ къ генимъ перваго разряда, творенія которыхъ, создаваемые самобытно производящимъ духомъ, отверзаютъ искусству новый путь и создаютъ новые роды. Маршнеръ гевій втораго порядка: онъ творитъ болѣе разумно и характеристически, нежели самобытно. То, что сродно съ его чувствомъ и личнымъ характеромъ доводитъ его до вдохновенія, а вѣчное вдохновеніе уже соединено нѣкоторымъ образомъ съ творчествомъ и слѣдовательно есть гевій. Естественно, что та творческая способность, которая воспламеняется отъ своей собственной фантазіи, есть способность высшая и благороднѣйшая; но не надо забывать и той, которая сначала пріемлетъ божественный огонь извнѣ и потомъ

уже вслѣдуетъ живительнымъ пламенемъ. Она то и хранитъ постоянно искусство, она же и расширяетъ его область. Этихъ генихъ втораго разряда и принадлежитъ нынѣ новый міръ, открытый великимъ гениемъ. Они населяютъ свое владѣніе, смягчаютъ въ немъ суровое, оглаживаютъ неровное, и такимъ образомъ, вращаясь на поверхности прекраснаго, подъ часъ открываютъ въ самой глубинѣ обильныя золотыя жилы, о которыхъ и не снилось первому открывателю. Число этихъ дѣятелей вовсе не такъ велико, какъ показалось бы тому, кто не сумѣлъ бы ихъ отличить отъ огромнаго количества рабскихъ подражателей. Къ числу замѣчательнѣйшихъ дѣятелей новаго времени принадлежатъ, Мейерберъ—для французской оперы, Мендельсонъ — для камерной и церковной музыки, и Маршнеръ для нѣмецкой оперы. Маршнеръ ученикъ Карла-Маріа Вебера. Живые, романтическіе звуки образца отзываются въ его операхъ. Надо замѣтить, что Маршнеръ симпатизируетъ преимущественно съ первыми произведеніями Вебера, съ Фрейшюцемъ, Препіозой, и Эвриантой, тогда какъ Мендельсонъ очень часто настраиваетъ свои творенія на тонъ неземной музыки Оберона. Веберъ творецъ новой романтической оперы; онъ отозвался во «Фрейшюцѣ» на народное вѣрованіе въ чудесное, на эту врожденную человѣку потребность уноситься въ міръ духовный. Ни одно искусство не въ состояніи такъ передать чудесное, сверхъестественное, какъ музыка. Воздушная природа звуковъ вполне соответствуетъ безтѣлеснымъ фантастическимъ образамъ народныхъ преданій и сказокъ. Оттого-то поэзія, служащая канвою музыкѣ, и не пренебрегаетъ областью народнаго вымысла. Композитору открывается здѣсь обширное поле, на которомъ онъ можетъ испытать богатство своего вдохновенія и вкуса. При произведеніяхъ такого рода особенно труденъ общій оттѣнокъ, потому-что композиторъ витаетъ здѣсь въ области духа и совершенно отрѣшенъ отъ элемента земнаго, который, если не совершенно уничтоженъ, то по крайней мѣрѣ подавленъ. Сверхъ того композиторъ долженъ подуматъ и объ освѣщеніи своей картины. Образцы его должны не только выражать грозное или духовное, или гигантское, но и вѣстивъ съ тѣмъ и являться въ извѣстномъ свѣтѣ, то въ яркомъ восточномъ, то въ туманномъ сѣверномъ. Веберъ вполне владелъ этимъ элементомъ; онъ понялъ всѣ его условія и смѣло одолѣлъ трудности. Для «Фрейшюца» нашелъ мрачныя звуки подземной музыки, которыми онъ такъ искусно противопоставилъ нѣжныя романтическія пѣсни охотниковъ. Въ Операхъ

основа другая, совершенно противоположная «Фрейшюцу»; здесь являются легкіе, граціозные образы изъ міра альфовъ, въ изображеніи то поэтически-мечтательномъ, то насмѣшливомъ; нитъ противопоставленъ элементъ благородный, рыцарскій.

Всякая соответствующая духу времени идея, осуществленная истиннымъ гениемъ, влечетъ за собою два неизбежныхъ послѣдствія. Прежде всего она возбуждаетъ общее и заслуженное сочувствіе, и затѣмъ попадаетъ въ передѣлку къ безчисленнымъ, слѣпымъ подражателямъ, которые доводятъ ее иногда до совершеннаго уродства. Такъ было съ романтической оперою. Едва «Фрейшюцъ» успѣлъ обойти всѣ сцены Германіи, какъ повсюду появились оперы, подражавшія ему и даже старавшіяся превзойти его. Чудовища, ужасы ада, однимъ словомъ, все гадкое сдѣлалось основнымъ элементомъ музыки. Страшные диссонансы являлись на каждомъ шагу, инструменты ревѣли самымъ отчаяннымъ образомъ и нѣмецкая опера просто взбѣсилась. Но спрашивается: пугали ли кого-нибудь этотъ ревъ и кутерьма, предлагаемые подъ названіемъ «романтической оперы»? Развѣ только дѣтей; потому что тотъ кто мыслилъ, уже не могъ находить въ ней отвѣта своимъ чувствамъ; онъ отвращался съ презрѣніемъ или насмѣшкою отъ такого искаженія искусства.

Во главѣ немногихъ слѣдовавшихъ по пути Вебера, не изъ подражанія, а по внутренней необходимости, стоитъ Маршнеръ. Главныя черты его музыки — дикая демонская пропія и неукротимая энергія. Въ «Вампирѣ» и «Гансѣ Гейлингѣ» онъ изображаетъ страшную картину посредствомъ соответствующихъ звуковъ, нисколько не нарушая идеи прекраснаго и не низводя ея до пошлости. Въ «Храмовомъ Рыцарѣ» представилъ онъ страсть, восходящую до безумія. Хотя характеръ этой оперы и напоминаетъ собою Веберова «Лизарта», тѣмъ не менѣе онъ вполне вѣренъ и дѣлаетъ оперу истиннымъ художественнымъ произведеніемъ. Особенно счастливъ Маршнеръ въ своихъ мелодіяхъ и именно юниористическихъ. Пѣсни шута и пустынника въ «Храмовомъ Рыцарѣ» — образцовыя созданія; оттого то они и сдѣлались народными въ Германіи. Равный успѣхъ имѣли и другія пѣсни Маршнера. Изъ нихъ я укажу только на «Гордую Англію» на хоръ «*Es zittert im Frühroth*» и застольную пѣсню въ «Вампирѣ».

Несмотря на такую популярность отдѣльных отрывковъ, Маршнеровы оперы никогда не имѣли рѣшительнаго и постояннаго успѣха. Правда, онѣ вездѣ встрѣчали полное одобреніе знатоковъ, притомъ и большинство публики не оставалось къ нимъ

равнодушно; но обыкновенно, послѣ немногихъ представленій, онѣ уже исчезали изъ репертуара, и затѣмъ только изрѣдка и на весьма короткое время извлекались изъ забвенія. Явленіе весьма рѣдкое, чтобы оперы, почти падая на сценѣ, имѣли въ то же время успѣхъ въ сл. Такъ случилось съ «Вампиромъ», «Храмовымъ Рыцаремъ» и «Гансомъ Гейлингомъ». Кто изъ насъ не слышалъ большихъ дуэтовъ изъ «Храмоваго Рыцаря», или терцета изъ «Вампира», исполняемыхъ вдохновенными любителями? Кто не восхищался — даже и при плохомъ исполненіи — этой прекрасной, могучей, полной фантазій музыкой? Простой взглядъ на органическое устройство оперъ объяснитъ намъ это странное противорѣчіе.

Главный элементъ оперъ Маршнера, равно какъ и Вебера, заключается въ мрачномъ, демонскомъ. У Вебера элементъ этотъ помещенъ въ угрожающемъ положеніи, въ дали, на второмъ планѣ; только въ рѣшительныя минуты, въ катастрофѣ, входитъ онъ самостоятельно въ дѣйствіе, и производитъ замѣчательное впечатлѣніе. Такимъ образомъ разумно приготовленный предшествующими обстоятельствами, и являясь не надолго, онъ глубоко поражаетъ публику, вмѣстѣ съ тѣмъ несколько не притупляетъ ея впечатлительности. У Маршнера, напротивъ, постоянно на первомъ планѣ находится элементъ демонскій, чувственный, который естественно скоро впадаетъ въ однообразіе. У Вебера дѣйствующія лица люди, которые хотя и находятся подъ вліяніемъ невидимыхъ силъ, однако же возбуждаютъ въ насъ сочувствіе. Напротивъ, герои Маршнера Вампиры, Кобольды, и мрачныя фанатики, которые сначала хотя и поражаютъ насъ, но потомъ скоро утомляютъ и, наконецъ, заставляютъ желать человеческого. То, что предлагается какъ отдыхъ отъ сверхъестественнаго, само по себѣ не довольно значительно и притомъ проходитъ слишкомъ быстро, чтобы настроить насъ на другой ладъ. Между-тѣмъ демонское снова входитъ въ дѣйствіе, и снова тяготитъ наше вниманіе, пока не истощитъ его вовсе. При такомъ расположеніи канвы, музыкѣ приходится очень плохо. Вообще въ звукахъ менѣе средствъ для выраженія страшнаго, сверхъестественнаго, нежели для выраженія лирическаго, чиста человеческого. Эти средства достаточны для произведенія перваго впечатлѣнія; но чтобы поддержать и усилить эффектъ, мало однихъ *non-ma cordes* и уменьшенныхъ *septima-cordes*, и какъ бы ни былъ огроменъ оркестръ, чтобы достигнуть цѣли, композиторъ долженъ непремѣнно ввести въ дѣйствіе противоположный эле-

ментъ и тѣмъ самымъ уничтожить предвѣдущее впечатлѣніе. У Маршнера всѣ гармоническія и инструментальныя средства въ постоянномъ напряженіи. Изъ одновременнаго приложенія этихъ двухъ силъ происходитъ новое зло. Духовые инструменты, дѣйствуя посредствомъ диссонансовыхъ аккордовъ, и уклоняясь къ отдаленные роды тоновъ, теряютъ свой естественный звукъ; оркестръ хотя и звучитъ какъ-то глухо, а между тѣмъ все таки довольно громко для того, чтобы довести пѣвцовъ до чрезвычайныхъ усилій. Однимъ словомъ, это — картина, написанная на темномъ фонѣ темными красками.

При исполненіи на фортениано отдѣльныхъ нумеровъ этихъ оперъ, недостатки исчезаютъ сами собою: оркестръ не оглушаетъ вась, а демонскій элементъ не утомляетъ вниманія. Тогда на первомъ планѣ чисто-музыкальное достоинство, а оно-то и велико у Маршнера. Вотъ причина, почему оперы этого композитора слушаются съ большимъ удовольствіемъ по частямъ и на фортениано.

Вскорѣ послѣ того, какъ имя Маршнера сдѣлалось извѣстнымъ по «Вампиру» и «Храмовому Рыцарю», онъ приглашенъ въ Ганноверъ капельмейстеромъ. Тамошній оркестръ принадлежалъ въ то время къ числу, если не отличѣйшихъ, по крайней мѣрѣ весьма хорошихъ оркестровъ въ Германіи. Хотя въ числѣ его членовъ было мало замѣчательныхъ виртуозовъ (развѣ только Флейтистъ Гейнемейеръ), но зато много опытныхъ, строгихъ музыкантовъ, которые въ состояніи были, при хорошемъ руководителѣ, отчетливо передать все высокое. Но такого именно руководителя и не доставало оркестру. Нравственный элементъ сильно страдалъ въ немъ, и потому новому капельмейстеру пришлось подчасъ встрѣчать сопротивленіе со стороны артистовъ. Впрочемъ, онъ всегда выходилъ изъ битвы побѣдителемъ. Крѣпкою рукою взялся онъ за возжи и оркестръ такъ быстро пошелъ впередъ, что самые враги автора «Вампира» должны были признать въ немъ первокласснаго капельмейстера.

Какъ всякій свѣтъ имѣетъ свою тѣнь, такъ и всякая заслуга своихъ враговъ; притомъ, чѣмъ болѣе достоинство человека, тѣмъ болѣе число и ожесточеніе его непріятелей. Маршнеръ былъ знаменитый композиторъ, прекрасный капельмейстеръ, умный, замѣчательный человекъ и, слѣдовательно, уже по природѣ своей имѣлъ полное право на огромную толпу противниковъ. Кроме того, онъ имѣлъ несчастный талантъ наживать враговъ. Онъ никакъ не могъ обойтись безъ остроты или насмѣшекъ, какъ

бы не обижалъ этимъ того, въ кому адресовался. Къ несчастію природа надѣлила его тѣмъ богатымъ запасомъ пропіи, что онъ былъ въ состояніи вывести изъ терпінія самого кроткаго человека. Оркестръ болѣе болелъ его, нежели любилъ; это доказывается тѣмъ, что изъ всѣхъ артистовъ одинъ только велъ съ нимъ знакомство. Этотъ артистъ, ревностно угождавшій капельмейстеру, былъ Валерштейнъ, меланхолическій юноша, пріобрѣтшій нѣмалъ извѣстность сочиненіемъ Полекъ.

При моемъ поступленіи въ оркестръ, я тоже былъ представленъ Маршнеру. Нечего и говорить, что сердце мое стучало тѣмъ отчаяннымъ образомъ. При видѣ знаменитаго композитора, котораго произведенія всегда приводили меня въ восторгъ, я сильно оженузался, и потому не полагаю, чтобы сказалъ что-нибудь особенно умнаго. Маршнеру было тогда около сорока лѣтъ; онъ былъ средняго роста и очень полонъ, даже можно сказать толотъ. Черты лица имѣлъ правильныя и тонкія, которыя, вѣроятно, были нѣкогда очень пріятны; теперь же раскраснѣвъ они въ ширину и весьма неживописно покоились на двухъ-этажномъ подбородкѣ, спрятанномъ въ бѣлый галстухъ. Ротъ и глаза всего болѣе выражали его характеръ. Взглядъ его прекрасныхъ темныхъ глазъ былъ живъ, поэтиченъ и пронизателенъ: въ нихъ видѣнъ былъ композиторъ. Маленькій, легко очерченный ротъ, имѣлъ какое-то насильливое выраженіе и не вселялъ въ васъ довѣрія. Полнота тѣлосложенія препятствовала Маршнеру дивизировать цѣлую оперу стоя, и потому онъ дивизировалъ обыкновенно сидя на высочайшемъ стулѣ.

Первая опера, въ которой я принималъ участіе, была «Робертъ». Для альтовъ былъ тогда въ оркестрѣ только одинъ пуллетъ. За нимъ обыкновенно засѣдалъ безгласный ветеранъ и очень бойкій молодой человекъ. Я помѣщался между ими обонми и получалъ назначеніе помогать то старому, то молодому, смотря по обстоятельствамъ. Первый изъ нихъ игралъ первый голосъ, послѣдній — второй и, надо замѣтить, слылъ за безтолковую голову. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться на первой репетиціи. До пятаго акта все шло своимъ порядкомъ, именно до того мѣста, гдѣ альты являются на первомъ планѣ. Въ этомъ мѣстѣ Маршнеръ, недовольный исполненіемъ, нетерпѣливо закричалъ имъ: «Сильнѣе альты!» При этихъ словахъ соствѣ мой вскопчалъ съ своего мѣста и, вытянувшись во всю длину, громко произнесъ слѣдующую рѣчь, которая даже заставила увеличить первого тенора, называющаго въ тихомъ речитативѣ свою думев-

ную болѣзнь: «Я гранадскій принцъ и никто кромѣ меня не обладаетъ такою чрезвѣчною квартой. Попробуйте только отнять у меня эту тайну! Вы всегда найдете меня готовымъ къ бою! Живѣе, мои рыцари! подведите мнѣ моего боеваго коня и тотчасъ же въ битву!» Тутъ замахалъ онъ въ воздухѣ своимъ альтомъ и смычкомъ и бросился, мимо виолончелей и контрабасовъ, вонъ изъ оркестра. Оркестръ, естественно, остановился; духовые инструменты, сидѣвшіе на противоположномъ краю, поднялись съ своихъ мѣстъ, чтобы посмотреть, что такое случилось на нашей сторонѣ; виолончелисты и басисты принялись осматривать свои инструменты, боясь, не потеряли ли они вреда отъ толчковъ убѣжавшаго принца. Маршнеръ положилъ конецъ замѣшательству. «Наша чрезвѣчная кварта опять сошла съ ума, сказалъ онъ. Впрочемъ, это ничего не значитъ. Нѣсколько пѣвковъ образумятъ ее.» И въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій вечеръ мой сосѣдъ снова появился на своемъ мѣстѣ. Онъ цѣлое представленіе игралъ очень спокойно, не говоря ни слова и, какъ кажется, совершенно забылъ о своемъ высокомъ происхожденіи.

Не много спустя послѣ этого приключенія я давалъ концертъ на органѣ. Въ этомъ концертѣ участвовали общество пѣвца (Liedertafel) и оркестръ, подъ дирекціею Маршнера. Большая фантазія для хора, написанная въ формѣ «уги», въ которой я изложилъ все свое знаніе контрапункта и канона, обратила на меня вниманіе Маршнера. Съ этой поры онъ сблизился со мною; онъ сталъ давать мнѣ совѣты насчетъ моихъ сочиненій и вообще принималъ во мнѣ дружественное участіе. Въ это время онъ трудился надъ «Гансомъ Гейлнгомъ». Опера эта дана въ первый разъ въ Берлинѣ подъ дирекціею самого композитора (либретто ея написано Карломъ Девриентомъ, занимавшимъ въ піесѣ главную роль) и встрѣтила холодный пріемъ. Маршнеръ возвратился изъ Берлина въ сильномъ неудовольствіи. Главную вину неуспѣха онъ приписывалъ Спонтини, который, по его словамъ, вслѣдствіи интриговалъ противъ новой оперы. Но вотъ дѣло дошло до «Гейлнга» и въ Ганноверѣ. Все было сдѣлано, чтобы приготовить оперѣ блестящій пріемъ. Пѣвцы, воодушевленные наилучшимъ духомъ, исполняли свое дѣло отлично, постановка была великолепная, оркестръ, на долю котораго выпадала большая часть трудностей, дѣйствовалъ съ величайшимъ увлеченіемъ. Маршнеръ выказалъ при этомъ случаѣ весь пылъ, всю энергію счастливаго композитора. Никогда ни прежде ни послѣ я не испытывалъ на себѣ въ такой степени электрическаго вліянія, производимаго во-

одушевленными капельмейстеромъ на исполнителей, какъ при представленіяхъ «Ганса Гейлинга». Особенно памятна мнѣ сцена втораго акта, которая сама по себѣ принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ этой оперы. Анна, вѣста Гейлинга, заблудилась ночью въ лѣсу. Духи окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ; они тѣснятъ и тѣснятъ заключаютъ въ свою среду испуганную дѣвушку, сначала тихо глухимъ ропотомъ, а потомъ яростными криками требуютъ отъ нея возврата Мастера, изъ любви къ ней покинушаго ихъ общество. Въ эти минуты на лицѣ Маршнера отражалось все, и дѣйствіе и музыка. При началѣ отрывка, во время мрачнаго ропота, сидѣлъ онъ согбенно на своемъ стулѣ и едва отдѣлялъ свой жезлъ отъ листовъ партитуры. Какъ-скоро наступало crescendo, онъ пробуждался отъ мечтаній, движенія его дѣлались живѣе и живѣе, онъ окидывалъ оркестръ воодушевленнымъ взоромъ, и наконецъ, когда crescendo разрѣшалось громовымъ акордомъ *gis-dur*, онъ какъ Нептунъ воздымался надъ бурными волнами звуковъ и величественно колебалъ своимъ трезубцемъ. Такія минуты вдохновенія, которыя доступны только истинно высокому, дѣйствуютъ электрически даже на публику. Такимъ образомъ эффектъ этой сцены былъ всегда замѣчательнѣе прочихъ. Впрочемъ въ цѣломъ «Гансъ Гейлингъ» въ Ганноверѣ былъ не многимъ счастливѣе, нежели въ Берлинѣ: онъ хотя и держался въ некоторое время на репертуарѣ, но за тѣмъ сталъ являться изрѣдка, и то послѣ долгихъ промежутковъ времени.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новѣйшія итальянскія оперы, которыя стали въ то время распространяться болѣе и болѣе, дѣйствуютъ вреднымъ образомъ на вкусъ публики, стѣсняли отчасти кругъ дѣйствій строгой нѣмецкой музыки, именно въ родѣ Маршнеровой. Маршнеръ, во первыхъ, какъ основательный музыкантъ, не сочувствующій пустой, безхарактерной музыкѣ, во вторыхъ, какъ оскорбленный композиторъ, вдвойнѣ не благоволилъ итальянскимъ операмъ. Вскорѣ послѣ «Ганса Гейлинга» мы привалили разучивать «Норму». Маршнеръ, гдѣ только могъ, сократилъ партитуру, что чрезвычайно не понравилось пѣвцамъ, любившимъ такого рода музыку. Разучиваніе тоже шло довольно небрежно и потому въ публикѣ распространилась вѣсть, что Маршнеръ хочетъ уронить «Норму». Гроза со всѣхъ сторонъ стала собираться противъ капельмейстера; непріятный случай на генеральной репетиціи ускорилъ ея разрѣшеніе.

Одинъ молодой оранжерейщикъ, отчаянный меломанъ, бравшій уроки на слѣйтѣ у нашего поззуниста, пробрался на репетицію, подѣ

протекшею своего учителя, въ ложу первого яруса: Онъ былъ когда-то въ Италіи и потому считала себя въ правѣ судить объ итальянской музыкѣ. Въздвигнувъ этого, послѣ окончаннаго терцете первого акта, онъ поднялся съ своего мѣста и закричалъ въ оркестръ: «Убѣряю васъ, господити капельмейстеръ, что въ Италіи этотъ терцетъ исполняется вдвое скорѣе.» Колькій, язвительный отвѣтъ капельмейстера заставилъ замолчать неприсяжнаго судію, и въѣсть съ тѣмъ ускорилъ приближеніе грозы. На слѣдующій вечеръ въ театръ собралось множество ошцееровъ. Для этого имъ не нужно было тратить особенныхъ денегъ. Между многими другими преимуществами они пользовались и тѣмъ, что получали абонементъ за ничтожную цѣну, который и учитывали въ своего мѣсячнаго жалованья. Такимъ образомъ при первомъ представленіи «Нормы» рѣшительно весь партеръ былъ занятъ всенными. «Норма» принята была страшнѣйшими рукоплесканіями; почти всѣ нумера, и преимущественно тѣ, которые были сокращены Маршнеромъ, были требованы вторично: однимъ словомъ, «Норму» вознесли до небесъ. И такъ Маршнеру мстили, пока еще коевѣно; но при концѣ представленія мечь пала прямо на его голову. Послѣ того какъ вѣвцы были вызваны и удостоены букетовъ, партеръ потребовалъ Маршнера, и притомъ таними отчаянными криками, что капельмейстеръ по неволѣ долженъ былъ показаться. Несчастный! его осмистали и ошникали самымъ страшнѣйшимъ образомъ, и въ добавокъ на другой день разбравали почти во всѣхъ журналахъ.

Впрочемъ въ этомъ случаѣ система доктора въ Иммермановомъ Мюнхгаузенѣ, объяснявшаго всѣ событія изъ двухъ началъ, толчка и оттолкновенія, оправдалась на дѣлѣ какъ нельзя лучше. Друзья Маршнера, число которыхъ замѣтнымъ образомъ прибыло послѣ извѣстнаго приключенія, рѣшились поправить бѣду и вознаграить оскорбленнаго капельмейстера. Возвѣщенное на аншпахъ представленіе «Вампира» избрано ареною боя и все приготовилось удовлетворить Маршнера самымъ блестящимъ образомъ. Неожиданный пріѣздъ Спортини казался, какъ нарочно, долженъ былъ способствовать торжеству, потому что Маршнеру пріятно было одержать побѣду въ глазахъ соперника, которому онъ приписывалъ неудачу «Ганса Гейлинга» въ Берлинѣ.

Къ несчастію, мечта осуществилась не вполне. Спортини объявилъ, что онъ долженъ уѣхать изъ ГанOVERA, какъ разъ въ день представленія «Вампира»; впрочемъ онъ хотѣлъ быть наканунѣ на генеральной репетиціи: Маршнеръ и Спортини не видѣлись.

Надо, изъ-за не-хотѣть одѣлать первый гавецъ. Я поинтересовался съ Спонтини, съигравъ у него нѣсколько дуэтовъ со скрипачомъ Валлерштейномъ, которому хотѣлось быть ангажировану въ Берлинъ. Такимъ образомъ я былъ посредникомъ между композиторомъ «Весталки» и «Вампира». Настала день генеральной репетиціи. Маршиеръ, который обыкновенно не раньше кинетъ передъ самымъ началомъ сходять въ оркестръ, на этотъ разъ уже давно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, между настроившимися скрипками и прелюдованными духовыми инструментами. Такъ набѣгнувъ одна свиданія съ Спонтини, который въ это время, кланяясь на всѣ стороны самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ, проледалъ со мною черезъ спину въ свое ложе. Репетиція началась.

Увертюра и мрачная интродукція прошли счастливо. Слѣдовало выходить несчастной Лангъ, чтобы шестъ первое жертвоу «Вампира». Вмѣсто ея явилось свидѣтельство о болѣзни. И такъ дуэтъ былъ выпущенъ, чѣмъ, впрочемъ, Маршиеръ былъ не счастливъ не доволнать: онъ зналъ, что это былъ слабѣйшій номеръ его оперы. Болѣе значительная бѣда случалась съ еяжеюль. Карлъ Фоль-Давенантъ, швейцарскій бѣсъ, внезапно заболѣлъ. Такъ какъ терцетъ, важнѣйшій номеръ этой роли, былъ уже пропѣтъ, то Маршиеръ продолжалъ репетицію, пополняя басовую партію своимъ, вовсе не отличившимъ голосомъ.

Если первый актъ испыталъ только немного терпѣніе композитора, то второй, просто, истощилъ весь его запасъ. Женни, маленькая вѣжста отлучица, объявила во всеуслышаніе, что она простудилась, охрипла, и потому не можетъ пѣть. Такимъ образомъ у «Вампира» ускользнула и вторая жертва. Репетицію надо было отложить, а равно и самое представленіе. Тутъ Маршиеръ просто вышелъ изъ себя. «Фухарка моя, произнесъ онъ громко, обращаясь къ оркестру, сегодня тоже очень больна. Бѣдная женщина стояла цѣлую ночь у корыта, и вышло потеряла голосъ; едва говорить». Пѣвица, про которую, надо замѣтить, говорили, что она раздѣляетъ домашнія радости и заботы одного музыканта изъ нашего оркестра, въ ярости подбѣжала къ самымъ лампамъ. «Я надѣюсь, господицъ капельмейстеръ, сказала она, что вы не меня равняете съ вашей кухаркой!» — Очень жаль, отвѣчалъ Маршиеръ, что первая пѣвица придворнаго театра больна тою же болѣзнію какъ и кухарка!

Репетиція прекратилась; оркестръ разбѣялся, Маршиеръ тоже исчезъ очень быстро. Я проводилъ Спонтини домой. Дорогой послѣдній разсыпался въ похвалахъ Маршиеру, его сочиненіямъ и

таинству диринировать. «Жаль только, сказалъ онъ, что у этого замѣчательнаго человека такой страшный характеръ. Въ Берлинѣ, когда онъ ставилъ «Гейлинга», я предлагалъ ему съ своей стороны всевозможныя услуги, приглашалъ каждый день обѣдать, отдавалъ въ его распоряженіе мой экипажъ; однимъ словомъ, дѣлалъ все, что только могъ, чтобы выразить ему мое уваженіе и дружественное расположеніе. Онъ уѣхалъ не простясь со мною, и теперь бѣгаетъ отъ меня. Впрочемъ, все это нисколько не препятствуетъ мнѣ лично отблагодарить его за то наслажденіе, которое доставила мнѣ сегодня его музыка. Подѣлите къ нему вмѣстѣ послѣ обѣда».

Не отъмывался ли эти нѣсколько пышныя комплименты злобною радостію побѣдителя?

Послѣ обѣда мы пошли съ Спортини нѣшкомъ (такъ ему хотѣлось) къ Маршнеру. Маршнеръ жилъ довольно далеко за городскихми воротами. Время было осеннее, на улицахъ грязь; однако по тротуарамъ мы довольно счастливо добрались до воротъ. Въ этомъ же мѣстѣ мы наткнулись на незримую лужу грязи, черезъ которую вела узкая, извилистая тропинка. Спортини остановился и, казалось, искалъ средства пройти далѣе. «Вы видите, сказалъ онъ мнѣ наконецъ, здѣсь нѣтъ никакой возможности пробраться. Скажите, пожалуйста, господину Маршнеру, что я хотѣлъ посѣтить его, но не могъ.»

На слѣдующій день Спортини уѣхалъ; представленіе «Ванштра» было отложено, и Маршнеръ сдѣлался недовольнѣе чѣмъ когда-либо.

Позднѣйшія оперы Маршнера: «Falkner's Braut», «Schloss am Aetna», «Бобу» и «Адольфъ Нассаускій» нигдѣ не имѣли значительнаго успѣха. Гений композитора весь истощился въ трехъ первыхъ его операхъ.

Говорятъ, что въ молодости Маршнеръ былъ замѣчательнымъ пианистомъ. Я слышалъ его только разъ въ публикѣ. Онъ игралъ рондо Гуннела, а-дур, игралъ довольно обыкновенно и съ замѣтною робостію.

Утренніе квартеты Вьетана.

Два года тому назадъ, когда Вьетанъ задумалъ осуществить на дѣлѣ свою прекрасную мысль, множество голосовъ предсказывало ему неудачу. Полагали, что музыкальный вкусъ петербур-

бургской публички еще не довольно развить для того, чтобы обеспечить успѣхъ предпріятію, цѣлю котораго было исполненіе самой строгой инструментальной музыки. Можно было смѣло утверждать, что всѣ артисты обѣзучены слушать квартеты Гайдна, Моцарта, Бетгофена, но нельзя было рассчитывать на публику, платящую, для привлеченія которой потребовалось бы призвать на помощь пѣніе и современную виртуозность, и тѣмъ самымъ нарушить основную мысль учрежденія. Если скептиканъ указывали на рѣшительный успѣхъ квартетовъ братьевъ Мюллеровъ, то слышали въ отвѣтъ, что Мюллеры пріѣзжали къ намъ какъ сардешскія знаменитости и, слѣдовательно, могли возбудить любопытство публики, и такимъ образомъ войти въ моду на короткое время. Притомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ десяти лицъ, отзывающихся съ восторгомъ о Мюллеровыхъ квартетахъ, быть можетъ, только одно говорило свое собственное мнѣніе. Наши туземные артисты, не заключая въ себѣ достоинства новосты, и не имѣя заграничной рекомендаціи, какъ бы они хорошо не исполняли свое дѣло, не въ состояніи будутъ заинтересовать публику такимъ родомъ музыки, который вовсе не въ ея вкусѣ. Въ видахъ искусства должно желать предпріятію полного успѣха, но на дѣлѣ увидите что будетъ, и прочее, и прочее.

Существованіе у насъ Вьетановыхъ квартетовъ уже третій годъ ясно показываетъ, исполнились ли эти предсказанія. Разумѣется, смѣшно было ожидать участія большинства публики. Комнатная музыка требуетъ мыслящихъ образованныхъ слушателей, которые имѣли бы достаточныя свѣдѣнія въ музыкѣ для того, чтобы слѣдить за техническою стороною нѣсы и вмѣстѣ съ тѣмъ давать себѣ отчетъ въ принимаемыхъ впечатлѣніяхъ. Конечно, такого роду дѣло недоступно большинству, засѣдающему какъ разъ на своемъ мѣстѣ въ Италіанской Оперѣ и въ концертахъ пассажа. Пусть тамъ оно предается наслажденію. Къ нашимъ квартетамъ привыкла совсѣмъ другаго рода публика: она не многочисленна, но достаточна для того, чтобы наполнить собою залъ Петропавловской Школы; публика, которая въ продолженіе двухъ лѣтъ ни увеличилась, ни уменьшилась числомъ, а осталась въ своемъ неизмѣнномъ первобытномъ составѣ.

Богѣзь пренятствовала мнѣ быть на двухъ первыхъ квартетахъ нынѣшняго сезона; когда же я явился на третій, то нашелъ въ залѣ тѣхъ же самыхъ слушателей и на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ прошедшемъ году. Тѣ же артисты по угламъ, тѣ же неизвѣстныя лица, напоминающія мнѣ собою, всякій разъ

при встрече на людей, известное место въ петропавловской за-
лѣ. Къ - сожалѣнію, исполнителн были не все тѣ же какъ въ
прошломъ году. Не было канцеляйсгера Альбрехта, отличнаго
альтвета, не было основательнаго виолончелиста Гроса, казалое
созданнаго для квартетной музыки, и недавно похищеннаго у
насъ смертію. Мѣста выбывшихъ исполнителей занимали господа
Дробышъ и Карлъ Шубертъ. Оба эти артиста обладаютъ доста-
точноиъ искусствомъ и музыкальнѣиъ образованіемъ, чтобы
быть достойными преемниками Альбрехта и Гроса: они могутъ
даже имѣть нѣкоторыя преимущества передъ своими предше-
ственниками (такъ, напримеръ, виолончель Шуберта звучитъ
преимущественно на нижнихъ нотахъ сильнѣе и полнѣе нежели
виолончель Гроса), но зато они имѣютъ несправильный недоста-
токъ, который зависитъ отъ времени — они еще не свыклись
другъ съ другомъ. Долгая постоянная игра имѣетъ необходима
для того, чтобы слить четыре личности въ одно нераздѣльное
цѣлое, воодушевленное одною мыслию — здѣсь-то и лежитъ тай-
на квартета. Въ прошломъ году Вьетаповы квартеты уже близки
были къ этому единству; нынѣ же, когда въ квартетъ вступили
дѣй новыя личности, не знакомыя оставшимся, естественно долж-
но произошло нѣкоторое нарушеніе единства, выражающееся под-
часъ въ неровности исполненія. Мы увѣрены впрочемъ, что на-
ши отличные исполнители скоро сгладятъ эти неровности и до-
стигнутъ первообычнаго единства.

Утро началось не ровно въ два часа, какъ обѣщала програм-
ма, а въ половинѣ третьаго, и именно квартетомъ Онслова,
d moll, No 20. Эта пѣса принадлежитъ къ новому музыкальному
направленію, извѣстному подъ именемъ романтическаго, въ ко-
торомъ думаютъ изобразить съ положительною опредѣленностью
самыя противоположныя страсти: любовь и ненависть, радость и
отчаяніе. Здѣсь скрипка испускаетъ томныя, патетическія звуки,
альтъ жалобно рыдаетъ, виолончель воздымаетъ глаза къ небу,
однимъ словомъ, это драматическій инструментальный квартетъ,
или иначе, опера безъ дѣйствія, безъ словъ, безъ пѣвцовъ и
безъ оркестра. Такого рода пѣсы имѣютъ съ квартетомъ только
то общее, что исполняются четырьмя инструментами; соб-
ственно же они напоминаютъ собою лягушку, хотѣвшую сдѣ-
латься волонъ.

Отличное искусство исполнителей имѣло много случаевъ выол-
нѣ выказать себя въ этой пѣсѣ; нѣкоторыя отдѣльныя мѣста
были очень хороши; что же касается до существа созданія, то

оно осталось прямо противоположно условіямъ квартетной музыки. Между музыкальными идеями и матеріальными средствами должно непрерывно существовать внутреннее согласіе. Для выраженія одной идеи достаточно фортепиано или даже гитары, тогда какъ для другой нужны все силы хора и оркестра. Вообще можно сказать, что для идей опредѣленныхъ, положительныхъ, передающихся въ словѣ, нужны средства, представляемые соединеніемъ разнородныхъ инструментовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что драматическая мысль всего болѣе прилична увертюрѣ и симфоніи и что концертъ постоянно долженъ имѣть въ виду матеріальныя средства и удалиться отъ идей опредѣленныхъ, положительныхъ, если для выраженія ихъ не представляется достаточнаго количества и разнообразія инструментовъ. Такимъ образомъ септетъ или секстетъ долженъ быть менѣе положительнѣе нежели симфонія; квинтетъ менѣе нежели секстетъ. Точно также квартетъ, средства котораго ограничиваются необходимостію, не только не можетъ замѣнить собою симфоніи, но по своему внутреннему значенію, образуетъ родъ, совершенно ей противоположный.

И такъ важнѣйшее въ квартетной музыкѣ есть выборъ мотива и соотношеніе послѣдняго къ высшимъ средствамъ. Мендельсонъ нашелъ это лучше нежели Онеловъ. Квартетъ е-dur, заключившій утро, въ высочайшей степени совершенное произведеніе. Оно полонъ новизны и знанія, и ни на минуту не оставляетъ области отвлеченнаго чувства, которое такъ сродно комнатной музыкѣ.

Фантастическое скерцо, въ концѣ котораго инструменты разрѣшаются такимъ бурнымъ, могучимъ созвучіемъ, было повторено. Между обоими квартетами господинъ Вьетанъ исполнилъ, вмѣстѣ съ господиномъ Рубинштейномъ, сонату для скрипки и фортепиано Себастиана Баха. Виновать! такъ сказано было на афишѣ, на дѣлѣ это были два отрывка изъ двухъ разныхъ сонатъ, именно e-dur изъ третьей и f-ugi a-dur изъ второй. Несчастный Бахъ! тебя разняли по частямъ и хотять перестроить на иной ладъ! Я протестую противъ такого увѣчья!....

Исполненіе тоже не было безукоризненно. Господинъ Вьетанъ, который такъ мастерски передалъ намъ Хакамъ знаменитаго Себастиана, былъ не на своемъ мѣстѣ при исполненіи иѣжнаго, игриваго отрывка e-dur. Нужно было бы по-болѣе внутренняго чувства и по-иѣжнѣе тона. Господинъ Рубинштейнъ, игравшій на

глухомъ лихтеналевскомъ роялѣ, какъ кажется, хорошій пианистъ, но для піесъ Баха потребенъ не просто виртуозъ, но артистъ опытный, со вкусомъ, вполне развитымъ. Господинъ Рубинштейнъ позволялъ себѣ предѣлки (аккорды въ басу, вмѣсто обыкновенныхъ октавъ), которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допущены при строгомъ ходѣ голосовъ; притомъ онъ не всегда удачно вторилъ скрипкѣ, укажемъ для примѣра на трель перваго отрывка. Въ фугѣ встрѣчались неровности ритма, что было вдвое замѣтнѣе при желѣзной твердости Вьетава.

— 16 декабря Академія пѣнія (Singakademie) давала концертъ, въ которомъ исполнена была первая часть ораторіи Мендельсона «Павелъ», подъ дирекцію господина Белвига. Академія существуетъ въ Петербургѣ уже съ давняго времени и съ неутомимою ревностію служитъ искусству, что дѣлаетъ честь, какъ ея директору, такъ и членамъ. Исполненіе прекраснаго созданія Мендельсона, разученнаго какъ нельзя лучше, удалось вполне. Жаль только, что пѣніе аккомпанируемо было на фортепіано. У Мендельсона оркестръ очень часто дѣйствуетъ самостоятельно и потому его не такъ легко замѣнить здѣсь посредствомъ фортепіано, какъ въ произведеніяхъ Генделя, гдѣ оркестръ служитъ только поддержкою пѣнію. Впрочемъ хоръ академіи, по своей малочисленности, не былъ бы въ состояніи идти въ уровень съ оркестромъ. Такимъ образомъ отсутствіе послѣдняго имѣло свою хорошую сторону. Хоръ съ фортепіано казался полнѣе, и оттенки пѣнія обозначались ясвеннѣе. Соло исполнены были очень удовлетворительно, а алтарія и пѣснь раскаянія просто прекрасны.

— 18-го декабря данъ былъ концертъ здѣшнимъ Симфоническимъ Обществомъ. Пишущему эти строки довольно щекотливо было бы произносить свое сужденіе о томъ концертѣ, въ которомъ онъ принималъ значительное участіе и былъ диригентомъ, и потому, для полноты музыкальной хроникѣ, онъ ограничится выпискою мѣстія объ этомъ музыкальномъ торжествѣ «Санктпетербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей.»

« Мы уже говорили въ нашихъ листкахъ, что съ нынѣшней зимы Симфоническое Общество пополнилось вновь образованнымъ въ немъ обществомъ пѣнія. Такимъ образомъ оно сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ музыкальныхъ учрежденій въ нашемъ городѣ, потому-что приобрѣло возможность исполнять большія сочиненія, написанныя для хоровъ и оркестра. Первое исполненіе въ такомъ родѣ происходило въ субботу, 18 дека-

« бря, въ залѣ университета. Эстрада, занятая исполнителями, въ
 « яркоосвѣщенномъ залѣ, представляла прекрасную картину. Вотъ
 « подробный составъ дѣйствующихъ лицъ, взятый нами изъ до-
 « стовѣрнаго источника. Всѣхъ участвовавшихъ было въ хорѣ
 « 110, въ оркестрѣ 66, именно :

Въ хорѣ:

30 сопрано.
 22 альты.
 31 теноръ.
 27 басовъ.

Въ оркестрѣ:

14 первыхъ скрипокъ. 2 флейты.
 14 вторыхъ скрипокъ. 2 гобоя.
 8 альтовъ. 2 кларнета.
 9 виолончелей. 2 фагота.
 5 контрабасовъ. 2 рога.
 2 трубы.
 3 позавуны и литавры.

« Такое значительное по числу членовъ общество, не только
 « въ правѣ, но даже обязано посвящать свои силы исполненію ве-
 « лкихъ твореній. Пусть слабыя силы истощаются надъ ничтож-
 « выми произведеніями; отъ нашего же симфоническаго общества
 « мы должны ожидать классическихъ ораторій Гевделя, Гайдна и
 « Мендельсона. Первый концертъ хотя и не представилъ намъ
 « большой ораторіи — при недавнемъ существованіи новой органи-
 « заціи общества, трудно было бы разучить подобную вещь, — за-
 « то онъ далъ прекрасный выборъ изъ классическихъ сочиненій.
 « Концертъ начался величественною симфонією Моцарта (с-dur)
 « съ фугой, послѣднимъ и величайшимъ произведеніемъ безсмерт-
 « наго мастера. Симфонія эта, подъ дирекцію господина Албрех-
 « та, была исполнена какъ нельзя лучше. За нею слѣдовалъ гимнъ
 « Бетговена «Die Ehre Gottes», аранжированный господиномъ
 « Дамке для мужскаго хора и оркестра. Бетговена «Orferlied»
 « для сопрано и хора заключила первую часть. Во второй части
 « исполнена была увертюра изъ «Донъ Жуана» и наконецъ глав-
 « ная піеса этого вечера «Сотый псаломъ Гевделя». Въ этомъ
 « прекрасномъ произведеніи хоръ явился во всей своей силѣ, во
 « многихъ мѣстахъ эффектъ былъ просто поразителенъ. Сто го-
 « лосовъ, сливавшіеся съ удивительною чистотою и вѣрностію въ
 « одинъ могучій потокъ звуковъ, казались еще сильнѣе въ спле-
 « тивіяхъ фуги и производили величайшій эффектъ. Кто пони-
 « маетъ всю трудность задачи довести въ нѣсколько недѣль вновь
 « сформированный хоръ до безукоризненнаго исполненія, тотъ
 « вполне оцѣнитъ стараніе и талантъ господина Дамке, подъ ру-
 « ководствомъ котораго разучивались хоры, и который дирижиро-

«валъ исполненіемъ. Соло или прекрасно и преимущественно
«дуэтъ для альты и баса, который — событіе не бывающее въ
«подобныхъ концертахъ!.... былъ потребованъ публикою вто-
«рично. Новая инструментовка господина Дамке, записанная въ
«запискѣхъ недостававшихъ органовъ, произвела прекрасный эф-
«фектъ, особенно въ соло».

«Этимъ концертомъ Симфоническое Общество съ разу стало на
«ряду съ лучшими частными музыкальными учрежденіями По-
«тербурга. Теперь всякій изъ насъ, кто только любитъ истин-
«ную музыку, долженъ заботиться о томъ, чтобы оно удержа-
«лось на этомъ почетномъ мѣстѣ».

На другой день, въ воскресенье, въ томъ же залѣ былъ кон-
цертъ студентовъ. Оркестръ исполнилъ очень хорошо, подъ ди-
рекціею Г. К. Шуберта, симфонію Каливоды f-moll и увертюру
Мендельсона «Meeresstille und glückliche Fahrt». Между обоими
піесами одна любительница сыграла отчетливо и вѣрно адажію и
финалъ изъ концерта Гуммеля h-moll, а другая прекрасно спѣ-
ла русскую и вѣмецкую піесню.

— Въ то же время Рубинштейнъ давалъ музыкальное утро въ
залѣ пассажа. Мы подождемъ пока произносить рѣшительное суж-
деніе объ этомъ артистѣ. Впрочемъ, прослушавъ его одинъ разъ,
мы можемъ смѣло сказать, что игра его отличается необычно-
веннымъ блескомъ и бѣгlostію, что выказалъ онъ вполнѣ въ
тарантеллѣ собственнаго сочиненія. Піеса эта не отличается
особеннымъ внутреннимъ достоинствомъ, но принадлежитъ къ
разряду піесъ, которыя, при такомъ совершенномъ исполненіи,
приводятъ слушателей въ удивленіе.

— Господинъ Сигизмундъ Штернъ, мѣтавскій уроженецъ, ко-
торый долгое время былъ здѣсь извѣстенъ какъ учитель музыки,
отправился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижъ. Онъ на-
дѣялся, при помощи тамошнихъ средствъ, обработать музыкаль-
ное теоретическое сочиненіе, планъ котораго уже давно былъ
имъ составленъ. Онъ не думалъ писать какое-нибудь глубоко-
ученое сочиненіе, канонъ или фугу, а просто хотѣлъ изложить
логически все то, что необходимо для каждаго занимающагося му-
зыкою, именно: основныя правила гармоніи, употребленіе голо-
совъ и инструментовъ, и такъ далѣе. Такого рода сочиненіе долж-
но было служить руководствомъ, какъ для учителей, такъ и для
учащихся. Читатели подумаютъ, что подобныхъ руководствъ и
безъ того слишкомъ много — и вѣрно ошибутся. Правда, много
было попытокъ создать что-нибудь въ этомъ родѣ, но, къ-оо-

жалѣнію, всё эти попытки остались безъ успѣха. Одинъ черезъ чуръ подробно излагалъ свой предметъ, и потому создавалъ такой толстый фоліантъ, который невольно обращалъ въ бѣгство всякаго любителя; другой спотыкаясь на противоположномъ пути, и желая быть краткимъ, впадалъ въ неполноту. Удалось ли господину Штерну попасть на настоящій путь, мы не можемъ рѣшить этого до-тѣхъ-поръ, пока не увидимъ его сочиненія въ печати, но во всякомъ случаѣ, не основываясь на отзывѣ Парижской Академіи, мы можемъ предполагать, что задача разрѣшена имъ удовлетворительно. Оберъ, Карафа, Спонтини, Адамъ и Галеви одобрили сочиненіе господина Штерна въ «Institut de France», 9 сентября 1848 года, а на сужденіе такихъ людей смѣло можно положиться. Эльваръ, знаменитый профессоръ композиціи въ Парижской Консерваторіи, тоже отзывается очень лестно о сочиненіи господина Штерна. Онъ написалъ къ этому сочиненію предисловіе, оканчивающееся слѣдующими словами: «Honneur donc à l'artiste consciencieux qui, comme M. Stern vient de le faire, a débarrassé la théorie des vieilles entraves de la routine. Traiter ainsi la théorie, c'est faire marcher la pratique à pas de géant, c'est ouvrir enfin une carrière sans bornes au génie musical!». И такъ то, чего тщетно добивались парижскіе профессора, написать руководство, которое заслужило бы одобреніе перваго въ свѣтѣ музыкальнаго института, удалось русскому артисту. Господинъ Штернъ прибылъ теперь въ Петербургъ для того, чтобы издать свое сочиненіе по подпискѣ.

— Въ числѣ новостей, ежедневно предлагаемыхъ намъ пассажирамъ, находится новое изобрѣтеніе фортепіаннаго мастера Лихтенталя. Это больше ничего, какъ модификація одного изъ его прежнихъ *новыхъ* изобрѣтеній, въ которомъ впрочемъ новизна не составляла главной существенности, именно — уменьшенное изданіе лихтенталевскаго имперіала. Самые ревностные защитники прежнихъ имперіаловъ * признавались, что эти имперіалы черезъ чуръ велики, и что они скорѣе походятъ на гору, нежели на инструментъ. Этотъ недостатокъ, который, надо замѣтить, вовсе не вознаграждался какими-либо другими достоинствами инструмента, устраняетъ теперь посредствомъ уменьшенія формата. Выигралъ

* Ревность этихъ людей такъ сильна, что недавно одинъ изъ нихъ написалъ въ своей фельетонѣ слѣдующую фразу: «Имперіалы упрекаютъ въ громкости: это тоже, что упрекать солнце въ томъ, что оно слишкомъ свѣтло.» Солнце и надѣіе Лихтенталя!...

ли отъ того самый тонъ инструмента, это другой вопросъ, который рѣшить опытъ. Теперь уже совершенно забыть большой ройаль * (Streich-Flügel) той же фабрики, на которомъ сыгралъ нѣсколько пьесъ Листъ, желая быть полезнымъ изобрѣтателю. Необыкновенное искусство исполнителя не могло доставить успѣхъ такому уродству, основанному на соединеніи струнъ металличе-скихъ съ кишечными. Этотъ инструментъ отчасти напоминаетъ собою изобрѣтенный, сто лѣтъ тому назадъ, лейпцигскимъ студентомъ Панталеономъ Гибенштрейномъ, инструментъ подъ названіемъ «панталеонъ», съ тою только разницею, что послѣдній отличался при всѣхъ знатнѣйшихъ европейскихъ дворахъ и произво-дилъ фуроръ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Штелинь пишетъ объ немъ въ своихъ замѣткахъ о музыкѣ въ Россіи слѣдующее. «Въ 1755 и 1756 годахъ русской дворъ тоже имѣлъ случай удивляться этому инструменту, сдѣланному изъ обыкновенныхъ гуслей и превосходящему своимъ тономъ всѣ клавишны. Съ дозволенія графа Бестужева, російскаго императорскаго министра при римскомъ императорскомъ дворѣ, прибылъ москѣ Гумпенгуберъ съ своимъ панталеономъ въ Санктпетербургъ. Онъ учился у перваго ученика самаго изобрѣтателя и вмѣстѣ съ тѣмъ перваго артиста на этомъ инструментѣ. Гумпенгуберъ былъ принятъ ко двору на три года въ званіи придворнаго музыканта. Онъ игралъ во дворцѣ въ обыкновенныхъ концертахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участвовалъ въ оперномъ оркестрѣ. Всѣ удивлялись музыкальному достоинству его концертовъ, чистотѣ исполненія, необыкновеннымъ кадансамъ, каприцци и трелямъ. Весною 1757 года онъ получилъ отставку, и уѣхалъ въ Англію».

Видно, что москѣ Гумпенгуберъ былъ Листъ того времени. Что же касается до его панталеона или иначе облагороженныхъ гуслей, то вѣроятно онъ превосходилъ достоинствомъ Лихтенталевъ «Streich-Flügel». Штелинь не даетъ намъ подробнѣйшаго описанія этого удивительнаго инструмента, подъ предлогомъ, что онъ и безъ того всѣмъ извѣстенъ. Впрочемъ въ его сочиненіи есть разсказъ о томъ какъ презрѣнныя деревенскія гусли превратились въ прекрасный панталеонъ».

Вообще исторія Петербурга не имѣетъ недостатка въ новозобрѣтенныхъ и скорозабытыхъ инструментахъ. Одинъ Іоаннъ Вильде, придворный музыкантъ, жившій во время востшествія на

* Это былъ ройаль съ двойною клавиатурой. Молотки верхней клавиатуры ударяли по кишечнымъ струнамъ.

престола Императрицы Елисаветы, изобрѣлъ ихъ по крайней-мѣрѣ дюжину, одинъ другого замысловатѣе и всѣ равно не нужные. Этотъ изобрѣтательный музыкантъ отличался, по сказанію современниковъ, игрою на скрипкѣ и віольдамурѣ, совершенно *съ италіанскою вкусомъ*, и былъ искусный инструментальный мастеръ, вообще нѣчто въ родѣ музыкальнаго Дедала. Изъ числа изобрѣтенныхъ имъ куріозныхъ инструментовъ укажемъ на слѣдующіе: Трость для прогулки (поперечникъ въ толстомъ концѣ имѣлъ полтора дюйма). Въ эту трость вдѣлана была четырехъ-струнная скрипка; віольдамуръ съ сурдиной: играющій могъ, по произволу, простымъ движеніемъ колѣна, глушить звукъ этого инструмента. Панновъ свистокъ, въ двѣ съ половиною октавы съ подвижными полутонами: изобрѣтатель могъ заглушить имъ цѣлый оркестръ; отчего, вѣроятно, сильно страдали уши слушателей. Флейта-траверсіеръ, имѣвшая звукъ свирѣли. Violino-piccolo, скрипка, верхняя доска которой была сдѣлана вполонну изъ пергамента. Звукъ ея былъ втрое сильнѣе самой лучшей обыкновенной скрипки; Violoncello portative, того же рода, въ карманномъ форматѣ. Виолончель этотъ укладывался въ ящикъ, длиною въ два фута и шириною въ осемь дюймовъ, и не уступалъ въ тонѣ обыкновенному виолончелю. Всѣ эти инструменты, равно какъ Nagel-Geige, Willkommns-Harfe, китайскій органъ изъ тростника и соломы, и прочія, отличались однимъ общимъ недостаткомъ — отсутствіемъ смысла.

В. ДАМКЕ.

==

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

ВЪ ЕВРОПѢ И ВЪ АМЕРИКѢ КЪ 1848 ГОДУ.

Во Франціи находится въ настоящее время двадцать-двѣ главныя линіи желѣзныхъ дорогъ, съ тремя отводными линіями, совершенно оконченныя, которыхъ протяженіе составляетъ 2,018 верстѣ. Они раздѣляются слѣдующимъ образомъ :

Сѣверная желѣзная дорога съ ея отводными линіями.

Изъ Парижа въ Дуэ, черезъ Крель и Аміенъ	246
Изъ Дуэ къ бельгійской границѣ, черезъ Лилль и Валансиенъ	90
Изъ Креля въ Компіенъ	34
Изъ Аміена въ Нельи, близъ Булони	115
<hr/>	
	485 верстѣ.

Отъ Парижа до Ла-Манша.

Изъ Парижа въ Руанъ	128
Изъ Руана въ Діеппъ	50
Изъ Руана въ Гавръ	95
<hr/>	
	273 версты.

Отъ Парижа въ Бордо.

Изъ Парижа въ Орлеанъ	121
Отводная дорога на Корбейль	12
Изъ Орлеана въ Туръ	115
<hr/>	
	248 верстѣ

Въ окрестностяхъ Парижя.

Изъ Парижя въ Пенъ и Сентъ-Этиенъ	21	
— — — — Версаль	19	
— — — — Версаль	17	
— — — — Со	11	
		<hr/> 68 версть.

Дорога въ Алзась.

Изъ Страсбурга въ Базель	140	
Изъ Мюлгауза въ Танъ	20	
		<hr/> 160 версть.

Центральная дорога.

Изъ Орлеана въ Вьерзонъ	80	
Изъ Вьерзона въ Буржъ	32	
— — — — Шатору	60	
		<hr/> 172 версты.

Дороги Верхней Лоары.

Изъ Лиона въ Сентъ-Этиенъ	60	
Изъ Сентъ-Этиена въ Андресиё и Ронъ	88	
Отводная дорога въ Монбризонъ	17	
		<hr/> 165 версть.

Дорога Роны и Гарда.

Изъ Марселя въ Авиньонъ	172	
Изъ Бокера въ Нимъ и Алё	92	
Изъ Нима въ Монпеліё и Сеттъ	77	
		<hr/> 341 верста.

Различныя мѣстъ.

Изъ Бордо въ Теть	52	
На желѣзныхъ заводахъ Анзепскомъ, Крезё и Эпинакъ	54	
		<hr/> 106 версть.

Всего 2,018 версть.

Къ этимъ 2,018 верстамъ желѣзныхъ дорогъ можно причислить еще шесть линій, почти оконченныхъ и назначенныхъ къ открытію въ теченіе 1848 года, а именно:

Дорога изъ Компьена въ Севъ-Кентенъ (сѣверная линія)	88	верстѣ.
Отводная дорога въ Фенанъ (дополненіе дороги между Парижемъ и Ла-Маншемъ)	15	—
Дорога въ Буръ	69	—
Дорога изъ Дижона въ Шалонъ (первое отдѣленіе парижско-лионской дороги).	72	—
Отводная дорога изъ Мотеро въ Троя	101	—
Дорога изъ Версаля въ Шатръ (первое отдѣленіе западной дороги).	75	—
<hr/>		
Всего	390	верстѣ.

Если къ этому итогу присоединить линіи строящіяся, открытіе которыхъ, какъ увѣряютъ, должно послѣдовать въ 1849 и 1850 годахъ, то получимъ полный итогъ желѣзныхъ дорогъ, существующихъ во Франціи.

Линіи, которыя должны быть окончены къ извѣстному сроку, суть слѣдующія:

Дополнительная линія Сѣверной Дороги (должна была быть окончена въ концѣ 1848 года) и отъ Газебруна въ Калѣ	141
Изъ Парижа въ Страсбургъ (должна быть окончена въ 1849 году).	682
Изъ Парижа въ Лионъ (тоже)	445
Изъ Тура въ Бордо (тоже)	354
Изъ Тура въ Нантъ	195
Изъ Шатору въ Лиможъ	121
Изъ Дюбекъ-д'Аллиеро въ Клермонъ	162
<hr/>	
	2,080 верстѣ.

Всѣхъ дорогъ, открытыхъ и строящихся къ январю 1848 года, было 4488 верстѣ.

Средняя скорость, съ которою паровозы движутся на главныхъ французскихъ желѣзныхъ дорогахъ, за исключеніемъ времени на остановки, слѣдующая:

На Орлеанской и Центральной дорогѣ	50	верстѣ въ часъ.
По Страсбургской	50	— —
По дорогѣ изъ Руана въ Гавръ	50	— —
— Орлеана въ Буржъ	42	— —
— Орлеана въ Туръ	40	— —
По Сѣверной дорогѣ	40	— —

Четырнадцатаго апрѣля 1847 года, открыта атмосферическая сень-жерменская дорога, дѣйствующая съ того времени постоянно. Какъ дорога эта устроена на очень небольшомъ пространствѣ, то есть, занимаетъ не болѣе семи верстъ въ длину, то вопросъ о примѣненіи атмосферической системы къ большимъ протяженіямъ, еще не разрѣшенъ.

Въ Бельгій главныя желѣзныя дороги построены на счетъ государства и называются « правительственными », а второстепенныя построены частными лицами. Главныя линіи, обеспечивающія для Бельгій транзитную торговлю Германіи съ Англіею и Сѣвровою Франціею, имѣютъ протяженія 574 версты; тѣ же, которыя соединяютъ съ сѣтью государственныхъ дорогъ второстепенные города, или сокращаютъ путь между большими городами, простираются на 480 верстъ, изъ которыхъ 102 уже открыты. Вообще, желѣзныхъ дорогъ въ Бельгій 1,456 верстъ, изъ которыхъ 676 открыты для публики. Они раздѣляются слѣдующимъ образомъ :

Линіи Южная, Восточная и Западная.

Отъ границы Франціи въ Брюссель, черезъ Монсъ (Бергенъ) и Бренъ-ле-Контъ	83
Отъ Брюсселя къ границѣ Германіи, черезъ Мехельнъ, Леваль, Ланденъ и Люттихъ.	156
Отъ Мехельна до Антверпена.	23
Отъ Мехельна въ Остенде, черезъ Гентъ и Брюгге.	124
	<hr/>
	386 верстъ

Отводныя линіи этихъ дорогъ.

Отъ Бренъ-ле-Конта въ Шарлероа и Намюръ	80
Отъ Ландена въ Гассельтъ.	25
Отъ Гента къ французской границѣ, черезъ Куртрѣ и Мускронъ.	58
Отъ Мускрона въ Дорникъ.	19
Малыя побочныя дороги.	6
	<hr/>
	188

Линіи, построенныя компаніями.

Изъ Гента въ Антверпенъ, черезъ Сень-Никола	52
Отъ Куртрѣ въ Брюгге, черезъ Туру.	50
	<hr/>
	102
	<hr/>
Всего	676 верстъ.

Строившіяся желѣзныя дороги, имѣющія большую частію одну рядъ рельсовъ, слѣдующія:

Суть западно-фландрская, куда относятся:

Континентальная уже дорога изъ Куртрэ въ Брюгге, дороги изъ Куртре въ Ипернъ и Поперингенъ, и дорога изъ Делюва въ Фурнесъ къ Дюнкирхену всего. . .	188
Отъ границъ Франціи къ Живэ, къ Намюру и Люттеху черезъ Динцевъ и Юнъ.	164
Отъ Жюрьема въ Турне черезъ Атъ и отъ Ата въ Дендермондъ (Ternmonde).	98
Отъ Маложа въ Монсъ, и отъ Жемашпа въ Левенъ. . .	60
	780 верстъ.
Всего.	1,166 верстъ.

Недавно выдано позволеніе двумъ компаніямъ на устройство двухъ новыхъ линій: отъ Шарльроа въ Эрклинъ, составляющей продолженіе французской сень-кентенской дороги, и люксамбургской дороги, должествующей соединять города, лежащіе между Монсомъ и Мозелью.

Издержки на построеніе 574 верстъ государственныхъ линій до перваго января 1847 года простирались до 39,631,016 рублей серебромъ, то есть, каждая верста обошлась въ 69,042 рубля серебромъ; доходы съ 30 Іюня 1846 по 30 іюня 1847 года простирались до 3,602,969 рублей серебромъ, а именно за перевозку 3,710,210 путешественниковъ получено 1,728,188 рублей серебромъ, и 1,874,781 рубль за перевозку товаровъ.

Всѣ дороги, построенныя компаніями, даны имъ на девяносто-девять лѣтъ. Цѣна за проѣздъ на этихъ дорогахъ выше цѣнъ на дорогахъ государственныхъ.

Въ Германіи, прусскія желѣзныя дороги построены компаніями, которымъ правительство оказывало пособіе частью обезпеченіемъ процентовъ, частью покупкою акцій; въ Австріи дороги большою частью построены на счетъ государства; всѣ баварскія, вюртембергскія, ганноверскія и брауншвейгскія — построены правительствами этихъ государствъ; саксонскія и голштинскія — компаніями.

Всѣ германскія желѣзныя дороги могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе четыре класса:

1. Идущія отъ границъ Бельгіи въ Берлинъ черезъ Кельнъ, Дюссельдорфъ, Ганноверъ, Брауншвейгъ и Магдебургъ. Эта линія составляетъ продолженіе французскихъ и бельгійскихъ дорогъ къ Северному и Балтійскому морямъ, и соединяется съ дорогою:

2. Идущею отъ Гамбурга въ Штетинъ, черезъ Берлинъ.

3. Идущая отъ Берлина въ Вѣну и Триестъ черезъ Франкфуртъ, Бреславль и Грецъ, съ побочными линіями къ Варшавѣ и Кракову.

4. Линія рейнская и центральная, соединяющая центральныя германскія государства съ предъидущими линіями.

Эти четыре линіи, устроенныя на протяженіи 5,360 верстъ, находятся въ полномъ дѣйствіи, и состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣленій.

Отъ бельгійской границы къ Берлику.

Отъ границы Бельгіи до Кельна	85
— Кельна до Гамма	148
— Гамма до Ганновера	175
— Ганновера до Брауншвейга	43
— Брауншвейга до Магдебурга	113
— Магдебурга до Берлина	144
	<hr style="width: 20%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 712 верстъ.

Дороги, отдѣляющіяся отъ предъидущей линіи, или вступающія съ нею въ соединеніе.

Дорога изъ Бонна въ Эберсвальдъ	56
— — Ганновера въ Берлинъ	80
— — Ганновера въ Гамбургъ	161
— — въ Гальберштатъ	40
— — изъ Кеттена въ Берлинъ	132
	<hr style="width: 20%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 189 верстъ.

Отъ Сѣвернаго Моря къ Балтійскому.

Изъ Гамбурга въ Берлинъ	270
— Берлина въ Штетинъ	184
— Штетина въ Штаргардъ	35
Дороги, соединяющія нѣкоторые голштинскіе города съ Гамбургомъ	155
	<hr style="width: 20%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 594 версты.

Отъ Берлина въ Вѣну и Триестъ.

Изъ Берлина въ Бреславль, черезъ Франкфуртъ на Одеръ	455
— Бреславля въ Оппельнъ	82
— Оппельна въ Вѣну, черезъ Козель и Прерау	360
— Вѣны въ Грецъ, черезъ Нейштатъ	183
— Грца въ Цилли	171
— Цилли въ Триестъ (стронса)	125
	<hr style="width: 20%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 1,366 верстъ

Отводы къ Силезіи, къ Польшѣ и къ Моравіи.

Изъ Сорау въ Глогау	70
— Бреслава въ Фрейбергъ и Швейдницъ	66
— Бригге въ Нейсеъ	52
— Мысловица въ Кеннгсгютъ	18
— Козеля въ Краковъ	134
— Брюна въ Люндрибургъ	56
— Вѣвы въ Штокерау и Брукъ	63

479 верстѣ.

Эта обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ покрываетъ собою, въ видѣ огромнаго полумѣсяца, всю поверхность западной, сѣверной, и восточной Германіи. Центральная часть этой страны, по причинѣ затрудненій, представляемыхъ мѣстностью, менѣе богата этими путями сообщенія. Въ слѣдующемъ спискѣ означены оконченныя дороги центральной Германіи.

Желѣзныя дороги въ Саксоніи, Богеміи, Баваріи и Виртембергѣ.

Изъ Дрездена въ Герлицъ (къ силезской линіи)	96
— Дрездена въ Лейпцигъ	115
— Лейпцига въ Магдебургъ черезъ Галле	118
— Лейпцига въ Рейхенбахъ	92
— Галле въ Готу и Эйзенахъ	124
— Прага въ Прерау	246
— Будвейса въ Липицъ и Гювендъ (желѣзно-кошная дорога)	197
— Мюнхена къ Донауверту, черезъ Аугсбургъ	84
— Нюрнберга къ Саксоніи, черезъ Бамбергъ	186
— Виртембергскія дороги	52

1,310 верстѣ

Рейнскія и Некарскія дороги.

Отъ Фрейбурга въ Карлеру	113
— Карлеру въ Майнцъ, черезъ Мангеймъ и Франкфуртъ	165
Отводы отъ Майнца до Бингена и Висбадена	38
— — Франкфурта до Гамбурга и Оффенбаха	26

342 версты

Всѣхъ открытыхъ желѣзныхъ дорогъ, въ Германіи, въ

1848 году было, не считая отводовъ отъ Варшавы

къ Силезской линіи 5,291 верста.

Кромѣ-того въ Германіи строятся около 3,200 верстѣ желѣз-

ныхъ дорогъ; третья часть ихъ назначалась къ открытію въ 1848. Главныя изъ строящихся линій — слѣдующія: дорога изъ Кенигсберга въ Берлинъ, изъ Вѣны въ Прагу, въ Пестъ и Дебречинъ въ Венгрію, изъ Бамберга во Франкфуртъ на Майнѣ, изъ Аугсбурга въ Карлсруэ.

Въ теченіе осьмнадцати лѣтъ въ Англіи устроено болѣе пяти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ; болѣе десяти тысячъ верстъ еще строятся.

Англійскія желѣзныя дороги слишкомъ многочисленны, и многія линіи служатъ для соединенія однихъ и тѣхъ же пунктовъ: потому мы считаемъ излишнимъ исчислять ихъ въ подробностяхъ.

Къ 30 ноябрю 1847, ста двадцатью семью компаніями	
было построено и открыто для публики 3,305	
миль желѣзныхъ дорогъ, равняющихся	5,318 верстамъ.
Въ это же время было строящихся желѣзныхъ дорогъ	
числомъ 129, на пространствѣ 6,455 миль.	10,346 ———
Желѣзныхъ дорогъ при желѣзныхъ заводахъ и камен-	
воугольныхъ ломкахъ находилось	900 ———
	<hr/>
	Всего 16,604 версты.

Оборотная система англійскихъ компаній въ одномъ отношеніи совершенно отличается отъ системы компаній другихъ государствъ. Въмѣсто того чтобъ выпускать такое число акцій, которое достаточно было бы для составленія потребнаго имъ капитала, они третью долю этого капитала покрываютъ займами, которые, будучи уплачены, доставляютъ впослѣдствіи большіе доходы.

Въ 1845, въ Англіи считалось сто двадцать компаній,	
которыхъ капиталъ простирался до	756,000,000 руб. сер.
А займы до	256,500,000 — —
	<hr/>
	Всего 1012,500,000 руб. сер.

Впослѣдствіи капиталъ этотъ дотогу увеличился, что, несчитая даже тѣхъ линій, которыхъ постройка приостановилась вслѣдствіе финансоваго кризиса, простирался до страшной суммы въ полуторы тысячи милліоновъ рублей серебромъ.

Въ 1846 году доходы съ 4,208 верстъ желѣзныхъ дорогъ простирались до 45,665,125 милліоновъ рублей серебромъ, а именно 29,532,597 рублей серебромъ за перевозъ 36,247,169 человекъ путешественниковъ, и 17,132,538 за перевозъ товаровъ.

Распределение числа путешественников и количества доходов по тремъ классамъ экипажей было слѣдующее:

	Число путеше- ственниковъ.	Доходъ.
Экипажи 1 класса	16,30%	— 38,50%
— 2 —	42,40%	— 40,50%
— 3 —	41,30%	— 21,00%

Условія, на которыхъ въ Великобританіи компаніямъ дается право на построение желѣзныхъ дорогъ, очень разнообразны; вслѣдствіе указаній опыту почти въ каждый билль вводится какое нибудь измѣненіе. Одно только условіе остается въ Англіи не оспоримымъ: уступка права владѣнія дорогою на вѣчныя времена. Законодателямъ Великобританіи никогда не приходило на мысль, чтобы выгоды, которыя акціонеры могутъ получить отъ своего предпріятія, въ тоже время столь выгоднаго для самаго края, могли служить предлогомъ къ отобранію, черезъ болѣе или менѣе долгое время владѣнія, въ пользу государства, частной собственности.

Въ 1847 году былъ однако жъ внесенъ въ парламентъ билль о предоставленіи правительству права выкупать у компаній желѣзныя дороги, какъ это дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ. Но этотъ билль отвергнуть, — ясное доказательство, что правительство признаетъ необходимымъ прежде справедливо вознаграждать владѣльцевъ акцій, а потомъ уже отобрать отъ нихъ ихъ собственность, не такъ какъ во Франціи, гдѣ правительство нашло средство, не выдавая ни гроша, захватывать въ свои руки и земли и постройки желѣзныхъ дорогъ.

За это право однако жъ желѣзныя дороги въ Англіи платятъ государству огромныя подати: кромѣ общихъ налоговъ за земли, вносимыя въ государственный доходъ, онѣ обязаны уплачивать каждому графству налоги за мѣста, сообразно качеству почвы, на которой воздвигнуты самыя дороги и принадлежащія къ нимъ строения.

Первыя дороги, напримѣръ, Great-Junction, Лондонско-Бирмингамская, Great-Western, не были обязаны открывать своихъ линій постороннимъ компаніямъ для отводныхъ линій или для продолженій другихъ дорогъ: но неудобства такой привилегіи всездѣ сдѣлались ощутительными, и вскорѣ компаніи были подчинены этому правилу и обязаны пропускать черезъ свои линіи про-

вады вагоновъ постороннихъ компаний, за извѣстную плату, установленную по взаимному соглашенію.

Высшадъ учрежденія желѣзныхъ дорогъ, рабочій классъ былъ совершенно забытъ; существовали экипажи только перваго и втораго классовъ. Нѣкоторыя компании перевозили простолыдиновъ за уменьшенныя цѣны, но помѣщали ихъ на верху вагоновъ, непосредственно слѣдовавшихъ за паровозомъ. Однакожъ и эти цѣны были слишкомъ еще высоки, потому-что правительство брало тогда по $\frac{1}{2}$ пенса за версту съ человѣка, безъ различія классовъ. Парламентъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и опредѣленный налогъ былъ замѣненъ пропорціональнымъ, именно, правительство стало брать по пяти процентовъ съ валоваго дохода. Тогда компаниямъ представилась возможность цѣны свои сдѣлать доступными людямъ бѣднымъ. Лондонская и Бирмингамская компании завели у себя вагоны третьяго класса, не крытыя и безъ скамеекъ. Парламентъ выѣхался въ это дѣло и постановилъ закономъ, чтобы эти вагоны были крытые и запертыя.

При главнѣйшихъ англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ устроено или устрояется около 3,600 верстъ телеграфическихъ линий; состоя изъ семи проволокъ, они служатъ для корреспонденціи компаний и публики. Каждая верста обошлась среднимъ числомъ въ 478 рублей серебромъ.

Въ Голландіи всѣ желѣзныя дороги построены съ цѣлью соединенія главныхъ городовъ съ линіею бельгійско-берлинскою, а именно.

Дорога изъ Амстердама въ Гагу, черезъ Гарлемъ и	
Лейденъ.	61
— изъ Амстердама въ Утрехтъ и Арагейтъ . .	165

226 верстъ.

Продолженіе послѣдней дороги до Рейна производится съ дѣлательностью, также какъ и продолженіе дороги изъ Амстердама до Роттердама.

Независимо отъ 5 верстъ стразбургско-базельской дороги, проходящей по землѣ швейцарской, въ Швейцаріи существуетъ еще одна желѣзная дорога совершенно оконченная, отъ Цюриха въ Баденъ, на протяженіи 31 версты, составляющая первое отдѣленіе Цюрихо-Базельской дороги. Проектированы линіи изъ Цюриха въ Золотуртъ, изъ Базеля въ Лудертъ, изъ Лудерна въ Альторъ съ продолженіемъ къ Лаго-Маджоре.

Въ Сардиніи строятся дороги изъ Генуи въ Туринъ, черезъ

Александрію на протяженіи 163 верста, и отъ Александріи къ Лаго-Маджоре на протяженіи 102 верста.

Въ Италіи, сѣвъ ломбардо-венеціанскихъ желѣзныхъ дорогъ соединяетъ нѣкнныя сѣвъ Милана къ Монца, и къ Милана къ Венецію (224 версты), послѣдней открыта половина. Двойная лѣнія, идущая съ одной стороны отъ Ливорно на Флоренцію, а съ другой на Пистою къ Анжевинанъ, составляетъ сѣвъ тосканскихъ дорогъ. Систему неаполитанскихъ дорогъ составляютъ двѣ лѣнія, идущія отъ Неаполя къ сѣверу и къ югу.

На этихъ трехъ системахъ открыты слѣдующія дороги:

Изъ Милана въ Монца	14	верста.
— — — — — Тревизо	39	—
— Венеція въ Венецію, черезъ Падуу	64	—
Мостъ на лагунахъ въ Венеціи	3	—
Изъ Ливорно въ Пизу и Лукку	38	—
— Неаполя въ Капуу	39	—
— — — — — Нортчи и Кастелла- наре	41	—
<hr/>		
Всего	231	верста.

Венгрія обладаетъ тремя дорогами, совершенно оконченными, построенными на счетъ казны:

Изъ Песта въ Жолнокъ	103	версты.
— — — — — Палоту	21	—
— Пресбурга въ Тирнау	50	—
<hr/>		
Всего	174	версты.

Строится: дорога отъ Вѣны до Песта, 214 верста, отъ Песта до Томаи и въ Доброчинъ.

На Большой лѣнії отъ Варшавы къ Вѣдѣ, Польскія принадлежатъ 208 верста желѣзной дороги, совершенно оконченной, отъ Варшавы черезъ Петриковъ и Ченстоковъ.

Въ Россіи оконченная дорога существуетъ только между Павловскимъ, Царскимъ-Селомъ и Петербургомъ на разстояніи 30 верста. Строится отъ Петербурга до Москвы на протяженіи 644 верста.

Всего желѣзныхъ дорогъ окончательно устроенныхъ и открытыхъ для пѣзядовъ:

Въ Англии	5,318	верст.
— Германіи	5,291	—
— Франціи	2,018	—
— Бельгійи	676	—
— Польши	208	—
— Италіи	231	—
— Голландіи	226	—
— Венгріи	174	—
— Швейцаріи	36	—
— Россіи	30	—

Всего 14,211 верст.

Слѣдующая таблица показываетъ разстояніе по желѣзнымъ дорогамъ между Парижемъ и главными городами Германіи, продолжительность ѣзды, и цѣны за проѣздъ.

	Разстояніе отъ Парижа.	Продолжитель- ность ѣзды.	Цѣна за проѣздъ	
			Въ экипа- жѣ 1-го класса.	Въ экипа- жѣ 2-го класса.
Отъ Парижа въ Брюссель	370 верст.	11 часовъ.	9 р. — к. с.	7 р. — к. с.
— — — Кельнъ	610	24	14 25	10 80
— — — Гамбургъ	1,082	65	26 15	18 50
— — — Дрезденъ	1,326	72	32 25	23 10
— — — Берлинъ	1,337	68	30 30	21 50
— — — Штетганъ	1,370	73	33 50	24 —
— — — Вѣну	2,124	106	53 —	38 30
— — — Варшаву	2,022	114	53 —	41 30
— — — Базель	1,181	72	28 45	20 50

Протяженіемъ своимъ, желѣзныя дороги Американскихъ Штатовъ превосходятъ протяженіе желѣзныхъ дорогъ всякаго изъ европейскихъ государствъ. Въ отношеніи къ прочности и красотѣ постройки, онѣ однако жъ далеко имъ уступаютъ.

Соединенные Штаты, въ 1846 году, считали у себя 7,250 верстъ совершенно оконченныхъ желѣзныхъ дорогъ, включая въ то число и 800 верстъ линий, соединяющихъ каменноугольныя копи съ фабричными заведеніями. Длину желѣзныхъ дорогъ, проектированныхъ или строящихся, можно смѣло принять въ 16,000 верстъ. Въ одной Пенсильваніи находится 1,610 верстъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ постройка каждой версты обходится среднимъ числомъ около 35,000 рублей серебромъ. Средняя скорость

движенія — 24 версты въ часъ. Въ Канадѣ есть тоже нѣсколько линий совершенно готовыхъ. На Кубѣ — открытыя дороги 37 верстъ.

Опытъ показалъ, что издержки на постройку желѣзныхъ дорогъ далеко превосходятъ всѣ предположенія, такъ напримѣръ:

Дорога изъ Авиньона въ Марсель, оцененная по сметѣ въ 16,250,000 руб. сер., обошлась въ 20,500,000 руб. сер., то есть за версту	166,500 руб. сер.
Дорога изъ Орлеана въ Верзонъ, по сметѣ оцененная въ 3,000,000 руб. сер., обошлась въ 8,750 000 руб. сер., то есть, за версту	108,125 — —
Верста Сѣверной Желѣзной Дороги (du Nord), оцененная по сметѣ въ 75,000 руб. сер., будетъ стоить . . .	97,750 — —
Дорога изъ Руана въ Гавръ была оценена по сметѣ въ 10,000,000 руб. сер., а обошлась въ 15,125,000 руб. сер., то есть каждая верста въ	159,000 — —
Дорога изъ Парижа въ Руанъ должна была по сметѣ стоить 10,000 000 руб. сер., а обошлась въ 14,000,000 руб. сер., то есть верста	107,500 — —
Наконецъ дорога изъ Парижа въ Орлеанъ, оцененная по сметѣ въ 10,000,000 руб. сер., обошлась 13,750,000 руб. сер., то есть, верста	105,000 руб. сер.

Слѣдовательно среднимъ числомъ около 125,000 рублей серебромъ верста.

Въ Германіи каждая верста желѣзной дороги обошлась:

Изъ Мюнхена въ Аугсбургъ	34,912 руб. сер.
— Вѣмъ изъ Глогницъ	69,021 — —
— Берлина во Франкеуртъ на Одеръ	29,124 — —
— — — Ангальтъ	27,313 — —
— — — Штетинъ	24,290 — —
— Магдебурга въ Лейпцигъ	34,805 — —
— Дюссельдорфа въ Эльберфельдъ	57,618 — —
Рейнская дорога	94,111 — —
Изъ Лейпцига въ Дрезденъ	49,103 руб. сер.

Слѣдовательно среднимъ числомъ верста обошлась въ 50,000 рублей серебромъ.

Но эти дороги почти всѣ съ однимъ рядомъ рельсовъ, и паровозы движутся на нихъ съ среднею скоростью только 28 верстъ въ часъ.

На Базельской дорогѣ паровозы ходятъ со скоростью 27,4 версты въ часъ.			
— дорогѣ нѣ Мюнхена въ Аугсбургъ	23,9	—	—
— — — Вѣны въ Глогницъ	26,2	—	—
— — — Берлина въ Франкфуртъ	30,4	—	—
— — — — — Аугагътъ	31,0	—	—
— — — — — Штетинъ	32,0	—	—
— — — Магдебурга въ Л Ипцигъ	32,0	—	—
— — — Дюссельдорфа въ Эберфельтъ	24,0	—	—
На Рейнской Дорогѣ	24,5	—	—

Необходимымъ слѣдствіемъ сокращенія расходовъ было уменьшеніе выгодъ приносимыхъ этого роду путями сообщенія. Это отличивый прииѣръ. Онъ доказываетъ, что можно строить желѣзныя дороги во всякую цѣну, что такія дороги могутъ имѣть различныя качества: одні — держать хорошія и могущественныя машины, другія — машины слабыя, недостаточныя. Отъ послѣднихъ нельзя требовать хорошихъ результатовъ; онѣ не могутъ дать ихъ, не подвергая опасности транспортовъ, перваго условія всякаго перемѣщенія.

Въ Англіи принята система, совершенно противоположная. Тамъ для каждаго время — драгоценность. Общество дѣятельное, и могущественное именно только по своей дѣятельности, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе познаетъ цѣну времени, и потому не жаждетъ ничего для быстроты. Чѣмъ длиннѣе становятся желѣзныя дороги, тѣмъ скорѣе англійская публика желаетъ по нимъ двигаться. Въ слѣдующей таблицѣ показана быстрота, съ которою варочные поѣзды (express-tracks) движутся по главнымъ желѣзнымъ дорогамъ въ Великобританіи.

Большая Западная (Great Western)	69	версты	въ	часъ.
Изъ Лондова въ Брайтонъ	54	—	—	—
Лондонская Юго-Западная (Southwestern)	62	—	—	—
Изъ Лондова въ Дуръ	50	—	—	—
— — — — — Бирмингамъ	54	—	—	—
Большая Соединенная (Great Junction)	52	—	—	—
Изъ Манчестера въ Бирмингамъ	54	—	—	—

Результатъ прекрасный, но надобно знать, чего онъ стоить. При такой быстротѣ движенія нельзя строить дорогъ въ-скоро, менпрочно, съ изгибами, и въ этомъ отношеніи англійскія желѣзныя дороги совершенно отличны отъ дорогъ австрійскихъ, французскихъ, баварскихъ и прусскихъ.

Главные большія дороги, построенныя въ Англіи, обошлись:

Дорога изъ Манчестера въ Лидсъ . . .	238 234	руб. сер.	верста.
— — — — — Лондона въ Брайтонъ . . .	222,469	—	—
— — — — — — — — — — — Бристоль . . .	218,812	—	—
— — — — — — — — — — — Бирмингемъ . . .	205 588	—	—
— — — — — въ восточныхъ графствахъ . . .	208,344	—	—
— — — — — изъ Ливерпуля въ Манчестеръ . . .	197,470	—	—
— — — — — Майденская	177,475	—	—
— — — — — изъ Эдинбурга въ Глазго . . .	182,594	—	—
— — — — — — — — — — — Лондона въ Суффолтонъ . . .	107,869	—	—

Весь вопросъ, следовательно, приводится къ тому, что невозможно согласить экономіи съ быстротою; надобно выбирать; или сокращать издержки, какъ въ Германіи, и согласиться впередъ ѣздить медленно; или построить такіа дороги, которыя обойдутся дорого, но на которыхъ вы будете ѣздить съ быстротою впередъ. Главное достоинство желѣзныхъ дорогъ — быстрота ѣзды, возможность посредствомъ ихъ усиливать произведенія труда и дѣятельности. Быстрота нѣчто болѣе нежели матеріальная сила: она — могущество нравственное. Если можно достигнуть его, то никакія пожертвованія не должны удерживать. Ослаблять это главное качество желѣзныхъ дорогъ — значитъ ихъ портить. Чтѣ же дѣлать? Вотъ чтѣ: строить желѣзныя дороги только между такими пунктами, которыя имѣютъ въ нихъ существенную надобность, но строить ихъ прочно, со всеми усовершенствованіями, которыя предлагаетъ механика.

==

ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА.

==
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

== ГЛАВА VIII.

Уже въ самомъ началѣ текущаго столѣтія Карамзинъ получилъ положительное направленіе; онъ избралъ исторію окончательнѣе. Доказательствомъ этому служатъ «Похвальное слово Екатеринѣ II», «Пантеонъ русскихъ авторовъ» и «Марша Невскаго», потому что эта повѣсть была уже начата въ 1801 году; однако по разнымъ обстоятельствамъ онъ отложилъ, на некоторое время, рѣшительный выборъ дѣятельности, которой бы могъ посвятить лучшіе годы своей, вполнѣ развитой жизни.

Въ 1801 году, И. В. Поповъ, содержатель университетской типографіи, предложилъ Карамзину редакцію новаго журнала. Сдѣланъ былъ планъ до того неизвѣстный въ Русіи: соединить въ «Вѣстникѣ Европы» литературу съ политическою. Имя Карамзина и стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, или другими словами, стеченіе въ Москвѣ, по случаю коронаціи Императора Александра, множества губернскихъ дворянъ и купечества — были причиной невѣроятнаго успѣха этого журнала: въ первый годъ онъ имѣлъ бо-

лѣе 1200 подписчиковъ; и должно отдать справедливость—вполнѣ заслуживалъ такого вниманія читающей публики. «Вѣстникъ Европы» столько же содѣйствовалъ движенію русской литературы впередъ, сколько, за одиннадцать лѣтъ до него, способствовалъ къ тому же «Московскій Журналъ».

Промежутокъ времени между «Московскимъ Журналомъ» и «Вѣстникомъ Европы» не ознаменовался ничѣмъ замѣчательнымъ въ русской журналистикѣ, хоть и встрѣчаемъ тогда слѣдующія безцвѣтныя и слабыя периодическія изданія.

Въ теченіе цѣлыхъ 10-ти лѣтъ по заведенному Новиковымъ обычаю издавались еженедѣльники литературнаго содержанія. Профессоръ Сахацкій, съ нѣсколькими молодыми литераторами (и всего болѣе Подшиваловымъ) былъ почти безсмѣннымъ ихъ редакторомъ. Мы здѣсь только назовемъ эти журналы, потому-что всѣ они были похожи другъ на друга, состояли изъ переводныхъ стиховъ и прозы, нрѣдка русскихъ оригинальныхъ статей, и выходили по одному листочку въ недѣлю. Начало сдѣлано еженедѣльникомъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», издававшимся три года; «Прохладные часы или аптека, врачующая отъ унынія, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны», издавались въ Москвѣ полгода (1793).— Въ 1794 г. выходило «Пріятное и полезное препровожденіе времени», продолжавшееся пять лѣтъ; «Магазинъ общепользныхъ знаній и изобрѣтеній, съ присовокупленіемъ «Моднаго журнала», съ картинками и нотами, въ Спб. 1795 г., прекратился въ концѣ перваго года. Въ 1796 году выходилъ еще журналъ «Муза», подъ редакціею И. И. Мартынова; подражаніе «Московскому Журналу» Карамзина (издавался одинъ годъ).

Въ 1798 г. «С. Петербургскій Журналъ», издававшийся И. И. Пиннымъ. Редакторъ, хорошій литераторъ, рано похищенный смертію, знакомилъ публику со многими важными и новыми предметами.

Въ 1799 году издавался журналъ «Что нибудь отъ бездѣля на досугѣ», подъ редакціею Н. Осипова, автора Энеиды наизнанку. Это также былъ опытъ сатирическаго журнала и кончился однимъ годомъ. Въ этомъ же году издавались въ Москвѣ «Новости», П. Голубковымъ, и прекратились съ третьей книжкой, и «Иппокрена, или утѣхи любителей», продолжавшаяся три года.

Съ 1802 г. начались «Новости русской литературы», суще-

ствовавшия четыре года.—Сверхъ того выходили: «С. Петербургскій Меркурій», послѣдній журнальный подвигъ И. А. Крылова, и кажется, послѣдній порядочный журналъ въ сатирическомъ родѣ, на который прежде была большая мода. Въ немъ участвовалъ Клаушинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій.— Въ этомъ же году Панкратій Сумароковъ, возвращенный изъ Сибири, живя въ подмосковной деревнѣ, издавалъ: «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія», продолжавшійся два года. Въ этомъ же году началось изданіе журнала: «Корифей или ключъ литературы, подъ редакціею Я. Галаниковскаго, продолжавшійся пять лѣтъ.— П. Сахакій вмѣстѣ съ П. Побѣдоносцовымъ издавали: «Новости русской литературы» по июль мѣсяць 1805 года.

Вмѣстѣ съ этими изданіями въ 1802 году явился и «Вѣстникъ Европы», которымъ слѣдуетъ начать новую эпоху русской журналистики. Карамзинъ положилъ ему блестящее начало. Онъ оставилъ его, и журналъ сейчасъ же потерялъ прежнюю свою физиономію. Въ немъ, какъ мы уже сказали, были допущены только два отдѣла: а) *литература и смѣсь* и б) *политика*. Этотъ планъ былъ сохраненъ до 1809 года. До «Вѣстника Европы» политика ограничивалась только газетными извѣстіями; Карамзинъ, первый началъ писать, какъ европейскій публицистъ. Онъ тщательно наблюдалъ всѣ дѣйствія французской и англійской политики, выкалывалъ въ рѣчи консуловъ, въ споры министровъ, слѣдилъ за каждымъ засѣданіемъ парламента, въ особенности, читалъ все, что было писано о консулѣ Бонапартѣ, какъ будто предчувствуя будущее всемірное значеніе этого генія! Результаты своихъ чтеній, Карамзинъ постоянно сообщалъ читателямъ «Вѣстника», что придавало ему жизнь и яркій колоритъ современности.

Но излагая иностранную политику, Карамзинъ старался найти точку, съ которой должны смотрѣть на нее Русскіе. Безпристрастіе требуетъ отдать полную справедливость удивительно вѣрному политическому взгляду Карамзина.

«Любовь къ Бонапарту, писалъ онъ во «Всеобщемъ обозрѣніи», дошла до высочайшей степени. Со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарственныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ отечества, первымъ героемъ всѣхъ вѣковъ, единственнымъ, и проч. и проч.* Онъ конечно заслу-

жарить признательность Французамъ и понятие всѣхъ людей, умѣющихъ цѣнить чрезвычайныя дѣйствія верейсера и разума. Его внѣшняя политика и внутреннее правленіе достойны удивленія не менѣе Маренгской побѣды. Франція, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностію своихъ жителей, конечно скоро загладитъ бѣдственныя слѣды революціи, наслаждаясь тишиною подъ эгидою дѣятельнаго и благоразумнаго правленія, которое печется о мудрой системѣ гражданскихъ законовъ, о воспитаніи, объ успѣхѣ наукъ, художествъ и торговли, слѣдственно о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго благоустройства. Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастными: теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мирѣ превратностей, на мѣсто нужную и для благоденствія государствъ; отдавъ достойныхъ гражданъ правомъ избранія въ общественныя должности (*par les listes de notabilité*), и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ—императоръ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его въ прада на такую степень величія. Многие политики боятся рѣшительно вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣрныя миролюбиво и благоразумно консула Бонапарте, говорять они: вѣрныя, что онъ не возмутитъ спокойствія державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ заступитъ его мѣсто, а не будучи подобно ему насыщенъ воинскою славію, заочтетъ даровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще три республики, которыя непремѣнно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, но крайней мѣрѣ съ Германіею и Италіею?». Сей страхъ не оставилъ основателями, замѣчаетъ Карамзинъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи (не забудете, что это было писано въ 1802 году) и противоборствовать всякому злоупотребленію славы ея. На одной сторонѣ сіи четыре державы, а на другой Французская республика, Голландская, Швейцарская и Цизальпинская».

Дальновидный русскій публицистъ тотчасъ рѣшилъ, какъ должна будетъ дѣйствовать Европа, если Франція вступитъ нарушить всеобщее спокойствіе. Мысль его гениальная; это доказывается тѣмъ, что въ послѣдствіи, когда га-

двѣи Англіи оправдалась, Европа поступила именно такъ; какъ предсказывалъ Карамзинъ.

Изъ «Всеобщаго обозрѣнія» Карамзина видимъ также, что мысль континентальной системы принадлежитъ Императору Павлу (Наполеону же только дальнѣйшее ея развитіе), который хотѣлъ обуздывать честолюбіе Англіи, закрытіемъ всего портовъ для ея кораблей.

Изъ статей политическаго содержанія, принадлежащихъ Карамзину, замѣчательнѣйшія: «Письма Сельскаго Жителя» **, «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» *** и д.

Во второй статьѣ, Карамзинъ между прочимъ говоритъ о результатахъ французской революціи. Вотъ его слова: «Революція, пишетъ онъ, объяснила идеи; она намъ показала: что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена ни какою силою ума, что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправлять несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствию времени и къ мудрости властей, должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя».

Не осталось ни одного современнаго вопроса, который не обращалъ бы на себя вниманія Карамзина и не вызвалъ его мнѣнія, или совѣта, которые всегда были весьма умѣренны и снисходительны. Имѣя кроткій нравъ, онъ желалъ улучшеній естественныхъ, постепенныхъ, мирныхъ, протекающихъ отъ взаимнаго согласія, отъ лучшаго управленія; онъ не хотѣлъ нарушать ничьего спокойствія, не оскорблять ничьего самолюбія, не возбуждать ничьей неприязни, не приносить въ жертву ни какихъ нравъ.—Таковъ былъ его характеръ, такъ настроенъ былъ его умъ, такъ расположены были его чувства, и никто не имѣетъ права осудить писателя за его доброе и чувствительное сердце.

Отдѣлъ словесности «Вѣстника Европы» былъ очень богатъ, если взять во вниманіе требованія тогдашней русской

* Вѣстн. Евр. 1802 г. № 1, стр. 74.

** Ibid. 1803 г.

*** Ibid. 1802 г. № 12.

публики. Изъ самаго названія журнала видно, что Карамзинъ хотѣлъ знакомить Русскихъ съ развитіемъ литературы и политики Европы. По этому, при изданіи «Вѣстника», онъ руководствовался лучшими нѣмецкими *, французскими ** и англійскими *** журналами, и дѣлалъ извлеченія изъ лучшихъ сочиненій, появлявшихся тогда преимущественно во Франціи. Однимъ словомъ «Вѣстникъ» содержалъ въ себѣ выборъ всего лучшаго изъ европейскихъ журналовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ статьи историческія и литературныя, открытія въ наукахъ и искусствахъ, извѣстія объ ученыхъ и литературныхъ знаменитостяхъ.... Все это Карамзинъ переводилъ большею частью одинъ ****. Несмотря на то онъ находилъ еще время писать иногда стихотворенія и оригинальныя статьи, которыя наполняли отдѣлъ литературы. Статьи эти были большею частью уже историческаго содержанія, за исключениемъ весьма немногихъ, посвященныхъ изящной словесности, литературнымъ и ученымъ извѣстіямъ. Изъ историческихъ его статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» замѣчательны: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича †», «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ ††», «Русская старина †††», и «О случаяхъ и характерахъ въ російской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ ††††».

Бросимъ бѣглый взглядъ на достоинство историческихъ статей Карамзина, и сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія.

Статья «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» занимаетъ первое мѣсто въ ряду историче-

* Напр. Архенгольцова «Минерва», «Нѣмецкій Политическій Журналъ» и др.

** Gazette de France, Magasin des modes, Décade, Moniteur, Journal de Paris, Spectateur du Nord, Nouvelle Bibliothèque française, Bibliothèque Britannique, Courier de Londres и др.

*** Univer. Cronicle; European-Magazine и др.

**** Какъ самъ онъ говоритъ въ концѣ 19 № Вѣст. Европ. 1803 г. Изъ трудовъ постороннихъ лицъ мы здѣсь встрѣчаемъ: Письмо изъ Геттингена молодого А. И. Тургенева (Вѣст. Ев. 1803 № 12); Письмо изъ чужихъ краевъ, В. Пушкина (ibidem № 14 и 20) и начало «Вадима Новгородскаго» (ibid. № 23 и 24), В. А. Жуковскаго, первый его литературный опытъ — порожденіе «Марыи Посадницы»; во изъ этого опыта можно было предвидѣть чего Россія могла ожидать отъ Жуковскаго. Онъ тоже переводилъ иногда для Карамзина въ некоторые отрывки изъ разныхъ журналовъ (Вѣст. Ев. № 24 стр. 238).

† Вѣст. Европы. 1803 г. № 18.

†† Ibid, 1802 г.

††† Ibid. 1803 г. № 20 и 21.

†††† Ibid, 1802 г. № 24.

скихъ опытовъ Карамзина. Въ ней уже замѣтно много навыка, искусства и знанія, необходимыхъ для народнаго историка. Карамзинъ изучилъ это событіе по иностраннымъ писателямъ (писавшимъ о Россіи), потому что русскіе источники объ этомъ происшествіи — записки современниковъ, — едва были извѣстны въ его время. Никто изъ современниковъ Карамзина не былъ въ состояніи изложить это событіе съ такою легкостію и занимательностію.

«Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ».

До появленія этой статьи памятники историческихъ событій, происходившихъ въ окрестностяхъ Москвы были совершенно забыты. Карамзинъ, обрзрѣвъ нѣкоторые изъ нихъ, возобновилъ въ памяти своихъ соотечественниковъ историческое ихъ значеніе, первый познакомилъ насъ съ древними остатками нашей славы. Читая рассказы Карамзина, невольно приходитъ на мысль, что настоящая сфера его таланта — путевыя записки: здѣсь онъ неподражаемъ. Въ статьѣ этой, онъ сначала говоритъ о селѣ Алексѣевскомъ, любимомъ мѣстопробываніи царя Алексѣя Михайловича, Ростокинѣ, Тайнинскомъ, Пушкиномъ и Воздвиженскомъ; потомъ описываетъ всѣ достопримѣчательныя мѣста Троицко-Сергіевской лавры, преимущественно въ историческомъ отношеніи, но болѣе всего думаетъ въ слухъ о дѣлахъ Бориса, подойдя къ палаткѣ, гдѣ погребено все семейство Годуновыхъ. Тутъ Карамзинъ борется съ самимъ собою: ему хотѣлось бы оправдать несчастнаго Бориса, но жаль и царевича Димитрія. Какъ соединить добродѣтель съ порокомъ въ одномъ нравственномъ существѣ?... Статья эта и потому еще важна, что Карамзинъ не ограничивается повѣствованіемъ лѣтописей при осужденіи Бориса; онъ слушаетъ также и сказанія иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи въ управленіе Годунова. Словомъ, статья эта и теперь еще имѣетъ литературное значеніе.

«Русская старина», статейка не чуждая интереса; она заключаетъ въ себѣ выписки изъ иностранныхъ писателей XVI и XVII столѣтія о Россіи. Здѣсь встрѣчаемъ извѣстія о мѣстности древней Москвы, о нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ, въ означенныхъ столѣтіяхъ. Герберштейнъ, Олеарій, Маржеретъ, Мартинъ Бэръ и другіе служили Карамзину источникомъ. Изъ этого видно, что онъ первый обратилъ

особенное внимание на сказаніе иностранцевъ. «Россія и дѣла студія къ основательному наученію этихъ источниковъ».

«О Тайной Канцеляріи», Здѣсь Карамзинъ опровергаетъ мнѣніе Лавека и Шлецера, будто бы тайная канцелярія учреждена Алексѣемъ Михайловичемъ. Опровергнувъ прежде мнѣніе Лавека, авторъ обращается къ Шлецеру, и говорить: «Гораздо важнѣе то, что г. Шлецеръ, бывший нѣсколько лѣтъ профессоромъ русской исторіи въ нашей академіи (иностранецъ профессоръ русской исторіи!!) шутя надъ Лавекомъ, и называя его не историкомъ, а граверомъ-Лавекомъ, также приписываетъ учрежденіе тайной канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужась ея, говоритъ онъ (т. е. Шлецеръ), такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи прервались въ царствованіе сего государя (!)». Затѣмъ Карамзинъ доказываетъ, что тайная канцелярія учреждена не Алексѣемъ Михайловичемъ, и что объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ иностранецъ, писавшій о Россіи. Мы видимъ, что Карамзину уже извѣстны были сочиненія Оларія, Мейерберга и др. Сказавъ это Карамзинъ продолжаетъ: «гдѣ же страхъ, произведенный тайною канцеляріею! Гдѣ онѣмнѣніе лѣтописцевъ! спрашиваетъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ 59 страницу и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности исторіи русской». Далѣе, Карамзинъ пишетъ, что точно, у Алексѣя Михайловича была *тайная канцелярія*, но не въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Татищевъ, и что слово *тайная* значило *домашняя* или *приватная*, въ вѣдѣніи которой находились дѣла экономическія или государевыхъ имуществъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что «Татищевъ догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописью Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ».

Здѣсь же встрѣчаемъ и первое мнѣніе Карамзина о нашихъ лѣтописцахъ. Онъ говоритъ: «Лѣтописцы наши не Татищи: они рассказывали только блестящія дѣла царей — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и прочее. — Однако жъ мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память сего-рой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нѣтъ случаевъ — и

въ послѣдствіи исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ. Кто у насъ думалъ заготовить ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елизаветы?»

«О случаяхъ и характерахъ въ русской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художества». Изъ этой статьи видно, что Карамзинъ уже ознакомился съ красотою русской исторіи и замѣтилъ самыя разительныя изъ нихъ. Онъ предлагаетъ сюжеты для историческихъ картинъ, но вопросъ заключается въ томъ, могли ли онѣ быть произведены нашими тогдашними художниками, и могутъ ли онѣ быть выполнены даже теперь?

Истинному художнику достаточно одной мысли, — справедливо: но вѣдъ онъ долженъ выразить ее въ соответственныхъ ей формахъ. Всякому живописцу, а тѣмъ болѣе историческому, нужно подробное знаніе эпохи, изъ которой заимствованъ сюжетъ. Фантазія должна приближаться къ истинѣ и вѣроятности, въ противномъ случаѣ, художественное произведеніе дѣлается смѣшнымъ и жалкимъ въ глазахъ аматока дѣла. Не такъ однакожъ думалъ Карамзинъ, онъ пишетъ: «Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало русской исторіи (прекрасное желаніе!) т. е. признаніе варяжскихъ князей въ славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упряженіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Сянеусъ и Труворъ совѣтуются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею, другіе улавывъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ варяжскихъ князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею славянской, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Художникъ отличить лица славянскія отъ варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія русскія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять шведскія, норвежскія или датскія. Варяги были Норманны: оимъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель».

А гдѣ же костюмы; въ чемъ состояло различіе одежды

Славянь отъ одежды Норманновъ? Объ этомъ-то важномъ условіи въ картинѣ, Карамзинъ не подумалъ. Къ сожалѣнію иногда даже и гениальные литераторы бываютъ посредственные знатоки искусствъ. Фантазія можетъ насъ подарить самыми прекрасными образами, но эти образы прекрасны только безотчетно: начните переносить ихъ на бумагу или полотно — въ дѣйствительный міръ, и вы встрѣтите тысячу препятствій. Вообще для насъ довольно странно, какъ Карамзинъ, писавшій всегда со вкусомъ и знаніемъ своего дѣла, могъ въ то же время написать статью, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о сущности исторической живописи!

Изъ литературныхъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Европы», первое мѣсто принадлежитъ «Марѣ Посадницѣ». Она затмѣваетъ все остальное. Потомъ встрѣчаемъ «Рыцаря нашего времени», въ которомъ Карамзинъ началъ было описывать свою жизнь; однакожъ нельзя считать истинною разные анекдоты, которые встрѣчаемъ въ этомъ романѣ, о чемъ говорено было въ первой главѣ.

Остальныя статьи Карамзина, помѣщенные въ «Вѣстникъ Европы»: «Моя исповѣдь»*, «Чувствительный и холодный»** и «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

Посмотримъ какъ рѣшаетъ Карамзинъ послѣдній вопросъ.

«Не въ климатѣ, говоритъ онъ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Русскихъ надобно искать отвѣтъ на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели». — Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственное, такъ называемое дарованіе — т. е. какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего! — Русскій кандидатъ авторства, не довольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершенноѣ узнать языкъ».

Послѣ этого Карамзинъ пишетъ, что для образованія авторскаго таланта необходимо знать свѣтъ, т. е. посѣщать лучшее общество, которое для многихъ писателей его времени было не доступно. Далѣе, что для образованія языка

* Сатира на тогдашнія странныя обыкновенія нашей знати.

** Два характера, изображены не дурно.

наше лучшее общество должно отказаться отъ употребленія французскаго языка и говорить на отечественномъ, и въ особенности совѣтуеть это прекрасному полу, который имѣеть большое вліяніе на образованіе языка разговорнаго.

Приведемъ еще слова Карамзина о гениі: «Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или гениа, говоря, что онъ *терпѣнъ въ превосходной степени*. Но если хорошенько подумаемъ, то едва-ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія гениі не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства*; охота и возможность преодолевать трудности есть характеръ таланта».

Авторъ заключаетъ статью слѣдующими словами: «Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ поэтомъ. Склонность къ литературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни».

ГЛАВА IX.

Обратимся къ «Марѣ Посадницѣ».

Карамзинъ написалъ «Марѣ Посадницу или покореніе Новгорода» въ 1802 году, назвавъ это произведеніе историческою повѣстью. Мы уже прежде видѣли покушеніе Карамзина испытать свои силы въ этомъ родѣ литературы, послѣ чего, цѣлыхъ 10 лѣтъ онъ не рѣшался приступать къ нему вторично. Можно бы сказать, что Карамзинъ, сознавая недостатокъ своихъ свѣдѣній въ древней русской жизни и характеровъ историческихъ лицъ, обратился къ изученію отечествен-

ной исторіи, и запознанъ множествомъ необходимыхъ матеріаловъ, рѣшился еще разъ написать историческую повѣсть, избравъ предметомъ: Марю, посадницу новгородскую. Но чѣмъ болѣе Карамзинъ изучалъ отечественную исторію, тѣмъ яснѣе чувствовалъ недостатокъ матеріаловъ для избраннаго имъ рода повѣсти. Изучая современную западную литературу, Карамзинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ лучшимъ ея произведеніямъ, наконецъ самъ хотѣлъ подражать имъ. Онъ обратился къ исторіи Новгороду, которая такъ часто восхищала его, избралъ Марю, и разсказываетъ ея исторію. Какъ повѣсть, «Марья Посадница» не имѣетъ ни какого достоинства. Но это и не исторія, потому что въ ней строгая историческая достоверность принесена въ жертву литературнымъ красотамъ. Марья, неопредѣленное явленіе въ области изящной литературы, въ свое время считалась собраніемъ красотъ русскаго ораторства, котораго представителемъ былъ Карамзинъ.

Прочитавъ «Марю Посадницу» мы видимъ, что Карамзину оставалось избрать историческое поприще. Онъ и самъ понималъ свое призваніе.

«Марья Посадница» была перенечатываема нѣсколько разъ; она извѣстна каждому Русскому, сколько ибудь знакомому съ отечественною литературой.

Въ предисловіи къ «Марѣ Посадницѣ» Карамзинъ говорить: «Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ русской исторіи. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую къ своей державѣ: хвала ему!»

Карамзинъ не хотѣлъ выдавать «Марю» за собственное произведеніе; по этому-то онъ и говорить въ предисловіи: «Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знаменитыхъ Новгородцевъ, переселенныхъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдають справедливость великому уму Марыи Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати) быть Катонюю своей республики».

«Наконецъ, продолжаетъ Карамзинъ, что старинный авторъ

сей любви даже и въ душѣ своей не призналъ Иоаннъ. Это дѣлаетъ честь епюсправедливости, хотя при описаніи гнѣботорныхъ случаевъ кроме конгородскаго являюся въ немъ. Тѣмъ же возбужденіе, данное имъ салату Марю, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только «страстную», пылающую, а не великую и добродѣтельную женщину».

Въ отдѣлѣ литературы Вѣстника Европы мы встрѣчаемъ и стихотворенія, но не въ такомъ множествѣ, какъ въ «Московскомъ журналѣ».

Державинъ, Дмитриевъ и другіе не писали болѣе мелкихъ стиховъ для публики, а если и писали, то нарѣкана: они уже были тогда людьми сановитыми и не имѣли времени заниматься стихами. Въ первомъ году существованія «Вѣстника» явилось нѣсколько стихотвореній Карамзина, В. Пушкина, Державина классическое «Утро», Дм. Б., Дмитриева «Вдаль...», В. А. Жуковскаго, Самсоего «Кладбище», Грота «Взглядъ (перев. съ англійскаго)», въ которой молодой авторъ общался много), и Пнк. Остолопова. Во второмъ году, стихотворенія издаются еще рѣже. Тутъ встрѣчаемъ плоды вдохновенія кн. Шалинова, Владимира Измайлова, В. Пушкина, Ю. Н.-М., Ал. Палицына, гр. Дмитрія Хвостова, С. Андреева и Шодшпанова. Чаще всего публиковались очень недурныя стихотворенія, означенныя прѣмъ авторами, какъ то — Дмитриева, которому тогда уже не хотѣлось подлинностью своей фамилии поля мелкими именами.

«Вѣстникъ Европы» не подаетъ сравненію какъ съ прежними такъ и новыми периодическими изданиями, такъ равно и съ моднѣйшими журналами. Имъ было сдѣлано довольно значительный шагъ впередъ въ русской журналистикѣ. Карамзинъ можно упроче только въ томъ, что онъ пренебрегъ библиографіею, критикою и разборомъ театральнахъ пьесъ, придававшими столько интересу и жизни «Московскому Журналу». Въ его время, и въ его рукахъ, критика была замѣнѣна предисловіемъ, чтобы подыгнуть нашу литературу впередъ. Ему подражали почти всѣ молодые писатели, и сверхъ того онъ былъ любимѣйшій авторъ нашей тогдашней публики. Но Карамзинъ, вѣроятно, не хотѣлъ дѣлать себѣ вратовъ и потому пренебрегъ этимъ важнѣйшимъ отдѣломъ журнала. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ только одинъ разъ упоминаетъ о важнѣйшихъ сочиненіяхъ иностранной литературы и о двухъ пустившихъ русскихъ переводахъ.

Къ критическимъ статьямъ, встрѣчающимся въ «Вѣстникѣ»

и принадлежащимъ Карамзину, можно отнести: «Біографію Богдановича»; разборъ грамматики, изданной російскою академією, которому критикъ далъ названіе «Великій мужъ русской грамматики» и разборъ «Русской грамматики Француза Модрю».

Статья о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, показываетъ, что Карамзинъ могъ быть хорошимъ критикомъ, и умѣлъ вѣрно оцѣнивать каждое литературное произведеніе въ эстетическомъ отношеніи. Какъ біографъ, онъ весьма удачно развиваетъ причины, имѣвшія вліяніе на образованіе таланта Богдановича; однакожъ, при всей своей проникательности критикъ забылъ сказать, что уже одно великолѣпное царствование Екатерины могло подать поэту мысль для его «Душеньки», выраженной въ нѣжныхъ и роскошныхъ формахъ слова, не смотря на то, что тогдашній языкъ не могъ еще вполне подчиниться эстетическимъ требованіямъ. Замѣтимъ, однако, что пребываніе Богдановича въ Дрезденѣ не мало содѣйствовало развитію его поэтическаго таланта. Намѣреваясь написать біографію Богдановича, Карамзинъ обратился къ родному брату поэта, и просилъ сообщить ему извѣстія о частной жизни автора «Душеньки»; кромѣ того біографъ пользовался нѣкоторыми анекдотами, слышанными имъ отъ лицъ, бывшихъ коротко знакомыми съ Богдановичемъ, въ особенности отъ Михаила Матвѣевича Хераскова, въ домѣ котораго жилъ Богдановичъ въ молодости. Но значительнѣйшая часть біографіи посвящена разбору «Душеньки», весьма удачному и рѣдкому въ то время. Богдановичъ, какъ извѣстно, при сочиненіи ея преимущественно пользовался сказкою Лафонтена. Карамзинъ сличаетъ произведенія двухъ различныхъ талантовъ и старается показать, кто кого превосходить, и въ чемъ именно. Такимъ образомъ, онъ разсматриваетъ всю поэму, отдавая преимущество попеременно, то Богдановичу, то Лафонтену.

Вотъ приговоръ, произнесенный Карамзинымъ надъ «Душенькою». «Лафонтеново твореніе, пишетъ онъ, полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а «Душенька» во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходитъ тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторые изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что ни

какая гармоническая, цвѣтистая проза не замѣнить ихъ. Все чудесное, явно не сбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня «Душенька»). Случаи не естественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитростями искусства, чтобы занимать насъ повѣстью, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными оборотами, измѣненіями тона; особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана «Душенька», и которые подобно англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичъ писалъ ими и мы всѣ читали его».—Такъ въ свое время думалъ о «Душенькѣ» Карамзинъ.

Вторая критическая статья была—«Великій мужъ русской грамматики». Это особенный родъ критики на появившуюся въ 1802 г. русскую грамматику, изданную (и сочиненную) російскою академіею. Здѣсь Карамзинъ въ особенности возстаетъ противъ опредѣленія классовъ глаголовъ по неокончательному наклоненію и противъ возведенія въ форму неокончательныхъ наклоненій такихъ глаголовъ, которые употребляются только во временахъ прошедшихъ или же въ сложномъ видѣ. По его мнѣнію, при классификаціи глаголовъ, надобно имѣть въ виду не неокончательное наклоненіе, а третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Вотъ его слова. «Всѣ глаголы, которые въ настоящемъ времени, въ третьемъ лицѣ единственнаго числа кончатся на *итъ*, должны во множественномъ числѣ того же лица и времени оканчиваться на *итъ* или *атъ* (*жмутъ, мчатъ; славитъ, славятъ*); другое же окончаніе единственнаго числа, съ буквою *е* вмѣсто *и*, перемѣняется во множественномъ всегда на *утъ* или *ютъ* (*владѣетъ, владѣютъ; лжетъ, лгутъ*)».—Нѣтъ, конечно, ни одного русскаго глагола, который бы уклонялся отъ этого правила, и этотъ законъ русскаго языка весьма счастливо подмѣченъ Карамзинимъ. Этимъ замѣчаніемъ воспользовался впоследствии Гречъ, при сочиненіи своей русской грамматики.

Второе замѣчаніе относится къ нѣкоторымъ именамъ числительнымъ: «Если *имя числительное*, говоритъ Карамзинъ, не имѣетъ рода (какъ то: *два, пять, десять, семьдесятъ*), то

существование должно быть съ нимъ въ одномъ фидежъ, а мы говоримъ: съ *шестидесяти рублѣхъ*, а не *рублѣхъ*; *шести* же число имѣеть родъ (на прим.: *одеждъ*, *десятокъ*, *тапикъ*, *тысяча*, *миллионъ*), то имя за нимъ слѣдующее должно быть всегда въ *редительномъ* падежѣ, и надобно говорить: *высказали рублѣхъ*, съ *миллионъ душахъ*, а не *тысячами рублѣхъ*; *шесть миллионъ душахъ*. Когда же въ тысячахъ или въ миллионахъ слѣдуетъ число *бесарядна*, то существование имѣеть: *сво* падежъ, и надобно писать: съ *душахъ* *шестью* *десяти* *тысячи* *пяти* *надесяти* *надесяти* *надесяти*, а не *громадѣхъ*. — Впоследствии это замѣчаніе Карамзина тоже употреблено въ дѣло.

Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что предлогъ *между*, который по академической грамматикѣ требуетъ падежа творительнаго, а не родительнаго, можетъ быть сочетанъ и съ *родительнымъ*, и можно смѣло писать *«между м:шпозъ и м:шпозъ»*.

Не смотря на то, что Карамзинъ не могъ имѣть систематическихъ познаній въ филологіи, онъ подмѣтилъ важнѣйшіе другіи законы русскаго языка. — Иная сдѣлать свои замѣчанія «на грамматику русскаго языка» доступными для каждаго, онъ облекъ ихъ въ шутливую форму.

«О русскаго грамматикѣ Француза Модрю», статья критическая, въ которой между прочимъ высказаны замѣчанія Карамзина о церковно-славянскомъ языкѣ и образованіи собственно русскаго языка. Карамзинъ говоритъ: «русскій языкъ есть славянский, измененный временемъ, употребленіемъ и ориніемъ некоторыхъ чужихъ словъ». Далѣе: «автори или переказчики нашихъ духовныхъ книгъ образовали языкъ ихъ совершенно по греческому, называли всѣхъ *предметовъ*, *чужа языка*, соединили многія слова, и сию *славянскую операцию* именовали *первобытною чистотою древняго славянскаго языка*. Слово *языку Марселю*, драгоценный остатокъ его, доказываетъ, что онъ былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ переписанныхъ книгъ. Несторъ зналъ уже, вѣроятно, по-гречески (1); въ *тѣхъ* же переписанияхъ дозволяли себѣ поправлять слово *его*».

Въ то время, когда Карамзинъ писалъ «*Марю Послѣднюю*», смерть похитила обожаемую имъ супругу. Съ блѣднымъ лицомъ, открытое головно, шелъ онъ около двѣнадцати верстъ (отъ Саврова до Донскаго монастыря) поодлѣ печальной колесницы, держа руку на гробницѣ. Други подходили къ нему и предлагали мѣсто въ наретѣ. «*Оставьте*

* Н. М. Карамзинъ сочетался первымъ бракомъ съ Елисаветою Ивановною Протасовой, за которую взялъ въ приданое сто душъ крестьянъ.

меня одного» — отвѣчалъ Карамзинъ — «приходите завтра, присутствіе ваше будетъ необходимо». — Онъ не могъ облегчить тогда душевной скорби слезами: она засушила ихъ! Видъ младенца, оставшагося на его попеченіи и убѣжденія дружбы заставили, наконецъ, несчастнаго отца взяться снова за перо.

Въ объявленіи Карамзина, писанномъ въ концѣ 1802 года, о продолженіи «Вѣстника Европы» на слѣдующій годъ, онъ представляетъ причины, почему критика не входила и не будетъ входить въ составъ его журнала: «Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая критика есть роскошь литературы, она раждается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что нибудь къ общему *имѣнію*, нежели заняться его оцѣнкою. Впрочемъ не забываемся говорить иногда о *старыхъ* и *новыхъ* русскихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками»^{*}.

Удивительно! Карамзинъ, который такъ смѣло выступилъ на поприще критики въ «Московскомъ Журналѣ», дѣлается нерѣшительнымъ и робкимъ, спустя десять лѣтъ, когда онъ уже имѣлъ гораздо болѣе опытности въ литературѣ!

Не смотря на успѣшное изданіе «Вѣстника Европы», Карамзинъ думалъ уже оставить его при началѣ втораго года.

Ему пришла мысль написать русскую исторію. Онъ открылся другу своему Дмитріеву и получилъ его одобреніе. «Но я человекъ частный», — говорилъ Карамзинъ Дмитріеву, — «безъ содѣйствія правительства не достигну желаемой цѣли; притомъ лишусь главныхъ доходовъ моихъ: двѣнадцать тысячъ рублей, которые приноситъ мнѣ Вѣстникъ Европы?» — «Ты ничего не потеряешь, трудясь для славы отечества», отвѣчалъ Дмитріевъ. — «Пиши только въ С. Петербургъ: я увѣренъ въ успѣхѣ». — «Тебѣ все представляется въ розовомъ видѣ», — сказалъ Карамзинъ съ досадою. Долго спорили они; наконецъ послѣдній долженъ былъ уступить убѣдительнымъ словамъ друга, и сказалъ: — «пожалуй, я напишу, но берегись, если откажутъ!»

Прилагаемъ письмо, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ

^{*} Вѣст. Евр. 1802 г., № 23, стр. 229—229.

нашѣреніи Михаилу Никитичу Муравьеву, бывшему тогда почетелемъ московскаго университета, товарищемъ министра, и однимъ изъ сановниковъ, окружавшихъ престолъ Императора Александра.

«Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего, увѣренный въ вашей любви ко славію отечества и русской словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи.

«Будучи весьма не богатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ на-
мѣреніемъ, чтобы, принужденною работою пяти или шести
лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно
и писать единственно для славы—однимъ словомъ, сочинить
русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ
всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ тру-
диться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ «Вѣ-
стника». Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ по-
спѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить
безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6,000 р. до-
ходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правитель-
ство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, кото-
рый способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ ле-
стное благоволеніе россійской публики, и котораго бездѣлки,
напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хо-
рочаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то
нельзя ли при случаѣ доложить Императору о моемъ намѣре-
ніи написать исторію, не варварскую и не постыдную для Его
царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣко-
гда Мармонтеля исторіографомъ и давали ему пенсію, хотя
опъ и не писалъ исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣ-
стно, не много истинныхъ авторовъ. Если галиматя, подъ
именемъ «Корифея», печатается на счетъ казны; если переводъ
Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства: то
для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣ-
стнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію
къ славію отечества? хочу не избытка, а только способа про-
жить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь упра-
виться съ исторіею, и тогда я могъ бы отказаться отъ
пенсій: написанная исторія и публика не оставили бы меня
въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ
бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерпт-
скіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною
для таланта.

«Сказать все и вручить вамъ судьбу моего авторства, остаюсь въ ожиданіи вашего снисходительнаго отвѣта. Другаго человека я не обременилъ бы такою просьбою; но васъ знаю, не боюсь показаться вамъ смѣшнымъ. Вы же нашъ попечитель.— Господинъ Чеботаревъ, ректоръ, предложилъ мнѣ быть членомъ московскаго университета: честь, которую я вамъ обязанъ, и за которую изъявляю искреннюю благодарность.—Университетъ оживился. Публичныя лекціи привлекаютъ многихъ слушателей и безъ сомнѣнія распространяютъ вкусъ къ наукамъ» (М., 28 сент. 1803 г.).

Получивъ это письмо, М. Н. Муравьевъ доложилъ объ этомъ намѣреніи Карамзина Государю.

Императоръ Александръ, одобревъ мысль Карамзина, велѣлъ ежегодно выдавать ему изъ Кабинета*, по 2,000 рублей*. Сумма эта была весьма важнымъ пособіемъ для Карамзина, который могъ теперь вполнѣ посвятить себя любимому предмету, отечественной исторіи. Признательный къ М. Н. Муравьеву, Карамзинъ высказалъ ему свою благодарность въ слѣдующемъ письмѣ:

«Вамъ единственно, писалъ онъ, — обязанъ я милостію Государя и способомъ заниматься такимъ дѣломъ, которое можетъ быть славно для меня и не безславно для Россіи; къ сему одолженію вы присоединили еще всю нѣжность души кроткой, чувствительной, и тѣмъ возвысили цѣну его... Какъ вамъ пріятно дѣлать добро, такъ сердцу моему сладостно быть на вѣки благодарнымъ.

«Прошу васъ, милостивый государь, изъявить великодушному Монарху усердную и благоговѣйную признательность одного изъ Его вѣрнѣйшихъ подданныхъ, который посвятить всю жизнь свою на оправданіе Его благодѣянія.

«Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ предписалъ здѣшнему архиву иностранной коллегіи показывать мнѣ всѣ бумаги, имѣющія отношеніе къ Россійской исторіи; но желаю пользоваться и другими бібліотеками, напримѣръ Древнею Патріаршею и Троицкою, гдѣ хранятся многія лѣтописи: не нужно ли будетъ общимъ Всемилостивѣйшимъ указомъ отъ

* *Именной указъ кабинету*: «Какъ извѣстный писатель, московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ НАМЪ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной исторіи отечества нашего; то МЫ, желая ободрить его въ толь похвальный предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ историографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пенсіона, изъ Кабинета Нашего», 31 окт. 1803 г.

крыть для меня сіи источники? Ниже надиратели библиотекъ едвали позволятъ мнѣ брать на домъ манускрипты» (М., 9 ноября 1803 г.).

Въ концѣ послѣдняго номера своего журнала Карамзинъ писалъ: «Сею книжкою заключается *Вѣстникъ Европы*, котораго я былъ надателемъ. Въ продолженіи его не буду имѣть никакого участія.

«Изъявляю публикѣ искреннюю мою признательность. Я работалъ охотно, видя число пренумерантовъ.— *Вѣстникъ* имѣлъ счастье заслужить лестные отзывы самихъ иностранныхъ литераторовъ: многія русскія сочиненія переведены изъ него на нѣмецкій и французскій языкъ, и помѣщены въ журналахъ, издаваемыхъ на сихъ языкахъ.

«Милость нашего Императора доставляетъ мнѣ способъ отнынѣ совершенно посвятить себя дѣлу важному и безъ сомнѣнія трудному: время покажетъ, могъ ли я безъ дерзости на то отважиться.

О частной жизни Карамзина именно въ это время, мы можемъ судить только по двумъ сохранившимся письмамъ его къ брату. Въ первомъ онъ пишетъ: «Я нанялъ прекрасный сельскій домикъ, и въ прекрасныхъ мѣстахъ близъ Москвы; бываю по большей части одинъ, и когда здорова Софьюшка, то, не смотря на свою меланхолю, еще благодарю Бога. Сердце мое совсѣмъ почти отстало отъ свѣта. Занимаюсь трудами, во первыхъ для своего утѣшенія, а во вторыхъ и для того, чтобъ было чѣмъ жить и воспитывать малютку. Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобъ жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за труды важнѣйшіе: за русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше! (Сверлово, 6 июня 1803 г.).

Во второмъ письмѣ онъ говоритъ: «Не могу вообще жаловаться на свое здоровье, но зрѣніе мое слабѣетъ; это заставляетъ меня отказаться отъ журнала; но примусь за исторію, которая не требуетъ срочной работы» (Москва, 29 сентября 1803 г.).

Этимъ оканчивается осьмнадцатилѣтняя дѣятельность Карамзина на поприщѣ литературы. Въ продолженіе этого времени способности его развились во всемъ блескѣ. Карамзинъ

очистилъ нашу языкъ, освободилъ его изъ подъ такъ-называемаго классическаго вліанія, указалъ ему настоящій путь, обработалъ слогъ, обогатилъ нашу литературу своими сочиненіями; возбудилъ участіе къ трудамъ знаменитыхъ писателей, познакомилъ съ иностранными литературами, перевелъ множество произведеній съ новыхъ языковъ, распространилъ охоту къ чтенію, коснулся современныхъ вопросовъ, рассуждалъ самостоятельно о политикѣ Европы, возбудилъ участіе къ русской старинѣ и первый познакомилъ Русскихъ съ сказаніями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ. Этимъ заслугъ уже достаточно для славы писателя... Между тѣмъ у Карамзина всѣ эти труды были только приготовленіемъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Съ этого времени начинается новый періодъ его дѣятельности, гораздо занимательнѣйшій для ума и души; съ этого времени мы будемъ смотрѣть на Карамзина, какъ на историка.

ГЛАВА X.

Получивъ Высочайшій рескриптъ, Карамзинъ оставилъ вѣданіе «Вѣстника Европы» и приступилъ къ историческому труду.

Приступая къ изложенію предварительныхъ историческихъ занятій Карамзина, скажемъ, въ какомъ положеніи вообще находились у насъ въ то время историческіе матеріалы.

Библіотеки наши (т. е. московскія) были въ безпорядкѣ; каталоговъ не существовало; лѣтописи и хронографы еще не подвергались ученому изслѣдованію, грамоты были разсыяны по всѣмъ русскимъ монастырямъ и архивамъ; древняя географія оставалась какою-то terra incognita, лѣтосчисленіе и генеалогія были перепутаны; о нумизматическихъ собраніяхъ не имѣли и понятія, равно какъ объ археологіи; всѣ наши сношенія съ сосѣдними государствами скрывались въ статейныхъ спискахъ; объ иностранныхъ лѣтописяхъ и о сказаніяхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, никто и не слышалъ; если же и было издано нѣсколько лѣтописей, то безъ всякой критики и отчетливости; нѣсколько историческихъ компиляцій, напечатанныя прежде, не облегчали, но скорѣе замедляли историческую работу; только вопросъ о Варагахъ былъ, болѣе или менѣе, удачно разсмотрѣнъ съ разныхъ сторонъ, и трудолюбивый Шлецеръ, напечатавъ первую часть своихъ изъясненій на Нестора, показалъ, какъ издавать лѣтописи.

Къ этому надобно еще прибавить, что Карамзинъ не получилъ строго-классическаго образованія, слегка зналъ древнїе языки и не занимался историческою критикою. Передъ нимъ стояла хаотическая груда историческихъ памятниковъ, печатныхъ и письменныхъ. Карамзину предстояло все это изучить, изслѣдовать критически и послѣ того составить по нимъ свою исторію. Сколько потребно было времени только на одно приведеніе въ порядокъ и сличеніе этой громады фоліантовъ! Разсмотрѣніе и сличеніе однородныхъ матеріаловъ тоже требовало не мало терпѣнія.

Сначала Карамзинъ и самъ не зналъ всѣхъ предстоявшихъ ему трудностей. Онъ отказался отъ общества и въ уединенїи, вполне посвятилъ себя дѣлу новому, многотрудному.

Первые три года онъ до того былъ погруженъ въ свой предметъ, что избѣгалъ всякаго посторонняго разговора, и наскучилъ даже своимъ друзьямъ. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ изслѣдованія, тѣмъ яснѣе видѣлъ всю непрочность своего положенія: препятствія, о которыхъ онъ и не воображалъ, останавливали его безпрестанно; тѣнь Шлецера преслѣдовала его повсюду. Карамзинъ нѣсколько разъ перемѣнялъ планъ своего труда; предлагалъ себѣ новыя задачи, жегъ, и снова по нѣскольку разъ переписывалъ первые томы. Часто онъ приходилъ даже въ отчаяніе, но непреклонная воля, соединенная съ удивительнымъ терпѣніемъ, давала ему возможность идти впередъ, разпутывая и разсѣкая узлы. До чего другой доходилъ послѣ двадцатилѣтняго опыта и при совѣтахъ ученыхъ обществъ, то Карамзинъ схватывалъ на-лету, усматривалъ съ перваго раза, предугадывалъ. Между-тѣмъ онъ безпрестанно обогащался историческими свѣдѣніями, взглядъ его становился яснѣе, и онъ сказалъ въ письмѣ къ Муравьеву, что уже не боится «ферулы Шлецеровой».

Карамзинъ началъ знакомиться съ бібліографіей русской исторіи и собирать историческія книги, и какъ ему дозволенъ былъ доступъ во всѣ бібліотеки и архивы, то вскорѣ онъ ознакомился и съ рукописнымъ историческимъ міромъ.

Мы имѣемъ письмо Карамзина къ Муравьеву, въ которомъ онъ благодаритъ его, за исходатайствованіе ему разрѣшенія пользоваться архивами.

«Сердечно благодарю васъ, писалъ Карамзинъ, за трудъ, который вы взяли на себя, доложить Его Величеству о моемъ желанїи пользоваться архивомъ и монастырскими бібліотеками. Хотя первый и былъ уже отворенъ для меня по благо-

склонному письму канцлера; но лучше имѣть право, нежели зависѣть отъ воли людей. Если Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый: то добрые Россіяне узнаютъ съ чувствительностію, что вы были великодушнымъ и единственнымъ покровителемъ автора, усерднаго ко славѣ отечества.

«Ваша милостивая ко мнѣ довѣренность обязываетъ меня быть искреннимъ: тѣмъ пріятнѣе мнѣ сказать, что мысль ваша имѣетъ уже счастливое дѣйствіе; что публичныя университетскія лекціи вообще имѣютъ успѣхъ, и что слушателей бываетъ довольно. Лекціи г-на Страхова, имѣя любопытную часть физики, нравятся болѣе другихъ. Не только многіе благородные молодые люди, но и лучшія здѣшнія дамы слушаютъ его съ удовольствіемъ; онъ же говоритъ ясно и съ довольною пріятностію. Молодой Шлецеръ обѣщаетъ быть достойнымъ сыномъ отца своего. Жаль только, что у насъ не многіе знаютъ нѣмецкій языкъ; но тѣ которые слушаютъ и разумѣютъ его историческія лекціи, весьма ими довольны. Мнѣ остается еще выдать одну книжку «Вѣстника»: я съ сердечнымъ удовольствіемъ скажу нѣсколько словъ о сей новой пользѣ московскаго университета, въ надеждѣ на благосклонное ко мнѣ расположеніе публики, съ которою мнѣ должно проститься на долгое время, а въ нѣкоторомъ смыслѣ и навсегда. Исторія удаляетъ насъ отъ современниковъ.

«Позвольте мнѣ, милостивый государь, изъявить вамъ благодарность и за Рихтера. Авторское мое самолюбіе обязано ему многими удовольствіями. Переводы его сдѣлали меня извѣстнымъ въ Германіи, въ Англіи и во Франціи (М., 24 декабря 1803 г.).

Сколькихъ трудовъ стоило Карамзину согласить всѣ притворчія древнихъ писателей и мнѣнія новыхъ, и написать первую главу исторіи, самую трудную: о древнихъ народахъ, обитавшихъ въ Россіи. Карамзинъ отовсюду собиралъ свѣдѣнія и употреблялъ ихъ въ дѣло, указывая матеріалы, служившіе ему основаніемъ. Сколько предстояло ему рѣшить вопросовъ важныхъ, требующихъ долговременнаго изученія, напряженнаго вниманія, и Карамзинъ обо всѣхъ ихъ высказалъ свое мнѣніе, часто вѣрное и новое. Сколько долженъ онъ былъ согласить и объяснить хронологическихъ разнорѣчій нашихъ лѣтописей съ иностранными. Кажется, будто всѣ описываемыя лица и событія были ему современны: съ такимъ умнѣемъ онъ располагаетъ ихъ во-время, каж-

дое на своемъ мѣстѣ, — и въ продолженіе тридцати лѣтъ, протекшихъ послѣ «Исторіи Россійскаго Государства», въ ней еще не открыто важныхъ противорѣчій. Между-тѣмъ описательный талантъ Карамзина, его удивительный даръ слова мужали съ каждымъ томомъ, и только въ первыхъ томахъ, пока историкъ еще не освободился отъ теоріи, усвоенной имъ вмѣстѣ съ воспитаніемъ, встрѣчаются въ его трудѣ лица, взятые изъ древней Россіи, которымъ прихоть писателя придала излишнюю важность, незаслуженное значеніе.

Примѣчанія, помѣщенные Карамзинымъ въ концѣ каждаго тома, доказываютъ, что онъ, при каждомъ событіи, свѣрлялъ мѣстность его со временемъ, означеннымъ въ лѣтописяхъ, а время съ мѣстностью (см. т. IX, прим. 612); равнымъ образомъ числа со днями недѣль, съ постами и праздниками, а эти послѣднія опять — съ числами (см. т. II, прим. 301, и т. III, прим. 13, 80, 98, 122, 127, 133 и т. д.). Онъ повѣрлялъ также истину событій явною ихъ вѣроятностію, возрастомъ лицъ, характеромъ вѣка, современными событіями въ другихъ странахъ, слогомъ лѣтописей и записокъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ заключается вторая исторія, составленная изъ подлинныхъ письменныхъ памятниковъ.

Карамзинъ сохранилъ многія выраженія лѣтописцевъ. Часто, для вѣрнѣйшей характеристики людей и вѣка, а иногда, желая произвесть большее впечатлѣніе на читателя, онъ приводитъ обычные тогда выраженія и названія предметовъ.

О ходѣ историческихъ занятій Карамзина въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ мы можемъ отчасти судить изъ писемъ его къ брату и къ М. Н. Муравьеву :

«Не вамъ, а мнѣ, писалъ Карамзинъ, должно быть признательнымъ, когда нѣсколько строкъ, написанныхъ мною о лекціяхъ, удостоились вашего лестнаго вниманія. Но вы уже пріучили меня къ благодарности.

«Теперь, раздѣлавшись съ публикою, занимаюсь единственно тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ исторіи. Архивъ иностранной коллегіи служитъ мнѣ великою помощію; скоро прибѣгну я къ монастырскимъ библіотекамъ, для сличенія разныхъ древнѣйшихъ лѣтописей. Вы дозволите мнѣ отъ времени до времени говорить вамъ объ успѣхѣ трудовъ моихъ (М., 18 февр. 1804 г.).

Въ этомъ же году Карамзинъ женился вторично и въ

июнѣ писалъ къ брату: «Я самъ, любезный братъ, не могу хвалиться здоровьемъ, которое мнѣ нужно и для того, чтобы живо чувствовать счастье моего супружества и для моей пріятной, но трудной работы. Вы, по вашей дружбѣ ко мнѣ, берете участіе въ ея успѣхахъ: и такъ скажу вамъ, что я тружусь усердно, и если не совершу этой работы, то, по крайней мѣрѣ, не отъ лѣни. Можетъ быть, Богъ и наградитъ меня успѣхомъ. Пишу теперь вступленіе, т. е. краткую исторію Россіи и Славянъ до самаго того времени, съ котораго начинаются собственные наши лѣтописи. Этотъ первый шагъ всего труднѣе; мнѣ надобно много читать и соображать. А тамъ опишу нравы, правленіе и религію Славянъ; послѣ сего начну обрабатывать русскія лѣтописи» (Ост., 8 іюня).

Въ половинѣ сентября Карамзинъ писалъ къ Муравьеву: «За пріятнѣйшую должность поставляю себѣ давать вамъ отчетъ въ моей работѣ. Я кончилъ теперь введеніе, которое состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: кто были древнѣе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки Славяне, Варяги и Варяги — Русь? то есть, я дошелъ до времени Рюрика, и могу сказать, что этотъ шагъ былъ самый труднѣйшій. Надлежало сообразить все, написанное Греками и Римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Амміана Марцеллина; все написанное византійскими историками о Славянахъ и другихъ народахъ, которыхъ исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ російской. Не легко было также, сообразивъ все, предложить слѣдствіе кратко, просто и ясно; не сказать ничего лишняго, и не пропустить ничего существеннаго; всякое слово основать на историческомъ свидѣтельствѣ и вѣроятности, отличить отъ дѣйствительной истины. Описаніе физическаго и нравственнаго характера древнихъ Славянъ, ихъ правленія и вѣры, составить второе отдѣленіе, которымъ уже занимаюсь, выбравъ матеріалы изъ византійскихъ лѣтописцевъ и другихъ, хотя отчасти позднѣйшихъ, однакожъ достовѣрныхъ авторовъ. Надѣюсь, если буду живъ и здоровъ, кончить эту статью нынѣшнею зимою; и тогда уже приступлю къ дѣйствительной російской исторіи, къ описанію правленія князей варяжскихъ въ нашемъ отечествѣ. Однимъ словомъ, не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе есть теперь исторія. Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка. Я нашелъ двѣ ха-

ратейныя Несторовы лѣтописи весьма хорошия: одну XIV вѣка у графа Пушкина, которую уже и списалъ для себя, а другую въ библіотекѣ Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищевъ ни Щербатовъ не имѣли въ рукахъ своихъ такихъ драгоценныхъ списковъ Нестора. Всякій день открываю новыя грубыя ошибки Татищева и Болтина; замѣчаю ихъ въ нотахъ, однакожь не оскорбляя памяти умершихъ. Никогда не забуду, что вы, милостивый государь, дали мнѣ возможность заниматься симъ дѣломъ, весьма полезнымъ въ системѣ государственнаго просвѣщенія. Я могу умереть, не дописавъ исторіи; но Россія должна всегда имѣть исторіографа. Десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человекъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ. Вы довершили бы, милостивый государь, ваше благодѣяніе для меня и для пользы общей, если бы при случаѣ доложили Императору, чтобы онъ Всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣлъ исторіографу считаться въ одномъ классѣ съ профессорами: чѣмъ утвердилось бы еще болѣе сіе мѣсто, которое, будучи сопряжено съ трудами не безважными, достойно въ порядкѣ государственныхъ чиновъ сравнивается съ мѣстомъ профессорскимъ. Честолюбіе исторіографа могло бы на всю жизнь ограничиться такою степенію; а вы остались бы навсегда творцомъ его достоинства въ Россіи» (12 сент. 1804 года).

Вслѣдъ за этимъ письмомъ онъ писалъ къ брату: «Упражнения мои вамъ извѣстны. Все идетъ медленно, и на всякомъ шагу впередъ надобно оглядываться назадъ. Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ. Здоровье мое теперь, кажется, получше, но все еще не очень хорошо и я не смѣю работать по вечерамъ, хотя бы это и нужно было для успѣха трудовъ моихъ» (Остафьево, 15 сент.).

Получивъ по ходатайству Муравьева чинъ надворнаго совѣтника и временное пособіе, исторіографъ писалъ: «Какъ обрадовала меня новая милость нашего Государя, такъ глубоко тронуло мою душу новое доказательство вашего ко мнѣ благорасположенія. За сіи великія одолженія могу платить вамъ одною усерднѣйшею преданностію и ревностными трудами, обращаемыми къ пользѣ общей, которая любезна вашему сердцу. Вы имѣли бы право укорять меня неблагодарностію, если бы я не употребилъ всѣхъ способовъ оправдать ваше покровительство.

«Прошу васъ, милостивый государь, изъяснить Монарху отечества мою благоговѣйшую признательность.

«Занимаясь прилежно своею работою, я не намѣренъ спѣшить въ изданіи плодовъ ея, и думаю что не отдамъ въ печать ни строки, пока не дойду до фамиліи Романовыхъ. Отъ князя Ивана Васильевича до царя Михаила Ѳеодоровича исторія наша представляетъ уже множество великихъ происшествій, которыхъ описаніе должно рѣшить, имѣетъ ли авторъ способности нужные для историка? Но вы должны быть моимъ судьею прежде публики.

«Я слышалъ, что Шлецеръ прислалъ къ вамъ или къ графу Заводовскому историческое сочиненіе объ Олегѣ: оно должно быть для меня весьма любопытно...» (М., 10 окт., 1804 г.).

Въ концѣ декабря Карамзинъ почти оканчивалъ уже введеніе къ «Исторіи Государства Россійскаго» и писалъ къ брату: «...А я, любезнѣйшій братъ, работаю изо всей силы и мочи, пока Богъ дастъ мнѣ довольно здоровья и снокоиствія для успѣха въ трудѣ моемъ. Теперь пишу о нравахъ, правленіи и вѣрѣ древнихъ Славянъ, и надѣюсь это кончить около февраля, чтобы приняться уже за нашу исторію съ Рюрика. Я дѣлаю все, что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятого часа, и не рѣдко лишаю себя удовольствія быть съ моею любезною женою. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхами» (М., 20 дек. 1804 г.).

Получивъ записки гр. Потоцкаго, Карамзинъ писалъ Муравьеву въ началѣ 1805 года:

«Съ чувствительностію благодарю васъ за милостивое письмо и за книгу. Я давно знаю автора: онъ много читалъ, но немногіе согласны съ нимъ въ изъясненіи древнихъ историковъ и географовъ. Люди, основательно ученые, писали о времени, въ которое Славяне могли придти съ береговъ Дуная въ Россію. Одно хотя не весьма ясное мѣсто въ Никифорѣ Патріархѣ, заставляетъ думать, что сіе переселеніе случилось не ранѣе VІІ вѣка; вѣроятно также, что Несторъ, подобно Византійскимъ лѣтописцамъ XII вѣка, именуетъ Волохами Болгаровъ (вопреки Шлецеру, который нѣсколько разъ перемѣнялъ свои мысли); но вѣроятность не есть доказанная истина, и вопросъ остается нерѣшеннымъ.

«Мнѣ хотѣлось бы вытѣ подробно выписку изъ Ватиканскаго архива о древнѣйшихъ сношеніяхъ папъ съ Россією, и для этого желаю писать къ кардиналу Гонзальви; но осмѣливаюсь требовать вашего совѣта: могу ли это сдѣлать по нынѣшнимъ обстоятельствамъ? мы, кажется, не имѣемъ теперь дружеской связи съ Римомъ. Князь Адамъ Адамовичъ безъ сомнѣнія вамъ знакомъ; надѣюсь, что онъ и ко мнѣ расположенъ благосклонно; нельзя ли съ нимъ, милостивый государь, переговорить о томъ? Кардиналъ уважитъ ли мою просьбу, если нашъ министръ не замолвитъ за меня слово? Увѣренный въ вашей милости и въ томъ, что вамъ пріятно способствовать успѣху моего ревностнаго труда, безпечною васъ еще другою просьбою. Я нашелъ и выписалъ многонеобходимыхъ для меня книгъ; но по сіе время не могъ достать Дюканжа. Его «*Historia Byzantina illustrata*» или «*Constantinopol. Christiana*» мнѣ очень нужна; она должна быть въ академической бібліотекѣ; не захочетъ ли Николай Николаевичъ Новосильцевъ одолжить меня ею? я скоро возвратилъ бы ее черезъ почту. Въ моихъ обстоятельствахъ позволено, кажется, быть докучливымъ; а вы мой единственный покровитель» (М. 16 мая 1805 г.).

Получивъ Дюканжа, въ которомъ очень нуждался, Карамзинъ пишетъ Муравьеву: «Спѣшу изъяснить вамъ особенную благодарность мою за Дюканжа, котораго получилъ, и которымъ надѣюсь воспользоваться для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ IX и XV вѣка. Благодарю также за ваше милостивое дозволеніе брать мнѣ книги изъ университетской бібліотеки. Въ разсужденіи обрядовъ греческаго двора, я могъ бы удовольствоваться и Константиномъ Багрянороднымъ; однакожъ не худо заглянуть и въ другаго автора. Возьму его, какъ скоро приѣду въ городъ: теперь живу въ подмосковной».

«Не давно осмотрѣлъ я здѣшніе монастыри: архивы ихъ совершенно пусты. Однакожъ въ нѣкоторыхъ нашелъ я вкладныя, или такъ-называемыя кормчія книги, для меня любопытныя: онѣ объясняютъ многія обыкновенія XVI и XVII вѣка. По симоновской вкладной книгѣ узналъ я, что въ тамошнемъ монастырѣ жилъ и скончался сынъ Дмитрія Донскаго и отказалъ ему разныя помѣстья. Теперь собираюсь ѣхать въ Саввинъ монастырь: тамъ все напоминаетъ царя

Алексѣя Михайловича и хранится въ некоторыхъ историческихъ рукописяхъ. Онь въ 50 верст. отсюда» (3 іюня 1805 г.).

Въ сентябрѣ Карамзинъ писалъ къ брату: «По отъѣздѣ Катерины Андреевны я скоро задемогъ дурною лихорадкою, и былъ болѣть 5 недѣль; совсѣмъ было высохъ и походилъ на скелета; но, славу Богу! дней черезъ 10 по возвращеніи моеѣ жены натура взяла верхъ и я началъ выздоравливать. Теперь осталась только слабость. Во всю жизнь свою я не имѣлъ еще такой долговременной и изнурительной болѣзни. Дней въ 5 она отиде у меня все силы, и могла обратиться въ опасную; но возвращеніе Катерины Андреевны подѣйствовало на мнѣ лекарство. Вообразите, что съ исхода іюля по сей часъ я не принимался за перо для продолженія своей исторіи! и теперь еще не пишу. Это мнѣ скорбно; но я радуюсь своему выздоровленію, какъ ребенокъ. Въ некоторыхъ минутахъ болѣзни казалось мнѣ, что я умру, и для того не смотря на слабость, разобралъ всѣ книги и бумаги государственныя, вѣятыя мною въ разныхъ мѣстахъ, и подписалъ, что куда возвратить. Нынѣ гораздо пріятнѣе для меня снова разбирать. Ахъ! жизнь мила, когда человекъ счастливъ домашними и умѣетъ заниматься безъ скуки» (М., 21 сент.).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ исторіографъ писалъ Муравьеву: «Завтра, на тяжелой почтѣ, отправлю къ вашему превосходительству Дюканжа, за котораго повторяю искреннюю мою благодарность. Я возвратилъ бы его двумя мѣсяцами ранѣе, если бы жестокая болѣзнь не помѣшала мнѣ заниматься дѣломъ моимъ. Отъ августа до октября я не бралъ пера въ руки для исторіи. Теперь оправляюсь, и хотя радуюсь, какъ ребенокъ, своимъ выздоровленіемъ, по въ тоже время жалѣю сердечно о двухъ мѣсяцахъ, потерянныхъ для работы. Теперь мысли мои снова къ ней обратились. Я ожидалъ изъ Германіи сочиненій славнаго Іезуита Прая (Praj), но не получивъ ихъ, прибѣгаю къ вашей милости: нѣтъ ли въ академической библиотекѣ его «Annales Hunnorum» и «Dissertatio critica et historica? то и другое сочиненіе для меня весьма нужно.

«Благодарю васъ также, милостивый государь, за эстампъ, посвященный Лепехину. Мысль прекрасна. Въ Россіи чтятъ наконецъ достоинства ученыхъ.

• Вторая супруга Николая Михайловича.

«Я выдалъ случаи доставить и некоторыя драгоценныя для нашей исторіи матеріалы: письма папъ къ вел. князьямъ съ 1075 году, выписанныя изъ Ватиканскаго архива нынѣшнимъ варшавскимъ епископомъ для короля польскаго въ 1780 году, и еще журналъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ во время Дмитрія Самозванца и Шуйскаго» (М., 5 октября 1805 г.).

Въ мартѣ 1806 г. Карамзинъ даетъ отчетъ Муравьеву въ трудахъ своихъ:

«Мнѣ равно пріятно и заниматься дѣломъ своимъ и давать въ томъ отчетъ вамъ. Я кончилъ второй томъ, помѣстивъ въ немъ исторію временъ язычества (отъ первыхъ князей варяжскихъ до смерти Владимира), и заключивъ его обзоромъ гражданскаго и нравственнаго состоянія древней Россіи. По сю пору все идетъ изрядно; увидишь, что будетъ дагѣ. Каждая эпоха имѣетъ свои затрудненія. Надѣюсь въ III томѣ дойти до Батыя, а въ IV до перваго Ивана Васильевича; тамъ остается еще написать тома два до Романовыхъ. Мнѣ не хочется пропустить ничего любопытнаго; не хочется также дуть на читателей горами пустыхъ словъ.— По крайней мѣрѣ теперь я уже свободно перевожу духъ, и не боюсь формулы Шлецеровой; то есть мракъ для меня пообъяснился.

«Я просилъ васъ о сочиненіяхъ Прая: на сихъ дняхъ прислали ихъ ко мнѣ изъ Германіи. Но все еще не имѣю нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ: напримѣръ, вы одолжили бы меня, если бы доставили преданному вамъ исторію.... отъ 1784 до 1789 году. Думаю, что это сочиненіе есть въ академической библіотекѣ.

«Васъ же должно мнѣ благодарить и за пріятное знакомство Николая Николаевича. Я не очень скромный; однакожъ не могъ еще сказать ему всего, что въ отношеніи къ вамъ чувствую» (М., 6 марта 1806 г.).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Карамзинъ писалъ къ Муравьеву: «Съ сердечною признательностію читалъ я ваше письмо, которое столь живо увѣряетъ меня въ вашемъ милостивомъ ко мнѣ расположеніи».

«Не стыжусь беспокоить васъ просьбами, которыхъ цѣль есть та, чтобы оправдать ваше доброе мнѣніе о трудѣ моемъ; мнѣ надобно еще имѣть свободный входъ въ два архива: въ здѣшній сенатскій и разрядный, которые находятся подъ вѣ-

двѣмъ министра юстиціи, и въ московскую оружейную палату, которая зависить отъ г. Валуева, Петра Степановича. Сдѣлайте милость, исходатайствуйте для меня Высочайшее позволеніе выписывать изъ сихъ архивовъ,—также и изъ архива оружейной палаты,—все, что имѣетъ отношеніе къ російской исторіи» (М., 5 апрѣля 1806 г.).

Спустя двѣ недѣли къ нему же: «Съ живѣйшею признательностію чувствую ваши милости и одолженія. Теперь ожидаю только, чтобы князь Петръ Васильевичъ и Петръ Степановичъ сообщили сюда о Высочайшемъ позволеніи, имѣя данномъ, имѣть входъ въ архивы и въ оружейную палату..... меня также очень обрадовали; не замедлю возвратить ихъ вашему превосходительству» (М., 20 апрѣля 1806 г.).

Вотъ письмо Карамзина къ Муравьеву, гдѣ историографъ извѣщаетъ его между-прочимъ о своихъ археографическихъ открытіяхъ: «Прочитавъ указъ о милиціи, я написалъ приложенные стихи, и буду доволенъ, если вы найдете въ нихъ нѣкоторую живость.

«Время ли говорить о мирныхъ упражненіяхъ исторической музы?... Я въ концѣ третьяго тома, который заключается Владиміромъ Мономахомъ. Примѣчанія необходимыя занимаютъ много мѣста; нельзя писать исторіи безъ доказательствъ. Еще болѣе ста лѣтъ остается до нашествія Татаръ, и сія часть работы будетъ для меня не столь пріятна, какъ другія. Степь голая и печальная!—Законы Ярославовы предложены мною въ ясномъ систематическомъ порядкѣ и служить безцѣльнымъ дополненіемъ лѣтописей. Я нашелъ весьма древній списокъ сихъ законовъ, положенный въ Новгородскій соборъ сыномъ Александра Невскаго и другія важныя древности: 1) церковныя учрежденія племянника Мономахова, Святослава; 2) сочиненіе російскаго митрополита Іоанна, современника Несторова; 3) сочиненіе архіепископа Нифонта, XII вѣка; 4) путешествіе игумена черниговскаго Даніила въ Іерусалимъ около 1107 году: сей игуменъ былъ лично знакомъ съ іерусалимскимъ королемъ Балдуиномъ. Всѣ сіи драгоцѣнности будутъ изданы мною въ прибавленіяхъ къ исторіи, если Богу угодно».

Изъ этого же года сохранились еще три письма Карамзина къ брату:

Въ первомъ изъ нихъ онъ пишетъ: «Я продолжаю работать

и думаю, что мнѣ не отдѣлаться отъ Кіева, надобно будетъ туда съѣздить» (М., 21 янв.).

Во второмъ: «Работа моя идетъ медленно. Пишу второй томъ, еще о временахъ Рюрика. Если Богъ продолжитъ на мнѣ свою милость, то къ зимѣ могу начать третій. Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я должеиъ еще издерживать не мало денегъ на покунку иностранныхъ книгъ» (М., 26 марта).

Въ третьемъ: «Работа моя подвигается впередъ, хотя и медленно. Ежели буду живъ и здоровъ, съ моимъ семействомъ, то надѣюсь зимою дойти до временъ татарскаго ига. Жаль, что я не моложе десятью годами! едвали дастъ мнѣ Богъ довершить мой трудъ. Такъ много еще впереди!» (Остафьево, 14 авг. 1806 г.).

Съ 1807 года мы имѣемъ только одно послѣднее письмо Карамзина къ Муравьеву :

«Считаю за нужное увѣдомить васъ, пишетъ онъ, что графъ Алексѣй Ивановичъ Пушкинъ (который долженъ быть теперь въ Петербургѣ) поѣхалъ отъ насъ съ намѣреніемъ отдать всѣ свои любопытныя рукописи, медали, монеты и другія древности, безцѣнныя для нашей исторіи, въ здѣшній архивъ иностранной коллегіи. При случаѣ вы можете утвердить его въ семъ намѣреніи и способствовать произведенію онаго въ дѣйствіе. Потомство скажетъ вамъ спасибо; бібліотека архивская находится въ удивительномъ порядкѣ, и достойна такого обогащенія» (М., 28 января 1807 г.).

Въ половинѣ того же года Карамзинъ писалъ къ брату: «Работа моя нынѣшній годъ неспорна отъ безпокойства душевнаго (Елисаветино, 20 августа). — Не знаемъ отъ чего именно происходило это безпокойство?

О занятіяхъ Карамзина въ 1808 г. мы узнаемъ изъ двухъ писемъ историографа къ брату. Въ первомъ онъ писалъ: «Въ трудъ моемъ бреду впередъ шагъ за шагомъ, и теперь, описавъ ужасное нашествіе Татаръ, перешелъ въ четвертый-надесять вѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ до возвращенія въ Москву добраться до временъ Димитрія побѣдителя Мамаева. Иду голою степью; но отъ времени до времени удается мнѣ находить и мѣста живописныя. Исторія не романъ; ложь всегда мо-

жетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ, опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо мнѣ или моему праху.

«Воображаю живо моего любезнаго брата, сидящаго подъ окномъ и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ изъ дѣтства! Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ не многимъ въ Европѣ. Вы живете въ древнемъ отечествѣ Болгаровъ, народа давно образованнаго и торговаго, поработскаго Татарамъ. Близъ Симбирска въ дѣтціе мѣсяцы кочевалъ иногда и славный Батый, завоеватель Россіи. Я теперь живу въ прошедшемъ и старина для меня всего любезнѣе» (Ост., 6 июня).

Во второмъ писалъ: «Если все будемъ здоровы, то мы намѣрены прожить въ деревнѣ до октября. Тихая сельская жизнь мнѣ гораздо пріятнѣе городской. Кто любитъ жену, дѣтей, и занятъ дѣломъ, тому люди болѣе шѣпаютъ, нежели помогаютъ наслаждаться живнію» (Ост., 22 авг.).

Изъ писемъ Карамзина, писанныхъ къ Василю Михайловичу въ 1809 г., узнаемъ только о душевномъ безпокойствѣ исторіографа по случаю событій на Западѣ.

Въ іюнѣ онъ писалъ: «Мы живемъ въ подмосковной и наслаждаемся тишиною. Я по обыкновенію работаю, и кончилъ описаніе временъ Дмитрія Донскаго; но теперь долженъ еще многое поправить позади» (Ост., 21 июня).

Въ половинѣ августа: «Мы слава Богу, здоровы, и наслаждаемся сельскою тишиною, стараемся какъ можно рѣже заглядывать въ Москву, гдѣ въ три мѣсяца я былъ только одинъ разъ на нѣсколько часовъ. Милыя души семейственныя удовольствія и работа занимаютъ пріятнымъ образомъ все мои часы, кромѣ тѣхъ, въ которые думаю о бѣдствіяхъ нашего времени, дѣйствительныхъ и вѣроятныхъ. Часто хотѣлось бы мнѣ укрыться въ какомъ нибудь непроницаемомъ уединеніи, чтобы ничего не слышать о происшествіяхъ европейскихъ. Какъ счастливы были наши отцы! мы не умѣли цѣнить прежняго спокойствія Бароны, и теперь осуждены

видѣть гибель Франціи и ждать будущаго со страхомъ, или добродѣтелями стойковъ, не весьма легкими для того, кто имѣетъ семейство» (Ост., 15 авг.).

Въ половинѣ октября: «Издателямъ Вѣстника Европы не вѣрно, какъ я слышалъ, писать о политикѣ: ибо они изъ разныхъ газетъ иностранныхъ сообщали многія ложныя извѣстія, противныя осторожному благоразумію» (М., 16 окт.).

Съ 1810 г. начинается новая эпоха въ жизни историографа. Въ этомъ же году онъ сдѣлался лично извѣстенъ Императору Александру. Государь уже давно желалъ видѣть Карамзина, зная его по сочиненіямъ. Вел. Княгиня Екатерина Павловна, обзрѣвая въ Москвѣ Оружейную палату и встрѣтивъ тамъ Карамзина въ первый разъ указала на него Александру.

Послушаемъ, какъ самъ историографъ рассказываетъ объ этомъ своему брату въ слѣдующихъ письмахъ:

«Государь, находясь въ Москвѣ, писалъ Карамзину, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ; а еще болѣе Великая Княгиня, къ которой, исполняя волю ея, нарочно ѣздилъ я послѣ въ Тверь: жилъ тамъ шесть дней, всякій день обѣдалъ во дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою исторію Великой Княгини и Великому Князю Константину Павловичу. Они плѣнили меня своею милостію. За это кратковременное удовольствіе заплатилъ я послѣ слезами о кончинѣ нашей незабвенной сестры и моею жестокою болѣзнію» (М., 15 февр.).

Во второмъ письмѣ: «Милость ко мнѣ Великой Княгини, Великаго Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служить для меня не малымъ ободреніемъ въ моихъ трудахъ. Отъ первой я недавно получилъ весьма лестное письмо. Императрица приказала сказать мнѣ, что она брала участіе въ моей болѣзни и завидуетъ Великой Княгини, которой я читаю свою исторію. Константинъ Павловичъ также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ» (М., 28 марта).

Въ сентябрѣ 1810 г. Карамзину писалъ: «Совсѣмъ нечаянно встрѣтилась мнѣ необходимость съѣздить въ деревню жены моей, откуда я возвратился съ разстроенымъ здоровьемъ и съ главною болью, которая мѣшаетъ мнѣ писать къ

вамъ своею рукою... Мнѣ надлежало защищать наше имѣніе отъ межевщика и капитана-исправника; но важнаго я ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что видѣлъ собственными глазами наше имѣніе, за что заплатилъ я слишкомъ дорого—поврежденіемъ своихъ глазъ въ холодныя ночи. Уже три недѣли тому, какъ мы возвратились, а я не могу ни писать, ни читать».

«Вы желаете, любезный братъ, знать объ успѣхѣ моихъ трудовъ; въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описалъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго: болѣзнь моя, несчастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья; не имѣю ни того, ни другаго, и дѣлаюсь къ несчастію меланхоликомъ. Жаль, если Богъ не дастъ мнѣ совершить начатаго къ чести и пользѣ общей. Оставивъ за собою дичь и пустыни, вижу впереди прекрасное и великое: боюсь, что бы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Княженіе двухъ Іоанновъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за скудность прежней матеріи.

Въ концѣ 1810 г. Карамзинъ писалъ: «Не давно былъ я въ Твери и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она рѣдкая женщина, умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякій день были у нея. Она хотѣла даже, чтобы мы въ другой разъ пріѣхали туда съ дѣтьми» (М., 13 дек.).

Въ 1811 году, по порученію Великой Княгини Екатерины Павловны, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ пригласилъ Карамзина пріѣхать въ Тверь, для прочтенія Ея Высочеству сочиняемой имъ русской исторіи. Къ этому времени Великая Княгиня ожидала къ себѣ Императора Александра; она желала обратить особенное вниманіе Государя на геніальнаго нашего писателя. Карамзинъ прибылъ въ Тверь, и здѣсь, во дворцѣ Великой Княгини и въ присутствіи Императора Александра, имѣлъ счастье читать любопытнѣйшія главы изъ своего историческаго труда. — «Русскій народъ достоинъ имѣть свою исторію», сказалъ Императоръ Александръ, и со вниманіемъ слушалъ прекрасное повѣствованіе Карамзина о борьбѣ Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ, въ то время, когда Наполеонъ готовился ворваться въ Россію, ополчивъ на нее многіе народы Европы.

Великая Княгиня, возлѣ которой съ одной стороны сидѣлъ Государь, а съ другой историкъ, съ восторгомъ слушала давнее повѣствованіе Карамзина о прошедшихъ судьбахъ отечества. Чтеніе продолжалось до двѣнадцати часовъ ночи.

Предлагаемъ письма историографа, который подробно описываетъ брату это важное событіе въ жизни скромнаго писателя, пожертвовавшаго всѣмъ для славы любезнаго ему отечества.

Въ началѣ 1811 г. Карамзинъ писалъ: «Я съ женою опять былъ въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли, совершенно въ гостяхъ у Вел. Княгини и у Принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякій день бывали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ, причисляю къ счастливейшимъ въ жизни. Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ» (М., 28 февр.).

Во второмъ письмѣ: «Исполняя волю любезнѣйшей Великой Княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь, чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и Самъ приказалъ И. И. Дмитріеву написать ко мнѣ о желаніи своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ. Осыпанный милостивыми привѣтствіями Императора, я читалъ Ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Истории; Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ Нимъ у Великой Княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ, и простился съ нами особенно въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Аничковомъ дворцѣ, который отданъ Великой Княгинѣ. Милость велика, однакожь, я совсѣмъ не думаю ѣхать въ Петербургъ.— Привязанность моя къ Императорской фамиліи должна быть безкорыстна; не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ Государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности» (12 апр.).

Въ июлѣ этого же года Карамзинъ получилъ орденъ Св. Владимира третьей степени, исходатайствованный ему въ награду литературныхъ трудовъ И. И. Дмитріевымъ, бывшимъ тогда министромъ юстиціи. Эта неожиданная новость вооружила противъ Карамзина его недоброжелателей. Со всѣхъ

сторонѣ посыпались нападки на скромнаго труженика. Старый врагъ исторіографа, не успѣвъ оклеветать его прежде нисалъ къ одному сановнику (10 августа 1810. года): «Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г-на Карамзина. Вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинческаго яда; но его послѣдователи и одобрители теперь подняли еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождавшимъ. О семъ надобно очень подумать буде не для насъ, то для потомства, и проч.

Приводимъ благодарственное письмо Карамзина къ Императору Александру.

«Всемиловѣйшій Государь!

«Примите всеподданнѣйшую благодарность мою за Всемиловѣйшее пожалованіе меня кавалеромъ ордена Святаго Владиміра третьей степени.

«Сей знакъ Монаршаго вниманія къ моимъ трудамъ оживляетъ во мнѣ ревность заслужить оное достойнымъ изображеніемъ дѣяній російскихъ.

«Въ семь лѣтъ труда усерднаго и непрестаннаго успѣлъ я пройти исторію шести вѣковъ, и теперь описываю пятое-надесять столѣтіе, озаменованное славою незабвеннаго для Россіи Юанна III, коего мощная рука возстановила наше отечество. Счастливъ буду, если, изобразивъ времена мятежныя, бѣдственныя, достигну въ повѣствованіи до тѣхъ временъ благополучныхъ, когда Августѣйшій Домъ Вашего Императорскаго Величества, избранный Богомъ и всею Россією, пріялъ власть надъ нею и началъ новую эпоху государственнаго ея величія. Тогда Всемиловѣйшій Государь, осмѣлюсь представить Вамъ сочиненную мною исторію, какъ дѣйствіе и плодъ Вашего благодѣтельнаго для наукъ царствованія» (М., 14 іюля).

Въ это же время Вел. Кн. Екатерина Павловна вручила Государю «Записку о древней и новой Россіи», написанную Карамзинымъ и сдѣлавшуюся намъ извѣстною только въ 1836 году. Онъ написалъ ее очень рано, занимаясь русскою исторією не болѣе семи лѣтъ. Безъ записки этой нельзя было бы

имѣть полнаго понятія о Карамзинѣ. Она прибавила блистательную страницу къ біографіи рѣдкаго подданнаго и великаго Государя и сестры его. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что происходило въ самое страшное для насъ время, когда Наполеонъ стоялъ на верху своего могущества и грозилъ Россіи войною, а внутри скоплялся духъ неудовольствія, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Съ чувствами вѣрноподданническаго благоговѣнія къ Государю, Карамзинъ, обозрѣвъ древнюю исторію, начинаетъ свое разсужденіе съ царствованія Императора Петра I.

Представивъ въ общей картинѣ великіе подвиги Петровы, онъ разбираетъ его дѣянія. Разсужденіе о Екатеринѣ II онъ начинаетъ такъ:

«Главное дѣло сей-незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ своей силы..... Что она возвысила нравственную цѣну челоуѣка въ своей державѣ.....».

Послѣ этого Карамзинъ изображаетъ предъ лицомъ Императора Александра, его собственныя дѣянія. Избранный имъ эпиграфъ изъ псалма: «нѣсть лъсти въ языцѣ моемъ», исполненъ во всей силѣ. Яркими красками изображаетъ онъ состояніе Россіи, и всѣ мѣры правительства относительно внѣшней политики, законодательства, устройства финансовъ, и проч.

Это была великая минута въ жизни Карамзина. Все его достоинство заключалось въ его гражданскомъ мужествѣ, произнести, безъ всякаго лицемѣрія, мнѣніе, которое онъ по долгу совѣсти и присяги считалъ справедливымъ и полезнымъ, какія бы отъ того не произошли слѣдствія. Карамзинъ былъ тогда еще литераторомъ, не представлялъ еще своей исторіи, не находился еще на верху своей славы, не приобрѣлъ общенародной и европейской извѣстности, имѣлъ необходимую нужду въ добромъ мнѣніи и благоволеніи Государя, даже для изданія своего безсмертнаго труда. Это были критическія минуты въ его жизни,—и онъ не убоился сказать прямо все что чувствовалъ.— Онъ оканчиваетъ свою записку слѣдующими словами: «любя отечество, любя Монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго, съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: да блюдетъ Царя и царство Русское!»

Изъ этой записки мы видимъ, что Карамзинъ изучивъ рус-

скую исторію болѣе всѣхъ защищалъ необходимость самодержавія, по внутреннему своему убѣжденію, считая его спасительнымъ для пользы и славы Россіи.

Возвратившись въ С. Петербургъ, Императоръ Александръ съ жаромъ изъяснялся Ив. Ив. Дмитріеву объ умѣ, учености и, особенно, о прекрасной душѣ Карамзина. О чемъ впоследствии разсказывалъ Дмитріевъ своимъ друзьямъ.

Въ 1812 г. Николай Михайловичъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Когда Французы приближались къ Москвѣ, Карамзинъ въ это горестное для Россіи время часто видѣлся съ графомъ Ростопчинымъ, который очень любилъ и уважалъ Николая Михайловича и разсуждалъ съ нимъ о бѣдствіяхъ отечества. Послѣ Бородинской битвы, сожалея вмѣстѣ съ Ростопчинымъ о значительныхъ потеряхъ нашихъ, Карамзинъ сказалъ: «Ну! мы испили до дна горькую чашу..... но за то наступаетъ начало *его*, и — конецъ *нашихъ* бѣдствій. Повѣрьте, графъ: обязанъ будучи всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ дерзости и погибнетъ!»

Свидѣтель этого разговора, А. Я. Булгаковъ пишетъ: «Казалось, что прозорливый глазъ Карамзина открывалъ уже вдали убійственную скалу Св. Елены! Въ Карамзинѣ было что-то вдохновеннаго, увлекательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднаго. Онъ возвышалъ свой пріятный, мужественный голосъ; прекрасные его глаза, исполненные выраженія, сверкали, какъ двѣ звѣзды въ тихую, ясную ночь. Въ жару разговора онъ часто вставалъ вдругъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ, все говоря и опять садился».

— «Вы увидите, отвѣчалъ Карамзину графъ Ростопчинъ съ досадою, — что онъ вывернется!»

— «Нѣтъ, графъ, возразилъ Карамзинъ съ твердымъ убѣжденіемъ: тучи, накопившіяся надъ главою его, врядъ ли разойдутся!... У Наполеона все движется страхомъ, насиліемъ, отчаяніемъ; у насъ все дышетъ преданностію, любовію, единодушіемъ..... Тамъ сборъ народовъ, имъ угнетаемыхъ и въ душѣ его ненавидящихъ; здѣсь одни Русскіе.... Мы дома; онъ какъ бы отъ Франціи отрѣзанъ. Сегодня союзники Наполеона за него, а завтра за насъ!... Можно ли думать, что Австрія, Пруссакі, охотно проливаютъ кровь свою! За тѣмъ? Для того ли, чтобъ утвердить еще болѣе гибельное,

гнусное могущество всеобщаго врага? Нѣтъ! Не можетъ долго продолжаться положеніе, сдѣлавшееся для всѣхъ нестерпимымъ».

Въ концѣ августа 1812 года Карамзинъ писалъ еще изъ Москвы къ брату: «Наконецъ я рѣшился силою отправить жену мою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остаюсь здѣсь и живу въ домѣ главнокомандующаго гр. Ф. В. Ростопчина, но безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для того только не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится.—Я довольно здоровъ и твердъ: многіе кажутся мнѣ малодушными. Вѣрю, что есть Богъ! Участь моя остается въ неизвѣстности. Буду ли еще писать къ вамъ, не знаю; но благодарю Бога за свое до селѣ гладнокровіе, не весьма обыкновенное для моего характера. Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ менѣе во мнѣ страха. Опыть знакомить насъ съ нами самими» (27 авг.).

Перваго сентября 1812 Карамзинъ выѣхалъ изъ Москвы, куда на другой день вошли Французы (Письмо къ брату 19 сент. 1812 г. Нижній).

Въ ноябрѣ Карамзинъ писалъ къ брату изъ Нижняго: «Кажется, что Богъ за насъ. Между-тѣмъ Москвы почти нѣтъ. Вся моя библіотека сгорѣла.— Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни. Поѣхалъ бы въ Петербургъ, но чѣмъ тамъ жить? и проч.» (12 ноября 1812 г.).

Въ декабрѣ Карамзинъ писалъ къ Василю Михайловичу: «Вообще мнѣ очень грустно. Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни, какъ буду существовать и что дѣлать. Библіотека моя обратилась въ пепелъ; не имѣю способовъ заниматься обыкновеннымъ дѣломъ мовмъ и не вижу, когда могу выѣхать отсюда, не получая доходовъ отъ крестьянъ. Дай Богъ, по-крайней-мѣрѣ, чтобы спаслось любезное отечество» (Нижній, 10 дек. 1812 г.).

Въ началѣ 1813 года исторіографъ былъ еще въ Нижнемъ Новгородѣ, и оттуда писалъ къ Тургеневу: «Здравствуйте, Александръ Ивановичъ! давно я не писалъ къ вамъ, но всегда помнилъ и любилъ васъ. Сколько происшествій! какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! Отпустивъ жену и дѣтей, я жилъ до 1-го сентября, когда наша армія оставила Москву

въ жертву неприятелю. — Что мы видѣли, слышали и чувствовали въ это время! сколько въ день разъ спрашивалъ я у судьбы, на что она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищами? Добрый, добрый народъ Русскій! я не сомнѣвался въ твоёмъ великодушии, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою исторію въ иной вѣкъ, а не на пепелищѣ Москвы. Библиотека моя имѣла честь обратиться въ пепель вмѣстѣ съ Грановитою Палатою: однакожь рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ; они всё сгорѣли кромѣ бывшихъ у меня. Потеря невозвратимая для нашей исторіи! университетъ также всего лишился: библиотеки, кабинета.

«По крайней мѣрѣ, дай намъ Богъ славнаго мира, и поскорѣе! Между тѣмъ сижу какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріаловъ, безъ книгъ, въ несносной праздности, и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ. Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ. Но вы, Петербургскіе господа, сія въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ! извините меланхолію бѣдныхъ изгнанниковъ московскихъ. Оставимъ шутку невеселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните ваше обѣщаніе и пришлите Льва Діакона. С. С. также обѣщаль доставить его мнѣ: скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь нашелъ нѣчто любопытное. Степенную книгу съ прибавленіями неизвѣстными касательно времени царя Ивана Васильевича. — Не можете ли прислать мнѣ еще архангелогородскаго почетнаго лѣтописца? Вы его, думаю, знаете: маленькая книжка въ четвертку. Обрадуюсь вашему письму... Вотъ вамъ множество порученій! а главное то, чтобы вы любили меня по старому. — Очень хотѣлось бы ѣхать въ Петербургъ, и тамъ поработать: но съ крестьянъ нечего взять, а безъ денегъ не ѣздить въ резиденцію. Простите, будьте здоровы и благополучны. Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ» (21 янв. 1813 г.).

Перваго іюля Карамзинъ писалъ къ брату уже изъ Москвы: «Съ грустью и тоскою въѣхали мы въ Москву. — Думаемъ около половины августа ѣхать въ Петербургъ, чтобы печатать написанные мною томы исторіи. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я живъ. Никакихъ плановъ для будущаго не дѣлаю. Да будетъ, что угодно Всевышнему. Еще неизвѣстно, когда Государь возвратится въ Петер-

бургъ; а безъ него мнѣ нельзя печатать исторіи. Слѣдовательно мы и не увѣрены, когда точно поѣдемъ туда» (М., 1 июля 1813 г.).

Проживъ все лѣто внѣ Москвы, въ октябрѣ Карамзинъ писалъ къ брату изъ Остафьева: «Вы уже знаете, что мы рѣшились нынѣшнюю зиму провести въ Москвѣ, не смотря на милость вдовствующей Императрицы, которая мнѣ предлагала жилище и въ Петербургѣ и въ Павловскомъ. — Теперь отказываемся до весны» (6 окт. 1813 г.).

А. СТАРЧЕВСКІЙ.

=

СКУЛЬПТУРА и ЖИВОПИСЬ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

=

1) Скульптура.

Въ пластическомъ искусствѣ Грековъ *, впереди всѣхъ прочихъ родовъ стоятъ скульптура. Подъ нею разумѣемъ весь кругъ матеріально образовательныхъ искусствъ, употребляющихъ дерево, словеную кость, камень и металлы. Изображенія боговъ, назначаемыя для религіознаго поклоненія, священныя дары и священныя фигуры, пластическія украшенія храмовыхъ зданій доставлялись преимущественно скульптурою.

Греческое ваніе занимается наиболѣе образами идеальнаго міра. Изображеніе ежедневной жизни, стремленіе къ летучимъ, личнымъ интересамъ настоящаго чужды его духу. Однако жъ при этомъ не развилось оно и въ колеѣ безпокойной, необузданной фантазіи. Предметы свои оно почерпаетъ изъ сказаній о богахъ и герояхъ, и разливаешь ихъ блескъ на вседневную жизнь. Въ

* Литература пластическаго греческаго искусства очень обширна. Лучшія руководства къ ней (не говоря уже о Миллеровой археологіи) слѣдующія: *A. Hirt*, *Geschichte der bildenden Künste bei den Alten* (основано преимущественно на извѣстіяхъ древнихъ писателей); *H. Meyer*, *Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen* (отличается художественной критикою памятниковъ); *F. Thiersch*, *Ueber die Epochen der bildenden Kunst unter den Griechen*, и многихъ другихъ. — Рисунки памятниковъ въ историческомъ порядкѣ, весьма пространны и хороши въ изданіи Миллера и Эстерледа «*Denkmäler der alten Kunst*».

этихъ сказаніяхъ мечтательныя воспоминанія, смутныя ощущенія древнѣйшей жизни получили опредѣленный образъ; они палладиумъ, животворившій и укрѣплявшій народное чувство, безпрестанно обновлявшій привязанность Грековъ къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи они тѣмъ болѣе важны, что частности ихъ возникли изъ особыхъ, самобытныхъ понятій разныхъ племенъ народа. Такъ боги и герои прежде всего являются представителями отдѣльныхъ племенъ, и сообразно понятіямъ племенъ развиваются въ опредѣленную замкнутую въ себя личность, получаютъ печать опредѣленныхъ нравственныхъ характеровъ. Черезъ это пластическому искусству открылось самое ярличное и самое достойное поприще. Боги и герои были первообразами, какъ греческихъ племенъ и греческаго народа въ особенности, такъ и человѣческаго рода вообще; но человѣческая природа представлялась въ нихъ столь же возвышенною, сколько характерною, въ столь же ясномъ равновѣсіи, сколько въ полной силѣ бытія; и при такомъ представленіи творческая фантазія художника играла столь же важную роль, сколько образовательное чувство и развѣрлившій разумъ.

Этимъ опредѣлялся художественный характеръ и прочихъ способовъ изображенія. Нѣкоторые мненія, конечно, вели искусство къ одностороннему фантастическому характеру; разные демоническія существа, являющіяся въ нихъ, кажется могли бы больше или меньше нарушать равновѣсіе художественной силы. Но эта сила развилась такъ ясно, что была въ состояніи подчинять себѣ и эти, повидимому противорѣчащіе элементы. Даже въ образованіи чудовищныхъ фигуръ, какъ напримеръ, Кентавровъ, является самый наивный вкусъ на органическое (согласное съ натурою) исполненіе, самое живое чувство благородства и даже пріятности. Съ другой стороны, теченіе времени представляло не мало задачъ, переводившихъ духъ отъ этого поэтическаго воззрѣнія къ настоящей дѣйствительности. Въ сферу художественнаго изображенія вступали образы дѣйствительной жизни; великіе люди были чествуемы. Но и тутъ основаніемъ постоянно служило намѣреніе преобразовать частную фигуру въ первообразъ цѣлаго рода, разоблечь ее отъ тѣхъ случайностей, которыя мѣшаютъ гармоническому выраженію силъ. Честь воздвиженія памятника уже сама по себѣ значила какъ бы возведеніе въ кругъ героевъ; по этому въ статуяхъ старались не столько о вѣрности обыкновенной природы, сколько о выраженіи свойственномъ героямъ. Многочисленнѣе всего были памятники ста-

тутъ побѣдителей на гимнастическихъ играхъ; но въ этихъ меньше всего обращали вниманіе на портретное сходство. Только въ позднѣйшую эпоху греческаго искусства такое направленіе является опредѣленно, но и тутъ оно, въ цѣломъ изображеніи, сохраняетъ всегда больше или меньше идеальнѣйшій характеръ.

Одинъ и тотъ же духъ, принимающій форму человѣческаго тѣла какъ непосредственное выраженіе духовной силы, нравственнаго величія, господствуетъ въ изображеніяхъ боговъ, ставшихся въ храмахъ, въ изображеніяхъ мифическихъ еленъ, украшенныхъ фризы и фронтоны храмовъ, въ статуяхъ, стоявшихъ кругомъ въ священномъ мѣстѣ. Въ этихъ фигурахъ выражается самобытное величіе и простота. Они предстаютъ глазу зрителя, не показывая притязанія на его вниманіе. Въ движеніи ихъ постоянно видно полное равновѣсіе силъ; даже въ изображеніяхъ сильнѣйшихъ страстныхъ состояній они сохраняютъ печать величія и достоинства. Формы ихъ тѣла очерчены валистыми линиями; главные члены рѣшительно выдвигаютъ надъ прочими, насколько однако жъ не имѣя естественной вѣрности и совершеннѣйшей живости; взоръ обнимаетъ ихъ свѣтло и ясно и можетъ спокойно ввертѣться въ нихъ. Одежда предана имъ не какъ внѣшняя потребность; она украшеніе тѣла и служитъ частію къ тому, чтобы простыми линиями и массами, которыхъ не представляетъ въ такой строгости подвижная форма человѣческаго тѣла, вообщать отпечатокъ спокойнаго величія; частію же, наоборотъ, она усиливаетъ подвижность фигуры и откладываетъ на нее многократнымъ акомъ. Но главные части тѣла отличаются еще особымъ украшеніемъ.

Греческая скульптура занята преимущественно одной только формой; однако не пренебрегаетъ опредѣлять точнѣ различія формы и различіемъ красокъ. Для этого она употребляетъ частію разноцвѣтные матеріалы, частію собственно окраску. Такимъ образомъ перѣдко облаченные части тѣла сдѣланы изъ другаго матеріала, нежели одежда и украшенія. Конечно, тутъ принимается въ соображеніе матеріальное свойство изображаемыхъ частей. Древнія храмовыя статуи часто ваялись изъ дерева; у этихъ деревянныхъ статуй облаченные части тѣла, голову, руки и ноги, приделывали изъ мрамора, а одежду по большей части золотили. Произведенія такого рода называли «акролитами». Нѣжная шершавость мрамора и жесткость поволоты выходились тутъ въ эссенцію контраста. Еще далѣе заходили въ такъ называемыхъ, часто весьма колоссальныхъ, «хризело-

эллиническихъ произведеніяхъ. Въ нихъ, по деревянной основѣ, обожженные части выкладывались слоновою костью, нѣрѣдко въ очень большихъ массахъ, потому что слоновою костью на видъ еще мягче мрамора; одежда, а въ особенности волосы, выдѣлывались изъ листового золота; сверхъ-того прибавлялись еще разныя украшенія. Такъ дѣлались наилучшія изображенія боговъ. Въ статуяхъ, дѣланныхъ сплошь изъ мрамора, одежда, кажется, часто совершенно окрашивалась: по-крайней-мѣрѣ можно принять за правило, что складки одежды подкрашивали, чтобы ярче отъѣнить ихъ, а также и украшенія одежды, если они не выдѣлывались изъ позолоченнаго металла. Волосы также обыкновенно, кажется, золотились. На обожженныхъ частяхъ мраморъ покрывали кавстическимъ восковымъ составомъ, который дѣлалъ его наружность еще нѣжнѣе. Всюду, гдѣ на изображеніе нагихъ частей шелъ бѣлый матеріалъ, зеницу глаза обозначали темнымъ матеріаломъ или черною краской; выраженіе глаза считалось такъ важно, что его нельзя было оставлять безъ вниманія; для представленія его употребляли самое натуральное средство, и только въ позднѣйшее время стали употреблять (какъ въ новѣйшемъ искусствѣ) какія-нибудь другія обозначенія. Вообще однако подражаніе натуральнымъ краскамъ, кажется, не входило въ характеръ греческой скульптуры; только въ древнѣйшемъ искусствѣ, гдѣ вообще краска употреблялась массивно, подражаніе это простиралось нѣсколько далѣе, и только въ произведеніяхъ болѣе игриваго значенія, кажется, заботились о раскраскѣ согласной съ натурою. Въ мѣдныхъ статуяхъ складки одежды покрывались золотомъ или серебромъ; бѣлокъ глаза въ нихъ обыкновенно обозначался серебромъ, а зеница какимъ-нибудь темнымъ матеріаломъ (въ древнѣйшихъ произведеніяхъ также и губы и тому подобныя части). По этимъ бронзовымъ статуямъ яснѣе всего видно, что поводомъ къ такому образу украшенія служило не стремленіе къ подражанію природѣ, а независимыя эстетическія причины.

Особый образъ изобрѣтенія и исполненія различается по степенямъ, которыя проходило развитіе греческой скульптуры. Обращаемся къ подробному ихъ рассмотрѣнію.

Какъ въ архитектурѣ, такъ и въ пластическомъ искусствѣ древнѣйшій періодъ (со времени переворота въ греческой жизни чрезъ нашествіе Дорянъ) для насъ теменъ и неизвѣстенъ. Нѣ-

сколько неопредѣленныхъ сказаній не сообщаютъ никакого удовлетворительнаго понятія. Только въ поздніе годы седьмаго, особливо же съ начала шестаго вѣка являются ясныя и опредѣленные извѣстія, которыя и тутъ показываютъ блестящій, величавый полетъ жизни.

Въ священныхъ изображеніяхъ этотъ полетъ не вдругъ могъ проявиться. Благочестивое чувство натурально придерживалось формы временемъ освященной, пока въ другихъ сферахъ выработывалось живѣйшее образованіе искусства. Только вслѣдствіе этого образованія могла сознательно ожить неподвижная древняя форма. Важнѣйшія предпріятія, о которыхъ мы прежде всего получаемъ извѣстія, состоятъ въ священныхъ приношеніяхъ для храмовъ, сосудовъ и утваряхъ, выполняемыхъ частію въ колоссальныхъ размѣрахъ и изъ великолѣпнаго матеріала, частію съ богатѣйшими пластическими украшеніями. Между ними особенно важны работы *Самосской* художественной школы, около 600 года, которой приписывается изобрѣтеніе (правильнѣе сказать усовершенствованіе) литья изъ металловъ. Въ особенности замѣчательны тутъ художники *Рекосъ* и *Теодоръ*; послѣднему, (или его позднѣйшему соплеменнику) принадлежатъ многіе колоссальные сосуды изъ золота и серебра, дѣланные отчасти для Креза. Отлична также и *Главкъ* изъ Хиоса, вѣроятно воспитанникъ той же школы: ему приписываютъ изобрѣтеніе паянія. Укажемъ на *ковчегъ Кипселидовъ* (какъ на оригинальное произведеніе такого рода), который былъ подаренъ этой господствовавшей въ Коринѣ фамиліей, во второй половинѣ седьмаго вѣка, храму Юноны въ О. пипіи. Ковчегъ этотъ былъ значительнаго объема, сдѣланъ изъ кедроваго дерева, отчасти обложенъ золотомъ и слоеной костью; на немъ находилось много мнѣческихкихъ изображеній, расположенныхъ одинъ надъ другимъ въ пять рядовъ. Далѣе, *престолъ Аполлона въ Амиклѣ*, большая работа, съ множествомъ рельефныхъ изображеній и отдѣльныхъ фигуръ, служившихъ для опоры. Художникъ этого произведенія назывался *Батикломъ*. Посрединѣ престола стояла древняя, колоссальная статуя божества изъ мѣди, почти въ видѣ колонны. Часто также подобныя дары имѣли форму большихъ треножниковъ, съ которыми соединялись скульптурныя украшенія.

Втеченіе шестаго вѣка греческая скульптура образовалась самостоятельно, въ тѣхъ коренныхъ чертахъ, которыя составляютъ вообще ея характеръ. Божественныя изображенія, которыя долготу обыкновенно грубо вырѣзывались изъ дерева, по большей

части дѣлаются дѣлать видъ опсцанныхъ выше акротонъ, а потому составляются изъ слоеной кости и золота. Благородный мраморный матеріалъ все больше и больше входитъ въ употребленіе, дѣлается изъ мѣди во многихъ школахъ употребляется предпочтительно. Въмѣсто прежнихъ храмовыхъ приношеній, сродившихъ изъ сосудовъ и утварей, являютя живыя, иногда богато составленныя группы статуй, представляющія мнѳологическія сцены. Почетныя статуи побѣдителей на гимнастическихъ играхъ появляются съ полонны шестаго вѣка и скоро входятъ въ общее употребленіе. Являютя важныя мастера, образуются различныя характеристическія школы. Въ Эгинѣ, Аргосѣ, Сивіонѣ, Афинахъ, и такъ далѣе, возникаютъ школы съ самобытнымъ знаніемъ. Это эпоха жнвѣйшаго развитія, дѣятельнѣйшаго прогресса; она вообще дѣлается до Париклова вѣка, въ который такіе цѣлты принесли арѣльнй плодъ.

Изъ числа важнѣйшихъ художниковъ, жившихъ въ этотъ періодъ развитія, назовемъ слѣдующихъ:

Дидакъ и *Скилландъ* съ острова Крита, жившіе за 570 лѣтъ до Рождества Христова, первые, отличившіеся мраморными работами. Въ храмѣ Діоскуровъ въ Аргосѣ была группа статуй ихъ работы, представлявшая Діоскуровъ съ женами и дѣтьми, сдѣланная изъ чернаго дерева съ нѣкоторыми частями изъ слоеной кости. — *Каллонъ Эгинскій* (540 — 428), который имѣлъ многочисленныя послѣдователи, до *Онатаса* (470 — 50). — *Гитиадъ Спартанскій*, вѣроятно современникъ Каллона, особенно прославившійся своимъ многочисленными бронзовыми работами въ спартакомъ храмѣ Минервы Халкики. — *Камахъ* и братъ его *Аристоклъ Сикіонскіе* (510 — 490). — *Агеладъ Аргосскій* (510 — 460), учитель знаменитѣйшихъ художниковъ слѣдующаго періода, *Фидія*, *Полликлета* и *Миропа*. — *Критій* и *Гегаій* (или *Гегаей*) *Афинскіе* (480 — 450).

Всѣ эти художники, за исключеніемъ двухъ первыхъ, сдѣлались преимущественно бронзовыми отливщиками. Но мы ничего не знаемъ объ особенностяхъ наукъ этихъ, такъ и другихъ славныхъ художниковъ того же періода. Характеристика ихъ произведеній, какую находимъ въ разсѣянныхъ, бѣглыхъ замѣчаніяхъ древнихъ писателей, единкомъ неудовлетворительна; она вообще обращена только на прочность ихъ работъ, вравненіи съ важнѣйшими, и на сравнительно большую строгость у одного члнвъ у другаго. Даже намеки о различіи школъ такъ недостаточны, что по нимъ нельзя составить никакого яснаго понятія. Для познанія древнѣйшихъ стадій развитія греческаго искусства слу-

жать намъ только удѣлѣвшія произведенія, которыхъ художниковъ мы не знаемъ, но между которыми, къ счастью, находится нѣсколько важныхъ вещей. Если изъ нихъ мы и не узнаемъ подробностей о различномъ характерѣ школъ и мастеровъ, всё-таки можемъ понять общія черты этого характера.

Но между удѣлѣвшими скульптурами древнегреческаго стиля немногое развѣ имѣетъ печать самой глубокой древности. Даже чрезвычайно мало такого (если вообще есть чтонибудь), что можно бы съ несомнѣнностью отнести къ шестому вѣку. Напротивъ, большая часть этихъ работъ указываетъ на тѣ ступени развитія, которыя болѣе или менѣе непосредственно предшествовали уже окончательному совершенству искусства. Замѣтимъ однако, что произведенія, носящія печать наибольшей древности, принадлежать именно тѣмъ странамъ, гдѣ развитіе имѣло наименѣе жизни (особливо тѣмъ, гдѣ было отечество суроваго доризма); что слѣдовательно эти произведенія до извѣстной степени можно считать за образчики еще болѣе древности; что наконецъ мы не сдѣлаемъ погрѣшности, если по образцу, какой находимъ въ нихъ (и въ согласныхъ съ ними мотивахъ прочихъ произведеній), будемъ судить, хотя только въ общихъ чертахъ, обо всемъ періодѣ развитія, о которомъ идетъ рѣчь.

Такимъ образомъ мы можемъ вообще сказать: Этотъ періодъ есть время борьбы личной свободы съ владычествомъ формальнаго закона, освященнаго преданіемъ, почти такъ же точно, какъ въ исторіи новаго искусства находимъ произведенія пятнадцатаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. До насъ не дошло ни одного образца, гдѣ бы этотъ формальный законъ проявился во всей исключительной своей строгости, однако мы имѣемъ право смѣло предполагать его соблюденіе въ произведеніяхъ древнѣйшей эпохи. Тутъ же, въ періодъ борьбы, онъ обнаруживается, во первыхъ, въ общей неподвижности фигуры, которая преодолевается только весьма медленно; далѣе, въ образованіи тѣхъ частей, которыя болѣе или меньше независимы отъ тѣлеснаго организма, особенно въ одеждѣ и расположеніи волосъ. И то и другое образуется по строго схематическимъ линіямъ и въ такомъ видѣ исполняется часто самымъ тщательнымъ образомъ, такъ что получаетъ характеръ какого то церемональнаго наряда. Стремленіе же къ личной свободѣ выражается въ натуральной отдѣлкѣ обнаженныхъ частей, которая часто сопровождается съ большою энергіей, съ мелочной даже вѣрностью

природѣ; но вообще остается при малочахъ, потому что неподвижность цѣлаго все стоитъ ей помѣхою. Стремленіе это усиливается только постепенно, и послѣдней ступени своей достигаетъ оно тогда, когда становится въ состояніи оживить формы лица, наиболѣе являющіяся въ личинной мертвенности и сообщить имъ выраженіе души.

Не могли приписать особенно глубокой древности вообще ни одному изъ уцѣлѣвшихъ произведеній древнѣйшаго стиля, замѣтимъ въ то же время, что большая часть ихъ, по своей отдаленности, относятся къ той эпохѣ, когда искусство достигло уже полнаго развитія. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ это объясняется тѣмъ, что они исполнены въ такихъ странахъ, которыя были отдалены отъ средоточій высшаго развитія, и гдѣ древнѣйшіе элементы сохранялись надолго. Въ другихъ произведеніяхъ, и по большей части, объясненіемъ служитъ то обстоятельство, что они назначались для особенно священныхъ цѣлей, и въ такомъ случаѣ долже всего удерживается форма, освещенная преданіемъ (иногда даже до позднѣйшихъ временъ классической древности). Обращаемся теперь къ уцѣлѣвшимъ произведеніямъ, потому что важнѣйшія изъ нихъ ближе объяснять приведенныя нами замѣчанія.

1) *Храмовая скульптура.*— Изъ нихъ, уцѣлѣвшія въ древнѣйшомъ стилѣ особенно важны, потому что здѣсь рядомъ съ икѣтельнымъ стилемъ стоитъ архитектурный стиль храма и служитъ средствомъ для точнѣйшаго опредѣленія. Иногда есть и особыя обстоятельства, помогающія точнѣе опредѣлить эпоху. Таковы, во-первыхъ, скульптуры *сицилійскихъ* храмовъ, преимущественно же *селлунтскихъ* храмовъ *.

Древнѣйшій изъ *селлунтскихъ* храмовъ есть средній храмъ западнаго холма. Изъ рельефовъ его метонъ уцѣлѣли три, которые также имѣютъ самый древній характеръ. Они представляютъ иконогическія сцены: Геркулеса съ Кенропами; Персея, побѣждающаго Медузу въ присутствіи Минервы; и квадригу, которой фигуры однако уже такъ сильно повреждены, что нельзя опредѣлить ихъ значенія. Фигуры стоятъ вровень другъ подлѣ друга, лица и одежда ихъ образованы строго типически, но особенно древняя черта въ нихъ та, что грудь и лица обращены къ зрителю, а ноги въ сторону (это напоминаетъ первобытно древнее начало египетскаго искусства). Пропорціи чрезвычайно широки и тяжелы, но въ исполненіи обла-

* Намлучшіе рисунки находятся у *Serradifalco, Antichità della Sicilia, 11.*

женныхъ частей проявляется уже рѣшительно преобладающая вѣрность природѣ, въ частностяхъ даже излишне точное изображеніе натуральныхъ формъ. Эти работы, по сравненію съ послѣдующими (особливо съ удобно опредѣляемыми эгнскими) можно еще отнести къ шестому вѣку.

Несравненно болѣе развитыми, значить гораздо позднѣйшими являются скульптуры средняго храма восточнаго холма. Это обломки двухъ метоузъ, представляющіе воиновъ въ латахъ, которыхъ поражаютъ въ битвѣ женскія фигуры, вѣроятно, сцены борьбы гигантовъ. Пропорціи легче, формы яснѣе, даже не чужды чувства красоты, наблюденіе природы утонченнѣе, движенія живѣе, хотя всё таки еще круты и нѣсколько принужденны. Одежда сдѣлана схематически, однако также не безъ вкуса, даже въ сообразности съ особыми мотивами движенія. Болѣе всего древнимъ является еще образованіе лица. Работы эти весьма близко подходятъ къ эгнскимъ скульптурамъ и слѣдовательно (подобно самой архитектурѣ храма) могутъ быть отнесены ко второй половинѣ пятаго столѣтія.

При изслѣдованіи сицилійскихъ архитектурныхъ памятниковъ замѣчаемъ, что здѣсь древнѣйшій элементъ сохранился долѣе и рѣшительно виднѣтъ даже тогда, когда зданія вообще уже имѣютъ характеръ цвѣтущаго періода искусства (второй половины пятаго вѣка). Тотъ же случай видимъ, въ области пластическаго искусства, на скульптурахъ третьяго селлиунтскаго храма, южнаго на восточномъ холмѣ. Это также рядъ метоузъ, представляющихъ мнѣшескія сцены, между которыми можно распознать битву Минервы съ гигантомъ, Диану и Актеона, Юпитера и Семелу (?) и битву Геркулеса съ Амазонкою. Въ этихъ произведеніяхъ уже господствуетъ высшее чувство красоты, какъ въ оживленномъ представленіи мысли вообще, такъ и въ нѣжномъ исполненіи тѣлеснаго организма и въ значительной характеристикѣ. Только пропорціи еще нѣсколько кратки, движеніе фигуръ по большей части еще не совсѣмъ свободно, одежда женскихъ фигуръ образована по большей части еще довольно схематично. Замѣтимъ оригинальное обстоятельство, что, между-тѣмъ, какъ главная масса этихъ скульптуръ (подобно скульптурамъ предвѣдущаго храма) сдѣлана изъ дикаго мѣстнаго тофа, нагія части женскихъ фигуръ придѣланы изъ мрамора, отъ чего работы становятся похожи на акролиты.

Такимъ образомъ работы этихъ трехъ храмовъ въ ихъ ближайшей мѣстной связи очень хорошо могутъ служить представи-

телями разных стадій, которыя прошло греческое искусство въ своемъ развитіи, со времени пробужденія живѣйшаго чувства натуры. Рядомъ съ ними надо поставить работы большого *агригентскаго* храма Юпитера, принадлежащія конечно также послѣднимъ годамъ пятого вѣка. Гиганты, поддерживающіе крышу гипетрона, показываютъ уже мѣрвообразованную форму тѣла, но чрезвычайно строгую осанку (правда, условленную, кажется, архитектурными законами) и типическое образованіе лица. Небольшіе обломки фронтовыхъ рельефовъ (?) того же храма отличаются развитыми вольными формами.

Гораздо важнѣе сицилійскія являются скульптуры *Минервина* храма на островѣ *Эгинъ* *. Это свободно названныя статуи, стоявшія въ поляхъ обонхъ фронтовъ, по большей части уцѣлѣвшія и теперь хранящіяся въ мюнхенской глуптотекѣ. Онѣ представляютъ сцены изъ битвъ Грековъ съ Троянцами, и при томъ такія, которыя служили къ прославленію эгинскаго рода *Эакидовъ*; въ срединѣ каждого фронтона находится *Минерва*, предвожщая греческое войско. По сказанію, духи *Эакидовъ* сражались въ рядахъ Грековъ съ Персами въ саламинской битвѣ (480 до Рождества Христова), и подробности костюма представленныхъ троянскихъ героев вполне и умышленно повторяютъ собою костюмъ Персовъ, какъ онъ описывается у древнихъ писателей. Такимъ образомъ, въ этихъ работахъ мы видимъ изображеніе мѣстныхъ мифовъ въ непосредственной ихъ связи съ геройскими подвигами настоящаго времени; и слѣдовательно, время исполненія работъ есть эпоха, непосредственно слѣдующая за освобожденіемъ отъ персидскаго нашествія, современная цвѣтущему періоду *Оната* Эгинскаго. Въ стилѣ работъ видны очень ярко выступающими оба элемента, которые характеризуютъ искусство этого періода развитія: въ тѣлахъ героевъ, по большей части обнаженныхъ, находимъ весьма энергическій натурализмъ; но ихъ движенія еще круты и принужденны; головы рѣшительно личиннаго выраженія; волосы дѣланы совершенно условно, одежда *Минервы* строго схематическая.

Впрочемъ сицилійскія и эгинскія скульптуры принадлежатъ такимъ мѣстностямъ, въ которыхъ преобладали элементы дорическаго племени. Архитектуры, для которыхъ онѣ дѣланы, подтверждаютъ это характеромъ суроваго доризма; даже въ стилѣ скульптуръ, судя по этому, мы можемъ предполагать господство

* См. *Wagner*, Bericht über die äginetischen Bildwerke.

дорического характера. Можетъ-быть, его надо искать въ нѣкоторой чертѣ формъ, въ больше или меньше рѣшительной рѣзкости и суровости линійныхъ очертаній. Къ-сожалѣнію, мы не знаемъ достаточно скульптуръ, принадлежащихъ мѣстностямъ другихъ племенъ, чтобы по сравненію ихъ могли точнѣе опредѣлять различія художественнаго стиля у разныхъ племенъ (и слѣдовательно въ главныхъ школахъ). Однако жъ приведемъ еще нѣсколько скульптуръ, не чуждыхъ нѣкотораго значенія. Это именно группа сидящихъ *статуй*, находящихся на іонійскомъ берегу Малой Азіи, на священной дорогѣ Бранкидовъ, ведущей къ милетскому святилищу Аполлона. Они дѣланы весьма плоско и даже грубо, въ положеніи отчасти уподобляются сидячимъ статуямъ египетскаго искусства, одежды ихъ также образованы схематически; но линейныя очертанія фигуръ, въ цѣломъ, особливо въ складкахъ одеждъ, намекають на нѣжное чувство формъ, какого мы и должны ожидать отъ іоническаго искусства. Къ-сожалѣнію, онѣ чрезвычайно изуродованы. Судя по надписямъ, находящимся на нихъ, онѣ принадлежатъ 460 году. Конечно, это очень поразительно, если сравнить грубость ихъ исполненія съ тогдашнимъ развитіемъ искусства въ Аѳонахъ; однако жъ доказываетъ только то, что уже замѣчено выше, то есть, что высшее развитіе искусства не вдругъ распространилось по всѣмъ греческимъ землямъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ долго придерживались древнѣйшаго образа исполненія.

2) *Одинокія статуи* древнѣйшаго стиля, извѣстныя намъ, принадлежатъ собственно болѣе развитому искусству, нежели какое видимъ въ скульптурахъ эгипетскаго храма. Онѣ различнымъ образомъ показываютъ намъ дальнѣйшіе шаги искусства къ совершенству. Всѣ ли онѣ оригинальны, или нѣкоторыя изъ нихъ копіи позднѣйшаго времени, рѣшить по большей части трудно. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Бронзовая статуя Аполлона (по мнѣнію другихъ, лампадоносца) въ парижскомъ музеѣ, найденная въ Пюмбиво. Еще древнѣйшая, но не столь суровая, съ утонченными, натуральными формами. Прочія работы изъ мрамора.

Аполлонова статуя, выше обыкновеннаго роста (изъ собранія Шоазёля Гуфье), въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Болѣе развитое, но не столь нѣжное образованіе формъ.

Статуя атлета въ неаполитанскомъ музеѣ; также хорошаго образованія. Бюсты атлетовъ по разнымъ музеямъ, напримѣръ въ Берлинѣ.

Древнѣйшая статуя Минервы въ римской виллѣ Альбани.

Древне-суровая статуя сражающейся Минервы, въ дрезденскомъ музеѣ. Одежда покрыта мелкими рельефами, представляющими въ видѣ шитыхъ узоровъ сцены войны съ гигантами; рельефы эти уже усовершенствованнаго стиля, слѣдовательно несомнѣнно принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ.

Статуя Минервы, въ величавомъ положеніи ратницы, въ неаполитанскомъ музеѣ. Добыта изъ Геркуланума. Сплошь слабое исполненіе, по-видимому, показываетъ, что и это произведеніе есть копія позднѣйшаго времени.

Статуя Дианы тамъ же (изъ Геркуланума). Образчикъ самой пріятной обработки древнѣйшаго стиля. Въ цѣломъ исполненіи большая утонченность, но вѣстѣ съ тѣмъ еще какая-то нѣжная робость, вѣрнѣйшій признакъ оригинальности.

Двѣ сидящія статуи Пенелопы въ Ватиканѣ. Одна (въ музеѣ Chiaramonti) просто обломокъ, но также весьма нѣжной отдѣлки древнѣйшаго стиля; другая (въ музеѣ Pio-Clementino) совершенная, но грубая копія съ первой.

Статуя спартанской побѣдительницы на бѣгу въ запуски, въ Ватиканѣ. Также очень пріятной и наивной отдѣлки древнѣйшаго стиля, близкой къ совершенству искусства; въ стилѣ одежды проглядываетъ самобытная школа искусства.

Джустиніаніевская Веста очень тяжелой работы; складки нижней одежды исполнены почти въ родѣ каннелировки колонны; обнаженныя части и голова уже довольно свободнаго образованія.

Барберинская Муза по новѣйшей реставраціи: Аполлонъ Китареъ, въ мюнхенской глиптотекѣ, весьма важная статуя, стоящая уже на порогѣ окончательнаго развитія искусства. И такъ далѣе.

3) Изъ рельефныхъ скульптуръ, во-первыхъ, укажемъ нѣсколько такихъ, которыя также отличаются печатью глубокой древности. Такова одна доска, найденная въ Самоэракии, хранящаяся въ парижскомъ музеѣ, можетъ быть спинка троннаго сѣдалища, гдѣ изображенъ совѣтъ греческихъ царей подъ Троею. Все исполненіе чрезвычайно ровно и просто. Потому, такъ-называемый рельефъ Левкотемъ въ римской виллѣ Альбани, по общности отдѣлки уступаетъ въ совершенствѣ эгнскимъ статуямъ.

Самое большое количество рельефовъ древнѣйшаго стиля видимъ въ украшеніяхъ жертвенниковъ, подставокъ священныя треножниковъ, устій храмовыхъ колодцевъ, либо досокъ, ставившихся

въ крапакъ въ видѣ приношеній за одержанныя музійскія победы. Въ главнѣйшихъ музеяхъ Европы есть образцы такого рода. Въ римскихъ музеяхъ находятся многія подобныя произведенія; въ парижскомъ музеѣ знаменитый жертвенникъ двѣнадцати боговъ; въ Дрезденѣ трехсторонняя база, и такъ далѣе. Всѣ эти произведенія выѣютъ между собою то общее, что болѣе или менѣе явно принадлежать эпохамъ совершенно выработаннаго искусства, — отчасти даже довольно позднимъ эпохамъ, — что слѣдовательно формы въ сущности показываютъ совершенно свободное исполненіе, и что только въ осанкѣ да въ правильныхъ складкахъ одежды удерживается древнѣйшій элементъ, придавая изображеннымъ фигурамъ освященный церемональный характеръ. Исполненіе болѣе или менѣе чисто и изящно; но частные періоды, къ которымъ относятся эти работы, по большой части можно распознавать только по побочнымъ обстоятельствамъ, по орнаментамъ, по стилю тамъ и сямъ изображенныхъ архитектуръ, и тому подобное.

4) Наконецъ, особый классъ произведеній древнѣйшаго стиля составляютъ *бронзовыя статуэтки* малаго размѣра. Въ нихъ стиль, о которомъ идетъ рѣчь, сохранялся, по-видимому, особенно долго и былъ особенно распространенъ, потому-что при столь мелкой фабрикаціи легче могли удовлетворяться какъ любовь къ искусству, такъ еще болѣе идолослуженіе, для котораго древняя грубая форма всегда дороже, чѣмъ форма свободного искусства. Въ берлинскомъ музеѣ есть бронзовая статуэтка добраго пастыря, принадлежащая древне-христіанской эпохѣ, и показывающая рѣшительное, хотя очень грубое подражаніе древнѣйшему греческому стилю. Изъ подлинныхъ произведеній этого періода могло существовать очень мало такихъ работъ. Какъ одно изъ благороднѣйшихъ и лучшихъ, выражающихъ уже нѣсколько подавшееся развитіе эгинскаго стиля, назовемъ статуэтку героя, правящаго колесницею, въ кабинетѣ древностей тюбингенской высшей школы *.

Во второй четверти пятаго вѣка до Рождества Христова начинается свободный расцвѣтъ греческой скульптуры. Противорѣчіе между строгими условіями формальнаго закона и между стремленіемъ къ совершенно натуральному изображенію, тутъ

* C. Grünstein. Die altgriechische Bronze des Tux'schen Cabinets in Tübingen.

разрѣшается въ самую полную гармонию. Изъ внутренне слитаго дѣйствія обѣихъ противорѣчащихъ сторонъ развивается возвышенный стиль, которымъ греческое искусство, пока сохраняется въ своей полной чистотѣ, пріобрѣтаетъ самобытно важное значеніе. Формальный законъ является уже не произвольнымъ, даннымъ извнѣ, а почерпаетъ свои условія во внутреннемъ существѣ образа. Потому исчезаетъ вся неподвижность, какъ въ частностяхъ формы, такъ и въ цѣломъ осанки; прежній законъ продолжаетъ только служить основаніемъ оригинальной величавости линий, ясности ихъ взаимнаго отношенія, спокойной и определенной симметріи цѣлой композиціи. По мѣрѣ же исчезанія неподвижности, натуральность, пребывавшая въ частностяхъ, распространяется по цѣлому и становится свободной и независимой, не достигая однако жъ односторонняго преобладанія, не порождая изображеній обыкновенной тѣлесности. Первый цвѣтущій періодъ греческаго искусства, о которомъ тутъ идетъ рѣчь (до исхода пятаго вѣка), находится еще въ тѣсной связи съ временами развитія, потому что въ сущности представленія еще преобладаетъ характеръ самобытно высокаго спокойствія, правда, отнюдь не спокойствія тѣлеснаго положенія, но спокойствія души, которая является еще не возмущаемою ни какими исходящими изъ внутри страстями, которая, слѣдовательно, и тѣлесному движенію всегда придаетъ отпечатокъ самобытнаго достоинства.

Отъ этого перваго цвѣтущаго періода уцѣлѣло много произведеній, которыя, если и не могутъ считаться первостепенными, все-таки драгоценны для насъ, потому что олицетворяютъ намъ художественный характеръ той эпохи. О главныхъ произведеніяхъ мы имѣемъ болѣе или менѣе точное понятіе, потому что въ послѣдующее время классическаго искусства являлись болѣе или менѣе свободныя подражанія имъ, и до насъ дошло нѣсколько важныхъ экземпляровъ такихъ подражаній, все-таки очень драгоценныхъ для разумнѣя общности композиціи и изобрѣтенія.

Въ искусствѣ этой эпохи слѣдуетъ различать двѣ главныя школы: *аттическую* и *пелопоннезскую*. Первая отличается вообще болѣе въ превосходныхъ изображеніяхъ міра боговъ, вторая — въ изображеніяхъ человѣческой атлетической красоты. Повидимому, эти различія явились уже въ древнѣйшую эпоху развитія, также какъ это повторяется и въ *послѣдствіи времени*.

Аѳины, какъ въ архитектурѣ такъ и въ ваяніи, занимаютъ важнѣйшее мѣсто; на большихъ памятникахъ, исполненныхъ въ

это время въ Афинахъ, образовалась весьма многочисленная школа. Во-первыхъ, здѣсь видимъ художника, обозначающаго собою окончательный переходъ къ совершенно свободному развитію искусства. Это — Каламисъ, жившій отъ 470 до 430 года. Въ его работахъ суровость прежнихъ художниковъ является уже значительно смягченною. Судя по вещамъ, приписываемымъ его рѣзцу, онъ былъ художникъ многосторонній, и равно отличался въ возвышенныхъ изображеніяхъ боговъ, въ вѣжныхъ женскихъ фигурахъ (между которыми особенно славится его Сосандра), и въ мощномъ представленіи коней.

Славу Каламиса затмила слава Фидія, котораго потомство считаетъ превосходнѣйшимъ художникомъ всей древности. Фидій родился въ Афинахъ около 490 года; Периклъ угадалъ его геній, сдѣлалъ его распорядителемъ всѣхъ предпріятій, которыми ознаменованъ его вѣкъ въ Афинахъ; по мыслямъ Фидія исполнялись эти произведенія, получали занятіе толпы художниковъ, скопившіяся въ Афинахъ. Разныя произведенія, исполненныя Фидіемъ, показываютъ, что онъ занимался различными родами скульптуры; есть даже живописныя произведенія его руки; но главными твореніями его были колоссальныя статуи боговъ изъ слоновой кости и золота, которыя онъ въ то же время умѣлъ украшать самыми разнообразными побочными произведеніями меньшаго размѣра.

Самое большое число его работъ составляли статуи боговъ. Въ нихъ непосредственно проявлялись божеская высота и величіе, но проявлялись такъ, что и характеры различныхъ боговъ опредѣлялись точнѣйшимъ образомъ, а характеры отдѣльных боговъ разнообразились, смотря по цѣли и назначенію каждой статуи. Такъ статуя *Афины* являлась у него въ видѣ воинственной богини для города Платей (акрополь), въ оригинально кроткомъ характерѣ для лемносскихъ Афинянокъ, въ образѣ предводительницы (promachos) для города Афинъ. Последняя статуя была колоссальная, литая изъ мѣди, 50—60 футовъ вышины, но еще не оконченная при смерти Фидія. Но знаменитѣйшая статуя Афины была въ афинскомъ *Партеонѣ*, сдѣланная изъ золота и слоновой кости, также колоссальная, въ двадцать шесть локтей вышины, въ образѣ божества покровительствовавшаго афинской землѣ. Она была представлена стоящею, вооруженною, со щитомъ и копьемъ; въ одной рукѣ держала она фигуру богини Побѣды, въ четыре локтя вышиною; шлемъ былъ украшенъ грифами, гребень шлема сдѣланъ въ видѣ сфинкса; на внутренней сторонѣ щита изо-

Бражесна война гигантовъ, на вѣнчаной — битва Амазонокъ, по краямъ подошвы — борьба Кентавровъ. Окончаніе статуи относится къ 438 году. Нѣсколько Минервинныхъ статуй поздѣйшаго времени суть подражанія этому произведенію Фидіа; одна изъ знаменитѣйшихъ такихъ копій есть такъ-называемая густавіанская Минерва, находится въ Ватиканѣ. Но самымъ мастерскимъ произведеніемъ Фидіа считалась статуя *Зевса Олимпійскаго*, также сдѣланная изъ золота и слоновой кости, и находившаяся въ Юпитеровомъ храмѣ, въ *Олимпіи*. Въ этомъ произведеніи было тѣлесно представлено понятіе высочайшей божественности; Греки видѣли въ немъ воплощеннаго владыку боговъ и людей: кто умралъ, не выдавъ его, тотъ считался несчастнымъ. Царь боговъ былъ изображенъ сидящимъ на тронѣ, около сорока футовъ вышины, на подножій въ двѣнадцать футовъ вышины; въ одной рукѣ держалъ онъ скиптръ, разноцвѣтный, изъ разныхъ металловъ, на другой — богиню Побѣды, также изъ золота и слоновой кости; золотая одежда его была украшена цвѣтами. Престолъ имѣлъ богатѣйшіе орнаменты изъ золота, слоновой кости, эбеноваго дерева и камней, состоявшіе въ статуяхъ, рельефахъ и живописи; стѣны, вставленные между ногами и подпорами трона, украсилъ картинами Панаъ, братъ Фидіа; равно и подножіе, на которомъ поклонились ноги божества, и база, на которой стояло все произведеніе, были украшены разной пластикой. Изъ поздѣйшихъ копій этого мастерскаго произведенія, кромѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ бюстовъ, укажемъ только на очень посредственную статую такъ-называемаго Вероспійскаго Юпитера, въ Римѣ. Олимпійскій Зевсъ былъ оконченъ въ 433 году; имъ придано греческой жизни окончательное совершенство, имъ и Фидій заключилъ свое славное поприще. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ аѳонской тюрьмѣ жертвою вражды народной партіи, которая старалась разрушить могущество Перикла.

Впрочемъ, Фидій отличался не въ однихъ изображеніяхъ боговъ; упоминаются и другія произведенія его рѣзца. Изъ нихъ особенно замѣтимъ величавую статую въ уцѣлѣвшемъ подражаніи, статую *Диоскура, усмиряющаго коня* (въ Римѣ, на Monte Cavallo). Хотя вѣнчанія и внутреннія причины заставляютъ считать эту работу, принадлежащую къ римскому періоду искусства, но существенно въ этомъ колоссальномъ произведеніи духъ Фидіа свѣтится еще торжественно и поразительно. Далѣе, къ произведеніямъ Фидіа слѣдуетъ отнести статую Амазонки, овершейся на конь (готовившейся прыгнуть). Эта статуя уцѣлѣла во многихъ

копійхъ; лучшій экземпляръ находится въ римскомъ ватиканскомъ музеѣ, похуже — въ капитолнскомъ.

Большая школа, образовавшаяся около Фидія, получила отпечатокъ его оригинальнаго духа. Это рѣшительно подтверждаютъ всѣ многочисленныя скульптуры афинскихъ храмовъ, особливо Парѣнона, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить. Даже у тѣхъ художниковъ, которые вышли изъ этой школы въ большую самостоятельность, мы можемъ предполагать тотъ же слѣдъ Фидіева духа, судя по извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ отъ древности. Въ числѣ превосходнѣйшихъ учениковъ его называютъ *Алкамена* и *Агоракрита*. Особенно знаменито состязаніе, происходившее между ними: предметомъ служила статуя Афродиты; Алкамень побѣдилъ, а Агоракритъ подарилъ свою статую подъ именемъ Немезиды, въ Рамнось. Алкамень между прочимъ дѣлалъ группу статуй для задняго поля фронтона храма Зевса Олимпійскаго. Полагаютъ, что прекрасная Лувровизіевская статуя Марса, въ Римѣ, есть удачная копія одной изъ его работъ.

Въ *Пелопонезѣ* преимущественно было въ ходу искусство отливать мѣдныя статуи атлетовъ. Въ цвѣтущій періодъ и это направленіе искусства получило окончательное совершенство; но, по общему духу греческаго искусства, въ этихъ произведеніяхъ заботились не о копіяхъ индивидуальной природы, а о томъ, чтобы развивать въ нихъ красоту юношескаго тѣла вообще, силу его организма, вѣрный переходъ формъ, очищенную симметрію пропорцій. Просто, и безъ побочныхъ цѣлей брали человѣческую природу предметомъ художественнаго представленія; но старались уловить ее въ моментъ ея совершеннѣйшей красоты и представить въ такомъ совершенствѣ какъ непосредственное выраженіе благороднѣйшаго состоянія духа, полнѣйшаго равновѣсія силъ.

Изъ художниковъ этого направленія слѣдуетъ назвать во-первыхъ *Пивагора* изъ *Регія* (480—430), которому приписывали первое настоящее изученіе пропорцій человѣческаго тѣла и вмѣстѣ наблюденіе тонкаго перелива натуральныхъ формъ.

Но наилучшее развитіе получило это направленіе въ *сикіонско-аргоесской* школѣ, которой важнѣйшимъ художникомъ является *Поликлетъ*, изъ Сикіона или изъ Аргоса, между 450 и 410 годами. Онъ привелъ въ опредѣленныя правила пропорцій юношескаго тѣла; заботился о тонкомъ взаимномъ переходѣ формъ, особенно соблюдая правило, чтобы центръ тяжести тѣла у стоящихъ фигуръ налегалъ на одну только ногу, и искалъ высшаго торже-

ства искусства въ нѣжнѣйшей отдѣлкѣ формъ. Большая часть работъ, приписываемыхъ Поликлету, суть юношескія фигуры безъ дальнѣйшаго мнѳчскаго значенія, гдѣ основаніемъ развитія формъ служилъ какой-нибудь любимый мотивъ юношескаго упражненія. Одна изъ знаменитѣйшихъ его статуѣ была копьеносецъ (Дорифоръ). Симметрія пропорцій въ этой статуѣ была такъ совершенна, что она считалась за лучшее образцовое произведеніе и потому названа для отличія *канономъ* (правиломъ). Другая знаменитая статуя была статуя Диадумена, нѣжнаго юноши, собирающагося надѣть повязку на волосы. Копія этой статуи находится въ римской виллѣ Фарнезе. Въ исполненіи статуй Амазонки Поликлетъ превзошелъ многихъ изъ славнѣйшихъ современныхъ художниковъ, которые состязались съ нимъ на томъ же сюжетѣ, даже самаго Фидія, котораго статую Амазонки, выполненную съ этой цѣлью, мы уже упоминали. Другой художникъ, участвовавшій въ состязаніи, былъ Ктезилай; онъ представлялъ раненую Амазонку, которой уцѣлѣло нѣсколько копій, двѣ въ Римѣ въ Капitolіи; самый лучший, но очень поврежденный экземпляръ въ парижскомъ музеѣ. Объ Амазонкѣ Поликлета не извѣстно ничего подробно. Впрочемъ, въ позднѣйшую эпоху болѣе утонченнаго искусства нашли слишкомъ однообразнымъ законъ принятый Поликлетомъ для тѣлесныхъ пропорцій.

Въ изображеніяхъ, гдѣ требовалось высшее достоинство, особенно въ храмовыхъ статуяхъ, Поликлетъ не могъ сравниться съ Фидіемъ. Однако жъ его колоссальная статуя Юноны изъ золота и слоновой кости, также украшенная разными орнаментами, въ Аргосѣ, считалась однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній этого рода; и по-крайней-мѣрѣ въ древнихъ писателяхъ находимъ извѣстіе, что Поликлетъ еще больше усовершенствовалъ технику этой отрасли искусства. Въ колоссальной головѣ Юноны, находящейся въ римской Villa Ludovisi видимъ копию, дѣланную еще въ лучшее время греческаго искусства.

Одинъ изъ отличнѣйшихъ послѣдователей Поликлета былъ *Накидъ* изъ Аргоса. Въ прекрасной статуѣ Дискомета, въ ватиканскомъ музеѣ, находимъ удачную копию съ одного изъ его произведеній, считаемую нѣкоторыми даже за оригиналъ.

Съ направленіемъ Поликлета можно поставить рядомъ направленіе третьяго изъ знаменитѣйшихъ художниковъ той эпохи, *Мирона*, изъ Элевтеръ въ Аттікѣ. Онъ подобнымъ же образомъ понималъ оригиналъ, представляемый натурою, но старался пре-

индивидуально изображать его въ самыхъ разнообразныхъ и въ самыхъ одушевленныхъ проявленіяхъ жизни. Однако жъ въ его произведеніяхъ нѣтъ той высокой степени совершенства, которою отличался Поликлеть, и особенно въ головахъ его фигуръ проявился образъ исполненія, напоминавшій до нѣкоторой степени еще древнѣйшее искусство. Намысливъ выражалась оригинальность Милона также въ статуяхъ атлетовъ. Такъ имъ была представлена фигура бѣгуна, Ладаса, въ минуту величайшаго и послѣдняго напряженія; далѣе, дискометъ въ мигъ метанья. Последнее произведеніе, какъ видно, пользовалось особенной славой, потому что до насъ дошло много его копій. Нѣсколько копій находятся въ римскихъ собраніяхъ, двѣ прекрасныя бронзы въ неаполитанскомъ музеѣ. Оригинальное направленіе художника привело его также къ одушевленному изображенію животныхъ, между которыми въ особенности славилось изображеніе коровы, заслужившее честь многихъ эпиграммъ. Изъ статуй боговъ и героевъ ему, кажется, больше всего удалось изображеніе Геркулеса, котораго характеръ наиболѣе соответствовалъ его направленію.

Наконецъ, рядомъ съ этими мастерами и ихъ школами, въ вѣстіяхъ древнихъ превозносятся еще нѣсколько художниковъ, отличавшихся той или другой оригинальностью. Важнѣйшіе изъ нихъ: *Каллимахъ*, въ которомъ однако жъ осуждали избытокъ тщательности (ему же приписывали изобрѣтеніе коринфской капители колоннъ); и *Деметрій*, который считался изображателемъ обыкновенной природы, составляя поразительное уклоненіе отъ общаго духа греческаго искусства.

Кромѣ извѣстій древнихъ писателей, кромѣ позднѣйшихъ копій съ нѣкоторыхъ образцовыхъ произведеній, источникомъ для ближайшаго разумѣнія искусства въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, служатъ намъ скульптуры, дѣланныя для украшенія храмовъ. Счастливыи случай сберегъ намъ многочисленныя образцы ихъ. Онѣ представляютъ прекраснѣйшій цвѣтъ греческаго искусства въ дивной его высотѣ, въ необыкновенной простотѣ его стила, въ свѣжей натуральной силѣ, въ цѣломудренной наивности, ему свойственной. Онѣ хотя не могутъ считаться работами знаменитѣйшихъ мастеровъ, развѣ только въ видѣ исключеній, но даютъ намъ догадываться, какія совершенствомъ отличались работы славныхъ художниковъ. Въ нихъ также видны по крайней мѣрѣ слѣды послѣднихъ моментовъ развитія искусства въ его окончательное совершенство, равно какъ слѣды различій стила, по особымъ мѣстнымъ школамъ. Далѣе, рядомъ съ этими храмовыми скульп-

турами должно поставить еще нѣсколько мелкихъ работъ сходнаго съ ними стѣла, хотя отчасти и больше второстепеннаго исполненія. Укажемъ на важнѣйшія произведенія въ этихъ родахъ.

Скульптуры *афинскихъ храмовъ*: *

1) Скульптуры такъ называемаго *Тезеева храма*. Изъ фронтонныхъ статуй ни одна не уцѣлѣла, но многое уцѣлѣло фризовыхъ рельефовъ. Въ метопахъ представлены подвиги Геркулеса и Тезея; эти изображенія имѣютъ еще нѣкоторый древнѣйшій характеръ, и пропорціями и исполненіемъ даже напоминаютъ эгипетскія скульптуры. Фризы надъ папертью и заднею частью храма (съ сплошной скульптурою, безъ триглюфовъ) содержатъ изображеніе сраженія героевъ въ присутствіи шести сидящихъ божествъ и изображеніе битвы Кентавровъ съ Лапитами. Тутъ художественное исполненіе уже весьма совершенно, вся композиція оживлена чрезвычайно замысловато; только тѣлесныя пропорціи еще нѣсколько кратки.

2) Скульптуры *храма Ники Аптеры* **. Рельефы фриза (къ сожалѣнію очень поврежденные), изъ которыхъ четыре доски находятся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, прочія на возстапленномъ храмѣ. Съ передней стороны представленъ, вѣроятно, мѣзъ (неизвѣстный) безкрылой богини побѣды; съ прочихъ сторонъ сцены борьбы Грековъ съ Восточными народами (въ персидскомъ костюмѣ). И эти работы уже весьма замысловаты и оживлены, однако пропорціи также еще нѣсколько стѣснены. Скульптуры того и другаго изъ помѣновавшихся храмовъ весьма близки къ работамъ, исполненнымъ подъ руководствомъ Фидіа; въ нихъ видѣнъ уже блистательный расцвѣтъ афинской школы, можетъ быть и предварительное личное вліяніе самаго Фидіа.

3) Скульптуры *Парѳенона*. Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ произведеній это самыя величавыя, работанныя подъ непосредственнымъ надзоромъ Фидіа, слѣдовательно ихъ можно смѣло считать проникнутыми его духомъ. — По *фронтонамъ* были изображены, въ колоссальныхъ статуяхъ, на восточной сторонѣ рожденіе Аенны изъ

* Подробные рисунки нѣхъ смотри въ *Афинскихъ древностей*, *Stuart's* и *Revett's*, въ изданіи *Elgin marbles*, и прочее. Смотри также *Waagen*, *Kunstwerke und Künstler in England*, о скульптурахъ этого періода, находящихся въ Британскомъ музеѣ.

** Смотри *Ross etc.*, *Die Akropolis von Athen*.

головы Зевса, на западной сторонѣ споръ Аены съ Посейдономъ о верховномъ владычествѣ надъ городомъ Афинами. Отъ тѣхъ и другихъ уцѣлѣлъ только рядъ болѣе или менѣе обломанныхъ статуй, и отдѣльныхъ небольшихъ обломковъ. Работа ихъ уже отличается высоко развитое мастерство, и мы можемъ считать ихъ за произведенія лучшихъ художниковъ, трудившихся подъ наблюдениемъ Фидія (также какъ напримѣръ, Алкаменомъ дѣланы были статуи одного фронтона въ храмѣ Зевса Олимпійскаго). Весьма также вѣроятно, что нѣкоторые статуи отдѣлывалъ и самъ Фидій. — Въ *метопахъ* перистилля находятся различныя сцены битвъ, принадлежащія преимущественно аттическимъ мѣстнымъ мифамъ, сраженія Кентавровъ, Амазонокъ и тому подобное. Онѣ дѣланы горельефомъ, но обнаруживаютъ извѣстную суровость въ композиціи и въ исполненіи, которая также имѣетъ еще древнѣйшій характеръ. Подобное, даже еще въ усвоенной мѣрѣ, видно въ метопахъ Тезеева храма; кажется, отсюда можно заключить, что въ пластикѣ метопъ, болѣе подчиненныхъ архитектурнымъ формамъ, съ напѣрениемъ сохраняли большую суровость, потому что она больше гармонируетъ съ архитектурными линиями. — *Внутренній фризъ*, наущій вокругъ паперти и задней двери, и по всей вѣнчиковъ стѣнѣ собственно-храмоваго зданія, не прерывался триглицфами, представлялъ великую панаэнейскую торжественную процессію, которая бывала каждыя пять лѣтъ на большомъ праздникѣ Паллады Аены. На задней сторонѣ храма представлены приготовления къ конному шествію; на обѣихъ среднихъ сторонахъ толпы воиновъ всадниковъ, участники ристанія въ колесницахъ, старцы и старицы города, игроки на флейтахъ и цитрахъ, жертвенныя процессіи; наконецъ на передней сторонѣ двѣнадцать беговъ, сидящіе, оруженныя дѣтми, которыя приносятъ жертвенныя дары, и начальствующими властями города. Здѣсь изображенія, согласно ихъ вѣнчиковъ назначенію, исполнены плоскимъ рельефомъ, очень просто, но рѣзко и совершенно ясно. Композиція вся сплошь исполнена души и жизни, самаго здраваго и самаго здороваго чувства, самаго вѣжливаго и самаго благороднаго изобрѣтенія; какъ композиція, она безспорно составляетъ совершеннѣйшее произведеніе классической древности, какое дошло до насъ. Самая большая и особенно самая важная часть пареонейскихъ скульптуръ находится въ Лондонѣ въ Британскомъ музее; остальные въ Афинахъ.

4) Скульптуры *Эрехтеона*. Отъ скульптуръ, находившихся на фризѣ, уцѣлѣли только немногіе обломки. Но весьма важны жен-

скія статуи, поддерживающія крышу вышуклости зданія выдающейся на южной сторонѣ. Онѣ представлены въ панэоннейскомъ торжественномъ уборѣ; ихъ простое спокойное положеніе согласно съ ихъ архитектурнымъ назначеніемъ; впрочемъ въ фигурахъ и въ одеждѣ уже свободно развита прекрасная тѣлесная жизнь. Одна изъ нихъ находится въ Лондонѣ. Подобная же фигура, находящаяся въ Ватиканскомъ музеѣ, взята не изъ Эрехтеона, какъ то ложно рассказывается.

Отдѣльные произведенія аттической школы того времени:

а) Рельефъ въ неапольскомъ музеѣ, представляющій Орфея, Эвридику и Гермеса. По высокой простотѣ мысли и по техническому исполненію можетъ стать на ряду съ скульптурою Пареевона. Есть греческая подпись именъ. Двѣ копія его находятся въ Парижѣ и въ римской виллѣ Альбани; у нихъ римскія подписи, означающія фигуры названіями Амфіона, Автіоны и Зета. — б) Группа борцовъ, обломокъ какого-то большаго рельефа, въ Римѣ въ виллѣ Альбани; также совершенно въ духѣ пареевонскихъ скульптуръ. — в) Разные рельефы на надгробныхъ памятникахъ, простыхъ надгробныхъ камняхъ или большихъ каменныхъ вазахъ, въ Афинахъ, и въ музеяхъ Парижа и Берлина, и прочее. Вообще они представляютъ разлуку умирающихъ съ близкими; композиція всюду отличается ясной греческой наивностью, но исполненіе по большей части грубо.

Скульптуры *пелопонезскихъ храмовъ*:

1) Скульптуры *Зевсова храма въ Олимпіи* *. Только небольшіе остатки метопныхъ рельефовъ паперти и заднихъ дверей, представляющихъ подвиги Геркулеса, хранятся въ парижскомъ музеѣ. Въ общемъ характерѣ чувства и мысли видна та же степень развитія греческаго искусства, но многое отличается отъ аттическихъ работъ: пропорціи короче и сжатѣе, исполненіе въ нѣкоторыхъ частяхъ недокончанное, какъ бы предоставленное раскрашѣ; нѣгія части Геркулеса занимаютъ средину между рѣзкимъ натурализмомъ эгинскихъ статуй и простѣйшими формами метопъ Пареевона. Во всемъ этомъ безспорно видно преобладаніе дорическаго начала.

2) Скульптуры *Аполлонова храма подъ Филагалию* **. Фронтъ

* См. Expédition scientifique de Morée. I. — См. *Wagner*, Kunstwerke und Künstler in Paris.

** *O. M. v. Stackelberg*, Der Apollotempel zu Bassä. *G. M. Wagner*, Bassirilievi della Grecia.

на столбахъ—колоннахъ гепетрона, представляющихъ на одной стороне битвы Кентавровъ съ Лапитами, на другой сраженія Грековъ съ Амазонками, находятся теперь въ Лондонѣ въ Британскомъ музее. Превосходны по величайшему разнообразію положеній, по чрезвычайной смѣлости и живости, по самой замысловатой характеристикѣ; съ этой точки они также одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній всей древности. Но есть много оригинально посѣтшаго и рѣзкаго, иногда даже много насильственнаго въ движеніяхъ тѣлъ и, сообразно тому, въ формахъ одежды. Пропорціи фигуръ нѣсколько кратки. Однакожъ отдѣльные мотивы композиціи показываютъ непосредственное аттическое вліяніе, ибо въ нихъ повторяются отдѣльныя сцены изъ скульптуръ такъ называемаго Тезеяна храма и храма Ники Антеры, хотя повторяются болѣе или менѣе вольно. Впрочемъ, это вліяніе—точно какъ и видимое въ архитектурѣ сивалльскаго храма, начертанной или исполненной Иктиномъ, — вѣроятно, выказалось только въ общемъ характерѣ композиціи, а не въ частностяхъ исполненія.

Всѣ особенности, видимыя въ скульптурахъ олимпійскаго и сивалльскаго храмовъ, кажется существенно согласны съ преобладавшимъ въ Пелопонезѣ характеромъ дорическаго племени. Такимъ образомъ, мѣра различій этихъ скульптуръ со скульптурами аоническихъ храмовъ можетъ дать нѣсколько вѣрныхъ основаній для различія пелопонезскихъ школъ искусства отъ аттическихъ.

Во второмъ цѣлѣующемъ періодѣ греческой скульптуры опять важнѣйшее мѣсто занимаетъ *аоническая школа*. Она вѣрна своему прежнему характеру въ томъ отношеніи, что ея произведенія и въ эту эпоху вращаются преимущественно въ образахъ идеальнаго міра, въ сферахъ мифовъ, боговъ и героев. Но важныя перемѣны, происшедшія въ греческой жизни отъ пелопонезской войны, какъ мы уже говорили выше, породили и въ пластическомъ искусствѣ существенно различное зачатіе и исполненіе. Глубже прежняго взволнованное чувство, болѣе задушевныя страстныя движенія, болѣе сильный пафосъ;—или болѣе мягкая воспримчивость ощущенія, сильнѣйшая предельность тѣлеснаго явленія, становятся замѣтны въ изображеніяхъ искусства. Сообразно тому, исчезаютъ съ художественнаго поприща многіе изъ прежде употребляемыхъ предметовъ, которые непременно требовали характера высокаго

спокойствія; на мѣсто же ихъ являются другіе предметы, въ которыхъ новое направленіе могло приличнѣе выразиться. Въ послѣднемъ отношеніи, укажемъ особенно на тѣ божества, которыми поклоненіе сопряжено съ глубокимъ потрясеніемъ чувства, на Діониса и Аферодиту, и на рядъ фигуръ, движущихся около нихъ. Теперь аѳонскіе художники выдѣлывали ихъ съ особенной любовью и придавали имъ тотъ отпечатокъ, который оставался за ними во все послѣдующее время классическаго искусства. Равнымъ образомъ, замѣтны и разныя перемены въ техническомъ исполненіи. Художники стремятся еще къ вѣжнѣйшей отдѣлкѣ. Блестящая пышность хризелефантинскихъ статуй исчезаетъ, либо является только въ отдѣльныхъ произведеніяхъ; но большей части аѳинскіе художники употребляютъ мраморный матеріалъ, рассчитываютъ въ изображеніи на самый эффектъ матеріала, употребляютъ красочныя и металлическія украшенія, какъ видно, въ меньшей и второстепенной мѣрѣ.

Первымъ значительнымъ мастеромъ этой новоаѳинской школы является *Скопась*, родомъ изъ Пароса, жившій отъ 390 до 350 года. Между работами, приписываемыми ему, находимъ во-первыхъ въ большомъ количествѣ образы сѣеръ Ваखा и Аферодиты. Вообще въ нихъ кажется выразился полетъ горячаго одушевленія. Особенно славится сдѣланная имъ Менада, въ которой онъ представилъ крайнюю степень божественнаго упоенія; копія этого произведенія видны во многихъ рельефныхъ изображеніяхъ (одна прекрасная копія находится въ парижскомъ музеѣ). Подобнымъ же образомъ онъ обработывалъ и другіе предметы. Сюда принадлежитъ одно изъ его превосходнѣйшихъ произведеній, гдѣ развита радость бытія въ блистательномъ упоеніи: группа морскихъ боговъ, сидящихъ на дельфинахъ и гиппокампахъ и окруженныхъ прочими морскими чудовищами, которые везутъ Ахиллеса на островъ Левку. Сюда также относится его изображеніе Аполлона въ видѣ начальника хора мюзъ, которому онъ въ живой осанкѣ придалъ выраженіе поэтическаго одушевленія. Позднѣйшая, но все таки весьма характеристическая копія послѣдней статуи находится въ ватиканскомъ музеѣ, въ залѣ Мюзъ.

Весьма важное произведеніе школы Скопаса, особенно могущее дать намъ понятіе о характерѣ его школы, есть статуя *Венеры Милонской* (Мелосской) въ парижскомъ музеѣ. По благородно простой и величавой концепціи, оно еще весьма близко къ эпохѣ Фидія, но имѣетъ съ тѣмъ имѣетъ вѣжность, полноту и прелесть, которыя рѣшительно отличаютъ новый путь, откры-

тѣмъ искусству Скопасомъ *. Но еще гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи знаменитая группа *Нюбидь*, во флорентинскомъ музеѣ, которая по всей вѣроятности составляетъ конію одного изъ лучшихъ произведеній рѣзца Скопаса **. Безъ сомнѣнія, эта группа наполняла нише фронтона какого-нибудь храма. Она представляетъ моментъ, когда счастливое семейство погибаетъ отъ мстительныхъ стрѣлъ божества. По срединѣ стоитъ возвышенно чудесная фигура скорбящей матери; самый потрясающій наосъ, выраженіе благороднѣйшей душевной скорби, проникаетъ все чудесное произведеніе. Оно все основано на мотивахъ, которые были еще чужды духовному спокойствію прежняго времени; но пользуется этими мотивами съ достоинствомъ и величіемъ, которыми столь же существенно разнится отъ позднѣйшихъ направленій искусства. Однако жъ флорентинскихъ статуй нельзя считать за оригиналы: въ движеніяхъ и въ обработкѣ нагихъ частей есть нѣкоторая принужденность, въ одеждѣ рѣзительно мелочная отдѣлка; что прямо противорѣчитъ величавости композиціи. Сверхъ того, въ другихъ мѣстахъ есть фигуры *Нюбидь*, несравненно значительнѣйшія по исполненію и обработкѣ. Такова чрезвычайно благородная женская статуя въ Ватиканѣ (*Braccio nuovo*); таковъ особенно мальчикъ, означаемый именемъ *Иліона*, въ мюнхенской глиняной копіи, котораго надлежитъ считать безспорно за оригиналъ и за одно изъ важнѣйшихъ произведеній греческаго искусства, дошедшихъ до нашего времени.

За Скопасомъ слѣдуетъ нѣсколько позднѣйшій *Пракситель Аѳинскій*, жившій съ 364 по 340 годъ, художникъ, въ которомъ всего полнѣе проявилось новое направленіе аттической школы во всей его самобытности. Начала того порывистаго одушевленія, той патетической мысли, которыя оказались у Скопаса и которыя, по видимому, какъ въ содержаніи такъ и въ исполненіи означаютъ переходъ отъ древнѣйшаго характера искусства къ новѣйшему, — начала эти у него исчезаютъ, уступая мѣсто вѣжнѣйшей мечтательности, болѣе мягкой чувственности, болѣе мягкой игривости. Онъ довершилъ идеалъ *Афродиты* и умѣлъ въ образѣ любовной богини представить непосредственное выраженіе любви и мѣющаго вождельнія. Онъ первый отважился представить людскимъ очамъ всю полноту прелестей богини безъ покрыва — въ здоровой, чистой и благородной чувственности. Такова въ особенности знаменитѣйшая изъ его статуй, *Кинд-*

* *Waagen*, Kunstwerke und Künstler in Paris.

** Тамъ же.

еная Венера, которой уцѣлило нѣсколько копій (три въ Ватиканѣ, и одна въ мюнхенской глинтогелѣ), и которая послужила основнымъ типомъ и для прочихъ Венеринныхъ статуй позднѣйшей эпохи. Такимъ же образомъ Пракситель создалъ идеальнѣйшій образъ Эрота и въ немъ прекраснѣйшій образецъ человѣческаго тѣла въ переходномъ возрастѣ отъ дѣтства къ юношеству. Славнѣйшія изъ его Эротовыхъ статуй были въ Паріонѣ и въ Феспіяхъ. Копія съ послѣдней находится въ прекрасномъ ватиканскомъ Торсѣ съ мѣющимъ, почти задумчивымъ выраженіемъ лица; она же встрѣчается и въ неаполитанскомъ музеѣ. Подобную обработку находимъ въ прекрасной статуѣ Эрота, относящейся къ цвѣтущему періоду греческаго искусства, которая перешла въ британскій музей изъ собранія лорда Эльгвна. Незвѣстно, съ чьего оригинала, Праксителя или Лизиппова, копированъ встрѣчающійся во многихъ собраніяхъ Эротъ, натягивающій лукъ. — Фигуры вакхическаго круга Пракситель обрабатывалъ съ такою же нѣжной прелестью, какъ самаго Діониса, такъ и сатировъ его свиты. Почти во всѣхъ музеяхъ, верѣдко въ нѣсколькихъ экземплярахъ, находится статуя сатира, прислонившагося къ дереву и смотрящаго впередъ съ милымъ лукавствомъ, — статуя, дѣланная съ одного изъ превосходнѣйшихъ ея оригиналовъ. Даже изображенію Аполлона художникъ умѣлъ придать подобный отпечатокъ, представляя его въ прелестной нѣжности юношескаго возраста. Особенно славится, въ этомъ родѣ, его Аполлонъ Савроктонъ (Ящерогубитель), котораго копія находятся также въ большей части собраній. И другія изображенія Аполлона въ видѣ юноши (особливо прекрасный Аполлонъ флорентинской галереи) указываютъ на образъ божества, созданный Праксителемъ. За Скопасомъ и Праксителемъ слѣдуетъ большая толпа прочихъ ваятелей, означающихъ собою блескъ аттической школы въ теченіе четвертаго вѣка. Вѣсть съ Скопасомъ художники Леохаръ, Тимотей и Бриаксисъ работали пластику знаменитаго галликарнасскаго мавзолея; но подробностей объ этихъ работахъ мы не знаемъ. Работы Леохара былъ Ганнимедъ, похищаемый Зевсовымъ орломъ; копію этой композиціи находимъ въ Ватиканѣ. Аоніянину *Поликлету*, современнику Скопаса, приписываютъ художественное созданіе гермафродита, предмета, который конечно рѣшительно основанъ на преобладаніи тѣлесной прелести, и который, какъ ни важна могла быть его обработка въ частности, уже показываетъ мѣсто, съ котораго должно было заимствовано греческое искусство.

Къ неисчислимымъ оригинальнымъ произведеніямъ и ихъ позднѣйшимъ копіямъ слѣдуетъ здѣсь присовокупить еще перечень нѣсколькихъ произведеній, служащихъ столь же характеристическими образцами аттического искусства въ четвертомъ столѣтіи. Они находились въ непосредственной связи съ существующими архитектурами и время ихъ исполненія можно опредѣлить съ большею или меньшею точностію. — а) Разные горельефы и обломки ихъ, которые въ новѣйшее время нашли въ Афинахъ, промежъ камнями *храма Ники Аптеры* и которые составляли *срудилу* на сѣверной сторонѣ фундамента, поддерживающаго зданіе. Они содержатъ изображенія крылатой богини Побѣды въ различныхъ положеніяхъ, столь же пріятныя по композиціи, сколько совершенныя по исполненію, но уже не совсѣмъ свободныя отъ нѣкотораго стремленія къ эффекту. Вѣроятно, они принадлежатъ раннимъ годамъ четвертаго столѣтія. *) — б) Фризъ на *хорагическомъ памятникѣ Лизикрата* (возже 344 года), представляющій ищеніе Діониса тирренскимъ морскимъ разбойникамъ, рельефное изображеніе, которое, при очень маломъ размѣрѣ, исполнено легковато, но сочинено чрезвычайно замысловато и живо. — в) Колоссальная статуя Вакха, вѣнчавшая *хорагическій памятникъ Тразилла*, по передѣлкѣ его, исполненной Тразикломъ, въ исходѣ четвертаго вѣка. (Нынче находится въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ). Расчитанная больше на архитектурный эффектъ, эта фигура является несравненно ровнѣе и спокойнѣе, нежели видимъ то въ самостоятельныхъ скульптурахъ тогдашней эпохи, и только болѣе подобранная одежда отличаетъ ее, по стилю, отъ древнѣйшихъ произведеній.

Противоположность афинской школѣ и въ этомъ періодѣ составляетъ целовонезская *сикіонно-аргосская*. Особенности ея и теперь еще происходили отъ кореннаго ея направленія, которое основалось исполненіемъ статуй атлетовъ и въ которомъ главное дѣло состояло въ изображеніи тѣлеснаго благолѣпія и героической силы. Но и здѣсь уже замѣтна перемѣна художественнаго чувства и вкуса, какъ въ самыхъ предметахъ, такъ и въ ихъ обработкѣ. Настоящія статуи атлетовъ дѣлаются рѣже прежняго; ровное чувство, выражавшееся въ ихъ обработкѣ, уже не удовлетворяетъ; эпоха требуетъ сюжетовъ, которые имѣютъ видъ большаго достоинства, и мѣсто атлетовъ заступаютъ статуи отдѣльныхъ героевъ и идеализированныя изображенія сильныхъ госу-

*) *Moss etc.*, Der Tempel der Nike Apteros.

дарей и ихъ приближенныхъ. Столь же мало удовлетворяетъ простой законъ формацин, введенный Поллкетомъ; стараются дѣлать его разнообразіе, смотря по разнымъ характеристамъ, особенно стараются придать больше гибкости и легкости пропорціи портретнымъ изображеніямъ, чтобы тѣмъ еще больше возвысить ихъ надъ сферой обыкновенныхъ явленій жизни. Съ одной стороны является стремленіе къ колоссальности, съ другой къ мелочно-вѣрному схватыванію природы, больше чѣмъ это было прежде.

Изъ главныхъ художниковъ этой школы назовемъ во первыхъ *Евфранора*, съ коринтскаго Истма, Праксителя современника, славившагося также искусствомъ въ живописи. За нимъ слѣдуетъ сикюнсій *Лизиппъ*, художникъ, давшій совершеннѣйшую отдѣлку этому направленію искусства. Онъ также былъ современникъ двухъ сейчасъ поименованныхъ художниковъ, но жилъ долѣе ихъ (368 — 324) и особенно прославился своими работами для Александра Великаго. Произведеній его рѣзца чрезвычайно много. Между скульптурами идеальнаго значенія особенно важны его изображенія Геркулеса, потому что въ нихъ онъ умѣлъ образовать силу крѣпчайшаго тѣла такъ, что способность къ величайшему правленію силы соединилась тутъ съ самой легкой подвижностью. Эти изображенія послужили образцами, къ которымъ стремились въ статуяхъ Геркулеса всѣ позднѣйшіе художники. Его знаменитѣйшія Геркулесовы статуи представляли героя покоящимся, то стоящимъ опершись на дубину, то сидящимъ. Перваго рода изображеній уцѣлѣла прекрасная копія, дѣланная въ позднѣйшую эпоху Аѳиняниномъ *Гликономъ*, въ колоссальной статуй *Фарнезскаго Геркулеса* (въ неаполитанскомъ музеѣ). Изъ сидящихъ статуй имѣемъ столь же прекрасную копію въ славномъ ватиканскомъ *Торсѣ*, работы *Аполлонія*. — Въ числѣ портретныхъ статуй художника славилась особенно его изображенія Александра Великаго. Ему удалось выработать особенности тѣлеснаго изображенія Александра въ превосходнѣйшую фигуру и чудесно соединить вѣжность въ положеніи затылка и въ глазахъ съ тѣмъ, что было мужественнаго и львиного въ чертахъ лица. Различныя статуи и бюсты Александра, уцѣлѣвшіе до насъ, указываютъ на свои оригинальные образцы. Между другими многочисленными портретными статуями Лизиппова рѣзца особенно отличалась большая группа, гдѣ онъ представилъ этого царя среди сонма Грековъ, падшихъ Александра при Граникѣ.

За Лизиппомъ слѣдуетъ многочисленная школа, продолжавшая

дѣйствовать въ его характерѣ. Братъ его *Лизистратъ* былъ однако жъ болѣе мелочнымъ копистомъ природы; достаточное обозначеніе его оригинальности находимъ въ его привычкѣ снимать гипсовые оттиски съ лицъ изображаемыхъ особъ и полагать ихъ въ основаніе своихъ работъ. Впрочемъ, и этотъ обычай имѣлъ много послѣдователей.

Разныя удѣлѣвшія мастерскія произведенія (кромя уже упомянутыхъ) принадлежать, кажется, тому направленію греческаго искусства, котораго представителемъ служитъ *Лизиппъ*. Изъ нихъ особенно замѣчательны:—Бронзовая статуя молящагося юноши (атлета-побѣдителя) въ берлинскомъ музеѣ, произведеніе, несущее характеръ благороднѣйшей поры греческаго искусства, еще столь же ровное въ пропорціяхъ, сколько нѣжное и совершенное по образованію.—Бронзовая статуя сидящаго Меркурія, въ неаполитанскомъ музеѣ, такой же изящной работы.—Бронзовая статуя мальчика, вынимающаго занозу изъ ноги, въ римскомъ музеѣ, также превосходное произведеніе, существующее кромя того во многихъ мраморныхъ копіяхъ.—Далѣе, разныя портретныя изображенія, напримѣръ *Демосоена* (статуя въ Ватиканѣ, прекрасный бюстъ въ Парижѣ), особенно же вѣсколько позднѣйшія, но также отличныя статуи комическихъ поэтовъ, *Менандра* и *Позидиппа*, въ Ватиканскомъ музеѣ.

Съ вѣкомъ *Александра Великаго* греческое искусство довольно полно исчерпало свой кругъ идей. Для различныхъ образцовъ греческой мимологіи, для идеальнаго изображенія дѣйствительныхъ лицъ были выработаны типы и утверждены такъ, что свободному изображенію оставался развѣ малый просторъ,—если художникъ не хотѣлъ уклоняться съ пути изящества. Мастерство технической отдѣлки также развилось до совершенства. Однако жъ художественная сила еще отнюдь не исчезла. По крайней мѣрѣ въ предначертанныхъ границахъ предстояла еще возможность разныхъ остроумныхъ видоизмѣненій; еще можно было трудиться надъ сильнѣйшимъ возбужденіемъ и потрясеніемъ чувства, надъ изображеніемъ еще большаго волненія страстей. Для этихъ цѣлей, конечно, и техническое мастерство являлось въ величайшемъ блескѣ. Когда же старались передавать прежнія произведенія искусства, въ ихъ ясной цѣлости, то разумѣется при этомъ болѣе или менѣе обнаруживалось новое стремленіе; мѣсто прежней наивности заступалъ извѣстный те-

стремленіи разсчета; техническая сторона помучила важность сама по себѣ. Высшія обстоятельства какъ нельзя лучше согласовались съ такимъ внутреннимъ переворотомъ художественнаго направленія. Искусство перешло къ дворамъ государей, возникающихъ изъ разваливъ Александровой монархіи, получило назначеніе служить восточной роскоши ихъ быта,—конечно, услышалось и стремленіе къ наружному блеску, къ поразительному эффекту, въ соблазнительной чувственной прелести. Однако жъ греческое искусство изъ началъ своего развитія наполнено было такою здравостью и силою, что и въ эту эпоху, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, все еще является совершеннымъ въ высочайшей степени.

Главными пріютами искусства въ этотъ періодъ, когда въ собственной Греціи миновали непосредственныя вліянія Праксителя и Лизиппа, являются разные пункты малоазійскихъ прибрежныхъ странъ. Во-первыхъ островъ *Родосъ*, гдѣ въ теченіе всего этого періода и до послѣдняго столѣтія до Рождества Христова процвѣтала особенно важная школа искусства. Школа эта вела свое начало отъ Лизипповой школы. Родосецъ *Харесъ*, жившій въ началѣ третьяго столѣтія, былъ ученикомъ Лизиппа. Онъ работалъ колоссальную (свыше ста футовъ) мѣдную статую Аполлона, которая возвышалась какъ чудо свѣта въ гавани города Родоса, но черезъ пятьдесятъ-шесть лѣтъ уже упала отъ землетрясенія. Это былъ величайшій изъ ста солнечныхъ колоссовъ, воздвигнутыхъ на Родосѣ. Важнѣйшее произведеніе родосскаго искусства, сохранившееся до нашего времени, есть знаменитая группа *Лаокона*, въ Ватиканѣ, работанная Родосцами *Агсандромъ*, *Полидаромъ* и *Атенодоромъ*. Отецъ съ двумя сыновьями, обвитые змѣями, готовые пасть подъ страшной участью, представляютъ здѣсь пафосъ на высшей его вершинѣ. Въ тѣлахъ ихъ самое обдуманное образованіе, приличное такой минутѣ; въ цѣломъ композиціи утонченнѣйшій расчетъ. Къ характеру родосской школы должно, кажется, отнести и другое знаменитое произведеніе древности, группу такъ называемаго *Фарнезскаго быка*, въ неаполитанскомъ музеѣ. (Зетъ и Амеіонъ, въ отищеніе за позоръ матери, привязываютъ Дирку къ рогамъ дикаго быка). Художники, трудившіеся надъ этимъ произведеніемъ, *Аполлоній* и *Таарискъ*, изъ лядійскаго Траллеса. Но въ этой работѣ искусство уже явно стремится къ поразительному эффекту гораздо больше, чѣмъ въ *Лаокоидѣ*.

Въ такомъ же характерѣ являются намъ, сколько мы можемъ

судить, пергамская и эфесская школы искусства. Въ пергамской школѣ особенно славенъ *Пиромакъ*, во-первыхъ по статуѣ Эскулана, въ которой онъ создалъ типическій характеръ изображенія этого бога, какой видимъ во многихъ уцѣлѣвшихъ статуяхъ; да-лѣе, по группамъ бойцевъ, гдѣ увѣковѣчены побѣды пергамскихъ государей надъ вторгшимися въ Азію Галлами. Позднѣйшіе пергамскіе художники также работали подобныя сцены сраженій. Копіями такихъ произведеній, кажется, можно назвать нѣсколько уцѣлѣвшихъ славныхъ статуй: такъ называемаго *Умирающаго бойца* (Галла) въ капитолинскомъ римскомъ музеѣ, и группу *Влады Лудовизи* въ Римѣ, называемую *Арриа и Петосъ*, которая однакожь представляетъ вѣроятно Галла, убивающаго себя и свою жену, чтобы избѣжать отъ плѣна. Подобныя же военныя, сцены какъ видно, были обрабатываемы въ эфесской школѣ. Въ особенности сюда привадлежитъ произведеніе Эфезца *Агазія*, сына Доспеева, такъ называемый *Боргеескій боецъ*, находящійся въ парижскомъ музеѣ. Это пѣшій воинъ, обороняющійся щитомъ и копьемъ отъ коваго непріятеля, по художественной обработкѣ одно изъ примѣчательнѣйшихъ произведеній всей древности.

Въ этотъ періодъ работалось очень много, и конечно нѣрѣдко слишкомъ поспѣшно, портретныхъ статуй государей, преимущественно по образцамъ Лизиппа. Но до насъ дошли только немногіе знаменитые образцы такихъ статуй и бюстовъ. Вмѣстѣ съ портретными статуями были въ большомъ ходу изображенія *городскихъ божествъ*. Въ нихъ развился самобытный родъ, подавшій поводъ къ разнымъ замысловатымъ созданіямъ. Одно изъ примѣчательнѣйшихъ произведеній этого рода, служившее образцомъ для многихъ другихъ, было изображеніе богини города *Антиохія*, работанное Сиціянниномъ *Эвтихидомъ*, ученикомъ Лизиппа. Довольно пріятная копія его находится въ Ватиканѣ.

Въ собственной Греціи искусство вѣка Александра Великаго постепенно склонялось къ упадку, такъ что мы не встрѣчаемъ уже никакихъ значительныхъ именъ художниковъ, почти во весь послѣдній періодъ самостоятельнаго греческаго искусства. Однакожь въ исходѣ этого періода, въ половинѣ втораго вѣка, въ *Афинахъ* произошло возстановленіе искусства, потому-что стали стараться о возвращеніи слова къ произведеніямъ великихъ мастеровъ и объ изученіи ихъ произведеній, какъ образцовъ для художественной дѣятельности. Дѣйствительно, снова появились

созданія удивительнаго совершенства, въ которыхъ однакожь болѣе или менѣе замѣтны то холодность чувства, то отсутствіе живности, которыя повсюду свойственны періодамъ возстановленія искусства.

Изъ художниковъ этого направленія замѣтимъ во-первыхъ *Клеомена, сына Аполлодора*, которому принадлежитъ знаменитая статуя *Медицеской Венеры*, находящаяся въ флорентинскомъ музѣ. Въ этой статуѣ взяты мотивы кидской Венеры *Праксителя* и обработаны съ большою граціей; но тутъ уже недостаетъ важнѣйшаго — живности явленія. — Далѣе, сынъ этого Клеомена также *Клеомень*. Его работы статуя, въ парижскомъ музеѣ, называемая *Германикомъ*, изображающая оратора въ костюмѣ Гермеса. Она отличаетъ большою вѣрностію природы, но не производитъ высшаго впечатлѣнія. — Позднѣйшіе художники этого характера — Афиняне *Гликонъ* и *Аполлоній*, творцы фариезскаго Геркулеса и ватиканскаго Торса, о которыхъ мы уже упоминали говоря о трудахъ Лизиппа. Впрочемъ это самое новоожившее греческое искусство пересажено было Римлянами въ Италію и получило тамъ дальнѣйшее развитіе. Объ немъ еще будетъ рѣчь въ послѣдствіи.

Кромѣ всчисленныхъ пластическихъ произведеній, въ этотъ послѣдній періодъ греческаго искусства, кажется, произошла очень большая и сравнительно важнѣйшая часть удѣлѣвшихъ примѣчательныхъ скульптуръ древности. Въ числѣ работъ особенно важнаго разряда приведемъ еще слѣдующія:

Такъ называемый *барберинскій Фавнъ*, въ мюнхенской глиптотекѣ, въ духѣ еще прекраснѣйшаго стиля греческаго искусства. — Такъ называемая *Ариадна* (прежде *Клеопатра*) въ Ватиканѣ, также достойная самой цвѣтущей поры искусства. — Статуя *Язона*, въ Парижѣ и въ Мюнхенѣ, близко подходящая къ *Боргесскому бойцу*. — *Габійская Діана*, въ Парижѣ, статуя чрезвычайной красоты. — Остатки колоссальной группы *Мевелая* и *Патрокла*, находящіеся въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Римѣ и Флоренціи (въ Римѣ между прочимъ извѣстная фигура *Паскино*). — Такъ называемая группа *Папирія*, представляющая вѣроятно *Ореста* съ *Электрою*, въ римской виллѣ *Лудовизи*. — Купающаяся *Венера* съ именемъ художника *Бупала*, въ Ватиканѣ. — Соблазнительно прелестная *Венера Каллипига* въ неаполитанскомъ музеѣ, и многія другія, особенно значительное количество бюстовъ и рельефовъ.

Немаловажнымъ звѣномъ въ исторіи греческой скульптуры являются монеты съ ихъ многоразличнымъ чеканомъ. Произвольные и грубые знаки, дѣлаемые для различенія монетъ, обратились въ многосмысленные образы, и обработка этихъ образовъ слѣдовала по стопамъ искусства въ его развитіи. За простыми эмблемами явились изображенія мифическихъ фигуръ, смотря по особей мѣстности, которой принадлежала монета; за мифическими фигурами являлась перѣдко болѣе богатая композиція, относившаяся къ событіямъ настоящаго, въ томъ идеальномъ видѣ, какъ подобныя событія вообще увѣковѣчивались греческой скульптурой. Далѣе, въ позднѣйшія времена греческаго искусства на монетахъ являются изображенія государей, въ которыхъ художественное представленіе пріобрѣтаетъ новый самобытный элементъ.

Замѣчательно, что въ мѣстахъ, которыя должно считать центральными пунктами чистѣйшей греческой жизни, особливо тамъ, гдѣ процвѣтали важнѣйшія и обильнѣйшія вліяніемъ школы искусства, тамъ именно художественная обработка монетнаго чекана не достигала особенно важнаго развитія, а напротивъ совершенствовалась въ такихъ странахъ, гдѣ начало греческой жизни основывалось на учрежденіи колоній. Можетъ-быть, это объясняется обстоятельствомъ, что въ главныхъ пріютахъ греческаго искусства послѣднее воздѣлывалось преимущественно по причинѣ его самобытнаго, идеальнаго значенія, и что такимъ образомъ не могло возникнуть никакого желанія распространить искусство и на внѣшнія потребности жизни. Также и наоборотъ, тамъ гдѣ искусство было менѣе серьезно, и особливо тамъ, гдѣ жизнь не была совершенно проникнута греческимъ духомъ, можно предполагать вѣсколько болѣе игривую, служащую болѣе внѣшней жизни роль искусства.

Введеніе чеканной серебряной монеты относится къ половинѣ осьмаго вѣка до Рождества Христова; первымъ мѣстомъ гдѣ появилась монета была *Эгина*. Долгое время употребляли только простыя грубо выдѣланныя эмблемы, черепаху на эгинскихъ, щитъ на беотійскихъ, горговину маску на аѳинскихъ монетахъ, и такъ далѣе. На обратной сторонѣ монетъ находятся углубленія, произведенныя наковальней, на которой они лежали во время чекана (*quadratum incisum*). Съ началомъ большаго развитія искусства съ шестаго столѣтія, древнія эмблемы обрабатываются болѣе или менѣе художественно, мѣсто ихъ заступаютъ головы или цѣлыя фигуры боговъ, углубленія на обратной сторонѣ также получаютъ художественный образъ (*pumi incisum*), либо замѣняются прекрас-

ными изображеніями. Эти образы достигаютъ еще высшаго развитія въ теченіе пятого, собственно же четвертаго вѣка.

Аѳонскія монеты всѣ очень просты. Выѣто грубой головы Горгоны по большей части является голова Минервы; на обратной сторонѣ сова. То и другое во время цвѣтущаго періода дѣлается въ строгомъ стилѣ, и только въ позднѣйшую эпоху нѣсколько вольтѣ. *Аргосскія* и *сикіонскія* монеты также весьма просты, хотя на сикіонскихъ монетахъ Химера является въ прекрасномъ рисункѣ. Наиболее важны въ собственной Греціи *аркадскія* монеты, относящіяся къ четвертому столѣтію, особливо монеты *Фенея* и *Стимфала* (мессенскія и мегалопольскія монеты менѣе значительны); на ряду съ ними могутъ стать монеты *Опуса* локрійской земли, и монеты нѣкоторыхъ греческихъ острововъ, преимущественно *Наксоса* и *Крына*. Монеты третьяго вѣка, между которыми особенно важны монеты ахайскаго союза, замѣчательны по совершенству.

Величайшее разнообразіе и наилучшая отдѣлка монетнаго чекана принадлежатъ *Великой Греціи* и *Сициліи*. То и другое развилось здѣсь еще въ эпоху древнѣйшаго искусства; *Numi incisi* южно-италійскихъ городовъ уже въ этомъ періодѣ отличаются живою характеристикой ихъ чеканныхъ изображеній; сицилійскія, особливо городовъ Гелы и Сиракузы, превосходнымъ исполненіемъ. Нѣкоторыя монеты позднѣйшихъ годовъ пятого вѣка близки по отдѣлкѣ къ первому цвѣтущему періоду искусства, особенно агригентскія монеты, на которыхъ съ одной стороны изображена Сицилла, а на другой два орла надъ зайцемъ. Но богатѣйшую отдѣлку находимъ на монетахъ, принадлежащихъ къ четвертому вѣку, какъ на монетахъ великогреческихъ городовъ, такъ въ особенности на сиракузскихъ, гдѣ по большей части на одной сторонѣ изображена голова женскаго божества, а на другой побѣдоносная четверня. Сицилійскія монеты третьяго вѣка также по большей части отличаются еще самобытнымъ изяществомъ.

Далѣе, замѣчательны монеты сѣверныхъ пограничныхъ странъ Греціи, *Македоніи* и *Фракіи*. Здѣсь также находимъ примѣчательныя работы еще въ эпоху древнѣйшаго искусства, частію въ грубомъ и болѣе карикатурномъ стилѣ, но частію и въ очень замысловатой отдѣлкѣ; между послѣдними въ особенности монеты македонскаго царя *Александра-Перваго*, современника персидской войны. Въ прекрасныхъ художественныхъ формахъ являются пре-

искусственно монеты царя Филиппа, отца Александра-Великаго.

Монеты *Александра*, и ближайшихъ преемниковъ его въ разныхъ государствахъ, образовавшихся изъ его монархій, въ началѣ третьяго столѣтія, еще довольно близки къ работамъ самаго цѣлущаго періода по рисунку и исполненію. Съ этихъ поръ начинается обычай, изображать на передней сторонѣ монетъ головы государей вмѣсто фигуръ боговъ; эти новыя изображенія также исполняются весьма искуснымъ образомъ. Но вскорѣ работа упадаетъ до ремесла; благородныя типы прежняго времени являются болѣе или менѣе въ бездушныхъ копіяхъ; головы изображеній обыкновенно бѣдной концепціи. Упадокъ искусства въ македонскихъ государствахъ обозначается этими работами слишкомъ явно.

—

Подобно чекану монеты, искусство рѣзныхъ камней составляетъ также примѣчательную отрасль греческой скульптуры. Оно весьма рано придало художественный образъ сильно распространенной вѣтшней потребности, обычаю носить перстни съ печатями для замыканія драгоценныхъ предметовъ, превратило эту потребность въ самую пышную роскошь, особенно въ послѣднія, зажиточныя времена греческой жизни. Въ рѣзныхъ работахъ классической древности намъ является неисчислимо богатый міръ искусства; въ этихъ нарядныхъ работахъ мы видимъ роскошную пестроту многообразныхъ типовъ, намѣки на самыя многообразныя отношенія жизни. Впрочемъ для наблюденія историческаго развитія искусства они составляютъ довольно неважное пособіе. Почти вовсе нѣтъ ни письменныхъ извѣстій о художникахъ, занимавшихся приготовленіемъ рѣзныхъ камней, ни другихъ вѣтшнихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы опредѣлись степени этого историческаго развитія (какъ на примѣръ это возможно въ монетахъ). Сверхъ того, и ходъ развитія вообще мало обозначается характеромъ самыхъ работъ. Не очень-то много удѣлено произведеній древнѣйшаго вида, такихъ, которыя принадлежатъ лучшей цѣлущей порѣ греческаго искусства; напротивъ самая большая часть относится къ періоду, слѣдовавшему за вѣкомъ Праксителя, и вращается въ кругѣ типовъ, выработанныхъ имъ и его современниками. Такимъ образомъ, они преимущественно принадлежатъ послѣднему періоду греческаго искусства, равно какъ примыкающему къ нему римскому искусству.

Въ Александрово время впервые появляется имя отличнаго мастера въ искусствѣ рѣзать камни. Это *Пирготелесъ*, которому Александръ поручалъ вырѣзывать свои печатные чертени; изъ чего можно заключить о высокой степени художническаго достоинства Пирготелеса. Но изъ работъ его не уцѣло ничего достоивнаго. Крайняя роскошь въ этой отрасли искусства развилась при дворахъ преемниковъ Александра-Великаго, особенно при дворѣ сирійскихъ царей, гдѣ она нашла обильную пищу отъ вліянія чисто восточной страсти къ пышности. Тутъ дорогіе камни употреблялись на разныя украшенія утварей; особливо щедро осыпалась ими парадная посуда. Такъ какъ тутъ натурально изчезла всякая цѣль печатанія, то произошли чудесно рѣзанные камни, *камни*, для которыхъ преимущественно были употреблены многоцвѣтные опиксы. Въ нихъ пользовались разноцвѣтными слоями камня съ величайшей разборчивостію, именно такъ, чтобы вырѣзанные предметы отбѣнялись отъ темнаго грунта свѣтымъ тономъ краски. Иногда эти работы исполнялись въ удивительной величинѣ, и съ превосходнымъ вкусомъ.

Чрезвычайно примѣчательныя камни этого рода, уцѣлѣвшія до нашего времени, даютъ понятіе о томъ, что греческое искусство могло производить даже въ этой отрасли. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ египетскимъ владѣтелямъ. Прекраснѣйшая и вмѣстѣ величайшая изъ всѣхъ есть славная *камень Гонзага*, находящаяся нынѣ въ Петербургѣ въ Императорскомъ собраніи. На ней изображены головы одного государя и его супруги; весьма вѣроятно, что Птолемея Перваго и Евридики. За нею слѣдуетъ большая *камень вѣнскаго кабинета антиковъ*, съ головами Птолемея Второго и его супруги. Прочія работы, меньшаго размѣра, хранятся во многихъ другихъ собраніяхъ.

2) Живопись.

Искусство живописи развилось у Грековъ до такого же высокаго совершенства, какъ и скульптура. Это свидѣтельствуемъ намъ многочисленныя извѣстія, сохранившіяся въ древнихъ писателяхъ. Но наши познанія объ особенностяхъ греческой живописи, о ходѣ ея развитія, о характеристическихъ различіяхъ, существовавшихъ между произведеніями разныхъ школъ и разныхъ мастеровъ, на и познанія обо всемъ этомъ весьма невелики, потому-что осно-

ваны преимущественно, и почти исключительно, на таинствѣ письменныхъ преданійхъ, которыя весьма достойны признательности, но отнюдь не могутъ считаться удовлетворительными. Собственными глазами мы не можемъ видѣть ни одного произведенія, принадлежащаго самостоятельной греческой живописи. Уцѣлѣли только кой какіе остатки картинъ на греческихъ надгробныхъ столбахъ, открытыхъ въ недавнее время близъ Афинъ *; но они еще такъ незначительны, что не могутъ имѣть никакой важности для историческаго изученія искусства. Съ ихъ явленіемъ связана только надежда, что почва Греціи, снова пробуждая для европейской образованности, современемъ обнаружитъ въ себѣ нечто по важнѣе въ этомъ родѣ. Далѣе, уцѣлѣло по истинѣ необозримое множество живописей или правильныхъ рисунковъ на греческой глиняной посудѣ; но ихъ надлежитъ считать только за плоды второстепеннаго ремесла. Наконецъ, также довольно значительное число стѣнныхъ живописей въ засыпанныхъ лавою и пепломъ Везувія городахъ Геркуланъ и Помпеяхъ, къ которымъ причисляются нѣсколько небольшихъ, найденныхъ въ Римѣ. Въ нихъ конечно виднѣнъ духъ греческаго искусства; но онѣ уже принадлежатъ къ эпохамъ, слѣдовавшимъ за самостоятельнымъ развитіемъ этого искусства, когда послѣднее служило уже роскошью римской жизни. Тѣмъ менѣе онѣ могутъ замѣнять собою потерянные произведенія греческихъ художниковъ, что работы только въ неважныхъ мѣстахъ, и то единственно какъ болѣе или менѣе легкое комнатное украшеніе. Однакожъ изъ этихъ послѣднихъ отголосковъ греческой живописи, черезъ эти ремесленные работы чисто греческой эпохи извѣстія писателей получаютъ для насъ опредѣленнѣйшій характеръ, такъ что, какъ ни слабо можемъ мы судить объ оригинальномъ достоинствѣ частныхъ явленій, все таки общій характеръ греческой живописи представляется намъ понятнымъ.

Вообще замѣтимъ, что греческая живопись находится въ тѣсномъ родственномъ отношеніи съ греческой скульптурою. Она вращается, въ тѣхъ же сферахъ идеальнаго міра, беретъ образъ жизни въ такомъ же идеальномъ видѣ. Кажется только, что съ одной стороны большій просторъ въ композиціи, допускаемый живописью, съ другой большая подвижность, къ какой она способна, поставили ее еще нѣсколько ближе къ изображенію жизни. Такъ часто, особливо въ древнѣйшее время, упоминаются боль-

* Смотри изданіе Шорна, Kunstb'alt 1937, № 15; 1938, № 59.

шія историческія картины, по описанію которыхъ надо одинаково предполагать также идеальную обработку предметовъ; въ позднѣйшія времена говорится о разныхъ изображеніяхъ, въ которыхъ видно болѣе игривое пониманіе окружающей жизни. Въ формѣ, взятой самой по себѣ, видны тотъ же величаво простой и ясно размѣренный стиль, которымъ отличается греческая скульптура. Особенно жетѣсная связь двухъ искусствъ проявляется въ томъ, что исполненіе въ произведеніяхъ греческой живописи также стремится къ преобладающему пластическому эффекту. Вездѣ въ ней главнымъ дѣломъ оказывается ясное и опредѣленное развитіе формы; композиція дѣланы въ ясныхъ и простыхъ линіяхъ; мѣрно распространенное освѣщеніе выводитъ всякую часть композиціи въ полный свѣтъ. Колоритъ, разумѣется въ произведеніяхъ совершеннаго развитія искусства, является превосходнымъ, равно какъ и свѣтлотѣнь, сколько она нужна для окончательной моделировки формы. Но самобытнаго эффекта свѣтлотѣни, которымъ часто такъ оригинально щеголяютъ картины позднѣйшихъ временъ германско-христіанскаго искусства, кажется, не знала греческая живопись, или лучше сказать не домогалась, также какъ и представленія всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые только въ силу такого исполненія получаютъ свою художественную цѣну.

Касательно наружнаго свойства и технической стороны греческой живописи замѣтимъ, что ея произведенія были частью стѣнные картины (обыкновенно фрески), частью рисованныя доски. Последняго рода картины исполнялись преимущественно теплыми красками (красками соединенными какимъ-нибудь клеемъ средствомъ); такъ называемыя энкавстическія картины составляютъ только побочный родъ, принадлежащій позднѣйшимъ временамъ. Энкавстическія картины состояли изъ восковыхъ красокъ, наложенныхъ съ помощію сухихъ колышковъ и сплавленныхъ потомъ жаровнею. Свойство восковой краски дѣлало этотъ родъ живописи, въ противоположность сухой темперной живописи, особенно способнымъ для изображенія блистательнаго эффекта, такъ что онъ почти уподоблялся новѣйшей масляной живописи. Но сложность исполненія, кажется, помѣшала сильнѣйшему его распространенію *.

* См. три *R. Wiegmann*, Die Malerei der Alten, etc.

Чтобы еще точнѣе опредѣлить упомянутое родственное отношеніе греческой живописи къ скульптурѣ, ее можно нѣкоторымъ образомъ назвать дочерью скульптуры. Особенно это ясно изъ того обстоятельства, что ея окончательное развитіе послѣдовало гораздо позже. Отъ періодовъ развитія искусства, до самаго Периклова вѣка, до насъ дошла только чрезвычайно скудная извѣстія о дѣятельности въ области живописи; а въ то же время изъ нѣкоторыхъ частныхъ намековъ слѣдуетъ, что подобная дѣятельность дотогѣ была незначительна и неважна. Древнѣйшія извѣстія относятся къ дорическому Полопонезу; они показываютъ начало этого искусства преимущественно въ Коринтѣ и Сикіонѣ и приписываютъ первыя изобрѣтенія извѣстнымъ художникамъ. Первый, рисовавшій слатуы называется *Клеантъ Коринтскій*; *Ардикус* и *Телефанъ* будто бы изобрѣли усовершенствованный линейный рисунокъ, *Клеофантъ* — монохромную (однокрасочную) живопись.

Только въ началѣ пятаго вѣка находимъ отрывочныя свѣдѣтельства усилившейся художественной дѣятельности. Зодчій Мандроклъ, строившій для персидскаго царя Дарія мостъ черезъ Босфоръ, пожертвовалъ въ самосскій храмъ Юноны картину, которая представляла переходъ персидскаго войска по этому мосту. Около того же времени жилъ первый значительный живописецъ, *Кимонъ Клеонейскій*. Объ немъ именно говорится, что онъ первый внесъ движеніе и жизнь въ фигуры имъ рисованныя и заботился также о точнѣйшемъ наблюденіи накладки складокъ. Но живописныя произведенія этой эпохи мы должны также представлять себѣ только цвѣтными очерками, весьма суроваго, старобразнаго стиля.

Высшее, и въ нѣкоторомъ отношеніи конечно уже весьма важное развитіе живописи начинается съ вѣкомъ Перикла. *Афинныя* являются средоточіемъ и этой области искусства: тутъ образуется самобытная школа, процвѣтавшая до конца пятаго столѣтія. Первый и значительнѣйшій художникъ этой школы есть *Полигнотъ*, родомъ съ острова Тазоса, получившій право афинскаго гражданства. Онъ жилъ немного прежде Фидія, потому-что прибылъ въ Афины еще при Кимонѣ, предшественникѣ Перикла, около 463 года. Однакожъ онъ продолжалъ участвовать въ великихъ художественныхъ предпріятіяхъ, замышляемыхъ Перикломъ. Произведенія его кости находились по разнымъ портикамъ и святилищамъ внутри и внѣ Афинъ. До насъ дошло подробное из-

свѣтѣ объ обширной работѣ, которую онъ исполнилъ въ Дель-сакъ, въ Лескхъ, портикѣ, построенномъ Квинданинъ *. Тутъ онъ, въ очень богатыхъ фигурахъ изобразительныхъ, нарисовалъ на одной стѣнѣ завоеванную Трою и отплытіе Грековъ въ отечество; на другой ходженіе Одиссея въ преследуюю. Каждое изъ этихъ изображеній распадается на большее количество группъ, расположенныхъ рядомъ и одинъ подъ другимъ; изъ чего мы съ полной определенностью можемъ заключить, что живописный эскизъ цѣлаго и перспективное соображеніе отнюдь не слушали здѣсь цѣлкомъ. При нѣкоторыхъ фигурахъ написаны ихъ имена. Если къ этимъ обстоятельствамъ прибавимъ еще невыработанную (узеловую) моделировку, такую же другую историческимъ свидѣтельствомъ слѣдуетъ предполагать у Полигнота, — то развитіе его искусства приметъ въ нашемъ понятіи почти тотъ самый видъ, въ какомъ оно представляется у итальянскихъ художниковъ четырнадцатаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ **. Конечно, это сравнительно еще низшая степень развитія, если вспомнимъ высокую обработку современной скульптуры въ храмѣ Ники Аугеры, въ такъ называемомъ Тезеевомъ храмѣ, особенно же въ Паренномъ. Однако жъ эти обстоятельства не позволяютъ предполагать въ то же время въ произведеніяхъ Полигнота уже совершенно отставшей рисунка, въ стилѣ Фидія и его сверстниковъ, равно какъ призматическую, какъ и въ вѣстскихъ тонахъ, раскраску. Что то и другое въ нихъ было, свидѣлствуютъ разные определенные стили древнихъ писателей, особенно же то обстоятельство, что Полигнотъ именно представлялъ живописцевъ благородныхъ характеровъ, и что его женскія фигуры приписываются почти высокой граціи.

То же направленіе искусства должно допустить у живописцевъ, бывшихъ его современниками и преемниками. Изъ нихъ особенно замѣчательны: *Онатъ Деанскій*, уже упомянутый выше; *Миконъ Аонскій*, который между прочимъ рисовалъ въ храмѣ Тезея; *Дионисій Колофонскій*, подражатель Полигнота; *Паноль*, братъ Фидія, разрисовавшій тронъ Зевса Олимпійскаго и изобразившій маравонскую битву въ аонской картинной галерей, которая называлась *Пекилою*. И многіе другіе.

* Названій X., г. 25 — 31. Сравни *Goethe Ges. W. T. 44* и прочіе.

** Укажемъ на обширныя стѣнныя картины этихъ художниковъ, находившіяся въ Санто Санта въ Пизѣ, въ капитульной залѣ церкви S. Maria Novella во Флоренціи, и другіхъ мѣстахъ.

Самобытнымъ среди этихъ художниковъ является *Агамаръ*, жившій во второй половинѣ пятого вѣка. Его считаютъ декорационнымъ живописцемъ, работавшимъ какъ для афинскаго театра, такъ и для начинавшейся уже роскоши частной жизни. Изъ этого можно заключить объ извѣстной обработкѣ перспективы для цѣлой искусства. Еще значительно подвинулъ впередъ живописное искусство Афинянинъ *Аполлодоръ*, въ исходѣ пятого вѣка. Онъ первый сталъ мыслить о собственно живописномъ эффектѣ въ своихъ картинахъ, принялъ къ дѣлу законы освѣщенія и зависящаго отъ нихъ употребленія тѣней (слѣдовательно моделировки); первый ввелъ разнообразный колоритъ. Онъ именно называется «тѣневильнымъ живописцемъ». Такимъ нововведеніемъ положено первое основаніе самостоятельно свободному развитію живописи. До-тѣхъ-поръ она могла только обозначать свои изображенія въ нѣсколько символическомъ видѣ; тутъ она была въ состояніи придавать своимъ предметамъ видъ дѣйствительности, и такимъ образомъ достигать непосредственнаго эффекта на взоръ и душу зрителя.

Четвертое столѣтіе до Рождества Христова составляетъ собственно цвѣтушій періодъ греческой живописи. Въ противоположность аттической школѣ, наиболѣе даровитые художники теперь впервые образуютъ нѣсколько другихъ группъ или школъ, которыя по видимому заключаютъ разные элементы при стремленіи къ дальнѣйшему развитію.

Одна изъ нихъ — *іоническая школа*, называемая такъ потому, что по происхожденію она принадлежитъ преимущественно греческимъ городамъ Малой Азіи, особливо Эфесу. Развѣтіе этой школы относится къ началу четвертаго вѣка. Вообще она, согласно особенностямъ іоническаго племени, отличалась, кажется наклономъ къ нѣжному и обильному, слѣдовательно конечно обработкою нѣжнаго колорита и мягкой моделировкой. Какъ рѣшительно и какъ удачно она стремилась къ подражанію природѣ, доказываетъ извѣстный анекдотъ о состязаніи Зевкенса съ Парразіемъ, изъ которыхъ одинъ умѣлъ обмануть итѣцъ нарисованными виноградными гроздями, а другой самого Зевкенса занавѣсомъ рисованнымъ на доскѣ.

Первый изъ мастеровъ этой школы есть *Зевкисъ*. Все преимущество этого художника заключалось въ изображеніи нѣжной женской прелести. Такимъ образомъ находили, что онъ въ своемъ изображе-

ни Пенелопы воплотилъ самую нравственность; такъ удивлялись его Еленѣ, для изображенія которой Кротовяне дали ему для моделей пять прекраснѣйшихъ городскихъ дѣвицъ, чтобы онъ могъ развить образъ высшаго совершенства изъ совершеннѣйшихъ образчиковъ природы. Прекрасная грація соединялась съ живою характерою въ его изображеніи семейства Кентавровъ, котораго подробное описаніе, дошедшее до насъ, возбуждаетъ уже при чтеніи живѣйшее удовольствіе.

Соперникомъ Зевксея былъ *Парразіи Эфесскій*, которому приписывается усовершенствованіе пропорцій человѣческаго тѣла, утонченная характеристика, а болѣе всего полная округленность фигуръ, — отсутствіе всѣхъ шероховатостей очертанія. Въ числѣ его картинъ особенно упоминаются различныя изображенія героевъ, также нѣсколько божескихъ изображеній и дѣйствительныхъ портретовъ. За его рѣзкую характеристику ручается одна картина, гдѣ былъ представленъ безъ сомнѣнія какъ отдѣльное олицетвореніе, аэвскій народъ и выражены самыя противорѣчашія особенности характеровъ. Евфраноръ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, говорилъ объ его картинѣ Тезея: «Тезей Парразіи вскормленъ розами, а мой говядиною». Это замѣчаніе относилось къ колориту художника; оно показываетъ у него то же исполненіе, какое находимъ въ новѣйшемъ искусствѣ у мастеровъ венеціанской школы, особливо у Тиціана и его послѣдователей. Вообще можно поставить въ параллель іоническую живопись съ венеціанскою, сколько-нибудь сравненіе древняго времени съ новымъ.

Къ упомянутымъ слѣдуетъ еще причислить замѣчательнѣйшаго изъ ихъ современниковъ, *Тиманта Китноскаго*. Одною изъ превосходнѣйшихъ его картинъ было жертвоприношеніе Ифигеніи, гдѣ въ окружающихъ лицахъ онъ представилъ различныя степени участія до высшаго напряженія, а скорбь отца изобразилъ тѣмъ, что совершенно закрылъ его голову. Думаютъ, что подражаніемъ хотя вольнымъ этой картинѣ была одна изъ помпейскихъ стѣнныхъ картинъ (въ неаполитанскомъ музеѣ), которая впрочемъ носитъ признаки весьма посредственной и принужденной копіи.

Іонической школѣ противоположна *сикіонская*, обязанная своимъ самобытнымъ развитіемъ дѣятельности сикіонской скульптуры, именно послѣдователямъ Полклетта. Главное достоинство ея, въ противоположность іонической мягкости, состояло въ учено строгой обработкѣ, въ чрезвычайной точности и отчетливости

рисунка, которая однако не исключала сильного — хотя въ цѣломъ и суроваго — колорита. Основатель этой школы былъ *Евполмъ Сикіонскій*; а превосходѣйшимъ мастеромъ ея ученикъ его *Памфилъ*, который, сколько намъ извѣстно, первый преподавалъ искусство рѣшительно ученымъ образомъ, кажется, можно сказать: академически, то есть въ родѣ того, какъ преподавалось оно въ академіи, основанной Леонардомъ да Винчи. О картинахъ его мы имѣемъ мало подробностей; такъ же мало знаемъ и о картинахъ одного изъ славнѣйшихъ его учениковъ, *Мелантія*, который особенно въ расположеніи картинъ считался совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ греческихъ художниковъ.

Далѣе, къ числу художниковъ такого направленія принадлежитъ *Евфраноръ*, о которомъ уже было упомянуто какъ о скульпторѣ, предшественникѣ Лизиппа. Слава его преимущественно основывалась на утонченной обработкѣ фигуръ боговъ и героевъ; противоположность его колорита съ колоритомъ іонической школы обозначается приведенными выше словами о Парразіѣ. Замѣтимъ между прочимъ одну историческую картину Евфранора, представляющую конное сраженіе Аѳинянъ съ Эпаниновдомъ при Мантинѣ. — *Аристидъ Фивскій*, жившій около 370—330 г., славился преимущественно трогательными и страстными изображеніями. Особенно характеризуетъ его картина, гдѣ онъ изобразилъ мать, раненную при взятіи города, которая умирая еще удерживала груднаго младенца отъ того, чтобъ онъ не сосалъ крови вмѣсто молока. — Изъ работъ *Эхіона*, современника Аристидова, славилось между прочимъ изображеніе повобрачвой, привлекательное особенно по стыдливости выраженія. Полагаютъ, что свободной копіей этого изображенія служитъ знаменитая античная картина въ Ватиканскомъ музеѣ, такъ называемая Альдобрандинская свадьба.

Сюда же отнесется *Павзіи Сикіонскій*, также современникъ Аристидова. Отличительной чертою его характера, и вообще школы, къ которой онъ принадлежитъ, служить то, что онъ считался первымъ начавшимъ украшать потолки комнатъ живописью, особенно фигурами мальчиковъ. Декоративное исполненіе такого рода предполагаетъ особливо тонкое чувство стили въ рисунокѣ. Въ этомъ отношеніи его можно поставить въ параллель съ Батистомъ Франко, между новѣйшими художниками: Франко также отличался преимущественно подобными изображеніями, искусно соединяя съ венеціанскимъ колоритомъ болѣе отчетливый флорентинскій рисунокъ. Декоративное направленіе Павзіи

проявляется и въ другихъ изображеніяхъ, особенно въ его цѣлѣ-такъ. Одною изъ лучшихъ его картинъ въ этомъ родѣ было изображеніе прекрасной Гликеры, вьющей вѣнокъ. Разумѣется, для такихъ изображеній онъ нуждался и въ блестящемъ колоритѣ, котораго достигалъ особенно совершенной обработкою энкавстической живописи, и называется однимъ изъ лучшихъ художниковъ по этому роду живописи.

Величайшій художникъ греческой живописи, *Апеллесъ*, жившій отъ 356 до 308 г., соединялъ въ себѣ достоинства обѣихъ школъ. Ювеніанъ по рожденію, образовавшійся первоначально въ Эвессѣ, онъ потомъ поступилъ въ школу Памфила и достигъ въ ней высокаго совершенства. Главной отличительной чертою его художественныхъ произведеній было свойство, въ которомъ вся древность признаетъ его несравненнымъ — грація. Безъ сомнѣнія, во всемъ совершенствѣ проявилось это свойство въ его громко-славной картинѣ Анадіомевы, богини любви, выходящей изъ волнъ моря и выжимающей мокрые волосы. Также и во второй картинѣ Венеры и въ изображеніи одной изъ трехъ Грацій. Впрочемъ, онъ былъ столь же превосходить и въ геронческихъ картинахъ, особенно въ идеально созданныхъ портретахъ, къ чему поводомъ служили современныя историческія обстоятельства. Онъ въ особенности былъ живописцемъ Александра Великаго: картина, гдѣ онъ представилъ этого царя съ перуномъ въ рукѣ, пользовалась громкой славою.

За Апеллесомъ, во второй половинѣ четвертаго вѣка, слѣдуютъ: *Протогенъ* изъ карійскаго Кавна, отличавшійся тщательнѣйшей отдѣлкою и вѣрнѣйшимъ изученіемъ природы; *Теонъ Самосскій*, въ картинахъ котораго современники удвлялись живости фантазіи; *Никій Аѳинскій*, художникъ, старавшійся, какъ видно, соединить важность композиціи древнихъ аттическихъ художниковъ съ свѣжей силою развитаго искусства. Такъ въ особенности славилось его изображеніе царства мертвыхъ, по Гомерову описанію. — Далѣе: *Антифилъ*, примѣчательный особой склонностью къ тому роду живописи, который въ новѣйшее время называется *de genre*. Его произведеніемъ была красивая эффектная картина мальчика, раздувающего огонь, и изображеніе шерстодѣльной мастерской. *Ктезилохъ*, младшій братъ Апеллеса; изъ работъ его упоминается шутивое изображеніе рожденія Вахха изъ чреслъ Юпитера.

Съ третьяго столѣтія греческая живопись начала быстро упасть. Она была способна служить извращенной роскоши этой поединшей эпохи, но столько же способна и сама извратиться отъ этой роскоши. Оригинальными произведеніями этого времени были изображенія низкаго содержанія. Уже работы Антифла и Ктезлоха, упомянутыя выше, отзывались такимъ направлеиіемъ. Развилась живопись натуральная, отличенная названіемъ *рисураграфіи*, которой замѣчательнѣйшимъ художникомъ былъ Пирекъ. Онъ рисовалъ лавки цирюльничковъ и сапожниковъ, ослонъ, кухонный скарбъ, и тому подобное, все въ маломъ размѣрѣ и съ такою прелестью исполненія, что глазъ не могъ налюбоваться этими картинками.

Въ палатахъ вельможъ возрастала все больше и больше легкая декорационная живопись. Въ тоже время явился новый слуга роскоши, искусство *мозаическихъ картинъ*, когда отъ простыхъ узоровъ, составлявшихъ украшеніе половъ, перешли къ богатымъ предметнымъ изображеніямъ. Первымъ художникомъ, занимавшимся такого рода работами, считается *Созозъ Пергамскій*. Онъ живо представилъ на полу одной комнаты крошки насорившіяся подъ столъ за обѣдомъ; посрединѣ лохань, а по краямъ голубей, которые пили оттуда и грѣлись на солнцѣ. Въ Ватиканскомъ музеѣ находится древняя мозаическая копія этого средняго изображенія, вырытая въ Тиволи въ виллѣ Адриана. Обширное употребленіе мозаической работы доказывается въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что на парадномъ кораблѣ сиракузскаго царя Герона II полы разныхъ отдѣленій покрыты были мозаикою изображавшею всю басню Илиады.

Второстепенною, но весьма обширною отраслью греческой живописи является живопись на обожженныхъ глиняныхъ вазахъ. Этыхъ произведеній, какъ мы уже сказали, дошло до насъ безчисленное множество, потому что въ Италіи, особенно въ Этруріи, Кампаніи и Апуліи, въ Сициліи, также въ собственной Греціи они употреблялись на украшеніе могилъ и въ такихъ безопасныхъ мѣстахъ сохранились отъ разрушительности времени. Они составляютъ единственныя свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о временахъ самостоятельной греческой живописи; но оценивать послѣднюю по нимъ невозможно, ибо ихъ важность толь-

* См. въ особенности: *G. Kramer, Ueber den Styl und die Herkunft der bemalten griechischen Thongefässe.*

ко второстепенная. Они всё принадлежат низшему ремеслу; письменныя извѣстія древности почти не упоминаютъ о нихъ; имена мастеровъ, встрѣчающіяся на многихъ изъ нихъ, не согласуются съ именами художниковъ, подъ другими именами извѣстными или по-крайней-мѣрѣ никогда не намекаютъ на такія имена. Они состоятъ изъ простыхъ профильныхъ рисунковъ, и, что всего важнѣе, совершенно не имѣютъ характера полного художественнаго образованія, — даже въ лучшихъ изъ нихъ видны болѣе или менѣе поразительные недостатки, которые рѣшительно не позволяютъ ставить ихъ въ непосредственную связь съ особыми школами искусства. Не смотря на все это, они почти сплошь до того исполнены общаго художественнаго духа; въ общихъ отношеніяхъ въ нихъ проявляется такая даровитая обработка предметовъ, около которыхъ вращается греческое искусство вообще; такое живое чувство ясности формы, прелести и граціи, что именно они больше всего другаго, удѣлѣннаго намъ отъ древности, показываютъ художественное чувство, какое должно было проникать цѣлый народъ, которому принадлежатъ подобныя работы. Въ то же время они являются отнюдь не копіями или подражаніями болѣе важныхъ произведеній, — по-крайней-мѣрѣ позволяютъ предполагать только отрывочныя отношенія такого рода; напротивъ, въ нихъ повсюду выражается свѣжая наивность чувства и изобрѣтенія. Такимъ образомъ они стоятъ въ посредственномъ, но отнюдь не въ прямомъ отношеніи къ художникамъ и школамъ, приведеннымъ выше. Мы должны необинуясь предположить, что развитіе, произведенное этими художниками и школами, двигало съ собою и эту подчиненную отрасль искусства, что въ вазовой живописи для насъ удѣлѣн по-крайней-мѣрѣ общія начала такого развитія. И въ самомъ дѣлѣ оно такъ. Различныя степени развитія греческаго искусства являются здѣсь весьма характеристическимъ образомъ, который тѣмъ больше замѣтенъ, что тутъ натурально болѣе или менѣе устранены тѣ колебанія и видоизмѣненія, которыя въ другихъ отрасляхъ условливались личностями художниковъ. Потому не смотря на подчиненное положеніе вазовой живописи, она имѣетъ вдвойнѣ важное значеніе для исторіи греческаго искусства.

Древнѣйшей вазовой живописью надлежитъ считать ту, которая является *древне-дорицескою*, какъ по всей манерѣ ея исполненія, такъ въ особенности по формѣ сохранившихся на ней надписей. Обыкновенно ее называютъ несвойственнымъ именемъ

«эгипетской» или «эгиптизированной». Коринѣи, одно изъ главныхъ мѣстъ дорического племени, съ глубокой древности славился однимъ изъ главныхъ пунктовъ вазовой фабрикаціи, и такимъ образомъ промышленность этого города можетъ считаться средоточіемъ искусства, о которомъ идетъ рѣчь. Кажется однако жъ, что только немногія изъ уцѣлѣвшихъ вазъ могутъ быть древнѣе пятого вѣка. Вазы обыкновенно имѣютъ сжатую округлую форму и матовую, свѣтло-желтую краску, на которой нарисованы фигуры черноватой, красной, фіолетовой краскою. Фигуры по большой части состоятъ изъ арабесковатыхъ фигуръ животныхъ, иногда и человѣческихъ, расположенныхъ рядами одѣвъ подъ другими и одѣвъ подлѣ другихъ. Такимъ образомъ, цѣлое имѣетъ характеръ разнообразнаго украшенія, не глядясь повидимому за высшимъ значеніемъ. Стилъ суровый и условный, однакожъ часто не чуждъ опредѣленности и отчетливости.

Но сказанныя вазы составляютъ только весьма небольшую часть всего огромнаго запаса такихъ памятниковъ. Во всѣхъ прочихъ, за исключеніемъ немногихъ, которыя рѣшительно принадлежатъ не греческой, а этрусской технику, какъ въ характерѣ надписей, такъ и въ предметахъ — принадлежащихъ баснословію или представляющихъ нравы и обычаи жизни — господствующимъ является *аттический* элементъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что эти вазы работали въ самыхъ *Афинахъ*, гдѣ онѣ приготовлялись какъ товаръ, на который бывалъ большой запросъ. Надо вспомнить, что Афины также съ раннихъ поръ славилась обширной горшечной промышленностью. По стилю и исполненію живописи, находящейся на этихъ аттическихъ вазахъ, онѣ раздѣляются на различные разряды, весьма характеристическіе для исторіи развитія искусства. Главнѣйшіе разряды слѣдующіе:

а) Разрядъ *древняго стиля*, обнимающій тѣ работы, которыя относятся къ періоду съ начала пятого вѣка до 460 г., слѣдовательно къ эпохѣ непосредственно предъ Полигнотомъ. Форма вазъ гораздо благороднѣе, чѣмъ у древне-дорическихъ; у нихъ грунтовый цвѣтъ красный, и фигуры нарисованы на немъ черной краскою какъ силуэты, — однакожъ женскія фигуры рисовались бѣлой краскою; внутреннія очертанія намѣчены острымъ орудіемъ, а у женскихъ фигуръ черными линиями. Сюжеты изображеній сцены серьезнаго богослуженія либо яраго вакхическаго поклоненія, героическіе подвиги, атлетическія упражненія. Стилъ соответствуетъ древнѣйшему искусству въ его строжайшей

суровости, точно также как напр. въ древнѣйшихъ египетскихъ мотонахъ, только пропорціи обыкновенно по-глубже; въ пологидіяхъ постоянно преобладаетъ нѣчто терпливое и насмѣшливое. Разумѣется въ частностяхъ есть много индивидуальной, которая отчасти свидѣтельствуетъ шаги впередъ къ извѣстному проявленію стиля.

Въ слѣдующихъ разрядахъ есть та общая черта, что въ нихъ ваза является окрашеною въ самомъ своемъ матеріалѣ и изъ черной массы ея выступаютъ фигуры краснаго цвѣта, при чемъ внутреннія очертанія ихъ обозначены чернымъ.

б) Разрядъ *суроваго стиля*, принадлежащій вѣку Пелопоннота, между 460 и 420 годовъ. И здѣсь еще просвѣчиваетъ древнѣйшій характеръ, въ частностяхъ близко сходный съ работами пердаго разряда; однако жъ, по большей части смягченный пріятнымъ образомъ. Крутость и насильственность той прежней живописи исчезаетъ, вмѣсто ея является выраженіе спокойнаго достоинства, вся отдѣлка представляется гораздо вольнѣе и красивѣе. Тому же соответствуютъ и предметы изображеній, которые выбраны вѣжливѣе и веселѣе.

в) Разрядъ *прекраснаго стиля*, принадлежащій первому цвѣтущему періоду греческой живописи, отъ 420 до 380 года. Въ работахъ этого стиля обнаруживается печать свободнаго художественнаго развитія: совершенная твердость образованія, непринужденное положеніе, самостоятельное исполненіе одеждъ, а болѣе всего отпечатокъ того высокаго благородства и той отчетливой мѣры, которыя повсюду характеризуютъ совершенство греческаго духа. Предметы изображеній сходны съ предметами предъидущаго разряда, формы вазъ очень гладкія, грунтъ отличается яркимъ свѣтлымъ тономъ и лоскомъ черной краски.

д) Разрядъ *богатаго стиля*, принадлежащій преимущественно позднѣйшимъ годамъ четвертаго столѣтія. Вазы, на которыхъ находятся эти работы, по большей части блестящей формы и значительнаго размѣра, покрытыя фигурными композиціями и орнаментами; въ рисункѣ фигуръ господствуютъ вѣжливныя черты, въ одеждѣ ихъ обыкновенно обозначено богатое убранство, выраженное также цвѣтной прибавкою. Послѣднія два обстоятельства можно считать плодомъ вліянія іонической школы живописи. Изображенія относятся частію къ мистическимъ обрядамъ, частію указываютъ на назначеніе вазъ въ надгробныя памятники. Исполненіе сначала все еще оригинально замысловато, но рядомъ съ стремленіемъ къ богатству и пышности обнаруживается

уже больше небрежная техника. Такъ въ особенности черныя цѣвъ грунта уже терять прежнюю густоту и прежній лоскъ. Во всемъ уже видѣется начало искаженія искусства. А къ лучшимъ экземплярамъ этого рода надо присоединить многіе другіе, гдѣ искусство постепенно сходитъ до грубой неуклюжести и до совершенной незначительности; такъ что въ подобныхъ работахъ видимъ передъ собою окончательное паденіе этой отрасли искусства. Кажется, это можно отнести къ эпохѣ около 200 года до Рождества Христова.

—

Стѣнная живопись Геркулана и Помпей * получаетъ свое значеніе въ исторіи греческой живописи отъ другихъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя бросаются въ глаза при вазовой живописи. Она представляетъ намъ единственную точку опоры для какаго бы то ни было познанія законовъ композиціи древнихъ картинъ, ихъ красокъ и тѣней. Но и относительно этихъ произведеній уже замѣчено выше, какое мѣсто занимаютъ они въ отношеніи къ утраченнымъ мастерскимъ твореніямъ собственно греческаго цвѣтущаго періода. Въ 79 году по Рождествѣ Христовѣ Геркуланъ и Помпей погибли отъ изверженія Везувія; если примемъ, что большая часть живописи дѣлана значительно раньше этого событія, то все же принадлежитъ уже къ такой эпохѣ, когда греческое искусство перенесено было въ средоточіе римскаго владычества и потерпѣло тутъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Такимъ образомъ, если бъ до насъ дошли какія-нибудь другія чисто греческія живописи, мы говорили бы объ этой стѣнной живописи въ другомъ мѣстѣ, на ряду со скульптурами той же позднѣйшей эпохи. Но какъ этого нѣтъ, то онѣ должны вознаграждать намъ недостатокъ, и могутъ поэтому быть полезны, потому-что въ сущности онѣ все-таки носятъ отпечатокъ дѣйствительно греческаго созданія. Многія изъ нихъ, конечно важнѣйшія, должно въ то же время считать за копія древнѣйшихъ мастерскихъ произведеній, потому-что композиція по большей части весьма значительная и изобрѣтеніе часто составляетъ очень замѣтную противоположность съ исполненіемъ. То же подтверждается обстоятельствомъ, что нѣкоторыя композиціи (напримѣръ Персей и Андромеда) повторяются между ними многократно въ одномъ и томъ же видѣ, развѣ съ незначительно сла-

* Изъ различныхъ снимковъ обширѣйшими и наиболѣе характерными можно считать очерки въ Museo Borbonico.

быми измѣненіями. Выше мы уже указали и на извѣстную небрежность исполненія, такъ-какъ они назначались преимущественно только для украшенія комнатъ — и притомъ въ городахъ второстепеннаго разряда. Но не смотря на небрежность, исполненіе въ общихъ отношеніяхъ почти вездѣ такъ искусно, обличаетъ такое живое чувство, что и тутъ проявляется чисто одушевленное художественное чувство, проникавшее всю греческую образованность и почти непостыжимое для нашей познавательной слабости.

Значить, въ стѣнныхъ картинахъ Помпей и Геркулана мы находимъ хотя отблескъ послѣдней поры развитія греческой живописи. Встрѣчаемъ явленія, которыя можемъ считать за воспоминанія самаго цвѣтущаго періода; встрѣчаемъ такія, которыя имѣютъ непосредственную печать позднѣйшаго греческаго характера, и такія, которыя можетъ-быть принадлежать уже италійскому (римскому) развитію. Относительно техники замѣтимъ, что картины писавы собственно *al fresco* (особеннымъ образомъ этой техники, который хотя былъ способенъ производить прекрасный блескъ красокъ, но уже самъ по себѣ условливалъ небрежное исполненіе), что темперныя краски употреблены въ нихъ очень въ малой мѣрѣ, и что есть нѣсколько примѣровъ мозаическихъ картинъ. Мозаики употреблялись частію для половъ, частію тоже на стѣнныя картины, которыхъ въ новѣйшее время, (въ 1839 году), найдено въ Помпеяхъ три. Сверхъ того въ Геркуланѣ найдены четыре мраморныя доски, на которыхъ пахотятся рисунки вапомъ. Относительно древней манеры рисунка они имѣютъ уже весьма значительный интересъ (большій, чѣмъ рисунки вазъ), потому что состоятъ изъ весьма опредѣленныхъ и точныхъ очертаній, выполненныхъ съ утонченнымъ чувствомъ и соединенныхъ съ нѣжисй тушевкой. — Большая часть этихъ предметовъ находится теперь въ неаполитанскомъ музеѣ.

Важнѣйшая стѣнная живопись, — та, которая находится на главныхъ мѣстахъ стѣвъ, — принадлежитъ преимущественно къ области греческихъ мѣновъ, и гораздо рѣже къ явленіямъ дѣйствительной жизни. Она состоитъ частію изъ такъ называемыхъ историческихъ, болѣе или менѣе драматически развитыхъ композицій, частію изъ такихъ, которыхъ характеръ больше декоративный, то есть въ которыхъ дѣло идетъ больше о пріятности формы, чѣмъ о внутреннемъ значеніи содержанія. Объ изобрѣтеніи и исполненіи этихъ произведеній слѣдуетъ вообще повторить то, что уже было сказано о цѣломъ характерѣ грече-

ской живописи. Исполненіе весьма различно; несмотря на преобладающую небрежность, то или другое произведеніе иногда образуется въ очень гармоническое цѣлое, иногда въ немъ развивается прекрасный, полный и ровный колоритъ. Картинами, напоминающими благороднѣйшія произведенія искусства, можно между прочими назвать слѣдующія: Ахиллесъ, у котораго отнимаютъ Бривенду; Медея, помышляющая объ убійствѣ дѣтей,—нужды нѣтъ, что эта картина есть, какъ справедливо полагаютъ, копія съ картины позднѣйшаго художника, Тимомеха, жившаго въ послѣднемъ вѣкѣ до Рождества Христова;—Кассандра, сидящая предъ Аполлономъ, — къ сожалѣнію, эта прекрасная картина уже стерлась; Зефиръ и Флора (другими называется иначе); Елена, возвращаемая Менелая; Хиронъ и Ахиллесъ, и прочія. Нѣкоторыя картины, подобно упомянутому выше Жертвоприношенію Ифигеніи, больше кажутся слабыми копіями лучшихъ произведеній. Изъ болѣе декоративныхъ фигуръ и группъ замѣтитъ чрезвычайно прелестныя работы: множество мелкихъ фигуръ танцорокъ, группъ мужскихъ и женскихъ Кентавровъ, женщинъ на химерическихъ животныхъ, вакханокъ и тому подобное,—все картины, въ которыхъ довольно ясно выказывается позднѣйшее направленіе греческаго искусства. — Тутъ же приведемъ и ту знаменитую мозаику, которая найдена въ 1831 году на полу одной комнаты въ Помпеяхъ, и которая представляетъ одно изъ Александровыхъ сраженій, кажется, сраженіе при Иссъ. — Въ этой картинѣ развивается дѣйствіе, исполненное смѣлѣйшей жизни; но сжатая, почти безтолковая композиція уже далека отъ размѣрнаго стиля греческой дѣвственной поры и, кажется, можетъ служить характеристической чертою эпохи, слѣдующей тотчасъ за смертью Александра Великаго.

Подлѣ этихъ главныхъ картинъ, на боковыхъ поляхъ, особенно на поколѣ стѣпъ, находятся другія изображенія, представляющія множество разныхъ предметовъ. По большей части эти картины исполнены еще гораздо небрежнѣе главныхъ, но также имѣютъ большой интересъ, какъ образчики второстепенныхъ направленій позднѣйшихъ временъ античной живописи. Частію это красивыя *дѣтскія забавы*, аморины и гении, которые въ прелестныхъ играхъ подражаютъ суетѣ обыкновенной жизни; частію *комико-пародическія сцены*, представляющія карлъ, которые съ добрымъ юморомъ занимаются дѣлами обыкновенной жизни; таково особенно изображеніе одной мастерской живописца, очень забавная картина. Частію дѣйствительная *рисунокъ*, но весь-

ма незначительная, такъ что объ ней едва можно сказать что-либо особенное. Частію *ландшафты*, по большой части писанные также очень небрежно; тутъ преобладаетъ изображеніе архитектуръ, но попадаются и такія картины, гдѣ, при нѣскольکو тщательнѣйшемъ исполненіи, предметомъ служитъ собственно ландшафтная природа, исторически вѣрно взятая по рисунку и краскѣ. Изъ новѣйшихъ произведеній ихъ можно сравнить съ ландшафтами Николая Пуссена. Частію такъ называемая *безсложная жизнь*, животныя, плоды, утварь и тому подобное. Всѣ эти предметы рисованы вольно и смѣло, но съ большой натуральностью и иногда образуютъ цѣлое, прилично оконченное.

Наконецъ, остается упомянуть еще объ изображеніяхъ фантастическихъ архитектуръ, тонкихъ тростевидныхъ колоннъ, которыя воздушно летятъ вверхъ, игриво соединены легкими перекладинами и разукрашены различнымъ образомъ. Они частію составляютъ пріятную рамку для главныхъ полей стѣнъ, частію организуются въ самостоятельную декорацию. Въ этихъ нарядныхъ картинахъ выражается живая и богатая, хотя игривая фантазія. Кажется, однако жъ, что они принадлежатъ только позднѣйшей эпохѣ Августа *.

* Судя по словамъ Витрувія, VII, 5. При необыкновенно прозаическомъ взглядѣ на искусство, который вездѣ виденъ у Витрувія, нечего удивляться, что подобное нововведеніе въ стѣнную живопись, — какъ онъ называетъ эти арабесковидныя архитектуры, — кажется ему большой торчюю искусъ.

ЗАПИСКИ О РОССИИ.

=

Много и дѣльнаго и пустаго писано о Россіи. Такое огромное государство изучается не скоро; и чтобъ составить основательное его описаніе, приготовить богатые матеріалы для его географіи и статистики, для этого необходимо опуститься въ хаосъ разнородныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, часто не полныхъ, не основательныхъ, одностороннихъ, въ хаосъ монографій, безпрестанно повторяющихся одна въ другой, и въ огромныхъ томахъ, чрезвычайно медленно подвигающихъ науку впередъ. Однако жъ и это едва замѣтное движеніе впередъ весьма важно для насъ.

Все что теперь пишутъ о Россіи по части ея географіи и статистики, — все это только матеріалы, только взгляды съ различныхъ точекъ на одинъ и тотъ же предметъ. Въ кругу этихъ матеріаловъ и взглядовъ всего замѣчательнѣе труды тѣхъ, которые имѣли случай лично наблюдать разнообразныя мѣстности государства. Какъ бы ни были слабы дарованія такихъ людей, все же они могутъ подвѣстить въ мѣстности и народной жизни что-нибудь новое, пополняющее пробѣлы статистическихъ и географическихъ свѣдѣній. А этихъ пробѣловъ чрезвычайно много! такъ много, что въ настоящее время у насъ нѣтъ еще ни географіи, ни статистики Россіи.

Привода въ извѣстность результаты нашихъ поѣздокъ по Россіи, мы имѣемъ въ виду увеличить запасъ географическихъ свѣдѣній объ отечествѣ, запасъ чрезвычайно бѣдавый. Имѣвъ случай видѣть и изучать, по мѣрѣ возможности, разнообразныя мѣстно-

сти, мы считаемъ долгомъ способствовать нашими записками развитію науки отечественной географіи. Обзоръ главнѣйшихъ источниковъ, съ помощію которыхъ можно познакомиться съ географіей, этнографіей и статистикою Россіи, вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что настоящая пора есть пора географическихъ, а не статистическихъ изслѣдованій о Россіи. Для послѣднихъ необходимо много предварительныхъ работъ. Все, что писано о Россіи, по части статистики, можно раздѣлять на два главные отдѣла: на труды частныхъ лицъ и труды правительства. Всѣ чисто статистическіе труды частныхъ лицъ, не болѣе какъ разработка данныхъ, собираемыхъ правительствомъ. Достоинства и недостатки этихъ трудовъ обуславливаются достоинствами и недостатками самыхъ данныхъ. У насъ до-сихъ-поръ еще возбужденіе и направленіе разнообразныхъ видовъ народной дѣятельности принадлежитъ правительству. Если вы видите, что оно съ усиліемъ дѣйствуетъ на какомъ-нибудь поприщѣ, это значитъ, что предметъ его дѣйствія еще не разработанъ, не поставленъ на ноги. Покуда фабрикація писчей бумаги была у насъ въ младенчествѣ, до тѣхъ-поръ существовала казенная фабрика въ Петергофѣ; развилась эта фабрикація, и правительство уничтожило свое заведеніе какъ отжившее, выполнившее свое назначеніе. При статистическихъ изслѣдованіяхъ о Россіи, изслѣдованія еще новыхъ, неустановившихся, русское правительство также главный дѣятель. Административныя ли нужды, пользы ли науки вызвали его къ ученой дѣятельности, результаты почти одни и тѣ же. У насъ въ каждомъ министерствѣ есть бюро для собранія статистическихъ свѣдѣній. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для этой цѣли учреждено даже особое отдѣленіе. Заботясь о удовлетвореніи административныхъ потребностей каждаго министерства, правительство, покуда, еще не учредило общаго центрального депо, куда бы стекались всѣ статистическіе матеріалы, для сліянія ихъ въ одно цѣлое, для критической оценки знатоками дѣла. Отъ недостатка центрального статистическаго депо у насъ нѣтъ общаго двигателя, дающаго ученое направленіе всѣмъ статистическимъ изслѣдованіямъ, производящимся въ государствѣ. Каждое министерство дѣйствуетъ сообразно своимъ нуждамъ и своимъ средствамъ. Такой способъ собранія статистическихъ данныхъ, по каждому министерству особо, имѣетъ большія выгоды. Если со временемъ правительству угодно будетъ учредить центральное статистическое депо, то оно, сколько можно теперь судить, пользуясь значеніемъ высшаго правительственнаго мѣста, принесетъ необъятную пользу и для администраціи, и для

науки. Это дело обнаруживало бы мѣстные нужды, выставляло бы на вид то направленіе, которое принимаютъ разныя общественныя силы и учрежденія: оно установило бы правила для собиранія статистическихъ свѣдѣній, полезныхъ и помѣщику, и купцу, и фабриканту. Тогда могла бы, на прочныхъ основаніяхъ, установиться и частная дѣятельность. Но покуда центральнаго статистическаго депо нѣтъ, покуда статистическія данныя собираются безъотчетно, и людьми не подготовленными; до тѣхъ-поръ всѣ статистическія работы частныхъ людей не приносятъ той пользы, которую можно бы отъ нихъ ожидать.

Изъ этого ясно видно, что настоящая наша обязанность, собирать наибольшее число географическихъ свѣдѣній, основанныхъ на наблюденіи, и стараться, по мѣрѣ возможности, очищать статистическія данныя, выходящія изъ первыхъ рукъ, чтобы они, хотя сколько нибудь, выражали состояніе государства въ извѣстный періодъ времени. Этого требуетъ польза науки, успѣхи которой тѣсно связаны съ народнымъ благосостояніемъ. Чтобы имѣть вѣрные статистическіе источники, надобно для этого создать способныя первыя руки, и съ помощію ихъ опредѣлить мѣру и количество государственныхъ силъ. А теперь, трудно даже открыть невѣрность статистическихъ данныхъ, потому что нѣтъ прочныхъ основаній для соображеній. Земля наша не только не кадастрована, даже съ точностію не измѣрена; количество полей, луговъ, лѣсовъ опредѣлено еще во время генеральнаго межеванія, и то не совсѣмъ достоверно; способы исчисленія народонаселенія чрезвычайно сбивчивы. При недостоверности нынѣшнихъ способовъ собиранія статистическихъ данныхъ, невозможно рѣшиться употребить эти данныя для какого нибудь практическаго примѣненія. Займемся же заготовленіемъ для нашей статистики географическихъ матеріаловъ, займемся тѣмъ, что доступно для частной дѣятельности, что основано на мѣстныхъ наблюденіяхъ. Намъ кажется, что самый лучший порядокъ для записокъ о Россіи, описывать ее по губерніямъ. Между нѣкоторыми изъ нихъ есть много общаго, но еще болѣе въ каждой особеннаго, мѣстнаго, не принадлежащаго той полосѣ, въ которой губернія находится. Отправившись, напримеръ, въ сѣверный край Россіи, можно много написать объ этомъ краѣ вообще, но все же придется говорить и о каждой губерніи порознь. Даже характеръ мѣстности, напримеръ, Вологодской губерніи совсѣмъ не тотъ, что Олонецкой, и уже вовсе не похожъ на побережье Ледовитаго Океана. Какъ ни близки по географіи

ческому положенію, напримѣръ, тверская и костромская губернія, но между жизнью народонаселенія той и другой есть рѣзкіе отлѣнки, такъ что описывать ихъ подъ общей рубрикой Верхневолжскихъ губерній почти не возможно. Не объщая многого, на первый разъ, подѣлюсь съ читателемъ своими замѣтками о губерніяхъ верхневолжскихъ — тверской, ярославской и костромской.

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

I. мѣстность.

При взглядѣ на карту Россіи, Тверская губернія бросается въ глаза по своему счастливому географическому положенію. Природа, почти лишивъ эту губернію естественныхъ богатствъ, щедро наградила всѣми условіями для самой разнообразной дѣятельности. Главнѣйшее изъ этихъ условій сосредоточеніе водъ, разливающихся отсюда во всѣ концы обширной Россіи. Такое мѣстоположеніе губернія сдѣлало ея жителей посредниками между Востокомъ и Западомъ, указало имъ попріще для дѣятельности — передавать богатства одного края другому, и если достаточно рукъ — обрабатывать сырыя произведенія Востока для передачи ихъ Западу, и на оборотъ. Обстоятельства второстепенныя, повидимому случайныя, развили направленіе дѣятельности Тверитявъ, указанное имъ природою. Здѣсь, въ самыя отдаленныя, почти до-историческія времена, производилась мѣна товаровъ между среднею Азією и сѣверо-восточною Европою. Тогда главными торговыми пунктами были съ одной стороны Новгородъ, съ другой Атель и Булгары. Безъ сомнѣнія, на верхнихъ частяхъ Волги, или на которомъ нибудь изъ ея притоковъ, были и славянскія торговыя поселенія; по крайней мѣрѣ теперь въ уѣздахъ Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ, въ особенности по теченію Мологи, находятся слѣды, намекающіе на прежнюю населенность и исчезнувшую торговую дѣятельность того края. Множество находимыхъ въ тверской губерніи восточныхъ монетъ девятаго и десятаго столѣтій несомнѣнно доказываютъ, что тамъ нѣкогда бывало большое стеченіе разноплеменныхъ торговцевъ,

и что любопытное зрѣлище, представляемое намъ въ настоящее время нижегородскою ярмаркою, хотя конечно въ меньшемъ размѣрѣ, не чуждо было древнимъ обитателямъ тверской и ярославской губерній. Намѣстіе Монголовъ, прервавъ торговлю Востока съ Западомъ, прервало и дѣятельность Тверитянъ; пока наконецъ мощная рука Петра Великаго, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, по основаніи Петербурга и по прорытіи вышеволоцкихъ каналовъ, снова не вызвала ихъ на прежнее поприще. Съ этого времени верхневолжская торговля оживилась, и развиваясь съ каждымъ годомъ, въ настоящее время сосредоточиваетъ въ себѣ торговую дѣятельность большей части Имперіи. Положеніе губерній между Москвою и Петербургомъ также способствуетъ развитію ея торговой дѣятельности. Оно доставляло бы ей еще болѣе выгоду, если бь обрабатывающая промышленность этой губерніи стояла на высшей степени; но здѣшнія фабрики и заводы еще не довольно развиты, частью отъ того, что много рукъ занято судоходствомъ и извозомъ, частью отъ недостатка капиталовъ. Самые значительные фабрики и заводы сосредоточены въ рукахъ купцовъ, которые, извлекая большія выгоды изъ торговли хлѣбомъ и пенькою, рѣдко употребляютъ свои средства на другія вѣтви промышленности; помѣщики же болѣею частью нуждаются въ деньгахъ. Такимъ образомъ одна сторона промышленной жизни народа, транзитная торговля, развилась, между-тѣмъ какъ другая, мануфактурная дѣятельность, еще требуетъ развитія. Застой этой дѣятельности зависитъ, быть можетъ, и оттого, что въ Россіи вообще недовольно развито техническое направленіе образованія, безъ котораго усовершенствованіе обрабатывающей промышленности трудно и для столицъ, а тѣмъ болѣе для провинціи. Въ настоящее время важнѣйшія изъ заведеній, обрабатывающихъ привозныя произведенія — ржевскія пенькопрядильни, оставшковскіе кожевенные и тверскіе желѣзные заводы. Главнѣйшія мѣстныя богатства состоятъ въ лѣсѣ и известковомъ камнѣ: и то и другое сбывается частью въ Петербургъ, частью въ сосѣднія губерніи; лѣсъ, кромѣ того, въ огромномъ количествѣ употребляется какъ топливо на здѣшнихъ стеклянныхъ и мыловаренныхъ заводахъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ точку, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на народную дѣятельность въ губерніи и на естественныя ея средства, давшія направленіе этой дѣятельности, мы бросимъ взглядъ на мѣстность губерніи, на ея народонаселеніе, и опредѣлимъ въ какой мѣрѣ это народонаселеніе пользуется своей

нѣстностию и въ какой мѣрѣ правительство своими постановленіями помогаетъ перенаселенію извлекать изъ нѣстности наибольшія выгоды.

Тверская губернія, по опредѣленію Швейцера, лежитъ между 58° 53' и 55° 54' сѣверной широты и 46° 33' и 56° 4' восточной долготы. На сѣверъ и сѣверо-западъ она примыкаетъ къ повгородской губерніи, на востокъ — къ ярославской и владимірской, на югъ — къ московской и смоленской, на западъ къ исковской. Значитъ она лежитъ въ средней половѣ Россіи, бѣдой природою, гдѣ человѣкъ искони боролся съ нуждою и съ незапамятныхъ временъ вынесъ изъ этой борьбы терпѣніе и смѣлливость, умѣнье съ самыми малыми средствами жить прихвально, не покупая хлѣба и добывая деньги промысломъ.

До преобразованія губерній въ 1776 году въ одно изъ первыхъ намѣстничествъ имперіи, она составляла часть огромной новгородской губерніи и также часть московской. Всѣ нынѣшніе уѣзды тверской губерніи входили въ ея составъ, съ прибавленіемъ еще краснохолмскаго уѣзда, который впоследствии былъ упраздненъ. Корчевскій уѣздъ образовался въ 1781 году. Теперь тверская губернія состоитъ изъ двѣнадцати уѣздовъ: тверскаго, вельегонскаго, бѣжецкаго, вышневолоцкаго, кашинскаго, корчевскаго, оставинскаго, новоторжскаго, старицкаго, ржевскаго и зубцовскаго. Каждый уѣздъ раздѣляется на два стана. Государственные нѣвѣи раздѣляются на семь округовъ; удѣльные на семь приказовъ и одно отдѣленіе.

Пространство тверской губерніи съ точностію опредѣлить невозможно, потому что въ ней еще до-сихъ-поръ не было топографической съемки. Странно! вѣтъ клочка земли, который бы кому-нибудь не принадлежалъ, на каждую десятину, на каждую сажень пространства есть владѣльческіе акты, а между-тѣмъ не знаемъ точной мѣры поверхности губерніи. По табелямъ нежевой канцеларіи въ губерніи считается 55,200 квадратныхъ верстъ, по статистическому отчету гражданскаго губернатора, за 1845 годъ, въ ней 54,151 квадратная верста, по Швейцеру 59,192 квадратныхъ верстъ. Между первой и послѣдней цифрами разницы 3,922 квадратныхъ верстъ.... гдѣ эта земля? чья она? и отчего такая ужасная разнища? Прежде нежели наука открыла и указала средства измѣрять поверхность земли съ математическою точностію, эта поверхность была занята и раздѣлена по праву владѣнія, расположеніемъ на ней народонаселеніемъ. Переходы неземельной собственности отъ одного лица къ другому и раздробленіе ея

перевутало межи, ни на чемъ не основанныя, кромѣ давности, и породило частыя споры между земледѣльцами, вслѣдствіе чего въ 1765 году учреждено генеральное межеваніе. По генеральному межеванію разграничили губерніи и уѣзды и провели общія окружныя межи, внутрѣ которыхъ заключаются земли разныхъ владѣній. Этими линиями поверхность края раздѣлялась на большія и равныя части, которыя потомъ начали разбиваться посредствомъ *спеціального* межеванія на меньшія части, представляющія отдѣльныя владѣнія разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Спеціальное межеваніе въ опредѣленіи границъ отдѣльныхъ владѣній, которыхъ совокупность должна составлять такую поверхность, какая опредѣлена окружною межею въ каждой мѣстности, должно было основаться на правахъ поземельныхъ владѣльцевъ, правахъ образовавшихся исторически и выраженныхъ въ документахъ не однообразно, часто весьма неопредѣленно. Надобно было, чтобы въ границахъ, опредѣленныхъ генеральнымъ межеваніемъ непремѣнно вмѣстилось количество владѣльческихъ земель, опредѣленное актами. Иначе, то или другое приходилось урѣзывать, добавлять... и такого рода приваровленія мѣстности къ планамъ до-сихъ-поръ допускаются. Гдѣ же тутъ прочныя основанія для опредѣленія пространства государства? Притомъ и генеральное межеваніе еще неокончено. Стало быть способъ опредѣленія поверхности по генеральному межеванію не вѣренъ. Но не совѣтъ вѣренъ и повѣйшій способъ Швейцера опредѣленія поверхности государства на основаніи спеціальной карты части Россіи, составленной подъ надзоромъ генерала Шуберта. Конечно, главнѣйшіе пункты этой карты навесены вслѣдствіе астрономическихъ наблюденій, многія мѣстности сняты съ топографическихъ съемокъ, но многія, а не всѣ. Большая часть спеціальной карты составлена по тѣмъ же межевымъ планамъ, въ неутвержденности которыхъ теперь уже никто не сомнѣвается, и по рекогносцировкамъ; а очертанія границъ губерній и уѣздовъ почти всѣ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были топографическія съемки), означены на основаніи генеральнаго межеванія. Притомъ, спеціальная карта окончена назадъ тому пятнадцать лѣтъ, втеченіи которыхъ топографическія съемки далеко подвинулись впередъ... Вотъ отъ этихъ-то съемокъ и должны мы ожидать вѣрнаго опредѣленія поверхности государства, а до того времени можемъ давать ей только приблизительныя цифры. Впрочемъ, для науки еще не большая бѣда отъ нѣкоторой неутвержденности въ общемъ итогѣ пространства губерній. Несравненно важнѣе то, что мы почти вовсе не знаемъ распредѣленія земли по

ей качеству, не знаем сколько ее подъ волнами, лугами, лѣсами, и тому подобное. Цифры, къ которымъ часто прибѣгаютъ наши статистики для пополненія этого пробѣла, имѣютъ только историческое значеніе, показывая отношеніе этихъ подраздѣленій земли во время межеванія... Послѣ того, втеченіи почти цѣлаго вѣка, народонаселеніе Россіи едва ли не удвоилось, слѣдовательно и отношеніе между подраздѣленіями земель не могло не измѣниться; объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе при описаніи промышленности тверской губерніи.

Поверхность составляетъ возвышенную плоскость, почти ровную и вѣсколку волнообразную въ уѣздахъ старинномъ, зубцовскомъ, весьегономъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ тверскаго, новоторжскаго, вышневолоцкаго и бѣжецкаго. Сѣверныя части оstashковскаго, вышневолоцкаго и частью весьегонскаго уѣздовъ представляютъ большею частью мѣстность закрытую и пересѣченную большими лѣсами, гористыми пространствами, болотами, озерами и озерными протоками. Новоторжскій уѣздъ представляетъ большею частію мѣстность открытую, на которой разсѣяны небольшіе отдѣльно стоящіе лѣса, или лучше сказать, рощи. Въ весьегономъ, за исключеніемъ гористыхъ частей, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, мѣстность ровная, въ сѣверо-восточной части сплошь покрытая лѣсомъ, а около города Краснаго Холма открытая. Въ бѣжецкомъ восточная часть открыта и слегка волнообразна, западная и южная къ границѣ корчевскаго уѣзда сплошь занята лѣсами, растущими преимущественно на болотистой почвѣ. Прочіе уѣзды, находящіеся по теченію Волги, имѣютъ мѣстность по большей части открытую и ровную. Сѣверная часть корчевскаго уѣзда богата обширными болотами.

Самая возвышенная часть — сѣверо-западный ея край, составляющій часть обширной плоской возвышенности, изъ которой берутъ начало величайшія рѣки европейской Россіи, принадлежащія къ бассейнамъ морей Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго. Здѣсь узелъ счастливаго распредѣленія водъ для цѣлой имперіи, здѣсь источникъ того значенія, которое имѣетъ губернія въ промышленномъ отношеніи. Названіе плоской возвышенности не совсѣмъ прилично для этого края, потому что большая часть его перерѣзана горными краями и вездѣ имѣетъ мѣстность волнообразную. Такъ какъ въ губерніи не было произведено никакихъ барометрическихъ измѣреній, то о высотѣ горъ нельзя сказать ничего положительнаго; для простаго же глаза поверхность гу-

Вершин представляется совершенно въ ошибочномъ видѣ, потому что самыя высокія ея горы, имѣя весьма пологія покатости, кажутся ниже небольшихъ холмовъ со значительными крутизнами и возвышающихся отдѣльно надъ равнинами. Вершины горъ, непокрытыя лѣсомъ, заняты селеніями и пашнями; грунтъ ихъ глинистый, песчано-глинистый и у немногихъ небольшихъ холмовъ чистый песокъ. Скалы известковаго свойства находятся только по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ; утесистыхъ же горъ нигдѣ нѣтъ.

Форма сочетанія горныхъ кражей тверской и новгородской губерній, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ важное значеніе въ географіи Россіи, опредѣляя направленіе и мѣру паденія главнѣйшихъ артерій промышленной жизни государства. По этому кажется не излишне войти въ нѣкоторыя подробности описанія горъ губерній, изъ которыхъ значительнѣшія суть покатости валдайскаго края и отрасли возвышеній, проходящихъ по боровицкому и устюжскому уѣздамъ новгородской губерній. Разсмотримъ эти горныя кражи.

А. Отрасль Валдайскихъ горъ, выходя изъ валдайскаго и крестецкаго уѣздовъ, направляется на юго-западъ, къ озеру Велью и селу Полнову, на сѣверной оконечности озера Селнгеря. При селѣ Полновѣ она раздѣляется на двѣ вѣтви. 1) Первая изъ нихъ направляется къ границѣ демьянскаго и осташковскаго уѣзда къ деревнѣ Межникамъ, отдѣляя отъ себя нѣсколко небольшихъ вѣтвей на сѣверо-западъ, въ демьянскій уѣздъ; отъ Межниковъ она идетъ по прямому направленію на югъ къ озеру Селнгеру, къ которому подходятъ на пространствѣ отъ березовскаго къ Сопкамъ и оттуда, огибая верховья рѣки Волги, дѣлаетъ эту часть осташковскаго уѣзда весьма гористою на пространствѣ двадцати пяти верстъ до деревни Пупокъ, по протяженію старорусской дороги. Эти горы, вообще называемыя *Ревеницкими*, состоятъ изъ множества не высокихъ холмовъ, имѣющихъ небольшое основаніе, но крутые спуски; по нимъ растетъ много мелкаго и рѣдкаго сосноваго лѣсу, грунтъ ихъ песчано-глинистый, овраги болотисты. Обогнувъ истоки Волги, Ревеницкія горы направляются къ тому мѣсту, гдѣ сходятся границы новгородской, псковской и тверской губерній, къ погосту Доброму, откуда опять расходятся по нѣсколькимъ направленіямъ. Одно изъ нихъ проходитъ къ озеру Видляну и Отолову, и въ окрестностяхъ Москвы высокими хребтомъ отдѣляетъ, на ширинѣ двухъ верстъ, эти два озера, принадлежащія къ двумъ различнымъ системамъ: за-

надно-двинской и волжской. Отъ Видвина горы постепенно низжаясь, проходятъ въ торопецкій уѣздъ, и описавъ дугу, ограничивающую съ запада довольно ровное, покрытое лѣсами и отчасти болотами пространство около рѣчекъ Волкоты и Жабера, образуютъ высокіе берега Западной Двины, на соединеніи границъ псковской, тверской и смоленской губерній. Отъ Видвина идетъ по правому берегу рѣки Яблонницы также цѣль возвышенностей, отдѣляющихъ притоки озера Охвѣтъ Жаденда отъ притоковъ озеръ, составляющихъ верхневолжскій резервуаръ. Эти возвышенности, склоняясь къ юго востоку, пересекаютъ торопецкую дорогу около деревни Волока, подлѣ источниковъ Западной Двины и оттуда идутъ прямо на югъ, въ смоленскую губернію, огибая истоки рѣки Жукопы и образуя возвышенныя берега. Вообще эти горы не имѣютъ значительнаго возвышенія, пологи и покрыты густымъ лѣсомъ, болѣею частью строевымъ. Отъ Добрава, кромѣ вышеописанныхъ вѣтвей, отдѣляется также, по направленію холмовской дороги, рядъ горъ, имѣющихъ наибольшую высоту изъ всѣхъ, находящихся въ осташковскомъ уѣздѣ; у нихъ до деревни Корнева грунтъ глинистый, а далѣе хрящеватый; эти горы во многихъ мѣстахъ покрыты весьма густымъ сосновымъ лѣсомъ, имѣютъ глубокіе овраги и крутые спуски; за деревнею Мостами онѣ постепенно поднимаются къ низменнымъ берегамъ озера Овселеуга и Пено.

Отъ деревни Сѣпокъ, кромѣ Ревеницкихъ горъ, тянется еще легкая волнообразность мѣстности на югъ, по направленію старорусской дороги, между верхневолжскими озерами и Селягеромъ. Около Волги, подлѣ деревни Лохова, эта волнообразность образуетъ возвышенности, которыя прерывчато сопровождаютъ теченіе рѣки, то приближаясь къ ней, то удаляясь отъ нея. Отъ Лохова рядъ возвышенностей огибаетъ, по направленію на юго-востокъ, истоки множества рѣчекъ, впадающихъ въ Волгу съ правой стороны; пересекаетъ большую дорогу около Макиной горы и Оковецъ, возвышается, приближаясь къ Волгѣ, и на пространствѣ отъ деревни Ольховой къ Рогу соединяется съ крутымъ правымъ берегомъ Волги. Изъ осташковского уѣзда эти горы переходятъ въ ржевскій, и идутъ по границѣ послѣдняго съ бѣльскимъ уѣздомъ смоленской губерніи и по теченію рѣки Молодой-Тудъ. Самые возвышенныя пункты находятся у деревни Урданъ, близъ села Куркина и озера Хлѣбникова; около Оковецъ и по границѣ бѣльскаго уѣзда мѣстность малолѣсистая; около Ольхова и Милькова растутъ густые лѣса.

Но лѣвому берегу Волги тянутся возвышенности, которыя увеличиваются по приближеніи къ рѣкѣ Большой Кожѣ и далѣе въ ржевскомъ уѣздѣ, образуя во многихъ мѣстахъ крутые овраги, какъ напримѣръ, у деревни Киселевой. Самую значительную высоту имѣютъ эти горы у погоста Святаго Ильи, на границѣ ржевскаго и старичкаго уѣздовъ.

2) Другая вѣтвь, отдѣляющаяся отъ села Полнова на юго-востокъ, есть цѣль возвышенностей, которыя, то приближаясь къ Селигеру, то удаляясь отъ него, отдѣляютъ притоки этого озера отъ источниковъ множества рѣчекъ, принадлежащихъ къ системѣ вышневолоцкаго заводскаго резервуара. Эти возвышенности, между которыми находятся обширныя моховыя болота, пересекаютъ вышневолоцкую и осташковскую дорогу между деревнею Кузнецовымъ и Пухтиной горкой; онѣ имѣютъ значительную высоту, покрыты лѣсомъ и раздѣляются глубокими оврагами. Приближаясь къ вершинамъ рѣки Цны эти горы выравниваются и образуютъ совершенно плоскую возвышенность, которая распространяется по сопредѣльнымъ частямъ уѣздовъ: новоторжскаго, ржевскаго и старичкаго. Это пространство почти вовсе не населено, занято лѣсами, растущими большею частію на болотистой почвѣ, и во многихъ мѣстахъ глубокими и совершенно непроходимыми моховыми болотами, изъ которыхъ берутъ свое начало множество рѣкъ, текущихъ по всѣмъ направленіямъ, какъ-то: Цна, Неготь, Осуга, Большая и Малая Коши, Тресна, Ворчала, Крапивенка, Повѣдь и многія другія. Отъ этой плоской возвышенности, въ шести верстахъ къ востоку отъ могилевской пустыни, отдѣляется узкій хребетъ горъ, направляющійся къ востоку, верстъ на двѣнадцать, и извѣстный подъ названіемъ *Свинныхъ хребтовъ*; онъ не высокъ, но сопровождается глубокими и обрывистыми оврагами, поросшими густымъ лѣсомъ. Другой хребетъ отдѣляется по направлевію на сѣверо-востокъ, пересекаетъ дорогу, ведущую изъ Осташкова въ Торжокъ, между деревнями Жегинью и Кузнецковою, и нося различныя названія (горы Кашуевскія, Шевковскія) входитъ въ юго-западную часть вышневолоцкаго уѣзда. Эти горы имѣютъ довольно значительную высоту, — особенно у деревень Зубова, Островковъ, Яму, Доловорѣзова, и у селъ Горницъ и Вишенья въ новоторжскомъ уѣздѣ, Кузлора, Есиповичей и Заборовья въ Вышневолоцкомъ, — но вообще покаты, безлѣсны и имѣютъ песчано-глинистую почву. Отъ Шидовичъ онѣ соединяются равниною, слегка возвышающеюся надъ болотами, съ небольшимъ гористымъ пространствомъ, находящимся между деревнями Федо-

вымъ, Черною Грязью и Кашаровымъ, которое имѣетъ десятный грунтъ, довольно значительную высоту, болотистыя долины и покрыто, большею частію, мелкимъ кустарникомъ; это гористое пространство съ западной стороны ограничено ревенцкимъ болотомъ, съ сѣверной болотами, огибающими Вышній Волочокъ, а на востокъ оно пересѣкаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ московское шоссе между Холохолоекою и Вышнимъ Волочкомъ. На девятой верстѣ отъ Волочка шоссе проходитъ черезъ самое возвышенное мѣсто этого гористаго пространства, известное подъ названіемъ Логовой горы, круто упирающейся въ болото, которое тавется къ берегамъ Тверцы. Сверхъ-того, горы изъ новоторжскаго уѣзда пересѣкаютъ московское шоссе близъ станціи Холохоловки у деревни Акшютовой и близъ деревни Домослави; отсюда переходятъ на лѣвый берегъ Тверцы в Выдропуска, направляются на востокъ, чрезъ деревни Ободово, Пурышево, Плоское къ Вышкову, гдѣ онѣ кончаются, близъ соединенія границъ новоторжскаго, бѣжецкаго и тверскаго уѣздовъ. Самыя возвышенныя мѣста находятся, у деревень Давилцова и Плоскаго. Вообще эти горы не имѣютъ ни большаго возвышенія, ни значительныхъ крутизнь, безлѣсны; грунтъ ихъ песчаноглинистый.

Б. Отъ Кузнецовскихъ горъ въ валдайскомъ уѣздѣ, и изъ боровицкаго уѣзда выходятъ нѣсколько отраслей горъ въ вышневолоцкій, которыя наполняютъ часть его по лѣвому берегу Меты, озера Мстина, вокругъ озера Имоложья, пересѣкаютъ шоссе въ нѣсколькихъ мѣстахъ между Вышнимъ Волочкомъ и Коломною у деревни Дорки, и потомъ исчезаютъ частію за Ключивымъ у заводскаго резервуара, частію же на правомъ берегу Цвы, у болотъ, гдѣ были источники Тверцы. Между Вышнимъ Волочкомъ и заводскимъ резервуаромъ есть также возвышенности, гдѣ стоятъ деревни Шишкова и находится раскольничье кладбище Терки. Возвышенности эти у Меты и у озера Мстина безлѣсны; близъ шоссе и рѣки Шлины онѣ покрыты мелкимъ сосновымъ лѣсомъ. Самыя возвышенныя мѣста находятся между деревнями Подоломъ и Елиной Горой, также отдѣльныя сопки по берегу Меты, при селѣ Городищѣ. Между этими горами прелегаютъ болотистыя пространства, въ которыхъ есть много топкихъ мѣстъ никогда непроходимыхъ.

В. Изъ боровицкаго уѣзда входитъ отрасль горъ въ вышневолоцкій мимо Котловани къ Островну, гдѣ онѣ получаютъ значительную высоту, отсюда направляются къ Удомельскому озеру къ селцу Ситову, гдѣ находится высокая гора, называемая Бор-

совскою, далѣе къ Вересеунову, Ильинскому и Каряшину. Къ востоку онѣ направляются къ Жершонкамъ и Филинкову, гдѣ встрѣчается высокая гора, называемая *Петровскою*. За тѣмъ исчезаютъ въ небольшихъ холмахъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ.

Г. Изъ устюжскаго уѣзда входятъ нѣсколько отраслей въ весьегонскій, на пространствахъ между селами Любегомъ и Садовымъ. За Садовымъ эти горы приобретаютъ значительную высоту, имѣютъ грунтъ песчаный, поднимаются во многихъ мѣстахъ въ видѣ конусообразныхъ сопокъ, имѣя главнѣе направленіе на юго-западъ къ Коноплину, но отдѣляя отъ себя также отрасль и на юго-востокъ къ Полянцамъ, Иванъ-горѣ и Попадъину. Самыя большія возвышенности этого хребта находятся въ весьегонскомъ уѣздѣ: у села Карамышева, *Иванова гора* и *Аленина*, весьма крутыя и безлѣсныя; *Яблонная гора* у Покрова; *Тимховская гора*, покрытая словымъ лѣсомъ, у Коноплина. Всѣ эти горы около Карамышева открыты, а около Коноплина поросли лѣсомъ. Возвышенности переходятъ въ замоложскій край весьегонскаго уѣзда, гдѣ онѣ сплошь покрыты лѣсомъ, круты, но не имѣютъ значительной высоты. Самыя возвышенныя мѣста находятся: у Спаса Преображенія, деревень Ольховой, Мѣщанской и Ивашковой, также между деревнями Мартышевой и Демидихой. Отъ Спаса Коноплина идетъ также рядъ песчаныхъ холмовъ, раздѣленныхъ оврагами, въ бѣжецкій уѣздъ къ Добрынской Пустынѣ, Горячову и Павловскому. Отъ нихъ отдѣляются отрасли къ деревнямъ Быкамъ, Горшковоу, Житнякамъ и Воробьеву. Эти холмы не имѣютъ значительной высоты, и большею частію покрыты лѣсомъ.

Кромѣ описанныхъ возвышенностей, имѣющихъ связь съ горами повгородской губерніи, есть еще другія, которыя находятся внутри самой тверской губерніи, проходя въ ней или въ видѣ небольшихъ горныхъ кражей, или поднимаясь отдѣльно надъ равнинами. Таковы: 1) Въ вышневолоцкомъ уѣздѣ горный хребетъ начинается отъ деревни Грядъ къ деревнямъ Дятлову, Бѣлавину, Тобошеву, Чеполшеву и Осѣчнѣ, терется въ лѣсахъ и болотахъ, изъ которыхъ беретъ начало рѣка Медвѣдница. Эти горы окружены болотами, покрытыми соснякомъ, проходятъ между озерами. Изъ числа ихъ Тобошевская гора имѣетъ небольшую высоту, но весьма крутые спуски. Далѣе замѣчательны: Чеполшевская гора и Головецкая. Наибольшую высоту имѣютъ эти горы близъ осѣченскаго погоста; у деревни Хлѣбцовой гора Крутина совершенно обрывиста. 2) Въ бѣжецкомъ уѣздѣ отъ села Моркиныхъ горъ идетъ

увий рядъ холмовъ къ Ежову, за которыми они исчезаютъ. Въ противоположную сторону, въ видѣ небольшихъ холмовъ, изъ числа которыхъ самый возвышенный называется Абрамовою горою (въ четырехъ верстахъ отъ Успенья); эти горы переходятъ на другой берегъ Мологи, возвышаются у Лозьева и Константинова и далѣе, поворачивая на западъ, исчезаютъ въ окрестностяхъ деревни Карова. Около Моркиныхъ горъ возвышенности заняты преимущественно пашнями; около Мологи, Лозьева и вышеволоцко бѣжецкой дороги дровянымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Грунтъ ихъ песчано хрящеватый. Самые значительныя крутости находятся у самого села Моркиныхъ горъ, у деревни Гибцова (Красная гора) и села Константинова, гдѣ онѣ называются Сергеевскими горами; впрочемъ перевѣздъ черезъ нихъ нигдѣ не затруднителенъ. 3) Возвышенности отъ Воротилова до Тресны распространяются холмами, покрытыми частью лѣсомъ, частью пашнями. Между ними топкія болота. 4) Возвышенности поднимаются на границѣ бѣжецкаго и кашинскаго уѣздовъ, около селъ Кочемли, Подлицы и Ильскаго. Эти горы имѣютъ значительную высоту и крутость и глинистый грунтъ; глубокія промоины затрудняютъ перевѣздъ черезъ нихъ; поверхность горъ занята пашнями; а у подошвы ихъ болота, покрытыя кустарникомъ. 5) На границѣ старицкаго и новоторжскаго уѣздовъ небольшой рядъ безлѣсныхъ возвышенностей, которыя тянутся на двѣнадцать верстъ параллельно ржевско-новоторжской дорогѣ, и теряются въ болотѣ, идущемъ по направленію къ Дмитріевскому погосту. 6) Въ тверскомъ уѣздѣ рядъ возвышенностей также безлѣсныхъ, начинающихся отъ села Богородицкаго, тянется черезъ рѣку Каменку къ сѣверу за село Бурашева.

Изъ *отдѣльныхъ горъ*, не имѣющихъ ни какой связи съ другими, но примѣтно возвышающихся надъ горизонтомъ, замѣчательны:

Въ *старицкомъ уѣздѣ*: въ сѣверной части уѣзда близъ деревни Вахѣевой, въ двѣнадцати верстахъ отъ города Старицы; между Волгою и новоторжскимъ трактомъ при селѣ Ставишнѣ; въ южной части уѣзда, по гжатской дорогѣ, близъ деревни Большой Ледники; при деревнѣ Дарьинной, по оставковской дорогѣ; при деревнѣ Благишиной, вправо отъ дороги въ городъ Тверь; при деревнѣ Невѣровой, въ сѣверо-западной части уѣзда; близъ деревни Рождественной, вправо отъ волоколамской дороги, изъ села Лавышина въ городъ Тверь; при селахъ Байковѣ и Воронинѣ.

Наволоцкѣ, гора Воронина, на лѣвомъ берегу Волги въ четырехъ верстахъ выше Старшны, при деревнѣ Лашинѣ.

Въ зубцовскомъ уѣздѣ; при селѣ Троицкомъ, близъ лѣваго берега Волги, въ пятнадцать верстахъ отъ Зубцова и къ югу отъ волоколамской дороги въ трехъ верстахъ отъ Зубцова. Вообще по берегамъ Волги есть высочія мѣста, образуемая санными берегами.

Въ тосерскомъ: между деревнями Кобылинной и Покровской, въ южной части уѣзда; къ востоку отъ волоколамской дороги, при селѣ Заборовѣ между старяцкииъ и петербургенииъ трактами при селѣ Клабуковѣ въ сѣверной части уѣзда, и Савинская гора по старой москвовской дорогѣ къ селу Мѣдвому.

Въ корчевскомъ: на правомъ берегу Медвѣдницы, между селомъ Новосельемъ и Краснымъ, при селѣ Никитинскомъ, по почтовому тракту въ Тверь.

Въ калязинскомъ: при деревнѣ Клитинѣ, къ западу отъ московской торговой дороги, въ верстѣ отъ села Яренска. Возвышенность весьма отлога, грунтъ ея — глина съ пескомъ.

Въ кашинскомъ: близъ деревни Пушкинкой, возлѣ почтовой дороги изъ Кашина въ Бѣжецкѣ.

Вездѣ и всегда на возвышенностяхъ, утѣсненныхъ и окаймленныхъ горами, образуются между ними и у подножия ихъ огромныя болота и значительныя озера. Большая часть губернии заключаетъ въ себѣ обширныя болотистыя пространства, которыя занимаютъ до одной десятой всей ея поверхности. Наименѣе болотъ находится въ ржевскомъ, старяцкомъ, зубцовскомъ и кашинскомъ уѣздахъ; наиболѣе въ оставшковскомъ, вышневолоцкомъ, бѣжецкомъ и корчевскомъ. Эти болота почти сплошь покрыты высокоствольнымъ лѣсомъ, если они не слишкомъ топкие, — мелкииъ лѣсомъ или кустарникомъ, если топкость значительна. Совершенно обнаженныхъ болотъ, на которыхъ не можетъ расти даже кустарникъ, въ губернии немного. Лѣтомъ большая часть изъ тамошнихъ болотъ дѣлаются проходими и пересѣчены дорогами, но которыиъ всегда можетъ производиться сообщеніе, хотя мѣстами и съ большими затрудненіями. Для исправнаго содержанія дорогъ, пролегающихъ по болотамъ, могло бы служить изобиліе лѣса, растущаго по сторонамъ самихъ дорогъ, годнаго на бревенчатыя и жердевыя местовыя и ошвинныя слядки; но онѣ, будучи

разъ одылавы, рѣдко члвются сельскими жителями, и отъ врсной приходять въ разрушеніе. Совершенно непроходныкъ болотъ вѣсьма мало: большая часть изъ нихъ непроходны только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, нѣтъ внутри такъ-называемые пучины, которыя не могутъ поддерживать нѣшаго челоѣка. Средняя глубина пучинъ не болѣе сажени, тамъ, по-крайней мѣрѣ, оказалось при работахъ на желѣзной дорогѣ, проходящей черезъ болотистыя мѣста губерніи. Мѣстами, хотя и довольно рѣдко, болота не замерзають въ самую суровую зиму и образуютъ такъ-называемые окна. Болота понимаются въ бѣжецкомъ и несеголскомъ уѣздахъ преимущественно разливами Мологи и ея притоковъ, также нѣкоторыми притоками рѣки Медвѣдицы; въ тверскомъ уѣздѣ разливами рѣки Шоши, и въ калужскомъ — разливами рѣки Дубны. Вѣроятно, многія болота способны къ осушенію; это доказывается, отчасти, топографическими свойствами мѣстности, отчасти и тѣмъ, что топкость нѣкоторыхъ значительно уменьшилась отъ гидротехническихъ работъ на вышеупомянутомъ судоходномъ пути, и отъ устройства шоссе и желѣзной дороги. Сами жигели хотя и соушаютъ болота, но въ вѣсьма малыхъ размѣрахъ. Замѣчено, что трава, растущая на осушенныхъ мѣстахъ, не только не доставляетъ сочнаго корму для скота, но даже вредна для него.

Большая часть болотъ тверской губерніи торфяныя; по этому, со временемъ, при повсемѣстномъ истощеніи лѣснаго топлива, онѣ могутъ приобрести большую важность. Изслѣдованія о историческомъ происхожденіи торфа произведены торфмейстеромъ Каде. Замѣчательнѣйшія изъ изслѣдованныхъ торфяныхъ болотъ находятся въ тверскомъ уѣздѣ, при селѣ Клубуковѣ, гдѣ крестьяне уже употребляютъ торфъ въ топливо, и въ двадцати верстахъ отъ города Твери, по желѣзной дорогѣ въ Санктпетербургъ. Въ новоторскомъ: при селѣ Вескахъ, гдѣ извлечено довольно большое количество такъ-называемого Press- или Streichtorf; при Обудовѣ, гдѣ результаты оказались вѣсьма выгодными, какъ въ разработкѣ торфа, такъ и въ высушкѣ самаго болота. Въ *осташковскомъ*: въ моховыхъ болотахъ, лежащихъ вправо отъ дороги, ведущей изъ Вышняго Волочка въ Осташковъ, въ зальцовской волости, гдѣ разработка торфа производилась съ успѣхомъ.

Многія изъ болотъ прежде были озерами и уже на памяти нынѣшняго поколѣнія пересохли, вѣроятно, отъ истребленія лѣсовъ и отъ екопленія въ нѣкоторые резервуары. Въ настоящее время сѣверныя части осташковскаго и вышеупомянутого уѣздовъ устьяны озерами, которыя хотя, за исключеніемъ Селгера и Охаты-

Жадева, и не имѣютъ, ни по величинѣ, ни въ промышленномъ отношеніи, никакой важности, но своею многочисленностію придаютъ краю совершенно особенный характеръ. Число тамошнихъ озеръ, по меньшей мѣрѣ, простирается до двухъ-сотъ пятидесяти. Пространство, наполненное ими, соединяясь съ подобнымъ же озернымъ краемъ въ валдайскомъ и боровицкомъ уѣздахъ, ограничено весьма рѣзко. Въ осташковскомъ уѣздѣ предѣлами его служатъ западная Двина, Волга (за выходомъ ея изъ Пешы), Селжаровка, Крапивенка и Цна; въ вышневолоцкомъ: рѣка Шлиха, старая вышневолоцко-бѣжецкая дорога, рѣки Волчина, Ворожба, Кеца и Сырогожа. Хотя встрѣчаются озера и въ сказаннаго пространства, но онѣ рѣдки и не имѣютъ между собою никакой связи. Многія изъ этихъ озеръ окружены выюками и крутыми берегами и имѣютъ весьма значительную глубину, доходящую нерѣдко до сорока саженой (Видбине, Остолово, Корцево, Глубокое, Лодышно, и другія); многія, напротивъ, находятся въ низкихъ берегахъ, имѣютъ значительную глубину только въ срединѣ; съ краевъ же покрыты разными водяными растеніями, которыя, становясь съ каждымъ годомъ гуще и гуще, образуютъ постепенно болотные берега, быстро уменьшающіе водяную поверхность. Такихъ озеръ въ особенности много къ востоку отъ Вышняго-Волочка, также близъ границы валдайскаго уѣзда около озера Тубаса. Хотя большая часть озеръ изобилуетъ рыбою, но рыболовство на нихъ незначительно. Замѣчательно, что многія изъ озеръ имѣютъ особенныя породы рыбъ, не попадающіеся въ сосѣднихъ; такъ, напримѣръ, въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ озерѣ Имоложи, ловятся весьма вкусныя сельди, въ озерѣ Удомельскомъ особая порода рыбы, называемая *уклейкою*. Глухое небольшое озеро Вшивое, близъ Турбаса, богато множествомъ шявокъ. Въ сѣверо-западной части корчевскаго уѣзда есть также отдѣльная группа озеръ, числомъ до тридцати, изъ которыхъ нѣкоторыя входятъ и въ тверской уѣздъ. Всѣ онѣ окружены пловатыми болотами, извѣстными подъ названіемъ Петровскихъ. Самыя замѣчательныя изъ этихъ озеръ: Оршино, Великое и Песочное. Кромѣ того, есть нѣсколько рыбныхъ озеръ въ калезинскомъ уѣздѣ (Васильевское, близъ деревни Митяевой, Азарьевское, Лукошское) и въ камнинскомъ (Сюрбежъ).

Огромное скопленіе стоячихъ водъ въ губерніи, помѣщенныхъ на высочайшихъ точкахъ европейской Россіи, служатъ, какъ мы уже замѣтили, резервуаромъ, постояннымъ источникомъ для главнѣйшихъ рѣкъ государства.

Течущія воды губерніи принадлежать къ двумъ бассейнамъ — западному и восточному. Представительница первого — Волга, со ста двадцатью главнѣйшими притоками, изъ которыхъ въ тверской губерніи судоходны: Селижаровка, Вазуза, Тверца (съ тридцатью притоками), Шоша, Дубна съ Сестрою, и Молога (съ двадцатью пятью притоками); представительницы второго — западная Двина (скакивая только въ тверской губерніи) Цна и Мета.

Волга орошаетъ губернію на вѣсьсотъ девяносто-двѣ версты, Молога на триста-десять верстъ, Цна на сто-тридцать девять верстъ, Мета на сорокъ семь верстъ. Волга, Тверца, Цна и Мета на западъ губерніи, а та же Волга съ Мологой на востокъ ея — суть главнѣйшіе двигатели народной дѣятельности. И земледѣлецъ, и фабрикантъ, къ притокамъ этихъ рѣкъ свозятъ свои произведенія, сюда со всѣхъ концовъ губерніи стекается народъ, чтобы нажить копѣйку для уплаты податей и оброковъ; здѣсь обитѣе капиталовъ, — развитіе образованности и разврата; здѣсь, на судоходныхъ системахъ, крестьянская жизнь, что называется, въ разгарѣ. Судоходство по водамъ тверской губерніи составляетъ главное значеніе этихъ водъ, а потому мы и рассмотримъ главнѣйшія изъ нихъ. Сначала опишемъ западную судоходную вѣтвь губерніи, а потомъ — восточную.

Волга по всему протяженію своего теченія въ тверской губерніи наполнена мелями, которые еще недавно представляли значительное препятствіе судоходству. Отъ устья Селижаровки до города Ржева имѣетъ множество пороговъ, узкихъ проходовъ и круговоротовъ, которые не допускаютъ свободного движенія большихъ судовъ; но для малыхъ плаваніе удобно. Судоходство по этой части Волги весьма незначительно, а потому встрѣчаемыя на ней препятствія не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Между Ржевомъ и Тверью много каменныхъ косъ и пороговъ (Мирславль, Берно, Коти), которые предположено разчистить, что, однако же, до сихъ поръ еще не сдѣлано, потому что все вниманіе правительства устремлено на важнѣйшую для судоходства часть Волги, находящуюся между Тверью и Рыбинскомъ. На этомъ протяженіи рѣки, въ предѣлахъ тверской губерніи, главнѣйшихъ мелей и каменныхъ грядъ считается до двадцати. На уничтоженіе этихъ препятствій, представляемыхъ судоходству, издавна было обращено вниманіе вѣдомства Путей Сообщенія: самыя важныя работы произведены въ теченіи послѣдняго десятилѣтія. Каменные гряды разчистены; для уничтоженія же безпрестанно образующихся мелей, въ соответственныхъ мѣстахъ построены перпенди-

кулярно отъ береговъ къ фарватеру плотины. Черезъ это, русло рѣки стѣснилось, теченіе сдѣлалось стремительнѣе и размыло прежнія мелы. Водостѣпительныя плотины, будучи каждою весною заносимы, при разливахъ, пескомъ, образуютъ искусственные берега, которыми русло Волги приводится постепенно въ нормальную ширину. Самое же дѣйствительное вліяніе на улучшеніе волжскаго судоходства оказалъ верхневолжскій резервуаръ. Онъ окончательно устроенъ только въ 1845 году, посредствомъ возведенія на рѣкѣ бейшлота, въ пяти верстахъ ниже ея истока изъ озера Волго. При запорѣ бейшлота вся верхняя часть Волги, виѣтъ съ озерани, черезъ которыя она проходитъ, образуетъ водохранилище, виѣщающее до полутораста квадратныхъ верстъ поверхности и виѣщающее въ себѣ до сорока миллионовъ кубическихъ саженой воды. Бейшлотъ запирается немедленно по убыли весеннихъ водъ, а отпирается сообразно съ ходомъ меженнаго и осеннаго каравановъ въ іюль и августѣ. Если изъ водохранилища производятъ спускъ воды по двѣсти кубическихъ футовъ въ секунду, то будетъ достаточно для поддержанія рѣки Волги въ судоходномъ положеніи шестдесятъ четыре дня меженнаго времени. Дѣйствіе бейшлота оказывается до самаго Рыбинска. Горизонтъ рѣки при открытіи его возвышается: при устьѣ Селижаровкѣ на двадцать семь вершковъ, при городѣ Ржевѣ на шестнадцать, при Твери на десять, при Калазинѣ на пять. Сверхъ того предположено устроить другой вспомогательный резервуаръ на рѣкѣ Сожи, впадающей въ Волгу, въ шести верстахъ выше города Корчевы. Тамъ находится огромное пространство совершенно бесплодныхъ болотъ, которыя, по природнымъ притокамъ, могутъ образовать огромное водохранилище. Кромѣ наводненія Волги, для судоходства, изъ верхневолжскаго резервуара, она, во время прохода каравановъ, значительно подымается еще водани изъ вышневолжскихъ резервуаровъ, черезъ Тверцу. Истислонныя шѣры правительства, для облегченія судоходства по Волгѣ, доставляютъ огромныя выгоды. Прежде дозволялось грузить суда весною до четырнадцати вершковъ осадки, а лѣтомъ только до двѣнадцати. По этому отправлялось ежегодно среднимъ числомъ изъ Рыбинска въ Тверь тысячу семьсотъ тридцать судовъ съ четырнадцати-вершковой осадкою и тысячу осемьсотъ пятьдесятъ пять съ двѣнадцати-вершковой. Въ послѣднихъ нагружалось въ каждую барку тысячу пятьсотъ пудовъ менѣе противъ весеннаго груза, что составляло два миллиона семьсотъ осемьде-

сать двѣ тысячи пятьсотъ пудовъ и при сложной цѣнѣ отъ Рыбинска до Твери по три четверти копѣйки серебромъ съ пуда, судохозяева ежегодно теряли отъ четыре тысячи триста сорокъ четыре рубля серебромъ перевозной платы! — Кроме того для перевозки излишняго груза ежегодно требовалось триста сорокъ восемь барокъ. Устройство верхневолжскаго резервуара избавило судохозяевъ отъ излишняго перевозочнаго расхода и сохранило для государства ежегодно лѣсу на триста сорокъ восемь барокъ, потому что теперь суда могутъ ходить по Волгѣ во всякое время съ четырнадцати-вершковой осадкой. Остается только желать, чтобы съ той же осадкой суда могли ходить и по вышеволонкой системѣ, а также черезъ Боровицкіе и Ладожскіе пороги. Для тяги судовъ по Волгѣ устроены, по возвышенному ея берегу, бичевники. Для складки и загрузки въ губерніи есть двѣнадцать пристаней, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Судоходство по Волгѣ двойное: подъемное и сплавное.

Подъемное судоходство начинается отъ Рыбинска. Порядокъ отправленія этого судоходства, послѣ устройства остатковскаго резервуара, какъ мы уже замѣтили, нѣсколько измѣнился. Прежде, по мѣрѣ подхода судовъ изъ низовыхъ пристаней къ Рыбинску, товары перегружались въ другія суда, имѣющія меньшую осадку въ водѣ, и такимъ образомъ отправлялись въ дальнѣйшій путь по тремъ системамъ въ сѣверную столицу Имперіи. Теперь не всѣ суда перегружаются. Отъ Рыбинска вверхъ по Волгѣ извольное судоходство происходитъ исключительно бичевой тягою лошадыми. Число лошадей, запрягаемыхъ къ каждому суду, зависитъ отъ его конструкціи. Вверхъ по Волгѣ къ Твери отправляются шесть родовъ судовъ различной постройки. Всѣ онѣ плоскодонныя и безъ килля, а именно: барки, коломенки, полубарки, вышеволонкія лодки, тихвинки и соминки. При удобномъ для судоходства состояніи воды, барки, нагруженныя въ Рыбинскѣ, достигаютъ до Твери въ осемнадцать или девятнадцать дней; при усиленныхъ же распоряженіяхъ онѣ доходятъ въ шестнадцать дней. Всего изъ Рыбинска и прочихъ пристаней, находящихся между Рыбинскомъ и Тверью, ежегодно отправляется вверхъ по Волгѣ къ Твери до трехъ тысячъ пятисотъ сорока пяти судовъ, съ грузомъ на сумму осемнадцать милліоновъ шестьсотъ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Въ числѣ этихъ барокъ заключаются и тѣ, которыя для подъемнаго хода спускаются въ Волгу изъ рѣки Шоши и рѣкъ Дубны и Сестры.

Взводное судоходство по Волгѣ выше Твери производится тѣ-

ми же средствами какъ и ниже ея; но во время мелководія оно встрѣчаетъ большія затрудненія, которыя впрочемъ значительно уменьшились послѣ устроенія оstashковскаго резервуара. Изъ нижней части Волги отправляется ежегодно вверхъ до Ржева и въ мѣста между Тверью и Ржевомъ судовъ двѣсти тридцать одно, съ грузомъ, на сумму семьсотъ осемь тысячъ шестьсотъ осемьдесятъ рублей серебромъ.

Выше Ржева къ городу Осташкову судоходство становится еще ограниченнѣе, и производится Волгою до Селижарской Слободы, а оттуда рѣкою Селижаровкою и Рудинскимъ плесомъ до Осташкова. Изъ Твери и изъ низовыхъ по Волгѣ пристаней къ Осташкову и въ мѣста выше Ржева отправляется ежегодно до двадцати пяти судовъ. Отъ Осташкова на озерѣ Селигерѣ судоходство производится на лодкахъ, которыхъ въ настоящее время находится до двухъ сотъ. Есть предположеніе открыть пароходство на озерѣ Селигерѣ.

Славное судоходство по Волгѣ производится изъ Селижаровки, Гжати, Вазузы и съ пристаней находящихся на самой Волгѣ до Твери:

1) Судоходство по Селижаровкѣ изъ Осташкова самое незначительное. Въ 1845 году было отправлено къ Ржеву всего одиннадцать малыхъ лодокъ. На нихъ вывезено рыбы на семьсотъ сорокъ рублей серебромъ, и бумажной пряжи на осемь тысячъ сорокъ рублей серебромъ. Всего на осемь тысячъ семьсотъ осемьдесятъ рублей серебромъ.

2) Судоходство по Гжати, Вазузѣ и Волгѣ отъ Ржева до Твери производится для сбыта продуктовъ западной и частію юго-западной Россіи, черезъ вышневолоцкую систему къ Санктпетербургу. Для этого грузъ свозится въ зимнее время къ берегамъ этихъ рѣкъ для отправленія его съ первою весеннею водою.

Нагрузка товаровъ производится двумя различными способами. Главнѣйшая часть грузится въ зимнее время въ суда и барки, строящіяся въ особыхъ пристаняхъ, которые имѣютъ видъ сухихъ доковъ и выкапываются въ берегахъ, или устроиваются въ устьяхъ ручьевъ и рывинъ. Для защиты пристаней отъ дѣйствія рѣчнаго льда сооружаются, со стороны рѣки, наполненные камнями деревянные срубы, съ отверстиями, черезъ которыя барки проходятъ въ рѣку. Весною, во время прибыл воды, когда рѣки начнутъ очищаться ото льда, нагруженные на пристаняхъ барки всплываютъ, и при высокой водѣ выводятся въ рѣку для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія. Такія пристани устроены и устрои-

ваются самыми судово-промышленниками, съ дозволеніи главнаго управленія путей сообщенія. Остальная же часть товаровъ нагружается уже въ самыхъ рѣкахъ на барки, подводимыя къ приставямъ тотчасъ по проходѣ льда. Этого рода нагрузка и самыя суда, изготовляемыя къ отправкѣ, называются нагорными, для различія отъ тѣхъ, которыя нагружаются въ пристаняхъ.

Въ настоящее время въ Тверской губерніи пристаней по Волгѣ двѣнадцать, вмѣщающихъ до трехъ сотъ шестидесяти барокъ. По Вазузѣ пять, вмѣщающія до двухъ сотъ девяноста барокъ. По Гжати было множество пристаней; но послѣ упадка торговли по этой рѣкѣ пристани болѣею частію запущены, и въ настоящее время нагрузка судовъ производится только въ двѣнадцати или пятнадцати пристаняхъ, а то въ незначительномъ числѣ барокъ.

Нагруженныя барки на гжатскихъ и верхневолжскихъ пристаняхъ, съ осадкою въ водѣ пятнадцать вершковъ, отправляются къ Твери и при тихой погодѣ проходятъ отъ Гжатска до устья Гжати въ Вазузу, на пространствѣ семидесяти шести верстъ, въ два дня, а по Вазузѣ до рѣки Волги, на пространствѣ сорока двухъ верстъ, въ одинъ день. Иногда случается, что за вѣтрами плаваніе промедляется, а между тѣмъ весенняя вода уходитъ, и понижается до такой степени, что суда мелѣютъ. Также бывають случаи, что весенняя вода въ рѣкѣ не доходитъ до той вышины, чтобы нагруженныя въ пристаняхъ барки могли всплыть, и изъ нихъ войти въ рѣку. Въ такихъ неблагопріятныхъ случаяхъ промышленники вынуждаются прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для выпровожденія своихъ судовъ, что сопряжено съ большою потерей времени, а иногда и съ большими издержками. Опасеніе обмелѣть на пути по рѣкѣ Гжати и недостатокъ тамъ лѣсовъ на постройку барокъ, годъ отъ году болѣе ощутительный, заставляетъ промышленниковъ перевозить товары гужемъ до береговъ Волги. На эту сухопутную перевозку тратится ежегодно не менѣе пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ. По этому, приведеніе рѣки Гжати въ судоходное положеніе составило бы весьма важное, выгодное для промышленности улучшеніе. Необходимый для постройки барокъ лѣсной матеріалъ можетъ-быть, при содѣйствіи шлюзовъ, поднимаемъ вверхъ по рѣкамъ Вазузѣ и Гжати.

По пятилѣтней сложности съ гжатскихъ, вазузскихъ и волжскихъ пристаней ежегодно отправляется къ Твери до осьмисотъ пяти судовъ и товаровъ нагружается на сумму до семи милліо-

новъ девятисотъ сорока шести тысячъ пятисотъ семидесяти руб-
лей серебромъ. Грузъ преимущественно состоитъ изъ сала, ржа-
ной муки, чугуновыхъ издѣлій и стекла.

Изъ Старицы ежегодно отправляется до ста-десяти барокъ,
нагруженныхъ известковымъ камнемъ.

Изъ всего этого видно, что большая часть и славнаго и
подъемнаго волжскаго судоходства направляется къ Твери, къ
устью рѣки Тверцы. Источники Тверцы, до произведенія на-
стоящихъ гидротехническихъ работъ, находились не далѣе какъ
въ ста саженяхъ отъ берега рѣки Цны, принадлежащей къ
Балтійскому бассейну. По этому, еще въ эпоху процвѣтанія
Новгорода, товары привозились съ Волги на лодкахъ вверхъ
по Тверцѣ до Николы Столбенской пустыни (въ десяти вер-
стахъ отъ города Вышняго Волочка), тамъ выгружались, пе-
ревозились вышнимъ волокомъ на рѣку Цну, и потомъ спла-
влились на плотахъ внизъ по Цнѣ, озеру Мстину и Мстѣ до
самаго Новгорода. При этомъ нерѣдко, для избѣжанія Боровиц-
кихъ пороговъ, товары еще разъ выгружались и возились отъ
Опеченскаго посада до Потерпѣлицъ сухимъ путемъ, что названо
нижнимъ волокомъ. Этотъ способъ сообщенія отчасти сохранялся
даже и въ прошломъ столѣтїи, при тогдашнемъ несовершенствѣ
искусственнаго водянаго пути.

Въ 1703 году Петръ Великій повелѣлъ прорыть соединитель-
ный каналъ между Тверцою и Цною. Работы производились
подъ главнымъ надзоромъ стольника князя Гагарина и подъ ру-
ководствомъ десяти шлюзныхъ мастеровъ, нарочно выписанныхъ
для того изъ Голландїи. Каналъ, называемый нынѣ Тверецкимъ,
конченъ въ 1708 году, и идетъ отъ Тверцы, въ четырехъ вер-
стахъ ниже ея истоковъ, къ Цнѣ. Въ 1712 году былъ построенъ
на этомъ каналѣ шлюзъ, отдѣлявшій воды Цны отъ Тверцы.

Эти первоначальныя работы послужили только къ тому, что
товары безъ выгрузки могли быть доставляемы съ Тверцы на
Цну; но судоходство по обѣимъ этимъ рѣкамъ, равно какъ и по
Мстѣ, нисколько черезъ то не улучшилось. По мелководію оно
могло производиться на всѣхъ этихъ рѣкахъ не иначе, какъ въ
продолженіе краткаго времени весенней водополи. Легко было
убѣдиться въ необходимости устроить на раздѣльномъ пунктѣ
водъ, то есть подлѣ города Вышняго Волочка, искусственный ре-
зервуаръ, посредствомъ котораго можно было бы попеременно
питать ту или другую водяную вѣтвь, и достигнуть черезъ то

судоходства хотя и не непрерывнаго, но по крайней-мѣрѣ удовлетворяющаго потребности государства.

Изъ обозрѣнія поверхности сѣверо-западной части Тверской губерніи, мы видѣли, что мѣстность чрезвычайно благоприятствуетъ осуществленію этой идеи. На границѣ Осташковскаго уѣзда съ Торопецкимъ и Холмовскимъ находится возвышенность, называемая Волхонскимъ лѣсомъ, изъ которой берутъ свое начало величайшія рѣки Европейской Россіи: Волга и Западная Двина. Эта возвышенность склопается въ видѣ терассы къ Вышнему Волочку; на каждой изъ терассъ находятся довольно обильныя водохранилища, озера: Вельевское, Шлипо, Гранишно, Тихмино и другіе, и вся эта масса водъ, по соединеніи рѣки Шлипы съ Цною, притекаетъ къ самому раздѣльному пункту близъ Вышняго Волочка. Черезъ удержаніе ея на этомъ мѣстѣ образуется обильный резервуаръ, которымъ можно пользоваться для наполненія той или другой водяной вѣтви.

Первоначальная мысль объ устроеніи въ Вышнемъ Волочкѣ запаснаго водохранилища принадлежитъ новгородскому мельнику, Калмыку Михайлѣ Сердюкову. Въ 1719 году послѣдовалъ указъ, которымъ разрѣшено Сердюкову производить работы по вышневолоцкой водяной системѣ на собственный его счетъ, за что дарованы ему разныя привилегіи. Всѣ сооруженія на раздѣльномъ пунктѣ отдавы Петромъ Великимъ въ срочное, а потомъ Императрицею Анною Иоанновною въ вѣчное и потомственное владѣніе Сердюкову, и не ранѣе какъ въ 1773 году куплены казною у его наслѣдниковъ.

Отъ 1719 до 1773 года сдѣланы слѣдующія главныя усовершенствованія на раздѣльномъ пунктѣ водъ. Для избѣжанія крутаго поворота влѣво, который дѣлала Цна тотчасъ за Тверецкимъ каналомъ, прорытъ, въ самомъ городѣ, обводный Цнянскій каналъ и снабженъ шлюзомъ. Рѣка Шлина, въ десяти верстахъ выше естественнаго своего соединенія съ Цною, заперта бейшлотомъ, который по имени близлежащей деревни названъ Ключинскимъ. Соединеніе же Шлипы съ Цною произведено черезъ водопроводный каналъ изъ рѣки Шлипы въ озеро Ключино, далѣе въ озеро Городолоубское, а оттуда въ рѣку Цну. Соединенныя воды Цны и Шлипы, огражденныя въ трехъ верстахъ выше города Вышняго Волочка большою плотиною съ водоспусками, образовали разливъ, который и нынѣ составляетъ главное водохранилище всей системы, извѣстное подъ именемъ Заводскаго, потому что вѣсегда у Сердюкова на этомъ мѣстѣ была построе-

ны заводы: мыльный, вишнуренный и пивоварный. Со времени поступления въ казну всѣхъ вышнеслодскихъ гидротехническихъ сооружений въ нихъ сдѣланы слѣдующія важнѣйшія усовершенствования: 1) При истокѣ Моты нѣз озера Мстисла построены шлюзы, служащій къ тому, чтобы вода, выпускаемая изъ заводскаго резервуара для наполненія озера Мстисла, не выливалась изъ него до выпуска барокъ, и могла служить своевременно для наводненія Моты. Такъ образовались въ Вышнеслодскомъ бассейнѣ двѣ камеры: верхняя между шлюзами тверецкимъ и цинскимъ, и нижняя между цинскимъ и мотисскимъ. 2) Одного промежуточнаго цинскаго шлюза между тверецкимъ и мстисскимъ оказалось недостаточно, по весьма значительной (одна аршинъ и десять вершковъ) разности флютбетовъ тверецкаго и цинскаго. Для сбереженія воды, бесполезно терявшейся въ Цѣ, построенъ между тверецкимъ и цинскимъ шлюзами такъ называемый шандорный шлюзъ, черезъ что верхняя камера подраздѣлилась еще на двѣ части. 3) Главное вниманіе мѣстнаго начальства постоянно устремлялось на увеличеніе количества запасной воды, въ особенности же въ заводскомъ резервуарѣ. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи достигнуто уже до предѣловъ возможнаго, потому что во-первыхъ, отклоненіе большаго числа притоковъ Волги къ заводскому резервуару имѣло бы вредное вліяніе на состояніе верхне-возможнаго судоходства, и во вторыхъ, слишкомъ большое скопленіе запасной воды могло бы угрожать разрушеніемъ всѣмъ гидротехническимъ сооружениямъ, и даже могло бы затопить самый городъ Вышній Волочекъ. Въ настоящее время заводскій резервуаръ, огражденный по мѣрѣ надобности плотинами и бейшлотами, и удерживаемый по рѣкѣ Цѣ, въ трехъ верстахъ отъ Вышняго Волочка, большимъ заводскимъ бейшлотомъ, составляетъ искусственное озеро, пшущее при наибольшомъ скопленіи водъ до десяти квадратныхъ верстъ поверхности и до сорока семи милліоновъ кубическихъ сажень емкости.

Не смотря на это огромное количество запасной воды, ея все-таки недостаточно для одновременнаго и постояннаго наводненія обѣихъ рѣчныхъ вѣтвей и для безпрерывнаго судоходства по Тверцѣ и Цѣ, такъ что оно по необходимости производится каравами.

По рѣкѣ Тверцѣ также сдѣлано много гидротехническихъ сооружений для исправленія фарватера и береговъ, для устройства бычковъ, и кромѣ того, для помпленія и уравненія судоход-

вой пропорціи воды. По рѣкѣ Тверцѣ, на шестдесятъ одну версту отъ тверецкаго шлюза устроено особое вспомогательное водохранилище, на впадающей въ Тверцу рѣкѣ Осугѣ, замыкаемое бейшлотомъ. Осугскій бейшлотъ задерживаетъ въ рѣкахъ Осугѣ и Повѣди воды пять аршинъ шесть вершковъ.

Тверецкій каналъ имѣетъ длины $1,363\frac{1}{2}$ сажень, ширины по двумъ десяти сажень.

Цинскій каналъ, длиною, считая отъ савитпетербургскаго шоссеинаго моста до цинскаго шлюза, 545 сажень. По берегамъ каналовъ устроены бичевники.

Рѣка *Цна* отъ цинскаго шлюза и озера Мстина не имѣетъ никакихъ искусственныхъ сооруженій. На рѣкѣ *Мста* есть упругіе заплавы и шлюзы, а также побочные бейшлоты для задержанія воды озера Тишедро (Дубковскій), озера Пудора и озера Тубаса. Прочія гидротехническія сооруженія по рѣкѣ Мстѣ находятся въ предѣлахъ Новгородской губерніи.

Суда на вышневолоцкомъ судоходномъ пути *грузятся* въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) На рѣкѣ Тверцѣ: на Волынской пристани, въ 4 верстахъ, и, Могильцовской въ 5 верстахъ, выше Твери; при Ямѣ Мѣдномъ; въ городѣ Торжкѣ; въ городѣ Вышнемъ Волочкѣ, по правому берегу Тверскаго канала.

2) На рѣкѣ Цнѣ: въ городѣ Вышнемъ Волочкѣ и на всомъ протяженіи 10 верстъ судоходнаго положенія этой рѣки ниже заводскаго бейшлота.

3) На Мстѣ: преимущественно при селеніи Солцѣ и Алексѣевскомъ. Для снабженія проходящихъ судовъ добавочнымъ рабочимъ народомъ, при препровожденіи ихъ по порогамъ рѣки Мсты, учреждена Ношкннская пристань.

Описавъ гидротехническія сооруженія одной изъ главнѣйшихъ судоходныхъ системъ государства, имѣющей рѣшительное вліяніе на движеніе народной дѣятельности тверской губерніи, намъ остается для поясненія этого вліянія разсказать о способѣ управленія самаго судоходства. Описаніе этого способа еще яснѣе обрисуетъ вліяніе тверскихъ водъ на благосостояніе этой губерніи, и на путь, по которому развивается и должна развиваться промышленная жизнь ея.

По мелководію рѣкѣ Тверцы и Мсты судоходство по нимъ, какъ мы уже замѣтили, не можетъ производиться непрерывно, — а караванами, такъ, что когда караваны поднимаются по рѣкѣ Тверцѣ, то резервуары рѣки Мсты и ея притоковъ запираются;

и на оборотъ, когда караваны сплавляются по Мстѣ, то тверецкій шлюзъ бываетъ запертъ. Впрочемъ, иногда, въ весеннее время, при большомъ изобиліи водъ, всѣ шлюзы на судоходномъ пути бываютъ открыты, и тогда позволено баркамъ, не останавливаясь въ Вышнемъ Волочкѣ, прямо изъ Тверцы переходить черезъ Цну и озеро Мстинно въ рѣку Мету. Этотъ образъ судоходства называется сквознымъ ходомъ, и допускается только тогда, когда предвидится возможность пропустить, по крайней мѣрѣ, двѣсти барокъ. Въ противномъ случаѣ, для совокупности распоряженій, ожидаютъ скопленія всего каравана.

Всѣ резервуары вышневолоцкой судоходной системы по своему двоякаго рода: рѣчные и озерные. Наполненіе рѣчныхъ резервуаровъ начинается съ ранней весны, и можетъ повторяться въ теченіе навигаціи нѣсколько разъ, смотря по состоянію притоковъ, зависящему отъ болѣе или менѣе дождливаго лѣта. Скопленіе же водъ въ озерныхъ резервуарахъ дѣлается только одинъ разъ, и начинается съ предшествовавшей осени, такъ, чтобы съ открытіемъ весны вся снѣговая вода была задержана. Не смотря на такое различіе въ источникахъ наполненія резервуаровъ необходимо въ распоряженіи запасною водою соблюдать единство и соображать ея расходованіе съ количествомъ приходящихъ судовъ. Съ другой стороны и распределеніе приходящихъ, судовъ на караваны зависитъ оттого, болѣе или менѣе воды скопилось въ резервуарахъ.

Самый ранній караванъ отправляемый въ Петербургъ не проходитъ черезъ вышневолоцкіе каналы, но нагружается на верховья рѣки Меты, ниже мстинскаго шлюза, при селѣ Солпѣ, куда въ продолженіе зимы свозятся произведенія изъ низовыхъ мѣстъ и ихъ окрестностей. Этотъ караванъ, называемый солпенскимъ, обыкновенно отправляется въ путь лишь только верховье рѣки Меты очистится отъ льда, и приходитъ въ С. Петербургъ весьма рано (въ половинѣ мая). Онъ долженъ пройти черезъ Боровницкіе пороги до наступленія водополи, чтобы при высокой водѣ не подвергнуться опасностямъ отъ быстроты теченія. Другое затрудненіе, иногда встрѣчаемое имъ, есть недостатокъ воды во Мстѣ. Въ первомъ случаѣ за два дня до прибытія каравана на Опецкую приставь (въ ста верстахъ отъ верховья Меты), припирается на короткое время мстинскій шлюзъ и тверскій бейшлотъ, чтобы приостановить притокъ воды. Во второмъ случаѣ, также припирается мстинскій шлюзъ и по ско-

плени въ мстинскомъ резервуарѣ воды на три аршина десять вершковъ, съ этою водою караванъ пускается въ ходъ. Обыкновенно онъ доходитъ отъ мѣста нагрузки до Опеченной пристани въ два дня и на третій спускается въ пороги.

Первый караванъ, проходящій чрезъ вышеволожскіе каналы, называется весеннимъ. Онъ составляется изъ судовъ, грузящихся и отправляющихся съ мѣстъ нагрузки со вскрытіемъ весеннихъ водъ: а) по пристанямъ, устроеннымъ на рѣкахъ Гжати, Вазузѣ и на Волгѣ, выше Твери. б) На Тверской и Новоторжской пристаняхъ; с) въ разныхъ мѣстахъ между Тверью и Рыбинскомъ; д) на рогачевскихъ пристаняхъ и по рѣкамъ Яхрому и Сестрѣ. Важнѣйшее затрудненіе, встрѣчаемое этимъ караваномъ, при слѣдованіи вверхъ по Тверцѣ, заключается въ томъ, что возвышенною волжскою водою набиваетъ въ Тверцу множество льда, который по спаде воды остается на бичевникахъ: судопромышленники обязаны на свой счетъ прочищать по бичевникамъ свободный проходъ для лошадей. Число судовъ, которое можетъ быть ежедневно введено съ Волги въ Тверцу, простирается до семидесяти; но такъ какъ въ караванѣ бываетъ иногда до двухъ тысячъ судовъ, то на доведеніе всѣхъ ихъ до Волочка требуется времени не менѣе тридцати пяти дней. Въ теченіе этого времени, не смотря на отпоръ тверецкаго шлюза, вода въ рѣкѣ значительно упадаетъ, и весенній караванъ встрѣтилъ бы много препятствій отъ мелководія, еслибъ для поддержанія судомѣрной пропорціи воды не пользовались Осугскимъ водохранилищемъ.

Для подъема судовъ по рѣкѣ Тверцѣ при управленіи рулемъ, употребляется подъ каждую барку по десяти лошадей съ четырьмя коноводами и одинъ лоцманъ. Тяга производится посредствомъ бичевы, прикрѣпленной къ мачтѣ. На обыкновенныхъ ходовыхъ лошадяхъ барки доходятъ отъ Твери до Волочка въ продолженіи одиннадцати до тринадцати дней, а съ подталкию, смотря по мѣрѣ ея употребленія, отъ пяти до осьми дней.

По вступленіи въ Вышневолоцкіе каналы барки переснащаются, потому что далѣе судоходство изъ подъемнаго дѣлается сплавнымъ. Эта переснастка заключается въ томъ, что по концамъ барки кладутся для управленія четыре потеси, выдѣлываемыя изъ девяти саженныхъ еловыхъ бревенъ; при концахъ потесей устраиваютъ четыре палаты, на которые становятся судорабочіе для дѣйствія потесей. Въ Волочкѣ нанимаются *рядомъ* на биржѣ лоцманъ, два концевые и десять человекъ сходочныхъ

для дѣйствія потесьми, а иногда и для тяги судовъ по плесамъ и при противномъ вѣтрѣ. Наконецъ, въ Волочкѣ же суда переѣзжаются; по уставу размѣры ихъ не должны превышать семнадцати саженой длины и четырехъ сажень ширины. Грузъ судовъ для весенняго каравана назначается въ пятнадцать вершковъ.

Когда въ Волочкѣ скопится до 600 судовъ, то озеро Мстинно наливается черезъ цинвскій бейшлотъ не менѣе четырехъ аршинъ, 6 вершковъ, и эта пропорція увеличивается водою, выпускаемою вмѣстѣ съ судами, отправляемыми постепенно, по мѣрѣ ихъ скопленія, изъ Волочка. Среднее количество судовъ ежедневно выпускаемыхъ изъ вышневолоцкихъ каналовъ простирается до 120. Выпускъ судовъ въ озеро Мстинно производится не вдругъ, для того, чтобы не обезсилить заводскаго резервуара одновременнымъ пропускомъ воды въ Тверцу и въ озеро Мстинно, и чтобы слишкомъ раннимъ открытiемъ найма рабочихъ не подвергнуть судохозяевъ передачамъ. Для этого, заблаговременно черезъ полицiю, вызываютъ окрестныхъ жителей, желающихъ наниматься на суда, и ряда съ ними открывается на особо учрежденной биржѣ. Цѣна судорабочему отъ Волочка до Новгорода измѣняется отъ 3 рублей 40 копѣекъ серебромъ до 8 рублей 50 копѣекъ серебромъ; до Петербурга же платится обыкновенно вдвое болѣе.

Всѣмъ баркамъ слѣдующимъ по Тверцѣ, объявляется заблаговременно о днѣ назначенномъ для запора тверскаго шлюза. Принято за правило, чтобы этотъ шлюзъ запирался въ тотъ же день, когда мстинскій шлюзъ отпирается. Барки спускаются въ Мсту посредствомъ воды, скопившейся въ озерѣ Мстинѣ, и протекающей чрезъ Цинвскій бейшлотъ, который запирается только тогда, когда уже послѣднiя барки вышедшия изъ озера Мстинна достигнутъ Ношкинской пристани. Послѣ этого, для поддержанiя судоходной пропорцiи воды въ рѣкѣ Мстѣ, постепенно открываются и закрываются побочные къ этой рѣкѣ бейшлоты. Мстинскій шлюзъ запирается тогда, когда уже весь караванъ пройдетъ Опеченскую пристань (въ 100 верстахъ отъ Мстинскаго шлюза). На Пошкинской пристани число судорабочихъ увеличивается до двадцати пяти человѣкъ, а въ Боровицкихъ порогахъ даже до шестидесяти и семидесяти.

До мстинскаго шлюза и Волочка барки доходятъ не ранѣе какъ въ сутки: отъ мстинскаго шлюза до Опеченской пристани отъ полтора до двухъ, а отъ Опеченской пристани до Сиверсова или Вишерскаго каналовъ, въ четверо сутокъ.

По закрытiи тверскаго шлюза вода въ рѣкѣ Тверцѣ до

того упадаетъ, что обнаруживаются всѣ песчаныя отмели и каменные гряды; въ это время приступаютъ немедленно къ очисткѣ фарватера и исправленію ежедневно оказывающихся поврежденій въ фашинныхъ водостѣпительныхъ плотинахъ. Въ то же время принимаются мѣры къ пополненію заводскаго резервуара, обезсиленнаго выпускомъ воды въ Тверцу и Мсту. Для этого шлинскій бейшлотъ, остававшійся до того закрытымъ, отпирается, и остается въ этомъ положеніи до осени и закрытія судоходства. Для осенняго же каравана отпираются сверхъ того всѣ мельничныя плотины на рѣкѣ Шлинѣ, Гравшинѣ и Осугѣ. Впрочемъ, порядокъ отправленія межвеняго и осенняго каравановъ нѣсколько не разнится отъ описаннаго способа отправленія весенняго каравана; наблюдается только, чтобы тверецкій шлюзъ отпирался для межвеняго каравана не позже 20 іюня, а для осенняго не позже послѣднихъ чиселъ августа.

Солпенскій караванъ состоитъ изъ 87 судовъ, преимущественно съ хлѣбомъ, на сумму до 400,000 рублей серебромъ.

Новоторжскій караванъ, обыкновенно состоитъ изъ 117 судовъ преимущественно съ хлѣбомъ, цѣною на 412,000 рублей серебромъ.

Верхневолжскій караванъ, въ составъ котораго входятъ суда, грузящіяся на рѣкахъ Гжати и Вазузѣ, и на верховьяхъ Волги до Твери, состоитъ среднимъ числомъ, изъ 835 судовъ, — съ овсомъ, пенькою, саломъ и масломъ, цѣнностію на 7,213,000 рублей серебромъ.

Тверской караванъ состоитъ изъ 795 судовъ, нагруженныхъ по рѣкѣ Волгѣ, между Тверью и Рыбинскомъ, хлѣбомъ, саломъ и коноплянымъ масломъ на 4,012,000 рублей серебромъ.

Льтній караванъ обыкновенно состоитъ изъ 2,219 судовъ, съ нижнихъ пристаней рѣки Волги и изъ оставшихся въ рѣкѣ Тверці отъ весенняго каравана; нагружается хлѣбомъ, крупю и разными жизненными припасами на 5,545,528 рублей серебромъ.

Осенній караванъ составляется изъ 1,267 судовъ, съ нижнихъ пристаней рѣкѣ Волги, съ хлѣбомъ, крупю, саломъ, пенькою, металлами и разными жизненными потребностями на 4,773,961 рубль серебромъ.

Вотъ въ какихъ огромныхъ размѣрахъ совершается судоходство по одной западной вѣтви водъ тверской губерніи. Слишкомъ 4,000 судовъ здѣсь нагружаются, перегружаются или разгружаются.... Всего нагружаются на этой вѣтви судоходства до

2,740 судовъ; цѣнность кладн простирается до 13,247,000 рублей серебромъ. Разгружается въ губерніи до 3,280 судовъ съ кладью на сумму до 7,000,000 рублей серебромъ. Сколько для всего этого нужно рукъ и капиталовъ! Однихъ судорабочихъ губерніи ежегодно поставляетъ до 20,000 человекъ: кромѣ того люди нужны для постройки судовъ, для подвоза грузовъ, для закушки и перекушки хлѣба, пеньки, сала, и тому подобнаго. Когда разсчитаемъ какіе огромные капиталы должна приводить въ движеніе транзитная черезъ губернію торговля, то перестанемъ удивляться отчего въ ней слабо развита мануфактурная дѣятельность. Зачѣмъ капиталисту пускаться въ сомнительныя заводскія предпріятія, когда у него подъ рукою вѣрныя выгоды отъ торговли? Восточная или сѣверо-восточная вѣтвь судоходныхъ водъ Тверской губерніи не столь значительна по влиянію ея на дѣятельность жителей губерніи, хотя транзитъ по этой части водъ мало разнится отъ транзита по западной вѣтви. Здѣсь суда только проходятъ черезъ губернію, рѣдко останавливаясь для перегрузки, какъ это дѣлается на Вышневолоцкой системѣ: по этому кругъ влияния судоходства не обширенъ, распространяется только на земли, прилегающія къ водамъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ Молога.

Судоходство по рѣкѣ Мологѣ, выше Устюжны, производится только въ весеннее время, по причинѣ мелководія и пороговъ около Борисова. Въ то время суда, идущія вверхъ, при грузѣ 3,000 пудъ садятся въ воду на 14 вершковъ. Тянутся двумя парами лошадей; отъ устья Чагодоши до Бѣжецка платять отъ 17 до 25 рублей серебромъ за пару лошадей съ коноводами. Эти суда нагружаются преимущественно солью, пшеничною мукою и частію крупю. Весьма часто случается, что онѣ не успеваютъ дойти до Бѣжецка до спада весеннихъ водъ, и въ то время грузъ доставляется съ мѣста обмелѣнія сухимъ путемъ. Изъ Бѣжецка отправляются внизъ по рѣкѣ канавныя лодки, которыя при грузѣ отъ 12 до 14 вершковъ поднимаютъ отъ 1,500—1,700 пудъ. Главный грузъ ихъ состоитъ изъ порожнихъ мѣшковъ. Такихъ лодокъ въ 1845 году отправлено семь, съ грузомъ на 25,000 рублей серебромъ. Часть Мологи на границѣ Череповскаго уѣзда входитъ въ составъ Тихвинской судоходной системы. Судоходство производится взводное и сплавное. Суда называемыя тихвинками, которыя при грузѣ 2,000 пудовъ, садятся въ воду 16 вершковъ; въ межлѣдное время онѣ не могутъ грузиться болѣе

9 вершковъ, при чемъ поднимають до 900 пудовъ. Въ 1845 году прошло мимо Весьегонска вверхъ 3,178 судовъ, внизъ 1,143. Вверхъ возится преимущественно хлѣбъ и товары, закупаемые на Нижегородской ярмаркѣ: желѣзо, чай и прочее. Изъ С. Петербурга провозится: хлопчатая бумага, пряденая бумага, колоніальные и заграничные товары.

Всѣхъ судовъ на Мологѣ, отъ границы Ярославской губерніи до Устюжны, съ Весьегонской приставью, грузится только 177, и цѣнность ихъ груза не превышаетъ 475,000 рублей серебромъ; на томъ же пространствѣ разгружается до 435 судовъ съ кладью на 367,000 рублей серебромъ, а между тѣмъ проходитъ по Мологѣ, какъ мы уже сказали, слишкомъ 3,000 судовъ. Вотъ почему восточная вѣтвь тверскихъ водъ не оказываетъ такого сильнаго вліянія на дѣятельность жителей губерніи какъ западная: здѣсь нагружается и разгружается почти въ десятеро мѣнѣе.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ОГОРОДНИЧЕСТВО

ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

=

Не имѣя въ виду слѣдить за развитіемъ огородничества во всей Восточной Сибири, мы представимъ только картину сильнѣйшаго его развитія въ этомъ краю, и для того мѣстомъ нашихъ наблюденій избираемъ городъ Иркутскъ, гдѣ наиболѣе выражается и сосредоточивается промышленность и просвѣщеніе всей Восточной Сибири. Этотъ городъ находится подъ 52°, 17' сѣверной широты, слѣдовательно подъ одною широтою съ Орломъ, Тамбовомъ и другими городами средней полосы Россіи, гдѣ въ полномъ развитіи процвѣтаетъ земледѣліе и садоводство. Казалось бы, что одинаковыя причины должны производить тѣ же послѣдствія, а выходитъ иначе. Растительность, кромѣ широты имѣетъ, зависитъ отъ другихъ причинъ, на примѣръ отъ возвышенія поверхности земли, отъ внѣшней формы и качества самой почвы, влажности воздуха и тому подобнаго, а потому, что произрастаетъ въ Россіи, того подъ той же широтою нѣтъ въ Сибири, и наоборотъ. Кромѣ того, извѣстно, что климатъ становится суровѣе, чѣмъ дальше къ востоку¹, такъ-что за Ураломъ нѣтъ уже плодоносныхъ деревьевъ, нѣтъ дуба, клена и вяза. Однако же,

въ южной полосѣ Иркутской губерніи природа начинается оживать въ дикихъ яблоняхъ и персикахъ, а по косягорамъ Дауриі показывается и дубъ, но скромнымъ деревцомъ не выше сажени.

Холодныя сибирскія зимы и отсутствіе плодосныхъ деревьевъ, а также рассказы путешественниковъ, незамѣтившихъ въ Сибири ничего кромѣ холода, распространили о ней почти недѣльные свѣдѣнія. Въ особенности встрѣчаемъ много преувеличеній въ рассказахъ путешественниковъ иностранцевъ, желавшихъ обратить вниманіе правительства на свои страданія. Изъ числа ихъ сѣвнѣе всѣхъ аббатъ ле-Шабъ, наблюдавшій въ Тобольскѣ прохожденіе Венеры по солнцу: онъ дгаль безъ стыда и соблюденія приличія. Что же касается до извѣстій о невѣроятныхъ сибирскихъ морозахъ, то извѣстія эти были слѣдствіемъ неосновательности знаній въ области физики, и вовлекли въ ошибки многихъ, даже умныхъ и образованныхъ людей, въ томъ числѣ и Гмелина.

До половины прошедшаго столѣтія въ Европѣ не знали, что ртуть замерзаетъ при морозахъ ниже 32 градусовъ, и что при замерзаніи упадаетъ въ шарикъ термометра, или останавливается на изумительной степени холода. Это открыли только въ новѣйшія времена. Опыты доказали, что ртутный термометръ, какъ бы онъ ни былъ вѣренъ, начинаетъ фальшивить ниже 28° холода, то есть, когда ртуть приблизится къ состоянію отвердѣнія. Ле-Шабъ, Гмелинъ и другіе имѣли ртутные термометры и не знали ихъ свойствъ, а потому увѣрили Европу, что въ Сибири бываютъ морозы отъ 68 до 70 градусовъ по Реомюру. Самыми суровыми мѣстами на сѣверо-востокѣ Сибири слывутъ Якутскъ и урочище Омсконъ; но и здѣсь не бываетъ такихъ баснословныхъ морозовъ, о какихъ рассказываютъ аббатъ ле-Шабъ и Гмелинъ. Въ Якутскѣ съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія постоянно ведутся метеорологическія наблюденія, изъ которыхъ видно, что сильнѣйшіе холода были въ 1832 году 4-го декабря—въ 44 градуса, 1834—5-го и 6-го января—въ 42 гр., въ 1837, 1-го января—въ 43 гр., а 1838, 28 января морозъ доходилъ даже до 48 градусовъ. Между 48 и 70 градусовъ холода большая разница; но эта разность сомнительна: но мастеръ термометра обратилъ ли вниманіе на внутреннюю пустоту трубочки? Разгоряченная для надуванія шарика, она могла вытянуться; притомъ, неодинаковая сжимаемость и расширяемость при теплѣ и морозѣ металловъ, дерева и стекла, могутъ произвести раз-

ность въ двухъ термометрахъ совершенно вывѣренныхъ, особенно потому что при изготовленіи термометровъ не обращаютъ вниманія на дѣленіе ниже 25 градусовъ холода, какъ не нужное для Европы.

Наблюденія, производимыя въ Иркутскѣ не даютъ утѣшительныхъ выводовъ о климатѣ: тамъ средняя годичная температура, по двадцати-пяти-лѣтней сложности, едва превышаетъ точку замерзанія.

Казалось бы, что трудно ожидать успѣховъ земледѣлія и огородничества при столь неблагоприятныхъ термометрическихъ выводахъ; однако жъ на дѣлѣ выходитъ иначе. Важность не въ степени морозовъ или жаровъ, а въ продолжительности лѣта; но и здѣсь встрѣчаются исключенія: опыты земледѣлія, производимые въ Якутскѣ, доказали, что краткость лѣта, до нѣкоторой степени, замѣняется продолжительностію солнечной теплоты днемъ: тамъ солнце освѣщаетъ и согреваетъ землю двадцать часовъ въ сутки.

Зимніе морозы пагубны только для деревьевъ, пересаженныхъ изъ умѣренныхъ климатовъ, но и противъ этого есть предохранительныя средства. Корни же двулѣтнихъ и многолѣтнихъ растений, напримѣръ: картофеля, рѣпки, моркови, рѣпы вездѣ вынимаются изъ земли и сохраняются зимою въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они не могутъ замерзать или пустить не во время ростки. Одною изъ причинъ общаго мѣтвія о суровости Сибирскаго климата и безплодіи почвы, вѣроятно были и первые неудачные опыты въ земледѣліи и огородничествѣ; но настоящая причина неудачъ не климатъ, а лѣнь, неразлучная спутница довольствія, предпочитающая легкіе способы приобрѣтенія, тяжелымъ трудамъ обработыванія земли. Зачѣмъ, напримѣръ, жителю Якутска изнувать себя работою въ потѣ лица? Рѣка Лена доставляетъ ему прекрасную рыбу, скоть — масло, жиръ, молоко и говядину; настала осень, онъ идетъ въ Тайгу и стрѣляетъ бѣлку, соболей, лисницъ; лѣтомъ привезетъ ему купецъ изъ Иркутска хлѣба и купитъ у него за даровую цѣну пушной товаръ. Теперь когда истощенная природа сдѣлалась скупѣе, а роскошь потребовала новыхъ расходовъ, человекъ принялся и за землю; оказалось, что тѣ мѣста, которыя издавна считались неплодными, стали давать изумительные урожаи.

Надобно замѣтить, что мѣстоположеніе Восточной Сибири вообще гористое, почва черноземная, и землю удобряютъ только въ огородахъ подъ огурцы, капусту и табакъ; тутъ земля

производить овощи болѣе ста лѣтъ безъ отдыха. — Известно, что въ гористыхъ странахъ зимать суровѣе, нежели на равнинахъ, гдѣ солнечные лучи дѣйствуютъ одинаково на всю почву. Эта восточность и открытое пространство Сибири къ Ледовитому морю дѣлають климатъ Иркутска подъ 52 градусомъ широты суровѣе климата Европейской Россіи подъ тою же широтою, но природа беретъ свое. Къ 25 марта снѣгу уже нѣтъ, рѣки проходятъ и термометръ показывается въ тѣни + 16 по рѣкѣ, въ апрѣлѣ теплота простирается иногда до + 26 градусомъ. Не надѣйтесь однакожь на эту теплоту, она временное торжество высоты солнца надъ мѣстностью: по утрамъ термометръ показывается 3 градуса холода. Байкаль, находящійся въ шестидесяти верстахъ отъ Иркутска, своей огромной площадью, до 9-го мая покрытой толстымъ льдомъ, также сильно прокладываетъ воздухъ ночью, а потому до половины мая здѣсь нельзя садить овощей въ гряды. Туземныя деревья и растенія какъ бы понимаютъ непостоянство климата и ожидаютъ тепла: сибирская яблоня и черемуха до послѣднихъ чиселъ мая жмутся въ почкахъ и не распускаются; есть однако же и такія растенія, которымъ не страшны утренники. Прострѣлы (*pulsatilla patens, vulgaris et albana*) разцвѣтають на солонпеккахъ съ 1-го апрѣля, не боясь утренниковъ въ 9 градусомъ. Концы цвѣточныхъ лепестковъ прихватываетъ морозомъ, но плодотворныя части и самое растеніе остаются невредимы. Багульникъ (*Rhododendron dauricum*) разцвѣтаетъ около 20-го апрѣля и покрываетъ всѣ покатости горъ краснымъ цвѣтомъ; но сибирская яблоня цвѣтетъ между 20- и 25 мая. Яблоня, привезенная изъ Россіи и посаженная въ грунтъ, распускается и цвѣтетъ при первой весенней теплотѣ, но погибаетъ въ цвѣту отъ перваго утренника. Вотъ почему въ Иркутскѣ нѣтъ плодоносныхъ деревьевъ. Однако жъ, нельзя не замѣтить, что при опытахъ разведенія ихъ не соблюдали никакихъ предосторожностей; зачѣмъ было развѣртывать яблоню до наступленія кореннаго тепла, когда разцвѣтають сибирскія яблони!

Зимомъ 1828 года прислали изъ Оренбурга въ Иркутскъ сирень, въ апрѣлѣ ее посадили и лѣтомъ она дала множество побѣговъ. На зиму эту сирень покрыли рогожами, а весной она зазеленѣла. На третій годъ ее раскрыли въ мартѣ и на сирени при нагунленіи теплоты показались сперва распуковки, а потомъ и цвѣты, но первый морозъ погубилъ ихъ. Въ слѣдующемъ году раскрыли сирень въ маѣ, и дерево своимъ порядкомъ покрылось листьями и цвѣтами, но сѣмятъ не принесло. Осенью

1839 года, то есть по прошествіи десяти лѣтъ дерево оставлено на зиму не покрытымъ. Настала весна, временная теплота, но сѣрень не вдалась въ обманъ, и разцвѣла около 25-го мая. Въ 1841 году она выдержала не покрытая морозъ въ 34 градуса. Въ 1844 году она достигла росту въ три аршина и совершенно привыкла къ нашему климату. Изъ этого видно, что постепенно можно приучить къ климату всё европейскія плодоносныя деревья.

Обратимся теперь къ огородничеству. Эта важная статья народнаго пропитанія процвѣтаетъ въ Иркутскѣ съ незапамятныхъ временъ. Эта отрасль промышленности лежитъ здѣсь на женщинахъ. Иркутянки всегда опрятныя, трудолюбивыя, прекрасно ведутъ и свои огороды. Гряды у нихъ высокія, съ боковъ гладко уложены лопатою, борозды проведены по виткѣ. Засмѣютъ хозяйку, если увидятъ у нея кривыя борозды или осыпавшіяся гряды; бѣда если капуста посажена не въ ровномъ разстояніи кустъ отъ куста, или огуречныя борозды кривы и не ровны; — бѣда если гряды не полоты, а табакъ покуда не пошелъ въ цвѣтъ не подщипанъ. Бѣда если въ бороздахъ валяется выкинутая трава. У хорошей хозяйки по грядамъ между овощами цвѣтеть китайскій макъ, бархатцы, ноготки и астры. Гдѣ-нибудь у стѣнки цвѣтутъ мотыльки (*viola tricolor*), шпоры и тому подобное, а на грядахъ въ приличныхъ мѣстахъ — подсолнечники.

Неизбѣжную принадлежность здѣшняго хозяйства составляютъ капуста обыкновенная, красная рѣпа, рѣдка, свекла, морковь, картофель, брюква, огурцы и тыква. При каждомъ домѣ, не только въ деревняхъ, но и въ городахъ непремѣнно есть огороды, гдѣ разводятъ овощи. Между ними первое мѣсто занимаетъ картофель. Когда это полезное растеніе завезено въ Сибирь, никто не помнитъ, вѣроятно въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Нѣкоторые думаютъ, что картофель завезенъ сюда изъ Китая, потому что въ нѣкихъ огородахъ сажаютъ красный чешуйный картофель, который называютъ китайскимъ. Здѣсь самъ собою родится и цвѣтеть превосходный китайскій макъ съ махровыми какъ піонъ цвѣтами. Сибиряки имѣли возможность много получать изъ Китая чрезъ Кяхту и чрезъ наши духовныя миссіи, выѣзжающія изъ Пекина каждые десять лѣтъ. Но обыкновенный картофель стали разводить въ Китаѣ весьма недавно; стало-быть онъ не оттуда вывезенъ въ Сибирь, гдѣ составляетъ основную пищу, особливо въ постъ. Его ѣдятъ печеный, вареный съ приправою сала, но безъ масла, дѣлаютъ кашу

съ прибавкою муки, жарить на сковородѣ драчону, пекутъ въ пирогахъ съ примѣсю рубленыхъ яицъ, наконецъ дѣлаютъ изъ него муку, изъ которой пекутъ вафли и другое хлѣбное къ чаю, не умѣютъ только дѣлать патоки и курить вино, что единственно дозволено. Сибиряки никогда не гнушались картофелемъ и не считали его проклятымъ корнемъ, Картофель началъ распространяться даже между кочующими народами. Сибиряки узнали наощупъ, что лучшій картофель, рассыпчатый и пышный, родится на песчаномъ или глинистомъ грунтѣ, а потому при унавоженіи огородовъ тщательно охраняютъ отъ навозу гряды, назначенныя подъ этотъ овощъ. На черноземѣ картофель бываетъ мелокъ и водянистъ. Въ мясоѣдъ Сибирякъ не сядетъ за столъ безъ щей или полхлебки, и тогда картофель идетъ на вторыя блюда, на верховытку, какъ говорятъ въ Сибири. Его хлебаютъ даже съ квасомъ. Можно сказать, что въ Сибири употребленіе картофеля развито вплоть: его сажаютъ прямо въ гряды корнями и только при недостаткѣ разрѣзываютъ на куски; огребанія дѣлать вовсе не знаютъ. Урожай бываетъ самъ-семь и самъ-десять. Картофель вынимаютъ изъ земли поздно осенью, когда снимутъ всѣ овощи и хранятъ въ ямахъ подъ домомъ съ прочими корнеплодными растеніями.

Капусту сѣютъ сперва въ разсадникъ, въ землю, хорошо удобренную черноземомъ, за которымъ въ Сибири дѣло не стало, и на ночь закрываютъ досками и рогожами. Когда растеніе достигнетъ надлежащей величины, его вынимаютъ и пересаживаютъ въ гряды, что обыкновенно дѣлается къ Троицыну дню. Въ Иркутскѣ капустную разсадку продаютъ на рынкѣ въ рѣшеткахъ; ее покупаютъ обыкновенно тѣ, у кого она позябла, не взошла и т. п. Капуста остается въ грядахъ до половины сентября, тогда ее снимаютъ и рубятъ по большей части помочами. Это важное событіе въ хозяйствѣ называется *капусткою*. Въ назначенный день приглашаются родственники, знакомыя и сосѣдки, по большей части дѣвицы; мужчины не могутъ участвовать въ капусткѣ. Одѣвшись въ лучшее платье берутъ сѣтку и отправляются, обыкновенно послѣ обѣда, въ назначенное мѣсто. Листы капусты раздѣляютъ на сорта и сваливаютъ въ полубочья, тутъ рубятъ ихъ сѣчками на длинныхъ черняхъ. Верхніе грубые листы капусты рубятъ для корму свиней съ прибавкою отрубей, а лучшіе готовятъ какъ въ Россіи. Въ продолженіе работы на капусткахъ поютъ пѣсни. Работать съ пѣснями характерная черта Русскихъ. Вечеромъ дѣлается угощеніе, а потомъ начинаются пляски. — Полная капустная дѣ-

тельность бываетъ около 17 сентября; тогда городъ оглашается пѣсенями, а воздухъ урчаніемъ и грохотомъ пушенныхъ змѣевъ до которыхъ иркутскіе жители большіе охотники. Величина змѣевъ, часто бываетъ листовъ въ 16 писчей бумаги; почью въ хвосту привязываютъ фонари. Во время капустокъ молодежь составляетъ рэстры этимъ собраніямъ и вечеромъ переходитъ группами изъ одного дома въ другой, званые и незваные. Теперь капустки соблюдаются въ отдаленныхъ частяхъ города; новое поколѣніе стыдится старыхъ обычаевъ. Въ селеніяхъ капуста заготавливается въ огромномъ количествѣ. Рубленая кислая капуста съ лукомъ и квасомъ, составляетъ обыкновенную принадлежность постаго стола.

Морковь садятъ сѣменами въ гряду и покрываютъ сверху тонкимъ слоемъ навоза. Ъдятъ сырую какъ лакомство для препровожденія времени; мелко изрубленную съ янцами пекутъ въ пирогахъ, которые называются *морковниками*.

Рѣпу и рѣдку садятъ семенами на бока грядъ. Рѣпы одинъ только сортъ, красный, ее употребляютъ сырую и пареную въ карчагахъ, преимущественно въ деревняхъ, горожанамъ не нравится запахъ пареной рѣпы. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее сѣютъ на поляхъ. *Рѣдки* одинъ только сортъ въ общемъ употребленіи, ее кушаютъ во время постовъ: тертую хлебають съ квасомъ и кислую капустою; разрѣзанную ломтиками подливаютъ постнымъ масломъ. Охотники ѣдятъ тертую рѣдку до перваго поста. Редиска и паровая рѣдка употребляются только въ богатыхъ домахъ.

Свеклу садятъ въ гряды сѣменами. При употребленіи варятъ, разрѣзываютъ на лопасти и заквашиваютъ. Хлебають подливши квасу. Борщу не знаютъ.

Брюкву употребляютъ какъ рѣпу; но она не многимъ известна.

Огурцы бываютъ двухъ родовъ: обыкновенные и китайскіе; послѣдніе длинныя, но не вкусны, и разводятся только для рѣдкости. Огуречныя сѣмяна какъ ранній плодъ мочать сперва въ тряпкѣ, обложеной сокомъ, и когда онѣ пустятъ ростки высаживаютъ въ унавоженныя гряды и въ первое время поливаютъ каждый день. Огурцы поспѣваютъ къ Петрову посту и доставляютъ народу первую зеленую пищу. Сибирячки не мастерицы солить огурцы: весною ихъ вельзя ѣсть.

Тыкву садятъ обыкновенно у стѣнъ, чтобъ удобнѣе приставитъ къ нимъ плетень или рѣшетчатую наклоненную плоскость, по

которой бы могли разстлаться побѣги растенія. Тыквы бѣднотченной величины, изъ нихъ готовятъ кашу, иногда семять какъ огурцы.

Дыни и арбузы нѣкогда составляли принадлежность богатыхъ домовъ; сѣмена получали отъ Китайцевъ или выписывали изъ Россіи. Ихъ сажаютъ сперва въ ящики и держатъ въ комнатахъ на окошкахъ, а по наступленіи тепла высаживаютъ въ гряды. Недавно одинъ крестьянинъ въ деревнѣ Олонкахъ развелъ большую плантацію арбузовъ: осенью у него оказалось двѣсти-семьдесятъ штукъ хорошо созрѣвшихъ арбузовъ; нѣкоторые изъ нихъ вѣсили двадцать фунтовъ. Для опыта онъ послалъ на рынокъ въ Иркутскъ два воза своихъ продуктовъ и дѣло кончилось счастливо: большіе арбузы проданы по одному руб. пятидесяти коп., а малые по одному руб. серебромъ. Тотъ же крестьянинъ разводитъ кукурузу, при помощи парниковъ, но едва ли успѣшно; кукуруза требуетъ продолжительнаго лѣта. Нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ въ Иркутскѣ, въ разныя времена, не успѣшны.

Въ 1848 году была въ Иркутскѣ выставка дынь и арбузовъ. Самая крупная дыня вѣсила двадцать три фунта, арбузъ осьмнадцать фунтовъ.

Горохъ и бобы сажаютъ въ огородахъ для лакомства лѣтомъ; въ деревняхъ рѣдко увидите поле, засѣянное горохомъ, а въ Иркутскѣ не всегда найдете въ продажѣ гороховую муку.

Салатъ, селери, петрушка и т. п. растутъ въ огородахъ высшаго круга, но народъ не употребляетъ въ пищу, этихъ растеній. *Спаржу* и *шпинатъ* Сибирякъ въ ротъ не возьметъ, ему нравится только соусъ, которымъ обливаютъ эту зелень.

Лукъ разныхъ родовъ и *чеснокъ* разводятся въ каждомъ огородѣ какъ обыкновенная приправа кушанья.

Табакъ послѣ картофеля составляетъ старую принадлежность сибирскаго огородничества. Каждый огородъ дѣлится на двѣ половинны: одна для овощей, другая для табаку. Сѣмена этого растенія выписаны сюда изъ Малороссіи во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, незабвеннымъ губернаторомъ Кличкою. Прежде табакъ, привозимый изъ Малороссіи, продавался дорого. Кличка замѣтилъ, что климатъ Иркутска можетъ производить это растеніе, развелъ плантацію сперва у себя въ огородѣ, нанявъ Иркутянокъ водиться съ нимъ и нечувствительно выучилъ ихъ табаководству. Этотъ необыкновенный человекъ пекся только о пользѣ ближняго и уѣхалъ изъ Иркутска бѣднякомъ, оставивъ по себѣ имя благодѣтеля, правосуднаго и безпристрастнаго. Его

спераніемъ открыты въ Иркутскѣ народное училище, публичная библіотека; распространено земледѣліе, разширена внутренняя торговля и такъ далѣе; однимъ словомъ, все получило здѣсь правдыный ходъ, все направлено къ одной цѣли, благоденствію.

Въ Иркутскѣ разводится два сорта табаку: тютюнь и махорка; первый извѣстенъ подъ именемъ простаго, второй называется черкасскимъ, не преобладаетъ тютюнь. Сѣмена мочатъ сперва въ мохъ, и какъ скоро покажутся на нихъ ростки, сѣютъ въ разсадникъ и на ночь покрываютъ досками и рогожами; тутъ остается табакъ до появленія первыхъ листьевъ, и тогда уже пересаживается въ гряды, на три четверти аршина расстоянія кусть отъ куста, и поливается каждый день до-тѣхъ-поръ пока листья увеличатся и начнутъ давать тѣнь. Въ продолженіе лѣта его нѣсколько разъ подщипываютъ и оставляютъ только четыре листа самые лучшіе. — Нѣсколько кустовъ растетъ свободно для произведенія сѣмянъ. Тютюнь боится морозовъ; первый ней въ августѣ мѣсяцѣ можетъ погубить всю плантацію, а потому его оставляютъ въ грядахъ только до 15 августа. Потомъ листья обрываютъ, даютъ имъ немного полежать въ кучахъ, нижутъ на длинныя тонкія бечевочки и сушатъ въ тѣни. Сухіе листья осторожно снимаютъ съ нитокъ, прыскаютъ водою и кладутъ въ палуши листовъ по осьмидесяти вѣтѣтъ, перевязывая въ корняхъ веревочкою. Палуши кладутъ въ бочку одна на другую и придавливаютъ тяжестью. Здѣсь табакъ замираетъ, какъ говорятъ, тоестъ, приходитъ въ броженіе и получаетъ одуряющее свойство. Той же зимою, а много что весною, онъ идетъ въ продажу. Самая бѣдная хозяйка снимаетъ съ своего огорода до двухъ пудовъ табаку, другія получаютъ его болѣе десяти пудовъ ежегодно. Цѣна табаку непостоянна: осенью его продаютъ по 60 рублей, а лѣтомъ иногда цѣна восходитъ до 70 рублей серебромъ за пудъ, но высокими цѣнами пользуются только зажиточные, имъ легко удержаться и выждать хорошія цѣны; они скупаютъ даже у бѣняковъ весь табакъ осенью и продаютъ его лѣтомъ.

Лучшій табакъ родится въ заштатномъ городѣ Балаганскѣ, въ 180 верстахъ отъ Иркутска, внизъ по рѣкѣ Ангартѣ. Замѣчено и доказано, что табакъ удастся лучше въ огородѣ, обнесенномъ плотнымъ и высокимъ заборомъ, нежели на полѣ съ худою гордью. Тайна понятная: высокія стѣны удерживаютъ солнечную и внутреннюю теплоту и отражаютъ ее на гряды.

Опыты разведенія американскаго табаку и мариланда, производимые по временамъ были всегда удовлетворительны.

Въ 1829 году посѣявъ американскій курительный табакъ изъ сѣмянъ, полученныхъ въ Сибирь. Въ половинѣ лѣта нижніе листы созрѣли, пожелтѣли, почти свѣжіе неотлежавшіеся употреблены въ крошку и дали превосходный курительный табакъ. Знатокъ ошибался въ немъ и называли голландскимъ юстусомъ. Листы снятые въ свое время осенью были гораздо хуже, вѣроятно, потому-что были сняты незрѣлые для избѣжанія инея, но послѣ оказалось, что американскій табакъ не боится утренниковъ и растетъ въ грядкахъ до настоящихъ морозовъ. Мариландъ ушелъ въ продажу и не былъ подвергнутъ опыту обращенія въ нюхательный табакъ.

Кромѣ туземнаго табаку въ Иркутскѣ много привозится изъ Бійскаго округа Томской губерніи, гдѣ съ большимъ успѣхомъ развели махорку; кромѣ-того въ Сибирь привозятъ и настоящую махорку изъ Малороссіи: на Иркутской ярмаркѣ въ 1835 году ея было 285 пудовъ, а на Якутской ярмаркѣ въ 1846 году 1732 пуда.

Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ: кѣмъ потребляется такое множество табаку? Половина Иркутской губерніи состоитъ изъ инородцевъ, страстныхъ курильщиковъ. Буряты, Якуты, Тунгусы скорѣе откажутся отъ удовлетворенія какой-нибудь жизненной потребности, нежели отъ трубки табаку. Покупая всегда крѣпкіе сорта табаку, они разбавляютъ его стружками пихтовой, сосновой и березовой коры. Если у Бурята вышелъ табакъ, онъ скоблитъ внутри своей деревянной трубки осадку и перемѣшавъ ее съ мелкими стружками березы, съ жадностію курить эту смѣсь и наслаждается ея дымомъ: женщины здѣсь не уступаютъ въ куреніи нашимъ мужчинамъ и спѣшатъ нажить чахотку.

Изъ этого видно, что разведеніе въ Иркутскѣ высшихъ сортовъ табаку, напримѣръ американскаго, не принесетъ значительныхъ выгодъ: его будутъ покупать для куренія только горожане.

Нѣсколько лѣтъ назадъ иркутскій губернаторъ запретилъ разведеніе табаку въ городахъ губерніи; какой-то иностранецъ недаромъ доказалъ ему, что табакъ во время цвѣта и созрѣванія заражаетъ воздухъ и производитъ болѣзни. Иркутянки, получая отъ этой отрасли огородничества большія выгоды, бросились въ деревни, и нанявъ у крестьянъ огороды, продолжали заниматься выгодною для нихъ промышленностью. Теперь каждая хозяйка опять разводитъ табакъ въ своемъ огородѣ.

Хмель прежде разводили почти въ каждомъ огородѣ, и мѣсто гдѣ онъ росъ, называлось хмельникомъ.

Теперь хмѣльниковъ не много: они оставлены, вѣроятно, потому, что занимають много, мѣста и мало приносятъ выгодъ. Сибиряки къ праздникамъ и помочамъ непремѣнно варять пиво, но хмѣль покупають на рынкѣ, привозный изъ Бѣльска, верстъ за полтора отъ Иркутска, или изъ Западной Сибири.

Недавно въ огородахъ стали разводить шпанскую землянику: перенесенная въ другой климатъ, на другую почву, она не потеряла ни крупности, ни аромата, ни вкуса, и чуть-ли не приобрѣла нѣкоторыхъ преимуществъ. Земляника и клубника растущіе дико по лѣсамъ и лугамъ очень крупны и перенесенныя въ огороды могли бы улучшиться отъ пересадки, но Сибиряки объ этомъ не думаютъ.

Къ предметамъ огородничества можно бы причислить ананасы, но этотъ плодъ созрѣваетъ исключительно въ теплыхъ комнатахъ и боится открытаго воздуха.

Лѣтъ двадцать назадъ почетный гражданинъ Трапезниковъ привезъ въ Иркутскъ кустъ ананаса. Плодъ созрѣлъ, а отростокъ былъ посаженъ въ другой горшокъ. Ананасы мало-по-малу распространились по лучшимъ домамъ и перешли въ народъ. Теперь въ оранжереяхъ, ананасы считаются сотнями, а въ лачугахъ, по отдаленнымъ улицамъ, они зеленѣютъ на окошкахъ и созрѣваютъ не хуже оранжерейныхъ. Лачуга отопляется обыкновенно русскою печью, отъ которой страшный жаръ уменьшается только по утру, во время топки. Эта невыносимая теплота благопріятствуетъ развитію ананаса: онъ растетъ сильнѣе и производитъ отличный плодъ. Ананасъ не передастъ еще изъ Иркутска деревнямъ, можетъ-быть, потому, что крестьянки вообще не охотницы до цвѣтовъ, имъ некогда заниматься предметами удовольствій. Только у богатыхъ крестьянъ увидите въ горницахъ на окошкахъ бальзамины, стручковый перецъ и базиликъ; за то въ огородахъ алѣетъ китайскій макъ, ноготки, бархатцы и астры.

Во всѣхъ огородахъ растетъ падалкою лебеда, красная и бѣлая, но остается безъ употребленія: въ Сибири не знаютъ ботвиньи. У достаточнаго Сибиряка главную роль за столомъ играетъ мясо; многіе Сибиряки пріѣхавъ въ Россію не находятъ никакого вкуса въ яблокахъ, апельсинахъ и другихъ плодахъ, даже смотреть на нихъ съ отвращеніемъ.

Народы кочующіе стали разводить картофель, по требованію русскаго начальства. Богатые питаются рѣшительно однимъ мя-

сомъ, а бѣдные копаютъ корни и грабятъ запасы мышей, наполняющихъ свои норы разными съѣдомыми кормами.

У Татаръ въ Енисейской губерніи главную роль играетъ собачій зубъ (*erythronium dens canis*). Корешкомъ этого растенія ходитъ на собачій клыкъ. Сваренный въ водѣ и приправленный молокомъ онъ составилъ бы лакомое блюдо за столомъ гостеприема. Собачій зубъ имѣетъ вкусъ сарачинскаго пшена, картошки и муки. Это растеніе наполняетъ равнины, понимаемыя развѣтвѣемъ рѣкъ. Едва ли выгодно разводить его человеку: корешекъ состоитъ не болѣе какъ изъ трехъ зубчиковъ, въсомъ золотина въ два.

Забайкальскіе Буряты вырываютъ луковицы сараны (*lilium martagan tenuifolium, vresabile* etc.). Эти корни на вкусъ приторны. Исчислять прочіе съѣдомые корни нахожу бесполезнымъ для русскаго огородничества. Въ заключеніе скажемъ что Сибиряки собираютъ огромную дань въ лѣсахъ и горахъ. — Тамъ произрастаетъ *черемша* (*allium ursinum*) родъ чеснока, безъ луковицы; лѣтомъ ее собираютъ возами, крошатъ, толкутъ, посоливъ наливаютъ квасомъ; хлѣбаютъ за обѣдомъ и ужиномъ.

Въ петровъ постъ къ Сибиряку нельзя близко подойти, отъ него на сажень разить черемшою; ежедневное употребленіе этой зелени образуетъ въ желудкѣ закваску, столь нестерпимую, что она не уступаетъ ассафетидѣ. Употребленіе черемши окончательно истребляетъ цыггу. — Крестьяне солятъ черемшу въ прокъ.

Въ каждомъ почти огородѣ есть нѣсколько деревъ черемухи и сибирской яблони; въ городахъ кромѣ того разводятъ для лакомства красную смородину; но вообще довольствуются дико растущими ягодами; рѣдко увидишь въ огородѣ малину или черную смородину: все это есть въ лѣсу и въ превосходномъ видѣ. Черная смородина растетъ дико около ключей и рѣчекъ: ягоды на ней вдвое крупнѣе петербургской садовой. Здѣсь есть нѣсколько сортовъ смородины, неизвѣстныхъ въ Россіи. Крыжовникъ водится въ Енисейской губерніи и гнѣздится между камнями. По дорогамъ на взрытой глинѣ разстилается низкое растеніе княженика: ягоды его вкусомъ и ароматомъ превышаютъ ананасы.

Очеркъ огородничества окрестностей Иркутска и отчасти Южной Сибири даетъ нѣкоторое понятіе и о климатѣ этихъ мѣстъ, который вообще можно назвать суровымъ. Весна здѣсь начинается въ мартѣ, но до половины мая еще падаютъ по утрамъ иней

и не дозволяютъ развиваться растеніямъ. Съ половинки августа опять начинаются тѣже иней и губять вдругъ всю зелень. Рѣдко увидите листы на деревьяхъ 1 сентября, но теплое время стоитъ до 1 октября. Двадцать-второго октября бывають первые морозы, а иногда и зимняя дорога. Въ 1813 году палъ большой иней 13 июня и дадалъ много зла; тоже случилось недавно. Иней нестрашенъ у береговъ рѣкъ и на горахъ, поросшихъ лѣсомъ. Въ первомъ случаѣ вода при температурѣ выше нуля выпускаетъ свою теплоту и умѣряетъ холодъ воздуха; во второмъ вопросъ многосложнѣе, и не беремся рѣшить его. Туземныя растенія и цвѣты удивительно выдерживають осенніе заморозки: синія генціана (*gentiana barbata*), порѣзная трава (*plagmicea Sibirica*), гребешки (*leucanthemum Sibiricum*) и многіе изъ сложныхъ (*composita*) растутъ и цвѣтуть за половину сентября, когда уже пожелтѣли и свалились листы съ деревь, лѣсъ посѣрѣлъ, а луга зеленеютъ и отчасти цвѣтуть.

Вопросъ, учуждается ли климатъ Сибири, до сихъ поръ не рѣшенъ. Метеорологическія наблюденія ведутся въ Иркутскѣ съ конца прошедшаго столѣтія, но кто поручится за вѣрность инструментовъ прежнихъ годовъ? Если принять за основаніе рассказы стариковъ и замѣтки лѣтописей, которыхъ въ Иркутскѣ не мало, выводы будутъ утѣшительны. Напр: въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ найдете, что въ половинѣ прошедшаго столѣтія были столь жестокіе морозы въ январѣ мѣсяцѣ, что рѣка Ангара покрылась льдомъ до самаго Байкала. Подобныхъ примѣровъ не бывало на памяти нынѣшнихъ жителей. Но лѣтописецъ писалъ послу, вѣрилъ молвъ; а извѣстно какъ составляется и разрастается молва!

Норвежскій профессоръ Ганштеенъ, объѣхавшій Сибирь для магнитныхъ наблюденій, полагаетъ, что суровость сибирскаго климата, несоответственная градусамъ широты, происходитъ отъ временнаго прохожденія чрезъ иркутскую губернію, одного изъ магнитныхъ меридіановъ. По его мнѣнію эти меридіаны движутся отъ запада на востокъ чрезвычайно медленно, и когда минуютъ Сибирь, тогда возвратится первобытная теплота, позволявшая обитать здѣсь мамонтамъ и носорогамъ. Мысль весьма утѣшительная для потомства.

При теперешнемъ климатѣ Сибиряки лишены удовольствія кушать южныя плоды; но какъ они не имѣютъ понятія о нихъ, то имъ не очемъ и жалѣть. Мы существуемъ напримѣръ безъ бабановъ и не плачемъ о нихъ. Отсутствие плодовъ въ южной Си-

бири замѣняется множествомъ ягодъ, вкусныхъ, ароматическихъ и крупныхъ.

Окончимъ нашу статью желаніемъ успѣховъ огородничеству Южной Сибири, оно и теперь находится въ хорошемъ состояніи; пусть же учушается исторически, по мѣрѣ народной потребности. Придетъ время, и любитель садоводства перевезетъ изъ Россіи плодоносныя деревья, приучитъ ихъ къ климату, и Сибиряки будутъ лакомиться грушами, сливами и другими плодами, какъ лакомятся теперь неслыханными для отцевъ ихъ ананасами.

И. ВУЖИЦКІЙ.

=

О ПОТРЕБЛЕНИИ КОФЕ.

=

По новѣйшимъ коммерческимъ свѣдѣніямъ, количество кофе, собираемаго въ Америкѣ и въ Азіи, составляетъ до шестнадцати милліоновъ пудовъ, въ томъ числѣ:

Въ Бразиліи	около 5,600,000 пуд.
— Голланд. остривдскихъ колоніяхъ: Явъ, Суматрѣ	— 4,200,000 —
— Кубѣ	— 1,750,000 —
— Порто-Рико и Лагвайрѣ	— 1,225,000 —
— Остиндіи и Моккѣ	— 875,000 —
— Санъ - Доминго	— 800,000 —
— Французской Вестиндіи: Мартиникѣ и Гваделупѣ	— 735,000 —
— Англійской Вестиндіи: Ямайкѣ и другихъ . .	— 500,000 —
— Голландской Вестиндіи	— 350,000 —
— Цейлонѣ	— 250,000 —

Всего 16,285,000 пуд.

Изъ этого количества Россія получаетъ едва сотую долю, и снабжается кофеемъ болѣею частью не прямо изъ мѣстъ его происхожденія, а черезъ посредство европейскихъ складочныхъ

портовъ. Привозъ кофе въ Россію, по пятилѣтней сложности, составлялъ слѣдующія среднія количества:

	Изъ Америки,	Изъ прочихъ мѣстъ.	Всего.
Въ 1827—1831 год.	34,897	105,058	139,955 пудовъ.
— 1832—1836 —	45,903	71,430	117,333 — —
— 1837—1841 —	18,539	113,164	131,703 — —
— 1842—1846 —	8,849	154,176	163,025 — —

Эти цифры показываютъ, что привозъ кофе прямо изъ Америки уменьшился въ четверо, а изъ прочихъ мѣстъ увеличился на 46 процентовъ. Значительная пропорція кофе получается изъ Ганзейскихъ городовъ, Голландіи и Англіи, а въ небольшихъ количествахъ онъ доставляется изъ разныхъ другихъ европейскихъ портовъ. Этотъ привозъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Изъ ганзейскихъ			Прочихъ мѣстъ.
	городовъ.	Англіи.	Голландіи.	
Въ 1827—1831 год.	9,292	63,648	1,009	31,109 пуд.
— 1832—1836 —	22,410	31,632	636	16,752 —
— 1837—1841 —	60,407	11,133	11,722	30,902 —
— 1842—1846 —	80,757	10,440	18,335	44,644 —

Почти половина всего привоза получается нынѣ изъ Ганзейскихъ городовъ, которые въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ приобрѣли значительный перевѣсъ надъ другими странами въ снабженіи Россіи этимъ продуктомъ.

Въ то же время значительно увеличилось въ Россіи потребленіе яванскаго кофе, получаемаго чрезъ Голландію.

Умноженіе привоза кофе изъ Ганзейскихъ городовъ и Голландіи сопровождалось значительнымъ уменьшеніемъ его привоза черезъ Англію и прямо изъ Америки.

Пропорція кофе, доставляемаго изъ прочихъ мѣстъ Европы, увеличилась въ послѣдній періодъ противъ предъидущаго 44 процентами.

Разсматривая по «Видамъ торговли» движеніе привоза кофе въ Россію, нельзя не обратить вниманіе на переломъ, послѣдовавшій въ этой торговлѣ въ тридцатыхъ годахъ: правильный ввозъ кофе, послѣ постепеннаго приращенія, сталъ уменьшаться и только въ новѣйшее время опять усилился. Эти колебанія въ привозѣ кофе зависѣли отъ переменъ въ таможенной пошлинѣ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1793—1795 гол.	Привозъ,	Пош. нча съ нуд.
	74,211 пудовъ.	3 руб. 20 копѣекъ.
— 1800—1810 —	66,493 — —	» —
— 1816—1819 —	89,671 — —	3 —
— 1620—1821 —	110,212 — —	2 —
— 1822 —	118,214 — —	5 —
— 1823 —	121,613 — —	« —
— 1824 —	107,625 — —	» —
— 1825 —	106,560 — —	» —
— 1826 —	95,236 — —	« —
<hr/>		
Средняя сума 109,867		
— 1827 —	155,697 — —	« —
— 1828 —	157,251 — —	« —
— 1829 —	134,065 — —	« —
— 1830 —	128,455 — —	« —
— 1831 —	124,209 — —	« —
<hr/>		
Средняя сума 139,955		
— 1832 —	128,266 — —	6 — 75 — —
— 1833 —	127,030 — —	« —
— 1834 —	119,337 — —	« —
— 1835 —	98,407 — —	« —
— 1836 —	113,627 — —	« —
<hr/>		
Средняя сума 117,333		
— 1837 —	129,146 — —	6 —
— 1838 —	101,901 — —	« —
— 1839 —	126,444 — —	« —
— 1840 —	153,292 — —	« —
— 1841 —	147,732 — —	« —
<hr/>		
Средняя сума 131,703		
— 1842 —	177,010 — —	6 — 15 — —
— 1843 —	131,111 — —	« —
— 1844 —	150,007 — —	« —
— 1845 —	160,095 — —	« —
<hr/>		
Средняя сума 154,596		
— 1846 —	196,905 — —	3 — 70 — —
— 1847 —	192,620 — —	« —

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время европейскихъ войнъ и континентальной системы, привозъ кофе въ первый періодъ уменьшился противъ предъидущаго на одиннадцать процентовъ; но послѣ возобновленія общаго мира увеличился въ 1816—1819 на 34 процента. Въ слѣдующій періодъ, 1820—1821 при сбавкѣ пошлины отъ трехъ до двухъ рублей серебромъ съ пуда, привозъ былъ почти на двадцать-три процента болѣе предъидущаго, а въ сравненіи съ привозомъ 1793—1795 увеличился на сорокъ-семь процентовъ.

Значительное возвышеніе пошлины по тарифу 1822, отъ двухъ до пяти рублей, остановило приращеніе правильнаго ввоза: въ 1822—1826, по пятилѣтней сложности, средній привозъ составлялъ 109,867 пудовъ, почти столько же какъ въ 1820—1821; во въ слѣдующее пятилѣтіе (1827—1831) увеличился до 139,955 пудовъ, то есть, на двадцать-семь процентовъ. Строгія мѣры, принятыя въ этотъ періодъ, къ устройству таможенной части и усиленіе пограничнаго надзора, ограничили, въ нѣкоторой степени, развитіе контрабанды и оттого правильный ввозъ кофе нѣсколько усилился.

По росписи 11-го ноября 1831 года пошлина вновь возвышена, отъ пяти рублей до шести рублей семидесяти копѣекъ, и въ этомъ размѣрѣ оставалась до 1837 года. Въ пятилѣтіе съ 1832 по 1836 включительно, средній привозъ составлялъ только 117,333 пуда, на десять процентовъ менѣе, чѣмъ въ предъидущій періодъ. Такой упадокъ былъ неизбежнымъ слѣдствіемъ новаго возвышенія таможенной пошлины, и побудилъ правительство освободить кофе съ 1837 отъ платежа надбавочнаго (двѣнадцать съ половиною процентовъ) сбора, установленнаго росписью 11 ноября 1831 года. Эта мѣра тотчасъ обнаружила свое благопріятное вліяніе на правильную торговлю: ввозъ кофе чрезъ таможи при шести-рублевой пошлинѣ (вмѣсто шести рублей семидесяти-пяти копѣекъ) съ 1837 по 1841 включительно, увеличился среднимъ числомъ до 131,703 пудовъ, то есть на двѣнадцать процентовъ. Развитіе правильнаго ввоза поддерживалось и въ слѣдующіе годы при незначительномъ возвышеніи пошлины по тарифу 28 ноября 1841 г.; средній привозъ съ 1842 по 1845 при пошлинѣ въ шесть рублей пятнадцать копѣекъ съ пуда, составлялъ 154,556 пудовъ, противъ предъидущаго періода на семнадцать процентовъ болѣе. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, правильный ввозъ кофе увеличился только на сорокъ процентовъ, меж-

ду-тѣмъ какъ пошлина возвышена около ста-шестидесяти процентовъ. Подъ вліяніемъ столь значительнаго возвышенія таможенной пошлины, привозъ кофе, въ теченіе этого времени, представлялся слѣдующимъ образомъ:

Средній привозъ:

	Въ Санктпетербургѣ.	Въ Ригу.	По сухопутной границѣ.	Въ Одессу.
Съ 1822 по 1831 годъ пошлина 5 руб.	93,131	22,192	794	4,976 пуд.
— 1832 по 1837 годъ пошлина 6 руб. 75 коп.	95,453	10,891	1,416	8,483 —
— 1838 по 1841 годъ пошлина 6 руб.	101,586	14,783	2,243	9,333 —
1842 по 1845 годъ пошлина 6 руб. 15 коп.	118,996	13,689	3,150	11,038 —

1. Въ сѣвѣнпетербургскомъ портѣ, откуда снабжаются кофеемъ обѣ столицы и большая часть внутреннихъ губерній, привозъ въ теченіе двадцати лѣтъ представлялъ весьма слабое приращеніе: при пошлинѣ въ 6 рублей 75 копѣекъ, онъ увеличился въ 1832—1837 годахъ только на два процента предъидущаго десятилѣтія; въ слѣдующій періодъ, по отмѣненіи надбавочнаго сбора (двѣнадцать съ половиною процентовъ), привезено на шесть процентовъ болѣе чѣмъ въ 1832—1837 годахъ; наконецъ, въ послѣдній періодъ, приращеніе составляло семнадцать процентовъ противъ предъидущаго, а въ сравненіи съ первымъ періодомъ двадцать-семь процентовъ.

2. Привозъ въ Ригу, откуда кофе сбывается въ остзейскихъ и сосѣдственныхъ съ ними губерніяхъ, уменьшился болѣе нежели вдвое по возвышенію таможенной пошлины отъ 5 до 6 рублей 75 копѣекъ, и хотя потомъ вѣскольکو увеличился, въ слѣдствіе отмѣненія надбавочнаго сбора (двѣнадцать съ половиною процентовъ), однако въ оба послѣдніе періода оставался почти въ одинаковомъ положеніи, то есть, отъ пятидесяти до шестидесяти процентовъ менѣе противъ перваго десятилѣтія.

3. При уменьшившемся правильномъ ввозѣ кофе черезъ Ригу увеличивалась доставка его въ западныя губерніи черезъ сухопутную границу; но и здѣсь привозъ черезъ таможи оставался весьма маловажнымъ и не соответствовалъ необходимому потребленію кофе въ этомъ краѣ: въ послѣдній періодъ среднее количе-

ство кофе, оплаченнаго пошлиною во всѣхъ сухопутныхъ таможахъ, составляло не болѣе 3,150 пудовъ.

4. Привозъ къ одесскому порту, постоянно возрастая, увеличился въ послѣдній періодъ противъ перваго на сто-двадцать процентовъ. Такое значительное приращеніе было слѣдствіемъ учрежденія въ Одессѣ порто-франко, гдѣ взимается только пятая часть тарифной пошлины. Эту льготою пользуется кофе, объявляемый на мѣстное потребленіе и выпускаемый въ числѣ провизіи какъ для военныхъ судовъ, крейсирующихъ у закавказскаго берега Чернаго Моря, такъ и для сухопутныхъ войскъ, на томъ берегу расположенныхъ. Кофе, вывозимый за черту порто-франко въ другія мѣста имперіи, долженъ быть оплачиваемъ полною тарифною пошлиною. Въ «Вѣдахъ торговли» означается количество кофе, поступившаго въ порто-франко; но нѣтъ свѣдѣній о вывозѣ этого товара во внутреннія мѣста съ платежемъ полной тарифной пошлины. Отчеты объ одесской торговлѣ, ежегодно публикуемые въ «Коммерческой Газетѣ», показываютъ, что средній вывозъ кофе внутрь имперіи, за черту порто-франко, составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1832—1837 г. съ пошлиною въ 6 руб. 75 коп.	2,571 пуд.
— 1839—1841 г. ————— 6 руб.	2,311 —
— 1842—1845 г. ————— 6 руб. 15 коп.	2,892 —

Втеченіе этого времени вывозъ кофе изъ одесскаго порто-франко въ Новороссійскій край и въ прилежащія къ нему губерніи увеличился только на двѣнадцать съ половиною процентовъ. При пошлинѣ въ 5 рублей съ пуда, средній вывозъ съ 1825 по 1831 годъ включительно простирался до 3,370 пудовъ; слѣдовательно, въ послѣдній періодъ (1842—1845 годы) вывезено на шестнадцать процентовъ менѣе.

Разсмотрѣвъ движеніе привоза кофе по главнымъ путямъ его внутренняго сбыта, и указавъ на измѣненія, послѣдовавшія въ правильномъ ходѣ этой торговли при различныхъ тарифахъ, взглянемъ теперь на общее распредѣленіе по всей морской и сухопутной границѣ Европейской Россіи. Для сравненія принимаемъ два періода, раздѣленные десятилѣтнимъ промежуткомъ: одинъ заключаетъ въ себѣ четыре послѣдніе года существованія пятирублевой пошлины съ кофе (1828—1831 годахъ), а другой составляетъ четырехлѣтній періодъ взиманія пошлины въ 6 рублей 15 копѣекъ съ пуда (1842—1845 годахъ).

Средній привозъ:	Въ	Въ	Разность противъ	
	1828—1831 годахъ.	1842—1845 годахъ.	1828—1831 г. Болѣе.	Менѣе.
Черезъ Архангельскъ для сѣвернаго края Россіи.	1,273	540 пудъ.	—	136 проц.
Черезъ Ригу и другіе остзейскіе порты и по сухопутной границѣ для западныхъ и со-сѣдственныхъ съ ними губерній.	25,632	17,940	—	— 42 —
Черезъ Одессу * и другіе южныя порты	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> { для Новорос-сійскаго края 3,501 } { и прилежа-щихъ къ нему губерній. . . 1,124 } </div>	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> } . . . 2,892 } } 4,625 . . . } } . . . 4,619 } </div>	—	— — — —
Черезъ Санктпетербургъ для объ-ихъ столицъ и внутреннихъ губерній, кромѣ упомянутыхъ выше	101,747	118,986	—	17 — —
Всего	133,282	144,977 пудовъ.		

Въ общемъ итогъ приращеніе правильнаго ввоза составляло черезъ десять лѣтъ не болѣе какъ около девяти процентовъ.

При высокой пошлинѣ, которая взималась съ кофе до 1846 го-да, правильнѣй ввозъ поддерживался единственно упадкомъ цѣны на этотъ продуктъ. Принимая въ расчетъ среднія прейскураан-ныя цѣны, по которымъ оцѣнивался кофе въ « Видахъ торгов-ли », получимъ слѣдующій выводъ:

Средній привозъ:	Количество.	Цѣнность.	Цѣна за пудъ.
Въ 1832—1836 г.	117,333 пуда.	957,522 руб.	8 р. 15 к. сер.
Въ 1837—1841 г.	131,703 —	1,018,403 —	7 — 80 — —
Въ 1842—1845 г.	154,556 —	1,051,061 —	6 — 80 — —

Если къ этимъ среднимъ цѣнамъ присовокупить таможенную пошлину, то стоимость кофе въ первый періодъ составитъ около 14 рублей 20 копѣекъ, во второй — 13 рублей 20 копѣекъ, а въ третій 13 рублей серебромъ за пудъ. Здѣсь нужно припомнить, что въ 1832 — 1836 годахъ взималось пошлины 6 рублей 75 ко-

* По одесскому порту, за оба періода, показаны количества кофе, опла-ченнаго полною тарифною пошлиною.

пѣекъ, въ 1837—1841 годахъ 6 рублей, а въ 1842—1845 годахъ 6 рублей 15 копѣекъ съ пуда.

Отъ сбавки пошлины и пониженія цѣны стоимость кофе уменьшилась во второй періодъ противъ перваго около осьмидесяти процентовъ, а въ послѣдній, при упадкѣ средней цѣны на четырнадцать процентовъ противъ предыдущаго періода, стоимость кофе понизилась только на шесть процентовъ, оттого, что въ 1842 году пошлина была нѣсколько увеличена и процентная цѣна ея возвысилась съ пониженіемъ цѣны товара.

Наконецъ, въ 1846 году, пошлина сбавлена отъ 6 рублей 15 копѣекъ до 3 рублей 70 копѣекъ и средній привозъ кофе въ 1846—1847 годахъ увеличился до 194,762 пудовъ на 1,417,661 рубль, или 7 рублей 28 копѣекъ за пудъ. Средняя цѣна выходитъ на семь процентовъ выше чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ; по сбавкѣ пошлины понизилась стоимость кофе, такъ что средняя цѣна, вмѣстѣ съ пошлиною, составляла въ 1846—1847 годахъ только 11 рублей серебромъ за пудъ и, слѣдовательно, кофе обходился уже на осмнадцать процентовъ дешевле чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ. Пошлина въ 1842—1845 годахъ составляла девяносто процентовъ, а въ 1846—1847 годахъ пятьдесятъ процентовъ съ цѣны.

Съ уменьшеніемъ пошлины на кофе, привозъ его къ таможеннымъ увеличился въ значительномъ размѣрѣ: въ 1846—1847 годахъ средній привозъ уже превышалъ на двадцать шесть процентовъ количество, оплаченное прежнею пошлиною въ 1842—1845 годахъ. Ущербъ, послѣдовавшій въ таможенномъ доходѣ отъ сбавки пошлины по этой статьѣ тарифа есть временное пожертвованіе, которое вскорѣ вознаградится умноженіемъ правильнаго ввоза: въ 1847 году, отъ усилившагося привоза кофе къ таможеннымъ, пошлинный сборъ, по 3 рубля 70 копѣекъ серебромъ съ пуда, простирался до 700,000 рублей серебромъ, тогда какъ во время высшей пошлины въ 6 рублей 75 копѣекъ съ 1832 до 1837 года, самый значительный ея сборъ составлялъ до 860,000 рублей въ годъ, а въ послѣдніе два года, передъ введеніемъ уменьшенной пошлины съ кофе, доходъ по этой статьѣ простирался до 900,000 рублей. И такъ, для возмѣщенія ущерба казны, нужно, чтобы привозъ увеличился еще на 75,000 пудовъ. Такое приращеніе его, вѣроятно, послѣдуетъ при нынѣшней пошлинѣ въ непродолжительномъ времени, потому что уже въ 1846—1847 годахъ средній привозъ былъ на 40,000 пудовъ болѣе, чѣмъ въ предыдущіе два года.

Къ подкрѣпленію этого предположенія можно указать на примѣры иностранныхъ государствъ, въ которыхъ испытаны тѣ же послѣдствія отъ возвышенія и сбавки пошлины съ кофе.

Въ *Великобританіи* пошлина съ кофе собственныхъ колоній была уменьшена въ 1732 году отъ двухъ до одного съ половиною шиллинговъ съ фунта, и нѣсколько лѣтъ приносила ежегоднаго дохода около 10,000 фунтовъ стерлинговъ; но усилившаяся при этой высокой пошлинѣ контрабанда наконецъ ограничила правильнѣйшій ввозъ кофе, такъ что въ 1783 году пошлинный сборъ составлялъ только 2,869 фунтовъ стерлинговъ. Къ отвращенію контрабанднаго торга пошлина сбавлена въ 1784 году до одного пенса съ фунта, и въ слѣдствіе этой мѣры пошлинный сборъ тогда же увеличился почти втрое (до 7,200 фунтовъ стерлинговъ). Съ 1795 до 1808 года, при тогдашнихъ военныхъ расходахъ, пошлина была постепенно возвышаема и въ 1807 году составляла уже одинъ шиллингъ осемь пенсовъ съ фунта; въ этомъ году поступило кофе на внутреннее потребленіе 1,170,164 фунта и пошлинный сборъ съ этой статьи простирался до 161,245 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1802 году пошлина уменьшена отъ одного шиллинга осемь пенсовъ до семи пенсовъ и на слѣдующій (1809) годъ ввезено кофе 9,251,837 фунтовъ, съ которыхъ поступило въ таможенный доходъ 245,856 фунтовъ стерлинговъ. При такой значительной сбавкѣ пошлины, доходъ увеличился на пятьдесятъ два процента. Съ возвышеніемъ пошлины въ 1819 году отъ семи пенсовъ до одного шиллинга, правильнѣйшій ввозъ кофе въ 1824 году уменьшился до 7,993,041 фунта и доставилъ въ казну дохода 407,544 фунта стерлинговъ. Однако въ этомъ году пошлина вновь сбавлена отъ одного шиллинга до шести пенсовъ, и въ 1825 году поступило на внутреннее потребленіе 10,766,122 фунта. Съ тѣхъ поръ до 1842 года пошлина съ колоніальнаго кофе оставалась безъ измѣненія. Въ 1842 году она сбавлена отъ шести до четырехъ пенсовъ; въ 1838 году разрѣшенъ къ привозу иностранный кофе изъ мѣстъ, лежащихъ по ту сторону Мыса Доброй Надежды, съ пошлиною вмѣсто одного шиллинга трехъ пенсовъ, по девяти пенсовъ съ фунта; въ 1842 году пошлина съ кофе иностранныхъ колоній сбавлена отъ одного шиллинга трехъ пенсовъ до осьми пенсовъ, а въ 1844 году отъ осьми до шести пенсовъ съ фунта. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ увеличилось въ *Великобританіи* потребленіе кофе съ 1825 года, то есть послѣ сбавки половины пошлины съ колоніальнаго кофе.

Въ 1825—1829 годахъ	средній	привозъ	14,378,695 фунтовъ.
— 1830—1834 —	—	—	22,133,747 —
— 1835—1837 —	—	—	23,863,232 —

Потребленіе кофе, при пошлинѣ въ шесть рублей серебромъ съ пуда, увеличилось отъ 399,607 до 662,867 пудовъ или на шестьдесятъ пять процентовъ.

По уменьшеніи пошлины съ колоніальнаго кофе въ 1842 году, а съ иностраннаго въ 1838, 1842 и 1844 годы, какъ упомянуто выше, средній привозъ кофе составлялъ:

Въ 1838—1841 годахъ	27,397,554 фунта.
— 1842—1846 —	32,197,946 —

Въ послѣдній періодъ потребленіе кофе уже простиралось до 894,387 пудовъ и въ сравненіи съ первымъ періодомъ было на сто двадцать четыре процента больше.

Около половины этого привоза составлялъ колоніальный кофе, платящій четыре рубля серебромъ, тогда какъ съ иностраннаго взимается шесть рублей серебромъ съ пуда.

Пошлина съ колоніальнаго кофе въ Великобританіи до 1842 года близко подходила къ взимаемой въ Россіи, а пошлина, существующая въ нашемъ тарифѣ съ 1846 года почти равняется той, которою, съ 1842 года, обложенъ тамъ колоніальный кофе. Что же касается до иностраннаго, то и теперь онъ платитъ въ Великобританіи почти такую же пошлину, какая взималась у насъ до 1846 году.

При такомъ сходствѣ обоихъ тарифовъ результаты ихъ въ отношеніи къ привозу кофе въ Великобританіи и въ Россіи были совершенно различны: въ первой, среднее количество кофе, оплаченнаго пошлиною, по десятилѣтней сложности, составляло съ 1827 по 1836 годъ 580,407 пудовъ, а съ 1837 по 1846 годъ 824,800 пудовъ; оно увеличилось на сорокъ два процента, хотя кофе платилъ въ первый періодъ шесть рублей, а въ послѣдній восемь, шесть и четыре рубля серебромъ съ пуда. Въ Россіи, при пошлинахъ съ кофе, близко подходящихъ къ англійскому тарифу, правильный ввозъ въ теченіе того же времени возвысился, среднимъ числомъ, отъ 128,644 пудовъ (1827—1836 годъ) до 147,364 пудовъ (1837—1846 годъ) или только на четырнадцать процентовъ. Такая разниа объясняется степенью развитія народнаго богатства въ обоихъ государствахъ; пошлина, умѣренная для Велико-

Британіи, можетъ-быть очень высокою для другой страны не ограниченными средствами ея потребления, и отъ того оно развивается въ ней гораздо медленнѣе. Это доказываетъ примѣръ не только Россіи, но и другихъ государствъ.

Во Франціи, внутренній расходъ кофе не представляетъ столь значительнаго приращенія, какъ въ Великобританіи, хотя пошлина по французскому тарифу гораздо ниже и притомъ употребленіе чая во Франціи весьма маловажно, тогда какъ въ Великобританіи оно ограничиваетъ расходъ кофе. По французскому тарифу взимается пошлины съ колониальнаго кофе отъ двухъ до двухъ съ половиной рублей, а съ иностраннаго, смотря по его происхожденію, отъ трехъ съ четвертью до четырехъ рублей серебромъ съ пуда. По десятилѣтнимъ сложностямъ, средній ввозъ кофе на внутреннее потребленіе составлялъ съ 1827 по 1836 годъ 635,030 пудовъ а съ 1837 по 1846 годъ 821,157 пудовъ, приращеніе двадцать-девять процентовъ. Эта цифра показываетъ, что въ одно и то же время расходъ кофе во Франціи, при меньшей пошлинѣ, увеличился вдвое болѣе чѣмъ въ Россіи, и втрое менѣе чѣмъ въ Великобританіи.

Въ *Австрійской имперіи*, средній привозъ кофе съ пошлиною въ три рубля девяносто копѣекъ серебромъ составлялъ: съ 1831 до 1840 года, 325,400 пудовъ, въ 1840 — 1843 году 415,790 пудовъ на двадцать семь процентовъ болѣе, а послѣ сбавки этой пошлины въ 1844 году до двухъ рублей тридцати-семи одной половины копѣекъ серебромъ съ пуда, привозъ увеличился въ 1844—1846 году до 600,928 пудовъ или на сорокъ-четыре процента. Въ Россіи, по уменьшеніи пошлины съ кофе въ 1846 годъ, отъ шести рублей пятнадцати копѣекъ до трехъ рублей семидесяти копѣекъ, привозъ въ 1846—1847 годахъ, какъ замѣчено выше, усилился противъ предыдущаго четырехлѣтія, (1842 — 1845) только на двадцать шесть процентовъ. Пониженіе пошлины въ обоихъ государствахъ было почти одинаково *; но послѣдовавшее отъ того приращеніе привоза было гораздо значительнѣе въ Австріи, нежели въ Россіи. Для объясненія этого результата должно замѣтить, что уменьшенная пошлина по нашему тарифу все-еще выше австрійской на пятьдесятъ-шесть процентовъ и что притомъ рас-

* Въ Россіи на шестьдесятъ-шесть процентовъ, а въ Австріи на шестьдесятъ-четыре.

ходъ кофѣ ограничивается у насъ большимъ употребленіемъ чая, тогда чайъ въ Австріи расходуется его очень мало.

Въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, кофѣ обложена умѣреннымъ пошлиною, около двухъ рублей серебромъ съ пуда и привозъ его постоянно возрастаетъ. Среднее количество кофѣ, оплаченнаго пошлиною, составляло въ 1832—1836 годахъ 1,665,261 пудъ, въ 1837—1841 годахъ 1,814,670 пудовъ, а въ 1846—1847 годахъ 2,598,264 пуда, следовательно въ четырнадцать лѣтъ оно увеличилось почти на сто-двадцать-три процента. Нѣмецкой землѣ кофѣ сдѣлался такъ же употребительнымъ напитокомъ, какъ въ Англіи чай, и при умѣренной пошлинѣ доставляетъ казнѣ таможеннаго союза значительный доходъ.

Въ Швеціи, пошлина съ кофѣ еще ниже, одинъ рубль тридцать копѣекъ серебромъ съ пуда, и потребление его прицѣпно увеличивается: средній привозъ кофѣ, по пятилѣтней сложности, простирался въ 1836—1840 годахъ до 113,082 пуда, а въ 1841—1845 году до 159,374 пудовъ, на сорокъ процентовъ болѣе. Въ эти же два періода, ввозъ кофѣ въ Россію увеличился съ 124,882 пудовъ (1836—1840) до 153,191 пуда (въ 1841—1845 году), то есть на двадцать-два процента. Следовательно, въ Швеціи пропорція приращенія въ количествѣ кофѣ, оплаченнаго пошлиною, была почти вдвое значительнѣе чѣмъ въ Россіи, и самое количество его въ послѣдній періодъ даже превышало привозъ въ Россію, хотя жителей въ Россіи считается въ двадцать разъ болѣе, нежели въ Швеціи.

Въ Бельгіи, привозъ кофѣ въ 1835—1840 годахъ, составлялъ среднимъ числомъ до 1,046,265 пудъ въ годъ, а въ 1845—1847 году 1,063,779 пудовъ, при таможенной пошлинѣ въ восемьдесятъ три копѣйки серебромъ съ пуда. Потребленіе кофѣ въ этой странѣ, по-видимому, уже достигло крайняго размѣра, потому-что не смотря на малую пошлину оно почти нисколько не увеличилось въ новѣйшее время. Замѣчательно однако, что въ Бельгіи, при 4,300,000 жителей, расходъ кофѣ болѣе нежели въ Великобританіи, Франціи и Германскомъ таможенномъ союзѣ и превышаетъ количество совокупнаго его привеза въ Австрійскую Имперію и въ Россію.

Въ Голландіи, гдѣ кофѣ обложена гораздо меньшею пошлиною нежели въ Бельгіи, а именно по семнадцати съ-половинной копѣекъ серебромъ съ пуда, потребление его еще значительнѣе. Средній привозъ кофѣ, за исключеніемъ отпуска, составлялъ въ 1839—1841 года 1,119,387, а въ 1842—1844 годахъ. 1,916,274 пуда, на

смысленно проанализировать кофе. Если допустить, что это количество кофе, хотя половина обращена на внутреннее потребление, то во отношении прецедент в 1840, причисляющейся на каждого жителя, Голландия должна принадлежать первое место между европейскими государствами.

Въ Соединенныхъ Штатахъ потребление кофе значительно возросло послѣ сбавки пошлины въ 1821 году, отъ двухъ съ половиной до одного рубля серебромъ съ пуда. Среднее количество кофе, оплаченного пошлиною въ 1821—1826 годахъ, простиралось до 558,000 а въ 1827—1832 годахъ увеличилось до 1,195,740 пудовъ или на сто-четыренадцать процентовъ. Въ 1833 году пошлина съ кофе отменена и привозъ его съ тѣхъ-поръ почти утроился: въ 1833—1838 годахъ привезено среднимъ числомъ въ годъ 2,561,923 а въ 1839 — 1844 году, 3,161,922 пуда. Изъ этого количества часто вывозится въ иностранныя земли, но и за вычетомъ отпуска, пропорція кофе поступающаго на внутреннее потребление должна быть очень велика, не смотря на то, что въ Соединенныхъ Штатахъ расходится много чаю, который тамъ съ 1833 года также освобожденъ отъ таможенной пошлины.

Потребление кофе въ главныхъ европейскихъ государствахъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, составляло слѣдующія количества:

	Годичный расходъ	На каждого жителя.
Въ Голландіи около	800,000	10 фунт.
— Бельгіи (1845 — 1847)	1,000,000	8 —
— Германскомъ таможенномъ союзѣ (1841—1845)	2,300,000	3 —
— Швеціи (1842 — 1845)	160,000	2 —
— Великобританіи (1842 — 1846)	900,000	1, 3 —
— Франціи (1842 — 1846)	970,000	1, 1 —
— Австрійской имперіи (1842 — 1846)	530,000	0, 6 —
— Россіи (1842 — 1846)	160,000	0, 2 —

По этимъ сравнительнымъ цифрамъ видно, что въ привозѣ кофе Россія далеко отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Самое значительное потребление кофе оказывается въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ обложенъ пошлиною до двухъ рублей серебромъ съ пуда и ниже.

Опытъ всѣхъ государствъ, въ которыхъ пошлина съ кофе уменьшена, доказалъ, что значительная ея сбавка производитъ только временный ущербъ въ таможенномъ доходѣ, потому-что

съ одной стороны уменьшеніе контрабанды, посредною высокою пошлиною, а съ другой усилѣніе потребленія коно, въ слѣдствіе пониженія его стоимости, вскорѣ увеличиваютъ правильный ввозъ такъ, что таможенный доходъ съ этой статьи возвышается въ значительной пропорціи.

Г. И-НЪ.

=

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

Однимъ изъ главныхъ препятствій успѣшнѣйшему развитію отпуски хлѣба изъ Россіи — была, до-сихъ поръ, тарифная система, принятая многими государствами въ отношеніи къ ввозу хлѣбныхъ припасовъ. Въ новѣйшее время, когда иностранныя постановленія болѣе или менѣе измѣнены къ облегченію привоза хлѣба и можно ожидать, что, по примѣру Великобританіи, другія государства отиѣнятъ систему переменныхъ пошлинъ, стѣснительныхъ для хлѣбной торговли, — Россія стала встрѣчать, въ заграничномъ сбытѣ хлѣба, возрастающее соперничество тѣхъ странъ, которыя прежде вовсе не имѣли важнаго значенія въ этой торговлѣ.

Разсматривая движеніе ея въ нашихъ портахъ съ 1824 года, мы упоминали о неблагоприятныхъ для нея послѣдствіяхъ отъ переменныхъ пошлинъ, введенныхъ въ иностранныя землѣя, и въ общемъ обзорѣнн хлѣбной торговли за 1846 — 1847, мы

обратили вниманіе на усилившіяся вывозъ хлѣба изъ другихъ странъ. Теперь приступаемъ къ изслѣдованію заграничныхъ обстоятельствъ хлѣбной торговли: оно обнаружитъ какія послѣдствія имѣла въ главнѣйшихъ государствахъ ихъ тарифная система въ отношеніи къ привозу хлѣба вообще и въ какой мѣрѣ она стѣснила отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи; какія страны болѣе или менѣе нуждаются въ снабженіи ихъ хлѣбомъ изъ за границы, или сами въ состояніи отпускать его въ иностранныя земли и до какой степени онѣ соперничаютъ съ Россіею во внѣшней торговлѣ хлѣбнымъ товаромъ.

Великобританія, прежде другихъ Европейскихъ государствъ, ввела у себя охранительный тарифъ къ ограниченію совѣстительства иностраннаго хлѣба. Закономъ, изданный въ 1815 году, воспрещалъ ввозъ хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода, пока внутреннія цѣны не возвысятся до опредѣленнаго размѣра. Цѣлю этого устава было обезпечить производителямъ внутренней сбытъ хлѣбныхъ припасовъ по выгоднѣйшимъ цѣнамъ, къ поощренію хлѣбопашества, чтобы сколько возможно ограничить зависимость отъ другихъ странъ въ отношеніи къ народному продовольствію. Запрещеніе ввоза хлѣба оставалось въ силѣ до 1828 года. Въ теченіи тринадцати лѣтъ, съ 1815 по 1828 годъ, иностранный хлѣбъ, по временамъ, допускался на внутреннее потребленіе; но вообще привозъ былъ подверженъ чрезвычайнымъ колебаніямъ, какъ видно изъ слѣдующаго обзоренія:

Иностраннаго хлѣба оплачено привозною пошлиною:

	Пшеницы и пше- ничной муки.	Прочаго хлѣба
Въ 1815 году	небыло	523 кварт.
— 1816 —	225,263	101,471 —
— 1817 —	1,020,949	756,757 —
— 1818 —	1,593,518	1,945,050 =
— 1819 —	122,139	1,312,269 —
— 1820 —	34,274	726,851 —
— 1821 —	небыло	
— 1822 —	небыло	
— 1823 —	12,137	
— 1824 —	15,777	659,852 —
— 1825 —	525,231	304,994 —
— 1826 —	315,892	1,781,212 —
— 1827 —	572,773	2,413,822 —

Въ теченіи этихъ тринадцати лѣтъ, Великобританія снабжалась иностраннымъ хлѣбомъ только въ неурожайные годы. При хорошихъ урожаяхъ, внутренніи цѣны не доходили до опредѣленнаго закономъ размѣра, по которому разрѣшался заграничный привозъ. Унадокъ ихъ былъ особенно ощутителенъ въ двадцатыхъ годахъ*; но несмотря на усилѣнное развитіе хлѣбопашества и размноженіе картофеля въ Великобританіи, это государство уже съ 1825 года стало ежегодно нуждаться въ иностранномъ хлѣбѣ. Постепенное возвышеніе внутреннихъ цѣнъ, при посредственныхъ урожаяхъ, обнаруживало недостатокъ собственныхъ запасовъ для обезпеченія внутреннего продовольствія, и возбудило сильную оппозицію противъ закона, допускавшаго иностранный хлѣбъ только при крайней дороговизнѣ. Запрещеніе ввоза хлѣбныхъ припасовъ, способствуя искусственному возвышенію цѣнъ, заставляло ихъ, въ случаѣ неурожая, подниматься до высокаго размѣра, который былъ опредѣленъ для нихъ тарифомъ. Такой законъ усугублялъ народныя бѣдствія въ неурожайные годы и пагубныя его послѣдствія отражались на всѣхъ вѣсточникахъ государственнаго благосостоянія. Правительство убѣдилось, наконецъ, въ необходимости отиѣнить хлѣбный законъ 1815 года. Но шѣтя въ виду, съ одной стороны, облегчить внутреннее продовольствіе разрѣшеніемъ привоза хлѣба, а съ другой — опасаясь, чтобы эта мѣра не повредила землевладѣльческимъ интересамъ, парламентъ принялъ въ 1828 году систему переменныхъ пошлинъ, которыя должны подниматься въ опредѣленной про-

* После 1817 года, въ теченіи десяти лѣтъ, среднія цѣны на пшеницу въ Англіи были слѣдующія :

Въ 1818 году	86	шиллин.	3	пен.
— 1819 —	74	—	6	—
— 1820 —	67	—	10	—
— 1821 —	56	—	1	—
— 1822 —	44	—	7	—
— 1823 —	53	—	4	—
— 1824 —	63	—	11	—
— 1825 —	68	—	6	—
— 1826 —	59	—	8	—
— 1827 —	58	—	6	—

порціи съ упадкомъ внутреннихъ цѣнъ, а съ возвышеніемъ ихъ должны унизаться до самаго низкаго размѣра.

Введеніе переменныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба не измѣнило сущности прежняго закона, но еще усилило колебанія цѣнъ и подвергнуло торговлю непрерывнымъ потрясеніямъ. Подвозы иностраннаго хлѣба обыкновенно приходили весною, когда оказывалось возвышеніе цѣнъ, въ случаѣ дурной погоды; если потомъ съ приближеніемъ лѣта и жатвы, при лучшей погодѣ, цѣны упали такъ, что хлѣбнымъ запасамъ, лежавшимъ на складкѣ, угрожало возвышеніе пошлины, тогда спѣшили выпустить ихъ на продажу, пока существовала еще низкая пошлина. Отъ того увеличивались внутренніе запасы, и дальнѣйшій упадокъ цѣнъ, при благопріятномъ урожаѣ, разстривалъ виды сельскихъ хозяевъ на выгодный сбытъ хлѣба. Въ случаѣ посредственной или худой жатвы, цѣны возвышались до крайности, ибо торговцы обыкновенно удерживали запасы иностраннаго хлѣба на складкѣ, до тѣхъ поръ пока пошлина не упадетъ до низкаго размѣра. По неопредѣленности требованій на иностранный хлѣбъ, при системѣ переменныхъ пошлинъ, Великобританія, во время нужды, должна была покупать его всегда по высокимъ цѣнамъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда можно скорѣе получить хлѣбъ, чтобы воспользоваться временною сбавкою пошлины. Въ Данцигѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Амстердамѣ, Марсели, Генуѣ, Ливорно и Триестѣ, во всякое время, находилась болѣе или менѣе значительные запасы хлѣба для отправки въ Великобританію, по первымъ вѣстіямъ о возвышеніи тамошнихъ цѣнъ. При такомъ внезапномъ спросѣ на хлѣбъ, цѣны въ иностранныхъ портахъ всегда непомерно возвышались отъ спекуляцій. Чрезвычайныя закупки его для Великобританіи обыкновенно производили большое замѣшательство въ коммерческихъ и денежныхъ ея оборотахъ: въ короткое время, она должна была высылать за границу большія суммы звонкой монеты, въ уплату за хлѣбъ, купленный по дорогимъ цѣнамъ, и не рѣдко случалось, что торговцы несли тяжкій убытокъ при чрезмѣрномъ стеченіи подвозовъ, когда пошлина вдругъ возвышалась, съ пониженіемъ внутреннихъ цѣнъ.

Такое положеніе хлѣбной торговли въ этомъ государствѣ продолжалось до новѣйшаго времени. При тарифѣ переменныхъ пошлинъ, существовавшемъ съ 1828 до 1842 года, ввозъ хлѣбныхъ припасовъ на внутреннее продовольствіе составлялъ слѣдующее количество:

Въ 1828 году	Пшеницы и пше- ничной муки.	Прочаго хлѣба.
842,050	кварт.	374,937
— 1829 —	1,364,220	— 579,829 —
— 1830 —	1,701,885	— 1,039,291 —
— 1831 —	1,491,631	— 1,077,352 —
— 1832 —	325,435	— 97,734 —
— 1833 —	83,709	— — —
— 1834 —	61,552	— 163,318 —
— 1835 —	27,537	— 406,692 —
— 1836 —	30,036	— 375,436 —
— 1837 —	244,089	— 594,625 —
— 1838 —	1,834,452	— 87,139 —
— 1839 —	2,631,390	— 1,889,255 —
— 1840 —	2,389,732	— 1,406,137 —
— 1841 —	2,619,702	— 639,491 —

Замѣчательно, что послѣ большаго требованія на иностраннѣй хлѣбъ въ 1829, 1830 и 1831 годахъ, сбытъ его въ теченіе шести лѣтъ былъ весьма незначительный; по съ 1838 до 1842 года, среднее потребленіе иностранной пшеницы простиралось въ годъ около 3,175,000 четвертей. Другіе хлѣбные припасы привозились изъ за границы въ меньшемъ количествѣ и требованіе на нихъ было гораздо непостояннѣе, отъ того, что въ повѣйшее время значительно увеличился привозъ ихъ изъ Ирландіи. Эта страна снабжаетъ Великобританію преимущественно овсомъ и овсяною мукою. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ввозъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Ирландіи былъ самый ничтожный, но съ двадцатыхъ годовъ сталъ быстро возрастать. Въ 1820 году ввезено хлѣба изъ Ирландіи 1,415,722 кварт., въ 1825 году 2,203,962, въ 1828 году 2,826,590, а въ 1838 году 3,474,302 кварт. Овесъ большею частью составлялъ не менѣе трехъ четвертей всего привоза.

Новая система переменныхъ пошлинъ, введенная въ 1842 году, имѣла цѣлю отвратить сильныя колебанія въ цѣнахъ на хлѣбъ, происходившія отъ слишкомъ большой разности въ пошлинахъ и отъ высокаго ихъ размѣра при прежнемъ законѣ. Низшую пошлину, 25 коп. сер. съ четв. положено было взимать съ пшеницы, когда средняя цѣна возвысится до 18¼ рублей; при всякомъ пониженіи ея на 25 копѣекъ серебромъ съ четверти, привозная пошлина увеличивалась на столько же, такъ, что доходна нааквецъ до 5 рублей серебромъ и такъ далѣе; напротивъ того при

всякомъ возвышеніи средней цѣны на 25 копѣекъ серебромъ, пошлина убавлялась въ такомъ же размѣрѣ, пока не доходила до самой низкой степени, то есть 25 копѣекъ серебромъ съ четвертя. Подобнымъ образомъ установлены пошлины и съ другихъ родовъ иностраннаго хлѣба. Въ тоже время былъ облегченъ ввозъ хлѣбныхъ припасовъ изъ колоній. Съ тѣхъ поръ, какъ новый законъ вступилъ въ силу, именно съ 29 апрѣля 1842 года выпущено привознаго хлѣба на внутреннее продовольствіе:

	Пшеницы и пше- ничной муки.	Прочаго хлѣба.	Всего вообще.
Въ 1842 году	3,011,503	454,164	3,465,667 кв.рт.
— 1843 —	982,271	357,179	1,339,450 —
— 1844 —	1,021,671	1,669,943	2,691,615 —
— 1845 —	313,248	1,162,518	1,475,366 —

Въ послѣдніе три года, урожай хлѣба въ Великобританіи былъ изобильный, особенно въ 1844 году и отъ того иностранной пшеницы и пшеничной муки потребовалось гораздо менѣе прежней пропорціи. Нельзя не замѣтить, однако, что даже при этихъ благоприятныхъ урожаяхъ, Великобританія не могла обходиться безъ иностраннаго хлѣба: среднее потребленіе его въ 1843, 1844 и 1845 годахъ составляло не менѣе 1,835,000 четвертей, не смотря на стѣсненіе привоза переменными пошлинами. Этотъ выводъ подтверждаетъ заключеніе парламентской комисіи (1833), что производство хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританіи уже не достаточно для внутренняго продовольствія; что происходящая отъ того потребность въ хлѣбѣ не удовлетворяется подвозами его изъ Ирландіи и что, даже при среднемъ урожаѣ, государство болѣе или менѣе нуждается въ заграничномъ привозѣ. Съ 1832 до 1838 года при изобильныхъ урожаяхъ въ Великобританіи, потребность въ иностранномъ хлѣбѣ была весьма незначительна; но съ 1839 по 1846 годъ поступало его на внутреннее продовольствіе почти ежегодно свыше двухъ до трехъ милліоновъ четвертей. Хотя такой значительный ввозъ случался наиболѣе въ неурожайные годы, однако отчасти былъ слѣдствіемъ того, что производство жизненныхъ припасовъ, въ новѣйшее время не увеличивалось болѣе въ пропорціи, соотвѣтственной умноженію городского населенія. Эта несоразмѣрность обнаруживалась сильнѣе при скудныхъ урожаяхъ. Появленіе картофельной болѣзни въ 1845—1846 годахъ еще болѣе стѣснило способы къ народному

продовольствію, которое, въ самые хлѣбородные годы, уже не могло обходиться безъ иностраннаго хлѣба.

Общественное мнѣніе, возбуждаемое лггомъ противъ хлѣбнаго закона (anti-cornlaw league), годъ отъ году настойчивѣе домогалось отиѣненія переменныхъ пошлинъ, Мануфактурные и торговые интересы, терпѣвшіе отъ закона, который поддерживалъ дороговизну хлѣба въ пользу землевладѣльцевъ, долго и тщательно боролись съ могущественною аристократіею. Опасаясь ущерба въ своихъ доходахъ, при свободномъ ввозѣ иностраннаго хлѣба, землевладѣльцы упорно защищали хлѣбный законъ подъ видомъ необходимаго покровительства отечественному земледѣлію. Но эта охранительная система сдѣлалась крайне тягостною для народнаго продовольствія, съ тѣхъ поръ, какъ оно стало болѣе и болѣе вуждаться въ привозъ хлѣба изъ-за границы. Дороговизна жизненныхъ припасовъ затрудняла развитіе мануфактурной промышленности, ограничивая сбытъ ея произведеній внутри государства и на иностранныхъ рынкахъ, гдѣ онѣ встрѣчали уже возрастающее соперничество чужеземныхъ издѣлій и могли только своею дешевизною, противодѣйствовать охранительнымъ тарифамъ, стѣснявшимъ ввозъ мануфактурныхъ товаровъ въ иностранныя земляхъ. Измѣнившіяся обстоятельства англійской промышленности и торговли требовали также преобразованія тарифной системы, которая обременяла высокими пошлинами фабричныя матеріалы и, преграждая ввозъ необходимѣйшихъ жизненныхъ припасовъ, увеличивала ихъ дороговизну. Введенный въ 1842 году прямой налогъ съ доходовъ, усиливъ государственныя финансы, доставилъ возможность приступить къ реформѣ тарифа: въ теченіи четырехъ лѣтъ сбавлены и отиѣнены таможенныя пошлины съ тысячи двухъ сотъ предметовъ. Преобразованіе тарифной системы не ограничилось облегченіемъ привоза матеріаловъ для мануфактуръ; оно распространено также на многіе жизненные припасы и наконецъ измѣненъ хлѣбный законъ.

Парламентскимъ актомъ отъ 26 іюня 1846 года разрѣшенъ съ 1 февраля 1849 года ввозъ хлѣба съ постоянною пошлиною въ одинъ шиллингъ съ квартера (25 копѣекъ серебромъ съ четверти); но въ видѣ переходной мѣры къ свободному ввозу, положено было, въ теченіе трехъ лѣтъ, то есть до 1 февраля 1849 года, взимать привозную пошлину въ 4 шиллинга съ квартера (1 рубль серебромъ съ четверти), пока средняя цѣна пшеницы будетъ выше 53 шиллинговъ, а при дальнѣйшемъ ея возвышеніи на одинъ шиллингъ, уменьшать привозную пошлину въ такомъ же

размѣръ. Новый законъ, вступившій въ дѣйствіе съ 26 іюля 1846 года, оставался въ силѣ только семь мѣсяцевъ. Скудный урожай хлѣба и картофеля принудилъ правительство допустить безошлинный привозъ хлѣба изъ всѣхъ странъ и подъ всякимъ флагомъ*, съ 1 февраля 1847 по 1 марта 1848 года, а потомъ вновь вступилъ въ силу парламентскій актъ отъ 26 іюня 1846 года на остальной срокъ временнаго его дѣйствія, то есть по 1 февраля 1849 года.

Переменныя пошлины съ хлѣба, существовавшія въ Великобританіи до 1846 года, препятствовали развитію нашей хлѣбной торговли съ этимъ государствомъ. Россія, по отдаленности портовъ ея отъ Великобританіи и за позднимъ открытіемъ въ нихъ навигаціи, не всегда могла доставлять туда своевременно большіе подвозы хлѣба и должна была предоставить эту отрасль торговли другимъ странамъ, которыя имѣли возможность снабжать тамошніе рынки хлѣбомъ во всякое время года и успѣвали пользоваться сбавкою таможенныхъ пошлинъ, завистъвшихъ отъ состоянія среднихъ цѣнъ. Изъ отчетовъ о привозѣ хлѣбныхъ припасовъ съ 1831 по 1846 годъ видно, что онъ составлялъ слѣдующія количества по пятнадцати-лѣтней сложности:

	Изъ Россіи.	Другихъ мѣстъ.	Всего.	
Пшеницы	2,437,022	20 591,468	22,933,490	четвер.
Пшеничной мукн.	3,357	4,974,619	4,976,176	—
Ржи	106,408	370,463	476,871	—
Ячменя	147,912	5,181,710	5,329,622	—
Овса	1,916,163	3,646,508	5,562,671	—
Гороха и бобовъ.	22,752	3,507,466	3,530,218	—
Итого	4 633,619	38,182,624	42,816,243	четвер.

Примѣчанія.

1) Въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ (1831 — 1845 включительно) привезено хлѣбныхъ припасовъ вообще 42,816,244 четвертей и въ томъ числѣ изъ Россіи только 4,633,619 четвертей или не болѣе 10% всего привоза.

* По навигаціонному акту иностранный хлѣбъ допускается на внутреннее потребленіе въ такомъ только случаѣ, когда привезенъ подъ англійскимъ флагомъ или на кораблѣ той страны, изъ которой происходитъ или откуда вывезенъ. Въ 1847 году это постановленіе было отмѣнено на время, для облегченія привоза хлѣба изъ-за границы.

2) Значительнѣйшую часть этого привоза (65 процентовъ) составляла пшеница и пшеничная мука (27,916,664 четвертей); послѣдняя почти вовсе не привозилась изъ Россіи, а доставлялась изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и въ небольшомъ количествѣ изъ нѣмецкихъ портовъ. Количество пшеницы, привезенной прямо изъ Россіи было не свыше 10 процентовъ въ пропорціи ко всему привозу, а если причислить къ нему пшеничную муку, то пропорціональное участіе Россіи въ этой статьѣ привоза уменьшится до 8 процентовъ. Должно впрочемъ замѣтить, что большое количество пшеницы польской и русской обыкновенно идетъ въ Великобританію черезъ Данцигъ и другіе Русскіе порты, а вывозимая изъ нашихъ южныхъ портовъ доставляется также черезъ Геную, Ливорно и Марсель. Сверхъ того, Великобританія получаетъ много пшеницы изъ Германіи (черезъ Гамбургъ и Амстердамъ). Привозъ ея изъ Леванта и Сѣверной Америки, до повѣйшаго времени, былъ маловаженъ.

3) Сбытъ иностранной ржи въ Великобританіи весьма незначителенъ: количество этого хлѣба, по пятнадцатилѣтней сложности, составляло съ небольшимъ 1 процентъ всего привоза. Рожь доставлялась частью изъ Россіи (22 процента), а наиболѣе изъ прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портовъ.

4) Въ общемъ привозѣ хлѣбныхъ припасовъ горохъ и бобы составляли 8 процентовъ, ячмень 12 процентовъ, овесъ 13 процентовъ. Горохъ и бобы привозятся большею частью изъ Даніи и Германіи. Россія почти вовсе не участвовала въ привозѣ этого товара: на ея долю приходится 0,6 процентовъ. Самое большое количество ячменя доставлялось обыкновенно изъ Даніи; прусскіе и другіе нѣмецкіе порты также снабжаютъ этимъ хлѣбомъ въ немаловажной пропорціи, между-тѣмъ какъ весь привозъ его изъ Россіи, по пятнадцатилѣтней сложности, доходилъ только до 2 процентовъ.

По сравнительной пропорціи привоза овса изъ Россіи и другихъ странъ, этотъ продуктъ занимаетъ первое мѣсто въ нашей хлѣбной торговлѣ съ Великобританіею: количество овса, доставленнаго изъ нашихъ портовъ, составляло 34 процента всего привоза; остальная пропорція поступила изъ Пруссіи, Даніи, Германіи, Голландіи и другихъ мѣстъ.

5) До 1846 года кукуруза и ржаная мука вовсе не привозились въ Великобританію, или привозъ ихъ былъ такъ маловаженъ, что не показывался въ таможенныхъ отчетахъ; но въ 1846 — 1847 году неурожай картофеля заставилъ обратиться къ употре-

бленію кукурузы. Привозъ ея въ зернѣ и мукѣ въ 1846 — 1847 году составлялъ 6,296,306 четвертей, большею частью изъ Соединенныхъ Штатовъ; она доставлялась также изъ Леванта, Италіи и въ незначительномъ количествѣ изъ нашихъ южныхъ портовъ.

6) Крайняя дороговизна продовольственныхъ припасовъ въ Ирландіи и Великобританіи была поводомъ къ отправленію туда ржаной муки изъ нашихъ портовъ: весь привозъ ея почти исключительно изъ Россіи простирался въ 1846 — 1847 году до 340,425 четвертей: это количество составляло только двадцатую долю огромнаго привоза кукурузы, которая большею частью замѣняла картофель въ народномъ продовольствіи, преимущественно въ Ирландіи.

И такъ, пропорція участія Россіи въ хлѣбной торговлѣ съ Великобританіею можетъ быть выражена слѣдующими цифрами:

По привозу:

Овса	34	процента.	}
Ржи	22	—	
Пшеницы и пшеничной муки	8	—	
Ячменя	2	—	
Гороха и бобовъ	0.6	—	

Этотъ выводъ показываетъ, что подъ вліяніемъ тарифа перемѣнныхъ пошлинъ въ Великобританіи, привозъ туда хлѣбныхъ продуктовъ изъ нашихъ портовъ былъ весьма незначительный; что это государство, въ случаѣ надобности, получало изъ Россіи, въ немаловажной пропорціи, только овесъ и рожь, въ небольшомъ количествѣ пшеницу, хотя она составляетъ важнѣйшую статью между хлѣбными продуктами, привозимыми въ Великобританію, и что, наконецъ, въ повѣйшее время, при неурожаяхъ картофеля, кукуруза стала замѣнять тамъ другіе роды хлѣба въ народномъ продовольствіи.

Введеніе постоянной пошлины съ иностраннаго хлѣба должно измѣнить обстоятельство хлѣбной торговли въ Великобританіи. Ближайшимъ слѣдствіемъ отмене перемѣнныхъ пошлинъ должно быть умноженіе привоза хлѣба прямо изъ источниковъ обыкновеннаго отпуска хлѣбныхъ продуктовъ. При перемѣнномъ тарифѣ, спекулянты дѣлали закупки хлѣба большею частію въ тѣхъ

* Эти пропорціи исчислены по сложности привоза за пятнадцать лѣтъ, съ 1831 до 1845 года включительно.

мѣстахъ, изъ которыхъ можно скорѣе получить его, чтобы воспользоваться временною сбавкою пошлины. Хлѣбъ, отправленный въ Великобританію изъ ближайшихъ къ ней складочныхъ портовъ всегда могъ прибыть туда ранѣе подвозовъ изъ Южной Россіи и Сѣверной Америки; и отъ того эти отдаленныя страны не имѣли возможности пользоваться во всякое время благопріятными обстоятельствами для сбыта своихъ запасовъ въ Великобританію. Теперь, съ разрѣшеніемъ свободнаго ввоза, сбытъ хлѣба будетъ менѣе зависеть отъ спекуляцій и приметъ правильный ходъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ограничится посредничество складочныхъ портовъ, потому что подвозы изъ дальнихъ странъ будутъ постоянно направляемы прямо въ Великобританію, и тогда взаимное соперничество ихъ доставитъ ей возможность продовольствоваться хлѣбными припасами по сходящимся цѣнамъ. При прежней системѣ пошлинъ, она не могла снабжаться хлѣбомъ изъ этихъ странъ въ достаточномъ количествѣ и приобрѣтаетъ его довольно дешево въ тамошнихъ портахъ: большое требованіе на хлѣбъ для снабженія ея, въ случаѣ недостаточнаго въ ней урожая, не всегда заставляло въ тѣхъ портахъ достаточныя запасы и производило вдругъ значительное возвышеніе цѣнъ, которыя, съ прекращеніемъ этого спроса, опять упали до низкой степени. Колебанія въ требованіи и въ цѣнахъ на хлѣбъ не могутъ быть такъ велики при однообразной пошлинѣ; она упрочитъ правильное движеніе подвозовъ изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ хлѣбъ обходится дешевле, и при такомъ ходѣ торговли установится тамъ постоянная заготовка хлѣбныхъ припасовъ для сбыта въ Великобританію.

Географическое положеніе этого государства, обширность коммерческихъ связей, значительныя капиталы тамошняго купечества и множество удобствъ, способствующихъ торговымъ оборотамъ, будутъ благопріятствовать дѣятельному движенію торговли между британскими и иностранными портами, не только по сбыту хлѣбныхъ припасовъ на собственное продовольствіе Великобританіи, но и для отпуска въ сосѣдственныя земли. Открывая своимъ потребленіемъ значительный и постоянный источникъ для иностраннаго хлѣба и отовсюду привлекая къ себѣ большіе подвозы, Великобританія сосредоточитъ въ своихъ портахъ хлѣбныя запасы, которые, смотря по состоянію цѣнъ, могутъ поступать на внутреннее потребленіе съ постоянною низкою пошлиною, либо, не платя даже этой пошлины, обращаться къ вывозу за границу, если представится тамъ выгоднѣйшій сбытъ. Вели-

британія не могла пользоваться выгодами посреднической торговли хлѣбомъ, пока сама стѣсняла его привозъ переменными пошлинами. Тогда не было расчета оставлять тамъ хлѣбные припасы на складкѣ, ибо надлежало ждать урожая для выпуска ихъ на внутреннее потребление: напротивъ того, при новомъ тарифѣ, представляется возможность сбывать ихъ на мѣстѣ, въ обыкновенное время, если нѣтъ благопріятнѣйшихъ видовъ для вывоза за границу.

До-сихъ-поръ, въ неурожайные годы, потребность въ хлѣбныхъ припасахъ доходила въ Великобританіи до $5\frac{1}{2}$ —6,000,000 четвертей; но едва ли основательно будетъ предположить, что съ разрѣшеніемъ свободнаго ввоза хлѣба, это государство станетъ получать въ столь значительномъ количествѣ постоянно, даже при обыкновенномъ урожаѣ. Ежегодное потребление тамъ хлѣбныхъ припасовъ, по приблизительнымъ исчисленіямъ, полагается слишкомъ 85,000,000 четвертей, въ томъ числѣ пшеница составляетъ около четвертой доли. Въ этомъ потребленіи количество иностраннаго хлѣба, въ тѣ годы, когда былъ самый большой привозъ, не простиралось свыше одной пятнадцатой доли. Облегчение ввоза хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританію должно, конечно, послужить къ уравнию цѣнности тамошняго хлѣба съ цѣнностью привознаго; но совмѣстничество послѣдняго не можетъ значительно уронить хлѣбныя цѣны на тамошнихъ рынкахъ, потому что иностранный хлѣбъ, стоящій дешево на мѣстахъ покупки, въ отдаленныхъ отъ Великобританіи странахъ, обременяется провозными и другими расходами на доставку въ ея порты, и притомъ постоянное требованіе хлѣба въ это государство должно возвысить цѣны во всѣхъ портахъ, изъ которыхъ онъ теперь сбывается за границу. Съ одной стороны возвышеніе цѣнъ на иностранный хлѣбъ, а съ другой — уменьшеніе тягостей, обременявшихъ земледѣльческую собственность, облегчить для английскихъ хозяевъ соперничество съ привознымъ хлѣбомъ, и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы они лишились выгоды заниматься земледѣліемъ при огромномъ внутреннемъ потребленіи хлѣба, которое невозможно вполнѣ удовлетворить заграничнымъ привозомъ. Если допустить даже, что совмѣстничество иностраннаго хлѣба остановить дальнѣйшее распространеніе въ Англіи хлѣбопашества, то хозяева найдутъ свой расчетъ въ томъ, чтобы невоздѣланныя земли обращать въ луга для содержанія скота въ большомъ количествѣ, и тогда умноженіе способовъ къ лучшему удобренію почвы доставитъ возможность поддерживать

хлѣбopашество и увеличить производительность его на земляхъ, уже обращенныхъ въ пашни. На этомъ основаніи можно предположить, что производство хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританіи, если не увеличится, то по крайней мѣрѣ не уменьшится противъ нынѣшняго. Но и при обыкновенномъ урожаѣ, нѣкоторое количество иностраннаго хлѣба ежегодно должно требоваться туда на пополненіе внутреннихъ запасовъ, къ отвращенію недостатка въ продовольствіи, потому что это государство, при возрастающемъ его народонаселеніи, не производитъ уже достаточно хлѣба для обезпеченія своихъ нуждъ въ обыкновенные годы. Еще въ 1842 году было исчислено, что этотъ недостатокъ ежегодно простирается до 2,000,000 четвертей и съ умноженіемъ числа жителей долженъ постоянно возрастать. Такое количество еще очень далеко отъ пропорціи привоза въ случаѣ неурожая. Съ тѣхъ поръ потребность въ иностранномъ хлѣбѣ должна была естественно увеличиться, и отнынѣ, съ пониженіемъ цѣнности хлѣбныхъ припасовъ, можно ожидать дальнѣйшаго приращенія ихъ расхода во внутреннемъ потребленіи этого государства.

Разрѣшеніе свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію имѣетъ особенную важность для Россіи: она можетъ теперь успѣшнѣе соперничать, въ снабженіи этого государства хлѣбомъ, съ иностранными портами, которые, пользуясь прежнимъ тарифомъ, принимали дѣятельнѣйшее участіе въ этой торговлѣ. Чѣмъ дешевле будетъ продаваться нашъ хлѣбъ противъ иностраннаго, тѣмъ болѣе можемъ мы отпускать его въ Великобританію; но для того, чтобы сбывать туда хлѣбъ по сходящимся цѣнамъ и въ большемъ количествѣ, нужно, во-первыхъ, облегчить сколь возможно способы доставки его изъ внутреннихъ мѣстъ къ нашимъ портамъ, потому что при дешевизнѣ у насъ хлѣба на мѣстѣ покупки, цѣна его слишкомъ возвышается отъ расходовъ на дальній и затруднительный провозъ къ мѣсту нагрузки для отправления за море; во-вторыхъ, нужно имѣть въ портовыхъ мѣстахъ достаточные хлѣбные запасы, которые могли бы своевременно удовлетворять требованію; иначе Великобританія, при большой потребности въ хлѣбѣ, будетъ вынуждена закупать его въ ближайшихъ къ ней иностранныхъ портахъ, хотя съ нѣкоторою передачею въ цѣнѣ и, сверхъ того, станетъ пополнять недостатокъ въ продовольствіи изъ Сѣверной Америки, которая въ новѣйшее время значительно увеличила сбытъ своихъ хлѣбныхъ припасовъ въ Европѣ.

Франція приняла для поощренія своего хлѣбопашества систему таможенныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба, подобную той, которая введена въ Великобританіи, и, подъ вліяніемъ этого тарифа, потребность въ привозномъ хлѣбѣ такъ уменьшилась, что только въ случаѣ скуднаго урожая оказывается нужнымъ пополнять собственные запасы привозомъ изъ иностранныхъ земель. По приблизительнымъ исчисленіямъ, количество потребляемаго во Франціи хлѣба простирается до 70,000,000 четвертей, въ томъ числѣ почти двѣ трети на продовольствіе жителей и одна треть на кормъ домашняго скота. При возрастающемъ потребленіи втеченіи двадцати-шести лѣтъ, съ 1815 по 1840 годъ, количествомъ иностранной пшеницы, поступившей на продовольствіе Франціи, три раза составляло отъ 250,000 до 350,000 четвертей, и только одинъ разъ доходило до 2,000,000 четвертей, а въ другіе годы этого періода она почти вовсе не нуждалась въ привозной пшеницѣ и даже отпускала собственный хлѣбъ за границу.

Ввозъ хлѣбныхъ припасовъ во Францію былъ дозволенъ съ постоянной пошлиною до 1819 года, но съ этихъ поръ ограниченъ тарифомъ. Постановленіе, изданное въ іюль 1819 года, опредѣляло переменныя пошлины съ иностраннаго хлѣба, смотря по состоянію внутреннихъ цѣнъ, воспрещало привозъ лишь только эти цѣны понизятся на уставныхъ рынкахъ до 20, 18 и 16 франковъ за гектолитръ пшеницы. Запрещеніе привоза отмѣнено постановленіемъ отъ 15 апрѣля 1832 года, которое донынѣ остается въ силѣ. Назначенныя этимъ уставомъ пошлины измѣняются по среднимъ цѣнамъ, выводимымъ изъ цѣнъ, составлявшихся на уставныхъ рынкахъ, въ четырехъ пограничныхъ округахъ, черезъ которые производится привозъ или отпускъ хлѣба.

Уставныя цѣны на пшеницу за четверть опредѣлены слѣдующія :

	Вышнѣя.	Нижнѣя.
Въ первомъ округѣ . . .	14 руб. 63 коп.	11 руб. 50 коп.
Во второмъ округѣ . . .	13 — 58 —	10 — 45 —
Въ третьемъ округѣ . . .	12 — 54 —	9 — 41 —
Въ четвертомъ округѣ . . .	11 — 49½ —	8 — 36½ —

Когда средняя цѣна на пшеницу въ одномъ изъ этихъ округовъ превосходитъ высшую установную цѣну, тогда въ пограничныхъ таможенныхъ того округа взимается низшая привозная пошлина, а именно :

Съ пшеницы около 13 коп. сер. съ четверти.			
Съ ржи	— 7	—	—
Съ ячменя	— 6½	—	—
Съ овса	— 2	—	—

Хлѣбъ, привозимый подъ французскимъ флагомъ, платитъ низшую пошлину, пока средняя цѣна на пшеницу не повзится около 1 рубля серебромъ на четверть, тогда какъ съ хлѣба, привозимаго на иностранныхъ корабляхъ, взимается съ пшеницы 78 копѣекъ, съ ржи 73 копѣйки, съ ячменя 71¼ и съ овса 69¼ копѣекъ серебромъ съ четверти. При всякомъ дальнѣйшемъ пониженіи среднихъ цѣнъ на пшеницу около 52 копѣекъ серебромъ на четверть, пошлины съ хлѣба возвышаются: на пшеницу около 52 копѣекъ серебромъ, на рожь около 31½, на ячмень около 26 и на овесъ около 18 копѣекъ серебромъ съ четверти.

Когда среднія цѣны на пшеницу упадутъ до низшей уставной цѣны, тогда взимаются слѣдующія привозныя пошлины:

П о л ь ф л а г а м и :

	Французскимъ.	Иностраннымъ.
Съ пшеницы	2 руб. 48 коп.	3 руб. 13 коп. серб. съ четверти.
Съ ржи	1 — 49 —	2 — 14 —
Съ ячменя	1 — 24 —	1 — 74 —
Съ овса	86¾ —	1 — 52 —

При всякомъ дальнѣйшемъ пониженіи среднихъ цѣнъ на пшеницу, около 52 копѣекъ серебромъ на четверть, пошлины съ хлѣба возвышаются еще болѣе, а именно: съ пшеницы на 78 копѣекъ, съ ржи на 42¾, съ ячменя на 39 и съ овса на 27½ копѣекъ серебромъ съ четверти.

Такимъ образомъ, если, напримѣръ, средняя цѣна состоитъ на 52 копѣйки серебромъ ниже крайней цѣны 11 рублей 50 копѣекъ, определенной въ первомъ округѣ, то съ пшеницы взимается тамъ 3 рубля 26 копѣекъ серебромъ подъ французскимъ флагомъ и 3 рубля 91 копѣйка въ случаѣ привоза на иностранномъ кораблѣ; съ пониженіемъ этой цѣны еще на 52 копѣйки пошлина увеличивается опять на 78 копѣекъ серебромъ, и такъ далѣе.

По уставнымъ цѣнамъ пшеницы опредѣляется и пошлина съ муки всякаго рода.

Что касается до отпускныхъ пошлинъ съ хлѣба въ зернѣ и муки, то онѣ также зависятъ отъ среднихъ цѣнъ на пшеницу; съ пониженіемъ ихъ пошлины уменьшаются, а по мѣрѣ возвы-

женія этихъ цѣвъ пошлины увеличиваются въ определенной пропорціи.

Со времени изданія нынѣшняго закона о пошлинахъ съ хлѣба иностранной пшеницы выпущено на внутреннее продовольствіе:

Въ 1832 году	2,105,653	четверти.
— 1833 —	2,051	—
— 1834 —	221	—
— 1835 —	211	—
— 1836 —	110,225	—
— 1837 —	142,497	—
— 1838 —	49,648	—
— 1839 —	516,648	—
— 1840 —	1,055,884	—
— 1841 —	77,892	—
— 1842 —	277,993	—
— 1843 —	1,009,029	—
— 1844 —	373,756	—
— 1845 —	1,231,982	—
— 1846 —	2,404,512	—
— 1847 —	4,423,157	—

По этой выпискѣ изъ таможенныхъ отчетовъ за шестнадцать лѣтъ (1832 — 1847) видно какимъ значительнымъ колебаніемъ подверженъ сбытъ иностранной пшеницы на внутреннее потребленіе Франціи. Подобныя колебанія оказываются и въ сбытѣ другихъ хлѣбныхъ припасовъ; напримѣръ, втеченіе шести лѣтъ оплачено пошлины:

	Ржи.	Кукурузы.	Ячменя.	Овса.	
Въ 1842	6,045	11,018	46,379	79,802	четвертей.
— 1843	7,446	17,089	36,130	80,692	—
— 1844	440	26,932	10,595	2,596	—
— 1845	15,479	39,951	40,448	9,620	—
— 1846	31,955	40,632	16,986	45,040	—
— 1847	194,487	41,287	97,366	398,561	—

Привозъ этихъ родовъ хлѣба во Франціи маловаженъ; одна только пшеница повременамъ сбывается въ значительнѣйшемъ количествѣ на внутреннее продовольствіе, особенно въ южной Франціи, которая почти ежегодно болѣе или менѣе нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ. Марсель, главный портовый городъ этого края,

производитъ обширный торгъ иностранною пшеницею: она доставляется сюда на складку изъ южной Россіи, Турціи, Египта, Италіи и другихъ странъ, и по мѣрѣ требованій сбывается частью во внутреннія мѣста, частью въ иностранные порты. Эта отрасль марсельской торговли поддерживаетъ сношенія Франціи со всѣми государствами, отпускающими хлѣбъ за границу и значительно оживляется при большомъ требованіи на пшеницу въ южной Франціи, либо въ иностранныхъ земляхъ. Переибныя пошлины, стѣсняющія привозъ хлѣба въ другихъ французскихъ портахъ, не останавливаютъ сбыта его въ Марсели, гдѣ существуетъ порто-франко. Даже въ тѣ годы, когда Франція мало нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ, марсельская торговля постоянно привлекаетъ сюда подвозы пшеницы на мѣстное потребление и на заготовку провіанта для французскихъ войскъ, расположенныхъ въ Алжирѣ.

Втеченіе десяти лѣтъ съ 1837 по 1846 годъ, привозъ пшеницы во Францію составлялъ слѣдующія количества, изъ которыхъ большая часть поступила на складку въ Марсель.

	Изъ Россіи.	Другихъ мѣст.	Всего.
Въ 1837	300,375	463,889	764,264 гектол.
— 1838	369,120	330,536	699,656 ———
— 1839	841,642	1,420,986	2,272,628 ———
— 1840	445,774	2,017,823	2,463,597 ———
— 1841	654,431	591,561	1,245,992 ———
— 1842	470,066	1,016,571	1,486,625 ———
— 1843	795,037	2,224,972	3,020,029 ———
— 1844	1,029,268	1,435,081	2,464,339 ———
— 1845	1,079,321	2,789,392	3,868,713 ———
— 1846	2,047,011	3,890,281	5,937,292 ———
Итого	8,033,044	16,180,792	24,212,836 гектол.

По десятилѣтвей сложности количество пшеницы, привезенной изъ Россіи, составляло одну треть всего привоза, а двѣ трети доставлено изъ другихъ странъ (Италіи, дувайскихъ портовъ, Леванта и прочее). Должно замѣтить, что въ этомъ привозѣ заключается также русская пшеница, поступившая черезъ ближайшіе италіянскіе порты: Геную, Ливорно и Ниццу, куда отправляются французскіе купеческіе суда для нарузки пшеницы, которая по привозѣ во Францію, подъ національнымъ флагомъ, пользуется уступкою въ таможенныхъ пошлинахъ.

Пропорциональное участие Россіи въ снабженіи этого государства пшеницею значительно превосходить ту долю, которая приходится на часть Россіи по привозу этого хлѣба въ Великобританію. Эта доля составила тамъ съ 1831 по 1846 годъ, какъ выше показано, не болѣе осьми процентовъ, а во Франціи съ 1837 по 1846 включительно была въ четверо болѣе (тридцать-два процента), хотя это государство гораздо менѣе нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ. Россія можетъ принимать болѣе участіе въ хлѣбной торговлѣ съ Франціею, отъ того, что Марсель, средоточіе этой торговли, находится въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Одессою, и другими портами Новороссійскаго Края, тогда какъ по отдаленности ихъ отъ Великобританіи, балтійскіе и нѣмецкіе порты соперничаютъ съ ними въ доставкѣ туда пшеницы, а пшеничною мукою это государство снабжается преимущественно изъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Бельгіи, пока она составляла съ Голландіею одно государство, привозныя и отпускныя пошлины были постоянныя; въ 1834 году онѣ зашѣнены пошлинами, которыя, какъ въ Великобританіи и Франціи, измѣняются по среднимъ цѣнамъ на установленныхъ рынкахъ. Привозъ пшеницы и ржи разрѣшается безъ пошлинъ, когда цѣны поднимутся на пшеницу свыше 10 рублей 45 копѣекъ серебромъ, а на рожь свыше 7 рублей 84 копѣекъ за четверть. При цѣнахъ свыше 12 рублей 54 копѣекъ на пшеницу и свыше 8 рублей 38 копѣекъ на рожь, отпускъ этихъ хлѣбовъ запрещается. Напротивъ того, когда цѣны упадутъ на пшеницу до 6 рублей 27 копѣекъ серебромъ и ниже, а на рожь до 3 рублей 66 копѣекъ и ниже, тогда запрещается привозъ этихъ хлѣбовъ. Съ возвышеніемъ цѣнъ до 10 рублей 45 копѣекъ на пшеницу и до 7 рублей 84 копѣекъ на рожь измѣняются слѣдующія привозныя пошлины.

Съ пшеницы:		П о ш л и н а .	
при цѣнѣ отъ 7 р. 84 к. и ниже	10 руб. 45 коп.	1 р. 50 к.	сер. съ чет.
— — — 6 — 27 — — — 7 — 84 —		3 — 2½ — — —	
Съ ржи:			
при цѣнѣ отъ 4 р. 70 к. и ниже	7 руб. 84 коп.	86 к.	сер. съ чет.
— — — 3 — 66 — — — 4 — 70 —		1 — 72 — — —	

На ячмень и овесъ установлены, постоянныя пошлины, а именно: съ ячменя 56 копѣекъ и съ овса 44 копѣйки серебромъ съ четверти.

Бельгія, при среднемъ урожаѣ, почти вовсе не нуждается въ

привозъ хлѣбныхъ продуктовъ; но какъ собственный урожай того или другаго хлѣба не всегда бываетъ достаточный для внутреннего потребленія, то недостатокъ пополняется болѣе или менѣе значительнымъ привозомъ изъ-за-границы. По оцѣнкамъ свидѣннѣ, средний привозъ хлѣбныхъ продуктовъ въ 1835—1839 по пятилѣтней сложности, состоялъ до 300,000 четвертей, въ 1840 привезено около 650,000 четвертей, въ 1845 960,000, а въ 1846 1,200,000 четвертей. Хлѣбные припасы доставляются въ Бельгiю болѣею частiю черезъ Голландiю, также прямо изъ Пруссiи, Ганновера, Дави, Россiи и другихъ мѣстъ.

Въ Антверпенѣ, главномъ портѣ этого государства, привозъ хлѣба изъ Россiи и другихъ странъ, по пятилѣтней сложности, съ 1837 по 1841 включительно распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Изъ Россiи.	Другихъ мѣстъ.	Всего.
Пшеницы	4,655	11,278	15,943 ласт.
Ржи . .	3,676	10,119	14,295 —
Ячменя .	22	17,237	18,095 —
<hr/>			
Всобще .	9,153	39,170	48,323 ласт.
Среднее число	1,910	7,834	9,644 —

Въ общемъ итогѣ привозъ пшеницы изъ Россiи составлялъ двадцать девять процентовъ, ржи двадцать пять процентовъ и ячменя четыре процента.

Вывозъ хлѣба изъ Россiи въ Бельгiю показывается въ нашихъ «Видахъ Торговли» только съ 1842 года. По этимъ отчетамъ нельзя, впрочемъ, судить о дѣйствительномъ сбытѣ нашихъ хлѣбныхъ продуктовъ въ этомъ государствѣ, потому что значительное количество ихъ доставляется туда черезъ Голландiю. Въ «Видахъ Торговли» показанъ слѣдующій отпускъ хлѣба изъ Россiи въ Бельгiю.

	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.
Въ 1842 году.	664	—	540
— 1843 —	3,770	12,434	5,416
— 1844 —	2,781	21,239	9,348
— 1845 —	72,600	24,784	—
— 1846 —	111,461	120,856	—
— 1847 —	111,270	169,533	7,101

Въ послѣднiе два года по случаю неурожая въ Бельгiи вывозъ туда хлѣба изъ Россiи значительно увеличился; на это вре-

ия, тарифъ перемѣнныхъ пошливъ былъ отиѣненъ и хлѣбныя припасы всякаго рода допускались къ безошланныму привозу.

Голландія снабжается иностраннымъ хлѣбомъ частію на внутреннее продовольствіе, частію для отпуска и транзита. По официальнымъ свѣдѣніямъ, съ 1837 по 1845 годъ включительно, средній привозъ, отпускъ и транзитъ хлѣбныхъ продуктовъ составлялъ слѣдующія количества:

	Привозъ.	Отпускъ.	Транзитъ.
Пшеницы	15,016	4,668	3,913 ластовъ.
Ржи . . .	28,723	764	1,792 —
Ячменя . .	14,215	7,392	100 —
Гречи . . .	2,075	22	—
Овса . . .	609	8,159	114 —
Итого	56,848	21,009	5,919 ластовъ *.

Изъ того же источника заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія объ урожаѣ этихъ хлѣбовъ въ Голландіи. Съ 1837 по 1845 годъ собрано:

	Средній урожай.
Пшеницы	42,832 ластовъ.
Ржи	95,875 —
Ячменя	33,007 —
Овса	28,141 —
Итого	243,244 ластовъ.

Если исключить весь отпускъ и транзитъ изъ совокупныхъ количествъ средняго урожая и иностраннаго привоза, то оказывается, что на внутреннее потребленіе, въ 1835 — 1845 поступило:

Пшеницы . . .	49,267 ласт. или	389,738 четв.
Ржи	122,011 — —	1,708,574 —
Ячменя	48,164 — —	674,296 —
Гречи	35,061 — —	490,854 —
Овса	74,477 — —	1,042,678 —

За исключеніемъ хлѣбныхъ продуктовъ собственнаго урожая, средняя пропорція иностраннаго хлѣба, необходимаго для Голландіи, составляла въ годъ:

Пшеницы . . .	6,435 ласт. или	90,090 четв.
Ржи	26,166 — —	366,304 —
Ячменя	4,733 — —	66,262 —
Гречи	2,054 — —	28,756 —

* Ластъ считается круглымъ числомъ въ 14 четвертей.

Что же касается до овса, то средній урожай его превосходить на 8,273 ласта пропорцію годичнаго потребления. Голландія рѣдко нуждается въ привозѣ этого продукта и принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, которыя отпускаютъ его за границу.

Хлѣбные продукты привозятся въ Голландію изъ Россіи, Дании, Пруссіи и другихъ германскихъ владѣній. Привозъ въ Амстердамъ и Роттердамъ, по пятилѣтней сложности, съ 1837 по 1841 включительно составлялъ слѣдующія количества:

	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.
Изъ Россіи	1,306	51,094	22,672 ласт.
— прочихъ мѣстъ	29,872	64,927	9,373 —
<hr/>			
Всего	31,178	116,021	32,005 —

Этотъ выводъ показываетъ, что привозъ изъ Россіи ржи простирается до сорока четырехъ процентовъ, ячменя до семидесяти процентовъ, а пшеницы только до четырехъ процентовъ; послѣдняя доставляется въ Голландію изъ прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портовъ и частію по Рейну.

Тарифъ переменныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба, по примѣру Великобританіи и Франціи, введенный въ Голландію въ 1835 году, ограничилъ отпускъ туда хлѣба изъ Россіи, которая до того времени постоянно снабжала это государство большимъ количествомъ ржи и ячменя. Съ тѣхъ поръ требованіе на эти продукты примѣтно тамъ ослабло и только въ неурожайные годы возрастало въ значительной пропорціи. Изъ Россіи отпущено въ Голландію, до введенія тамъ переменныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба:

	Ржи.	Ячменя.
Въ 1827 году.	224,060	111,544 четверт.
— 1828 —	293,844	112,518 —
— 1829 —	305,819	109,382 —
— 1830 —	229,829	96,905 —
— 1831 —	398,149	23,245 —
— 1832 —	318,315	164,406 —
— 1833 —	147,374	71,017 —
— 1834 * —	39,690	43,571 —
<hr/>		
Итого	1,956,378	733,575 четверт.

* Въ этомъ году отпускъ былъ не значителенъ по случаю неурожая въ Россіи.

По стѣповеніи привоза хлѣба тарифомъ переменныхъ пошлинъ, введенныхъ въ Голландію въ 1835 году, отпущекъ изъ Россіи составлялъ слѣдующія количества:

	Ржи.	Ячменя.
Въ 1835 году.	7,958	6,928 четвертей.
— 1836 —	2,344	16,636 ———
— 1837 —	89,329	41,135 ———
— 1838 —	232,337	44,568 ———
— 1839 —	529,121	131,514 ———
— 1840 —	42,357	125,451 ———
— 1841 —	50,219	73,608 ———
— 1842 —	105,571	108,161 ———
Итого . . .	1,060,236	548,001 четверть.

Въ предыдущее осьмилѣтіе (1827 — 1834), когда ввозъ иностраннаго хлѣба былъ дозволенъ въ Голландію съ постоянною пошлиною, отпущено туда изъ Россіи: ржи на восемьдесятъ четыре, а ячменя почти на тридцать четыре процента болѣе нежели въ послѣдній періодъ съ 1835 по 1842 годъ, при тарифѣ переменныхъ пошлинъ. Если исключить изъ перваго осьмилѣтія 1834 годъ, когда отпущекъ хлѣба изъ Россіи по случаю неурожае во многихъ губерніяхъ, былъ вообще весьма маловаженъ, а изъ послѣдняго осьмилѣтія исключить 1839 годъ, когда привозъ хлѣба въ Голландію въ слѣдствіе неурожае, былъ необыкновенно великъ, то еще разительнѣе будетъ уменьшеніе сбыта ржи и ячменя въ нашей торговлѣ съ этимъ государствомъ. Въ первый періодъ (1827 по 1833 годъ), отпущено въ сложности: ржи 1,916,688 четвертей, ячменя 689,994 четверти, а въ послѣдній періодъ (1835 — 1842 годъ за исключеніемъ 1839 года) сложный отпущекъ ржи составлялъ только 531,115 четвертей и ячменя 416,487 четвертей. Слѣдовательно, подъ вліяніемъ переменныхъ пошлинъ съ хлѣба, установленныхъ въ Голландію съ 1835 года, уменьшился вывозъ туда изъ Россіи: ржи на двѣсти шестьдесятъ процентовъ и ячменя на шестьдесятъ-пять процентовъ.

Въ нѣкоторые годы послѣдняго пятилѣтія съ 1843 по 1847 годъ, Голландія снабжалась изъ Россіи значительнымъ количествомъ хлѣба, какъ на собственное продовольствіе, такъ и для отпущка въ иностранныя земли; въ 1846 — 1847 году, вывозъ изъ Россіи въ Голландію одной ржи почти равнялся сложному ея отпущку за предыдущія десять лѣтъ.

Осуществл:	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.
Въ 1843 году.	16	171,364	119,948	3,509 четвертей.
— 1844 —	1,090	171,968	143,799	— ———
— 1845 —	6,187	77,323	8,392	8,000 ———
— 1846 —	16,312	822,096	27,499	35,015 ———
— 1837 —	53,527	596,175	63,078	62,991 ———

Въ 1846 — 1847 году, по случаю неурожая въ Голландіи, тарифъ переменныхъ пошлинъ съ хлѣба былъ, на время, отиѣненъ, а съ октября 1847 года, разрѣшенъ свободный ввозъ иностраннаго хлѣба съ постоянною пошлиною, а именно:

Съ Пшеницы . . .	около	32	копѣекъ	серебромъ	съ	четверти.
— Ржи и кукурузы	—	24	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —
— Ячменя	—	18	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —
— Гречихи. . . .	—	20	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —
— Овса	—	16	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —
— Гороха и бобовъ.	—	24	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —

Сверхъ этихъ пошлинъ, взимается надбавочный сборъ по тринадцати процентовъ. При ввозѣ хлѣба подъ привилегированнымъ флагомъ, таможенная пошлина убавляется на два гульдена съ ласта (около осьми копѣекъ серебромъ съ четверти), и сверхъ того въ случаѣ привоза изъ Россіи, на голландскихъ или русскихъ корабляхъ, скидывается десять процентовъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, установившихъ по примѣру Великобританіи переменныя пошлины съ хлѣба, Голландія первая послѣдовала ея примѣру въ отношеніи этой системы. Введеніе переменныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба, въ 1835 году, оправдывалось тѣмъ, что съ уменьшеніемъ вишняго торгова хлѣбными продуктами въ Голландіи, отъ стѣсненія привоза ихъ во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ, собственное ея земледѣіе могло пострадать, при свободномъ ввозѣ избытковъ дешеваго хлѣба изъ другихъ странъ, на внутреннее продовольствіе. Пока система переменныхъ пошлинъ существовала въ Великобританіи, Голландія менѣе могла опасаться, что хлѣбный торгъ перейдетъ отъ нея въ тамошніе порты, и, по своему географическому положенію, пользовалась еще значительными выгодами отъ посреднической торговли хлѣбными продуктами. Но разрѣшеніе свободного ввоза иностраннаго хлѣба въ Великобританію угрожало нанести рѣшительный ударъ этой отрасли голландской торговли. Къ

отращению вредныхъ отъ того послѣдствій для своихъ коммерческихъ интересовъ, Голландія отиѣнила законъ о привозныхъ пошлинахъ съ хлѣба, не соответствовавшій болѣе современнымъ обстоятельствамъ. Установивъ постоянную пошлину съ хлѣбныхъ продуктовъ, Голландія открыла имъ нынѣ удобнѣйшій сбытъ въ ея портахъ, и тѣмъ упрочила развитіе хлѣбной торговли своей со всѣми странами, изъ которыхъ эти продукты поступають въ заморскій отпускъ.

Въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ во многихъ мѣстахъ земледѣліе встрѣчаетъ препятствіе отъ неблагоприятнаго климата и бесплодія почвы, трудолюбіе жителей значительно распространило хлѣбопашество: посредствомъ разчистки лѣсовъ, осушки болотъ и тщательнаго воздѣлыванія земли, бесплодные пространства превращены въ хлѣбородныя пашни, особенно въ южныхъ краяхъ; и даже въ сѣверной части, гдѣ хлѣбъ не родится въ достаточномъ количествѣ, распространяющееся воздѣлываніе картофеля служитъ важнымъ пособіемъ въ продовольствіи. Лѣтъ тридцать тому, Швеція нуждалась въ ежегодномъ привозѣ иностраннаго хлѣба и получала его на значительную сумму изъ Риги, Данцига, Гамбурга и другихъ мѣстъ. Съ-тѣхъ-поръ земледѣліе въ этой странѣ сдѣлало такіе успѣхи, что она снабжается иностраннымъ хлѣбомъ только въ неурожайные годы, а при изобильномъ урожаѣ въ состояніи даже отпустить хлѣбъ за границу *.

Слѣдующія цифры показываютъ въ какой мѣрѣ уменьшился привозъ хлѣба.

Съ 1790 по 1808	средній привозъ	261,263	четверт.
— 1809 — 1818	— — — —	303,203	— —
— 1819 — 1828	— — — —	95,000	— —
— 1829 — 1838	— — — —	66,500	— —
— 1839 — 1840	— — — —	77,583	— —

Доказательствомъ успѣховъ хлѣбопашества въ Швеціи служитъ также то, что нынѣ оно въ состояніи продовольствовать значительно умножившееся народонаселеніе. Среднее количество хлѣба и картофеля, собираемое въ Швеціи, простирается въ обыкновенный годъ до 7,700,000 четвертей, изъ которыхъ около двухъ третей поступаетъ на внутреннее потребленіе, остальная же часть идетъ на винокуренные и пивоваренные заводы, и если бы не было чрезмѣрнаго расхода хлѣба на винокуреніе, то въ Швеціи

* Въ 1839 году отпущено 215,000 четвертей.

ежегодно оставалось бы немаловажные избытки от урожая за собственными ее продовольствием.

Въ Норвегiи хлѣбопашество также сдѣлало значительные успѣхи въ новѣйшее время: до соединенiя ея съ Швеціею, эта страна употребляла ежегодно около 800,000 четвертей иностраннаго хлѣба, а нынѣ, въ обыкновенный годъ, случается до 600,000 четвертей, хотя съ-тѣхъ-поръ ея народонаселенiе увеличилось на двадцать пять процентовъ и въ то же время распространились винокуренные заводы, потребляющiе около 400,000 четвертей хлѣба и картофеля. Если бы винокурение не было такъ значительно, то Норвегiя могла бы продовольствовать собственнымъ хлѣбомъ три четверти своего народонаселенiя.

Въ случаѣ неурожая, Швеція снабжается хлѣбомъ изъ Россiи, Пруссiи и Данiи, и привозомъ его изъ этихъ же государствъ пополняется въ Норвегiи недостатокъ собственнаго хлѣба на внутреннее продовольствiе. Сѣверный ея край постоянно снабжается хлѣбными припасами, преимущественно ржаной мукою, изъ Архангельска, а въ южные и въ западные порты Норвегiи привозится хлѣбъ почти исключительно изъ Датскихъ владѣнiй.

Хлѣбные продукты обложены въ Швеціи и Норвегiи постоянными пошлинами, составляющими:

Съ четверти.	Въ Швеціи.	Въ Норвегiи.
Пшеницы .	1 рубль 32 копейки.	1 рубль 28 копѣекъ.
Ржи . . .	— — 38 — —	— — 61 — —
Ячменя .	— — 66 — —	— — 54 — —
Овса . . .	— — 44 — —	— — 43 — —

Въ случаѣ привоза подъ иностраннымъ, непривилегированнымъ флагомъ, взимается надбавочной пошлины сорокъ процентовъ.

Отпускъ зерноваго хлѣба изъ Россiи въ Швецію и Норвегiю весьма непостояненъ и вообще рѣдко доходитъ до значительнаго количества. По двадцати лѣтней сложности, съ 1827 по 1846 годъ включительно, изъ Россiи отпущено туда главныхъ родовъ хлѣба:

Пшеницы . . .	9,264 четверти.
Ржи	631,663 — —
Ячменя . . .	150,573 — —
Овса	31,013 — —

Итого . . . 882,513 четвертей.

Средній годово́й отпускъ составлялъ вообще не болѣе 41,425 четвертей въ томъ числѣ ржи около семидесяти семи процентовъ, ячменя осьмнадцать процентовъ, овса и пшеницы пять процентовъ. Въ нѣкоторые годы отпуска вовсе не было, а въ другіе количество его было очень маловажно, напримѣръ изъ 31,013 четвертей овса, 20,909 четвертей отпущено въ 1838 году, а въ остальные девятнадцать лѣтъ только 10,404 четверти (средній числомъ 547 четвертей въ годъ); изъ 9,264 четвертей пшеницы, почти половина (4,541 четверть) отпущено въ 1827 — 1828 годъ; самый большой вывозъ ячменя былъ въ 1827 году (39,171 четверть), въ 1831 году (25,496 четвертей) и въ 1838 году (46,841 четверть): въ эти три года отпущено 111,508 четвертей, а въ остальные семнадцать лѣтъ только 39,065 четвертей или среднимъ числомъ около 2,300 четвертей въ годъ; рожь въ количествѣ свыше 20,000 вывозилась въ слѣдующіе годы:

Въ 1827 году.	94,476 четвертей.	Въ 1837 году.	25,385 четвертей
— 1829 —	21 879 — —	— 1838 —	119,249 — —
— 1 30 —	29,303 — —	— 1839 —	56.136 — —
— 1831 —	87,958 — —	— 1842 —	22,057 — —
— 1832 —	86,128 — —	— 1846 —	24,210 — —

Сложный отпускъ ржи въ это десятилѣтіе составлялъ 566,778 четвертей, а въ остальные десять лѣтъ только 64,885 четвертей.

Ржаная мука вывозится въ Сѣверную Норвегію поморскими жителями Архангельской губерніи, для промѣна на рыбу и мякучю рухлядь. Сбытъ туда муки значительно увеличился въ новѣйшее время. Сложный отпускъ ея изъ Бѣломорскихъ портовъ въ 1825—1835 годахъ простирался на 380,239, а въ 1836—1846 годахъ на 1,436,155 рублей серебромъ; средняя сумма въ первый періодъ составляла 34,567 рублей, а въ послѣдній 136,559 рублей серебромъ. Бѣломорская торговля наша съ Норвегіею поддерживается преимущественно мѣною муки и другихъ хлѣбныхъ припасовъ на рыбный и пушной товаръ, и поощряется особенными льготами, предоставленными поморскимъ жителямъ для торга съ Норвежцами; вся перевозка товаровъ между нашими Бѣломорскими портами и Сѣверною Норвегіею производится на русскихъ судахъ, и такимъ образомъ эта торговля служитъ къ образованію у насъ опытныхъ мореходцевъ.

Дания продовольствуется обыкновенно собственными хлебомъ и, за внутренними потребностями, еще остается избытки для заграничнаго отпуска. Въ неурожайные годы это государство снабжается хлебными продуктами изъ Россіи, также изъ прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портовъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, при хорошемъ среднемъ урожаѣ, за вычетомъ сѣмянъ, оставляемыхъ на посѣвъ, въ датскихъ владѣніяхъ собирается: пшеницы до 200,000 четвертей, ржи до 2,000,000, ячменя до 1,680,000, овса до 1,700,000, гречи, бобовъ и гороха до 270,000, картофеля до 1,320,000 четвертей. Весь отпускъ хлебныхъ продуктовъ въ 1841 году, который можно считать среднимъ въ отношеніи къ ихъ вывозу, составлялъ 1,061,347 четвертей, въ томъ числѣ ячменя 629,422 четвертей, ржи 133,731, овса 122,807, и пшеницы 94,493 четверти. Ячмень всегда вывозился изъ Дании въ значительнѣйшемъ количествѣ, а въ новѣйшее время весьма усилился также отпускъ ржи, которой съ 1832 по 1843 годъ, вывозилось, среднимъ числомъ въ годъ, не болѣе 150,000 четвертей, а съ 1844 по 1846 годъ, средній вывозъ простирался уже до 270,000 четвертей.

Въ Дании иностранный хлѣбъ дозволенъ къ привозу съ постоянною пошлиною: съ пшеницы 75, съ ржи 48, съ ячменя 32 и съ овса 30 копѣекъ серебромъ съ четверти. Въ случаѣ привоза подъ иностраннымъ, непривилегированнымъ флагомъ, взимается надбавочной пошлины 50 процентовъ.

По десятилѣтней сложности съ 1837 по 1846 годъ включительно, отпущено изъ Россіи въ Данию:

Пшеницы	2,697	четвертей *	
Ржи	148,424	—	**
Ячменя	25,862	—	***
Овса	2,604	—	****

* Въ томъ числѣ 2,655 четв. отпущено въ одинъ 1843 годъ.

** Изъ этого количества отпущено: въ 1837 году 43,331 четв., въ 1838 году 19,392 и въ 1846 году 45,518 четв., всего 108,241 четв., и потому на остальные семь лѣтъ приходится только 40,183 четв. или 5,740 четв. въ годъ.

*** Въ томъ числѣ 16,049 четв. въ 1844 году.

**** Почти все это количество отпущено въ 1839 году (2,504 четв.).

И такъ въ это десятилѣтіе Данія получила изъ Россіи только 179,587 четвертей зерноваго хлѣба, или не болѣе 17,958 четвертей въ годъ.

Германія вообще производитъ хлѣбъ всякаго рода въ достаточномъ количествѣ для внутренняго продовольствія и во многихъ ея странахъ остаются избытки для заграничнаго отпуска. Изъ Пруссіи хлѣбъ вывозится за море, черезъ Штеттинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, и другіе ея порты, лежащіе при Балтійскомъ морѣ, также по Эльбѣ черезъ Гамбургъ и по Рейну въ Голландію.

Ближайшія къ Пруссіи нѣмецкія владѣнія сбываютъ хлѣбъ по Эльбѣ къ Гамбургу и по Везеру къ Бремену; изъ Мекленбурга отпускъ хлѣба производится черезъ тамошніе порты Ростокъ и Висмаръ; Баварія, Виртембергъ и Баденъ сбываютъ хлѣбъ въ Швейцарію; изъ Рейнской Пруссіи, Гессена и Бадена вывозятся хлѣбные продукты въ западную Францію.

Съ 1837—1844 годъ средній отпускъ и привозъ хлѣба во владѣніяхъ германскаго таможеннаго союза составлялъ слѣдующія количества:

	Отпускъ.	Привозъ.
Пшеницы	1,723,673 четверти.	80,955 четвертей.
Ржи	477,486 —	201,396 —
Ячменя и овса	506,278 —	119,966 —
И того: 2,707,439	—	402,317 —

По этимъ выводамъ оказывается, что отпускъ всѣхъ хлѣбовъ гораздо значительнѣе привоза. Въ германскомъ таможенномъ союзѣ зерновой хлѣбъ всякаго рода обложенъ однообразною пошленною, около 59 копѣекъ серебромъ съ четверти.

Хлѣбные продукты въ значительнѣйшемъ количествѣ вывозятся изъ прусскихъ владѣній. Средній сборъ пшеницы составляетъ тамъ до пяти съ половиною милліоновъ четвертей и ржи до четырнадцати милліоновъ четвертей. За внутреннимъ продовольствіемъ остается для заграничнаго отпуска пшеницы не менѣе милліона четвертей и почти такое же количество ржи. Хлѣбъ прусскаго происхожденія отпускается за море большею частію черезъ Штетинъ. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1831 по 1846 годъ включительно, изъ этого порта отпущено въ сложности:

		Средній отпускъ.	
Пшеницы	1,846,653 четвертей	115,415	четвертей.
Ржи . .	846,542 —	52,909	—
Ячменя .	501,269 —	31,329	—
Овса . .	84,646 —	5,290	—

Черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ отпускается большою частью хлѣбъ, доставляемый туда по рѣкамъ Нѣману и Вислѣ, изъ Россіи и царства Польскаго. Изъ Данцига, откуда вывозятся хлѣбные продукты, сплавляемые къ этому порту по рѣкѣ Вислѣ изъ царства Польскаго и частью изъ Галиціи, отпущено, въ теченіе того же періода (1831 — 1846) по шестнадцатилѣтней сложности:

		Средній отпускъ.	
Пшеницы	6,852,390 четвертей.	429,270	четвертей.
Ржи . .	1,556,820 —	97,300	—
Ячменя .	267,240 —	16,702	—
Овса . .	69,430 —	4,339	—

Черезъ Кенигсбергъ отпускается хлѣбъ, доставляемый туда по рѣкѣ Нѣману, изъ западныхъ губерній Россіи. По шестнадцатилѣтней сложности (1831 — 1846) отпущено изъ этого порта:

		Средній отпускъ.	
Пшеницы	1,564,905 четвертей.	97,906	четвертей.
Ржи . .	2,445,735 —	1,2859	—
Ячменя .	497,275 —	31,080	—
Овса . .	451,925 —	29,243	—

И такъ въ теченіе этихъ шестнадцати лѣтъ ередній отпускъ хлѣба изъ трехъ главныхъ прусскихъ портовъ составлялъ слѣдующія количества:

Пшеницы	611,491	четвертей.
Ржи	313,065	—
Ячменя	79,111	—
Овса	37,878	—

Итого: 1,071,546 четвертей.

Въ этомъ количествѣ, пропорцію хлѣба прусскаго происхожденія можно считать приблизительно не свыше третьей доли, а

двѣ трети составляютъ хлѣбные продукты, привезенные изъ Россіи и царства Померанскаго, для отпуску черезъ прусскіе порты.

Съ хлѣба, привозимаго туда по рѣкамъ Нѣману и Вислѣ, взимаются транзитной пошлины: съ пшеницы двадцать три съ половиною копѣйки, съ ржи, ячменя и овса шесть копѣекъ серебромъ съ четверти.

Между Балтійскими портами, Данцигъ занимаетъ первое мѣсто по значительному вывозу пшеницы, которая обыкновенно отвозится преимущественно въ Великобританію, а послѣ Данцига, Гамбургъ есть важнѣйшій изъ сѣверныхъ портовъ для отпуску пшеницы въ это государство. Въ слѣдующей таблицѣ показаны средній отпускъ по десятилѣтнимъ сложностямъ:

	Изъ Данцига	Изъ Гамбурга.
Въ 1813—22	196 410	72,285 четвертей.
— 1823—32	206,562	194,535 —
— 1843—42	414,578	284 083 —

Сравнительное обозрѣніе этихъ трехъ періодовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Средній отпускъ пшеницы изъ Данцига въ оба первыхъ десятилѣтія оставался почти въ одинаковомъ положеніи; превращеніе въ 1823—1832 годахъ противъ 1813—1822 годовъ составляло только пять процентовъ. Такое слабое развитіе этой отрасли торговли было неизбежнымъ слѣдствіемъ стѣсненія привоза иностраннаго хлѣба въ Великобританію тарифными постановленіями 1815 и 1828 годовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе (1833—1842), вывозъ пшеницы изъ Данцига увеличился вдвое, отъ того, что Великобританія часто нуждалась въ значительномъ привозѣ этого хлѣба; для отпуску туда обыкновенно закупается много польской пшеницы, которая, по отягченной ея добротѣ, предпочтительно требуется на тамошнемъ рынкѣ.

2) Средній отпускъ пшеницы изъ Гамбурга во всѣ періоды былъ гораздо менѣе данцигскаго; но замѣчательно быстрое приращеніе ея вывоза изъ Гамбурга съ тѣхъ поръ какъ въ Великобританіи были установлены переменныя пошлины съ иностраннаго хлѣба: въ 1823—1832 годахъ отпущено пшеницы среднимъ числомъ, почти на 170 процентовъ болѣе чѣмъ въ 1813—1822 годахъ, а въ 1833—1842 годахъ, средній отпускъ увеличился на 46 процентовъ противъ предъидущаго періода. Развитію хлѣбной торговли Гамбурга много благопріятствовало географическое

положеніе этого порта: при английскимъ тарифъ переменныхъ пошлинъ съ хлѣба, Гамбургъ, какъ ближайшій къ Великобританіи портъ для отпуска хлѣбныхъ продуктовъ, получалъ оттуда первые приказы на закупку пшеницы, и спекулянты успѣвали пользоваться всякимъ возвышеніемъ таможенныхъ цѣнъ для доставки пшеницы изъ Гамбурга, ко времени сбавки таможенной пошлины. При такомъ ходѣ этой торговли, отпускъ пшеницы естественно подвергался здѣсь большимъ колебаніямъ; но весьма часто, особенно въ новѣйшее время, усиливался въ значительной пропорціи, при возраставшемъ сбытѣ этого хлѣба въ Великобританіи. Въ послѣдній періодъ съ 1833 по 1842 годъ включительно, средній вывозъ пшеницы изъ Гамбурга былъ почти вчетверо болѣе противъ перваго періода (1813—1822 годъ).

Значительнѣйшее приращеніе отпуска пшеницы изъ Данцига и Гамбурга началось съ 1837 года, а до того времени вывозъ ея былъ весьма измѣнчивъ и доходилъ до значительнаго количества только при неурожаяхъ въ Великобританіи. Пшеницы отпущено:

Изъ Данцига.		Изъ Гамбурга.	
Въ 1833 году	148,9.5 четвертей.	125,895	четвертей.
— 1834 —	101,505 ———	89,835	———
— 1835 —	64,470 ———	53,595	———
— 1836 —	184,350 ———	133,425	———
— 1837 —	448,945 ———	145,305	———
— 1838 —	654,915 ———	365,160	———
— 1839 —	598,650 ———	500,325	———
— 1840 —	709,695 ———	496,545	———
— 1841 —	604,665 ———	683,580	———
— 1842 —	619,620 ———	277,000	———

Изъ этой таблицы видно, что данцигскій отпускъ, съ 1837 года значительно усилившійся, не былъ подверженъ такимъ ощутительнымъ колебаніямъ, какія въ то же время испытывалъ отпускъ пшеницы изъ Гамбурга, гдѣ эта торговля часто зависить болѣе отъ случайныхъ спекуляцій на цѣну, нежели отъ основательнаго спроса на товаръ.

Для ближайшаго соображенія, въ какой мѣрѣ прусскіе и другіе нѣмецкіе порты участвуютъ въ хлѣбной торговлѣ и для сравненія ихъ въ этомъ отношеніи съ нашими сѣверными портами, приводимъ здѣсь суммы отпуска разныхъ родовъ хлѣба по трехлѣтней сложности за 1839, 1840 и 1841 годы.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.
	Ч	е	т	в
Изъ Кенигсберга . . .	343,826	556,066	79,016	137,110
— Даниила . . .	1,785,466	424,550	154,882	14,448
— Штетина . . .	899,678	229,217	141,721	25,204
— Мекленбурга . . .	531,470	73,274	129,586	18,656
— Гамбурга . . .	1,650,450	186,240	102,500	29,370
— Бремена . . .	201,630	46,770	19,010	28,320
Итого	5,432,530	1,516,297	626,715	253,108
Изъ сѣверныхъ пор-				
товъ Россіи	237,792	875,492	394,750	749,587

Сложный отпускъ зерноваго хлѣба изъ главныхъ прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портовъ въ это трехлѣтіе составлялъ 7,828,650 четвертей, а изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ вывезено въ то же время 2,257,611 четвертей. Къ послѣдней суммѣ нужно присоединить количество хлѣба, отправленнаго по рѣчному сообщенію, изъ Россіи и Царства Польскаго къ прусскимъ портамъ: оно простиралось по трехлѣтней сложности, до 1,928,076 четвертей *. Если это количество исключить изъ отпуска черезъ прусскіе порты, и присовокупить къ вывозу изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ, то общій итогъ хлѣба, вывезеннаго черезъ прусскіе и другіе нѣмецкіе порты, уменьшится до 5,900,574 четвертей, а сложный отпускъ хлѣба изъ Россіи и Царства Польскаго черезъ наши и прусскіе порты составитъ 4,185,687 четвертей.

По сбыту важнѣйшаго въ хлѣбной торговлѣ продукта — пшеницы, прусскіе и другіе нѣмецкіе порты имѣютъ перевѣсъ надъ сѣверными портами Россіи: сложный вывозъ пшеницы изъ этихъ портовъ относится къ вывозу ея изъ прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портовъ, какъ 1 : 22. Если присоединить къ отпуску изъ

* По рѣчному сообщенію изъ Россіи отправлено въ Пруссію въ 1839, 1840 и 1841 годахъ въ сложности:

Пшеницы	187,027	четвертей.
Ржи	261,643	—
Ячменя	21,608	—
Овса	46,098	—

Въ то же время привезено въ Данигъ по Вислѣ изъ Царства Польскаго

Пшеницы	1,194,578	четвертей.
Ржи	217,140	—
Ячменя	686	—

нашихъ сѣверныхъ портовъ (237,782 четверти) все количество пшеницы, отправленной изъ Россіи и Царства Польскаго, по рѣчному сообщенію, къ прусскимъ портамъ (1,381,605 четвертей), и это количество исключить изъ тамошняго отпуски, то сложный вывозъ русской и польской пшеницы составитъ 1,619,387 четвертей, а нѣмецкой 4,050,925 четвертей.

Слабый отпускъ пшеницы изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ происходитъ отъ того, что въ ближайшихъ къ нимъ губерціяхъ она воздѣлывается въ меньшемъ количествѣ сравнительно съ другими хлѣбми, и только въ случаѣ большаго требованія доставляется къ этимъ портамъ изъ дальнихъ мѣстъ. Напротивъ того, прусскіе и другіе нѣмецкіе порты снабжаются пшеницею, для заморскаго отпуски, изъ ближайшихъ къ нимъ внутреннихъ странъ, и по своему географическому положенію, имѣютъ возможность доставлять пшеницу въ главныя мѣста ея сбыта, преимущественно въ Великобританію ранѣе и скорѣе нашихъ сѣверныхъ портовъ, гдѣ навигація продолжается не болѣе осьми мѣсяцевъ.

Между-тѣмъ какъ въ хлѣбной торговлѣ Сѣверной Европы значительный перевѣсъ по отпуску пшеницы остается на сторонѣ прусскихъ и другихъ нѣмецкихъ портовъ, прочіе хлѣба, рожь, ячмень, и овесъ сбываются за границу въ наибольшемъ количествѣ черезъ наши сѣверные порты. Вывозъ этихъ продуктовъ изъ Германіи не значителенъ отъ того, что почти весь урожай ихъ поступаетъ на внутреннее продовольствіе, а для заграничнаго отпуски воздѣлывается тамъ преимущественно пшеница. Весь вывозъ ржи, ячменя и овса изъ главныхъ прусскихъ и нѣмецкихъ портовъ, составлялъ по трехлѣтней сложности (1839, 1840 и 1841 годовъ) 2,396,120 четвертей, а за исключеніемъ изъ этого количества 547,175 четвертей, доставленныхъ, въ то же время, изъ Россіи и Царства Польскаго, для заморскаго отпуски, настоящій вывозъ этихъ хлѣбовъ нѣмецкаго произведенія составитъ 1,848,945 четвертей. Все количество ржи, ячменя и овса, вывезенное изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ, съ присовокупленіемъ отпуски изъ Россіи и Царства Польскаго, по рѣчному сообщенію, къ прусскимъ портамъ, простиралось въ этотъ періодъ до 2,567,004 четвертей; оно превышало почти на сорокъ процентовъ сложный вывозъ этихъ хлѣбовъ изъ Германіи черезъ главныя ея порты.

Въ Австрійской Имперіи, внутреннее продовольствіе достаточно

обеспечивается собственнымъ хлѣбомъ, и только въ нѣкоторые пограничные округа привозятся хлѣбные продукты изъ иностранныхъ земель. Тироль и Далмація постоянно снабжаются хлѣбомъ изъ за границы; Австрійская Галиція получаетъ его, въ неурожайные годы, изъ сосѣдственныхъ губерній Россіи и Царства Польскаго, но въ обыкновенное время отпускаетъ хлѣбный товаръ по рѣкѣ Вислѣ въ Данцигъ. Въ 1843 и 1844 годахъ изъ Австрійской Галиціи доставлялась пшеница по рѣкѣ Дибетру въ Одессу для заморскаго отпуска; съ тѣхъ поръ, однако, отправку туда хлѣба не возобновлялись, вѣроятно по случаю затрудненій, встрѣченныхъ въ перевозкѣ и въ сбытѣ пшеницы этимъ путемъ. По пятилѣтней сложности съ 1840 по 1844 годы включительно, отпускъ и привозъ главныхъ родовъ хлѣба въ Австрійской Галиціи составлялъ слѣдующія количества.

	Отпущено.	Привезено.
Пшеницы.	423,321 четвортей.	13,800 четвертей.
Ржи. . .	100,374 ———	17,739 ———
Ячменя. . .	12,946 ———	17,258 ———
Итого. . .	536,641 ———	48,797 ———

И такъ сложный отпускъ превышалъ привозъ на 487,894 четверти или на 97,579 четвертей въ годъ.

Венгерія, продовольствующая сосѣднія австрійскія владѣнія, до сихъ поръ принимаетъ весьма ограниченное участіе во вѣншей торговлѣ, по недостатку удобныхъ сообщеній между внутренними хлѣбородными округами этого края и портовыми мѣстами сѣверо-восточной части Адриатическаго Моря. Эцекъ, при рѣкѣ Дравѣ, впадающей здѣсь въ Дунай, есть главное складочное мѣсто венгерскаго хлѣба; отсюда онъ перевозится къ рѣкѣ Кульпѣ, въ Карлштадтъ, далѣе идетъ сухимъ путемъ въ Фіумъ, а изъ этого порта большою частью доставляется моремъ, на каботажныхъ судахъ, въ Триестъ, для заграничнаго отпуска, частью вывозится также изъ Фіума въ иностранныя земли.

Триестъ, важнѣйшій портъ Австрійской Имперіи при Адриатическомъ Морѣ, производитъ обширный торгъ хлѣбными продуктами, свозимыми сюда на складку частью изъ Венгерской Краины, а наиболѣе изъ Южной Россіи, дунайскихъ портовъ, Турціи и Египта. Хлѣбъ, сложенный въ Триестѣ, сбывается въ Ломбардо-Венеціанское королевство, Далмацію, Албанію и въ раз-

ные порты Средиземнаго Моря, также отправляется въ Великобританію. О привозѣ и отпускѣ хлѣба въ Триестъ было здѣсь упомянуто въ обзорѣ хлѣбной торговли за 1846 и 1847 годы; но какъ эти два года составляли необыкновенную эпоху, то для соображенія о количествѣ хлѣбныхъ припасовъ, обращающихся въ триестской торговлѣ, въ обыкновенное время, могутъ служить слѣдующія свѣдѣнія за 1839 и 1840 годы.

	Привезено.		Отпущено.	
	Въ 1839.	Въ 1840.	Въ 1839.	Въ 1840.
Пшеницы . . .	124,449	187,167	74,012	109,072
Кукурузы . . .	260,928	166,035	203,364	87,338
Ржи	12,195	3,066	7,271	608
Ячменя	8,122	33,497	3,691	19,202
Овса	24,778	33,395	4,368	4,115
Бобовъ	1,381	30,063	628	15,600
Итого	431,853	453,213	293,334	235,935

Изъ этой таблицы видно, что пшеница и кукуруза составляютъ главныя статьи хлѣбной торговли въ Триестѣ.

Привозимые въ это порто-франко хлѣбные продукты платятъ только установленный сборъ за складку въ портовыхъ анбарахъ, а при выпускѣ хлѣба на внутреннее продовольствіе, взимаются таможенныя пошлины по общему тарифу: съ пшеницы 68, съ ржи 43, съ ячменя 34 и съ овса 22 копейки серебромъ съ четверти.

Триестъ находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Одессою и другими Черноморскими портами Россіи по привозу оттуда пшеницы: по двадцатилѣтней сложности, съ 1827 до 1847, пшеницы отпущено изъ Россіи въ австрійскія владѣнія 1,853,740 четвертей и почти все это количество поступило на складку въ Триестъ. Средній ея отпускъ въ послѣднее пятилѣтіе (1842—1846 включительно), составлялъ 125,670 четвертей.

Изъ хлѣбныхъ запасовъ, складываемыхъ въ Триестѣ, обыкновенно продовольствуются ближайшіе округа сѣверо-восточной Италіи; но сбытъ иностраннаго хлѣба въ этомъ краѣ не такъ значителенъ, какъ въ сѣверо-западной Италіи, которая снабжается хлѣбными припасами черезъ Геную и Ливорно. Эти два порта съ давняго времени приобрѣли важное значеніе въ хлѣбной торговлѣ Южной Европы, особенно въ отношеніи къ сбыту черноморской пшеницы. Хлѣбные продукты свозятся въ Геную и Ливорно на складку изъ портовъ Южной Россіи, Турціи,

Египта, Сициліи, Неаполя и Сардиніи; значительнѣйшую долю этого привоза составляетъ пшеница, получаемая изъ Одессы, Таганрога и другихъ нашихъ южныхъ портовъ: хлѣбные запасы, сверхъ сбыта ихъ на внутреннее продовольствіе, отпускаются изъ Генуи и Ливорно, по мѣрѣ требованій, въ другіе итальянскіе порты, въ Марсель и преимущественно въ Англію.

Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1836 по 1846, пшеницы отпущено изъ Россіи въ Италію:

Въ 1836	577,196	четв.	Въ 1841	422,819	четв.
— 1837	855,986	—	— 1842	388,150	—
— 1838	850,666	—	— 1843	728,455	—
— 1839	963,437	—	— 1844	540,918	—
— 1840	592,423	—	— 1845	1,116,729	—

По десятилѣтней сложности, весь отпускъ составлялъ 7,336,779 четвертей или 733,677 четвертей въ годъ, и почти все это количество поступило на складку въ Геную и въ Ливорно.

Годичный привозъ пшеницы изъ Россіи въ Геную доходитъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ двухсотъ до четырехсотъ тысячъ четвертей и почти такое же количество доставляется къ этому порту изъ другихъ странъ. Съ хлѣба сложенного въ Генуэскомъ порту франко, взимается при обратномъ вывозѣ только сборъ за складку, а при выпускѣ на внутреннее потребленіе, платится таможенная пошлина, составляющая съ пшеницы около 2 рублей 33 копѣекъ, съ ячменя 1 рубль 18 копѣекъ, съ овса 25 копѣекъ серебромъ съ четверти, если хлѣбъ привезенъ подъ сардинскимъ флагомъ, а съ привезеннаго на иностранныхъ, непривилегированныхъ, корабляхъ, взимается надбавочной пошлины 50 процентовъ.

Съ 1831 по 1840 привозъ и отпускъ хлѣба въ Сардинскомъ королевствѣ составлялъ слѣдующія количества:

	Привезено.	Отпущено.
Пшеницы	3,305,831	678,143 четв.
Кукурузы и прочаго хлѣба .	923 066	233 701 —
Итого . . .	4,228,897	1,111,844 четв.

Перевѣсъ привоза надъ отпускомъ простирался до 2,427,688 четвертей пшеницы, и до 689,365 четвертей прочаго хлѣба, всего 3,117,053 четверти или среднимъ числомъ 311,700 четвертей въ годъ.

По статистическимъ исчислениямъ, средній сборъ хлѣбныхъ продуктовъ въ *Сардинскомъ королевствѣ* простирается до 7,750,000 четвертей. За исключеніемъ около 900,000 четвертей на посѣвъ, остается 6,850,000 четвертей на внутреннее продовольствіе, тогда какъ годичный расходъ хлѣба составляетъ не менѣе семи милліоновъ четвертей. Слѣдовательно собственное земледѣліе даже при среднемъ урожаѣ, не производитъ хлѣба въ достаточномъ количествѣ для обезпеченія внутреннихъ нуждъ, и этотъ недостатокъ ежегодно пополняется частію иностраннымъ привозомъ, частію доставкою хлѣба съ острова Сардиніи: въ хорошіе годы весь отпускъ хлѣбныхъ продуктовъ съ этого острова простирается до 200,000 четвертей, въ томъ числѣ около 100,000 четвертей пшеницы.

Тоскана также нуждается въ ежегодномъ привозѣ хлѣба и снабжается имъ чрезъ Ливорно. Смотра по мѣстному урожаю, потребность въ иностранномъ хлѣбѣ доходитъ отъ 300,000 до 600,000 четвертей. Съ пшеницы, привозимой въ Ливорно на складку платится только около трехъ копѣекъ серебромъ съ четверти; но при выпускѣ ея на внутреннее продовольствіе взимается таможенной пошлины, около 1 рубля 44 копѣекъ серебромъ съ четверти. Годичный привозъ пшеницы въ Ливорно составляетъ отъ 350,000 до 800,000 четвертей, въ томъ числѣ изъ Россіи около 150,000 до 370,000 четвертей въ случаѣ значительнаго требованія, привозъ хлѣба изъ черноморскихъ портовъ доходитъ до 600,000 четвертей.

Королевство Неаполитанское продовольствуется иностраннымъ хлѣбомъ только въ неурожайные годы, а въ обыкновенное время отпускаетъ хлѣбные продукты за границу. По статистическимъ исчислениямъ, средній сборъ хлѣба (большею частію пшеницы) простирается тамъ до семи милліоновъ четвертей; изъ этого количества около двухъ третей расходуется на внутреннее продовольствіе, почти 240,000 четвертей употребляется на приготовленіе макаронъ и за исключеніемъ хлѣба, поступающаго на посѣвъ и въ запасъ, остается въ хорошій годъ до 400,000 четвертей для заграничнаго отпуски. Главный вывозъ бываетъ въ Марсель и по временамъ въ Англію. Франція получаетъ изъ Неаполя и Сициліи иногда до 100,000 и 250,000 четвертей. Лѣтъ пять десять тому изъ Сициліи вывозилось ежегодно до 500,000 четвертей хлѣба въ Мальту, Геную, Ливорно, и Марсель; но въ послѣдствіи эта отрасль торговли пришла въ упадокъ, такъ, что

въ новѣйшее время отпускъ хлѣба изъ Сициліи едва доходилъ до 140,000 четвертей.

Въ неаполитанскихъ и сицилійскихъ портахъ, хлѣбъ обложенъ двоякою пошлиною: низшая взимается при ввозѣ подъ національнымъ флагомъ, а высшая установлена съ хлѣба, привозимаго на иностранныхъ, непривилегированныхъ, корабляхъ. Пошлина съ пшеницы составляетъ около 3 рублей 72 копейекъ до 5 рублей 13 копейекъ серебромъ въ неаполитанскихъ портахъ, а въ Сицилійскихъ около 1 рубля 71 копейки до 3 рублей 42 копейекъ, смотря по флагу, подъ которымъ хлѣбъ привезенъ. Должно замѣтить, впрочемъ, что эти пошлины существуютъ только въ тарифѣ; въ обыкновенные годы, Неаполитанское королевство продовольствуется собственнымъ хлѣбомъ и даже отпускаетъ его за границу, а въ случаѣ недостаточнаго урожая, правительство запрещаетъ вывозъ и разрѣшаетъ беспошлинный привозъ хлѣба.

Церковное Владѣніе или Папская Область рѣдко нуждается въ привозѣ хлѣба на внутреннее продовольствіе, и въ благопріятные годы отпускаетъ небольшое количество хлѣбныхъ продуктовъ за границу. Свободный ввозъ иностраннаго хлѣба дозволяется только въ неурожайные годы. Пока цѣны на пшеницу въ папскихъ портахъ Средиземнаго Моря ниже 14 рублей, а въ Адриатическомъ ниже 12 рублей серебромъ за четверть, привозъ этого хлѣба остается запрещеннымъ. Съ повышеніемъ цѣны около 1 рубля серебромъ взимается пошлина въ 2 рубля, а когда цѣна поднимется еще на 1 рубль, тогда пошлина уменьшается вполонну; если же цѣна въ папскихъ портахъ Средиземнаго Моря выше 16 рублей, а въ Адриатическомъ выше 14 рублей за четверть, то разрѣшается беспошлинный привозъ. Подобный тарифъ установленъ и для другихъ родовъ хлѣба.

Въ *Грецію*, введены также перемѣнныя пошлины съ иностраннаго хлѣба, которыя ежемѣсячно опредѣляются по среднимъ цѣнамъ на пшеницу. При средней цѣнѣ греческой пшеницы свыше 6 рублей 84 копейки за четверть взимаются низшія пошлины: съ пшеницы $11\frac{1}{2}$ копейекъ серебромъ, а съ прочаго хлѣба $5\frac{1}{2}$ копейекъ серебромъ съ четверти; со всякимъ пониженіемъ цѣны на $28\frac{1}{2}$ копейекъ серебромъ, пошлины возвышаются, и когда цѣна греческой пшеницы упадетъ до 4 рублей 58 копейекъ серебромъ, тогда взимается:

Съ пшеницы	2 р.	57 к.	ср.	съ четв.
Ржи	1	—	54	— — — —
Кукурузы	1	—	44	— — — —
Ячменя	1	—	28	— — — —
Овса	—	98	—	— — — —

Въ неурожайные годы, Греція снабжается хлѣбными припасами большею частью изъ черноморскихъ портовъ.

Хлѣбопашество въ этой странѣ едва обезпечиваетъ нужды внутренняго потребленія и отъ того здѣсь рѣдко находятя запасы для отпуски. Сосѣдственные Ионическіе и Архипелажскіе острова обыкновенно пополняютъ недостатокъ собственнаго хлѣба привозомъ изъ южной Россіи, Европейской Турціи и Египта.

Въ «Видахъ торговли», отпускъ хлѣба изъ Россіи въ Грецію показывается только съ 1843 года. Съ этихъ поръ онъ составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1843	7,357	четв.
— 1844	16,149	—
— 1845	14,989	—
— 1846	3,850	—
— 1847	18,800	—

Исчисливъ главные истоки для сбыта хлѣба по европейской торговлѣ, разсмотримъ теперь значеніе ихъ въ нашемъ отпускѣ хлѣбныхъ продуктовъ.

Порты Средиземнаго Моря, какъ ближайшіе къ южной Россіи, служили до сихъ поръ постоянными и важнѣйшими истоками для сбыта черноморской пшеницы, которая составляетъ главную статью нашей хлѣбной торговли. По двадцати-лѣтней сложности съ 1827 по 1847 годъ отпущено пшеницы изъ Россіи:

Въ Геную, Ливорно и другіе порты Италіи	11,061,351	четвертей.
— Константинополь, за приказами, и вообще		
— Турцію и Грецію	10,179,848	—
— Ма, сель.	4,429,318	—
— Триестъ	1,859,740	—
— Падувейскій полуост. овъ	55,740	—
<hr/>		
Итого	27,586,125	четвертей

За исключеніемъ этого количества изъ всего отпуски пшеницы, составлявшаго, по двадцати-лѣтней сложности, 35,079,493

четверти, оказывается, что непосредственный ея вывозъ во всѣ другія страны изъ южныхъ и сѣверныхъ портовъ Россіи, составлялъ съ 1827 по 1847 въ сложности, только 7,492,368 четвертей или 21 процентъ, а 79 процентовъ приходится на долю отпуску черноморской пшеницы въ вышеупомянутыя мѣста. Должно замѣтить, впрочемъ, что не все это количество поступаетъ на внутреннее потребленіе южныхъ странъ Европы: не маловажная часть пшеницы, привезенной изъ нашихъ черноморскихъ портовъ въ Геную, Ливорно, Триестъ и Марсель, отпущена чрезъ эти порты въ Великобританію; туда также, равно какъ въ разныя страны Средиземнаго Моря, направлена большая часть пшеницы, которая въ нашихъ портахъ объявлена къ отпуску въ Турцію и получила дальнѣйшее назначеніе въ Константинополь. Недостатокъ подробнѣйшихъ свѣдѣній о движеніи отпусковъ хлѣба въ иностранныхъ портахъ лишаетъ возможности исчислить количество пшеницы, поступившей на продовольствіе собственно южныхъ странъ Европы, изъ которыхъ только сѣверная часть Италіи и южный край Франціи почти постоянно нуждаются въ болѣе или менѣе значительномъ привозѣ пшеницы, а прочія обыкновенно продовольствуются собственнымъ хлѣбомъ и въ благопріятные годы отпускаютъ его за границу; къ такимъ странамъ принадлежатъ: Неаполитанское королевство, острова Сицилія и Сардинія, Церковное Владѣніе, Греція, Испанія и Португалія. Иностранный хлѣбъ требуется туда въ такомъ только случаѣ, когда мѣстный урожай не можетъ удовлетворить внутреннее продовольствіе. Въ этихъ государствахъ привозъ хлѣба, въ обыкновенное время стѣсненъ высокими пошлинами и запрещеніями. Если иногда оказывается тамъ потребность въ подвозахъ изъ за границы, то при такомъ случайномъ требованіи хлѣбные продукты болѣею частію доставляются изъ ближайшихъ иностранныхъ портовъ; напримѣръ въ Неаполитанское королевство и Церковное Владѣніе, хлѣбъ привозится тогда изъ Генуи, Ливорно, и Триеста. Испанія и Португалія рѣдко снабжаются пшеницею изъ Россіи: привозъ хлѣба въ этихъ государствахъ запрещенъ и только въ случаѣ мѣстнаго неурожая, дозволяется по особому распоряженію правительства; въ это время хлѣбные продукты закупаются обыкновенно въ сосѣдственныхъ портахъ сѣверной Африки, также получаютъ изъ Марсели, Генуи и Ливорно. Самый большой отпускъ пшеницы изъ Россіи въ Пиррнейскій полуостровъ былъ въ 1838 и составлялъ не бо-

лѣе 31,313 четвертей, а съ тѣхъ поръ пшеница изъ нашихъ портовъ туда вовсе не отправлялась.

Въ хлѣбной торговлѣ Россіи съ западною и сѣверною Европою, рожь занимаетъ первое мѣсто; за нею слѣдуютъ пшеница, овесъ и ячмень. По двадцатилѣтней сложности съ 1827 до 1843 отпущено изъ Россіи къ сѣвернымъ и западнымъ портамъ Европы:

	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	
Въ Швецію и Норвегію	9,264	538,764	150,513	31,013	четв.
— Пруссію	1,122,558	1,859,541	186,776	147,621	—
— Данію	203,762	1,530,057	279,387	41,416	—
— Зундъ, за приказами	100,657	259,966	290	16,493	—
— Ганзейскіе города	90,502	1,191,519	12,647	35,682	—
— Голландію и Бельгію	478,055	4,433,878	1,618,212	85,589	—
— Великобританію	4,318,547	643,099	262,803	3,848,939	—
Итого	6,323,445	10,461,614	2,460,693	4,301,753	четв.

Примѣчанія.

1) Изъ числа государствъ, поименованныхъ въ этой таблицѣ, Великобританія получила значительнѣйшее количество нашей пшеницы, которая отправлялась въ тамошніе порты не только прямо изъ Россіи, но и чрезъ Пруссію. По этому пропорція всего отпуска пшеницы въ Великобританію доходила до 26 процентовъ. Вывозъ этого хлѣба въ другія страны сѣверной и западной Европы незначителенъ.

2) Весь отпускъ ржи изъ Россіи съ 1827 до 1847 составлялъ въ сложности 11,609,874 четверти. Изъ этого количества 90 процентовъ вывезено въ сѣверо-западную Европу, а 10 процентовъ въ прочіе мѣста. Сбытъ ржи распредѣлялся между сѣверо-западными государствами въ слѣдующей пропорціи:

Въ Голландію и Бельгію	42	процента.
— Пруссію	18	—
— Данію	14	—
— Ганзейскіе города	10	—
— Великобританію	6	—
— Швецію и Норвегію	5	—

3) Ячменя отпущено изъ Россіи съ 1827 до 1847 въ сложности 2,460,693 четверть, въ томъ числѣ вывозъ въ сѣверо-запад-

ную Европу простирался до 76 процентовъ. Изъ этого вывоза, составлявшаго 2,460,693 четверти, приходилось на долю Голландіи и Бельгіи 65 процентовъ, Давіи 11 процентовъ, Великобританіи 10 процентовъ, Швеціи и Норвегіи 6 процентовъ, Пруссіи 5 процентовъ.

4) Большая часть овса, отпущеннаго изъ Россіи съ 1827 до 1847, вывезено въ Великобританію: весь отпускъ его, въ этотъ двадцати-лѣтній періодъ, составлялъ 4,631,128 четвертей, въ томъ числѣ 92 процента приходится на вывозъ въ сѣверо-западную Европу, а изъ всего вывезеннаго туда количества овса, процентъ отпуска въ Великобританію доходила до 80 процентовъ.

И-Ъ.

V.

КРИТИКА.

=

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ *Василія Жуковскаго. Санктпетербургъ, 1849. Два тома.*

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Въ странный вѣкъ этотъ, когда отъ новыхъ Гомеровъ и Одиссей не оберешься, какое счастье, какая неожиданность, встрѣтиться съ Гомеромъ и съ Одиссеей старинными. Какое наслажденіе, вмѣстѣ съ ними воротиться къ тѣмъ увлекательнымъ вопросамъ о прекрасномъ и искусствѣ, которые такъ отрадно занимали собою разумъ общество въ блаженные годы умственныхъ восторговъ, художественныхъ удовольствій, жаркихъ преній о подвигахъ генія и способахъ производить гениальное! Куда все это дѣвалось? чему оно уступило?... Не чудесныя ли были это времена, не восхитительныя ли заботы, эти сраженія, эти гнѣвы, эти вражды — о томъ что собственно прекрасно въ природѣ, гадкое ли или прелестное? ужасное ли или миловидное? эти всемірныя споры и смятенія по поводу Грековъ греческихъ и Грековъ французъ

скихъ, Гомера и Шекспира, классицизмъ и романтизмъ, трагедій древнихъ и драмъ новѣйшихъ, эпопей, ихъ сущности, и даже ихъ возможности? Въ какую эпоху свѣтъ былъ тише, веселѣе, дѣятельнѣе, богаче, счастливѣе?... Высокими и благородными умами, имъ однимъ только, дано — возвращать разумъ обществу къ сладостному созерцанію прекраснаго, къ разбору дѣяній генія, къ удивленію его твореніямъ, а къ внутреннему счастью истинной мудрости, всякій разъ какъ козни духа зла и горя отвлекаютъ его къ скорбямъ зрѣлища вещественныхъ сумасбродствъ, къ тревогамъ матеріальныхъ лжеученій. Оставивъ Западъ, покрытый черными тучами этихъ бѣдствій, Жуковский, съ своимъ свѣтлымъ словомъ, съ своимъ плѣнительнымъ русскимъ стихомъ, Жуковский, поэтъ нынче болѣе чѣмъ когда-либо, поэтъ когда всѣ перестали быть поэтами, Жуковский, *последній изъ поэтовъ*, беретъ за руку самаго перваго поэта, сѣднаго пѣвца, этого дряхлаго, но нѣкогда «божественнаго» Гомера, о которомъ всѣ тамъ забыли среди плачевныхъ глупостей времени, и, являясь съ нимъ передъ своими соотечественниками, торжественно зоветъ насъ на пиръ прекраснаго. Какъ не пойти къ нимъ на встрѣчу! какъ не привѣтствовать ихъ радостно! какъ не принять съ благодарностью, изъ рукъ ихъ, зеленой вѣтки, предвѣстницы возврата Солнца и изобилія, послѣ потопа безмыслицъ, который грозилъ истребить достойнѣйшія удовольствія человѣческія!

Читателямъ уже извѣстно, что въ этихъ двухъ томахъ «*Новыхъ стихотвореній Жуковскаго*» заключается, не болѣе и не менѣе, какъ переводъ Гомеровою Одиссею.

Во всѣ времена, переводъ которой — нибудь изъ поэмъ Гомера, особенно переводъ, представляемый поэтомъ, равнымъ по знаменитости и таланту Жуковскому, считался огромнымъ событіемъ въ образованной Европѣ, всегда жаждавшей увидѣть на новѣйшемъ языкѣ достойное воспроизведеніе одного изъ образцовъ всякой поэзіи. Въ настоящую эпоху, вообще такую неизящную, непоэтическую, подобное событіе пріобрѣтаетъ еще новое значеніе. Русская словесность можетъ возгордиться имъ. Поэты другихъ народовъ

сочиняютъ смѣшныя диссертаціи о предметахъ, которые, въ годы здраваго смысла, не требовали бы ни доказательства ни опроверженій. Если является что-нибудь похожее на искусство, то это было сочинено до начала всеобщаго бреда. Это литературное явленіе, безспорно, въ тысячу разъ важнѣе, интереснѣе, любопытнѣе, величественнѣе «Замогильныхъ Записокъ Шатобріана», признанныхъ однако жъ великимъ явленіемъ въ настоящую минуту, когда голодающая образованность готова броситься на первую тѣнь изящнаго творенія и, за недостаткомъ въ лучшей умственной пищѣ, проглотить даже эту микстуру тысячи одного пустословащаго притязанія, — притязанія рѣшительно на всѣ роды величія, — на величіе человѣческое, личное, частное, политическое, гражданское, литературное, на величіе предназначеній, дѣйствій, мыслей, чувствъ, слогу, приѣмовъ, примѣровъ. Старикъ Гомеръ и старикъ Шатобріанъ!.... какая встрѣча! Виконтъ де-Шатобріанъ, не находящій во всей природѣ и во всей исторіи довольно сравненій для себя, своихъ дѣяній и своихъ судебъ, навѣрное воспользовался бы этою случайностью, чтобы выставить еще одну чудную рѣдкость своего предназначенія — и немедленно послѣ моей смерти, — прибавилъ бы онъ непременно, если бы зналъ о прекрасныхъ занятіяхъ Жуковского при сосѣднемъ Рейнѣ, — *миль суждено явиться рядомъ съ Гомеромъ* передъ Европой, которая такимъ образомъ не будетъ знать кому изъ насъ удивляться!.... Но для насъ выборъ не можетъ быть сомнительнымъ ни на одно мгновеніе. Мы пойдемъ удивляться Гомеру. Если же кто изъ насъ такъ несчастливъ, что уже не въ состояніи удивляться старинному прекрасному, навѣрное у него найдется еще довольно любопытства, чтобы взглянуть на то, чему весь свѣтъ удивлялся втеченіе тысячелѣтій, и опредѣлить въ своемъ умѣ причину этого удивленія.

Жуковский не знаетъ по-гречески, и между-тѣмъ онъ перевелъ съ греческаго Одиссею. Какъ это случилось? Вотъ уже первое, очень любопытное, обстоятельство. Но поэтъ самъ объясняетъ намъ его, въ предисловіи, скромно и прекрасно написанномъ. Одинъ изъ его ученыхъ друзей въ Гер-

маэин, профессоръ Боннскаго университета, написалъ ему подѣ каждыиъ греческимъ словомъ соотвѣтственное слово нѣмецкое, и такимъ образомъ составилъ буквальный подстрочный переводъ, который нашъ поэтъ превратилъ въ русский гекзаметръ.

Процессъ этотъ, какъ кажется, очень простъ, и каждый, вѣроятно, съ перваго слова готовъ объявить себя отличнымъ переводчикомъ съ греческаго, но этому способу, безъ знанія подлиннаго языка. Но надо исполнить дѣло такъ, какъ исполнилъ его Жуковский; и здѣсь-то мѣсто удивленiю. Буквальный переводъ былъ сухая нѣмецкая проза: вмѣсто ея мы находимъ великолѣпную поэзию въ образѣ изящнаго русскаго стиха, съ сохраненiемъ примѣчательно близкаго сходства въ содержанiи и формѣ съ подлинникомъ. Материальное достоинство этого буквального перевода замѣсло, разумѣется, не отъ однихъ только познанiй боннскаго друга въ греческомъ языкѣ, — мы готовы полагать ихъ неограниченными, — но также и отъ его умѣнiя владѣть нѣмецкимъ языкомъ, отъ его личной проникательности, бойкости въ употребленiи родной рѣчи, находчивости въ приисканiи всегда вѣрно соотвѣтствующаго слова, отъ его дару угадывать силу или тонкость выраженiя относительно къ слуху древнихъ соотечественниковъ эллинскаго баяна, и наконецъ отъ его поэтическаго вкусу, его литературныхъ теорiй, его понятiй о прекрасномъ, — а все это условно и, по-необходимости, въ Германiи, должно быть болѣе или менѣе нѣмецкое, а въ университетѣ, болѣе или менѣе академическое. Въ этомъ подстрочномъ словословiи, въ этомъ грубомъ художническомъ материалѣ, генiй русскаго поэта долженъ былъ различить и угадать все — и «божественнаго» Гомера, стариннаго Грека, идола Грековъ, и не—божественнаго новѣйшаго Нѣмца, его комментатора, друга ученаго и обязательнаго, но вѣроятно писателя, еще не удостоившагося храмовъ и статуй на родинѣ за свой словесный генiй, — и мастера и подмастерье — и рапсода и профессора, — и подлинную, свѣжую, первозданную красоту этой древней поэзии, и ея переводное отраженiе въ тускломъ зеркалѣ прозы и сомни-

тельной буквальности — ея двойное, тройное переломленіе, при проходѣ сквозь академическую ученость, лишній языкъ и чужія идеи, — три такія зыбкія и мутныя посредства, въ которыхъ всѣ свѣтлые лучи, всѣ радужные цвѣта такъ легко спутываются и разсѣваются! Были при этомъ въ виду и другіе извѣстные переводы Одиссеи — новыя пособія — новыя помѣхы — при необходимости вѣрять и этимъ другимъ на-слово. Преодолѣть всѣ эти затрудненія вѣрнымъ поэтическимъ инстинктомъ, вывести изъ этого хаоса разноязычныхъ началъ и разноголосныхъ данныхъ одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней, греческой красотѣ — вотъ въ чемъ будетъ навсегда состоять слава Жуковского. Можно предсказать навѣрное, что этотъ переводъ Одиссеи составитъ въ отечественной литературѣ самый нетлѣнный ученый монументъ его поэтическому имени.

Но когда нѣмецкій ученый пишетъ для Жуковского подъ каждымъ греческимъ словомъ Одиссеи свои нѣмецкія слова, почему жъ бы и намъ не сдѣлать того же, не написать подстроично нашего русскаго слова, не помочь поэту или читателю съ другой стороны къ лучшему уразумѣнію текста? При всей подобающей скромности, позволительно не думать, чтобы можно было объявить à priori петербургскій буквально-русскій переводъ хуже боннскаго буквального. Букву всѣ мы равно понимаемъ, какъ-скоро языкъ, его филологія, его литература, извѣстны намъ въ приличной степени: добро бы разумъ буквы понимали всѣ мы такъ же легко и равно. Въ разумѣ буквы—вся важность. Въ немъ-то и все достоинство буквальности. Къ чему годится буквальное значеніе слова безъ его буквального разума, безъ соблюденія тѣхъ условій, которыя требуютъ, чтобы это слово и его форма, при одинаковомъ значеніи, имѣли еще тѣ же самыя отношенія къ другимъ словамъ и формамъ вашего языка, какое имѣетъ слово подлинника съ своей формой къ прочимъ словамъ и формамъ языка древняго писателя? Нужно, чтобы оба однозначащія слова, и ихъ формы, вполне соотвѣтствовали другъ другу, и чиномъ и воспитаніемъ, и

силою и тонкостью, и изяществом или грубостью, и бойкостью и вялостью, и красотою и странностью, и употребительностью и изысканностью, и пошлостью и благородством. Буквальный переводъ съ такими качествами можетъ даже быть мастерскимъ произведеніемъ своего рода. Это совершенно зависитъ отъ силы и упругости таланта.

Не объщая такого снимка, можно однако жъ ясно понимать и живо чувствовать какъ долженъ онъ быть сдѣланъ. И это уже къ чему-нибудь полезно. Поэту нашему для совершенства его труда, быть-можетъ только и не доставало — имѣть передъ глазами рядомъ съ буквальнымъ нѣмецкимъ болѣе или менѣе удачный буквальный русскій переводъ, чтобы изъ сравненія ихъ вывести настоящій духъ этой «дальнославинной» поэзіи. Языкъ русскій, русскіе обороты, русскіе приемы, обычаи, нравы, особенно простонародные, такъ разительно похожи на древніе греческіе, что все это уже кажется буквальнымъ переводомъ одно другаго. Притомъ русская рѣчь такъ гибка, такъ податна, такъ развязна въ своихъ движеніяхъ, такъ хорошо при небольшой сноровкѣ поддаѣливается подъ тонъ всякой другой рѣчи, что, по необходимости, при равной степени знанія буквы со стороны переводчиковъ, русскій буквальный переводъ долженъ несравненно чище нѣмецкаго напоминать фізіономію греческаго подлинника.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ боннскій ученый эленистъ подъ стихъ Гомера подставилъ свой буквальный толкъ нѣмецкій, мы точно такъ же подставимъ нашъ русскій буквальный толкъ подъ стихъ Жуковского. Этимъ, вмѣстѣ, и удовлетворятся требованія того точнаго, внимательнаго, подробнаго разбору, котораго заслуживаетъ великій трудъ великаго русскаго поэта со стороны отечественной филологіи, и воздастся безъ похвалъ полная честь его прекрасному подвигу: читатель будетъ совершенно поставленъ въ возможность оцѣнить самъ всѣ заслуги, всю вѣрность, всю красоту переводнаго стиха Жуковского, слѣдуя безотступно за гармоническимъ перомъ его. Если же гдѣ гармонія этого чуднаго пера перейдетъ въ другой тонъ, не ладящій съ тономъ под-

двнника, въ тонъ шумнѣе или высокопарнѣе древняго греческаго, который такъ древне естественъ, такъ старинно простоватъ такъ навенъ, и ударится въ торжественный тонъ академическій, то неудовольствіе читателя упадетъ прямо и посправедливости на капельмейстера этого классическаго концерта, на ученаго боннскаго филолога, который сбиль русскаго поэта съ настоящаго пути и произвелъ этотъ диссонансъ.

Мы намѣрены простереть буквальность до крайнихъ ея предѣловъ—сколькорусскій языкъ позволить это—съ сохраненіемъ всѣхъ мелочныхъ оттѣнковъ въ сходствѣ значеній словъ, въ особенностяхъ ихъ формъ, въ порядкѣ ихъ расположенія въ оборотахъ, замашкахъ и промахахъ рѣчи. Мы не пропустимъ въ переводѣ, также, ни одной изъ этихъ живописныхъ частицъ, которыя такъ обильно рѣсыпаны въ греческомъ текстѣ и придаютъ ему совсѣмъ особенный типъ. Частицы—богатство и призна къ простонароднаго языка, искры его красноречія, орудіе его живости, душа его выразительности: это—азмашистыя жесты черной рѣчи. Образованная рѣчь гонитъ ихъ изъ своего опрятнаго и гладко причесаннаго способу изложенія, какъ образованная осанка гонитъ жесты изъ пріемовъ и положеній тѣла. Мало-по-малу частицы все исчезаютъ изъ языковъ, достигшихъ нѣкоторой степени изящества. Гомеровы частицы всегда пропускаются, въ самыхъ буквальныхъ переводахъ, за невозможностью выразить ихъ на новѣйшихъ языкахъ. Понятно, что пропускъ этотъ совершенно обезцвѣчиваетъ переводы, и лишаетъ разсказъ настоящаго характера, переодѣвая его по другой модѣ. Даже самый предметъ дѣлается вялымъ и тяжелымъ. Борода сбрита, вмѣсто шапки на бекрень—благопристойная шляпа, и привольный армякъ замѣненъ тѣснымъ сюртукомъ: не мудрено, что движенія будутъ не ловки, походка неуклюжа и самая физиономія—совсѣмъ другая. Выпустить въ русскомъ переводѣ частицы было бы тѣмъ непростительнѣе, что образованность языка еще не успѣла истребить ихъ въ нашей бесѣдѣ: онѣ всѣ есть почти всѣ—тѣ же что въ языкѣ странствующаго народнаго пѣвца, слѣпаго рапсода, Гомера—и настоящая русская рѣчь даже любитъ щеголять ими. А сохранивъ ча-

стицы, постаравшись передать ихъ съ точностью—странное дѣло!—поэма Гомера, въ буквальномъ переводѣ, покажется первоначально писанною на простонародномъ русскомъ языкѣ: іонійскій рапсода какъ-будто съ русскаго перевелъ ее буквально на греческій и выдалъ за оригинальное произведение! Дотого образъ выраженія, теченіе фразы, перестановки словъ, обороты предложеній, приемы нѣжности и учтивости, ухватки, замашки, шутки этихъ двухъ рѣчей, сходны между собою. Дотого два простонародія, греческое и русское, послѣ двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ — еще родные братья, еще помнятъ общій родной кровь восточной Европы, общее первоначальное воспитаніе подъ вліяніемъ сосѣдней Азіи.

Трудъ такой представляетъ даже особенную прелесть. Всѣ мы — почти всѣ — нѣкогда учились, между-прочимъ и по-гречески; сживали, какъ тогда изящно говорилось, въ храмахъ науки; чинно слушали ученыхъ преподавателей изъ Нѣмцевъ, — въ возможность русскаго ученаго Россія тогда еще не вѣрила. По мѣрѣ силъ и охоты, внимали мы мудрымъ истолкованіямъ выписной эллинской мудрости, которая—во время оно—въ наши юные года—считалась такою драгоценностью, такою рѣдкостью. И какой восторгъ возбуждали въ насъ открытія, которыя умъ нашъ дѣлалъ въ этомъ новомъ за страшную древность мірѣ, сквозь странный, ломанный діалектъ иноплеменнаго преподавателя! Счастливые времена! сладкія воспоминанія! Времена прошли какъ легкіе облака: не возвратятся къ намъ болѣе, ни это свѣтлое, горячее солнце юности, подъ которымъ такъ сильно растетъ, такъ великолепно расцвѣтаетъ воображеніе, ни этотъ чистый воздухъ былаго, вѣявшій на насъ свѣжестью идей, звучавшій щебетаніемъ мыслей, усѣянный во всѣхъ направленіяхъ лучами надеждъ. Спаслись одни воспоминанія, блуждающій въ пустотѣ отголосокъ вспыхнувшего, засіявшего и лопнувшего счастья, или сна. Но и этотъ отголосокъ, какъ онъ еще милъ нашему слуху, какъ сладостно сотрясаетъ въ жилахъ весь остатокъ еще не испарившейся жизни! Первая любовь, извѣстно, самая употребительная нота въ такихъ отголоскахъ.... Первою нашею любовью былъ Гомеръ. Мы обожали этого слѣпаго, оборван-

наго, нищаго старика, который, являсь изъ тьмы вѣковъ съ своей сумой за плечами и съ гитарою въ рукахъ, искалъ вездѣ народной толпы, равной ему по простотѣ ума, по дѣтству понятій, по добродушію слова, и повсюду встрѣчалъ только напыщенность теорій, спѣсъ толкователей и подражателей, дерзости критическаго самолюбія. Мы, молодые, еще неученые, еще не-переученые, составляли ему — толпу. Мы привѣтствовали его съ радушнымъ шумомъ, окружали съ любопытствомъ и съ страстью къ наслажденію, проводили цѣлыя ночи въ обществѣ умнаго краснбая, гениальнаго іонійскаго мужика-стихотворца, несравненнаго бродяги, слушая его бойкіе, живописные рассказы. Съ восторгомъ, но безъ восторженности, безъ ученыхъ преданій, безъ теорій, бесѣдовали мы съ нимъ объ этомъ странномъ мірѣ, изъ котораго прикочевалъ онъ пѣть намъ свои уличныя рапсодіи; и, казалось, онъ любилъ наше общество, за то, особенно, что оно чуждалось высокопарности, еще неразлучной тогда съ поэзіей. Мой наставникъ греческой литературы, и наставникъ немногихъ моихъ товарищей, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ Нѣмцевъ, мастеръ на сводки, на разночтенія, извѣстный въ греко-латинскомъ мірѣ комментаторъ и издатель нѣсколькихъ трагедій Софокла и Эврипида. Эрудиція его казалась намъ еще огромнѣе горба его. Поэзіи онъ и не предполагалъ на землѣ, въ простомъ быту, въ нескладной народной пѣснѣ. Поэзія представлялась ему не иначе какъ въ видѣ огромнаго Эолова пузыря, надутаго вѣтромъ, наполненнаго гремучими эпитетами и туманно плавающего подъ облаками. Поэзія — для него — вптала на небѣ, не ближе; высоко какъ ода, лучезарно какъ диопирамбъ, величаво какъ классическая трагедія, торжественно какъ эпопея. Безъ торжественности и благородства, по немъ, и по общему тогда ученію, поэзіи, то есть, прекраснаго и высокаго, быть не могло, такъ, что природа, которая — вся сплошь должна быть поэзія, и притомъ высочайшая изъ всѣхъ поэзій, выходила, по этой теоріи, болъшею частью самая пошлая проза; потому что въ ней все просто и обыкновенно, даже самыя изумительныя для нашей слабости чудеса, самыя богатая для нашей бѣдности явленія. Мы, его по-

тительные слушатели, не совсѣмъ вѣрили этому. Мы уже таили въ сердцѣ мятежныя идеи другаго ученія о поэзiи; юныя и нылкія души наши были крѣпко заражены романтическою ересью. Мы по-тихоньку читали Гердера и Шлегеля—въ его же присутствiи — этихъ сумасбродовъ — варваровъ — софистовъ, какъ выражался онъ: «которые вздумали быть умнѣе всего ученаго свѣта; двѣ тысячи лѣтъ отличнѣйшіе «критики, ученѣйшіе мужи слышали пѣсни простаго народу, «и не замѣчали въ нихъ ничего особеннаго, кромѣ грубыхъ, «невѣжественныхъ понятій, пошлыхъ выраженій и грамматическихъ ошибокъ: а они вдругъ увидали въ этой безобразной чепухѣ золотыя горы поэзiи, сокровища искусства, чудеса вдохновенія, драгоценнѣйшія перлы того, что древніе, «вѣчные учителя наши называли *poesis, мастерствомъ*. .. Безъ «торжественности и благородства поэзія.....» и такъ далѣе. Нашъ ученый наставникъ былъ неисчерпаемъ по этой статьѣ. Онъ приводилъ намъ авторитеты Платона и Аристотеля, Горация и Квинтиліана, Попа и Бутервека, и уничтожалъ въ прахъ вводителѣй новаго опаснаго суевѣрiя въ простонародную поэзію. *Niebelungen?*... Онъ и слышать не хотѣлъ о *Нибелунгахъ!* Лейбницъ, ужъ конечно, былъ умнѣе и Гердера и Шлегеля: онъ зналъ эти мнимыя поэмы, эти эпопеи, какъ называютъ ихъ теперь, и не видѣлъ въ нихъ ничего, кромѣ дикаго языка и варварскихъ понятій. *Безъ торжественности и благородства, поэзія....*

— Такъ въ простонародномъ быту, въ селѣ, вы не допускаете ни какой поэзіи?

— Я этого не говорю. Поэзія, нѣкотораго роду, можетъ быть и въ селѣ.... на примѣръ *идиллія!*... Но это уже—поэзія *второстепенная....* И притомъ, тутъ нужно, чтобы поэтъ, своимъ образованнымъ вкусомъ, своимъ тонкимъ умомъ, *облагородилъ* село, *возвелъ* его до поэтическаго достоинства, перенесъ туда *возвышенные* предметы философіи или политики, дѣла и чувстваванія *изящной* жизни.... въ иносказательномъ видѣ.... На примѣръ, пятая эклога *Виргилія*. *Безъ торжественности и благородства поэзія не можетъ....* и прочая.

Это — фактъ, достойный всего вниманія, что двѣ тысячи

двѣсти лѣтъ, со времени изобрѣтенія въ Европѣ литературной учености древними грамматиками и схолиастами, критики искусства и всѣ вообще ученые слышали ежедневно простонародныя пѣсни, баллады, сказанія, и не примѣчали въ нихъ ни слѣда поэзій, не предполагали даже, чтобы тутъ могло быть что-нибудь интересное для ума и сердца.

Другой фактъ, неменѣе любопытный, что, въ то же время они ворочали во всѣ стороны Илиаду и Одиссею, и, съ-тѣхъ-поръ какъ Александръ Великій взялъ эти двѣ поэмы въ руки и заговорилъ объ нихъ съ восторгомъ, восхищались ими до сумасбродства, до бѣшенства, изъ роду въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, забывая совершенно, а впоследствии уже и не догадываясь, что это — тѣ же простонародныя пѣсни и сказанія, уличныя краснобайства язычества, Тысяча одна Ночь классической дрейности. Въ необузданной восторженности своей они наперерывъ открывали и ясно видѣли здѣсь всѣ великолѣпія утонченнаго искусства, всѣ хитрости ученаго вдохновенія, всѣ затѣи вооруженнаго теоріями и правилами изобрѣтенія, всѣ изысканности обдѣланнаго, отборнаго, торжественнаго языка стиходѣевъ подражательной эпохи, съ усиліемъ взлѣзающихъ на ходули чтобы достигъ высоты генія, напередъ измѣренной аршиномъ современнаго вкусу. Они объясняли, толковали, переводили эти двѣ поэмы, провозглашенные безсмертными, неподражаемыми, образцовыми—стихами и прозой—подстрочно и вольно—ни разу не подумавъ о томъ, что *просторьчіе* какого бы ни было языка *можетъ быть переведено только на просторьчіе другого языка*: что бы вышло, если бъ вы вздумали перевести *Волга рѣченька* *глубока* или одну изъ тѣхъ неподражаемыхъ пѣсень, которыя иногда слышатся при свадебныхъ обрядахъ русскихъ простолюдиновъ, на языкъ хорошаго общества, на языкъ изящной словесности и поэзій, на языкъ Державина или Пушкина, Попа или Фосса? Узнали ли бы ее? Тронула ли бъ, восхитила ли бъ она васъ?... не зѣвали ли бы вы отъ скуки уже въ концѣ первой строфы?

Мы осмѣливались представлять объ этомъ ученому нашему просвѣтителю. Кто-то изъ насъ сказалъ однажды:

— Но всѣ люди, даже самыя ученые, съ сотворенія міра, видѣли какъ яблоки падаютъ съ яблони, а до Ньютона никто не примѣтилъ такой простой вещи, какова то, что Земля течетъ около Солнца на томъ же самомъ основаніи, на которомъ яблоко валится съ дерева на траву?

— Этого нельзя сказать, возражалъ намъ ученый эллинизмъ. Понятіе о теченіи Земли около Солнца существовало у древнихъ, и, вѣроятно, съ незапамятныхъ временъ. Пифагоръ училъ этому положительно, но, конечно, не онъ выдумалъ такую теорію. Навѣрное онъ вывезъ ее изъ Египта, какъ и прочія свои понятія, теоріи, догматы, отвѣченности.... На свѣтѣ нѣтъ ничего новаго. Классическая древность все знала, все опредѣлила, все высказала, и она вѣчно пребудетъ нашею наставницею и руководительницею. *Безъ торжественности и благородства, эпопея....*

А впрочемъ умный былъ человѣкъ, нашъ покойный просвѣтитель. Нѣкоторые изъ насъ усердно занимались, въ то же время, и восточными языками, и онъ, не зная этихъ языковъ — удивительное дѣло! — не зная вовсе, не унижалъ ихъ!... Напротивъ, самъ онъ насъ заохочивалъ къ основательному изученію Востока, его нравовъ, понятій, литературъ, и говорилъ: «Черезъ него вы яснѣе поймете древнюю Грецію. Востокомъ объясняется Греція, Востокъ Греціей. Они родились, выросли и умерли вмѣстѣ. Ройтесь во всѣхъ «развалинахъ», сравнивайте все что ни найдете, здѣсь и «тамъ»: тутъ есть сокровища, еще невѣдомыя пылѣвшему «разуму. Я очень сожалею, что, въ мое время, пренебрегъ «изученіе восточныхъ языковъ....» Онъ даже былъ дотого великодушень къ ученымъ предметамъ, въ которыхъ самъ не упражнялся, что, хотя Нѣмецъ, соглашался съ нами, что славянскіе языки, особенно русскій, по духу и оборотамъ—ближе всѣхъ новѣйшихъ къ греческому гомерическому, что обычаями русскаго и малороссійскаго простонародія превосходно объясняются многія спорныя или сомнительныя черты греческихъ текстовъ, и что для него самого разные этого роду мѣста, разные рѣченія, разные намеки,

казавшіеся странными, стали совершенно понятны, съ-тъхъ-перъ какъ онъ переселился въ Россію.

Мы позволяемъ себѣ, пользуясь такими случаями, подвергать на его мудрое благоусмотрѣніе то обстоятельство, что и уваженіе къ народной поэзіи такъ же не ново на свѣтѣ, какъ и понятіе о теченіи Земли вокругъ Солнца. Не говоря уже о внезапномъ энтузіазмѣ Грековъ, въ самую блистательную эпоху ихъ просвѣщенія и могущества, къ простонароднымъ рапсодіямъ, приписываемымъ Гомеру, о которомъ еще Геродотъ отзывался съ презрѣніемъ, какъ о мужикѣ и невѣждѣ, — но рапсодій Гомера нашъ эллинизмъ не почиталъ за произведеніе простонародное: онъ видѣлъ въ нихъ образецъ искусства, чудное созданіе генія, который выше всѣхъ общественныхъ разрядовъ, — точно такой же энтузіазмъ къ простонародной поэзіи вспыхнулъ вдругъ и у Аравитянъ, тоже въ самую славную эпоху ихъ ума и силы, около начала девятаго столѣтія. Ихъ ученые усердно занялись собираніемъ твореній поэтовъ стараго, почти безграмотнаго, до-магометоваго времени, степныхъ стиховъ Бедуиновъ, народныхъ пѣеней; и эти созданія природныхъ, необразованныхъ геніевъ, изъяснявшихся грубымъ, но бойкимъ живописнымъ говоромъ проторѣчія, сдѣлались идеалами поэзіи для ученыхъ поэтовъ послѣдующаго времени, классическою поэзіей Аравитянъ. Во всей арабской литературѣ, и въ другихъ восточныхъ, которыя отъ нея произошли, собственно, нѣтъ истинной поэзіи кромѣ какъ въ этихъ драгоценныхъ памятникахъ неученой эпохи и полу-дикихъ областей, гдѣ, до появленія науки, вкусу, роскоши, общимъ языкомъ всѣхъ и каждаго было, разумѣется, просторѣчіе.

— Быть-можетъ! отвѣчалъ нашъ наставникъ: но во всѣхъ этихъ обломкахъ вы не покажете мнѣ ни одной эпопеи; а *безъ торжественности и благородства, поэзія, особенно эпопея, или героическая поэма...* и прочая.

Почтенный профессоръ прекращалъ этимъ всѣ разсужденія, тѣмъ болѣе, что онъ не любилъ быть прерываемъ вопросами или возраженіями въ своихъ глубокомысленныхъ чтеніяхъ. Я привожу эти бесѣды потому что онѣ превосходно

показываютъ, подъ вліяніемъ какихъ идей составляются всѣ переводы Гомера, въ какомъ духѣ еще недавно излагали его преподаватели, какъ на него смотрѣли академическія теории поэзіи вообще и объ эпопее въ особенности. Допустить, что Гомеровы поэмы — *просторччіе*, объяснить *просторччіе* въ «храмѣ науки» — Боже мой! да это было бы недостойно ученаго сана, унижительно для важности докторской шапки — всѣ парки грозно съжматся при одной мысли о такой ужаси. Нѣтъ, нѣтъ! Гомеровы поэмы — верхъ словеснаго совершенства, образецъ творческаго и литературнаго искусства. Гомеръ вездѣ великъ, высокъ, торжественъ, благороденъ; онъ въ каждомъ словѣ обдуманъ, отборенъ, изысканъ....

Педите говорите!

Главное «искусство» Гомера поставляютъ въ *выборъ эпитетовъ* его. Какіе чудные слова! сколько въ нихъ красокъ! какой колоритъ! Сколько нужно генія и искусства, чтобы придумать, подобрать, составить такіе эпитеты!

Но скажите геллертерамъ: «Да гдѣ вы тутъ видите искусственные эпитеты? У Гомера, право, ихъ нѣтъ. Есть у него, довольно часто, тѣ прилагательныя безъ нужды и значенія, которыя вообще любятъ всякое просторччіе, каковы — *солнце ясное*, *море синее*, *небо широкое*, а прочіе такъ-называемые «эпитеты», особенно «эпитететы» придаваемые богамъ, мѣстамъ, воинамъ — совсѣмъ не эпитеты, а простыя *прозвѣща*, *sobriquets*, и, слѣдовательно, рѣченія въ то время самыя обыкновенныя, слова самыя общеупотребительныя, какъ термины, принадлежащія вѣрѣ и общежитію; слова, бывшія извѣстными всѣмъ греческимъ кухаркамъ и повторявшіяся въ разговорѣ всѣхъ древнихъ дворниковъ.» Скажите это въ нѣмецкомъ университетѣ, или въ университетѣ, гдѣ господствуетъ нѣмецкое вліяніе: и вамъ торжественно пришлютъ съ поделомъ *consilium abeundi* — васъ прогнать изъ «храма наукъ» какъ святотатца.

Ученые предрасудки, ученые суевѣрія, укоренившіеся однажды, упряме и жесточе предрасудковъ и суевѣрій круглаго невѣжества. Они вооружены полнымъ арсеналомъ доказательствъ, догматовъ, теорій, и огорожены высокими

валомъ ученой гордости. Они непобѣдимы, и ликуютъ вѣчно въ своихъ неприступныхъ Гибралтарахъ.

Весною, въ концѣ курса, ученый нашъ наставникъ, кончивъ короткую повторительную лекцію, обыкновенно говаривалъ намъ: «Ну, теперь спрашивайте меня. Можете дѣлать возраженія. Требуйте объясненій на то, въ чемъ сомнѣваетесь.» Разумѣется, что мы съ радостью и нещадно пользовались этимъ великодушнымъ разрѣшеніемъ. Тутъ завязывались очень интересныя бесѣды; иногда возникали и довольно жаркія пренія — борьба идей свѣжихъ съ полуистлѣвшими, юныхъ съ пожилыми, новыхъ, робкихъ, непріобрѣтшихъ ни чина ни званія, со старыми и почтенными.

— Вы изволили переводить намъ первые два стиха Одиссея такъ :

О мужъ скажи мнѣ, муза, многоискуснонь, который очень
много
Странствовалъ, послѣ того какъ Тронъ святой градъ (или
городъ) разрушилъ.

Но, у Гомера, вмѣсто *скажи* стоитъ другая форма слово *сказать*. Онъ не говоритъ ере, но еппере. Смыслъ, конечно, тотъ же, но эффектъ долженъ быть другой. Быть не можетъ, чтобы для греческаго уха ере и еппере не представляли ни какого отгѣнку въ выразительности!

— Отгѣнокъ вѣроятно былъ, говорилъ намъ нашъ наставникъ: но для насъ онъ исчезъ. Въ лексиконахъ, между ерѣ и епперѣ не полагается ни какой разницы; оба слова переводятся одинаково, словомъ dico, *сказать, рассказать*.

— Потому что латинскій языкъ, черезъ который мы получаемъ понятіе о значеніяхъ греческихъ словъ, очень бѣденъ этого роду отгѣнками и выразить ихъ не умѣетъ. Но въ нашихъ славянскихъ языкахъ, въ русскомъ особенно, такіе отгѣночные эффекты чрезвычайно многочисленны и удивительно похожи на греческіе. Прибавленіе еп, въ греческомъ, соотвѣтствуетъ прибавленію *no* у насъ—*eppñkti*, *ноночамъ, еппошос, no-законамъ, no-законно, законный*. Слѣдовательно, если вмѣсто чистаго ерѣ, *рассказать*, мы нахо-

двѣ епперѣ, это слово должно было на древнее греческое ухо производить такое же дѣйствіе, какое на нашъ слухъ производитъ слово *поразсказать*. Намъ хотѣлось бы перевести это начало такъ: *О мужъ поразскажи мнѣ, муза....*

— Но такъ говорятъ только мужики!

— Но Гомеръ былъ мужикъ, малороссійскій гусларь, и пѣлъ на толкучихъ рынкахъ торговыхъ городовъ Іоніи! Онъ и его базарная публика наслаждались такими формами.

— Но въ переводѣ ихъ допустить не возможно! Красота поэзи, достоинство эпопей, требуютъ словъ и формъ изящныхъ, отборныхъ. Вы впадаете въ просторѣчіе.

— То есть, въ собственный языкъ? Просторѣчіе-то и есть настоящій языкъ, звуковое отраженіе общаго и постояннаго образа мыслей народа; языкъ вѣчный, неизмѣнный. Литературный, отборный, изящный языкъ, или языкъ хорошаго общества, слѣланъ уже изъ него искусственно; онъ — слѣдствіе разныхъ постороннихъ вліяній и, большею частью, иностранныхъ; онъ вымыселъ, капризъ, произвольный знакъ отличія, условный говоръ одного класса; и онъ безпрестанно мѣняется, подобно всякому капризу. Изъ вѣку въ вѣкъ онъ не похожъ на себя, тогда какъ просторѣчія живутъ цѣлыя тысячи лѣтъ, почти безъ перемѣны, если вслѣдствіе политическихъ событій не произойдетъ насильственныхъ смѣшеній племенъ, языковъ или нарѣчій. На эти-то вѣчные языки и слѣдовало бы переводить такіе вѣчные монументы, каковы *Иліада* и *Одиссея*, тѣмъ болѣе, что одни они выражаютъ въ точности ихъ смыслъ и ихъ характеръ.

— У васъ, видно, страсть къ просторѣчію!

— Не страсть, а только то соображеніе, что одно оно идетъ здѣсь къ дѣлу. Во-первыхъ, оно буквально выражаетъ, не только смыслъ, но и тонъ подлинника; во-вторыхъ, просторѣчіе — есть національность! Надо же какимъ-нибудь отливомъ отразить на переводѣ главную прелесть поэмъ Гомера, именно, ихъ національность! Чтобы получить тотъ самый эффектъ, нѣтъ другаго средства, какъ одну національность замѣнить другою. Санчо-Панса, у Сервантеса, говорить испанскими пословицами: пословицы — просторѣчіе и одна

изъ главныхъ національностей; она мудрость и философія просторѣчія. Перелагая Донъ-Кихота на русскій языкъ, вы не можете же переводить испанскихъ пословицъ отъ слова до слова: вы должны замѣнить ихъ русскою соотвѣтственною національностью, равносильными русскими пословицами. Тогда только переводъ будетъ буквально выражать смыслъ, тонъ и эффектъ подлинника.

— Ну, далѣе?

— Далѣе, вы изволили переводить:

О мужъ скажи мнѣ, муза, многоискусномъ, или много-опытномъ.....

Такъ конечно перевелъ и Фоссъ — vielgewandten — но всѣ эти слова не выражаютъ еще тону подлинника, ни даже буквального смыслу.

— А вамъ какъ хотѣлось бы перевести?

— Намъ хотѣлось бы перевести: *О мужъ поразкажи мнѣ, или, еще ближе: Про мужа, поразкажи мнѣ, муза, преувертливаго, который очень много....*

— Чтѣ вы это!... Преувертливаго!.... Улиссъ, герой, и преувертливый!.... какъ это можно!

— Такъ говорить Гомеръ: polytropos.... Tropos значить *оберотъ, изворотъ*, polytropos буквально — *многоизворотливый, многоувертливый*. Но polytropos, въ греческомъ, простое, обыкновенное слово, а въ русскомъ *многоувертливый* было бы слово изысканное. Обыкновенное и буквально соотвѣтствующее греческому русское слово есть *преувертливый*.

— Такъ вѣдь это выходитъ насмѣшка надъ героемъ поэмы?

— Напротивъ, похвала. Греки хвастали своимъ коварствомъ; они гордились тѣмъ, что ни какой чужой человѣкъ не перелитритъ Грека. Точно также древніе Норманны, Готы, Руссы, хитрость поставляли себѣ въ честь, въ одно изъ первыхъ своихъ достоинствъ. Нашъ простой народъ тоже довольно расположенъ къ этому роду тщеславія: желая похвалить себя, онъ съ удовольствіемъ говорить — *русскій человекъ хитеръ! Улиссъ.....*

— Говорите *Одиссей*.

— Ну, *Одиссей*, если вы приказываете; только слово *Улиссъ* болѣе извѣстно въ русскомъ языкѣ чѣмъ *Одиссей*, а переводъ есть собственно переложение словъ неизвѣстныхъ на слова извѣстныя. *Одиссей* есть олицетвореніе греческой добродѣтели, хитрости. Онъ и въ герои попалъ за свою хитрость. Хитростью своей онъ доставилъ торжество Грекамъ, покореніе Трои. Его искусное коварство составляло ихъ наслажденіе, ихъ радость. Каждый истинный Грекъ узнавалъ въ немъ себя. Это въ высшей степени — національный типъ всего племени. *Хитрый, коварный, преувертливый*, были — похвалы, въ понятіи Гомера, его современниковъ, да и всѣхъ вообще еще еще необразованныхъ народовъ. До введенія образованности, хитрость и коварство люди вездѣ принимаютъ за умъ. У Западныхъ Славянъ есть точно такой же герой, какъ *Одиссей*, или *Улиссъ*: это — *Сбѣгнѣвъ, Собѣгнѣвъ* или *Збѣгнѣвъ*. Въ ихъ народныхъ сказкахъ, гдѣ только нуженъ хитрый и коварный человекъ, тамъ непременно эту роль разыгрываетъ какой-то *Сбѣгнѣвъ*, то есть, *Сѣбѣгнѣвъ*, человекъ, который про себя *гнѣвается*. Видно слово *гнѣваться* значило первоначально *мыслить зло*. Примѣчательно, что и греческое слово *Odysseüs* представляетъ тотъ же самый смыслъ: *odysso* значить *гнѣваться*. *Сбѣгнѣвъ* поэтому выходитъ древній переводъ *Одиссея*, или *Одиссея* — переводъ *Сбѣгнѣва*. У Римлянъ онъ извѣстенъ былъ также въ переводѣ; назывался не *Одиссей*, а *Улиссъ*. Слово *Ulisses*, какъ мы полагаемъ, должно быть этрусское или осканское и, навѣрное, *ulyssso* значило также *гнѣваться*. *Одиссей*, слѣдственно, не собственное имя, не лицо историческое, а всеобщій сказочный типъ древней Европы, съ незапамятныхъ временъ любимецъ всѣхъ дикихъ и полудикихъ племенъ, у которыхъ хитрость была въ чести.

— Ммъ! проворчалъ нашъ наставникъ, глубокомысленно: замѣчаніе ваше о сходствѣ характеровъ и названій *Одиссея* и *Сбѣгнѣва* не дурно. Въ древнихъ германскихъ сказаніяхъ есть также одно лицо, котораго названіе означаетъ *гнѣвъ* и котораго должность — изобрѣтать разныя хитрости и фокусы. Въ эту минуту не могу съ точностью припомнить его

имени, но я сдѣлаю объ этомъ надлежащее Untersuchungen... и напишу Beitrag....

Нашъ добрый наставникъ вынулъ памятную книжку изъ кармана и записалъ въ ней: *Odysseüs — Sbegneff*. Результатъ его Untersuchungen остался намъ неизвѣстнымъ.

— Что далѣе?

— Далѣе, слова *странствовалъ* и *градъ* или *городъ*..... Въ извоилили переводить :

О мужъ скажи мнѣ, муза, многоискусномъ, который:
очень много
Странствовалъ, послѣ того какъ Трои святой *градъ*
онъ разрушилъ.

Не лучше ли, вмѣсто *странствовалъ* сказать *скитался*... .. оно какъ-то было бы буквальнойѣ.

— Отчего же!

— Да оттого, что въ подлинникѣ слово *pland*, *скитаться*, *блуждать*, есть самое обыкновенное, общеупотребительное греческое слово, а *странствовать* въ русскомъ языкѣ — слово искусственное, литературное, изысканное: При одинаковомъ значеніи, оно производитъ совсѣмъ другой эффектъ, даетъ ложное понятіе о тонѣ подлинника. Что касается до *святаго града Трои*, то, право, не знаемъ какъ и сказать вамъ..... вы будете насъ бранить!

— Не буду. Говорите.

— Для буквальности, вмѣсто *градъ*.....

— *Святой градъ!*.... это очень хорошо!.... лучше чѣмъ *святой городъ*. Въ поэзіи нужна важность, торжественность....

— А намъ бы, для вѣрности и правды хотѣлось переводить: *Трои святой городишко*.....

— Фуй! *городишко?*.... какъ это можно!... Фуй! Фуй!.... не слышать не хочу!

— Но въ подлинникѣ вѣдь стоитъ *городишко*..... именно эта уменьшительная форма. Если бы было сказано у Гомера *polis*, можно еще было бы переводить *градъ*. Если бы онъ, по выговору діалектнаго просторѣчія, употребилъ здѣсь *ptolis*, выходило бы, буквально, *городъ*. Скажи онъ, въ первой

уменьшительной формѣ, *polion* или, простонародно, *ptolion*, это значило бы *городокъ*. Но онъ говоритъ *ptoliethron*, въ самой крайней уменьшительной формѣ и по самому площадному произношенію. *Ptoliethron* значитъ *городишко*, *мѣстечко*. И эта форма, намъ кажется, употреблена здѣсь съ умысломъ.

— Но я же вамъ говорилъ, что это только поэтическая вольность, что *ptoliethron* поставлено здѣсь вмѣсто *ptolis* или, правильнѣе, изящнѣе *polis*, *городъ*, *градъ*; что поэтъ принужденъ былъ къ этому требованіями размѣру, просодическаго метра; ему нужно было въ этомъ мѣстѣ, для полноты стиха, съвопо-длиннѣе и по-обильнѣе согласными чѣмъ слово *polis*, и онъ употреблялъ особенную форму того же слова, *ptoliethron*; но, въ умъ своею онъ думалъ *polis* и уменьшительному *ptoliethron* мысленно придавалъ значеніе: *градъ*. Такъ всегда объясняли это мѣсто самые знаменитые критики текстовъ, самые дальновидные толкователи Гомера. Я говорилъ вамъ, именно, что на буквальный смыслъ не надо здѣсь обращать вниманія, потому что буквальный смыслъ представлялъ бы несообразность, нелѣпость.... Троя «широкоуличная», «высокозданная», «бѣлокаменная» Троя, какъ поэтъ часто ее называетъ, пышная, богатая, могущественная Троя—*городишко!* Какъ это можно допустить! Говоря *городишко*, онъ очевидно думалъ *городъ*, *градъ*; и такъ надо переводить. Такъ переводили всѣ, кто только чувствовалъ достоинство поэзіи. Переводите: *градъ*. Иначе нельзя: особенно послѣ слова *святой*, гдѣ по-необходимости нужно именно это слово; слово принадлежащее къ высокому слогу; слово отборное, благородное, торжественное. Безъ торжественности и благородства, поэзія, и преимущественно эпопея, героическая поэма.....

— Позвольте возразить. Намъ кажется, что сказать несообразность, бессмыслицу, для полноты стиха, въ угодность размѣру—дѣло непростительное для великаго поэта. Такія поэтическія вольности не могутъ возбуждать удивленія къ таланту, который къ нимъ прибѣгаетъ. Находчивость гениальнаго ума прискала бы мгновенно сто другихъ словъ по-длиннѣе слова *polis* и совершенно идущихъ къ дѣлу, а ужъ не рѣ-

шила бы сказать нежность для полноты стиха. Мы осмѣливаемся думать, что *городишко* поставлено здѣсь поэтомъ нарочно, съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ, съ любовью.... для красоты и бойкости рѣчи.... и что оно неслучайно восхищало собою его слушателей. Мы увѣрены, что когда онъ величественную Троицу называлъ *городишкою*, оная стоя вокругъ него вскрикивали: айда, краснойбай!.... славно слѣпецъ-гусярь! славно!... Бойкость этого выраженія намъ, Славянамъ, совершенно понятна: русскій сельскій Цидеронъ, воротясь изъ Петербурга въ деревню, готовъ сказать сосѣдямъ своимъ точно также: *знатный городишко, Питеръ!*.... Въ этомъ словѣ *ptoliethron*, *городишко*, употребленномъ въ самомъ началѣ поэмы заключается весь характеръ, весь тонъ, весь отличительный типъ Одиссея, состоящій не въ торжественности и благородствѣ, а въ развязной шутливости умнаго, смѣлаго, размашистаго просторѣчія. Позвольте, Готфридъ Готлибовичъ, переводить такъ — по точному разуму буквы:

Про мужа поразкажи мнѣ муза, преувертливаго, который
очень много

Скитался, послѣ того какъ Трои святой городишко разру-
шилъ.....

— Не позволяю!.... ни за что въ свѣтѣ не соглашусь я на это!.... Если вы, во время экзамена, вздумаете перевести — *городишко*, я вамъ поставлю всѣ балы черные. Вы меня осрамите!.... тутъ будутъ важные люди.... которые пашутъ сами высокимъ слогомъ.... будетъ вѣроятно и знаменитый поэтъ-переводчикъ Гомера, подъ перомъ котораго Гомеръ изясняется громами и сбѣтъ во всѣ стороны пышности да великолѣпія полными пригоршнями..... человекъ, который уже и слово *градъ* навѣрное находитъ не довольно громкимъ и величавымъ; который для величія гомерической поэзіи желалъ бы еще поразудуть его немножко; который, если бъ могъ, сказалъ бы о Трой *великосвятый градоградъ*: а вы располагаетесь назвать ее *городишкою*!.... Что скажутъ о моемъ преподаваніи? Гдѣ достоинство храма наукъ?.... Гдѣ классиче-

ская торжественность?... Нѣтъ, этого никакъ невозможно!
Я не позволяю!

— А жаль, Готфридъ Готлибовичъ. Вы ужъ позволили бы
намъ хоть.... *городокъ!*

— Нельзя! никакъ нельзя! Безъ торжественности и бла-
городства, поэзія....

— Да мы для торжественности и просимъ позволить намъ
городокъ. По-русски *городокъ* слово очень благородное.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Странное дѣло, Готфридъ Готлибовичъ! Въ
Малой Азіи и повсюду, гдѣ господствовали нѣкогда Греки, до-
сихъ-поръ цитадель большого города, городская *крѣпость*,
или, по-старинному по-ученому *вышгородъ*, *асгороліс*, назы-
вается не иначе какъ *касаба*, *городокъ*, мѣстечко. Слово
арабское, принятое Турками и Новогреками, но смыслъ тотъ
же, древне-греческій, какъ кажется. Гомеръ говоритъ здѣсь,
что Улиссъ разрушилъ, не *Трою*, *святой городишко*, а *Трои*
святой городишко: какъ-будто говоритъ онъ о *городишкѣ* или
городкѣ. заключавшемся въ большомъ *городѣ*, о троянской
касабѣ или цитадели. Обыкновеніе называть цитадель горо-
да *городкомъ*, видно, сохраняется въ той странѣ со времени
Трои и Гомера. Афинскій акрополисъ тоже называютъ нын-
че *касаба*, *городкомъ*. Не замѣчательно ли, что и въ преж-
немъ русскомъ языкѣ, отъ Нестора до Петра Великаго, *го-
родокъ* значило тоже крѣпость, укрѣпленіе, цитадель, *горо-
дить городки*, строить укрѣпленія?

— Да! это очень замѣчательно! Постоите, я запишу у се-
бя.... *ptoliethron, garadok, kassaba*.... Русскимъ языкомъ, я
вамъ говорю, объясняется многое удивительно!... Изучайте
Востокъ: это очень полезно для уразумѣнія Гомера. Въ са-
момъ дѣлѣ здѣсь рѣчь можетъ итти о троянской цитадели,
въ которую введенъ былъ деревянный конь, изобрѣтеніе хи-
траго, изыщнѣе, многоискуснаго Одиссея. Только на слово
городокъ я не согласенъ. Переводите: *вышгородъ* — или еще
лучше, *вышеградъ*.... *Вышеградъ* — изыщнѣе и понравится
любителямъ высокаго слогу. Торжественность необходима

въ поэзіи: безъ торжественности и благородства.... что далѣе?

— Далѣе, вы изволили перевести намъ слѣдующій, третій стихъ такъ:

Многихъ людей видѣлъ онъ города, и обычаи изслѣдовалъ.

— Ну, что же вамъ здѣсь нужно?

— Вы изволили послѣ *многихъ* пропустить греческую частицу *de*, которая очень важна.

— Потому-что она не переводима. Въ новѣйшихъ образованныхъ языкахъ ея нѣтъ.

— Но въ русскомъ она есть.... это частица *то*.... и просторѣчіе употребляетъ ее съ большимъ эффектомъ экспрессіи. Она встрѣчается и въ третьемъ и въ четвертомъ стихѣ, сряду, слѣдовательно употреблена съ умысломъ, а не для мнимой полноты стиха, и пропускъ ея въ переводѣ лишаетъ рѣчь поѣта всей выразительности, всей жизни. Тутъ есть еще третья частица, *ge*, а по-русски, *же*, или *да и*. Тутъ есть также любопытная перестановка предлога, совершенно русская, столько же любимая нашими простолюдинами сколько и Гомеромъ — *hon kata thumon* — буквально: *на своемъ на ретивомъ*. Зачѣмъ пропускать эти перлы просторѣчія, эти чудесныя черты сходства между Русью и старою Греціею? Вмѣсто:

*Многихъ людей видѣлъ онъ города, и обычаи изслѣдовалъ,
И много терпѣлъ сердцею печалей на морь,*

мы, отъ слова до слова, буквально, не перемѣняя ни волоска на головѣ Гомера, перевели бы, съ вашего позволенія, такъ:

*Многихъ-то людей видѣлъ онъ города, и разумъ узвалъ;
Да и многія-то на пучинь терпѣлъ скорби на своемъ на ретивомъ.*

Скажите сами, Готфридъ Готлибовичъ: не вѣрно ли это? и не хорошо ли? По-насъ, это чудесно! Такъ и видишь, слышишь стараго гуслара, который....

— Вѣрно-то, оно вѣрно... буквальнѣе быть не можетъ: но такимъ образомъ вы уничтожаете всю поэзію въ Гомерѣ. Безъ торжественности и благородства, эпопея, повторяю вамъ.... Послушайте только какъ это изящно:

*Многихъ людей города видѣлъ онъ, и въ обычаи вникнулъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на морь, заболѣлъ и печаллся...*

Смыслъ подлинника вполне удержанъ, стихъ въ стихъ, гекзаметръ правиленъ: и сколько достоинства, благородства, venustatis, въ этой переводной поэзіи!....

— Но такому переводу, издавая его въ свѣтъ, слѣдовало бы непременно, Готфридъ Готлибовичъ, дать заглавіе: «Одиссея, простонародная поэма древнѣйшей, еще безграмотной Греціи, переведенная на русскій языкъ хорошаго тону и изящнаго общества, докторомъ философіи, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, Готфридомъ Готлибовичемъ....

Нашъ добрый наставникъ раскохотался на каедрѣ, при этомъ заглавіи, которое самъ онъ признавалъ довольно справедливымъ, и мы, вмѣстѣ съ нимъ, смѣялись на скамьяхъ. Желая вполне оправдать себя, почему, въ этихъ двухъ стихахъ, слова его *обычаи, на морь, и сердцемъ*, замѣнялись у насъ словами *разумъ, на пучинъ, на своемъ на ретивою*, мы представляли еще слѣдующее:

Въ стихѣ—*Многихъ-то людей видѣлъ онъ города, и разумъ* (poop) *узналъ* — слово poop значитъ, по-латыни и буквально, ничего болѣе какъ *разумъ, только*, по-латыни *sermo, animus, intelligentia, sententia*. Никогда это слово не имѣло значенія — *обычаи или нравы, mores*; такого значенія нѣтъ даже и въ лексиконахъ, гдѣ обыкновенно выставляютъ столько приблизительныхъ и ложныхъ значеній. Улиссъ, положительно, по мысли Гомера, узналъ *разумъ* или *только многихъ городовъ*; и прекрасно слѣдалъ: ничего лучшаго нельзя узнать путешествуя. Но, не извѣстно почему, мудрымъ критикамъ текстовъ показалось, будто *разумъ* или *только свои* найдутъ, и будто *разумъ* изображаетъ здѣсь *обычаи, mores*; и вотъ въ латинскихъ подстрочныхъ переводахъ проназвано

стали писать — *σοφες σοφονοιτ*, *обычаи узналъ*, вмѣсто буквального и превосходно яснаго смысла — *mentem cognovit*, *разумъ узналъ*. Нѣтъ ни какой разсудительной причины слѣдовать такому произвольному толкованію, особенно переводя на русскій языкъ, въ которомъ выраженіе *узналъ разумъ*, *узналъ толкъ разныхъ городовъ* отлично живописно и національно.

Я примѣчательно удивился, находя и въ переводѣ Жуковскаго *обычаи* вмѣсто *разумъ*. Какъ слово это онъ почерпнулъ изъ подстрочнаго переводу своего боннскаго друга, то позволительно утверждать съ полною достовѣрностью, что этотъ ученый другъ переводилъ ему Гомера, не съ греческаго, а съ латинскихъ переводовъ.

Въ слѣдующемъ стихѣ — *Да и многія-то въ пучинѣ терпѣль скорби на своемъ на ретивомъ* — *hon kata thūmon* — греческое *thūmos*, по этимологiи сходное съ нашимъ словомъ *дума*, по общему употребленію во всѣхъ своихъ отбѣнкахъ значить то же самое что въ русскомъ языкѣ *ретивое* — чувство сердечное, вмѣстѣ пылкое и вспыльчивое, смѣлое и напряженное, нѣжное и мужественное *Ретивое* такъ же часто исправляетъ должность обыкновеннаго слова *сердце*, какъ и греческое *thūmos*. Но зачѣмъ, если мы хотимъ въ точности выразить смыслъ, *разумъ* и топъ подлинника, прибѣгать къ общему слову *сердце*, когда у насъ есть для этого отдѣльное и тождественное слово *ретивое*?

Что касается до слова *въ пучинѣ*, вмѣсто *въ морѣ*, то вопросъ филологическій не чуждъ здѣсь даже историческаго и національнаго русскаго интересу. У Гомера, стоитъ, не *море*, *thalassa*, а *pontos*, слово явственно не-греческое, не имѣющее въ этомъ языкѣ ни корня ни производствъ, а замѣствованное просторѣчіемъ, для означенія морей отдѣльныхъ, далекихъ и неизвѣстныхъ, отъ собственнаго имени *Понта Эвксинскаго*, что нынче Черное Море. Изъ какого языка первоначально взято это имя *pont* и его прилагательное (*thalassa*) *pontina*, (море) *понтское*, не извѣстно, но нельзя не замѣтить вдругъ этимологическаго сходства между *pontina* и *пучина*, особенно зная греческое произношеніе буквъ *nt*, которое у Славянъ

переходить въ чь, и обыкновеніе многихъ славянскихъ языковъ замѣнять носовой звукъ ои буквою у. Слово *пучина* такъ же не-славянское въ славянскомъ языкѣ, такъ же безъ корня и безъ производствъ у насъ, какъ и слова *pont* и *roptina* въ греческомъ, и точно также употреблялось для означенія морей отдѣльныхъ, дальнихъ, невѣдомыхъ. Въ «Дѣніяхъ» мы встрѣчаемъ: въ *адриатской пучинѣ*, вмѣсто — въ *Адриатическомъ Морѣ*; *эвѣйская пучина* еще недавно красовалась въ нашихъ славяно-русскихъ географіяхъ. По какому странному случаю Черное Море, такое бурное, опасное, негостепріимное, прозвано *Pontos*. *euxeinος*, *моремъ гостепріимнымъ*?... Вопросъ этотъ уже предлагали себѣ многіе, и не нашли ему удовлетворительнаго отвѣту. Но помощью русскаго языка начало такого прозванія объясняется какъ-нельзя лучше. Не переводите слова *euxinos* приблизительно, на-угадъ, словами *гостепріимное*, *hospitalier* и тому подобными: о *пріемѣ* гостей тутъ нѣтъ помину; переводите буквально: *xeinos* значитъ *гость*; чтобы изъ этого слова сдѣлать прилагательное, надо, по обычаю греческаго языка, вначалѣ прибавить къ нему слогъ *eu*, который здѣсь будетъ служить только знакомъ прилагательнаго, не имѣя самъ особеннаго опредѣлительнаго значенія; такимъ образомъ получается *eu-xeinος*, *гостиный* — *pontos euxeinος* — *пучина гостиная*. Что же это значитъ? Ничего болѣе какъ *пучина торговая*, торговое море!... Между Новгородомъ и Старою Ладогою есть по Голхову мѣсто, которое донинѣ зовутъ *Гостиное Поле*, въ память торжищъ, которыя здѣсь происходили съ свейскими и мурманскими *гостями*, то есть, купцами. *Гостиное Поле*, *Гостиная Пучина* и еще *Гостиный дворъ* если угодно, сочувствуютъ другъ другу. Какъ Черному Морю не носить въ древности названія торговаго моря, когда тутъ были кругомъ греческія *торжища*, *emporіа*, эти знаменитые коммерческіе города, которые связывали міръ эллинскій съ міромъ варварскимъ, и куда съ равною жадностью стремились съ своимъ промысломъ и Греки съ юга и Скифы съ сѣвера, какъ въ Эльдорадо тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ? Переводите, если вамъ любо, *pontos eu-xeinος*

пучиною благо-гостинною или *благо-торговою*. Значенія, яснаго и опредѣлительнаго, вы этимъ не измѣните, а только выкажете неумѣстное педанство. Да если бы намъ вздумалось также быть педантами, мы бы пустились доказывать другое! а именно, что *πονίνα* или *пучина* легко можетъ быть испорченное наше *пятина*, и что *ποντος ευξεινος* значитъ собственно *гостинная пятина*, по причинѣ бывшихъ тутъ *пяти* знатныхъ *гостинныхъ* или торговыхъ городовъ. Если справедливо Несторово показаніе, что по нижнему Днѣпру жили нѣкогда Поляне, такъ полянское произношеніе слова *пятина* извѣстно. Жители Великой и Малой Польши, которые донынѣ называютъ себя неизмѣнно Велико-полянами и Мало-полянами, не скажутъ вамъ иначе какъ *пъонтина* или *пъонцина*. Народы сербскаго корня, замѣняющіе вендское *он* своею гласною *у*, жили тогда подалеже отъ эвксинскихъ городовъ, внутри материка, и они легко могли полянское *пъонцина* превратить у себя въ *пучина*, придавъ этому слову вмѣстѣ и значеніе *моря*, котораго сами никогда не видали. Но все имѣющее видъ натяжки противно нашему сердцу, и *пятину* мы охотно оставляемъ всторонѣ, не смотря на ея правдობодіе. Довольно того, что *ποντ* и *пучинная* вственно произошли изъ одного источника и весьма долго имѣли одинаковое значеніе у Грековъ и Славянъ: слѣдственно, въ этомъ стихѣ Гомера нѣтъ причины вводить слово *море*, котораго здѣсь нѣтъ, а должно, по весьма интереснымъ уваженіямъ, удержать первобытное слово *пучина*. Въ этомъ состоитъ хорошій разумъ буквы.

Я долженъ прибавить, что объясненіе прозванія Чернаго Моря «Понтомъ Эвксинскимъ», то есть, *Гостинною Пучиною*, по-нынѣшнему торговымъ моремъ, очень понравилось покойному Готфриду Готлибовичу, который, записывая его въ свою памятную книжку, сказалъ намъ: «Вы, господа, дѣлаете странныя сближенія.... но.... иногда похожія на дѣло.»

Много такихъ бесѣдъ и преній бывало у насъ съ добрымъ Готфридомъ Готлибовичемъ, котораго мы никакъ не могли отклонить отъ толкованія Гомера по преданіямъ старик-

ной школы къ рациональному объясненію по естественному значенію словъ, по точному смыслу и тону выражений. Можно себѣ представить ужасъ почтеннаго классика, когда еще мы предложили ему перевести буквально — *дурни* — одно греческое слово, которое онъ, для торжественности поэзіи и достоинства эпопеи, переводитъ — *несостержимые!*.... и уже только въ крайнемъ случаѣ соглашался перевести — *безумные, или безумцы*. Рѣчь у Гомера идетъ о томъ, что Улиссъ старался спасти своихъ товарищей, и поэтъ замѣчаетъ, буквально, со всѣми своими живописными частицами, слѣдующее:

А все-таки товарищей не спасъ, какъ ни старался!
Сами вѣдь отъ собственныхъ сумасбродствъ погибли,
Дурни! Они поѣли быковъ Солнца Вышнехода,
А онъ, опять, у нихъ отнялъ возвратное дщище!

Спорное здѣсь слово по-гречески гласитъ *пѣріои*; и оно какъ-нельзя яснѣе опредѣляетъ характеръ разсказу, въ высшей степени простонароднаго. Мы просили Готфрида Готлибовича указать намъ на греческое ругательное слово грубѣ этого *пѣріои*. Онъ принужденъ былъ согласиться, что въ древнемъ языкѣ это — самое крупное *проклятіе*, какъ онъ выражался. *Нѣріос* значитъ просто и чисто *дуракъ*, и еще нѣсколько болѣе. Такъ зачѣмъ же смягчать его въ переводѣ? Чтѣ истина, чтѣ искусство, выиграютъ отъ этого? Не ясно ли, что оно въ вѣрномъ переводѣ должно быть выражено совершенно равносильнымъ словомъ — а невѣрные переводы — зачѣмъ ихъ дѣлать? и къ чему полезны? Чтѣ тутъ страннаго или неумѣстнаго, если бродяга-гусляръ говоритъ языкомъ бродяги?.... Въ отчаяніи, почтенный Готфридъ Готлибовичъ кричалъ намъ: «Ну, такъ переводите буквально!.... вы любите буквальность!.... *пѣріос* произведено изъ стариннаго отрицанія *па, не, и еро, молвить* — *па-еріос, не-молвецъ*. Такъ переводите же буквально — *немолвы!*

— Готфридъ Готлибовичъ! возражали мы: вѣдь это еще

хуже! Въ языкахъ сербскаго корня *немловецъ*, по-польски *немовле*, значить—грудной ребенокъ, который еще не говоритъ, не сумѣетъ молвить ни слова. А посмотрите, какъ слово *немловецъ* произносится у Вендовъ?... (и кто-то изъ слушателей взялъ томикъ «Слованки» Добровскаго и показалъ на первой страницѣ: *Nematz, немловецъ, немовле* — грудной ребенокъ). Хотите ли вы, чтобы этого роду слово было уже у Гомера самымъ крупнымъ ругательнымъ? чтобы онъ о безумныхъ товарищахъ Улисса отзывался: *Сами вѣдь отъ собственныхъ сумасбродствъ погибли, немловцы*, а въ сокращенномъ произношеніи *нѣмцы*? Буквальность будетъ: но гдѣ же должное уваженіе....

— У васъ всегда готовы престранныя сближенія! говорилъ Готфридъ Готлибовичъ, весьма недовольный нашимъ послѣднимъ сближеніемъ, котораго даже и не записалъ онъ въ свою памятную книжку.

Читатели навѣрное замѣтили въ этихъ стихахъ выраженіе, совершенно простонародное, но отлично поэтическое — *Солнца вышнегода*. Это одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ «эпитетовъ», которые придаются богамъ и составляютъ отчаяніе и переводчиковъ Гомера и ихъ читателей. Въ подлинникѣ стоитъ *Helios huregion*, *солнце вышнегода*, а въ другихъ мѣстахъ коротко — *huregion*, *вышнегода*, безъ прибавленія слова *солнце*, чѣмъ уже показывается ясно, что это не эпитетъ, не поэтической вымыселъ, не украшеніе слогу, почерпнутое изъ вдохновенія, а простонародное прозвище бога, религіозный терминъ, бывшій въ общемъ употребленіи и всѣмъ извѣстный. Нашъ ученый наставникъ переводилъ его длинно, тяжело, мучительно: *Гелиосъ, высоко надъ нами ходящій богъ*. Такъ точно и боннскій профессоръ перевелъ для русскаго поэта. Не значить ли это уничтожать добровольно всю живописность и весь характеръ подлинника? Зачѣмъ *Гелиосъ*, а не *Солнце*? Развѣ въ греческомъ языкѣ *helios*—мистическое слово, котораго никто безъ особеннаго посвященія не понималъ въ подлинникѣ поэмы и котораго, слѣдственно, не должны понимать читатели въ ея переводѣ? Развѣ это — собственное имя? Развѣ есть или было другое слово, по-проще, для выраже-

нія «солнца» въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ? Зачѣмъ эта напыщенность взамѣнъ такой простоты? Этотъ нарядный плащъ безвкусной эрудиціи взамѣнъ скромнаго гусларскаго рубища? Какой латинскій поэтъ осмѣлился бы, переводя Гомера, сказать здѣсь *Helios* вмѣсто роднаго слова *Sol*, солнце? Зачѣмъ же вы удерживаете *Гелиосъ*? Хотите ли вы явить себя утонченнѣе самихъ язычниковъ въ дѣлахъ язычества? Язычники *всегда* переводили названія боговъ изъ одного языка на другой, потому-что боги ихъ были только понятія, олицетворенія идей, которыми собственныхъ именъ быть не можетъ: имъ полагаются только прозвища, а прозвища — слова существенно переводимыя. Вы усиливаетесь будто-бы удержаться въ духѣ и тонѣ язычниковъ?... такъ подражайте же имъ — переводите всѣ извѣстныя названія боговъ на извѣстныя или общепонятныя — дѣлайте какъ дѣлали они, которые даже и *Одиссея* безъ обиняковъ переводили «*Улиссомъ*». Русскій язычникъ, слыша слова *Зевсъ*, *Юпитерь*, *Аполлонъ*, *Фебъ*, *Гелиосъ*, *Вулканъ*, *Ифестъ*, *Венера*, *Афродита*, *Марсъ*, *Аресъ*, не посовѣстился бы нисколько переложить ихъ тотчасъ же на свои родные звуки — *Перунъ Батько* (изъ Геродота извѣстно, что дѣйствительно Скиѣны такъ называли Юпитера — *paraïos*, папашей, батюшкой), *Бѣлбогъ*, *Свѣтовичъ*, *Солнце*, *Жарбогъ*, *Чернобогъ*, *Силанъ*, *Бойбогъ*, *Любиня*, *Любица*, *Краса-дѣва*, и такъ далѣе. И не переведи онъ, не будетъ язычникъ; онъ прослыветъ еретикомъ, вводящимъ чужихъ боговъ, выдумывающимъ *новыхъ духовъ*. Сократу велѣли выпить яду за это. Въ языческой поэмѣ изяснитесь по-язычески. Да и пусть скажетъ всякой, у кого только есть чувство искусства: не говоря уже о ясности, не болѣе ли поэзіи, краски, жизни въ этомъ короткомъ и естественномъ выраженіи — *Солнце вышшехоть* — нежели въ цѣлой многохитрой фразѣ переводчиковъ — *Гелиосъ, высоко надъ нами ходящій богъ*? Рѣчь язычниковъ, по сущности ихъ вѣры, состоящей изъ олицетвореній, должна была изобиловать такими прозвищами, и сохраненіе ихъ въ видѣ прозвищъ, въ переводахъ, крайней необходимо. Не превосходно ли это прозвище отца боговъ, *neselegéreta Zeüs*, *Тучеваль Перунъ*, которое, въ переводахъ, излагаютъ — *обла-*

ка накопляющій *Зевесъ*? Не чудно ли это другое прозвище олицетвореннаго моря — *Землебой* или *скалотрясъ* Нептунъ *επισοχτόν*? Въ буквально-разумной вѣрности этихъ прозвищъ, мнимыхъ эпитетовъ, заключается болѣе важности нежели какъ полагаютъ комментаторы и переводчики: прозвища боговъ часто связываются съ основаніемъ вѣры, съ догматами язычества, даже съ глубочайшими вопросами его сокровенной философіи, открывавшейся въ Таинствахъ однимъ только посвященнымъ. Таково въ особенности прозвище Минервы, *Glaukopis Pallas* — которая, не *свѣтлоокая* и не *голубоглазая*, а *синевая*, *Синдѣва*, символъ воздуху.

Сравненіе намековъ, уроненныхъ неумышленно скромностью древнихъ писателей; признаній, вырвавшихся въ жару полемики у политеистовъ Александрійской Школы; ихъ собственныхъ теорій; обломковъ отысканнаго обрядника инвокацій; упоминаній о Пифагоровомъ толкѣ; египетскихъ барельефовъ и надписей, — съ древнѣйшими философіями Востока, куда упряталось коренное любомудріе языческаго міра, съ философіей Китайцевъ, индѣйскихъ брахмановъ, и особенно буддистовъ, какъ наследниковъ метемпсихозы, высшей степени языческаго духовнаго умозрѣнія; сличеніе всѣхъ этихъ разнородныхъ и разностороннихъ данныхъ не оставляетъ нынче сомнѣнія относительно къ роду и сущности истинъ, хранившихся въ сокровенныхъ ученіяхъ Таинствъ, истинъ, безъ которыхъ, утверждаетъ Цицеронъ, *жизнь не стоила бы названія жизни*. Великая тайна всего язычества, къ которой приклеивались со всѣхъ сторонъ разные его отгѣнки, состояла въ томъ, что первоначально существовалъ Разумъ, Законъ, Число, въ образѣ Времени, котораго общенародный символъ — Кроносъ, Сатурнъ, Годыня, и прочая. Этотъ разумный и предвѣчный численный Законъ принялъ видъ ээиру, который есть *тончайшая изъ тончайшихъ и чистѣйшая изъ чистѣйшихъ* (матерія) — *изъ него же* (изъ ээиру) *все, и все въ него разрѣшится*, какъ выражаются метемпсихозисты — *онъ жизнь, онъ движеніе, онъ сила, онъ единство, онъ вѣчность, всезнаніе, блаженство; онъ невидимый огонь* (электричество

облаковъ) и невидимый свѣтъ (разумъ), онъ холодъ, онъ мракъ, зримая темень и незримое солнце, единица и множество, краса и безобразіе, добро и зло, мужъ и жена, духъ и матерія, душа и тѣло, онъ разлитъ повсюду, проникаетъ и наполняетъ, движетъ и оживляетъ все, вездѣ присутствуетъ и вездѣ дѣйствуетъ, онъ и Творецъ и твореніе, словомъ онъ все. Это—Юпитеръ, Батько, Зевесъ, Осирисъ (что значитъ Самосущій), Ормузда (тоже) Перунъ, Торъ, Аммонъ-Ра (невидимое солнце, сонце разлитое повсюду въ видѣ незримаго ээиру, впротивоположность видимому солнцу, свѣтлomu скопленію того же ээиру въ одной точкѣ, названному въ символахъ Аполлономъ), и такъ далѣе. Всякое свойство божества есть богъ, равный ему сущностью, но только неравный силою. Здѣсь—то основаніе многобожія. Ээиръ, какъ тончайшая изъ тончайшихъ и чистѣйшая изъ чистѣйшихъ матерія (Юпитеръ), сохраняетъ видъ летучій, но прежде всего, собственнымъ усиліемъ, однако по численному или разумному закону Времени, проявился въ двухъ другихъ первобытныхъ видахъ, жидкомъ и плотномъ. Летучесть, жидкость и плотность, три первые, самые простые вида ээиру, это въ символахъ—Юпитеръ и два его брата, Нептунъ (вода) и Плутонъ (земная толща), одной съ нимъ сущности, одной чистоты, но не одинаковы дѣйствіемъ, по причинѣ различія въ видахъ.

Далѣе начинаются разныя проявленія отдѣльныхъ свойствъ ээиру, или разныя преображенія Юпитера. Каждое свойство основнаго божества, то есть, каждый богъ, можетъ, черезъ разныя сгущенія ээиру, болѣе или менѣе правильныя, болѣе или менѣе чистыя, проявиться въ видахъ отвлеченномъ, летучемъ, жидкомъ, твердомъ или минеральномъ, растительномъ и животномъ. Любопытные найдутъ образцы этой странной естественной философіи въ выпискахъ, которыя ученый отецъ Іакинѣвъ сообщилъ отечественной публикѣ изъ положеній первыхъ китайскихъ философовъ. Идеи эти были распространены по всему древнему міру. Внимательный изслѣдователь откроетъ ихъ повсюду, съ разными отгѣнками, съ разными измѣненіями. Наконецъ, въ наше время, возродились онѣ въ мечтаніяхъ Окена, который навѣрное не думалъ ни о

язычествѣ ни о Китайцѣ Джу-дзы. На свѣтѣ ново только то, что было хорошо забыто.

Эфиръ-Юпитеръ, въ отвлеченномъ видѣ, это — *саморазумное всемогущество* (природа), дѣйствующее отъ себя и черезъ себя, не подчиненное вѣчному, напередъ разумно выведенному численному закону (судьба, *fatum*), имѣвшему первоначально форму Времени, отъ котораго Эфиръ (Юпитеръ) и происходитъ. Отсюда гомерическая теорія о «суженомъ» и «сверхъ-суженомъ», изложенная въ первой рѣчи отца боговъ въ Одиссеѣ, и которая, послѣ этого, не возбудить ни чьего недоумѣнія. Отсюда и знаменитая надпись надъ дверями Платона: *Все въ мѣръ число*. Словамъ этимъ новѣйшіе ученые приписывали необыкновенный смыслъ физико-математическій; но, вы сами видите — они, высокимъ слогомъ «Тайнствъ» выражали, очень пошлую идею, составлявшую впрочемъ основной догматъ, языческой вѣры и, въ переводѣ на вселенный языкъ не посвященныхъ, даютъ, просто, турецкую нелѣпость: «все въ мѣръ судьба!» Марчики, вообще, очень просто открываются.

Въ летучемъ видѣ, Юпитеръ — *чистѣйшій эфиръ* (жизнь); въ этомъ видѣ, какъ жизнь, онъ — *душа* всякой твари и, какъ всюду разлитый, *душа міра*.

Въ жидкомъ видѣ, въ видѣ братнемъ родному Нептуну, онъ *воздушная животворная вода*, видимое проявленіе невидимой атмосферной влажности, *Jupiter imbricus, Дождьбогъ* (Дажбогъ), и въ то же время — *воздушный огонь*, знаменитый въ алхиміи «огонь философъ», могучій холодный огонь (нынѣшнее электричество; вода и огонь, отличные отъ тяжелой вселенской воды (Нептуна, брата) и отъ матеріальнаго огня или пламени (Вулкана), отъ ремесленнаго, плавильнаго и кипячительнаго огня, который — его произведеніе (сынъ). Уразумѣніе всѣхъ этихъ мистическихъ подробностей необходимо для уразумѣнія Гомера, который тонкимъ, ловкимъ, популярнымъ, изложеніемъ ихъ въ аллегорическихъ формахъ и возбуждалъ такой энтузіазмъ языческой мудрости, что она, послѣ Александра Великаго, воздвигала ему статуи и храмы.

Въ твердомъ или минеральномъ видѣ Эфиръ - Юпитеръ

былъ — самое чистое золото, которое, будучи растворено, составляло амвросію, напитокъ безсмертія: это очень просто — боги пили отвердѣлый и растворенный эфиръ, который есть жизнь, и оттого не умирали. На землѣ люди искали изъ золота составить такой же напитокъ, «элексиръ», чтобы жить жмъ и, слѣдственно, быть всегда юными и здоровыми. Какъ всѣ металлы — такія же какъ и золото тверды сгущенія эфиру, только съ разными примѣсами нечистаго начала, то стоило только, помощію «философскаго огня», отдѣлить отъ нихъ эти нечистоты, чтобы получить золото. Отсюда — алхимія, наука, которую усердно занимались во всѣхъ Таинствахъ, особенно въ Египтѣ. Посмотрите, какъ человѣческія глупости, разбросанныя нынче по разнымъ угламъ свѣта и съ-виду самыя несогласимыя, плавно и гладко сходятся всѣ въ одной первоначальной идеѣ, изъ которой онѣ развились какъ логическія слѣдствія ея! Въ растительномъ видѣ проявленіе Эфира-Юпитера — могучій дубъ, по египетскому толку нетлѣнный сикоморъ и лотосъ, оставшійся и донынѣ въ чести у буддистовъ; въ животномъ видѣ, по царству воздушному, орелъ, который, въ символахъ, и держитъ воздушный огонь, перуны, — у другихъ языческихъ толковъ коршунъ, — а по царству земному левъ, — у другихъ толковъ баранъ, черный быкъ, — у Египтянъ бѣлый быкъ, Аріс. Эти растения и животныя и были посвящены Юпитеру. У Славянъ и Литовцевъ дубъ считался представителемъ Перупа, у Скандинавовъ — представителемъ Тора, который тотъ же Перунъ или Юпитеръ. Нужно ли еще яснѣйшее доказательство той истины, что язычество, или многобожіе, опиралось повсюду на одно и то же ученіе, на одну и ту же физическо-созерцательную теорію, правильно развитую въ подробностяхъ, и составлявшую вѣрованіе, въ сущности вездѣ одинаковое, только на-видъ различное относительно замысловатостью обрядовъ или грубостью народныхъ легендъ, смотря по степени образованности племени, которое его исповѣдывало?

Отсюда съ перваго уже взгляду видно, какъ восторженное преувеличеніе нѣкоторыхъ положеній этой теоріи ведетъ прямо, съ одной стороны, къ суевѣрному поклоненію раз-

ными растеніями и животнымъ, почитаемымъ за святые образы различныхъ свойствъ ээиру, то есть, различныхъ боговъ, съ другой—къ метеопсихозѣ: все составилось изъ сгущенія ээиру въ извѣстныхъ формахъ, которыя зависятъ отъ преобладанія въ такомъ-то тѣлѣ такого-то особеннаго свойства этой первобытной летучей матеріи, такого-то бога. Отсюда и знаменитое восклицаніе Фалеса при видѣ притягательныхъ свойствъ магнита: *Все полно богами!*... то есть, «свойствами» ээиру. Но какъ въ ээирѣ заключается все, и хорошія и дурныя свойства, и чистое и нечистое, то, разумѣется, въ одной формѣ созданія, въ одной твари, бываетъ чистаго ээиру менѣе, а нечистотъ его болѣе, чѣмъ въ другой. Тонкость языческой мудрости раздѣлила всѣ твари, всѣ тѣла органическія и неорганическія, на разряды, по степенямъ предполагаемой въ нихъ чистоты ээиру, изъ котораго они составлялись. Египетскіе мудрецы особенно были искусны въ этомъ родѣ умозрѣнія, котораго часть свято хранятъ донинѣ Еврей талмудисты. Душа человѣка, оскверненная преступленіями и грубыми грѣхами, разрѣшаясь послѣ смерти его въ ээирѣ, не могла бы слиться прямо съ чистѣйшею изъ чистѣйшихъ и тончайшею изъ тончайшихъ и въ ней блаженствовать ея блаженствомъ: она должна по-необходимости слиться съ тою степенью нечистаго ээиру, которая соотвѣтствуетъ собственной ея нечистотѣ, съ такимъ-то, по разрядной росписи, животнымъ, изъ котораго она правильно по разрядамъ будетъ переливаться въ животныя все чистѣе и чистѣе, пока наконецъ, очистившись совершенно, не перельется она въ *мудреца*, въ мемфискаго первожреца, въ элевсинскаго дадуха, въ монгольскаго хутухту, а тамъ, пожалуй и въ далай-ламу, который уже — самый чистый ээирѣ, то же самое что божество. Такъ нѣкогда разсуждали Египтяне; такъ до нынѣ разсуждаютъ буддисты, и въ числѣ ихъ наши собственные Калмыки. Это—высшая степень напряженія языческаго многобожнаго любомудрія. Ни Греки, ни Римляне до нея не возвышались. Египтяне, по признанію греческихъ мудрецовъ *мудрѣйшіе изъ людей*, одни были въ состояніи проникнуть мыслью въ эти глубокія дѣянія ээи-

ру. Но и въ Славенъ по всё языческіе толки были такіе ту-поумныя, какъ обыкновенно думаютъ. Напримеръ Безсмертствующіе Сквенъ, народъ явственно готскій, принимали ие-темпенхеву, и Геродотъ добродушно увѣряетъ, будто ихъ Залмоксъ или Гевалейзисъ (*Zal mögs* по-готски значить *Мо-гучій*, а *gewäleisiz* *Избранный*) былъ рабомъ у Пнеагора и у него-то этотъ Варваръ выучился такимъ высокимъ и сокровеннымъ наведеніямъ. А впрочемъ, и Греки и Римляне слѣдователи той же самой теоріи въ другомъ родѣ приложений: богословы ихъ объявляли, что такой-то царь Птоломей или такой-то Цезарь состоитъ весь изъ чистѣйшаго и тончайшаго ээиру: слѣдовательно, онъ — богъ; ему можно воздвигать жертвенники и храмы; ему можно поклоняться, даже при его жизни. Разсужденіе — совершенно логическое по ээирной теоріи; и отнюдь не мудрено, что нѣкоторые изъ Птоломеевъ и Цезарей вѣрили сами своему божеству: имъ стоило только повѣрить числу градусовъ чистоты своего составнаго ээира, найденному богословами и опредѣленному отличнымъ ареометромъ ихъ сокровенной мудрости. До Птоломеевъ, Египтяне вносили, въ ликъ боговъ, своихъ туземныхъ царей и Греки своихъ героевъ, на томъ же основаніи. Геркулесъ, въ нѣкоторыхъ языческіхъ толкахъ, а именно, въ финикійскомъ, въ этрусскомъ, въ готскомъ-даккійскомъ и готскомъ-скандинавскомъ, былъ еще одною степенью выше далай-ламы: подъ именами *Мелжарта* (царя земли), *Герклиса* (Ратислава) *Гевелеизиса* (Избраннаго), или *Заль-мокса* (Могучаго) и *Во-дала* или *О-динна* (Не-умирающаго, или Безсмертнаго), этотъ герой достигъ доблестями своими такой степени ээирной чистоты въ душѣ и плоти, что, перейдя на небо, оказался чище самаго ээиру (Юпитера) и, слѣдственно, сталъ могущественнѣе его. Безсмертствующихъ черноморскихъ Готовъ я считаю единнистами, съ прибавкою душепереселенія: *athana-tizontes* очевидно то же какъ бы сказать *wodanatzizontes*, поклоняющіеся Неумирающему или Безсмертному, *Wodann*. Единновъ или Водановъ, по сагамъ, было нѣсколько.

Какъ-скоро духъ этого ученія постигнуть, не трудно тогда опредѣнить настоящій смыслъ очень важнаго ряду ээи-

тотчасъ, присоединяющагося обыкновенно къ именамъ геро-евъ у Гомера и другихъ поэтовъ и писателей древности; эпитетамъ въ родѣ *antithetos, isothetos, theios, divus*, и такъ далѣе, которые переводятъ — *богамъ подобный* Ахиллъ, *божественный* Улиссъ, Аяксъ, Августъ Цезарь, и прочая. Не *богамъ подобный* и не *божественный* должно переводить, а *равнобожный* Ахиллъ, Аяксъ, Улиссъ, Августъ. Дѣло не въ сходствѣ ихъ съ небожителями, наружномъ или внутреннемъ, красотою, силою, или умомъ, а въ тождественности степени чистоты ээиру, сгущеннаго въ образы этихъ людей, съ ээиромъ, изъ котораго состоятъ боги: въ одноээирности ихъ съ богами и, слѣдовательно, въ правѣ занимать мѣсто между нами, получая отъ людей такіе же жертвы, молитвы, почести; словомъ, если позволительно призвать здѣсь въ помощь языкъ нынѣшней химіи, дѣло—въ изомеріи различныхъ ээирныхъ составовъ, изъ которыхъ и они и боги состроены.

По случаю слова *divus* нужно одно замѣчаніе, которое можетъ сдѣлаться длиннымъ отступленіемъ, потому-что мы встрѣтимся и опять поссоримся съ переводчиками Гомера. Нимфа Калипсо названа въ Одиссеѣ *dia theadn*. Въ латинскихъ переводахъ выраженіе это передается обыкновенно словами *diva deagum*, что переводятъ: *божественная между богами*. Каждый видитъ, что это—нелѣпость. Она однако жъ перепечатывается изъ роду въ родъ. Бонискій ученый присовѣтовалъ русскому поэту перевести — *богиня боинь*, принимая латинское *diva* за *dea*. Каждому, однако жъ, и ему прежде всѣхъ, должно быть извѣстно, что Калипсо, простой нимфѣ, совсѣмъ не по чину быть *боиню боинь*; что она никогда не занимала этой должности на Олимпѣ, куда, вѣроятно, и приѣзду не имѣла. Она даже и не *равнобожная*. Настоящій титулъ ея у Гомера—*честная нимфа* Калипсо (*protia*), тотъ же самый, которымъ пользуются члены Нижней Палаты англійскаго парламента: *the most honorable* *Dia*, женскій родъ прилагательнаго *dios*, происходитъ отъ *Dis, divs* или *zevs*, что по этимологіи значитъ собственно *дѣвъ, дѣвоговъ* (Юпитерь). *Dia* поэтому не что иное какъ *юпитерная*. Слово это принималось въ двухъ смыслахъ: *ээир-*

мы значило, во-первыхъ, *дичный, чудный, отлжный*, почти по тому же правилу какъ у насъ, отъ имени *чортъ*, который тоже диво своего рода, прилагательное *чертовскій* значить часто *удивительный*. Во-вторыхъ, *юпитерными*, *dios*, значились у язычниковъ всѣ боги, герои, гиганты, нимфы, и люди отъ роду Юпитера, всѣ *звссородные*. Какъ не справиться въ олимпійскихъ родословныхъ скорѣе чѣмъ прибѣгать къ истинно невозможнымъ переводамъ! Честная нимфа Калипсо въ самомъ дѣлѣ была *звссородная*, дворянка между нимфами. Она приходилась праправнучкою Юпитеру черезъ мать отца своего, гиганта Атласа, нимфу Азію, дочь Фетиды, замужемъ за Рѣкой-Океаномъ, и владѣла островомъ, который лежитъ — говорить Гомеръ — *здѣ-то у самаго пупа моря* — этаконъ мужикъ! — то есть, на самой серединѣ моря; а живетъ она, честная Калипсо, не по обычаю другихъ нимфъ, которыя прячутся по дикимъ и сыримъ пещерамъ, а въ *домашь*, то есть, комнатахъ, кованныхъ въ скалѣ искусными мастерами, въ пещерахъ *глаженныхъ*, или, правильнѣе, *разноглаженныхъ*, *glafygois*, съ стѣнами и полами полированными, съ фризами, съ карнизами, съ рѣзными архитравами, какъ подобаеть юпитерной. Выраженіе *сидитъ какъ пупъ на серединѣ*, доселѣ употребляется въ восточныхъ просторчійхъ съ отличнымъ эффектомъ красноречія. Не странно ли, что и это выраженіе, *пупъ моря*, такое пошлое, было принято комментаторами и переводчиками за высокое поэтическое изобрѣтеніе, за вымыселъ Гомерова чуднаго ображенія, и удержано даже тѣми, которые старались придать Одиссеѣ тонъ высокопарный или, по-крайней-мѣрѣ, отлично учтивый и изящный. Признаться, этотъ «пупъ» торчитъ у нихъ очень неловко, между-тѣмъ какъ, рядомъ, они же, чтобы облагородить гуслера-Гомера и его пріятеля, куна Кронича, не позволяютъ Юпитеру открыть засѣданіе совѣта боговъ, послѣ глубокаго раздумія о глупостяхъ людей, внезапнымъ восклицаніемъ: «Ба! ба! ба!....»

Ба! ба! ба! ну, ужъ какъ боговъ тѣсные порочать!

Всѣ эти междометія частицы и какъ и прочія слова стиха, буквально, находятся въ подлинникѣ: *po! poi! (ба! ба!) — pi! (пу)*.

dé (ужь) — *ho!* (какъ), и изъ всего ихъ богатаго числа въ переводахъ удерживаютъ только одно *какъ*; прочіе выпускаются, или замѣняются болѣе бонтоными поэтическими словами. Въмѣсто *ба! ба!* ставятъ обыкновенно — *удивительно!* — или *странно!*... «Странно! какъ смертные о насъ богахъ дерзновенно судятъ.» Зачѣмъ вы не хотите говорить просто, какъ говорить вашъ авторъ? Не узнаете, что-ли, восклицанія *ба! ба!* въ звукахъ *ро!ро!* — оттого что Греки, не знавшіе знаковъ препинанія, писали эти два звука въ видѣ одного слова — *роро!*. Между-тѣмъ Латыни это *роро!* передавали всегда двойнымъ восклицаніемъ *ра! рае!* — которое они также писали вмѣстѣ — *рарае*. Но *ра! ра!* донинѣ — восклицаніе южныхъ Италіанцевъ, въ точности соотвѣтствующее французскимъ *bah! bah!* — испанскимъ и арабскимъ *vah! vah!* — подобно тому какъ другое знаменитое этого роду восклицаніе Грековъ — *babai! babai!* (произноси *va, vai! va, vai!*) есть чистое восточное *vai! vai!* — наше *ай! ай!* Я знаю, какое возраженіе сдѣлаютъ тѣ, которыхъ учать или учили, какъ насъ училъ Готфридъ Готлибовичъ. Чтобы недопустить въ Гомерѣ такого неблагоприличнаго восклицанія каково *ба! ба!*, чтобы спасти торжественность поэзіи, достоинство эпопей, они отыскали, что у *Дріоповъ* слово *рараіос*, папá, батюшка, произносилось *ророіос*, и что эти люди будто бы называли иногда боговъ *ророіос*, отцами — собственно, *батюшками*. А богинь-то?... И богинь *Дріопы* называли отцами или *батюшками*?... Да и какая же связь между уѣзднымъ выговоромъ *Дріоповъ*, *ро оіо!*, и общимъ всего народа и всего языка восклицаніемъ *роро!* — произноси *ро! ро!*

Ну, а если бъ и такъ?—все же, выйдетъ, что *Юпитеръ* въ зазданіи боговъ, воскликнулъ—*ккъ* деревенскій староста—

Э! батюшки!... ну, ужь какъ тлѣнные-то боговъ порочать! а не — *удивительно!* — или *странно!* — или какъ нашъ наставникъ совѣтовалъ переводить и какъ многіе переводятъ: *О! боги!*... *о! отцы!* какъ дерзновенно судятъ смертные о насъ! Въдъ тутъ были и богини. *Юпитеру* слѣдовало по-крайней-мѣрѣ начать учтиво съ — *mesdames et messieurs!* — сказавъ: *О богини и боги!*... или *о матери!* *о отцы!* Разбирая подоб-

ныя безмыслицы, право, трудно получить чувство отличнаго уваженія къ проницательности комментаторовъ и критиковъ Гомера. Какъ его читали! какъ понимали! и какъ донныя переводили!... Но воротимся къ ээиру. Мы видѣли семь различныхъ проявленій чистаго ээиру, Юпитера. Семь — число мистическое отъ этого.

Нѣтъ здѣсь ни нужды ни мѣста излагать, по случаю Одиссея, полную теорію многобожія въ томъ подробномъ видѣ, въ какомъ она, при нынѣшнемъ состояніи свѣдѣній о древности, могла бы быть развитою. Знакомымъ съ миеологіей, уже изъ того что доселѣ сказано, открывается достаточный взглядъ на предметъ, и каждый можетъ самъ приложить постигнутое основное начало къ извѣстнымъ ему частностямъ. Мы укажемъ только на тѣ, которые будутъ намъ нужны впоследствии.

Въ ээирѣ, какъ сказано, заключались и темень и свѣтъ, но свѣтъ рождается изъ тьмы.

На этомъ основаніи Темнота (въ символахъ Юнона) — сестра Ээиру-Юпитеру, невидимому, вездѣ-разлитому Солнцу, супруга ему, и мать видимому Солнцу, или блестящему скопленію ээиру въ кругломъ видѣ для освѣщенія вселенной (въ символахъ Аполлону). Въ образахъ невидимаго свѣту и невидимой темноты Юпитеръ и Юнона раздѣляютъ между собою царство вселенной. Но Темнота, самое первобытное свойство ээиру, можетъ быть Темнота черная и Темнота бѣлая. Черная темнота, это—Ночь, особенное божество, какъ видимое проявленіе темнаго ээиру. Бѣлая мерцающая Темнота произошла черезъ сгущеніе незримой Темноты въ кругломъ видѣ и произвела Луну (въ символахъ Діану), по такому же точно порядку, какъ свѣтло-невидимый ээиръ, сгустился шарообразно, произвелъ Солнце. Юнона—луна невидимая, всюду разлитая; темнота еще не проявившаяся, въ подражаніе супругу своему Юпитеру, невидимому солнцу. Ночь—темнота видимая. Ночь и Луна—проявленія Темноты, какъ Солнце и дневной свѣтъ проявленія свойства Свѣтозарности ээиру. Темнота или Юнона въ отвлеченномъ видѣ — плодородіе, въ летучемъ — теплотворъ, въ жидкомъ — молоко, въ твердомъ — серебро,

и такъ далѣе. Растительныя и животныя проявленія этой силы природы извѣстны каждому. Изъ этихъ подробностей понятны всѣ должности, которыя отправляетъ Юнона въ народныхъ легендахъ и въ сказаніяхъ поэтовъ. Въ символахъ, свойство Темноты быть черною и бѣлою, проявляться луннымъ свѣтомъ, молокомъ и серебромъ или ночью и безцвѣтною тенлотою, выражалось черною одеждою статуи, которой и лицо часто расписывали черною краскою, оставляя руки и плечи бѣлыми: въ богатыхъ статуяхъ онѣ бывали изъ слоновой кости. Вотъ начало прозвища Юноны—*Блорукая*. Какъ всякой видить, это—не произвольный поэтический эпитетъ, а религиозный терминъ, связанный съ высочайшимъ догматическимъ ученіемъ, но извѣстный тогда всѣмъ и каждому, общеупотребительный и простой какъ — здравствуйте.

То же самое должно разумѣть и о другихъ такъ-называемыхъ «эпитетахъ» Гомера.

Темнота и матерія смѣшивались въ этой теургической или богодѣльной философіи въ одно понятіе. Эфиръ — матерія неосязаемая или сила, темнота — матерія осязаемая и *протяжимая* — главный эпитетъ матеріи. *Отецъ даетъ силу, мать даетъ матерію*: такова была основная теорема. Въ латинскомъ языкѣ даже и самое слово *materia*, *materies*, пронаведено отъ слова *mater*. Отсюда Юнона, какъ матерія темная, осязательная, была естественною супругою Юпитеру, какъ силѣ или матеріи летучей, и почиталась *матерью* всего. Первое ихъ произведеніе — видимый свѣтъ, Солнце. Сила, матерія и произведеніе, или мужъ, жена и ихъ потомокъ, составляли всегда *тріаду*. Всякіе три бога, которые вслѣдствіе бѣльшей или мѣньшей связи между явленіями природы, въ нихъ выраженными, могли, по соображеніямъ теургическаго умозрѣнія, войти въ такое тройственное сочетаніе, могли также и составить отдѣльную тріаду, необходимую для полученія храма и обрядовъ, гдѣ одинъ изъ трехъ боговъ получалъ главныя почести, а два другіе были только его сохраниками. Длинная гіерархія боговъ раздѣлялась такимъ образомъ на безчисленныя тріады, которыхъ внутренній составъ и чинъ

на небѣ не вездѣ бывали одинаковы, вслѣдствіе разнообразныхъ утонченностей богумудрствующаго умозрѣнія, отъ чего часто и происходятъ сбивчивости въ мифологическихъ легендахъ насчетъ родства разныхъ боговъ между собою, особенно когда сказанія такого рода принадлежать различнымъ мѣстамъ.

Аполлонъ есть проявленное свѣтозарное свойство ээру; невидимое солнце ставшее видимымъ. Видимое солнце и его видимый свѣтъ, становясь, умозрительно, въ свою очередь невидимыми, изображаютъ науку, которой безсвѣтный свѣтъ незримо освѣщаетъ человѣческій разумъ, дѣйствуя черезъ ээръ души. Въ отвлеченномъ или метафизическомъ видѣ, Аполлонъ, какъ Солнце — вѣчно юная краса природы; въ физическомъ, летучемъ — дневной свѣтъ, разливающийся въ воздухѣ, и, въ то же время, звукъ: есть очень основательные поводы думать, что по египетскому толку Гермеса Тревеликаго свѣтъ и звукъ почитались явленіями одного роду, и что опытнымъ доказательствомъ этого физическаго таинства служила Мемнонова Статуя, звучавшая отъ прикосновенія первыхъ лучей восходящаго солнца, или *солнечныхъ стрѣлъ*. Какъ свѣтъ и звукъ вмѣстѣ, Аполлонъ-Солнце-видимое — не только наука, но и поэзія, и музыка. Можно ли, спрашивается, подобныя явленія означать собственными именами? Можно ли допустить, чтобы слово *héli s* въ какомъ-либо случаѣ и для кого бы то ни было перестало значить — *солнце* и сдѣлалось собственнымъ именемъ, непереводимымъ *Géliosomъ*? Еще разъ: всѣ языческіе боги — простыя физическія явленія, и названія ихъ въ высшей степени переводимы — должны быть переводимы — иначе, измѣняется сущность вѣры древнихъ. Поэту съ счастливыми вдохновеніями, съ даромъ творить свѣтлыя слова, я бы даже присовѣтовалъ всѣ древнія мифологическія названія выразить въ переводѣ звуками своего роднаго языка: аллегорическій рассказъ получилъ бы черезъ это для новѣйшаго читателя ту же прозрачность и замысловатость, которую имѣлъ онъ для древняго, когда каждое названіе боговъ представляло смыслъ въ его языкѣ: а мы еще стараемся отнять у нихъ и послѣднюю тѣнь

смыслу, превращая ихъ въ собственные имена, и солнце высокопарно называя Гелиосомъ! Мы—то есть, ученый и услужливый боиискій элленевтъ. Мы, лично, сколько-въ насъ есть *марса* (физической силы, если угодно), никогда не напустимъ себѣ въ голову *такой ужасной юноны* — какъ сказалъ бы нѣкогда язычникъ — такой темноты, какъ говорится нынче, когда между *Марсомъ* и физической силою, между темнотой и Юноной, всякая связь исчезла для мысли.

Солнце *стрѣляетъ* лучами. Это ученіе выражено и въ прозваніи солнца, *aktinobolos*, *Лучестрѣль*, и въ другомъ прозвищѣ Аполлона *hekebolos*, *Дальнострѣль*. Слѣды его сохранились донынѣ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ языкахъ, напримеръ, въ германскомъ *Sonnenstrahl* и въ русскомъ *лучъ*, состоящемъ въ тѣсной этимологической связи съ словомъ *лукъ*, который, въ символахъ, и давали въ руки Аполлону, для выраженія его *лучезарной* силы. Простонародныя легенды объясняли этотъ лукъ разными сказками. Жуки (скарабей), рыжіе быки, соловей, лавръ, красная мѣдь, и прочая, принадлежатъ къ другимъ видамъ проявленій Аполлона какъ Солнца.

Быкъ Аполлоновъ—быкъ не простой, а очень умозрительный. Видимый *золотой свѣтъ*, Солнце, есть также и органическое животное начало, подобно тому какъ видимая бѣлая, *серебряная* темнота, Луна, есть начало растительное. Поэтому Аполлонъ и занимался въ молодости своей скотоводствомъ у царя Адмета, и быки Солнца, о которыхъ говорится въ *Одиссеѣ* — таинство очень важное, которое не должно принимать въ шутку. У русскихъ Славянъ Аполлономъ или животнымъ началомъ, былъ Волось или Велесь, *скотій богъ* по Нестору. Слово это имѣетъ и форму и окончаніе готское, *Wolus*. По скандинавской формѣ оно—*Velig* или *Velg*, извѣстный богъ *Вели*. Замѣтьте, что быкъ въ южной Россіи и во многихъ славянскихъ языкахъ называется *волъ*: тутъ есть игра звуковъ. Каламбуры играли дѣятельную роль въ символикѣ язычества. Извѣстно, какую необыкновенную философическую важность приписываетъ Аристотель *названіямъ вещей*: Аристотель въ этомъ случаѣ явился болѣе язычникомъ чѣмъ философомъ. Луна, торжественное, бѣлое прояв-

ледию меридамой. Темница, которая въ то же время и земная матерія, Луна, Диана — и мѣсяцъ и растительное начало, а тамъ далѣе — и лямбда богиня или богиня дѣсовъ, что не обшлось быть каламбура, такъ какъ Луна въ то же время значить и матерія и лѣсъ. Въ символахъ Дианы встрѣчается другой каламбуръ; ей дана въ эмблемы собака и сама она стала богиней охоты, единственно на томъ основаніи, что Лунаіо значить — лаять. Разумѣется, что у народа, въ языкѣ котораго названіе собачьяго лаю не представляло ни какаго звуковаго сходства съ названіями материн и лѣсу, Диана-Луна не могла быть богиней охоты и имѣть собачи въ числѣ эмблемъ своихъ. Вотъ одинъ изъ главныхъ источниковъ разницы въ наружныхъ изображеніяхъ боговъ и въ народныхъ легендахъ объ нихъ при всей односторонности вѣры.

Кромѣ прозвищъ *Лучестрѣль* и *Дальнострѣль* есть Аполлону еще одно прозвище, *Вышеходъ* или *Высокоходъ*. Это прозвище надо такъ и оставить, не толкуя его словами — *онъ сего ходящій надъ нами богъ*, потому что въ словѣ *Высокоходъ* дѣла идетъ не объ мѣсяцъ, а о тропикахъ, о *высокомъ* зодіакѣ, объ атомъ звѣздистомъ *мостѣ*, перекинутомъ въ небесномъ пространствѣ отъ одного тропика къ другому, по которому Солнце разѣзжало. Мы тотчасъ же приведемъ изъ Гомера доказательство, что высокохождение Солнца относится прямо къ вышности зодіакальнаго пути и къ тропическому поясу, гдѣ Солнце течетъ *выше* нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Тамъ только оно и есть *huregion*, *Высокоходъ* или *Вышеходъ*, тамъ только ходитъ оно въ *вышнихъ*; въ другихъ земляхъ, гдѣ Солнце будто-бы ходитъ *подъ нами*, оно уже путешествуетъ въ *нижнихъ*, по чертѣ, наклоненной къ горизонту. Вотъ что говоритъ Гомеръ. Нептунъ отправился къ Черномазымъ (къ Эіопамъ), къ Неграмъ, *атавдаты* приносящаго ими стожерствія изъ быковъ и барановъ —

Къ Черномазымъ что на-двое живутъ — *крайніе* изъ всѣхъ людей они —

Тѣ — подъ закатнымъ *Вышеходамъ*, а другіе подъ *восточнымъ*.

То есть, тѣ — подъ западнымъ тропикомъ зодіакальна-

го пути, проходящаго у насъ съ вѣнцами, надъ нѣхъ Головаши, а другіе надъ восточными, и потому они крайніе, какъ занимающіе два боковыя края Земли. Вы видите, что въ этомъ одномъ предвѣщѣ заключается цѣлая теорія небесной сферы. Вотъ чему древніе и удивлялись въ божественномъ Гомерѣ: въ простонародномъ, грубомъ разсказѣ гуслира они неожиданно встрѣчали всю ту мудрость, которую можно было узнать только въ Таинствахъ! Неосторожныя прибавленія словъ *надъ нами*, вся эта мудрость, все это удивленіе, вдругъ уничтожаются. Скажите, какъ не удивляться! Простой іонійскій ищій знаетъ болѣе философовъ ученаго времени: онъ знаетъ о Неграхъ западнаго тропика, о жителяхъ устьевъ Конго, о Нигерѣ. Давно ли мы сами узнали объ этомъ?... Но-этому-то и думали, что Гомеръ бывалъ въ Египтѣ и тамъ выучился всей этой высокой мудрости, которая у него проглядываетъ иногда, даже въ самыхъ незначительныхъ выраженіяхъ. Хорошій буквальный переводъ Гомера — дѣло нелегкое. Ученому боннскому эллинисту, который изъ *Солнца Вышехода* дѣлаетъ *Гелиоса высоко надъ нами (!) ходящаго бога*, едва-ли оно было по силамъ.

Разумъ считался за первое свойство ээира; мудрость — за первое свойство разума. Это—Паллада или Минерва, выскочившая изъ лба Ээира—Юпитера и это—первый отвлеченный видъ ея. Въ летучемъ видѣ—она воздухъ, въ жидкомъ — кровь, въ твердомъ желтая мѣдь, латунь, или бронза, въ животномъ — сова, одаренная, подобно мудрости, свойствомъ видѣть въ темнотѣ, и такъ далѣе. Какъ латунь была металломъ воинскихъ оружій, а мудрость въ жидкомъ видѣ есть кровь, то изъ соединенія мудрости въ жидкомъ и въ твердомъ (латунномъ) видахъ явственно происходитъ *кровопролитіе*, умозрительный каламбуръ, выражаемый въ символахъ воинскими доспѣхами Минервы, въ честь которыхъ она и провозглашена въ миеологіи, въ легендахъ, богиней войны. Каламбуровъ въ языческой религіозной философіи—множество, *Апелломова стрѣльба* явственно происходитъ изъ такой игры звуковъ. Цѣломудріе Мудрости, или Минервы, которая и осталась старой дѣвою, основано также на каламбурѣ. Тре-

тій и самый замѣчательный казанбуръ надалъ поводъ къ избранію совы въ одинъ изъ образовъ проявленія Паллады: какъ воздухъ, она — небесная синева, и навѣрное русское слово *Синева* есть древнее языческое прозвище сѣверной Паллады. *Синева*, *Синяя-дѣва* *пролетѣла* или *показалась изъ-за тучъ* — выраженія удивительно гомерическія, и соотвѣствуютъ вполне выраженіямъ: *пролетѣла*, или явилась *сине-видная Минерва*, *glaukoris Athênê*. Но *glaukoris* въ греческомъ языкѣ можетъ значить вмѣстѣ и *сине-видная* и *сово-видная*, смотря по корню, къ которому вы отнесете это слово, такъ какъ *glaukos* значитъ *синій*, а *glauх*, въ родительномъ *glaukos*, *сова*. Прекраснымъ изслѣдованіемъ различныхъ окончаній *ors* и *oris* французскій академикъ Гель (*Gail*) доказалъ неоспоримо, что окончаніе это относилось въ греческомъ языкѣ не только къ *зрѣнію*, но и къ *лицу* и вообще къ наружному виду, и что слово *glaukoris* можетъ быть переводимо совершенно съ равною степенью правильности и *сине-глазая*, или *голубоглазая*, и *синелица*, и *сине-видная* и, наконецъ, *сово-видная*. Минерва, въ животномъ своемъ проявленіи, принимаетъ *видъ совы*, явственно для того, что *сово-видный* и *сине-видный* — одно и то же слово въ греческомъ языкѣ, *glaukoris*, а Минерва и рождена *сине-видною*, потому-что она прежде всего — *синева*, воздухъ. Оттого статуи Минервы нерѣдко цѣликомъ окрашивали синимъ цвѣтомъ, именно небесно-синимъ; въ другихъ, одно лицо богини расписывали этою краскою; о цвѣтѣ же глазъ ея положительно ничего не извѣстно. Въ статуяхъ не-расписныхъ, остроумному скульптору стоило только посадить сову на голову бѣлой мраморной Минервѣ; остроумный аѳинскій зритель, при *видѣ совы*, тотчасъ вскрикивалъ: «Да это *Glaukoris!*... наша родная *Сине-видная!*... святая и чистая *Синева!*...воздухъ-божество!...» Послѣ этого, не знаю можно ли признать совершенно удачнымъ эпитетъ, принятый славнымъ русскимъ поэтомъ для этой богини — *свѣтлоокая* Минерва или Паллада. Вся языческая вѣра ниспровергнута этимъ словомъ. Безъ сняго цвѣту, безъ *Синевы* въ Минервѣ, нѣтъ Гомера. Новое и послѣднее доказательство, что эпитеты боговъ у него не поэзія, а философія, не вымыселъ, а

религіозные термины, и что нельзя переводить ихъ произвольно или только приблизительно.

Можно сдѣлать одно сближеніе?... *Aithy-ops*, *черно-сидный* (αἰθήρ), мы говоримъ *черно-мазый*. Такъ *Glauk-ops*, *сине-сидный*, слѣдовало бы ужъ по-русски сказать — *сине-мазый*!.... Скорѣе синемавая Минерва — а не свѣтлоокая. Ее такъ и *мазали* синькою. Это — не поэтически, но — правда. Я уничтожаю всю поэзію?... Нѣтъ, я васъ переношу во времена язычества, въ вѣкъ Гомера. Тогдашніе люди были люди простые. Зачѣмъ дѣлать изъ нихъ романтическихъ обожателей *юлубыхъ очей*? Вы видите, что въ словѣ *Aithy-ops* (*aithy*, *черный*, *ops* *видъ*), которое стоитъ рядомъ, Гомеръ думаетъ не о *черныхъ очахъ* Негровъ, а объ ихъ всей черной наружности. Какъ же послѣ этого въ словѣ *glauk-ops* (*glauk*, *синій*, *ops*, *видъ*) можетъ онъ говорить о *юлубыхъ очахъ* богини, а не о всей ея синей наружности? Разсудите сами!

Что Мудрости—Синевѣ—Минервѣ очень по вкусу приходилась каламбуры, мы имѣемъ примѣръ этого въ забавномъ каламбурѣ, который отпускаетъ она въ началѣ Одиссеи отцу боговъ, Юпитеру *Кроничу*. Извѣстно, что во всей древней восточной Европѣ, отъ Пелопонеза до Скандинавіи, господствовало обыкновеніе чествовать знакомыхъ по имени и отчеству; почтенное, историческое обыкновеніе, которое нынче одни мы, Русскіе, сохранили! Въ Иліадѣ, Улиссъ, давая наставленіе дозору, который отправляютъ для обозрѣнія греческаго лагеря, положительно приказываетъ имъ быть со всякимъ учтивыми, ласкательными, всякаго называть по имени и отчеству. У Грековъ были два окончанія для отчества, одно — *идъ*, которое въ точности соотвѣтствуетъ нашему *ичъ* или *вичъ*, другое — *іонъ*, совершенно малороссійское *енко*; оба, какъ и наши *вичи* и *енки* были формами уменьшительными, ласкательными, и, когда говорилось *Кронидъ*, *Кроничъ*, или *Кроніонъ*, *Кроненко*, равно означали — *Кроненокъ*, маленькій *Крончикъ*. Такъ же какъ въ нашемъ просторѣчьи, имя часто пропускалось, и говорилось коротко: *Атридъ* — *Атричъ*, вмѣсто полнаго: *Агамемнонъ Атридъ* —

Алмазъ *Амричъ*; Кроничъ, вѣсто *Эвель Кроничъ*. Неужели, въ русскомъ переводѣ Гомера, мы, имѣя се время его точно такіа же формы для отчества, напичаемъ *Амрида*, *Кронидъ*, слова чуждыя, слова для насъ такіа же странныя какъ *мосе Жюпитеръ* или что-нибудь подобное, единственно потому-что у Нѣмцевъ такихъ формъ нѣтъ, и что они не умѣютъ перевести ихъ?... Ахъ, эта ужъ было бы болѣе чѣмъ уничтожить весь характеръ *Одиссеи*!... Рѣчь *Мудрости*, *Минервы*, хорошо понятая и вѣрно, чисто переведенная на по-длинный русскій языкъ, эта рѣчь — прелесть прелестей! Какъ эта *Мудрость* — душой *Гречанка*! какъ она ласлива, ласкательна, хитра, когда ей нужно что-нибудь выпросить!... Ей хочется, чтобы *Юпитеръ* помиловалъ ея хитраго любимца, *Улисса*, или *Одиссея*; чтобы онъ не преслѣдовалъ его болѣе; и она подходитъ къ могучему *Энру*-невидимому солнцу съ своей коварной греческой улыбкой, смягчаетъ голосъ, начинаетъ подобострастно — *Отець нашъ, Кроничъ!*... *высокодержавнѣйшій!*... потакаетъ ему, отзывается съ уваженіемъ о знатности ненавистой себѣ нимфы *Калипсо*, потому только, что она — *юпитеродная*, праправнучка *Кроничу*, ласкается, чувствуетъ его *Олимпійскимъ*, что значить не *Олимпіецъ*, не житель *Олимпа*, гдѣ живутъ всѣ *Боги*, а высокопочитаемый въ язычествѣ *Юпитеръ Олимпійскій*, *Юпитеръ* имѣвшій въ городѣ *Олимпіи* храмъ и знаменитую статую, которой приписывали великія чудеса, говорить то — *Кроничъ!* — то *Кроненко!* — напоминаетъ о набожности къ нему *Одиссея*; наконецъ, чтобы разсмѣшить, и этимъ окончательно убаюкать, угрюмага небеснаго старосту, сочиняетъ для него забавный каламбуръ, котораго и передать нельзя, если мы имени *Одиссея* не замѣнимъ *Сбѣгивомъ* или *Сбѣгивомъ*:

.....Ну, неужто у тебя такъ и
 Не поворачивается вутро дорогов, *Олимпійскій!* Ну, не-
 ужно *Сбѣгивомъ*
 Тебя не потѣшилъ передъ лядями *Бѣлогречинцовъ*, сятливо
 (*жертвы*) чина
 Во Троѣ во широкой (*равнины*)?.. Ну, что ты на него такъ
 разсбѣгививился, *Кроненко!*...

Послѣднее слово прибавилъ отъ себя Жуковскій, но — превосходно; совершенно — въ духѣ подлинника, хотя въ текстѣ находится только официальный титулъ, *Зевсъ*, потому что размѣръ стиха не позволилъ Гомеру употребить формы подлиннѣе и понѣжнѣе. *Odyssevs—odysiad.—Сбѣгнѣвъ—разсбѣгнѣвился.* Каламбуръ на-славу! Онъ исчезаетъ во всѣхъ переводахъ. Но не понятно, какъ переводчики, утверждавшіе будто они знаютъ по-гречески, по этому уже одному не примѣтили, что характеръ поэмы — существенно шуточный, а не торжественный!...

Но пора приступить къ подстрочному переводу, который мы обѣщали. Имѣвшіе терпѣніе прочесть до-сихъ-поръ эти замѣчанія о философіи языческой вѣры, о разумѣ мнѣологическаго языка, о различныхъ образахъ воззрѣнія на родъ и тонъ Гомеровою поэзіи, на употребительнѣйшіе способы переводить ее, вѣроятно не станутъ сомнѣваться въ томъ, что въ буквальности нашей буква Гомера получить должно ей уваженіе, приличную внимательность, строгое соблюденіе порядку, тону и экспрессіи, и не претерпитъ произвольнаго толкованія. Если между этимъ переводомъ и стихомъ великаго русскаго поэта окажутся нѣкоторыя несходства, всѣ они будутъ, мы надѣемся, доказательствами его необыкновеннаго таланта, потому-что несходство въ смыслѣ и, главное, въ тонѣ — не его вина — онъ приведенъ былъ въ заблужденіе боннскою академическою манерою — а поэтическая красота такихъ уклоненій, прелесть изящнаго русскаго ихъ выраженія, принадлежатъ ему одному.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
*Про мужа поразскажи мнѣ, муза, преувертливаго, который очень
много*

Странствуя долго со дня, какъ святой Иліидъ имъ разрушенъ,
Скиталецъ, послѣ того какъ Трои святой городишко разрушилъ.

Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Многихъ-то онъ людей видѣлъ города, и разумъ узналъ!

Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасенія заботясь
Да и многія-то въ пучинѣ терпѣлъ скорби на своемъ на ретиномъ,

Жизни своей и возвратъ въ отчизну спутниковъ; тщетные
Отстаивая и свою душу и возвратъ товарищей *!

Были однако заботы, не спасъ онъ спутниковъ: сами
А все-таки товарищей не спасъ, какъ ни старался!

Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Сами вѣдь отъ собственныхъ сумасбродствъ погибли,

Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога —
Дураки! Они погли быковъ Вышнехода-Солнца

День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
А онъ, опять, у нихъ отнялъ возвратное днище!

Чтѣ-нибудь, о, Зевсоева, дочь благосклонная Муза.
Объ этомъ-то немножко, богиня Зевсова, расскажи и намъ.

Всѣ ужъ другіе, погибли вѣрной избѣгшіе, были
Ну, вотъ ужъ всѣ другіе, которые ушли отъ знатной гибели,
Дома, избѣгавуъ в брани в моря; его лишь разлукой
Дома были, избѣгнувъ войны, да и моря,

Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
А его-то, знай, нуждавашигося и въ возвратъ и въ женъ,

Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Нимфа честная Калипсо задерживала, зевсородная межъ богинями.

Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
Въ пещерахъ рязноглазеныхъ, настаивая — быть ей мужемъ,

Но когда наконецъ обращеніемъ временъ приведенъ былъ
Но когда пришло льто, межъ текучими годами,

Годъ, въ который ему возвратится назначилъ боги
Въ которое разрѣшили ему боги домой плыть,

Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ дру-
зей онъ

Въ Итаку, хоть и тамъ не избѣгнуть-то ему раздоровъ,
Все не избѣгъ отъ тревогъ), преисполнились жалостью боги
Даже съ друзьями своими: боги-то помиловали всѣ,

Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Кромъ Нептуна; этотъ безостановочно бьновался

Богopodobнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

Противъ равнобожнаго Одиссея, пока онъ домой не пріѣхалъ.

Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ Еоіоновъ
Да этотъ, почитай, къ Черномазымъ отправился-было дальнокжи-
ламъ.

* По-русски слѣдовало бы сказать: *Отстаивая и свою душеньку....* но мы не хотимъ ставить уменьшительныхъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ подлинникѣ. Далѣе встрѣчается — *возвратное днище*; настоящее русское выраженіе былъ бы — *возвратный денекъ*; но пусть останется все по-гомерову.

(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни гдѣ нисходятъ (Черномазымъ, что надвое живутъ — крайніе изъ всѣхъ людей они — Богъ свѣтовосный, другіе гдѣ всходятъ), чтобъ тамъ отъ народа Ты — почитай, подъ заходящимъ Вишнеходомъ, а другіе — подъ восходящимъ)

Пышную тучныхъ быковъ и барановъ прнвнать экатомбу.
Отпѣдать стожуртвіа изъ быковъ и барановъ;

Тамъ онъ, сндая на пнру, веселнлся; другіе-же богн
Тамъ-то онъ тѣшилсн, присутствуя при пнру; другіе же богн

Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.
Въ Зевса во хоромахъ Олимпійскаго собрались-было

Съ ннми людей и бессмертныхъ отецъ начинаеть бесѣду;
Къ ннмъ-то сказку началъ отецъ боговъ и людей,

Въ мысляхъ его былъ Эгнсть безпорочный (его же Атридовъ
Думалъ же въ ретивомъ объ Эгнстѣ безстрашномъ, котораго, молъ,

Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ); и о немъ помышляя,
Агамемнонычъ дальнославный убилъ, Орестъ **.

Слово къ собранію боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:
Объ немъ-то призадумавшнсь, слово промолвилъ къ бессмертнымъ:

«Странно, какъ смертныя люди за все насъ боговъ обвиняють!
«Ба! ба, ба!.... ну, ужъ какъ тѣльные боговъ порочать!

Зло отъ насъ, утверждаютъ они; но не самн ли часто
Отъ насъ, дескать, все зло есть; а самн то вѣдь

Гнбель, судьбѣ вопреку, на себя навлекають безумствомъ?
Собственными сумасбродствами сверхъ суженаго горе себя на-
живають *.

Такъ и Эгнсть: не судьбѣ ль вопреку онъ супругу Атрида
Вотъ какъ и нынче: Эгнстъ; сверхъ суженаго на Атрича

Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?
Помолвной супругъ женился, да и его самого убилъ, домой воз-
вращавшагосн,

Гнбель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ былъ къ нему остроокій
Вѣдая о знатной погнбелн — потому что сказали ему мы самн,

* Греческія частицы мен и га выражаютъ въ точности наше погнтой и молъ. Мен есть мнн, погнтой, думай, знай, родъ повелительнаго отъ тпаогаі, думаю, сгнтаю, а га — молъ, такой же родъ сокращенаго повелительнаго отъ старнннаго геб, моливлю. Частица гаг есть составъ нъд ге, же, и того же га или ага.

** Въ подлинникѣ — горе нмѣнть или горе держнть, но оба эти выраженія нейдутъ по-русски.

Эрмий, губитель Аргуса, ниспосланъ, чтобъ овъ на убійство Меркурія пославши мѣткоцѣла, аргусоубица, *

* Легенду объ Аргусѣ и Меркуріи очень трудно разобрать. Вѣрно это — пушенный въ народъ изъ Таинствъ изъ мнѣ алхимическаго мистицизма, и оттого овъ такъ теменъ. Или можетъ быть это — символическое истолкованіе теорій цвѣтовъ, какъ понимали ее хранители сокровенной мудрости. Какъ и въ другихъ языческихъ символахъ, многое здѣсь должно рѣшаться каламбурами. Юни-теръ (звѣрь въ твердомъ видѣ, золото) влюбленъ въ нимфу Іо (іос — мѣдную зелень). Юнона (невидимая тень въ твердомъ видѣ, серебро) приставляютъ къ ней стоглазаго сторожа, Аргоса (argos — бѣ:осеребряный цвѣтъ, серебристость, или бѣлая свинцовая соль, бѣлимъ), который никогда не спитъ. Юпитеръ (золото) посылаетъ противъ него Меркурія (ртуть), которая обладаетъ даромъ открывать всѣ металлы въ земляхъ: отчего Меркурій — богъ сокровищъ, а во провидищамъ своимъ или эпитетамъ — *золотодѣль*, но не «податель благъ», какъ названъ овъ гдѣ-то въ русскомъ переводѣ; даже просто — *золотой Меркурій*; *быстрологий посланецъ*, золота — Юпитера; *шпіонъ золота*, *соглядатай*, *тонкозоръ*, *мѣткоцѣла*, и такъ далѣе. Меркурій также, въ другомъ разрядѣ теургическихъ соображеній — горизонтъ, горизонтальный кругъ небесной сѣры, разделяющій его на двѣ полу-сѣры — верхнюю, или царство свѣтлаго эонру, Юпитера и нижнюю, царство темнаго эонру, темноты, Юноны, а въ плотномъ видѣ, брата ихъ Плутона, или земной толщн, самой темной и густой матеріи: отсюда Меркурій — переводчикъ душъ изъ царства свѣту въ царство тьмы. Но, въ этомъ символѣ своемъ, коренномъ и главномъ, Меркурій выйдетъ сюда: овъ тутъ — агентъ какого-то алхимическаго производства, дѣйствуетъ безъ сомнѣнія въ металлическомъ видѣ, а не въ отвлеченномъ и математическомъ. Овъ убиваетъ, эту свинцовую соль... или эту серебристость... что именно и какъ, одни алхимики могутъ объяснить удовлетворительно. Если это — символическое изложеніе какого-то оптическаго явления или теорій цвѣтовъ, то желтый цвѣтъ (Юпитеръ — золото) влюбленъ въ фіолетовый цвѣтъ (Юнона, отъ іо, юн, фіолетка), а черный цвѣтъ (Юнона, темнота, серебро), который видѣтъ и бѣлимъ, потому что бѣлимъ и черный — двѣ крайности цвѣтовъ и оба граничатъ съ темнотою, даже и въ Ньютоновой теоріи свѣту, черный цвѣтъ ревууетъ къ фіолетову и наряжаетъ бѣлымъ цвѣтъ (argos) сторожить его; но желтый цвѣтъ посылаетъ красный цвѣтъ (Меркурія, ртуть, которой окисъ даетъ кивоваръ), и этотъ красный цвѣтъ убиваетъ бѣлымъ. Все это очень темно — но аллегорія легко можетъ относиться къ какому-нибудь оптическому фокусу, который помощью цвѣтовыхъ стеколъ показывали въ Таинствахъ посвящаемымъ въ совершенство мудрость. Цвѣтные стекла извѣстны были глубочайшей древности: искусство ея въ этомъ надѣліи, особенно искусство египетское, превосходило даже наше нынѣшнее, а фокусники древніе были отличные, и естественная на-

Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.
Ни его не убивать, ни на сожигательницѣ не свататься,
 Местъ за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Затѣмъ что отъ Атрейча мицкнѣ будетъ, отъ Ореста,
 Въ домъ свой вступитъ, возмужавъ, какъ наследникъ, захочеть.

Такъ было

Какъ-скоро вырастетъ и наследдія своего потребуеть.

Сказаво Эрміемъ—тщетно! не тронулъ Эгистова сердца
Такъ и сказалъ Меркурій; да ушковоъ сердца Эгистова

Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ.
Не склонилъ, добро толкуя: теперь же разомъ за все и заплатился!

Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳиней Паллада
Его же смѣнила затѣмъ богиня Синева-Минерва:

Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроціонъ, верховный владыка
Отецъ нашъ, Кроновичъ!... высоковладевательнѣйшій!...

Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ
И весьма по дѣломъ этотъ то палъ погибелью!

Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце
Такъ да погибнетъ и всякой, кто такоео учинитъ!

Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно онъ
Но у меня объ Одиссея боемысль кручинится кутро,

Страждетъ, въ разлукѣ съ своимъ, на островѣ вѣлнообъятомъ
О несчастномъ, что далеко отъ любезныхъ бды терпитъ

Путь широкаго моря, глѣсветомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
*На островѣ на обливномъ, эдѣ-то у самаго кута моря — Островъ
 деревистъ; богиня же въ домахъ живетъ —*

Дочь кезнодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
Дочь Атласа всезнахаря, который моря всего

гія достигла въ Египтъ и Греціи рѣдкаго совершенства. Теорія свѣту, цвѣтовъ, звуку, была, равно какъ и алхимія, достояніемъ Танхиствъ. Даже древніе трактаты о музыкальномъ звукѣ вообще наполнены эпизодами неразгаданнаго мистицизма, который явственно показываетъ происхожденіе этихъ теорій изъ святилищъ всего завитнаго.

• *Сказать сердцу въ ушки — склпать на ушко сердцу* — прелестныя выраженія, и теперь еще употребительныя въ восточныхъ просторѣчіяхъ и стихотвореніяхъ. Слѣдовало, для большей ясности мысли, сказать — *да ргьсю своей въ ушки Эгистова сердца не поналъ* — онъ — нашъ итѣоцѣл — который Аргуса съумѣлъ убить! Шутка надъ Маркуріемъ. Юинтеръ тринуть себя. Это исчезло во всѣхъ переводахъ. Не догадались, зачѣмъ Аргус выводитъ на сцену, зачѣмъ говорится о дарѣ Меркурія вѣрно прицѣлываться, потому что не поняли фразы, относящейся къ *ушкамъ сердца*, гревас, которой смыслъ надо было знать изъ другихъ источяковъ.

Всѣ глубины, и который одинъ подпираетъ громаду
Бездны знаетъ и держитъ самъ-то столпы

Дивноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Длинные, что и море-то и землю кругомъ держатъ.

Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющаго слезы,
Его-то дочь беднѣжскъ рыдающему задержску дѣлаетъ;

Держитъ, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ Итагъ
Все мягкими да сладкими рѣчами

Память надѣся въ вемъ истребить. Но, напрасно желая
Прельщаетъ, какъ бы Итаку забылъ. Опять же Одиссею, который

Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалькѣ выходящій,
Желаетъ хоть дымъ своей земли вструившійся завидѣть,

Смерти единой овъ молить. Уже ль не войдетъ состраданье
Смерть хочется (туда). Ну, неужто у тебя такъ и

Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно дарамъ
Не поворачивается нутро дорогое, Олимпійскій? Ну, неужто
Одиссей (Себъгнѣвъ)

Чтилъ овъ въ Троянской землѣ, среди кораблей тамъ Ахейскихъ
Тебя не потышилъ передъ ладьями Бьлогречиновъ, свящину
(жертвы) чиня,

Жертвы тебѣ совершая? За чтò жъ ты разгнѣванъ, Кроніонъ?
Во Трою во широкой? Ну, что ты на него такъ разсебъгнѣвалъ-
ся, Кроненко *?»

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Ее смѣняя, промолвилъ Тучезалъ Юпитерь:

Стравное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
«Дитя мое! что это у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубов!».

Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,
Какъ же мнѣ, опять, Себъгнѣва божсѣяго забыть?

Столь отличеннаго въ сонѣ людей и умомъ и усерднымъ
Который и тлѣнныхъ, знай, разумомъ пересчитрилъ, и столько
свящину (жертвъ) богамъ

Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ?
Безсмертнымъ передалъ — что небо широкое держатъ?...

Мы здѣсь остановимся, на первый случай. Но мы будемъ
продолжать нашъ подстрочный переводъ, избравъ любопыт-
нѣйшія страницы изъ разныхъ мѣстъ поэмы. Увлечъ убѣж-

* Въ подлинникѣ, просто *Зевсъ*. Мы поставили *Кроненко* только потому
что русскій поэтъ поставилъ *Кроніонъ*, греческое уменьшительное тамъ,
гдѣ, по первому праву русскаго перевода, слѣдовало бы русское.

денія, укоренившіяся въ привычкѣ думать по давно сказанному или въ предвзятыхъ идеяхъ мы не надѣемся, да и не видимъ нужды. Но для тѣхъ, которые любятъ сближаться съ истиною безъ гордости и готовы разсматривать съ нею предметъ съ спокойнымъ любопытствомъ, для тѣхъ, смѣемъ думать, не останутся бесполезными, и замѣчанія здѣсь изложенныя, и переводъ, такой какъ мы понимаемъ, при всемъ его несходствѣ съ тѣмъ какъ понимали другіе. Знаменитый русскій поэтъ самъ навѣрное не пренебрежетъ его совершенно, какъ матеріальною данною, которую можетъ онъ употребить для усовершенствованія разныхъ мѣстъ своего прекраснаго труда. Напримѣръ, какъ жаль, что вся замысловатость безсмертной восточной притчи, вся соль и бойкость отвѣту, исчезли, по милости боннскихъ *штанциунктовъ*, въ четырехъ послѣднихъ стихахъ, особенно въ стихѣ, который буквально гласитъ —

Дитя мое! что у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубъ —

и который можно было бы почти такъ же буквально перевести —

Дитя мое! что за рѣчь вырвалась у тебя изъ-за частокола зубовъ? —

потому-что употребленное въ подлинникѣ слово *hegkos* значить и *острогъ*, и *укрѣпленіе*, и *частоколъ*, изъ котораго старинныя укрѣпленія и остроги состояли преимущественно. Стихъ этотъ — прелесть, если понять весь смыслъ его. А для этого нужно только знать или вспомнить древнюю какъ свѣтъ притчу, повторяемую доселѣ во всей Азіи и Греціи, приписываемую то Локману, то Эзопу, и въ которой содержится капитальное правило восточнаго благоразумія. По этой притчѣ, языкъ — первый врагъ человѣка, опаснѣйшій злодѣй его, и потому Богъ милосердый засадилъ его въ тюрму — въ острогъ, рта — который и обвелъ крѣпкимъ частоколомъ изъ кости, острыми зубами, для того чтобы всѣ глупыя рѣчи языка содержались тамъ узниками и не перелѣзали

черезъ этотъ спасительный заборъ. Притча эта воспроизведена въ гомеровомъ стихѣ съ неподражаемою тонкостью и ловкостью. *Узникъ изъ-за частокола удралъ* — а узники по притчѣ—глупыя рѣчи! Слѣдовательно Кроничъ, деликатно, сказалъ льстивой плутовкѣ Мудрости: «что это за глупость «вырвалась у тебя, матушка!... а мудростью слывешь!... и «изъ моей еще головы на свѣтъ вылѣзла!...» Всѣ боги и богини должны были улыбнуться, при этомъ щелчкѣ Минервы, а слушатели гусляра Гомера навѣрное забрасывали его булками и мѣдными грошами, когда онъ читалъ имъ это — на распѣвъ — выбивая тактъ на лютнѣ — какъ читались гекзаметры. Стихъ русской Одиссеи —

Странное, дочь мой, слово изъ устъ у тебя излетѣло —
бесспорно прекрасенъ, звученъ, изященъ, но я, лично, предпочитаю, и вѣроятно многіе любители замысловатости древнихъ притчъ предпочтутъ вмѣстѣ со мною, стихъ первобытной Одиссеи —

«Дитя мое! что это у тебя за рѣчь удрала изъ острога
зубовъ?»

Кромѣ окончанія рѣчи о переводѣ и переводимости такой поэзіи, намъ еще предстоитъ чрезвычайно занимательное разсужденіе о древнемъ гекзаметрѣ, его строеніи, его эффектахъ. Предметъ этотъ вполне достоинъ просвѣщенной любознательности, потому что онъ связывается съ физическими законами звуку, съ прекраснѣйшими открытіями древности по этой части. Объ немъ также — въ будущей статьѣ. Онъ слишкомъ обширенъ для вниманія, уже утомленнаго скучными подробностями, въ которыя вовлекли насъ мнѣологическія и поэтическія древности, требующія всегда длинныхъ развитій для приличнаго уразумѣнія.

=

Мнѣ совѣстно. Въ предъидущемъ разсужденіи о Гомерѣ, о характерѣ поэмъ, извѣстныхъ подъ его именемъ, о способахъ перелагать ихъ на новѣйшіе языки, о древней поэзіи, о религіи древнихъ язычниковъ, я можетъ-быть сказалъ, между-прочимъ, кое-что такое, чего еще не говорили другіе—собственно: чего другіе еще не успѣли сказать. Я очень сожалѣю. Другіе сказали бы со-временемъ лучше и обстоятельнѣе. Но этому преступленію — какъ оно ни велико — есть нѣкоторыя извинительныя обстоятельства.

Было время — еще весьма недавнее — когда европейская эрудиція, когда вся наша великая ученость, черезъ которую мы прослыли между собою «просвѣщенными народами» и овладѣли правомъ презирать три остальные части свѣта какъ погруженные въ мракъ невѣжества, состояла исключительно въ знаніи, уразумѣніи, сводкѣ и истолкованіи того, что сказали Греки и Римляне — главное, Греки, учителя Римлянъ, нашихъ учителей. Всѣ наши знаменитыя идеи, всѣ мудрые выводы или глубокомысленныя догадки, вся домашняя слава наша по высокому разуму и образованію, происходила изъ этого источника. Кругъ ученыхъ соображеній не простирался шире и далѣе, и въ его-то завѣтной чертѣ создались, выросли и укрѣпились всѣ нынѣшнія понятія Европы объ этихъ предметахъ.

Пока мы читали однихъ только Грековъ и ихъ учениковъ, пока изъ ихъ случайныхъ разсказовъ, изъ ихъ всегда неполныхъ

и одностороннихъ показаній, отрывистыхъ словъ, неясныхъ намековъ, извлекали всѣ наши свѣдѣнія о древности, понятія эти были очень естественны. Мы могли ошибаться, но ошибались на законномъ основаніи: далѣ Грековъ ничего не было видно въ туманѣ давно былаго времени. На всѣ наши вопросы откликивались одни только ихъ голоса.

Это было еще такъ недавно, что между той эпохою и нами едва успѣли пролетѣть двѣ холеры.

Но съ-тѣхъ-поръ обстоятельства чрезвычайно измѣнились. Последнее двадцати-лѣтіе нанесло чувствительный ударъ старинной учености. Пришлось всему переучиваться, переправлять почти всѣ свои свѣдѣнія, перестанавливать понятія по другому порядку, бросить прежнія точки зрѣнія и вновь учиться смотрѣть, съ другихъ сторонъ и другими глазами. Многимъ, конечно, еще не хочется; да не отъ нихъ зависить остановить ходъ дѣла; не они, такъ другіе за нихъ, увидятъ что стало ясно вопреки общепринятымъ ученіямъ. Старая эрудиція оказалась ложною ученостью, какъ-скоро новый духъ историческихъ изслѣдованій, отрекаясь отъ исключительности классическихъ авторитетовъ, съ жаромъ принялся повсемѣстно за раскрытіе памятниковъ и преданій всѣхъ странъ, всѣхъ языковъ, всѣхъ племенъ земли. Цѣлые міры, зарытые, забытые, неподозрѣваемые, вышли вдругъ наружу. Масса новыхъ свѣдѣній, новыхъ фактовъ, новыхъ данныхъ, новыхъ способовъ повѣрки и сравненія понятій, добытая въ эти двадцать лѣтъ общимъ усиліемъ изслѣдователей разныхъ европейскихъ народовъ, неизмѣрна. Если взять ее въ цѣломъ объемѣ, на всѣхъ языкахъ и по всѣмъ отраслямъ, то своей огромностью и своимъ разнообразіемъ она въ состояніи изумить воображеніе даже тѣхъ, которые, имѣвъ случай, возможность, или терпѣніе слѣдовать за постепеннымъ ея накопленіемъ и сами, доселѣ безъ большого труда, записывали въ памяти эти открытія по мѣрѣ ихъ полученія. А въ цѣломъ объемѣ и брать ихъ надо, непременно, когда дѣло идетъ объ употребленіи, полезномъ для исторической истины: взятыя отрывочно, съ одной, двухъ или болѣе отдѣльныхъ отраслей, какъ донныя брали ихъ обыкновенно,

они только воллекаютъ неосторожныя воображенія въ ложные выводы и скорѣе опасны чѣмъ полезны для исторіи. Благодаря прекрасному усердію новѣйшаго изслѣдовательнаго трудолюбія, пекущемуся о сближеніи, обмѣнѣ и доступности плодовъ ученыхъ предпріятій, средства къ соображенію ихъ въ нѣломъ удивительно облегчены или ежедневно облегчаются болѣе и болѣе.

Разумѣется, что нынче, когда мы также свободно, какъ « Парижскія Тайны » или чудныя дѣянія Монтескристо, рядомъ съ тайнами Грековъ и Римлянъ читаемъ тайны древнѣйшихъ Египтянъ и Китайцевъ, Скандинавовъ и Индѣйцевъ, Германцевъ и Монголовъ, Славянъ и Этрусковъ, Аравитянъ и Финновъ, Персовъ и Фиикійцевъ, Турковъ и Англосаксовъ, тайны буддистовъ, езидовъ, друзовъ, кружащихся дервишей, тайны Вей, Экватааны, Нинивіи, Вавилона, Мемфиса — когда читаемъ все это вмѣстѣ, вдругъ, въ подлинныхъ памятникахъ, ваянныхъ и писанныхъ — и можемъ все сравнивать, провѣрить, сообразить одно съ другимъ — разумѣется, что мы должны понимать вѣру древнихъ язычниковъ нѣсколько иначе, нежели какъ понимали ее, читая однихъ только Грековъ и Римлянъ. Это совершенно простительно.

Сами Римляне и Греки, которыхъ намъ удалось застать въ расплохъ подъ землею, въ ихъ городахъ, гостиныхъ, спальняхъ, храмахъ, могилахъ, сказали намъ о себѣ, въ эти двадцать лѣтъ, утронвшія число извѣстныхъ памятниковъ, гораздо болѣе любопытнаго и достовѣрнаго, нежели сколько сказано было въ ихъ изорванныхъ книгахъ. Слѣдовательно, есть возможность нынче предложить о древности кое-что не старое, не избитое, не затасканное гелертерскими *бейтрагами*. Въ этомъ нѣтъ ни какого преступленія — даже ничего удивительнаго: столько предстоитъ сказать объ древнемъ мірѣ новаго, что самые великіе ученые не успѣваютъ всего высказать вдругъ и по нѣкоторымъ вопросамъ могутъ быть, случайно и смиренно, опережены самыми малыми.

Если бы непременно нужно было привести поразительный примѣръ того, какъ иногда ложно понимали мы древность

при всемъ искусствѣ нашѣмъ объяснять ее помощью греческихъ и латинскихъ текстовъ, которые такъ превосходно были разобраны прежнею нашей ученостью — что ближе къ дѣлу какъ примѣръ *одноцвѣтности* греческихъ храмовъ и статуй, примѣръ этой восхитительной простоты древняго искусства, выражавшаго въ архитектурѣ все изящество, въ скульптурѣ жизнь и всѣ ея страсти, однимъ только цвѣтомъ — снѣжною бѣлизною пентеликскихъ и паросскихъ мраморовъ и слоновой кости, или желто-зеленымъ отливомъ бронзы? Какъ мы восхищались этой простотой! какъ усердно старались подражать ей!... Одноцвѣтность! одноцвѣтность! кричали мы: безъ *одноцвѣтности* нѣтъ искусства! Она была внесена во всѣ наши трактаты о прекрасномъ. Не нужно пестроты! Греки и Римляне, вѣчные образцы вкусу и изяществу, ненавидѣли ее. Посмотрите на ихъ храмы, на статуи боговъ ихъ: прелесть прелестей!... а все это бѣло — ни пятнышка на мраморѣ. Чѣмъ чище, чѣмъ одноцвѣтнѣе былъ камень, тѣмъ дороже платили они за него: такъ строго соблюдали простоту!...

И что же оказалось въ это двадцати-лѣтіе? Простота, насъ восхищавшая была... разбой времени, который своей опустошительной рукою стеръ съ этихъ стѣнъ и статуй всѣ блестящія краски и позолоты, и оставилъ ихъ одноцвѣтными, для нашихъ классическихъ восторговъ. Все это, когда живо, было расписано, разрисовано, раззолочено — пестро — ярко — богато.

Какъ?... и эти драгоценные бѣлые мраморы были покрыты красками? и слоновая кость? и бронза?... съ какой же стати употреблять такіе дорогіе матеріалы?

Да! и слоновая кость, и бронза, бывали раскрашиваемы разноцвѣтно, чтобы вѣрнѣе изобразить жизнь. Расписанныя и раззолоченныя статуи еще иногда одѣвались въ порфировыя мантии, въ настоящія платья. А съ какой стати употреблялись на это такіе дорогіе матеріалы? — Изъ набожности!... на основаніи эфирной теоріи! Языческій фанатизмъ ничего не жалѣлъ для своихъ боговъ: тѣло ихъ, въ статуяхъ, для достоинства олимпскихъ существъ, должно было состоять изъ

веществъ, почитавшихся за отвердѣнія ээиру почти также чистаго какъ ээиръ, изъ котораго состояли сами боги. И для этого брали самыя бѣлыя мраморы, безъ пятенъ и мѣшковъ, смѣся самыхъ благородныхъ металловъ; что нисколько не мѣшало раскрашивать наружность того же тѣла подъ живые цвѣта для показанія небесной красоты божества. Народъ ээинскій, въ пылу своей благодарности къ покровительницѣ города, Минервѣ, заказалъ у знаменитѣйшаго изъ греческихъ скульпторовъ колоссальную статую ея всю изъ золота и слоновой кости, какъ веществъ представляющихъ самый чистый ээиръ и единственныхъ достойныхъ богини: и наврядъ ли они еще не пошли подъ краску. Стѣны храмовъ, изъ благоговѣннѣ къ богамъ, строили также, когда могли, изъ самаго чистаго, бѣлаго камня: и стѣны эти, для пышности дому божества, расписывались еще всѣми цвѣтами; каждый архитектурный членъ бывалъ покрытъ другою краскою.

Какъ же? и древнѣе въ своихъ книгахъ, ничего не сказали намъ объ этомъ своемъ обыкновеніи?...

Ничего! Видно, считали его вещью, такую общезвѣстною, о которой и рѣчи заводить не стоить. Можетъ-статься, гдѣ-нибудь въ литературѣ, и говорили они объ этомъ подробно, но вѣдь до насъ дошли только ея обломки. Впрочемъ, кое-что намекнули они мимоходомъ и въ тѣхъ оборванныхъ книгахъ, которыя чудомъ спаслись отъ варварства среднихъ вѣковъ, но мы не понимали этихъ намековъ — не хотѣли понимать — не предполагая у нашихъ идоловъ такого страшнаго вкусу, — пока не нашли, случайно, слѣдовъ красокъ на ихъ скульптурахъ и даже подлиннаго расчета ихъ съ малярами за окраску одного изъ знаменитѣйшихъ храмовъ. Съ той минуты всѣ темныя упоминанія стали для насъ ясны: растолковавъ ихъ превосходно, по всѣмъ правиламъ критики, мы замѣнили, въ теоріяхъ нашихъ о прекрасномъ. слова *изящная одноцвѣтность древнихъ словами — ихъ изящная многоцвѣтность, или полихромія*, какъ говорится нынче — простоту прогнали изъ искусства какъ нелѣпую выдумку классицизма, не умѣвшаго читать греческихъ текстовъ съ приличною проникательностью, и — вотъ ужъ тринадца-

тый годъ какъ, чтобъ быть порядочнымъ Грекомъ, надо размазывать свой домъ снаружи и внутри, свои столы, стулья, кровать, всѣми цвѣтами радуги — чѣмъ ярче и пестрѣе, тѣмъ древнѣе и изящнѣе — что у новѣйшихъ маляровъ и называется: *въ пампейскомъ вкусѣ*.

Такова исторія греческой простоты, которая, однако жъ, такъ ясно и неопровержимо была нами доказана тамъ, гдѣ ея вовсе не существовало, гдѣ напротивъ господствовала изысканная пышность, — въ древнемъ искусствѣ.

Что жъ мудренаго, послѣ этого, если, въ древней поэзіи, при такой вѣрности нашихъ понятій, если въ первобытной поэзіи Гомера, мы на оборотъ видѣли изысканную пышность тамъ, гдѣ заключалась величайшая, самая ветходревняя, простота, и даже пошлость? Ошибка такъ естественна, что и сердиться нельзя на себя за недогадливость. Она гораздо извинительнѣе предположенія объ одноцвѣтности и простотѣ въ искусствѣ, противъ которыхъ давно уже имѣлись доказательства, не принимаемая въ уваженіе единственно изъ ученаго упрямства. Торжественность и благородство гомерической поэзіи — опять дѣйствіе коварнаго времени, котораго рука, стирая краски и позолоты съ мраморовъ великихъ владѣтелей богатой и роскошной эпохи, заодно стерло и площадную грязь со словъ древнѣйшаго поэта-гуслира: слова, выраженія и обороты, самая пошлыя, поровнялись въ достоинствѣ съ самыми изящными для инородныхъ и позднихъ читателей, и даже получили для нашихъ глазъ особенный отливъ рѣдкости, необыкновенности, отъ котораго они кажутся еще красивѣе, еще выше обыкновенныхъ изящныхъ словъ, выраженій и оборотовъ, встрѣчаемыхъ нами въ литературномъ языкѣ греческихъ писателей.

Въ чужомъ языкѣ, даже современномъ, всѣ слова кажутся намъ одинаково изящными и благородными. Всѣ мы, на Русь, говоримъ или читаемъ по-французски: но многіе ли изъ насъ въ состояніи судить, что такое хорошій и что дурной французскій слогъ? Всякій французскій слогъ кажется намъ, *обыкновенно*, лучше русскаго, потому что мы не чувствуемъ относительной пошлости и неуклюжести разныхъ словъ и

оборотовъ въ чужомъ языкѣ такъ живо и рѣзко какъ въ своемъ родномъ, гдѣ каждый оттѣнокъ примѣтенъ, каждая бездѣлица сильно насъ поражаетъ. Сказать по совѣсти — не критикуя никого — въ нашемъ французскомъ разговорѣ мы съ удовольствіемъ повторяемъ слова и фразы очень низкаго разбору, подхваченныя гдѣ-нибудь въ безвкуской книгѣ или дурной бесѣдѣ, и считаемъ ихъ даже несласанно изящными, потому что они рѣдко слышатся или случайно только попадаются. *Parapet — les bas éculés — elle pétille d'esprit — ses yeux pétillent de feu — on lance des pétards,* — какія чудесныя выраженія для иностраннаго уха!.. всѣ ихъ употребляютъ: но которая изъ нашихъ красавиць рѣшится, безъ обмороку, употребить въ русскомъ разговорѣ слова, равныя этимъ по буквальному значенію или происходящія отъ соотвѣтственныхъ корней? Чужестранцы, мы, вообще, и не догадываемся, что, изъ всѣхъ образованныхъ языковъ, самый грязный — французскій образованный, *la belle langue française*.

Къ этому акустическому прельщенію со стороны чужихъ языковъ, дѣйствующему такъ обманчиво на слухъ по одной только отдаленности мѣста, прибавьте еще большое разстояніе времени: тогда всякая рѣчь покажется всмъ при малѣйшей склонности къ энтузіазму и, особенно, при непривычкѣ обращаться съ языками, въ высшей степени колоссальною и торжественною, будь она самая простая, самая обыкновенная въ свое время и въ своемъ языкѣ. Спаровка различать тоны и оттѣнки иностранныхъ рѣчей и относительныя достоинства ихъ словъ — достояніе не многихъ людей и получается не иначе какъ при изученіи большого числа разнородныхъ языковъ, вовлекающемъ ихъ неизбежно въ безчисленныя и безпрестанныя сравненія. И эти люди никогда не переводятъ. Переводятъ тѣ, которые знаютъ малое число языковъ и — слѣдовательно — мало знаютъ что такое языки. Оттого, всѣ переводы Гомера существенно ложны.

Римляне точно такъ же говорили нѣкогда безъ всякой нужды, изъ одного благовоспитаннаго тщеславія, по-гречески, какъ мы Русскіе говоримъ нынче по-французски. Они-то пер-

вые своимъ удивленіемъ всему греческому, которое сіяло имъ въ глаза ослѣпительными прелестями моды, сбили всѣхъ съ толку въ оцѣнкѣ рѣчи Гомера — не только иностранной для нихъ — не только бывшей уже очень древнею — но еще, напоследокъ и въ окончательное заключеніе, сдѣлавшейся священною. При возрожденіи наукъ въ Европѣ все это превратилось въ ученый энтузіазмъ и школьное суевѣріе. Сколько поводовъ къ обману! Сколько причинъ къ промаху! Состоялся ложный вѣковой приговоръ, и самые свѣтлые умы добродушно ему подчинялись.

Все это — оправдательные пункты для того необычайнаго переводу Одиссея, который осмѣлился я предложить въ прошломъ мѣсяцѣ какъ ближайшій смыслоу и тономъ къ подлиннику, по моему убѣжденію, — если угодно, по моему чувству гомеровскаго греческаго языка. Чувства этого, разумѣется, передать нельзя: оно — существенно личное; но можно, приблизительно, дать понятіе объ его происхожденіи и даже показать возможность нѣкоторой его основательности.

«Ближайшій смыслоу и тономъ къ подлиннику», сказали мы объ этомъ безпритязательномъ на изящество переводѣ: но — въ моемъ понятіи о дѣлѣ — онъ еще очень невѣренъ, далеко не производитъ на русское ухо того умств.наго дѣйствія, неговоря уже о музыкальномъ, какое производилъ подлинникъ на слухъ современнаго земляка Гомерова. А до этого-то дѣйствія и нужно добиться въ настоящемъ буквальномъ переводѣ.

Что такое для насъ, спрашиваю, слова—*Муза—Зевсъ—Паллада—Афина* или *Афина—Эрмія—Посидонъ—Аидъ—Калісто* и тому подобныя? Ничего; техническіе термины; чужестранныя собственныя имена; мертвые звуки; дикія слова безъ природнаго значенія; диссонансы съ нашею отечественною рѣчью, не возбуждающіе въ насъ своими слогами никакого непосредственнаго ощущенія. Для нашего уха, въ нихъ нѣтъ ни рисунка, ни колориту, ни выпуклости — ничего ни толковаго, ни безтолковаго — никакой замысловатости и никакого безсмыслія: они — рѣшительно пустой голосъ, лишняя тя-

жестъ для слуху, и только. Но тѣмъ ли они были для греческаго уха? О! нѣтъ. Для Грека, каждое изъ этихъ словъ, кромѣ значенія *священнаго*, которое мы нынче должны и можемъ кое-какъ замѣнить значеніемъ *ученымъ*, имѣло еще непосредственное звуковое значеніе, брызжущее въ умъ прямо изъ роднаго языка. При всей привычкѣ почитать слова *Zeus, Dios, Dis, Mousa, Pallas*, собственными именами, могъ ли онъ, Грекъ, произнося *Zeus* или *Zan, Dis* или *Dios*, забыть свои родные слова *заб, жоб, жѣ*, и не чувствовать того, что *Zeus* значить собственно *живъ, живо*, а *Dis* вмѣсто *Divs*, значить *дивъ, диво*, и *dios* — *дивный*?....

Мало этого: когда произнесши *Zeus*, или, какъ мы говоримъ, *Зевесъ*, въ именительномъ падежѣ, ему нужно было употребить то же самое слово въ родительномъ, онъ чувствовалъ тутъ же, что грѣхъ сказать *Zepos, Зевеса*. Онъ зналъ, что священный обрядъ его вѣры запрещаетъ измѣнять черезъ склоненія непоколебимое, неприкосновенное слово *Живъ* (у нѣкоторыхъ Славянъ *Живѣ*) или *Живобогъ*, какъ мистическое изображеніе вѣчнаго и неизмѣннаго жизненнаго начала вселенной: Юпитерь-Эфиръ, въ отвлеченномъ видѣ, *жизнь*, сказали мы уже). Онъ вспоминалъ, что *Живъ* или *Живе (Zeus)* въ родительномъ и другихъ падежахъ говорится благоговѣнно: *дива, диву, дивомъ* или *дивбогомъ (Dios, did, etc.)*. Да можно еще сомнѣваться, произносили ли Греки-язычники когда-либо и въ разговорѣ или чтеніи слово *Zeus*, даже и въ именительномъ падежѣ. Полно, не выговаривали ль они *Dis* тамъ, гдѣ у нихъ было написано *Zeus*, а *Di*, гдѣ стояло *Zev*? не поступали ль съ этимъ мистическимъ словомъ точно такъ же, какъ Египтяне со словомъ *Осири*, которое, всякой разъ какъ оно встрѣчалось въ письмѣ, въ почтеніи было замѣняемо простымъ рѣченіемъ *Re, царь*? какъ Еврей-талмудисты, которые донинѣ, при чтеніи Библии, всюду гдѣ выставлено таинственное слово *Iehwa, Сущъ*, произносятъ вслухъ *Adonai, Господь*? Но положимъ, что въ именительномъ Греки произносили *Zeus, Живъ, Живобогъ* или *Живе*: все же весьма замѣчательно—и благоговѣніе ихъ передъ этимъ словомъ, неизмѣннымъ въ языкѣ какъ неизмѣненъ самый законъ жизненнаго начала въ при-

родѣ, — и живописный обычай склонять: *Живъ, дива, диву, дива, о! Живъ, дивомъ въ дивъ?* Можно ли выпустить такое важное поэтическое обстоятельство въ переводѣ Гомера? И можно ли дать объ немъ понятіе, сдѣлавъ изъ слова *Зевсъ* непереводимое собственное имя?

Когда же, скажите, слово, значащее *богъ*, на какомъ-нибудь языкѣ почиталось собственнымъ именемъ?

Оно во всѣ времена и во всѣхъ религіяхъ было переводимо съ одного языка на другой. А въ такомъ случаѣ, согласитесь, и *боги*, и всѣ названія *боговъ* — не собственные имена! Это—названія различныхъ свойствъ общаго бога, и они — радикально, слова, подлежащія переводу. Зачѣмъ же употреблять пустой и дикій для насъ звукъ *Зевесъ*, когда можно такъ удобно сказать *Живъ, Живбогъ* или *Живе*, въ именительномъ, а въ другихъ падежахъ — *дива, диву*, или *дивбогу*, и произвестъ въ читателѣ поэтическое ощущеніе картины тѣхъ отдаленныхъ временъ, чувствъ и понятій? Не вѣроятно, чтобы у славянскаго *Живе*, что значитъ *живеть*, былъ свой собственный родительный падежъ: вѣрно, наши язычники, въ родительномъ, говорили *перуна*, то есть, грома, сказавъ въ именительномъ мистически: *Живе*, — наподобіе греческаго мистическаго склоненія *Zeus, dios, diô*, и прочая.

Но оставимъ Перуна: будемте держаться буквального смысла греческихъ названій боговъ. Спрашиваю: тотъ же ли смыслъ, та же ли картина, предстанетъ передъ воображеніе новѣйшаго читателя, если я ему напишу—*вотъ такую-то рѣчь держалъ Зевесъ; а ему на смѣху промолвила голубоокая Аѳиня Паллада* и прочая, или если я, переведа буквально эти названія на родные звуки моего языка, *вотъ скажу: такую-то рѣчь держалъ Живе или Живбогъ, а Диву на смѣху промолвила Синева Невидимка.... или Синь-Дѣва: О! и живбогъ, ну, что ты на Сбѣгнѣва, грабимысла, главнаго напѣдника, такъ разсбѣгнѣвися, Времеико!... отецъ нашъ!... высокодержавнѣйшій!... и прочая. Все ли равно для поэзіи—разговоръ между какимъ-то безсмысле инымъ *Зевесомъ* и его дочкою *Аѳиней Палладою*, или разговоръ между *Жизнью*, всемірнымъ жизненнымъ нача-*

ломъ, и *синимъ* по цвѣту, новшѣстѣ съ тѣмъ *незримымъ* рычагомъ жизни, Воздухомъ, *синевой-невидимкой*, чистой *сильдъвой*, или *синей дѣвственницей*, *glaukopis Athéné, Pallas?*... Вѣдь читая эти слова у Гомера, Грекъ, его землякъ, даже и не-язычникъ, невольно чувствовалъ, что, какъ *Zeus, Живъ*, какъ *glauk-ops, синевная*, точно такъ же *A-thé-né* слогъ въ слогъ значить въ языкѣ *Не-зри-ня*, невидимка, а *Pallas* — значить *дѣвственница*, дѣва, и что дѣло разбирается здѣсь не между какими-то нездѣшными лицами, имѣющими свой чинъ, имя и фамилію, а между *яснымъ Животворнымъ Началомъ* и его орудіемъ, *синимъ* Воздухомъ, который они многобожники олицетворяютъ въ образѣ *чистой дѣвы синяго цвѣту?* Вѣдь о *Pucelle d'Orléans* мы говоримъ: Орлеанская *Дѣвственница?* Зачѣмъ же одна *Pucelle* у насъ *Дѣвственница*, а другая *Паллада?* Есть ли тутъ логика?—Вопіющая несообразность употребленія греческихъ названій боговъ въ русскомъ переводѣ греческой поэмы бросается въ глаза уже изъ этого перваго примѣру. Римляне, обязанные вѣрою чтить мистическіе термины ея, въ латинскомъ переводѣ замѣнили бы всѣ эти названія непременно своими отечественными словами: какъ же мы-то, незваные и ничѣмъ неповинные, стали такіе низкопоклонные рабы гомерическаго язычества, что не смѣемъ тронуть прозваній его идоловъ и переносимъ въ свой языкъ эти странные звуки цѣликомъ, свято и ненарушимо, съ поправіемъ всѣхъ правъ поэзи, которая вездѣ требуетъ картинности, и правъ здраваго смыслу, который говоритъ, что ни общее *божество*, ни его частныя *свойства*, какія бы они ни были и сколько бы ихъ не предполагалось, не могутъ никогда быть означаемы словами безъ положительнаго значенія въ языкѣ, каковы собственныя имена, особенно иностранныя?

Возьмемъ первыя слова Одиссеи: *О мужъ поразкажи мнѣ, Муза....* Благодаря присутствію этой *Музы*, обезславленной нашимъ уродливымъ классицизмомъ, начало древней поэмы не только не поэтическое, но даже смѣшно для нашего уха. Этотъ мертвый безсмысленный иноземный звукъ, кромѣ скучныхъ воспоминаній, не представляетъ ничего ни сер-

цу, ни воображенію. Но такинъ-ли было слово *μουσα* для Грека, въ языкѣ котораго *μουσοδ* значило *музикійскому*, *ною* и *играю* виѣстѣ, *веселюсь*, *потѣшаюсь*? Нынѣшнее наше выраженіе *Вокальная артистка* довольно вѣрно изображаетъ древній смыслъ слова *Μυσα*: но оно неуклюжо и, кромѣ того, иностранное. Слово *Пѣвица* недостаточно — разѣ согласится, что оно будетъ принимаемо въ строгомъ артистическомъ значеніи. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ существуетъ старинное слово — *Спѣвана*, которое, конечно, было бы живописнѣе слова *Пѣвица*. Но, первоначально, слово *Mouσα*, явственно, вышло изъ сирійскихъ языковъ: форма его — совершенно арамитическая, да и самый звукъ — чисто канаанскій и аравійскій. Какъ Греки, по собственному признанію, гекзаметру выучились у Финикійцевъ, то и *Музы*, неразлучныхъ украшеній этого роду стихотвореній, разумѣтся, получили они отъ нихъ же. *Μυσα*, *μυσις*, въ языкахъ этого корня, значатъ *утѣшеніе*, *облегченіе души въ груди*, *утѣшительница*, *отрадная*, *отрада*; и глаголь, отъ котораго *μυσα* и *μυσις* правильно происходятъ, донынѣ у Аравитянъ тѣсно связанъ съ терминологіей ихъ *музикій*, или музыки. Шесть искусствъ и три науки, вотъ что искони почиталось *девятью утѣшеніями мудреца*, *девятью отрадами человека*. Вотъ и происхожденіе девяти *Музъ*. И какая прелестная идея!.. Сказать девять *отрадъ* сердца въ скорби, или девять *музъ*: значеніе — одно, но одинаково ли впечатлѣніе на умъ, одинаковоли дѣйствіе на воображеніе? То — прекрасная мысль философическая, а другое — глухая нелѣпость. *Отрада* или *Утѣха*, короткіи и буквальный переводъ финико-греческой *Музы*, ужъ конечно, въ тысячу разъ былъ бы и красивѣе и замысловатѣе ея въ новѣйшемъ стихѣ. Каждый согласится, что, въ поэтическомъ отношеніи, далеко не все-равно перевесть: *Про мужа поразкажи мнѣ, Муза.... объ этомъ-то маленько разкажи, богиня Зевсова дочь....* или: *Про мужа поразкажи мнѣ, святая Отрада.... объ этомъ-то маленько, богиня Утѣха Дивовна, разкажи мнѣ.*

Возьмемъ ннѣу *Калмпсо*. Значитъ ли что-нибудь это сло-

во для насъ? Ровно ничего. Мы изъ него сдѣлали иностранное собственное имя. А для Грека оно составляло родное, обыкновенное, шутливое слово — эвиграмму на женщинъ — престонародную остроу насчетъ шитворства по части скрепности: *kaluptó*, *закрывать, скрывать, покрывать, kaluptíon*, покрывало, *kaluptó*, *покрывалка, лежащая скрепница, женщина, закутывающая лицо свое въ покрывала передъ народомъ, и невоздержная въ страстяхъ своихъ, готовая на всѣ крайности, за-глазами, при удобномъ случаѣ, всторонѣ. Вся сказка о нимфѣ Калипсо — шелѣпая и непонятная чепуха, дакъ-скоро ее зовутъ *Калипсо*, и не иначе можно возвратять первоначальную замысловатость разскаугуслира-поэта о проказахъ этой знатной, *двородной* особы, какъ переведа и ея названіе и названія тѣхъ, которые объ ней рассуждаютъ.*

Возьмите въ толкъ хорошенько (я обращаюсь къ переводкамъ Гомера, а не къ вамъ, благоразумные читатели): *Синевидиця Невидимка* (*glaukoris Athéné*), по званію своему *Дѣлственица* (*Pallas*), а по чину въ мірозданіи *Воздухъ, воплощенная мудрость и цѣломудріе вмѣстѣ, искусно дѣлаеть на Олимпѣ сплетню* — *подаеть нимоходомъ отцу боговъ доносецъ на одну изъ благороднѣйшихъ особъ того свѣта* — жалуется *Жизу-Дизу* (*Zeus, Dies*) будто бы на его строгость къ знаменитому наѣздику, *грабимысю* (*daifón*) *Сбѣгиву хитродуму, а шежду-тѣмъ рѣжетъ праправнучку Олимпійскаго: вотъ, дескать, о чемъ у меня кручинится нутро, отецъ нашъ, Живъ Годочисловичъ, высокодержавнѣйшій!... честнѣя нимфа Покрывалка* (*Kaluptó*), *двородная жезъ богиныни, вельможнѣя, у которой—цѣлый свой островъ, деревистый, цвѣтнстый, здѣ-то всторонѣ, у самаго пупа моря, и которая живетъ какъ барыня, въ рѣзныхъ, колпированныхъ хоромяхъ, коймала бѣднляску Сбывнѣва* (*dysmogon Odyssea*) — и мучитъ его — изъ рукъ не выпускаетъ — всякія задержки чинитъ — тотъ плачетъ, а двородная (тытуль дворянокъ) все мяжками да сладкими словами прельщаетъ какъ-бы *Итаку забылъ* — *тому домой, къ женѣ, смерть хочется, а честнѣя Покрывалка наставаетъ* — *будь ей мужемъ!... непременно!... Ну, зачѣмъ ты его такъ преслѣдуешь, Олимпійскій?...* Это неожиданное заключеніе

очень мало. Живъ-Дивъ ни душой ни тѣломъ не вно-
 вать въ дѣлѣ. Сама же Синяя Дѣва утверждаетъ, что ея лю-
 бимца мучаетъ высокородная въ язычествѣ барыня (гу-
 сляръ-Гомеръ немножко напнтанъ духомъ мосьѣ Сю), что
 честная Покрывалиха, скромница-притворщица, силою дер-
 жить его у себя; и вдругъ выводъ изъ всего этого: за что
 ты его преслѣдуешь?... Сплетня на-славу! Разумѣется, что
 Живъ-Дивъ, который не гораздъ понимать женскія тонкости,
 осердился на синевидную Невидимку за такой странный обо-
 ротъ бесѣды и по-дѣломъ ей замѣтилъ: *Дитя мое, что это за*
речь перескочила у тебя черезъ частоколь зубовъ?... то есть,
что за глупости изволишь ты говорить?... гдѣ же я-то ее
преслѣдую?... совѣсть не я!... я вѣдь—Эфиръ, у Грековъ aether;
у Германцевъ wether, wedr, у Великороссовъ ведро, у прочей
Руси свѣтло, откуда свѣтлѣйшій, то есть, эфирнѣйшій, въ
чистаго ээиру состоящій,—титულъ князей. У другихъ Сла-
вянъ я—ясъ или яса; откуда ясный, яснѣйшій, намаяснѣйшій,
тоже ээирный, ээирнѣйшій, и тоже титулъ дворянъ, вельможъ
и князей, гордящихся происхожденіемъ отъ меня, подоб-
но греческимъ дворянамъ и князьямъ, которые величаютъ се-
бя дивородными, diogenés, отъ меня происходящими. У Готовъ
и Скандинавовъ я—As, откуда As-gard или As-borg, что Геро-
*дотъ, твой пріятель, переводитъ Geldon polis, *Свѣтъ города,**
и котораго жителей зовутъ Готы As-Borgar (Aspurgitani), а
*подданные ихъ, Славяне, Вятичи зовутъ, *Боларами,* одинъ и*
тотъ же городъ съ тѣмъ, что въ нормандскихъ сагахъ часто
именуется Ut-gard, городомъ Утовъ, Удовъ или Вудовъ. Ты
знаешь, что такъ собственно называютъ себя Вотяки, Вотины,
*а по Геродотову правописанію *Вудины, Boudini.* Коротко ска-*
зать! тебѣ, я—aether, я — ведро, я—свѣтло, я—ясъ или аэ,
летучій, тончайшій ээиръ, я—хорошая, тихая, ясная, свѣт-
лая погода и преслѣдовать Сбѣгнѣва въ морѣ немогу. А братъ
у меня есть, пресердитый, преопасный, ээиръ въ текучемъ ви-
дѣ, по-латыни Нептунъ, а по-гречески Posidón.... Разбери:
*posis, *питье, текучая, капельная, или прозрачная жидкость,**
*idés, *видный,* оба вмѣстѣ posid—*текучевидный,* и—прибавь еще*
*ón, *сущій,* такъ слѣдовательно выйдетъ *текучевиднымъ-сущій.**

или *текуче-сущь*. Назови его, для краткости, пожалуй хоть *Тоновидомъ* или *Текучистомъ*: название изрядное для олицетворенной морской прозрачной, чистой влаги или вселенской воды, стихив, обхватывающей землю. Вотъ Текучистъ-то, землелюбитель, скалотрясъ, все бѣснуется да волнуется, не пускаетъ Сбѣгнева плыть домой, а хочетъ отправить его къ третьему брату нашему, котораго зовутъ Андомъ, *A-idés*, то есть, къ Не-виду, Без-виду, Не-прозраку, ээиру въ плотномъ, темномъ, непрозрачномъ видѣ, земной толщѣ, сырой землѣ, Плутону. Какъ хорошая язычница, ты знаешь, что я—свѣтлая ясная *Летучесть* ээиру и тебѣ родитель, прозрачная синевидная Невидимка, они же вдвоемъ—прозрачная *Текучесть* его и непрозрачная, безвидная *Плотность*, а тебѣ—дяди: такъ что же ты обвиняешь меня въ преслѣдованіи твоего корсара грабимысла Сбѣгивва?... Ты сказала вздоръ! Впередъ держи крѣпко такія рѣчи въ острогѣ зубовъ, а теперь *поговоримъ, да придумаемъ всѣ мѣсты, какъ бы Текучиста землелюбителя унять...*

Вотъ философія совѣта боговъ на хоромахъ Жива-Дива Олимпійскаго. Вотъ настоящій смыслъ рѣчей Юпитера и Минервы. Это, не пустая сказка, а религиозная аллегорія, не мифъ, а теорія мірозданія въ лицахъ, представленная въ простонародномъ разказѣ, весьма замысловатомъ, бойкомъ, хитромъ, забавномъ. Какъ можно было и предположить, чтобы набожный языческой поэтъ заставлялъ своихъ боговъ нести бессмысленный вздоръ, сказывать дѣтскія сказочки, и чтобы вся языческая древность съ благоговѣніемъ этому удивлялась? Заранѣе можно было угадать, что каждое слово должно здѣсь исполнено глубокаго религиознаго смысла. Переводы Гомера рѣшительно не понимаютъ ни одного слова въ этомъ мѣстѣ, какъ и во всей поэмѣ. Да и какъ понять, не отдавъ себѣ отчету въ значеніи названій боговъ, въ эффектѣ, который эти мнимыя собственныя имена производили на слухъ и разумъ Грековъ? Какъ доказать, что вы понимаете содержаніе и его тонкости, не переведя этихъ именъ или прозвищъ на свой языкъ и не дѣйствуя черезъ нихъ на воображеніе читателя?

Мы скажутъ, что перевести ихъ трудно; потому что, для русскаго напрымѣръ переводу, нужно было бы знать всѣ названія боговъ, бывшія въ употребленіи у Русскихъ Славянъ.

Да намъ-то какое дѣло до языческой терминологіи русскихъ Славянъ? Рѣчь идетъ о вѣрномъ выраженіи религиозныхъ, философическихъ и поэтическихъ идей Гомера, а не какихъ-нибудь Славянъ: мы должны его прозвища боговъ переложить вѣрно на наши звуки и дѣлать ихъ понятными намъ, живымъ, живымъ, Руссамъ, а не покойнымъ славяно-русскимъ язычишкамъ. Не для нихъ жемы переводимъ! Совершенная правда, что мы знаемъ очень немногія прозванія боговъ нашихъ предковъ, да и тѣ, которые случайно знаемъ, почти всѣ—не славянскія, а готскія и литовскія. Но тѣмъ лучше, что они неизвестны: намъ еще болѣе открыто поле творить названія, совершенно понятныя нашему поколѣнію, придерживаясь буквальнаго смыслу греческихъ названій, въ которыхъ — вся сила Гомера, вся его прелесть и замысловатость. Для полной системы греческаго многобожія нужно сотворить такія названія, если мы хотимъ понять эту вѣру серьезно, основательно; достойнымъ нынѣшнихъ свѣдѣній образомъ. Нельзя же намъ, теперь, послѣ столькихъ трудовъ и столькихъ открытій, довольствоваться тѣмъ, тѣмъ, но части *мнеологій*, забавлялся осемнадцатый вѣкъ, легкомысленный и поверхностный. Для него вѣра древняго міра составляла только собраніе поэтическихъ сказочекъ. Онъ тѣшился этими народными легендами, которыя позднѣйшіе стихотворцы древности расписали, для пустыхъ головъ, всеми красками развращенной поэзіи, за что Платонъ ихъ проклялъ и прогналъ изъ своей идеальной республики, гдѣ онъ требовалъ почтенія къ таинствамъ вѣры. Геродотъ, болѣе богословъ чѣмъ историкъ, и единственный языческій богословъ-реформаторъ и еретикъ, котораго мы знаемъ, утверждаетъ что, въ его вѣрѣ, главная важность—*знать названія боговъ*, умѣть назвать каждаго бога точно и ясно. Надо же, наконецъ, основательно вникнуть въ то, что говоритъ онъ, а не токь своего дѣла. Пора разобрать внимательно смыслъ языческой номенклатуры и выучиться искусству *удачно назы-*

вать боговъ древности, если это — такая важность для ихъ вѣры.

Что значить этотъ смѣшной списокъ странныхъ и непонятныхъ собственныхъ именъ древней мифологіи, которымъ донинѣ изворачивалась наша археологическая ученость? Понимаете ли вы что-нибудь въ такой табели религіозныхъ идей. первоначальными небесными существами древніе считали бога *Скота*, *Skotos*, бога *Нуса*, *Nous*, или Закона, *Logos*, бога *Эѳира*, *Aether*, и бога *Урана*, *Ouranos*, *Janus*, отъ которыхъ произошли богъ *Кроносъ*, или Сатурнъ, пожиравшій дѣтей своихъ, и супруга его, богиня *Рей*, *Rhea*; а отъ нихъ родились *Зевсъ* или Юпитеръ, богъ грома, *Ира* или Юнона, богиня родовъ, *Посидонъ* или Нептунъ, богъ моря, и *Аидъ* или Плутонъ, богъ ада; а отъ тѣхъ — *Аполлонъ*, или *Фебъ*, богъ солнца и поэзіи, *Селена* или *Диана*, богиня охоты, *Димитра* или *Церера*, богиня жатвъ, *Ифестъ* или *Вулканъ*, богъ огня, *Афродита* или *Венера*, богиня любви, *Эрмій* или *Меркурій*, богъ денегъ и краснорѣчія, *Ираклъ* или *Геркулесъ*, полубогъ, и прочіе разные боги, полубоги и гиганты, божества низшаго достоинства. Но — послушайте Герадота — выучитесь правильно называть эти существа, и вы увидите, что это баснословіе, надоедающее даже дѣтямъ своей безтолковщиною, вовсе не такъ глупо, какъ мы вообще полагали; что оно, не сборникъ своенравныхъ суевѣрій простонародія, мифовъ, — какъ любятъ называть это нынче, — а систематически и подробно соображенная философія природы, по понятіямъ древнихъ мистиковъ, полная и очень хитро обдуманная теорія пантеистическаго матеріализма, ищущаго учредить связь между духовнымъ и вещественнымъ міромъ и объяснить бытіе, умозрѣніе, а не пустая легенда о родствѣ и семейныхъ отношеніяхъ кумировъ.

Ученіе это полагало началомъ міра *Темень* (*Skotos*, *Nox*, *Chaos*), безвидный и бездѣйственный мракъ, въ которомъ уже таился первобытный законъ всего добровольно создаваемаго и развившагося впоследствии, абсолютный порядокъ

всего будущаго. Этотъ законъ или порядокъ, всему предшествовавшій и все напередъ въ себѣ самомъ разсчитавшій и опредѣлившій, въ ученіяхъ разныхъ божницъ, которыя сводить здѣсь не мѣсто, именовали также *Разумомъ* (Noûs), Благоустройствомъ или *Ладомъ* (Harmonia), и *Числомысломъ* (Arithmos или Logarithmos), самосущею мыслью заключающею въ себѣ заранѣе число и мѣру всего имѣющаго быть, что называлось Eimargmenê, Fatum, его Урокомъ, *Рокомъ*, Судомъ или *Судьбою*.

Я долженъ прервать на нѣсколько минутъ переводъ списка прозваній боговъ, чтобы обратить вниманіе на одно обстоятельство, касающееся нашего роднаго Сѣвера. Слитый съ первослитною Теменью первобытный Законъ, *Темнотолкъ* или *Числомысль*, обожаемъ былъ на славянской Руси подъ литовскимъ названіемъ *Диди Лудо* (*дидисъ* въ этомъ языкѣ значить великій, *лудо* порядокъ, законъ, ладъ). Литовцы, какъ кажется, славились въ сѣверномъ язычествѣ, своими богословскими познаніями. Не одно это названіе, чисто *литейское*, встрѣчается въ дошедшей до насъ скудной номенклатурѣ многобожія сѣверо-восточныхъ Славянъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что Литовцы были уже извѣстны Геродоту подъ названіемъ *Людодовъ*, Anthgorofagi, какъ народъ важный и сильный. При нынѣшней грубой обработкѣ началъ нашего сѣвернаго бытописанія, это утверждение можетъ показаться чрезмѣрнымъ, особенно если еще прибавить, что и *Велико-Россія* и *Велико-Руссы*, и *Кривичи*, и *Древичи*, и *Древляне*, и *Вятичи*, и *Славяне*, и *Поморяне*, и *Норманны*, и *Готы*, и *Бьлозерцы*, и *Чудь чухонская* существуютъ уже у этого писателя, всѣ въ буквальныхъ переводахъ своихъ собственныхъ именъ на греческія прозванія. Но можетъ быть еще впродолженіи этой статьи, если позволить намъ здоровье, мы будемъ имѣть случай удостовѣриться съ полною очевидностью, что Геродотъ, получилъ почти всѣ свои свѣдѣнія о Скиѣи отъ пріятелиа своего Тимпы, пелопонезскаго Грека. Этотъ пріятелиа, хорошо знавшій по-готски, всѣ скиѣскія собственныя имена объяснялъ ему готскимъ языкомъ, а

отецъ исторiи съ готскаго толку перевелъ ихъ на греческiя названiя. Такииъ образомъ, между прочими, и народное названiе Литовцевъ *Liteitis* превратилось у Геродота въ *Angororhagi*, Людо-ѣды: и въ самомъ дѣлѣ *lit-eitis* значитъ по-готски *людо-ѣдъ*. Тимпа же этотъ, энциклопедическiй словарь Геродота, былъ учителемъ или смотрителемъ (*epitropos*) царя *Скивовъ*, явственнаго и неопровержимаго Гота, по имени *Генриха* (*Horik, Orik*), сына царя *Ариобита* (*igiarit*, вмѣсто *Agiabit*, по правописанiю Геродота, постоянно употреблявшаго *n* и *m* вмѣсто *b* въ иностранныхъ словахъ) и царицы *Они* (*horia, hore*); потомка царя *Идантюрса* (*Idanthurs*), *Horik, Orikos*, у Ломбардо-Италианцевъ *Arigo* — *Agiabit* или правильнѣе *Nariabit*, у Франковъ *Agiobist* или *Agiovist* — *Noria* — *Idanthurs*, и другiе, все это — чисто готскiя формы диалекта, сдѣлавшагося впоследствии извѣстнымъ подъ названiемъ мезоготскаго. Съ именемъ одного царя *Идантюрса* можно даже встрѣтиться въ Юрнандовой исторiи италианскихъ Готовъ. Это не будетъ отступленiемъ: мнѣ хочется показать, что *Одиссея* представляетъ для насъ Русскихъ, кромѣ поэтической, еще національную историческую занимательность; потому что не кто иные какъ мы, *Велико-Руссы*, играемъ въ ней важную роль подъ знаменитымъ названiемъ *великамовъ Циклоповъ*. Въ повѣсти Гомера о путешествiи Улисса къ Циклопамъ и выдолбленiи одинаго глаза *Полифему*, что въ переводѣ значитъ *Ярославу* (титулъ скивскаго Геркулеса, готскаго бога *Hars, Hors, Chars, Несторова Хорса*), въ этой навидь безсмысленной повѣсти — мы надѣемся вывести это съ надлежащею точностью — рѣчь идетъ подлинно о Кривичахъ и ихъ одноглазомъ *Одиннѣ*. А нравоученiе сказки: хитродумъ Улиссъ былъ такой проворный и тонкiй витязь, что, проникши случайно къ страшнымъ гигантамъ, *Велико-Руссамъ*, передъ которыми трепещетъ вся Скиея и вся Гостивная Пучина, справился и съ ними на-славу: въ области ихъ, обитаемой *одноглазыми* Кривичами и Людоѣдами, скотопасами, онъ умомъ и хитростью своей искоренилъ премерзкую велико-русскую ересь, которая Геркулеса ставитъ

выше Юпитера — *Ярослава* своего выше могучаго *Жива-Дива* — наполнилъ этого великана сладкимъ греческимъ виномъ и высверлилъ ему глазъ коломъ. Результатомъ такой смѣлой и удачной экспедиціи національнаго героя-плута должна была несказанно восхищаться базарная публика Гомера, съ дѣтства наслышавшаяся отъ нянюшекъ о существованіи за *Понтомъ*, за Гостинюю Пучиною, свирѣпаго народа *Великамовъ-Руссовъ* и, между ними, племя *Одноглазыхъ* (кривыхъ) и *Людодѣдовъ* (Литовцевъ), которыхъ ересь, олицетвореннаго въ образѣ первенствующаго на небѣ бога *Ярослава*, а погречески *Полифема*, съ однимъ *круглымъ глазомъ* (kykl-ops) во лбу, ужасала языческое правоверіе Грековъ.

Воротимся къ Року или Судьбѣ Числомысла, предсущствующаго Великаго Лада, остававшагося донинѣ въ совершенномъ бездѣйствіи и покоѣ въ образѣ Темени.

Первымъ проявленіемъ его, когда онъ пошевелился, было превращеніе Темени въ *Ясь*, въ Свѣтло, въ Вѣдро, въ *Aither*, который такъ названъ отъ *aithō*, *яснѣть*, *свѣтитъ*, *пылать*, *горѣть*. *Aith* и *ясь*, какъ вы видите — одинъ и тотъ же звуковой корень. Мы нынѣшніе называемъ *aithēr* *эиромъ*. Въ проявленіи этомъ прежняя Темея приняла видъ тончайшей изъ тончайшихъ и чистѣйшей изъ чистѣйшихъ, свѣтлой, прозрачной, летучей, безгранично разлитой матеріи. Воображенію древнихъ представлялась она въ видѣ легкаго матеріальнаго *духу* или *пару*, подобнаго запахамъ: отчего, изъ словъ *thūiē* (*thuiē*) запахъ, *theion*, паръ, однокоренныхъ съ славянскими *дуй*, *духъ*, *дохъ*, *dech*, возникло у Грековъ общее названіе божествъ, *theos*, пары, духи, — но духи матеріальные, а не духовные: этихъ язычники не понимали. Такой *духъ* (*эиръ*, *ясь*) — въ первой степени прозрачнаго и летучаго сгущенія своего есть *вздухъ* (воздухъ), Синяя Дѣва, ближайшее произведеніе и ближайшій видъ эиру. У Готовъ и Скандинавовъ общее названіе божествъ *Asar*, *асы*, произведено было прямо отъ названія эиру, *as*.

Числомыслъ или Великій Ладъ, рѣшивъ напередъ все какъ чему быть и оборотясь тончайшею изъ тончайшихъ

и чистѣйшею изъ чистѣйшихъ матерій, *Aether'*омъ, Вѣдромъ, сталъ немедленно сгущаться въ *образы вещей*, принимаемая разныя формы, летучія, жидкія, твердыя, растительныя, животныя, человѣческія, съ тѣмъ чтобы, въ такихъ образахъ съ различными устройствами и различными движеніями, самородная матерія его *наслаждалась* безпрестанно, разнообразно, быстро, скоротечно, и, насладившись нѣсколько времени въ одномъ образѣ, поскорѣе разрѣшалась снова въ эфиръ для переходу его въ другой образъ и другое наслажденіе. По этой отчаянной теоріи, человѣкъ былъ только страдательнымъ орудіемъ самонаслаждающейся въ его образѣ, въ его плоти, въ страстяхъ, міровой эфирной силы, приборомъ для пріятныхъ ея ощущеній, печальною жертвою потѣхъ этого себялюбиваго всебожества. Эпикуреизмъ заключался въ сущности язычества, и изъ нея произошелъ. Поэтому язычество и считало боговъ врагами человѣка. Боги были только свойства эфиру, а вся цѣль бытія — его личное безконечное наслажденіе. Прометей, принявъ сторону людей, хотѣлъ передѣлать этотъ ужасный *ладъ* и сочинить другаго человѣка: извѣстно, какъ *Живе-Дивъ*, олицетворенный эфиръ, отплатилъ затѣйщику за это дерзкое посягательство на свои пантеистическія удовольствія.

Какъ-скоро Числомыслъ, или Великій Ладъ, пошевелился въ Темени и сталъ Ясомъ или Эфиромъ, прежде чѣмъ эфиръ принялся сгущаться въ образы вещей и творить всякую тварь, онъ необходимо началъ проявлять свои различныя отдѣльныя свойства. Самыми первыми изъ такихъ проявленій свойствъ его были *Время* и *Дѣйствіе*, результатомъ сочетанія которыхъ явилась *Жизнь*. Время — это Годыня, Годоликъ или *Годочислъ*, Кроносъ, Сатурнъ, который рождаетъ изъ себя годы и самъ же поглощаетъ ихъ въ существѣ своемъ безконечнаго времени. Дѣйствіе, это — *Дѣяна*, или Дѣя, *Rhea*, отъ *ghezò*, *дью*, *дѣйствую*, *учиняю*. Годочислъ сочетался съ бракомъ съ Дѣяной и они произвели Жизненность, могучаго *Живе-Дива*, старшаго и самаго главнаго представителя эфиру въ его естественной летучей формѣ.

Эфиръ или Ясъ называется также *Небесомъ*, *Ouganos*. Ко-

гда Небесъ прилагается къ первобытному ээиру, лишь-только проявившемуся, то мѣсто ему—между старинными, преджизненными богами. Но если ээиръ принимается уже дѣйствующимъ и творящимъ, въ состояніи Жизненности, тогда Небесъ можетъ означать Юпитера и супруга ему въ такомъ случаѣ—*Небеса*.

Двѣ другія формы ээиру, текучая и плотная, названы *Тоководомъ*, *Neptunus*, и *Непрозракомъ*, *Aïdès*, *Orcus*, *Pluto*. Непрозрачная плотность однако жъ не есть безусловное прикосновеніе другъ къ другу атомовъ сгущающагося въ массивность ээиру. Между атомами всегда существуютъ промежутки. Земная вода, *Проползана*, *Proserpina*, сильно всасывается этимъ строеніемъ плотности, и свободно проходитъ между атомами самыхъ твердыхъ и непрозрачныхъ массъ до глубочайшихъ нѣдръ земной толщи. Отсюда *Проползана*, супруга *Непрозраку*, который похитилъ на лицѣ Земли и увлекъ въ свои мрачныя пещеры. *Проползана*, въ отвлеченномъ видѣ—атомическая скважистость непрозрачной плотности. Одно уже присутствіе *Проползаны* въ спискѣ низшихъ божествъ или второстепенныхъ свойствъ ээиру, удостовѣряетъ, что не Эпикуромъ выдуманно знаменитое его ученіе объ атомахъ: онъ заимствовалъ его изъ Таинствъ своей вѣры. Понятіе объ атомахъ есть неизбѣжное логическое слѣдствіе ученія, представляющаго летучесть, текучесть и плотность тремя состояніями одной и той же тончайшей матеріи. Нынѣшняя химія точно такъ же понимаетъ это дѣло.

Сестра летучему, текучему и плотному состояніямъ ээиру, особенное его состояніе, соединяющее въ себѣ всѣ эти три формы, летучесть, жидкость и плотность, особенная форма всеобщей міровой матеріи, или *ясу*, это — плоть, органическая матерія, матерія по-превосходству, чудный видъ вещества — нѣжный, мягкій, слабый — и вмѣстѣ съ тѣмъ пыкій, сильный, *многій*, то есть, многообразный и множительный, могучій, страстный, неукротимый — однимъ словомъ *ярій*. Нужно быть знакомымъ съ языкомъ сектъ, родившихся непосредственно изъ язычества, особенно гностиковъ и манихеевъ, съ ихъ ожесточеніемъ противъ *матеріи*,

именно, органической материи, или плоти, чтобы ясно понимать причину присвоения ей эпитета *ярая*. Это слово *ярый* играет немовѣрно обширную роль во всѣхъ языкахъ древняго міра и принимаетъ весьма разнообразныя формы. Въ юго-западныхъ европейскихъ языкахъ оно является въ видѣ слоговъ *er, her, ier, ser, ter* — откуда между прочимъ не только *erd*, и *hera*, но даже и латинское *terra* *. Въ сѣверо-западныхъ оно проявляется какъ *har, hari, haria, haro, her, jer, jag, var, ver*, и прочая. Въ сѣверо-восточныхъ и среднеземныхъ языкахъ, къ которымъ принадлежатъ славянскіе, финскіе и готскіе, имѣеть оно видъ *яръ, аг, har, char* (готское произношеніе), *hog, chog, chors, chorus*, и такъ далѣе. Въ юго-восточныхъ — въ греческомъ *агі, hēra* (что произносится, также и *ира*) — въ персидскихъ *агі, агіа, hari, chari, chogi, chug*, и такъ далѣе. И повсюду значить оно — пылкость, огненность, блескъ, цвѣтистость, силу, славу, честь, *многость*, неукротимость, особенно въ томъ чувственномъ отношеніи, которое, вмѣстѣ съ прочими значеніями выражаетъ и русское слово *яръ*. И повсюду *ярый* прилагается къ органической материи, къ плоти и ея явленіямъ. Земля, по причинѣ своей плодородной силы, у большей части народовъ именуется этимъ звукомъ. Имъ означается также мужество, бодрость, военная и любовная ярость, все славное, доблестное, блестящее: *vir, vir-tus, mar-itus, mars, agès, her-kules, chars, chors* или *charus* (готское произношеніе скандинавскаго *har* или *harr*), *heer, hegg, jarl, etc.*, происходить отсюда. Во всѣхъ языкахъ, олицетворенія *мужества* (богъ войны) и *мужскаго совершенства* (Геркулесъ) имѣли разныя формы слова *яръ* и *ярый* своими прозвищами и титулами. Наше слово *хорошій, харошій* (собственно славный, отличный, мужской) произошло отъ готскаго выговору, на который мы сейчасъ указали: по-славянски должно бы быть *ярошій*. *Ярошъ* было титуломъ Воданна въ полянскихъ языкахъ, тогда какъ у Руси мы находимъ его въ готской формѣ:

* Согласныя *j, s, t, v, m*, суть первыя и самыя простыя превращенія придыхавія *h*, явственнаго или тихаго; *h* интонированное нѣсколько другимъ образомъ.

харось, хорось, хорсь. Наконецъ, весна и весенняя зелень, какъ слѣдствіа этого избытку теплоты и силы въ животворящемъ веществѣ, въ разныхъ языкахъ получили названія отъ того же корня *. Словомъ живая матерія, *многая*, то есть, самовоспроизводящаяся и множительная матерія, сестра жизненному эфирному началу, или Живу, есть матерія *ярая* или, коротко, *Яра* — по-гречески *Нѣга* (Ира, Юнона), въ другихъ языкахъ *Нага*, *Нарта*, *Арта* (откуда и греческое названіе *хлѣба*, *artos*, и *aristos*, наилучшій, *ярѣйшій*, и *aristokratie*, *ярѣйшодержіе*), *Нерта*, *Жег*, *Жерта*, *Жорда*, *Ард*, *Аратз*, *Сегга*, *Счага*, *Ага*, и прочая. Въ готскихъ нарѣчіяхъ особенно, такъ же какъ и въ славянскихъ, *h* и *ch* безпрестанно то перемежаются въ выговорѣ, то совѣмъ исчезаютъ, *Наг*, *Счаг*, *Аг*, въ словахъ *Готовъ*, мѣняются безъ всякаго видимаго правила. Можно почти съ достовѣрностью допустить, что наше слово *харя* — отъ готскаго *Нага* или *Счага* — есть старинное названіе русской Юноны, народное воспоминаніе о безобразномъ истуканѣ, олицетворявшемъ у насъ матушку *ярую матерію*, мать боговъ и людей.

Іоннійское *é* (*éta*) въ другихъ греческихъ діалектахъ превращалось въ *a*: слѣдовательно и во многихъ странахъ Греціи *Нѣга*, *Яра*, произносилось *Нага*. Въ славянскихъ языкахъ греческому придыханію *h* попеременно соотвѣтствуетъ то *g* то *ch*, напримѣръ, *hogos*, *гора*, и *hodéo*, *ходить*. Вотъ еще вторая причина, почему Юнона могла у насъ называться *харя*.

Но два чрезвычайно замѣчательныя русскія слова, *большой* и *хорошій*, которыхъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, и которыя оба имѣютъ готскія формы, и оба тѣсно связывались съ религіей многобожія, составляютъ совершенно достаточное доказательство, что *харей* мы обязаны владычеству воинственныхъ, предприимчивыхъ, неутомонныхъ *Готовъ* у сѣверо-восточныхъ Славянъ, бывшихъ тутъ съ самой глубокой древности почти постоянно

* Въ русскомъ языкѣ есть два слова *яръ*, одно славянское, отъ котораго мы имѣемъ производныя слова, *ярій*, *ярость*, *яркій*, и прочія; а другое татарское, *яръ*, берегъ, безъ производныхъ. Этякъ двухъ словъ не должно смѣшивать между собою.

господствующимъ народомъ или налагавшимъ ей и Чудн свои династии. Во, boh, bogg, boу во всѣхъ готскихъ нарѣчiяхъ встрѣчается въ значенiи *великанъ*, гигантъ: извѣстно, что Готы и родъ свой производили отъ великановъ, а въ греческихъ, скандинавскихъ и германскихъ сагахъ они, кругомъ, слывуть страшными великанами. Повсюду гдѣ *володыли* Готы, названiе страны начиналось слогомъ во, bogg, boуу, boh. Одно изъ древнихъ готскихъ поселенiй, Voio-heim Во-heim, донинѣ извѣстно, въ германскомъ переводѣ, подъ названiемъ Riesen-Gebirge, *нагорной стороны Великановъ*. Vol и boуу суть прилагательныя, *великiй* и *великанскiй*, отъ существительнаго имени во, boh. Отсюда у насъ *боляре*, великiе (мужи), и въ то же время и у насъ и въ гото-испанскомъ языкѣ, *бояръ* (бояринъ) — чистое готское boу-wair (произноси boу-uär), *великiй мужъ*; *большой*, равносильное слову «великiй»; *больно*, велико, много, великански, исполински, и прочая. Другое наше слово *хорошiй*, *харошiй*, вмѣсто *ярошiй*, взятое отъ готскаго выговору эпитета придаваемаго предпочтительно доблестному Одинну или Воданну, chars, chagus, вмѣсто hars, harus, также явственно обнаруживаетъ влiянiе сабли и вѣры Готовъ на введенiе въ нашъ языкъ двойнаго произношенiя одного и того же звуку, *яръ*, *яра* и *харъ*, *хара* или *харя*.

Въ греческомъ языкѣ обыкновенное произношенiе этого звуку было аг и art: agi, крѣпко, сильно, ярко; agès, мужественный, *Мужанъ*, Марсъ; artemis, доблестная, совершенная, эпитетъ у однихъ Димитры, Пре-матери, у другихъ Самокрасы, небесной Венеры, и такъ далѣе. Форма hëra (hara) встрѣчается тамъ только въ двухъ словахъ, *Hëra* (Яра, самомножительная или органическая матерiя, Юнона) и *Hëra-kleis*, Яро-славъ, Геркулесъ, мужское совершенство, достигающее всѣми родами мужскихъ доблестей, и достойное степени небеснаго божества: kleis, какъ извѣстно, и по буквальному значенiю и по образу употребленiя въ точности соотвѣтствуетъ нашему *славъ* — Perikleis, Переславъ — Damokleis, Мирославъ — Agathokleis, Доброславъ, — Timokleis, Чеславъ (вмѣсто Честославъ), и множество другихъ. Латин-

ское *Heracles*, этрусское *Heraklis*, осканское *Heracle*, были слишкомъ близкія формы произношенія къ греческому *Hērakleis* и не требовали для Грековъ истолкованія. Но скиевскій *Ярославъ* уже былъ имъ непонятенъ безъ переводу, несмотря на свою однокоренность со словомъ *Herakleis*, и мы находимъ его истолкованнымъ другими словами въ имени *Polyphemos*, *Многославный* или *Велеславный*. Кроме-того, очень понятно, что правовѣрные язычники не хотѣли смѣшивать своего Геркулеса съ одноглазымъ и круглоглазымъ Геркулесомъ еретиковъ единнистовъ и скиевского Ярослава называть *Herakleis'омъ*. Въ названіяхъ боговъ вся сила этой религіи, и Ярославъ переведенъ Полифемомъ: значеніе то же, но мистическій смыслъ совсѣмъ другой.

Въ языкахъ готскихъ, скандинавскихъ и германскихъ, греческому окончанію *kleis* и славянскому *славъ* соотвѣтствуетъ *ald, ild, hald, hild* (*Brunehild, Брониславъ, Longobard, Далиславъ, далнославъ, греческое телеклитъ*); также *hand, pand, mand, and, mund, mana, man* (*Harmand, Hornand, Jorrand, то же что Harald; Hernand, Hermand, Hermana, Herman, Воеславъ; Ferdnand, Конославъ; Vemund, Святославъ; Sigmund Вратиславъ, Брацлавъ, Vomund, Bohmund, Bohemund, Болеславъ*); наконецъ *bert, bart, burt, bard* (*Dagobert, Мѣчиславъ, Robert, Тихославъ*), и проч. *Rik* или гукъ выражаютъ, напротивъ, славянское окончаніе *миръ* (ратъ, дружина) и греческое *laos*: *Fredrik, Любоміръ, Philolaos; Rōrik, Тихоміръ*, и проч. Такимъ образомъ не трудно узнать готскія, скандинавскія и германскія титулы *Одинна* или *Водинна*, соотвѣтственныя греческому *Hērakleis* и славянскому *Ярославъ*: вотъ нѣкоторыя изъ нихъ— *Harabild, Harald, Harmand, Harman, Hornand, Jorrand, Herbert, Herburt, Harbert*, откуда новѣйшее испорченное *Альбертъ*, и такъ далѣе.

Переводное названіе *Круглоглазника, Киклопа, Полифема*, равно относится къ готскому *Гаральду*, скандинавскому *Гаратильду*, германскому *Гарберту* какъ и къ славянскому *Ярославу*, но мы впоследствии увидимъ, что мифологическая географія народъ *Одноглазниковъ* или *Круглоглазниковъ* помещала именно въ землѣ *Кривичей*, сосѣдней съ *Люд-*

ѣдами, Литовцами, у верховьевъ рѣки, прозванной Готами на своемъ языкѣ Dan-argi, Верхнею Рѣкою, и уже Геродоту навѣстной подлѣ именемъ *Bo-rycs-đana*, *Велико-русскою-рѣки* (Bo-güs-thenes), въ томъ же мѣстѣ гдѣ вскорѣ потомъ являются у Птолемея народъ Bo-guski, *Велико-Русскіе*, или *Великаны-Руссы*, живущіе рядомъ съ Сѣверянами, *Savagi*. Мы увидимъ также, что слова *Скиѡвъ* (*Skyth*), *Рюсъ* и *Готы* — суть три слова, означающія одинъ и тотъ же народъ, который и въ Европѣ и въ Азій употреблялись безъ различія одно вмѣстѣ другаго, и изъ которыхъ два, *Skyth* и *Рюсъ*, съ прибавкою еще третьяго, *Gerrhi*, введеннаго Геродотомъ, для означенія той же верхнеднепровской земли, суть буквальные переводы другъ друга, всѣ три одинаково выражая *щитъ*, именно, большой щитъ въ ростъ человѣка и притомъ краснаго цвѣту, привилегированный щитъ царствующихъ Готовъ и готскихъ *мужей*, воевъ дворянъ, отчего эти славные и въ Европѣ и въ Азій люди и назывались *Щитами*, *Skythae*, или *Russi*, и у Западныхъ и у Восточныхъ.

Не одна эта *Боруссія*, или *Великороссія* — Земля Щитовъ Великановъ, при баснословіи — Земля Великихъ Руссовъ при исторіи — существовала на древнемъ сѣверѣ. Гдѣ Геродотъ помѣщаетъ *Щитовъ Поморскихъ*, *Skythae Paralii*, на балтійскомъ берегу, и гдѣ, какъ мы знаемъ дѣйствительно владѣли Готы, въ средніе вѣка открывается другая *Борусія*, нынѣшняя Пруссія. Въ Галиціи была третья Борусія: изъ польскихъ писателей семнадцатаго столѣтія видно, что еще въ то время Великополяне и Малополяне называли Червленыхъ Русиновъ *Борусами* или *Борысами*. Название «Червлены Русы» или «Борусы» значитъ по этому Красныя Великаны Щиты. О важности и значеніи красныхъ щитовъ можно довольно начитаться въ сагахъ сѣвера.

Литовцы всѣхъ этихъ Руссовъ, какъ насъ, такъ Прусакъ въ Галичанъ, называютъ и до-сихъ-поръ не иначе какъ Готами, *Gudas*. Это *Gudas* есть настоящая, старинная готская, форма нашего литературнаго и исковерканнаго *Готы* или *Готы*.

Литовское названіе Геркулеса, до насъ дошедшее, было

Креве, что значить только — *истуканъ, идолъ*. Но не сомнѣнно было ему и у этихъ «Людоѣдовъ» прозвище, соотвѣтственное торжественнымъ во всемъ язычествѣ титуламъ *Hērakleis; Hercules, Herklis, Ярославъ, Harahild, Harald, Harman, Herbert, Harbert, Albert*, и прочая.

Замѣчательно, что въ языкѣ Римлянъ нѣтъ отечественнаго слова для означенія неба. Всѣ слова, въ которыхъ встрѣчается *oe* — не латинскія, но заимствованы у Грековъ, Этрусковъ, и Осковъ, которыхъ языкъ, въ особенности, доставилъ Римлянамъ множество рѣченій, по свидѣтельству Страбона. Римское *coelum* есть греческое и, вѣроятно, осканское *koelon, koilon*, и значить только — *вогнутое*. Куда же дѣвалось собственное слово *небо*? Оно, безъ-сомнѣнія, поглощено словомъ *Jupiter*, что значить: *Ю батько*. Навѣрное это *ю* есть остатокъ подлиннаго латинскаго слова, значившаго «небо». Судя по *Juno*, женскому роду этого *Ju*, слѣдуетъ заключить, что полное слово *небо* у Латинцевъ было первоначально *Jum*, и что *Jupiter* возникъ изъ *Jum-pater*, *Небо-Отецъ*. Въ такомъ случаѣ все становится ясно: *jum*, Латинцевъ, *jumal* или *jumala* Финновъ, *Himmel* Германцевъ, *Hungr (Hüngr)* Скандинавовъ сливаются въ одинъ звукъ и одно понятіе. Юпитеръ есть *Небесъ-Батько (Ouranos)*, Юнона — *Небеса*, и Латины, значить, принимали, въ символѣ Юпитера, эвѣръ только-что проявившійся и еще не ставшій Жизнью или Живе-дивомъ. Юнона ихъ была слѣдственно матеріальное вещество небесное, вселенское, а не *ярая* органическая матерія. Выраженіе на *Небеси* показываетъ, что и нѣкоторые Славяне понимали Юнону въ томъ же смыслѣ. *Ярая* матерія, плоть, вѣрно составляла у нихъ особенное проявленіе *Небесы* и называлась, быть-можетъ, *Телеса*. Указанія на это существуютъ, и они очень любопытны. Я нѣсколько сожалею, что мѣсто не позволяетъ развить ихъ.

Живе-дивъ и Яра носили въ язычествѣ множество прозвищъ, мистическихъ и простонародныхъ, но всегда освященныхъ вѣрою, общепринятыхъ и всякому тогда извѣстныхъ, въ родѣ *высокодержавнѣйшій, вседержавнѣй, самосуцїй, вездѣсуцїй, могучїй, животворнѣй, благодатнѣя, всесмь-*

ная, неукротимая, многогородная, бѣлорукая, и прочая. Мы видѣли, къ какому догмату относилось прозваніе *бѣлорукая* и что оно выражало. Однихъ прозвищъ Живе-дива извѣстно въ греческомъ языкѣ до ста. Между ними есть многія очень живописныя, другія — очень странныя, но всё съ мистическимъ и религіознымъ, а не съ поэтическимъ значеніемъ: таковы — *Тучеваль*, которое уже намъ встрѣчалось; *Тучеговъ*, *Громоветъ*, у Славянъ *Перкунъ* и *Перунъ*, у Литовцевъ *Perkunas*, у Финновъ *Perkul*, *Pergula*, — нынче названіе чорта; *Молотобой*, сходное съ готскимъ *molnias* и скандинавскимъ *tjölpiğ*, которыя, означая *молотъ* Перуна, дали начало русскому слову *молнія*; *Дождьбогъ* (*Даждбогъ*, *Дажбогъ*); *Мухобогъ* или *Мухорой*, финикійскій *Bel-zebub*, отъ котораго произошло и слово *Велзевуеъ*; *Яичникъ*; *Ростовщикъ*, *Dardanos*; *Распрѣбъшенникъ*, *Agathemnon*, и такъ далѣе. Прозвище *мухобогъ* имѣло связь съ особенною теоріей жизненности, проповѣдуемою въ нѣкоторыхъ Таинствахъ и — странное дѣло! — господствующею въ наше время во многихъ германскихъ физиологіяхъ, гдѣ она извѣстна подъ названіемъ *теоріи добровольнаго рожденія*. Предполагали, и доказывали, будто, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, животное можетъ родиться изъ ничего; будто мухи и другія насѣкомыя раждаются прямо изъ эиру. Язычество, право, было не глупѣе многихъ профессорскихъ ученій нашего вѣка, и, въ нынѣшнихъ опытныхъ наукахъ, особенно со времени воскрешенія эиру, язычества такая бездна, что, право, можно извинить древнихъ жрецовъ, если они, въ своей религіозной философіи природы, часто завирались до-смѣшнаго.

Другія, особенно сирійскія, Таинства учили, напротивъ, что *все въ міръ — изъ яйца и даже самый міръ*. Разные египетскіе и греческіе храмы, въ спискахъ силъ мірозданія, вмѣсто Темени и Закона, ставили *Яйцо*, Ооп. Однако жъ это яйцо было болѣе символическое чѣмъ подлинное: оно выражало, что міръ — сфера, и что въ этой сферѣ, темной внутри какъ яйцо, и полной безвиднымъ веществомъ какъ оно, заранѣе помѣщалась Законъ и его Рокъ

или Судьба, то есть, не только разумъ и законъ всего будущаго бытія, но и напередъ рассчитанный, опредѣленный порядокъ, что и какъ должно изъ этого вещества собственною силою развиться, какія проходить измѣненія и какъ кончить свое существованіе, по точному подобію животнаго существа, предварительно въ образъ жидкой массы заключеннаго въ личной скорлупѣ вмѣстѣ съ законами своего развитія, порядкомъ своего бытія и судьбою своего назначенія. Эфиръ развился первый въ этомъ міровомъ яйцѣ и оттого Живе-Дивъ Яичникъ. *Ростовникомъ* названъ онъ, вездѣ развитое невидимое Солнце, за то, что даетъ эфиръ свой только въ займы и въ ростъ человѣку: сгущается на-время различными составами въ его образъ для своего личнаго наслажденія, работаетъ для своихъ превращеній въ разныя вещества его желудкомъ, грѣется огнемъ страстей его въ *Ярой*, въ этой бурной, сладострастной, неукротимой органической матеріи, тѣнится его свѣтлыми мыслями черезъ Аполлона - Видимое - солнце, который вмѣстѣ свѣтъ дня, свѣтъ науки, звукъ, и его мелодія, купается въ его благочестивой мудрости черезъ Синевидную Невидимку, матеріалъ *дыханія и духа*, между которыми грубый матеріализмъ язычества не умѣлъ понять разницы, и—насладившись—наигравшись — разоряетъ своего кредитора, губить, уничтожаетъ, разрѣшая все существо его опять въ эфиръ; беретъ себѣ весь капиталъ и все что нажито человѣкомъ, его трудомъ, его страданіями, путемъ этого жестокаго займа. Это безжалостное умозрѣніе, угловой камень эпикуреизма, составляло самую жестокою язву язычества, какъ религій и какъ *мудрости*, то есть, философическаго ученія.

Что касается до Жива-Дива *Распробьшенника*, то надо, послѣ сильнаго ливійскаго вѣтру днемъ, въ темную и безвѣтренную ночь быть въ Средиземномъ Морѣ, чтобы живо понять всю основательность такого прозванія. Когда эта бирюзовая зыбь—на ту минуту черная какъ смоль—страшно реветъ подъ вашими ногами, качаясь въ полный размахъ и не двигаясь съ мѣста; когда по полированной, мерцающей стали темно-синяго неба быстро текутъ рѣки отрывистыхъ тучъ, между-

тѣмъ какъ горизонтъ заваленъ ихъ горами; когда мрачная духота тѣснить грудь; когда неумолкаемые раскаты отдаленнаго грома рѣзко, и со всѣхъ сторонъ одновременно, обрываются кругомъ васъ зловѣщими гуломъ своимъ погребальную тишь приземной атмосферы, и въ то же время молнія льется какъ изъ ведра нао всѣхъ точекъ неба, электричество бурно играетъ въ высшемъ воздухѣ, изъ молній вдругъ становясь огненной звѣздой, которая разражается мгновенно или въ двѣ противныя стороны двумя ломаными чертами бѣлаго пламени или, на весь сводъ небесный, поднимъ букетомъ такихъ струй и какъ-будто осыпаетъ васъ громовыми стрѣлами — когда все это длится — длится — бесконечно и, кажется, все это небо скоро будетъ сожжено въ ужасной игрѣ огней своихъ — о! при такомъ зрѣлищѣ, не будучи ни язычникомъ, ни даже профессоромъ естественной философіи Окена, а только эиристомъ — что нынче въ большой модѣ — вы, невольно, закричите: «О! Живое Диво! эфиръ могучій! на-истинь Распробшомнишь ты, и «по-дѣломъ Греки называли тебя ага-тешпоп'омъ.» Я видѣлъ очень храбрыхъ и очень ученыхъ путешественниковъ, которые прятались въ койки и тонули тамъ въ своемъ поту, чтобы только не смотрѣть на эту потѣху Юпитера: а между тѣмъ нельзя, конечно, во всей природѣ видѣть зрѣлища великолѣпнѣе, удивительнѣе и любознѣе. И растолковать имъ не было возможности, что громъ гремитъ далеко — ближняго треску не слышно — и, слѣдственно, нѣтъ ни малѣйшей опасности быть свидѣтелемъ небеснаго представленія!

Видимое Солнце, въ образѣ Аполлона, значитъ: *Истребитель*. Слово *Аполлонъ*, поэтому, вовсе не собственное имя. Оно выражаетъ иссушительную силу южнаго Солнца, пожигающаго лѣтомъ лучами своими всю растительность; также губительное дѣйствія ихъ, въ отношеніи къ возбужденію заразъ и повальныхъ болѣзней. Посмотрите въ Иліадѣ, какъ Солнце-Аполлонъ *стрѣляетъ* ядовитыми лучами въ людей, гибнущихъ толпами отъ заразы. Если вы не переведете этого прозванія, и вмѣсто *Истребитель* будете всегда говорить

Аполлонъ, на своемъ языкѣ, то мало того, что уничтожите и замысловатость и смыслъ подлинника: вы еще можете сказать жестокою бессмыслицу, не чувствуя, въ какихъ случаяхъ такое имя вовсе нейдетъ къ дѣлу, и употребляя *Аполлонъ* тамъ, гдѣ слѣдовало бы избрать совсѣмъ другое наименованіе. Прозваній Видимому Солнцу много: мы уже видѣли нѣсколько изъ нихъ — *Дальнострѣль* и *Лучестрѣль*, которыя относятся къ тѣмъ же опустошительнымъ свойствамъ: *Лучезарь*, *Свѣтовидъ*; *Красавецъ*; *Юноша*; *Скотопасъ*, какъ производитель корму на лугахъ, хлѣба на полѣ и, отсюда начало, питатель и охранитель животнаго царства; *Вышнегодь*, какъ свѣтило текущее въ вышнихъ, по зодиаку; *Безложный*, *Elektr*, потому что никогда не ложится, не отдыхаетъ, но вѣчно обходитъ кругъ свой по небесной сферѣ; *Худогъ*, *художный* (*Phoebus*), въ точномъ смыслѣ этого стариннаго русскаго слова, которое собственно значило *отчищенный, отполированный*, и вмѣстѣ съ тѣмъ *блестящій, чистый, опрятный, изящный*: *худогъ* онъ какъ отлично полированное, блестящее солнце, и *худогъ* также какъ представитель образованности, на основаніи невиннаго языческаго каламбура: образованность, обученіе искусствамъ и наукамъ, древніе называли *полировкой нравовъ*; человекъ образованный былъ у нихъ человекъ хорошо отполированный, *politus*. Къ счастью, такой же каламбуръ содержится и въ нашемъ словѣ *Худогъ*, которое какъ-нельзя лучше идетъ къ *Вышнегоду*, когда онъ принимается распространять въ темени череповъ незримый свѣтъ науки и съ девятью сестрами своими — *Утьхами Дивовными* — или *Отрадами Перуновными* — проливать на нравственный бытъ нашъ, на наши заботы и скорби, такія же свѣтлыя и упоительныя радости, какія возбуждаетъ во всей внѣшней природѣ торжественный восходъ его на горизонтъ, прогоняя мракъ и его страшилища. Я готовъ думать что это слово *Худогъ* было дѣйствительно однимъ изъ титуловъ Солнца въ нашемъ язычествѣ: оно такъ сходно во всѣхъ оттѣнкахъ значеній своихъ съ греческимъ *Phoebos*, что это не можетъ быть дѣйствіемъ простаго случая.

Pallas, какъ мы видѣли, значитъ *Дѣвственница*, *Дѣва*:

этимъ прозваніемъ выражали язычники основную чистоту Воздуху, котораго Паллада была олицетвореніемъ. *Glaukopis, segulea*, вовсе не имѣло у древнихъ значенія *голубоокая*, которое приписали ему повѣйшіе толкователи. Это слово значило только *синевидная*, и обыкновенно присоединялось къ прозванію *l'théné*, Пезриня, Невидимка. *Синевидная Невидимка*, я полагаю—название нѣсколько по-замысловатѣе чѣмъ *свѣтлоокая Аѳиня*, и въ идеѣ незримости явственнаго для глазъ снѣга явленія, конечно, болѣе поэзіи нежели во всѣхъ голубыхъ глазахъ—если бы дѣло шло о поэзіи, о фантазіи, о вымыслѣ. Но тутъ — дѣло религиозное, какъ и во всѣхъ прозваніяхъ боговъ. Мы уже достаточно видѣли и, кажется, убѣдились, что въ этихъ прозвищахъ, даже въ самыхъ живописныхъ или самыхъ странныхъ, содержится всегда смыслъ мистическій, выведенный изъ коренныхъ догматовъ вѣры. Непостижимое заблужденіе—вообразить, будто-бы въ какой-либо религіи, особенно въ такой суетвѣрной и такой взыскательной, какова была языческое многобожіе, могло быть дозволено поэту обойти термины, утвержденные храмами и принятые народнымъ благоговѣніемъ, и играть предметами вѣры по усмотрѣнію своихъ вдохновеній! *Segulea dea* Латинцовъ, то есть, *Синяя богиня*, или *Синяя дѣва*, *Синьдѣва*, *Синева*, подтверждаетъ этотъ простой смыслъ, котораго религиозная важность довольно здѣсь показана. Латинское прозваніе *Minerva*, по этимологіи, относится къ памяти и къ уму, и можетъ-быть переведено: *Разумница*.

Димитра, *dimitir* по іонійскому выговору, слѣдственно по другимъ *déméter* и *dāmâter*, — потому что произношеніе буквы *êta* было самое непостоянное и безпрестанно изъ *ê* переходило въ *í* и въ *a*, смотря по діалекту, составилось явственно изъ усилительной частицы *da*, *пре*, съ измѣненіемъ *a* въ *é*, по обычаю Іоновъ, или, если угодно изъ частицы *dé*, которая значитъ *да, истинно, вправду*, и изъ слова *métér*, *матерь, мать*. Оно — прозваніе Цереры, то есть, Луны или свѣтлаго проявленія невидимой темноты, *Яры* (Юноны), ставшей органическою матеріей и начавшей отдѣльно дѣйствовать въ природѣ какъ растительное начало. Прозваніе это

представляетъ смыслъ, равный выраженіямъ *прематеръ*, *аидя-матеръ* или *поистинь-матеръ*—смыслъ простой естественный—сообразный съ духомъ языческой терминологіи приемами языка Грековъ. Толкователи міеологіи неслезанно затруднились этимъ *dé*, началомъ слова *сѣмѣтѣг*, и, наконецъ, рѣшили міромъ, что *dé* какимъ-то чудомъ возникло здѣсь изъ *Зѣ*, *земли*, изъ превращенія буквы *g* въ букву *d*, и что первоначально говорилось *Gѣмѣтѣг*, Земля-матеръ. Это ужъ слишкомъ высокая словарная поэзія! Превращеніе *g* въ *d* совѣтъ не въ натурѣ греческаго языка, гдѣ обѣ эти буквы очень тверды и, слѣдственно, очень не податны на взаимные переливы: мѣняются только мягкія *g* и *d*, а не такія каковы *гамма* и *дельта*. Да и примѣру нѣтъ, ни въ какомъ другомъ случаѣ, чтобы Земля въ греческомъ, или въ сродныхъ ему языкахъ, именовалась *dé* или *dí*. Чтобы Лунѣ стать Церерой, для этого ей вовсе не нужно дѣлаться непременно Землею. Пока многобожіе понимали мы по народнымъ легендамъ, разномѣстнымъ и отрывочнымъ, которыя зовутъ «міеологіей», родословныя и семейныя связи боговъ и богинь могли почитаться тѣмъ-то существеннымъ и доводить ученыхъ мужей до головомоты. Извѣстно, какая сбивчивость господствуетъ въ этихъ сказаніяхъ насчетъ Луны и Земли, которыя по-очередно являются то Юноной, то Діаной, то Церерой, то Кивелой, такъ что разобрать между ними часто нѣтъ возможности. Но этой путаницы не существовало бы, если бъ древнія прозванія были вѣрно переводимы и обнаруживали ясно каждому тотъ смыслъ, который мы убиваемъ страстью къ *собственнымъ именамъ*—въ теоріи космогоніи! — въ многобожій древнихъ!

Эфиръ, свѣтъ и темнота вмѣстѣ, растворенное, всюду разлитое *невидимое Солнце*, проявляя свое тайное свойство Свѣтозарности, становится видимымъ въ образѣ яснаго шара, вещественнаго Солнца, которое въ свою очередь становится животнымъ началомъ. Потомъ, тотъ же эфиръ, проявляя свой даръ быть также и темнымъ, становится осязаемою, полу-прозрачною матеріей, которая должна дать живую плоть всему что эфиръ, являющійся вслѣдъ за тѣмъ Жизнью, дол-

женъ оживить. Эта ярая матерія, или Яра, преображеніе всюду разлитой невидимой Темноты, эта растворенная въ пространствѣ невидимая Луна, дѣйствуетъ параллельно невидимой Свѣтозарности: проявляется видимымъ бѣлымъ шаромъ въ родной темнотѣ ночи, видимою Луною, а та, параллельно Солнцу, оказывается съ своей стороны растительнымъ началомъ. Какъ вы видите, по этой теоріи, растительность относится къ животности какъ жѣнскій полъ къ мужескому: просто, нѣмецкая *поляризація половъ!* Но вы также видите и то, что Юнона, Діана и Церера, только представляютъ собою три стороны одного предмета—именно три условія бытія славной и пылкой Яры, органической матеріи, что всѣ онѣ, вмѣстѣ — и Земля и Луна, въ какомъ-нибудь отношеніи, но ни та Луна и ни та Земля, о которыхъ вы думаете при чтеніи сказочекъ символическаго баснословія, а Луна и Земля отвлеченныя, разлитыя въ пространство, Небеса (Juno). Луна и Земля, какъ три проявленныя формы эиру ставшаго ярой матеріей: какъ общая органическая матерія, какъ организующая растительная, сила и какъ организующееся растительное вещество. Въ проявленіи своемъ видимою луною, Яра получаетъ прозванія *Полни* (совершенства), точнѣе *Ярополни*, *Яросвѣты*, *Artemis*, и *Диваны*, *Дивнодѣвы*, *Diana*. Въ дальнѣйшемъ проявленіи растительнымъ веществомъ, дѣйствующемъ уже посредствомъ земли и ея плотности — она *Прематерь*, *Мать-кормилица*, *Хлѣбородица*, *Благодатная*, *Цвѣтосита*, *Серпуха*, *Колосовѣнчанная*, *Déméter*, *Ceres*, и прочая.

Маріальности темнаго эиру какъ плоти соответствуетъ матеріальность свѣтлаго эиру, или ясу, какъ земнаго огня. Это одно изъ самыхъ наивно-остроумныхъ умозрѣній язычества. Огонь родился отъ яснаго эиру и ярой матеріи, отъ Живе-Дива и Яры. Но чадо ихъ вышло престранное: оно дымится, коптитъ, пыхтитъ, все жараетъ и всё портитъ—гадкое такъ что ужасъ — и одноное — горять ли огнемъ масляныя вещества или дрова, у него всегда только одна ножка — свѣтильни — лучина — полѣно; грязное, неуклюжее, глу-

пое дитя, и между-тѣмъ одно оно-только и умѣетъ смягчить, прѣсть и плести металлы, выдѣлывать изъ нихъ самыя изящныя и самыя тонкія формы. Для надлежащей ясности дѣла, надо вспомнить или посмотреть несравненное совершенство филиграновыхъ работъ глубочайшей древности — произведенія, напримѣръ, Этруссковъ, которыхъ слава, по части «галантерейныхъ издѣлій», затмѣвалась однако жъ знаменитостью Финикійцевъ, когда Тиръ былъ Парижемъ Гречанокъ; когда, услышавъ о приближеніи корабля изъ этой столицы моды и вкусу, весь прекрасный полъ Эллады выбѣгалъ на морской берегъ и ждалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ выгрузки прелестей и счастья. Несмотря на этотъ драгоценный даръ огня, въ свѣтломъ и чистомъ ясѣ, на небѣ, ему не могло быть мѣста съ такой грязной и гадкой натурой. Живъ-дивъ, распребѣшенникъ по своему наяснѣйшему характеру, схватилъ его за единую ножку и выбросилъ на землю. Но какъ ни гадокъ, золъ, нечистоплотенъ огонь, при неблагопристойныхъ примѣтахъ и рядомъ съ ними въ немъ есть удивительная красота—всѣ цвѣта радуги—блескъ сіяніе—отрада для глазъ. *Самогарь* явственно состоитъ въ брачномъ союзѣ съ *Самокрасой*. На этотъ-то таинственный союзъ Огня и Красоты указываетъ Пиндаръ въ началѣ одной изъ знаменитѣйшихъ одъ своихъ, въ которыхъ, вообще—бездна языческой *мудрости*. Разумѣется, они плохо уживаются другъ съ другомъ. Прелестная Самокраса не можетъ любить его, и она, тайкомъ, гуляетъ отъ пыхтящаго и копотнаго съ другимъ, болѣе нѣжнымъ и учтивымъ огнемъ — смѣлымъ — доблестнымъ славнымъ—съ мужскимъ пыломъ природы, отличнѣйшимъ качествомъ ярой матеріи, олицетвореннымъ мужествомъ, однимъ словомъ, *Мужаномъ*, Mars, Agès. Какъ ловко, забавно, и совершенно простонародно изложено все это ученіе въ осьмой книгѣ Одиссеи! Мы переведемъ это мѣсто буквально.

Neph-aistos и *Aph-rodité*, въ самомъ дѣлѣ, значатъ *Самогарь* и *Само-краса*. *Aistos* правильно происходитъ отъ *aithô*, *горю*; *rhodos*, германское *goth*, значило первоначально, все красное и красивое, внослѣдствіи же примѣнено исключи-

тельно къ красной розѣ и ея прелести: *rhodité* въ точности соотвѣтствуетъ нашей формѣ *красавица*. Въ началѣ обоихъ греческихъ названій находится слогъ *aph* или, все-равно, *êph*, и въ имени Самогара онъ даже — съ придыханіемъ *h*: *harh-aistos* или *hêph-aistos*, и *aph-godité*. Слогъ этотъ, сомнительнаго происхожденія, затруднялъ уже древнихъ богослововъ, для которыхъ прозванія боговъ составляли предметъ необыкновенной религіозной и философической важности. Но не трудно показать совершенно удовлетворительнымъ образомъ, что эти *af* и *hêf* произошли отъ сокращенія *avto* и *heavto*, самъ, и самъ собою — *Самъ-собою-гарь* — *Самокраса*. Не умѣя, при своихъ ничтожныхъ филологическихъ средствахъ, разобрать этихъ словъ, жрецы постарались объяснить вопросъ каламбуромъ. Въмѣсто того чтобы читать, естественно, *Aph-godité* они стали читать *aphgo-dité*; и какъ *aphgos* значить *пѣна*, то и сочинили безтолковую легенду, которая ни съ чѣмъ не вяжется, о *добровольномъ* рожденіи Красоты изъ морской пѣны: однако жъ, о *добровольномъ* — явственно, потому что въ древнѣйшихъ преданіяхъ вѣры упоминалось о *само-бытности* Красоты, нѣкогда выраженной первымъ слогомъ прозвища *Af-godité*. Самокраса была *небесная* и *земная*, то есть, невещественная и вещественная. Первая составляла самобытное свойство эфиру и проявлялась въ ясѣ, въ солнцѣ, въ звѣздахъ, въ воздухѣ и воздушныхъ огняхъ (электричествѣ), словомъ, во всемъ *Убранствѣ*, то есть, мірѣ — потому что языческой мистицизмъ называлъ міръ не иначе какъ *Убранствомъ*, *kosmos*, *mundus*. И здѣсь-то вполне понятно, отчего Красота получила названіе *Самокрасы*. Вторая Самокраса, земная, вещественная, горячая, страстная, была связана съ матеріальнымъ огнемъ и, въ животномъ видѣ, проявлялась голубемъ, символомъ оплодотворительности.

Прозваніе *Artemis*, Полня, совершенство, которое обыкновенно означало Луну, латинскую *Dianu*, въ нѣкоторыхъ богослуженіяхъ было присвоено Небесной Самокрасѣ, *Venus coelestis*.

Эфиръ, скрытый въ хлѣбномъ зернѣ, въ виноградѣ, въ фи-

никахъ, въ плодахъ, въ сахарѣ, и который мы нынче называемъ алкоголь, этотъ эфиръ, отдѣляющійся при разложеніи растительныхъ веществъ черезъ броженіе, возбуждалъ всегда удивленіе языческихъ философовъ природы не менѣе притягательныхъ свойствъ магниту. Эфиреты думали видѣть, въ хмѣльномъ началѣ плодовъ, неоспоримое доказательство присутствія здѣсь эфиру и того великаго догмата, что все состоитъ изъ него въ различныхъ степеняхъ сгущенія и все въ него разрѣшается. Вотъ основаніе той необыкновенной важности, которую, у Грековъ особенно, имѣли Таинства Вакха, или Діониса. Она кажется намъ смѣшною, даже непостижимою: между-тѣмъ она не только — совершенно въ духѣ эфирной теоріи, обращенной въ религію, но даже главная опытная ея опора. Dionysos значитъ *Дивовъ уколъ, Ясово жадо, Ясъ-Упой, Вакchos—Иаступъ, Одурь*, чудныя и очевидныя дѣйствія «распребѣшеннаго» эфиру. Скивы, отъявленные пьяницы, не вѣрили, чтобы тутъ было какое-нибудь чудо — человекъ нарѣзая браги и свалился съ ногъ, вотъ и все тутъ! — и вакхическія таинства Грековъ въ торговыхъ городахъ Гостинрой Пучины были, на ихъ глаза, ужаснѣйшимъ соблазномъ.

Свойство легкости, летучести и быстродвижности эфиру, свойство проникать всюду, наполнять собою все пространство, и все содержать въ порядкѣ, благоустройствѣ, равновѣсіи и прочности, выразились символомъ Меркурія, *Hermés*, бога съ крылышками у ногъ и на головѣ, посланца и востокователя всѣхъ прочихъ свойствъ эфиру или боговъ. Нынѣшняя опдуляціонная теорія свѣту, которая водитъ эфиру велить пробѣгать до трехъ сотъ тысячъ верстъ въ секунду, должна превосходно понимать пользу Меркурія, представителя быстродвижности этого міроваго вещества. Негма значитъ опора; *hermasis*, уравниженіе; *hermazo*, подпираяю, упрочиваяю, устроиваяю, уравнишиваяю; *hermensid*, прилаживаяю, подбираю слова къ смыслу, объясняю. Въ этихъ значеніяхъ заключаются всѣ главнѣйшія обязанности Меркурія. *Hermés* значитъ, прежде всего, *Опорный*, какъ кругъ горизонта, на который опирается небесный куполъ

вселенной и который служить ему взаимно опорой. Назовемъ его, для большей ясности идеи, *Кругопоромъ*.

Въ другомъ смыслѣ, Гермесь или Эрмій — *Равновѣсь*, потому что этотъ кругъ раздѣляетъ небесную сферу на двѣ равныя половины, и содержитъ равновѣсье между верхнимъ царствомъ свѣтлаго Ясу, Диве, и нижнимъ царствомъ темнаго Ясу, Темноты, Яры (Юноны, Земли), или между ээиромъ какъ первую силу и ээиромъ какъ производительною матеріей. Въ этомъ смыслѣ также овъ *Устрой*, *Благочинный*, и *Полезный* (а не *податель благъ*, какъ перевели въ Боннѣ). Прочія прозванія его *Душеводъ* — потому что кругъ горизонта служить проходомъ для душъ покойниковъ изъ ясной половины небесной сферы въ темную, въ царство Тьмы — *Скорородъ*, *Быстролетъ*, *Мѣткоцль*, *Соглядатый*, *Посланникъ*, *Толмачъ*, *Краснобай*, и прочая. Въ алхимической символикѣ, гдѣ ртуть изображаетъ быстроедвижность ээиру въ металлическомъ состояніи, одинъ изъ видовъ *Кругопора*, или *Устройства*, и такъ *полезна* для отгискиванія признаковъ золота, прозвища Гермеса или Меркурія не менѣе разнообразны.

Кругопоръ, какъ *Устрой* и *Благочинный*, былъ, между прочимъ, чрезвычайно *полезенъ* для отводу дурнаго глаза. Въ Аѳинахъ, передъ каждымъ домомъ, у входу, стояли двѣ *опорки* (каламбуръ изъ звуковъ и значеній словъ *herma* и *hermês*), два каменные столбика, для того чтобы первый взглядъ дурнаго глаза завистника, который входитъ въ домъ, взглядъ самый опасный, упалъ на эти *опорки* (гермесы) и на нихъ притупился. Въ Египтѣ *опорки* такого рода бывали нерѣдко колоссальны: это — знаменитые обелиски, воздвигавшіеся съ тойже «полезною» цѣлью у входу въ дворцы и храмы, по обѣ стороны главной двери. Передъ частными домами обелиски въ Египтѣ бывали не выше гермесовъ въ Аѳинахъ. Водились даже, и нынче можно видѣть въ музеумахъ, для большей безопасности обелиски комнатные, туалетные, карманные, какъ изображенія ээирнаго свойства всустройительности и уладчивости, какъ символы ко всему полезнаго *Кругопора* и, главное, какъ отличные глазоотводы на случай посягательства завистниковъ на ваше счастье. Ничего

не пропадаетъ подъ луною. Гермесы съ великимъ шумомъ возродились въ Европѣ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, подъ названіемъ громоотводовъ. Но, въ настоящее время мудрѣйшіе изъ физиковъ полагаютъ, что наши громоотводы, ровно столько же *полезны* какъ и древніе глазоотводы, гермесы или обелиски. Суевѣрія мѣняютъ только названія, но человѣкъ всегда возвращается ко льстивой мечтѣ, когда не путемъ невѣжества, такъ путемъ науки.

По случаю любопытнаго вопросу о *Кругопорь* или *Устрой*, нельзя пропустить одного важнаго обстоятельства, до него лично касающагося, и которое весьма полезно знать изслѣдователямъ славянскихъ мифологій, потому что оно превосходно объясняетъ сущность и духъ язычества какъ религиозной теоріи. Вотъ оно. Во *Тракии* или *Фракии*, которую уже пора бы намъ называть *Тракіей*, какъ она и называлась, не Юпитеръ, не Зевсъ, не *Живе-Дивъ*, былъ первымъ и главнымъ богомъ на небѣ, но *Кругопорь* или *Устрой*, *Perseus*, *Mercurius*; и ни Греки ни Римляне, не почитали Фраковъ, то есть, Траковъ, еретиками. Напротивъ: многіе храмы въ собственной Греціи и въ Малой Азіи слѣдовали тракскому толку и первыя почести воздавали Гермесу, *Кругопору*, *Устрою*, *Толмачу*, ставя *Живе-Дива* или Зевса въ разрядъ второстепенныхъ божествъ. *Толмача* называли даже *Закономъ* или *Ладомъ*, и присвоивали ему всѣ лучшія прозвища *Живе-Дива*. Какъ это могло быть? — великое удивленіе у новѣйшихъ классическихъ и историческихъ критиковъ: — а это было очень просто.

Одна, самобытная, основная и всеобщая сила существуетъ и дѣйствуетъ въ природѣ, и ей-то поклоняется язычество. Это — ээиръ, ясъ, вѣдро, *wether*. въ латинскомъ просторѣчій *serenum*, отеего во французскомъ осталось донинѣ *serain* — *le serain tombe*, въ значеніи: *роса падаетъ*, которая какъ извѣстно падаетъ только при *ясномъ* (ээирномъ), безоблачномъ небѣ — и отчего въ нижней латыни слово *serenissimus*, наяснѣйшій, пресвѣтлѣйшій. Это обожаніе ээиру было, какъ вы видите, повсемѣстно въ древнемъ мірѣ. Многобожіе, это — ээиръ, разложенный на свои главныя свойства, кото-

рыя, повторяю съ Геродотомъ, нужно *уметь только хорошо называть*. Какъ всѣ свойства ээиру равно благородны и равно святы для язычества, то не все-ли равно признать первымъ и самымъ чудеснымъ между ними то или другое, по своему любомудствующему разумѣнiю, и въ немъ сосредоточить всѣ прочія? Тракамъ, и послѣдователямъ ихъ умозрѣнiя, показалось, что свойство ээиру двигаться съ непостижимою скоростью, все устраивать, все подпирать, укрѣплять и содержать въ прочномъ порядкѣ, еще удивительнѣе свойства его давать жизнь всему составляющемуся изъ *арой* его стороны, и Жива-Дива они вынесли за кулисы, и на главной сценѣ поставили Кругопора, Устроя или Благочиннаго.

Это ученiе Траковъ стоитъ полнаго вниманiя нашихъ археологовъ. Кто бы ни были Траки первоначально—одинъ извѣстный геллертеръ, въ своемъ миеологическомъ бреду, недавно доказывалъ, что они когда-то были умнѣйшiй и образованнѣйшiй народъ въ поднебесной, просвѣтившiй Грецію, населившiй Малую Азiю, основавшiй все великое и славное на землѣ — кто бы они ни были въ то незапамятное время, только несомнѣнно то, что уже при Геродотѣ Тракiя населялась Готами и Славянами вмѣстѣ. *Готъ* или *Славянинъ*, это все равно. Нѣкогда толковать теперь, слово ли *готинъ* переведено словомъ *славянинъ*, или слово *славянинъ* словомъ *готинъ*: довольно указать только одно занимательное обстоятельство. Иготское имя Gauthus, Godas, Gaudynus, Gothunus, отъ котораго въ англiйскомъ и англо-саксонскомъ доньянѣ остается gaudy, и наше *Славянь* или *Славянинъ*, равно значатъ *славящiйся*, даже *тщеславящiйся*, а у Геродота главный скиескiй народъ названъ въ греческомъ переводѣ Auchatae, чтѣ также значить и *славящiеся* и *славящiе себя* и *тщеславные*. Однозначительность этихъ двухъ народныхъ названiй такъ ясна и такъ велика, что не возможно было бы разобрать, о Готахъ ли онъ говоритъ или о Славянахъ, если бы другiя мѣста его разсказу не показывали, что тутъ были и Готы и Славяне вмѣстѣ, только Славяне—подъ владычествомъ Готовъ, которые и есть его *Царствующiе Щиты* (basilevontes Skythae, или Skoloti, Skoldi, Skjöld; по

Несторову выговору *Оскольд*), и Птоломеевы Великая-Щиты или, все равно, Великие-Русские, *Bohuski* *. Баснословно-политическое имя племени Готовъ въ древности было положительно *Щиты*, но, отъ двухъ родовъ готскихъ щитовъ, *sköld i rîs*, одна часть племени, какъ кажется, называлась *Sköldi* или *Skölti*, а другая *Rîs* или *Rys*: нѣтъ однако жъ ни малѣйшаго сомнѣнiя, что обѣ части составляли одинъ и тотъ же народъ, и что оба эти названiя принимались и въ Европѣ и Азiи одно за другое. Вездугдѣ Греки выводятъ на сцену *Скютовъ* или *Сколотовъ*, въ древнѣйшихъ преданiяхъ Персиковъ вы находите *Русовъ*. Славяне, и въ Тракии и въ этой сторонѣ, всегда жили подъ властью Готовъ—Царствующихъ Скютовъ или Сколотовъ—*подъ ихъ кнутами*, какъ увѣряетъ Геродотъ. Но какъ Славяне обыкновенно бывали многочисленнѣе, и Готы, правящiе ихъ поколѣнiями посредствомъ своихъ династiй, нерѣдко забывали родной языкъ среди людей полянскихъ, вятскихъ (то есть, вентскихъ), радимскихъ, древлянскихъ, дрегвицкихъ и другихъ, то многiе изъ Готовъ говорили *словомъ словаческимъ*, нашимъ, человѣческимъ. И тутъ-то является необходимость, и для Готовъ по роду и для Человѣковъ ставшихъ Готами по закону завоеванiя, перевести слово *Gaudeus* на общiй языкъ. Оно и переведено *Славянъ*, *Словянинъ*, по коренному обычаю древности переводить

* У Нестора — *пришли съ Киева ооводы Рюрика, Оскольдъ и Диръ*. То есть, пришли *Скиоз* (Готь, Щитъ) и *Великая*. Каждому, кто знакомъ съ языками исландскимъ и готскимъ, извѣстно, что *dir* есть одно изъ прозванiй гигантовъ. *Оскольдъ*—простонародный выговоръ слова *Скольдъ*, какъ *Осколь* простонародный выговоръ слова *Псковъ*. Греческое *Sküh* совершенно правильно образовано изъ готскаго *Skjöld*: l передъ d не произошло, въ большей части случаевъ, и d въ концѣ словъ выговаривалось какъ l. Соптiе доказательства этого можно привести изъ готскаго и изъ исландскаго. Слѣдовательно, Греки очень оловательно *Skjöld* (*скею*) произносили *Скюта*, *Skytha*. Но самъ же Геродотъ прибавляетъ: мы, Греки, такъ называемъ ихъ, *Скюта*, а собственно на ихъ языкъ они называются *Skolot* (*Skoll*), но имени перваго царя своего. Раскройте саги: кто первый царь всего готскаго и скандинавскаго племени?... Царь *Skjöld* или *Skoll*. Кто *Осколда* и *Дира* принимаетъ за историческiя лица, того можно поздравить съ особеннымъ даромъ свисходительности къ народнымъ сказанiямъ.

въ собственныя имена; и это переводное названіе могло уже быть съ одинаковою гордостью употребляемо и покорителями и покоримыми. Наоборотъ, гдѣ люди *словаческой* породы, живя между Готами и были немногочисленны въ сравненіи съ ними, тамъ, естественно, они принимали и языкъ Готовъ и племенное прозваніе *Gaudus, Godynus*. Коротко сказать, между Готами и Славянами, чѣмъ далѣе мы восходимъ въ древность, тѣмъ труднѣе опредѣлить различіе. Если у Траковъ опорное, равновѣсное и быстроедвижное свойство ясу поставилось выше свойства живаенности, то этотъ толкъ, черезъ Готовъ или черезъ Славянъ, вѣрно удѣлился и нѣкоторымъ другимъ областямъ сѣвера. Въ самомъ дѣлѣ Великій Ладъ Людоѣдовъ-Литовцевъ, ихъ *Didis Lado*, русскій *Диди Лад*, означая то же что греческое *Logos*, первобытный Законъ въ Темени, по многимъ признакамъ очень похожъ на Гермеса. Знаменитое тракское ученіе, какъ кажется, не ограничивалось Дунаемъ.

Одобряя Траковъ по дѣлу Гермеса, за что же Греки, какъ видно изъ аллегоріи о Полифемѣ, не жаловали одиностовъ? Кривичи наши, вмѣстѣ и Славяне и Готы какъ жившіе подъ владычествомъ Готовъ Щитовъ — Геродотъ говоритъ, что именно въ этихъ мѣстахъ, у верховьевъ Днѣпра и Волги (*Gegghos*), живутъ *Щиты многочислѣннѣйшіе и благороднѣйшіе, которые царствуютъ надъ всеми прочими* — и за одно съ Кривичами Готы, поселившіеся въ Швецію и на Поморьѣ; могли оправдать свой толкъ тѣмъ, что одно изъ прекраснѣйшихъ свойствъ ээиру или ясу состоитъ въ дарѣ его проявляться въ благородномъ образѣ челоѣка-мужчины, и что это свойство они почитаютъ первымъ изъ всѣхъ и изображаютъ его въ лицѣ Одинна, Воданна (Несмерта), Хароса, Ярослава, Гарольда, Крива, или какъ угодно назовите его. Въ самомъ дѣлѣ, оправданіе благовидно, и Греки вслухъ не спорятъ: они уважаютъ догматъ, но — тутъ есть отгѣнокъ. Несмертъ, Ярославъ или Геркулесъ, былъ сперва челоѣкомъ — онъ только воплощеніе Жива-Дива — онъ родился отъ тлѣнной женщины, состоялъ изъ ярой матеріи, и даже представлялъ собою оппозицію ея притязаніямъ этого Ростовщика Ээиры смотрѣть на нее

какъ на страдательное орудіе своихъ наслажденій. Притомъ же этотъ Ярославъ или Кривъ такой гадкій — съ однимъ круглымъ глазомъ во лбу — а Великаны Щиты, которые спускаются безпрестанно по Бо-рюс-дену, по велико-русской или велико-щитовской рѣкѣ, и грабятъ Грековъ въ Гостиной Пучинѣ — такіе ужасные гиганты! По всѣмъ таковымъ уваженіямъ весьма прилично и полезно, чтобы Сбѣгнѣвъ-Одиссей, первый классическій плутъ и, слѣдовательно, единственный человѣкъ, который въ состояніи съ ними справиться, высверлилъ этотъ негодный глазъ коломъ ихъ Криву-Ярославу, отъ котораго они и называются у легковѣрныхъ Гречиповъ Кривыми, *Одноглазыми*, *Monophthalmi*, а у себя *Кривичами*, то есть, ни болѣе ни менѣ какъ *Heraklidae Геркулесичи*.

Этотъ подвигъ считался такимъ важнымъ, что имъ затѣвается даже славное путешествіе Одиссея въ преисподнюю. Когда онъ, хитростью, пробрался въ адъ, тѣнь Ахилла встрѣчаетъ его съ великимъ удивленіемъ, и какъ Ахиллъ Пелеевичъ былъ столько же боекъ на языкѣ сколько и на копье, то, въ видѣ дружескаго привѣтствія, плача отъ радости, отпускаетъ онъ ему такіа слова-птички своимъ шутиво-казарменнымъ слогомъ:

«Наяснѣйшій Лаэртovichъ!... на-всѣ-штуки Одиссей!...
 Подлецъ! что жь ты еще знатнѣе этого выдумашь въ мозгу
 Да какъ ты смѣешь въ адъ-то нисходить? Тутъ только мертвецы
 твои!»

Бозможные живутъ, образы окаянныхъ тлннныхъ! * (XIII, 15).

* Переводъ совершенно буквальный — съ отвѣтомъ за каждое слово. Въ подлинникѣ вмѣсто *наяснѣйшій* стоитъ *двородный*, но уже здѣсь показано, что *двородный* было у Грековъ титуломъ, во всей точности ответственнымъ прежнему славянскому *лснгойшій*, *сѣтлгойшій*. Эпитетъ *polushchapos*, который Ахиллъ даетъ старому пріятелю Одиссею, буквально значитъ *многоступный*, но въ русскомъ языкѣ такое слово было бы двусмысленно. Мы говоримъ обыкновенно: человѣкъ *на всѣ штуки*. Вѣрности ради, можно бы сдѣлать изъ этого выраженія прилагательное *навсѣштужный*; но употребительное всегда лучше придуманнаго. Слово *окалнннй* есть отличный славянскій переводъ слова *καὶόν*, находящагося въ подлинникѣ и неправильно объясняемаго въ словаряхъ словомъ *умершій*. Для сло-

Но вотъ наисябйшій Одиссей Лаэртovichъ выдумалъ нѣ-что еще по-знатиѣ этого — Одноглазнику, Кривичу, Ярославу-Полифему, который *считаетъ себя выше Живобога*, глазъ выдолбилъ! — ересь искоренилъ! — славное и богамъ угодное дѣло учинилъ!

Но я забываю, что нѣкоторымъ изъ моихъ читателей можетъ показаться — мало того, неслыханнымъ — даже ненатуральнымъ дѣломъ, чтобы *Кривичи* были *Гераклидами*. Они привыкли такъ глубоко уважать Гераклидовъ!... и такъ низко цѣнить Кривичей!... Но — кромѣ необходимости серьезно и съ приличными средствами заняться изслѣдованіями по такимъ предметамъ, прежде чѣмъ имѣть объ нихъ сужденіе — кромѣ отличной пользы для вопросу трудолюбиво узнать напередъ все что нынче можно узнать по этой части — не противно здравому смыслу принять въ соображеніе хотя одно, слѣдующее, обстоятельство. Если Геркулесъ существовалъ и былъ въ чести у всего язычества — а у *Щитовъ*, *Скиновъ*, *Скютовъ*, *Скюльдовъ* или *Рюсовъ*, онъ существовалъ положительно — былъ извѣстенъ Грекамъ и Римлянамъ подъ названіемъ *Скинскаго Геркулеса* — то Гераклиды, или Геркулесичи, должны непременно обнаружиться въ разныхъ мѣстахъ древняго міра. Ненатуральное дѣло было бы, напротивъ, то, если бы Гераклиды воились въ одной только Греціи, и нигдѣ болѣе слѣда ихъ не открывалось бы въ историческихъ памятникахъ, между-тѣмъ какъ мистическое вѣрованіе въ Геркулеса, *Нагі*, *Яра* или *Ярослава*, *Хороса*, распространялось отъ Ботническаго до Персидскаго Залва, отъ Печоры до Тага. Ксчастію, при надлежащемъ сличеніи всего, что въ наше время уже можно сличать удобно, все оказывается совершенно сообразнымъ съ *натурою вещей*.

Гераклиды существовали во многихъ мѣстахъ. Вы помните *phēn*, *сердцевые уши* и, вообще, вся ближайшая окрестность сердца, у насъ нѣтъ однозначачаго выраженія на томъ простомъ языкѣ, которому *phēn* принадлежитъ: на медицинскомъ нашемъ языкѣ есть слово *околосердіе*, но оно слишкомъ неуклюжо. Нѣтъ другаго средства, какъ допустить, вмѣсто однозначачаго, равносильное. *возгъ*.

те *Арию*, благороднѣйшую область древней южной Персїи, отечество Камбюсовъ и Дарїевъ? *Ари* въ древне-персидскихъ языкахъ означаетъ во всей точности то же что *Наті* у Англосаксовъ и Скандинавовъ, *Нег* и *Наг* у Латиновъ, *Тусковъ* и *Тудесковъ*, *Шаг* или *Chagus* у Готовъ, *Нега* у Грековъ, *Яръ* у Славянъ — повсюду предикать Геркулеса или первый слогъ его титуловъ *Аріа*, слѣдственно, значить *Яріа*, Геркулещина: и это положительно. Тутъ также жили Гераклиды, люди производившіе родъ свой отъ Геркулеса. Между титулами, которые даетъ себѣ Дарій, сынъ Истасновъ, мы находимъ: *Ари Ариютра* — я *Аріецъ Аріевичъ* — сынъ *Аріа*, Геркулеса, какъ въ *Аріицы*.

Обратимся теперь на сѣверъ. Кривичи — исторически извѣстно — вели свой родъ отъ Геркулеса. У Геродота, Царствующіе Скифы живутъ *главно* и *преимущественно* въ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии времени открываются Кривичи: въ *Геррахъ*, что значить — въ *Руссахъ* или *Щитахъ* — въ Птолемеевой *Бо-русїи* или древней *Велико-Росїи* — именно, у верховьевъ *Бо-Рюсъ-тема*, велико-русской рѣки, Днѣпра. Живутъ онѣ отъ мѣста называемаго *Tarhi* (*Могилы*, переводъ имени *Могилевъ*) — тутъ же близко есть и ихъ *царство*, *basilia*, то есть, столица (Смоленскъ или Орша: *ogsza* въ языкѣ Угровъ, или Мадыровъ, которыхъ столицею, по венгерской хроникѣ Неизвѣстнаго, была Суздаль, *ogsza* дѣйствительно значить *царство*; но повѣрнее Готы и Славяне употребляли это слово равнобѣрно, потому что это — знаменитое слово *орда*, громогласное во всѣхъ сѣверо-азиатскихъ и восточно-европейскихъ языкахъ, завѣтный историческій терминъ для означенія вмѣстѣ и *царства* и столицы). Отъ *Могилы*, живутъ эти Царствующіе Скифы до рѣки *Gerrhos*, что также значить рѣка *Русь*: *Gerrhos* есть буквальный греческій переводъ готскаго слова *рюсь* (*gus*), означающаго именно тотъ самый родъ огромнаго и легкаго щита, плетеннаго изъ тальнику и обитаго кожей, который Готы называли *gus* (произноси *рюсь*), а Исландцы на своемъ нарѣчїи *reit*, откуда у нихъ, въ ихъ сагахъ знаменитая и древняя какъ свѣтъ *Reith-Gaithland*, названіе совершенно равносильное готскому *Rys-Gaud-*

land; Шито-Готландія или, все равно, Рюсо-готская Земля. Удивлялись, отчего о Руссах нигдѣ не говорится въ исландскихъ или такъ-называемыхъ *скандинавскихъ* сагахъ, если Руссы вышли изъ Скандинавіи—если даже послы свейскаго короля называли сами себя Русами — если Аравитяне въ девятомъ столѣтіи Нормановъ, оравившихъ Севилью, вдругъ неизвестно откуда именуютъ Русами — если въ Византіи также даютъ названіе Русовъ дружинѣ, набранной изъ скандинавскихъ выходцевъ. На этомъ отсутствіи имени *Рюсовъ* въ исландскихъ сагахъ строили даже цѣлыя системы. Да какъ же тамъ можетъ встрѣчаться имя *Рюсь*, когда *рюсь* значитъ особенный родъ *щита* и это — готская форма, а исландскія саги писаны на нарѣчій дано-норвежскомъ, въ которомъ тотъ самый щитъ называется *geit* — въ англо-саксонскомъ *geus? Reit-Gotland* встрѣчается почти въ каждой сагѣ — даже дѣйствіе большей части древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ сагъ происходитъ въ *Reit-Gotland's*, нынѣшней Россіи, а *Reit-Gotland* — все-равно что *Rus-Gotland* или *Rüs-Gotland*: Шито-Готія. *Рюсь* — имя мнѣо-политическое, а не племенное, такъ же какъ *Скольдь* или *Сколтъ*. *Рюсь* собственно прилагается къ Готамъ. Притомъ же не всѣ Готы были *Рюсь*, какъ не все Скандинавы были *Готъ*. Готы, жившіе въ Швеціи, хотя и пришли туда изъ Рейтъ-Готландіи или *Рюсь-Готландіи*, не употребляли прованія *Рюсь* правительственно, составляя владѣніе подъ другимъ политическимъ наименованіемъ. На Востакѣ, съ-тѣхъ-поръ солнце тамъ востекаетъ на памяти исторіи, Готовъ называли не иначе какъ *Рюсь*, между-тѣмъ какъ Греки знали ихъ подъ двумя однозначными названіями, и *Скютъ* или *Сколтъ* (понынему несчастному произношенію *Скюэ*) и *Рюсь* или *Рюски* (*Boguski*). Въ глубокой древности, рядомъ съ названіемъ *Скютъ* или *Сколтъ* названіе *Рюсь* проявлялось у Грековъ въ готскомъ имени рѣки, Днѣпра, *Во-güs-then*, и въ днѣпровскихъ *Бо-русахъ*, или скрывалось въ переводномъ названіи *Gerrhi*. Въ овосточившейся Византіи, когда вышло изъ моды классическое слово *Скютъ*, слово *Рюсь* взяло свой естественный перевѣсъ, и съ-тѣхъ-поръ оно не сходило тамъ со сцены. При появленіи

Скандинавовъ, и Греки при Босфорѣ и Аравитяне въ Испаніи, въ одно время и въ одно слово вскричали: это — *Русь!* Они хотѣли сказать: это — Готъ! Если тутъ заключается какая нибудь неточность выраженія, такъ развѣ въ томъ, что они всѣхъ безъ разбору Скандинавовъ принимали за Готовъ. Но не точность эта совершенно простибельна для такихъ отдаленныхъ судей. На нашей землѣ — на Поморьѣ — въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Германіи и даже Швейцаріи — гдѣ только сидѣли Готы, вы непременно встрѣчаете названія *Рюсъ, Rys, Rüs, Reus, Reuth, Ruth.* Отсюда и знаменитые германскіе *principes Russogum*—то есть, *principes Gothorum*, князья именно тѣхъ Готовъ, которые удерживали за собою славный старинный титулъ *Щитовъ.* Все рѣшительно сходно съ натурою вещей. Надо только — не на выдержку брать свидѣтельства и документы, а обнять и сличить ихъ въ цѣломъ — со всѣхъ концовъ міра свести во-едино — и составить себѣ ясное общее понятіе обо всемъ древнемъ мірѣ. Дѣло надо вести немножко энциклопедически — извините такую дерзость — но другой процедуры въ вопросахъ такого рода быть не можетъ.

Браните; но слушайте. Меня обвинять — можетъ-статься — въ дерзкомъ намѣреніи произвестъ этими сближеніями переворотъ въ историческихъ идеяхъ людей, которые и важнѣе и умнѣ меня. Вотъ ужъ была бы несправедливость! Я — въ высшей степени консервативный изслѣдователь; доказываю смиренно, что подъ луною все старо какъ луна: гдѣ Россія — Великая Россія — лежитъ нынче, тамъ она и всегда лежала, подъ тѣмъ же безсмертнымъ названіемъ; и съ-тѣхъ-поръ какъ свѣтъ стоитъ, володѣли въ ней Руссы-Щиты, славные *Готы* или славные *Славяне*—что все равно—володѣли лично или посредствомъ своихъ династій; и изъ таковыхъ династій послѣднею и самую счастливою была династія Рурика, Гота-Рюса, пришедшаго, натурально, изъ Скандинавіи, потому что прочіе Готы, мѣстные, давно уже оставили свою прославленную Рюсъ-Готландію или Рейтъ-Готландію, ушли володѣть въ Италію, Испанію, Африку, и тамъ пропали, а остатки ихъ въ бывшей Рюсъ-Готландіи

слылись совершенно съ славянскими или, правильнѣе, вендскими поколѣніями.

Все это принадлежитъ къ другому труду моему, давно начатому, долго, постоянно и съ великою любовью, съ упорнымъ трудолюбіемъ, пополняемому среди почти безконечныхъ изслѣдованій. При нынѣшнемъ состояніи моего здоровья, когда я тихо бесѣдую съ читателями съ одра болѣзни, мнѣ простительно не надѣяться на приличное окончаніе этого труда. Я пересказываю здѣсь только нѣкоторые главные, общіе результаты его — сколько и какъ могу пересказать теперь—и только съ той цѣлью, чтобы добрыхъ людей, которые переживутъ меня — труженниковъ, презирающихъ чужихъ соображеній и готовыхъ соображать тѣ же самые источники съ тѣмъ же вниманіемъ—навести на путь и мѣсто, гдѣ должно искать первыхъ слѣдовъ нашей исторіи, показавъ тутъ же, хоть слегка, что можно найти. Вотъ все мое намѣреніе.

Главное же—и очень серіозно—я доказываю теперь только то, что мы—великаны. Мы-то тѣ страшные гиганты—цыклопы — притча во языцѣхъ ветхости — о которыхъ слетничали всѣ древніе суевѣры и которымъ высверлили глазъ въ Одиссеѣ. Мнѣ хочется удостовѣрить почтенныхъ Смолянъ, что они дѣйствительно происходятъ отъ Геркулеса, какъ потомки древнихъ Кривичей. Я можетъ-быть успѣю вывести обстоятельно, если не въ этомъ мѣсяцѣ, такъ въ слѣдующемъ, что у нихъ, у Смолянъ, Одноглазниковъ, ужаснѣйшихъ исполнителей въ мірѣ, было нѣкогда то, чего нынче нѣтъ—своя поэма—знаменитая—священная—подъ названіемъ *Agimasrou*—переведенная нѣкогда на греческій языкъ, столѣтій за шесть до Рождества Христова, однимъ угорѣлымъ мистикомъ-язычникомъ. Нарочно за этимъ кладомъ пробрался онъ къ нимъ черезъ землю *Исидонъ*, что въ финскихъ языкахъ значитъ *Бьлозеро* (*wissi, бьлый, доп, озеро*). Къ счастью пріятель Геродота, толковавшій ему всѣ имена помощью готскаго языка, не гораздъ былъ на чухонскіе діалекты, и такимъ образомъ случайно сохранилъ намъ подлинное названіе мѣста. Отъ Бьлозерцевъ прошелъ тотъ мистикъ къ *Сьвернымъ Людямъ*, *Nurbergerei* (переводъ слова *Nordmannen*), на Волховъ, и былъ даже

у *Чернокафтанниковъ*, Melanchlani: переводъ словъ «Чудь-Чухонская», tschöd, въ разныхъ финскихъ языкахъ, черный, tschuha, tchuchau, кафтанъ, платье, и особенный родъ толстаго чернаго сукна, донинѣ извѣстнаго въ Бѣлоруссiи и Литвѣ — и не только тамъ, но даже у Татаръ, Турковъ, и еще далѣе. Мало того: я надѣюсь показать, совершенно удовлетворительно, что эта древняя смоленская поэма существовать донинѣ, такъ, что Смоляне, выучившись по исландски, могутъ читать ее въ старинномъ скандинавскомъ переводѣ, потому что это всѣмъ извѣстная поэма, *Волхвики Смальё*, или «Смювидѣнiе волшебницы», Volu-spa, которой заглавiе если буквально переложить на готскiй языкъ, выйдетъ *Agimavrois*, тоже «волхвики Спанье». Читая это «Спанье», они, если не заснутъ сами, ясно увидятъ, чему вѣрили и чему не вѣрили, будучи Кривичами. Но важнѣе всего для насъ то, что они происходятъ прямо отъ Геркулеса. На это теперь легко представить документы. Многоупоминаемые Герры Геродота, Борусiя Птолемеова и Земля Кривичей Нестора, какъ мы видѣли — одна и та же земля, проявляющаяся въ исторiи подъ однозначительными именами въ три постепенныя эпохи, каждая черезъ семь столѣтiй спустя. Какъ *Gettā* значить *Русь* или *Русь*, а Царствующiе Шиты-Скюты или Шиты-Сколты жили главнѣйше на этой Руси, слѣдовательно, они предки Кривичей. Царствующихъ же Скивовъ, по родословной, подробно излагаемой Геродотомъ, предокъ былъ Геркулесъ.

Онъ пришелъ въ землю Нулаеа *Древлянскую, льскую, Польскую*, (такъ, буквальный переводъ), лежащую возлѣ Земли *Кручавихъ Нитокъ*, *Nevti* — буквальный переводъ имени *Дреговичей*. Загляните въ «Слованку» Добровскаго: найдете, что по-вендску *drehovati* значить *крутить* витки, снурки, веревки; отсюда же въ русскомъ языкѣ слово *дратва*, собственно, *drahtwa* или *drehtwa*. *Дреговичи* же или *Древичи*, что значить *Крутичи*, есть не что иное какъ славянскiй переводъ готскаго, норманскаго и германскаго *Vindi, Vendi, Wandī, Wantī*, даже *Anti* съ пропускомъ *w* у Грековъ, по ихъ обычаю, *Väti, Väni, Wiene, Venedi, Vene, Vani*, и прочая. Все это различныя из-

мѣненія одного и того же основнаго имени или прозванія *Vinda*, которое значить также *Крутичи* и происходитъ отъ стариннаго германскаго *vinda vinta, vinda, vāta, крутить нитки*. Почему значительную часть Славяпъ иѣмецкіе люди прозвали *Крутичами* или *Кручеными Нитками*, это трудно объяснить, но несомѣнно то, что слово это старинно какъ свѣтъ, какъ *Рюсъ*, какъ *Готь*, какъ *Щить*, какъ *Сколдь*, что оно—еще слово мнѣологическое, что имѣло оно какой-то смыслъ баснословный, даже важнѣйшій, и многіе славянскіе народы сами не отвергали этого титула, даже гордились имъ и нѣкоторые сохраняютъ его до-сей-поры. Остроумные древніе Бѣлорусины, большіе какъ видно пуристы, не желая называться по-нѣмецки *Вендами*, перевели это слово на свой языкъ и величались *Дреговичами*. Пуризмъ ихъ былъ очень не далекій; потому что *drehowati* явственно происходитъ отъ нѣмецкаго *drehen*. Поляки, въ пѣсняхъ своихъ тщеславились происхожденіемъ отъ Вандовъ. *Вятичи* также—не что иное какъ русско-славянскій выговоръ слова *Венды* или *Ванды*. Дреговичей Несторъ причисляетъ къ *Ляхамъ*, слѣдовательно, къ *Вендамъ*. Вятичи же по его словамъ происходятъ отъ *Ляховъ*. Не странно ли, что то же самое говоритъ и Геродотъ, который въ землѣ *Вудиновъ* (Вотяковъ) около *Гелона*, Ясна Города, Асгарда, Асборга или Болгаръ, поселяетъ часть народа *Nevgi, Крученыхъ Нитокъ, Дратвы, Дреговичей?*.... Преданіе о происхожденіи Вятичей отъ *Ляховъ* и *Дреговичей, Nevgi*, повторяется слово въ слово у двухъ невзвѣстныхъ другъ другу писателей, раздѣленныхъ пятнадцатю столѣтіями! И предаціе ни съ чѣмъ не сообразное! Языкъ *Ляховъ* не похожъ на языкъ *Дреговичей*, и оба они вмѣстѣ очень мало похожи на языкъ *Вятичей*. Слѣдовательно, не общее происхожденіе связываетъ въ предаціяхъ эти три народа, а одно слово *Ляхъ*. Чтѣ же значило оно? Значеніе извѣстно. Слово *ляхи, lechi*, значило *союзъ* и *союзники*, то же самое чтѣ *vage* и *vagingar* у насъ и византійцевъ, что *foederati* у Римлянъ, которые, чтобы не подвергаться грабежамъ сѣверныхъ Варваровъ, должны были принимать ихъ дружины на жалованіе, въ союзъ, *foedus*,

платить имъ деньгами или предоставлять имъ удовольствіе *володѣть* въ пограничныхъ областяхъ. При первомъ случаѣ эта союзная дружина овладѣвала всѣмъ у своихъ наемщиковъ. Система варяжества водилась въ этихъ странахъ съ глубокой древности подъ разными названіями, которыя всегда означали — *союзъ*. Нѣкоторое время я полагалъ, что настоящее происхожденіе слова *варягъ*, *varing*, должно заключать въ довольно употребительномъ въ сагахъ словѣ *varpa*, *landvarpa*, *охранять государство*: но причастіе отъ этого слова было бы по-настоящему *varning*, а не *varing*. Можно было бы произвести его, и очень правильно, отъ *var*, *война*: тогда *varing* значило бы *война*. Но слово *ляхъ* или *лехъ* рѣшаетъ вопросъ. Готское *lagh*, которое произносится и *ляхъ* и *лехъ* значитъ то же, что норманское *vage*, вмѣнно, *союзъ foedus*: *varing* и *laghing* (*ляхингъ*, *лехингъ*), союзникъ, *foederatus*. *Варяги*, *varingar*, слѣдственно, нечто иное какъ возобновленіе древняго готскаго *ляхъ*, *лехъ*, *лехингъ*, въ нормандскомъ переводѣ и позднѣйшаго латинскаго *foederati*. Остается только согласиться, въ какомъ смыслѣ Дреговичи и польскіе Венды — были *ляхами*. Составляли ли они союзъ между собою? Тогда, что дѣлало бы у нихъ готское слово *ляхъ*, и какимъ образомъ они могли состоять въ союзѣ съ Вятичами у Вояковъ, съ жителями Ясна-города, Асгарда или Асборга? Самое названіе *Aspurgitani* показываетъ, что въ Болгарахъ володѣли Готы. Слѣдовательно, они точно также володѣли у Дреговичей и польскихъ Вендовъ, но не какъ Царствующіе Скивы или Рюсы у насъ, въ средней Скиѣи, а володѣли только какъ *ляхи*, какъ *варяги*, посредствомъ своихъ дружинъ, которыя то занимались къ этимъ Славянамъ содержать у нихъ *landvarn*, *охрану государства*, противъ другихъ Готовъ, Русовъ, Велико-Русовъ, то покоряли ихъ себѣ и учреждали у нихъ свои династіи. Очевидно, что это былъ особенный родъ Готовъ, отдѣлившіеся отъ *Руси* и состоящій даже во враждѣ съ этими Щитами. Этимъ только образомъ объясняется натурально и согласно съ общимъ характеромъ исторіи древняго сѣвѣра *ляхское* качество привислянскихъ Вендовъ, придвинскихъ Дреговичей и приволжскихъ Вятичей. Когда у Ге-

родота видишь явно готскую династію у Древлѣнъ, на По-лѣсьѣ, когда тутъ, еще въ средніе вѣка, возлѣ Дратвы находишь *Ятву* и *Ятвинговъ*, *Jat*, *Jatewing*, *Jot*, *Jut*, *Jete*, *Gele*, *Gita*, *Got*, *God*, *Gud* (все различныя измѣненія слова *Готъ*, и всѣ употребительныя въ сагахъ), предположеніе становится очевидностью.

Относительно къ землѣ Нулаѣ (*Древлянской*, или *Польсью*, отъ *hulé*, *древляна*, *льсь*), я ожидаю возраженія со стороны тѣхъ, которые никогда не могли выпутаться изъ Геродотовой географіи Скиѣи, потому что не изучили предварительно общей географической теоріи этого писателя, примѣчательной во многихъ отношеніяхъ, но въ основаніи ложной и поведшей его ко множеству ошибочныхъ выводовъ, единственно изъ удовольствія спорить съ Гомеромъ и опровергать послѣдователей гомерической теоріи Земли. Между-прочимъ, въ духъ своей системы, онъ принимаетъ, что берегъ Чернаго Моря, отъ устья Дуная до устья Дона — *одна прямая линія и основаніе большаго квадрата*. Онъ не знаетъ, или не хочетъ знать, того, что отъ устья Днѣпра берегъ вдругъ поворачиваетъ къ востоку подъ очень сильнымъ угломъ. Но у него, отъ Дуная до Днѣпра двадцать дней ѣзды и отъ Днѣпра до Дона опять двадцать дней, всего сорокъ дней, и все *по прямой линіи*, по базису этого *квадрата*, по одному меридіану. За тѣмъ, въ угожденіе своей общей системѣ, онъ переноситъ Древлянскую Землю и ея рѣку съ правой стороны Днѣпра на лѣвый. А какъ эта земля лежитъ дняхъ въ пятнадцати отъ моря и недалеко отъ Днѣпра, а Днѣпръ течетъ по его словамъ отъ сѣвера къ югу и весь морской берегъ тоже идетъ прямо отъ сѣвера къ югу, то очевидно, что почти все теченіе Днѣпра пойдетъ на его картѣ *параллельно* къ берегу моря и близехонько къ нему, такъ что Нулаѣ, *Льсная* или *Древлянская* Земля примкнетъ непременно къ *Ахиллову Бѣгу* (Перекопской Степи). Вздорность этой теоріи кидается въ глаза, но, привыкши благоговѣть передъ правдивостью Геродота, толкователи его не умѣли отличить хорошей части его свѣдѣній отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ ошибается съ уче-

нымъ умысломъ и систематически. Не понимать писателя, избраннаго къ объясненію, совершенно позволительно и — слава Богу! — не ново, особенно въ нашей отечественной исторической критикѣ. Но какъ можно было потерять даже и полчаса времени на отыскиваніе *Льсной Земли* близъ черноморскаго берегу, гдѣ по геологическому строенію почвы отъ потопа донынѣ не расло и не могло расти никакое дерево!... гдѣ верхній растительный слой, или слой способный быть растительнымъ, не толще шести, семи, много осьми вершковъ, и непосредственно подъ нимъ лежитъ каменная толща! Коротко сказать, Пулеа, Полѣсье, *Льсная Сторона*, куда пришелъ Геркулесъ, всегда лежала тамъ, гдѣ ей должно лежать не только по закону природы, но даже и по хорошо понятому описанію Геродота, въ Древлянской Землѣ, въ Полѣсьѣ. Въ этой Древлянской Землѣ, замѣтимъ мимоходомъ, за шесть столѣтій до Рождества Христова владѣла готская династія: всѣ лица царствовавшего тамъ дому, къ которому принадлежалъ Анахарсисъ, посятъ у Геродота готскія имена. Но во время приходу Геркулеса Древлянская Земля была еще безлюдна.

Въ Древлянской Землѣ, по своему достохвальному обыкновенію, Геркулесъ сталъ ухаживать за мѣстной красавицей — божеской впрочемъ породы — дочерью Великорусской-рѣки, Во-Rüs-then es' а. Красавица была ехидна, отъ головы до пояса женщина, а тамъ далѣе змѣя, одинъ изъ тѣхъ составныхъ уродовъ, которые простой народъ тѣхъ странъ, въ сказкахъ своихъ, называетъ донынѣ *случами*. Не явственно ли тутъ усиліе сообщеннаго Геродоту скиѣскаго преданія символически объяснить имя древлянской рѣки *Случа*, впадающей въ *Припеть*, которая втекаетъ въ *Бо-рюстенъ*? Въ этой сложной красавицѣ верхнюю, женскую половину тѣла, составляетъ рѣка Случь, а нижнюю, змѣиную, Припеть. Навѣрное — слово *припеть* значило по-древлянски *змья*, или самая рѣка называлась *змьиною* — точнѣе *Рькою Ужей*, которыхъ тамъ болѣе чѣмъ звѣздъ на небѣ. Не сомнѣнно же то, что древлянская женозмѣя, у Геродота, есть языческій символъ двухъ рѣкъ, Случа и Припети, и что

Случь сама получила названіе отъ воображаемаго образованія съ нею двуроднаго мифическаго существа, *случа*. Но Припеть играетъ здѣсь роль первостепенную, потому что дѣло идетъ о дочери рѣки *Бо-рюсь-тень*, Дѣйпра. Это таже исторія Тевкра, прадѣда троянскаго царя Пріама и сына рѣки Скамандра и нимфы Идеи. Скамандръ и гора Ида лежать рядомъ. Язычество другихъ генеалогій не сочиняетъ.

Съ этой ехидной, съ этимъ *случомъ*, Геркулесъ прижилъ сына, *великана*, по имени Targita; tag — готскій членъ (нѣмецкое der), gitta, которое и по-греческому и по-готскому обычаю должно произносить *ита* — *великанъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сагахъ, одно изъ прозваній Готовъ, произведенное отъ самаго же слова gaudas, Готъ и измѣненное въ діалектномъ выговорѣ. По-датски jette, тоже *великанъ*; но это слово наоборотъ нерѣдко произносятъ gete. Привычку произносить g вмѣсто j и j вмѣсто g Прусакіи, потомки поморскихъ Готовъ, сохраняютъ доселѣ. Богемцы, въ подражаніе готскому правописанію, пишутъ постоянно g вмѣсто j.

Я и забылъ сказать, что аи въ готскомъ языкѣ произносятся какъ глухое о, между о и u. — Gaudas, Gauthas, надо читать почти *Гудась*, *Гутась*. Названіе Ютландіи происходитъ изъ тѣхъ же особенныхъ правилъ произношенія. *Ютъ*-ландія все-равно чтó *Гуть*-ландія, земля Готовъ. Древнее названіе Gete, Гетовъ и Гетіи—оттуда же: оно произносится также Jete, Jetia, значитъ *великаны*, *земля великановъ*, и произошло отъ присутствія въ этой области Готовъ, жившихъ тамъ вмѣстѣ съ Славянами и, разумѣется, *володѣвшихъ*: это — ихъ готское дѣло. Другаго ремесла они и не знали: тѣми только и промышляли что *володѣли*, гдѣ только могли. Они ходили *володѣть* какъ нынче ватаги ходятъ на рыбной промыселъ. Зато и попали въ великановъ. Зато и были Щиты, Сколты, Рюсы, ужасъ и сказка древняго шіра. Одна изъ самыхъ милыхъ повѣстей Геродота — разсказъ о томъ, какъ они пошли володѣть Персіей, какъ ею володѣли, какъ добрались до самаго Египта, и какъ назадъ воротились. Не мудрено, что имя *Русь* такъ славно въ

древнѣйшихъ преданіяхъ Востока и что оно было тамъ еще такъ живо въ средніе вѣка.

Вотъ мы наконецъ отыскали въ Геродотѣ Готовъ, не только въ переводномъ словѣ *Auchatae*, *Славящіеся*, но и подъ особенною, очень употребительною формою родоваго ихъ имени, *Gita*, въ словѣ съ ихъ же членомъ, *tar Gita. Gautha*, *Готъ*, не значило великана, но Готовъ всегда смѣшивали съ великанами по причинѣ происхожденія ихъ отъ этого великана *Gita*, помощію праотца Геркулеса, и ужасу, наводимаго ихъ отчаянною отвагою.

То же самое преданіе о началѣ Готовъ, съ неважными измѣненіями, находимъ мы и въ шотландскихъ сагахъ.

Царь *Сколтъ* и *Щиты-Русь* (*Skythae-Gerghi*), *благороднѣйшіе изъ всѣхъ Щитовъ* по Геродоту, владыки и предки *Кривичей*, произошли уже отъ этого великана *Gita*, и слѣдственно, *Кривичи* — подлинныя *Гераклиды*, *Геркулесичи*, если бы и самое *Кривичъ* имя не указывало на родъ ихъ отъ колѣна *Крива*, *Одноглазаго*.

Наша исторія, исторія *Руси*, связана, какъ теперь видно, очень тѣсно съ первобытною исторіей міра, съ исторіей великановъ. И нѣтъ возможности отдѣлить *Руси* отъ *Великановъ*, *Гигантовъ* (то есть, землеродовъ), *Обримовъ* или *Олбримовъ* (силачей) *Киклоновъ* (круглоглазниковъ или одноглазниковъ или кривичей), *Тевкровъ* (строителей), *Титановъ* (штукатуровъ, каменщиковъ), *Сколдовъ* или *Скивовъ* (исполнскихъ щитовъ), и *Геркулесовъ* (яркихъ, страшныхъ людей, ярославовъ). Слово, которымъ мы нынче политически именуемъ, существуетъ такъ же давно какъ страхъ, суевѣріе и басня. Мы, *Русь*, щиты, начали собою историческій міръ въ образѣ или въ сотовариществѣ ихъ страховъ, горочеловѣковъ, сверхъестественныхъ богатырей и дивныхъ затѣйщиковъ, которымъ впослѣдствіи народы, начинавшіе сочинять исторіи въ стихахъ и прозѣ, словесныя и полуграмотныя, поочередно приписывали находимыя въ разныхъ мѣстахъ памятники неизвѣстнаго первовселенскаго времени, огромныя могилы-курганы, необъяснимыя насыпи, развалины необычайной постройки, горные проходы и пещерныя подземелья,

гдѣ природа, въ игрѣ силъ своихъ, какъ-будто подражала искусству или предсказывала его человѣку. Притча или сушественность, *Русь, Русь*, за одно съ разными видами великановъ, была первою обитательницей нашего роднаго сѣвера, всей этой нашей земли; *самопочвеннымъ* ея чадомъ и народоселеніемъ, *autochtone*; и неоспоримо то, что при началѣ морской торговли, образованности и исторіи, готское племя, какъ самое романическо-страшное овладѣло въ свою пользу старыми рассказами объ Исполнствѣ или стало ихъ законною наследницею по завѣщанію всеобщаго суевѣрія. Тогда *русь*; великощитность, исключительно къ нимъ примѣнилось, съ необходимою примѣсю то одноглазія и оппозиціи ээиру Живу-Диву, то участія въ странныхъ постройкахъ, то другихъ необычайныхъ людскихъ затѣй. Славяне (*vindi, vandi, ven, van, vät, anti*), попеременно ихъ рабы и товарищи, работали и подвигались неразлучно съ ними въ воображеніи повѣствующаго міра: быть-можетъ *крутили* веревки, которыми тѣ встаскивали камни на горы для дивныхъ построекъ и вязали побѣждаемыя племена, и потому *славились* вмѣстѣ прославляемыми и самославоющимися Готами, *gaudy*. Дѣло въ томъ, что, въ сагахъ равно юга и сѣвера, Славяне (Ваны, Неври) неизлечимо заражены великанствомъ и готствомъ: часто различить нельзя, кто тутъ, Готы или Славяне — настоящіе исполины и кто кого притѣсняетъ сверхъестественными подвигами и затѣями. Преданія скандинавскаго сѣвера, болѣею частью, примѣняются одинаково и къ тѣмъ и къ другимъ. Они дѣйствуютъ вмѣстѣ на поприщѣ всего баснословія. Въ греческихъ сагахъ Траки, смѣсь Готовъ и Славянъ, получаютъ на свою долю, какъ ближайшіе этого роду сосѣди, самую интересную долю сказочныхъ дѣйствій, обдѣланныхъ художественнымъ суевѣріемъ Грековъ такъ хорошо, что они кажутся уже почти исторіей и, неосторожною ученостію, могутъ быть приняты на документы новыхъ фактовъ. Герелтерство, особенное подкрашенное нибуризмомъ, тутъ очень часто попадаетъ тутъ въ просакъ: такъ напримѣръ господинъ Ушольцъ нашелъ въ греческомъ баснословіи столько указаній на первобытное могущество, искусство и знахар-

ство Траковъ (Фракійцевъ), что ему и его критиканъ показало, будто онъ сдѣлалъ чудное открытіе: Тракія, дескать, населила, обстроила и просвѣтила Грецію.... это ясно! Конечно, ясно: тутъ всегда жили Готы и Славяне, а они — великаны. страхи всѣхъ возможныхъ видовъ, и къ нимъ басня относилась все дивное и необычайное, отъ нихъ выводила все первоначальное. Скандинавскія саги порой къ готославянскому великанству допускаютъ и Финновъ; юннійскія напротивъ — Кельтовъ; но болѣе какъ колдуновъ, кузнецовъ, ремесленниковъ, нежели какъ богатырей, силачей или строителей.

Замѣйте, что великанамъ, одноглазникамъ-геркулесичамъ и титанамъ, то есть, штукатурамъ-каменщикамъ — потому что titanos значитъ *известка* — приписывалось не только на нашемъ полушаріи, но даже и въ Америкѣ, построение и сооруженіе всего примѣчательнаго въ эпоху первобытной древности. Что такое мексиканскіе *Аzteки*, странствующие великаны-каменщики, если не тѣ же Титаны, Киклоны, Одноглазники, Кривичи? Неизвѣстно только, послали ли они большіе щиты, были ли вмѣстѣ съ тѣмъ и *рюсь*?... Жаль, что это обстоятельство не изслѣдовано американскими археологами. Для меня, нашедшаго повсюду въ первозданной баснѣ, переходящей въ писанную исторію, слѣды мифическаго *рюсь*, отъ которой родилась Русь историческая, для меня такая подробность чрезвычайно интересна. Однажды — въ жизнь мою — я чуть не отправился въ Мексику, чтобы собрать свѣдѣнія о щитѣ *рюсь* въ мѣстныхъ преданіяхъ и въ ацтекскихъ барельефахъ. *Рюсь* легко быть можетъ всемірною мечтою. Нынче она, въ образѣ Россіи, величественная существо.

Кто-нибудь изъ Русскихъ будетъ въ Мексикѣ и, можетъ быть, вспомнить объ этомъ: вопросъ тогда объяснится. Онъ касается перваго зародыша исторіи *Руси*.

Во всякомъ случаѣ, наша исторія, какъ исторія Руси, начинающейся съ великановъ, произведшихъ все чудное и неизвѣстное, связывается съ исторіей Трои. Кто построилъ Трою? Когда она существовала? Когда исчезла?... Разумѣет-

ся, что построенная *Тескрами*, то есть, *Строителями*, европейскими аzteками, вышедшими изъ Тракіи, которая была наполнена славяно-готскими Щитами, притомъ еще Безсмертвующими или Ярославствующими Щитами, единшетами, гераклидами, кривичами, родными нашимъ кривичамъ, слѣдственно щитью-русіей, она была построена нами, еще въ тѣ славныя времена, пока мы были великанами. Не долго она существовала. По сказкѣ, а сказка — лучшая исторія Трои, которая и сама — сказочка, великаны, прибывшіе изъ Тракіи выстроили ее: процарствовали только два царя; третій погибъ уже въ ея развалинахъ, которыхъ и признаковъ, какъ-бы по волшебству, нигдѣ не осталось, — и конецъ Троѣ!.... Она промелькнула въ баснословномъ мірѣ, какъ молнія мелькаетъ въ воздухѣ — быстро — и не оставляя слѣда послѣ себя. Единственное указаніе на мимолетный бытъ ея — три огромные кургана, насыпанные у самаго моря на глоскомъ берегу всунувшейся между горъ треугольной равнины, въ сорокъ или пятьдесятъ квадратныхъ верстъ поверхности. Эти три кургана составляютъ не только главный, но и весь характеръ берегу. Они — отличительная черта его, и мореходу, плывущему мимо, такъ и хочется назвать этотъ берегъ *Тройкой*, *Тройней*, Тгоіе. Чтò названіе Трои происходитъ отъ этихъ *трехъ* кургановъ, которыми — говорить — кончилось ея существованіе, потому что тутъ погребены Ахиллъ, Аяксъ и Діомедъ, это очевидно: сомнѣваться могутъ только тѣ, которые читаютъ Гомера вдали отъ мѣста дѣйствія *Иліады* — чтò значитъ *сборникъ*, сказать мимоходомъ.

Названіе Тгоіе, служащее собственно берегу и равнинѣ, а не городу—городъ зовется *Иліономъ*—явственно придумано очень поздно и въ такое время, когда равнина представляла видъ пустыни, безъ поселеній, безъ слѣдовъ города и только съ тремя курганами на заморьѣ, неизвѣстно кѣмъ насыпанными; въ такое уже время, когда никто не зналъ, былъ ли тутъ городъ когда-либо или нѣтъ, а догадывались только, по тремъ огромнымъ курганамъ, что тутъ было что-то — люди дрались—и вогъ оставили могилы своихъ трехъ бога-

тырей — дрались вѣрно за что-нибудь очень важное — не какъ за красавицу? — али за городъ? — чай, за городъ и за красавицу вмѣстѣ!

Треугольная равнина, обращенная основаніемъ своимъ къ морю, узкимъ концомъ и верхушкою упирается въ великолѣпную гору Иду, мрачную, отвѣсную, обремененную облаками и снѣгомъ. Воды, стекающія съ Иды, отрѣзали отъ нея утесъ и обточили его въ видѣ круглаго холма, который кажется каменнымъ шарикомъ, катающимся у ногъ громаднаго исполина. Здѣсь-то — говорятъ — былъ славный городъ, построенный знаменитыми...? ну, построенный строителями!... какъ же ихъ назвать иначе? Каменная почва шарообразнаго холма не представляетъ нигдѣ малѣйшаго слѣда труда руки человѣческой: заступъ здѣсь не работалъ, ломъ не долбилъ и не тесалъ, молотъ не ковалъ и не гладилъ — даже ни одной ступеньки не сдѣлано въ скалѣ для сходу къ рѣчкѣ за водою, не прорыто ни одного жолобка для водопроводовъ: а воды на холмѣ нѣтъ ни капли. Въ глубокомъ оврагѣ съ отвѣсными стѣнами, отдѣляющемъ утесъ-шарикъ отъ Иды, бурлитъ ручей Скамандръ, но не видно, чтобы тутъ кто-нибудь пытался пользоваться ею, помощью высѣченной въ скалѣ лѣстницы, открытой дорожки или крытаго ходу. На поверхности холма, изсѣченій для фундаментовъ зданій никому еще не удавалось отыскать — даже и мнѣ — а ужъ какъ я искалъ!... какъ мнѣ хотѣлось открыть кусочекъ Трои!... слѣдъ!... тѣнь ея!... Я теперь былъ бы безсмертенъ. Только въ разныхъ мѣстахъ холма, на горбу и у подножья, небольшія коническія кучи наваленнаго булыжнику, которыхъ считается до шести, одна, главная — позначительнѣе, а прочія пять — совсѣмъ не важныя, иныя даже едва примѣтныя.

Разумѣется, что главная куча — могила Гектора. О! какъ она меня взволновала. Я сѣлъ на нее, глубокорастроганный, и сталъ читать послѣднее прощаніе Гектора съ Андромахой. Солнце садилось. Равнина, покрытая богатою зеленью, убранныя двумя рѣчками, Скамандромъ и Симонсомъ, двумя голубыми лентами, вьющимися между розовыми полосами цвѣту-

щихъ рододендровъ, была отъ холма до моря чудесно освѣщена пурпуровымъ огнемъ заката. Богатое зарево чудно отражалось отъ зеркальной поверхности Гелеспонта, на которомъ, среди разноцвѣтныхъ отливовъ воды, брилліантами горѣли известковыя вершины раскиданныхъ островковъ, тогда какъ въ глубинѣ картины черною массою залегли угловатыя горы Самотраки, заслоняя солнце, а за ними ярко сіялъ бѣлый и низкій берегъ противоположащей Европы — Фракіи — или Фракіи. Великолѣбнѣйшаго виду представить себѣ невозможно. Я былъ растроганъ Гомеромъ и очарованъ природою мѣста. Проклятая гіена, вылѣзшая вдругъ изъ бѣлотерновника, которымъ холмъ покрытъ, помѣшала насладженію. Надо было взяться за ружье — выхватить ятаганъ — приготовиться къ бѣдѣ. Гадкій звѣрь стоялъ передъ кустомъ, шагахъ въ пятнадцать. Мы глядѣли въ глаза другъ другу. Минуть черезъ пять — осмотрѣвъ меня хорошенько и подумавъ себѣ: «Гомера читаетъ!... видно, ищетъ Трои!... право, не! стоить вниманія! — поворотила влѣво и стремглавъ побѣжала къ Скамандру, пробираясь на Иду. Послышались выстрѣлы и крики. Турецкіе мужики изъ *Бурнаръ-башы*, селенія, лежащаго не въ далекомъ отъ холма, преслѣдовали ее за разрытье въ предъидущую ночь свѣжей могилы на ихъ кладбищѣ. Я побѣжалъ на край холма, со стороны Скамандра и Иды, полюбоваться на эту охоту, и потерялъ въ бѣлотерновникѣ свою *Иліаду*. О! въ какомъ я былъ отчаяніи!... на троянской равнинѣ, и безъ *Иліады*!... Но впоследствии — когда мнѣ вторично случилось быть въ Троадѣ — я благословлялъ гіену. Нѣтъ сомнѣнія, что пока Европейцы будутъ пробѣгать троянскую равнину съ *Иліадой* въ рукахъ, они никогда ничего на ней не увидятъ: будутъ видѣть только *Иліаду* и Гомера. Уже во второй пріѣздъ, безъ *Иліады*, примѣтилъ я горькое ничтожество этой прославленной долины и понялъ, отчего, во все историческое время, не бывало здѣсь значительнаго города. Въ восторгѣ отъ Гомера, Александръ Великій посѣтилъ воспѣтую имъ равнину и основалъ на ней Новую Трои: несмотря на покровительство

великаго человѣка и его преемниковъ, Александра Троянскаго всегда оставалась ничтожнымъ поселеніемъ и наконецъ исчезла безъ вѣсти. Въ средніе вѣка не образовалось здѣсь никакого торговаго заведенія. Въ новѣйшія нѣкто и не подумалъ основаться въ Троядѣ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свою наружную привлекательность, эта равнина обречена природою и мѣстоположеніемъ на вѣчную бесполезность для человѣка. Черезъ горы, которыми она окружена съ востока и юга, нельзя учредить никакихъ важныхъ сношеній для внутренней торговли. Съ сѣверной стороны, откуда она доступна, близость Дарданеллъ дѣлаетъ городъ ненужнымъ въ этомъ мѣстѣ — даже невозможнымъ — потому что по всему берегу, версты до двадцати въ длину, нѣтъ ни одного мѣста удобнаго для коммерческой пристани. Здѣсь никогда не могло быть большаго города. Троя — мечта! Одни только сказки могли строиться на этой почвѣ. Если непременно быть городу въ этой сторонѣ, то ему во сто разъ способнѣе основаться на островѣ Тенедосѣ, лежащемъ у самаго берегу, чѣмъ на равнинѣ или на ея послѣднемъ, угловомъ холму, гдѣ могъ бы помѣститься подлинно только *городничко*.... *ptolichron* — помѣститься, а не существовать. Троянская равнина годится только къ одному — быть полемъ сраженія для арміи, перешедшей въ Дарданеллахъ изъ Тракіи и встречающейся съ арміей, послѣднейшей къ отвору отъ востока, изъ внутренней страны, черезъ горы или, по берегу, отъ Милета. Три кургана на берегу — шесть могилъ въ глуби долины, на горѣ, гдѣ защищался побѣждаемый непріятель, могутъ быть памятниками такой встрѣчи, случившейся, какъ мы скавали, еще въ эпоху великановъ.

Но вылкуму воображенію Грековъ, которые всегда лгали безъ-памяти и, по свидѣтельству своихъ же господъ, Римлянъ, способны были душевно вѣрить всему что ни солгутъ сами для своей потѣхи, красавица и городъ представляли такую прелесть, передъ которою должны были разсѣяться всѣ другія предположенія. Разумѣется, что, въ ихъ разсказахъ, разрушителями воображаемаго города были сами же они, Греки, и что эти три огромные кургана со стороны моря на-

сынамы ими и—моглы ихъ богатырей, а тѣ шесть—скромныя памятники избитыхъ предводителей народа.... какого?... да народа Тезировъ.... Тезигі.... сирѣчь сказать, *строителей* того города.... отъ теучо, строю, теуктѣг, занимающійся постройками, и такъ далѣе.

— Да гдѣ же городъ? гдѣ слѣды его? гдѣ онъ лежалъ?

— А вонъ тамъ, въ углу долины.... вонъ на этомъ шарикѣ что у Иды.... этотъ холмъ и зовутъ *шарикъ* или *лубокъ*, потому что онъ похожъ на нихъ. Славный былъ городъ!... огромный!...

— Какъ же звали этотъ славный, огромный городъ, котрый лежалъ на шарикѣ?

— Ну, и его, вѣрно, звали *шарикъ*, *лубокъ*, Июн. Имя-то города забыто.... по холму по шарикѣ, июн, можно полагать, что и городъ былъ июн, шарикъ. Впрочемъ его зовутъ обыкновенно такъ же какъ и равнину, или государство того города.... государство-то было сильное и самый городъ былъ важный, богатый городъ; дорого намъ стоило взять его; взяли только хитростью: но зато ужъ поживились!... золота, красавицъ, рабовъ была бездна. Всѣ воротились домой богачами.

— А какъ звали это сильное государство? эту богатую, торговую землю, которой имя прилагается и къ городу?

— Какъ ее звали?... да никакъ!... вотъ три кургана: такъ по нимъ можно назвать его, пожалуй Тгоіе, Тройня, Тройка, Самъ-третьей.... или какъ угодно.... Въ самомъ дѣлѣ, преданіе гласитъ, государство, которое наши разорили, называлось *Самъ-третьей*, Тгоіе.

— Кто же былъ защитникъ этого государства? Съ кѣмъ вы воевали?

— Кто защитникъ?... Вотъ это трудно сказать. Тамъ, на горѣ, на шарикѣ, и возлѣ, есть шесть каменныхъ кучъ.... вѣрно, это — могилы защитниковъ государства, между которыми одинъ, судя по могилѣ, былъ старшій.... не-какъ сынъ самаго царя.... Ну, какъ ихъ было шестеро, такъ и звали — царевичъ *Шестерь*, Нестор.... или царевичъ *Самъ-шесть*.... А сынъ онъ былъ царя *Откупщика*, Рг амос... такъ

какъ онъ, полагають, былъ очень богатъ и городъ его шарикъ славился очень торговымъ. А съ нашей стороны, гласитъ исторія, главными предводителями были два царя, каждый *Безъ-трехъ*, *A-trei-des*... что составляетъ *безъ шести*. Безъ шести противъ шестерыхъ—счесть, какъ видите, вѣрнѣе, но дѣла должны идти трудно и плохо. Числа, знаете, у насъ, у язычниковъ имѣютъ мистическое значеніе, очень важное. *Одинъ* изображаетъ совершенство, порядокъ и благополучіе, *два* — горе, несчастіе, ссору, невзгону: отсюда греческое *двѣ двойня*, слово произведенное отъ *дуо*, *два*, и которое всегда употребляется въ значеніи бѣдствія, неблагополучія, *calamitas*, *infelicitas*; *три*, *trei*—полнота, торжество, успѣхъ, удача. *A-treis*, *не-три* или *безъ-трехъ*, значитъ безъ успѣху, безъ удачи, не впасть. Два царя Атрида, *Atrei-dae*, два Невпопадовича, два Бѣдовича, лица признанныя историческими... вы понимаете, что война должна длиться до безконечности и что исторія плоха!... но все-таки исторія!

— Какъ такъ?... царь *Безъ-трехъ* нападалъ на городъ *Самъ-третей*, котораго защитникъ назывался *Самъ-шестъ*? Что же это за исторія?

— Древняя греческая исторія называемая. Очень ученые люди обдѣлываютъ ее... о троянской войнѣ, которую она начинается, написали цѣлыя библіотеки... привели ее въ надлежащую достовѣрность и ясность... вычислили даже годъ походу царя *Безъ-трехъ* на городъ *Самъ-третей*.... звають, когда умеръ почтенный царь *Откупъ*, въ которомъ году убить сынъ его царевичъ *Семъ-шестъ* *Откуповичъ*, смотрятъ, чтобы всѣ дѣйствія ихъ согласовались съ политикою того времени, съ законами жизни народовъ, и объ ихъ названіяхъ вовсе не заботятся. Собственныя имена! что на нихъ обращать вниманіе!... особенно когда они благозвучны и легко удерживаются въ памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, любезные читатели: какъ исторія проглотила троянскую войну съ этими именами, и какимъ образомъ донинѣ не примѣчаютъ она, что Гомеръ издѣвается надъ нею, это достойно всего нашего съ вами удивленія. Бѣдная мудрость человѣческая! какъ она увлекается бле-

скомъ вымысловъ! какъ легко позволяетъ надувать себя краснобаямъ! какъ ее можно выучить вѣрить всему подъ волшебные звуки громкихъ именъ! Мы сейчасъ увидимъ, что въ сказаніи о троянской войнѣ есть цѣлая и очень забавная система вымысленныхъ 'собственныхъ именъ — именъ совершенно въ томъ родѣ, какія мы употребляемъ въ нашихъ комедіяхъ и водевиляхъ—и между-тѣмъ война принимается у насъ за историческій фактъ!... и люди спорятъ объ ея эпохѣ, дѣлаютъ предположенія объ ея цѣли и вліяніи, ищутъ въ ней политическихъ видовъ времени, выводятъ изъ нея послѣдствія для торговли, для отношеній народовъ, для образованности человѣчества!

Она допущена во всѣ наши древнія исторіи, и строгая критика позволяетъ себѣ сомнѣваться только въ подробностяхъ событія, но событія отвергнуть не смѣетъ. Оно совершенно правдоподобно. Тѣхъ, которые вздумали объяснять его египетскими или другими мифами, закричали и, въ наказаніе за дерзость не вѣрить общепринятому факту, забыли. И дѣйствительно, если взять исторію троянской войны съ славными и красивыми греческими именами, чѣмъ же она не исторія? Сильный и доблестный царь Аргоса и Микенъ, *Агамемнонъ*, по отчеству *Атридъ*, женатый на *Клитемнестрѣ*, дочери царя *Тиндара*, былъ избранъ предводителемъ всей ополченной Греціи, обиженной дерзкимъ поступкомъ одного изъ троянскихъ царевичей, по имени *Париса*, нарушившаго священныя права гостепріимства. У царя Агамемнона Атрида былъ братъ, царь *Менелай Атридъ*, женатый на прекрасной *Еленѣ*, тоже дочери *Тиндара*. Юный и прекрасный принцъ, путешествовавшій для образованія ума и сердца своего, *Парисъ*, сынъ могущественнаго царя троянскаго *Пріама* и супруги его *Гекубы*; братъ храбраго *Гектора*, женатаго на добродѣтельной *Андромакѣ*, и знаменитой *Кассандры*, пріѣхалъ къ нимъ въ гости, влюбился въ Елену и похитилъ ее. Изъ уваженія къ царю Агамемнону, первому въ Греціи, по его слову, поднялась вся Эллада, всѣ греческіе цари вооружились—особенно *Одиссей Лазртіадъ*, умный и много-

жескусный царь Итаки, главный распорядитель предпріятія, *Ахилль Пеліадъ*, сынъ *Пелея*, царя *Мирмидонцевъ*, знаменитѣйшій изъ героевъ того времени, *Аяксъ Теламонидъ*, *Діомедъ*, и прочіе. Собрался огромный флотъ. Осада продолжалась десять лѣтъ, потому что Троя, самый торговый, самый богатый городъ того времени, кромѣ огромныхъ средствъ своихъ, увлекъ за собой въ борьбу народы Малой Азіи, но война кончилась взятіемъ и разореніемъ Трои. Царь Агамемнонъ воротился въ Грецію торжественно съ *Кассандрою*, дочерью побѣжденнаго царя *Пріама*, которая очаровала его необыкновеннымъ умомъ своимъ, простиравшимся до дару предвидѣнія. Онъ ѣхалъ въ *Аргось*, гдѣ находилась супруга его, *Клитемнестра* съ дѣтьми *Орестомъ*, *Антигоною*, *Электрою*. *Ифигенія*, старшая дочь Агамемнона, была принесена имъ въ жертву *Діанѣ* еще до начала войны. Въ отсутствіе Агамемнона, супруга его *Клитемнестра* вышла замужъ за *Эгиста*, и этотъ измѣною убилъ побѣдоноснаго предводителя походу. Сынъ его *Орестъ* убилъ преступную мать свою. *Эгистъ* погибъ ничтожно. Самая важная и сильная изъ греческихъ династій разстроилась несчастіями, ослабѣла и исчезла, и троянскую войну можно почитать началомъ клоненія Греціи къ республиканской формѣ правленія. Торговля и богатство греческихъ городовъ быстро стали возвышаться, и демократическій элементъ взялъ перевѣсъ, послѣ паденія Трои, какъ неизбѣжный результатъ его. Это важное событіе, очевидно слѣдствіе торговаго соперничества Греціи съ Малой Азіей и преимущественно съ Троей, лежащей у проходу въ *Пропонтиду* и *Черное Море*, на берегахъ котораго Греки уже старались утвердить свои поселенія, вытѣснивъ оттуда *Финикійцевъ* и *Троянцевъ*, это событіе имѣло неисчислимыя послѣдствія для судьбы Греціи и для образованности всего человѣчества, принявшаго съ того времени греческое направленіе.... и прочая.

Такъ мы рассказываемъ сами себѣ исторію троянской войны — такъ разсуждаемъ въ духѣ модной нашей исторической философіи, пекущейся о жизни народовъ — и, кажется, рассказываемъ хорошо, разсуждаемъ глубокомысленно — бла-

годаря звонкости греческихъ собственныхъ именъ, о значеніи которыхъ мы и не заботимся.

Но разберемъ эти собственные имена. Составимъ правильный списокъ ихъ — чего, къ сожалѣнію, никто не думаетъ сдѣлать, хоть для своего личнаго любопытства. Посмотримъ, что они выражаютъ собою. Согласитесь, что отъ одного званія собственнаго имени, эти имена не могли же потерять своего буквальнаго значенія для уха слушателей гусляра-Гомера, изъ поэмъ котораго исторія ихъ добыла. Переведемъ ихъ буквально, по толкомъ, съ надлежащимъ соображеніемъ этихъ именъ съ древнею системою собственнаго имени у разныхъ народовъ, съ системою общею тогда всѣмъ языкамъ — а не такъ, какъ люди дѣлаютъ обыкновенно, хватая имена на выдержку и объясняя ихъ значеніе первыми приблизительными словами, какія попадутся подъ перо. Мы увидимъ странное зрѣлище: длинный рядъ остроумно подобранныхъ шуточныхъ именъ и отчествъ, комическихъ псевдонимовъ, которыхъ острота была тѣмъ эффектнѣе для уха древнѣйшихъ язычниковъ, что большая часть именъ заимствованы изъ вѣры, взяты отъ религиозныхъ прозваній боговъ, и соединены съ фантастическими отчествами, для того чтобы вдругъ отвлечь вниманіе отъ священнаго и перенести его на характеристику лица. Эти мистическія, почтенныя для язычниковъ имена, въ сочетаніи съ произвольными и странными отчествами, брошенными, какъ отпечатокъ характера, какъ клеймо, на дѣйствующее лицо, представляютъ каламбурную двусмысленность, довольно смѣлую, но удачную, и дѣлающую очень много чести изобрѣтательности Гомера, но очень мало — недогадливости тѣхъ историковъ-философовъ, которые, зная по гречески, не примѣчаютъ ея вовсе. Не всякій конечно мастеръ свободно понимать каламбуры — ученые вообще очень тупы на это дѣло, недостойнаго ихъ высокаго разума — но, все же тутъ, порой, есть такія вещи, которыя кидаются въ глаза и могли бы разбудить самое сонное вниманіе — каковы напримеръ имя *Кассандры*, съ которою царь Агамемнонъ изволитъ плыть домой, къ супругѣ — имена *Антигоны*, *Ифигеніи*,

Клитемнестры, Гекубы, Андромахи — имя и отчество *Ореста-Агамемноныча*. Предположите древнихъ греческихъ родителей какими угодно философами и космополитами — все же неслыхано, невѣроятно, невозможно, чтобы отецъ и мать, кто бы они ни были, согласились дать новорожденнымъ дѣтямъ своимъ такіе имяреки. Перескажете себѣ всѣ эти имена и отчества въ вѣрномъ переводѣ, и посмотрите, что это за комедія:

Былъ царь *Распрѣбшанъ Певнопадовичъ* (Agamemnon Atreides), а женатъ былъ онъ на *Славнопрданой Драчуновнѣ* (Klytē-mnēstrē Tydareis или, все-равно, по другимъ діалектнымъ произношеніямъ, Syndereis); а у нихъ дѣти:

Сынъ:

Грублянъ Распрѣбшаничъ (Orestes, убившій мать свою: собственно Orestes значить *горецъ*, но извѣстно, что это слово употреблялось въ смыслѣ *дикарь, мужикъ, грублянъ, разбойникъ*.)

Дочери:

Выродокъ Распрѣбшановна (Anti-gonē Aga-memnoneis).

Безложница Распрѣбшановна (Elektrē Aga-memnoneis).

Дебелощека Распрѣбшановна (Iphi-geniē Aga-memnoneis; собственно *дебелоподбардая*). Вы помните, что Aga-memnon, Распрѣбшеничъ, составляетъ одинъ изъ мистическихъ титуловъ *Эзира* или *Яса*. Надо еще вспомнить, что Iphigenia, *Дебелощека*, было одно изъ религиозныхъ прозваній Луны, Selenē, по произношенію нѣкоторыхъ діалектовъ Hellenē, потому что *h* и *z* мѣняются часто въ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ, *Дебелощека Распрѣбшановна* есть игра религиозными словами, приспособленная къ житейской характеристикѣ лица — прозваніе забавное — остроумное до дерзости — но едва ли приличное къ употребленію въ честномъ семействѣ. Понимается, почему привнеси ее въ жертву Луны; она и выдумана нарочно для этого: и Луна, и дочь аргивскаго царя, обѣ — *дебелощечки распрѣбшановныи*!.... *Безложница Распрѣбшановна* — имярекъ точно такого же роду по значенію, и такого же достоинства по каламбурной остротѣ. Какъ elektrōr, безложникъ, было титуломъ Солнца, точно такъ же elektrē, безложница, составляло въ религиозной номенклатурѣ прозваніе Луны. Но, въ примѣненіи къ смертной жевшицѣ, это прозваніе представляло смыслъ очень не выгодный для прекрасной особы. Когда вы сблизите это имя, въ спискѣ гомерическихъ дѣйствующихъ лицъ, съ совершенно безпереховнымъ именемъ *Кассандры*, кото-

рая принадлежит къ семейству черезъ боговраннаго паленьку, то, надѣясь, не усомнитесь въ настоящемъ смыслѣ его въ устахъ красноречиваго Гомера. Самое имя Helené состоитъ у него въ каламбурной дружбѣ съ этимъ пріятнымъ балагурствомъ насчетъ злосчастнаго семейства *Безтройскихъ, Нетройней или Невнопадовичей, Atridae*, потому что Helené, собственно *шкатулка, коробка для храненія драгоценностей*, и мистическій сосудъ, который носили въ процессіяхъ таниствъ Луны съ какою-то очень важною святынею, Helené многие произносятъ seleené, а seleené значить луна, а луна *безложница*, а извѣство, какія неоспоримыя права на такое прозваніе имѣеть, по сказочкѣ Гомера, прекрасная супруга *Крѣпиміра Невнопадовича, Menelaos Atreides* — Крѣпиміра, то есть, *крѣпи-дружину*; laos, гук, *миръ*, всегда означали только войновъ. Собственно этому имени Menelaos у Славянъ соотвѣтствовало имя *Буриной*, отъ стариннаго слова *бурить*, одушевлять къ вступленію храбрости, придавать волю *бурь* (menos), жаръ, пылъ, крѣпость духа и силъ. Но *Крѣпиміръ* понятіе вышнему уху, и это — достаточная причина къ предпочтенію.

Далѣе. У царя *Распребѣшана Невнопадовича* былъ братъ, храбрый — одинъ изъ прекраснѣйшихъ характеровъ въ *Иліадѣ*, въ *Сборникѣ*: да что проку! — на этомъ семействѣ лежала печать отверженія; все что ни дѣлали потомки царя *Безтрета, Нитроя, Невнопада*, обращалось имъ въ горе и срамъ. Такъ вотъ у бѣдоваго царя *Распребѣшена Невнопадовича*, котораго въ *Сборникѣ* честятъ устами Ахилла: «Ахъ, ты, негодный пьяница! съ собачьимъ глазомъ!... съ оленьимъ сердцемъ!...», у царя этого былъ братъ, *Крѣпиміръ Невнопадовичъ, Menelaos Atreides*. Вдумалось же ему жениться на *Шкатулкѣ Драчунювнѣ*, сестрицѣ *Славноприданой Драчунювны (Helené Tundareis или Syndereis)*, и пошла бѣда — срамъ — и воношеніе. Пріѣхалъ къ нимъ въ гости молодой царевичъ, *Маклеръ Откуповичъ (Paris Priamides)*, и похитилъ прекрасную и богатую *Шкатулку*....

А до выхода замужъ была юная *Шкатулка* или Коробочка назначена въ супруги Фригійцу, Азіатцу, *Духисту Дальдалюновичу, Thyestés Tantalides*, пріѣхавшему съ дальняго Востока, гдѣ растутъ духи и пряности, ухаживать за такой чудесной *Шкатулкой*. Да умеръ тотъ *Духистъ* (купецъ торгующій духами), и ее отдали за *Крѣпиміра Невнопадовича*, отъ котораго

она бѣжала съ другимъ купчиною, между-тѣмъ какъ сестрица ея, *Славнопридана Драчуновна*, забывъ мужа въ свою очередь, влюбилась въ дюжого *Козиста* (*Aegistés*), славнаго богатыря козопаса. *Духистъ* и *Козистъ* имѣли большое вліяніе на сердца этихъ древнихъ дамъ, и купцы что-то жестоко добирались до Шкатулки. Одинъ, явственно, хотѣлъ вынуть богатое ея содержаніе и уложить туда духи свои, другою проворно укралъ ее и бѣжалъ въ Египетъ. Въ Египтѣ гуся поймали, шкатулку у него отняли и заключили въ храмъ, а купчину отпустили. Геродотъ, очень ученый языческой богословъ, который ужъ навѣрное хорошо понималъ Гомера, бранить его за непростительную ложь въ такомъ важномъ дѣлѣ: онъ узналъ съ достовѣрностью отъ египетскихъ жрецовъ, что Шкатулки не было въ Троѣ въ то время, какъ Гомеръ производитъ осаду городу Шароку или Пещеркѣ, а была она тогда спрятана въ Египтѣ. Значить, въ Шкатулкѣ было что-то очень важное для язычества — какое-то великое таинство, заповѣдная святыня. Древніе объ этихъ предметахъ, принадлежащихъ къ Мистеріямъ, говорятъ всегда не иначе какъ иносказательно, символически: но въ этой примѣчательной полемикѣ Геродота съ Гомеромъ, сквозь всю плотность аллегоріи и символовъ, нельзя не видѣть, что дѣло идетъ для древности о чѣмъ-то поважнѣе сбѣжавшей отъ мужа жены. Эти язычники ужъ слишкомъ хлопочутъ объ отысканіи похищенной шкатулки, *elené* — какъ-будто отъ нея зависитъ вся судьба ихъ вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, возвративъ ее себѣ, они потомъ носили въ торжественныхъ ходахъ таинствъ Луны какія-то шкатулки или коробки, называемыя *еленами*, съ чѣмъ-то очень свято и тайно хранимымъ. А долгополый азіатскій бородачъ, невѣжда, *Духистъ Дальдалновичъ*, такую важную шкатулку хотѣлъ примѣнить къ своему употребленію: зато же ему и досталось!....

• Эллинистамъ, которые будутъ читать это, можетъ-быть не лишне напомнить, что удвоеніе перваго слога въ словѣ служило въ греческой языкѣ средствомъ придать этому слову особенную выразительность: такъ, изъ *darpó*, хорошо поветъ, обрабається *dardapó*, обжнваюсь, *dardapítés*, обжора; изъ *daneistés* земледелецъ и *dános*, заемъ — *dardanos*, ростовщикъ; изъ *télés* или *talés*, дальній, далекій — *tantalos*, дальводалекій, предальній: любимыя просторѣчье прувеличиванія значеній.

Таковая почтеннѣйшій читатель, исторія двухъ сестеръ, Славноприданой Драчуновны, и Шкатулки Драчуновны, которую похитилъ царевичъ Маклеръ. Царь *Драчунъ*, давалъ, видно, знатныя приданья за своими дочерями: но и странныя же зато имена нарекалъ онъ имъ при рожденіи!.. А былъ тотъ царевичъ сыномъ царя *Откупщика Мירוуходыча*, могучаго государя трехъ кургановъ, царства *Тройни*, Троиѣ, съ славнымъ и гостинымъ городомъ *Шарикомъ*, *Иіон*, лежавшимъ на холмѣ на *Клубочкѣ* (тоже *ііон*), въ которомъ есть и *пещерка* (опять *ііон* же, по-гречески), знаменитое мѣсто, гдѣ европейскіе туристы пьютъ аравійскій кофе, курятъ турецкій табакъ и читаютъ *Сборникъ*, *іііас*, а въ словарь-то и не посмотрятъ — и въ умъ не возьмутъ, что эта-то *пещерка* и есть *Иіон*, великій градъ «Сборника» и войны троянской—*городишко* «Сбѣгнѣвщины», *Odysséïe*. Вотъ семейный списочекъ дому царя *Откуна*:

Царь Откупщикъ Мируходовичъ (*Priamos*, скупатель, перекупатель, монополистъ; *Laomédon*, міру-услужный, ухаживающій за міромъ, поставляющій дружиѣ всѣ потребности: точнѣе *Мірослужка*, какъ *Agathomédon*, *Благомуслужка*, *Theomédon*, *Богуслужка*, и прочія).

У него жена:

Самоходка (*Hekoubé*: отъ *hekous*, *sponde sua*, *бѣ*, *venit*. Извѣство, что прекрасный полъ былъ у Грековъ отдѣленъ отъ мужчинъ и недобродѣтельнымъ почиталось для женщины ходить на мужскую половину).

У нихъ сыновья:

Самъ-шесть Откуповичъ, или *Шестеръ* (*Hektôr Priamides*); женатый на строгой и добродѣтельной *Мужготузиль* (*Andromaché*, женщина, которая съ мужемъ *дерется* или *воюетъ*).

Маклеръ Откуповичъ (*Paris Priamides*: собственно, *прохожій*, *проѣзжій*, *странствующій купчина*, *commis-voyageur*, отъ *pariêmi*, *прохожу мимо*, *проѣзжаю*. *Paris* было въ то время религіознымъ титуломъ *Устроа* (*Mercuria*), какъ покровителя ходячаго купечества и какъ услужливаго устрощика въ некоторыхъ особенныхъ дѣлъ *Жива Дива*. По многимъ соображеніямъ приходится назвать здѣсь соблазвителья прекрасной *Шкатулки Маклеромъ*, между прочимъ потому, чтобы не назвать его хуже).

Дочь:

Кассандра, имя непереводимое на высшіе языки (*μεγαλήν υἱήν τύχης περφόρα*). Можно посмотреть въ словарь Стефана под словомъ: *Kassa*. Съ нею-то царь Распрѣбшанъ Невпопадовичъ поплылъ послѣ взятія Трои къ своей супругѣ Славноприданой Арачуновѣ.

Я думаю, каждый признаетъ, что наборъ такихъ шпиреконъ не можетъ быть дѣломъ случая; что въ двухъ такъ хорошо выдержанныхъ и полныхъ собственноименныхъ характеристикахъ семействъ царя Распрѣбшеннаго и царя Откупщика непременно долженъ скрываться злой умыселъ гусяра явить свое острословье и не имѣть въ предметъ ничего историческаго. Посмотримъ еще имена главнѣйшихъ героевъ войны.

У царей Распрѣбшана и Крѣпиміра Невпопадовичей главный совѣтникъ, распорядитель всѣхъ дѣлъ и душа всего походу — царь крошечнаго голаго утеса, островка Итаки, хитродумъ *Селькиппъ*, Міруспособновичъ, Мірупригожичъ или *Міругожичъ*, *Odysseus Laërtidēs*, котораго мы уже знаемъ. Этотъ почтенный герой, идеаль, чисто символическое лицо, представитель заключающагося въ самомъ эфирѣ дара *хитро все устраивать*, зато *равнобожный*, самъ объясняетъ читателю поэмы и значеніе своего прозванія и свое назначеніе въ сказочномъ мірѣ. *Я никто!* говоритъ онъ Полифему-Ярославу: *моё дѣло на свѣтъ — хитрости людямъ представлять*, плутни для пользы людей выдумывать. Какъ Ярославъ самъ—лицо символическое, такъ тутъ скрываться было нечего, объясненіе пошло на-чистоту, и Сбѣгивъ говоритъ откровенно: я—такая же притча какъ и ты! Герой хитродумъ,

* Отъ *laos*, міръ, дружина, и ювическаго *ergios*, вмѣсто *artios*, пригожій къ чему-нибудь, полезный, способный, гошій. *Odysseus*, какъ уже сказано, значить *умывается*, во и *dysseus* значить то же самое, а *o* происходитъ здѣсь изъ сокращенія *auto*, въ просторѣчій *до, сама собой*. *Dysseus* же какъ и *odysseus* оба пронаведены отъ частицы *dys*, *зло, худо*, которая происходитъ отъ *duo, dy, два*, которое, мистически, означаетъ все худое, и, какъ *два*, можетъ вѣстѣ и ужудать и усиловать, удваивать значеніе словъ. *O-dys-seus*, буквально — про себя *зло*, про себя *злое мысло*, *себя умывается*. *Odysseus* — *селькиппъ, обманывающій, обманываемый*.

наивсѣйшій царь Сбѣгнѣвъ, женатъ на образѣ женскаго совершенства, идеалѣ супругѣ, примѣрѣ всѣмъ женамъ, царицѣ *Мучисковорода* (Pele-loré), которая безъ памяти *работаетъ* сковородою, изъ кухни не выходитъ, все блины печеть. Зарѣзалъ — гусярь!... Чтѣ, послѣ этого, можно еще прибавить къ комизму этой номенклатуры лицъ? Но посмотрите, какъ онъ милъ, этотъ острякъ Гомеръ. Одинъ только Сбѣгнѣвъ Міругожичъ, который *вслѣхъ тѣмными* умомъ *перехитрилъ*, могъ на свѣтѣ добыть себѣ такую чудесную жену. Какой кладъ—жена *Мучисковорода*, которая владѣетъ сковородою въ совершенствѣ и кормитъ отлично! Всѣ Сбѣгнѣву завидуютъ. Лишь-только онъ ухкалъ, мужчины со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ ней, ухаживаютъ, сватаются, и, увѣряя, будто мужъ погибъ, каждый старается овладѣть безцѣнной *Мучисковородой*. Возвращается мужъ; и почти вся вторая половина поэмы занята—чѣмъ?—о! чрезвычайнымъ дѣломъ, особенно для Грековъ, которые женъ своихъ считали ни во чтѣ и уступали ихъ какъ товаръ — на сдѣлку. Половина поэмы состоитъ изъ упорной борьбы мужа съ безчисленными женихами жены. тѣ хотятъ захватить сокровище *Мучисковорода* себѣ—а тотъ ее отстаиваетъ изо всѣхъ силъ! — никакъ не намѣренъ лишиться несравненной — и, наконецъ, успѣваетъ, хитростями, прогнать и уничтожить всѣхъ претендентовъ на руку рѣдкой сожительницы, первой кухарки своего времени. Удержите въ переводѣ на отечественный языкъ прозвище ея въ видѣ собственнаго имени — не переводите его — выставьте вездѣ *Пенелопа* вмѣсто *Мучисковорода* — чтѣ будетъ эта половина поэмы?... Скука! вздоръ! непонятныя происшествія! Вся навная острота вымысла уничтожится. Вся гомерическая соль пропадетъ. Имена дѣйствующихъ лицъ Гомера должны, рядомъ съ именемъ *Мучисковорода*, быть выставлены въ переводѣ отечественными словами, чтобы читатель — да и самъ переводчикъ — понимали, въ чемъ тутъ сила. *Мучисковорода* — вмѣстѣ и эпиграмма на прекрасный полъ Греціи: одна она прозвана лестнымъ для хорошей хозяйки именемъ. Вы видѣли другіяженскія имена гуся-

ра?... Ужась, что за титулы! Такихъ женщинъ какъ Мучисковорода въ Греціи и неводится. Она дочь Икарійца, Icarios, челоуѣка македонскаго, изъ Икариса — или изъ благоправной Икаріи, гдѣ господствуютъ жрецы *Прематери* — Мучисковорода Икарьевна. Достохвальнѣе нельзя называться. Мать у нея была тоже примѣрная женщина, княгиня *Прителатная*, Periboie. Ужъ не чета кузинѣ Шкатулкѣ Драчуновнѣ, которая была влюблена въ Духиста Дальдалновича и только помадилась да натиралась пахучими маслами, или кузинѣ Славноприданѣ Драчуновнѣ! Но у такихъ родителей, каковы Себѣгнѣвъ Миругожичъ и его супруга, царица Мучисковорода Икарьевна, и сынъ долженъ быть чудо-мальчишкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ юноша подаетъ о себѣ прекраснѣйшія надежды — совѣмъ не таковъ, какъ другіе знатные молодцы, что разбойничаютъ въ окрестностяхъ, по близости родительской кровли: нѣтъ, онъ *Дальновой Сбыльвичъ*, Télé-machos — ѣздитъ грабить далеко — сосѣдей отца не беспокоитъ. Примѣрное семейство! Это — третье у Гомера, исторіей котораго онъ занимается. Характеристика этого семейства опять выражена именами и отчествами лицъ. Еще разъ спрашиваю: случай ли это, или намѣреніе?...

Надежнѣйшій защитникъ предпріятія Невпопадовичей, вѣрнѣйшій богатырь ихъ — *Мечъ Португеевичъ*, Aias Telamonidés. Aias есть названіе особенной формы меча; telamon, перевязь, на которой мечъ носили.

Но самый блистательный изъ героевъ, самый равнобожный воевода, хоть и невѣрный сподвижникъ, пылкій, гордый, неуступчивый, таинственный, это *Непда Сизоголубичъ*, Achilleus Peliadés. Если не угоденъ *Непда*, такъ еще буквально будетъ *Безкормъ*, A-chille-vs. Онъ — сынъ водяной, которую зовутъ *Положеніе* (положенная, данная матерія, Thetis, thesis) и *Сизоголубова*, Peleus, представителя оплодотворяющей силы любви, и царя, происшедшихъ отъ сочетанія такой данной матеріи и такой силы, крошечныхъ органическихъ существъ, *Муравидовъ*, Myrmidones. Это — отвлеченные муравьи еще насѣкомыя, а уже имѣютъ,

какъ настоящіе муравьи, характеръ, инстинкты и нравы человѣческіе — живутъ кучками, какъ-будто городами, ведутъ войны, даютъ сраженія, обращаютъ плѣнныхъ въ рабовъ, знаютъ слугъ и господъ и держатъ хозяйство — и черезъ разныя превращенія могутъ изъ насѣкомыхъ слѣдаться человѣками. *Без-кормъ, A-chille-vs*, самъ есть идеальный самородный человѣкъ, возникающій въ воображеніи языческихъ мистиковъ, *безъ корму*, безъ вліянія ѣды. Прямо изъ данной ярой матеріи (положенія, *тезиса*) и отъ лучшей оплодотворительной силы, которая изображена въ символикѣ птицею Венеры, увлекающее колесницу ея къ предназначенной цѣли красоты и любви. Этой водяной, *Thetis*, этой безсмертной nereidъ, особенно покровительствуемой Живомъ - Дивомъ, этому положенному или данному началу, тезису, *суждено было*, говоритъ миеъ, соединиться съ кратковременнымъ, смертнымъ началомъ оплодотворенія и родить изъ себя человѣка. Миеъ этотъ повторяется почти во всѣхъ миеологіяхъ съ разными измѣненіями, и повсюду съ участіемъ какой-нибудь птицы, морской змѣи (nereidy), которая въ иныхъ сказаніяхъ изъ змѣи естественно переходитъ въ волхвиню, и муравьевъ, и совершается въ дѣйствіи обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, которыя, какъ Эссалія, пинскія болота Древяльнъ, Муганская Степь за Кавказомъ, славятся множествомъ змѣй, муравьевъ и колдуновъ. Онъ проявляется и знаменитой поэмъ сѣвера, *Волу-спль*, которая не исландское и не скандинавское, а готское, *рюс-ское* произведеніе. Онъ относится къ тайному ученію эиристовъ-многобожниковъ о предполагаемой возможности превращенія животныхъ формъ однихъ въ другія, такъ, что изъ червяка, которій, какъ многіе изъ нихъ думали, заражается прямо изъ эиру, самородная тварь, черезъ многія метаморфозы, можетъ дойти до человѣческаго образа. *Thesis* и *thetis* — одно и то же слово: первое принято въ мудрости философовъ-мірянъ, второе — въ мистической мудрости язычества какъ въры. Въ ея аллегоріи, эта *thesis* или *thetis*, или какъ мы произносимъ, *Тетида*, эта водяная ярая безсмертная матерія, которой изрѣчено Рокомъ произвести человѣка, попадаетъ

въ руки оплодотворяющему началу, заключающему въ себя условия кратковременности и смертности, сизому голубю, пеллею — не поддается ему — борется — мѣняетъ формы — становится по переменно водою, воздухомъ, огнемъ, червячкомъ наскочнымъ, змѣей, птицей, зайцемъ, лютымъ звѣремъ, переходитъ черезъ всѣ возможные превращенія — не оплодотворяющее начало держать ее крѣпко — не выпускаетъ — и наконецъ, въ изнеможении, она поддается — и, изъ этого брака, при которомъ присутствуютъ всѣ боги и рукоплещутъ, рождается самородный человекъ, отличный экземпляръ результата теоріи о добровольномъ зарожденіи, *Безкормъ*, *Achilleus*, образецъ мужчины, твореніе превосходнѣе даже всѣхъ людей старинной работы Жива-Дива, Безкормъ былъ внесенъ въ лагъ боговъ и имѣлъ свои храмы, вовсе не какъ воинъ и герой троянской войны, но какъ представитель особеннаго любомудрствующаго ученія о свойствахъ ярой матеріи и *природы вещей*. Язычество не воздвигало храмовъ ни идоламъ, ни человѣческимъ заслугамъ, а всегда какой-нибудь мистической идеѣ, олицетворяемой только идолами и живописуемой мнѣомъ для *предхрамной толпы*, *prophanum vulgus*. Каждый храмъ, неговоря о знатнѣйшихъ и славившихся мудростью, имѣлъ свои маленькія мистеріи и свой причетъ *посвященныхъ* въ тайный смыслъ болваннаго представленія и пущенной въ народный оборотъ сказки. Другихъ богатырей войны мы разбирать не станемъ: кромѣ *Дивослуживаго* (Диомеда) они почти не стоятъ разбору; и притомъ же я свѣшу — меня торопятъ — кончить эту статью: для нея прѣстановился на нѣсколько дней выходъ книжки, чтобы доставить мнѣ удовольствіе побесѣдовать подолѣе съ моими добрыми читателями, которымъ я столько благодаренъ. Она простятъ эту смѣлость старинному больному знакомцу.

И подняли всѣхъ этихъ воевъ и богатырей, и собрали рать великую и ладью многую, и пошли воевать царя Трояна, славнаго государя трехъ кургановъ, и напали на *городшко* его на *святой*, на городъ на Шарикъ, на крѣпость на Пещерку — кто?.... Греки?.... то есть, *Эллины*? — ничуть не бывало: кто же вамъ сказалъ, что тутъ были Греки или Эл-

лины? Они нигдѣ и не упомянуты у Гомера. Объ нихъ нѣтъ и рѣчи въ его поэмахъ, которыя однако жъ сочинены имъ на эллинскомъ языкѣ. Онъ, напротивъ, тщательно избѣгаетъ этого историческаго имени. Пошли воевать — веномните хорошенько, кто—*Ветхіе*, *Данаі*—люди Древніе—люди предшествовавшіе поселенію Эллиновъ въ Греціи—какіе-то невѣстные существа, еще исполнискаго сложенія и равнобожной породы, жившіе тогда въ Арголидѣ, въ Ахаіи, въ Македоніи, въ Тракіи, и называемые Гомеромъ, преимущественно, но глухо аргивами, что значитъ «бѣляки» (*argos*, бѣлый), и ахейнами, что значитъ «бѣдняки», жителями *Бѣдной*, голой, бесплодной страны (*achés, acheos, achén, асһап*, нищій, безхлѣбный, бѣдный). Кто же вамъ смеловать, что вы не переводите собственныхъ именъ Гомера, человѣка, который самъ всѣ имена и всѣ прозвища переводилъ, по коренному обычаю древности, а вмѣсто перевода толкуете слова произвольно, и оттого не можете ничего понять въ его разсказахъ? *Danaeos* и *dénaeos* вѣдь значитъ *вѣтхій, древній, первообитный*! Сказано у Гомера *Ветхіе*, такъ и говорите прямо. *Ветхіе*, а не наобумъ и наугадъ—Греки! Съ чего вы взяли, что *Danaí, Ветхіе*, были Эллины, Греки? Греческому народному тщеславію простительно толковать, что Гомеровы *Ветхіе* это—они, Греки, и изъ гордости, величать себя произвольно *Данаидами, Ветхичами*. Римскому повѣжеству, воспитаннику и ученику Грековъ, простительно вѣрить, будто *Danaí* въ самомъ дѣлѣ—эти плутишки *Гаесій* и употреблять прозваніе *Данаіи* безъ разбору вмѣсто имени *Греки* или *Эллины*. Но вамъ-то, вамъ—историческимъ критикамъ, философамъ исторіи, эллинистамъ, гелертерамъ, ученымъ съ докторскими шапками—статное ли дѣло повторять донынѣ такіе пустяки, будто *Danaí, Ветхіе*, и Эллины все-равно? будто *Миршидоны* были люди и населили, отстроили, просвѣтили *Аттику, Троаду, азіатскую Іонію*, даже *Лидію* и *Карію*, тогда какъ вы видите, что *шугмѣдон* значитъ *муравейникъ*, а *шугт-идон*, *муровидный*, и что тутъ играетъ роль *peleios, спзой голубь* *Самоокрасы*, эмблема, извѣстно чего? будто Гомеръ жилъ такъ близко къ эпохѣ трехъ-

курганной или, какъ вы говорите, *тройской* войны, когда его богатыри принадлежать еще къ нашей *русской* эпохѣ, къ эпохѣ *великановъ* и *большихъ*, чудесныхъ *щитовъ*, по нашему по-великанскому *рюсь* и *сколд*, которыхъ описаніемъ занято его воображеніе особенно? когда самъ онъ вамъ безпрестанно напоминаетъ, что эти вои метають такими камнями, *какихъ нынче тридцать человекъ одного съ мѣста и сдвинуть?* Вспомните столько же длинное сколько знаменитое описаніе щита Безорма Голубыча, самороднаго человѣка, сравните это со славою, съ древностью, съ самородствомъ сѣвернаго щита *рюса*, *рейта* или *сколда*, съ важностью щита въ сагахъ, и сообразите — о комъ тутъ скорѣе идетъ рѣчь, о баснословныхъ *щитахъ* или о дѣйствительныхъ *людяхъ*, северѣ ли или о югѣ? Изъ юга, въ мифологіи, ничего не вышло; изъ сѣвера — все. Съ юга приходятъ въ ней только системы, ученія, таинства, а всѣ дѣйствующія лица этихъ теорій являются съ мрачнаго сѣвера. Дельфійскія таинства и оракулы состоятъ равномѣрно въ связи съ таинствами Саяса въ Египтѣ и съ главнымъ прорицающимъ Иперобрейцель, Сѣверянь, Нордмановъ, на берегахъ *Гагачьяго Моря*, гдѣ *чусиный пухъ летаетъ въ воздухъ облаками* *. Все это пространство обложено одною сѣтью общихъ мифовъ, общей мистической аллегоріи, принадлежащей къ одному и тому же основному ученію. *Ветхія*, это — мы, съ нашими дивными *щитами* фабрики боговъ, существа еще сверхъестественныя болѣе чѣмъ естественныя. *Поить* у Гомера просто—*Поить*, Черное Море, невѣдомая Пучина, у которой помѣщается вся баснословная географія, а произвольное поэтическое слово

* Я кажется забылъ объяснить, что *Норманны*, *сверяне* и *людоды*—такіе же мифологическіе терминны Русо-Готин или Швето-Славин, *Рейт-ландів*, какъ и *рюсы*, *сколды*, *дратва*, *ятеа* (Юты), ведство, кривичство, одноглазіе, великанство. Впослѣдствіи уже, когда басня вадвала иереолтъся исторіей, одинъ изъ такихъ терминовъ (*норманны*) превзошли себя Норвежцы, другой Двѣпровцы, третій Нѣманцы или Двнвяне, четвертый Волжане, и такъ далѣе. Что *Северя*, Nordmannir, Nurgerborgaei, вѣогад, въ баснѣ-исторія, полагались не въ Норвегіи, а въ другихъ и въ разныхъ мѣстахъ, это можно доказать неопроверженно и баснею и исторіей.

вмѣсто море. Въ сказкахъ нѣтъ произволу въ словахъ: слова для нихъ — факты.

Гдѣ вы это у Гомера вычитали, чтобы онъ разрушеніе Трои представлялъ или воображалъ народнымъ подвигомъ своихъ, Грековъ, дорогимъ для нихъ отечественнымъ преданіемъ? Онъ, напротивъ — врагъ *Ветхихъ*, онъ ихъ не любитъ, и чтеніе поэмъ его возбуждаетъ въ насъ непрерывное негодованіе на *Ветхихъ*, Danaï, а живѣйшее благорасположеніе къ промышленнымъ *Строителямъ*, Теусгі. Эти, полагаютъ онъ прибывъ сюда, прекрасно обстроились, и только-что зажили славно, какъ вотъ пришли *Ветхіе*, которые, до появленія Эллиновъ въ Грецію, расселились тамъ-было подъ названіями Бѣляковъ и Бѣдняковъ — пришелъ царь Распребѣшанъ Невпаповичъ — пришелъ притча-во-языцѣхъ хитродумъ Сбѣгнѣвъ Міругожичъ — пришелъ самородный человекъ, идеаль, Безкормъ Голубычъ — и трехъ-курганное царство не какъ разорили они — Шарикъ да Пещерку коварствомъ смели съ лица земли — а съ достовѣрностью про то онъ не знаетъ, вовсе взятіемъ Шарика и не интересуется. Главное для него дѣло вотъ какое. Ветхіе были народъ грубый, дерзкій, неблагочестивый. Царь ихъ Распребѣшанъ Невпаповичъ обидѣлъ жреца Солнца-Истребителя (Аполлона), похитивъ дочь его, *Сочную* или правильнѣе *Сочнову*. Знать, батюшка то красавицы, жрецъ, такъ же какъ и она, обилывалъ животнымъ сокомъ, былъ жиренъ и толстъ: сокъ такъ и брызгалъ изъ нихъ (*bruseis, brūdēs*) сквозь всѣ скважинки кожи, оттого что они много *жрали* — извините слово: оно, въ славянскомъ, значило прежде *жертвовать*, приносить *жертвы*, а нынѣшнее его значеніе есть только воспоминаніе объ аппетитѣ, съ какимъ предки наши благоговѣйно раскушивали потомъ то, что сперва поднесли-было богамъ. Ветхи учинили великое преступленіе противъ жрецовъ. И вотъ посмотрите, какъ боги наказали Ветхихъ за такую наглость; какіе несчастіе, страданія, бѣдствія — какая *затная погубель* — какіе внутренніе раздоры и скорби, посыпались на нихъ, по волѣ Ясныхъ, безъ которыхъ ничего у людей не дѣлается; люди—игра Яса, игра игры разныхъ свойствъ его, а

одни только мудрые жрецы понимаютъ его, находятся въ ладу съ нимъ и могутъ умилостивить. Слѣдуютъ двадцать—четыре книги бѣдъ скорбей и *Ветхий*. Не мудрено, что жрецы взяли *Сборникъ Заложника*, Πίης Ηομήρου, подъ свое покровительство и, впоследствии, съ такимъ жаромъ, съ такимъ фанатизмомъ, проповѣдовали его святость, когда свѣтскіе философы и поэты, злоупотребленіемъ силлогизма и легендъ, поколебали прочность язычества и уваженіе къ его святынь. Дѣла *Ветхихъ* кое-какъ поправилъ наконецъ *самородный* человекъ, свѣжаго издѣлія, совсѣмъ не ветхой породы—*Безкорнь Голубычъ*—чадо новой теоріи эвиру—и то единственно по благорасположенію Яса къ *Тезису*, къ *Данной* яркой материн, изъ которой, по чуднымъ его и ея свойствамъ, можетъ все образоваться добровольно, даже полный человекъ, пройдя черезъ извѣстныя метаморфозы. Доказавъ это, Гомеръ оставляетъ трехкурганное царство, забываетъ и *Ветхий* и *Строителей*, оставшихся возиться передъ Шарикомъ, и переходитъ къ болѣе интересному сюжету чѣмъ взятіе Пещерки—къ тому что дѣлалъ Сбѣгивъ Мирупригожича въ Понтѣ-Пучинѣ, какъ тамъ наѣздничалъ, какіе страшные грабилъ тамъ народы, какъ искоренилъ ярославскую ересь у великановъ—щитовъ, какъ—самъ онъ даже, любимецъ народовъ, идеалъ плута, полезнѣйшее человекамъ существо, страдалъ отъ боговъ за то, что помогать *Ветхий*, какъ выпутался изъ всѣхъ этихъ напастей, а—главное—какъ отстоялъ несравненную Мучисковороду Икарьевну, на которой всѣ *Ветхіе* хотѣли пережениться, чтобы кушать ея блины. Это для него гораздо важнѣе взятія Тройки и—я полагаю—онъ тутъ показалъ гораздо болѣе здоровой исторической критики чѣмъ новѣйшіе свѣтила исторіи, для которыхъ паденіе Трои все—еще составляетъ важный фактъ и политическое событіе.

Самое названіе Πίης Ηομήρου, изъ котораго легкомысленно сдѣлали два собственныхъ имени *Иліада Гомера*, будь оно съ самаго начала переведено буквально, «Сборникъ Заложника», или аманата, давно бы указало всѣмъ на не-греческое происхожденіе сюжета гомерическихъ рассказовъ. Ηομήρος всегда и постоянно значило въ греческомъ языкѣ *аманатъ*; ηομηροί,

аманаты. Но это не нравилось греческому самолюбию: значеніе *аманатъ* наводило всегда на мысль о привозѣ извнѣ, Грекъ ли былъ аманатомъ въ чужой землѣ или Варваръ аманатомъ у Грековъ. Сочинитель жизни Гомера, подложно приписанной Геродоту, открылъ, что гдѣ-то, у Кумейцевъ, въ *Кумахъ*, между Осками и Сабинцами — вотъ прекрасное мѣсто для изученія настоящаго смыслу греческихъ словъ! — *homégos* значитъ *слыной*. И сказка о *слыпотѣ* Гомера, объ его нищенствѣ, его гуслярствѣ, взяла въ ученомъ мірѣ перевѣсъ на основаніи этой смѣшной этимологіи. Преданіе объ аманатѣ, привезшемъ быть-можетъ изъ Тракіи или Илиріи эти поучительныя языческія аллегоріи, и о переводѣ ихъ на эллинскій языкъ, упали. Въ поэмахъ этихъ однако жъ замѣтно столько единства въ слогѣ, въ тонѣ, въ содержаніи, въ направленіи, что онѣ ни какъ не могли быть произведеніемъ самихъ рапсодовъ: это — очевидная передѣлка или обдѣлка каждаго-то *сборника* прежнихъ, уже готовыхъ, чужихъ сказаній, произведенная одной бойкой рукою — однимъ протыпъ, но острымъ и смѣлымъ умомъ, для употребленія народныхъ греческихъ гусларей.

Мнѣ кажется, что послѣ всѣхъ этихъ разсужденій и доказательствъ, читатели позволяютъ мнѣ перевести имъ вновь тоже самое мѣсто, которое уже было здѣсь переведено буквально въ прошломъ мѣсяцѣ — но перевести въ немъ *все* безъ исключенія, какъ должна быть переводима сказка — такъ, чтобы тутъ никакая національность не заслоняла своими собственными именами настоящаго смыслу рѣчи.

Боже мой! для чего я это дѣлаю!... Когда подумаешь, что о трудѣ, въ которомъ иногда сосредоточиваются результаты изысканій, размышленій, соображеній, бессонныхъ ночей, мучительныхъ дней всей вашей жизни, первые и громче всѣхъ произносятся судъ почти всегда тѣ, которымъ предметъ или знакомъ только поверхностно или и вовсе неизвѣстенъ — которыхъ быть-можетъ только учия предмету другіе когда-нибудь, а сами они потомъ никогда не переучивались ему, съ новыми средствами, съ другими свѣдѣніями — уныніе, и еще другое чув-

ство, которое такъ естественно въ подобномъ случаѣ, способны вытолкнуть перо изъ руки. Не разъ мнѣ самому случалось вдругъ бросить его, когда подобная мысль овладѣвала мною, сказавъ про себя: не стѣдить!... пусть будетъ все по-старому!.. одно только старое и пошлое ведетъ къ успѣху. Но правда и то: мысли мои, теперь, еще болѣе чѣмъ когда-либо далеки отъ всякой заботы объ успѣхѣ. Я ищу только необходимаго развлеченія въ воспоминаніяхъ нѣкогда дорогихъ мнѣ занятій, и въ бесѣдѣ съ тѣми изъ читателей, съ которыми учредился у насъ родъ литературной дружбы — слѣдствіе продолжительнаго знакомства и извѣстнаго созвучія мыслей. Я переведу — такъ, какъ понимаю дѣло.

Но только не сегодня. Я ощущаю уже изнеможеніе. Сегодня мы не могли бы перевести много. Въ будущей книжкѣ я охотно возвращусь къ нашему предмету, и какъ, между прочимъ, общалъ я перевести изъ Гомера мѣсто, относящееся къ Одноглазнику Ярославу и къ Кривичамъ, то, при этомъ случаѣ, мы пройдемъ всѣ страницы четвертой книги Геродота, гдѣ только говорится о нашей родной Скиѣи, Скотіи или Русіи. Мы увидимъ его странную географическую теорію. Онъ, по страсти къ спору, отвергалъ существованіе Океана. Это заставило его, по логической необходимости, не допускать возможности Оловянныхъ Острововъ (Англіи) и Балтійскаго Моря, Западной Двины, Вислы и Рейна, которые не имѣли бы устья въ такомъ случаѣ, хотя эти рѣки были уже извѣстны Грекамъ его современникамъ, слить Каспійское Море съ Чернымъ и протянуть эту массу воды до самаго сѣвера. Все его географическое описаніе Скиѣи, гдѣ, какъ мы увидимъ сами, онъ никогда не бывалъ лично, принаровлено къ этой любопытной системѣ, и, по ней, если бы она оказалась справедливою, онъ во всемъ правъ: скиѣскія рѣки и земли лежали бы въ томъ порядкѣ, который онъ имъ приписываетъ.

Карту, составленную по этимъ его понятіямъ, я велю выгравировать послѣ. Она давно нарисована мною; но теперь еще я не въ силахъ заняться ею.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОНИСЬ.

=
Я Н В А Р Ъ , 1849.

=
Н О В Ы Е К Н И Г И .

ГЕОГРАФІЯ, составленная по новейшимъ открытіямъ произведеннымъ Иваномъ Эльмановымъ, и имлющая предметомъ опроверженіе Коперниковой системы мірозданія (Москва, 1848, въ-8.).

Господинъ Иванъ Эльмановъ, какъ вы видите, произвелъ новейшія открытія, своимъ собственнымъ трудомъ и издивеніемъ; открытія непостижимыя, ни кому неизвѣстныя, которыхъ въ настоящее время никто не понимаетъ, даже и самъ онъ, но которыя даютъ совершенное новое направленіе понятіямъ вѣка объ устройствѣ планетнаго міра, опровергая всю систему *геніальнаго* Коперника, — потому-что господинъ Эльмановъ готовъ признать его — пустомелею правда — но *геніальнымъ* пустомелею, съ тѣмъ только, чтобы его самого признали еще *геніальнѣе*. Коперникъ уничтоженъ. Новая эра для науки начинается съ *новѣйшихъ открытій*, произведенныхъ господиномъ Эльмановымъ. Земной шаръ передѣланъ имъ съ основаніемъ. Отнынѣ Земля не вертящійся шаръ — что было крайне неудобно для многихъ, очень порядочныхъ умовъ, которые, какъ ихъ ни приучивали къ

тому съ дѣтства гувернеры, учителя, профессора, ни какъ не могли свыкнуться съ этимъ положеніемъ Земли безъ головокруженія. Земля отбывъ — плоская тарелка, поставленная.... этого господинъ Эльмановъ еще не открылъ: на чемъ она стоитъ, не известно; но, только, стоитъ, крѣпко и надежно — стояла превосходно до Коперника — и простоятъ еще долго, безъ опасности для текущаго порядку дѣлъ человѣческихъ. Смѣшнѣе всего, въ системѣ Коперника, было то, что Солнце стоитъ *невидимо*, а ходитъ *видимо*, въ одно и то же время. *Стоять невидимо!* какой парадоксъ! Когда что стоитъ — часы, напримѣръ — такъ видишь ясно, что оно стоитъ. Подвигаться можно *невидимо* — такъ медленно, что глазъ этого не примѣчаетъ: но стоять!.... какой вздоръ! Господинъ Иванъ Эльмановъ первый открылъ, что это — вздоръ. И это даже — самое *новѣйшее* изъ *открытій, произведенныхъ* господиномъ Эльмановымъ. Чѣмъ, въ системѣ гелиальнаго Коперника, доказывали, что Земля — шаръ? Во первыхъ, тѣмъ, что если корабль выступаетъ въ море изъ какой-нибудь гавани, и плыветъ все къ западу — вѣчно въ одномъ направленіи, то наконецъ онъ возвращается въ ту же самую гавань съ востока, тогда какъ ему кажется, что все еще держитъ на западъ: слѣдовательно, онъ описалъ полный кругъ около Земли, въ западномъ направленіи, и Земля — шаръ. Но это легко сказать; докажите дѣло на практикѣ. Ни одинъ еще корабль не отплывалъ изъ гавани къ западу и не приплывалъ къ ней съ востока: этого никогда не бывало!.... Во-первыхъ, такой гавани нѣтъ на свѣтѣ, чтобы можно было отплыть къ западу или къ востоку, и, плывя все по одному направленію, войти въ нее съ противоположной стороны. Гавань, открытая къ западу, должна быть закрыта съ востока; иначе она — не гавань. На пути вы встрѣчаете материкъ и острова, которые надо огибать; корабль поворачиваетъ во всѣ возможные стороны — плыветъ сюда туда — впередъ назадъ — какъ тутъ сообразиться въ такой путаницѣ направленій! Самъ онъ не знаетъ пути своего навѣрное — всѣ его расчеты, чертежи, соображенія только приблизительны — и господинъ Иванъ Эльмановъ *новѣйше* открылъ, что если такъ ходить зигзагами, неправильно, безпорядочно, особенно въ веселомъ расположеніи духа, то можно описать прекрасный кругъ и по совершенно плоской поверхности, и вамъ легко покажется, что вы воротились на постель съ востока, хотя вышли со двора къ западу.

Второе доказательство предполагаемой *гениальности* Коперником шарообразности земного шара: когда вы приближаетесь съ моря къ какому-нибудь городу: вы сперва видите верхушки колоколенъ — потомъ крыши домовъ — потомъ ужъ дома: следовательно, говорятъ: вы плывете по выпуклой поверхности? следовательно, Земля — шаръ! Вотъ прекрасное доказательство! Кто же вамъ сказалъ, что море такъ ровно? Совершенство уровня морской поверхности — просто, гипотеза. Въ морской поверхности могутъ быть углубленія, выпуклости, ямы, которыхъ мы не примѣчаемъ и которыхъ нѣтъ возможности взмѣрить: корабль, съ котораго вы смотрите, можетъ находиться въ ямѣ. Все — одинъ предположенія, философія, пустословіе, книжныя сказки, вздоръ!

Господинъ Иванъ Эльмановъ дѣлалъ разные опыты, чрезвычайно неудобопонятные для читателя, съ магнитною стрѣлкою, съ солнечными часами, съ календаремъ, на которые также ссылаются ученые, когда представляютъ намъ Землю въ видѣ картофеля, невидимо катящагося въ пространствахъ вокругъ невидимо стоящаго Солнца, и *произвелъ* многія *новѣйшія* открытія, достойныя этихъ глубокомысленныхъ опытовъ. Открывается, что, не только система *гениальнаго* Коперника, но и магнитная стрѣлка, и солнечныя часы, и все на свѣтъ — вздоръ!... даже и календарь, къ которому онъ прибѣгалъ, какъ лучшему и вѣрнѣйшему руководству къ истинѣ.

Но самое прекрасное, самое любопытное изъ *новѣйшихъ* открытій, *произведенныхъ* господиномъ Иваномъ Эльмановымъ, и *импьющихъ* предметомъ *опроверженіе* системы Коперника, это, безспорно, слогъ его. Нѣтъ такой въ мірѣ системы, которая бы устояла передъ этимъ слогомъ. Самые закоренѣлые приверженцы обращенія Земли отъ запада къ востоку будутъ имъ опрокинуты, кто на сѣверъ, кто на югъ.

« А какъ науки астрономической занятіе есть всеобщаго мі-
 « розданія дѣло великое, такъ чѣмъ оная будетъ испытываться
 « въ наблюденіяхъ совершеннѣе и осторожнѣе, тѣмъ яснѣе и по-
 « нятнѣе начинается свѣтъ ея возрастать и гениальнаго изобрѣ-
 « тателя Николая Коперника, трехвѣковая система и многіи
 « ми знаменитыми мужами усовершенствованная и дополненная
 « обнаруживается вмѣсто астрономіи только философіи творче-
 « ствомъ и разныхъ вѣковъ мечтательнымъ сборникомъ, и Ко-
 « перникъ находится въ ономъ ничѣмъ инымъ, какъ только глав-

«...и единственною союдающею всея вселенной. Астрономия того времени народное понятие.»

Удивительно таким образом устарѣлымъ бредомъ Ковенина, уже недолгое время къ вымышленному просвѣщенію, къ вымышленнымъ открытіямъ и понятіямъ челоѣчества, господинъ Иванъ Эльмановъ провозглашаетъ хвалу тѣхъ истинныхъ свѣтлыхъ умовъ, которые распространили кругъ науки и разума, тѣхъ великихъ писателей, *которые болѣе прочихъ известны* — Декарта, Гаусса, Сведенборгу, Аддисону, Югеру-Штудлингу и Кома. Многие въ настоящее время изумятся —

«Но здѣсь прежде аступленія въ объясненіе науки астрономической первообытной, также за нужное признается сказать, что новѣйшаго времени писатели въ Европѣ *болѣе прочихъ известны*, Аддисонъ и Декартагауссъ и въ описаніи всѣхъ важныхъ событій оныя такъ признаютъ, какъ и въ дряблѣ писанія, а потому неоспоримо доказывается, что все науки и просвѣдныя творенія латышскихъ писателей или почерпнуты изъ разговоры съ Евреями, или заимствованы изъ чтенія ихъ книгъ, также Югеръ-Штудлингу говоритъ, что всякая мудрость и вся мірозданія описанная Мисологія и все просвѣдныя правоченія и правила о общественной и добродѣтельной жизни у всѣхъ народовъ, не иначе какъ заимствованы отъ народа Израильскаго и сіе есть отраженіе болѣе или менѣе лучей свѣта къ сему народу; а потому, если обстоятельства дозволятъ мнѣ въ свободное время изберу, то въ учености астрономической, находящаяся у онаго и прочихъ ученыхъ въ совокупности между предѣловъ и законовъ мірозданія съ практическими открытіями еще изготавляюсь особымъ описаніемъ науки географической и астрономической *цѣлымъ системою* издать.»

Согласитесь, что любопытнѣе этого вы ничего не читали. Твореніе господина Ивана Эльманова — одна изъ тѣхъ печатныхъ рѣдкостей, которыя любители книгъ тщательно сохраняютъ въ своихъ библіотекахъ и показываютъ только друзьямъ. Господину Ивану Эльманову нѣтъ никакой нужды *особымъ описаніемъ, науки географической и астрономической цѣлымъ системою* издавать. Этого опыту совершенно достаточно для его безсмертія.

Но вотъ другая *географическое* твореніе, которое является очень кстати: послѣ перестройки земнаго шара *новѣйшими открытіями, произведенными* господиномъ Иваномъ Эльмановымъ, на этой плоской землѣ, гдѣ по необходимости должны господ-

створить одні тільки плоскості, нумень быть новый курс чте-
лій из географіи, совершенно плоских, небывалых, неуподоб-
ляющихся ни одному изъ известныхъ, ни на что не похожихъ
и два остроумные человека посвѣтили составить ихъ для общей
пользы, подъ заглавіемъ --

ЕСТЬ ЛИ КОНЕЦЪ СВѢТУ? Сочиненіе И. Давилевскаго и А.
Оссовскаго. Вторая часть перваго курса чтеній изъ географіи.
Съ политическими рисунками (СП.-буръ, 1848, вѣ-12.)

О такихъ чтеніяхъ географіи, на шарообразной землѣ,
доселѣ и понятія не имѣли. Тутъ нужны были — что-
бы придумать такія плоскія географическія вещи — чтобы
говорить о нихъ такимъ горизонтальнымъ языкомъ, сло-
гомъ, тономъ — соображенія совершенно такого же виду
какъ Земля господина Эльманова. Такія чтенія не читают-
ся читателями: довольно, если читатель, выпучивъ глаза, сме-
тритъ и удивляются, какъ господа И. Давилевскій и А. Оссо-
вскій, взошедши на плоскую возвышенность своего ученаго міра,
читаютъ курсъ свой, достойный всякаго удивленія. Вотъ они —
эти новые географы, умъ вѣрно толкучаго преподаванія изо-
брѣтатели (слогъ господина Ивана Эльманова) — вотъ они, въ
своей невѣроятной аудиторіи, среди своихъ невозможныхъ слу-
шателей, и поучаютъ объ открытіи Америки:

« Встрѣча Колумба съ Американцами была презанимательная.
« Людямъ, живущимъ въ лѣсу, не слыхавшимъ никогда, что мо-
« жно жить въ домахъ, ходить въ покойномъ платьи и ѣсть ва-
« реное кушанье, словомъ, людямъ, знающимъ врод настоящую
« жизнь столько же, сколько нашъ волкъ или медвѣдь, появленіе
« Евронейцевъ на корабляхъ было тѣмъ, что у насъ называется
« чудомъ, невиданнымъ и неслыханнымъ приключеніемъ.... Аме-
« риканцы и простыхъ домовъ не видали », а тутъ вдругъ видятъ
« домъ, который съ гору величавой, да и плыветъ еще по во-
« дѣ.... Это просто удивленіе! Да какъ же и разсуждать о такой
« вещи, которая такъ огромна, сама собой движется и машетъ
« еще крыльями неслыханной ширини!.... Это не иначе, какъ

* А эти чудные города Мексики, эти американскія Оивы, которые при-
шлось Испанцамъ осаждать правильно и покорять хитростью, эта архи-
тектура, которой мы вывче удивляемся — что такое они? неужелі не
американскіе?

« птица съ того свѣта, потому-что такихъ ужасныхъ птицъ на этомъ свѣтѣ вгдѣ не видно; притомъ же и плыветъ она отъ краю океана, гдѣ небо сожнулось съ водою.... Страшныя мысли какъ тучи стали подыматься надъ воображеніемъ Американцевъ и порождали въ нихъ тѣмъ самыхъ чудовищныхъ догадокъ и предположеній. Птица эта вовсе неизвѣстна, думаютъ себѣ: быть-можетъ она и злая, быть-можетъ она и плыветъ къ берегу за тѣмъ, чтобы поѣсть.... А что жъ она ѣсть! Кто жъ это знаетъ!... Можетъ-быть ей и люди покажутся довольно вкусными, да какъ, неравно, примется завтракать (а это и было самое время завтрака, утро), такъ на одинъ глотокъ и поидеть дюжина охотниковъ!... Слѣдовательно, хотѣлось бы и приглядѣться птицѣ, да и страшновато. Вотъ дикари, волнуемые страхомъ и любопытствомъ, украдкой изъ-за кустовъ, припритывая головы за сучья и вѣтви, подходятъ еще ближе къ морю. И что жъ? Глазамъ ихъ представляется новое диво: подъ раскинутыми крыльями, на спинѣ чудовища, шевелятся еще и небольшіе звѣрки. Ужели жъ это его дѣтеныши, цыплята!... Да каковы жъ и цыпленки-то! Каждый не меньше дюжого мужьяны.... Да отчасти они и похожи на людей.

« Такимъ образомъ, глумясь и делясь и не помня себя отъ страха, дикари, точно околдованные, долго не отходили отъ берега: они позабыли даже и о томъ, что ничего еще не ѣли, что давно пора было бы, убивши какого-нибудь звѣря, хоть дѣтей и женщинъ накормить. Между-тѣмъ великанъ-птица плыветъ-да-плыветъ, и приплыла уже такъ близко, что и стрѣлами можно было бы пустить въ нее. Но можно ль же думать, что убьешь ее стрѣлами! А подстрѣливши, раздразишь только, кинется на берегъ, то и лѣсъ переломается, и переключетъ всѣхъ на-попалъ.... Не лучше ли, поэтому, обождать, что она станетъ дѣлать?... Вотъ, осмотрѣвши дубины и держа ухо остро, дикари остаются еще посидѣть въ кустахъ. Вскорѣ дѣтеныши заморской птицы забѣгали что-то по спинѣ матушки, та опустила крылья (паруса), и что-то или кто то, съ веревкой на шеѣ, упалъ въ воду, и уже не всплываетъ на поверхность (якорь). Черезъ минуту проворные дѣтеныши вытащили изо рта матушки какъ будто лодочку, сползли внизъ какъ кошки и плывутъ къ берегу, загребая веслами точно люди. Ахъ какой ужасъ! Что жъ тутъ будетъ?... »

Погодите. Будутъ вещи еще невѣроятнѣе. Это только начало

курса чтеній. Географы новаго роду еще не совсѣмъ разиигрались.

Поговоривъ — кстати о Колумбѣ — о дешевизнѣ шегольскихъ трюсточекъ, которые мальчишки продаютъ фешенеблямъ на Невскомъ Проспектѣ по десяти копѣекъ, и для нагляднаго изображенія этой статьи усовершенствованнаго туалета *благочестиваго общества* поставивъ *политипажную картинку*, гдѣ вы видите двухъ чухонскихъ лошаденокъ у яслей, набитыхъ соломой, и лѣстничку для влѣзанія на какую то кровать, ученые преподаватели продолжаютъ :

« Однако вынче, слава Богу, и у дикарей уже все почти иеремѣнилось: вынче и тамъ уже не такая дичь, какъ была до открытiя Америки. Во многихъ мѣстахъ наши принялись за нихъ хорошенько, крестили ихъ и завели свои порядки. Желѣзными топорами своими повыврубили ихъ дремучія лѣса и педѣлали поля для посѣва хлѣба; среди полей понастроили деревень и заставили дикарей жить при одномъ мѣстѣ, чтобъ имъ и веселѣе было, и отъ звѣрей безопаснѣе; дали имъ и оружiе, и посуду, и земледѣльскiя орудiя, да и велѣли всѣмъ дѣйствовать дружно, за-одно, для лучшаго успѣха во всѣхъ дѣлахъ. А чтобы все опять у нихъ не разстроилось, назначили и начальниковъ, которые и о порядкѣ заботятся, и показываютъ имъ, гдѣ и когда сѣять что, и какъ ухаживать за домашними животными. Въ горахъ, для выдѣлки металловъ, явились *заводы горные*. Мало по малу и въ Америкѣ стали отстраиваться большiя деревни, съ каменными домами, съ фабриками и мануфактурами и съ другими важными заведенiями, иначе — города. Самые смышленные стали дѣлать изъ металловъ, изъ камней, изъ глинны всякiя нужныя вещи, а другiе стали развозить издѣлiя городскiя по деревнямъ и вымѣнивать для горожанъ (гражданъ) хлѣбъ, мясо, ленъ, пеньку, дрова, молоко, масло, сыръ, словомъ — всякiе съѣстные припасы и невыдѣланныя произведенiя сельскаго хозяйства.

Замѣтите это объясненiе слова гражданнѣ. Въ плоской географiи *граждане* значить — *горожане*. Ученые преподаватели стараются дать своимъ слушателямъ понятiе о настоящемъ значенiи словъ.

« Со времени введенiя европейскихъ порядковъ, и у дикарей сдѣлалось всего вдоволь, какъ теперь у насъ. Съ тѣхъ поръ и на ихъ дикой землѣ закресовалось и заблiстало все лучшей жи-

«...ю. Главная деревня, или главный городъ, гдѣ жительство для
 « главного начальника, и у нихъ наполняется также стройными
 « каменными зданіями, палатами и дворцами, какъ у насъ Столи-
 « ца. Другіе города, гдѣ жительство помощниковъ главного на-
 « чальства, не хуже нашихъ *губернскихъ* городовъ; самые жъ
 « послѣдніе не хуже нашихъ *уѣздныхъ* городовъ и мѣстечекъ....
 « Главнѣйшія заведенія, фабрики и заводы, разумеется, и у нихъ
 « находятся въ столицѣ, хотя въ другихъ *губернскихъ* и даже
 « *уѣздныхъ* городахъ попадаются тоже отличныя заведенія.

Любопытно было бы знать, гдѣ, у какихъ дикарей, все это
 происходитъ. На шарообразной землѣ такая ученость носила дру-
 гое названіе.

« У дикарей, однако, не легко было завести порядокъ и хозяй-
 « ство. Въ нѣкихъ мѣстахъ, по глухости, не хотѣли никакихъ пе-
 « ренѣтъ, лежали въ драку, и оставалось унимать ихъ силою. Ди-
 « карь отчасти похожъ на дѣтей: имъ своя волюшка всего кажет-
 « ся полезнѣе, и потому приходилось или отступить отъ нихъ,
 « или употребить силу. Отецъ, который позволилъ бы дѣтямъ, на
 « ихъ же ответственную бѣду, управляться по своему, развѣ былъ
 « бы добрый отецъ? Отнюдь нѣтъ. Такой отецъ скорѣе могъ бы
 « называться врагомъ дѣтей, а не отцемъ. Поэтому Европейцы
 « поступили истинно по отечески, силою заставивъ глухыхъ по-
 « нять свою пользу. А теперь Американцы и благодарны Евро-
 « пейцамъ! Что касается до хозяйственной части, можно себѣ
 « представить, каково было заводиться тамъ, гдѣ, что называется,
 « не было ни кола ни двора.... У дикарей мудрено было и людей
 « выбирать для мастерства и даже для самой простой работы.
 « Это не то, что у насъ, гдѣ все давнымъ давно заведено. У насъ
 « всякій съ малолѣтства, съ шести съ семи лѣтъ, приучается уже
 « не къ тому, то къ другому дѣлу. У насъ на все есть особая
 « *учебная заведенія*, школы. Хочетъ кто хозяйству, ремеслу или
 « мастерству какому учиться, есть на то *земледѣльческія* уч-
 « лища, *технологическія* институты.... Хочетъ кто по торговой
 « части приготовиться, есть *коммерческія* училища. Для военныхъ
 « есть *морской* и *кадетскіе* корпуса, *баталіоны кантонистовъ*...
 « Есть *уѣздныя* училища, *губернскія*, или *гимназіи* и *университе-*
 « *ты*. А у дикарей, куда ни повернешься, одно заведеніе — лѣтъ
 « да лѣтъ!»

По случаю такихъ мудрыхъ плоскостей, новые географы, въ
 длинномъ отступленіи, стараются дать, какъ кажется, понятіе о

правительствъ и государственномъ устройствѣ. Изъ этихъ чуждыхъ страницъ должно заключить, что они учредили нѣкогда свою въ главномъ американскомъ учебномъ заведеніи — въ Лѣсу — и преподають географію дикарямъ — потому что, несмотря на мужицкій слогъ и дѣтскія мысли, украшающія эти страницы, и мужики и дѣти нашихъ сторонъ толкомъ выше этихъ разсужденій.

«Только что жъ мы разотались съ чужаками дикарями.... что еще объ нихъ сказать бы? Да вотъ что — *кто они таковы — дворяне или мужики?* Такой вопросъ, разумѣется, смѣшонъ. Дикари — и не дворяне и не мужики: они просто люди. Спрашиваемъ ли мы о кускѣ дерева — что это — стулъ, столъ или скамейка? Никогда этого никто не спроситъ. Дерево — и есть дерево. Конечно, изъ дерева можно сдѣлать — и стулъ, и столъ, и мало ли что; только, пока еще не сдѣлано, оно ни болѣе, ни менѣе, какъ дерево.... Точно такъ же и дикарь. Изъ дикаря можно сдѣлаться — и мужикъ, и дворянинъ, и солдатъ, и гражданинъ, даже министръ и генералъ; надобно только, чтобы онъ жилъ въ *гражданскомъ* обществѣ и поступалъ по законамъ этого общества. По настоящему всѣ люди должны быть мужиками — простолюдными. Почему? Потому что, хотъ бы и дикарей собрать въ порядочное общество, для улучшенія жизни, — что бы они были? Люди, платящіе подать — для общей (государственной) казны, люди работающіе — для пропитанія себя самихъ и для содержанія арміи и начальствъ, люди, изъ которыхъ надобно и солдатомъ выбрать, и купцовъ, и мастеровыхъ.... Какъ же такихъ людей называть, если не простолюдными?..»

Новое отступленіе — въ которомъ толкуется о происхожденіи изъ простолюдныхъ дворянскаго и купеческаго сословія, съ *политическими картинками*, такъ же согласующимися съ предметами разсужденія какъ и предыдущія. Эти *мнимыя картинки*, просто, обыкновенныя типографскія виньетки, которыя находятъ въ каждой типографіи и служатъ къ заглавнѣю пустыхъ страницъ чѣмъ-нибудь, кстати и не кстати, по вкусу и разумѣнію наборщиновъ; съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ обракованныхъ досчетекъ изъ «Иллюстрацій» въ другихъ подобныхъ изданіяхъ. За описаніемъ прибытія Колумба въ Америку, слѣдуетъ статья о томъ: какъ жили прародители наши, Адамъ и Ева, — *въ гражданскомъ ли обществѣ, или нѣтъ?* — то есть, кто они были, ищущае или другаго состоянія люди: вы знаете, что, по опредѣленію ученыхъ геогра-

«овъ нашихъ, гражданникъ значитъ горожанинъ. Послѣ чего разсматриваются географическіе вопросы — кѣмъ выдуманы деньги? — и сколько людей на свѣтѣ? — гдѣ вы находите, между прочимъ, что *Турки принадлежатъ къ кавказскому племени*, — а тамъ вдругъ является на сцену французская революція, украшенная двумя политическими картинками — новолуніемъ и полнолуніемъ — помѣшанными среди разсужденія о важности Вѣры. Курсъ географіи заключается «Прибавленіемъ», въ которомъ помѣщена рѣчь преосвященнаго митрополита Платона при коронаціи Императора Александра Перваго.

Въ числѣ вещей и книгъ невѣроятныхъ, этотъ курсъ чтеній изъ географіи, безспорно, самая невѣроятная.

Зато вотъ милая, красивая и полезная книга — украшеніе января мѣсяца — явленіе тѣмъ болѣе примѣчательное, что русская дама занимается предметомъ ученымъ и говоритъ объ немъ дѣльно, тогда какъ наши мудрые мужчины, которыми ученые предметы принадлежатъ по праву какъ мужское дѣло, не умѣютъ сказать объ нихъ ничего кромѣ плоскостей и плачевныхъ доказательствъ неприкосновенности своей къ этимъ вещамъ. По части вкуса и занимательности, русскія женщины были донинѣ спасительницами родной литературы: кажется, что и ученость уже протягиваетъ къ нимъ руки и молить о помощи противъ нашей мужской негодности!.. Рѣчь идетъ объ естественной исторіи, по которой, мы отечественные мужчины, признаться со стыдомъ, не произвели ни одного отечественнаго сочиненія, красиваго и увлекательнаго, ни одной книги, которая, скрывъ искусно сухость и ваготу техническихъ подробностей, заставляла бы полюбить науку, посвященную чудесамъ жизни, показывающую ея разнообразіе и ея безконечныя средства къ наслажденію и счастью; науку, болѣе всѣхъ прочихъ наукъ богатую утѣшеніями для разумнаго существа. Литература естественной исторіи ограничивается у насъ донинѣ учебными руководствами, въ которыхъ классификація животныхъ и ея термины одни составляютъ почти все содержаніе — гдѣ самая жизнь — ея средства — ея истинности — ея замысловатая дѣйствія — ея разнообразныя удовольствія, совсѣмъ выпускаются изъ виду. Между-тѣмъ у каждаго изъ этихъ существъ, которыхъ вы считаете только зубы, звонки или ноги, есть свой міръ, свой кругъ сношеній, свои идеи, стремленія, общественныя или отшельническія правила, добродѣтели, страсти, потѣхи — свое искусство — свой вкусъ, своя кра-

сота — своя промышленность — иногда даже и своя торговля. Изучение жизни съ этой любопытной стороны — высочайшая поэзия жизни. Безъ него — что такое естественная исторія? Одно лишнее педанство между многими учеными педанствами, одна лишняя скука въ роскоши учебныхъ сукъ, среди которой юные умы, шевелеваемые наблюдательнымъ талантомъ въ волшебную область воображенія и мысли, верёдко спрашиваютъ себя, к чему ихъ учать и что для нихъ пользы отъ этого хламу номенклатуръ всякаго роду. Есть люди, и не между школьниками, которые не могутъ постигнуть цѣли и нужды естественной исторіи — благодаря ограниченности, господствующей въ ея изложеніяхъ — и почитаютъ ее за принадлежность соннаго любопытства и геллертерской скуки. Нѣтъ ничего забавнѣе тѣхъ увертокъ, которыми естественная исторія, въ своихъ книгахъ, чувствуя собственную пустоту и бесплодность, старается оправдать себя передъ свѣтомъ. Въ началѣ каждой изъ такихъ книгъ находится непременно статья: *Польза естественной исторіи*; и польза эта состоитъ всегда въ *познаніи выгодъ, которыя человекъ можетъ извлечь изъ различныхъ животныхъ и растений*. Чтобы торжественно удовлетворить такому важному предназначенію естественной исторіи и спасти отъ упреку въ обремененіи памяти кучею анатомическихъ подробностей безъ видимой цѣли, подъ статью *Быкъ, bos*, послѣ исчисления зубовъ, костей, роговъ, копытъ, шерсти, ученые авторы считаютъ непрѣннымъ долгомъ науки уведомить васъ официально, что *быкъ употребляется для паханія земли и доставляетъ мясомъ своимъ вкусную и здоровую пищу*; подъ статью — *Роза* — что *роза можетъ служить къ украшенію, пріятно пахнетъ, и даетъ розовое масло, которое очень любятъ Турки*. О, бездарность преестественная! ты не видишь даже къ чему служить наука, на которой ты съѣла свои зубы!.... Когда естественная исторія научила человекъ такому употребленію животныхъ или растений, котораго не зналъ бы онъ прежде ея и лучше ея, и о которомъ бы самъ онъ не рассказалъ ей первый? Что это за мистификація? Показала ли естественная исторія способы содержать животныхъ или размножать растенія, для вѣщей выгоды человечества? Выдумала ли удочку? Поймала ли хоть одну въ жизни селедку?.... Она хлопочетъ о вещественныхъ выгодахъ человечества, гдѣ тотчасъ круглое ея безсліе является во всей полнотѣ смѣшнаго, а забываетъ о главной важности своей для человекъ какъ существа, одареннаго и пользующагося жизнью. Она показываетъ — должна пока-

знать — всё образы, подъ которыми жизнь проявляется въ природѣ, жизнь, великая цѣль и предѣлъ творенія, жизнь, торжество неба и счастье земли, жизнь, ближайшее отраженіе дѣйствующей мудрости, всемогущей мудрости Создателя, дѣло, въ послѣднихъ чертахъ, удивительнѣе всѣхъ солнць и звѣздъ, всѣхъ планеть и кометь, всего этого сіяющаго великолѣвія, передъ которымъ столбенѣють воображенія. Она излагаетъ — должна излагать — всю безконечность, всю хитрость, всю силу способовъ, употребленныхъ жизнью, къ поддержанію своего быту и къ украшенію его радостью и блаженствомъ. Она привязываетъ насъ къ жизни — должна привязывать — ближайшимъ показаніемъ этого чуднаго явленія во всѣхъ формахъ и видахъ его, одушевляя насъ восторгомъ, который можетъ внушить это познаніе, сливая въ нашей мысли всё бытія и ихъ ередства въ одно цѣлое съ нашимъ бытіемъ, пополняя жизнь нашу всеобщую жизнью, ея дѣяніями, ея поэзіей, увеличивая нравственное могущество нашей жизни всѣмъ объемомъ жизни, дѣйствующей въ мірѣ..... Зачѣмъ же естественная исторія забываетъ это? Зачѣмъ откровенно и чисто не выставляетъ и не преслѣдуетъ своей природной цѣли? Цѣль ея и ея польза исключительно нравственны. Цѣль эта выше всѣхъ прочихъ наукъ. Польза эта полезнѣе всякой другой, получаемой отъ ученаго любопытства: что интереснѣе и существеннѣе для живаго человѣка, какъ исторія этой жизни во всей природѣ? какъ уразумѣніе ея практической мудрости? Естественной исторіей, если бы ясно сама себя понимала, давно бы и слѣдовало бы прозваться исторіей жизни во связъ ея созданныхъ образахъ. Если бы она такъ называлась, и умѣла постоянно оправдывать свое названіе, степень ея, нынѣ одна изъ послѣднихъ въ числѣ наукъ, была бы первая, и сама она стала бы любимой наукой всякаго. Масса человѣческаго счастья была бы умножена ею значительно: а нынче?... увы! нынче она значительно отравляетъ ее скукою, всякой разъ какъ человечество принуждено встрѣчаться съ нею..... и когда еще!... въ самый красный день его счастья, въ первую юность!

Но не-что намъ ссориться съ естественной исторіей за вялыя и тяжелыя книги, которыя вѣчно она производитъ! Иногда у ней вырываются и очень милыя книги, близкія къ сознанію настоящей цѣли науки, сознающія быть можетъ ее совершенно чисто, но только жугающіяся гнѣву и бражи отъ педагогства, которое овладѣло естественною исторіей и хотеть сдѣлать изъ нея сухую

особенную аксиому: Банк имел, напротивъ, сснвилъ по этой части Одобова, А. Башарова, Ренни, порой Катровина, и дружитъ ценногидъ, которые на жизнь умѣють смѣтрѣть съ чувствомъ живаго существа, а не съ смертельнымъ холодомъ красной докторской шапки? Какъ мила: вотъ и эта книга, при всей окрошности своего названія —

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЖИВОТНЫХЪ, *составленная по новейшимъ образцамъ* Анною Дараганъ. (СП-бургъ 1848, 66-8.)

Книга предназначена дѣтямъ, несмотря на величину и изящество издания, богатаго, усматриваемаго превосходными иллюстраціями, и это — только первый выпускъ книги, которыхъ будетъ нѣсколько. Но видно, что Анна Михайловна Дараганъ, которой извѣстность не нова въ литературѣ, любить въ естественной исторіи науку, но еще болѣе любить самую жизнь — что она интересуется ею въ каждой твари Божьей — что для ней занимательны всѣ дѣйствія, радости и горя этого нечеловѣческаго міра, столь похожаго на человѣчскій игромъ страстей, хлопотани о счастьи, и страданіями для счастья и отъ счастья. Рассказъ ея занимателенъ, одушевленъ, часто трогателенъ. Книга будетъ нѣтъ большой успѣхъ въ шумной и игривой публикѣ, которой она посвящена. Одинъ ея недостатокъ — краткость большей части того, что въ естественной исторіи называютъ «свѣдѣніями», notes. Распространяйтесь смѣло, Анна Михайловна — не опасайтесь наскучить — входите въ самыя мелкія подробности холостой жизни и семейнаго быту каждаго существа, его родительскихъ заботъ, его домашнихъ и общественныхъ трудовъ, его смышленности на лемѣ, его осторожности отъ враговъ дома; всѣхъ его хитростей, стремленій, потѣхъ, наслажденій; его архитектурнаго, ткацкаго точильнаго, копальнаго или разбойничьяго искусства; его понятій о красотѣ и любви, его вкусу къ изящному, его храбрости въ сраженіяхъ, отчаянія и нищенія въ горестяхъ сердца, великодушія въ несчастіи. У животныхъ тѣ же страсти, тѣ же чувства какъ и у насъ; разница только въ степеняхъ. Умъ ихъ называютъ инстинктомъ, но это тотъ же умъ, только менѣ развитый и никогда не достигающій до отвлеченности, до созерцанія всеобщихъ истинъ, для которыхъ нужно въ органической матеріи присутствіе духа. Но глупости у нихъ рѣшительно всѣ тѣ же какъ у насъ — и умѣіе жить, то есть, извлекать свое спокой-

ствіе, наслажденіе и выгоду изъ чужихъ глупостей, не уступаетъ лучшему нашему savoir-vivre. Тутъ-то и занимательности! Описаніе примѣчательнѣйшихъ случаевъ на охотахъ, на ловляхъ, высмотрѣнныхъ хорошимъ наблюдателемъ — одно изъ сильнѣйшихъ средствъ интересу въ исторіи жизни этихъ существъ: съ большею частью животныхъ мы только и встрѣчаемся на охотахъ и ловляхъ, и здѣсь лишь примѣчаемъ мелькомъ ихъ характеры, страсти, способности къ соображенію и главныя привычки.

Въ началѣ этого перваго выпуска находится «Вступленіе», очень мило написанное. Ученая писательница обращается къ дѣтямъ. Нужно прочесть нѣсколько мѣстъ, чтобы имѣть понятіе объ ея способѣ изложенія. « О животныхъ Естественная Исторія « рассказываетъ очень много любопытнаго, но всякому извѣстнаго. Напримѣръ всякій ли знаетъ, что въ иныхъ рѣкахъ водится « небольшая рыбка, которая на обѣдъ себя бьетъ мухъ, стрѣляя въ « нихъ водою? Эта рыбка держится обыкновенно около береговъ, « и какъ только замѣтитъ на травѣ, гдѣ нибудь, не очень высоко « надъ водою, сытную муху, изъ за которой стоитъ похлопотать, « она выстрѣлитъ въ нее изъ рта небольшою кругленькою каплей « воды, шепремѣнно всякій разъ попадетъ, собьетъ муху съ травки, та падаетъ въ воду, и искусная рыбка тотчасъ ее глотаетъ. « Всякій ли знаетъ, что на свѣтѣ есть такое животное, у котораго « три рога на лбу? и другое, у котораго одинъ рогъ на носу? Впрочемъ теперь вовсе еще не время спрашивать, кто что « знаетъ и чего не знаетъ: гораздо лучше будетъ спросить объ « этомъ въ концѣ книги.

« Показѣтъ довольно знать, что на свѣтѣ есть удивительныя « животныя, о которыхъ, не зная хорошенько, нельзя даже и подумать, что они животныя, а скорѣе покажется, что они кавія нибудь растѣнія, напримѣръ то, которое нарисовано здѣсь. (Рисунокъ въ текстѣ).

« Все тѣло этого страннаго животнаго, которое называется « Звѣздчаткой или Морской звѣздой, и живетъ обыкновенно въ « морѣ, покрыто жесткой, даже колючей оболочкой красновато- « коричневаго цвѣта; нѣтъ у него ни ногъ, ни рукъ, ни крыль- « евъ, ни плавательныхъ перьевъ; только съ лѣвой стороны, въ « углу между двумя лучами этой жесткой звѣзды замѣтно отвер- « стіе, которое можетъ сжиматься и разжиматься; это ротъ.

« Есть еще животныя, которыя чуть ли не страшнѣе этого, « именно Гидры; они такъ малы и такъ похожи на маленькія

раствѣя, что если бы не сказать, то иной подумалъ бы, что приложенный здѣсь рисунокъ представляетъ какіе-нибудь корени (Рисунокъ въ текстѣ.)

« Всякій, кто хочетъ, можетъ достать себѣ этихъ страшныхъ животныхъ и разсматривать ихъ настоящихъ, живыхъ, а не на рисунокѣ. Для этого стоитъ только въ миску съ водою набрать нѣсколько зеленыхъ кружечковъ съ болотной воды, или просто какихъ-нибудь водяныхъ травъ, и поставить миску на солнцѣ такъ, чтобы освѣщалась только и большая часть кружечковъ. Гидры, которыя всегда стараются помѣщаться на солнцѣ, гдѣ потеплѣе, оставляютъ корешки, за которые онѣ держались и всѣ пустятся на освѣщенное мѣсто; нивы поплывутъ, извиваясь, другіе медленно поползутъ, и тогда навѣрное подъ большую часть зеленыхъ кружечковъ на освѣщенномъ мѣстѣ можно будетъ найти нѣсколько гидръ. Онѣ питаются другими животными, которыя еще мельче ихъ, схватываютъ ихъ своими длинными, гибкими усиками, которые служатъ имъ вмѣсто рукъ, подносятъ ко рту и глотаютъ. Что всего удивительнѣе въ гидрахъ, такъ это то, что онѣ чрезвычайно живучи. Каждую изъ нихъ можно разрѣзать на нѣсколько кусочковъ, и черезъ нѣсколько времени каждый изъ этихъ кусочковъ выростетъ, станетъ двигаться, выростутъ у него такіе же какъ и прежде усики, такъ что изъ одного животнаго разомъ сдѣлается два, три, пять, или пожалуй больше. Гидру, у которой тѣло ни что иное, какъ продолговатая, пустая, закрытая съ одного конца трубочка, можно также выверотить на изнанку, какъ палецъ перчатки, такъ что наружная кожа будетъ внутри, а внутренняя съ наружи, и животному отъ этого не сдѣлается особенно неловко; оно будетъ продолжать двигаться и питаться по прежнему. У гидры нѣтъ ни ушей, ни глазъ, ни носа; есть только маленькая чувствительность въ усикахъ, которые тотчасъ схватываютъ всякое маленькое животное, только что оно къ нимъ прикоснется. Замѣчательно еще, что гидры не несутъ яичекъ, а рождаются отростками. Въ нашемъ рисунокѣ противъ буквы B, видно какъ на большой гидрѣ съ длинными усиками выросли двѣ маленькія, съ коротенькими усиками. Обыкновенно онѣ подростутъ еще немножко, отстанутъ отъ тѣла своей матери и поплывутъ куда нибудь жить отдѣльно, прилѣпятся къ водяной травкѣ, растутъ, живутъ, питаются и изъ нихъ

« немногую начинают выростать другія гадры, съ которыми опять повторится тоже самое.

« Есть еще множество странныхъ животныхъ, еще болѣе похожихъ на растѣнія, напримѣръ кораллы, удивительно похожіе на деревцо безъ вѣтвей и листьевъ, а между-тѣмъ это животное, или, лучше сказать, цѣлая колонія животныхъ, которыя выдѣтся такъ же какъ гадры, отростки; только не отстаютъ отъ своихъ матерей, живутъ, мало-по-малу твердѣютъ, промѣняютъ жить въ своей твердой оболочкѣ, и умираютъ, оставивъ послѣ себя небольшой твердый бугорокъ съ впадиной, въ которой заводится новое, молодое животное.

О растительной жизни можно было бы говорить вѣрнѣе и, слѣдовательно, еще занимательнѣе, сблизивъ ее съ жизнью коралловъ, показавъ, напримѣръ, что настоящее живое существо въ растеніи есть листокъ, живущій одною семейною жизнью съ прочими листками на общемъ стволѣ, подобно коралловымъ животнымъ, и, главное, не забывая того важнаго обстоятельства, что листья получаютъ изъ атмосферы постоянную пищу, основаніемъ растеній, *углеродъ*, а изъ земли сосутъ только сквозь капиллярное устройство ствола, какъ сквозь свѣтлыю, воду насыщенную минеральными солями и азѣткомъ, которые необходимы для прочности ствола и для образованія плода; но и такъ, какъ сказано во «Вступленіи» — очень мало, на первый случай.

« И растѣніе, и животное живутъ, но живутъ не одинаково, « потому-что въ жизни главное дѣло — питаніе, а животные питаются вовсе не такъ, какъ растѣнія. Всякое растѣніе присасло корнемъ къ землѣ, и питается ея сокомъ; мелкіе отросточки и корни сосутъ этотъ сокъ, который потомъ тянется вверхъ по корню въ стволъ, въ вѣтви, въ листья; въ цвѣты и потомъ въ плоды, такъ что можно почти сказать, что у каждаго растѣнія столько же ртовъ, сколько мелкихъ отросточковъ его корня. У животныхъ, напротивъ, по большей части всего только одинъ ротъ, которымъ они сосутъ не сокъ изъ земли, а берутъ удобную для себя пищу, отыскиваютъ ее, или выжидаютъ. Часто случается, что на одномъ и томъ же клочкѣ земли рядомъ растутъ и береза, и елка, обѣ ввиваются корнями въ землю, обѣ высасываютъ изъ нея сокъ и дѣлаютъ себѣ изъ него разныя украшенія: береза рядится почти въ круглые, немного заостренные, съ зубчиками, листики, съ безчисленными множествомъ мелкихъ шилокъ, которыя переплетаются какъ

« виточки въ самомъ рѣдкомъ и дорогомъ кружевѣ; а елка изъ
 « того же соку выдѣлываетъ себѣ жесткія, зеленыя иглы. И
 « можно такимъ образомъ насадить рядомъ на одной землѣ цѣ-
 « лую сотню разныхъ деревьевъ, травъ, кустарниковъ и всѣ они
 « будутъ украшать себя разными листьями, и потомъ принесуть
 « различные плоды, а все изъ одного и того же сока земли.

« Но какъ бы то ни было, земной сокъ входитъ въ растѣніе
 « сквозь корень совсѣмъ готовый, такой, какой нуженъ для его
 « питанія, и какъ пробрался въ корень, почти въ такомъ же
 « видѣ пробирается по всему дереву до послѣдняго листка. На-
 « противъ то, что съѣсть, проглотить, выпбеть, или высосеть
 « животное — еще не совсѣмъ готово, и въ жилахъ лошади со-
 « всѣмъ не овесъ, и не сѣно, а у человѣка въ жилахъ не супъ,
 « не жаркое, не пирожное, не соусъ какой-нибудь, и не что иное,
 « что человѣкъ ѣсть обыкновенно каждый день, а кровь. Какъ
 « же у лошади изъ овса и сѣна, а у человѣка изъ супу, жар-
 « каго, пирожнаго и соусу дѣлается кровь?

« Не только у человѣка и у лошади, но и у всякаго живот-
 « наго проглоченная пища попадаетъ внутри его тѣла въ осо-
 « бенный мѣшокъ, который называется желудкомъ. Желудокъ,
 « это особеннаго рода кухня, въ которой безъ огня и безъ пли-
 « ты пища перерабатывается, или, какъ говорятъ, переваривает-
 « ся, выжимается изъ нея питательный сокъ и различными ор-
 « ганами превращается въ кровь. Всякій знаетъ, что кровь есть
 « во всякомъ человѣкѣ, во всякомъ животномъ, въ мухѣ, въ ко-
 « шарѣ, въ малѣйшемъ насѣкомомъ; кромѣ того надо знать, что
 « кровь не спокойно стоитъ у насъ въ жилахъ, какъ вода, на-
 « литая въ стаканъ, а напротивъ, безпрестанно движется, пере-
 « ходитъ изъ одной жилки въ другую, потомъ дальше и дальше
 « въ самыя мелкія жилки, которыя ужъ невозможно разсмотрѣть
 « простыми глазами, а надо видѣть въ увеличительное стекло.
 « Въ этихъ-то мелкихъ жилкахъ кровь, своимъ *быстрымъ пото-*
 « *комъ*, увозитъ по маленькой частицѣ нашего тѣла и въ тоже
 « время оставляетъ на ихъ мѣстѣ новыя частицы, а между-тѣмъ
 « все продолжаетъ свое теченіе. Эти маленькія жилки, которыя
 « гораздо тоньше обыкновеннаго человѣческаго волоса, мало по-
 « малу соединяются въ примѣтныя жилы, потомъ, въ другія,
 « еще толще, и наконецъ въ одну толстую, чрезъ которую кровь
 « возвращается въ сердце. А сердце, — это простой, толстый,
 « грубый, жилистый мѣшокъ; его обязанность состоитъ въ томъ,

« чтобы, разжимаясь, принимать кровь, которая воротилась из
 « обращенія, и потомъ, сжимаясь, выгонять эту кровь опять на
 « старую дорогу, по прежнему направлеію, и кровь опять пере-
 « ходитъ изъ толстыхъ жилъ въ тонкія, и дальше, черезъ воло-
 « сныя сосуды или жилки въ другія, болѣе толстыя, и возвра-
 « щается опять къ сердцу.

« Приложивъ руку къ лѣвой сторонѣ груди, всякой легко мо-
 « жетъ слышать какъ бьется его сердце: это оно сжимается и
 « выгоняетъ изъ себя кровь.

« Но старая кровь, которая возвратилась къ сердцу, уже не
 « такъ хороша, какъ свѣжая, и потому прежде, чѣмъ пуститься
 « въ дальнѣйшій путь, она всякій разъ обновляется, и вотъ
 « какинъ образомъ.

« Всѣ животныя дышать, это мы знаемъ; очень хорошо также
 « извѣстно, что всякому животному нельзя не дышать, что оно
 « непременно умретъ, задохнется, ежели какъ-нибудь не
 « давать ему дышать, хоть на примѣръ туго завязавши ротъ и
 « носъ: такъ важно и необходимо, чтобы во всякое живое тѣло
 « входилъ воздухъ. И именно для обновленія крови, когда животное
 « дышетъ, тогда воздухъ, снаружи, черезъ его ротъ и носъ входитъ
 « въ его внутренность, въ грудь; это вѣрно замѣчаетъ всякій,
 « потому что грудь, при вдыханіи, очень замѣтно поднимается,
 « расширяется, а при выдыханіи опускается. Черезъ дыхательное
 « горло и сквозь тысячи крупныхъ и мелкихъ вѣточекъ воздухъ
 « проходитъ въ два мѣшка у насъ въ груди, которые состоятъ
 « изъ безчисленнаго множества мельчайшихъ пузырьковъ, и на-
 « зываются легкими. Въ тоже самое время приходитъ въ легкие
 « и старая кровь, черная, тяжелая, густая, негодная для обра-
 « щенія; но въ ту самую минуту, какъ только прикоснется къ
 « ней воздухъ, она становится красною, очищается и пріобрѣтаетъ
 « разныя питательныя свойства, такъ что, продолжая свое обра-
 « щеніе по всему тѣлу, можетъ снова приносить пользу. Это
 « обращеніе крови не останавливается никогда и продолжается
 « днемъ и ночью, безпрерывно, при помощи дыханія, которое
 « возобновляетъ старую кровь, и при помощи пищеваренія, ко-
 « торое изъ пищи приготавливаетъ свѣжую кровь и безпрестанно
 « прибавляетъ ее къ старой. Все это вмѣстѣ, пищевареніе, крово-
 « обращеніе и дыханіе, составляетъ главнѣйшія обстоятельства
 « жизни животнаго и называется питаніемъ.

« И растѣніе питается, только совсѣмъ иначе; и оно дышетъ,

« и въ немъ питательные соки движутся, только не такъ, какъ въ животномъ, а совсѣмъ особеннымъ образомъ. Какъ же именно? « Это разсказывается въ другой, отдѣльной части естественной « исторіи, въ ботаникѣ».

Мы съ удовольствіемъ приводимъ это мѣсто, потому-что оно показываетъ, какъ остроумная сочинительница мило соединяетъ съ наивною и нѣсколько фантастическою живописью, приличною разсказу, обращенному къ дѣтямъ, ученую точность изложенія. Въ этомъ описаніи питанія и кровообращенія, за исключеніемъ немногихъ неточностей выраженія, въ родѣ напримѣръ того *быстраго потока*, который несется по капиллярнымъ трубкамъ, гдѣ кровь прибирается очень медленно, не только по тѣснотѣ сосудовъ, но и потому что медленность здѣсь необходима чтобы дать время совершиться питанію ближайшихъ плотныхъ частей; за исключеніемъ этихъ почти непримѣтныхъ пятнышекъ, все—свѣтло, вѣрно, прелестно. Такія страницы ручаются за полноту условій къ хорошему исполненію цѣлаго.

Объ этомъ интересномъ трудѣ, столь достойномъ поощренія, мы будемъ еще имѣть случай говорить неразъ по мѣрѣ выходу слѣдующихъ выпусковъ. Въ первомъ выпускѣ, послѣ пространнаго «Вступленія», начата исторія позвоночныхъ млекопитающихъ животныхъ, и доведена до верблюда. Здѣсь, также, помѣщено краткое извѣстіе объ ископаемыхъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ номенклатура могла бы быть доступнѣе для русскихъ дѣтей, и даже для не-дѣтей, если бы, вмѣсто тяжелыхъ словъ *мегагеріумъ, палеотеріумъ, иктиозау(сау)росъ, мегалозау(сау)росъ*, и такъ далѣе, употреблены были хорошіе русскіе переводы этихъ словъ, уже не новые въ нашемъ ученомъ языкѣ, каковы *великозвѣрь, старозвѣрь, великоящеръ, рыбоящеръ, почитай-ящеръ*, и прочая. А впрочемъ все очень похвально, и мило, и полезно. Но зато, послѣ этой книги, болѣе и говорить не объ чемъ.

ЖЕМЧУЖНЫЙ ФОНТАНЪ. Романъ Поля Феваля. (Москва, 1849, въ-12. Четыре части.)

Романъ какихъ нынче много. Все обстоитъ благополучно, а особеннаго ничего не имѣется. Господиныхъ Поль Феваль началъ извѣстность свою поддѣлкою двухъ романовъ Вальтера Скотта, изъ которыхъ одинъ былъ даже очень интересный. Съ-тѣхъ-поръ онъ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Это одинъ изъ тѣхъ

талантовъ, которые сочиняютъ мыслями одного, слогомъ другого, манерою третьяго, по плану четвертаго, въ подражаніе пятому; которые у всѣхъ чѣмъ-нибудь заимствуются: не заимствуются только ничѣмъ у самихъ себя; которые равно въ состояніи писать, и какъ пишутъ отличные писатели, и какъ пишутъ посредственные, не будучи сами ни отличными, ни посредственными. Всѣ говорятъ, что они хорошо пишутъ, и никто не помнитъ, что хорошаго написали они. Я помню, что читалъ этотъ романъ въ фельетонѣ одной парижской газеты, и что читалъ его съ удовольствіемъ: а что въ томъ романѣ сказано — не помню ни одного слова, хотя память у меня вовсе недурна: иные даже ей завидуютъ. Второй разъ, разумеется, читать его я не стану: о чемъ почтениѣе и докладываю, и переводчику, и тѣмъ, кто полагаетъ себя въ правѣ взыскивать съ меня подачу письменнаго мнѣнія по формѣ о каждой новой книгѣ. Это и есть мое мнѣіе: романъ быстро читается и также быстро забывается—какъ то дознано личнымъ опытомъ.

Переводъ, какъ кажется, одинъ изъ тѣхъ переводовъ, которые не очень мѣшаютъ читать. Я прочиталъ для опыту нѣсколько страницекъ. Читается!

ПРИЯТНЫЙ СОВЕСѢДНИКЪ ВЪ ГОРОДСКОМЪ И ДЕРЕВЕНСКОМЪ ОБЩЕСТВАХЪ. *Полное собраніе острыхъ словъ.* (СП.-бургъ, 1849, въ 12.)

Острота, которую всѣ повторяютъ, никогда не показалась мнѣ острою. Острота—какъ роза: свѣжа, прямо съ куста, она очень мила; черезъ часъ она уже завяла; а засушить ея для гербарія никакъ невозможно. Но я люблю справедливость — и не сужу объ острыхъ словахъ, сохраняемыхъ впрокъ, по моему вкусу. Я знаю, что многіе, очень многіе, обожаютъ эту солонину. Цѣлыя тысячи остряковъ живутъ чужимъ остроуміемъ — приобрѣтаютъ славу *приятныхъ людей*—иногда выходятъ даже въ настоящіе люди. Я знаю одного, который, повторяя тридцать-пять лѣтъ чужія остроты, самъ наконецъ, на тридцать-шестомъ году, сказалъ свою собственную, которая прославила его ния. Слѣдовательно, это «Новое собраніе остротъ» можетъ принести большую пользу значительному классу людей, извѣстныхъ подъ названіемъ «приятныхъ». Для ихъ друзей оно также важно, именно, тѣмъ,

что обновить запасъ остротъ пріятныхъ людей, которые уже всѣмъ надобны повтореніями однихъ и тѣхъ же старыхъ шутокъ.

=

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

ПРАВИЛА ПАРТИТУРЪ, или *Краткое руководство къ изученію генераль-баса. Съ нѣмецкаго. (СП бурсъ. 1849.)* — Всѣ на Русь занимаются музыкою. Казалось бы, что сочиненія о музыкѣ, руководства къ познанію правилъ гармоніи, должны появляться ежедневно и находить себѣ множество читателей. Начего не бывало. О музыкѣ ничего не пишутъ. Значить, и ничего объ ней не читаютъ. Какъ же играютъ? Какъ же любятъ музыку, не зная первыхъ ея основаній, не умѣя отдать себѣ отчету въ самыхъ простыхъ ея элементахъ? Да такъ! играютъ — любятъ — и ничего не понимаютъ. Правила бостона, виста, преферанса — о! эти изучены каждымъ въ совершенствѣ, разобраны въ мысляхъ, приложены къ дѣлу съ удивительною провнцательностью. Но правила музыки — искусства — прекраснаго — законы музыкальнаго звуку, которые такъ высоко ставили въ числѣ познаній древніе философы — объ этомъ никто не заботится. Ежедневно встрѣчаешь особъ, которыя блистаютъ въ обществахъ игрою своею на фортепіано, славятся музыкантами и музыкантшами, признаются судьями искусства, и которые не знаютъ что такое *терція* и *квинта*, и изъ чего состоитъ аккордъ. А какъ аккорды слѣдуютъ одни за другими въ модуляціяхъ, объ этомъ и не спрашивай: такая мудрость почитается не приступною порядочнымъ людямъ, слишкомъ высокою для свѣтскаго чело-вѣка, между тѣмъ какъ это — музыкальная азбука! Подумайте только какъ насъ учатъ — за что мы платимъ учителямъ — и чему мы учимся, что знаемъ!... Предлежащая книжечка, первая кажется, которую въ пятнадцать лѣтъ я встрѣчаю въ русской литературѣ о музыкальномъ искусствѣ, не поведетъ насъ далѣе азбуки. Но и азбука — великое солнце во тьмѣ невѣдѣнія!

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— «*Катехизическія бесѣды, говоренныя въ екатерингофской церкви Святой Великомученицы Екатерины*»: таково заглавіе
Т. ХСIII. — Отд. VI.

собрания прекрасныхъ, умилительныхъ проповѣдей о шестидесяти дняхъ творенія, объ ангелахъ, о раѣ, грѣховаденіи и обѣтованіи Небупленія, изданныхъ почтеннѣйшимъ отцомъ Іоанномъ Яхонтовымъ. Твореніе это, превосходно написанное и въ отношеніи къ русскому языку, можетъ быть особенно полезно при реллигіозномъ воспитаніи юношества.

— Господинъ Коки издалъ въ свѣтъ втеченіи января мѣсяца восьмую часть четвертаго тома (выпускъ дополнительный) своего перевода Тіоровой «Исторіи консульства и имперіи во Франціи».

Jan
ФЕВРАЛЬ, 1849.

=
НОВЫЯ КНИГИ.
=

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ. *Описанія доктора* Карломъ Норманномъ, *по шестилѣтнемъ испытаніи ихъ цѣлительнаго дѣйствія.* (СПбургъ, 1849, вѣ-8., стр. 300.)

Въ настоящее время, эта книга представляетъ интересъ увлекательнаго романа. Всѣ ея дѣйствующія лица, всѣ эти спутники и спутницы нашего блаженства и нашего горя, славы, красоты, величія, ничтожества, богатства, наслажденія, скуки — ревматизмы, золотухи, гемморои, ломоты, параличи, сыпи, худосочія, водяныя — *tempes apomatae* и *fluori albi* — свилицы и уронетин — всѣ эти побѣдные вѣнки жизни, красныя ягоды прелестнѣйшихъ цвѣтковъ ея, такъ занимательны!.... для тѣхъ, которые удостоились ихъ за свои усердныя заслуги на ея разнообразномъ прищѣ. Куда дѣвать ихъ? Куда съ ними дѣваться? Весна наступаетъ. Благодаря пустословію политическихъ теоретиковъ небо всего Запада и это чудное, свѣтлое, лазурное небо Юга все равно покрыто черными тучами бѣдствій, неустройствъ и раздоровъ. Во второй разъ холера посѣщаетъ эту часть свѣта, и во второй разъ сопровождается она революціями. Разстройство же-

лудковъ и головъ, вмѣстѣ, какъ-будто носится въ воздухѣ еще до ея появленія. Какіе ужасные годы испытанія для бѣднаго человечества. Путешествовать, развозить свои болѣзни и все золото по нѣмецкимъ землямъ и водамъ, вѣтъ никакой возможности. Ученый докторъ Норманнъ весьма кстати является съ своимъ превосходнымъ описаніемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Никто лучше его не знаетъ ихъ свойствъ и ихъ дѣйствія. Шестнадцать сряду пользовалъ онъ ими больныхъ на-вмѣстѣ и—главное—имѣлъ потомъ случай видѣть этихъ пациентовъ въ другихъ мѣстахъ и удостовѣриться въ конечномъ результатѣ. Его искусство и отличный способъ врачебнаго изслѣдованія, который представляетъ это сочиненіе, ручаются въ основательности наблюденій и выводовъ. Тѣ, которые поѣдутъ на Кавказъ, хорошо сдѣлаютъ, если запасутся егъ книгою. Кавказскія минеральныя воды до сихъ поръ не достаточно оценены. Онѣ извѣстны еще такъ недавно! Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія только разсуждали объ нихъ какъ о новомъ открытіи. Первые заведенія около источниковъ для пользованія военныхъ минеральными водами, появились въ 1801 году. Частные пациенты не находили нигдѣ пристанища. Предположено было поселить вблизи источниковъ линейныхъ казаковъ, которые, отдавая у себя квартиры пріѣзжимъ больнымъ, доставляли бы имъ жизненные потребности и безопасность. Планъ этотъ однако жъ не осуществился. Первымъ врачомъ при водахъ былъ Захаровъ, но безчисленныя затрудненія для путешественниковъ дѣлали ихъ почти не доступными.

Къ 1810 году стеченіе посѣтителей увеличилось: за недостаткомъ въ палаткахъ, многіе выстроили себѣ лачуги изъ шестовъ, или жили подъ открытымъ небомъ, защищаясь отъ холоду войлочными одеялами или парусиною. Для снабженія водою и топливомъ поставлены были, у самыхъ ключей, деревянные ванны подъ палатками. Врачи Крейцгоцъ, Гаазъ и Кернеръ, находившіеся въ этихъ годахъ при минеральныхъ водахъ доставили имъ извѣстность. Докторъ Гаазъ съ помощію аптекаря Соболева, жившаго въ то время въ Георгіевскѣ, занимался въ Константиногорскѣ разложеніемъ стѣнныхъ источниковъ, открывающихъ изъ Машука, одного желѣзнаго, ключа и одного холоднаго стѣннаго ключа, находившагося въ разстояніи 12 верстъ отъ Константиногорска. Академикъ Кларкъ, хорошо сведущій въ гидрографическомъ отношеніи горнаго стѣннаго ключа и ключа

Источникъ. Академики Шлегельмихъ и Адамсъ побѣдѣли естественнo-историческимъ описаніемъ Кавказскаго Края. Въ 1812 году чиновникъ Чернявскій, первый, выстроилъ два дома при сѣрыхъ источникахъ; за нимъ аптекаръ Соболевъ построилъ три въ 1814 году. Притѣру ихъ ежегодно стали слѣдовать другіе. Подъ надзоромъ надворнаго совѣтника Аферосимова, по порученію гражданскаго губернатора Малюнскаго, были выстроены новыя купальни, лѣстница для пѣшеходовъ и дорога къ главному источнику для ѣзды въ экипажахъ; кромѣ того домъ съ ванною у Елисаветинскаго Ключа. Около 1819 года сдѣланы еще разныя перемѣны; нѣкоторыя строенія сломаны; другія вновь выстроены; мѣсто на горѣ выравнено для строеній. У обоихъ источниковъ, на горѣ, получившихъ названіе Варзавіевскихъ, построены лачуги изъ плетня. Докторъ Це, состоявшій нѣсколько лѣтъ въ должности врача при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, сообщалъ публикѣ свои наблюденія о дѣйствіи этихъ источниковъ въ краткомъ сочиненіи, изданномъ въ 1817 году на рускомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ.» Въ 1819 году по распоряженію генерала Ермолова сдѣланы значительныя улучшенія: часть горы Машука, гдѣ находятся сѣрые источники, вторично была выравнена и на ней выстроена новая купальня; для ѣзды въ экипажахъ сдѣлана каменная дорога, ведущая къ ваннамъ и начертанъ планъ для правильнаго застроенія города Пятигорска; Маринскій и Елисаветинскій Ключи окружены стѣною въ 1822; у перваго выведенъ прекрасный домъ съ удобною купальнею.

Источникъ Нарзанъ еще съ 1792 года начали посѣщать подкомандующіе войсками, расположенными на Кавказской линіи. вмѣстѣ съ ними перебѣжали туда и посѣтителі съ горячихъ сѣрыхъ источниковъ. Заложеніемъ крѣпости Кисловодска въ 1803 году прекращены были безпрестанныя покушенія кавказскихъ племенъ къ разрушенію этого источника. Для отвращенія засоренія во время полноводія, берега рѣки, протекающей около Нарзана и края самаго ключа возвышены, и устроенъ изъ досокъ бассейнъ. Сначала большыя купались въ самомъ ключѣ, а послѣ въ выкопанныхъ близъ него ваннахъ подъ палатками.

Въ 1812 году явились два дома, доселѣ существующіе, и устроенны ванны возлѣ самаго Нарзана; а въ 1819 году, передъ купальнею, два строенія и осемь частныхъ домовъ. Спустя нѣсколько

лѣтъ на счетъ казны выведено большое строеніе для ресторанта и бульваръ обсадили деревьями.

Желѣзистыя воды стали входить въ употребленіе гораздо позже и были посѣщаемы, подъ защитою военного конвоя, только немногими изъ служившихъ тамъ чиновниковъ. Съ 1819, когда по предписанію генерала Ермолова выстроили тамъ домъ, большыя чаще посѣщали эти источники. Впослѣдствіи, въ купальномъ заведеніи поставлены еще двѣ ванны, рядомъ выстроены новый домъ, для удобства посѣтителей сдѣланы новыя дороги.

Для изслѣдованія источниковъ отправился на Кавказъ профессоръ Немлюбинъ: результаты его изслѣдованій и химическихъ разложеній были изложены въ подробномъ сочиненіи: «Описаніе кавказскихъ минеральныхъ водъ. С.-Петербургъ. 1825».

Въ 1828 году профессоръ Савенко, находившійся по Высочайшему повелѣнію за годъ предъ тѣмъ при водахъ, издалъ также описаніе. Особеннаго вниманія заслужили геогностическія изслѣдованія Кавказскаго Края и хорошія изслѣдованія кавказскихъ минеральныхъ водъ, произведенныя въ 1829 году, Германомъ и Янихеномъ. Наконецъ въ 1842, была отправлена особенная коммиссія подъ предсѣдательствомъ доктора Геэга, извѣстнаго учеными трудами своимъ. Мѣры, предположенныя этою коммиссіею и отчасти уже приведенныя въ дѣйствіе, должны устранить существующіе еще недостатки въ купальняхъ и удовлетворить всѣ желанія посѣтителей. Въ послѣдніе годы число домовъ при минеральныхъ водахъ умножилось, хозяева ихъ обратили вниманіе на то, чтобы комнаты были удобны для зимняго пребыванія. Прекрасная природа края сама по себѣ составляетъ лучшій цѣлительный источникъ. Размеченія не шумныя, но любопытныя. Кромѣ роскошной растительности путешественникъ встрѣчаетъ на каждомъ шагѣ слѣды большихъ переворотовъ, совершавшихся на земномъ шарѣ; взору безпрерывно представляются крутые утесы, глубокія ущелія, рѣки, долины, обширные луга и лѣса. Къ югу въ туманной дали видны свѣжыя вершины кавказскихъ горъ я между ними величественный Эльбуръ. Климатъ благоприятствуетъ дѣйствію цѣлебныхъ влагъ, приготовляемыхъ въ пѣдрахъ земли, и какъ-будто соотвѣтствуетъ свойству cadaго ключа. Температура атмосферы въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ, гдѣ находятся укрѣпляющіе желѣзистые источники, гораздо прохладнѣе и свѣжѣе, нежели въ Пятигорскѣ, гдѣ вытекаютъ разрѣшающіе и споспѣшествующіе испаренію источники. По причи-

въ низменнаго мѣстоположенія Пятигорска, жары въ этомъ городѣ, особенно въ іюлѣ и августѣ, доходятъ въ тѣни нерѣдко до 30° Реомюра и болѣе, но не бываютъ тягостны, потому что въ этомъ гористомъ краю холодные вѣтры и прохладныя ночи пріятно растворяють воздухъ. Самые лучшіе дни — осенью, но въ это время, особенно въ Пятигорскѣ, нерѣдко постоянно идутъ дожди и бываютъ сильныя туманы. Зима большею частью не холодна; морозы продолжаются нѣсколько недѣль; однако въ 1837 и 1840 годахъ они длились нѣсколько мѣсяцевъ и доходили до 20 градусовъ и болѣе. Весною, особенно въ апрѣлѣ, стоитъ прекрасная погода, но въ маѣ часто идутъ дожди и ночи бываютъ прохладны. Болѣзни большею частію бываютъ отъ простуды и невоздержности въ пищѣ, лихорадки ревматическія, простудныя и желудочныя, поносы и воспаления. Осенью 1836 года была замѣчена скарлатина, но не злокачественная, и умершихъ почти не было. Самые неблагоприятныя годы были 1840 и 1841. Лѣтомъ эпидемически свирѣпствовалъ кровавый поносъ съ воспалительнымъ характеромъ. Зимой развился коклюшъ, а весною корь; но обѣ эти болѣзни имѣли благополучный исходъ. Лѣтомъ, въ томъ же году появились перемежающіяся лихорадки и нервныя горячки съ гастрическо-желчнымъ характеромъ.

Любопытно и полезно знать общія заключенія ученаго автора о дѣйствіи кавказскихъ минеральныхъ водъ. Сперва о сѣверныхъ водахъ.

« Мы привели наблюденія, доказывающія благотворное дѣй-
« ствіе этихъ водъ въ истерикѣ и опохондріи, которое однако пре-
« мущественно зависѣло отъ устраненія причинъ, располагавшихъ
« къ этимъ болѣзнямъ, то есть отъ разрѣшенія застоевъ и отвердѣ-
« ній брюшныхъ органовъ. Большею частію болѣзненное состояніе
« чувствительной сферы не совсѣмъ переставало по устраненіи
« щелочными водами причинъ, располагавшихъ къ этимъ болѣз-
« нямъ, но совершенное ихъ излеченіе послѣдовало отъ употре-
« бленія желѣзистыхъ водъ, составляющихъ предметъ третьей
« главы, гдѣ въ подробности будутъ разсмотрѣны эти болѣзни.
« Щелочныя воды, особенно Кумогорская, кажется, не измѣняютъ
« прямо жизнениости чувствительной сферы, но устраняя недо-
« статки органическаго вещества, оказываются полезными въ пер-
« выхъ болѣзняхъ, которыя зависятъ отъ неправильности въ
« устройствѣ нервовъ, отъ болѣзненной воспроизводительности и
« измѣненія перваго вещества или нервныхъ влагалницъ.

«Щелочныя воды, сколько можно судить по вышеприведеннымъ наблюденіямъ, гораздо дѣйствительнѣе сѣрныхъ тамъ, гдѣ требуется сильное разрѣшающее дѣйствіе, напримѣръ для разрѣшенія отвердѣній или для леченія золотухи, ломоты и проча; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы послѣднія уступали первымъ въ дѣйствительности вообще; напротивъ, тѣ и другія составляютъ весьма дѣйствительныя средства, представляющія въ которое сходство между собою въ образѣ дѣйствія, но различаются при томъ во многихъ отношеніяхъ. Сѣрныя воды возбуждаютъ и весьма возвышаютъ жизнедѣятельностъ, даже при значительной слабости жизненныхъ силъ, напримѣръ въ параличахъ; онѣ также дѣйствуютъ на раздражительную сферу, что въ неправильностяхъ мѣсячнаго очищенія оказывается усиленною дѣятельностію кровеотдѣляющихъ маточныхъ сосудовъ, а въ геморроидальной болѣзни ускореннымъ обращеніемъ крови въ брюшныя венахъ, и не рѣдко большимъ волненіемъ кровеносной системы. Кромѣ того сѣрныя воды возвышаютъ жизнедѣятельность воспроизводительной сферы и превосходятъ щелочныя воды въ отношеніи дѣйствія на отдѣляющіе сосуды многихъ органовъ, отдѣленія и изверженія. Изъ наблюденій, приведенныхъ въ статьѣ «О бѣляхъ» слѣдуетъ, что сѣрныя воды измѣняютъ неправильное свойство слизи, зависящее отъ уменьшенной и болѣзненной жизнедѣятельности, но онѣ менѣе разжижаютъ, не столько усиливаютъ всасываніе и вообще не столько измѣняютъ воспроизводительность и органическое смѣшеніе, какъ щелочныя воды, между которыми первое мѣсто занимаетъ вода Кумогорскаго источника, менѣе прочихъ раздражающая. Напротивъ, щелочныя воды, менѣе сѣрныхъ, возбуждаютъ чувствительную сферу и не столько какъ сѣрныя способны возвышать дѣятельность раздражительной. Отъ продолжительнаго употребленія кумогорской воды даже уменьшается болѣзненно-возвышенная дѣятельность кровеносной системы. Изъ этого явствуетъ достоинство, принадлежащее каждому роду ключей, и если ахенскія и карльсбадскія воды, оказавшіяся по многолѣтнимъ наблюденіямъ дѣйствительными, но разветвующія въ образѣ дѣйствія, не могутъ замѣнять другъ друга, то не менѣе страннымъ показалось бы употребленіе сѣрныхъ водъ тамъ, гдѣ щелочныя воды имѣютъ преимущество. Если бы, при различныхъ условіяхъ, мы стали лечить отвердѣнія желѣзы, золотуху и ломоту сѣрными водами, которыя разрѣшаютъ, измѣняютъ и усиливаютъ

« всасываніе, то въ высшей степени этихъ болѣзней надобно было
 « бы прибѣгать къ послѣднему леченію, отъ чего чрезмѣрно
 « умножились бы отдѣленія и изверженія и скорѣе произошла бы
 « болѣзненная слабость, нежели желаемое дѣйствіе. Это подтверждали
 « опыты въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ не было остановлено упо-
 « требленіе кавказскихъ сѣрныхъ водъ въ болѣзняхъ, которыхъ
 « леченіе было бы успѣшнѣе отъ щелочныхъ водъ. Вообще цѣ-
 « лительное дѣйствіе этихъ послѣднихъ, особенно воды Кумогор-
 « скаго источника, до-сихъ-поръ не было опѣнено врачами по
 « своему достоинству въ практическомъ отношеніи».

« Онѣ не должны быть назначаемы больнымъ, истощеннымъ и
 « расположеннымъ къ чаоткѣ легкихъ, также и при большой
 « слабости всего организма и пищеваренія, зависящей отъ умень-
 « шенной дѣятельности пищеварительныхъ органовъ; потому что
 « эти воды, и въ особенности Кумогорская, не легко усваиваются
 « тѣлу. Однако изъ этого исключаются тѣ случаи, гдѣ отвердѣнія
 « брюшныхъ органовъ и застой въ системѣ воротной вены пре-
 « пятствуютъ дѣятельности пищеварительныхъ органовъ. Ще-
 « лочныя воды вредны въ цынготной болѣзни: но осторожное
 « ихъ употребленіе можно допустить, когда болѣзнь не слишкомъ
 « развилась и состоитъ въ причинной связи съ разстройствами
 « брюшныхъ органовъ. Хотя эти воды уменьшаютъ болѣзненно-
 « возвышенную дѣятельность сосудистой системы и даже пре-
 « кращаютъ воспалительный процессъ, однакожъ нельзя употре-
 « блять ихъ, когда требуется устранить такого рода болѣзнь въ
 « скоромъ времени, напримѣръ въ острыхъ воспаленіяхъ, опас-
 « ныхъ приливахъ крови и въ лихорадочномъ состояніи; потому
 « что въ этихъ водахъ и особенно въ Эссентукскихъ находится
 « слишкомъ много углекислаго газа, отъ котораго болѣзненно-воз-
 « вышенная дѣятельность кровеносныхъ сосудовъ усилится преж-
 « де, нежели уменьшена будетъ створожимость крови; въ лихо-
 « радочныхъ же состояніяхъ воды эти слишкомъ обременяютъ
 « пищевареніе.

« Если представимъ себѣ, что при воспалительномъ процессѣ,
 « отравленія кровеносной системы происходятъ неправильно, и
 « что возвышенная дѣятельность ея обнаруживается болѣзнен-
 « ными произведеніями, то должны согласиться и въ томъ, что
 « Кумогорская вода, раздражающая мѣнѣе, нежели прочія щелоч-
 « ныя воды, но возбуждающая раздражительность въ воспроизво-
 « дительныхъ органахъ, должна быть вредна въ острыхъ воспа-

« лительныхъ состояніяхъ. Напротивъ, въ хроническихъ болѣз-
 « ненныхъ состояніяхъ этого рода раздражающее свойство ще-
 « лочной воды уже не имѣетъ вреднаго вліянія на пораженные
 « органы, находящіеся въ состояніи возвышенной дѣятельности
 « меньшей степени, и даже содѣйствуетъ ихъ отпращиванію и
 « такимъ образомъ восстанавливаетъ первоначальную ихъ само-
 « стоятельность. Вышеприведенныя наблюденія доказываютъ, что
 « эта цѣль вѣрнѣе можетъ быть достигнута, если больные бу-
 « дутъ долгое время употреблять Кумогорскую воду; потому что
 « такимъ образомъ, восстанавливается равновѣсіе между воспримчиво-
 « стью и раздражительною.

« Беременность также составляетъ противопоказаніе къ упо-
 « требленію щелочныхъ водъ. Въ одномъ случаѣ, хотя Эссентук-
 « ская щелочная вода была употребляема только короткое время,
 « однакожь появились опасныя припадки, которые вскорѣ пре-
 « кратились, когда больная перестала пить эту воду. Вообще, не
 « говоря уже о газахъ, усмивающихъ отдѣленіе соковъ, должно
 « обращать вниманіе на то, что продолжительное леченіе щелоч-
 « ными водами, равно какъ и сѣрными, весьма ослабляетъ весь
 « организмъ чрезъ значительную потерю силъ и соковъ, а чрезъ
 « это легко можетъ быть причиною выкидыша; потому что для
 « доношенія утробнаго плода требуется неослабленная жизнелю-
 « бивость матки; иначе, особенно при возвышенной воспримчиво-
 « сти ея, легче возбуждается въ ней прежде времени неправиль-
 « ная дѣятельность.

Изложивъ потомъ наблюденія свои надъ дѣйствіемъ Нарзана и желѣзистыхъ водъ во множествѣ болѣзненныхъ случаяхъ, вообще весьма спасительнымъ, докторъ Норманнъ заключаетъ:

« Въ употребленіи Нарзана и желѣзистыхъ водъ, при леченіи
 « паралича требуется особая осторожность. Въ тѣхъ случаяхъ,
 « гдѣ согласно съ цѣлью леченія должно ожидать сильнаго извѣ-
 « стнаго дѣйствія отъ продолжительнаго употребленія разрѣ-
 « шающихъ водъ, не слѣдуетъ употреблять желѣзистыхъ водъ
 « слишкомъ скоро по окончаніи леченія. Разрѣшающія воды не
 « рѣдко восстанавливаютъ правильную дѣятельность разныхъ орга-
 « новъ отдѣленій и изверженій и уменьшаютъ твердость воло-
 « конъ, спустя нѣсколько недѣль по окончаніи леченія; такое бла-
 « готворное послѣдовательное дѣйствіе ограничивается или совер-
 « шенно уничтожается преждевременнымъ употребленіемъ желѣ-
 « зистыхъ водъ. Когда цѣль разрѣшающаго леченія совершенно

« достигнута, то можно скоро приступить къ употребленію укрѣ-
« ляющихъ минеральныхъ водъ, но все-таки не иначе какъ спустя
« нѣкоторое время по окончаніи перваго леченія; въ противномъ
« случаѣ отъ нихъ можетъ произойти вредъ. Употребленіе Нар-
« зана, имѣющаго свойство болѣе разрѣшать и содѣйствовать от-
« дѣленіямъ, нежели укрѣплять, вообще менѣе ограничено, неже-
« ли употребленіе желѣзистыхъ водъ; однако раздражающее дѣй-
« ствіе и низкая температура этой воды затрудняютъ иногда на-
« ружное ея употребленіе. Если представимъ себѣ все, что до-
« селѣ было говорено о дѣйствіи кавказскихъ минеральныхъ водъ,
« то изъ этого усмотримъ собственное достоинство Нарзана, во
« многихъ случаяхъ ни чѣмъ не замѣнимаго; вода эта соста-
« вляетъ переходъ отъ разрѣшающихъ щелочныхъ и сѣрныхъ
« водъ къ укрѣпляющимъ желѣзистымъ. Нарзанъ разрѣшающимъ
« дѣйствіемъ своимъ уступаетъ щелочнымъ и сѣрнымъ водамъ,
« но онъ имѣетъ предъ ними преимущество въ тѣхъ случаяхъ,
« гдѣ отъ сильнаго и продолжительнаго употребленія разрѣшающихъ
« водъ должно опасаться слишкомъ скорого уменьшенія жизнен-
« ной силы во всемъ организмѣ. Нарзанъ также замѣняетъ укрѣп-
« ляющее дѣйствіе желѣзистыхъ водъ, когда отъ разгорячающаго
« ихъ свойства можетъ произойти большое волненіе въ кровено-
« сной системѣ. Такимъ образомъ онъ соединяетъ въ себѣ дѣй-
« ствія другихъ минеральныхъ водъ, хотя и уступаетъ имъ въ
« силѣ; по этому предостоятъ меньше препятствій къ его употре-
« бленію. Застарѣлыя и упорныя болѣзни, въ которыхъ умален-
« ная жизненная сила не дозволитъ полнаго употребленія разрѣ-
« шающихъ минеральныхъ водъ, и гдѣ расстройства воспроизво-
« дительности или болѣзненно-возвышенная дѣятельность крове-
« носной системы препятствуютъ пользованію желѣзистыми во-
« дами, эти болѣзни скорѣе излечиваются Нарзаномъ, который
« соответствуетъ показаніямъ. Кромѣ того, по возбуждающему и
« летуче оживляющему дѣйствію своему, Нарзанъ превосходитъ всѣ
« кавказскія минеральныя воды, и такимъ образомъ иногда воз-
« могаетъ въ болѣзняхъ, которыя не уступали сѣрнымъ и же-
« лѣзистымъ водамъ. Какъ эта вода имѣетъ особенное отношеніе
« къ системѣ матки, то отъ нея можно ожидать большой пользы
« въ женскомъ безплодіи.

« Болѣзни кровеносной системы съ активнымъ характеромъ, и
« расстройства воспроизводительности, независимыя отъ одной эле-

« бести, дозволяють употребленію желѣзистыхъ водъ менѣе, а
 « желѣзныя употребленіе Нарзана, который впрочемъ не столько со-
 « отвѣтствуетъ болѣзненно-возвышенной воспримчивости чувстви-
 « тельной серы и всего организма, какъ желѣзистыя воды. По-
 « этому сабдующія противопоказанія равно относятся и къ Нар-
 « зану и къ желѣзистымъ водамъ.

« 1) *Лихорадки, воспаленія и приливы крови.* Вредное дѣйствіе
 « Нарзана и желѣзистыхъ водъ въ этихъ болѣзняхъ явствуетъ
 « изъ того, что было сказано въ статьяхъ «о геморроѣ, кровоте-
 « ченіяхъ, истерикѣ, и проч.»; тамъ же объяснено было, что въ
 « активныхъ приливахъ, происшедшихъ отъ геморроидальной бо-
 « лѣзни, скорѣе можно употреблять Нарзанъ, нежели желѣзистыя
 « воды.

« 2) *Кровотеченія.* Внутреннее употребленіе желѣзистыхъ водъ
 « весьма вредно въ геморроидальныхъ и маточныхъ кровоте-
 « ченіяхъ, потому что онѣ усиливаютъ дѣятельность кровеносной
 « системы и умножаютъ кровотеченіе. Нарзанъ, разгорячающій
 « менѣе, также требуетъ большой осторожности, потому что онъ
 « весьма способствуетъ кровавымъ отдѣленіямъ. Въ этихъ бо-
 « лѣзняхъ всего лучше дѣйствуютъ холодныя желѣзистыя ванны.

« 3) *Чихотка легкихъ.* Только въ начинающейся мокротной
 « чихоткѣ и застарѣлыхъ катарральныхъ болѣзняхъ груди, при
 « которыхъ не бывають раздраженія въ пораженныхъ органахъ,
 « можно ожидать пользы отъ употребленія желѣзистыхъ мине-
 « ральныхъ водъ, что доказали нѣкоторые случаи.

« 4) *Большая слабость пищеварительныхъ органовъ, застои и*
 « *отвердѣнія брюшныхъ органовъ и нечистоты первыхъ путей.*
 « При употребленіи желѣзистыхъ минеральныхъ водъ надобно
 « обращать вниманіе на то, чтобы кишечныя испраженія были
 « правильны; иначе появляются припадки разстройства пищева-
 « ренія и приливы крови. По вышеприведеннымъ наблюденіямъ
 « Нарзанъ, немного способствующій отдѣленіямъ и изверженіямъ,
 « приличнѣе въ этихъ болѣзняхъ, нежели желѣзистыя воды, и
 « болѣе или менѣе полезенъ въ нихъ. Когда же жизнѣнность пи-
 « щеварительныхъ органовъ слишкомъ уменьшилась, то отъ вну-
 « тренняго употребленія Нарзана легко происходятъ припадки
 « неправильнаго пищеваренія, давленіе, рѣвъ и вздутость въ жи-
 « вотѣ и проч.

« 5) *Беременность, особенно когда она сопровождается полице-
 « миемъ.* Желѣзистыя воды, имѣющія разгорячающее дѣйствіе

« и особенное отношеніе къ системѣ матки, легко могутъ уси-
 ливать дѣятельность ея, и такимъ образомъ произвести выки-
 ды, чего особенно должно опасаться отъ Нарзана, изобилую-
 щаго углекислымъ газомъ ».

Книга заключается изложеніемъ діететическихъ правилъ, кото-
 рыя должно соблюдать при употребленіи щелочныхъ, свѣрныхъ,
 желѣзныхъ и кислыхъ водъ Кавказа.

ОБЯЗАННОСТИ ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ И ПОЛОЖЕНІЕ ЕЯ ВЪ
 ОБЩЕСТВѢ. *Сочиненіе госпожи Эллисъ. Съ французскаго пере-
 вода Густава Брюнѣ. (СПбургъ, 1848, вѣ. 12., стр. 300.)*

Молодые супруги могутъ найти большое удовольствіе, огром-
 ный матеріалъ къ размышленію и соображеніямъ, въ чтеніи этой
 философіи замужества, написанной большою философомъ, кото-
 рой—однако жъ—я не желалъ бы быть мужемъ. Какъ она раз-
 бираетъ мужа!... какъ понимаетъ его! Просто, нельзя быть му-
 жемъ съ такой женой-наблюдательницей: ужъ лучше—ревнивая,
 чѣмъ такая проникательная!... Вопросъ египетской трудности,
 этотъ страшный вопросъ—*мужъ*, разрѣшенъ ею такъ хорошо,
 что каждая, смѣло, можетъ, выходя замужъ, купить себѣ эту
 книжку и мужъ—у нея подъ каблучкомъ. Только, при этомъ,
 для достиженія цѣли, англійская замужняя философка возлагаетъ
 на жену столько обязанностей, требуетъ отъ нея такого неуспы-
 наго, тонкаго, строгаго наблюденія за собою, что, просто, нѣтъ
 никакой возможности быть женою: ужъ лучше быть философ-
 кой!... Словомъ, по прочтеніи этой книги, которая очень увле-
 кательна своимъ содержаніемъ, если не слогомъ, я еще менѣе
 прежняго знаю—выходить ли замужъ?... вѣтъ ли въ мужья—
 стѣбитъ ли быть женатымъ, стѣбитъ ли быть замужнимъ человѣ-
 комъ?... Крімѣ-того госпожа Эллисъ—философка стонкъ: капри-
 зовъ она не допускаетъ. Я начинаю, наконецъ, заключать, что
 женщины всего менѣе на свѣтѣ разуміють женщину—что онѣ
 понятія объ ней не имѣють—что женщинъ онѣ никогда въ гла-
 за не видали. Нынѣшняя физиологія совершенно доказала, что ка-
 призы есть такая же необходимая принадлежность женской ор-
 ганизаціи, какъ физическая дѣятельность мужской. Женщины хо-
 тятъ у себя искоренить капризы!... Это все-равно какъ если бы
 мужчины вздумали достроить Вавилонскій Столпъ! И много ли

женщины выиграть для своего счастья благополучный совершеніемъ этого.... четырнадцатаго.... геркулесова подвига?... потому что собственно Геркулесъ совершилъ тринадцать, а не четырнадцать. Страхъ капризовъ—единственная узда для мужского эгоизма.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ О ДВОРЯНСТВѢ. (Москва, въ университетской типографіи, 1849, въ-8.)

Трудъ того же основательнаго законовѣдца, который, года два тому, издалъ «Указатель законовъ для купечества», сочиненіе, имѣвшее успѣхъ въ публикѣ и которому была здѣсь отдана должная похвала. Этотъ ручной сводъ законоположеній для дворянъ будетъ навѣрное столько же полезенъ въ употребленіи. Въ немъ изложены права, обязанности и преимущества дворянства, какъ въ личномъ отношеніи, такъ по владѣнію имѣніями, служба по выборамъ, и уголовное право сословія. Въ концѣ приложены разныя инструкціи и формы списковъ, вѣдомостей, объявленій и прошеній къ подачѣ по разнымъ юридическимъ случаямъ дворянскаго званія.

ГОРОДСКОЙ УКАЗАТЕЛЬ САНКТПЕТЕРБУРГА. *Адресная книга врачей, художниковъ, артистовъ, ремесленниковъ, торговыхъ мѣстъ, ремесленныхъ заведеній, и такъ далье. Составилъ приставъ исполнительныхъ дѣлъ Цыловъ. (СП.-бургъ, 1849, въ-8., стр. 530.)*

Указатель этотъ составленъ и изданъ по порученію господина Санктпетербургскаго Оберъ-Полицеймейстера. Невозможно было придумать пріятнѣйшаго подарка жителямъ столицы, и постояннымъ и пріѣзжимъ. Но мы думаемъ, что еще важнѣе и удобнѣе будетъ эта книга для иногородныхъ и сельскихъ жителей, имѣющихъ нужду заводить или продолжать сношенія съ Петербургомъ по дѣламъ здоровья и искусства, по разнаго рода заказамъ, выпискамъ, порученіямъ, и такъ далье. Нельзя ли надѣяться отъ трудолюбія господина Цылова, который въ короткое время издалъ уже нѣсколько превосходныхъ указателей по разнымъ частямъ Петербурга, на полную

адресную книгу столицы, которая бы все обнимала, заключала бы въ себя, между прочимъ, и этотъ прекрасный указатель и возобновлялась бы каждый годъ регулярно? Такая книга нужна всей Россіи, и она, конечно, вознаградила бы щедро за трудъ того, кто бы принялъ на себя званіе востановаго издателя. Для успѣху, она должна быть не только полезна, но и дешева, а для этого нужна заплата пріятель на все число листовъ книги, набрать ихъ однажды навсегда, и держать въ наборѣ постоянно готовыми къ печати, исправляя въ немъ при истеченіи каждаго года вкрашіяся случайныя несправности и дѣлая только тѣ перемѣны, которыя потребуются перемѣщеніемъ прежнихъ лицъ или появленіемъ новыхъ, для которыхъ при каждой алфавитной буквѣ и каждой специальной статьѣ всегда останется довольно пробѣлу, если каждую алфавитную букву и каждую статью начинать съ новой страници. Въ два-три года, наборъ этотъ усовершенствуется до того, что ежегодныя переправки не представляли бы уже большаго затрудненія: онъ былъ бы почти стереотипнымъ. Такъ издается лондонская городская книга, которая заключаетъ въ себя до милліона адресовъ. Вѣроятно по той методѣ происходитъ изданіе и парижскаго *Альманаха пяти-сотъ тысячъ адресовъ*. Намъ кажется, что можно было бы рѣшиться на это предпріятіе безъ опасенія убытковъ, напротивъ, потому что въ два три года сдѣлалось бы совершенно извѣстно, сколько нужно допечатывать новоправленныхъ оттисковъ для текучаго потребленія. Если бы еще можно было соединить въ одну книгу всѣ адреса Петербурга и Москвы, то успѣхъ изданія былъ бы — можно ручаться — самый блестящій. Можно разсчитывать на двадцать тысячъ экземпляровъ первоначальной продажи и на три или четыре тысячи ежегодной. Мало-по-малу изданіе обогатилось бы еще полезными описательными статейками, статистическими сравнительными таблицами, сравнительными мѣрами, вѣсами, курсами монетъ, и книга стала бы спорить съ Алкораномъ въ прочтостъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ была въ Литвиши рѣчь о прекрасномъ трудѣ Анны Михайловны Дараганъ по части естественной исторіи на пользу юныхъ естествоиспытателей. Та же дама издала въ свѣтъ «Чтеніе для дѣтей изъ Священной исторіи» (1848).

— Известное сочиненіе «О Молитвѣ Господней», вышло вторымъ, исправленнымъ изданіемъ.

=

VII

С М Ъ С Ь.

=

ГАЗЕТЫ НОВАГО РОДУ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ШТАТАХЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Въ Соединенныхъ Штатахъ каждый городъ и его уѣздъ считаютъ долгомъ чести имѣть свою газету и не читать чужихъ, особенно заграничныхъ. Но въ пустынныхъ областяхъ, лежащихъ къ западу, гдѣ города, прозванные пышными классическими именами, не стоятъ порядочныхъ деревьевъ, а нѣкоторые и донынѣ существуютъ только на бумагѣ; гдѣ дороги еще не проложены, подвозъ бумаги затруднителенъ и скудные типографіи часто терпятъ совершенный недостатокъ не только въ этомъ дорогомъ матеріалѣ, но даже и въ чернилахъ, не было бы возможности издавать свой журналъ, если бы американская смѣтливость не изобрѣла чуднаго средства, спасающаго равно удобно и гордость провинціальныхъ обществъ и издержки на изданіе. Вы подписываетесь на мѣстную газету — платите бездѣлицу — и дважды въ недѣлю посылаете въ редакцію свой носовой платокъ. На этомъ платкѣ редакція приказываетъ отпечатать для васъ *грязью* политическія и литературныя новости, полученныя съ послѣднею почтою, и отдаетъ его посланному. Прочитавъ свой платокъ, вы отдаете его въ стирку, вымытый отправляете снова въ редакцію, и имѣете удовольствіе читать слѣдующій номеръ своей областной газеты.

ПАРОВАЯ ѲЗДА ПО ОВЫКНОВЕННЫМЪ ШОССЕЙНЫМЪ ДОРОГАМЪ.
Мечта о возможности обійтись безъ желѣзныхъ рельсовъ для су-
т. ХСIII. — Отд. VII.

хопутнаго пароваго движенія не оставляетъ горячихъ головъ. Англійскіе журналы разсказываютъ объ изобрѣтеніи сэръ Чарльзомъ Андерсономъ удивительнаго пароваго механизма, который въ состояніи преодолѣть всѣ затрудненія и не представляетъ никакихъ неудобствъ, ни какой опасности. Опыты съ этимъ изобрѣтеніемъ были произведены въ окрестностяхъ Лондона, и были объявляютъ о составленіи большой компаніи на акціяхъ, которая будетъ развозить путешественниковъ на парахъ по всѣмъ ночнымъ трактамъ.

КИТАЙСКІЙ ТАРИФЪ ДУХОВНЫХЪ ЗАСЛУГЪ И ПРЕТРЕПЕНІЙ
 Въ послѣдней, декабрьской, книжкѣ Б. для Ч, по случаю сочиненія знаменитаго нашего синолога, читатели могли видѣть любопытный образъ оцѣнки всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣйствій въ Китаѣ на палки и палки, а палокъ и палокъ на яны и гины, на рубли и копѣйки; всѣ эти странные тарифы преступленій и проступковъ, козней и наказаній, съ соблюденіемъ мельчайшей постепенности, и потомъ искуповъ отъ нихъ на серебро опредѣленной пробы, вычисленныхъ со всѣмъ бухгалтерскимъ педаветствомъ. Система эта ограничивается однимъ матеріальнымъ міромъ и государственнымъ законодательствомъ: она распространена религіозными сектами Поднебесья также и на дѣла совѣсти, на движенія души и сердца. Грѣхи и заслуги передъ Небомъ расписаны тоже на весьма подробные тарифы. Счетъ духовнымъ провиненіямъ и духовнымъ наградамъ ведется по правиламъ двойной бухгалтеріи и спасеніе зависитъ отъ годичнаго ихъ баланса. Въ сектѣ Дао сы, у послѣдователей ученаго «Старога Доктора», *Лао-дзы*, безпрестанно находится въ рукахъ книжечка, подъ заглавіемъ *Гунъ гуо-ци*, то есть, «таблица заслугъ и винъ.» Она даетъ точное и полное понятіе о правилахъ, служащихъ основаніемъ практической нравственности Китайцевъ. Тутъ ясно видно, что они понимаютъ подъ словами грѣхъ и долгъ, добродѣтель и порокъ, заслуга и вина. По предписаніямъ Старога Доктора, каждый человекъ обязанъ ежедневно отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а въ концѣ года долженъ вывести *приходъ* и *расходъ* своего поведенія. Если балансъ выйдетъ въ его пользу, это составитъ ему для слѣдующаго года капиталъ заслугъ, на который онъ можетъ грѣшить и плутовать, безъ обиды законамъ совѣсти, до издержанія всего запаснаго капитала. Если итогъ грѣховодства больше противъ итога добродѣли, то совѣсть Китайца будетъ въ долгу, который онъ обя-

занъ уплатить втеченіе наступающаго года достаточнымъ числомъ добрыхъ дѣлъ, по слѣдующей оцѣнкѣ :

Таблица заслугъ.

Служить почтительно отцу и матери и кормить ихъ, за каждые десять дней, *одна заслуга.*

Подражать ихъ хорошему примѣру, исполнять ихъ предписанія, за каждое дѣло десять заслугъ.

Похоронить ихъ въ приличномъ мѣстѣ, десять заслугъ.

Служить китайскому богдохану, то есть, великому хану честно и преданно, за каждые десять дней одна заслуга.

Проповѣдывать добродѣтель и черезъ это сдѣлаться полезнымъ, для провинціи, сто заслугъ.

Для всей имперіи, триста заслугъ.

Для потомства, пятьсотъ заслугъ.

Повиноваться уставамъ богдохана и не сопротивляться его законамъ, за каждый разъ десять заслугъ.

Выставить или употребить въ дѣло умныхъ и добродѣтельныхъ людей, за cadaго человека пятьдесятъ заслугъ.

Изгнать изъ общества порочныхъ и развращенныхъ людей, за cadaго человека пятьдесятъ заслугъ.

Исполнять судейскія обязанности толково и безвзяточно, и давать жителямъ своей деревни примѣръ умѣренности и отвращенія къ пороку, за каждое дѣйствіе двадцать заслугъ.

Повиноваться съ уваженіемъ наставнику и начальникамъ, за каждые десять дней одна заслуга.

Уважать старшихъ братьевъ и любить младшихъ, за каждое дѣйствіе пять заслугъ.

Уважать и любить старшаго и младшаго брата отъ другой матери, десять заслугъ.

За доброе согласіе мужа и жены, за каждые десять дней одна заслуга.

Если они поощряютъ другъ друга къ добрымъ дѣламъ, за каждое дѣйствіе пять заслугъ.

Дать обѣщаніе другу и не пмѣнить слову, за незначительное дѣло одна заслуга; за важное — пять.

Не обмануть займодавца за сто ма (двадцать рублей серебромъ) одна заслуга.

Если намъ довѣрили участь сироты, сто заслугъ,

Подружиться съ честными и добродѣтельными, за каждаго друга десять заслугъ.

Прогнать или оставить общество порочныхъ людей, съ человѣка по десяти заслугъ.

Отпустить щедро слугъ и наложницъ, доставивъ имъ приличное положеніе, за каждаго человѣка десять заслугъ.

Содержать ихъ, за каждые сто ма одна заслуга.

Отослать невольницу къ матери, не требуя выкупа, за каждые сто ма покупной цѣны одна заслуга.

Учтъ невольницъ и служанокъ церемоніямъ и обязанностямъ; за каждую церемонію двѣ заслуги.

Спасти жизнь человѣка, сто заслугъ; — добродѣтельнаго или мудреца, триста.

Спасти будучи врачомъ жизнь человѣка, одержимаго смертельною болѣзнію, пятьдесятъ заслугъ; — трудной — тридцать, — легкой пять.

Спасти за деньги, ни одной заслуги.

Избавить человѣка отъ уголовного наказанія сто заслугъ; — отъ неволи, пятьдесятъ: — отъ ссылки сорокъ; — отъ ударовъ палкой по пятамъ двадцать; — отъ палокъ десять.

(Если человѣкъ осужденъ несправедливо, то спасти его — заслуга; но если обвиненіе справедливо, преступленіе доказано — нѣтъ заслуги).

Если кто-нибудь осужденъ на смерть, то измѣнить казнь въ неволю, пятьдесятъ заслугъ.

Неволю въ изгнаніе, тридцать.

Изгнаніе — въ планку, двадцать.

Планку — въ палки, десять заслугъ.

(Если проступокъ достоинъ снисхожденія, то уменьшить наказаніе — заслуга; но когда дѣло идетъ о непростительномъ преступленіи, то нѣтъ никакой заслуги, точно такъ же если за денежный выкупъ уменьшается наказаніе).

Если начальникъ деревни освободитъ жителей отъ несчастія, или захватитъ опаснаго разбойника, — сто заслугъ.

Спасти утопающихъ дѣтей, взявъ ихъ къ себѣ и воспитывать; за каждаго ребенка, пять заслугъ.

Вырвать ребенка изъ рукъ родителей, которые хотятъ его утопить и спасти ему жизнь; — за каждаго ребенка, пятьдесятъ заслугъ.

Собрать и зарыть человѣческія кости, о которыхъ никто не заботится; — за каждый скелетъ пятьдесятъ заслугъ.

Дать землю семейству, у котораго нѣтъ своего кладбища; — за каждую могилу тридцать заслугъ.

Покупать кладбища и отдавать ихъ даромъ; за каждые сто ма дѣй заслуги.

Не взять себѣ чужаго дурно прибрѣтеннаго богатства, когда представляется къ тому удобный случай: за каждые сто ма одна заслуга.

Помогать вдовцамъ, вдовамъ, сиротамъ, бездѣтнымъ старикамъ, параличнымъ, слѣпымъ, немущимъ: — за каждые потраченные сто ма, одна заслуга.

Подавать по мелочамъ милостыню до суммы ста ма, три заслуги.

Накормить голоднаго; — за каждый обѣдъ, одна заслуга.

Напоить жаждущаго — за десять разъ, одна заслуга.

Отогрѣть озябшаго; — за каждого человѣка, одна заслуга.

Въ темную ночь, ссудить кому нибудь зажженную лампу; — за каждую ночь, одна заслуга.

Въ голодное время, продать рисъ по уменьшенной цѣнѣ; — за каждые сбавленные сто ма одна заслуга.

Простить долгъ должнику; — за каждые сто ма одна заслуга.

Если проценты отданныхъ въ долгъ денегъ накопились впродолженіи многихъ лѣтъ и должники просятъ о сбавкѣ со слезами; — за каждые сбавленные двѣсти ма одна заслуга.

Спасти жизнь домашнему животному, которое можетъ вознаградить свое спасеніе работой — на примѣръ, быку или лошади — за каждого животнаго, двадцать заслугъ; четвероногое, которое не можетъ работать — на примѣръ, свинью, барана, лая, оленя, — десять заслугъ; птицу, три заслуги; водянаго животнаго, — на примѣръ, рыбу, лягушку, угря, устрицу, три заслуги.

Когда занимаешь полицейское мѣсто, похвѣшать умерщвленію животныхъ на пищу человѣку, за каждый день, десять заслугъ.

Кротко увѣщевать рыбака, охотника, мясника перемѣнить родъ занятій, три заслуги.

Уговорить кого нибудь изъ нихъ, двадцать заслугъ.

Убѣждать тяжущихся отказаться отъ тяжбы, если важная, пятьдесятъ заслугъ, если незначительная, тридцать заслугъ.

Истратить деньги для такой цѣли, за каждые сто ма — одна заслуга.

Помирить людей, которые дерутся — три заслуги.

Не допустить сыновей и внучатъ до худаго, отвлечь слугъ или жильцовъ отъ обману, за каждый разъ — пять заслугъ.

За благодѣланіе показать благодарность, или, поссорившись съ кѣмъ, помириться, за неважное дѣло—тридцать заслугъ, за важное — пятьдесятъ.

Разгласить добрыя качества другихъ: съ качества по одной заслугѣ.

Скрыть вину другихъ, одна заслуга.

Увѣщевать кого нибудь исправиться отъ пороковъ и обратиться къ добродѣтели, двѣ заслуги.

Обратить порочнаго къ добру, двадцать заслугъ.

Произносить слова способныя обратить къ добродѣтели, за каждое слово, три заслуги.

Сочинить или издать книгу нравоучительную или побуждающую къ благотворительности; — за каждую часть, тридцать заслугъ.

Напечатать такую книгу и даромъ раздать; — за каждого чело-вѣка, который получитъ ее такимъ образомъ, одна заслуга.

Сочинить и распространить книги о сохраненіи здоровья; за каждую часть, три заслуги.

Поднять на дорогѣ начисанную или напечатанную бумажку и сжечь ее; — за каждыя сто буквъ, одна заслуга.

Изъ смиренія носить старое чужое платье; за каждую статью одежды, двѣ заслуги.

Кормить кого нибудь скромною пищею и для этого уменьшить свой привычный столъ; — за каждый день одна заслуга.

Снабжать постной пищею съ уменьшеніемъ на столько же своего стола; — за каждый день одна заслуга.

Если же самъ не имѣешь хорошаго стола, то вѣтъ ни какой заслуги.

Не ѣсть мяса застрѣленнаго животнаго, три заслуги.

Бережливо употреблять пять сортовъ зерноваго хлѣба и всякое добро Божіе, три заслуги.

Строить обители и храмы и покупать на свой счетъ сосуды и музыкальные инструменты для богослуженія; — за каждые сто издержанныхъ мѣ одна заслуга.

Если эти пожертвованія и милостыни — плоды обману и воровства, то вѣтъ ни какой заслуги.

Издавать на свой счетъ духовныя книги, для одной изъ трехъ религій, — за каждые истраченныя сто мѣ одна заслуга.

Дать денегъ буддійскимъ или даосыйскимъ отшельникамъ, чтобы они своими молитвами облегчали страданія души умершаго, или вымалили прощеніе нашимъ проступкамъ; — за каждыя сто мѣ одна заслуга.

Отсутить имъ постной пищи или рису на мѣсяць; — за каждыя сто ма одна заслуга.

Молить духовъ о испосланіи счастья или отвращенія бѣдствія, позволительными обѣтами, а не обязуясь убить на жертву животного, пять заслугъ.

Если разгульные друзья зовутъ васъ на пирушку, смотрѣть танцы, пить вино или играть на деньги, не пойти туда и крѣвиться въ исполненіи нравственныхъ законовъ, три заслуги.

При утратѣ или несчастіи не рыдать на небо, не питать злобы на людей, а перенести это спокойно и безропотно; — за каждый разъ три заслуги.

Переносить смиренно наглое обхожденіе; — въ незначительныхъ случаяхъ, одна заслуга; въ самыхъ важныхъ, пять.

Не гордиться въ богатствѣ, не притѣснять никого, будучи въ свѣтѣ; — за каждый случай, пять заслугъ.

Поднять потерянную вещь и возвратить ее хозяину, если цѣнность вещи простирается до ста ма, одна заслуга.

Когда по ошибкѣ попадутся фальшивыя мѣдныя деньги или серебряныя слитки, бросить ихъ въ воду и не употребить въ дѣло; — за каждые сто ма, одна заслуга.

Помочь человѣку изнуренному усталостью или домашнему животному, изнемогающему отъ работы; — каждый разъ одна заслуга.

Принимать почести, должности, имѣнія и выгоды, посылаемыя небомъ, можно; но не должно употреблять для этого ни происовъ ни хитростей.... Кто не употребитъ, тому за каждый разъ три заслуги.

Строить на свой счетъ мосты, отводить воду изъ рѣкъ, рыть колодцы, мостить дороги для народа; — за каждые истраченные сто ма одна заслуга.

БИРЮЗОВЫЯ КОПИ ВЪ ПЕРСИИ. *Переправа черезъ Араксъ. Холера при дворѣ персидскаго шаха.* Изъ Эрзерума мы пріѣхали въ Хорсанъ, откуда отправились смотрѣть знаменитыя бирюзовыя копи, какъ извѣстно единственныя въ мірѣ. Копи эти, находящіяся въ деревнѣ Мадекъ, принадлежать персидскому правительству, которое дѣлаетъ очень дурно, не разработывая на свой счетъ, а отдавая ихъ на откупъ за ничтожную сумму пяти сотъ тюменовъ. Бирюзы бываютъ двухъ родовъ. *Сенги* или каменные, которые выкапываютъ заступомъ изъ огромныхъ скалъ, простирающихся на разстояніи двухъ верстъ, и *таки* или песчаныя,

которые находятъ посредствомъ промывки песку, вырываемого изъ шахтъ довольно значительной глубины. Первые, болѣе темнаго цвѣту, дороже цѣнятся въ торговлѣ; вторыя свѣтлоглубы, обыкновенно крупнѣе первыхъ. Нѣсколько лѣтъ тому нашли бирюзу такой огромной величины, что изъ нее сдѣлали для шаха кубокъ.

Изъ Хорсана отправились мы въ Дагаръ черезъ Аракъ. Перевѣздъ черезъ эту рѣку заслуживаетъ особеннаго описанія. Еще нѣсколько лѣтъ тому, черезъ Аракъ переправлялись на надутыхъ бурдюкахъ, на которые клали доски. Послѣ отмѣнили эти приборы; и теперь перевѣзжаютъ рѣку верхомъ на лошади слѣдующимъ образомъ: такъ какъ рѣка очень быстра, то голова лошади велитъ одному изъ верховыхъ броситься на середину; если онъ утонетъ, увлеченный теченіемъ, тогда останавливаются и ждутъ пока вода сбудетъ, возобновляя пробу до тѣхъ поръ пока можно перевѣхать въ бродъ. Намъ удался первый опытъ, но за пять дней до того изъ свиты перваго драгомана какой то миссін трое человекъ утонули въ рѣкѣ, которая представляла тогда ужасное зрѣлище.

Проѣхавъ Аракъ мы встрѣтили на другой сторонѣ деревни Дагаръ еще болшую опасность: проѣздъ черезъ Ала-Дагъ, цѣны горы, покрытыхъ льдомъ впродолженіи десяти мѣсяцевъ въ году. Цѣлыхъ три часа шли мы съ факелами по подземной пещерѣ, прорытой въ снѣгу, опасаясь каждую минуту быть засыпаны обваломъ. Мы вышли изъ этой ужасной бездны на великолѣпную долину Кофра - Калѣ, гдѣ отецъ нынѣшняго шаха, Аббасъ-Мирза, въ 1825 году, одержалъ надъ Турками побѣду. Проводникъ остановилъ насъ для отдыха на этомъ мѣстѣ. Покажились лошади наша отдыхали, мы пошли осмотрѣть трущобную пещеру, находившуюся въ одной верстѣ. На обонхъ концахъ этой пещеры, прорытой въ огромной скалѣ, кости солдатъ, убитыхъ на сраженіи, сложены въ видѣ пирамидъ: кости Персіянъ на южной сторонѣ, кости Турковъ на западной.

Мы отправились на ночлегъ въ армянскій монастырь Каракелисѣ, архитектуры среднихъ вѣковъ, основанный какъ предполагаютъ Святымъ Григоріемъ.

Зданіе величественно; монахи принимаютъ путешественниковъ съ радушнымъ гостепримствомъ. Кладбище, особенно назначенное для иностранцевъ, зависитъ отъ монастыря; знаменитые перввцы собрались тутъ со всѣхъ концовъ свѣта. Возлѣ могилъ жены русскаго посланника лежатъ капитанъ Наполеона, и уч-

вый, молодой Сальважъ, прѣхавшій изучать флору въ этой части Азіи. Между всѣми могилами, одна особенно насъ поразила: дочери Мухаммедъ-хана, бывшаго правителя Тебриза. Эта молодая дѣвушка, похищенная офицеромъ, который находился въ службѣ ея отца, умерла отъ утомленія и истощенія силъ въ деревнѣ Каракелисѣ; любовникъ, передъ ея кончиной, привелъ монаха изъ монастыря и велѣлъ окрестить ее; потомъ выхлопоталъ, чтобы похоронить ее въ монастырѣ Трехъ-Волховъ, и вырѣзалъ на гробницѣ слѣдующую надпись: *Душа Азилии улетѣла на небо сегодня, въ первый день сесны 1817 года.* Въ монастырѣ существуетъ благочестивое обыкновение, о которомъ стоитъ упомянуть: когда путешественникъ прѣзжаетъ въ монастырь Трехъ-Волховъ, монахъ начинаетъ молиться въ капеллѣ до его отъѣзда, чтобы Богъ благословилъ его путешествіе. Мы отдыхали два дня у этихъ добрыхъ монаховъ, и наконецъ отправились черезъ Тебризъ въ Тегеранъ. Дорога эта слишкомъ извѣстна, и мы не будемъ говорить объ ней. Что же до столицы Персіи, то всѣмъ извѣстно, что городъ Тегеранъ расположенъ у подошвы горъ Эльбурзъ на низменной почвѣ почти въ ста верстахъ отъ Каспійскаго моря. Шахъ Мухаммедъ ханъ, въ 1794 году, вздумалъ оставить Испаганъ и основалъ свое мѣстопробываніе въ Тегеранѣ. Онъ сдѣлалъ это съ цѣлью приблизиться къ центру своего государства, не удаляясь отъ Мазендерана, провинціи исключительно преданной династіи каджарской, которой онъ былъ основателемъ. Въ ту эпоху, народонаселеніе новой столицы простиралось до двадцати тысячъ, теперь оно составляетъ болѣе сорока. Укрѣпленія Тегерана незначительны; единственное замѣчательное зданіе — дворецъ шаха, составляющій огромный четверугольникъ, довольно однообразной наружности; мечети, базары, каравансарай не стоятъ упоминанія. У выѣзда изъ городу есть христіанское кладбище.

Только что я основался въ Тегеранѣ и сталъ было привыкать къ образу жизни, какъ вдругъ ужасная язва измѣнила видъ города. Холера явилась въ Тегеранѣ, и съ самаго начала произвела ужасныя опустошенія. Скоро городъ былъ оставленъ на собственныи свой произволъ. Начальства бросили дѣла и управленіе; шахъ, царевны, министры, думали только о собственномъ своемъ спасеніи. Шахъ бѣжалъ изъ столицы, съ дворомъ и со всѣми членами дипломатическаго сословія. Онъ опередилъ двумя недѣлями время отъѣзда своего въ лагерь въ Султаніи.

Двадцать-осьмое мая назначили для отъѣзда. Приготовленіи

были сдѣланы на скорую руку. Наканунѣ утромъ всѣмъ придворнымъ приказано быть готовыми ѣхать на другой день. Пятдесятъ женъ шаха, выбранныя между первыми красавицами, въ сопровожденіи евнуховъ и невольниковъ, открывали шествіе. На другой день, купцы, работники, ремесленники и всѣ тѣ которыми назначено было исправлять свои должности въ лагерь, отправились караванами, съ палатками съ товаромъ, съ домашними утварями; за ними шли лошади, лошаки и слоны шаха, тамъ безчисленное множество вьючнаго скота, съ жердами, веревками, полотномъ для палатокъ и всѣми необходимыми вещами для хозяйства шаха.

Шахъ отправился въ дорогу на другой день съ дѣтьми, министрами, иностранными посланниками и своимъ докторомъ носье Клокѣ, который не оставлялъ его ни на минуту. Значительный отрядъ войска сопровождалъ его; чрезвычайныя предосторожности были приняты для избѣжанія холеры; шахъ и всѣ сопровождавшіе его надѣли иѣшечки съ камфарой и другія предохранительныя средства, невольники безпрестанно курили въ жаровняхъ пахучее дерево и химическія сладобѣя, для очищенія воздуха. Несмотря на эти предосторожности холерные случаи часто бывали дорогой. Несчастныхъ больныхъ бросали на дорогѣ безъ помощи. Жаръ былъ такъ силенъ, что днемъ отдыхали, а ѣхали ночью, но очень скоро и въ осьмой день достигли султанейской долины.

Это пространство около сорока верстъ; двѣ горы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, но оно покрыто плодородными лугами, которые орошаютъ изобильные ключи. Лагерь раскинули кругообразно; палатки шаха помѣстили въ серединѣ и такимъ образомъ, что двери приходились со стороны Мекки; вокругъ расположены были палатки министровъ, посланниковъ и сановниковъ государства. Другія палатки въ числѣ ста тысячъ раскинули по долинѣ. Только что успѣли устроиться, холера начала дѣйствовать съ ужасной жестокостью; въ нѣсколко дней шахъ потерялъ многихъ вельможъ, перваго министра, сына, великаго vizиря. Онъ одоженъ былъ своимъ спасеніемъ только предписаніямъ доктора, который наложилъ на него самую строгую діету, запретилъ всякое излишество, предписалъ движеніе и разсѣянность. Между средствами для развлеченія одно заслуживаетъ упоминанія. Въ обществѣ шаха былъ нѣкто Maréchal, Французъ, шутъ очень его забавлявшій фокусами разнаго рода. Этотъ человекъ пріѣхалъ въ Тебризъ съ трупною гаерою, однажды чернъ

принявъ его товарищей за колдуновъ погналась за ними; *Maréchal*, успѣвъ спастись и приставъ къ армянскому каравану, отправившемуся въ Тегеранъ. Тамъ по ходатайству французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, онъ получилъ отъ *Дароги* или начальника полиціи позволеніе показывать публично свои таланты, и скоро такъ занялъ своими штуками Тегеранцевъ, что шахъ узавъ объ его подвигахъ призвалъ его, остался имъ доволенъ и оставилъ при себѣ; во время холеры онъ удвоилъ ловкость, и разсѣянія, которыя онъ доставилъ шаху, были очень полезны для его здоровья. Язва прекратилась, какъ вдругъ бѣдный *Maréchal* умеръ отъ удара черезъ два дня послѣ снятія лагеря. Кончина его огорчили шаха болѣе чѣмъ смерть великаго визиря.

Время проведенное въ Султаніи было очень печально по случаю холеры. Каждый день смерть поражала сильнѣе и сильнѣе, и каждый день въ большихъ повозкахъ, въ сопровожденіи кавалерійскаго отряда, везли тѣла въ огромные рвы вырытые на обонхъ оконечностяхъ долины. Сколько несчастныхъ было брошено и зарыто еще не переставъ дышать! Оставляю эту картину, которая представляетъ только ужасныя и однообразныя подробности..... Лагерь сняли десятаго сентября; черезъ двѣ недѣли мы пріѣхали въ Тегеранъ и нашли городъ, опустошенный болѣзью, но скоро все пошло своей обыкновенной чередой...

Не смотря на красоту мѣстоположенія, Персія находится, въ слѣдствіе совершеннаго уничтоженія торговли и земледѣлія, въ такомъ бѣдномъ состояніи, что сердце сжимается. Государственные доходы никогда не превышаютъ суммы пятнадцати милліоновъ рублей серебромъ, которыми надо содержать двухъсотъ-тысячную армію и единственный въ мірѣ дворъ, съ безчисленнымъ множествомъ царевичей, хановъ, вельможъ безъ должностей и безъ состоянія, и потому нвжда въ деньгахъ безпрестанно возобновляется, а средства добывать ихъ употребляютъ безъ разбору. Каждый беретъ что и гдѣ можетъ. Даже палачъ живетъ подарочками. Осужденные на смерть, если они богаты, могутъ откупиться денежною суммой, которую исполнитель казни раздѣляетъ съ великимъ визиремъ. Тотъ кому присудили отрѣзать уши можетъ откупиться тремя томанами за каждое ухо. Часто случается, что не имѣя средствъ заплатить за оба, онъ выкупаетъ только одно. Это принято, извѣстно, и почитается законнымъ порядкомъ.

Любопытно сравнить эту бѣдность во всѣхъ частяхъ государства съ роскошью шахова дворца, къ которому доступъ не тру-

день. Огромныя ворота въ мавританскомъ стилѣ, называемыя Дверями Счастія ведутъ на обширный дворъ, по которому гуляютъ день и ночь лошади въ великолѣпной збруѣ. Стѣны расписаны яркими красками, а окна украшены небольшими рѣшетками изъ позолоченаго дерева. Среди двора возвышается для урону большая черная мачта, на которой виситъ голова мятежника. Тотъ чей черепъ видѣлся въ эту минуту, былъ старый ханъ, правитель пограничнаго города. Онъ хотѣлъ объявить себя независимымъ, но былъ побѣжденъ и жестоко наказанъ. Обширныя мраморныя террасы ведутъ въ тронную залу, открытую со двора. Красивыя мраморныя колонны поддерживаютъ величественныя своды, стѣны ослѣпительной бѣлизны усеяны безчисленными арабесками, среди которыхъ красуются стихи Корана, писанные золотыми буквами. На полу лежитъ большой коверъ съ превосходнымъ узоромъ; въ глубинѣ залы на гранитныхъ колоннахъ, обитыхъ золотыми бляхами, возвышается въ видѣ солнца, великолѣпный балдахинъ, сіяющій брилліантами и другими драгоценными камнями. Въ торжественныя аудіенціи шахъ садится на тронъ въ пышной одеждѣ въ брилліантахъ и драгоценныхъ камняхъ. Въ числѣ ихъ замѣчательнѣе знаменитый *Кухи-нуръ*, то есть, «Гора блеску» и *Деріа и-нуръ* «Море свѣту», извѣстные въ цѣломъ Востокѣ. Въ эти пріемные дни, шахъ окруженъ самыми блестящими придворными. Это зрѣлище напоминаетъ рассказы Тысячи и одной Ночи. Я видѣлъ его два раза съ живѣйшимъ любопытствомъ. Шахъ, недавно скончавшійся, самъ любилъ эти выставки своей пышности. Онъ былъ прости, большой ребенокъ, своеправный, злой, довольно жестокой, упрямый, ограниченнаго ума и хворый. Кончина его — благополучіе для Персіи; онъ непременно докончилъ бы ея разореніе своей печальной неспособностью.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя записки Шатобріана. Часть третья.* Мы правили къ островамъ Святаго Петра и Микелону, отыскивая другую пристань. Когда мы подошли къ первому утруму между десяти и двѣнадцати часовъ, мы почти наѣхали на него; берега въ видѣ чорнаго горба видѣлись сквоею яглу.

Мы остановились передъ столицей острова: намъ не было ее видно, только шумъ съ берегу долеталъ до насъ. Пассажиры спѣшили высадиться; начальникъ Сенъ-Сюльпистовъ безпрестанно страдавшій морскою болѣзнию, былъ такъ слабъ, что его

принуждены были свести на берегъ. Я нанялъ отдѣльную комнату, и ждалъ чтобы порывъ вѣтру, разодравъ туманъ, показалъ мнѣ мѣсто гдѣ я остановился и такъ сказать лица моихъ хозяевъ въ этой странѣ тѣней.

Гавань в рейдѣ острова Святаго Петра находится между восточнымъ берегомъ и продолговатымъ островкомъ, по названію *Собачьимъ*. Гавань долбится въ землѣ, и достигаетъ солончаковой лужи.

Безплодные сопки тѣсятся въ ядрѣ острова; нѣкоторыя от дѣлаясь сваливаются на берегъ; подошвы другихъ окружаютъ торфяныя степи. Изъ города видна сторожевая сопка.

Домъ губернатора напротивъ пристани. Церковь, домъ священника, запасный магазинъ находятся въ томъ же мѣстѣ; далѣе, дома морскаго комиссара и капитана надъ портомъ. Потомъ начинается вдоль берега вымощенная булыжникомъ гористая улица.

Я обѣдалъ два или три раза у губернатора, обязательнаго и вѣжливаго. На гласисѣ у него было разведено нѣсколько европейскихъ овощей; послѣ обѣда онъ показалъ мнѣ то что у него называется садомъ.

Тонкій и отрадный запахъ геліотропу поднимался изъ небольшой гряды цвѣтущихъ бобовъ; не вѣтерокъ изъ отечества доносилъ къ намъ это благоуханіе, а дикій порывъ воздуху съ америкавской Новой-Земли, не имѣвшего никакой связи съ растеніемъ - изгнанникомъ, никакой симпатіи по воспоминаваніямъ или вѣгѣ: Въ этомъ запахѣ не вдыхаемомъ красотою, не очищенномъ въ ея груди, неразлитомъ по слѣдамъ ея, въ этомъ запахѣ, перемѣнившемъ свою зарю, обдѣлку, міръ свой, плавали всѣ увѣнія сожалѣній, отсутствія и молодости.

Изъ саду мы пошли къ сопкамъ и остановились у подножія мачты сторожеваго флага. Новое французское знамя развѣвалось надъ нашими головами; какъ виржіліевы женщины мы смотрѣли на море Pentas; оно отдѣляло насъ отъ родной земли. Губернаторъ былъ неспокоенъ; онъ принадлежалъ къ побѣжденной партіи; и къ тому же ужасно скучалъ въ уединеніи, свойственномъ только такому мечтателю какъ я, и тяжелому для человѣка, озбоченнаго дѣлами, который не носитъ въ душѣ страсти, замѣняющей все и заставляющей забывать о всемъ остальномъ въ мірѣ. Хозяинъ мой спрашивалъ меня объ революціи, а я его о сѣверо-западномъ проходѣ. Онъ жилъ передовымъ стражемъ пустыни,

во не зналъ ничего объ Эскимосахъ и получалъ изъ Канады только куропатокъ.

Однажды утромъ я отправился одинъ на Cap-à l'Aigle посмотреть на восхожденіе солнца со стороны Франціи. Тамъ свѣтлая вода образовывала каскадъ, который послѣднимъ скачкомъ своимъ прыгалъ прямо въ море. Я сѣлъ на выступѣ скалы, свѣсивъ ноги надъ волной, дробившейся мелкимъ жемчугомъ у ногъ утеса. Молоденькая морячка показалась на верхнихъ склонахъ горы; несмотря на холодъ она босикомъ шла по росѣ. Черные волосы задала прядями изъ подъ вѣтскаго платка, покрывавшаго голову; сверхъ платка, вѣдѣта была тростяничья шляпа въ видѣ готическаго свода или крытой аллеи. Букетъ лиловаго вереску выросталъ изъ груди, обрисованной бѣлою обшивкою рубашки. Время отъ времени она наклонялась и собирала листочки ароматической травки, называемою на островѣ *thé naturel*. Одной рукой она бросала листочки въ корзину, которую держала въ другой рукѣ. Увидѣвъ меня она не испугалась; сѣла возлѣ, поставила корзинку и свѣсивъ, какъ я, ноги надъ моремъ, начала также смотрѣть на солнце.

Мы сидѣли нѣсколько времени, не говоря ни слова; наконецъ я первый явилъ храбрость и сказалъ ей: «Что вы это собираете? время брусники и клюквы прошло.» Она подняла на меня большіе, черные, робкіе и гордые глаза, и отвѣчала, показывая на корзинку. «Я собирала чай. — Вы отнесете этотъ чай вашимъ родителямъ? — Батюшка на рыбной ловлѣ съ Гильоми. — Что вы дѣлаете зимой на этомъ островѣ? — Плетемъ сѣти, ловимъ рыбу въ льманахъ, пробивая ледъ: въ воскресенье ходимъ къ обѣднѣ и къ вечернѣ, поемъ тамъ псалмы, потомъ играемъ на свѣгу и смотримъ какъ парни охотятся за бѣлыми медвѣдями. — А батюшка скоро возвратится? — Ахъ нѣтъ! капитанъ поведетъ судно въ Геную съ Гильомомъ. — Но Гильоми воротится? — Ну, да! къ будущему возврату рыбаковъ; привезетъ мнѣ корсетъ, шелковый полосатый, кисейную юбку, да черные бусы. — И вы нарядитесь для вѣтру, горъ и моря. Хотите, чтобы я прислалъ вамъ корсетъ, юбку и бусы? — О, подите!

Она встала, взяла корзинку и побѣжала по крутой тропинкѣ, вдоль ельнику, напѣвая звучнымъ голосомъ миссіонерское пѣснопѣвіе.

Tout brulant d'une ardeur immortelle
C'est vers Dieu que tendent mes désirs.

Она пугала, пробѣгая, красивыхъ птичекъ, называемыхъ здѣсь *султанчиками* по привычѣ хохолка на головѣ; и казалось будто она птичка изъ ихъ стаи.

Дойдя до моря, она спрыгнула въ лодку, распустила парусъ и взялась за руль; ее можно было принять за Фортуну; она удалялась отъ меня.

Ахъ да! ахъ нѣтъ! подите! Гильоми! образъ молодого матроса на верхушкѣ мачты, среди вѣтровъ, превращалъ въ миръ блаженства ужасныя Петровскія скалы.

Q'isola di Fortuna ora nedete.

Мы оставались двѣ недѣли на островѣ. Съ его печальныхъ окраинъ видѣются берега еще печальнѣе американской Новой Земли. Сопки простираются далеко внутрь острова расходящимися грядами, изъ которыхъ самая высокая гряда доходитъ до Радзиевой губы. Въ долинахъ, гранитная скала смѣшана съ красной и зеленоватою слюдой, съ турфанникомъ, съ древеснымъ мохомъ и двоеглавкой.

Маленькія озера кормятся давню нѣсколькихъ ручьевъ. Всѣ эти лужи имѣютъ свои названія. Когда вихрь налетитъ онъ раздираетъ до дна ихъ неглубокую воду, обнажая клочки, подморскихъ луговъ, которые тотчасъ же снова застилаются простыней починенной волны.

Флора острова Святаго Петра такая какъ же и въ Лапландіи и на Магелланскомъ Проливѣ. Количество растеній уменьшается къ полюсу; на Шпицбергенѣ встрѣчаются только до сорока сортовъ двубокачковыхъ видовъ. Перебѣивъ мѣстность, породы травъ исчезаютъ: одни, на сѣверѣ, жительницы холодныхъ степей, становятся на югѣ дѣвами горъ; другія, вскормленныя въ спокойной атмосферѣ густыхъ лѣсовъ, имѣяся видами и величиной, впадаютъ на бурныхъ берегахъ океана. На Святомъ Петрѣ, болотная черника дошла до степени спѣрыша; она скоро зароется въ бѣломъ мху, который служить ей почвой. Странствующая травка, я принявъ свои мѣры, чтобы исчезнуть на берегу моря, въ родомъ мѣстоположеніи.

На отлогостяхъ холмовъ растутъ бальсамовыя деревья, кизильникъ, лиственницы, ельникъ, которыхъ почки употребляются при вываркѣ противвудинготнаго пива. Деревья эти не выше человѣческаго росту. Океанскій вѣтеръ рветъ съ нихъ верхушки, и пригибаетъ къ землѣ подобно папоротнику; потомъ поднимаетъ

ихъ снова, но безъ корней, безъ вѣтвей; нѣтъ уже ни сводовъ ни эха для его стонаній, онъ шумитъ тамъ не слышнѣе, какъ на верескѣ.

Эти хворые лѣса составляютъ противоположность съ огромными лѣсами американской Новой-Земли, которой соседній берегъ видѣнъ отсюда. Сосны тамъ усыяны серебристымъ мхомъ: точно шерсть бѣлыхъ медвѣдей, оставшаяся на этихъ деревьяхъ, по которымъ они лазаютъ, страннымъ образомъ. Черезъ болота убиты цѣлыя дороги этими медвѣдами, подумаешь, сельскія тропинки около овчарни. Всю ночь раздаются крики этихъ голодныхъ животныхъ; путешественникъ успокаивается только при не менѣе грустномъ шумѣ моря; недружелюбныя и суровыя волны становятся ему товарищами и друзьями.

Сѣверная оконечность Новой Земли доходитъ до широты мыса Карла-Перваго на лабрадорскомъ берегу; нѣсколькими градусами выше начинаются полярныя виды. Если вѣрнѣе путешественникамъ, въ этихъ странахъ есть очарованіе; вечеромъ солнце, спускаясь къ землѣ какъ-будто остается неподвижнымъ и вмѣсто того чтобы спуститься подъ горизонтъ, поднимается опять на небо. Горы покрытыя снѣгомъ, долины устланныя бѣлымъ мхомъ, который ѣдятъ олени, моря усыяныя китами и льдинами, словомъ вся эта сцена блеститъ, освѣщенная вмѣстѣ и огнями заката и зари: не знаешь что это такое, мірозданіе или свѣтопреставленіе.

Птичка, подобная той, что поетъ ночью въ нашихъ лѣсахъ, испускаетъ жалобное щебетанье. Любовь приводитъ тогда Эскимоса на ледяную скалу, гдѣ ожидаетъ его подруга: эти свадьбы на краю вселенной не чужды тоже ни торжественности ни счастья.

Нагрузивъ корабль провизіей и замѣнивъ якорь, потерянный на островѣ Граціоза, мы оставили островъ Святаго Петра. Направляясь къ югу мы достигли до широты 38 градусовъ. Тишь оставовила насъ въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Маршанда и Виргиній. Мѣсто туманнаго неба сѣверныхъ странъ заступило прелестнѣйшее небо въ мірѣ: земли намъ не было видно, но запахъ сосноваго лѣсу долеталъ до насъ. Разсвѣтъ, заря, восхожденіе и заходженіе солнца, сумерки и ночь были восхитительны. Я не могъ довольно наглядѣться на Венеру, которой лучи точно будто окружали меня, какъ нѣкогда волоса моей сльфыды.

Разъ вечеромъ я читалъ въ каютѣ капитана; звучалъ коло-

колѣ къ молитвѣ, я поспѣшилъ присоединить мое умилеиe къ умилеию товарищей. Офицеры стояли на скамьяхъ съ пассажирами; священникъ впереди съ книгой въ рукахъ, возлѣ руля; матросы толпились какъ имъ попало на палубѣ: мы стояли обернувшись лицомъ къ корнѣ корабля. Паруса были собраны.

Шаръ солнца, готовый погрузиться въ волны, проглядывалъ между снастями, среди безграничнаго пространства: отъ колебаній корабля казалось, что лучезарное свѣтло каждую минуту перемѣняло горизонтъ.

Жаръ былъ нестерпимый; корабль среди совершенной тиши, безъ парусовъ и слишкомъ обремененный мачтами, былъ подверженъ сильной качкѣ: изнурился жаромъ на палубѣ, и уставъ отъ его качаній, я вздумалъ купаться, и какъ шлюбка не была спущена бросился съ бушприта въ море. Сначала все пошло прекрасно, множество пассажировъ послѣдовали моему примѣру. Я купался не смотря на корабль; но вдругъ обернувъ голову, я примѣтилъ, что теченіемъ отнесло его далеко. Испуганные матросы протянули кабельтовъ плавающимъ. Акулы показались около корабля; ихъ отгоняли ружейными выстрѣлами. Волненіе было такъ велико, что силы мои истощались. Подо мною была бездна, и акулы могли каждую минуту отгрызть у меня руку или ногу. На кораблѣ штурманъ усиливался спустить въ море лодку, но надо было привязать канатъ, а это отняло бы много времени.

Къ счастью поднялся едва замѣтный вѣтерокъ; корабль направили ко мнѣ; но я не могъ достать веревки; товарищи моего смѣлаго предпріятія схватились за веревку; пока насъ тащили на судно, она налегла на меня всею тяжестью тѣла, потому что я держался за конецъ. Насъ поднимали по одному, что было довольно долго. Качка продолжалась и при каждомъ изъ этихъ противоположномъ колыханій мы или погружались въ волны на пять или на шесть футовъ, или взлетали на воздухъ какъ рыба на удѣ: при послѣднемъ погруженіи я чуть не лишился чувствъ; еще одинъ толчокъ и все было бы кончено. Меня полумертваго подыали на палубу: утона я, такъ вотъ и конецъ дѣлу со мной, и для меня и для другихъ.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, мы увидали землю. Сердце сильно забилося у меня, когда капитанъ показалъ мнѣ берегъ Америки! Ее едва обрисовывали вершины нѣсколькихъ холмовъ, высочавшихся изъ земли. Пальмы нильскаго устья указали мнѣ послѣ точно такимъ образомъ Египетъ. Къ намъ пріѣ-

халъ коричій и мы вошли въ Чизпасскій заливъ. Въ тотъ самый вечеръ послали шлюбку за свѣжими припасами. Я отпразднелъ вмѣстѣ и сторо вступилъ на американскую землю.

Осмотрѣвшись кругомъ и нѣсколько минутъ оставался неподвижнымъ. Этотъ материкъ, вѣроятно невѣдомый во все древнее время и можетъ-быть во многія столѣтія времени новѣйшаго, первая дикія судьбы его и вторыя судьбы послѣ Колумба; владычество европейскихъ державъ, поколебавшееся въ этомъ новомъ свѣтѣ; старое общество, издыхающее въ юной Америкѣ; государство неизвѣстнаго рода, показывающее перемѣну въ образѣ мыслей человѣчества; участіе моей отчизны въ этихъ событіяхъ; эти моря, эти взморья, обязанные отчасти своей независимостью французской крови; великій человекъ, являющійся среди раздоровъ и пустыни, правитель цвѣтущаго города въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вильгельмъ Пеннъ купилъ уголокъ дубравы; Соединенные Штаты отблагодарившіе революціей Францію, которая пособила имъ совершить у себя революцію, наконецъ и моя судьба, и моя дѣятельная муза, предаваемая мною порывамъ любви къ другой природѣ, открытія, на которыя я хотѣлъ пуститься въ этихъ пустыняхъ, лежащихъ широкой державой за узенькой полосой привозной образованности; все это ворочалось въ умѣ моемъ.

Мы направили шаги къ одной усадьбѣ. Бальзамовыя и кедровыя виргинійскія деревья, птицы-насмѣшники и птицы-кардиналы, показывали перьями и тѣнью, пѣніемъ и цвѣтомъ другой климатъ. Домъ, къ которому мы подошли черезъ полчаса, походилъ и на англійскую мызу и на креольскую хижину. Стада европейскихъ коровъ паслись на пажитяхъ, въ пролѣсахъ, гдѣ рѣзвились полосатыя бѣлки. Негры пиляли доски, бѣлые улаживали за табачными кустами. Тринадцати или четырнадцатилѣтняя негрятка странной красоты, полуодѣтая отворила намъ заборъ какъ юная ночь. Мы купили мансовые пироги, курицъ, яицъ, молока и воротились на корабль съ нашими огромными кувшинами и корзинами. Я подарилъ свой шелковый платокъ Африканочкѣ: на землѣ свободы меня встрѣтила невольница.

Снялись съ якоря, чтобы пойти въ рейдъ и гавань Балтиморскіе; по мѣрѣ приближенія, воды суживались и становились гладкими, неподвижными; мы какъ будто плыли вверхъ по сонной рѣкѣ, окруженной аллеями. Балтиморъ явился намъ точно въ глубинѣ озера, передъ городомъ возвышался лѣсистый холмъ, у подошвы котораго начинали строиться. Мы причалили у на-

бережной. Я почевалъ на кораблѣ, съѣхалъ на землю только на другой день и остановился въ гостиницѣ; семинаристы отправились въ приготовленную для нихъ квартиру, откуда они разбрелись по Америкѣ.

Чтоъ случилось съ Френсисомъ Толлокомъ? Въ Лондонѣ 12 апрѣля 1822 я получилъ слѣдующее письмо:

« Тридцать лѣтъ протекло, любезнѣйшій виконтъ, со времени нашего путешествія въ Балтиморъ; очень вѣроятно, что вы были даже какъ меня зовуть; но судя по чувствамъ моего сердца, всегда искренно и правдиво вамъ преданнаго, оно не должно быть такъ — и я льщу себя, что вамъ будетъ приятно со мной увидаться. Находясь теперь лицомъ къ лицу — какъ это видно изъ помѣтки этого письма — я очень чувствую, что большое пространство легло между нами. Но если вы изъясните малѣйшее желаніе повидаться со мной, я поспѣшу доказать вамъ по мѣрѣ силъ и возможности, что я остаюсь по прежнему вамъ вѣрно преданнымъ *Френ. Толлокомъ.* »

« P. S. Отличное положеніе, вами приобрѣтенное и только за-служиваемое вашими достоинствами не выпускается мною изъ виду, но и память кавалера де-Шатобриана мнѣ такъ дорога, что — по крайнѣй мѣрѣ вынче — я не могу писать вамъ какъ по-слу, и прочая. Такъ простите же слогъ въ уваженіе нашей прежней связи.

« Пятница 12 апрѣля.

« Portland-Place № 30. »

И такъ Толлокъ въ Лондонѣ; онъ не священникъ; онъ женатъ; романъ его кончился какъ мой. Это письмо доказываетъ справедливость моихъ записокъ и вѣрность воспоминаній. Кто засвидѣтельствовалъ бы о *связи* и *дружбѣ*, сведеннымъ за тридцать лѣтъ на волнахъ, еслибы одна изъ двухъ причастныхъ сторонъ не предстала?

Какую мрачную и вспятную перспективу развиваетъ передо мной это письмо! Толлокъ, въ 1822, въ одномъ городѣ въ одной улицѣ со мной; ворота его дому напротивъ моихъ, точно какъ прежде мы встрѣтились на одномъ кораблѣ, на одной палубѣ, каюта противъ каюты. Сколькихъ друзей не встрѣчу я болѣе! Каждый вечеръ ложась спать, человекъ можетъ сосчитать свои потери: только годы не покидаютъ его, хотя и проходятъ; когда онъ дѣлаетъ имъ смотръ и зоветъ ихъ по имени, они отвѣчаютъ: «Здѣсь!» Ни одного нѣтъ въ отпуску.

Балтиморъ какъ и всѣ другіе главные города Соединенныхъ Штатовъ, не былъ тогда такъ великъ какъ теперь: въ этомъ хорошенькомъ, маленькомъ, чистенькомъ, оживленномъ городѣ образъ жизни и общество имѣли большое сходство съ европейскими. Я заплатилъ капитану за проездъ, далъ ему прощальный обѣдъ, и взялъ мѣсто въ stage-coach, который три раза въ недѣлю отправляется въ Пенсильванію. Въ четыре часа утра я уже натялъ по дорогѣ въ Новый Свѣтъ.

Дорога, по которой мы ѣхали, была скорѣе означена чѣмъ проложена и лежала черезъ довольно плоскую страну: мало деревьевъ, разбросанныя мызы, разсыпанныя деревни, клинчатъ Франціи, ласточки летающія надъ водою, какъ надъ комбургскимъ прудомъ.

Приближаясь къ Филадельфіи, мы встрѣтили крестьянъ, идущихъ на рынокъ, публичныя и частныя кареты. Филадельфія показалась мнѣ городомъ красивымъ, съ широкими улицами, изъ которыхъ нѣкоторыя были обсажены деревьями и пересѣкались подъ прямымъ угломъ въ правильномъ порядкѣ отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу. Делаваръ течетъ параллельно съ улицей, лежащей по западному берегу. Рѣка эта считалась бы значительною въ Европѣ: въ Америкѣ она ни почему: берега ея низки и не живописны.

Во время моего путешествія (1791) Филадельфія не простиралась еще до Шейквилля; ближе къ рѣкѣ земля раздѣлена была на части, на которыхъ тутъ и тамъ строились дома.

Видъ Филадельфіи однообразенъ. Вообще протестантскіе городамъ Соединенныхъ Штатовъ недостаетъ высокихъ архитектурныхъ произведеній: Реформація, еще юная возрастомъ, не жертвуетъ ничѣмъ воображенію и рѣдко воздвигаетъ куполы, эти воздушныя стѣны и своды, эти башни-близнецы, которыми древняя церковь увѣнчала Европу. Въ Филадельфіи, въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ ни одинъ монументъ не возвышается надъ массой стѣнъ и кровель: этототъ уровень очень печалитъ взоръ.

Изъ гостинницы я перешелъ жить на хлѣбахъ въ одинъ домъ гдѣ жили санъ-домингскіе колонисты и Французы-эмигранты, съ идеями, противоположными своимъ. Американская республиканская земля давала убѣжище тѣмъ, кто бѣжалъ отъ республики.

Человѣку, который ступилъ на землю Соединенныхъ Штатовъ, исполненному энтузіазма къ классическимъ народамъ, колонисту, искавшему вездѣ суровость первыхъ римскихъ нравовъ, странно было видѣть роскошь экипажей, пустоту разговоровъ, неравенство

состояній, безнравственность игорныхъ домовъ, шумъ баловъ и спектаклей. Филадельфію можно было принять за Ливерпуль или Бристоль. Наружность народа была пріятна: квакеры въ сѣрыхъ платьяхъ, маленькихъ однообразныхъ шляпахъ, съ блѣдыми личиками казались мнѣ прелестными.

Когда я пріѣхалъ въ Филадельфію, генерала Вашингтона тамъ не было; я былъ принужденъ ждать его цѣлую недѣлю. Я видѣлъ какъ онъ проѣхалъ въ каретѣ, запряженной четырьмя горячими лошадьми.

Вашингтонъ по своимъ тогдашнимъ идеямъ долженъ былъ походить на Цинцинната, пахать землю и поговяять быковъ дубиной; но когда я отнесъ къ нему рекомендательное письмо, я нашелъ въ немъ всю простоту Римлянина.

Небольшой домъ, похожій на сосѣдніе дома, былъ дворцемъ президента Соединенныхъ Штатовъ: не было ни часовыхъ ни даже слугъ. Я постучался, молоденькая служанка отперла мнѣ дверь. Я спросилъ, у себя ли генералъ; она отвѣчала: да. Я сказалъ, что у меня есть къ нему письмо; она спросила мою фамилію; по-англійски трудно ее выговорить; служанка не могла запомнить. Она сказала мнѣ тихо: «Walk in, sir. Войдите, сударь». и пошла впередъ по узкому корридору, который служитъ сѣнями въ англійскихъ домахъ; она ввела меня въ пріемную и попросила подождать генерала.

Я не былъ смущенъ: величіе души или величіе богатства не приводятъ меня въ замѣшательство; я удивляюсь первому, не будучи имъ уничтоженъ, второе внушаетъ мнѣ болѣе жалости чѣмъ уваженія: человѣческое лицо никогда не сообьетъ меня съ толку.

Генералъ вошелъ черезъ нѣсколько минутъ: онъ былъ высокъ ростомъ, виду болѣе спокойнаго и холоднаго чѣмъ благороднаго и походилъ на свои гравированные портреты. Я молча подалъ ему письмо; онъ распечаталъ, взглянулъ на подпись и прочелъ громко: «Полковникъ Арманъ!». Такъ Вашингтонъ называлъ маркиза де-ла-Руери и такъ самъ онъ подписался.

Мы сѣли. Я кое-какъ объяснилъ ему цѣль моего путешествія. Онъ отвѣчалъ односложными англійскими и французскими словами, и слушалъ меня съ удивленіемъ; я это замѣтилъ и съ живостью сказалъ: «Но гораздо легче открыть сѣверо-западный «проходъ, чѣмъ создать державу подобно вамъ.» — Well, well, «young man! Хорошо, хорошо, молодой человѣкъ,» вскричалъ онъ, протянувъ мнѣ руку. Онъ пригласилъ меня обѣдать на другой день и мы разстались.

Я не преминулъ азяться въ-прямъ. Нашъ гостей было пять или шесть человекъ. Разговаривали о французскихъ промешестіяхъ. Генеральъ показаль намъ ключъ отъ Бастиліи. Эти ключи, какъ я уже замѣтилъ, были пошлыми игрушками, которыя тогда разсылались. Если бы Вашингтонъ видѣлъ въ парижскихъ стокахъ *покорителей Бастиліи*, онъ не столько цѣнилъ бы свою драгоценность. Онъ вѣроятно и не зналъ того, что, послѣ отмѣненія нантскаго эдикта въ 1685, та же сволочь Сентъ-Антоанскаго предмѣстія разрушила протестантскій храмъ въ Шарантонѣ точно съ такимъ же усердіемъ.

Я оставилъ хозяина въ десять часовъ вечера и никогда болѣе не видалъ; онъ уѣхалъ на другой день а я продолжалъ путешествіе.

Вашингтонъ сошелъ въ могилу прежде чѣмъ я надѣлалъ собой немного шуму въ свѣтѣ. Я прошелъ передъ нимъ какъ самое безвѣстное существо; онъ былъ во всемъ блескѣ, я во всемъ ничтожествѣ; можетъ быть мое имя на на одинъ день не осталось у него въ памяти: но я все-таки считаю себя счастливымъ, что взоръ его упалъ на меня; онъ согрѣлъ меня на всю остальную жизнь: во взорѣ великаго человѣка есть какая-то сила.

Бонапартъ умираеть. Какъ я постучался въ дверь къ Вашингтону, то сравненіе основателя Соединенныхъ Штатовъ съ императоромъ Французовъ естественно приходитъ мнѣ на умъ; тѣмъ болѣе, что въ ту минуту какъ я пишу, Вашингтонъ тоже не существуетъ. Ерсилія воспѣвая и ратуя въ Чили, остававливаеся на дорогѣ, чтобы разсказать смерть Дядоны; я тоже остававливаюсь въ началѣ моего путешествія въ Пенсильванію, чтобы сравнить Вашингтона съ Бонапартомъ. Я бы могъ заняться ими въ то время когда встрѣчусь съ Наполеономъ; но если я сойду въ могилу прежде чѣмъ дойду въ лѣтописи моей до 1815, то что я хочу сказать объ этихъ двухъ посланникахъ судьбы оставется неизвѣстнымъ. Я вспомнилъ о Кастельно: подобно мнѣ онъ былъ посломъ въ Англій, и описывалъ свою жизнь въ Лондонѣ. На послѣдней страницѣ седьмой книги, онъ говоритъ сыну: «Я поговорю объ этомъ въ Осьмой книгѣ,» а Осьмой книги Записокъ Кастельно не существуетъ: это научило меня пользоваться жизнью.

Вашингтонъ не принадлежитъ какъ Бонапарту къ поколѣвію, выше росту человѣческаго. Ничего изумительнаго не сопряжено съ его особой; онъ не дѣйствовалъ на обширномъ поприщѣ; не имѣлъ дѣла съ искуснѣйшими полководцами и съ могуществен-

нѣйшими владыками; не бросался въ Мемфиса въ Вѣну, изъ Кадикса въ Москву: защищался съ горстью поселенцевъ на безвѣстной землѣ, въ тѣсномъ кругу домашняго очага, не давалъ сраженій, воскресавшихъ терзательства Арбеллы и Фарсала, не разрушалъ государствъ, чтобы воздвигать изъ обломковъ другіе.

Чтò-то безмолвное окружало подвиги Вашингтона; онъ дѣйствовалъ медленно; не свою судьбу несъ этотъ герой новаго роду; а судьбу своего отечества; онъ боялся играть тѣмъ чтò не принадлежало ему; но какой блескъ озарилъ это глубокое уничтоженіе! Ступайте въ лѣса, гдѣ сверкала шпага Вашингтона: чтò вы тамъ найдете? Могилы? нѣтъ; цѣлый міръ! Вашингтонъ оставилъ вмѣсто троеевъ на полѣ сраженія могучій союзъ областей.

У Бонапарта нѣтъ ни одной черты этого важнаго Американца: онъ шумно сражается на старой землѣ, не создаетъ ничего кромѣ славы себѣ, только заботится о своей собственной судьбѣ; какъ будто знаетъ что его время недолго, что потокъ, извергающійся съ такой высоты скоро изсякнетъ, онъ спѣшитъ наслаждаться и употреблять во зло свою славу, точно быстротечную молодость. Подобно героямъ Гомера, онъ хочетъ въ четыре прыжка достигнуть до краю свѣта; является на всѣхъ берегахъ, нспѣшно вписываетъ свое имя въ книгу дѣяній народовъ, раздастъ государства своимъ родственникамъ и сослуживцамъ, торопится въ своихъ монументахъ, въ законахъ, въ побѣдахъ. Склонясь надъ міромъ, одной рукой приводитъ все въ беспорядокъ, другою низлагаетъ гиганта мятежей; но, раздавивъ анархію, самъ онъ вмѣсто ея давитъ свое отечество и кончаетъ тѣмъ, что лишается личной свободы на послѣднемъ полѣ сраженія.

Тотъ и другой награждены по заслугамъ: Вашингтонъ возводитъ цѣлый народъ въ санъ самостоятельнаго; и чиновникомъ въ отставкѣ засыпаетъ среди сожалѣній соотечественниковъ и уваженія народовъ.

Бонапарте лишаетъ свою націю независимости: онъ сверженъ съ престола и брошенъ въ заточеніе, гдѣ ужасъ свѣта еще не считаетъ его довольно крѣпко запертымъ подъ стражей океана.

Цари египетскіе помѣщали свои гробницы, не на цвѣтущихъ лугахъ, а среди безплодныхъ степей; эти огромныя могилы возвышаются какъ вѣчвость въ уединеніи: Бонапарте воздвигъ точно такой же монументъ своей славы.

Я горѣлъ нетерпѣніемъ продолжать путешествіе. Я пріѣхалъ смотрѣть на Американцевъ, но чтò-то совершенно различное отъ

тѣхъ людей, которыхъ я зналъ, что-то болѣе согласное съ общими порядкомъ моихъ идей; мнѣ хотѣлось поскорѣе пуститься въ предпріятіе, предначертанное однимъ только воображеніемъ и мужествомъ.

Когда я составилъ проектъ открыть проходъ на сѣверо-западъ, еще не было извѣстно продолжается ли сѣверная Америка вдоль полюсомъ до самой Гренландіи или оканчивается у какого-нибудь моря смежнаго съ Гудсоновымъ заливомъ или съ проливомъ Беринга. Въ 1722 Гиръ открылъ море при устьѣ Мѣдно-Рудной рѣки подъ 71 градусомъ 15 минутами сѣверной широты и 119 градусомъ 15 минутами западной долготы отъ Гринича.

На берегу Тихаго океана поиски капитана Кука и послѣдующихъ мореплавателей оставили сомнѣнія. Въ 1787, увѣрили будто одинъ король вошелъ въ море средиземное сѣверной Америки. По разсказу хозяина этого корабля, то что принимали за неразрывный берегъ къ сѣверу отъ Калифорніи, было только рядъ острововъ чрезвычайно сжатыхъ. Англійское адмиралтейство послало Ванкувера повѣрить эти донесенія, которые оказались ложными. Ванкуверъ не предпринималъ еще тогда своего втораго путешествія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1791 начинали цоговаривать о экспедиціи Мекензи: отправившись 3 іюня 1789 изъ чипуанской крѣпости, лежащей при Нагорномъ Озерѣ, онъ спустился въ полярное море рѣкой, за которой и осталось его имя.

Открытіе это могло бы измѣнить мое направленіе, и заставитъ меня ѣхать прямо на сѣверъ; но совѣстно было измѣнить планъ, составленный вмѣстѣ съ Мальзербомъ. И такъ я рѣшилася ѣхать на западъ, чтобы просѣчь сѣверо-западный берегъ надъ Калифорнскимъ заливомъ; оттуда, слѣдуя по очертанію материка, все въ виду моря, я полагалъ достигнуть Берингова пролива, обогнуть послѣдній сѣверный мысъ Америки, спуститься отсюда къ востоку вдоль береговъ полярнаго моря и возвратиться въ Соединенные Штаты Гудсоновымъ заливомъ черезъ Лабрадоръ и Канаду.

Какія были у меня средства къ исполненію этого чуднаго странствованія? Никакихъ. Французскіе путешественники по большей части были люди безъ связей, предоставленные собственнымъ силамъ; правительство или компаніи рѣдко удостоивали ихъ порученій и никогда не вспомошествовали. Въ Англіи, въ Америкѣ, въ Германіи, Испаніи, Португаліи, дѣлалось все при содѣйствіи національныхъ средствъ: у насъ частые люди напрасно приидмались сами собою за дѣла этого роду. Мекензи и послѣ него многіе дру-

гіе земли для Соединенныхъ Штатовъ и Великобританіи на огромномъ пространствѣ Америки большія области, которыми я мечталъ надѣлать мою родную землю. Въ случаѣ успѣха я бы видѣлъ удовольствіе дать французскія имена странамъ неизвѣстнымъ, обогатить мое отечество колоніей на Тихомъ океанѣ, перебить богатую мѣховую торговлю у могущественной соперницы, помѣшати этой соперницѣ проложить себѣ кратчайшую дорогу въ Индію, доставить Франціи владѣніе этимъ путемъ. Я изложилъ эти предположенія въ *Историческомъ Опытѣ* изданномъ въ Лондонѣ въ 1796, а эти проекты были извлечены изъ моихъ путешествій, написанныхъ въ 1791. Числа эти показываютъ, что я опередилъ желаніями и трудами послѣднихъ исследователей арктическихъ льдовъ.

Въ Филадельфіи я не нашелъ одобренія, и тотчасъ увидѣлъ, что цѣль этого перваго путешествія не будетъ достигнута и что моя поѣздка сдѣлается только прелюдіей втораго и дальнѣйшаго путешествія. Я написалъ въ этомъ смыслѣ къ де Мальзербу и въ ожиданіи будущаго обѣщалъ посвятить поэзіи то чтѣ будетъ потеряно для науки. Въ самомъ дѣлѣ, если я не нашелъ въ Америкѣ чего некакаго, полярнаго міра, мѣя явилась тамъ новая муза.

Stage-coach, подобный тому, въ какомъ я пріѣхалъ изъ Балтимора, отвезъ меня изъ Филадельфіи въ Нью-Йоркъ, веселый, населенный, торговый городъ, который однако былъ далекъ отъ того чтѣ онъ теперь, и чѣмъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, потому что Соединенные Штаты растутъ скорѣе этой рукописи. Я отправился въ Бостонъ, взглянуть на первое поле сраженія американской независимости. Я видѣлъ лексингтонскія поля и отъискивалъ тамъ, какъ потомъ въ Спартѣ, могли воиновъ, которые лишались жизни *повинуясь святымъ законамъ отечества*. Достопамятный примѣръ сѣвленія дѣлъ человѣческихъ! Финансовый билль, утвержденный англійскимъ парламентомъ 1765, воздвигаетъ новую державу на землѣ въ 1782 и истребляетъ съ лица земли одно изъ самыхъ древнихъ царствъ Европы въ 1789!

Въ многочисленномъ обществѣ сѣли мы въ Нью-Йоркѣ на пакетботъ, который отправился въ городъ Албани, лежащій у верховья сѣверной рѣки. Въ первый вечеръ нашего путешествія намъ подали закуску изъ плодовъ и молока; дамы сидѣли на скамьяхъ палубы, а мужчины у ногъ ихъ на декѣ. Общій разговоръ не долго продолжался: женскія картины природы невольно заставляютъ погружаться въ безмолвіе. Вдругъ кто-то воскликнулъ: «Вотъ мѣсто, гдѣ задержали Асагилъ.» Стали просить

квартеру, изъ Филадельфiи, оиѣтъ народную пѣсню, известную подѣ именемъ *Асгайлской*. Въ это время мы шли между горамъ: голосъ пѣвца замиралъ въ неопредѣленности волигъ и становился слышимѣе когда мы летѣли близъ береговъ. Разсказъ о молодомъ храбромъ солдатѣ, любовникѣ и поэтѣ, удостоенномъ участiя Вашингтона, и великодушнаго заступничества несчастной королевы, придавалъ какое-то очарованiе романтической картинѣ. Когда Бонапарте рѣшился взойти на престолъ, на которомъ царствовалъ Марiа Антоанета, мосьё де-Фонтанъ, покойный другъ мой, произнесъ нѣсколько неустрашимыхъ словъ въ память Асгайла. Паше Пенсильванки, казалось, трогало американскихъ офицеровъ; спокойствiе настоящкхъ минутъ становилось для нихъ драгоценнѣе при воспоминанiи о прошедшихъ смутахъ отечества, и они съ изумленiемъ смотрѣли на мѣста, вѣкогда покрытые войсками, гдѣ раздавался громъ оружiй, а теперь наслаждающiеся совершенною тишиною; на мѣста, которые, позлащаясь послѣдними лучами солнца, оживлялись свистомъ пурпуровыхъ кардиналовъ, воркованьемъ дикихъ голубей, пѣнiемъ дроздовъ, и которыхъ жители, облокотясь на ограду изъ пушистыхъ биньоновъ, смотрѣли на наше судно, плывшее внизу ихъ.

У меня было письмо къ мистру Свифту; я поспѣшилъ отправиться къ нему по прiѣздѣ въ Албани. Онъ торговалъ мѣхами съ индiйскими племенами, жившими въ странѣ, уступленной Англiею Сосѣдственнымъ Штатамъ; потому что образованные европейскiе народы, республиканскiе и монархическiе, безъ церемонiи дѣлались въ Америкѣ землями, не принадлежащими имъ. Выслушавъ меня, Свифтъ очень справедливо возразилъ мнѣ, что я не могу вдругъ предпринять такое важное путешествiе одинъ, безъ помощи, безъ покровительства, безъ рекомендацiи къ англiйскимъ, испанскимъ, американскимъ начальствамъ тѣхъ мѣстъ, которыя долженъ проѣзжать, что если мнѣ и посчастливится перейти пустыни, то я погибну отъ холоду и голоду въ ледовитыхъ странахъ; совѣтовалъ прежде привыкнуть къ климату, научиться языкамъ Ирокезцовъ, Сиузцовъ и Эскимосовъ, пожить между дѣсоходами (*coureurs de bois*) и агентами Гудсоновской компанiи. Только послѣ четырехъ или пяти лѣтъ приготовительныхъ свѣдѣнiй, и то съ помощiю французскаго правительства, можно приступить къ исполненiю такого отважнаго предпрiятiя. Несвѣсны были мнѣ эти совѣты, хотя въ душѣ я признавалъ справедливость ихъ. Слѣдуя своему убѣжденiю, я прямо отправился бы къ полюсу, какъ изъ Парижа ѣздить въ Повтоазъ; но скрывъ свое неудѣ-

вольствіе, я просилъ Свѣта нанять мнѣ провожатаго и лошадей до Ніагары и Питсбурга; въ Питсбургѣ я намѣревался спуститься внизъ по рѣкѣ Огайо и собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, полезныя для будущихъ предиріатій. Мысль о первомъ планѣ путешествія не выходила у меня изъ головы.

Свѣтъ нанялъ для меня Голландца, говорившаго на разныхъ индѣйскихъ языкахъ. Я купилъ двухъ лошадей и выѣхалъ изъ Албани.

Въ настоящее время все пространство земли между Ніагарою и Албани, населено и обработано, но въ то время большая часть была необитаема.

Когда я проѣхалъ Магокъ и вступилъ въ лѣса, гдѣ никогда еще не раздавался звукъ топора, мною овладѣло какое-то упоеніе независимости; я переходилъ отъ дерева къ дереву, справа на лѣво, и самъ себя твердилъ: «Здѣсь нѣтъ еще дорогъ, нѣтъ городовъ, ни чиновъ, ни республики, ни президентовъ, ни людей.» И чтобы увѣрить себя въ первобытныхъ нравахъ, я предавался своеволю, что выводило изъ терпѣнія моего Голландца, который въ душѣ считалъ меня сумасшедшимъ. Но, увы! въ то время, какъ я гордо поднималъ голову, воображая что одинъ въ лѣсу, вдругъ наткнулся я на навѣсъ. Изумленнымъ глазами моимъ представились подъ навѣсомъ дикари, которыхъ я увидѣлъ въ первый разъ въ жизни. Ихъ было человекъ двадцать, мужчинъ и женщинъ, всѣ перепачканные какъ чародѣи, полуобнаженные, съ обрѣзанными ушами, головы украшены перьями вороновъ и кольца прoderнуты въ ноздрахъ. Маленькой завитый и напудренный Французъ, въ зеленомъ платьѣ, въ драгетовомъ камзолѣ, съ кисейными манжетами и жабо, шилъ на карманной скрипкѣ и заставлялъ Ирокезцовъ танцовать подъ напѣвъ французской пѣсенки. Мосьё Виолѣ, какъ его звали, былъ танцевальнымъ учителемъ у дикарей, которые платили ему за уроки бровыми шкурами и медвѣжьими окороками. Въ Американскую Войну онъ былъ поваренкомъ у генерала Рошамбо; по возвращеніи же нашей арміи остался въ Нью-Йоркѣ, рѣшившись преподавать Американцамъ изящныя искусства. вмѣстѣ съ успѣхомъ и виды его дѣлались обширнѣе: новыи Орфей распространялъ просвѣщеніе между ордами дикарей Новаго Свѣта. Говоря объ Индѣйцахъ, онъ не иначе называлъ ихъ какъ: «*Ces messieurs sauvages* и *ces dames sauvagesses*», и очень хвалился легкостью своихъ учениковъ; въ самомъ дѣлѣ, во всю жизнь я не видывалъ подобныхъ скачковъ. Виолѣ настроилъ свою несчастную скрипку,

утинул ее въ подбородокъ и грудь, и закричалъ Ирессини: «По мѣстамъ!» Вся толпа закричала точно полчище демоновъ.

Не убійственно ли было для воспитанника Руссѣ встрѣти, вмѣсто предисловія къ жизни дикарей, баянъ, даваемый для Прокесцовъ поваренкомъ генерала Рошамбо? Мнѣ очень хотѣлось смѣяться, но я былъ жестоко униженъ.

Я купилъ у Индѣйцевъ полную одежду: двѣ медвѣжьи шкуры: одну вмѣсто римской-тоги, другую для постели. Къ новому наряду присоединилъ шапку изъ краснаго сукна съ отворотами, архалухъ, поясъ, рожокъ, чтобы сзывать собакъ, широкой ремень черезъ плечо, какъ носить лѣсоходы. Я отпустилъ длинную бороду, волосы развѣивались по обнаженной шеѣ и я походилъ вмѣстѣ и на дикаря, и на охотника, и на миссіонера.

Меня пригласили на увеселительную охоту, на другой день, чтобы напасть на слѣды каркажу (краснаго тигра.)

Эти животныя также какъ и бобры почти перевелись въ Канадѣ: Еще до разсвѣту отправились мы вверхъ по теченію рѣки вытекающей изъ лѣсу, гдѣ замѣтили каркажу. Нашъ было человекъ тридцать Индѣйцевъ и лѣсоходовъ американскихъ и канадскихъ; нѣкоторые изъ нихъ шли по берегу со сворами гончихъ, сопровождая флотилію; женщины же несли провизію.

Каркажу мы не встрѣтили; зато убили нѣсколькихъ рысей и мускатныхъ мышей. Въ былое время Индѣйцы справляли большой трауръ когда по ошибкѣ приносили въ жертву какую-нибудь мышъ, потому-что всѣмъ извѣстно, что самка мускатной мыши была прародительница роду человѣческаго.

Китайцы, лучшіе наблюдатели, утверждаютъ навѣрное, что мышь превращается въ перепелку, а кротъ въivolгу.

Обѣдъ нашъ изобиловалъ водяными птицами и рыбою. Собаки приученныя нырять когда не ходятъ на охоту, ловятъ рыбу, они бросаются въ рѣку и на самомъ днѣ схватываютъ рыбу.

Мы было усѣлись вокругъ большого огня, гдѣ женщины готовили обѣдъ, но принуждены были привлечь къ землѣ чтобы избавиться отъ дыма, который густымъ облакомъ подымался надъ нами и защищалъ отъ американскихъ комаровъ.

Различныя, плотоядныя насѣкомыя, разсматриваемыя въ микроскопъ, кажутся страшными звѣрами; быть можетъ это тѣ самыя крылатые драконы, которыхъ находятъ скелеты: прежнія гидры, грифы и другіе уменьшались въ величинѣ по мѣрѣ утра-ты силы и дошли до настоящаго состоянія насѣкомыхъ. Доштонные великаны преобразились же въ нынѣшнихъ человекотъ.

Мосьё Вюле далъ мнѣ вѣрительныя письма къ Ошондагамъ, послѣдней отрасли шести Прокесокскихъ племенъ. Сперва я подѣлкалъ къ озеру Ошондаго. Голландецъ выбралъ удобное мѣсто для стоянки въ изгибѣ, орошаемомъ рѣкою, которая вытекала изъ озера.

Мы вколотили въ землю два раздвоенныхъ кола, на разстояніи шести футовъ одинъ отъ другого, горизонтально и положили на нихъ длинный шестъ; черезъ него перекинули березовую кору, которая и служила кровлею нашему дворцу; вмѣсто подушекъ сѣдла, а плащи вмѣсто одеялъ. Лошадей мы пустили въ близлежащій лѣсъ, а чтобы они не ушли отъ насъ привязали ихъ на шею колокольчии.

Пятнадцать лѣтъ спустя, я почивалъ подъ открытымъ небомъ въ песчаныхъ стенахъ Саббо въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Иордана, на берегу Мертваго моря, и наши лошади, эти легкія дѣти Аравіи, казалось внимали разсказамъ Шенха и принимали участіе въ исторіи Антара и коня Юва.

Было не болѣе четырехъ часовъ по полудни, когда мы устроились. Я взялъ ружье и пошелъ шататься въ окрестностяхъ. Здѣсь было мало птицъ. Уединенная чета кружилась передо мною, какъ тѣ птвички, за которыми я слѣдилъ въ отеческихъ лѣсахъ; но цѣбу самца я узналъ бѣлаго воробья, *passer nivalis* какъ называютъ орнитологи.

Я видѣлъ также морскаго орла, котораго такъ отличителенъ голосъ. Полетъ *восклицателя*—такая есть птица—привелъ меня въ узкую долину, окруженную обнаженными, каменными холмами; на полу-скатѣ возвышалась дрянная хижина, а тощая корова паслась внизу на лугу.

Люблю я маленькія убѣжища. *Achico rajarillo chico nidillo*, маленькой птичкѣ маленькое гнѣздо. Я сѣлъ на косогорѣ противъ хижины, построенной на противоположномъ холму.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ голоса въ домикѣ: три человѣка гнали пять или шесть жирныхъ коровъ, и отогнавъ ударами шеста тощую корову, оставили ея здѣсь пастися. Дикарка вышла изъ хижины и приближалась къ испуганному животному позвала его. Вытянувъ шею съ мычаніемъ, подбѣжала къ ней корова. Коловисты издали грозили Индіянкѣ, возвращавшейся въ хижину; корова слѣдовала за нею.

Я всталъ, сошелъ по отлогому холму, перешелъ долину, и вскарабкавшись на параллельный холмъ, подошелъ къ хижинѣ, Я сказалъ Индіянкѣ прежде выученное привѣтствіе. «Siegoh, я

пришелъ. Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на мое прискорбное обычнымъ: «*Вы пришли*» Индіанка хранила молчаніе. Я поглядѣлъ корову: на желтомъ печальномъ лицѣ Индіанки выразилось умиленіе. Я былъ тронутъ этими таинственными сложеніями несчастій: есть наслажденіе оплакивать бѣдствія, о которыхъ никто не сожалѣлъ.

Хозяйка поглядѣла на меня еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, потомъ подошла и погладила подругу своей нищеты и усланія.

Такой знакъ довѣренности ободрялъ меня и я истощивши запасъ своихъ свѣдѣній въ индѣйскомъ языкѣ, сказалъ по англійски «она очень тоща!» Индіанка отвѣчала изломаннымъ англійскимъ языкомъ: она мало ѣстъ, «*She eats very little.*» — «Ее съ жестокостью прогнали» прибавилъ я. А женщина отвѣчала: «Мы привыкли къ этому обѣ: *Both.*» Я спросилъ: — «Развѣ этотъ лугъ не тебѣ принадлежитъ?» Она отвѣчала: «Онъ принадлежитъ моему покойному мужу. Дѣтей у меня нѣтъ, бѣлокожіе пасутъ своихъ коровъ на моемъ лугу.» Мнѣ нечего было дать этому созданію Божію. Мы разстались. Хозяйка наговорила мнѣ много, но я ничего не понималъ; вѣроятно она желала мнѣ счастья; небо не выіло этимъ желаніемъ, но впрочемъ въ томъ была не она, а моя немощь. Не всѣ земли приносятъ обильныя жатвы; не всѣ души имѣютъ одинаковое расположеніе къ счастью.

Я возвратился въ свою *ажуна*, гдѣ ждалъ уже меня подникъ изъ картофелю и манса. Вечеръ былъ восхитительный: ни одной морщины на озерѣ, гладкомъ какъ зеркало; съ тихимъ журчаніемъ рѣка обтекала нашъ полуостровъ; *Каликанты* наполняли воздухъ благоуханіемъ похожимъ на запахъ яблонныхъ цвѣтовъ. *Weep-roog-will* повторялъ свою жалобную пѣснь, она слышалась то ближе, то дальше, смотря потому какъ птица перемѣняла мѣсто своихъ любовныхъ призывовъ. Но меня никто не звалъ. Плачь, бѣдный *Вилліамъ!* *weep roog Will!*

На другой день я отправился съ визитомъ къ Сашему Онондаговъ; въ десять часовъ утра пришелъ въ его деревню, и тотчасъ меня окружили молодые дикари, которые говорили со мной на своемъ языкѣ, съ примѣсью англійскихъ и французскихъ словъ. Они очень шумѣли, и казались веселы какъ первые Турки, которыхъ я увидѣлъ потомъ въ Короннѣ, при высадкѣ на греческую землю. Эти индѣйскія племена граничатъ съ землями, обработанными бѣлыми и имѣютъ лошадей и стада; хижины ихъ наполнены домашними утварями, которыя они покупаютъ съ одной

стороны въ Квебекъ, Монреаль, Ниагаръ, Детроа, а съ другой на рывкахъ Соединенныхъ Штатовъ.

При обзорѣ внутреннихъ земель Сѣверной Америки нашли у дикихъ народовъ въ естественномъ состояніи всѣ формы правленій, извѣстныхъ просвѣщеннымъ народамъ. Ирокезецъ принадлежитъ къ поколѣнію, которому кажется предназначено было свыше покорить всѣ индѣйскія племена, если бы чужеземцы не истощили его силъ, не остановили его генія. Его не утратило огнестрѣльное оружіе въ первый разъ противъ него устремленное онъ крѣпко устоялъ при свистѣ ядеръ, при громѣ пушекъ, какъ будто цѣлую жизнь слышалъ ихъ, и не болѣе обращалъ на нихъ вниманія какъ на грозу. Какъ только могъ добыть себѣ ружье, онъ сталъ управлять имъ лучше Европейца, но не оставилъ для этого ни дубины, ни ножа для скальпированія, ни лука, ни стрѣлы; а усвоилъ себѣ карабинъ, пистолетъ, кинжалъ и топоръ; казалось для его храбрости недостаточно было оружіемъ. Онъ вооружился двойнѣ смертоносными оружіями Европы и Америки, украсилъ голову перьями, обрѣзалъ уши, испестрилъ лицо различными красками, натуировалъ и окровавилъ руки. Воинъ Новаго Свѣта страшенъ по виду также какъ и въ битвѣ. Каждый шагъ земли защищалъ онъ отъ похитителей.

Сашемъ Онондаговъ былъ старый Ирокезецъ въ полномъ смыслѣ слова, сохранившій отпечатокъ преданій древнихъ временъ пустыни. Англичане, въ сношеніяхъ съ нимъ, всегда называютъ его the old gentleman. Но старый джентльменъ совсѣмъ голый, перо или рыба кость продернута въ ноздри, а бритую, круглую голову онъ покрываетъ иногда треугольною шляпою съ плюмажемъ какъ почетнымъ знакомъ европейскимъ. Не съ такою ли справедливостью Велли пишетъ исторію? Глава Франковъ Хилперикъ мазалъ волоса горькимъ масломъ, *infundens acido comat butyro*, щеки пачкалъ зеленою краскою и носилъ пеструю куртку или военную одежду изъ звѣриной шкуры. Велли представилъ его какъ государя, щеголявшаго великолѣпіемъ въ мебелихъ и въ экипажахъ, даже до чванства, сластолюбивымъ, почти распутнымъ.

Сашемъ Онондаговъ хорошо принялъ меня и посадилъ на цыновкѣ. Онъ говорилъ по англійски, понималъ по французски, а мой проводникъ говорилъ по ирокезски, слѣдовательно мы объяснялись свободно. Между прочимъ, старикъ сказалъ мнѣ, что хотя его народъ всегда находился въ войнѣ съ нами, однако онъ уважаетъ Французовъ. На Американцевъ же онъ жаловался,

испытывалъ ихъ несправедливости и жадности, и сожалѣлъ, что при раздѣлѣ индѣйскихъ земель, племя его не увеличило участка Агличаиъ.

Женщины подали намъ закуску. Гостепріимство, послѣдняя добродѣтель, которую европейская образованность оставила еще дикарямъ; но не таково было оно въ прежнія времена, очагъ имѣлъ могущество жертвенника. Изгонялось ли какое нибудь поволюнѣ изъ лѣсу, или кто-нибудь приходилъ просить гостепріимства, странникъ начиналъ танецъ называемый просительнымъ, дитя прикасалось къ порогу двери и говорило: «Вотъ чужеземецъ!» А голова семейства отвѣчалъ «Дитя, введи челоуѣка въ хижину.» Странникъ, подъ покровительствомъ ребенка, входилъ въ хижину и садился на пепель очага. Женщины вѣли пѣснь утѣшенія: «Странникъ изшелъ мать и жену; но прежнему солнце взойдетъ и зайдетъ для него.» Эти обычаи какъ будто заимствованы отъ Грековъ: Оемистокъ у Адмета обвиняетъ пенатовъ и юнаго сына своего хозяина; быть-можетъ, и я у бѣдной женщины въ Мегарѣ, пощипалъ очагъ, подъ которымъ скрывалась погребальная урна Фокіона; а Улиссъ у Акиноя такъ умоляетъ Арету: «Великодушная Арета дочь Рексенора, претерпѣвъ жестокія несчастія я бросаюсь къ ногамъ твоимъ....» Окончивъ эти слова, онъ удаляется и садится на пепель очага. Я простылся съ старикомъ Сашеомъ. Онъ былъ при взятіи Кебека. Въ несчастные годы царствованія Людовика-Пятнадцатаго, эпизодъ канадской войны также утѣшительнъ какъ страница нашей древней исторіи, найденная въ Лондонской башнѣ. Монкальмъ долженъ былъ защищать Канаду, не получая никакого вспоможенія, противъ непріятельскихъ силъ, часто получавшихъ подкрѣпленіе и въ четверо сильнѣе, въ продолженіи двухъ лѣтъ борется съ успѣхомъ; разбиваетъ лорда Лодона и генерала Аберкромби. Наконецъ счастье его оставляетъ; подъ стѣнами Кебека, онъ падаетъ раненный и два дня спустя испускаетъ послѣдній вздохъ; гренадеры погребаютъ его въ ямѣ вырытой бомбою: могила достойная славы того, кто составилъ славу нашего оружія. Благородный непріятель его Вольфъ умираетъ напротивъ него и жизнью своею платитъ за жизнь Монкальма и за славу умереть подъ французскими знаменами.

Мы опять съ проводникомъ отправились верхомъ. Дорога становилась труднѣе и едва обозначалась валежникомъ; вмѣсто мостовъ, на ручьяхъ и оврагахъ, брошено было нѣсколько срубленныхъ деревьевъ. Американское народонаселеніе устремилось

тогда въ раздачѣ земель въ Женнеси. Эти земли продавались дороже или дешевле, смотря по качеству почвы и деревьямъ, по теченію и изобилію водъ.

Замѣчено, что перѣдко пчелы предшествуютъ поселенцамъ въ лѣсахъ, какъ предвозвѣстники земледѣлія и символъ промышленности и образованности. Эти чужеземныя гости, прилетѣвшія въ Америку вслѣдъ за кораблями Колумба, какъ миролюбивые завоеватели, похитили у цвѣточнаго міра только тѣ сокровища, которыхъ пользу не знали туземцы и завладѣли ими, для того, чтобы обогатить землю, изъ которой извлекли ихъ.

Любопытное столкновеніе дикаго состоянія природы съ образованностью являлось въ разработкѣ земель по обѣимъ сторонамъ дороги, гдѣ я проѣзжалъ. Въ лѣсахъ, гдѣ прежде раздавались только крики дикарей, да ревъ хищныхъ звѣрей, находишь вспаханную землю. Рядомъ стоятъ вигвамы Индѣйца и домъ плантатора; нѣкоторыя дома уже окончены и напоминаютъ чистенькія голландскія мызы; у недокопченныхъ небо служитъ вмѣсто кровли. Мнѣ давали пріютъ въ этихъ домикахъ, построенныхъ въ одно утро; въ четырехъ шагахъ отъ хижины Ирокезца случилось мнѣ встрѣчать семейства, пользующіеся европейскими удобствами: мебель краснаго дерева, фортепіано, ковры, зеркала. Вечеромъ, когда служители съ топорами и боролами возвращались изъ лѣсовъ гнъ съ полей, открывались окна и темнорусыя съ вышущими волосками хозяйскія дочери пѣли дуо изъ «*Pandolfetto*», «*Panzello*», или «*Cantabile*», Чимарозы, и все это въ виду степи, часто при шумѣ водопада.

Села основывались на лучшихъ полосахъ земли. Новый колокольный шпицъ выказывался изъ чащи стараго лѣсу. Англичане всюду съ собою привозятъ свои обычаи; проѣзжая многія земли, въ которыхъ не было и слѣда населенности, я встрѣчалъ трактирныя выѣски, качавшіяся на вѣткѣ. Охотники, колонисты, Индѣйцы встрѣчались въ этихъ каравансараяхъ; но въ первый разъ остановившись тамъ, я поклялся, что это будетъ и въ послѣдній.

Войдя въ гостиницу, я остолбенѣлъ при видѣ огромной, круглой кровати, устроенной около столба: каждый путешественникъ занималъ на ней мѣсто, ногами къ столбу, находившемуся въ серединѣ, головою къ краю, такъ, что спавшіе лежали симметрически, какъ спицы въ колесѣ или палочки въ опахалѣ.

Послѣ нѣкоторой нерѣшимости я улегся на эту махину, пото-

му что никого не примѣтилъ на ней. Начиная засыпать, я вдругъ почувствовалъ какъ что-то скользнуло по мѣѣ: это была нога огромнаго Голландца; въ жизнь свою не испытывалъ подобнаго отвращенія. Я вскочилъ изъ гостепріимной корзины, отъ души проклиная обычай предковъ. Въ плащѣ рѣшился я заснуть, при свѣтѣ луны, подруги странническаго ложа, отъ нее по крайней-мѣрѣ могло только быть пріятно, свѣжо и чисто. На берегу Джениеси мы нашли паромъ. Толпа колонистовъ и Индѣйцевъ перѣѣхала съ нами. Мы расположились лагеремъ на лугахъ, смещренныхъ бабочками и цѣтями. Различная одежда и разнообразная толпа у огня, лошади, привязанные или пасущіеся, все придавало намъ видъ каравана. Здѣсь я видѣлъ гремучую змѣю, очаровательную звуками флейты. Греки назвали бы Орфеемъ моего Канадца, флейту его — лирою, змѣю — Церберомъ, а быть-можетъ и Эвредкой.

Мы были въ осьми или десяти миляхъ отъ Ніагары, когда увидѣли въ дубовой рощѣ огонь, разведенный нѣсколькими дикарями, на берегу ручья, гдѣ мы сами располагались остановиться на ночлегъ. Воспользовавшись ихъ сосѣдствомъ, мы почистили лошадей, одѣлись по ночному и подошли къ толпѣ. Скрестивъ ноги какъ портыяе, мы сѣли подлѣ Индѣйцевъ, у костра, чтобы всенѣчь кумурузу.

Семейство состояло изъ двухъ женщинъ, двухъ грудныхъ младенцевъ и трехъ воиновъ.

Разговоръ сдѣлался общимъ, то есть, съ моей стороны онъ ограничивался немногими словами и многими тѣлодвиженіями. Потому каждый заснулъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ сѣдѣлъ. Одинъ я не спалъ и сѣлъ одиноко на корягахъ, растилающихся по берегу ручья.

Луна появилась надъ вершиною деревьевъ; благоуланый вѣтерокъ, принесенный ею съ востока, казалось предшествовалъ царницѣ ночи какъ свѣжее дыханіе. Одинокое свѣтло тихо протекло по небу, то скрывалось въ облакахъ, собравшихся на вѣршицѣ цѣпа горъ, увѣчаныхъ свѣганя, то снова появлялось. Всеобщее безмолвіе и спокойствіе нарушалось только паденіемъ листьевъ, внезапнымъ порывомъ вѣтра, воемъ палюка. Вдали слышался глухой ревъ ніагарскаго водопада, который въ ночной тишинѣ разносился по степи и замиралъ въ глуши лѣсовъ. Въ эти-то ночи явилась мѣѣ невѣдомая муза; я запомнилъ нѣсколько звуковъ и при свѣтѣ звѣздъ записывалъ ихъ въ книгу, какъ простой музыкантъ записываетъ ноты подлѣ диктовку великаго маэстро гармоній.

На другой день войны вооружились, женщины собрали пожитки. Я раздалъ моимъ хозяевамъ по немногу пороху и киновари. Войны испустили походный крикъ и отпавились впередъ, женщины шли позади, неся за плечами дѣтей, обернутыхъ мѣхомъ, которые часто оглядывались на насъ. Я провожалъ ихъ глазами пока вся толпа исчезла между деревьями лѣсовъ.

Ниагарскіе дикари находятся въ зависимости Англичанъ и обязаны наблюдать за порядкомъ на границѣ съ этой стороны. Этотъ странный корпусъ жандармовъ, вооруженный луками и стрѣлами, не дозволялъ намъ перейти и я принужденъ былъ послать провожатаго въ Ниагарскую крѣпость за пропускомъ, чтобы ступить на земли, находящіяся подъ британскимъ владычествомъ. Сердце мое сжалось, я вспомнилъ что Франція вѣкогда повелѣвала въ Верхней и Нижней Канадѣ. Проводникъ возвратился съ пропускомъ, я сохранилъ его до сихъ поръ, онъ подписанъ *Капитаномъ Гордономъ*. Не странно ли, что тоже имя я нашелъ и на дверяхъ моей кельи въ Иерусалимѣ? Тридцать пилигримовъ написали свои имена на внутреннихъ дверяхъ комнаты. Первый назывался Карлъ Ломбаръ, бывший въ Иерусалимѣ въ 1669, послѣдній Джонъ Гордонъ въ 1804.

(*Путевыя Записки*).

Два дня оставался я въ индѣйской деревнѣ, откуда еще написалъ къ Мальзербу.

Индіанки занимались различными работами, дѣтя висѣли въ плетеныхъ корзинахъ на вѣтвяхъ толстаго пурпуроваго бука. Трава была покрыта росой, изъ лѣсу вѣло благоуханіемъ, кусты туземной хлопки съ опрокинутыми чашечками походили на бѣлыя розы.

Прохладный вѣтерокъ почти незамѣтно качалъ воздушныя колыбели, матери иногда вставали посмотреть снать ли ихъ дѣти и не разбудили ли ихъ птички.

Индѣйская деревня была въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ водопада; намъ нужно было столько же часовъ, чтобы доѣхать туда.

За шесть миль густой столбъ указывалъ мѣсто спуска. Сердце билось отъ радости и виѣсть отъ страху при входѣ въ лѣсъ, скрывавшій великолѣпнѣйшее зрѣлище когда либо представляемое природою глазамъ человѣческимъ.

Мы сошли съ лошадей, и ведя ихъ за узду сквозь кусты и кустарники, достигли наконецъ берега Ниагары за семь сотъ или восемь сотъ шаговъ до водопада. Я все шелъ впередъ; провожа-

тый схватилъ меня за руку и остановилъ у самой воды, протекавшей съ быстротою молніи. Она не была ключемъ, но скользила цѣлою малою по склону скалы. Безмолвіе ея до паденія составляло удивительный контрастъ съ шумомъ самаго водопада. Священное Писаніе часто сравниваетъ народъ съ великими водами; то былъ народъ при послѣднемъ издыханіи, предсмертныя страданія лишили его голоса, и онъ готовится низвергнуться въ бездну вѣчности.

Проводникъ все еще держалъ меня за руку, потому что меня влекло къ рѣкѣ и я ощущалъ невольное желаніе броситься туда. Я переносилъ взоръ то вверхъ на берегъ, то внизъ на островъ, раздѣлявшій воды, которыя вдругъ пересѣкались какъ будто отрѣзанныя въ облакахъ. Черезъ четверть часа нерѣшимости и неописаннаго восторгу, я отправился къ водопаду. Въ *Essai sur les revolutions* и въ *Аталѣ* можно отыскать два описанія водопада, сдѣланныя мною. Въ настоящее время большія дороги ведутъ къ водопаду; на англійскомъ и американскомъ берегу есть гостиницы, мельницы и мануфактуры подъ дугой воды.

Некому было сообщить мыслей волновавшихъ меня при видѣ дивнаго безпорядка. Въ степи первой моей жизни я принужденъ былъ выдумывать лица, чтобы населить и украсить ее, извлекать изъ воображенія существа, которыхъ нигдѣ не находилъ, но послѣ въ своемъ чревѣ. Воспоминаніе объ *Аталѣ* и *Ренеѣ* я помѣстилъ на берега ніагарскаго водопада какъ вѣрное изображеніе его грусти. И что былъ бы водопадъ, вѣчно падающій при безчувственномъ видѣ неба и земли, если бы человѣкъ не оживлялъ его своею судьбою и несчастіями. Углубиться въ пустыню водъ и горъ и не имѣть съ кѣмъ слова сказать объ этомъ дивномъ зрѣяніи! Волны, скалы, лѣса и источники, все для меня одного! Дайте душѣ подругу, и веселый видъ холмовъ, и свѣжее дыханіе волнъ, все будетъ очарованіемъ. Путешествіе днемъ, сладкое отдохновеніе вечеромъ, переѣздъ по волнамъ, сонъ на муравѣ—все это извлекаетъ изъ сердца глубокую любовь. Я перенесъ *Велледу* на песчаное взморье Америки, *Кимодокею* подъ Аоніскіе портики, *Бланку* въ залы *Аламбры*. *Александръ* куда ни приходилъ вездѣ создавалъ города: я оставлялъ мечты повсюду гдѣ влачилась жизнь моя.

Видѣлъ я альпійскіе водопады съ горными сернами, пиринейскіе съ горными оленями; не заходилъ по *Нилу* такъ далеко, чтобы видѣть водопады его, не говорю о *лазуревомъ небѣ Тернійскаго* и *Тиволийскаго* поясахъ, которые какъ прелестная пере-

вязь обвиваетъ развалины и составляетъ предметъ пѣснопѣвій для поэтовъ:

•Et proceps Anio ac Tiburni lucus,
•Et l'Anio rapide et le bois sacré de Tibur.

Ниагара всё затмѣваетъ. Я созерцалъ водопадъ, открытый старому міру не пчотожными путешественниками, подобными мнѣ, но миссіонерами, которые искали уединенія для Бога и бросались на колѣна при видѣ какого-либо чуда природы и принимали мученичество, воспѣвая послѣдній гимнъ благоговѣію. Наши священники привѣтствовали прекрасное мѣстоположеніе Америки и осыпали ее своею кровью; наши солдаты рукоплескали Оивскимъ развалинамъ и сдѣлали на караулъ Андалузіи.

Я держалъ лошадь за узду, которую обвелъ вокругъ руки; какъ вдругъ гремучая змѣя зашевелилась въ кустарникахъ. Испуганная лошадь стала на дыбы и попятилась къ водопаду. Я не могъ высвободить руки изъ поводьевъ; лошадь, все болѣе и болѣе пугаясь, увлекала меня за собою. Переднія ноги ея ужъ не касались земли; присѣвъ на краю бездны, она удерживалась только ляшками. Я погибалъ — какъ вдругъ животное, почуя новую опасность отскочило впередъ. Умри я среди канадскихъ лѣсовъ, что принесла бы душа моя предъ верховное судилище? Самопожертвованія ли, добрыя дѣла и духовныя добродѣтели, или рядъ пустыхъ и безплодныхъ дней?

И не одной этой опасности подвергался я при Ниагарѣ: лановая лѣстница, по которой обыкновенно спускались дикари къ нижнему бассейну, была оборвана. Мнѣ хотѣлось взглянуть на водопадъ съ низу, и я рѣшился, не смотря на предостереженіе проводника, пуститься вдоль по скалѣ почти отвѣсной. Не смотря на ревъ воды, кипящей подо мною, я сохранилъ присутствіе духа и сошелъ уже на сорокъ футовъ внизъ. На отвѣсной и обнаженной скалѣ не за что было ухватиться; я повисъ одною рукою на послѣднемъ корнѣ и чувствовалъ, что мои пальцы должны уступить тяжести тѣла; немного людей провели въ жизни такіа двѣ минуты!

Утомленная рука опустилась и я упалъ. По неслыханному счастью, я свалился на уступъ скалы, о которую непременно долженъ бы разбиться; но не чувствовалъ большой боли. Только на полфута былъ я отъ бездны, однако не упалъ туда, но когда холодъ и сырость стали проникать меня, я почувствовалъ, что не такъ дешево отдѣлаюсь: лѣвая рука была сломана выше локтя.

Я подавалъ знаки о моемъ плачевномъ состояніи проводнику, который смотрѣлъ на меня сверху; онъ побѣждалъ за дикарями. Они встали на меня веревками по тропинкѣ, проложенной выдрами, и перенесли въ деревню. Переломъ былъ неопасенъ, для исцѣленія достаточно было лубковъ, бита и перевязи.

Двадцать дней я прожилъ у монаховъ докторовъ, Ниагарскихъ Индѣйцевъ. Я видѣлъ какъ проходили племена изъ Детроа или изъ земель, къ югу и востоку отъ озера Эриѣ. Я разузнавалъ объ ихъ древнихъ обычаяхъ; помощію небольшихъ подарковъ я получилъ представленіе этихъ нравовъ, потому что самихъ нравовъ уже не существуетъ.

Впрочемъ при началѣ войны за независимость Американцевъ дикари еще были плѣнниковъ или лучше сказать убитыхъ; одинъ англійскій капитанъ почерпнувъ большою ложкою бульону изъ индѣйскаго котла, вытащилъ оттуда руку.

Обычай Индѣйцевъ при рожденіи и смерти нисколько не измѣнился, потому что рожденіе и смерть не выходятъ изъ моды. Чтобы почтить новорожденнаго даютъ ему имя самое древнее въ семействѣ, на примѣръ имя прабабушки; имена всегда берутся съ материнской стороны. Съ той же минуты ребенокъ занимаетъ мѣсто женщины, отъ которой получилъ имя; говоря съ нимъ даютъ ему ту степень родства, которая его именемъ возобновлена.

Такимъ образомъ дѣды могутъ прѣдствовать племянника именемъ *Бабушки*. Обыкновеніе по видимому смѣшное, но въ самомъ дѣлѣ трогательное. Оно какъ бы воскрешаетъ старыхъ поколѣній, проявляетъ въ слабости первыхъ лѣтъ безсиліе послѣднихъ, сближаетъ крайности жизни: начало и конецъ семейства, и предполагая предковъ присутствующими, между потомствомъ сообщаетъ имъ какое то безсмертіе.

Легко понять причины привязанности дикарей къ священнымъ останкамъ мертвыхъ. У образованныхъ народовъ, для воспоминаній объ отечествѣ есть мнемоника наукъ и художествъ, есть города, дворцы, башни, колонны, обелиски, есть и слѣдъ плуга въ поляхъ, нѣкогда воздѣлываемыхъ; имена выгравированы на мраморѣ и на мѣди, дѣянія записаны въ лѣтописяхъ.

Ничего подобнаго нѣтъ у народовъ пустынь: имена ихъ не записываются на деревьяхъ; хижина, построенная въ нѣсколько часовъ, исчезаетъ въ нѣсколько мгновеній; плугъ ихъ едва касается почвы и не можетъ провести даже борозды. Пѣсни основанныя на преданіяхъ гибнутъ съ послѣднимъ воспоминаніемъ того, кто

затвердигъ ихъ, исчезаютъ съ послѣднимъ звукомъ голоса, повторившаго ихъ. У поколѣній Новаго Свѣта одинъ только монументъ: могила. Отнимите у дикарей прахъ его отцовъ и вы отнимите исторію, законы и даже боговъ; и для будущихъ поколѣній не останется доказательствъ ни его бытія ни небытія.

Мнѣ хотѣлось слышать пѣніе монаховъ хозяевъ. Четырнадцатилѣтняя Индіанка по имени Мила, прехорошенькая, — индѣйскія женщины только въ эти годы бываютъ хороши — пропѣла что-то очень пріятное. Не ту ли пѣсню, о которой упоминаетъ Монтанъ? Ужь, постой! постой! ужь, пусть сестра моя сниметъ узоръ съ кожи твоей расписной и сошьетъ мнѣ знатную тесемку, а я ту тесемку подарю моей красавицѣ: и да будетъ, ужь, краса твоя краше всѣхъ ужей, и милость твоя всѣхъ милостивѣе.

Жители Канады совсѣмъ уже не таковы, какими описываютъ ихъ наши прежніе путешественники: шестнадцатое и половина семнадцатаго столѣтія, были вѣкомъ пламеннаго воображенія и простоты нравовъ: дѣвственная природа отражалась въ чудесномъ воображеніи, а простота дикаря возобновляла невинность нравовъ. Шамплень, въ концѣ перваго путешествія въ Канаду, въ 1603 году, рассказываетъ, что «близъ залива Жаровъ, на югѣ, есть островъ, на которомъ живетъ страшное чудовище, дикарями называемое Гугу». Въ Канадѣ какъ и у Буриаго Мыса, былъ свой исполинъ; Гомеръ, настоящій творецъ всѣхъ подобныхъ вымысловъ: вездѣ все тѣже Циклопы, Сцилла и Харибда, людоды или гугу.

Число дикарей по сю и по ту сторону Скалистыхъ горъ въ Сѣверной Америкѣ, далеко не доходитъ до четырехъ-сотъ тысячъ душъ; по мнѣнію путешественниковъ ихъ не болѣе ста-пятидесяти тысячъ. Развращеніе нравовъ шло на ряду съ опустошеніемъ племенъ. Преданія перепутались: просвѣщеніе, распространенное канадскими, езуитами перемѣшало чужеземныя идеи съ первобытными. Но христіанскія вѣрованія, хотя искаженныя проглядываютъ въ грубыхъ туземныхъ вымыслахъ; большая часть дикарей носятъ кресты какъ украшенія, протестантскіе купцы продаютъ имъ что вѣкогда католическіе миссіонеры раздавали даромъ. Къ чести отечества и къ славѣ нашего духовенства, должно сказать, что Индѣйцы искренно насъ любили и теперь не перестаютъ сожалѣть о насъ, и *черный кафтанъ* — такъ называютъ они миссіонеровъ — донынѣ уважается въ американскихъ лѣсахъ. Подъ деревьями, гдѣ первыми гостя-

ни были мы на землѣ, на которую первые вступили и вѣрили ей свои могилы, дикарь не перестаетъ любить насъ.

Когда Индѣецъ былъ нагъ или прикрывался звѣриной кожей, въ немъ было что-то великое и благородное; европейскіе же локмотья, не прикрывая наготы только выказываютъ нищету его; онъ уже не дикарь въ своемъ лѣсу, а нищій у дверей кофторы.

Впослѣдствіи изъ нихъ образовался особенный народъ, помѣсь колонистовъ и Индіанокъ. Они получили названіе Bois brûlés, *Обгорѣлое дерево*, за цвѣтъ кожи, и служатъ маклерами въ торговлѣ между двумя племенами, отъ которыхъ они получили начало. Съ нарѣчіемъ отцовъ и матерей они заимствовали пороки обѣихъ кровей. Эти выродки образованной и дикой природы продаютъ себя то Англичавамъ, то Американцамъ; и вмѣстѣ съ собою передаютъ монополию мѣховой торговли. Такимъ образомъ поддерживаютъ соперничество англійскихъ компаній залива Гудсонова и Сѣверо-Западнаго съ американскими, Fur colombian American company, Missouri's fur company и другихъ; они сами ходятъ на охоту насчетъ казенныхъ откупщиковъ и берутъ лопчихъ, съ которыми расплачиваются компаніи.

Намъ извѣстно одна только великая война за независимость Америки, мы и не подозреваемъ сколько крови пролито изъ за мелочныхъ расчетовъ какой-нибудь горсти торговцевъ. Въ 1811 году компанія Гудсонова Залива продала лорду Селкирку часть земли на берегу Красной-Рѣки, поселеніе основалось въ 1812 и возбудило подозрѣніе сѣверо-западной или канадской компаніи. Вспомоществуемая *Обгорѣлыми* и другими союзными племенами, обѣ компаніи вступили въ бой. Лыдистыя степи залива были мѣстомъ домашней драки, ужасной въ подробностяхъ.

Колонія лорда Селкирка истреблена въ 1815 году, именно въ эпоху ватерлооской битвы. И на обонхъ театрахъ столь различныхъ по знаменитости и неизвѣстности, бѣдствія рода человѣческаго были одинаковы.

Не ищите уже въ Америкѣ политическихъ учрежденій, художественно созданныхъ въ державѣ Гуроновъ, въ ордѣ Ирокезцевъ, которыхъ исторію написалъ Шарльвоа. Подобное униженіе совершалось и совершается въ Европѣ и въ наши времена: одинъ прусскій поэтъ на пиру Тевтонскаго Ордена, какъ настоящій Пруссакъ 1400 года, воспѣвалъ геройскіе подвиги древнихъ воиновъ своей родины: и никто не понялъ его и въ награду дали ему сто пустыхъ орѣховъ. Нынѣ со смертью пастуховъ и земле-

дѣльцевъ мало-по-малу уничтожаются варѣчія ниже-бретанское, гальское и бискайское.

Въ Корнваллсѣ, англійской провинціи туземный языкъ исчезъ въ концѣ 1676 года. Одинъ рыбакъ сказалъ путешественникамъ: «Я знаю не болѣе четырехъ челоуѣкъ, говорящихъ бретонскимъ варѣчіемъ, да и тѣ шестидесяти или семидесятилѣтніе старики, какъ я; молодые же не разумѣютъ ни слова по-бретонски».

Оренокскихъ племень уже не существуетъ: изъ варѣчія ихъ сохранилось только нѣсколько словъ, которыя съ вершины деревьевъ твердятъ попуганъ, выпущенные на волю; такъ нѣкогда старый дроздъ Агриппины на балюстрадахъ римскихъ дворцовъ щебеталъ греческія слова. Рано или поздно, такова же будетъ участь новѣйшихъ языковъ, обломковъ греческаго и латинскаго. Какая-нибудь сорока, улетѣвшая изъ кѣтки послѣдняго франко-гальскаго настора, съ карниза развалившейся колокольни, прокричитъ вашимъ ивороднымъ преемникамъ:

«Вы говорите по французски? это дѣлаетъ вамъ честь! Всѣ прекрасныя дамы въ Европѣ и Америкѣ изъясняются не иначе какъ на французскомъ діалектѣ».

И наши преемники не поймутъ сороки. Будьте же послѣ этого Боссюэтомъ! И пусть сорока когда-нибудь передастъ потомству чудеснѣйшія слова вашего краснорѣчія, блистательнѣйшія мысли вашего разума: что пользы для людей? много ли чести для васъ?....

Говоря о Канадѣ и Луизианѣ, разсматривая на старыхъ картахъ владѣнія прежнихъ французскихъ колоній въ Америкѣ, я спрашиваю себя, какъ могло наше правительство утратить колоніи, которыя въ настоящее время были бы неисчерпаемымъ источникомъ богатства.

Начиная отъ Акадіи и Канады до Луизианы, отъ устья рѣки Святаго Лаврентія до Миссиссипи, владѣнія Новой Франціи окружало всѣ земли, образовавшія въ послѣдствіи конфедерацію тридцати первыхъ Соединенныхъ Штатовъ; одиннадцать же остальныхъ съ округомъ Колумбію, областями Мичиганъ, Сѣверо-Западною Миссурію, Орегономъ и Аркансасомъ, могли бы принадлежать намъ, какъ теперь принадлежатъ Соединеннымъ Штатамъ, по уступкѣ Англичанъ и Испавцевъ, преемниковъ нашихъ въ Канадѣ и Луизианѣ. Всѣ земли, лежащія между Атлантическимъ Океаномъ на сѣверо-востокъ, Полярнымъ Моремъ на сѣверѣ, Тихимъ Океаномъ и владѣніями Русскихъ на сѣверо-западѣ, Мексиканскимъ

Замысль на югъ, словомъ, болѣе нежели двѣ трети Сѣверной Америки признавали бы владычество Франціи.

Обширными землями владѣли мы за моремъ: онѣ предлагали пріютъ для великаго народонаселенія, рынокъ для нашей торговли, пищу для нашего мореходства. Мы исключены изъ Новаго Свѣта, гдѣ родъ человѣческой возраждается. Въ Африкѣ, Азіи, Океаніи, на островахъ Южнаго океана, на материкѣ обѣихъ Америки, англійскій, португальскій и испанскій языки служатъ сообщеніемъ мыслей между милліонами людей: а мы не наследовали побѣдъ мужественныхъ и гениальныхъ предковъ, и языкъ Кольберта и Людовика-Четырнадцатаго едва слышится въ какомъ нибудь селеніи Луизианы и Канады, подъ чуждымъ владычествомъ: онъ остался свидѣтелемъ непрочности счастья и ошибокъ французской политики.

Кто же это тотъ государь, чье владычество замѣнило власть короля Французовъ надъ лѣсами Канады? Тотъ самый, который вчера велѣлъ ко мнѣ написать слѣдующую записку:

Виндзоръ, королевская резиденція. 4 іюня 1822.

Милостивый государь виконтъ!

«Я удостоился получить повелѣніе его величества о приглашеніи вашего превосходительства отобѣдать и переночевать въ здѣшаемъ замкѣ, въ четвергъ, 6 іюня.

Нижайшій и покорнѣйшій слуга

Francis Conyngham.»

Но прерываю себя: снова переплываю Атлантическое море, вправляю руку сломанную при Ніагарѣ; сбрасываю медвѣжью шкуру и снова надѣваю шитый золотомъ мундиръ; изъ вигвама Ирокезца отправляюсь въ резиденцію его британскаго величества, государя трехъ соединенныхъ королевствъ, и самодержца Обѣихъ Индій; оставляю хозяевъ съ обрѣзанными ушами и маленькую дикарку Жемчужину.

Племя малютки-жемчужины отправилось въ путь; Голландецъ-путеводитель отказался сопровождать меня по ту сторону водопада; расплатившись съ нимъ, я присоединился къ обществу купцовъ, намѣревавшихся спуститься внизъ по рѣкѣ Огайо; но прежде отъѣзду мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на канадскія озера. Ничто не можетъ быть печальнѣе этого виду. Равнины Оке-

ана и Средиземнаго моря открываютъ пути цѣлымъ народамъ, и берега ихъ населены или были населены образованными, многочисленными и могущественными народами; озера же канадскія открываютъ только наготу водъ, соединяющуюся съ обнаженною землею: пустыни отдѣляются другими пустынями. Берега безъ жителей смотрятся въ моря безъ кораблей; идешь вдоль пустынныхъ волнъ по пустынному взморью.

Озеро Эрид имѣетъ болѣе ста миль въ окружности. Два столѣтія тому назадъ, Ирокезцы истребили прибрежныхъ жителей. Страшно смотрѣть, какъ Индѣйцы въ своихъ скорлупахъ пускаются по озеру, знаменитому бурями, гдѣ прежде шипѣли мнѣрыды змѣй. Привѣсивъ свои *маншты* къ носу лодокъ, Индѣйцы стремятся въ пучину вздымающихся волнъ, готовыхъ, кажется, поглотить ихъ. Упершись лапами о борть, собаки охотниковъ лаютъ, а хозяйка ихъ, храня глубокое молчаніе, мѣрно ударяютъ пагалами по волнамъ. Одна за другою подвигаются лодки; на носу первой стоитъ начальникъ, повторяющій двугласное *oa! o!* — не глухо и протяжно, а коротко и пронзительно; въ послѣдней лодкѣ другой начальникъ, тоже стоя, правитъ весломъ вмѣсто руля. Остальные волны на короточкахъ сидятъ въ трюмѣ. Сквозь туманъ и вѣтръ видны только перья, украшающія головы Индѣйцевъ, да вытянутыя шеи воющихъ собакъ, да плечи двухъ сашемовъ: коричаго и вѣщуна, которые кажутся богамъ озера.

Въ древнемъ мірѣ нѣтъ исторіи канадскихъ рѣкъ; не такова участь Ганга, Евфрата, Нила, Дуная и Рейна. Какихъ измѣненій не были онѣ свидѣтелями! Сколько поту и крови пролито было завоевателями, ддятого чтобы на пути перейти тѣ самыя волны, которыя при истокѣ однимъ шагомъ переходятъ пастухъ козъ.

Съ канадскихъ озеръ прибыли мы въ Питсбургъ, лежащій при соединеніи Кентуки съ Огайо; съ необычайною роскошью раскидывается тутъ ландшафтъ. Эта великолѣпная страна носитъ однако же названіе Кентуки, по имени своей рѣки, которое значитъ *рѣка крови*. Краснотѣ своей обязана она этимъ именемъ. Болѣе двухъ столѣтій племена Чироковъ оспаривали у Ирокезцовъ право охоты. Будутъ ли европейскія племена добродѣтелище американскихъ, истребленныхъ на здѣшнихъ берегахъ? Темницы и висѣлицы заступатъ ли мѣсто открытыхъ хижины и высокихъ тюльпанныхъ деревъ, гдѣ укрывается птица въ гнѣздѣ? И богатство почвы не породитъ ли новыхъ войнъ? Перестанетъ ли

Кентуки быть *землею крови* и лучше ли украсятся берега Огайо памятниками искусства, нежели произведеніями природы?

Пройхавъ рѣки Вабачъ, la Grande Cuyrière, la rivière aux Ailes или Кумберландскую, Черокки или Тенесси, Желтыя Отмѣли, достигнешь до узкой полосы земли, часто покрываемой высокою водою; тутъ, подь 36° 51' широты, совершается соединеніе Огайо и Миссиссипи. Противопологая равное сопротивленіе обѣ рѣки замедляютъ теченіе; на протяженіи вѣсколькихъ миль, текутъ дружно въ одномъ руслѣ, не смѣшивая воду своихъ: такъ два великіе народа, различнаго происхожденія, соединяются, чтобы составить наконецъ одно племя; такъ два доблестные соперника раздѣляютъ одно ложе послѣ битвы; такъ живутъ въ любви и мирѣ двое супруговъ враждебной крови, которымъ и на мысль не приходило прежде связаться брачными узами.

Подобно могучимъ урмамъ рѣкъ, и я провелъ краткое теченіе жизни то съ одной то съ другой стороны горъ; своенравный въ заблужденіяхъ никогда не былъ склоненъ ко злу; предпочиталъ бѣдныя долины роскошнымъ полямъ; засматривался скорѣе на цѣбты, нежели на дворцы. Впрочемъ, я былъ въ такомъ восхищеніи отъ своихъ поѣздокъ, что и забылъ думать о сѣверномъ полюсѣ. Общество кучковъ, ѣхавшее отъ Криковъ изъ Флоридъ позволило и мнѣ слѣдовать за ними.

Мы отправились въ страну, известную подь общимъ именемъ Флоридъ, гдѣ нынѣ находятся области Алабама, Георгія, Южная Каролина, Тенесси. Мы держались почти того же пути, который теперь связываетъ большую дорогу отъ Начезовъ до Нешвилля черезъ Джексонъ и Флоренсъ, и идеть въ Виргнію черезъ Ноксвилъ и Салемъ: страны тогда еще мало посѣщаемыя; Бертрамъ однако изслѣдовалъ озера и мѣстоположенія ихъ. Плантаторы приморскихъ Флоридъ и Георгій заходятъ къ различнымъ племенамъ Криковъ для закупки лошадей и полу-дикого скота, размножившихся до безконечности въ саваннахъ, просверленныхъ тѣми колодцами, гдѣ я помѣстилъ Аталу и Чактала. Они простираютъ свои поѣздки даже до Огайо.

Свѣжій вѣтеръ гвалъ насъ Огайо; увеличенный сотнею рѣкъ, терялся то въ озерахъ, открывавшихся передъ нами, то въ лѣсахъ. Среди озеръ возвышались острова. Мы направились къ самому большому, и прибыли въ осемь часовъ утра.

Я прошелъ лугъ, покрытый желтыми жакобеями, алцеями съ розовыми султанами и обеларіями, съ пурпуровыми кистями.

Индѣйская развалина поразила мой взоръ. Противоположность

раздѣлять съ юдостью природы, произведеніи рукъ человѣческихъ въ пустынѣ неведѣно изумляютъ. Какой народъ обиталъ на этомъ островѣ? Какъ назывался онъ, какого онъ племени, и когда было время его земнаго прохожденія? Жилъ ли онъ тогда, какъ мѣръ, въ которомъ скрывалось его бытіе, былъ еще не извѣстенъ другимъ частямъ земли? Безмолвіе этого народа быть можетъ современно славѣ какихъ-нибудь великихъ націй, въ свою очередь впадшихъ въ неизвѣстность.

На песчаныхъ извилинахъ и обвалившихся холмахъ произрасталъ макъ съ розовыми цвѣтами, висящими на блѣдно зеленыхъ стебелькахъ. Стебель и цвѣтокъ оставляютъ запахъ на пальцахъ, если прикоснешься къ нимъ. Благоуханіе, переживающее этотъ цвѣтокъ не есть ли изображеніе воспоминанія о жизни, протекшей въ удивленіи?

Я дѣлалъ наблюденія надъ растеніемъ пурпуреа: оно готовилось скрыть подъ волною свою бѣлую лилію при окончаніи дня, а печальное дерево ждало только ночи, чтобы распустить свой цвѣтокъ: супруга ложится, когда прелестница встаетъ.

Другая судьба, другіе нравы у *senothera pyramidalis*, растеніе въ семь или осемь футовъ, съ длинными зубчатыми листьями червозеленаго цвѣту; желтый цвѣтокъ его начинаетъ распускаться вечеромъ, когда Венера сходитъ подъ горизонтъ; при звѣздныхъ лучахъ продолжаетъ распускаться; заря вводитъ его въ полномъ блескѣ; къ половинѣ утра онъ увядаетъ, въ полдень совсѣмъ опадаетъ. Только нѣсколько часовъ живетъ онъ; но минуты его бѣгутъ подъ яснымъ небомъ, между думовеніемъ Венеры и Авроры. Чтò нужды, если жизнь коротка?

Дионыи гирляндами окружали ручей, ширіады пасткомыхъ жужжалъ вокругъ. Колебри и бабочки въ блистательнѣйшихъ нарядахъ соперничали прелестію и разнообразіемъ съ пестротою цвѣтника. Но среди прогулокъ и изученій, я часто поражался ничтожествомъ всего. Какъ! неужели тяготѣвшая надо мною Революція, которая изгнала меня въ лѣса, не внушала мнѣ ничего болѣе важнаго? Неужели во время страшныхъ переворотовъ на роднѣи я могъ заниматься описаніями и растеніями, бабочками и цвѣтами? По личности человѣка измѣняется мелочность величайшихъ событій. Сколько людей равнодушно смотрятъ на эти событія, а для многихъ онѣ совсѣмъ невѣдомы. Общее народонаселеніе земнаго шара считается отъ 1,100 до 1,200 милліоновъ, каждую секунду умираетъ по одному человѣку; слѣдовательно, на каждую минуту жизни, улыбокъ и радостей, шестьдесятъ че-

люди умираютъ, шестьдесятъ семействъ плачутъ и рыдаютъ. Жизнь — постоянная чума. Печальная, погребальная цѣпь, обвивалась вокругъ насъ, не ломается, но вытягивается; каждый изъ насъ составляетъ звено. После этого стѣнать ли удивляться важности катастрофъ, о которыхъ три четверти съ половиною мира никогда не услышать! Стѣнать ли гоняться за славой, которая не отлетитъ и за нѣсколько миль отъ нашей могилы! Стѣнать ли погружаться въ океанъ блаженства, когда каждая минута его протекаетъ между шестидесятью гробовъ, безпрестанно возобновляемыхъ!

Nam non nulla diem, neque noctem anrore sequuta est,
 Quae non audierit mixtos vagitibus aegris
 Ploratus, mortis comites et funeris atri.

«Еще ни одинъ день не слѣдовалъ за ночью, ни за одною ночью не слѣдовала заря, которыя не внимали бы слезамъ, смѣшаннымъ съ болѣзненными криками новорожденныхъ, томарищамъ смерти, и плачевному погребенію.»

Дикари Флориды увѣряютъ, что среди какого то озера есть островъ, на которомъ живутъ прелестнѣйшія женщины. Мускогулги нѣсколько разъ пытались овладѣть имъ; но этотъ Эдемъ убѣгаетъ отъ челноковъ, какъ живое изобрѣтеніе химеръ, исчезающихъ передъ желаніями.

Тутъ же находился источникъ молодости: кто захочетъ родиться?

Всѣ эти басни едва было не осуществились въ моихъ глазахъ. Совсѣмъ неожиданно изъ залива показалась цѣлая флотилія весельныхъ и парусныхъ лодокъ и пристала къ нашему острову. На нихъ находились два крикскихъ семейства: симниольское и мускогульское; чероки и *Обгорьлыс*. Я былъ пораженъ красотою этихъ дикарей, ни мало не походившихъ на канадскихъ.

Симниолы и Мускогулги довольно большаго росту, но по странной противоположности — матери жены и дочери ихъ составляютъ самое мелкое племя американскихъ женщинъ.

Высокія Индіянки, вышедшія къ намъ на берегъ, происходили отъ смѣшанной черокской и кастілаиской крови. Двѣ изъ нихъ, двоюродныя сестры, походили на креолокъ изъ Сенъ Доминга и Иль-де Франса, но были желты и нѣжны какъ жительницы Гага. Онѣ послужили мнѣ образцами для Аталы и Селюты; но далеко превышали сдѣланныя мною портреты естественностью разнообразною и неуловною, и типомъ поколѣнія и климата, ко-

торыхъ я не могъ передать. Было что-то неизъяснимое въ этомъ продолговатомъ и загорѣломъ личикѣ, какъ будто покрытомъ прозрачнымъ оранжевымъ крепомъ; въ этихъ черныхъ мягкихъ волосахъ, длинныхъ глазахъ, подъ завѣсою бархатныхъ рѣсницъ, которые медленно открывались, въ двойственной прелести Индіянки и Испанки.

Прябытіе новыхъ гостей нѣсколько измѣнило нашу поѣздку; торговцы стали развѣдывать о лошадяхъ; рѣшено было поселиться около табуновъ.

Нашъ таборъ наполнился быками, коровами, лошадьми, зубрами, буйволами, журавлями, индѣйками, пелеканами, которые испещряли бѣлымъ, чернымъ и розовымъ цвѣтомъ зеленый грунтъ саванны.

Многія страсти волновали нашихъ торговцевъ и охотниковъ: не страсти, внушаемыя званіемъ, воспитаніемъ, предрасудками, но самыя естественныя, ведущія прямо къ цѣли; свидѣтели ихъ — дерево, павшее въ глуши неизвѣстнаго лѣсу, ненаходимая долина, безъименная рѣка.

Сношенія Испанцевъ съ крекскими женщинами служили основною романтическимъ приключеній. *Обгорѣлые* занимали въ нихъ главныя роли. Самая извѣстная исторія винаго торговца, оболщеннаго и разореннаго одною изъ тѣхъ сомнительныхъ дѣвъ, которыхъ на мѣстѣ зовутъ *filles peintes*. Эта исторія была написана стихами на симиольскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Табамика», и ее пѣли проходя лѣсами. Въ свою очередь похищенные колонистами, Индіянки вскорѣ умирали въ Пансаколѣ: ихъ несчастія увеличивали число *Romancegos* и ставятся на ряду съ жалобными пѣснями Хименесъ.

Земля дивная мать; мы выходимъ изъ ея нѣдръ; въ младенчествѣ она питаетъ насъ молокомъ и медомъ; въ юныхъ и зрѣлыхъ лѣтахъ щедро разсыпаетъ намъ свои дары: прохладныя воды, жатвы и плоды; повсюду предлагаетъ тѣнь, купальню, обѣдъ и ночлегъ; послѣ же нашей смерти снова разверзаетъ свое лоно; и набрасывая покровъ цвѣтовъ и зелени на бранные остатки, таинственно претворяетъ въ свое вещество, для того чтобы снова воспроизвести въ граціозной оболочкѣ. Такъ думалъ я пробудясь отъ сна, взглянувъ на небесный сводъ, возвышавшійся надъ моими ложемъ.

Охотники отправились къ дневнымъ занятіямъ, я одинъ оставался съ женщинами и дѣтми, и не отходилъ отъ моихъ двухъ сильфидъ: одна была горда, другая грустна. Ни слова не пови-

мать я нѣтъ ихъ разговоромъ; онѣ тоже меня не разумѣли; но я носилъ имъ воду для питья, виноградныя лозы для огня, нощи для постели. На нихъ были короткія юбки и широкіе рукава въ родѣ испанскихъ, корсетъ и индѣйскіе плащи. Голыя до колѣнъ ноги были вкось повиты березовымъ кружевомъ. Въ волосы онѣ вплели цвѣты и тростникъ, и навѣшали на себя цѣпи и стеклянныя бусы. Въ ушахъ висѣли красныя зернышки. У нихъ былъ хорошенькій говорящій попугай; Арמידиа пляска; онѣ прицепляли его къ своему плечу вмѣсто изумруда, или носили на рукѣ какъ знатныя дамы десятого столѣтія носили астробовъ. Чтобы укрѣпить руки и грудь, онѣ натирались *apocей*, пахучимъ тростникомъ. Въ Бенгалѣ баядерки жуютъ бетель, а на Востокѣ альме сосутъ хіоскую мастику; Флоридинки мелютъ своимъ лазуревобѣлыми зубками слезу растенія *liquidambar* и корень *libanis*, соединяющія въ себѣ запахъ цедры и ванили.

Онѣ жили въ атмосферѣ благоуханій отъ нихъ испаряющихся, какъ цвѣты и померанцовыя деревья живутъ въ чистыхъ испареніяхъ листьевъ и чашечекъ. Я находилъ удовольствіе жарить ихъ, онѣ покорялись съ нѣкоторымъ страхомъ; сами очаровательницы, онѣ думали, что и я навожу на нихъ чары. Одна изъ нихъ, гордая, часто молилась и казалась полухристіанкою. Другая же распѣвала бархатнымъ голоскомъ, оканчивая каждый стихъ какимъ-то вскрикиваніемъ, которое невольше волную. Иногда онѣ съ живостью разговаривали между собою; въ ихъ разговорѣ мнѣ слышались звуки ревности; но печальная начинала плакать и молчаніе возобновлялось.

Я такъ былъ слабъ, что отыскивалъ примѣры слабости, чтобы оправдать себя. Развѣ Камозенъ не любилъ въ Индіи черную варварійскую невольницу; почему же мнѣ въ Америкѣ не ухаживать за двумя молодыми оранжевыми султаншами? Не написалъ-ли Камозенъ стансы своей *Barbara esclava*? Не говорилъ-ли онъ ей:

A quella captiva,
Que me tem captivo,
Porque nella vivo
Ja nao quer que viva.
Eu nunca vi rosa
Em suaves molhos,
Que para meus olhos
Fosse mais formosa.
Pretidao de amor,

Tão doce a figura,
 Que a neve che jura
 Que trocara a cor.
 Leda mansidão,
 Que a sisa acompaña:
 Bem parece estranha,
 Mas Barbara não.

«Эта пловчиха, что держитъ меня пловчихомъ, потому что и жизнь ея, жизни мнѣ не даетъ. Никогда роза съ сладкими лепестками не бывала на моихъ глазахъ такою прелестью... Волосы ея такъ черны, что зажигаютъ любовь; лицо такъ крѣпко, что свѣтъ кажется, что готовъ съ нимъ пошвытаться цѣлкомъ; вѣселость отрадная, не сопровождается скромностью; иностранка она, но не варварка».

Отправились ловить рыбу. Солнце склонялось къ западу. На первомъ планѣ рисовались сассапарасъ, чьюпанниа деревья, биньоны и дубы, стѣны которыхъ покрыты были бѣлымъ мхомъ. Позади перваго плана выказывалось дынное дерево, самое прелестнѣйшее изъ всѣхъ, похожее на серебряный столбъ чеканной работы съ коринтскою урной на верху. На третьемъ планѣ возвышались бальзамовыя деревья, магноліи и ликвидамборы. Солнце скрылось за этой завѣсой: одинъ лучъ, проскользнувъ сквозь вершину деревьевъ, сверкалъ какъ карбункулъ, оправленный въ темную зелень; свѣтъ, проникавшій между стволами и стѣнами, бросалъ на мураву, возрастающіе столбы и подвижныя тѣни. Внизу, сирени, азалии, кольчатые лавы съ гигантскими колосьями; на верху — облака, одни стоятъ неподвижно какъ зубчатые скалы или старинныя башни, другія несутся какъ розоватый дымъ. Вотъ снова видъ ихъ измѣняется и представляетъ раскаленное жерло, извергающее volcanическія рѣки! все нѣмло видъ блистательный, радостный, роскошный, все было обито золотомъ и свѣтомъ.

Послѣ возмущенія въ Морей въ 1770 многія греческія семейства удалились въ Флориду, гдѣ климатъ похожъ на іонійскій, извѣстенъ какъ нравы тамошнихъ мужичиъ: въ Смирнѣ, вечеромъ, приврада спитъ какъ прелестьница утомленная наслажденіями.

По правую сторону стояли развалины, оставшіяся послѣ огромныхъ укрѣпленій, найденныхъ на рѣкѣ Огайо; по лѣвую древній лагерь дикарей. Островъ на которомъ мы находились, оба-

поваленной въ волнѣ и воспроизведенный въ миражѣ колыхалъ передъ нами свою двойную перспективу.

На востокѣ, луна покоилась на далекихъ холмахъ; на западѣ, сводъ небесный исчезалъ въ океанѣ алмазовъ и яхонтовъ, раскаленное солнце утопало въ немъ. Всё живущее бодрствовало; земля съ благоговѣйнымъ поклоненіемъ, казалось, возсылала куреніе къ нему и благоуханія испаряющіяся изъ пѣдръ ея своимъ ниспадали росую, — такъ благодать нисходитъ на полящагося.

Оставшись одинъ, я пріѣхалъ отдохнуть у омушки густаго лѣсу, который набрасывалъ полусвѣтъ на мѣсто моего отдохновенія; блестящія наѣвкомыя, то сверкали на темныхъ кустарникахъ, то исчезали при лунныхъ лучахъ. Вдали слышался шумъ прилива и отлива, плескъ золотой рыбки и странный крикъ вырывающей утки. Взоръ мой устремился на волны; мало по малу меня склонило къ дремотѣ, столь знакомой людямъ объѣхавшимъ свѣтъ: никакое опредѣленное воспоминаніе не тревожило меня; я шёлъ и прозябалъ вмѣстѣ съ природою въ какомъ-то восторженномъ всебожіи. Прислонясь къ магноліи я заснулъ, в своихъ дѣніи, полныя неопредѣленныхъ надеждъ, послысь надо мною.

Вышедши изъ этой Леты я очутился между обѣими одамыками; онѣ возвратились, и не желая разбудить меня, съби воевъ, притворились ли онѣ или въ-самомъ дѣлѣ заснули, но головки ихъ склонились на мои плечи. Свѣжіи вѣтерокъ подулъ изъ рощи и осыпалъ насъ розовымъ дождемъ магнолій. Младшая Сининюла начала пѣть; кто не увѣренъ въ себѣ нусть не подвергается такой опасности! Нельзя выразить какую страсть замигаютъ въ груди мужчины эти сладкіе напѣвы! На этотъ вѣжный голосъ отвѣчалъ грубый и ревнивый крикъ. Обгорѣлый звалъ сестеръ: онѣ вздрогнули и вскочили: зря стала показываться.

За исключеніемъ Асиазіи, эта сцена повторилась для меня на берегахъ Греціи; взомедъ на колонны Пареневскія я видѣлъ Кнееріонъ, гору Иметъ, коринтскій Вышеградъ, гробницы и развалины орошенные прозрачною, свѣтозарною росую, отражавшеюся въ моряхъ, и которую зефры саланискіе и делоскіе разносили повсюду какъ благоуханіе.

Наконецъ мы окончили безмолвное плаваніе около береговъ. Въ полдень весь таборъ поднялся, чтобы смотрѣть лошадей, которыхъ Крики хотѣли продать, а торговцы купить. Даже женщины и дѣти были созваны какъ свидѣтели, которые во туземному обычаю всегда присутствуютъ при важныхъ торгахъ. Жеребцы всѣхъ возрастовъ и цвѣтовъ, кобылы и жеребята, быки, ко-

ровы и тѣлки пустились бѣжать и скакать вокругъ насъ. Въ этой сумятицѣ я былъ разлученъ съ Криками. Люди и лошади столпились у опушки лѣсу. Вдругъ увидѣлъ я издали шонхъ двухъ Флоридокъ; сильныя руки посадили ихъ на берберейскихъ коней, на которыхъ уже сидѣли *Обгорлый* и Сминноль. О Сидѣ зачѣхъ у меня не было твоей быстрогой *Вабіеца*, чтобы догнать ихъ. Кони поскакали, безчисленная толпа людей послѣдовала за ними. Лошади брыкаютъ, прыгаютъ, скачутъ, ржутъ посреди буйволовъ и быковъ, ихъ копыта сталкиваются на воздухѣ, окравленные хвосты и гривы развѣваются. Цѣлый вихрь дикихъ мошекъ устремился вслѣдъ за дикими всадниками. Мои Флоридки исчезали какъ дочь Цереры похищенная богомъ ада.

Какъ все смѣшано въ моемъ разказѣ; мнѣ остаются только образы прошедшаго, промелькнувшаго такъ скоро. Я сойду въ Елассейскія поля съ большимъ числомъ тѣней нежели кто-нибудь другой. Виною въ томъ моя организація; я не умѣю пользоваться счастьемъ. Все что занимаетъ другихъ меня не интересуетъ. Я ни во что не вѣрю, кромѣ религіи. Однакого бы меня утомили слава и геній, трудъ и отдыхъ, благоденствіе и несчастіе. Все, все мнѣ надоѣло. Съ трудомъ замѣчаю скуку, неразлучную съ моею жизнью и зѣвая повсюду несу ее съ собою.

Ровсаръ описываетъ Марію Стурартъ передъ отъѣздомъ ея въ Шотландію, послѣ смерти Франциска-Второго.

De tel habit vous etiez accoustrée,
Partant hélas! de la belle contrée
(Dont aviez eu le sceptre dans la main)
Lorsque pensive et baignant vostre sein
Du beau crystal de vos larmes roulées
Triste, marchiez par les longues allées
Du grand jardin de ce royal chasteau
Qui prend son nom de la source d'une eau.

Не походилъ ли я на Марію Стурартъ прохаживавшуюся по Фонтенебло, когда овдовѣвъ ходилъ взадъ и впередъ по моей саваннѣ? Только вѣрно то, что если нелицо, то по-крайней-мѣрѣ умъ мой былъ покрытъ длиннымъ, тонкимъ и прозрачнымъ *крепомъ*, какъ говорятъ еще Ровсаръ, древній поэтъ новой школы.

Когда дьяволъ похитилъ мускогулскихъ дѣвъ, я узналъ отъ проводника, что *обгорлый*, влюбленный въ одну изъ сестеръ, ревновалъ ко мнѣ и согласился съ Сминноломъ братомъ другой, похитить у меня *Аталу* и *Селюту*. Проводники безъ церемоніи на-

звали ихъ filles peintes, что оскорбляло мое самолюбіе. Униженіе было тѣмъ чувствительнѣе, что *Обгорѣлый*, предпочтенный мнѣ соперникъ, былъ худощавый, безобразный и черный Американецъ, чрезвычайно походившій на тѣхъ масткомыхъ, у которыхъ по описанію энтологовъ Великаго Ламы, мясо внутри, а кости снаружи.

Уединеніе мнѣ стало въ тягость послѣ неудачнаго приключенія. Я принялъ не очень ласково сирсанду прѣбѣжавшую съ великодушнымъ намѣреніемъ утѣшить невѣрнаго, какъ Юлія, протѣившая Сенъ-Пре за его парижскихъ Флоридокъ, и сѣдѣлъ оставить вустыню, въ которой потомъ олицетворилъ подругъ моихъ ночей. Не знаю, далъ ли я мнѣ столько жизни какъ дали онѣ мнѣ, по крайней-мѣрѣ, чтобы загладить старые грѣхи, одну представилъ дѣвственницей, другую цѣломудренною супругой. Мы прѣходили Голубыя горы и приближались къ европейской равнинѣ земли, около Чаякоти. Я былъ еще очень далеко отъ главной цѣли моего путешествія, за то цѣлымъ міръ поэзіи слѣдовалъ за мною:

Comme une jeune abeille aux roses engagée,
Ma muse revenait de son butin chargée,

На берегу ручья я увидѣлъ американскій домикъ; съ одной стороны мыза, съ другой мельница. Я спросилъ поѣсть и былъ хорошо принятъ. Хозяйка повела меня по дѣстанцѣ въ комнату, находившуюся надъ осью водяной мельницы. Изъ маленькаго окна украшеннаго плюшемъ и радужною кобеею, былъ видѣнъ узкой и уединенный ручей, протекавшій между густымъ рядомъ низкихъ, сассафрасъ, тамаринокъ и каролинскихъ тополей. Длинные ленты водъ падали съ вертѣвшаго колеса, подернутаго мхомъ. Окунь и форели прыгали въ цѣнѣ водоворота, птички перелетали съ одного берега на другой и волновали струи потока своими голубыми крыльями.

Какъ хорошо было бы мнѣ здѣсь съ моею печальною дѣвой, если бы она осталась мнѣ вѣрна. Я мечталъ бы у ногъ ея, положивъ голову къ ней на колѣни; прислушивался бы къ шуму водопада, къ движенію жернововъ, къ однообразнымъ ударамъ мельничнаго колпака, вдыхая свѣжесть волнъ и благоуханный запахъ поспѣвавшаго ячменя.

Пастала ночь. Я вошелъ въ комнату мызы — которая освѣщалась только мансовой соломой, да шелухой турецкихъ бобовъ, го-

рѣзавшихъ на очагѣ. Ружья хозяина горизонтально разложенныя въ углахъ блестяли отъ свѣту, бросаемаго огнемъ.

Я сѣлъ на скамью за печью, подлѣ бѣлки, прыгавшей съ спины собаки на дощечку самопрядки. Котенокъ усѣлся ко мнѣ на колѣни, чтобы любоваться этою игрою, Мельничиха поставила кетель на жаровню и пламя окружило его черное дно, какъ-будто золотою короною въ лучахъ. Пока картофель кипѣлъ подъ моимъ прищелчкомъ, я пробѣгалъ при свѣтѣ огня, наклонивъ голову, англійскій журналъ, упавшій къ ногамъ моимъ. Я увидалъ крупно напечатанныя слова: Flight of the King — Это былъ рассказъ о несчастномъ варенскомъ приключеніи. Тутъ же говорилось, что эмиграція усиливалась, и офицеры сбѣгались отовсюду подъ знамена французскихъ привцевъ.

Внезапный переворотъ совершился въ душѣ моей: Ринальдъ увидалъ свою слабость въ зеркалѣ чести въ Армениныхъ садахъ; хоть я и не герой Тасса, однако зеркало тоже показало мнѣ образъ мой въ садахъ американскихъ. Шумъ оружія, всемірнаго волненіе раздались въ ухахъ моихъ подъ соломенною крышею мельницы, скрывающейся въ безвѣстныхъ лѣсахъ. Вдругъ прервалъ я свое путешествіе и сказалъ себѣ: «Возвратись во Францію.»

То что считалъ я долгомъ измѣнило мое первое намѣреніе, и произвело одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которыми ознаменовано мое поприще.

Бурбоны не имѣли нужды, чтобы какой-нибудь неизвѣстный бретонскій недоросль привезъ имъ изъ-за морей свою ничтожную преданность, они не имѣли нужды въ его услугахъ и тогда, какъ онъ вышелъ изъ неизвѣстности. Еслибъ, продолжая путешествіе я закурилъ трубку журналомъ, измѣнившимъ всю жизнь мою, никто не примѣтилъ бы моего отсутствія; жизнь моя тогда протекла бы въ неизвѣстности и стояла бы не дороже дыма трубки. Престой укоръ совѣсти бросилъ меня на сцену міра. Я могъ бы сдѣлать все что хотѣлъ, потому-что одинъ былъ свидѣтелемъ этой борьбы, но именно передъ этимъ свидѣтелемъ болѣе всего страшился я краснѣть.

Отчего воспоминаніе о блистательной картинѣ Босфора не такъ меля восхищаетъ, какъ пустыни Эрѳо и Онтарио. Оттого что во время путешествія въ Соединенные Штаты, я самъ былъ исполненъ очарованій; возмущенія начались во Франціи въ одно время съ моимъ существованіемъ; ничего еще не было конченнаго ни во мнѣ, ни въ моемъ отечествѣ. Эти дни

сладостны мнѣ, они-то напоминаютъ невинность ощущенийъ, внушаемыхъ семейною жизнью и удовольствіями молодости. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ путешествія моего на Востокъ, Республика, уштанная обломками и слезами, бурнымъ потокомъ перешла въ деспотизмъ. Я уже не убаюкивалъ себя несбыточными мечтами; воспоминавія, протекшая отъ общества и страстей, потеряли свою чистоту.

Оба путешествія на Западъ и на Востокъ разочаровали меня: я не открылъ проходъ къ сѣверному полюсу, и не похитилъ славы, за которою ѣздилъ на берега Ніагары, а оставилъ ее сидящею на развалинахъ Аенны.

Я ѣхалъ въ Америку путешествовать, возвратился въ Европу сражаться, но не достигнулъ конца ни одного избраннаго поприща; злой геній вырвалъ у меня посохъ и мечъ, и вложилъ въ руки перо. Пятнадцать лѣтъ прошло съ того времени какъ въ Спартѣ ночью, созерцая сводъ небесный, я вспомнилъ страши, гдѣ сонъ мой былъ миренъ или тревоженъ; въ лѣсахъ Германіи, въ степяхъ Англіи, въ поляхъ Италіи, среди морей и лѣсовъ канадскихъ, не тѣже ли звѣзды блистали надо мною, какъ и въ отчизнѣ Елены и Менелая?

Но кѣму Сезплодная жалоба свѣтлала, этимъ безмолвнымъ свидѣтелемъ моей кочующей судьбы? Придетъ день, и взоръ ихъ уже не послѣдуетъ за мною; теперь равнодушный къ своей участи я уже не стану молить ихъ о вліяніи благосклоннѣйшемъ на мою участь, и возвратитъ часть жизни, утраченной въ путешествіяхъ.

Теперь я не узналъ бы Соединенные Штаты: тамъ, гдѣ при мнѣ были лѣса, я увидѣлъ бы воздѣланные поля; гдѣ пробивалъ самъ себѣ тропинку въ кустарникахъ, я проѣхалъ бы по большимъ дорогамъ; въ Начезѣ, вмѣсто хижины Селюты, воздвигнутъ городъ имѣющій до пяти тысячъ жителей; Чактасъ могъ бы быть теперь депутатомъ въ Конгрессѣ. Недавно получилъ я брошюрку, напечатанную у *Чирокоевъ*, присланную мнѣ въ пользу этихъ дварей какъ извѣстному писателю.

У Мускогуловъ, Семноловъ и Чкказовъ есть свои Аенны, и Мараонъ, Карагенъ, Менѣксъ, Спарта и Флоренція; есть графство Колумбійское, графство Маренго: слава всѣхъ странъ оставила имя въ степяхъ гдѣ встрѣтилъ я отца Обри, и неизвѣстнаго Аталу. Кентуки указываетъ на свой Версаль; а въ области называемой Бурбонской столица Парижъ.

Всѣ удаленнѣея въ Америку привели туда цѣлѣю объ от-
чтанъ:

... falsi Simoentis ad undam
Libabat cineri Andromaohe.

Соединенные Штаты представляют образъ и воспоминаніе многихъ знаменитѣйшихъ мѣстъ древней и новой Европы: для своего сельскаго сада въ Римѣ, Адрианъ снова заказалъ всѣ монументы своей Имперіи. Тридцать три большія дороги идутъ отъ Вашингтона, какъ вѣкогда римскія дороги шли изъ Капитолія. Онѣ примыкаясь къ Соединеннымъ Штатамъ пускаютъ от-
рслн во всѣ стороны и простираются на протяженіи 25,747 миль.

На всѣхъ почти дорогахъ учреждены почты. Нынѣ ѣдутъ въ дѣлжансѣ къ рѣкѣ Огайо или къ Ніагарѣ, въ мое время брали проводника или переводчика индѣйскаго. Два способа сообщеній: повсюду озера и рѣки, соединенныя каналами; можно ѣхать около береговъ на весельныхъ или парусныхъ шлюбкахъ, перевозныхъ судахъ или на пароходахъ. Горючія вещества несто-
щны, потому-что безпредѣльные лѣса покрываютъ руды камен-
наго угля вровень съ землею.

Народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличивалось каж-
дые десять лѣтъ отъ 1790 до 1820, 35 человекѣми на сто. По-
лагаютъ, что въ 1830 году оно составитъ 42,875,000 душъ. Удвоивъ число еще на двадцать пять лѣтъ, въ 1855 году дой-
детъ до 25, 750,000 душъ; спустя еще двадцать пять лѣтъ въ
1880 году будетъ превышать 50 миллионѣвъ.

Отъ человѣческой плодовитости степи повсюду процвѣтаютъ. Не давно еще ни одинъ шарусъ не видѣлся на озерахъ канад-
скихъ, а теперь они похожи на доки, въ которыхъ фрегаты, кор-
ветты, катера, барки встрѣчаются съ пирогами и индѣйскими
лодками, какъ на водахъ константинопольскихъ; большіе корабли
и галеры перемѣшаны съ пивками, шлюбками и кавками.

Уже не въ пустыняхъ протекаютъ Миссиссипи, Миссури и
Огайо: трехъ-мачтовые суда и болѣе двухъ сотъ пароходовъ
оживляютъ ихъ берега.

Для благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ достаточнѣо ввур-
тренняго обширнаго мореходства, но они успѣваютъ и въ даль-
нѣйшихъ экспедиціяхъ. Корабли ихъ плаваютъ по всѣмъ морямъ,
входятъ во всѣ предпріятія, и устьянный звѣздами флагъ Запада
развѣвается вдоль береговъ Востока.

Для довершенія этой взумительной картины, нужно себя преу-

отавить такіе города какъ Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфій, Балтиморъ, Чарстоунъ, Савона, Новый Орлеанъ, освѣщенные ночью, наполненные экипажами и лошадьми, украшенные кофейнями, музеями, библіотеками, танцевальными залами и театрами, словомъ, со всѣми возможными наслажденіями роскоши.

Несмотря на все это, не видите въ Соединенныхъ Штатахъ того, что отлвчаетъ человека отъ другихъ существъ міроздавія, того, что составляетъ, такъ сказать, украшеніе его жизни: словесныя науки неизвѣстны въ новой республикѣ, хотя и призываются множествомъ учебныхъ учрежденій. Американцы заимвли умственную дѣятельность положительною; не приписываютъ неспособности эту посредственность въ искусствахъ. Не туда устремлено ихъ вниманіе. Судьба кинула ихъ на пустынную землю, и потому земледѣліе и торговля сдѣлались предметомъ заботъ; прежде нежели начнешь мыслить, надо жить; прежде чѣмъ ставешь садить деревья, надо подумать какъ-бы ихъ срубить, чтобы пахать землю. Правда, преміе колонисты, еще неполноценные духомъ религіозныхъ преній, привнесли съ собою и въ вѣдра дѣсовъ страсть къ диспутамъ; но прежде они должны были съ топоромъ въ рукахъ одержать побѣду надъ пустыней, а въ минуты отдохновенія, взявъ, или же отесанный, служилъ вѣето кафедръ. Американцы не переходили по степенямъ возраста народовъ: въ Европѣ оставили они дѣтство и молодость; простодушный лосеть младенчества для нихъ незнакомъ; тихія радости семейной жизни, если когда-нибудь и были имъ извѣстны, всегда отравлялись горькими сожалѣніями объ отчизнѣ никогда невиданной; они не переставали онлжкивать вѣчную разлуку съ нею, и красоты, о которыхъ имъ рассказывали.

Въ Новомъ Свѣтѣ нѣтъ ни классической, ни романтической, ни индѣйской литературы: классической, потому что Американцы не имѣютъ образцовъ; романтической — у Американцевъ нѣтъ среднихъ вѣковъ; индѣйской, потому что Американцы презираютъ дикарей и боятся дѣсовъ, какъ сужденной имъ темницы.

И такъ, настоящей литературы, литературы собственно такъ называемой, нѣтъ въ Америкѣ; за то есть прикладная литература, приспособленная къ разнымъ общественнымъ употребленіямъ, ремесленная, коммерческая, морская и земледѣльческая. Американцы дѣлаютъ успѣхи только въ механикѣ и въ наукахъ, потому что у наукъ есть матеріальная сторона: Франклинъ и Фултонъ завладѣли громомъ и паромъ на пользу людей. Америкѣ

судило подарить шкуру отаритіе, посредствомъ котораго ни одинъ клочекъ земли не укроется отъ изслѣдованій мореплавателя.

Поэзія и воображеніе, удѣлъ небольшого числа праздволюбцевъ, почитаются въ Америкѣ ребячествомъ, приличнымъ первому и послѣдному возрасту человѣка. У Американцевъ не было дѣтства, для нихъ не наступило еще время старости.

Изъ этого слѣдуетъ, что люди преданные изученію серіозныхъ наукъ необходимо должны принимать участіе въ дѣлахъ своего отечества. Нельзя не сдѣлать грустнаго замѣчанія о различіи существующемъ между даровитыми людьми первыхъ американскихъ смутьянъ и настоящихъ временъ, а между тѣмъ эти люди граничатъ между собою. Характеръ первыхъ президентовъ республики религіозенъ, простъ, возвышенъ, спокоенъ. Нѣтъ ничего подобнаго въ кровавой трескотнѣ нашей республики и имперіи. Пустыни, окружающія Американцевъ, имѣли вліяніе на ихъ характеръ; они тихою молвою совершили свое освобожденіе.

Прощальная рѣчь Вашингтона къ народу Соединенныхъ Штатовъ, могла бы быть вложена въ уста знаменитѣйшихъ мужей древности.

«Общественныя дѣла, говоритъ генералъ, доказываютъ до какой степени руководствовался я вышесказанными правилами при исполненіи моей обязанности. Совѣсть говоритъ мнѣ, что я исполнилъ ихъ. Пробѣгая дѣла своего управленія, я непомню ни одного умышленнаго проступка; но глубокое сознаніе своихъ недостатковъ, заставляетъ меня думать, что я и не избѣгнулъ ошибокъ. Усердно молю Всемогущаго отвратить вредъ, который они могутъ сдѣлать. Уношу съ собой надежду, что отечество мое всегда съ снисхожденіемъ будетъ взирать на нихъ, и что послѣ сорока пятилѣтней ревностной и безкорыстной службы, посвященной на пользу отечества, не умышленные промахи недостаточныхъ способностей удостоится забвенія, какъ и я самъ быть-можетъ вскорѣ буду забытъ въ вѣчномъ успокоеніи».

Джефферсонъ, въ своемъ домѣ Монтичелло, писалъ послѣ смерти одного изъ двухъ дѣтей:

«Потѣра, испытанная мною, по истинѣ ужасна. Другіе могутъ лишиться избытку, а я лишился половины строго необходимаго. Закатъ дней моихъ придерживается слабой нитью къ жизни. Быть можетъ, мнѣ суждено видѣть какъ разорвутся послѣднія узлы отеческой любви!»

Философія рѣдко трогаетъ, но здѣсь она въ высшей степени трогательна; и это не лѣбтійская горестъ человѣка, который ни

о чемъ не заботятся. Джефферсонъ умеръ 4 июля 1826 года, на осемдесятъ-четвертомъ году своей жизни и на пятьдесятъ-четвертомъ независимости отечества. Его останки покрыты камнемъ съ простою надписью: «Томасъ Джефферсонъ, авторъ Декларации о независимости.»

Перикль и Демосоевъ говорили надгробную рѣчь юнымъ Грекамъ павшимъ за народъ исчезнувшій вскорѣ послѣ нихъ; Бракенрайджъ въ 1817 году прославилъ смерть юныхъ Американцевъ, изъ крови которыхъ возродился народъ. Есть народная галерея портретовъ въ четырехъ частяхъ, отличившихся Американцевъ; и что еще удивительнѣе, біографія, содержащая описаніе жизни, болѣе нежели ста главныхъ начальниковъ индѣйскихъ. Логанъ начальникъ Виргиніи, произнесъ предъ лордомъ Довморомъ слѣдующія слова: «Пршедшую весну полковникъ Краспъ зарѣзалъ всѣхъ родныхъ Логана; кровь моя не течетъ уже въ жилахъ ни одного живаго существа. Вотъ что возбудило меня къ мщению, я искалъ его и убилъ многихъ. Придетъ ли теперь кто-нибудь оплакивать смерть Логана? Никто.»

Американцы хотя не любятъ природы, но прилѣжно изучаютъ естественную исторію. Тоусендъ изъ Филадельфіи, обошелъ пѣшкомъ страны, отдѣляющія Атлантическій океанъ отъ Тихаго, записывая въ журналѣ свои многочисленныя наблюденія. Томасъ Сѣ, путешествуя по Флоридѣ и по Скалистымъ горамъ, издалъ сочиненіе объ анатоміи американской. Вильсонъ изъ ткача сдѣлался авторомъ и отличается живописью довольно оконченной.

Теперь мы дошли до настоящей литературы; хотя она и не очень значительна, однако есть нѣкоторые романисты и поэты достойные вниманія. Сынъ квакера Броунъ, авторъ *Виланда*, — источникъ и образецъ романовъ новой школы. Не согласный съ мѣтніями соотечественниковъ, Броунъ говоритъ: «я люблю лучше блуждать въ лѣсахъ нежели молотить хлѣбъ.» Виландъ, герой романа, пуританинъ, которому небо повелѣло убить жену: «Я привелъ тебя сюда, чтобы исполнить волю Божию; отъ руки моей, ты должна умереть.» «И я схватилъ ее за руки. Она испустила пронзительный крикъ и хотѣла вырваться.» «Виландъ разиъ я «не твоя жена? ужели ты хочешь убить меня; убить, меня? о! «вѣтъ! сжался, сжался!» «И пока доставало у ней силъ она «молила о помилованіи и помощи.» Виландъ душитъ жену и ощущаетъ незвѣстное наслажденіе близъ издыхающаго труна.

Это превосходить даже отвратительные вымыслы новѣйшихъ

романовъ. Браунъ образовался чтеніемъ Калоба Виліамса; а въ Виландѣ подражалъ сюжетъ изъ *Отелло*.

Въ настоящее время американскіе романисты Куперъ и Вашингтонъ Ирвингъ, должны искать въ Европѣ старинныхъ лѣтописей и публику. Слогъ извѣстѣйшихъ англійскихъ писателей испещренъ оборотами провинціальными, креольскими и варварскими, но дѣйственная природа не придала ему энергіи; такъ что должны были составить каталогъ американскимъ выраженіямъ. Языкъ американскихъ поэтовъ пріятель, но они не далеко ушли отъ посредственности. Однако *Ода на Вечерній вѣтеръ*, *Восходъ солнца на горы*, *Потокъ* и другіе стихи заслуживаютъ чтобы ихъ прочитали. Галленъ воспѣлъ умирающаго Бодзариса, Жоржъ Гиль, блуждая между развалинами Греціи восклицаетъ: «О Аѳины! такъ это Ты царица безмолвная, царица безпрестольная!... Нароеновъ, царь храмовъ! Ты видѣлъ какъ монументы, твои современники, дозволили времени похитить и жрецовъ и боговъ своихъ.»

Пріятно мнѣ путнику, на берегахъ Эллады и Атлантиды, внимать независимому голосу страны певѣдомой древнему міру; голосу стонавшему о свободѣ утраченной древнимъ міромъ!

Сохранить ли Америка образъ своего правленія? Не разъединятся ли штаты? Не говорилъ ли депутатъ Виргинія въ защиту древняго общества, противъ Массачусетскаго представителя, который выхвалялъ общество новѣйшее, преобразованное христіанствомъ. Не совершенно ли различны и Сѣверные и Южные Штаты духомъ и мѣстными выгодами? Не пожелаютъ ли Западныя Штаты, слишкомъ отдаленныя отъ Атлантическаго Океана, имѣть отдѣльное правленіе? И довольно ли крѣпки феодальныя узы, чтобы поддержать союзъ, и заставить всякую область довольствоваться имъ? Потомъ, если власть президента увеличится, не вздумается ли ему тогда быть диктаторомъ.

Только отдѣльность положенія дозволила Соединеннымъ Штатамъ родиться и возмужать. Сомнительно, чтобы они въ Европѣ могли усѣсть въ этомъ.

Почему же феодальная Швейцарія существуетъ у насъ? потому что она мала, бѣдна, разсѣяна кавтонами въ горныхъ ущельяхъ: она рассадникъ солдатъ для итальянскихъ королей и цѣль прогулокъ для путешественниковъ.

Вдали отъ Стараго Свѣта жители Соединенныхъ Штатовъ и теперь живутъ въ уединеніи; ихъ независимость оградилась ихъ пустынями, но условія ихъ бытія уже измѣняются.

«Нанъ ли безпорочно допозитія въ Мексикѣ, Колумбіи, Перу, Хилъ, Буэносъ Айресъ, но все она опасна. Когда близъ Соединенныхъ Штатовъ были только колоніи заатлантической имперіи, настоящая война была невѣроятна; но не должно ли страшиться соавѣтничества въ настоящее время? Пусть только возмущается за оружіе; пусть воинственный духъ овладѣетъ потоками Вашингтона, и какой-нибудь великій полководецъ можетъ сѣсть на престолъ: слава любить вѣщцы.

Извѣстно, что сѣверные, южные и западные Штаты имѣютъ въ виду отдѣльныя выгоды; если нарушится согласіе, возобновить ли его оружіемъ? Какая закись враждъ ризолется въ общественномъ тѣлѣ? Разногласныя области поддержать ли независимость? И сколько раздоровъ обнаружится тогда въ освобожденныхъ областяхъ! Разъединясь, онѣ составили бы только безсильныя единицы безъ всякой важности въ общемъ равновѣсіи, и постепенно покорились бы одною изъ нихъ. Умалчиваю о важныхъ случаяхъ союза и посредничествѣ иностранныхъ державъ. Народъ, населяющій область Кентуки, принадлежитъ къ самому мужественному и воинственному племени и, кажется, назначенъ быть завоевателемъ. Въ державѣ, истребившей другія, власть одного не замедлитъ возвыситься на развалинахъ власти всѣхъ и каждого. Я говорилъ объ опасностяхъ войны, должно напомнить и объ опасностяхъ продолжительнаго мира. Соединенные Штаты, послѣ освобожденія, нѣсколько мѣсяцевъ наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ: въ то время, какъ непрерывныя сраженія колебали Европу, они въ безопасности обрабатывали поля. Оттого такое умноженіе народонаселенія и богатствъ, а съ ними и неудобствъ отъ избытка богатствъ и народонаселенія.

Если же враждебныя дѣйствія возникнутъ у народа невоинственного — какъ устоять? Захотятъ ли пожертвовать богатствами и обычаями? Какъ отказаться отъ жизни въ распахку, отъ комфорта, отъ лѣнливаго благоденствія? Китай и Индія, уснувшія въ шелку и кисей, постоянно подвергались чужеземному владычеству. Свободному обществу приличествуетъ состояніе мирное, умѣряемое войною, и военное, смягчаемое миромъ. Слишкомъ долго Американцы носили вѣнецъ изъ оливковыхъ вѣтвей: дерево, на которомъ растутъ эти вѣтви, несвойственно ихъ почвѣ.

Меркантильный духъ овладѣваетъ ими: корысть дѣлается народнымъ порокомъ. Дѣла банковъ въ разныхъ Штатахъ запутываются, банкротства угрожаютъ общественному благосостоянію. Пока свобода производить золото, промышленная республика дѣ-

дасть чудеса; но когда золото добывается или достается, республика теряет любовь къ независимости, не основанной на нравственной чувствѣ, но протекающей отъ страсти къ бырину и промышленности.

Трудно создать отечество для различныхъ народовъ, которые не имѣютъ ничего общаго ни въ религiи, ни въ личныхъ выгодахъ, произошли изъ разныхъ поколѣнiй, въ разные времена, живутъ на различныхъ почвахъ и въ разныхъ климатахъ. Какое отношенiе можетъ быть между лужицкимъ Французомъ, флоридскимъ Испанцемъ, нью-йоркскимъ Нѣмцемъ и Англичаниномъ изъ Новой Англiи, Виргинiи, Каролины, Джорджiи, которые носятъ общее названiе Американцевъ? Одинъ легкомысленный любитель поселянковъ, другой — лѣнивый и высококѣрный католикъ, тотъ земледѣлецъ-лютеранинъ, безъ дворянства, тотъ англійскiй плантаторъ, управляющiй неграми, а вотъ вегетантъ-пуританинъ; сколько вѣковъ пройдетъ прежде нежели эти стихiи сдѣлаются однородными!

Аристократiя уже проявляется вмѣстѣ съ любовью къ почетамъ и титуламъ. Воображаютъ будто въ Соединенныхъ Штатахъ царствуетъ совершенное равенство — какое заблужденiе! Есть общества, которые презираютъ другъ друга и никогда не встрѣчаются; есть гостивыя, гдѣ сѣбѣ хозяевъ превосходятъ высококѣрiе нѣмецкаго фюрста.

Эти благородные слабости добиваются разрядовъ на зло усѣхамъ просвѣщенiя. У анимъ только и разсказовъ что о предкахъ, гордыхъ баронахъ, и товарищахъ Вильгельма-Завоевателя.

Они выставляютъ на показъ рыцарскiе гербы Старога Сѣвта, раскрашенные змѣями, ящерицами и поугаями Новога Сѣвта. Какой-нибудь младшiй гасконскiй братецъ, отправляясь на республиканскiй берегъ, съ однимъ плащомъ да зонтомъ, если только позоботится прозвать себя *мариналомъ*, пользуется большимъ уваженiемъ на пароходахъ.

Огромное неравенство состоянiй еще вѣрнѣе грозитъ уничтожить духъ несбыточнаго равенства. Иной Американецъ обладаетъ однимъ или двумя миллионами доходу, зато Янки высшаго общества не могутъ жить какъ Франклины: настоящiй *джентльменъ*, получивъ отвращенiе отъ своего новаго отечества, отправляется въ Европу отыскивать старое. Ихъ встрѣчаешь въ гостиницахъ какъ Англичанъ, одержимыхъ сплинномъ, по дорогѣ въ Италию. Эти виргiйскiе и каролинскiе бродяги покупаютъ во Францiи развалины аббатствъ, разводятъ въ Мелюнѣ англiйскiе сады изъ американскихъ дере-

пьютъ. Изъ Нью-Йорка Нью-Йоркъ получаетъ пѣвицъ и парижеровъ, изъ Парижа моды и англійцевъ, изъ Лондона грунтовъ и бойцовъ; но чужеземныя увеселенія не дѣлаютъ союза веселья. Для развлечения бросаются въ Ниагару при рукоплесканіяхъ пятидесяти тысячъ полудикихъ колонистовъ, которыхъ даже в самой смерти не удастся разсѣнить.

Но всего удивительнѣе то, что въ тоже время, какъ неравенство состояній выходитъ изъ предѣловъ и возникаетъ аристократія, сильное уравнительное стремленіе извѣстѣ заставляетъ промышленниковъ и владѣльцевъ скрывать роскошь, утаивать богатство отъ страха, чтобы не убилъ сосѣди. Ни какая исполнительная власть не признается, самовольно изгоняютъ мѣстныхъ начальства, избранныя прежде, и на мѣсто ихъ поставляютъ новыя. Это не разстроиваетъ порядка; демократія на практикѣ соблюдается; насмѣхаются же надъ законами, учрежденными тою же демократіею на теоріи. Духъ семейный почти не существуетъ; лишь только дѣти въ состояніи работать, какъ оперившаяся птичка долженъ онъ летѣть на собственныхъ крыльяхъ. Изъ этихъ освобожденныхъ поколѣній въ раннемъ сиротствѣ и изъ эмигрантовъ, переселяющихся изъ Европы, составляются общества, возмѣняющія постоянное жилище; они воздѣлываютъ землю, роютъ каналы и переносятъ свою промышленность повсюду, не привязываясь къ землѣ; они селятся въ пустыняхъ, гдѣ проѣзжій владѣлецъ едва ли останется на нѣсколько дней.

Холодный и жесткой эгонизмъ господствуетъ въ городахъ; пистры и доллары, банковые билеты и деньги, возвышеніе и пониженіе фондовъ, составляютъ предметъ всѣхъ разговоровъ; подумаешь что находишься на биржѣ или въ конторѣ богатого магазина.

Журналы огромнаго размѣра, наполнены изложеніемъ дѣлъ или грубою болтовнею. Безсознательно ли по карлются Американцы законамъ климата, въ которомъ растительная природа кажется пользуется на счетъ животной, законамъ, опровергаемымъ замѣчательнѣйшими умами: впрочемъ этихъ опроверженій никто не могъ доказать.

Соединенныя Штаты — колонія а не отечественная земля; у нихъ нѣтъ прошедшаго и нравы ихъ поставлены законами; они стали на ряду съ народами въ то время какъ политическія идеи измѣнялись. Это объясняетъ почему они съ такою быстротою преобразуются. Постоянное общество здѣсь невозможно, во первыхъ, потому что люди очень скучны, во вторыхъ по невозмож-

люди оставаться на одномъ мѣстѣ и по господствующей потребности всегда быть въ движеніи: нельзя же постоянно оставаться тамъ, гдѣ пенаты скитаются. Американецъ живущій у большой океанской дороги во главѣ прогрессивныхъ идей новыхъ какъ и его страна, нажется наслѣдовать отъ Колумба призваніе открывать другіе міры, но не создавать ихъ.

Возвратясь изъ пустынь въ Филадельфію, я не нашелъ ожидаемыхъ векселей: это было началомъ денежныхъ затрудненій, которымъ я всю жизнь подвергался.

Фиргуна и я возненавидѣли другъ друга съ перваго нашего свиданія. По словамъ Геродота, какіе-то муравьи въ Индіи накаплиютъ кучи золота; Аэний утверждаетъ что солнце подарило Геркулесу золотой корабль, чтобы плыть на островъ Ермоію, жилище Гесперидъ; хоть и муравей, я однако не имѣю чести принадлежать къ индійской породѣ; хоть и мореплаватель, я никогда не перѣзжалъ воды въ иномъ суднѣ кромѣ простаго соснового. На такомъ же воротился я изъ Америки въ Европу. Капитанъ далъ мнѣ мѣсто въ долгъ. Десятаго Декабря 1791 года, сѣлъ я на корабль со многими соотечественниками, также возвращавшимися во Францію по разнымъ причинамъ. Корабль отправился въ Гавръ.

Внезапный западный вѣтеръ схватилъ насъ у выходу изъ върѣки Делавэра и въ семнадцать дней пригналъ на другой берегъ Атлантическаго океана. Солнце ни разу не показывалось.

Я пересылъ океанъ, въ темнотѣ; никогда не казался онъ мнѣ такимъ печальнымъ. Я самъ еще печальнѣе возвращался, обманутый съ перваго шагу въ жизни: «Не строить дворцовъ на морѣ,» сказалъ Феридъ эддинъ персидскій поэтъ.

Я чувствовалъ на душѣ какую-то тягость, какъ будто приближеніе страшной невзгоды. Проводя взоръ по волнамъ я разспрашивалъ у нихъ о судьбѣ своей, или писалъ и болѣе досаду на пошѣху отъ ихъ движенія чѣмъ страшась ихъ угрозы.

По мѣрѣ приближенія къ Европѣ вѣтеръ становился сильнѣе и сильнѣе, но дулъ ровно и изъ однообразія его ярости рождался родъ вѣстовой тиши на блѣдномъ небѣ и на сѣромъ морѣ.

Цѣлыя двѣ ночи я проходилъ по палубѣ: море ревѣло во мракѣ, суровый вѣтеръ свѣтилъ въ снастяхъ, волны покрывали и открывали декъ, вокругъ насъ происходилъ настоящій мятежъ валовъ. При наступленіи третьей ночи, уставши отъ ударовъ и толчковъ, я легъ. Время было ужасное. Койка моя трещала подъ натискомъ волнъ, которые разражаясь о корабль повреждали его кор-

дусъ. Поворотъ поднималъ бѣготу съ одного дека на другой; а умишлялъ надевѣ кадетовъ: испытала такое ощущение такое чувствуешь при поворотѣ корабля, съ одной стороны на другую. Отрывается люкъ, испуганный голосъ зоветъ капитана: что то было грозное въ этомъ голосѣ, раздавшемся во мракѣ полночи среди ночи и бури. Я сталъ прислушиваться: кажется моряки спорятъ о мѣстоположеніи какой-то земли. Я рассказываю съ востелю; волна заливаетъ каюту и опрокидываетъ столы, постели, ящики, мебель, оружіе; я улежу на палубу полу утопленникомъ. Вылезувъ голенау въ открытый воздухъ я былъ пораженъ дивнымъ зрѣлищемъ. Судно пыталось поворотить но не могло и пошло подъ вѣтеръ.

При свѣтѣ тощей луны, которая выщирала изъ тучъ и точась же въ нихъ провадала можно было разузнять съ одного борту в съ другаго сквозь желтую мглу, берега, утыканные острыми утесами. Въ тѣсномъ проливѣ, куда мы попали, волны вздымались горами, то разрывались въ пѣну и испарили, то являли поверхность, масляную и стеклянную, убовавшую пятнами черными, желтыми, зеленоватыми, смотря по цвѣту отиѣсей, на которыхъ онѣ ревяли. На двѣ или три минуты пучина и пространство сливались въ одно; потомъ явственно можно было различить свистъ рифовъ, шумъ потока, гулъ приближающагося вала. Изъ полости корабля доходилъ шумъ, отъ котораго билось сердце самаго неустрашимаго матроса. Ночь корабля упирается въ густую массу воды съ ужаснымъ трескомъ, а у руля потокъ воды льется какъ изъ открытаго шлюза. Но въ этомъ страшномъ шумѣ нѣтъ ничего страшнаго какого-то глухаго шелесту, похожаго на шелестъ наполняющагося сосуда. При свѣтѣ большаго фовара разложили географическія карты, виды морскихъ приставей, путевые журналы. Порывъ задулъ огонь. У всякаго были свои предположенія на счетъ этой земли. Мы вошли въ каналъ сами того не замѣтивъ. Кораблекрушеніе казалось неизбежно, и пассажиры собирали и укладывали свои драгоценности.

За невѣніемъ священника, одинъ изъ французскихъ матросовъ запѣлъ гимнъ къ Notre-Dame de Bon Secours, первую молитву, выученную мною въ дѣтствѣ, на берегахъ Бретани. Американскіе матросы, изъ протестантовъ, присоединились къ вѣнію товарищей католиковъ: опасность неучастъ людей создавать свою слабость, и соединяетъ ихъ въ молитвѣ. Пассажиры и моряки всѣ были на палубѣ, какъ вдругъ капитанъ закричалъ: «Те-

морь, топоръ! — чтобы рубить матты, но вдругъ кому-то пришла счастливая мысль бросить лотъ. Просили и нашли двадцать саженъ глубины. Радостный крикъ смѣнилъ отчаяніе; наши прибавили *vive le roi!* — и мы вскорѣ вывободились изъ тѣснины между двумя островами, но не были еще внѣ опасности. Наконецъ отливъ вынесъ насъ въ широкое море, и мы обогнули мысъ Лагубъ. Я вовсе не былъ смущенъ во время этого полукруженія и не обрадовался при спасеніи. Лучше ударъ отъ жизни, пока человѣкъ молодъ, нежели быть прогнаннымъ силою времени. На слѣдующій день мы вошли въ Гавръ. Всѣ жители обѣжались смотреть на насъ. Матты наши были изломаны, лодки сорваны водой, состояніе судна — ужасно. Второго января 1792 я снова вступилъ на родную землю. Я привезъ съ собой, изъ Эскимосовъ полярныхъ странъ, во двухъ невѣдомыхъ дикарей, *Шактаса* и *Аталу*.

Я писалъ брату въ Парижъ о подробностяхъ перѣзда, объяснялъ причины возвращенія и просилъ одолжить сумму необходимую для платы за проѣздъ. Братъ отвѣчалъ, что письмо мое отослано къ матушкѣ. Она не заставила меня ждать; она доставила мнѣ возможность расплатиться и выѣхать изъ Гавра. Она увѣдомила меня также, что Люсилъ была у нее съ дядею де Бедѣ и со всѣмъ семействомъ. Эти вѣстія побудили меня отправиться въ Сенъ-Мало, гдѣ я могъ посоветоваться съ дядею о своей эмиграціи.

Дорогою изъ Гавра въ Сенъ-Мало я могъ замѣтить слѣдствіе раздоровъ и бѣдствій Франціи: замки сожжены или оставлены, владѣльцы бѣжали, женщины укрывались въ городахъ. Деревни и села стонали подъ тираническимъ игомъ клубовъ.

Матушка и всѣ родные приняли меня съ любовью, хотя и говорили о неблаговременномъ возвращеніи. Графъ-де Бедѣ намѣревался со всѣмъ семействомъ уѣхать въ Джерзей. Недостатокъ въ деньгахъ препятствовалъ мнѣ присоединиться къ арміи, собиравшейся подъ знаменами французскихъ привацевъ. Путешествіе въ Америку нанесло большой ущербъ моему состоянію; съ запрещеніемъ феодальныхъ правъ я лишился всего, что доставалось мнѣ по праву младшаго; небольшіе же доходы, получаемые мною въ качествѣ члена Мальтійскаго ордена, выѣтъ со всѣмъ принадлежащимъ духовенству, достались націи.

Это стеченіе обстоятельствъ рѣшило важнѣйшій шагъ въ моей жизни: меня женили.

Въ Сентъ-Мало, куда въ отставку вышел де-Лавинь, капитанъ въ Лудовика, Оливий (Фрэнсисъ) губернаторъ. Проведши Бретань Графъ д' Артонъ оставался у него въ домѣ, и вслѣдствіи пріятельн. дознанія, общими испованіи всякую его просьбу. У де-Лавиня было два сына: одинъ изъ нихъ женился на мадамъ де-ла-Пласьеръ. Два дочери, рожденныя отъ этого брака, остались еще въ дѣтствѣ сиротами, безъ отца и безъ матери. Старшая вышла за графа Пласон-Паридъ, капитана корабля флота, сына и внука адмирала, вице-командиръ адмирала съ предвѣдѣнтой и попендантъ морского корабля въ Бретань. Младшей, отшедшей у дяди было семнадцать лѣтъ, когда и возвратился изъ Алжины въ Сентъ-Мало. Она была сама собой и носила свои туфли, вышитыя отъ природы вышивы въ Голландіи. Состояніе ея составляло отъ пяти сотъ до шести-сотъ тысячъ франковъ.

Сестры нов задумали женить нов на мадамъ де-Лавинь, которая была въ большой дружбѣ съ Лавинью и дѣла елихли безъ моего вѣдома. Я видѣлъ подвизалъ де-Лавинь по Бретань трехъ или четырехъ разъ, но всегда узнавалъ ее по розовой шубѣ, бѣлому платку, и темнорусымъ развѣтывающимся волосамъ, когда сидѣла на вѣстивой берету предвѣдѣнныя горы, старинной любовницы мой.

Я не признавалъ въ себѣ ни одного качества необходимаго для мужа. Вся мечта моя была что такъ свѣжи, что нѣчто свѣжитъ не востощалось, путешествія еще удвоили энергію. Муза моя преслѣдовала меня. Но Лавинь любила мадамъ де-Лавинь, и въ этомъ бракѣ видѣла независимость моего состоянія. - Дѣлать что хочешь - сказала я. Какъ общественный человѣкъ, и чиновникъ, въ частной же жизни живу отъ всякаго что захочетъ овладѣть мною, и чтобъ избѣгнуть какой испортности, я готовъ сдѣлаться рабомъ на цѣлую жизнь.

Согласіе дѣдушки, да и съ отцовской стороны и главнѣйшихъ родственниковъ легко было получить: оставалось убедить дядю по матери де-Воверъ, страшнаго деспота; онъ же согласился на бракъ племянницы съ такимъ аристократомъ какъ я. Можно было обойтись и безъ его согласія, но матушка по благочестію своему, требовала чтобы вѣчаніе совершилось священникомъ, не прислугившимъ, а этого нельзя сдѣлать иначе какъ въ таинствѣ. Де-Воверъ узналъ и напустилъ на насъ судебную стѣну подъ предлогомъ нарушенія законовъ, и нашего дѣтскаго состоянія ума, въ которомъ будто бы дядя находился. Мадамъ де-Лавинь стала такъ мадамъ де-Шатобрианъ, но тутъ же у алтара была возше-

да у меня отъ идеи юстиціи и заключаеца въ монастырь По-бѣды въ Сентъ-Мало, до рѣшенія суда.

Во время этого не было ни пражурченія ни любви; бракъ нашъ только дурной стороной походилъ на романъ: истиной преносса начался, и судъ призналъ бракъ нашъ действительнымъ въ гражданскомъ отношеніи. Родственники обоихъ семействъ были согласны, и де-Веверу пришлось отказаться отъ преслѣдованія. Конституціонный священникъ, получивъ щедрую плату, не протестовалъ противъ предварительнаго брачнаго благословенія, и мадамъ де-Шатобрианъ вышла изъ монастыря куда и Люсиль заключилась было вмѣстѣ съ нею.

Мнѣ пришлось сводить новое законодство; къ счастью, въ женѣ моей я нашелъ все чего только могъ желать. Не думаю, чтобы какая либо женщина обладала болѣе тонкимъ умомъ: она отгадываетъ мысль в слова зараждающіеся на челѣхъ для на устахъ того съ кѣмъ говорятъ, невозможно обмануть ее ни въ чемъ. Съ умомъ оригинальнымъ и образованнымъ, съ любопытствомъ самымъ плѣнительнымъ, она рассказываетъ восхитительныя вещи. Она удивляется мнѣ, не прочтешь двухъ строкъ изъ моихъ сочиненій, потому что боится встрѣтить въ нихъ идеи, не сходныя съ своими, или открыть, что ко мнѣ нѣтъ нѣмѣ энтузіазма нежели сколько я заслуживаю. Она хорошій и свѣдущій судья, хотя пристрастный.

Неудобства жены моей, если есть неудобства, происходятъ отъ избытка качествъ: мои же недостатки, весьма существенныя, происходятъ отъ безплодности моихъ качествъ. Легко имѣть самоотверженіе, терпѣніе, снисхожденіе ко всѣмъ, всегда спокойное расположеніе духа, когда ни въ чемъ не принимаешь участія, всѣмъ скучаешь, и счастье и несчастье встрѣчаешь одинаковымъ, отчужденнымъ: «Что нужно!» Жена моя добрѣ меня, хотя совсѣмъ не такъ снисходительна. Но развѣ я могу не упрекать себя въ отношеніи къ ней? Показалъ ли я всѣ чувства, которыхъ она заслуживала, и которыхъ принадлежали ей по праву? Жаловалась ли она когданибудь? Наслаждалась ли счастьемъ въ награду за любовь всегда неизмѣнную? Она раздѣляла всѣ мои невзгоды: во время Терроризма брошена была въ темницу, подвергалась преслѣдованіямъ при Имперіи, немилости при Бурбонахъ; материнскія радости не облегчали ея печалей. Если бы она вышла за другаго, быть можетъ у нее были бы дѣти, которыхъ она любила бы до безумія. Одиноко, безплодно приближалась она къ

старости, лишенная вниманія и нѣжности, которыя обнаруживаютъ мать семейства, и утѣшаютъ женщину въ потерѣ молодости.

Гордость носить мое имя не могла вознаграждать ее, потому что она часто въ разлукѣ со мною была чужда литературѣ. Она боялась и трепетала только за меня одного; непрерывно возобновляющееся тревожное безпокойство отнимало у нее сонъ и время для исцѣленія. Я—постоянная ея болѣзнь и причина возобновленія этой болѣзни. Могу ли сравнивать небольшія неприятности, которыя она мнѣ дѣлала, съ печальми, которыя я ей причинялъ? Могу ли противопоставлять свои качества, каковы бы они ни были, ея добродѣтелямъ, питавшимъ бѣдныхъ, воздвигшимъ больницу Маріи Терези, несмотря на всѣ препятствія? Чтѣ значать мои труды въ сравненіи съ ея христіанскими подвигами? Когда мы оба предстанемъ предъ судилищемъ Всевышняго—я буду осужденъ.

Словомъ, разсматривая сущность и недостатки своего характера, я сомнѣваюсь, точно ли женитьба испортила мою будущность? Конечно, у меня было бы болѣе свободы и спокойствія; я былъ бы лучше принятъ въ нѣкоторыхъ обществахъ, и нѣкоторые знаменитыми людьми; но жена хотя и противорѣчила, однако никогда не могла остановить меня въ политическихъ дѣлахъ: какъ въ дѣлахъ чести, я руководствуюсь здѣсь только собственными чувствами. Многочисленіе и лучше ли были бы мои сочиненія, еслибъ я былъ не зависимъ? Развѣ не встрѣтился бы случай, какъ и увидать послѣ, что женись въ Франціи, я бы пересталъ писать и отказался отъ отечества? Еслибы я не женился, то могъ бы быть жертвою какой-нибудь недостойной твари, расточилъ и обезславилъ бы свою жизнь какъ лордъ Байронъ. Теперь, когда я состарѣлся, безумныя страсти уже потухли и отъ нихъ остались только пустота сердца и горькія сожалѣнія, чтѣмъ бы я былъ? Старымъ холостякомъ, не заслуживающимъ уваженія, обманутымъ или разочарованнымъ старой птицей, которая повторяетъ одну и ту же пѣсню всякому кто даже и не слушаетъ. Полная свобода желаніямъ не прибавила бы ни одной струны къ моей лирѣ, ни одного сладкаго звука моимъ пѣсанямъ.

Быть можетъ необходимость обуздывать страсти, скрывать втайнѣ думы сердца, усиливала энергію моихъ звуковъ, воодушевляла сочиненія гучнымъ чувствомъ, тайнымъ пламенемъ. Все бы исчезло при свободномъ дыханіи любви. Связанный неразрывными узами, я купилъ нѣкоторою горечью пріятности, кото-

рыми теперь наслаждаюсь. Одно только неисцѣлимое страданіе осталось отъ всѣхъ бѣдствій моей жизни.

Вѣчною, нѣжнѣйшею признательностью обязанъ я женѣ моей, любовь которой была также трогательна какъ чистосердечна и безпредѣльна. Она сдѣлала жизнь мою возвышеннѣе, благороднѣе, достойнѣе, внушая всегда уваженіе къ обязанностямъ, хотя и не всегда давала силу исполнять ихъ.

Я женился въ концѣ марта 1792, а двадцатаго апрѣля Законодательное Собраніе объявило войну Францаску Второму, сыну и преемнику Леопольда. Война выгнала изъ Франціи и остальныхъ дворянъ; потому что съ одной стороны преслѣдованія удвоились, съ другой, роялистамъ нельзя было оставаться въ бездѣйствіи, чтобы не сочли ихъ за трусовъ: мнѣ должно было отправляться въ лагерь, пріѣхавши такъ издалека. Дядя де-Бедѣ отправился съ семействомъ въ Джерзей, а я съ женой и сестрами Люсилью и Юліей въ Парижъ.

Мы наняли квартиру въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьи. Я воспѣшилъ возобновить прежнія знакомства, и въ обществѣ литераторовъ, съ которыми прежде имѣлъ сношенія, встрѣтилъ новыя лица: ученаго аббата Бартеlemi и поэта Сент-Анжа. Аббатъ слишкомъ вѣрно срисовалъ аѳонскіе теремы съ парижскихъ гостинныхъ. Переводчикъ Овидія былъ не безъ таланта, но талантъ даръ, вещь отдѣльная, которая можетъ и соединяться съ другими умственными способностями, и быть въ разладѣ съ ними. Сент-Анжъ служитъ доказательствомъ этого; онъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ, чтобы не казаться скотомъ и никакъ не успѣвалъ. Бернарденъ де-Сен-Пьеръ, котораго кисти я всегда удивляюсь, не былъ уменъ; къ несчастью и характеръ равнялся у него уму. Сколько картинъ испорченныхъ въ его *Etude de la nature* отъ ограниченности ума и отъ недостатка возвышенности въ душѣ автора!

Рюлиеръ умеръ скоропостижно въ 1791, передъ отъѣздомъ своимъ въ Америку. Въ послѣдствіи, я видѣлъ его домикъ въ Сен-Дени, фонтанъ и хорошенькую статую Амура, на пьедесталѣ котораго находите слѣдующіе стихи.

D'Egmont avec l'Amour visita cette rivé:
 Une image de sa beauté
 Se peignit un moment sur l'onde fugitive:
 D'Egmont a disparu: l'Amour seul est resté:

Когда я уѣзжалъ изъ Франціи, въ Парижскихъ театрахъ раздавались еще матежные куплеты пьесы *le Reveil d'Epiménide*.

По возвращеніи моемъ объ этой мерзкой рѣчи не было и помину. Недавно дебютирующій Тальма занималъ публику своими усціхами. На улицахъ была трагедія, а на театрѣ процвѣтали идилліи! Только и представляли что невинныхъ пастушковъ и дѣвственныхъ пастушекъ; поля, дуга, ручейки, барашки, горлицы, золотой вѣкъ подь соломенной кровлей, все оживало подь звуками свирѣли воркующихъ Тирисовъ и наивныхъ *tricoloreuses*, только что насладившихся зрѣлищемъ гильотины. Будь у Сансона время, а думаю овъ пошелъ бы сыграть роль Колена, а маисель Тероннь де-Мирнкуръ роль Бабеты. Члены Конвента-любили слыть людьми прекроткими, добрыми отцами, добрыми сыновьями, добрыми мужьями; сами водили дѣтокъ гулять, сами служили имъ кормилицею; плакали отъ нѣжности, смотря на невинныя игры ихъ, осторожно брали на руки этихъ крошекъ, чтобы показывать имъ куколокъ на тюремныхъ телѣжкахъ везшихъ жертвы на казнь. Она воспѣвали природу, миръ, благочестіе, благотворительность, чистосердечіе, всѣ домашнія добродѣтели; въ порывѣ филантропій отрѣзывали головы своимъ сосѣдямъ, съ отминою чувствительностію для блага рода человѣческаго.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Самыя плачевныя извѣстія: музыки уже нѣтъ въ Европѣ, — кромѣ одной Англій. Все что поеть, играетъ, пляшетъ, всѣ артистическія знаменитости, всѣ великіе и малые мужи на разныхъ инструментахъ, всѣ красавицы по части искусства, ищутъ убѣжища за моремъ. Генеральная эмиграція талантовъ. Чего Англія уже не вмѣщаетъ въ себѣ, то отправляется въ Америку. Можно себѣ представить состояніе не только музыки, но и веселости въ Германіи, Австріи и Италиі: всѣ извѣстѣйшіе актрисы бѣжали съ твердой земли. Иоганнъ Гунгль спасся изъ Вѣны съ оркестромъ своимъ въ Соединенныя Штаты. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали туда еще три большіе оркестра. Виртуозовъ и не сочтешь. Сѣверная Америка, земля вовсе не музыкальная, покрыта этими несчастными выходцами. Многіе бросаютъ искусство и съ отчаянія дѣлаются земледѣльцами въ пустыняхъ. Въ Лондонѣ, пишеть Павофка, повсюду на улицахъ слышишь только французскій языкъ: и все это — музыканты, пѣвцы, пѣвицы, актеры, актрисы, живописцы. Лучшіе французскіе живописцы безпрестанно переселяются въ Англию. Музыкальные журналы въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Парижѣ, закрываются одинъ за другимъ. Въ Лейпцигѣ закрылась извѣстная

Allgemeine musikalische Zeitung, существовавшая единicomъ штидцать лѣтъ со славою и дѣйшая авторитетъ въ нѣмецкой музыкѣ. Въ послѣднемъ номерѣ своемъ она извѣстила, что Верди сочинилъ двѣ новыя оперы, изъ которыхъ одна назначена для Петербурга, а другая для Неаполя, и съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ скончалась.

— Верди, огромнѣйшій талантъ, самый оригинальный кондизиторъ изъ всѣхъ нѣдѣшнихъ, Верди крѣпко не въ милости у старыхъ школъ и полудавшихъ париковъ. Парижской музыкальной академіи предстояло въ послѣднее время избрать члена на мѣсто покойнаго Доницетти. Верди былъ представителемъ кандидатомъ. Академія отвергла его и — въ кресла Доницетти — посадила *Шюра*. Ограниченность понятій въ классѣ записныхъ музыкантовъ не воображима. Для этихъ окаменѣлыхъ череповъ видъ Бетговена и Моцарта — нѣтъ музыки. Восторгъ всегдѣ образованнаго и одареннаго чувствомъ міра заставилъ ихъ, съ горестью сердца, признать Россіи гениальнымъ поэтомъ звуку. Съ Россіи свылдѣсь они наконецъ. Но Верди, который смѣлыми вдохновеніями своими потрясаетъ массы, которымъ восхищается вся Италія, который покорила уже себя англійскую публику, имѣвшую случай услышать творенія его разыгранными отлично, добросовѣстно, подъ руководствомъ самаго автора, который не допустилъ злонамѣренному предубѣжденію исказить ихъ, Верди для нихъ — варваръ. Они отзываются объ немъ какъ объ извергѣ, за то, что онъ никому не подражаетъ, не такъ сочиняетъ какъ всѣ, позволяетъ себѣ нововведенія.

— Италіанская опера возстанавливается въ Парижѣ. Подъ предводительствомъ Ронкони, Лаблашъ, Маріо и Альбони соединились для основанія новой труппы. Каstellанъ прійметъ въ ней участіе. Черито принуждена оставить Парижъ. Надѣются на возвращеніе Карлотты Гризи. Люцилла Гравъ, которая теперь въ Англии, ангажирована въ Берлинъ, гдѣ, къ удивленію, италіанская опера удержалась. Синьора Фодоръ и Лабочетта, прелестный теноръ, котораго достоинства слишкомъ мало знаютъ въ Европѣ — два главные украшенія этой оперы. Въ Парижѣ одна только комическая опера держится еще довольно успѣшно, благодаря милости, которою пользуется у публики *Le Val d'Andorre*, сочиненіе, достигшее уже сорока представлений. Эту оперу готоятся доставить на сцену въ Брюссель и въ Берлинъ.

— Джени Линдъ дасть въ Англии благотворительныя кон-

перты. Концертъ ея въ Манчестерѣ доставилъ главной болѣе около десяти тысячъ рублей серебромъ. Магистратъ города отправилъ къ ней съ депутаціей благодарственный листъ на гербаментѣ. Процессъ Джени Линдъ съ директоромъ друи лондонскаго театра кончился миролюбивою сдѣлкою: она заплатила истеръ Бонну двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ неустойки, а онъ отказался отъ присужденныхъ ему проторъ и убытковъ, которые простирались еще до тысячи фунтовъ, и подавшая пѣвицу апелляція уничтожена. Джени Линдъ ангажирована на вытѣлий сезонъ въ Театръ Королевы, но это, говорятъ, послѣдняя ея вокальная кампанія, послѣ которой желаетъ она успокоиться на своихъ лаврахъ вождѣ будущаго супруга. Увѣряютъ, что она выходитъ замужъ въ Лондонѣ, за нѣкотораго дилетанта изъ высшаго дворянства. Известная пѣвица Софія Лѣве, вышла между тѣмъ за князя Фридриха Лихтенштейна.

О Листѣ ничего неизвѣстно. Листъ пропалъ. Газеты перестали говорить объ немъ. Нѣкоторые увѣряютъ, будто онъ женился гдѣ-то въ Германіи на Русской. Но Оле-Будль воскресъ: его слышали въ Христианіи, по случаю одного народнаго праздника.

=

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ.

=

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. Ш. Пезиткина,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

=

(Цѣны на серебро.)

=

ИЗСЛѢДОВАНИЕ объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса Таврическаго. Соч. Кёне. Спб., 1848 года. Цѣна 4 руб., вѣсов. за 3 фунта.

АМЕРИКАНСКІЕ ЗОЛОТОШКАТЕЛИ. *Воспоминанія Испанца изъ путешествія въ Калифорнію, 1848.* Позвольте же и мнѣ, бѣдному Испанцу, сказать что-нибудь о Калифорніи и золотѣ, когда это — предметъ такой интересной теперь для всѣхъ. Статься-можетъ, я скажу что-нибудь по дѣльнѣе того вздору, который нынче говорятъ повсемѣстно и ежедневно. Во-первыхъ, я не солгу — изъ гордости: я — Испанецъ!... Это уже великое дѣло. Во-вторыхъ, я не имѣю нужды никого обманывать: не банкротъ, слава Богу — и путевыхъ «Впечатлѣній» не сочиняю. Я пріѣхалъ 22 мая изъ Вера-Круса въ Новый-Орлеанъ, по моимъ торговымъ дѣламъ. Распросивъ о самомъ близкомъ къ гавани boarding-house, я велѣлъ свести себя туда. Boarding-house — родъ гостиницы, гдѣ даютъ квартиру со столомъ: въ этихъ заведеніяхъ — кромѣ всего комфорту неподобныхъ сѣверо-американскихъ трактировъ — вы находите, почти всегда, еще пріятное семейное общество.

Размѣстивъ поклажу въ моей комнатѣ, я сошелъ въ гостиную: завтракъ былъ поданъ; хотѣли садиться за столъ.

Три osoby между всѣми этими незнакомыми мнѣ лицами, особенно привлекли мое вниманіе.

Первая, молодая осьмнадцати или двадцатилѣтняя дѣвушка, принадлежала, безспорно, къ этой прекрасной и крѣпкой американской породѣ, которую излишество образованности еще не растлило. Правильныя черты ея свѣжаго личика, большіе голубые глаза, великолѣпные каштановые волосы; ослѣпительный, хотя немного загорѣлый цвѣтъ лица, составляли цѣлое, если не поэтъ.

тическое и благородное, по крайней мѣрѣ очень пріятное. Я узналъ впоследствии, что это дочь хозяйки и что ее зовутъ миссъ Аннета Б***.

Вторая особа — былъ колоссальный Американецъ, вѣроятно, изъ Кентеки. Я сидѣлъ возлѣ него. Черные сюртукъ и панталоны, чистые, но изношенные, бѣлый галстухъ, бакенбарды, сбритые наравнѣ съ нижней оконечностью ушей, лицо только-что выбритое, холодный видъ, который онъ желалъ сдѣлать важнымъ, придавало ему сходство съ деревенскимъ докторомъ, приглашеннымъ на консультацію въ сосѣдній замокъ. Костюмъ его, слишкомъ строгій для утра, составлялъ любопытный контрастъ съ атлетическими формами и съ огромными членами, которыя покрывалъ онъ. Усѣвшись прежде всѣхъ, сосѣдъ мой началъ уписывать съ удивительнымъ проворствомъ кушанья, стоявшія передъ нимъ. Ломти холодной телятины и ростбифа, вареная рыба, яйца съ окорокомъ, овощи, плоды и варенье, все вмѣстѣ, скоро возвысилось въ видѣ пирамиды на его тарелкѣ.

Наконецъ, третья особа, которая съ долговязымъ Кентеки и съ хорошенкою миссъ Аннетой имѣла честь, какъ я уже сказалъ, привлечь мое вниманіе, сидѣла на другомъ концѣ стола, почти напротивъ меня. Это былъ мужчина, какихъ лѣтъ — двадцати или тридцати-пяти — трудно было опредѣлить по его загорѣлому лицу, худому, костлявому, безъ бороды. Тонкія руки, узкія и спорблевныя плечи, гибкое туловище, показывали, что тѣлесная сила его не могла стать на равнѣ съ силой сосѣда моего Кентеки; однако мнѣ казалось, что я угадалъ въ немъ одинъ изъ тѣхъ сухихъ и нервныхъ темпераментовъ, которые, мы Испанцы, называемъ *aguante*; подобно тростнику они легко переносятъ бурю, между-тѣмъ какъ дубъ падаетъ сломанный и побѣжденный. Этотъ человекъ, судя по его блестящему и безуклюдому костюму, долженъ былъ только съ недавняго времени принадлежать къ тому, что обыкновенно называется свѣтомъ. Галстухъ, сняго цвѣту, пришпигленъ былъ къ вышитой багрястою рубашкѣ двумя большими изумрудами, въ богатой, но грубой золотой оправѣ, усыпанной мелкими рубинами и топазами. Огромная, также массивнаго золота, цѣпочка окружала шею и спускалась изгибами въ карманъ парчеваго жилета, поддерживая толстые и вышедшіе изъ моды часы, съ корпусомъ, испещреннымъ мелкими брилліантами и другими драгоценными каменьями. Пальцы тонкихъ и удивительно красивыхъ рукъ исчезали до половины подъ слоемъ всѣхъ возможныхъ перстней.

Столько же равнодушный къ завтраку какъ Кентеки дорожилъ нѣмъ; эта странная фигура оборачивалась, время отъ времени, къ слугѣ, стоявшему сзади ея стула, произносяла съ иностраннымъ акцентомъ болѣе или менѣе исковеркованное названіе какого-нибудь европейскаго вина, потомъ презрительно обмакивала въ стаканъ губы, предлагала собесѣдникамъ остатокъ бутылки, и во весь обѣдъ съѣла только яйцо и апельсина.

Исключая омішнаго костюма и странной наружности, человекъ этотъ возбудилъ бы вниманіе наблюдателя любопытнымъ выраженіемъ взгляда. Глаза, хотя отъ природы блестящіе, были однако неподвижные и выражали съ перваго взгляду, умъ ниже обыкновеннаго; нѣсколько сдерживаемыхъ молвій, которыя бросали они, когда оборачивались къ прелестной миссъ Аннетъ, молвій непримѣтныхъ для того кто не былъ какъ я хорошо знакомъ съ краснокожими дикарями, показали мнѣ, что равнодушный и почти бессмысленный видъ моего vis-à-vis за столомъ, былъ просто обманчивой маской, которую онъ своей твердой волей наложилъ себѣ на лицо. Съ этихъ поръ я могъ опредѣлить къ какой націи принадлежалъ онъ. Покамѣстъ привнесли чай, Кентеки, котораго тарелка переставъ служить основаніемъ красивой пирамиды, уже описанной нами, представляла плоскую и ослѣпительно бѣлую поверхность, Кентеки, говорю я, вычистивъ себѣ старательно ногти, занимался чтеніемъ американскаго журнала the Daily-News.

«Да о! о!» вырвавшіяся изъ его широкой груди съ жаромъ и съ выраженіемъ глубокаго изумленія, заставили поднять головы всѣхъ собесѣдниковъ.

— Важная новость, сэръ? спросилъ другой Американецъ.

— Да, очень важная!

— Позвольте узнать!

— Но, отвѣчалъ Кентеки послѣ минутнаго размышленія, эта новость можетъ быть славной спекуляціей, и чѣмъ менѣе она извѣстна, тѣмъ лучше.

— Тогда вы напрасно выразили ваше удивленіе.... Я со вниманіемъ прочту Daily-News.

Кентеки снова подумалъ нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ отвѣтилъ.

— Да, я напрасно закричалъ «о! о!» сказалъ онъ наконецъ. Впрочемъ, можетъ-быть, вы ужъ не найдете въ журналѣ этого открытія.

— Такъ это открытіе?

Американскій гигантъ замѣтилъ вѣроятно, что одинъ изъ его ногтей не былъ совершенно чистъ, и началъ царапать его жеюмъ вмѣсто отвѣту.

Окончивъ завтракъ, посѣтители boarding-house вышли изъ гостиной, исключая Кентеки, Американца, расприщивавшаго его такъ безуспѣшно и человека съ загорѣлымъ лицомъ и съ пальцами въ перстняхъ.

Послѣдній зажегъ свѣчу небольшую сигаретку изъ бѣлой бумаги, вопреки обычаю, который запрещаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ курить при женщинахъ. Любопытный Американецъ взялъ журналъ the Daily-News, чтобы найти тамъ, какъ онъ говорилъ, открытiе, поразившее Кентеки, между-тѣмъ какъ тотъ, вытаскивъ изъ кармана старые серебряные часы, говорилъ дочери хозяйки, миссъ Аннетъ Б^{***} :

— У меня остается пять минутъ, которыя я не знаю какъ провести.... Позвольте мнѣ, миссъ, употребить ихъ на то, чтобы выразить вамъ ту благородную любовь и уваженiе, которыя вы мнѣ внушаете.

При этомъ любезномъ комплиментѣ миссъ Аннета покраснѣла отъ восхищенiя, а мать ея улыбнулась съ очевиднымъ удовольствiемъ. Кентеки же, впродолженiи пяти минутъ, стоялъ выпрямившись передъ молодой дѣвушкой, разсматривая ее и со вниманiемъ и съ х ~~адвокатомъ~~; потомъ, когда прошелъ срокъ, посвященный для любви, онъ взялъ шляпу, надѣлъ ее на голову и вышелъ, сказавъ своей невѣстѣ :

— Миссъ Аннета, надѣйтесь на меня, я все еще люблю васъ... Кстати, хлопчатая бумага повизлилась на полъ-десятыхъ на сто... До свиданiя!

Только что любезникъ Кентеки затворилъ дверь гостиной, Американецъ, все-еще читавшiй Daily-News, вскрикнулъ отъ удивленiя :

— Ахъ! By God! если извѣстiе справедливо.... это чудо что такое!...

Такъ какъ мистриссъ Б^{***} представила меня своимъ пэксiонаромъ, я могъ заговорить съ Американцемъ безъ боязни прослыть неучтивымъ.

— Кажется, вы нашли? сказалъ я, указывая пальцемъ на журналъ.

— О! это чудеса, отвѣчалъ онъ: чудеса!... и такъ невѣроятно, что, право, я готовъ счесть это пуфомъ....

— Посмотримъ, что это за пуфъ....

— Изъ Калифорніи пишутъ редактору журнала Daily News, что на берегу рѣки Сакраменто открыли такое количество золота въ порошокъ, что одинъ человѣкъ можетъ легко собрать до фунта въ день.... Невѣроятно.... не правда ли? Однако статья наполнена подробностями и носитъ отпечатокъ истины, что совершенно сбиваетъ меня съ толку.... Читайте.... отъ этого тысячу разъ благословеннаго Сакраменто, если только Daily News говоритъ правду, Соединенные Штаты обогатились бы болѣе чѣмъ отъ владѣнія серебряными рудниками Новаго Свѣта!...

Я хотѣлъ взять журналъ, подаваемый мнѣ Американцемъ, какъ вдругъ смуглый человѣкъ, бросившись, подобно тигру, съ своего мѣста возлѣ камню, очутился прямо противъ меня.

— Что говорятъ о Сакраменто? спросилъ онъ глухимъ голосомъ по испански.

Движеніе его такъ меня удивило, что я не отвѣчалъ съ минуты.

— Ну отвѣчайте же!... отвѣчайте же!... продолжалъ онъ съ яростью, что говорятъ о Сакраменто?

— Говорятъ, что тамъ открыли богатые золотые рудники!..

— Пласег, то есть, россыпи или рудники?

— Пласег, по нашему по-испански, в рудники по-английски....

Отвѣтъ мой произвелъ страшное дѣйствіе на моего собесѣдника; блѣдное лицо его, несмотря на смугловатость, посвѣбло, зубы сжались съ силою, глаза сверкнули мрачнымъ блескомъ; я думалъ, что ему сдѣлалось дурно.

— Чѣмъ же вы такъ сильно интересуетесь въ этомъ открытіи, кавальеро? спросилъ я.

— Какъ, чѣмъ? интересуюсь, повторилъ онъ съ удивленіемъ, полнымъ ярости, какъ моей собственностью, этотъ пласег былъ мой!...

Я посмотрѣлъ на него съ состраданіемъ, думая, что имѣю дѣло съ сумасшедшимъ.

— О! я понимаю языкъ вашихъ глазъ, продолжалъ онъ грустно; вы думаете, что говорите съ безумцемъ. Мое имя успокоить васъ, надѣюсь, и объяснить мое отчаяніе: меня зовутъ Рафаэль Кириво.

— А! вы Рафаэль Кириво? повторилъ я машинально.

Дѣло въ томъ, что имя Рафаэль Кириво было мнѣ совершенно незнакомо.

— Вы конечно, Мексиканецъ! продолжалъ я опять, чтобы не прервать разговора, начинавшаго интересоваться меня.

Владѣтель золотыхъ розсыпей казался очень удивленъ этому вопросу.

— Развѣ я могу быть не Мексиканцемъ? сказалъ онъ; вѣстаютъ, что Рафаэль Кирино царь золотоскателей, родился въ Калифорніи, возлѣ гавани Санъ-Франсиско.

Этотъ отвѣтъ, объяснивъ мнѣ ту восторженность, съ которой Кирино произнесъ свое имя, напомнилъ мнѣ эту фамилію, зарытую между многочисленными воспоминаваніями моихъ путешествій. Въ самомъ дѣлѣ я часто его слышалъ въ 1845 году во время пребыванія въ Монтерее.

Человѣкъ, стоявшій передо мною, не только не былъ сумасшедшимъ, но напротивъ того рѣдкимъ и любопытнымъ типомъ тѣхъ отважныхъ gambusinos — такъ называютъ въ Калифорніи и въ Соворѣ золотоскателей — которые беззаботно рыскаютъ по обширнымъ пустынямъ Новаго Свѣта, пренебрегая скальпелемъ Индѣйца, томленіями жажды, зубами тигровъ и ягуаровъ.

Отчаяніе, съ какимъ онъ принялъ извѣстіе объ открытіи розсыпей въ Сакраменто, убѣдило меня также, что существованіе этихъ розсыпей было дѣйствительно справедливо, и придало мнѣ живѣйшее желаніе осязѣдиться объ этомъ подробнѣе. Я предложилъ ему выкурить сигарку у меня въ комнатѣ; онъ не заставилъ себя долго просить. Встрѣча съ человѣкомъ, говорящимъ съ нимъ однимъ языкомъ, казалось принесла ему большое удовольствіе.

— Извините, сеньоръ Кирино за вопросъ мой, сказалъ я когда мы ушли въ моей комнатѣ; повѣрите я спрашиваю васъ не изъ любопытства, а изъ участія: какимъ образомъ очутились вы въ Новомъ Орлеанѣ?

— Мое присутствіе здѣсь цѣлая исторія, отвѣчалъ гамбусино, опять ставъ хладнокровенъ, благодаря своей твердой волѣ. Угодно, я вамъ разкажу?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Исторія эта простая заключается въ нѣсколькихъ словахъ: шесть мѣсяцевъ тому назадъ я встрѣтился въ Калифорніи съ караваномъ Американцевъ, въ которомъ находилась Аннета съ матерью. Я тотчасъ страстно влюбился въ дочь нашей теперешней хозяйки. Я былъ тогда въ такомъ восхищеніи отъ открытія сакраментскихъ розсыпей, что предложилъ не колеблясь прекрасной Американкѣ пять сотъ унцій золота (десять тысячъ рублей серебромъ), то есть, все что у меня было, за одно свиданіе... она отказалась. Отказъ этотъ, котораго я не ожи-

далъ, усилилъ любовь мою до такой степени, что она скоро превратилась въ одну изъ тѣхъ страшныхъ, неодолимыхъ страстей, которую одинъ мы гамбусино умѣемъ ощущать когда на время возвращаемся къ общественной жизни. Я бросился къ ея ногамъ, умолялъ остаться въ Калифорніи, клялся ей Спасителемъ, что женись на ней черезъ шесть мѣсяцевъ и на свадьбу подарю ей на полъ милліона золотого порошка.... Въ этотъ разъ она даже не разсудила за благо отказать мнѣ.... она приняла меня за сумасшедшаго. Что еще вамъ сказать? На другой день послѣ этой сцены, караванъ уѣхалъ, я послѣдовалъ за нимъ. Черезъ два мѣсяца, я самъ того не зная, очутился въ Новомъ Орлеанѣ.

— А съ тѣхъ поръ, что вы дѣлали?

— Любилъ и страдалъ. Я замѣтилъ почему сеньорина Аннета не имѣла ко мнѣ никакого вѣжнаго чувства. Равнодушіе ея происходило отъ привязанности, наполнявшей ея сердце.... стыжусь признаться.... она обожаетъ этого страшнаго Американца, подлѣ котораго вы сидѣли за столомъ..... этотъ Кентекъ по имени Джонъ-Беллъ долженъ скоро на ней жениться.... а чего я не дѣлалъ, чтобы понравиться Аннетѣ! истратилъ въ четыре мѣсяца безумно, безъ всякаго удовольствія, почти все пять-сотъ унцій золота.... хотѣлъ ей показать, что она имѣетъ дѣло съ кавальеро! сбросилъ одежду гамбусино и нарядился въ ливрею городскихъ щеголей.... она не тронулась ни чѣмъ!.. и когда подумаешь, что ея глупому предпочтенію къ Джонъ-Беллу, я одолженъ потерей сакраментскихъ розсыпей! Впрочемъ кто знаетъ, можетъ быть участь этого Джонъ-Белла будетъ такъ жалка, что вмѣсто того, чтобы на него жаловаться, я принужденъ буду жалѣть о немъ ...

Насмѣшливая горечь, съ которою гамбусино произнесъ эти слова, заставила меня задуматься. Мнѣ были хорошо извѣстны обычаи и характеръ этихъ неукротимыхъ обитателей пустыни; я зналъ, что у нихъ дѣйствіе слѣдуетъ за мыслью. Размышленія, приходившія мнѣ на умъ, были такого рода, что я не могъ сообщить ихъ сеньору Кирвию. Я продолжалъ разговоръ.

— Но мнѣ кажется, донъ-Рафаэль, сказалъ я, что у васъ есть прекрасное средство получать руку миссъ Аннеты.... Вамъ стоитъ только сказать ей объ розсыпяхъ сакраментскихъ. Многочисленные и извѣстные примѣры открытій напряміръ—*bonaparte Nabogame* — придали бы, не говоря о вашей репутаціи, большой вѣсъ вашимъ словамъ. Я удивляюсь какъ вамъ не пришло это въ голову.

— Разсказать объ открытіи розсыпей! повторилъ Кирино съ глубокимъ удивленіемъ. Но вы развѣ не знаете Гамбусино? Истинный Гамбусино человекъ необыкновенный. Для него выгоды не существуютъ, корысть ему неизвестна. Золото, добываемое имъ трудами до того опасными, что разсказъ объ нхъ перешелъ бы границы вѣроятности, это золото онъ расточаетъ безумно, безъ всякой цѣли, безъ сожалѣнія, для удовлетворенія малѣйшей прихоти. Предложите Гамбусино въ нищотѣ миллионъ дохода съ условіемъ, чтобы онъ отрелся отъ своего занятія... онъ откажетъ не колеблясь ни минуты.

— Такъ вы трудитесь для славы?

— Для славы! Чтѣ намъ до этого пустаго, бессмысленнаго слова? Зачѣмъ птица іасо сражается съ змѣею? Отчего у большей части животныхъ есть антипатіи и симпатіи совершенно безпричинныя? Никто не знаетъ! Тоже самое и съ Гамбусино. Какая неодолимая сила гонитъ его безпрестанно въ пустыню? Откуда у него эта жгучая жажда золота, которую не можетъ удовлетворить владѣніе безчисленными богатствами? Никто этого не объяснитъ! мы повинемся судьбѣ неумолимой, инстинкту сильнѣе нашей воли! Вы сейчасъ говорили о набогамскихъ розсыпяхъ, продолжалъ Кирино, одушевляясь все болѣе и болѣе. Ну! вѣдь открылъ-то ихъ я!... Вы вѣрно не забыли, хотя двѣнадцать лѣтъ отдѣляютъ васъ отъ этого воспоминавія, какой шумъ произвело то удивительное извѣстіе, что въ пескахъ департамента Sonora-y Sinaloa находится цѣлый океанъ золота!... Какимъ образомъ разгласилась моя тайна, я не знаю... Это всегда такъ случается.... Впрочемъ въ набогамскихъ розсыпяхъ заключались богатства больше тѣхъ, которыя корыстолюбіе Американцевъ можетъ найти въ Сакраменто! Менѣе чѣмъ въ три мѣсяца, болѣе двадцати тысячъ человекъ, прибѣжавшихъ съ жаждою, съ надеждами, наполнили пустыню своей безумной радостью, своими бѣшенными страстями. Одни обогащались въ одинъ день и одинъ разомъ падали подъ ножомъ таинственнаго и неизвестнаго убійцы; другіе бѣдные, безъ всякихъ средствъ, по немнѣвную глотки воды, чтобы освѣжить пылающее и истрескавшееся горло, по немнѣвную нѣсколькихъ мансовыхъ зеренъ, чтобы поддержать ихъ силы, умирали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огромнаго сляка, который обогатилъ бы ихъ на всю жизнь!

А я по наружности безстрастный свидѣтель всѣхъ этихъ радостей и горестей, я страдалъ.... о! такъ страдалъ какъ не судяло челоѣку страдать! Страстный любовникъ, который видитъ обо-

жаемую любовницу въ дерзкихъ и постыдныхъ рукахъ, между тѣмъ какъ самъ въ оковахъ не можетъ летѣть къ ней на помощь, только онъ одинъ въ состояніи понять, что я чувствовалъ тогда!

Разсѣлъ Кирино живо взволнованный, остановился на минуту.

— О, Набогамъ! Набогамъ! продолжалъ онъ потомъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою: какихъ ужасныхъ картинъ ты былъ свидѣтелемъ! Сколько разъ несокъ твой, покрытый костями лошаковъ, издохшихъ отъ жажды, топтала жадность, обагрля кровь занести и мщенія!...

— Я понимаю, что жадность могла вооружить въ Набогамъ какихъ-нибудь подлецовъ, сеньоръ Кирино, но не мщеніе....

Странная улыбка промелькнула на лицѣ Гамбусино.

— Я не объясню, отвѣчалъ онъ, а рассказываю. Извѣстно, что самые счастливые набогамскіе золотоскатели, всѣ пали подъ таинственнымъ и роковымъ ножомъ.

— Неужели?

Я пристально посмотрѣлъ на Кирино; лицо его опять стало безстрастно и глаза снова приняли обыкновенное выраженіе равнодушія, почти безсмыслія.

— Развѣ Гамбусины имѣютъ привычку убивать другъ друга? спросилъ я, окончивъ вслухъ мысль, пришедшую мнѣ на умъ.

— Гамбусины, отвѣчалъ онъ, существа проклятыя, которыхъ Богъ въ гнѣвъ своемъ назначилъ увѣковѣчить кровавыя предавія; но они убиваютъ не изъ выгоды, не изъ жадности.... А эти бродяги, которые подобно грвѣамъ (*zorolotes*) кидаются тысячами на новооткрытыя россыпи, это *gascadores* (царапаны), а не Гамбусины.

— Скажите мнѣ, донъ-Рафаель, какъ вы думаете, правда ли какъ увѣряютъ, что въ верхней Калифорніи, въ Новой Мексикѣ и въ департаментѣ Сонора у Синалоа заключаются еще баснословныя и неизвѣстныя богатства, груды чуднаго золота?

— Правда! отвѣчалъ Кирино съ принужденнымъ и осторожнымъ видомъ.

— Ну, переставьте, довѣрьтесь мнѣ.... я вѣдь не соперникъ.... вы можете говорить со мной откровенно.

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы рассказали мнѣ эпизодъ изъ вашей пустынной жизни.... невозможно, чтобы вы, Кирино, царь золотоскателей, не былъ героемъ какого нибудь удивительнаго приключенія.

— Вы не ошибаетесь.... Я видѣлъ и трогалъ богатства, ко-

торыхъ ни одинъ христіанскій взоръ, ни одна человѣческая рука не видала и не касалась до меня.... Товарищи мои это знаютъ, и если я еще живъ, то это только потому, что надежда побѣждаетъ въ явхъ заиствъ.... они еще думаютъ подстеречь мою тайну.

— Но я вѣдь не соперникъ....

— Нѣтъ; но вы можете быть эхомъ.... а признаюсь, ваше лицо и обращеніе мнѣ понравились, и мнѣ будетъ очень жаль если я буду принужденъ когда-нибудь всадить вамъ въ горло ножъ.... Право, лучше перестанемъ говорить объ этомъ.

Мнѣ однако не хотѣлось остановиться на половинѣ такъ грубо прерванныхъ открытій Гамбусино и я попробовалъ изобротиться.

— Оставимъ въ сторонѣ, сказалъ я, предметъ разговора, который можетъ навлечь удары ножомъ.... и поговоримъ лучше о Сакраменто.... Вамъ это не противно?

— Нисколько: я готовъ. Спрашивайте, я стану отвѣчать.

— На сколько, думаете вы, будетъ тамъ золота?

— Вы начинаете труднымъ вопросомъ.... сакраментское золото—я говорю о томъ мѣстѣ въ Сакраменто, которое *извѣстно*—должно доходить, судя по цвѣту и мѣстоположенію, до пятидесяти милліоновъ....

— Пятьдесятъ милліоновъ! Счастливъ тотъ, кто первый явится туда!

— Да, вы правы.... первый.... и только первый....

— Однако пятьдесятъ милліоновъ могутъ составить много отдѣльныхъ состояній.

— Позвольте: я сказалъ, что сакраментскія розсыпи могутъ содержать пятьдесятъ милліоновъ.... но не дадутъ такой суммы.... Когда золотыя частичы съ поверхности земли собраны, добытка золота, зарытого и разбросаннаго подалеже въ почвѣ, потребовала бы издержекъ по крайней-мѣрѣ равныхъ его цѣности.... Больше прибыли пахать маисовое поле, чѣмъ разрабатывать розсыпь.

— И такъ вы того мнѣнія, что открытіе этихъ розсыпей не будетъ имѣть никакого вліянія на могущество Соединенныхъ Штатовъ?

— Никакого.

— А вы предполагаете, что точно существуетъ океанъ золота, какъ вы выразились, говоря о Набогамъ, котораго открытіе можетъ измѣнить судьбу цѣлаго народа.

— Конечно существуетъ, отвѣчалъ Кирино: но почему этотъ вопросъ.

— Точно.... опять вопросъ для удара ножомъ.... не такъ ли? Ну, воротимся къ Сакраменто. Вы не вѣрите, что случай открылъ не однимъ вамъ, а и другимъ лицамъ существованіе этихъ розсыпей....

— Ахъ! я это знаю хорошо! Я предчувствовала уже это несчастіе и готовъ былъ начать дѣйствовать, когда моя глупая страсть къ сивьорниѣ Аннетѣ, заставила меня потерять драгоценное время. Проклятое колесо пыльной мельницы, построеной недавно моимъ знакомымъ Американцемъ Маршалломъ, было вѣроятно невинной причиною этой катастрофы. Нѣсколько разъ я былъ принужденъ прикрывать свѣжею землею кучку промытаго песку, образованную движеніемъ колеса, и на которой мерцали золотыя блестки.

— А теперь что вы думаете дѣлать?

— Какъ вы можете спрашивать меня объ этомъ! вскричалъ Кирино. Я сейчасъ сравнивалъ себя съ любовникомъ, который видитъ какъ оскорбляютъ его любовницу.... А я увѣренъ, что если бы это могло когда нибудь случиться, то любовникъ нашелъ бы жестокое и раздражающее удовольствіе присутствовать при этомъ оскорбленіи.... онъ предпочелъ бы скорѣе быть свидѣтелемъ, чѣмъ узнать объ этомъ послѣ, потому что человѣкъ дошедшій до высшей точки страданія, долженъ наконецъ ощущать дикое и ѣдкое сладострастіе, углубляться въ свою горестъ, разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. И потому я твердо намѣренъ воротиться какъ-можно скорѣе въ Калифорнію, на берега Сакраменто.

Слова Гамбусино нисколько меня не удивили. Съ давняго времени я привыкъ встрѣчать въ болѣеи части Мексиканцевъ, даже между тѣми, которые принадлежали къ послѣднимъ классамъ общества, высокую, поэтическую силу и рѣдкое изящество разговора.

— Хорошо, я понимаю до нѣкоторой степени ваши причины отвѣчалъ я, но послѣ того какъ вы наглядѣлись на грабежъ вашихъ розсыпей, что вы будете дѣлать?

При этомъ вопросѣ, обыкновенно такое незначительное и безцвѣтное лицо Гамбусина приняло оттѣнокъ глубокой печали, важнаго, серьезнаго, почти торжественнаго выраженія.

— Тогда я вручу жизнь свою Богу! отвѣчалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы рѣшаетесь на самоубійство!... колноте пожалуйста!...

— О! лѣтъ! вы меня не поняли.... я хочу совершить подвигъ, къ которому стремлюсь уже столько лѣтъ! Снова поѣду въ пустыню, увижу это золото, которое ни одинъ человѣческій взоръ не видѣлъ до меня, это золото до котораго я дотанцился упираю отъ жажды и до того слабый, что едва могъ защищаться отъ нападеній хищныхъ птицъ, принимавшихъ меня за трушъ.... Но я чувствую.... мнѣ не удастся!...

— Ну! а тогда?

— Имя мое увеличить огромный погребальный списокъ Гамбусиновъ, таинственно исчезнувшихъ въ пустынѣ.... черезъ двадцать лѣтъ я буду уже преданіемъ, обвитымъ иракомъ....

— Если у васъ есть такое роковое предчувствіе, зачѣмъ не откажетесь вы отъ вашего намѣренія?

— И хотѣлъ бы да не могу.... Эта неодолимая сила, этотъ неизяснимый инстинктъ, о которомъ я говорилъ вамъ, противъ воли гонитъ меня къ гибели.... знаю, что иду на смерть, а иду.... что же дѣлать? поневолѣ человѣкъ покоряется своей судьбѣ, повинуется своей натурѣ!

Этотъ Кирино, котораго я видѣлъ въ первый разъ въ жизни, представлялъ такую странную смѣсь глубокой грусти и твердой покорности судьбѣ, что я, противъ воли, чувствовалъ къ нему влеченіе. Не думая о мрачныхъ и кровавыхъ пятнахъ, вѣроятно, помрачавшихъ его прошедшее, я отъ всего сердца протянулъ ему руку.

— Довъ Рафаэль, сказалъ я, позвольте мнѣ какъ Испанцу считать васъ соотечественникомъ, предложить вамъ дружбу... можетъ-быть она будетъ вамъ не бесполезна.... я еще не отчаиваюсь, признаюсь, уговорить васъ измѣнить ваши будущія намѣренія.

Гамбусино дружески сжалъ мою руку и отвѣчалъ только улыбкой недоверія и медленнымъ отрицательнымъ движеніемъ головы.

Я простился съ нимъ, потому что мнѣ надо было заняться дѣлами. Мы условились сойтись за обѣдомъ. Остатокъ дня прошелъ для меня въ неприятностяхъ. Важныя событія во Франціи, жалкое положеніе торговли въ Мексикѣ, и недоверіе, внушаемое этой страной и преданной анархіи, были причиной формальныхъ отказовъ во всѣхъ домахъ куда являлся я, для полученія въ кредитъ товаровъ, которые желалъ свезти въ Вера Крусъ. Возвра-

тившись въ boarding-house, я былъ въ ужасно дурномъ расположеніи духа. Всѣ сѣдѣли уже за столомъ: обѣдъ начался.

Сжавъ дружески руку новаго знакомаго моего Гамбусино, я опять усѣлся на прежнее мѣсто возлѣ долговазата Кентеки Джона Белла. Этотъ американскій Голяеъ, вѣрный своимъ привычкамъ, воздвигъ уже на своей тарелкѣ огромную пирамиду изъ всѣхъ различныхъ кушавьевъ, загромождавшихъ столъ; но о чуде! вершина этого гастрономическаго зданія была еще цѣла!

Джонъ Беллъ, задумчивый, углубленный въ размышленія, забывалъ объ ѣдѣ; можетъ-быть даже онъ не былъ голоденъ! Я не могъ, несмотря на свои заботы, не замѣтить этого факта.

— Вы больны? спросилъ я.

— Да! отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, я боленъ душой.

— Душой? невозможно!

— О, yes! душой. Я думаю съ утра о статьѣ, которую я прочелъ въ Daily-News.

— Объ открытіи сакраментскихъ рудниковъ?

— Сакраменто! Сакраменто! о! о! вы отгадали.... Странно какъ это вы отгадали.... право очень странно!...

— Ну такъ что же вамъ до этой новости?

— Какъ? Что такое? вскричалъ Кентеки.

— Но если это извѣстіе справедливо, я сейчасъ ѣду.... Черезъ три мѣсяца я заработаю сорокъ тысячъ долларовъ.

— Ну такъ поѣзжайте.... извѣстіе справедливо.

Я думалъ, что съ колоссальнымъ Кентеки сдѣлался апоплексическій ударъ, до того лицо его пабагровѣло. Нѣсколько минутъ онъ не могъ притти въ себя отъ волненія.

— Полагаю, что вы говорите серьезно, спросилъ онъ наконецъ.

— Вы полагаете справедливо. Я говорю тѣмъ серьезно, что знаю того кто открылъ сакраментскіе рудники....

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Кентеки, оттолкнувъ величественнымъ жестомъ тарелку, всё-еще украшенную пирамидой. А позвольте узнать кто это?

— Этотъ самый сеньоръ Рафазъ Кирино, который вотъ здѣсь засѣдаетъ.

— Сеньоръ Рафазъ! вскричала миссъ Алнета, прелестно покраснѣвъ.

— Онъ самъ, миссъ. По этому предмету онъ вѣшалъ со мной

въ такія подробности, что я, ни минуты не могъ сомнѣваться въ его словахъ....

— Que disent? (что говорятъ они) спросилъ Гамбусино, не очень хорошо понимавшій по-англійски. Они кажется говорятъ обо мнѣ?

— Вотъ этотъ кавалеръ, поспѣшно отвѣчала миссъ Аннета испански и указывая на меня, положительно утверждаетъ, что вы открыли сакраментскія розсыпн.

— Сеньоръ говоритъ правду, отвѣчала холодно Кирино.

— Стало-быть, продолжала миссъ Аннета съ нѣкоторымъ волненіемъ и запинаясь, эти полъ-милліона, о которыхъ вы мнѣ говорили.... вы ихъ не выдумали, чтобы обмануть меня?

— Я говорилъ вамъ о полъ-милліонѣ только для того, чтобы не прослыть въ вашихъ глазахъ сумасшедшимъ.... мнѣ бы надо было упомянуть о двухъ милліонахъ....

— Зачѣмъ вы не сказали! вскричалъ Кентекн съ отчаяніемъ; вы бы женились на миссъ Аннетѣ, мы бы составили съ нами товарищество для разработки сакраментскихъ рудниковъ.... и всѣ мы были бы счастливы!

— Да, всѣ счастливы! отвѣчала тихо прелестная Американка.

Рафаэль Кирино вмѣсто отвѣта началъ свистать сквозь зубы арію фанданго.

Выйдя изъ за стола Гамбусино взялъ меня за руку и предложилъ прогуляться: я согласился.

— Что вы думаете объ Американкахъ? спросилъ онъ когда мы вышли на улицу.

— Я думаю, что онѣ дочери и сестры негодяевъ.

— Вашъ отвѣтъ мнѣ нравится, онъ справедливъ. Никогда не говорите мнѣ больше о моей слабости, я стыжусь ея.

— Ба! вы слѣдовали истинниту, вотъ и все.

— А вы довольны ли вашимъ днемъ? спросилъ меня улыбаясь Рафаэль.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я очень боюсь, что, прѣбавъ въ Соединенные Штаты я потерялъ и время и деньги, и дѣла, которыя я надѣялся окончить, кажется не удадутся.

— Тѣмъ лучше!

— Еще, тѣмъ лучше! Благодаренъ за участіе!

— Послушайте, сказалъ Кирино, принявъ серьезный видъ, будьте готовы завтра. Я долженъ черезъ два или три дня присоединиться къ каравану, отправляющемуся въ Монтер. Хотите ѣхать со мной?

— Чтò за смѣшныи идея; утѣшить меня въ Калифорнію!

— Я просто предлагаю вамъ разбогатѣть. Обдумайте хорошенько, прежде чѣмъ вѣдываете отказать.

— Благодарю васъ отъ всего сердца.... но вы понимаете, что мнѣ невозможно рѣшиться тотчасъ.

— Я вѣдь вамъ сказалъ, обдумайте!

— Непремѣнно. Позвольте мнѣ теперь спросить васъ, сеньоръ Кирियो, откуда происходитъ ваше участіе, къ человѣку, совершенно вамъ незнакомому, чуждому вамъ пока?

Грустная улыбка проскользнула по губамъ Гамбусино.

— Я принимаю въ васъ участіе, отвѣчалъ онъ, именно потому что не зная меня, вы предложили мнѣ вашу дружбу и протянули руку.... потому что въ вашихъ глазахъ я уловилъ молнію истинной симпатіи.... единственной дружбы и первой симпатіи, оказанныхъ мнѣ человѣческимъ существомъ....

— Вы преувеличиваете, сеньоръ Кирियो....

— Увы! пѣтъ, я не преувеличиваю.... Мы Гамбусины, вѣчно подвержены зависимости всѣхъ и каждого, и умѣемъ читать во взорѣ людей также вѣрно какъ въ пескахъ пустыни.... живя въ безпрерывной недовѣрчивости, легко отгадываемъ подъ видомъ благосклонности, запамято и нѣмѣну.... А вашъ симпатическій взоръ повторяю вамъ, проникъ до глубины моего сердца.... Не удивляйтесь же, что я хочу отблагодарить васъ богатствомъ, которе впрочеь, ничего мнѣ не стоитъ, за живѣйшее удовольствіе, какое когда либо улаждало мою жизнь.... послушайте меня.... не отказывайтесь....

— Благодарю и принимаю! вскричалъ я, почти противъ воли, увлеченный видомъ правдушія и глубокаго убѣжденія, царствовавшихъ въ отвѣтѣ Гамбусино.

— Такъ дѣло конечно, сказалъ онъ, мы поѣдемъ черезъ три дня.

— Трехъ дней мало для моихъ покупокъ!

— Какіхъ покупокъ?

— Товаръ, который я хочу продать золотомъсителямъ.

— Не нужно, купите пузырьки хинины, заступъ, хинингалъ... этого довольно.

— Вотъ хорошій да богатый товаръ предлагаете вы мнѣ....

— А дружбу-то мою вы считаете ни за чтò, отвѣчалъ Кирियो съ живыми вырженіями упрека.

— Выносить, вскричалъ я, поѣдемъ покупать хинины, заступъ и хинингалъ.... Я больше не стану васъ разспрашивать.

Черезъ три дня отправились мы изъ Нового Орлеана въ Мексикю. Первый человекъ, котораго мы встрѣтили на мѣстѣ, значащемъ для сборища каравана, былъ Кентекки Джонъ-Белль. На его повозкѣ громоздились сундуки, тщательно закрытые, а въ повозкѣ, которую я нанялъ для друга моего Раесаля и для себя, были только, кромѣ провизии и дорожной палатки, пумпекъ съ хининой и заступъ.

Книжаль заткнулъ я за кожаный поясъ, а о послѣдующемъ — если позволите — доскажу вамъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

ОХОТА ЗА ЛЬВАМИ ВЪ АБИССИНИИ. Три европейскіе путешественника, родомъ Французы, *messieurs Lefebure, Petit et Vignaud*, скитаются по Абиссиніи — зачѣмъ и когда, мы этого не знаемъ, — но одинъ изъ нихъ рассказываетъ въ газетѣ «*Semaine*» свои подвиги и приключенія, изъ которыхъ мы заимствуемъ только встрѣчу этихъ парижскихъ львовъ со львами области саваннаго племени Азебро-Галла.

Мы оставляли христіанскую часть Абиссиніи. Необходимо было умножить предосторожности, по-крайней-мѣрѣ до прибытія въ Эдды-Могенн. Мы еще разъ удостовѣрились, въ исправности ли наши оружія, и поѣхали ближе другъ къ другу. Вскорѣ увидѣли мы верховыхъ; это былъ конвой, который выслалъ на встрѣчу къ намъ Абдаллаха.

Наружность этихъ защитниковъ не могла внушить большаго довѣрія. Однако мы ничего не показали и благополучно добрались до Эдды-Могенн.

Въ этомъ городѣ — до двухъ тысячъ душъ. Дома съ конической кровлей, покрыты соломой; стѣны изъ стоячихъ бревенъ, переплетенныхъ хворостомъ. Но что за великолѣпіе горизонтъ! Къ западу и къ сѣверу цѣнь огромныхъ горъ, съ вершинами, теряющимися въ облакахъ, и массы эти покрыты густой и всегда свѣжей растительностью; къ востоку плодоносная долина, которая чрезвычайно эффектно оканчивается на западъ невысокими, желтыми, сѣроватыми горами. Долина эта очень лѣсистая, обилуетъ всякаго рода дичью, особенно сайгами и всѣхъ видовъ газелими, что и привлекаетъ туда хищныхъ звѣрей во множествѣ. Жители, принужденные защищать стада отъ ихъ обжоранности, привыкли сражаться съ ними, и выказываютъ въ этихъ борьбахъ удивительную силу и ловкость. Хозяинъ нашъ, узнавъ, что намъ желательно видѣть охоту за львомъ, не заставилъ долго себя просить и сыскалъ испытаннаго охотника, изъ своихъ родственни-

кентъ, который убилъ уже трехъ львовъ и носилъ на шеѣ, въ видѣ знака отличія за храбрость, три серебряныя цѣпочки. Назначили охоту на слѣдующее утро и, поважбѣтъ, охотникъ остался съ нами. По угожденіямъ, которыя расточали ему дочери хозяина, можно было легко судить, что успѣхи у прѣкраснаго пола нѣсколько не уступали другимъ подвигамъ этого знаменитаго воина. Впрочемъ, тамошнія женщины созданы для того, чтобы ввѣщать страсть: прелестны собою, съ чудесными формами; единственныи недостатокъ ихъ — какая-то жесткость въ взглядѣ, похожемъ на взглядъ дикихъ звѣрей.

Безъ сомнѣнія, званіе Европейцевъ и смѣлость, съ которою мы отваживались вѣститься среди этого лютаго народу, ввѣщали намъ высокое мнѣніе объ нашемъ мужествѣ: молодыя дѣвушки увивались около насъ, а тѣ, которымъ поручено было обмыть намъ ноги, казались, гордились этой должностію. Надобно замѣтить здѣсь, что женщины христіанской Абиссиніи пугаются при видѣ Европейца, и совсѣмъ не показываютъ къ нимъ той же симпатіи, какъ къ своимъ соотечественникамъ. Для приготовленій къ отъѣзду не надо было будить насъ. Мы цѣлую ночь не могли сомкнуть глазъ, по причинѣ невообразимаго множества клоповъ. Въ нѣсколько минутъ кожа наша покрылась шишками: мы принуждены были лежать вѣтъ и провести ночь на стульяхъ, потому что отважиться на прогулку въ потьмахъ, рѣшительно невозможно въ этой сторонѣ. Если бы мы и не наткнулись на ножъ людей Азебро Галдѣ, то навѣрно не избѣгнули бы зубовъ гіенны или барса.

Только при наступленіи дня кончилась наша пытка. Хозяинъ накормилъ насъ завтракомъ и послалъ за всадниками, которые должны были служить намъ конвоемъ. Какъ только всѣ собрались, мы пустились въ путь: было семь часовъ утра. Труппа наша состояла изъ тридцати верховыхъ и около сотни пѣшихъ; сначала мы прошли нѣсколько колкоаловыхъ аллей, раздѣлявшихъ поля, засѣяныя кукурузою, тоомъ, роа abyssinica, но вскорѣ достигли до того, что Англичане называютъ jungles, степи, по-рошей частью камышемъ и кустарникомъ.

Тутъ находились всѣ виды акацій и множество родовъ теребнта. Дикая смоковница также разстлала свою тѣнь, приглашающую къ покою. Пройди степь, потомъ деревню Ouare-Ouau, смежную съ Эда-Могони, мы принуждены были сойти съ лошадей: кустарникъ былъ такъ частъ и вѣтви такъ переплестены между собою, что даже безъ всадниковъ лошади проходили съ трудомъ.

Черезъ четверть часа мы увидѣли обширный лугъ, кончавшійся густымъ лѣсомъ, въ которомъ, какъ намъ сказали, водятся львы. Время отъ времени встрѣчали также на дорогѣ слѣды слона. Сначала мы поскакали было въ галопъ, но къ лѣсу стали приближаться съ осторожностью. Наша охота могла бы начаться блестящимъ образомъ, потому что семь слоновъ прошло мимо насъ; къ несчастію, наши ружья были слишкомъ малаго калибра, а мѣсто слишкомъ плоско, опасно было подвергнуть сопровождавшихъ насъ пѣшеходовъ преслѣдованію этихъ страшныхъ животныхъ, яростно-бѣшеныхъ, когда на нихъ нападаютъ. Въ охотѣ за львомъ они не подвергались такой опасности. Левъ кидается только на лошадь и всадникъ можетъ даже спастись, если сойдетъ съ лошади.

На разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ лѣсу мы остановились, и послали двухъ пѣшеходовъ разсмотрѣть берега лужи, гдѣ львы обыкновенно утромъ утоляютъ жажду послѣ ночнаго разбоя. Они возвращаются и объявляютъ, что нашли не далеко оттуда скелетъ сайги, вѣроятно съѣденной ночью, потому что еще видѣются слѣды льва по направленію къ другому лѣсу, направо отъ насъ.

— Если бы намъ удалось открыть логовище этого льва, сказали наши разыщники; охота будетъ нетрудна: левъ долженъ быть тяжелъ отъ вчерашняго ужина.

Отправившись по тому направленію, которое они намъ указали, мы увидѣли, что они не обманулись; свѣжіе слѣды показывали, что левъ недавно тутъ проходилъ: ктому жъ лошади пришли вдругъ въ сильное волненіе; протянутыя уши, надутыя ноздри, лихорадочное и нерѣшительное движеніе въ поступи, указывали на близость врага: пока не обнюхались и не привыкли къ запаху звѣря, онѣ не хотѣли идти впередъ. Пѣшеходы скупчили и сблизили щиты, такимъ образомъ, чтобы составлять родъ терепакъ, защищавшей ихъ благонадежно, держа въ правой рукѣ дротикъ, на готовѣ метнуть. Всадники остановились при лаѣ собакъ, приближавшихся къ нимъ съ поджатымъ хвостомъ, и съ видомъ, испрашивающимъ покровительства. Всѣ смолкли.

Левъ долженъ быть недалеко, сказалъ намъ тогда проводникъ: странно, что при лаѣ собакъ онъ еще не явился! вѣрно, какъ мы и говорили, отяжелѣлъ и не станетъ нападать первый.

Нѣсколько минутъ прошло въ ожиданіи; наконецъ вдругъ показался левъ; онъ шелъ медленно, глаза его были полузакрыты, какъ будто онъ еще дремалъ. Приблизившись къ намъ на ру-

жейный выстрѣлъ, онъ остановился и смотрѣлъ на насъ съ минуту; но вѣроятно найдя насъ слишкомъ многочисленными, испустилъ глухое рычаніе, поверотилъ немного въ сторону и продолжалъ дорогу съ тою же важною. Тотъ изъ насъ кто долженъ былъ начать нападеніе приготовлялся уже прищипорить лошадь, вытащилъ тяжелую саблю въ видѣ косы, и прикрылся щитомъ: я предупредилъ его ружейнымъ выстрѣломъ. Левъ вздрогнулъ и зашатался, но только на одну секунду, и тотчасъ обернулся къ намъ съ страшнымъ рычаніемъ, отъ котораго всѣ лошади поднялись вдругъ на дыбы. Я право не знаю ничего болѣе способнаго внушить страхъ какъ этотъ ужасный рыкъ. Животные съ удивительнымъ инстинктомъ отгадываютъ кто на нихъ нападаетъ. Въ эту минуту левъ былъ отъ насъ шагахъ въ пятьдесятъ, и я видѣлъ какъ молнія его свирѣпаго взора сверкнула на меня; не сомнѣваясь, что онъ выбралъ меня своей жертвой, я оставилъ бесполезное ружье и схватилъ копье одного изъ людей нашихъ, приготовившихся сражаться по абиссински; но тотъ предупредилъ меня и кинулся съ лошадью на встрѣчу льва; прежде чѣмъ левъ имѣлъ время вспрыгнуть, онъ былъ уже подлѣ него. Вдругъ лошадь поднялась на дыбы, и левъ, ставъ на заднія лапы, положилъ переднія ей на грудь. Оба присѣли, но Галла успѣлъ прежде сильно ударить саблей льва по головѣ, потому тотчасъ прыгнулъ на-земь. Левъ еще глубже запустилъ когти въ мясо бѣдной лошади; но вторымъ ударомъ сабли всадникъ срѣзалъ ему задній подколънокъ: онъ упалъ и покотился на песокъ съ страшнымъ болѣзненнымъ крикомъ; дротикъ, искусно направленный въ грудь, окончательно лишилъ его жизни. Лошадь издыхала возлѣ льва. Галла не получилъ ни одной раны.

Со льва тотчасъ содрали кожу и два человѣка взялись снести ее на древесной вѣтви.

Галла тотчасъ пустился плясать побѣдный танецъ, который состоитъ въ очень скоромъ топавіи погами, горловой пѣснѣ и судорожной мимикѣ: три отличныя изображенія неистоваго прекраснаго.

Всѣ наши люди пѣли въ тоже время честь ему, выбивая тактъ прыжками; каждый по очереди подавался впередъ, взмахивалъ оружіемъ и кричалъ:

«Я, такой-то, побѣдилъ столько-то князей на поединкѣ, зарѣзалъ столько то воиновъ, убилъ льва, да слона — и прочая.»

Когда мы приблизились къ деревнѣ, одинъ изъ всадниковъ поѣхалъ возвѣстять о побѣдѣ. Всѣ молодыя дѣвушки вышли на

встрѣчу побѣдителю. Они приближались толпами, пѣли и били въ ладоши; время отъ времени останавливались и плясали. Явились также мужчины верхомъ и начали выдѣлывать фокусы на лошадяхъ; нѣкоторые во всю прыть скакали къ герою праздника, съ копьемъ въ размаху и безъ щита; но приблизившись къ побѣдителю ловко поднимали копье и дотрогивались имъ до его ладони въ знакъ дружбы. Нѣкоторые хотѣли почтить меня этимъ доказательствомъ уваженія, что не очень было мнѣ поутру, несмотря на все довѣріе къ ихъ ловкости. Достигнувъ до дому начальника, Галла нашелъ другую лошадь, вспрыгнувъ на сѣдло и опять затащивъ свою побѣдную пѣсію; заставлялъ лошадь выполнять всѣ движенія его тѣла; его можно было принять при видѣ этого единства воли, за кентавра.

Наконецъ надо было подумать объ успокоеніи; всѣ разошлись по домамъ, чтобы приготовиться къ новымъ праздникамъ, къ которымъ пригласили и насъ. Они должны были продолжаться три дня.

На другой день явилось множество всадниковъ къ нашему хозяину. Шли до вечера, потомъ начался большой праздникъ, со всѣми военными эзерциціями галлайскаго народа. Нѣсколько импровизаторовъ, выступивъ на середину, прославляли знатнѣйшихъ храбрецовъ. Праздникъ еще болѣе оживился, когда побѣдителя льва торжественно внесли на носилкахъ изъ вѣтвей. На него обратилось все кокетство прелестинцевъ. Герой сошелъ съ носилокъ, вспрыгнувъ на лошадь и, въ головѣ отряду верховыхъ друзей, исполнилъ нѣсколько эволюцій. Потомъ опять принялись пить. Ночью дѣти бѣгали по городу съ зажженными лучинами, плясали на площади и по-своему производили военныя игры.

На другой день хозяинъ вручилъ побѣдителю льва подаренную мною, серебряную пѣпочку, щитъ и кусокъ краснаго сука отъ насъ. Мы сдѣлали нѣсколько подарковъ хозяину, который остался очень доволенъ. Потомъ отправились мы на плоскую возвышенность Воджератъ, гдѣ оставили было нашихъ людей въ положеніи менѣе безопасномъ нашего.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИСТЕРЪ ДЖОНЪ КУУТЕРА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ И СТРАСТНАГО ОХОТНИКА въ Западной Америкѣ и на островахъ Тихаго Океана. (Adventures on the western coast of America, etc., by John Couter. London, 2 vols) Докторъ Джонъ Коутеръ — одинъ изъ тѣхъ неутомимыхъ Англичанъ, которые въ извѣстительной стѣхн новѣйшаго общества еще сохраняютъ, какъ дра-

гощѣнное наследство, всё мужественныя качества людей англосаксонской породы. Приятно пускаться по волнамъ и степямъ въ такомъ веселомъ и откровенномъ обществѣ. Передъ нами рядъ картинъ, которыхъ главное достоинство — движеніе и разнообразіе. Навиное чистосеречіе живописца извиняетъ неопытность въ слогѣ. Предадимся очарованію этихъ впечатлѣній; живописный безпорядокъ ихъ не безъ оригинальности.

Мистеръ Коутеръ состоитъ врачомъ при экипажѣ китоловнаго судна. Не ожидайте найти въ его разсказахъ что-нибудь такое по чему бы можно было отгадать его званіе. Здоровье моряковъ, съ которыми онъ пустился въ море, не внушаетъ ему ни малѣйшаго безпокойства. Китоловы зажаренные на огнѣ экватора и замороженные во льдахъ полюса нисколько не походятъ на нервныхъ женщинъ, и докторъ находится между ними только для того, чтобы выполнить морской уставъ. У мистера Коутера одна забота: проводить время на кораблѣ какъ можно веселѣе, вѣсиваясь въ занятія моряковъ и никогда не пропуская landing-party, когда экипажъ сходитъ на берегъ. Впрочемъ приключенія разсказчика даютъ достаточное понятіе объ его характерѣ.

Мы находимся въ той части Тихаго Океана, которая лежитъ между Георгіевскими Островами и Чили; въ началѣ этого путешествія за три года назадъ, туда то переноситъ насъ докторъ, врагъ долгихъ приготовленій. Туда же — отъ Вальпарайсо до южнаго полюса — укрылись киты, прогнанные отъ сѣвернаго, но и это послѣднее убѣжище не спасаетъ отъ остроги разбѣянные остатки гигантской породы. Два китолова стоятъ въ виду одинъ другаго; тотъ на которомъ находится разсказчикъ называется *Стретфордъ*. Первое англійское, второе американское судно. На этихъ соперничающихъ судахъ, все готово, лодки спустятся въ море тотчасъ какъ завидятъ кита; царствуетъ торжественное молчаніе, только слышится плескъ волнъ подъ воздрямн животнаго. Чтобы подстрекнуть своихъ матросовъ, англійскій капитанъ общается первому кто завидитъ кита новую куртку и новые штаны. Это общаніе произвело мгновенное дѣйствіе, мачты и ванты покрываются матросами.

Едва приметная черная точка является на горизонтѣ, съ окончности передней мачты англійскаго судна раздается крикъ: это закричалъ матросъ уроженецъ острова Таити; простой глазъ Индѣйца перешеголялъ трубу капитана: точно огромный китъ направляется къ судну. Всеобщее ура раздается на *Стретфордѣ*. Пока спускаютъ въ море лодки, пока матросы првготовляются

съ жаромъ но безъ смятенія, великанъ все приближается, а за нимъ полотняное облачко указываетъ на преслѣдующій американскій корабль. Наконецъ лодки шумно падаютъ на поверхность воды, веслы положены на бортъ и ловля начинается, ловля тѣмъ болѣе интересная въ глазахъ зрителей, оставшихся на палубѣ судна, легшаго въ дрейфѣ, что національная честь привѣшивается къ побужденіямъ жадности. Американскія лодки оспариваютъ добычу у англійскихъ гребцовъ. Это минута живѣйшаго безпокойства. Покажѣтъ китоловы приближаются съ осторожностью, съ поднятой острогой, чудовище продолжаетъ бѣгъ, нечувствительное по наружности къ усиліямъ своихъ враговъ; потомъ достигнувъ до того разстоянія когда копье можетъ вонзиться въ его огромную массу, оно погружаетъ голову въ волны, страшно ударяетъ хвостомъ по брызнувшей водѣ и исчезаетъ въ пѣнистомъ водоворотѣ.

Отважные ловцы не теряютъ бодрости; они знаютъ что вырѣкъ кита продолжается не болѣе получасу или трехъ-четвертей и что часто онъ слѣдуетъ подъ волнами по той же дорогѣ какъ и на поверхности ихъ; но какъ это правило не безъ исключенія, то они допрашиваютъ безпокойнымъ взоромъ всѣ точки горизонта; лодки опять подняты на судно или плывутъ на буксирѣ. Оба судна соперничаютъ въ скорости по одному направленію, какъ лошади на скачкѣ. Англійскій капитанъ ходитъ по палубѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, и приказывая своимъ матросамъ «уткнуть глаза во всякій дюймъ моря» спрашиваетъ у буфетчика стаканъ грогу и выпиваетъ на счастье. Пѣна продолжаетъ бѣжать вдоль боковъ обонхъ кораблей, которые бѣгутъ съ одинаковой быстротою. «Ура старая Англія!» Китъ показывается вдали, черный, огромный какъ опрокинутый корабль; лодки преслѣдуютъ его; Англичане, Американцы, китъ смѣшиваются въ глазахъ задыхающихся зрителей. Въ трехъ различныхъ лодкахъ острогометы стоятъ неподвижно съ поднятыми руками; двѣ остроги въ одно время разсѣкаютъ воздухъ, китъ снова погружается въ воду среди облака пѣны, но въ этотъ разъ онъ уноситъ съ собой острогу и изъ холма водяной пыли является лодка, и мчится со всей быстротою паровоза; офицеръ командующій лодкой принадлежитъ къ *Стретфорду*; онъ махаетъ шапкой надъ головой въ кружительномъ разбѣгѣ и исчезаетъ вдали, провожаемый тройнымъ залпомъ восклицаній.

Китъ съ отчаяннымъ усиліемъ вдругъ переизмѣняетъ направленіе; англійскій капитанъ блѣднѣетъ, потому что уродъ съ бы-

стротою молніи приближается къ судну, и огромная величина не спасетъ его отъ непреодолимаго толчка съ морскимъ великаномъ. Рѣшаются на отчаянный поворотъ судна; огромное животное проводитъ борозду крови и пѣны такъ близко къ кораблю, что желѣзная ручка остроги воткнутая въ его тѣло касается ребръ судна. Между-тѣмъ лодка острогомета, укорачивая мало-по-малу веревку, къ которой прикрѣплено желѣзо, приближается къ киту; повторительные удары окрашиваютъ волны кровью, вода брызжетъ подъ его предсмертными усиліями, китъ погружается въ воду, лодка снова развертываетъ веревку; тогда начинается послѣдняя и самая страшная борьба. Китъ вертится во все стороны, ударомъ хвоста разбиваетъ въ куски лодку, потомъ послѣ этого отчаяннаго усилія, послѣ этой послѣдней мести, открываетъ огромныя челюсти, тяжело валится на бокъ и издыхаетъ.

Для китоловнаго судна подобныя сцены — только очень обыкновенныя приключенія, в *Стретфордѣ* не довольствуется такими бездѣльцами. Какъ охотникъ, который не оставляетъ безъ изслѣдованія всѣхъ закоулковъ лѣсовъ и долинъ куда можетъ укрыться дичь, корабль продолжаетъ бѣгъ между группою острововъ, какъ-будто нарочно разбросанныхъ тамъ в сямъ, для розыску и отдохновенія мимоидущихъ кораблей. Съ сотворенія міра эти острова, которые географы едва удостоиваютъ отмѣтить, запропащившіеся между американскимъ материкомъ и островами Маркизовыми, предлагаютъ матросу, утомленному долгимъ плаваніемъ, подъ тѣнистымъ покровомъ деревьевъ, черепаховыя и птичьи яйца и тмы раковинъ, удивительно вѣжныхъ на вкусъ. Сначала эти букеты морскихъ цвѣтовъ, то являющіеся, то исчезающіе, представляютъ развлеченіе полное очарованія; но съ какимъ восторгомъ въ созерцаешь природу въ различныя часы, въ полдень ли когда солнце погружаетъ блестящіе лучи въ волны, или когда оно выходитъ или ложится на облачную постель, или исчезаетъ, безъ лучей, какъ красное желѣзо на горючѣмъ, или когда бѣловатое сіяніе луны трепещетъ на поверхности воды, — видъ всѣхъ этихъ чудесъ становится однообразнымъ и зрѣлище всегда возобновляющееся безъ перемѣны наконецъ прискучаетъ.

Къ счастью, различныя эпизоды нарушаютъ однообразіе. Въ одну изъ этихъ свѣтлыхъ, тропическихъ ночей, когда голубоватый блескъ луны пристыдилъ бы наше декабрьское солнце, среди безмолвія природы, вдругъ слышится страшный звукъ какъ-будто поднимашійся изъ нѣдръ моря. Никто изъ матросовъ не

помнить подобнаго звука, а между тѣмъ уши ихъ привыкли ко всѣмъ голосамъ океана. Только голосъ человѣка можетъ издать эти неизъяснимые звуки. Луна закатилась и на морѣ ничего не видно. Не вздохъ ли это корабля призрака, *Flying Dutchman*, *Вѣчно блуждающаго Голландца*? Обстоятельство кажется такъ важнымъ, что рѣшаются спустить въ море лодку; въ этой лодкѣ, на удачу, фанари едва бросаютъ сомнительный свѣтъ на безграничное пространство, вдругъ потемнѣвшее. За чертою свѣтлаго круга видѣются только черныя волны, а подъ этими волнами золотыя рыбки, которыя убѣгаютъ окруженные «оскороческимъ» блескомъ. Наконецъ слышнѣе вздохъ, сначала слабый какъ вздохъ чертенка — такъ матросы называютъ жмородка — уснувшаго между двухъ волнъ; потомъ раздается крикъ еще ослабленный разстояніемъ: это крикъ человѣка въ смертельной опасности. Слово *нихий* (судно на таитскомъ языкѣ) повторенное нѣсколько разъ слабымъ голосомъ, не оставляетъ болѣе сомнѣнія экипажу лодки, который наконецъ находитъ въ разбитой байдарѣ Индѣйца съ ребенкомъ съ острововъ Маркизовыхъ. Несчастные вышли съ острова Фетива съ пятью или шестью другими байдарами. Стал китенокъ опрокинула въ своемъ бѣгѣ, сама того не замѣтивъ, всю индѣйскую флотилію, и остатки этой экспедиціи плаваютъ на удачу на лодкѣ, разбитой за четыре дня назадъ, когда наконецъ по какому то чуду послѣдніе вздохи ихъ предсмертнаго страданія достигли до *Стретфорда*. Индѣйца съ сыномъ привезли на корабль, потомъ высадили на родной островъ, потому что китоловное судно вшесть якорной стоянки, чтобы починить боченки, изъ которыхъ вытекаетъ масло, добытое съ такими трудами и опасностями.

Вскорѣ боченки починены, и докторъ со вздохомъ прощается съ островомъ Рождества, чтобы опять приставить къ вѣчному преслѣдованію китовъ по открытому морю, между подводныхъ камней и буруновъ. Проходятъ дни, недѣли и вотъ съ острова Рождества мы перенесены въ Гвалкильскій заливъ. Мистеръ Куттеръ въ своей любимой сферѣ, на землѣ, и кладетъ въ сторону морской словарь Онъ прикидывается морякомъ, но все въ немъ обнаруживаетъ слабость къ сушѣ и охотничьимъ походамъ. До сихъ поръ онъ былъ только свидѣтелемъ борьбы съ китами, безъ личной опасности, видѣлъ акулъ Тихаго Океана, а теперь пойдетъ на свой собственный счетъ слышать вой мятыхъ звѣрей первобытныхъ дѣсовъ.

Въ виду Бѣлаго мыса, самой сѣверной части Перуан-

скаго берега и самой южной Гвакильскаго залива, капитанъ *Стрэтфорда* намѣревается бросить якорь возлѣ города Такамеса, довольно странной постройки. Пятнадцать или двадцать домовъ, составляющихъ Такамесъ, окружены поясомъ непроходимыхъ лѣсовъ и стѣней, поросшихъ кустарникомъ и тростникомъ. Дома эти, вышнюю въ двадцать футовъ, сидятъ на толстыхъ столбахъ, вкопанныхъ въ землю; перегородки изъ бамбуковаго плетня; лѣстница, которую снимаютъ на ночь, ведетъ въ эти воздушные дома. Безъ этой предосторожности рискуютъ подвергнуться ночнымъ посѣщеніямъ тигровъ и барсовъ или докучливости огромной породы обезьянъ. Жители укрыты такимъ образомъ могутъ засыпать при шумѣ волнъ и воѣ лютыхъ звѣрей, заунывной и страшной гармоніи, убаюкивающей ихъ сонъ.

На всякій случай, докторъ запасся охотничьей сумой, англійской, со всеми ухищреніями, которую онъ привелъ въ порядокъ въ надеждѣ получить позволеніе провести день на землѣ. Счастіе превзошло его надежды. Повозъ свирѣпствуетъ на Текамесѣ. По просьбѣ жителей, Коутеръ соглашается поселиться у нихъ на время. Черезъ нѣсколько дней все приходитъ въ порядокъ, благодаря лекарствамъ доктора, который собираетъ плоды своихъ благодѣлій и въ различныхъ лакомствахъ и въ достаточномъ количествѣ долларовъ. На утро шестаго дня, Коутеръ нанимаетъ Индѣйца и располагаетъ отправиться на охоту. Джекъ—такъ называютъ Индѣйца бѣлые—для доктора болѣе чѣмъ наемный проводникъ, даже болѣе чѣмъ товарищъ по опасностямъ, онъ вѣрный другъ.

Сначала докторъ прячетъ въ безопасномъ мѣстѣ заработанные доллары; потомъ кладетъ въ сумку нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, бросаетъ ее на плечо и отправляется съ Индѣйцемъ въ путь. Они идутъ по широкой проселочной дорогѣ, опущенной съ обѣихъ сторонъ густымъ кустарникомъ почти непроходимымъ отъ вьющихся стеблей виноградной лозы. На вершинѣ наклонившихся деревъ кривляются гигантскія обезьяны; иногда онѣ протягиваютъ свои длинныя руки, чтобы схватить дуло ружья или сорвать шапку съ головы доктора. Эти покушенія немного его пугаютъ; но Джекъ, проводникъ, смѣется и уверяетъ, что это только проказы павіановъ, обрадованныхъ видомъ чужестранца. Густая растительность мало-по-малу исчезаетъ, за тропинкой начинается огромный лѣсъ; нѣтъ уже болѣе лѣанъ вьющихся по кустамъ, но непроницаемый сводъ скрываетъ небо и пропускаетъ на мохъ только едва примѣтные солнечныя лу-

чи, острые какъ желѣзко стрѣлы. Змѣи всѣхъ цвѣтовъ и размѣровъ свиваются и развиваются безпечно подѣ стеблами травъ, хрустя сухими листьями. Джекъ опять увѣряетъ, что они тутъ для ихъ удовольствiя, и докторъ думаетъ только о томъ какъ бы не раздавить ихъ ногою. Вдругъ у густаго кустарника, Индѣецъ останавливается. Эхо повторяетъ вдали отрывистыя ноты американскаго льва; эти ноты, къ которымъ примѣшивается жалобный вой, приближаются; на этотъ разъ Индѣецъ говоритъ: «Глядите на меня;» потомъ онъ уже объясняется знаками. Минута торжественна, путешественники идутъ держа ухо остро. Встрѣчается глубокой оврагъ, на днѣ котораго въ лужѣ отражается темная зелень кустовъ. Охотники останавливаются на берегу и прислушиваются съ минуту къ гармонiи дѣсовъ, если можно такъ назвать дикiй оркестръ визгу, вою и пронзительныхъ криковъ. Послѣ этого непродолжительнаго отдыха они смѣло бросаются въ оврагъ, но едва спустились они по скату, страшный ревъ раздается возлѣ нихъ. Индѣецъ ложится на брюхо, докторъ дѣлаетъ тоже. Проходитъ нѣсколько минутъ. Наконецъ охотники видятъ въ концѣ оврага дикаго жеребенка, который летитъ какъ вѣтеръ. Два великолѣпные тигра гонятся за нимъ. Бѣдное созданiе, изнуренное усталостью и страхомъ, падаетъ возлѣ спрятавшихся охотниковъ. Одинъ изъ тигровъ приближается ползкомъ; потомъ двадцати футовымъ прыжкомъ бросается на спину лошади и схватываетъ ее за шею съ страшнымъ мяукашемъ; другой вертится около жеребенка, хлещетъ его по бокамъ своимъ хвостомъ, испуская глухое рычанiе. Оба тигра слишкомъ заняты своей жертвой, чтобы почувать двухъ свѣдѣтелей этой сцены. — Готовы ли вы? — Да. — Вотъ короткiй разговоръ охотниковъ; и тотъ и другой вооружаются карабиномъ и два выстрѣла раздаются подѣ густыми сводами оврага. Одинъ изъ тигровъ судорожно валится на песокъ и остается неподвиженъ; пуля Англичанина сразила его. Индѣецъ не такъ искусенъ или не такъ счастливъ; тигръ, котораго онъ тяжело ранилъ, исполненъ еще силы и ярости. Не смотря на замѣчанiя Коутера, Джекъ обнажаетъ длинный ножъ и бросается къ звѣрю, который раздраженный раномъ, роетъ землю лапой, поднимая облако пыли. Индѣецъ смѣло бросается въ это облако, откуда доктору видѣется только рука, обгаренная кровью, сверканiе подвизающагося и опускающагося ножа, молнiя свирѣпыхъ глазъ и два вмѣстѣ катающiяся тѣла. Каждое завыванiе тигра показываетъ доктору новую рану нанесенную ножомъ Джака, до-

тѣхъ-поръ какъ наконецъ побѣжденный звѣрь падаетъ, кричитъ, вздрагиваетъ и умираетъ. — Сущій чортъ! сказалъ Джакъ вставая. Остается только содрать съ этихъ страшныхъ животныхъ ихъ великолѣпную кожу. День выдался хорошъ для проводника доктора, эта охота принесетъ ему по-крайней мѣрѣ долларъ.

Мистеръ Коутеръ странный путешественникъ. Онъ вовсе не наблюдаетъ, вовсе не описываетъ, онъ только много рассказываетъ. Въ дальнихъ странахъ онъ не идетъ по проложеннымъ дорогамъ, не заходитъ въ города, а если и останавливается въ нихъ, то не надолго. Повсюду направляется къ лѣсамъ, къ неизвѣданнымъ пустынямъ и тысячи такихъ приключеній какъ мы сейчасъ рассказали, сбѣняются одни за другимъ.

Едва оправившись отъ усталости, Коутеръ и проводникъ находятъ новый случай удовольствовать свою господствующую наклонность. При наступленіи ночи они останавливаются въ estancia на берегу рѣки. Владѣлецъ мызы испанскій метисъ принялъ ихъ дружелюбно. Estancia, брошенная подобно гнѣзду среди этого дикаго уединенія — какъ всѣ текамесовыя дома она возвышается на столбахъ надъ землею — предлагаетъ жителямъ неприкосновенное убѣжище, по палисадникъ забора не достаточно защищаетъ скотъ хозяина. Къ ночи ожидаютъ посѣщенія плотояднаго гостя. Докторъ предлагаетъ владѣльцу свою помощь. Тотъ спѣшитъ принять ее. Коутеръ также счастливъ въ этой охотѣ, какъ и въ первой. Два ружейные выстрѣла, сдѣланные вѣрною рукою, поражаютъ ночнаго посѣтителя, который не кто другой какъ чудовищный тигръ. Докторъ щедро расплатился за гостепрѣимство.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ estancia, докторъ съ проводникомъ собираются отправиться въ дорогу. На одинъ изъ долларовъ, заработанныхъ въ Текамесѣ, Коутеръ покупаетъ байдару и рѣшается пуститься по рѣкѣ протекающей въ недалекомъ разстояніи отъ estancia. Въ одно утро докторъ удостоверяется съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что онъ въ шестнадцать миляхъ отъ устья рѣки и въ двадцати отъ своего судна. Рѣка протекающая возлѣ Текамеса, носитъ имя этого города. Байдара легко разсѣкаетъ волны до-сихъ-поръ неизвѣданныя. На берегу густой паръ поднимается изъ частой растительности, но экваторіальное солнце скоро разсѣваетъ этотъ туманъ. Англичанинъ и Индѣецъ сгибаются надъ веслами, и пейзажи дикаго величія развиваются около нихъ. Рѣка течетъ подъ тѣнью густыхъ деревьевъ; зимородокъ плаваетъ на поверхности воды, попуганъ

спрятанные под листьями наполняют воздухъ пронзительнымъ свистомъ; здѣсь и тамъ появляется хижина на столбахъ какъ гигантское гнѣздо болотной птицы; обезьяны качаются на лианахъ; подъ покровомъ лѣсовъ скрещиваются тысячи различныхъ голосовъ, заглушаемые время отъ времени ревомъ тигра въ просонкахъ, потягивающагося въ берлогѣ. Целѣ нѣсколькихъ часовъ не безопаснаго плаванія, докторъ можетъ насчитать уже шесть миль болѣе между нмъ и *Стретфордомъ*.

Между-тѣмъ рѣка все болѣе и болѣе суживается. Достигаютъ наконецъ мѣста, гдѣ она образуетъ тоннель подъ сводомъ вѣтвей и листьевъ. Плователи сходятъ на землю, оставляютъ байдару на тнѣ и отправляются къ хижинѣ, видѣющейся между деревьями. Является высокій негръ и говоритъ нмъ съ улыбкой: *Simusta, segnicours!* два испанскихъ слова, по увѣренію доктора, которыя онъ переводитъ такимъ образомъ: «Какъ ваше здоровье, господа?» Путешественники находятъ въ хижинѣ негра дружелюбное гостепрїимство; соглашаются вмѣстѣ охотиться въ лѣсу. Умалчиваю о подробностяхъ этой охоты, гдѣ тигръ и двѣ серны падаютъ подъ пулями неумолимыхъ охотниковъ. Возвратившись въ хижину и сѣвъ за гомерическій обѣдъ, Негръ, Индѣецъ и Бѣлый, три различные типа человѣческой породы, находятъ забавнымъ разсказать свои приключенія. Въ признаніяхъ товарищей доктора мало назидательнаго. Негръ былъ невольникомъ въ Перу, убилъ человѣка и бѣжалъ. Индѣецъ Джекъ принадлежитъ къ одному изъ тѣхъ племенъ дикарей Верхней Калифорніи, которые, никогда не зарывая въ землю сѣкиры брани, разбойничаютъ отъ подошвы Скалистыхъ горъ до береговъ Тихаго Океана, грабя то на берегахъ Колумбін, то Бенавантуры, а иногда даже у устья Красной Рѣки. Джекъ въ своей бродяжнической жизни, часто подвергался выстрѣламъ американскихъ охотниковъ, и хотя онъ скромно и осторожно говоритъ объ этихъ встрѣчахъ, но изъ его словъ можно видѣть, что враги встрѣчали въ немъ крѣпкаго бойца. Онъ признается впрочемъ, что иногда сдиралъ волосы съ череповъ Бѣлыхъ, но прибѣгалъ къ этимъ суровымъ мѣрамъ не безъ извинительныхъ обстоятельствъ. Странный случай разъ ввергнулъ было этого отважнаго удалца подъ нго дисциплины. На китоловномъ американскомъ суднѣ, бросившемъ якорь въ гавани Санъ-Франсиско, куда Джекъ отправился вышѣивать мѣха на порохъ и ромъ, его задержалъ капитанъ яки, потому что побѣгъ нѣсколькихъ матросовъ принудилъ его доволнять такъ безцеременно его команду. Индѣйскій мѣсоходъ вreo-

бразовался противъ воли въ матроса-китолова. Послѣ долгаго и неудачнаго плаванія, его наконецъ высадили въ Текамесъ и тамъ-то онъ вызвался быть проводникомъ доктора. Онъ только сожалѣлъ о томъ, что потерялъ случай доказать свои дарованія по части скальпировки на черепѣ негоднаго американскаго капитана.

Докторъ и Джекъ не замедлили распрощаться съ хозяиномъ, и путь продолжается среди такихъ же приключеній, какія ознаменовали его начало. Эти продолжительные переходы, то сквозь чащу гигантскихъ деревьевъ, на которыхъ качаются обезьяны или свистятъ ары, то по болотамъ населеннымъ змѣями и аллигаторами, эти ночные роздыхи въ степи, этотъ сонъ безпрестанно прерываемый визгомъ шакаловъ, раздающійся вдали подобно лаю охотничьей стаи, это все сцены, которыхъ очарованіе невозможно отвергнуть, хотя англійскій путешественникъ напрасно съ такою мелочностью описываетъ неизмѣнныя подробности. Достигнувъ деревни Толо, Коутеръ вознамѣрился воротиться на *Стретфордъ*. Однако онъ принужденъ провести нѣсколько дней въ Толо. Жители такъ обрадовались европейскому доктору, что имъ всѣмъ пришла странная фантазія пустить себѣ кровь. Коутеръ съ трудомъ успѣваетъ отвѣчать на требованія своихъ импровизированныхъ кліентовъ, и хотя пускаетъ въ дѣло свой ланцетъ съ чрезвычайной осторожностью, однако значительно увеличиваетъ запасъ долларовъ. Раздѣлавшись съ жителями Толо, онъ пускается въ дорогу къ Текамесу; но приключенія его еще не кончились. Партія распущенныхъ солдатъ разбѣяна по провинціи и грабитъ уединенныхъ путешественниковъ; докторъ съ Джеккомъ не менѣе счастливы въ встрѣчахъ съ мародерами, какъ и въ схваткахъ съ тиграми и шакалами. Будучи приняты жарче, чѣмъ надѣялись, разбойники принуждены выпустить добычу и черезъ нѣсколько дней послѣ этой стычки, безстрашные пилигримы здоровы и невредимы мирно прохаживаются по палубѣ англійскаго корабля.

Оставивъ берега Такамеса, *Стретфордъ* направляется къ Калифорніи и черезъ нѣсколько дней останавливается у Кожоеваго Острова, гдѣ мистера Коутера и его неразлучнаго друга краснокожаго ожидаетъ странное приключеніе. Въ новомъ походѣ на сушѣ дождь принуждаетъ ихъ укрыться среди скалъ, нагроможденныхъ въ живописномъ безпорядкѣ, которыхъ вершины касаются одна другой и образуютъ непроницаемое убѣжище. При выходѣ изъ этого ущелья путниковъ останавливаетъ непред-

видѣнное и великолѣпное зрѣлище. Широкая долина открывается у ногъ ихъ; свѣтлое, прозрачное озеро разстилается среди этого зеленѣющаго цирка свое спокойное покрывало, въ которомъ отражается бѣгущая полоса дождевыхъ облаковъ. Лѣсистыя горы обрамливаютъ со всѣхъ сторонъ этотъ мирный и восхитительный пейзажъ. Друзья спускаются къ озеру, открываютъ сумки и начинаютъ уписывать умѣренный обѣдъ, любуются дикою красотой мѣста, въ которомъ кажется никогда не ступала нога человѣка; но въ ту минуту какъ докторъ радуется, что случай привелъ его въ совершенно дустынный островъ, неожиданный актеръ вдругъ оживляетъ пустую сцену, и этотъ актеръ — человѣкъ. Онъ идетъ по берегу озера прямо къ путешественникамъ, на немъ красныя шерстяныя обувь и рубашка, штиблеты изъ козлиной кожи и мѣховая шапка. Это и костюмъ и наружность Робинсона Крузо. Незнакомецъ важнымъ и торжественнымъ голосомъ здоровается по англійски съ путешественниками и приглашаетъ ихъ слѣдовать за собою. Докторъ разумѣется не отказывается отъ этого дружескаго приглашенія. Отправляются въ путь и достигаютъ хижины, запрятанной въ самомъ мрачномъ закоулкѣ долины; постель изъ сухихъ листьевъ, покрытая козлиными кожами, сельскіе столъ и стулья, плотничьи инструменты, огнестрѣльное оружіе украшаютъ внутренность домика. Послѣ обѣда, изъ самыхъ вкусныхъ кусковъ дикаго кабана, обитатель хижины, по имени Стивенсонъ, рассказываетъ гостямъ, что въ концѣ своего коммерческаго поприща полного удачами и неудачами, кораблекрушеніе бросило его на этотъ островъ съ нѣсколькими товарищами по несчастію, мужчинами и женщинами. Стивенсонъ, какъ настоящій мизантропъ, поселился какъ можно далѣе отъ товарищей, Испанцевъ, которые составили небольшую колонію въ трехъ миляхъ отсюда. Коутеръ иногда ѣздитъ къ этимъ поселенцамъ, которые считаютъ себя совершенно счастливыми и не думаютъ оставлять плодоносную землю, куда забросила ихъ буря. Въ послѣдствіи Коутеръ не безъ удивленія узнаетъ, что мизантропъ Стивенсонъ возвратился къ болѣе человѣческимъ чувствамъ. Этотъ новый Крузо не долго оставался вѣренъ своей роли. Поселившись въ Лимѣ онъ опять принялся за торговлю и благовольтъ отлично хорошо вести свои дѣла.

Поездка на Кокосовый островъ единственное замѣчательное приключеніе въ переѣздѣ доктора изъ Такамеса въ заливъ Сапъ-Франсиско. Я забываю однако разлуку его съ вѣрнымъ Дякомъ, который увидѣвъ Монтерей не могъ противиться желанію

предаться опять бродяжнической жизни въ мексиканскихъ гѣсахъ и отправился въ лодкѣ въ родныя долины, сжавъ прежде съ чувствомъ руку доктора. Наконецъ *Стретфорда* бросаетъ якорь въ огромномъ заливѣ Санъ-Франсиско, напротивъ миссиі, называемой Yerba Buena (хорошая трава), по причинѣ окружающихъ ее богатыхъ и жирныхъ пажитей. Коутеръ, страдая ревматизмомъ, прибрѣтеннымъ на палубѣ *Стретфорда*, съ радостью принимаетъ гостепріимное предложеніе священника миссиі. Капитанъ оставляетъ ему обильный запасъ пороху, пуль, свинцу и назначаетъ свиданіе черезъ три мѣсяца на островѣ Тапти. Первымъ стараніемъ доктора было, разумѣется, вылечиться отъ ревматизма и для этого онъ употребилъ сильное и дѣйствительное лекарство древнихъ Астековъ, состоящее въ паровой ваннѣ, которую берутъ въ пещкѣ въ родѣ русской, называемой *temascal*.

Чтобы провести пріятнымъ образомъ время выздоровленія, нельзя было выбрать страны лучше той, гдѣ доктору Коутеру было предложено дружеское гостепріимство. Такъ какъ теперь вездѣ только и рѣчей, что о золотыхъ россыпяхъ, недавно открытыхъ въ богатой почвѣ окрестностей рѣки Сакраменто, недалеко отъ Санъ-Франсиско, то свѣдѣнія объ этой любопытной части мексиканскихъ береговъ удваиваютъ нѣкоторымъ образомъ свое достоинство. Прежде чѣмъ калифорнскій берегъ прославился своими металлическими богатствами, онъ пользовался не менѣе справедливою извѣстностью по своимъ земледѣльческимъ богатствамъ, развитымъ искусною дѣятельностью миссіонеровъ. Пять миссиі окружаютъ заливъ Санъ-Франсиско. *Миссиі*ми называются огромныя зданія, устроенныя для общаго житья, то есть, въ одной оградѣ построены рядъ келлій съ одной дверью и съ однимъ окномъ и по обычаю жаркихъ странъ, съ галлереей на столбахъ. Въ келліяхъ этихъ можетъ помѣститься отъ тысячи до полуторы тысячи семействъ. Въ этихъ пяти миссиіяхъ считается около пятнадцати тысячъ Индѣйцевъ и до двухъ сотъ или до трехъ сотъ Бѣлыхъ.

Разведеніе скота достигло въ мексиканскихъ миссиіяхъ значительныхъ результатовъ. Лошади и коровы въ большомъ тамъ количествѣ. Каждое изъ этихъ животныхъ стоитъ не болѣе пяти или шести піастровъ (семь или восемь рублей серебромъ), а обыкновенная цѣна барана полъ-піастра (семьдесятъ копѣекъ серебромъ). Чтобы упрочить на твердыхъ основаніяхъ такое благоденствіе, надо было имѣть всю преданность, всю геройскую твердость отцовъ-іезуитовъ, первыхъ основателей этихъ заведе-

вій. Въ первый періодъ учрежденія, миссіонеры довольствовались сиромной оградой, домикомъ еще скромнѣйшимъ, смирной чиншею. Племена дикихъ, жившихъ или охотившихся въ сѣдѣтѣ часто разоряли возникающія заведенія. Іезуиты не отчаивались, и продолжали по минованіи грозы курсъ своихъ поученій, испрашивая снова у земли, застѣливой или ея нима, у водъ озера, у лѣсныхъ деревьевъ свою ежедневную пищу. Индѣйцы стали наконецъ уважать этихъ людей, которыхъ преданность и мужество приводила ихъ въ изумленіе. Едва дикари перестали тревожить миссіонеровъ, какъ они подверглись нападеніямъ шаякъ еврейскихъ бродягъ. Бѣглецы истроты, уволенные солдаты, принужденные жить грабежемъ, часто производили набѣги на жилища миссіонеровъ. Безпрестанно возобновляющаяся опасность, безпрерывная борьба, мучительные и ежедневные труды, вотъ каковы были жестокія испытанія, которыя первые миссіонеры перенесли съ самоотверженіемъ и мужествомъ неутомимыми.

Если миссія не быстро увеличивалась среди столь многочисленныхъ препятствій, по крайней мѣрѣ оная поддерживалась, и это уже было много. Успѣли распихать большое пространство земли и оставалось только призвать новообращенныхъ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній іезуиты остановились на одномъ, довольно искусномъ проектѣ. Вознамерились захватить нѣсколько дикарей, силою привести ихъ въ миссію и потомъ отлучить послѣ хорошаго съ ними обхожденія въ продолженіи ихъ временнаго плѣна. Однако въ этой охотѣ новаго роду необходима была приманка, и тридцать или сорокъ обращенныхъ Индѣйцевъ были перевезены изъ цѣлующихъ уже южныхъ миссій въ сѣверныя миссіи Калифорніи; не замедлили захватить множество плѣнныхъ и свели ихъ съ крещеными Индѣйцами. Плѣнники сначала ждали было нѣсь смерти, думая, что миссіонеры хотять отлучить ихъ кровавымъ мщеніемъ за прежніе ихъ грабежи, но къ великому ихъ удивленію, они стали напротивъ того предметомъ благосклоннаго отеческаго вниманія. Узы съ нихъ сняли и слова игра и изобильная пища замѣнили костьеръ и висѣлицу. Наконецъ братья одного поколѣнія заговорили съ ними съ энтузіазмомъ о христіанствѣ и его проповѣдникахъ. Черезъ нѣсколько проведенныхъ среди комфорта, о которомъ они не имѣли ни какаго понятія, ихъ позволили оставить миссію; іезуиты отворили ворота и отлучили ихъ съ дружескими подарками. Они воротились съ радостью къ бѣдствіямъ сентальчесской жизни, иску-

ляемымъ столькими упытельными удачами, но другіе не могли забыть пріятности плѣна и черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ подъ шатромъ, добровольно воротились просить гостепримства у іезуитовъ. Ограда миссій скоро стала тѣсною и такимъ образомъ онѣ быстро возвысились до той степени благоденствія, на которой видимъ ихъ нынче.

Какъ ни пріятно было мистру Коутеру любезное гостепримство миссіонеровъ, но однообразная жизнь ихъ скоро наскучила ему. Вокругъ миссій богатая и великолѣпная природа Новаго Свѣта развивааетъ свою обольстительную пышность. Калифорскій берегъ, въ окрестностяхъ Санъ-Франсиско, окруженъ восхитительными лѣсами, изобилующими дичью. Подъ тѣнью огромныхъ сосенъ, подъ орѣшникомъ и пахучими магноліями, докторъ можетъ видѣть порхающихъ сѣрыхъ попугаевъ, глухарей и гвинейскихъ курицъ. Поверхность озеръ покрыта лебедями, гусями и дикими утками. У сосѣднихъ горъ также есть обитатели, и отдаленный вой ягуаровъ, кугуаровъ, сѣрыхъ медвѣдей раздается въ ухахъ доктора каждую ночь какъ раздражительный вызовъ. Случай привелъ въ миссію одного изъ самыхъ знаменитыхъ охотниковъ въ Калифорнію, и Коутерь, который только ждалъ опытнаго проводника, чтобы отправиться въ походъ, пускается съ охотникомъ по лѣсамъ и горамъ, сосѣднимъ съ миссіей. Сѣрый медвѣдь луговъ — та страшная дичь, за которой гонится теперь мужественный путешественникъ. Сѣрый медвѣдь превосходитъ зубра въ силѣ, а тигра въ ярости. Самые искусные стрѣлки сомнѣваются въ своей ловкости и хладнокровіи въ присутствіи этого страшнаго противника, который часто еще ужаснѣе вскакиваетъ подъ тройнымъ залпомъ и стряхиваетъ пули какъ снѣговые хлопья. Низложить сѣраго медвѣдя самый чудесный подвигъ, какимъ только можетъ гордиться Индѣецъ, и когти этого звѣря въ видѣ ожерелья, самый завидный трофей. Этого-то трофея добивается Коутерь и вскорѣ находитъ случай удовлетворить свою прихоть.

Однако наступила минута распрощаться съ лѣсами, степями и ихъ различными обитателями. Приближается время когда докторъ долженъ встрѣтиться въ Танти съ капитаномъ *Стретфорда*.

Перѣздъ отъ Санъ-Франсиско до острововъ Кингсмайскихъ не представляетъ ничего интереснаго. На бригѣ *Hound* Коутерь отправился въ Танти. Любопытная встрѣча ознаменовала высадку брига на островъ *New-Britain*. Новый Робинсонъ, достойный

собрать мисантропа Кокосоваго Острова, живетъ на New-Britain, и докторъ рассказываетъ намъ его исторію, длинный рядъ различныхъ приключеній. Докторъ Тренеръ, капитанъ брига Hound, предложилъ пустынноку отвезти его въ Европу, но хотя не совершенно привыкнувъ къ жизни днаря, тотъ однако уже отвыкъ отъ жизни общественной, и грустно распрощался съ первыми соотечественниками, которыхъ увидѣлъ въ продолженіи семи лѣтъ, горюя и объ отъѣздѣ ихъ и о томъ, что не могъ рѣшиться отказаться отъ странной жизни, обратившейся для него во вторую натуру.

Hound продолжаетъ путь къ Танги, а мы спѣшимъ дойти до самаго драматическаго эпизода въ этомъ путешествіи: до высадки капитана Тренера и доктора Коутера въ Новой Гвинее. Такъ называется обширный островъ, къ сѣверу отъ Австраліи, отъ которой отдѣляетъ его проливъ Торресъ. Въ виду этого острова Hound бросаетъ якорь въ широкой бухтѣ, у подошвы волкановъ, каждую ночь отбрасывающихъ на море багряный и зловѣщій блескъ. Недалеко отъ рейда виднѣется устье обширной рѣки, которой берега исчезаютъ подъ роскошной растительностью. Вдоль берега рядъ подводныхъ камней выказывается среди сноповъ вѣны, которую вѣчно вздымаетъ прибой. Земля эта кажется столь же пустынною какъ на другой день мірозданія. Капитанъ, докторъ и четверо матросовъ, вооружившись съ головы до ногъ, рѣшаются изслѣдовать этотъ островъ. Сначала отираются они къ пѣби холмовъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ рѣки. Присутствіе человека нигдѣ не замѣтно. Кучи змѣй, стада огромныхъ крысъ, нѣсколько не испугавшихся появленія поедителей, дикія кошки, разсматривающія ихъ съ вершины деревьевъ огненными глазами, чудовищныя ящерицы, играющія на солищѣ, утки съ черными перьями, плескающіеся на лужахъ, темныя соколы, тысящелѣтныя попугайчики, полетъ райскихъ птицъ, отдѣляющихся, подобно золотымъ блесткамъ, отъ лазури неба; таковы единственные приключенія этого великолѣпнаго и спокойнаго пейзажа. Вскорѣ зарытая почва, обрушившіяся скалы, протоки протѣвшей лавы смѣняютъ обрывки растеній, которыми завалены берега рѣки. Путники останавливаются въ этомъ пустынномъ мѣстѣ: солнце закатывается и ночная стоянка начинается при зловѣщихъ крикахъ ночныхъ птицъ, подъ вѣтромъ отъ крыльевъ летучихъ мышей, которыя скрещиваются въ своемъ косвенномъ и тяжеломъ полетѣ съ тучами американскихъ комаровъ. На разсвѣтѣ маленькая труппа пускается снова въ путь, но съ боль-

ними предосторожностями тѣмъ накажутъ, потому что многочисленные слѣды на землѣ показываютъ, что островъ обитаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ, послѣ этого открытія, въ ту минуту какъ капитанъ съ товарищами уписываютъ степной обѣдъ изъ мяса кабана, изжареннаго на банановыхъ листьяхъ, неожиданный гость вдругъ садится возлѣ нихъ. Это — человѣкъ огромнаго роста, безъ всякой другой одежды кромѣ передника, съ двумя страшными собаками и вооруженный пивой. Странное дѣло! у этого человѣка кожа бѣлая и, несмотря на его чудный костюмъ, несмотря на длинные, вѣскопочевые волосы, развѣивающіеся по плечамъ, въ чертахъ его не трудно узнать европейскій типъ. Первымъ движеніемъ капитана и его товарищей было взяться за оружіе, но нѣсколко словъ, произнесенныхъ незнакомцемъ на дурномъ англійскомъ языкѣ, останавливаютъ ихъ. «Я Ирландецъ, кричитъ этотъ человѣкъ: а судьба одѣлала меня владыкой главныхъ племенъ Горрафоровъ. Благодарите Бога, что встрѣтилъсь со мною: выныи мои не далеко отсюда, одной милей далѣе, и вы были бы прострѣлены ихъ стрѣлами, но теперь вы подѣ моей защитой и мои подданные будутъ чтить васъ какъ друзей своего князя. Позвольте только мнѣ отвѣдать вашего жаркаго, потому вы отправитесь въ дорогу, а я расскажу вамъ мою исторію.» Говоря это, князь Горрафоровъ беретъ огромный кусокъ кабана, а собесѣдники его, разсудивъ, что неловко поперечить такому гостю, дозволяютъ ему безъ церемоніи съѣсть половину ихъ обѣда.

Наконецъ наступаетъ время выслушать исторію князя Горрафоровъ. Она можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде тѣмъ сдѣлался княземъ одного племени дикарей въ Новой Гвинее, Терентій Коннель велъ бродяжническую жизнь. Родившись въ граствѣ Керри, въ Ирландіи, сначала солдатъ, потомъ дезертеръ и разбойникъ, онъ исполнилъ всѣ надлежащія условія, для того, чтобы быть сослану въ Ботани-Бѣ, но оставая въ ссылкѣ не долго. Съ одиннадцатію товарищами составилъ планъ побѣга, который совершенно удался, и въ Новой Гвинее съискалъ себѣ убѣжище. Оставшіеся одинъ изъ одиннадцати товарищей, онъ попалъ въ неволю къ Горрафортамъ, которые, признавъ вскорѣ его превосходство, выбрали его въ князя. Таковъ былъ человѣкъ, предлагавшій въ своихъ владѣніяхъ гостепримство маленькому отряду капитана Тренера. Англичане, прежде тѣмъ рѣшились отвѣчать, развѣивались недоувѣрчивыми взорами; но ночь приближается; горрафортскіе воины недалеко. Къ тому же Терентій Коннель увѣдомляетъ ихъ, что страна эта во-

все не безопасно, ждутъ набѣга враждебнаго племени Пануа. Эти причины побуждаютъ моряковъ принять покровительство Ирландца и послѣдовать за нимъ въ таборъ.

Пускаются въ путь, ускоряя шагъ, потому что послѣдніе лучи солнца бросаютъ сомнительный свѣтъ сквозь листья деревь. Проходятъ густой лѣсъ и начинаютъ узнавать вѣрность свѣдѣній, данныхъ Коннедемъ. Тутъ и тамъ вонны, сирятанные изъ деревьями, подходятъ и размѣниваются нѣсколькими словами съ своимъ начальникомъ. Коннелъ указываетъ товарищамъ на часовыхъ, которые, скрывшись на вершинѣ деревьевъ, изучаютъ мѣстность и наблюдаютъ сосѣднія поля, покаместъ солнце еще на горизонтѣ. Эта дорога именно та, по которой нагрѣвались нѣтъ Англичане, и карабины ихъ были бы бесполезны противъ враговъ, притавившихся какъ змѣи въ травѣ. Докторъ благодарилъ Бога, что Онъ свелъ ихъ съ ботани-бейскимъ бѣглецомъ.

Мракъ сгустился и, послѣ часовой ходьбы, Англичане съ проводникомъ дошли до берегу небольшой рѣчки. Грубый плотъ, изъ перешлетенныхъ колевъ и шпакной травы, служить переправой. Этотъ плотъ — выдумка Ирландца: она принесла ему большую честь въ глазахъ его подданныхъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ рѣчки возвышается въ тѣни широкій холмъ, котораго плоская вершина покрыта деревьями съ листьями въ видѣ зонтика. Тутъ расположено лагерь подданныхъ Благаго. Огни, зажженные на дорогѣ, руководятъ путниковъ и скоро, при помощи этого сомнительнаго свѣту, Англичане узнаютъ, что, подобно птичьимъ гнѣздамъ, хижины Горафоровъ устроены на вѣтвяхъ деревь. У подошвы самаго исполинскаго ствола, Коннелъ останавливается и говоритъ товарищамъ: «Вы у меня.» Потомъ онъ надаетъ пропитательный свистъ, другіе свисты отвѣчаютъ ему, и скоро зажженные факелы являютъ на вершинѣ наждаго дерева, составляя среди лѣсу великолѣпную иллюминацію. Шесть Англичанъ помѣщены, по приказанію начальника, въ двухъ домахъ, откуда для этого высылаютъ жителей, и, послѣ изобильной трапезы, Ирландецъ оставляетъ гостей насладиться сномъ, который имъ такъ нуженъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, докторъ оставляетъ свое гнѣздо чтобы осмотрѣть съ Коннедемъ и капитаномъ Тренеромъ эту чудную деревню. На краю площадки, вѣнчающей холмъ, возвышаются хижины Горафоровъ. Толпа воиновъ, расписанныхъ военными узорами, кажется, занята живымъ разговоромъ. При приближеніи начальника, идущаго съ гостями, кружокъ почтительно

раздаивается и Англичане усматриваютъ тѣло воина, чуждаго племени подданныхъ Коннеля, какъ это показываютъ бѣлые росписи. Тѣло его, пронзенное четырьмя стрѣлами, привязано къ длинному шесту, похожему на огромный вертелъ, на которомъ и перенесли его сюда. Распросивъ людей, окружающихъ трупъ, Коннель увѣдомляетъ друзей своихъ, что мертвый воинъ непріятельскій развѣстникъ, только-что убитый, и совѣтуетъ Англичанамъ удалиться, чтобы не быть свидѣтелями страшнаго зрѣлища. Тѣло привязанное къ вертелу и зажигаемая жаровня показываютъ ясно въ чемъ дѣло. Европейцы съ ужасомъ удаляются и Коннель долженъ признаться, что онъ принужденъ соблюдать правила нѣкоторой людоедотерпимости, чтобы не компрометировать свою власть въ глазахъ подданныхъ.

Снисхожденіе Коннеля къ такому возмутительному обычаю не слишкомъ успокаиваетъ Англичанъ насчетъ добрыхъ намѣреній хозяина. Къ тому же, положеніе становится критическимъ. Развѣстники Коннеля увѣдомляютъ, что страшный непріятельскій отрядъ скитается по полю, въ надеждѣ захватить Бѣлыхъ, когда они оставятъ деревню своихъ друзей. Капитанъ хочетъ возвратиться на корабль, но Коннель скоро убѣждаетъ его, что спасеніе его требуетъ остаться съ маленькимъ отрядомъ въ деревнѣ Горафоровъ. Съ вершины дерева, откуда видна окрестность, онъ показываетъ Англичанамъ непріятельскій станъ. Бамбуковые пары могутъ черезъ нѣсколько минутъ перенести Папуанцевъ съ одного берега на другой, къ самому входу въ деревню Горафоровъ. Надо покориться необходимости: между сомнительными друзьями и открытыми врагами нельзя долго колебаться. Англичане рѣшаются остаться съ Горафорами, предаваясь довольно мучительнымъ размышленіямъ объ опасности, окружающей ихъ съ обѣихъ сторонъ.

Чтобы разсѣять грусть, овладѣвшую его гостями, Коннель вздумалъ дать имъ праздникъ. Ударъ въ китайскій гонгъ, повѣшенный у входа въ хижину, вызываетъ толпу воиновъ, женщинъ и дѣтей на прогалину, служащую площадью этой деревнѣ. Слово перемѣна декораций, произведенная искуснымъ машинистомъ.

Воины исполняютъ передъ европейскими зрителями національные танцы, подражаніе охотѣ и битвамъ. По окончаніи увеселеній, Коннель все въ похвальномъ намѣреніи разсѣять гостей, показываетъ имъ чаю, гдѣ бродятъ и кипятъ смертельный ядъ, въ который обмакиваютъ стрѣлы. Наковецъ чудовищный обѣдъ съ пирамидами жареной свинины, съ горами діоскорей, бавановъ,

плодовъ сѣвдомника, оканчиваетъ день праздника, предшествующій дню сраженія. Вокоръ включая часовыхъ, бодрствующихъ на платформахъ и на вершинахъ деревьевъ, все селеніе погружено въ сонъ. Небо мрачно, гремать громъ, молнія освѣщаетъ густую блѣднымъ сіяніемъ; отдаленный вой смѣшивается съ шумомъ бури, качающей на вершинахъ колеблющихся деревьевъ свѣщихъ вонновъ. Пока непріятельскіе огни мало по малу угасаютъ и громъ гремитъ уже вдали, Коннелъ въ послѣдній разъ посѣщаетъ гостей. Ночь прошла не безъ приключеній. Два разъщипка были убиты; захваченный въ плѣнъ воинъ объявлялъ, что Папуанцы добираются только до Бѣлыхъ, укрывшихся въ таборъ Горафоровъ, и что войско ихъ удалится если Коннелъ выдастъ гостей. Ирландецъ изъявляетъ пылкое негодованіе противъ тѣхъ, которые считаютъ его способнымъ къ подобному вѣроломству и гости успокоиваются, дружески сжимая руку Коннела, а князь Горафоровъ возвращается надзирать за приготовленіями къ сраженію.

На разсвѣтъ гонгъ тревоги ударяемый рукою начальника дикарей, пробуждаетъ спящихъ Англичанъ и Коннелъ входитъ къ гостямъ въ сопровожденіи носильщиковъ съ провизіей, которые ставятъ передъ ними питательный обѣдъ. «Кушайте, говоритъ Коннелъ: можетъ-быть до захожденія солнца вамъ не удастся перекусить еще разъ». Въ самомъ дѣлѣ, многочисленные факелы блестятъ подъ деревьями и изъ окошекъ Англичане могутъ видѣть какъ дикое ополченіе стало въ строй. Ихъ свѣрѣлая наружность, отвратительные росписи на тѣлѣ, красноватый свѣтъ факеловъ напоминали скорѣе сходбище вѣдьмъ и колдунговъ чѣмъ воинскій смотръ. Осемьсотъ пятьдесятъ человекъ составляютъ силы Коннела и по его повелѣнію раздѣляются на три отряда. Начальникъ и Англичане занимаютъ центръ; лѣвыми и правыми крыломъ командуютъ два другіе сонна, испитанные неоднократно. Отъ первыхъ дневныхъ лучей бѣлѣютъ вершины деревъ, цѣлый таборъ отправляется въ порядкѣ, изумительномъ для Европейцевъ, черезъ лѣсъ на ровное мѣсто.

Многочисленные разъщипки, разставленные на часахъ, соединяются съ главной частью арміи и извѣщаютъ, что непріятель перешелъ рѣку. Идутъ такъ быстро, что въ безмолвіи уединенія только слышится частое дыханіе завыжавшихся вонновъ. Когда достигаютъ наружной гранацы лѣса, солнце уже кажетъ свой пылающій кругъ надъ восточными горами. Непріятель приближается по сию сторону рѣки и въ превосходномъ числѣ. Два на-

пріятельскіе племена останавливаются вскорѣ одно передъ другимъ въ разстояніи четырехъ-сотъ шаговъ. Начальникъ Папуанцевъ выходитъ изъ строя и подобно героямъ древности идетъ гордо подставиться подъ стрѣлы.

Это одинъ изъ тѣхъ гигантовъ, которые напоминаютъ Голяеа или киргизскихъ богатырей; борода его и волосы напудрены мѣломъ, лицо и тѣло расписаны бѣлой краской. По словамъ Коннеля этотъ воинъ, котораго присутствіе внушаетъ ужась, одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ людоѣдовъ племени Папуа. Смерть этого начальника была бы уже выиграннымъ сраженіемъ, и Ирландецъ проситъ лучшаго стрѣлка изъ своихъ соотечественниковъ прицѣлиться въ дикаря. Капитанъ указываетъ на доктора; тотъ совѣстится; одинъ изъ матросовъ Нонд'а менѣе благоразумный, выстрѣливаетъ и едва дымъ разнесется по вѣтру, Англичане видятъ, что Голяеъ поднимаетъ руки къ небу и падаетъ подобно колоссальной статуѣ, сброшенной съ подножія. «Благодареніе Господу, кричитъ Коннель, демонъ убитъ». Но уже непріятельская армія движется, чтобы отмстить за начальника, а Коннель съ своей стороны также кидается впередъ отразить нападеніе Папуанцевъ. Одной рукой махаетъ онъ короткимъ топоромъ, другая вооружена длиннымъ и толстымъ копьемъ. «Ура Горрафоры и старая Ирландія!» кричитъ Коннель, и этотъ двойной военный крикъ, воспоминаніе прошедшаго и гордость настоящаго, служитъ сигналомъ атаки.

Коутеръ сожалѣетъ, что не могъ свободнѣе наблюдать за странными подробностями сраженія двухъ дикихъ племенъ. Къ несчастію, нашъ бѣдный докторъ самъ попалъ въ снѣбку. Пусть представятъ себѣ облако пыли, среди котораго борются тѣла отвратительно татуированныя, свирѣпыя каннибалы махающіе топорами въ окровавленные рукахъ. Вой, крики, вздохи, глухой шумъ разбиваемыхъ палками череповъ, составляли къ этой тревожной сценѣ музыкальный аккомпаниментъ, совершенно ея достойный. Иногда облако пыли раздвигаясь показываетъ землю устланную трупами. Наконецъ войны съ бѣлыми росписями начинаютъ убѣгать, свачала отдѣльными группами, потомъ цѣлыми толпами и скоро крикъ побѣды ознаменовываетъ успѣхъ воиновъ Коннеля. Тутъ ужъ начинается настоящая рѣзня. Горрафоры бѣгаютъ по полю сраженія, добывая тѣхъ, которыми дубива, кинжалъ или стрѣлы оставили легкое дыханіе жизни. Когда Коннель вышелъ изъ этого облака пыли, изъ этой дужи крови, роспись на его тѣлѣ стерлась; топоръ, копье, руки, все

тѣло покрасѣло отъ крови. «Радн Бога, говоритъ ему капитанъ, запретите вашимъ воинамъ рѣзать несчастныхъ плѣнныхъ? страшно слушать ихъ предсмертныя стонавія». — Этого ужъ я не могу сдѣлать, скорѣе вы справитесь съ бурей, чѣмъ съ этимъ народомъ. Сегодня послѣдній день для племени бѣлыхъ воиновъ (white painted). Говоря такимъ образомъ, Коннелъ вытеръ кровавый потъ съ лица, и упалъ отъ утомленія на покрасѣвшую траву; смерть доканчиваетъ свое дѣло на полѣ сраженія, между тѣмъ соколы и лстребы радостно вьются надъ трупами.

Ночевали подъ открытымъ небомъ, а на другой день Коннелъ съ торжествомъ проводилъ Англичанъ на корабль. Напрасно капитанъ уговаривалъ Ирландца отказаться отъ жизни дикаря и предлагалъ даромъ отвезти въ Европу. Князь Горасфоровъ поклялся никогда не оставлять своихъ подданныхъ. Онъ умретъ въ лѣсахъ Новой-Гвиннеи и воины съ красными росписями пропляшутъ вокругъ костра, на которомъ сожгутся его кости. Капитанъ сталъ наставлять; тогда слеза заблстала въ глазахъ Коннела онъ посмотрѣлъ на соотечественниковъ не говоря ни слова, и потомъ выпустилъ руки капитана, которыя сжималъ въ своихъ, испустилъ пронзительный крикъ и скрылся въ лѣсу съ своимъ лѣснымъ конвоемъ.

Такова послѣдняя сцена въ путешествіи. Судно приходитъ въ Гаити. *Стретфордъ* снабжается тамъ съѣстными припасами. Коутеръ оставляетъ Ноупд, который направляется къ Чили, гдѣ капитанъ Тренеръ поселяется совсѣмъ, женившись на молодой и богатой креолкѣ. Тренеръ ведетъ спокойную и счастливую жизнь въ Сантъ-Яго, столицѣ Чилийскаго республики. Докторъ же Коутеръ въ субботу возвращается въ Лондонъ; сердце его умилливо трогается, на слѣдующее утро, при звукѣ колоколовъ, призывающихъ благочестивыхъ христіанъ къ божественной службѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобріана. Часть четвертая.* Въ 1792 году видъ Парижа былъ уже не тотъ, что въ 1789 и 1790. Гроза разразилась, и пьяный народъ шелъ встрѣчать судьбу черезъ бездны и невѣдомыя дороги. Изъ шумнаго, любопытнаго, торопливаго, онъ сдѣлался грознымъ. На улицахъ только и видны были испуганныя, или зѣбскія лица; или люди шли робко вдоль домовъ, чтобы ихъ не примѣтили, или скитались, ища добычи; или отвращали отъ встрѣч-

наго болзливые и потупленные взоры, или устремляли на встрѣчаго страшный пытливый взглядъ.

Пестрые наряды исчезли вмѣстѣ съ старинною. Новое поколѣніе одѣлось въ однообразный кастанъ. Революціонная сѣкира начинала уравнивать прихотливыя и безпутныя общественныя вольности 1789 года; чуяли приближеніе плебейскаго тиранства, которое хуже всякаго деспотизма. Когда народъ тирантъ, тиранство вездѣ. Это какъ-бы повсемѣстный Тиверій.

Къ парижскому народонаселенію примѣшалось еще чужое, составленное изъ южныхъ разбойниковъ. Передовой отрядъ Марсельцевъ, которыхъ Дантонъ набиралъ для 10-го августа и для сентябрьскихъ побойщъ, узнавали по рубищу, по загорѣлымъ лицамъ и по виду подлости и преступленія: *in vultu vitium*, порокъ въ лицѣ.

Въ Законодательномъ Собраніи я не узнавалъ никого. Мирабо и первые кумиры нашихъ смуть или исчезли, или лишились своего могущества. Собраніе это было учреждено 1-го октября 1791 и ринулось въ вихрь, который унесъ и живыхъ и мертвыхъ. Въ департаментахъ возникли кровавыя смятенія; въ Канѣ червь пресыщалась убійствами и сожрала сердце Бельзонса. Скопища вломились въ Тюльери, подъ предлогомъ отказа Людовика XVI, утвердить изгнаніе духовенства. Объявили, что отечество состоитъ въ опасности. Жгли Лафаета въ портретѣ. Съѣзжались федераты второй федераціи, а Марсельцы, вызванные Дантономъ, вошли въ Парижъ 30-го іюля, и были помѣщены Петіономъ въ бывшемъ бернардинскомъ монастырѣ.

Съ Національнымъ Собраніемъ вступили въ состязаніе два другія: Якобинцы, зашедшіе въ бывшемъ монастырѣ Святаго Якова, и Бернардинцы, Cordeliers, которые собирались въ опустошенной церкви Бернардиновъ, монаховъ, слѣдовавшихъ уставу блаженнаго Бернарда. Собраніе Бернардинцевъ было самое страшное: изъ него то вышли члѣны пресловутой Общины парижской, и оно снабжало Общину средствами къ дѣйствию. Не состався Община, Парижъ раздѣлялся-бы отъ недостатка средоточія, и всѣ мерства стали бы соперничать между собою. Бернардинская церковь сооружена при Святомъ Людовикѣ, въ 1259. Клубисты сорвали тамъ все: картины, изображенія, писанья, или изваянныя, покровы, завѣсы. Ограбленный соборъ представлялъ одинъ остовъ. Въ углубленіи церкви, куда вѣтеръ и дождь проникали сквозь штучный переплетъ безъ расписныхъ стеколъ, поставили столярные верстаки, въ замѣвъ стола для

предсѣдателя, когда засѣданіе происходило въ церкви. На этихъ верстакахъ лежали красныя шапки. Всякій, кто хотѣлъ говорить рѣчь, напередъ надѣвалъ такую шапку. Трибуна была построена изъ четырехъ брусковъ съ перекрестною доскою на подобіе эшафота. За предсѣдательскимъ мѣстомъ лежали шинныя орудія стариннаго правосудія, замѣненные кровавою машиною, подобно тому какъ сложная механика замѣнена гидравлическимъ прессомъ. Клубъ *очищенныхъ* Якобинцевъ заимствовалъ нѣкоторые изъ этихъ подробностей.

Ораторы, дружные для истребленія, не ладили между собою ни въ выборѣ начальниковъ ни въ способахъ дѣйствія. Ругали другъ друга подлецами, плутами, ворами, головорѣзани подъ шумъ свистковъ и вой группъ дьяволовъ. Метафоры заимствовались отъ убійствъ, отъ самыхъ грязныхъ предметовъ во всѣхъ родахъ. Чтобы сдѣлать образы ошутительными, ихъ выражали ужасными жестами. Все называлось по имени, съ собачьимъ безстыдствомъ, съ роскошью брани и богохульства. Только это и можно было разобрать въ дикомъ и оглушительномъ языкѣ этого мѣста. Говоруновъ, съ пискливымъ или гремящимъ голосомъ, прерывали не одни противники, но и маленькіе филины, обитатели монастыря безъ монаховъ, и колокольни безъ колоколовъ. Порхая въ разбитыхъ окнахъ, они ждали добычи. Звonomъ безслышнаго колокольчика пытались прогнать этихъ новыхъ ораторовъ, но какъ вой этимъ не укрощался, то въ неугомонныхъ стрѣляли изъ ружей. Трепещущіе, раненые филины падали зловѣщими предзнаменованіями на средину. Пандемонія грязныхъ, пыльныхъ людей, въ дыравыхъ камзолахъ, съ пиккою на плечѣ, или съ голыми накрестъ сложенными руками! Самые уродливые изъ этой сволочи говорили первые. Въ нашихъ смятеніяхъ безобразіе душевное и тѣлесное играло важную роль. Страждущее самолюбіе произвело странныхъ мятежниковъ.

По этимъ степенямъ гнусности проходили по-очередно смѣшанныя съ страшлищами собранія Шестнадцати, цѣлые ряды Горгонныхъ головъ. Первый разглагольствовалъ, въ силу своихъ неоспоримыхъ правъ, бывший лекаръ тѣлохранителей графа Артуа, швейцарское исчадіе, Марать, босой, или въ деревянныхъ кованыхъ башмакахъ. Савти, пожалованный въ шуты черни, съ пошлымъ лицомъ и пошлою усмѣшкою учтивости, восклицалъ: «Ребята, мы отрѣжемъ вамъ дѣсти семьдесятъ тысячъ головъ!» За этимъ переулочнымъ Калигулой, слѣдовалъ сапожникъ, безбожникъ Шометь; а тамъ Камилль Демуленъ, по прозванію *фо-*

маршалъ генералъ-прокуроръ, замка-Нидероувъ, совѣтника убійствъ, намуруннѣй распутствами республиканецъ, каламбурникъ, владѣннѣйшій смѣлцоворъ. Онъ-то объявилъ, что на сентябрьскомъ публичномъ собраніи все происходило въ вожделенномъ порядкѣ. Фуршѣ приближалъ изъ Нанга учиться разбою у этихъ докторовъ мятежа. Въ кругу дикихъ звѣрей, толпившихся у трибуны, онъ похожъ былъ на гіенну въ платьѣ; вдыхалъ въ будущемъ ароматное истеченіе человеческой крови, обонялъ куреніе повздовъ на ослахъ съ палачами, пока наступитъ день, когда, будучи изгнанъ изъ клуба Якобинцевъ, какъ воръ, безбожникъ и убійца, онъ попадетъ въ министры республики. Когда Марать сходилъ съ подмостковъ, этотъ политическій Трибуна становился игрищемъ своихъ почитателей. Они давали ему щелчки въ носъ, наступали ему на ноги, опрокидывали его при всеобщемъ смѣхѣ. И все это не помѣшало ему сдѣлаться главою толпы, взойти на часовую башню Ратуши, подать колоколомъ знакъ къ общей рѣзни, торжествовать въ революціонномъ судѣ.

Этихъ сценъ былъ я свидѣтелемъ три или четыре раза; въ нихъ господствовалъ и предсѣдательствовалъ Дантонъ, Гуннъ, ростомъ съ Гота, съ приплюснутымъ носомъ, съ вздернутыми ноздрями, изрытымъ осною лицомъ. Въ церкви, какъ въ остоу вѣковъ, Дантонъ съ своими тремя фуріями мужескаго пола, Демуленомъ, Маратомъ, Фабромъ, устраивалъ сентябрьскій разбой. Билло предлагалъ подкинуть огонь въ тюрьмы и сжечь ихъ вмѣстѣ съ узниками; другой конвентскій полагалъ лучше утопить ихъ; а Марать стоялъ за общее избіеніе. Стали спрашивать Дантона о помилованіи этихъ несчастныхъ. Онъ отвѣчалъ: «Къ чорту ихъ!» Въ своемъ циркулярѣ отъ имени парижской Общины, онъ приглашалъ свободныхъ людей всѣхъ департаментовъ повторить ужасы, совершенные въ кармелитскомъ монастырѣ и аббатствѣ.

Отъ того, что общественный переворотъ сопровождался большими преступленіями, многіе во Франціи вообразили весьма не кстати, что преступленія и были причиной Революціи, тогда какъ они были только отвратительнымъ раздраженіемъ. Превратные и мечтательные умы удивляются въ страждущей природѣ однимъ только судорогамъ. Всѣ эти знаменитые люди были подлецы. Дантонъ не вѣрилъ правиламъ, которыя провозглашалъ. Укутываясь въ кровавый плащъ, онъ имѣлъ въ виду цѣль обогатиться. «Приходите горланить съ нами, совѣтовалъ онъ одному молодому человѣку; а тамъ, когда награбите денегъ, дѣлайте что хотите.» Дантонъ сознавался, что онъ

для того только не присталъ къ придворной партіи, что его дешево покупали. Уступая Мирабо даже въ безобразіи, Дантонъ былъ однако все еще лучше Робеспьера, и не прославилъ подобно ему своихъ преступленій подъ своимъ именемъ. Онъ сохранялъ какое-то понятіе о вѣрѣ: «Развѣ мы для того истребили суевѣріе, сказалъ онъ, чтобы учредить безбожіе?»

Дантонъ попалъ въ западню, которую уготовилъ другіи. Напрасно бросалъ онъ хлѣбными шариками въ носъ судьямъ своимъ, отвѣчалъ мужественно, привелъ въ смущеніе судъ, въ опасность и страхъ Конвенцію; тщетно выказывалъ силу своей логики въ изображеніи злодѣяній, которыя дали силу собственнымъ врагамъ его; и вскричалъ съ бесполезнымъ раскаяніемъ: «Я же самъ и учредилъ это безчестное судилище; каюсь въ томъ передъ Богомъ и людьми». Слѣдовало объявить объ этомъ безчестіи до преданія его суду.

Дантону оставалось также быть неумолимымъ къ собственной смерти, какъ онъ былъ неумолимъ къ смерти жертвъ своихъ, и вздернуть голову выше сѣкиры поднятой надъ его шей.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Съ позорища Терроризма, гдѣ ноги его грязли въ крови, запекшейся наканунѣ, по его же слову, онъ съ презрѣніемъ повелъ повелительный взоръ по толпѣ и сказалъ палачу: «Покажи мою голову этимъ подлецамъ: она стоитъ того». Такимъ-же образомъ погвбли дьякъ и подъячій Дантоновы: Камилль Демулевъ и Фабръ д'Эглантинъ.

Въ это время во Франціи гильотинамъ давали пансіонъ за выслугу лѣтъ; въ петлицѣ карманьоли носили, на мѣсто цвѣтка, золотыя гильотинки, или кусочекъ сердца казненнаго. Справляли веселыя оргіи въ честь крови, сѣкиры и изступленія, чокались за здоговье ничтожества, плясали пляску мертвецовъ. Чтò за страна! Чтò за народъ! Чтò за событія!

Камилль Демулевъ дерзнулъ не страшиться Робеспьера. Онъ поддѣлъ знакъ возстанія противъ Терроризма. Молодая и милая женщина, исполненная душевной энергіи, давъ ему способность къ любви, дала также способность къ самопожертвованію. Негодованіе внушило краснорѣчіе дерзкой и площадной провни этого трибуна; онъ развязно напалъ на эшафоты, которые самъ помогъ построить. Согласно поступки съ рѣчами, онъ не хотѣлъ подчиниться своей казни; въ телѣжкѣ схватилъ палача за шиворотъ, и полуветерзанннй пріѣхалъ къ краю послѣдней пропасти.

Фабръ д'Эглантинъ, сочинитель пьесы, сохранившейся до нынѣ

во французской литературѣ, показавъ напротивъ ужасную слабость. Видно, убивая другихъ, умереть не выучился.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ память я возобновляю, никого уже нѣтъ въ живыхъ. Я встрѣтилъ ихъ одно мгновение на моемъ переходѣ, отъ рождающагося общества въ Америкѣ къ умирающему обществу въ Европѣ, между лѣсовъ Новаго Свѣта и пустынь изгнанія. Я пробылъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ на чужой землѣ, какъ эти любовники смерти уже истончились съ нею. Съ нынѣшняго разстоянія, между мной и ихъ появленіемъ, мнѣ кажется, будто я въ молодости нисходилъ въ адъ и не ясно помню блуждающія страшилища, выданныя мною на берегахъ Коцата. Имъ дополняются разнообразныя сны моей жизни и мои замогильные листки.

Я очень былъ радъ встрѣтиться съ Мальзербомъ и говорить о моихъ прежнихъ намѣреніяхъ. Я рассказалъ ему о планѣ второго путешествія на девять лѣтъ. Мнѣ предстояло только — съѣздить въ Германію, побывать въ арміи у Принцевъ и поскорѣй воротиться да разбить революцію впрахъ. Черезъ два, три мѣсяца я сълѣ-бы на корабль и пустился бы обратво въ Америку, и было-бы на Божьемъ свѣтѣ одной революціей менше — однимъ супружествомъ болше.

Однако жъ усердіе превосходило во мнѣ вѣру: я былъ убѣжденъ, что эмиграція — безумство. При не слишкомъ великомъ расположеніи моемъ къ безладнѣ, называвшейся «старымъ ладомъ», я не обманывалъ себя на счетъ принятаго мною рѣшенія, совѣстился, и хотѣлъ знать — какого мнѣнія объ эмиграціи Мальзербъ, несмотря что я былъ готовъ пожертвовать собою для чести. Я нашелъ Мальзерба очень сердитымъ. Другъ Руссо бросилъ свою политическую терпимость, при видѣ нескончаемыхъ ужасовъ и преступленій; онъ не колебался — чью взять сторону, жертвъ ли, или палачей. По немъ, все что ни есть на свѣтѣ было лучше того, что тогда у насъ происходило, а я, какъ военный, обязанъ присоединиться къ братьямъ короля, преданнаго въ руки врагамъ. Онъ одобрилъ мое возвращеніе изъ Америки, и брата убѣждалъ ѣхать со мною. Я сталъ возражать обыкновенными доводами о долгѣ отечеству; на это онъ привелъ мнѣ весьма затруднительныя примѣры въ время минувшихъ. Я былъ пораженъ правилами, которыя излагалъ такой человекъ какъ Мальзербъ, и тѣмъ, что множество историческихъ примѣровъ подкрѣпляли ихъ. Я уступилъ долгу чести.

Эти бесѣды знаменитаго защитника короля происходили со

швою въ домъ моей невесты. Она перодъ тѣмъ родила втораго сына. Малышрбъ крестилъ его, давъ ему свое имя, Крестіанъ. Я былъ на крестинахъ этого ребенка, которому суждено было видѣть отца и мать только въ тотъ возрастъ, когда въ жизни нѣтъ воспоминаній, и она кажется отдаленною, какъ незнакомое свидѣаніе. Приготовленія къ отъезду шли мѣшиотно. Думалъ женить мою на богатой, а вышло, что капиталъ моей жены былъ отданъ на проценты духовенству. Нація же взяла на себя трудъ, вынмачивать ихъ какъ заблужденіе. Кроме того, жена, съ согласія опекуновъ, отдала заемное письмо на большую часть процентовъ своей сестрѣ, графинѣ Плесси-Пароко, эмигранткѣ. Денегъ не было, надобно было занять.

Нотариусъ досталъ намъ десять тысячъ франковъ. Я несъ ихъ въ бумажкахъ домой, какъ повстрѣчался на дорогѣ съ старымъ товарищемъ наваррснаго полка, графомъ Ашаромъ. Онъ былъ большой игрокъ; звалъ меня въ игорный домъ М....., поблталъ: чертъ толкнулъ меня, я пошелъ, сѣлъ играть, и — проигралъ; остались только полторы тысячи франковъ. Въ ужаснѣйшемъ раскаяніи и смущеніи, выхожу изъ дома и наппаю первую попавшуюся карету. Я никогда не игрывалъ; игра произвела во мнѣ какое-то болѣзненное упоеніе; сдѣлаясь я игрокомъ, эта страсть разстроила бы мнѣ мозгъ. Полуумный, я выхожу изъ кареты у Святаго Сульшиція, и позабываю бумажникъ съ остаткомъ моего сокровища. Бѣгу домой и рассказываю, что оставилъ въ названной каретѣ полученныя десять тысячъ франковъ.

Выхожу, иду по Дофинской улицѣ, перехожу Новый Мостъ: такъ я бросился бы въ воду. Иду на площадь Пале-Рояля, гдѣ попалъ несчастную колымагу. Разспрашиваю Савояровъ, новшихъ лошадей; описываю карету, и мнѣ на удачу называютъ одинъ номеръ. Отъ полицейскаго комиссара узнаю, что это номеръ хозяина извозчика, который живетъ на концѣ сентъ-доинскаго предмѣстья. Иду къ нему, и цѣлую ночь провожу въ конюшнѣ, въ ожиданіи возвращенія кареты. Пріѣзжаютъ множество одна за другою, но ни одна не моя. Наконецъ въ два часа утра катитъ и моя колесница. Я не успѣлъ всмотрѣться и узнать моихъ сѣрыхъ коней, какъ бѣдныя, измученныя твари бросились на солому съ вздутымъ брюхомъ и вытянувъ ноги, какъ будто околѣли. Извозникъ вспомнилъ, что везъ меня. Послѣ меня онъ везъ какого то гражданина, вышедшаго у Якобинцевъ; послѣ него дамѣ въ улицу Клері; послѣ дамы, какого-то мужчину въ сентъ-мартенскую улицу къ Францисканскимъ монахамъ. Я обман

извозчику на водку, и съ развитомъ пускаюсь отыскивать мои деньги, точно сѣверо-восточный проливъ. Я думаю на вѣрное, что Якобинецъ конфисковалъ ихъ по праву властелина. Дѣвица, изъ удицы Клерв ничего не видала въ каретѣ. Пріѣжаю на третью станцію, но безъ всякой надежды. Извозчикъ, какъ умѣетъ, описываетъ примѣты мужчины, котораго возилъ. Привратникъ восклицаетъ: «Ахъ! это отецъ такой-то!» Черезъ корридоры и пустыя комнаты меня ведутъ къ монаху, который остался одинъ для описи монастырскаго имущества. Этотъ монахъ въ запыленномъ сюртукѣ, стоя на грудѣ обломковъ, слушалъ мой рассказъ. «Вы не Шатобрианъ ли? спрашиваетъ онъ меня». — Тотъ самый. — «Вотъ вашъ бумажникъ». Я хотѣлъ отнести его къ вамъ, какъ отдѣляюсь здѣсь; я нашелъ въ книжкѣ вашъ адресъ». Этотъ то бѣдный выгнанный и ограбленный монахъ, такъ совѣстливо трудившійся для своихъ гонителей надъ описью достоинства своего монастыря, отдалъ мнѣ полторы тысячи франковъ, съ которыми я готовился идти въ изгнаніе. Безъ этой маленькой суммы, я бы не эмигрировалъ; но чтѣ случилось бы со мною? Вся моя жизнь была бы другая. За-то теперь пускай меня повѣсать, если я пойду отыскивать миліонъ.

Это происходило 16 іюня 1792 года.

Вѣрный инстинкту, я воротился изъ Америки, чтобы сражаться за моего законнаго государя, но я не держался никакой партіи. Распушеніе новой королевской стражи, въ которой служилъ Миорагъ; перемѣны министерствъ: Роланда, Дюмурье, Дюпора; маленькіе версальскіе заговоры, или большія народныя возстанія, все это внушало мнѣ только скуку и презрѣніе. Я много слышался про мадамъ Роландъ, но не видалъ ея. Ея записки доказываютъ, что сила ума ея была чрезвычайна. Говорили, что она очень пріятная женщина; остается знать, довольно ли она была пріятна, чтобы заставить позабыть до такой степени цинизмъ не естественныхъ добродѣтелей. Женщина, которая у самой гильотины спрашивала цѣро и чернилъ, чтобы записать какъ послѣднія минуты своего пути, такъ и открытія, сдѣланныя ею по дорогѣ изъ тюрьмы на площадь Революціи, такая женщина подаетъ очень рѣдкій примѣръ заботливости о будущемъ и презрѣнія къ жизни. У мадамъ Роландъ скорѣе былъ характеръ, нежели геній: характеръ можетъ родить геній, но не на оборотъ.

19 іюня я ходилъ въ моиморанскую долину, навѣстить Пустыню Ж. Ж. Руссѣ, не потому, что мнѣ пріятно было вспоминать о мадамъ Элинѣ и объ этомъ искусственномъ и развращен-

номъ обществѣ; вѣтъ, я хотѣлъ только проститься съ удивительнымъ училищемъ челоуѣка, котораго нравы имѣли антипатію къ мнѣ, несмотря, что талантъ его шевелилъ мою молодость. На другое утро, 20 числа, я еще былъ въ Пустынѣ, и встрѣтилъ тамъ двухъ челоуѣкъ, которые, какъ я, прогуливались въ этой глуши, въ бѣдственный для монархіи день, будучи равнодушны, какъ я думалъ, къ мірскимъ дѣламъ. Одинъ былъ Марэ, сподвижникъ Имперіи, другой Барреръ, сподвижникъ Республики. Милый Барреръ съ своей чувствительной философіей, пришелъ, чтобы вдали отъ шума нашептывать революціонныя ласкательствѣн Юліи. По предложенію этого трубадура гильотины, Коквентъ объявилъ, что *произведеніе ужаса въ народѣ принимается въ основаніе правительственныхъ дѣйствій Республики*. Самъ же Барреръ избѣгаулъ этого ужаса, спрятавшись въ корзину, куда палачъ бросалъ отрубленные головы. Изъ глубины кроваваго убѣжища, подъ эшафотомъ, слышно было только: *on l'entendait seulement croasser la mort!*

Барреръ принадлежалъ къ той породѣ тигровъ, которыхъ Опій производитъ отъ дуновения вѣтра: *velocis Zephygi proles*.

Мои старые пріатели-литераторы, Женевѣ, Шавфоръ, были въ восторгѣ отъ событій 20 іюня. Лагарпъ продолжалъ лекціи свои въ Лицѣ.

Я не могъ постичь такой высоты правилъ и краснорѣчія, не смотря, что былъ уже не такъ малозначущъ, послѣ путешествія въ Америку. Фонтанъ находился въ опасности, по своимъ прежнимъ связямъ съ *Монархическимъ Обществомъ*. Братъ былъ членомъ клуба *бъшеныхъ*. Пруссаки подступали въ силу договора вѣнскаго кабинета съ берлинскимъ; уже, въ сторонѣ Мона, происходила жаркая стычка Французовъ съ Австріянами. Давно пора было рѣшиться на что нибудь.

Братъ я я достали себѣ ложные паспорта на дорогу въ Лицъ. Одѣвшись въ мундиръ парижской національной стражи, мы назвали себя служащими въ стражѣ, ремесломъ виноторговцы, взяли подрядъ на армію. Слуга брата, Луи Пуленъ, путешествовалъ подъ своимъ именемъ, показывалъ, что ѣдетъ во Фландрію навѣстить родныхъ. Мы положили выѣхать 15 іюля, на другой день послѣ второй федераціи. Четырнадцатое мы провели въ Тиволи съ семействомъ Розамбѣ, сестрами и женою. Тиволи принадлежало Бутену, котораго дочь вышла за Мальзербъ. Къ вечеру мы увидали множество федератовъ, бродившихъ въ розсыпную. На шляпахъ у нихъ было написано мѣломъ: «Петіонъ или смерть».

Тиволи, исходная точка моего изгнанія, потому обратилось въ мѣсто увеселеній и праздниковъ. Родные разставались съ нами, безъ печали. Они были увѣрены, что путешествіе наше предпринято для удовольствія. Мои отысканные полторы тысячи франковъ казались сокровищемъ, котораго было для меня достаточно, чтобы воротиться въ Парижъ съ торжествомъ.

15 іюля, въ шесть часовъ утра, мы сѣли въ дилижансъ. Мы взяли мѣста въ набріолетѣ, возлѣ кондуктора; а слуга, съ которымъ мы должны были обходиться какъ съ незнакомымъ, сѣлъ въ карету, съ прочими пассажирами. Луи былъ луватикъ. Онъ ходилъ по ночамъ искать своего барина по Парижу, во снѣ, но съ открытыми глазами. Во снѣ раздѣвалъ брата, укладывалъ его въ постель, отвѣчая на все: «Знаю, знаю,» и просыпался только тогда, какъ спрыснуть его холодною водою. Имѣя отъ роду сорокъ лѣтъ, ростомъ шесть футовъ, онъ былъ также душень, какъ великъ. Этотъ добрый, почтительный малый не имѣлъ никогда другаго барина, кромѣ брата; онъ советамъ смѣшался, когда за ужиномъ ему надлежало сѣсть за столъ вмѣстѣ съ нами. Страхъ его увеличился тѣмъ, что путешественники, великіе патриоты, говорили о вѣшаніи аристократовъ на фонаряхъ. Мысль, что за всѣмъ тѣмъ онъ долженъ будетъ пройти сквозь австрійскую армію, чтобы сражаться въ арміи принцевъ, окончательно разстроила его умъ. Онъ много пилъ и сѣлъ въ дилижансъ; мы усѣлись въ набріолеткѣ.

Вдругъ, ночью, слышимъ, путешественники кричать высунувъ голову изъ окошка: «Стой, кучеръ, стой!» Дилижансъ сталъ, двери отворяются, и слышны голоса мужчинъ и женщинъ: «Выходи гражданинъ, выходи! это нестерплю! Вонъ, свинья! Да это разбойникъ! Вонъ, вонъ!» Мы также выходимъ. Смотримъ, Луи вытолкали изъ кареты и повалили на землю. Онъ встаетъ, оглядывается кругомъ открытыми опящими глазами, и, что есть духу, безъ шляпы, бѣжитъ по направленію къ Парижу. Боясь выдать себя, мы не смѣли его кликнуть; надобно было оставить его на волю жребія. Въ первой деревнѣ его взяли по подозрѣнію; Луи объявилъ, что онъ слуга графа Шатобріана, и живетъ въ Парижѣ, въ улицѣ Бонди. Земская полиція водила его изъ бригады въ бригаду и доставила къ президенту Розамбб. Показанія этого несчастнаго человѣка обличили нашу эмиграцію и предали брата и невѣстку эшафоту.

На другой день за завтракомъ пассажировъ, надобно было

двадцать разъ слышать всю исторію. «Это былъ помѣшанный; онъ громко бредилъ; онъ говорилъ странныя вещи; это вѣрно «былъ заговорщикъ, убійца, который бѣжалъ отъ правосудія.» Благовоспитанныя граждане краснѣли, махая большими опахалами изъ зеленой бумаги, à la Constitution. Въ этихъ толкахъ легко было узнать дѣйствіе сомнабулизма, страха и вина.

Пріѣхавъ въ Лилль, мы отыскали человѣка, которому было поручено проводить насъ за границу. Эмиграція имѣла своихъ агентовъ спасенія, которые, по результату, вышли агентами погибели. Монархическая партія была еще сильна, вопросъ еще не рѣшенъ; слабые и трусы служили, въ ожиданіи событія.

Мы выѣхали изъ Лилля до закрытія воротъ; пристали въ домѣ, поодаль отъ прочихъ жилищъ, и пустились снова въ дорогу только въ десять часовъ вечера, когда совсѣмъ стемнѣло. Мы ничего съ собою не несли, кромѣ тросточки. Чтò касается до меня, то, ровно годъ тому назадъ, я точно такъ слѣдовалъ за моимъ Голландцемъ въ американскихъ лѣсахъ.

Мы проходили черезъ поля съ хлѣбомъ, по которымъ извивались едва пробитыя тропинки. Французскіе и австрійскіе патрули были въ барабанъ; мы могли попасть къ тѣмъ или къ другимъ, или подвернуться подъ пистолетный выстрѣлъ часоваго. Издали мы увидѣли конныхъ солдатъ, стоявшихъ по одиночкѣ, неподвижно и съ палашемъ въ рукѣ; въ рытвинахъ слышали конскій топотъ; припавъ ухомъ къ землѣ, мы услышали ровное шаганіе пѣхоты. Послѣ трехъ часоваго пути, то бѣгомъ, то на цыпочкахъ, мы пришли къ перекрестку въ лѣсу, гдѣ, запоздавъ, вѣли нѣсколько соловьевъ. Рота улановъ, стоявшая позади плетня, напала на насъ, поднявъ шпаги. Мы закричали: «мы офицеры, идемъ къ принцамъ!» Мы просили, чтобы насъ отвели въ Турне, объявляя, что имѣемъ средство заставить узнать себя. Командиръ поста, помѣстивъ насъ по серединѣ роты, повелъ въ городъ.

На разсвѣтѣ, уланы увидали подъ нашими сюртуками мундиръ національной стражи, и стали ругать насъ.

Въ Турнезисѣ, первоначальномъ королевствѣ Франковъ, Кловисъ жилъ въ первые годы своего царствованія. Предназначенный побѣдить Галловъ, онъ удалился изъ Турна съ своими сподвижниками: «Оружіемъ пріобрѣтаются всякія права», говоритъ Тацитъ. Черезъ сей-то городъ, изъ котораго, въ 486 году, вышелъ первый своего рода Король, для учрежденія своей долгой и могущественной монархіи, я, въ 1792, проѣзжалъ, чтобы при-

соединиться къ принципамъ третьяго поколѣнія, на чужой сторонѣ, и проѣзжалъ еще въ 1814, когда послѣдній король Французовъ покидалъ королевство перваго короля Франковъ: *omnia migrant*.

Прибывъ въ Турне, я предоставилъ брату вѣдаться съ правительствомъ, а самъ подъ првсмотромъ солдата пошелъ смотрѣть соборъ. Нѣкогда, на паперти этого собора сживалъ Одонъ Орлеанскій, учитель соборный, и училъ своихъ питомцевъ теченію звѣздъ, показывая имъ пальцемъ на млечный путь и звѣзды. Я желалъ бы лучше увидѣть въ Турне этого простодушнаго астронома одиннадцатаго вѣка, нежели Пандуровъ. Люблю эти времена, въ которыя лѣтописи 1049 года повѣствуютъ мнѣ, что въ Нормандіи одинъ чловѣкъ былъ превращенъ въ осла. Чуть, чуть не случилось того же и со мною, какъ видѣли, у мовхъ учительницъ чтенія, дѣвицъ Куппаръ. Въ 1114, Гильдеберъ видѣлъ дѣвушку, у которой изъ ушей выходили пшеничныя колосья. Можетъ-быть, это была Церера. Другіе, Гильомъ Нанжи и Альберикъ, видѣли въ 1118 году, какъ Маась, который мнѣ вскорѣ надлежало переплыть, подняло на воздухъ. Ригоръ увѣряетъ, что въ 1194, между Компіеномъ и Клермонтомъ, въ Бовоазѣ, выпалъ градъ, перемѣшанный съ вѣровами, которые несли уголья и все зажигали. Если Жерве де-Тильбюри увѣряетъ, что буря не смѣла потушить свѣчу на окнѣ пріорства святаго Михаила *Камисскаго*, то онъ же рассказываетъ намъ что въ юзесскомъ приходѣ былъ прекрасный чистый фонтанъ, который перемѣнялъ мѣсто, коль скоро въ него бросали что-нибудь нечистое. Нынче совѣсть людская не беспокоится изъ-за такой малости. Читатель, я не мѣшкаю; я говорю съ тобою, что-бы ты терпѣливѣе ждалъ брата, который хлопочетъ. Вотъ онъ идетъ, объяснившись удовлетворительно съ австрійскимъ командирамъ. Намъ позволено ѣхать въ Брюссель, въ изгнаніе, купленное столькими трудами.

Въ Брюсселѣ была главная квартира знатныхъ эмигрантовъ. Первые парижскіе щеголихи и щеголи, тѣ, которые не иначе могли итти въ походъ, какъ въ качествѣ адъютантовъ, ожидали минуты побѣды посреди удовольствій. Они щеголяли въ прекрасныхъ новыхъ мундирахъ; выставляли на показъ свою вѣтренность; проматывали въ нѣсколько дней суммы, которыхъ стало-бы имъ на нѣсколько лѣтъ: стоило ли экономничать, когда не сегодня такъ завтра могли быть въ Парижъ.....

Эти блистательные рыцаря приготавливались къ славіи посредствомъ успѣховъ въ любви, на перекоръ старинному рыцарству. Они

посмотривали съ высока на насъ провинціальныхъ дворянчиковъ, или бѣдныхъ офицеровъ, обращенныхъ въ солдаты, идущихъ въшкомъ, съ сумою за плечами. Эти Геркулесы шрали у ногъ своихъ Омфалъ, которыя забавляли ихъ болѣе нежели батаи.

Въ Брюсселѣ я засталъ свое маленькое имущество, доставленное до меня по контрабандѣ. То были: мой мундиръ назарскаго полка, нѣсколько бѣлья и мои драгоценныя бумаги.

Баронъ Бретейль пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Тутъ я увидѣлъ баронессу Монморанси, тогда молодую и прекрасную, а теперь умирающую; видѣлъ епископовъ въ фиолетовыхъ обьяренныхъ рясахъ съ золотымъ крестомъ; молодыхъ судей, переобразившихся въ венгерскихъ полковниковъ, и Ривароля, котораго я видѣлъ тутъ въ первый и послѣдній разъ въ моей жизни. Его не назвали. Я удивился человѣку, который говорилъ одинъ, заставляя другихъ слушать себя, какъ орacula. У Ривароля умъ вредилъ таланту, а рѣчь перу. Онъ говорилъ про революцію: «Первый ударъ поражаетъ Юпитера въ сердце его могущества; второй поражаетъ только бездушный мраморъ». Я переодѣлся въ мундиръ подпоручика пѣхоты, и долженъ былъ ѣхать послѣ обѣда; мой ранецъ лежалъ за дверями. На лицѣ у меня еще не сходилъ загаръ отъ американскаго солнца и отъ морскаго путешествія; волосы я причесывалъ гладко и не вѣдалъ мудры. Моя фигура и мое молчаніе стѣсняли Ривароля; баронъ Бретейль, привычавъ его безпокойное любопытство, удовлетворилъ его. «Откуда», спросилъ онъ брата, «пріѣхалъ вашъ братецъ?» — Я отвѣчалъ: «Отъ Ніагары». Ривароль вскричалъ: «Отъ водопада!» Я молчалъ. Онъ робко спросилъ меня: «Вы идете?....» — «Туда гдѣ дерутся», прервалъ я его. Тутъ встали изъ-за стола.

Эта чванная эмиграція мнѣ ужасно надоѣла. Я желалъ поскорѣе увидѣть моихъ перовъ, такихъ-же эмигрантовъ, какъ я, съ шестьюстами ливровъ ежегоднаго дохода. Положимъ, мы были дураки, но по-крайней мѣрѣ мы носили шапки на-голо, и если бы имѣли успѣхъ, то не мы воспользовались бы вобѣдою.

Братъ остался въ Брюсселѣ при баронѣ Монбоасе, который сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Я отправился одинъ въ Кобленцъ.

Путь мой былъ самый историческій; вездѣ были какія-нибудь воспоминанія, или слѣды величія Франціи. Я проѣзжалъ черезъ Люттихъ, одинъ изъ этихъ вольныхъ городовъ, которые такъ часто возставали противъ своихъ епископовъ, или противъ фландрскихъ графовъ. Союзникъ Люттиха, Лудовикъ-Одиннад-

цатый, принужденъ былъ оставаться при грабежѣ ихъ города, чтобы не попасть въ смѣшную плѣнь въ Пероннѣ.

Я шелъ присоединиться и раздѣлять труды этихъ воиновъ, которые ставятъ свою славу въ подобныхъ вещахъ. Въ 1792, сношенія Люттиха съ Франціею были миролюбивѣе. Аббатъ собора Святаго Губерта былъ обязанъ посылать каждый годъ по царѣ охотничьихъ собакъ къ преемникамъ короля Дагоберта.

Аахену дѣлали другой подарокъ, но уже отъ Франціи. Послѣ смерти каждаго монарха, погребальный покровъ отсылали на гробницу Карла Великаго. Аахенскій соборъ построенъ Карломъ Великимъ и освященъ Львомъ Третьимъ. Такъ какъ при этомъ торжествѣ недоставало двухъ духовныхъ особъ, то два давно умершіе мастрихтскіе епископа нарочно воскресли, какъ гласитъ преданіе. Когда Карлъ Великій лишился прекрасной любовницы, онъ обнималъ тѣло и никакъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Принесли эту страсть чарамъ. Осмотрѣли молодую умершую и подъ языкомъ нашли жемчужину. Карлъ Великій, страстно любленный въ болото, приказалъ засыпать его; выстроилъ на томъ мѣстѣ дворецъ и церковь: одинъ для пребыванія при жизни, другую для могилы. Тутъ авторитеты архіепископъ Туринскій и Петрарка.

Въ Кёльнѣ я дивился собору. Будь онъ оконченъ, это былъ бы прекраснѣйшій готическій памятникъ въ Европѣ. Монахи среднихъ вѣковъ сами были живописцами, скульпторами, архитекторами и каменщиками своихъ церквей; они даже гордились прозваніемъ мастеровъ каменщиковъ.

Кёльнъ напомнилъ мнѣ Калугу и Бруна. Въ Байѣ я видѣлъ остатки плотинъ, устроенныхъ Калугулой, а въ большомъ монастырѣ Хартгейзеровъ пустую келью Бруна.

Я шелъ вверхъ по Рейну до Кобленца (Confluentia). Тамъ уже не было арміи принцевъ. Я проходилъ черезъ эти пустыя королевства, іванія герца; видѣлъ эту Рейнскую долину, эту Темпюскую долину, музъ варваровъ, гдѣ тѣни рыцарей бродили около развалинъ своихъ замковъ, гдѣ, передъ войною, по ночамъ слышится стукъ оружія.

Между Кобленцомъ и Триромъ я настигъ прусскую армію. Я шелъ вдоль колонны, когда, поравнявшись съ часовыми, примѣтилъ, что они идутъ въ боевомъ порядкѣ съ пушками въ рядъ. Въ серединѣ каррѣ, составленнаго изъ старыхъ гренадеръ Фридриха, находились король и герцогъ Брауншвейгскій. Король примѣтилъ мой бѣлый мундиръ и подозвалъ меня. Онъ и герцогъ вразожили руку къ шляпѣ, и въ моемъ лицѣ привѣтствовали

бывшую французскую армию. Они спросили мое имя, имя моего полка и куда я иду, чтобы соединиться съ принцами. Этотъ военный пріемъ тронулъ меня. Я отвѣчалъ, что услыхавъ въ Америкѣ о несчастіи короля, я воротился, чтобы проливать за него кровь. Офицеры и генералы, окружавшіе Фридриха Вильгельма, сдѣлали одобрителное движеніе, а прусскій монархъ сказалъ мнѣ: «Всегда видны благородныя чувства». Опять приложилъ руку къ шляпѣ, и до-тѣхъ поръ не трогался съ мѣста, покуда я не исчезъ за стѣною гренадеръ. Странный случай, который повторился и съ другими, чуть не заставилъ меня вернуться. Въ Трирѣ, куда пришла армія принцевъ, меня не хотѣли выпустить. «Я былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые ждутъ событія, чтобы рѣшиться. Уже три года какъ мнѣ слѣдовало быть при арміи; и я пришелъ теперь, когда побѣда уже неминуема. Во мнѣ не было надобности; и такъ довольно наѣхало этихъ храбрецовъ послѣ битвы. Каждый день бѣжало по цѣлымъ эскадронамъ кавалеріи; даже вся артиллерія переходила, и если это продлится, то не знаю, куда будетъ дѣваться этотъ народъ».

Удивительное ослѣпленіе партій!

Я встрѣтилъ двоюроднаго брата Армана Шатобриана; онъ взялъ меня подъ свое покровительство, созвалъ Бретанцевъ и сталъ говорить дѣвъ мою пользу. Меня призвали, я объяснился, сказалъ, что воротился изъ Америки, желая имѣть честь служить съ товарищами; что походъ объявленъ, но не начать, такъ что я еще подоспѣю къ первому выстрѣлу; что, впрочемъ, я удалюсь, если хотять этого, но не иначе, какъ спросивъ отчета въ незаслуженномъ оскорбленіи. Дѣло сладилось. Для меня, какъ для добраго малаго, ряды разступились, чтобы принять меня; и я только затруднялся въ выборѣ.

Армія принцевъ состояла вся изъ господъ благородныхъ, которыхъ распредѣлили по провинціямъ. Они служили простыми солдатами. Были сверхъ-того бригады изъ офицеровъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ полковъ и тоже обращенныхъ въ нижніе чины. Въ этомъ числѣ находились и мои наваррскіе товарищи, предводимые нашимъ полковникомъ, маркизомъ де-Мортмаромъ. Я очень желалъ записаться въ товарищи къ Ламартиниеру, будь онъ себѣ и влюбленъ; однако армериканское патриотство превозмогло: я присталъ къ землякамъ въ седьмую бретанскую роту, подъ начальствомъ Гойонъ - Мниака. Дворянство моей провинціи отпустило семь ротъ; была еще осьмая, изъ молодыхъ людей развочинцовъ. Въ этой ротѣ мундиръ былъ сѣраго сукна, а въ прочіхъ

семи ротахъ сняго съ горностаевыми отворотами. Несмотря на единство цѣли, на предстоявшія для всѣхъ одинаковыя опасности, нужно было еще продолжать свое политическое неравенство и отличать себя ненавистными знаками. Истинными героями были простые солдаты, потому что никакой личный интерес не примѣшивался къ ихъ самопожертвованію.

Вотъ исчисленіе нашей небольшой арміи.

Пѣхота изъ благородныхъ солдатъ и офицеровъ; четыре роты дезертеровъ, одѣтые въ различныя мундиры полковъ, къ которымъ прежде принадлежали; артиллерійская рота, нѣсколько инженерныхъ офицеровъ; при нихъ нѣсколько разнокалиберныхъ пушекъ, гаубицъ и мортиръ. Артиллерія и инженеры, почти всѣ стоявшіе за республику, содѣйствовали вышнимъ ея успѣхамъ. Пѣхоту подкрѣпляла отличная конница изъ нѣмецкихъ карабинеровъ, мушкетеровъ, подъ начальствомъ пожилаго графа Монморела,—изъ морскихъ офицеровъ городовъ Бреста, Рошфора и Тулона. Отъ общей эмиграціи этихъ офицеровъ, французскія морскія силы впали въ прежнее слабое состояніе, изъ котораго вывелъ ихъ Лудовикъ - Шестнадцатый. Никогда эти эскадры такъ не прославились. Мои товарищи радовались, а я плакалъ, смотри на этихъ драконовъ океана, которые уже не вели кораблей, спасшихъ Америку. Въ-мѣсто-того, чтобы идти открывать новыя земли, они грязли въ болотахъ Германіи.

У насъ были палатки, но во всемъ прочемъ мы нуждались. Ружья, нѣмецкой работы, негодныя, тяжелыя до крайности, ломали намъ плечи и часто не стрѣляли. Я самъ, во весь походъ, ратовалъ съ ружьемъ, у котораго не спускался курокъ.

Въ Трирѣ мы пробыли два дня. Послѣ безыменныхъ развалинъ на Огайо, я радъ былъ видѣть развалины римскія, и назвѣстить городъ, такъ часто подвергавшійся грабежу, о которомъ Сальвій сказалъ: «Трирскіе бѣглецы, вамъ нужны зрѣлища, вы просите у императоровъ возстановленія конскихъ ристалищъ; но для какого государства, скажите, для какого народа, для какого города? *Theatra igitur quaeritis, circum a principibus postulatis? Cui, quaeso, statui, cui populo, cui civitati?*»

Я сѣлъ съ ружьемъ моимъ посреди развалинъ; вынувъ изъ ранца рукопись моего путешествія въ Америку; положивъ отдѣльные листки на траву, я перечитывалъ и исправлялъ описаніе гѣса, одно мѣсто изъ *Аталы*, въ разрушенномъ римскомъ амфитеатрѣ, приготовляясь такимъ образомъ завоевать Францію. Потомъ я пряталъ свое сокровище; сокровище, котораго тяжесть

вѣстѣ съ мѣмъ бѣльемъ, шнуромъ, жестяною манеркою, флажкою и небольшимъ Гомеромъ, давала мѣня и заставляла харкать кровью. Я попытался сунуть мою «Аталу» въ ладунку вѣстѣ съ лишними патронами; товарищи носмѣивались надо мною и обрывали листья, которые торчали изъ подъ кожаной крышки. Провидѣніе пособило моему горю. Прочитавъ однажды въ сѣнникѣ, я, проснувшись, не нашелъ въ ранцѣ моихъ сорочекъ; аа то мнѣ оставили бумага. Я славилъ Бога. Этотъ случай не только обезпечивалъ мою славу, но и спасъ жизнь, потому что я подвергался получить чахотку отъ тяжести въ полтера нуда, сидѣвшей на моей спинѣ. «Сколько у меня сорочекъ?» спрашивалъ Генрихъ Четвертый слугу своего. «Дюжина, государь, и то худая». — «А платковъ, не осемь ли у меня?» — «Де-сикъ шоръ только пять». Беарнецъ и безъ сорочекъ выигралъ сраженіе при Шери, а я, потерявъ мои, не успѣлъ возратить его потомкамъ королевства.

Отданъ былъ приказъ идти на Тіонвилъ. Мы проходили по пяти и шести миль въ день. Погода была ужасная, мы брели въ грязи, въ дождь и слякоть, и пѣли пѣсни. Пришедши на стоянку, мы, за немѣніемъ фургоновъ и припасовъ, брали ословъ, слѣдовавшихъ за колонною какъ въ арабскомъ караванѣ, и отправлялись въ деревни и усадьбы искать съѣстнаго. Мы часто расплачивались, и, не смотря на это, я долженъ былъ простоять на часахъ за то, что случайно сорвалъ двѣ груши въ саду какого-то замка.

Мы ставили палатки куда попало, и потомъ должны были безпрестанно разбивать ткань въ холстѣ, чтобы вода не протекала съвозъ протертыя мѣста. Намъ числилось по десяти солдатъ въ каждой палаткѣ. Каждый по очереди исправлялъ должность повара. Другіе ходили, кто за говядиною, кто за хлѣбомъ, кто за дровами, кто за соломой. Я очень хорошо стряпалъ супъ, за который отъ всѣхъ получалъ благодарность, если, бывало, къ французской похлѣбкѣ подбавлю сметаны да капусты, по образу и подобію нашихъ бретанскихъ щей. У Ирокезцевъ я привыкъ къ дыму, такъ что не страдалъ отъ соудства пылавшихъ зеленыхъ и мокрыхъ сучьевъ. Эта солдатская жизнь очень весела; я воображалъ себя, что я у Индѣйцевъ. За нашей транзеею въ палаткѣ товарищи просили меня разказать про мои путешествія; они же отдаривали меня чудесными сказками. Мы всѣ лгали не хуже капрала въ кабакѣ въ товариществѣ съ рсартутомъ, который платитъ за харчи.

Одно было тяжело для меня, стирать бѣлье, а это было еще бѣжно, и часто, по милости воровъ, оставившихъ мнѣ одну сорочку, взятую у брата Армана, и другую на мнѣ. У меня кружилась голова, когда я, полоща на ручьѣ бѣлье, долженъ былъ пагубать голову, скорчивъ ноги; а отъ движенийъ руками, грудь нестерпимо болѣла. Я долженъ былъ садиться на траву, и, посреди вопиющихъ движенийъ, любовался мирнымъ токомъ воды. У Лонеса-де-Вези, пастушка моетъ новязку Амура. Какъ бы пригодилась мнѣ эта пастушка, чтобы выстирать мой турбанчикъ изъ березовой мочалки, который мнѣ подарили Флоридянки.

Обыкновенно всякая армія составлена изъ солдатъ почти однихъ лѣтъ, одного роста и одного сложения. Совсѣмъ не то было съ нашею безпорядочною смѣсью возмужалыхъ людей, стариковъ, ребятишекъ, только что спорхнувшихъ съ голубятни, и все это говорило на разныхъ нарѣчіяхъ: норманскомъ, бретанскомъ, шикардійскомъ, овернскомъ, гасконскомъ, провансальскомъ, лангедокскомъ. Отецъ служилъ съ сыновьями, тестъ съ зятемъ, дядя съ племянниками, братъ съ братомъ. Это ономоченіе, при всей своей странности, было какъ-то почтено и трогательно, потому что его одушевляли чистосердечныя убѣжденія; оно представляло зрѣлище устарѣвшей монархіи, и въ послѣдній разъ выводило на сцену свѣтъ, приходившій къ концу. Я видѣлъ тутъ престарѣлыхъ дворянъ, съ угрюмымъ лицомъ, сѣдиною, въ разорванномъ платьѣ, съ ранцемъ на плечѣ, ружьемъ на перевязи; они шли, упираясь на палку, подъ руку съ сыновьями. Я видѣлъ Боахю, отца моего товарища, умерщвленнаго возагъ меня въ собраніи сословій въ Реннѣ. Онъ шелъ одинъ, печальный, босой по грязи, неся башмаки на штыкѣ, чтобы не износить ихъ. Я видѣлъ раненыхъ юношей, лежавшихъ подъ деревомъ, и возагъ священника въ сюртукѣ и рясѣ, который отпускалъ ихъ къ св. Лудовику, котораго преемниковъ они хотѣли защитить. Вся эта бѣдная толпа, не получая ни гроша отъ Принцевъ, сражалась на ихъ счетъ; а декреты, между-тѣмъ, грабили ее до чиста, да еще влачили нашихъ женъ и матерей въ тюрьмы.

Прежніе старики во Франціи не такъ были несчастны, какъ тогдашніе. Если, оставаясь на землѣ, они и терали своихъ друзей, то все прочее около нихъ мало измѣнилось. Они были чужды молодежи, но не обществу. А теперь, въ моеиъ бѣдномъ отечествѣ, старикъ не только переживалъ людей, но и нещадилъ. Правила, нравы, склонности, удовольствія, труды, чувства, все уже не то, что бывало прежде. Старикъ какъ будто принадлежалъ

къ другой породѣ людей, а не къ той, среди которой доживалъ свой вѣкъ.

И все таки, о, Франція девятнадцатаго столѣтія, учись уважать старинную Францію, которая стояла тебя. Ты въ свою очередь состарѣешься, и тебя тоже обвинять, какъ насъ обвиняли, что мы придерживаемся устарѣлыхъ понятій. Вы восторжествовали надъ вашими отцами; не отрекайтесь отъ нихъ, вы вышли изъ этой же крови. Если-бы они не хранили свято старинныхъ правъ, вы не почерпнули - бы въ этой природной привязанности силы новыхъ правъ.

Распространился слухъ, что наконецъ, будетъ сраженіе. Положили, что князь Вальдекъ пойдетъ на приступъ, а мы, переимавъ рѣчку, сдѣлаемъ диверсію ложною атакою со стороны французской границы.

Для этого созвали пять ротъ бретанскихъ, въ томъ числѣ и мою, роту пикардійскихъ и наваррскихъ офицеровъ и полкъ волонтеровъ, составленный изъ лоррейскихъ крестьянъ и дезертеровъ различныхъ полковъ. Насъ должны были поддерживать королевско нѣмецкій полкъ, эскадры мушкетеровъ и различные драгунскіе корпуса, покрывавшіе нашъ лѣвый флангъ. Въ этой конницѣ находился братъ, вмѣстѣ съ барономъ Монбоассе, который былъ женатъ на дочери Мальзерба, сестрѣ мадамъ Розамбо, и слѣдовательно теткѣ моей невѣсткѣ. Мы прикрывали три австрійскія артиллерійскія роты съ орудіями большого калибра и баттареей изъ трехъ мортиръ.

Мы пошли въ шесть часовъ по-полудни. Въ девять переплыли Мозель на нѣдныхъ понтонахъ, выше Тіонвилля:

..... amaena fluenta
Subterlabentis tacito rumore Mosellae.

(USONIUS).

На разсвѣтѣ, мы стояли уже въ строю на лѣвомъ берегу; тяжелая кавалерія стояла эшелонами по крымамъ, а легкая въ челѣ. Послѣ втораго движенія, мы образовали колонны и начали деюлировать.

Около девяти часовъ, мы услышали слѣва выстрѣлъ. Карабинный офицеръ, прискакавшій во весь опоръ, сказалъ намъ, что на насъ идетъ отрядъ арміи Келлермана, и что между застрѣльщиками уже завязался бой. Лошадь этого офицера была ранена въ голову; она становилась на дыбы; пѣна и кровь текли у нея изъ морды. Хорошо былъ этотъ всадникъ съ саблею въ рукахъ на ра-

неомъ конѣ. Корпусъ, выступившій изъ Меца, шелъ напасть на насъ съ фланга; съ нимъ были орудія, которыхъ выстрѣлы начали вострѣблять нашу полкъ волонтеровъ. Я слышалъ восклицанія нѣсколькихъ рекрутъ, пораженныхъ ядромъ; жалость исполнила меня при этихъ послѣднихъ крикахъ молодости, которую отторгнули живую отъ жизни; я думалъ о несчастныхъ матеряхъ.

Барабаны забили, и мы въ безпорядкѣ бросились на непріятеля. Мы сошлись такъ близко, что дымъ не мѣшалъ разглядѣть, какъ страшны лица людей, готовыхъ пролить кровь свою. Революціонисты еще не пріобрѣли той самоувѣренности, которая дается только послѣ долгой привычки къ битвамъ и побѣдамъ. Они дѣйствовали нерѣшительно, какъ бы ощупью. Полсотни гренадеръ старой гвардіи могли бы пройти черезъ разнородную кучу старыхъ и молодыхъ неученыхъ дворянъ. До тысячи двухъ сотъ пѣхотинцевъ удивились нѣсколькимъ пушечнымъ выстрѣламъ австрійской тяжелой кавалеріи, и ушли. Наша конница преслѣдовала ихъ на разстояніи двухъ льѣ.

Какая-то глуховѣмая Нѣмочка, по имени Либъ, привязалась къ брату Армону и послѣдовала за нимъ. Я нашелъ ее сидящею на окрававленной травѣ: она облокотилась на колѣна, согнувъ и поднявъ ихъ, и рукою, сунутою въ распущенные бѣлокурые волосы, подпирала голову. Она плакала, глядя на лежавшихъ около нея трехъ или четырехъ новыхъ глухо-нѣмыхъ. Она не слышала грома пушекъ, а видѣла только дѣйствіе его, не слышала вздоховъ, вылетавшихъ изъ устъ ея, когда она смотрѣла на Армана; она никогда не слышала голоса своего любезнаго, и не услышала бы и перваго крика своего ребенка. Она даже не замѣтила бы, что сошла въ могилу, если бы могила была только молчалива.

Впрочемъ, смерть губить всюду. На кладбищѣ въ Парижѣ, двадцать семь тысячъ гробницъ, двѣсти тридцать тысячъ тѣлъ скажутъ вамъ, сколько всякій день приходится сражаться съ смертью.

Послѣ довольно продолжительнаго роздыха, мы снова пустились въ путь, и къ ночи пришли къ городу Тіонвиллю.

Барабаны не били; приказанія отдавались шепотомъ. Чтобы предупредить всякую вылазку, кавалерія подкрадывалась вдоль дорогъ и плетней до воротъ, предназначенныхъ къ бомбардированію. Прикрытая нашею пѣхотою, австрійская артиллерія стала въ пятьдесятъ шагахъ отъ передовыхъ укрѣпленій, позади габіоновъ, прикрытыхъ на скорую руку. Шестаго сентября, въ часть утра, ракета, пущенная изъ лагеря князя Вальдека, по ту сторо-

ву города, подала знать. Князь открылъ сильный огонь, на который городъ также сильно отвѣчалъ. Тотчасъ и мы выстрѣлили.

Оубные валы оставались безъ всякой защиты, потому что осажденные не думали, чтобы у насъ были войска въ этой сторонѣ и не предвидѣли этого нападенія. Мы не ищкали въ ожиданіи. Гарнизонъ выставилъ двойную батарею, которая пробилъ наши укрѣпленія и разбила у насъ два орудія. Небо горѣло огнемъ; потоки дыма покрыли насъ. Мнѣ случилось быть маленькимъ Александромъ: отъ крайней усталости, я заснулъ почти подъ колесами пушекъ, у которыхъ я стоялъ на караулѣ. Маленькая бомба, допнувшая въ шести дюймахъ отъ земли, разбила меня осколкомъ въ правое бедро. Проснувшись отъ удара, но не чувствуя боли, я примѣтилъ рану только по крови. Я перевязалъ бедро платкомъ. Въ стычкѣ въ полѣ, во время поворотнаго движенія, двѣ пули попали въ мой ранецъ. Атака, какъ преданная дочь, заслонила собою родителя отъ вражеской пули.

Въ четыре часа утра, князь Вальдекъ пересталъ стрѣлять. Мы вообразили, что городъ сдался, но ворота не отверзались, и надобно было подумать объ отступленіи. Послѣ трехдневнаго тяжелаго похода, мы вступили въ наши позиціи.

Князь Вальдекъ приблизился къ самому краю рвовъ, которые пытался перейти, въ надеждѣ на сдачу посредствомъ одновременнаго нападенія. Всѣ думали, что въ городѣ распри, и ожидали, что роялисты поднесутъ ключи принцамъ. Австрійцы, сражавшись открытой батареей, потеряли много людей. Князю Вальдеку отняло руку. Покуда подъ Тюнвилемъ кровь льется по канализамъ, въ парижскихъ тюрьмахъ кровь текла рѣкою. Жена моя и сестры находились въ ббльшей опасности, нежели я.

Мы сняли осаду съ Тюнвила, и пошли на Вердёнъ, сдавшійся федератамъ 2 сентября. Лонган, родной городъ Франсуа Мерсе, палъ 28 августа. Развѣшанные всюду цвѣточные вѣнки и гирлянды свидѣтельствовали о переходѣ Фридриха Вильгельма.

Посреди мирныхъ трюссовъ, я замѣтилъ на вобанскихъ укрѣпленіяхъ прусскаго орла. Не долго онъ тутъ пребывалъ; что же касается до цвѣтовъ, то они скоро должны были увянуть, также какъ невинныя созданія, которыя срывали ихъ. Одно изъ самыхъ звѣрскихъ умерщвленій временъ терроризма, было учинено надъ верденскими дванушниками.

Вотъ что говорить Ріуэ:

«Четырнадцать дѣвицъ, въ Верденѣ, безиринѣрной чистоты, похожія на дѣвушекъ, которыя нарядались на какой нибудь публичный праздникъ, повели вѣстѣ на эшафотъ. Онѣ разомъ исчезли, скошенныя въ весну своей жизни. На другой день послѣ ихъ смерти, *женскій дворъ* походилъ на оборванный грозюю цвѣтникъ. У насъ никогда не бывало такого отчаянія, какое возбудило это варварство.

Верденъ славится женскимъ самопожертвованіемъ. Григорій Турскій говоритъ, что Антерихъ, желая избавить дочь отъ преслѣдовавшей Теодоберты, посадилъ ее въ тележку, запряженную двумя дикими быками и бросилъ ее въ Мазь. Къ умерщвленію верденскихъ дѣвушекъ подстрекалъ стихомлетъ Поиъ, изъ Вердена, ожесточенный противъ роднаго города. Невѣроятно, сколько агентовъ доставилъ терроризму *Альманахъ Музъ*. Тщеславіе страждущей посредственности провело столько же революціонерствъ, сколько оскорбленная гордость колѣкъ и уродовъ: одинаковое возмущеніе немощей умственныхъ и тѣлесныхъ. Къ тупымъ своимъ эниграммамъ Поиъ вридалъ острее кинжала. Видно поэтъ хотѣлъ подражать греческимъ преданіямъ, что жертвовалъ своимъ бегамъ крови однихъ только дѣвушекъ. По его предложенію, Конвентъ опредѣлялъ, что ни одна беременная женщина не можетъ быть предана суду. Онъ также отмѣнилъ казнь вдовы извѣстнаго вандейскаго генерала, Боншана. Увы! мы прочіе реалисты, находившіеся въ свѣтѣ прищевъ, застали бѣдетыя Вандеи, не изгладивъ ея славы.

Для насъ въ Верденѣ не было, для препровожденія времени, «извѣстной графини Сенъ Бальмонъ, которая, одѣвшись въ мужское платье, садилась верхомъ и лично провожала бывшихъ съ нею дамъ, которыхъ она оставляла въ своей каретѣ». Мы не восхищались *старымъ Галломъ*, и не писали другъ другу *цыдулоку на нарѣчій Амадиса* (Арше).

Бѣгъ въ Пруссаконъ сообщался нашей небольшой арміи. Она и меня заразила. Наша кавалерія пошла въ Вальми, присоединиться къ Фридриху-Вильгельму. Мы не знали, что дѣлалось, и съ таеу на часъ ждали приказанія идти впередъ. Вышелъ приказъ отсутствовать. Разслабленный до крайности, чувствуя боль отъ раны на каждомъ шагѣ, я тащился, какъ ногъ, вслѣдъ за моею ротей, которая вскорѣ разбѣжалась. Мы вышли изъ Вердена.

Дожди промыли дороги. Вездѣ попадались завязшія фурты, лафеты, пушки, опрокинутыя тележки; маркитантши съ дѣтьми на спинѣхъ, умирающіе, или умершіе въ грязи солдаты. Проходя по воспомина-

ханной землѣ я завязъ въ ней по колѣна. Ферранъ и другой товарищъ вытаскивали меня противъ воли. Я просилъ ихъ оставить меня тутъ, предпочитая умереть.

Въ лагерѣ близъ Лонгви, 16-го октября, капитанъ моей роты, Гоюшъ-Миниакъ выдалъ мнѣ весьма лестное свидѣтельство. Въ Арнонѣ, на большой дорогѣ, мы увидѣли цѣлый рядъ запряженныхъ телѣгъ. Всѣ лошади околѣли, одиѣ стояли, другія на колѣнахъ, третьи опершились на морду, и тѣла ихъ стояли неподвижно въ оглобляхъ; точно тѣни, расположившіяся передъ сраженіемъ на берегахъ Стикса. Ферроуъ спросилъ меня, что я намеренъ дѣлать. Я отвѣчалъ: «Если мнѣ можно будетъ прѣхать въ Остенде, я отправлюсь на кораблѣ въ Джерси, гдѣ живетъ дядя Беде; оттуда мнѣ можно будетъ присоединиться къ бретанскимъ роялистамъ».

Лихорадка изнуряла меня; я съ трудомъ могъ упереться на распухшее бедро. Меня схватилъ другой недугъ. Послѣ суточной рвоты, все тѣло и лице покрылось сынью; оказалась сыпучая оспа; она, то исчезала, то выступала, смотря по погодѣ. Въ такомъ видѣ, я началъ путь въ двѣсти лѣ, мнѣ всего на всего осемнадцать турецкихъ ливровъ. Ферроуъ, ссудившій меня этими деньгами, оставилъ меня, потому что его ждали въ Луксембургѣ.

Выходя изъ Арнона, я сѣлъ на крестьянскую телѣгу, заплативъ четыре су, и въ пяти лѣ отсюда меня высадили на грудь каменной. Попрыгавъ на моиѣ костылѣ нѣсколько шаговъ, чтобы подойти къ протекавшему у дороги ручью, я сталъ мять перевязки моей царапины, обратившейся въ язву. Оспа выступила совершенно, и мнѣ стало легче. Я все не скидывалъ съ себя рана, котораго ремни рѣзали мнѣ плечи.

Я перепочевалъ первую ночь въ овинѣ и ничего не ѣлъ. Жена крестьянина, хозяйка овина, отказалась отъ денегъ за ночлегъ. На утро она принесла мнѣ большую чашку кофе съ молокомъ, и черныи хлѣбъ, который я нашелъ превкуснымъ. Я пустился въ дорогу очень довольный, несмотря что частенько надалъ. Меня догнали четыре или пять товарищей, которые спали съ меня ранаецъ. Они тоже были очень больны. Мы повстрѣчались съ крестьянами. Пересаживаясь изъ телѣги въ телѣгу, мы въ пять дней довольно далеко ушли въ Арденнскія горы, чтобы достигнуть Аттеръ, Фламизюль и Бельвию. На шестой день я остался одинъ. Оспа начала бѣлѣть и опадать.

Прошедши двѣ мили, которыя стояли мнѣ шесть часовъ времени, я увидѣлъ семью Цыганъ, расположившуюся передъ вы-

лавшимъ огнемъ за рвомъ, съ двумя козами и ослонъ. Только что я подошелъ, какъ рухнулъ на землю, и странныя созданія поспѣшили помочь мнѣ. Въ числѣ ихъ, молоденькая, живая, смуглая, шаловливая женщина въ лохмотьяхъ, плясала, прыгала, вертѣлась, держа накосъ ребенка; потомъ сѣла на пятки противъ меня, посмотрѣла на меня пристально при свѣтѣ огня, взяла мою слабую руку, чтобы погадать мнѣ, прося за то подарить ее *гриммою*. Это было дорого. Нельзя быть ученѣе, милѣе и бѣднѣе моей арденнской Сивиллы. Я не знаю, когда оставилъ меня этотъ кочевой народъ, котораго я былъ бы достойнымъ сыномъ. Очнувшись на разсвѣтѣ отъ оцѣпенѣнія, я болѣе не видалъ ихъ. Моя гадалщица ушла, унеся съ собою тайну моей будущности. Въ замѣнъ моего подарочка, она оставила у моего изголовья яблоко, которымъ я освѣжилъ себя нѣсколько. Я всталъ, желая привѣтствовать зарю: какъ она была хороша, и какъ я былъ дурень.

Я ушелъ въ чашу лѣса; мнѣ не очень было грустно; въ уединеніи моя природа воротилась. Я пѣлъ въ полголоса романсъ злополучнаго Казотта:

По срединѣ горъ Арденнскихъ,
Замокъ на скалѣ стоитъ....

Не въ башнѣ ли этого замка, гдѣ водились привидѣнія, былъ заключенъ королемъ испанскимъ Филиппомъ-Вторымъ, мой соотечественникъ капитанъ Лану, котораго бабка была урожденная Шатобрианъ? Филиппъ соглашался отпустить знатнаго невольника, если онъ допуститъ выколоть себѣ глаза. Лану чуть не согласился, такъ онъ жаждалъ воротиться въ свою любезную Бретань. Ахъ! и я желалъ того же, и чтобы лишитъ меня зрѣнія довольно было бы недуга, которымъ Богу угодно было наказатъ меня. Я встрѣтилъ бѣдныхъ горемыкъ, мелкихъ армарочныхъ торговцевъ, которые, какъ и я, послали все богатство свое на спивѣ. Въ лѣсъ входилъ дровосѣкъ съ войлочными раструбами у сапоговъ: онъ могъ принять меня за сухую вѣтвь и срубить.

По дорогѣ порхали вороны, жаворонки, золотые подорожники, родъ большихъ зябликовъ, или останавливались, посматривая на копчика, летавшаго кругами въ воздухѣ. По временамъ слышался звукъ рожка свинопаса. Я сѣлъ отдохнуть у избушки пастуха; вмѣсто хозяина, нашелъ тамъ кота, который такъ и ласкался ко мнѣ. Пастухъ стоялъ вдали, посреди выгона, собаки его сидѣли около овецъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Днемъ этотъ пастухъ былъ лекаремъ и колдуномъ, потому что

собиралъ лекарственные травы; а ночью Халдейцамъ, потому что смотрѣлъ на звѣзды.

Пошелъ далѣе, я присталъ къ оленьей пастби. За пастби проходили мимо охотники. У ногъ моихъ журчалъ клѣтъ. На двѣ этого клѣтъ, въ этомъ самомъ лѣсу, *влюбленный*, а не *блудный* Роландо увидалъ хрустальный дворець, наполненный дѣнами и рыцарями. Хотѣ бы этотъ наладникъ оставилъ на берегу своего моря *золотую уздечку*, когда ушелъ въ дневныя валады; хотѣ бы Шекспиръ послалъ мнѣ Розалинду и изгнаннаго герцога: какъ бы они пособили мнѣ!

Собравшись съ дукомъ, я продолжалъ путь. Разслабленны мысли мои блуждали въ какой-то мрѣтливой неопредѣленности; мои прежнія видѣнія, изгладившіе почти совѣсть, толпились около меня на прощаньи. Я не имѣлъ силъ вспомнить о чемъ нибудь. Въ неопредѣленной дали видѣлись мнѣ воздушныя формы родныхъ и друзей, въ смѣшеніи съ какими-то незнакомыи образами. Когда я садился на край дороги, мнѣ вездѣ чудились улыбающіяся лица: и на порогахъ отдаленныхъ хижинъ, и въ свистѣ дыму, вылетавшемъ изъ трубъ хижинъ, и на верхушекъ деревьевъ, и въ прозрачныхъ облакахъ, и въ лучахъ солнца, ложившихся на землю въ видѣ золотой грабли. Эти музы являлись въ часъ смерти поэта: могла, которую онѣ вырыли бы косакомъ своихъ лиръ, подъ арденскимъ дубомъ, была бы предѣла вонву и страннику. Около меня не было другаго шума, кромѣ какъ отъ рябчиковъ, попавшихъ печально въ логовище зайцевъ, подъ бирючиной, да отъ васткомыхъ: и тѣхъ и другякъ жизнь была также неизвестна, какъ моя. Я уже не могъ ходить: мнѣ было очень худо; осна ушла внутрь и душила меня.

Къ вечеру я легъ навзничъ во рву; подъ голову положилъ ренець съ моею Аталой, костью съ боку, а глаза ввернулъ въ солнце, засыпавшее въ одно время со мною. Я со всѣмъ умиленіемъ сердца привѣтствовалъ свѣтло, которое освѣщало мою первую молодость въ родныхъ стѣняхъ. Мы оба отходили ко сну; солнце, для того, чтобы взойти еще прекраснѣе, а я, по всему вѣротію, чтобы никогда не встать. Я забылся, исполненный вожнаго чувства; послѣднее, что я слышалъ было паденіе листочка и свистъ сингира.

Повидному, я оставался два часа въ обморокѣ. Въ это время проѣзжали мимо фургоны князя де-Ливя; одинъ изъ проводниковъ, остановившись, чтобы отрѣзать пруть отъ березы, наткнулся на меня. Онѣ почелъ меня мертвымъ и толкнулъ ногою,

я пошевельнулся. Проводникъ называлъ товарищей; сжался надо мною, они бросили меня въ повозку. Я очнулся отъ толчковъ, и ногъ заговорить съ моими спасителями. Я сказалъ, что я солдатъ изъ арміи принцевъ, обѣщая наградить ихъ за трудъ, если они доведутъ меня до Брюсселя, куда они шли. «Хорошо, товарищъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; но въ Намюрѣ мы тебя высадимъ, отъ того, что намъ запрещено брать кого-либо съ собою. За городомъ мы опять тебя возьмемъ». Я попросилъ пить; проглотилъ нѣсколько капель вина, которыя выгнажи наружу призываніемъ моего педуга, и на минуту облегчили мнѣ грудь. Природа одарила меня чрезвычайными силами.

Въ десятомъ часу утра мы пришли въ намюрскія предмѣстья. Я всталъ, и изъ-дали слѣдовалъ пѣшкомъ за повозками; скоро я потерялъ ихъ изъ виду. У входа въ городъ, меня задержали. Покуда разсматривали мои бумаги, я съѣлъ на землю у воротъ. При видѣ моего мундира, сторожевые солдаты подали мнѣ кусокъ солдатскаго хлѣба, а капралъ перцовки въ стаканѣ снялго стекла. Я сталъ чиниться передъ чашей воинскаго гостепріимства, но капралъ гнѣвно закричалъ: «Ну, пей же!» прибавивъ *Sacrament der Teufel*.

Переходъ черезъ Намюръ утомилъ меня: я шелъ, приславиваясь къ домамъ. Первая примѣтившая меня женщина, выбѣжала изъ своей лавки, подала мнѣ руку съ видомъ состраданія, и пособляла мнѣ подвигаться; я сталъ благодарить ее, но она отвѣчала: «Ничего, ничего, солдатъ». Скоро другія женщины подбѣжали, нанесли мнѣ хлѣба, вина, плодовъ, молока, бульону, старого платья, одѣяль. «Онъ раненъ», говорили одинъ на брабантско-французскомъ варѣчій; «у него оспа», кричали другія, и удаляли дѣтей. «Да тебѣ нельзя идти, бѣдняжка; ты умрешь; ступай въ больницу». Онѣ хотѣли вести меня; смѣняясь отъ дверей до дверей, онѣ привели меня къ городской больницѣ, но за городомъ я нашелъ фургоны. Я уже сказывалъ про крестьянку, которая пришла мнѣ на помощь; другая, какъ увидите, приняла меня въ Гвернеси. Добрыя женщины, пособлявшія мнѣ въ нуждѣ, если вы еще живы, да поможетъ вамъ Богъ въ дни старости и печали. Если же вы умерли, да испошлетъ Богъ дѣтямъ вашии счастье, въ которомъ небо давно отказало мнѣ.

Намюрскія женщины помогли мнѣ сѣсть въ фургонъ, перучили меня попеченію проводника и насильно оставили мнѣ шерстяное

одѣло. У Брюсселя, люди князя де-Линя опять высадили меня на дорогу, но не хотѣли взять моего послѣдняго эю.

Въ Брюсселѣ ни въ одной гостинницѣ не хотѣли меня принять. Вѣчный Жидъ, Орестъ народныхъ сказокъ, который, по сказанію пѣсни, пришелъ въ этотъ городъ, былъ лучше принять, нежели я; всё-таки у него было пять су въ карманѣ. Постучусь, мнѣ отворятъ, но увидя меня, скажутъ: «ступай!» и затворятъ двери подъ носомъ. Въ одной кофейнѣ меня прогнали. Волоса падали мнѣ на лице, полузакрытое бородою и усамн; бедро было у меня перевязано стномъ; сверхъ изодраннаго мундира я надѣлъ дарное шерстяное одѣло, подвизавъ его подъ бороду, въ видѣ плаща. Нищій въ Одиссеѣ былъ дерзче моего, но далеко не такъ бѣденъ.

Сначала мнѣ не удалось получить доступъ въ гостинницу, въ которой я жилъ съ братомъ, такъ я попытался вторично. Подхожу къ дверямъ, и вижу, братъ и баронъ Монбоасье выходятъ изъ кареты. Онъ испугался тишедушному моему виду. Мнѣ отыскали комнату внѣ гостинницы: хозяинъ рѣшительно не мускалъ меня къ себѣ. У одного парикмахера нашелся чуланъ, приличный для моихъ невзгодъ. Братъ привелъ ко мнѣ хирурга и врача. Онъ получалъ письма изъ Парижа. Мальзербъ убѣждалъ его вернуться во Францію. Онъ рассказалъ мнѣ событія десятаго августа, сентябрскія убійства, и новости политическія, о которыхъ я ничего не зналъ. Братъ одобрилъ мое намѣреніе отправиться на островъ Джерси, и ссудилъ меня двадцатью пятью лув. Слабое мое зрѣніе не позволило мнѣ различить ясно черты несчастнаго брата. Я воображалъ, что этотъ иракъ исходитъ отъ меня, но то была тѣнь, которую вѣчность на него набрасывала. Не вѣдая того, мы видѣлись въ послѣдній разъ. Всѣ сколько насъ ни есть, мы владемъ только настоящею минутою; слѣдующая уже во власти Божіей. Всегда есть двѣ вѣроятности, что не увидишь покидаемаго друга: или его, или собственная смерть. Сколько людей не всходили опять на лѣстницу, съ которой сошли?

Смерть болѣе чувствительна для насъ до кончины друга, нежели послѣ. Это отторгается часть насъ самихъ; это рушится цѣлый міръ дѣтскихъ воспоминаній, семейныхъ связей, привязанности и общихъ интересовъ. Братъ предшествовалъ мнѣ въ утробѣ материнской; онъ первый обиталъ въ этой самой священной утробѣ, изъ которой я вышелъ послѣ него; онъ прежде меня сѣлъ къ родному очагу; онъ ждалъ нѣсколько лѣтъ, чтобы принять меня,

окрестить во имя Христа и привязаться къ моей молодости. Наша кровь, смѣшанная въ революціонномъ сосудѣ, была бы одинаково хороша, какъ молоко пасущихся на одной паствѣ. Но если люди преждевременно сняли голову съ старшаго брата, то годы не падаютъ моей. Уже чело мое обнажается; я слышу какъ время, другой Уголино, нагнувшись на меня, гложетъ мнѣ черепъ.

...cum Pan per fame se manduca.

Врачъ не могъ надвинуться на мою оспу. Она казалась ему безпримѣрнымъ явленіемъ въ медицинѣ, то показываясь, то исчезая, не убивая и не подвергая меня никакимъ обыкновеннымъ переломамъ болѣзни. Рана моя заразилась; ее перевязали хивою. Послѣ этихъ первыхъ пособій, я настаивалъ на томъ, чтобы ѣхать въ Остенде. Я возненавидѣлъ Брюссель, и рвался вытти изъ него. Городъ этотъ снова наполнялся героями—роялистами, воротившимися изъ Вердена въ коляскѣ, но уже не видѣнными мною въ томъ же Брюсселѣ, въ послѣдствіи, когда я слѣдовалъ за королемъ Людовикомъ Осмнадцатымъ, во время Ста Дней.

Я пріѣхалъ въ Остенде, не торопясь, по каналамъ. Я нашелъ здѣсь нѣсколько походныхъ товарищей Бретонцевъ. Мы наняли палубное судно, и поплыли по Ламавскому каналу. Мы спали въ трюмѣ, на голышахъ, служившихъ баластомъ. Наконецъ вся сила моего сложенія встопычилась. Я не могъ болѣе говорить, а качка отъ бурнаго моря довершила мое изнеможеніе. Я едва могъ всосать нѣсколько капель воды съ лимономъ, а когда буря заставляла насъ пристать къ Гвернеси, думали, что я умру; эмигрантъ священникъ сталъ читать надо мною отходную. Капитанъ, не хотѣвшій чтобы я умеръ на его суднѣ, велѣлъ высадить меня на берегъ.

Меня посадили на солнце, спиною къ стѣнѣ, лицомъ къ открытому морю, насупротивъ острова Орлини, гдѣ за осемь мѣсяцевъ предъ тѣмъ, смерть также предстала мнѣ, но въ другомъ видѣ.

Видно, я былъ посвященъ состраданію. Проходила мимо жена англійскаго матроса; она сжалась, позвала мужа, и онъ, съ помощью двухъ или трехъ товарищей, повесъ меня въ рабочій домъ, меня, друга моря. Меня уложили въ хорошую чистую постель. Добрая молодая женщина заботливо ухаживала за иностранцемъ, и ей я обязанъ жизнью. На другой день, меня опять посадили на корабль. Хозяйка чуть не плакала, разставаясь съ своимъ боль-

нымъ. Небесное чувство одушевляеть женщинъ къ страждущимъ. Моя блондурая и прекрасная снѣзка, походившая на фигуру старинныхъ англійскихъ картинокъ, сжимала мнѣ раздутыя и вылающія руки въ своихъ свѣжихъ ладоняхъ. Мнѣ совѣстно было подходить съ мнѣи страданіями къ столькимъ прелестямъ.

Мы подняли паруса и прнѣтали къ восточной оконечности Джерси. Одинъ изъ моихъ товарищей, дю-Тилель, отправился въ Сентъ-Элье, къ моему дядѣ. На другой день, Беде прислалъ его замною въ каретѣ. Мы проѣхали весь островъ. При всемъ моемъ изнеможеніи, я былъ въ восторгѣ отъ лѣсковъ, но все что я говорилъ были бредни, потому что я находился въ забытіи.

Четыре мѣсяца я былъ въ опасности жизни. Дядя, тетка, братья и три сестры, поочередно сживали у моего изголовья. Я занималъ комнату въ одномъ изъ домовъ, которые начали строятся вдоль гавани. Окна мои доходили до полу, и изъ постели я могъ видѣть море. Врачъ, котораго звали Делатромъ, запретилъ мнѣ говорить о серьезныхъ вещахъ, особенно о политикѣ. Въ исходѣ января 1793 года, дядя вошелъ ко мнѣ въ глубокомъ траурѣ. Я затрепеталъ, опасаясь, не лишились ли мы кого изъ родныхъ. Но онъ сообщилъ мнѣ вѣсть о кончинѣ Людовика-Шестнадцатаго. Я удивился; я ее предвидѣлъ. Я сталъ спрашивать о моихъ родныхъ; сестры и жена воротились въ Бретань; послѣ бывшихъ тамъ убійствъ онѣ съ трудомъ вышли изъ Парижа; братья же, вернувшись во Францію, удалился въ помѣстье Мальзербъ.

Я по немногу вставалъ. Оспа прошла, но грудь еще болѣла и осталась слабость, которая послѣ долго продолжалась.

По дорожку Антонина *Caesarea*, Джерси находилась въ зависимости Англичанъ со времени смерти нормандскаго герцога Роберта. Французы нѣсколько разъ пытались завладѣть островомъ, но все безуспѣшно.

Въ Джерси есть образцы древнихъ Нормановъ. Точно слышишь Гильома-Побочнаго или сочинителя романа о Роллѣ.

Островъ плодоносенъ. Тамъ два города и двѣнадцать приходовъ. Повсюду лѣтніе домики и стада. Морской вѣтеръ, точно вопреки своей суровости причиною, что медъ тамошній превосходный, сливки необыкновенной сладости, а масло темножелтаго цвѣта и пахнетъ фиалками. Бернардонъ де Сентъ-Пьеръ полагаетъ, что родина яблоки въ Джерси; онъ ошибается. Груша и яблоки родились въ Греціи, какъ персиковое дерево въ Персіи, лимонное въ Медіи, слива въ Сиріи, вишня въ Керасонте, камтатъ въ

Кастале, айда въ Сидонѣ, грамата въ Кипрѣ, лануста и лукъ въ Египтѣ.

Я радъ былъ вытти прогуляться въ первыхъ числахъ мая: Въ Джерси весна сохраняетъ всю свою свѣжесть.

Выпишу вамъ двѣ страницы изъ жизни герцога Беррійскаго; это тоже, что я писалъ бы свою жизнь.

«Слуста двадцать два года борьбы, чугуная стѣна, которая замыкала Францію обрушилась: часъ Реставраціи приближался. Принцы ваши вышли изъ своихъ убѣжищъ. Каждый изъ нихъ отправился къ границамъ, во въ различныя мѣста, какъ тѣ путешественники, которые съ опасностію жизни пытаются про-
«никнуть въ страну, слывшую чудесною. Герцогъ Людовикъ поѣхалъ въ Швейцарію; герцогъ Ангулемскій въ Испанію, а братъ его въ Джерси. На этомъ островѣ, гдѣ нѣкоторые судьи Карла-Перваго умерли, забытые свѣтомъ, его высочество герцогъ Беррійскій нашелъ французскихъ роялистовъ, которые со-
«старѣлись въ изгнаніи и забыты ради своихъ добродѣтелей, какъ нѣкогда были забыты англійскіе царевубійцы за ихъ престу-
«пленія. Онъ нашелъ престарѣлыхъ священниковъ, посвятившихъ себя окончательно уединенію. Съ ними герцогъ осуществилъ
«вымыслъ поэта, который заставляетъ одного Бурбона, послѣ бури, пристать къ острову Джерси.

«Герцогъ Беррійскій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Джерси, привязанный къ мѣсту моремъ, вѣтрами и политкою. Все противилось его нетерпѣнію; онъ уже хотѣлъ бросить свое пред-
«пріятіе и плыть въ Бордо. Одно письмо его къ супругѣ мар-шала Моро живо описываетъ его занятія на островѣ».

8 февраля, 1814 года.

«Вотъ я, подобно Танталу, вижу передъ собою эту Францію, которая не можетъ разорвать свои цѣпи. Вы съ вашей пре-
«красной душой истинной Француженки, вы поймете что я терплю. Какъ больно было бы мнѣ удалиться отъ этихъ береговъ,
«къ которымъ можно пристать въ два часа. Когда солнце ихъ освѣщаетъ, я взбираюсь на самыя высокія скалы, и, съ зри-
«тельской трубкою въ рукахъ, слѣжу глазами весь берегъ; я вижу кутавскія скалы. Воображеніе мое разгорается; мнѣ кажется, я вспрыгиваю на землю, кругомъ меня Французы съ бѣлы-
«ми кокардами на шляпахъ. Кричатъ: да здравствуетъ король! Крикъ, пріятный для Француза; прекрасѣйшая жевщина въ
«провинціи опоясываетъ меня бѣлымъ шарфомъ, потому что лю-

«Бовъ и слава неразлучны. Мы идемъ на Шербуръ; дрянная крѣпость, съ чужестранными гарнизономъ, издумала защищаться. Мы беремъ ее приступомъ, и корабль отправляется за пероломъ, выставивъ бѣлый флагъ, напоминающій дни славы и счастья Франціи. Ахъ! сударыня, кому остается обождать только нѣсколько часовъ до такого сбыточнаго сновидѣнія, какъ «тому увѣжать!»

Три года тому назадъ какъ я прописалъ эти странички въ Парижѣ. Я былъ въ Джерси, городѣ изгнанниковъ, за двадцать два года до герцога Беррійскаго; и имя мое осталось тамъ, потому что братъ Арманъ женился въ Джерси и тамъ же родился сынъ его Фридрихъ.

Веселый духъ не измѣнилъ семьѣ моего дяди Беде. Тетушка по прежнему имѣла большую собаку, потомка той, о достоинствахъ которой я говорилъ. Какъ эта собака всѣхъ кусала, да еще была паршива, то сестры втихомолку вели ее повѣсить. Тетушка вообразила, что англійскіе офицеры, плѣнившись красотою Азора, украли его, и что онъ поживаетъ себѣ въ чести и довольствѣ въ богатѣйшемъ замкѣ Соединеннаго Королевства. Увы! настоящее веселіе наше состояло не изъ чего другаго, какъ изъ веселія прошлаго. Припоминая сцены въ Моншуа, мы рады были смѣяться въ Джерси. Это довольно рѣдко, потому что въ человѣческомъ сердцѣ удовольствія не сохраняютъ такъ связи между собою, какъ огорченія. Новыя радости не воскрешаютъ во всемъ цвѣтѣ прежнихъ, но новыя огорченія напротивъ пробуждаютъ старыя.

Кромѣ того, французскіе эмигранты внушали въ то время общую симпатію. Наше дѣло было дѣломъ всѣхъ благомыслящихъ въ Европѣ. Уваженное несчастіе имѣетъ свою отрадную сторону.

Герцогъ Буйльонъ покровительствовалъ въ Джерси французскихъ выходцевъ. Онъ отговорилъ меня ѣхать въ Бретань, такъ какъ я не въ состояніи былъ вынести скитальческую жизнь по пещерамъ и лѣсамъ. Въмѣсто того, герцогъ совѣтовалъ мнѣ отправиться въ Англію, а тамъ искать себѣ опредѣленной службы.

Денежный недостатокъ началъ стѣснять дядю съ многочисленнымъ его семействомъ. Онъ принужденъ былъ отправить сына въ Лондонъ, жить тамъ въ надеждѣ, по поламъ съ нуждою. Чтобы не быть дядѣ въ тягость, и рѣшился оставить его.

Контрабандное судно привезло мнѣ изъ Сень-Мало тридцать луи. Съ этими деньгами я могъ исполнить мое намѣреніе и взять

мѣсто на соутемтонскомъ пакетботѣ. Разставался съ дядею, и глубоко былъ тронутъ. Онъ ухаживалъ и пекся обо мнѣ какъ отецъ; съ нимъ были связаны немногіе счастливые дни моего дѣтства; онъ зналъ всѣхъ, кого я любилъ; онъ же сходствовалъ въ лицѣ съ матушкою. Я разстался съ этою добрѣйшею матушкою, и не видалъ ея больше; разстался съ сестрою Юлією и братомъ, и осужденъ былъ не встрѣчать ихъ болѣе; разставался теперь съ дядею, и не видалъ уже потомъ его веселаго лица. Все это исчезло въ нѣсколько мѣсяцевъ, потому что смерть нашихъ друзей считается не съ того дни, въ который они умираютъ, а со дня разлуки съ ними.

Если бы можно было сказать времени: «Постой!» мы остановили бы его въ часы наслажденій. Но какъ это невозможно, не останемся здѣсь; уйдемъ до потери друзей и тѣхъ годовъ, которые поэтъ одни считалъ достойными жизни: *Vitâ dignior aetas*. Что въ дни связей чаруетъ, то въ покинутомъ возрастѣ причиняетъ страданія и сожалѣнія. Ужъ не желаешь возврата веселыхъ мѣсяцевъ года; скорѣе боишься его. Птицы, цвѣты, прекрасный апрѣльскій вечеръ, чудная ночь, начатая самъ другъ съ соловьемъ, и конченная къ утру съ первою ласточкою, все это, что требуетъ необходимость и желаніе счастья, убійственно. Еще чувствуешь эти прелести, но они уже не для тебя. Завидуешь и глубже чувствуешь свое одиночество, глядя на молодежь, наслаждающуюся жизнью и взирающую на тебя презрительно. Свѣжесть и грація природы, напоминая тебѣ мнувшее блаженство, еще рѣже выказываютъ искаженный образъ твоихъ бѣдствій. Становишься какъ бы пятномъ въ природѣ; присутствіемъ своимъ, рѣчами и даже чувствами, когда выразишь ихъ, разстраняешь согласіе и пріятность природы. Люби, но тебя уже нельзя любить. Весенній ключъ возобновилъ свои воды, но тебѣ не далъ молодости. Видъ всего возраждающагося, всего, что счастливо, погружаетъ тебя въ болѣзненное воспоминаніе о быломъ.

Пакетботъ, на которомъ я взялъ мѣсто, былъ полонъ эмигрантами съ ихъ семействами. Между прочимъ, я познакомился съ нѣкимъ Энганомъ, бывшимъ товарищемъ брата въ бретанскомъ парламентѣ, человѣкомъ умнымъ, о которомъ придется мнѣ много говорить. Въ капитанской каютѣ морской офицеръ игралъ въ шахматы. Я такъ измѣнился, что онъ не узналъ меня въ лицѣ; но я узналъ Жеряля. Послѣ встрѣчи въ Брестѣ, мы не видались въ Соутемтонѣ намъ надлежало разстаться. Я рассказалъ ему

пре мои страстїи, онъ мнѣ про свои. Этотъ молодой человекъ, родившїйся въ моихъ глазахъ посреди моря, въ послѣдній разъ обнималъ своего перваго друга, тоже посреди моря, которое онъ вскорѣ взялъ въ свидѣтели своей славной смерти.

Въ началѣ шестой книги этихъ записокъ я уже выписалъ мой видъ на проѣздъ изъ Джерси въ Соумтевтовъ. И вотъ, послѣ моихъ сраствїй по американскимъ лѣсамъ и по германскимъ лагерямъ, я въ 1793 году ступаю бѣднымъ эмигрантомъ на эту землю, гдѣ все это пишу теперь, въ 1822, и гдѣ я пребываю нынѣ въ качествѣ знатнаго посланника.

Возлѣ нашего лагеря бѣднаго и темнаго, находился другой блистательный и богатый. На дворѣ штаба стояли фургоны навозные съѣстными припасами; суетились повара, деньги и адъютанты. Эти два стана были вѣрными представителями провинци и Версаля.

Сердце у меня сжалось, когда въ одинъ пасмурный день, мы увидѣли впереди лѣса, которые окаймляли горизонтъ, и намъ сказали, что это лѣса Франци.

Не могу выразить, что я чувствовалъ, когда мнѣ пришлось съ оружіемъ въ рукахъ, переступить границу моего отечества: я не раздѣлялъ съ товарищами мечты о побѣдѣ, которою они себя дѣлѣли, я находился въ такомъ же положенїи, какъ Фолклавдъ въ войскѣ Карла-Перваго. Каждый приморскїй рыцарь, большой, расслабленный, наряженный въ ночной колпакъ, прикрытый трехугольною шляпою, воображалъ что онъ одинъ обратитъ въ бѣгство пятьдесятъ противниковъ. Но я не былъ зараженъ этою почтенною и забавною гордостью, которая въ другїя времена творила чудеса; я не былъ до такой степени убѣжденъ въ силѣ моей непобѣдимой десницы.

1 Сентября мы вступили въ Тїонвилъ непобѣжденными, потому что на пути своемъ не встрѣтили никого. Кавалерїя расположилась лагеремъ въ право, а пѣхота въ лѣво отъ большой дороги, ведущей въ городъ со стороны Германїи. Изъ лагеря нельзя было видѣть крѣпости, но съ пригорка возвышавшагося въ шестистахъ шагахъ отъ нашего стана, взору представилась морельская долина. Ковный отрядъ изъ моряковъ соединялъ правое крыло нашей пѣхоты съ австрїйскимъ корпусомъ принца Вальдекскаго, а лѣвое прикрывалось тысячью-осмьюстами французскихъ кавалеристовъ. Мы укрѣпились за ровомъ, по всему протяженію котораго разставлены были въ пирамидахъ ружья. Восемь бретонскихъ ротъ занимали двѣ поперечныя улицы лагеря; нѣко

насъ растянута была рота офицеровъ наваррскаго полка, моихъ товарищей.

По окончаніи этихъ работъ, продолжавшихся трое сутокъ, прибыли герцогъ Людовикъ и графъ д'Артуа; они произвели рекогносцировку крѣпости, которой напрасно предлагали сдаться, хотя Вишнетъ, казалось и согласенъ былъ на это. Подобно великому Конде мы не выиграли сраженія при Рокроа, и потому не могли овладѣть Тіонвилемъ; но зато и не были разбиты подъ его стѣнами, какъ Фёкверъ. Мы засѣли на большой дорогѣ передъ деревнею, составляющею предмѣстіе города, вѣдъ горнверка, защищавшаго мостъ на Мозелѣ. Каждый домъ надобно было брать приступомъ и отрядъ нашъ удержалъ за собою всѣ взятые имъ дома. Я не былъ въ этомъ дѣлѣ, но двоюродный братъ мой Арманъ дѣйствовалъ въ немъ съ отличіемъ. Между-тѣмъ какъ дрались въ этой деревнѣ, нашей ротѣ приказано было установить баттарю у опушки лѣса, на вершинѣ холма, по покатости котораго росъ виноградникъ и спускался внизъ до равнины, примыкавшей къ вѣдшимъ укрѣпленіямъ Тіонвилля.

По указаніямъ инженеря мы приступили къ устройству дерноваго кавальера для установки орудій, а для прикрытія отъ ядеръ провели траншейные переломы. Насыпи подвигались медленно, потому что всѣ мы, офицеры молодые и старые не привычны были владѣть лопатой и киркой. Тачекъ не было и мы должны были носить землю въ полахъ платья, которыя замѣняли намъ мѣшки. Скоро открыли по насъ огонь съ одного люнета; огонь этотъ тѣмъ болѣе былъ неприятенъ, что мы не могли на него отвѣчать. Вся наша артиллерія состояла изъ двухъ пушекъ и плохой гаубицы. Первая брошенная нами бомба не дometѣла до гласиса и произвела громкій смѣхъ въ гарнизонѣ. Сто пѣхотинцевъ и конный пикетъ изъ моряковъ черезъ каждые сутки смѣнялись при баттарѣ.

Осажденные стали приготовляться къ нападенію на нее; на валахъ при помощи телескопа замѣтно было движеніе. Съ наступленіемъ ночи изъ крѣпости вышла колонна и прикрытымъ путемъ достигла люнета. Нашей ротѣ приказано было идти на подкрѣпленіе. На разсвѣтѣ до шести сотъ патриотовъ завязали дѣло въ деревнѣ, на большой дорогѣ, выше города; потомъ поворотивъ влѣво прошла черезъ виноградники и взяли нашу баттарю во флангъ. Моряки, послѣ храбрыхъ атакъ были опрокинуты и оставили насъ безъ прикрытія. Бывъ дурно вооружены, мы не могли дѣйствовать огнемъ и пошли на штыки. Не знаю почему не-

пріятельскій отрядъ отступилъ; еслибъ онъ продолжалъ дѣйствовать, мы бы не устояли.

У насъ много ранено и нѣсколько человѣкъ убито, въ числѣ прочихъ кавалеръ де-ла-Бароннэ, капитанъ одной изъ бретонскихъ ротъ. Я былъ виною его смерти; пуля которая лишила его жизни, сдѣлала рикошетъ по стволу моего ружья и поразила его въ високъ съ такою силою что вылетѣла въ другой; мозгъ его обрызгалъ мнѣ лицо. Безполезная благородная жертва проигравшаго дѣла! Разъ маршалъ д'Обтеръ посѣтилъ отца кавалера де-ла Бароннэ бѣднаго дворянина жившаго близъ Сенъ-Мало и просилъ его не приглашать никого; но войдя въ комнату и увидя столъ накрытый для двадцати человѣкъ сталъ дружески выговаривать хозяину: «Monsieur, отвѣчалъ ему де-ла-Бароннэ, у меня обѣдаютъ одни дѣти.» У де-ла-Бароннэ было двадцать-два сына и одна дочь, всѣ отъ одной матери. Революція скосила эту богатую жатву отца семейства.

Австрійскій корпусъ принца Вальдекскаго вступилъ въ дѣйствіе. Осада пошла успѣшнѣе. Ночью намъ представлялось прекрасное зрѣлище: бураки освѣщали верхи крѣпости — покрытые солдатами, при пушечныхъ выстрѣлахъ облака или свиее небо озарялись внезапнымъ блескомъ, и бомбы пересѣкались въ воздухѣ, описывали огненные параболы. Въ промежуткахъ пальбы слышался бой барабана, громъ военной музыки и крики часовыхъ на стѣнахъ крѣпости и въ нашемъ лагерѣ. Къ несчастію съ обѣихъ сторонъ кричали по французски: «Sentinelle, prenez garde à vous.» (Часовой, берегись).

Когда схватки происходили передъ разсвѣтомъ, то случалось, что пѣнье жаворонка смѣняло трескъ ружейной стрѣльбы, между тѣмъ какъ пушки прекратившіе пальбу, съ разинутою пастью безмолвно смотрѣли на насъ въ амбразуры. Пѣнье птицы вызывая воспоминавія о сельской жизни, казалось упрекала человѣка. Я чувствовалъ тоже, когда встрѣчалъ убитыхъ на поляхъ цвѣтушей люцерны или у береговъ потока, въ струяхъ котораго купались ихъ волосы. Въ лѣсахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ужасовъ войны, я видѣлъ маленькія изваянія святыхъ. Пастухъ, нищій съ сумой, преклонивъ колѣна предъ этими умирителями, творилъ молитвы при грохотѣ отдаленной пушки.

Одважды цѣлая община съ своимъ пастыремъ приносила цвѣты патрону сосѣдняго прихода, изображеніе котораго стояло въ рощѣ, насупротивъ фонтана. Священникъ былъ слѣпой: вопиѣ рати Божіей, онъ потерялъ зрѣніе въ дѣлахъ благочестія, какъ

слѣдуетъ на полѣ сраженія. За священника пріобрѣлъ викарій, потому-что слѣнецъ не могъ бы поднести Святыхъ Даровъ къ устамъ причащающихся. Въ продолженіе этого обряда среди ночи онъ благословлялъ наступавшій день.

Мы дѣйствовали на равнинѣ впереди всѣхъ и добрались до селъ у первыхъ ретраншаментовъ Тіонвилля. Деревня на большой Мозельской дорогѣ безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки. Я два раза былъ на приступѣ. Демократы называли насъ *аристократами, опричниками*, а мы ихъ *разбойниками, измѣнниками, мятежниками*. Иногда поссорившіяся остававлялись и начиналась дуэль, среди сражавшихся, которые становились безпристрастными свидѣтелями.

Разъ я былъ патрульнымъ въ виноградникѣ; въ двадцати шагахъ отъ меня стоялъ пожилой дворянинъ, охотникъ, и концемъ ружья билъ по лозамъ, будто для того чтобы спугнуть бойца и потомъ озирался въ надеждѣ, что выскочить патриотъ.

Въ другой разъ я вздумалъ пойти въ австрійскій лагерь: между нами и лагеремъ коннаго отряда моряковъ простирался лѣсъ, на который безъ пользы устремленъ былъ огонь крѣпости; изъ города стрѣляли слишкомъ много, думая, что насъ больше, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ: этимъ объясняется напыщенность бюллетеней Тіонвильскаго коменданта. Проходя лѣсомъ я замѣчаю въ травѣ что-то шевелится; приближаюсь, на землѣ лежитъ растянувшійся человекъ лицомъ къ низу; видна только широкая спина. Я принялъ его за раненаго и взявъ его за воротъ приподнял ему голову. Онъ открываетъ испуганные глаза, привстаетъ немного упираясь руками, я задыхаюсь отъ смѣха; это былъ мой двоюродный братъ Морд. Мы не видались съ-тѣхъ-поръ какъ онъ представилъ меня мадамъ де-Шатнѣ.

При паденіи бомбы онъ легъ ничкомъ на землю и никакъ не могъ подняться. Съ величайшимъ трудомъ я поставилъ его на ноги, онъ былъ въ трое толще прежняго. Я узналъ отъ него, что онъ состоитъ по провіантской части и привелъ воловъ къ принцу Вальдекскому. Въ рукахъ у него были четки.

Возвращаясь въ лагерь, я встрѣтилъ инженернаго офицера, который велъ за узду лошадь; вдругъ ядро поражаетъ ее въ самую тонкую часть шеи и перѣрезываетъ ее; голова и шея остаются въ рукахъ всадника и тяжестью своею увлекаютъ его на землю. Мнѣ случилось видѣть бомбу упавшую въ кружокъ морскихъ офицеровъ, которые сидѣли за бакомъ *: бакъ исчезъ и офицеры

* Деревянная чаша, изъ которой ѣдятъ матросы.

опрокинутые и засыпанные пескомъ, кричали какъ старый капитанъ корабля: «Горить! все горить! парикъ на мнѣ горитъ!»

Позади нашего лагеря устроилось и нѣчто въ родѣ рынка. Крестьяне навезли бочки бѣлаго мозельскаго вина, которыя оставались на телѣгахъ: у одного конца повозокъ были выпряженныя лошади, у другаго распивали вино. Здѣсь и тамъ блистали огни ночныхъ охотниковъ. На сковородахъ жарились сосиски, въ котлахъ варился бульонъ изъ кукурузы, печкался на чугуныяхъ листахъ блины, *enfler des pancakes sur des rapiers* (въ коробахъ вздувались пышки). Продавались анисовыя лепешки, грошовыя ржаныя хлѣбцы, мансовыя пирожки, не зрѣлые яблоки, лица красныя и бѣлыя, трубки, табакъ, а на вѣтвяхъ дерева разлѣшены были солдатскіе плащи изъ толстаго сукна на продажу желающимъ. Поселянки сѣдя верхомъ на переносныхъ скамейкахъ, доили коровъ, и каждый, въ свою очередь, подавалъ молочницѣ чашку. У печей бродили маркитанты въ блузахъ, военные въ мундирахъ. Шинкарки ходили взадъ и впередъ, и кричали по-французски и по-нѣмецки. Однѣ группы стояли, другія сѣдѣли за сосновыми столами, криво установленными на неровной землѣ. Кому вздумалось, лежалъ подъ парусиной святой съ тюковъ, или подъ вѣтвями изрубленными въ лѣсу. Пѣли, смѣялись, курили. Чрезвычайно весела была эта картина во время ночи, освѣщенная огнями на землѣ, и звѣздами съ неба.

Когда я не стоялъ въ караулѣ у батарей и не дежурилъ въ палаткѣ, то обыкновенно ужиналъ на рынкѣ. Здѣсь опять начинались лагерныя весторія; но приправленные водкой и виномъ, онѣ становились гораздо занимательнѣе.

Особенно славился рассказами одинъ изъ моихъ товарищей, капитанъ съ покупнымъ дипломомъ, настоящее имя котораго замѣнялось между нами прозвищемъ *Динарзада*; правильнѣе было бы сказать *Шехеразады*, но мы не гонялись за большою точностью. Бывало, лишь только мы его завидимъ, бѣжимъ къ нему и оспариваемъ его другъ у друга.

У Динарзада была талія короткая, ляшки длинныя, лицо измятое, усы повисшіе, глаза, въ видѣ двухъ запятыхъ, голосъ глухой, большая шпага въ ножнахъ свѣтло-кофейнаго цвѣта, и примемы волна-поэта. Этотъ серіозный шутникъ самъ не смѣялся никогда, но на него нельзя было смотрѣть безъ смѣху. Онъ былъ постояннымъ секундантомъ на всѣхъ дуэляхъ и волочился за всѣми конторщиками. Онъ говорилъ всегда трагическимъ тономъ

и прерывалъ разсказъ только для того, чтобы выпить бутылку вина, закурить трубку и проглотить сосиску.

Въ одну дождливую ночь мы сидѣли у бочки, стоявшей наклонно на телѣгахъ съ поднятыми оглоблями. Насъ освѣщала свѣщая свѣчка прилѣпленная къ бочкѣ; крышей намъ служила парусина, прикрѣпленная къ оглоблямъ и къ двумъ коламъ. Диварзадъ съ кривою шагаю, по прусскому образцу, стоялъ между колесомъ телѣги и задомъ лошади, и къ общему удовольствію разсказывалъ исторію. Шинкарки, которыя приносили намъ вино, останавливались и слушали нашего Араба.

Внимательная толпа вакханокъ и силеновъ, составлявшихъ хоръ, сопровождала разсказъ знаками удивленія, одобренія или порицанія.

«Милостивые государи, говорилъ разсказчикъ, всѣ вы знали Зеленаго рыцаря, который жилъ при королѣ Іоаннѣ?» Всѣ отвѣчали за одно: «да, да.» — Диварзадъ проглотилъ свернутый блинъ и обжегъ имъ ротъ.

«Этотъ зеленый рыцарь, милостивые государи, какъ вамъ извѣстно, потому что вы всѣ его видѣли, былъ красавецъ: когда вѣтеръ откидывалъ его рыжіе волосы на шлемъ, то и шлемъ походилъ на зеленую чалму, повязанную куделью.»

Всѣ слушающіе кричатъ: «браво!»

«Разъ въ майскій вечеръ онъ затрубилъ въ рогъ у подъемнаго моста одного замка, въ Пикардіи или въ Овернѣ, все равно. Въ этомъ замкѣ жила боярыня великаго собранія. Она приняла рыцаря ласково, приказала снять съ него оружіе, отвести въ баню, и потомъ сѣла съ нимъ за пышный столъ; но она ничего не ѣла и прислуживавшіе пажы были вѣдые.»

Слушатели кричатъ: «ого, ого!»

«Боярыня, милостивые государи, была высокаго рѣсту, съ плоскою грудью, худая, и не складная, точно наша маюрина; впрочемъ съ выраженіемъ и съ кокетливыми манерами. Когда она смѣялась и показывала рядъ длинныхъ зубовъ, подъ короткимъ носомъ, то гость становился самъ не свой. Она влюбилась въ рыцаря, а рыцарь въ боярыню; не смотря, что она внушала ему страхъ.»

Диварзадъ выколотилъ трубку о колесо и хотѣлъ было снова набивать свою соску; но его заставили продолжать.

«Зеленый рыцарь совершенно обезумѣлъ и рѣшилъ оставить замокъ. Но прежде чѣмъ ѣхать, онъ попросилъ владѣтельницу замка, объяснить многое, что ему казалось страннымъ; вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе жениться на ней, если только она не колдунья.

Динарзадъ стоялъ опершись на шпагу. Мы сидѣли на землѣ наклонясь впередъ, и куря трубки, которыя составляли огненную гирлянду, подобно кольцу Сатурна. Вдругъ, Динарзадъ, какъ потушенный вскричалъ:

«И что же, милостивые государи, боярыня великаго собранія была, кто бы вы думали? сама смерть!»

И капитанъ прорвалъ ряды слушающихъ съ крикомъ: «Смерть, смерть», обратилъ въ бѣгство шинкарокъ. Засѣданіе кончилось: шумъ былъ страшный и смѣху не было конца. Мы приблизились къ Тіонвиллю, при громѣ крѣпостной пушки.

Осада продолжалась, или лучше сказать, не начиналась, потому-что траншеи не открывали, и для правильнаго обложенія крѣпости не доставало войска. Полагались на стачки; и поджидали вѣстей объ успѣхахъ прусской арміи или арміи Клерэ, въ которой находился французскій корпусъ герцога Бурбонскаго. Наши скудные средства истощались. Парижъ, казалось, убѣгалъ отъ насъ. Дурная погода не прекращалась; мы продолжали работы, въ совершенномъ отчужденіи отъ другихъ; иногда я просыпался во рву, по шею въ водѣ; на слѣдующій день я былъ какъ разслабленный.

Между земляками я встрѣтилъ Феррона-де-ла-Сигоньеръ, стариннаго моего товарища по динанскому коллегіуму: намъ не было возможности спать въ шалашѣ (палаткѣ); онъ былъ такъ малъ, что головамъ нашимъ приходилось лежать внѣ его, подъ самой парусной, съ которой лился дождь, будто съ кровельнаго желоба. Я вставалъ и отправлялся съ Феррономъ прогуливаться передъ ружейными пирами: не всѣ ночи проводили мы такъ весело, какъ Динарзадъ. Мы ходили молча, прислушивались къ окликамъ часовыхъ, смотрѣли на огни въ рядахъ палатокъ, какъ въ прежнее время въ училищѣ на вочники въ корридорахъ.

Мы толковали о прошедшемъ и будущемъ, объ ошибкахъ уже сдѣланныхъ, и о тѣхъ, которыя будутъ сдѣланы; скорбѣли объ ослѣпленіи нашихъ начальниковъ, предполагавшихъ возвратиться въ отечество съ горстью преданныхъ имъ людей. Мнѣ помнится, что разъ, между прочимъ, сказалъ я своему товарищу, что Франція послѣдуетъ примѣру Англіи, что мы погубимъ, а не спасемъ короля и что по всей вѣроятности, наша тіонвилльская экспедиція будетъ однимъ изъ обвиненій Людовика Шестнадцатаго. Предсказаніе мое поразило Феррона: оно было первое въ мо-

ей жизни. Въ послѣдствіи мнѣ не разъ случалось предсказывать, но меня никто не слушалъ; когда предсказанное сбывалось, всѣ прятались, а меня оставляли бороться съ несчастіемъ, которое я предвѣдѣлъ. Когда штормъ застаетъ Голландцевъ въ открытой морѣ, они убираются во внутренность корабля, запираютъ люки, а на палубѣ оставляютъ одну собаку лаять на бурю; лишь опасность минуетъ, фидельку загоняютъ опять въ норку, въ глубину трюма, а капитанъ выходитъ на шканцы наслаждаться хорошей погодой. Я былъ голландской собакой на роульпстскомъ кораблѣ.

Воспоминанія о моей военной жизни запечатлѣлись у меня въ памяти; я ихъ описалъ въ шестой книгѣ *Мучениковъ*.

Варваръ Арморикъ въ станѣ государей (princes), я вмѣстѣ со шпагой носилъ Гомера и предпочиталъ отечество, бѣдный островъ Харона, ста городамъ Крита. Какъ Телемакъ я говорилъ: «суровая страна, которая пятаетъ однихъ козъ, мнѣ пріятнѣе той, гдѣ вскармливаютъ коней.» Мои слова разсѣшили бы добраго Менелая, agathū Ménélaos.

Музыкальныя новости. Нашъ музыкальный годъ раздѣляется на двѣ части: одну, по праву рожденія и страсти къ смычку, присвоили себѣ музыканты по вдохновенію, любители, такъ сказать аматеры, которые даютъ свои концерты отъ октября до начала Великаго Поста; другая числится во владѣніи артистовъ по званію, великихъ и малыхъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, поющихъ и играющихъ: эта начинается со второй недѣли поста и оканчивается не ранѣе какъ весною, когда природа откроетъ свою зеленую залу для соловьевъ и садовыхъ оркестровъ. Вотъ и первая недѣля поста. Опера и концерты любителей молчатъ. Концерты артистовъ передъ нами. Кто же будетъ играть? Чѣмъ будемъ мы наслаждаться?

Сначала спросимъ себя — что у насъ было, а тамъ — что будетъ?

Въ отвѣтъ на первый вопросъ, надо преимущественно указать на три предпріятія: утренніе квартеты Віѳана, концерты университетскихъ студентовъ и концерты Симфоническаго Общества.

Мы уже говорили о квартетахъ Віѳана; они радовали сердце любителей *высокой музыки*; къ сожалѣнію наслажденіе было кратковременно; вмѣсто шести квартетовъ, какъ въ прошломъ году, нынѣшнюю зиму было только четыре. Концерты студентовъ шли аккуратно каждое воскресенье отъ часа до трехъ ча-

совѣ пополуни въ залѣ университета, и всякій разъ привлекали старательнымъ исполненіемъ многочисленную публику. Здѣсь слышали мы образцовыя произведенія инструментальной музыки, классическія симфоніи и увертюры, инструментальныя соло, а подъ часъ, и пѣніе. Если исполненіе и не всегда было безукоризненно (чему подлѣжить все земное и, въ особенности, неприготовленное), тѣмъ не менѣе, оно никогда не доходило до той степени слабости, чтобы нарушать въ сущности наслажденіе доставляемое великими произведеніями искусства. Можно даже предположить, что случайныя недостатки были отчасти причиною необыкновеннаго участія, которое принимала публика въ этихъ концертахъ. «Исполнители были не артисты, отъ которыхъ слѣдовало требовать непогрѣшимости, а такіе же любители, какъ и мы; равно и программы обѣщали намъ не концерты, а только упражненія; очень естественно, что мы трепетали когда они вступали въ борьбу съ гигантомъ Бетговымъ или разсуждали съ ученымъ Мендельсономъ и мы же торжествовали вмѣстѣ съ ними, когда они выходили побѣдителями изъ боя, что, надо замѣтить, случалось очень часто». — Концерты эти, отдѣльно отъ наслажденія, доставляемаго ими, уже заслуживаютъ вниманіе по своему высокому педагогическому значенію. Развивая въ учащемся юношествѣ любовь къ музыкѣ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ изъ этого высокаго искусства благороднѣйшее средство къ образованію ума и сердца и слѣдовательно нравственности. Сколько опасныхъ подводныхъ камней избѣгаютъ молодые люди уже тѣмъ самымъ, что посвящаютъ часы, свободныя отъ занятій, приготовленіямъ къ концертамъ! какъ благородно возбуждается ихъ честолюбіе, когда имъ представляется случай отличиться предъ лицомъ своихъ начальниковъ какимъ либо музыкальнымъ исполненіемъ, какъ это было, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году въ соло на скрипкѣ и фортепиано! Наконецъ какое вѣрное средство успѣть въ жизни и приобрести друзей дадутъ молодому человѣку, дѣлая его артистомъ! Честь и слава посвященнымъ, благородно мыслящимъ людямъ, которые призвали къ жизни эти концерты для такой высокой цѣли, и за тѣмъ постоянно оказывали имъ свое участіе!

Концерты Симфоническаго Общества, по своему внѣшнему составу, были совершенно сходны съ университетскими. Они давались по субботамъ вечеромъ, въ залѣ Придворной Капеллы, и состояли по большей части изъ симфоній, соло и увертюр. Такъ какъ эти концерты были ничто иное, какъ музыкальныя

упражнения дирижентовъ, то критика и не имѣетъ права произносить объ нихъ свое сужденіе. Что же касается до двухъ большихъ концертовъ, данныхъ Симеоновичскимъ Обществомъ въ залѣ университета, то здѣсь дѣло совсѣмъ другого рода. — Въ этихъ концертахъ принималъ участіе хоръ, учрежденіемъ котораго Симеоновичское Общество принесло большую пользу здѣшней классической музыкѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ концертовъ исполнена была месса Бетгоvena, с-дуг. Выборъ такого труднаго сочиненія для хора, едва образовавшагося, которому гораздо естественнѣе было бы трудиться надъ пѣснями Гандна, Генделя и Мендельсона, довольно странно. Притомъ отъ послѣдняго концерта 18 декабря такъ мало осталось времени для разучиванія, да и время это такъ часто прерывалось балами, маскерадами и студанн, что мы несколько боялись за концертъ. Однако же, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, исполненіе было довольно удачно. Оно хотя и не отличалось тою свѣжестью и увлекательностью какъ исполненіе Генделя псалма, но тѣмъ не менѣе волею выказало все рвеніе участвовавшихъ. До тѣхъ поръ пока въ обществѣ сохранится это рвеніе, мы можемъ смѣло ожидать отъ него высокаго и прекраснаго. Хотя въ мессѣ Бетгоvena и есть много прекрасныхъ религіозныхъ мѣстъ (особенно въ послѣднихъ частяхъ), однако же въ цѣломъ она нисколько не удовлетворяетъ церковному назначенію. Это произведеніе тѣсно субъективное, подъ часъ оригинальное даже до странности. Слова обѣди такъ часто полагались на музыку, что едва ли есть возможность взяться за нихъ съ новой стороны. Такимъ образомъ создалась для главнѣйшихъ частей мессы опредѣленная форма, которой подчиняются почти всѣ композиторы, какъ б-лье естественной. Кругіе постоянно звучитъ строго и важно, «Gloria» всегда исполнено торжественности, «Credo» отличается художественностью развитія, и такъ далѣе. Даже изложеніе отдѣльныхъ фразъ и антитезовъ по большей части одинаково у композиторовъ. Такъ, напримѣръ Гендель, Гайднъ, Керубини и Бетгоvenъ слова «in excelsis» (въ стихѣ «Gloria in excelsis Deo») обозначили аккомпаняментомъ высокихъ инструментовъ, которые за тѣмъ въ словахъ «et in terra» нисходятъ до крайности. Бетгоvenъ употребилъ такое же противоположеніе въ «Sanctus», гдѣ у него слова «caeli» сопровождаютъ скрипки и флейты, а за тѣмъ «et in terra» контрабасы и виолончели. Обыкновенно въ инструментальномъ сочиненіи, которое уже по существу своему вращается

въ идеальной отвлеченной сферѣ, личный характеръ сочинителя исчезаетъ совершенно, а въ вокальномъ, гдѣ трактуется положительное слово, характеръ этотъ выступаетъ вполне наружу. Такимъ образомъ весьма интересно слѣдить въ вокальныхъ мессахъ Бетговена за странностию и причудливостию его характера, который совершенно незамѣтитъ въ его симфоніяхъ и квартетахъ. Изъ многихъ мѣстъ въ этомъ родѣ мы укажемъ на два встрѣчающіяся въ обѣихъ мессахъ Бетговена, мѣста, которые должны быть разсматриваемы не какъ случайное явленіе, но какъ результатъ самобытнаго взгляда композитора на предіетъ. Именно въ *sciscifixus* Бетговенъ придаетъ особенное значеніе словамъ «*sub Pontio Pilato*», во первой мессѣ посредствомъ хроматическаго хода голосовъ, во второй посредствомъ перехода хора въ соло. Развѣ слова «*sciscifixus etiam pro nobis*» не важнѣе и музыкальнѣе, нежели прибавка «*sub Pontio Pilato*»? Далѣе слово «*resurrexit*», которое всѣ лучшіе композиторы отдѣлывали художественно, въ противоположность предъидущему, Бетговенъ мнуетъ безъ вниманія, въ первой мессѣ посредствомъ басоваго голоса, во второй посредствомъ хора безъ акомпанимента. Онъ смотритъ на это слово какъ на переходъ къ слову «*ascendit*», и потому не рѣше какъ съ послѣдняго начинается новую фразу.

Но довольно о Бетговенѣ и мессахъ. Что будемъ мы дѣлать постомя?

Изъ заграничныхъ артистовъ находятся въ Петербургѣ, сколько извѣстно, піанистка Софія Бореръ, и валторнистъ Левинъ, изъ Вѣны. Если число пріѣзжихъ виртуозовъ и незначительно, все-таки недостатку въ концертахъ не будетъ: здѣшніе артисты намѣрены разыгратъ въ нынѣшнемъ году съ большимъ жаромъ. Почти всѣ готовятся выступить на поле мусикии. Наверное мы услышимъ Віетана, Земана, Гейнмейера, Левинъ, Рубинштейна, Лудвига Маурера, который даже дастъ три симфоническія утра, Филармоническое Общество, приготовляющее «*Stabat Mater*» Перголезе и Симфоническое Общество, подвизающееся теперь надъ концертомъ въ пользу бѣдныхъ.

— Въ послѣдней январской тетради «Нувеллиста», музыкальнаго журнала, издаваемого господиномъ Берваромъ, есть чрезвычайно интересная піеса: одинъ изъ послѣднихъ и любимѣйшихъ романсовъ Варламова, варированный лучшими здѣшними композиторами и піанистами. Вотъ ея составъ: Краткая интродукція, сочиненіе пишущаго эти строки, вводитъ посредствомъ контрапунктическихъ сочетаній, въ тему, аранжированную весьма про-

сто. Первая вариация принадлежит Гензелту. Здѣсь правая рука исполняетъ тему, нѣсколько усиленную аккордами, между тѣмъ какъ лѣвая аккомпанируетъ ей посредствомъ простыхъ, но чрезвычайно оригинальныхъ тріолей. Эта вариация, несмотря на свою краткость, запечатлѣна гениемъ Гензелта. Далѣе слѣдуетъ Шиллеръ. Въ вариации его тема дѣлается живѣе и страстнѣе; она постоянно прерывается краткими паузами. Аккомпаниментъ здѣсь состоитъ изъ скорыхъ тріолей, которыя опираются на оригинальные, подъ часъ диссонансовые аккорды. Внезапная остановка передъ концомъ — прекрасная поэтическая идея. Третья вариация Рубинштейна: въ ней тема сосредоточена на среднихъ нотахъ, аккомпаниментъ же состоитъ изъ трелей, которыя постоянно переходятъ изъ высшаго дисканта въ низкій басъ и обратно; переходы эти очень эффектны. Затѣмъ идутъ три бравурныя вариации: Фракиана, прекрасныя трели, совершенно въ Тальберговомъ стилѣ, Леви — блестящій и гармоническій этюдъ, и Черлякаго — тоже тріолы, но только уже октавныя, и притомъ постоянно восходящія вдоль всей клавиатуры. Повидному тріолы въ особенной милости у нашихъ піанистовъ. Далѣе Бернардъ представляетъ вариацию, съ искусно расположенными средними голосами; она отличается отъ предыдущихъ своимъ спокойнымъ характеромъ. Наконецъ финаль, опять сочиненіе Дамке, на долю котораго такимъ образомъ выпали двѣ части, въ которыхъ лишь единственно возможно было для композитора самостоятельное изложеніе. Предоставляемъ публикѣ судить о томъ какъ выполнилъ Дамке свою задачу.

Эта піеса уже и по тому интересна для насъ, что ею композиторы почтили память недавно умершаго своего собрата Варламова.

— Энтузіастамъ госпожи Бореръ вѣрно пріятно будетъ узнать, что на дняхъ появилась въ печати мазурка ея сочиненія, та самая, которою она такъ восхищала петербургскую публику прошедшею зимою. Мазурка напечатана такъ красива, какъ вѣроятно не издавалось ни одно *первое сочиненіе*. На главномъ листѣ — золото, серебро, алмазы, яхонты, изумруды. Ктому — очень схожій портретъ юной сочинительницы, написанный однимъ изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Далѣе — отличная печать нотъ. Все — прелесть типографская, и вавилонское великолѣпіе — не считая самой мазурки.

Парижъ веселится нынѣшнюю зиму на пропалую. Балы, концерты, спектакли, праздники нисколько не уступаютъ прошле-

годиниъ. Много было толковъ о томъ, состоится ли въ Парижѣ итальянская опера. Дѣло устроивалось нѣсколько разъ и потомъ снова разстроивалось. Наконецъ знаменитому баритону Ройкони удалось составить итальянскую труппу, которая уже и дала Черверентоу. Исполнителями были Лаблашъ, Альбони, самъ директоръ Ройкони и Бордасъ. Последний былъ немножко не въ годъ. Тѣмъ не менѣе спектакль имѣлъ блистательный успѣхъ, большая часть котораго досталась на долю Альбони. Въ антрактѣ она прочла нѣсколько куплетовъ въ честь Франціи. На слѣдующей недѣли ожидали дебюта госпожи Кастелланъ, но онъ былъ отложенъ, и потому на сценѣ снова явилась Черверентоа, и съ прежнимъ успѣхомъ. Альбони на этотъ разъ пѣла въ антрактѣ, вмѣсто патристическихъ стиховъ, *Brindisi* изъ *Лукреціи Боржіа*. Бордасъ уничтожилъ свой контрактъ, по причинѣ болѣзни. За Черверентою пойдетъ «*Italiana in Algeri*». Между тѣмъ Национальный Театръ (Большая Опера) ревностно трудится надъ «*Прерокомъ*» Мейербера. Теперь уже вѣтъ сомнѣній, что опера эта дана будетъ въ началѣ апрѣля. Главную роль въ ней будетъ занимать госпожа Кастелланъ.

Въ Лондонѣ обыкновенно въ это время года застой въ дѣлахъ театральныхъ и музыкальныхъ. Осенній сезонъ кончился, зимній еще не начинался, и потому двѣ недѣли проходятъ безъ особенныхъ событій. Зимній сезонъ, начинающійся съ половины января, по обыкновенію открывается французскими спектаклями. Директоръ французской труппы въ Лондонѣ Мичель вздумалъ предложить публикѣ въ нынѣшнемъ сезонѣ, вмѣсто драмъ и ѳеделией, комическую оперу. На первый разъ онъ выбралъ «*Domino noir*». Въ этотъ вечеръ, малѣнкій залъ Сенъ-Жейскаго театра былъ просто биткомъ набитъ посѣтителями. Главную роль занимала госпожа Чартойъ. Она прекрасная актриса и притомъ обладаетъ замѣчательнымъ голосомъ. Кудерь въ роли Гораса былъ тоже очень хорошъ. Оркестромъ дирижировалъ Гайсенсъ — отецъ изъ Брюсселя.

На счетъ будущаго итальянскаго сезона здѣсь носятя самыя противорѣчащія слухи, и потому пока нельзя еще положительнаго сказать ничего. Интересно знать, какую роль выберетъ для себя на этотъ разъ Женни Линдъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ она пѣла только четыре партіи. Пора бы ей взяться за что-нибудь новое. Теперь она разъѣзжаетъ по всей Англіи и всадаетъ концерты въ пользу бѣдныхъ, съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Въ Ливерпулѣ, напримѣръ, она давала концертъ въ ноя-

зу Токенетскаго госпиталя. Цѣна билету назначена была 1 гиней (27 франковъ). Перекупщики возвысили ее до 2 фунтовъ стерлинговъ (50 франковъ). Сборъ за первый концертъ простирался до 1,541 фунтовъ стерлинговъ (38,525 франковъ). На другой день жители города поднесли пѣвицѣ благодарственный адресъ, написанный на пергаментѣ. Затѣмъ всякій разъ, когда она появлялась на публичномъ гуляньѣ, звонили въ колокола. Карету же ее обыкновенно сопровождала цѣлая кавалькада, составленная изъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ знатнѣйшими фамиліямъ этого города. Ливдъ предложила Бальфу дать концертъ въ его пользу, по своему возвращеніи въ Лондонъ. Разумѣется что онъ не отказался отъ такого выгоднаго предложенія.

Берлинская опера ангажировала къ себѣ Карлотту Гриси Люсилъ Гравъ. Такимъ образомъ балетъ въ предстоящемъ сезонѣ будетъ блистательный. Піесы намѣрены ставить съ особенною роскошью и потому приготавливаютъ новыя декорациі и костюмы. Впрочемъ Германія не вошла еще въ свою прежнюю колею, и потому музыка въ ней идетъ пока довольно плохо. Политическія событія прошлаго года подѣйствовали губительно на многіе музыкальные журналы. Главный изъ нихъ «Allgemeine Musik-Zeitung», издававшійся въ Лейпцигѣ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, въ нынѣшнемъ году окончилъ свое существованіе. За нимъ послѣдовали Берлинская Музыкальная Газета, Вѣнская Газета, Тевтонія и Цецилія.

Итакъ, настала Великій-Постъ! каждое утро бываетъ *Matinée*, каждый полдень — *Séance musicale*, и вечеръ — концерты! Конечно и между концертами частенько попадаютъ постные. Но бѣда критяку, который рѣшился бы высказать подобную мысль! неаваистъ, проклятіе всѣхъ артистовъ, дающихъ концерты, послѣдовало бы его повсюду. А знаете ли вы, любезные читатели и читательницы, что такое неаваистъ артиста? Это пострашнѣе всякаго домоваго. Отъ того еще можно избавиться: стоитъ только обернуть туфли носками къ постели или взять въ кулакъ большой палецъ и сказать: «приходи завтра, я дамъ тебѣ взаймы». И домовай явится къ вамъ на другой день въ образѣ челоуѣка, желающаго занять денегъ. Всѣ эти средства безсильны противъ неаваиста виртуозовъ, даже и послѣднее, которое я употреблялъ нѣсколько разъ и рѣшительно безъ всякой пользы.

Такимъ образомъ роль критяка вовсе не такъ легка и пріятна, какъ это кажется съ перваго разу. Только тогда не страшны ему

преслѣдованія и клевета посредственности, когда онъ вполне и притомъ справедливо убѣжденъ въ томъ, что его сужденія имѣютъ вліяніе на публику. Только тогда можетъ онъ устоять противъ пресмыкающейся лести пріѣзжихъ артистовъ, противъ высокоумія виртуозовъ, имѣвшихъ успѣхъ, и добросовѣстно выполнить свою задачу—*ad artis majorem gloriam*.

Въ нынѣшнемъ году я снова выступаю въ походъ въ качествѣ критика, затѣмъ, чтобы радостно приветствовать хорошее, ободрить слабое (дурное, надѣюсь, мнѣ не придется слышать), и такимъ образомъ положить в свою лепту на алтарь искусства.

Походъ нашъ открылся концертомъ господина Земана (20 февраля, въ залѣ университета), который, впрочемъ скорѣе можно назвать незначительнымъ аванпостнымъ дѣломъ. Мы прослушали здѣсь двѣ увертюры (изъ Юсифа Мегюлю и Водовоза Керубини), которыя были исполнены съ грѣхомъ пополамъ. Самъ концертъ сыгралъ на хроматической валторнѣ варіаціи на старинную чувствительную пѣсню:

Als ich bin verwichen
Zu mein Dirnel g'schlichen.

и затѣмъ «Lob der Thränen» и серенаду Шуберта. Выборъ этихъ, вѣсь несколько не доказываетъ оригинальности вкуса исполнителя, чего слѣдовало бы ожидать отъ артиста. Должно быть что кѣрный взглядъ, узнающій истинно-прекрасное, безъ посторонняго указанія, есть принадлежность только высокнхъ талантовъ. Мендельсонъ первый сталъ исполнять публично сочиненія Баха, и такимъ образомъ воззвалъ ихъ снова къ жизни; Листъ точно тоже сдѣлалъ съ сонатами Бетговена и пѣснями Шуберта. За Листомъ весь свѣтъ принялся за тоже самое и преимущественно за послѣднее. Почти въ каждомъ концертѣ на фортепіано слышимъ какую-нибудь сонату Бетговена; что же касается до пѣсенъ Шуберта, то намъ предлагаютъ ихъ не на одномъ фортепіано, а рѣшительно на всѣхъ возможныхъ инструментахъ; рѣже всего являются онѣ въ своей первобытной формѣ, въ пѣніи. Но зачѣмъ же даете вы намъ только три или четыре сонаты, которыя игралъ Листъ? зачѣмъ только серенаду, «Lob der Thränen» и «Erlkoenig»? Право подумаешь, что въ музыкальномъ репертуарѣ, кромѣ этихъ немногихъ пѣсень, нѣтъ ничего хорошаго. Отиройте глаза, господа артисты, и сыграйте намъ что-нибудь не такъ знакомое — вѣдь и самое прекрасное отъ частаго повторенія теряетъ свою силу. Вы хотите играть Бетговена?

Дѣло! играйте, да только пожалуйте не сонаты *cis-moll*, *as-dur* и *d moll*. Выберите другихъ — ихъ такъ много. Желаете исполнить одну изъ пѣсенъ Шуберта? Сдѣлайте одолженіе, исполняйте, только пожалуйте не одну и ту же — вѣдь ихъ тоже очень много. Впрочемъ, почему непременно вамъ нужны съ одной стороны Бетговенъ и Шубертъ, а съ другой Лучія и Лукреція? Сыграйте намъ чтонибудь поновѣе, докажите, что вы сами въ состояніи находить прекрасное и не ограничивайтесь однимъ подражаніемъ. Такимъ образомъ вы доставите слушателямъ двойное наслажденіе и сами заслужите двойное одобреніе. Притомъ эти варіаціи на тему, которая надѣла намъ уже и на *шарманкахъ!* Право, грѣшно вамъ, господинъ Земанъ, отъ этого кажется можно было бы насъ избавить! Но довольно! прекратимъ эти жалобы, вызванныя въ насъ вообще современнымъ направленіемъ музыки!

Кромѣ господина Земана, который давно извѣстенъ какъ отличный виртуозъ, слышали мы въ этомъ концертѣ господина Штаге, молодого піаниста, который очень хорошо исполнилъ фантазію изъ «Фенеллы», сочиненіе К. Мейера, хотя и не вполне съ надлежащею увѣренностію и силою. Затѣмъ младшій Албрехтъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ скрипачей, сыгралъ съ большимъ вкусомъ и отчетливостію концертъ Баццини; господинъ Шлоссеръ исполнилъ на кларнетѣ скрипичный капризъ Віѣтана, гдѣ выказалъ необыкновенную бѣглость игры, преимущественно въ удивительномъ *staccato*; и, наконецъ, госпожа Брюнингъ пропѣла, съ аккомпаниментомъ виолончеля, пѣсню, доставившую ей шумные аплодисменты и вызовъ.

Въ этотъ день, вечеромъ, сестры Вѣра и Наталья Погожевы давали концертъ въ Михайловскомъ Театрѣ. Этѣхъ дѣвицъ уже нельзя назвать дѣтьми; тотъ кому болѣе десяти лѣтъ отъ роду, уже не *enfant prodige*. Дѣвицы Погожевы прибыли къ намъ, окончивъ въ лейпцигской консерваторіи свое музыкальное образованіе, начатое въ Петербургѣ, и, слѣдовательно, должны считаться не любительницами, а артистками, разумѣется, артистками начинающими. По моему мнѣнію, въ консерваторіи гораздо труднѣе сдѣлать чтонибудь для игры на фортепiano, нежели для теоріи искусства, пѣнія, для игры на скрипкѣ или на другихъ инструментахъ; однимъ словомъ, для предметовъ, допускающихъ общее преподаваніе. Начинающему піанисту нуженъ отдѣльный внимательный надзоръ, чего онъ никогда не можетъ имѣть въ консерваторіи. Оттого ни одна консерваторія въ свѣтѣ не найдетъ

между замѣчательными пианистами, бывшихъ своихъ воспитанниковъ; всѣ знаменитости этого рода вышли изъ рукъ основательныхъ учителей, внимательно слѣдившихъ за особенностями талантовъ своихъ учениковъ и разумно доведшихъ послѣднихъ до той степени совершенства, на которой дальнѣйшее развитіе уже вполне можетъ быть предоставлено собственному труду. Впрочемъ, пребываніе въ Лейпцигѣ во всякомъ случаѣ весьма полезно артистамъ; притомъ мы увѣрены, что наши молодые пианистки пользовались уроками Мошлеса и не въ одной консерваторіи. Дѣвчцы Погожевы возвратились въ Петербургъ, если и не совершенными артистками, зато замѣчательными талантами, обладающими техническимъ совершенствомъ, которое даетъ имъ полное право надѣяться на благосклонный пріемъ отечественнаго города.

Игра старшей, Вѣры, обличаетъ въ артисткѣ наклонность къ блистательному бравурному исполненію, которое, впрочемъ, иногда еще довольно грубовато. Въ игрѣ младшей, Натальи, болѣе нѣжности и красоты, но зато нѣтъ достаточно силы для полного обозначенія мелодій, что особенно замѣтно было въ исполненіи «Форели», Листа. Особенно заслуживаетъ похвалы то обстоятельство, что артистки не ограничились одною современною музыкою (между пьесами которой было и сочиненіе Вѣры), а исполнили, каждая, по одному классическому произведенію. Здѣсь видно благотворное вліяніе лейпцигской консерваторіи. Старшая съиграла первую часть концерта Бетговена, C. moll, въ которую Мошлесъ вставлялъ прекрасную и весьма трудную каденцу, младшая — извѣстный капризъ (H. moll) Мендельсона. Обѣ пьесы исполнены очень удовлетворительно, за неключеніемъ нѣкоторыхъ неровностей, въ которыхъ виноваты были, впрочемъ, оркестръ, и получили громкое и вполне заслуженное одобреніе. Пусть молодые пианистки продолжаютъ у насъ трудиться и идти впередъ; въ хорошихъ руководителяхъ для нихъ не будетъ недостатка. Такимъ образомъ они могутъ быть современемъ прасою отечественнаго искусства, которое имѣетъ уже довольно замѣчательныхъ композиторовъ и пѣвцовъ, но пока еще ни одного первокласснаго виртуоза.

Къ сожалѣнію намъ не удалось быть въ концертѣ госпожи Береръ. Мы слышали, что онъ удался вполне и что, вслѣдствіе того, знаменитая артистка, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, намѣрена дать еще концертъ.

Я не могу произносить своего сужденія о большомъ кон-

перті, даваемъ Симфоническимъ Обществомъ въ пользу Бѣдныя, потому что я самъ директировалъ имъ. Читатели найдутъ отчетливый разборъ исполненія мессы Бетговема въ прекрасной, весьма интересной статьѣ господина Промбергера, помѣщенной въ 40 № Нѣмецкихъ Петербургскихъ Вѣдомостей.

Въ концертѣ, даваемъ Филармоническимъ Обществомъ, 24 февраля, въ залѣ Дворянскаго Собранія, мы вполнѣ наслаждались; здѣсь исполненъ былъ Реквіемъ, одно изъ лучшихъ произведеній Моцарта и даже, можно сказать, вообще церковной музыки. Что за музыка! по истинѣ только шоловану отрѣшившаяся отъ жизни душа, только истинный гений, прозирающій черезъ врата смерти въ безконечность, могъ создать эти звуки, звуки полные страха смерти и небеснаго предчувствія, боязни и вѣры, звуки влекушіе насъ съ земли изъ вратамъ безконечности, недоступнымъ всему живущему. О, Моцартъ! великій, безсмертный, Моцартъ! тебѣ суждено было оставить потомкамъ отблескъ того, что ты прозрѣвалъ въ будущей жизни, излить въ послѣднемъ прощаніи съ искусствомъ, такъ рано поминутымъ тобою, всю свою мелодію и знаніе, чувство и вкусъ, и такимъ образомъ, соединеніемъ всѣхъ этихъ качествъ, положить на Реквіемъ печать безсмертія. Рафаэль въ послѣдней своей картинѣ тоже предчувствовалъ жизнь за гробомъ. Ученикъ его, Гвидо Рени, докончилъ картину послѣ смерти своего учителя. Послѣ смерти Моцарта, ученикъ его, Зюсмайеръ, докончилъ Реквіемъ. Но во сколько кратъ музыкантъ счастливѣе живописца! Вездѣ, гдѣ только есть инструменты и голоса для пѣнія, произведеніе его присутствуетъ въ оригиналѣ, тогда какъ картина не идетъ за предѣлы своей тѣсной рамки. Странно, рѣшительно непонятно, почему именно это лучшее изъ произведеній Моцарта долгое время выдаваемо было цѣлою толпою мелочныхъ педантовъ за подложное? Утверждали, что все лучшее здѣсь написано Зюсмайеромъ, воспользовавшимся юношескими тетрадками и черновыми отрывками Моцарта. Тотъ, кто даже въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ никогда не возвышался надъ посредственностію, могъ создать такое гениальное произведеніе! Много было споровъ объ этомъ, но наконецъ здравый разумъ взялъ верхъ, и теперь уже никто болѣе не сомнѣвается въ томъ, кто пропѣлъ эту ипсисъ безсмертія. Входить ли намъ въ разборъ подробностей этого произведенія! Желающій да отважится на это! по моему мнѣнію, для того, кто не слышалъ самого исполненія, описаніе насколько не поможетъ; тотъ же, кто былъ въ концертѣ, не нуж-

дается ни въ какихъ описанiяхъ; онъ навѣрно былъ тронуть глубоко и долго сохранивъ въ себѣ впечатлѣнiе.

И такъ еще нѣсколько словъ объ исполненiи. Хоры исполнены были весьма чисто, отчетливо и мужскими голосами съ большой энергiей. Что же касается до мальчиковъ, то голоса ихъ никогда не могутъ имѣть столько силы, чтобы проникнуть сквозь аккомпаниментъ оркестра. Тамъ же, гдѣ послѣднiй молчалъ или подчинялся голосамъ, эффектъ былъ превосходный. Напримѣръ, въ жизнь свою я не слышалъ ничего прекраснѣе этихъ мужскихъ сопрано и альтовъ въ мѣстѣ «Voca me cum benedictis» въ «Confutatis». Никогда женскiе голоса не произведутъ подобнаго эффекта. Изъ солистовъ пальма первенства, безспорно, принадлежитъ госпожѣ Коннигъ. Она пѣла партiю сопрано, своимъ чистымъ прiятнымъ голосомъ, такъ просто, такъ правльно, съ такимъ кроткимъ чувствомъ, вполне соответствующимъ характеру музыки, что слушать ее было — истинное наслажденiе.

Увольте меня отъ разбора осьмой симфонiи Бетгоvena: я не могъ ее слушать спокойно.

В. ДАНКЕ.

НОВЫЯ РУССКIЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. Ш. Пезаткина,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

(Цѣны на серебро.)

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта Анною Зонтагъ. Двѣ части. Спб., 1849 года. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

АПОСТОЛЫ. Выпускъ первый, содержащiй въ себѣ очерки жизни и ученiя Святыхъ Апостоловъ Петра, Андрея и Іакова, брата Іоанна Богослова. Соч. Федора Яковлева. Москва, 1849 года. Цѣна 1 руб. 75 коп., вѣс. за два фунта.

22

MAR 31 1949

